

16+

ISSN 2311-0066

Балтийский гуманитарный журнал



2020
Том 9
№ 1(30)

СОДЕРЖАНИЕ*педагогические науки*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ НАД ИЗЛОЖЕНИЕМ ПО ВОПРОСАМ И ПО ПЛАНУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ Айвазян Оксана Оганесовна.....	13
К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ПОСТРОЕНИЯ ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ Андренко Оксана Александровна, Безенкова Татьяна Александровна, Слепухина Галина Владимировна.....	17
ВЫСОТА УРОВНЯ ВЗГЛЯДА ХУДОЖНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ВЫСОТЫ ПРЕДМЕТОВ И ЛЮДЕЙ НА КАРТИНЕ Анчуков Сергей Васильевич.....	22
ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТУПЕНИ ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ Батырова Маргарита Даурбековна.....	26
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮРИСТА КАК ПУТЬ К ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ Викулина Ольга Владимировна.....	29
К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ Грязнова Елена Владимировна, Мальцева Светлана Михайловна, Булганина Анастасия Евгеньевна, Комарова Анна Николаевна.....	34
ДИАЛОГ КАК ФОРМА РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Девдариани Наталья Валерьевна.....	37
ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: УРОВНИ I (B1), II (B2), III (C1) Девдариани Наталья Валерьевна.....	40
ПРИМЕНЕНИЕ ИГР В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ Дмитриева Дарья Дмитриевна.....	43
ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ Дмитриева Дарья Дмитриевна.....	47
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ Жебряткина Ирина Яковлевна, Максимова Инна Радиславовна.....	50
МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНАЯ СФЕРА СТУДЕНТОВ В ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ И СПОРТИВНО-МАССОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Зайцева Любовь Васильевна.....	53
ПРОБЛЕМЫ ВУЗА В ЭРУ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ РЕШЕНИЕ Зинина Ольга Вячеславна, Оленцова Юлия Анатольевна.....	57
ФОРМИРОВАНИЕ САМООЦЕНКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ Ибатова Айгуль Зуфаровна.....	60
СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ АКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗОВ Илященко Любовь Кирьяловна.....	63
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ Итинсон Кристина Сергеевна.....	67
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СПОРТИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛЕЙБОЛА) Кабышева Марина Ивановна, Удовиченко Елена Валентиновна.....	71
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СТРУКТУРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ Литвинова Екатерина Сергеевна, Осиневич Софья Евгеньевна.....	75
ПАМЯТЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В УСПЕШНОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ Муллер Ольга Юрьевна.....	78
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ Петрова Наталья Эдуардовна.....	81
РАБОТА С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ Петрова Наталья Эдуардовна.....	84
СУБЪЕКТНОСТЬ ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛУЧШИХ ПРАКТИК РЕАЛИЗАЦИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ Пилогина Светлана Анатольевна.....	87

ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК РЕСУРС ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ Писаренко Данила Андреевич.....	95
ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ НАСТАВНИЧЕСТВА В ЦЕНТРЕ ПОМОЩИ ДЕТЯМ Рослякова Светлана Васильевна, Зайдуллина Эльвира Рауфовна, Шибинская Елена Валерьевна.....	100
МОДЕЛИРОВАНИЕ СИМВОЛЬНО-ЗНАКОВОГО ПОЛЯ ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ Сергиевская Ирина Леонидовна, Анисимова Ирина Владимировна.....	105
ПОЛЯРНОСТЬ ЧЕРТЫ - МИНИМАЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА ВОСТОЧНОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАКА, КАК ЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ Стрельников Игорь Анатольевич, Блинов Леонид Викторович.....	109
ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «BIOPAS STUDENT LAB» ПРИ ОЦЕНКЕ ПРАКТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ И ВЛАДЕНИЙ У СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ Соколова Надежда Игоревна, Петрова Елена Владимировна, Ткаченко Павел Владимирович.....	114
ЭЛЕКТРОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ Татаринев Константин Анатольевич.....	117
ВЛИЯНИЕ МОДАЛЬНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НА ВЫБОР МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА Темяникова Элеонора Борисовна, Валяева Елена Федоровна.....	121
РЕЗУЛЬТАТЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ОРГАНИЗАЦИЕЙ И СОДЕРЖАНИЕМ ДИСЦИПЛИНЫ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ Харченко Анастасия Викторовна, Разумова Марина Сергеевна, Литвинова Екатерина Сергеевна.....	126
ВЫПОЛНЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ Игинсон Кристина Сергеевна, Чиркова Вера Михайловна.....	129
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОДНО ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ Шкиль Ольга Сергеевна, Гаврилук Евгения Андреевна.....	133
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРОСОДИКО-ИНТОНАЦИОННЫХ ОШИБОК ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ С ДИЗАРТРИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ Щербак Светлана Геннадьевна.....	137
ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ Акай Оксана Михайловна, Щербакова Ирина Владимировна, Царевская Ирина Валентиновна.....	141
<i>филологические науки - языкознание</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРЕССЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА Агаева Гонча Эльяр.....	145
КОНЦЕПТ И ЕГО СТРУКТУРА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ОБРАЗОВАНИЕ») Агаева Севиндж Таир.....	149
ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА) Агапова Ольга Владиславовна.....	152
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КУРСКОГО РЕГИОНА (ЯЗЫКОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ) Арзамасцева Наталья Юрьевна, Чиркова Вера Михайловна.....	156
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ Арсалиева Элиза Хизировна.....	159
К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Бастун Елена Васильевна.....	163
О ГЕНДЕРНОМ СВОЕОБРАЗИИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «УДИВЛЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ МУЖСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Дзюбенко Анна Игоревна, Белик Наталья Александровна.....	167
ОСОБЕННОСТИ ЭКФРАСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ЖИВОПИСНОГО ПОЛОТНА У ТЕРНЕРА «SNOW STORM: HANNIBAL AND HIS ARMY CROSSING THE ALPS» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МОНОГРАФИЙ) Бельмесова Мария Олеговна, Турецкова Ирина Валерьевна.....	171
МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПАРОНИМИЯ И ОМОНИМИЯ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Н. ХОРНБИ «ABOUT A BOY») Павлова Анна Владимировна, Быковская Ангелина Андреевна.....	176

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Вьюнова Екатерина Кирилловна, Куралева Татьяна Владимировна, Павленко Елена Александровна.....	179
ФОЛЬКЛОРНОСТЬ ПОЭМЫ А. ФАТАХОВА «ШАЛОВЛИВЫЕ ДЕТИ» Гашарова Аида Руслановна.....	185
ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА И ХАРАКТЕРА В РОМАНЕ ГУСЕЙНА АББАСЗАДЕ «ГЕНЕРАЛ» Гейдарова Айгюн Эйюб.....	190
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА ФАУЛЗА Герайзаде Мелахат Агабаба кызы.....	195
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ Горбунова Татьяна Алексеевна, Аветисян Нелли Бабкеновна.....	200
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ) Грибова Наталья Сергеевна, Чаплыгина Ольга Владимировна.....	204
ОБЩИЙ ОБЗОР ОБРАЗОВАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Грубин Илья Валентинович, Дмитриева Елизавета Игоревна.....	207
МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНЫХ МЕТОДОВ Гудкова Светлана Анатольевна, Яницкий Александр Игоревич.....	211
СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КАТЕГОРИЕЙ ВИДА И КАТЕГОРИЕЙ ВРЕМЕНИ Гусейнова Рена Гусейнага кызы.....	216
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ПРЕССЫ РОССИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ Девдариани Наталья Валерьевна, Рубцова Елена Викторовна.....	219
О ФЕНОМЕНЕ БИЛИНГВИЗМА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ Дзюбенко Анна Игоревна, Богатырева Мессалина Александровна.....	223
КОНЦЕПТ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ «ОБЛОМОВЩИНА» И ЕГО СТРУКТУРА Загвозкина Оксана Викторовна.....	227
ОБРАЗНЫЙ АСПЕКТ ОЦЕНОЧНОСТИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ОТКЛИК» Землянская Елена Николаевна, Королева Наталья Михайловна.....	232
ОБРАЗНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ Зубайраева Марина Увайсовна.....	236
СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТНОГО АКТА «ИЗВИНЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ Ильина Светлана Сергеевна, Винокурова Татьяна Владимировна, Бекишева Юлия Валерьевна.....	239
КОЛОРНИМЫ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Костромина Татьяна Аркадьевна, Новикова Ольга Михайловна.....	245
НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В НИЖНЕКОЛЫМСКИХ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ ЯКУТИИ Кочмар Олеся Николаевна, Егорова Туйара Николаевна.....	248
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ЯЗЫКОВОГО ЭКВИВАЛЕНТА Куралева Татьяна Владимировна, Павленко Елена Александровна, Вьюнова Екатерина Кирилловна.....	252
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ «СОВЕСТЬ/CONSCIENCE» Маркевич Юлия Васильевна.....	255
КОНВЕРСИЯ КАК ИСТОЧНИК НЕОЛОГИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СЛОГАНАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ) Матюшенко Мария Сергеевна.....	259
МЕТАФОРЫ В АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Новикова Ольга Михайловна.....	263
ГЕШТАЛТ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ КОНЦЕПТОВ Новрузова Саадат Велиюлла кызы.....	266
СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ РЕЧИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ) Онищенко Юлия Викторовна.....	270

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО «ПИЛИЧКА!») Павлова Анна Владимировна, Обогтина Василиса Алексеевна.....	275
ГЕНДЕРНО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ МЕТАФОРА В ФЕМИНИННОМ ДИСКУРСЕ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ США И РОССИИ Пак Леонид Евгеньевич.....	279
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ КОНЦЕПТОВ «РАБОТАТЬ», «ТРУДИТЬСЯ», «ОТДЫХАТЬ» Ковыньёва Ирина Анатольевна, Петрова Наталья Эдуардовна.....	282
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ВРЕМЯ В КАРТИНЕ МИРА В. ВУЛФ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ») Пиксендеева Виктория Геннадьевна.....	285
ПУБЛИЦИСТИКА КАК ОСНОВА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО Рубцова Елена Викторовна.....	289
ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛОЙ ПРОЗЫ «МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ», «ПРИГОВОР», «СТОЛЕТНЯЯ», «КРОТКАЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО Рубцова Елена Викторовна.....	293
СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ И ОПИСАНИЯ МИРА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ Самчик Наталья Николаевна.....	297
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФАРМАКОНИМОВ Ситдикова Анастасия Владимировна.....	301
АНТРОПОНИМЫ КАК ОБРАЗЫ СРАВНЕНИЯ ТРОПОВ С КОМПОНЕНТОМ КЛЁН» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 20-50-Х ГГ. XX В Соколова Марина Геннадьевна.....	304
ПОВТОР ПРЕДЛОГОВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК ИЗ СБОРНИКА А. Н. АФАНАСЬЕВА) Сюй Цзинтин.....	308
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ Трубкина Анна Ивановна.....	312
ОБ ИСТОРИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Улитова Анастасия Сергеевна.....	315
К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПОЗИЦИИ ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Христианова Наталья Валерьевна, Ким Анастасия Алексеевна.....	319
ПУТИ И СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМАХ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ Цыбенко Эльзара Олеговна, Вартанова Наталья Геннадьевна.....	323
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИТОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФАРМАЦИЯ») Чаплыгина Ольга Владимировна, Грибова Наталья Сергеевна, Довгер Оксана Павловна, Лопата Карина Михайловна.....	326
РЕЧЕВОЙ АКТ ПОЖЕЛАНИЯ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РУССКИХ ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ Чжан Хао.....	329
ТРАНСФОРМАТИВНАЯ ПРАГМАТИКА РИТМОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК Шелестюк Елена Владимировна, Шкарин Дмитрий Леонидович.....	332
ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) Щербакова Ирина Владимировна, Волченков Евгений Александрович.....	338
ПРОБЛЕМА ИНВЕРСИИ И АКТУАЛЬНОГО (СЕМАНТИЧЕСКОГО) ЧЛЕНЕНИЯ Эйюбова Айгюль Ильхам.....	341
К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Ягенич Лариса Викторовна.....	345
ПРОПОВЕДЬ КАК ЖАНР РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДЕЙ Ж. КАЛЬВИНА) Ясиновская Екатерина Георгиевна.....	349
СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СРЕДНЕВЕРХНЕ-НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ Яценко Наталья Валерьевна.....	353

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ И ОРИЕНТИРЫ Баранов Павел Петрович, Мамычев Алексей Юрьевич.....	357
ПРАВО ОТКАЗА РОДИТЕЛЕЙ ОТ ДИАГНОСТИКИ ИЛИ ЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ Гаджимагомедова Шумайсат Солеймановна, Дадашева Алина Абакаровна, Насурова Ирина Эвсетовна.....	362
ОБ ИДЕЕ, ПОНЯТИИ И КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВАХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ Жадан Владимир Николаевич.....	365
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ САМОЗАНЯТОГО ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ПСИХОЛОГА Никонова Наталия Петровна.....	343
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ Платонова Наталья Игоревна.....	375
ПРАВОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА Степанова Дарья Николаевна.....	378
ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ТАЙНЫ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН Судакова Ольга Васильевна.....	381
ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ Филиппова Елена Олеговна.....	385
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОБОТОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Шайдуллина Венера Камилевна.....	390
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: ОПЫТ БРИКС Шайдуллина Венера Камилевна.....	393
СУВЕРЕНИТЕТ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ Шестопад Сергей Станиславович, Мамычев Алексей Юрьевич.....	398
Условия размещения материалов.....	404

CONTENT
pedagogical sciences

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF WRITTEN RUSSIAN SPEECH IN THE PROCESS OF WORKING ON A PRESENTATION ON ISSUES AND ON A PLAN AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING Ayvazyan Oksana Oganessovna.....	13
TO THE PROBLEM OF VALUE BASES OF CONSTRUCTION OF PROCESS OF EDUCATION IN A FAMILY Andrienko Oksana Aleksandrovna, Bezenkova Tatyana Alexandrovna, Slepukhina Galina Vladimirovna.....	17
THE HEIGHT OF THE LEVEL OF THE ARTIST'S VIEW AS A TOOL FOR DETERMINING THE PERSPECTIVE HEIGHT OF OBJECTS AND PEOPLE IN THE PICTURE Anchukov Sergey Vasilyevich.....	22
EXTRA CLASS WORK AS A MEANS OF ECOLOGICAL EDUCATION AT THE FINAL LEVEL OF TEACHING IN ELEMENTARY SCHOOL Batrova Margarita Daurbekovna.....	26
CONTINUING EDUCATION OF A LAWYER AS A WAY TO PROFESSIONALISM Vikulina Olga Vladimirovna.....	29
ON THE QUESTION OF RELIGIOSITY OF MODERN STUDENTS Gryaznova Elena Vladimirovna, Maltceva Svetlana Michailovna, Bulganina Anastasia Evgenievna, Komarova Anna Nikolaevna.....	34
DIALOGUE AS A FORM OF SPEECH INTERACTION Devdariani Natalia Valerievna.....	37
STUDY OF PARTICIPLES IN THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN: LEVELS I (B1), II (B2), III (C1) Devdariani Natalia Valerievna.....	40
APPLICATION OF GAMES IN THE PROCESS OF PROFESSIONALLY-ORIENTED TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN IN THE MEDICAL UNIVERSITY Dmitrieva Darya Dmitrievna.....	43
STUDYING OF WORD FORMATION ON LESSONS OF RUSSIAN AS FOREIGN Dmitrieva Darya Dmitrievna.....	47
THE ENGLISH LANGUAGE: LEARNING THROUGH COMPUTER GAMES Zhebratkina Irina Yakovlevna, Maksimova Inna Radislavovna.....	50
MOTIVATIONAL AND PERSONAL SPHERE OF STUDENTS IN FITNESS AND HEALTH RECREATION, SPORTING AND MASS PARTICIPATION EVENTS Zaytseva Lyubov Vasilevna.....	53
UNIVERSITY'S PROBLEMS IN THE ERA OF DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES AND THEIR SOLUTION Zinina Olga Viacheslavna, Olentsova Julia Anatolievna.....	57
FORMATION OF SELF-ASSESSMENT OF TRAINERS IN THE PROCESS OF TEACHING WRITTEN SPEECH IN A FOREIGN LANGUAGE Ibatova Aygul Zufarovna.....	60
SOCIAL AND EDUCATIONAL PROJECTS AS A METHOD FOR FORMING AN ACTIVE CIVIL POSITION AT TRAINING UNIVERSITIES Ilyashenko Lyubov Kiryalovna.....	63
PERSPECTIVES AND OPPORTUNITIES FOR INNOVATIVE INTERACTIVE TECHNOLOGIES: AUGMENTED REALITY IN UNDERGRADUATE EDUCATIONS Itinson Kristina Sergeevna.....	67
AXIOLOGICAL ASPECT OF SPORTIZATION OF PHYSICAL EDUCATION AT THE UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF VOLLEYBALL) Kabysheva Marina Ivanovna, Udovichenko Elena Valentinovna.....	71
SOME ASPECTS OF AN INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE IN THE STRUCTURE OF HIGHER SCHOOL Litvinova Ekaterina Sergeevna, Osinevich Sofya Evgenyevna.....	75
MEMORY AND ITS IMPORTANCE TO EFFECTIVE STUDENTS' EDUCATION Muller Olga Yurevna.....	78
FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE AT PRACTICAL LESSONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN Petrova Natalia Eduardovna.....	81
WORK WITH LINGUOCULTURAL MATERIAL AT PRACTICAL LESSONS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE Petrova Natalia Eduardovna.....	84
SUBJECT OF A TEACHER IN THE CONTEXT OF RESEARCH OF THE BEST PRACTICES OF IMPLEMENTATION OF DIFFERENT ADDITIONAL GENERAL EDUC Pilyugina Svetlana Anatolyevna.....	87

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF STUDENTS AS EDUCATIONAL RESOURCE AT UNIVERSITY Pisarenko Danila Andreevich.....	95
ORGANIZATION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF MENTALING TECHNOLOGY AT THE CHILD HELP CENTER Roslyakova Svetlana Vasilevna, Zaydullina Elvira Raufovna, Shibinskaya Elena Valerievna.....	100
MODELING OF SYMBOLIC TEXT FIELD WHEN LEARNING TO LISTEN TO A FOREIGN LANGUAGE Sergievskaya Irina Leonidovna, Anisimova Irina Vladimirovna.....	105
POLARITY OF THE STROKE - THE MINIMUM ELEMENT OF THE EASTERN IDEOGRAPHIC SIGN, AS AN ENERGY-INFORMATIONAL MATRIX Strelnikov Igor Anatolievich, Blinov Leonid Viktorovich.....	109
FEATURES OF THE APPLICATION OF “BIOPAC STUDENT LAB” IN THE EVALUATION OF PRACTICAL SKILLS AND OWNERSHIP AT STUDENTS OF THE FACULTY OF CLINICAL PSYCHOLOGY Sokolova Nadezhda Igorevna, Petrova Elena Vladimirovna, Tkachenko Pavel Vladimirovich.....	114
EDUCATION AS A TEACHING TECHNOLOGY Tatarinov Konstantin Anatolyevich.....	117
INFLUENCE OF MODALITY PREFERENCE ON LISTENING TEACHING METHODS IN ADVANCED FOREIGN LANGUAGE LEARNING Temyanikova Eleonora Borisovna, Valyaeva Elena Fedorovna.....	121
RESULTS OF SATISFACTION OF STUDENTS OF THE PEDIATRIC FACULTY BY ORGANIZATION AND CONTENT OF DISCIPLINE OF PATHOLOGICAL ANATOMY Charchenko Anastasia Viktorovna, Razumova Marina Sergeevna, Litvinova Ekaterina Sergeevna.....	126
PERFORMANCE OF INDEPENDENT WORK BY FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN LANGUAGE AS A KEY FACTOR IN DEVELOPMENT OF COMMUNICATION AND SPEECH COMPETENCE Itinson Kristina Sergeevna, Chirkova Vera Michailovna.....	129
SOCIAL PARTNERSHIP AS ONE OF THE PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR PROFESSIONAL TRAINING Shkil Olga Sergeevna, Gavriluk Evgeniya Andreevna.....	133
PREVENTION OF PROSODIC-INTONATIONAL READING ERRORS IN CHILDREN WITH DYSARTHIC DISORDERS Shcherbak Svetlana Gennadevna.....	137
INTERNET TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING Akay Oksana Mikhailovna, Shcherbakova Irina Vladimirovna, Tsarevskaya Irina Valentinovna.....	141
<i>philological sciences - linguistics</i>	
FORMATION OF THE DEMOCRATIC BASIS OF PRESS IN AZERBAIJAN AS A REGULAR PROCESS OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY Agaeva Goncha Elyar.....	145
CONCEPT AND ITS STRUCTURE (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT “EDUCATION”) Agaeva Sevinj Tair.....	149
AESTHETIC SYNESTHESIA AS AN ELEMENT OF SPECIAL SUBLANGUAGE OF ARTS (BASED ON LEXICAL UNITS OF FRENCH) Agapova Olga Vladislavovna.....	152
PRIORITY DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF KURSK REGION (LANGUAGE RESEARCH ON THE MATERIAL OF CREOLIZED TEXTS) Arzamastseva Natalia Yurevna, Chirkova Vera Michailovna.....	156
REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “HAPPINESS” IN ENGLISH PAREMIES Arsalievna Eliza Khizirovna.....	159
ROLE OF PRESUPPOSITIONS IN POLITICAL DISCOURSE Bastun Elena Vasilevna.....	163
ON GENDER PECULIARITIES OF CONCEPT “SURPRISE” OBJECTIVIZATION IN MODERN ENGLISH MALE FICTIONAL DISCOURSE Dzyubenko Anna Igorevna, Belik Natalya Aleksandrovna.....	167
PECULIARITIES OF VERBAL DESCRIPTIONS OF THE PAINTING “SNOW STORM: HANNIBAL AND HIS ARMY CROSSING THE ALPS” BY J.M.W. TURNER (THE RESEARCH IS BASED ON THE RESULTS OF TEXTUAL ANALYSIS OF MONOGRAPHS) Belmesova Maria Olegovna, Turetskova Irina Valeryevna.....	171
INTERLINGUAL HOMONYMY AND PARONYMY: DIFFICULTIES OF TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF N. HORNBY’S NOVEL «ABOUT A BOY») Pavlova Anna Vladimirovna, Bykovskaya Angelina Andreevna.....	176

HORTATIVE UTTERANCES IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE Vyunova Ekaterina Kirillovna, Kuraleva Tatiana Vladimirovna, Pavlenko Elena Alexandrovna.....	179
FOLKLORE OF A. FATAHOV'S POEM «NAUGHTY CHILDREN» Gasharova Aida Ruslanovna.....	185
PROBLEM OF ARTISM AND CHARACTER IN THE NOVEL OF HUSEYN ABBASZADE "GENERAL" Heydarova Aygun Eyyub.....	190
BASIC PRINCIPLES OF FRENCH PHILOSOPHY IN THE JOHN FOWLES'S WORKS Gerayzadeh Melahat Agababa.....	195
ETYMOLOGICAL FEATURES OF TOPONYMS IN FRENCH AND GERMAN Gorbunova Tatiana Alekseyevna, Avetisyan Nelly Babkenova.....	200
PROBLEMS OF TRANSLATION OF PROFESSIONAL VOCABULARY (ON THE EXAMPLE OF SPECIAL TERMS IN THE FIELD OF MEDICINE) Gribova Natalya Sergeevna, Chaplygina Olga Vladimirovna.....	204
AN OVERVIEW OF THE FORMATION AND CLASSIFICATION OF RAILWAY AND LOGISTICS TERMS IN THE ENGLISH LANGUAGE Grubin Ilya Valentinovich, Dmitrieva Elizaveta Igorevna.....	207
METHODOLOGY OF LINGUISTIC RESEARCH: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF HYBRID METHODS Gudkova Svetlana Anatolievna, Ianitckii Alexander Igorevitsch.....	211
THE CORRELATION BETWEEN ASPECT AND TENSE CATEGORY Huseynova Rana Huseynaga.....	216
HISTORICAL STAGES OF DEVELOPMENT OF REGIONAL AND LOCAL PRESS OF RUSSIA AND ITS MODERN FEATURES Devdariani Natalia Valerievna, Rubtsova Elena Viktorovna.....	219
ON THE PHENOMENON OF BILINGUALISM: FROM SOCIOLINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE Dzyubenko Anna Igorevna, Bogatyreva Messalina Aleksandrovna.....	223
THE CONCEPT OF THE RUSSIAN NATIONAL CULTURE "OBLOMOVISM" AND ITS STRUCTURE Zagvozkina Oksana Viktorovna.....	227
THE FIGURATIVE ASPECT OF EVALUATIVITY IN THE SPEECH GENRE "READER RESPONSE" Zemlyanskaya Elena Nikolaevna, Koroleva Natalya Mikhailovna.....	232
FIGURATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE NOVELS OF ENGLISH AND AMERICAN WRITERS Zubayraeva Marina Uvaysovna.....	236
THE WAY OF EXPRESSING SPEECH ETIQUETTE ACT OF "APOLOGY" IN MODERN ENGLISH COMPARED TO THE RUSSIAN LANGUAGE Il'ina Svetlana Sergeevna, Vinokurova Tatiana Vladimirovna, Bekisheva Yulia Valer'evna.....	239
COLORONYMS IN MEDICAL TERMINOLOGY Kostromina Tatyana Arkadyevna, Novikova Olga Mikhailovna.....	245
NOMINATIONS OF ANIMALS IN NIZHNEKOLYMSK RUSSIAN OLD-TIME DIALECTS OF YAKUTIA Kochmar Olesya Nikolaevna, Egorova Tuyara Nikolaevna.....	248
TRANSLATION STRATEGIES IN THE ABSENCE OF THE LINGUISTIC EQUIVALENT Kuraleva Tatiana Vladimirovna, Pavlenko Elena Alexandrovna, Vyunova Ekaterina Kirillovna.....	252
COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FRENCH PROVERBS CONTAINING "CONSCIENCE" Markevich Yuliya Vasilyevna.....	255
CONVERSION AS A SOURCE OF NEOLOGISMS IN FRENCH SLOGANS (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH PRESS) Matyushenko Maria Sergeevna.....	259
METAPHORS IN ANATOMICAL TERMINOLOGY Novikova Olga Mikhailovna.....	263
GESTALT AS ONE OF THE TYPES OF CONCEPTS Novruzova Saadat Veliulla.....	266
STYLISTICS OF CONTEMPORARY ACCEPTANCE SPEECH (ON THE MATERIAL OF BRITISH PRONUNCIATION) Onishchenko Yuliya Viktorovna.....	270
PECULIARITIES OF TRANSLATION OF RUSSIAN POETRY INTO ENGLISH (BASED ON THE POEM «LILICHKA!» BY V. V. MAYAKOVSKY) Pavlova Anna Vladimirovna, Obotnina Vasilisa Alekseevna.....	275

DISCOURSE PERSONALITY CONCEPT OF SPORT COMMENTATOR OF USA AND RUSSIA Pak Leonid Evgenyevich.....	279
PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC UNDERSTANDING OF THE CONCEPTS “WORK”, “LABOR”, “RELAX” Kovyneva Irina Anatolyevna, Petrova Natalia Eduardovna.....	282
TIME CONCEPT IN THE V. VOLF’S WORLD PICTURE (BASED ON V. WOOLF “MRS. DALLOWAY”) Piksendeeva Viktoria Gennadievna.....	285
PUBLICISM AS THE BASIS OF THE “DIARY OF A WRITER” OF F.M. DOSTOEVSKY Rubtsova Elena Viktorovna.....	289
ELEMENTS OF ARTISTIC STYLE IN WORKS OF SMALL PROSE “BOY AT CHRIST ON THE FIR-TREE”, “SENTENCE”, “CENTURAL”, “SHORT” F.M. DOSTOEVSKY Rubtsova Elena Viktorovna.....	293
COMPARISON AS A MEANS OF WORLD PERCEPTION AND DESCRIPTION IN RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN FOLK SONGS Samchik Natalya Nikolaevna.....	297
MORPHOLOGICAL DERIVATION OF PHARMACONYM Sitdikova Anastasia Vladimirovna.....	301
ANTHROPONYMS AS TENORS OF TROPES WITH THE COMPONENT «MAPLE» IN RUSSIAN POETRY OF 20-50-IES OF XX CENTURY Sokolova Marina Gennadyevna.....	304
REPEAT OF OFFERS AS A STYLISTIC RECEPTION (ON THE EXAMPLE OF FAIRY TALES FROM THE COLLECTION OF A. N. AFANASIEV) Xu Jingting.....	308
COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF EMOTIONALITY IN A LITERARY TEXT Trubkina Anna Ivanovna.....	312
ABOUT TERM’S HISTORY IN RUSSIAN LANGUAGE Ulitova Anastasiya Sergeevna.....	315
REFERRING TO THE PROBLEM OF PERCEPTION OF EMOTIONAL SPEECHES FROM THE PERSPECTIVE OF THE FRAME APPROACH (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE) Khristianova Natalya Valeryevna, Kim Anastasia Alekseevna.....	319
WAYS AND MEANS OF CREATING EXPRESSITY IN ENGLISH AND RUSSIAN-LANGUAGE ADVERTISING AT MORPHOLOGICAL LEVEL Tsybenko Elzara Olegovna, Vartanova Natalia Gennadievna.....	323
FEATURES OF THE TRANSLATION OF PHYTONYMS (FOR EXAMPLE, THE STUDY OF THE DISCIPLINE “FOREIGN LANGUAGE” IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES IN THE SPECIALTY “PHARMACY”) Gribova Natalya Sergeevna, Chaplygina Olga Vladimirovna, Dovger Oksana Pavlovna, Lopata Karina Mikhailovna.....	326
THE SPEECH ACT OF WISH AND ITS PERFORMANCE IN RUSSIAN PERSONAL LETTERS Zhang Hao.....	329
TRANSFORMATIVE PRAGMATICS OF RHYTHMOLOGY PRACTICES Shelestyuk Elena Vladimirovna, Shkarin Dmitry Leonidovich.....	332
GENDER SPECIFICITY OF REPRESENTATION OF POSITIVE EMOTION OF LOVE IN THE LITERARY TEXT (ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES) Shcherbakova Irina Vladimirovna, Volchenkov Yevgeny Alexandrovich.....	338
PROBLEM OF INVERSION AND ACTUAL (SEMANTIC) DIVISION Eyyubova Aygul Ilham.....	341
TO THE PROBLEM ABOUT FORMATION STAGES OF ENGLISH MEDICAL TERMINOLOGY Yagenich Larisa Victorovna.....	345
SERMON AS A GENRE OF RELIGIOUS DISCOURSE (ON THE BASE OF J. CALVIN’S SERMONS) Yasinovskaya Ekaterina Georgievna.....	349
THE NOMINATION WAYS OF THE FEMALE DENOMINATIONS IN THE MIDDLE XI – MIDDLE XIV CENTURIES Yashchenko Natalia Valerievna.....	353
<i>juridical science</i>	
DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW AND POLITICAL RELATIONS: MAIN TRENDS AND GUIDELINES Baranov Pavel Petrovich, Mamychev Alexey Yurievich.....	357

THE RIGHT OF REFUSAL BY PARENTS FROM DIAGNOSTIC OR TREATMENT OF MINOR CHILDREN Gadzhimagomedova Shumaysat Soleimanovna, Dadasheva Alina Abakarovna, Nasurova Irina Evsetovna.....	362
ABOUT THE IDEA, THE CONCEPT AND THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE LEGAL STATE IN RUSSIA Zhadan Vladimir Nikolaevich.....	365
TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF A SELF-EMPLOYED PERSON CARRYING OUT THE PROFESSIONAL SERVICES OF A PSYCHOLOGIST Nikonova Natalia Petrovna.....	373
MODERN TECHNOLOGIES AND POLITICAL PARTIES' FINANCING Platonova Natalya Igorevna.....	375
LEGAL PRIVILEGES OF THE OMBUDSMAN FOR THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION BY THE RIGHTS OF THE CHILD Stepanova Daria Nikolaevna.....	378
PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS AIMED AT ENSURING THE INVIOABILITY AND PRIVACY OF CITIZENS Sudakova Olga Vasilevna.....	381
DEPRIVATION OF LIBERTY AS A FORM OF PUNISHMENT HISTORY OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE Filippova Elena Olegovna.....	385
USE OF ROBOTS IN ELECTRONIC TRADE WHEN CONCLUDING AGREEMENTS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION Shaydullina Venera Kamilevna.....	390
LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC TRADE: THE EXPERIENCE OF BRICS Shaydullina Venera Kamilevna.....	393
SOVEREIGNTY IN THE GLOBAL DIGITAL SPACE: CURRENT TRENDS. Shestopal Sergey Stanislavovich, Mamychev Aleksei Yurievich.....	398
Conditions of accommodation of scientific materials.....	404

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0001

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ НАД ИЗЛОЖЕНИЕМ ПО ВОПРОСАМ И ПО ПЛАНУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

© 2020

AuthorID: 781750

SPIN: 8864-6548

ResearcherID: C-6889-2019

ORCID: 0000-0003-1457-8594

Айвазян Оксана Оганесовна, кандидат педагогических наук, начальник редакционно-издательского отдела, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, доцент кафедры иностранных языков

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (350015, Россия, Краснодар, ул. Буденного, 161, e-mail: O.O.Ayvazyan@mail.ru, avtor-rio-kgufkst@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов развития письменной русской речи в процессе работы над изложением на начальном этапе обучения. Исследуется поэтапная комплексная система работы над изложением, отмечаются различные виды предварительных заданий, направленных на развитие письменной речи обучаемых. В работе представляются некоторые рекомендации преподавателям русского языка при подготовке к проведению изложения на занятии. В статье отмечается то, что изложение как вид письменной речи способствует развитию навыка верного построения простых и сложных предложений, что влияет на освоение умений правильного расположения слов в предложении, отграничения или разделения частей предложения. Также необходимым условием развития письменной русской речи является уяснение обучаемыми важности применения в изложениях знакомых слов, позволяющих не нарушать норм русского языка. Уже в период начального обучения грамоте приобретаются такие знания, умения и навыки в области языка, которые свидетельствуют об ином, более высоком уровне отношения к содержательной и формальной сторонам языка. Путём практических упражнений обучаемые начинают более сознательно относиться к значению слов, словосочетаний, предложений, понимают, что слово – это не предмет или явление, ими обозначаемое, что слово состоит из слогов, звуков и букв, что слова связываются между собой, чтобы выразить мысль и т. д. Все перечисленные способности, приобретаемые во время выполнения различных заданий, совершенно необходимы для дальнейшего совершенствования уровня речевых навыков обучаемого. В процессе работы по развитию письменной русской речи на материале изложений происходит обогащение словарного состава, формируются навыки применения грамматических форм на письме, а также развивается коммуникативная компетентность обучаемых.

Ключевые слова: речь, изложение, пересказ, устная речь, письменная речь, развитие культуры речи, начальный этап обучения.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF WRITTEN RUSSIAN SPEECH IN THE PROCESS OF WORKING ON A PRESENTATION ON ISSUES AND ON A PLAN AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING

© 2020

Ayvazyan Oksana Oganessovna, Candidate of Pedagogy, Head of the Publishing Department, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism

(350015, Russia, Krasnodar, Budennogo street, 161, e-mail: O.O. Ayvazyan@mail.ru, avtor-rio-kgufkst@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the consideration of the development of written Russian speech in the process of working on a presentation at the initial stage of training. The phased complex system of work on the presentation is studied, various types of preliminary tasks aimed at the development of written speech of students are noted. The paper presents some recommendations for teachers of the Russian language in preparation for the presentation in class. The article notes that the presentation as a type of written speech contributes to the development of skills in the correct construction of simple and complex sentences, which affects the development of skills for the correct arrangement of words in a sentence, delimitation or separation of parts of a sentence. Also, a necessary condition for the development of written Russian speech is the understanding by the students of the importance of using familiar words in the statements, allowing them not to violate the norms of the Russian language. Already in the initial period of literacy, such knowledge, skills and abilities in the field of language are acquired that indicate a different, higher level of attitude to the substantive and formal aspects of the language. Through practical exercises, students begin to more consciously relate to the meaning of words, phrases, sentences, understand that a word is not an object or phenomenon, they mean that a word consists of syllables, sounds and letters, that words are connected to express a thought and etc. All these abilities acquired during the performance of various tasks that are absolutely necessary for further improving the level of speech skills of the student. As a result, the work on the presentation expands the vocabulary of the trainees, their speech is enriched with new grammatical forms, communicative abilities and skills develop, coherent written language develops.

Keywords: speech, presentation, retelling, spoken language, written language, the development of a culture of speech, the initial stage of training.

ВВЕДЕНИЕ

Особое значение в процессе развития навыков письменной речи имеет изложение. Изложение обладает узким и широким значением. Узкий смысл, представленного термина включает развитие умений и навыков передачи чужой речи, понимание сути излагаемого, верный выбор средств языка, логическое и грамотное высказывание. Широкий же смысл предполагает передачу увиденного фильма, услышанного произведения, прочитанного рассказа или содержание какого-либо диалога и

т.п. [1, с. 88].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Изучение теоретико-методологических основ развития письменной русской речи в процессе работы над изложением по вопросам и по плану на начальном этапе обучения.

Постановка задания. Проблема речевого развития рассматривалась и рассматривается до сих пор во многих работах советских и зарубежных ученых. К.Д. Ушинский указывал на глобальную значимость разви-

той речи для всей жизнедеятельности личности [2, с. 15; 3, с. 16].

В конце XIX и начале XX веков такой ученый, как Д.И. Тихомиров, изложил свою точку зрения на проблему развития речи обучающихся. Он описал достаточно ясно и понятно методику преподавания русской устной и письменной речи [4, с. 98].

Огромный вклад внес П.О. Афанасьев, который считал, что уровень грамотности зависит от способности грамотно высказываться на письме.

Н.С. Рождественский постоянно подчеркивал, что в обучении речевой деятельности на начальном этапе обучения необходимо прививать детям правила орфографии и грамматики [5, с. 92].

Мы согласны с утверждением М. Амирханян о том, что «обучаемые с хорошо развитым устным языком, вероятно, преуспеют в чтении и письме на более позднем этапе обучения, чем дети с менее развитым устным языком» [6, с. 168].

Также справедливо замечание зарубежных ученых о важности профессионального развития, предоставляющего возможности для развития новых навыков и знаний, а также для их практического применения в сфере реализации речевой деятельности [7, с. 223].

В рамках рассмотрения проблем развития устной и письменной русской речи важным является внутренняя и внешняя речь, мы солидарны с мнением Fernando Martínez-Manrique и Agustín Vicente, которые отметили, что «внутренняя речь является принципиально тихой внешней речью, и утверждают, что она более объяснительна, чем альтернативы» [8].

«Признание важности речевых навыков не вызывает сомнения, поскольку речевой акт направлен на описание реальности, передачу различной информации посредством языка» [9; 10].

Помимо перечисленных ученых, еще многих интересовал данный вопрос. На основе обзора теорий различных ученых данной области можно понять, что речевое развитие обучаемых на начальном этапе обучения является достаточно значимым этапом в процессе учебной деятельности. И в связи с этим необходимо учитывать, что основными субъектами данного процесса являются преподаватель и обучаемый, поэтому им важно установить контакт между собой для достижения эффективности в речевом развитии.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Посредством изучения, анализа и обобщения литературных источников по данной проблематике, а также педагогического эксперимента были представлены некоторые рекомендации общего характера преподавателям при работе над изложением.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Чтобы получить полное представление о работе над изложением, как одним из способов развития письменной русской речи, необходимо рассмотреть поэтапную комплексную методику работы.

На начальном этапе обучения изложение как вид письменной речи позволяет развить речевые навыки, при этом необходимым является предварительная работа, включающая предречевые и речевые задания, такие как: ответы на вопросы, работа с деформированным текстом, запись по памяти, составление плана и т. п. Также обучение должно включать письменное изложение небольших текстов под руководством педагога по вопросам или по данному плану [11, с. 471].

Основополагающей задачей преподавателя при обучении навыкам написания изложения является умение обучаемых использовать заранее подготовленный план, что предполагает наличие следующих компонентов:

- верное чтение и понимание текста;
- точные ответы на вопросы плана, поставленные перед обучаемыми;

- в ходе пересказа и письменного изложения текста точное и последовательное построение ответов согласно порядку вопросов в плане.

Изложение как вид письменной речи способствует развитию навыков верного построения простых и сложных предложений, что влияет на освоение умений правильного расположения слов в предложении, отграничения или разделения частей предложения. Также необходимым условием развития письменной русской речи является уяснение обучающимися важности применения в изложениях знакомых слов, позволяющих не нарушать норм русского языка.

В целях выявления уровня владения письменной речью был проведен констатирующий срез, включающий написание изложения по вопросам и по плану. Им были охвачены иностранные обучающиеся 1-х курсов Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма.

Констатирующий срез предполагал решение задач, которые были сформулированы следующим образом:

- выявить степень освоения письменной русской речи;
- определить основополагающие ошибки и неточности в процессе написания изложения;
- проанализировать основные трудные моменты для обучаемых в письменной русской речи.

В целях разрешения вышеуказанных задач было предложено написать изложение по вопросам и по плану на тему «Олимпийские игры» (по Дж. Родари).

«Древние греки установили хороший обычай. Каждые четыре года самые сильные, ловкие и быстрые юноши Греции собирались около города Олимпия. Они соревновались в борьбе и беге, метали диск и молот.

Обычай был священным. Ради него греки забывали вражду. В день начала Олимпийских игр прекращались все войны. Объявлялась одна общая война – спортивная.

Славный обычай дошел до наших дней. Каждые четыре года лучшие спортсмены мира съезжаются на соревнования. Соревнования проходят в разных городах. То в Риме, то в Москве, то в Токио. Но называются они Олимпийскими играми. В память об играх в древней Олимпии» (По Дж. Родари.)

Послетекстовые задания:

1. Ответить на вопросы по тексту изложения:
 - Какой обычай был установлен древними греками?
 - В каком городе проходили соревнования?
 - Какое название имело соревнование?
 - Каким образом греки указывали на священность Олимпийских игр?
 - Что вам известно об Олимпийских играх современности?
 2. Написать изложение по плану.
 - Олимпийские соревнования около города Олимпия.
 - Священность обычая.
 - Соревнования в разных городах.
- Слова для справок: Олимпия, Греция, древние греки, соревнования, Олимпийские игры.

Результаты исследования показаны в нижеследующих таблицах 1, 2 (в целях удобной интерпретации указаны средние показатели).

Таблица 1 – Результаты констатирующего среза

Вид изложения	Количество обучаемых	Справились	Не справились	Количество слов в тексте	Количество предложений
По вопросам	25	20	5	93	13
По плану	25	15	10	93	13

Таблица 2 – Виды ошибок, допущенных обучаемыми

Вид изложения	Количество логических ошибок	Количество синтаксических ошибок	Количество лексических ошибок
По вопросам	4	5	6
По плану	5	6	8

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что обучаемые в большей мере обращают внимание на содержание изложения, нежели на правиль-

ность письменной речи. Данный факт позволил определить состояние владения навыками продуктивной письменной русской речи, заключающимися в следующем:

– множество ошибок в точности и логичности, мысли обрываются, а это указывает на недостаточность речемыслительной деятельности обучаемых;

– наличие ошибок в выделении абзацев, в верном построении высказывания, последовательности (вступление и заключение) также отражает недостаточный уровень владения письменной русской речью;

– в изложениях наблюдаются ошибки в области грамматики, орфографии и пунктуации, что обусловлено низким уровнем подготовки в данных разделах русского языка.

Отмеченные ошибки и недочеты влекут за собой затруднения в свободном речетворчестве обучаемых, что приводит к невозможности достижения успеха в других дисциплинах. Во избежание подобного важен комплекс упражнений, их уместность и целесообразность.

В этой связи имеется возможность отметить некоторые рекомендации общего характера, которыми может воспользоваться преподаватель, строя свою деятельность по развитию навыков письменной русской речи на материале изложений:

1. Для начального обучения ответам на вопросы и изложениям очень удобно писать текст или часть его на доске. Работа с доской укрепляет навык чтения рукописного текста и облегчает понимание содержания. Орфографический разбор написанного на доске текста помогает предупредить многие трудности написания. Однако постепенно следует вводить и другую форму ознакомления с содержанием текста – восприятие его только по слуху, в чтении педагога. В дальнейшем обе формы ознакомления с текстом можно чередовать.

2. Все виды упражнений по готовому плану, проводимые на начальном этапе обучения, не требуют специальной работы над планом. Во всех случаях, кроме немногих упражнений в заглавливании, план даётся в готовом виде. При этом основное требование к обучаемым заключается в умении работать с планом – правильно читать вопросы плана и соотносить их с определённой частью рассказа.

3. Большое внимание требует работа над предложением, и она занимает значительное место в процессе обучения изложению. Умелое сочетание аналитической и синтетической работы позволяет сформировать умение верно выстраивать предложение. К аналитической работе относится умелое наблюдение над текстом: выяснение количества предложений, сути рассказа, какое количество предложений включает ответ на вопрос.

Также немаловажным является то, что ответы на вопросы предварительного плана – это синтетическая работа. Для руководства синтезом при подготовке ответов на вопросы, охватывающие два или три предложения, могут понадобиться дополнительные вопросы, подсказывающие содержание следующего предложения или нужное слово. При этом нередко приходится снова возвращаться к частичному анализу отрывка или предложения из текста.

Синтетическая работа должна быть направлена на правильную расстановку слов в предложении. В этих целях применяются следующие приёмы:

– выдаются карточки с предложениями, в которых пропущены слова;

– раздаются карточки, в которых представляется схема предложения с тем порядком слов, который мы хотим подсказать обучаемым в составляемом ими предложении. Например, для составления предложения «Слепые котята пищат, плачут, ищут мать» представляется схема такого вида: *какие? кто? что делают? что делают? ищут кого?*

Полный пересказ содержания — чисто синтетический процесс, тщательно подготовленный всей предшествующей работой. Обучаемым не следует помогать

вопросами при полном пересказе.

4. При подготовке к пересказу и изложению ведётся словарная работа. Вопросы плана на первых ступенях обучения подсказывают необходимую лексику, те слова, которые имеются в рассказе. «Но использование словаря рассказа обучаемыми должно быть сознательным процессом, а не механическим воспроизведением заученного текста. Очень важно, чтобы они понимали каждое слово и выражение рассказа. Для этого в отдельных случаях понадобится короткая подготовительная беседа с объяснением значения слова» [12, с. 56; 13, с. 172].

Преподаватель привлекает внимание обучаемых к некоторым выражениям типа идиом и других устойчивых словосочетаний с помощью вопросов, например: «Какие слова употребляются в рассказе «Лось» вместо слова «питается»? (... идёт в пищу ...)». Вопросы такого вида ставятся главным образом при составлении ответов на вопросы плана, чтобы помочь детям сознательно перенести слова из текста в пересказ и изложение.

Для объяснения некоторых слов можно привлекать картинку, но беседа по картинке не должна отвлекать от содержания текста.

Постепенно происходит обучение навыку замены повторяющихся слов, используя различные названия для действующего лица или животного. Выделяя ряд таких слов в рассказе, обучаемые объясняют уместность употребления каждого в определённом контексте.

После такой аналитической работы они увереннее пользуются в изложении разнообразными наименованиями, избегая повторения имени или местоимения 3-го лица.

5. В целях развития письменной русской речи особо важным является предупреждение орфографических ошибок, которое достигалось систематической и правильной работой на всех занятиях русского языка. К каждому изложению обучаемые должны быть достаточно подготовлены. Преподаватель имеет это в виду, когда отбирает контрольные тексты для работы [14, с. 127].

На основе анализа орфографического содержания текста, намечаемого для очередного изложения, преподаватель определяет упражнения для повторения и усвоения правил и отдельных слов, имеющихся в нём. Это повторение в большинстве случаев не требует специальных занятий, а включается в обучающие диктанты, работы по списыванию и разбору, проводимые при изучении очередной темы. Таким образом, на начальном этапе обучения в процессе написания изложения обучаемые используют те правила и слова, которые хорошо освоены на предыдущих занятиях русского языка.

Кроме того, и на самом занятии изложения проводится предупреждение орфографических ошибок. Большие возможности для этого даёт текст, написанный на доске. Читая его, обучаемые запоминают правописание новых слов и объясняют орфограммы, уже знакомые им. Для орфографического разбора текста можно применять следующие приемы:

- сосчитать количество слов в предложении;
- назвать слова, к которым применяется изученное правило;
- объяснить правописание слов, которые подчеркнуты.

Обязательным для предупреждения орфографических ошибок на начальном этапе обучения является проговаривание по слогам трудных слов.

Если обучаемые воспринимают текст только по слуху, то для предупреждения ошибок можно использовать написанные на доске вопросы плана, включающие слова из текста изложения. Не следует под планом давать длинных списков слов для справок. Удобнее рядом с некоторыми вопросами плана написать трудное слово из текста изложения. В отдельных случаях можно разрешить списать с доски целое предложение, правильно определив его место в своей письменной работе.

«Достаточная орфографическая подготовка до на-

писания изложения и на самом занятии обеспечивает уверенность при письме. Обучаемые могут сосредоточить внимание на содержании своей работы, спокойно обдумать каждое предложение и слово, не тревожась о написании орфограммы» [15, с. 175]. В процессе письма обучаемые могут тихонько обращаться с вопросами к преподавателю.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать логическое умозаключение о том, что на начальном этапе обучения развитию письменной русской речи на материале изложений особое место отводится предварительной (предречевой) подготовке, после чего следует:

– устное высказывание небольшого количества слов по вопросам, подсказывающим слова для ответа. При этом вопросы должны быть выстроены так, чтобы это позволило верно отразить порядок предложений в тексте. Также правильное построение слов в предложении подсказывается в процессе коллективной работы над ответами по плану;

– изложение текста по заранее подготовленному плану, что предоставляет обучаемым большую свободу в письменной передаче содержания. Он несколько больше по объёму, чем тексты для ответов на вопросы. Готовый план определяет порядок изложения текста, но для изложения каждой части рассказа обучаемые могут использовать разное число предложений и иную лексику, кроме имеющейся в вопросе и в самом тексте.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Итак, обучение написанию изложения начинается с помощью вопросов, подсказывающих слова для ответов. В этих изложениях даётся план из такого же числа вопросов, сколько предложений в тексте. Недостающее для конструирования ответа слово следует писать за вертикальной чертой рядом с соответствующим вопросом. В процессе работы по развитию письменной русской речи на материале изложений происходит обогащение словарного состава, формируются навыки применения грамматических форм на письме, а также развивается коммуникативная компетентность обучаемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айвазян О.О. Изложения как важная форма развития русской связной письменной речи учащихся начальных классов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология, 2010. Вып.3(65). С. 88-92.
2. Айвазян О.О. Сущность и содержание работы по развитию речи как важное звено в обучении младших школьников в условиях многоязычия // Культура русской речи в условиях многоязычия: материалы II Международной научно-практической конференции (Махачкала, 18–19 мая 2015 г.) / отв.ред. М.Д. Ваджибов. Махачкала: Издательство ДГУ, 2015. С. 15-17.
3. Ашинова З.Ш., Айвазян О.О. Культура речи и ее влияние на этику общения в современных социально-экономических условиях развития общества // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономические аспекты развития современного общества в посталимпийский период», 28 февраля – 1 марта 2015 г., Краснодар. С. 15-19.
4. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Практикум вежливого обращения: учебное пособие. 6-е изд. М.: Ленанд, 2016. 184 с.
5. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В. Современный русский язык: учебник для бакалавров / под ред. П.А. Леканта. - 5-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2014. 559 с.
6. Amiraghyan M. The methodical principles of child's speech development curriculum // Wisdom. 2016. 2(7). Pp. 168-173
7. Chris Brebner, Stacie Atrill, Claire Marsh, Lilienne Coles. Facilitating children's speech, language and communication development: An exploration of an embedded, service-based professional development program // Child Language Teaching and Therapy. Vol 33, Issue 3, 2017. pp. 223-240 DOI: 10.1177/0265659017702205
8. Fernando Martínez-Manrique & Agustín Vicente What The...! The Role of Inner Speech in Conscious Thought // Journal of Consciousness Studies. 2010. 17 (9-10):141-67.
9. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford: British Academy, 1969. 348 p.
10. Mitchell Green. Speech Acts // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2010. URL: <https://philpapers.org/rec/GRESA> (access at: 26 September 2019).
11. Aivazyan O.O. The formation of communicative-and-speech

abilities and skills of students as one of the main problems of the development of personality // Japanese Educational and Scientific Review. Tokyo University Press. No.1. (9). Volume XI. 2015. pp. 471-475.

12. Шханацева М.Х. Развитие связной русской речи учащихся: пособие для учителей V-XI кл. общеобраз. шк. Республики Адыгея. Майкоп, 1995. 134 с.

13. Шханацева М.Х. Современный русский язык: учебник для педагогических факультетов высших учебных заведений (уровень подготовки - бакалавр). Майкоп, редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВПО «АГУ», 2013. 475 с.

14. Айвазян О.О. Коммуникация и речь // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. 2012. Вып. 3 (103). С. 125-129.

15. Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 320 с.

Статья поступила в редакцию 18.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.1

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0002

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ПОСТРОЕНИЯ ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ

© 2020

SPIN-код: 3820-8444

AuthorID: 516485

Андриенко Оксана Александровна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики

Оренбургский государственный университет, филиал в г. Орске

(462403, Россия, Орск, проспект Мира, 15А, e-mail: andrienko-oa@mail.ru)

SPIN-код: 5657-5624

AuthorID: 547916

Безенкова Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
социальной работы и психолого-педагогического образования

SPIN-код: 6794-6470

AuthorID: 437855

Слепухина Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
социальной работы и психолого-педагогического образования

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

(455000, Россия, Магнитогорск, проспект Ленина, 38, e-mail: g.slepukhina@mail.ru)

Аннотация. Проблема воспитания в семье интересовала ученых всегда. Воспитание – это достаточно сложная педагогическая задача, решение которой связано с процессом социализации, формирования и развития личности под влиянием ее непосредственного окружения, в частности, семьи. В статье представлены результаты исследования, целью которого явилось изучение отношения молодежи к брачным отношениям и семейным ценностям, как фактора построения процесса воспитания в семье. Работа проводилась на базе общеобразовательных школ г. Орска и г. Магнитогорска. В ней приняли участие юноши и девушки в возрасте 17-18 лет – обучающиеся одиннадцатых классов. В исследовании использовался метод анкетирования. В результате проведенного исследования было установлено, что ценность создания семьи, вступления в брачные отношения, хотя и продолжает быть значимой, все же уменьшается его незарегистрированной формой; значимой ценностью является форма сожительства, как варианта «пробного брака», дети также оказались актуальной семейной ценностью, в основе создания будущей семьи, для одиннадцатиклассников не специфические функции, такие как воспроизводство и воспитание детей, а производные, неспецифические ценности и потребности, такие как любовь, забота и близкие отношения.

Ключевые слова: воспитание, семейное воспитание, ценности, ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, ценностные основания процесса воспитания, семейные ценности молодежи.

TO THE PROBLEM OF VALUE BASES OF CONSTRUCTION OF PROCESS OF EDUCATION IN A FAMILY

© 2020

Andrienko Oksana Aleksandrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department psychology and pedagogics

Orenburg State University, Branch in Orsk

(462403, Russia, Orsk, Mira Avenue, 15A, e-mail: andrienko-oa@mail.ru)

Bezenkova Tatyana Alexandrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of social work and psychological and pedagogical education

Slepukhina Galina Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of social work and psychological and pedagogical education

Nosov Magnitogorsk State Technical University

(455000, Russia, Magnitogorsk, Lenin street, 38, e-mail: g.slepukhina@mail.ru)

Abstract. The problem of education in the family has always interested scientists. Education is a rather complex pedagogical task, the solution of which is connected with the process of socialization, formation and development of the personality under the influence of its immediate environment, in particular, the family. The article presents the results of the study, the purpose of which was to study the attitude of young people to marriage and family values, as a factor in the construction of the process of education in the family. The work was carried out on the basis of secondary schools in Orsk and Magnitogorsk it was attended by boys and girls aged 17-18 years – students of the eleventh grades. The survey method was used in the study. As a result of the study it was found that the value of creating a family, entering into marriage, although it continues to be significant, is still diminished by its unregistered form; a significant value is the form of cohabitation, as a variant of "trial marriage", children also turned out to be an actual family value, the basis for the creation of a future family, for eleventh-graders are not specific functions, such as reproduction and upbringing of children, but derivative, nonspecific values and needs, such as love, care and close relationships.

Keywords: education, family education, values, value orientations, terminal values, instrumental values, value foundations of the process of education, family values of youth.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Проблема построения процесса воспитания подрастающего поколения вызывала интерес философов, педагогов, психологов во все времена. В настоящее время, в связи с увеличением понимания роли воспитания в современном обществе, с ростом различных педагогических исследований и эффективным опытом работы образовательных учреждений возрастает значимость и целесообразность построения гуманистических воспитательных систем.

Особое внимание занимает семейное воспитание и

ценности, на которых оно основывается. Отметим, что формирование системы ценностных ориентаций в отношении семьи и брака у современной молодежи представляется сегодня актуальным в контексте происходящих в стране и мире сложных процессов, свидетельствующих о переоценке культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социального и культурного опыта. Поэтому в настоящее время степень научной разработанности проблемы семейных ценностей находится в центре внимания отечественной и зарубежной философской, социологической, педаго-

гической, социально-психологической наук.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Анализ многочисленной психолого-педагогической литературы показывает, что проблеме ценностных оснований построения процесса воспитания в семье посвящено достаточное количество исследований.

Различные аспекты данного процесса затрагиваются в работах С.П. Акутиной [1; 2], Ю.Г. Астаховой и М.В. Агасарян [3], Н.С. Ахмедовой [4], С.А. Бурилкиной, Н.Г. Супрун [5], Галеева А.Н. [6], Г.Э. Говорукина и И.С. Андросовой [7], А.С. Каминского [5; 8], Е.В. Малко [9; 10], Н.В. Немыкиной [11], Т.К. Ростовской [12], Э.И. Сайфетдиновой [13], Г.С. Тайгуловой [14], М.А. Томашевской [15] и др. [16-20].

В качестве ценностных оснований воспитательного процесса определяются «человеческие смыслы, общественно одобряемые и передаваемые новым поколениям образцы педагогической культуры, представленные в культурном облике человека, культурных образцах жизни и межпоколенного взаимодействия, педагогических теориях и системах, технологиях и способах педагогической деятельности и поведения» [21].

Ценностная ориентация – «отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [22, с. 436] и формируется она на основе ценностей.

Ценности – это всегда многоуровневая система, включающая в себя высшие и второстепенные ценности, составляющие систему важнейших качеств личности, и определяющие основу сознания и поведения личности, обуславливающие непосредственно ее развитие и формирование [11].

Формирование ценностей происходит под влиянием различных сфер жизни человека, при этом одной из первых и самых важных является семья, являющаяся «... важнейшей общечеловеческой ценностью, в которой условия существования самого сообщества людей соотносятся с высокой социальной, природной и духовной целесообразностью» [23, с. 30]. Именно от отношения родителей, их взаимодействия между собой и ребенком зависит становление семейных ценностей личности. Все это формируется в детстве, и остается в течение всей жизни. Отметим, что семья издавна считается хранительницей культурных ценностей и традиций, которые она в ходе духовной, нравственной, трудовой, творческой деятельности, обогащает и передает новым поколениям.

Понятию «семейные ценности» уделяется особое внимание в научных трудах зарубежных и отечественных авторов.

Так, Н.А. Зелевская, считает, что семейные ценности – это социокультурные предпочтения человека в брачно-семейной сфере. А именно, в области добрачного поведения пары, выбора партнера, брачно-семейных отношений, родительства, брачно-семейных ролей, супружества [2].

В понимании Ж.Н. Дюльдиной семейные ценности – это то, что должно быть личностно значимо для человека в семье, что ему дорого, интересно и что должно реализовываться его позитивное представление о семье, взаимоотношениях между ее членами, осознанию собственного места в мире семьи [3].

В работах С.П. Акутиной семейные ценности рассматриваются в контексте духовно-нравственной национальной культуры. Автор выделяет четыре основных группы: «культурно-национальная и кровная самоценность семьи; природно-географические основы воспитания духовно-нравственных ценностей в семье; общественно-государственные основы семьи и семейного воспитания; высшие (абсолютные) духовно-нрав-

ственные ценности семьи» [1, с.13]. М.С. Мацковский в структуре семейных ценностей выделяет основные сферы, такие как, выбор партнера и добрачные отношения, супружество, брачно-семейные отношения и роли, родительство, родство [4].

Формирование семейных ценностей, прежде всего, происходит в семье. Родительская семья как воспитательная среда имеет идеальные возможности для постоянного и интенсивного общения детей со взрослыми, она показывает пример взаимоотношений полов и будущей семейной жизни, формирует отношение к семье, воспитывает семейные ценности социально-нравственного содержания, моделирует структуру и содержание традиций и совместного культурно-ценностного досуга [6]. Однако в современном обществе наблюдается ослабление роли семейного воспитания и возрастание значимости других общественных институтов. А ведь семейное воспитание играет очень важную роль в формировании у ребенка семейных ценностей.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью нашего исследования явилось изучение отношения молодежи к брачным отношениям и семейным ценностям.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Работа проводилась на базе общеобразовательных школ г.Орска и г.Магнитогорска В ней приняли участие юноши и девушки в возрасте 17-18 лет (500 человек) – обучающиеся одиннадцатых классов. В исследовании использовался метод анкетирования.

В исследовании приняли участие юноши и девушки, воспитывающиеся как в полных семьях, обоими родителями 40%, так и в неполной семье, одним родителем 50%, а часть респондентов 10% воспитывались опекунами. Наши предположения о том, что в настоящее время наблюдается низкая готовность молодых людей к вступлению в брак, связана с распространением мнения о приоритете свободы от обязанностей, свободы отношений, материальных ценностей, подтвердились. Например, одним из крупнейших событий последнего времени в формировании семьи является рост числа незарегистрируемых браков, который сопровождается растущим одобрением такого способа совместного проживания. Проведенное исследование подтвердило эту тенденцию. Так, 35% девушек относятся положительно к незарегистрированным отношениям, 50% нейтрально, 10% отрицательно и лишь только 5% считают такие отношения неприемлемыми. У юношей взгляды на сожительство немного отличаются, так, 70% ответили, что относятся нейтрально, 25% поддерживают данный тип отношений и относятся к нему положительно, и 5% отрицательно.

Оптимальным возрастом для вступления в брак большинство респондентов считают от 20 до 30 лет. По мнению 65 % юношей отмечается, что создавать семью нужно в 26-30 лет, 25% ответили, что в 20-25 лет, и лишь 10% склоняются к тому, что нужно создавать семью после 30 лет. Для девушек возраст вступления в брачные отношения традиционно раньше, чем для юношей. Это подтверждают и результаты исследования, где 50 % девушек отметили возраст 20-25 лет, 45% респондентов считают, что создавать семью оптимально в 26-30-летнем возрасте, 3%, что в 18-20 лет, а 2% считают, что после 30 лет.

О растущем одобрении гражданских браков свидетельствует также тот факт, что многие респонденты выказали готовность самим вступить в гражданский брак. Большинство респондентов считают, что достаточным условием для создания семьи является желание. В то время как любовь оказалась на третьем месте среди предложенных вариантов. Любовь, как одну из причин вступления в брак выбрали 38% юношей и девушек. В тоже время 60% девушек и 50% юношей, принявших участие в анкетировании, считают, что главной при-

чиной для вступления в создания семьи является желание. 44% девушек и 50% парней считают, что важным условием для создания семьи является наличие работы и постоянного дохода. Это объясняется тем, что молодежь занимает неустойчивое финансовое и социальное положение в обществе. Поэтому для молодежи данный аспект является наиболее актуальным, 11% юношей и 28% девушек отмечают наличие собственного жилья, 8% девушек и 5% юношей считают, что для создания своей семьи необходимо одобрение родителей. Для современного общества одобрение и благословение родителей на брак является скорее идеалом, нравственной установкой и целью, но необязательным условием.

Среди основных причин вступления в официально зарегистрированный брак 86% девушек и 72% юношей выбрали «желание создать семью». Так 98% юношей и 80% девушек считают, что любовь является основной причиной для вступления в брак. Эти выводы позволяют нам говорить о том, что семейные ценности обретают форму мотивов вступления в брак. При этом, как нам представляется, входе развития личности семейные ценности, и, соответственно, мотивы вступления в брак претерпевают определенную эволюцию, изменяясь не только по содержанию, но и по своему мотивационному статусу, по месту и роли в структуре жизнедеятельности.

Поднимая вопрос о том, является ли семейная жизнь их родителей образцом для подражания, мнения респондентов разделились. Это объясняется тем, что, несмотря на нынешнюю трансформацию детско-родительских отношений и преемственности поколений, во многих семьях авторитет родителей остается неизменно уважаемым и почитаемым. Для 50% респондентов модель родительской семьи не является образцом для подражания. Это свидетельствует о том, что данные семьи не являются благополучными, либо отношения в этой семье не соответствуют морально-нравственным установкам молодого поколения.

Для современного российского общества, в большинстве своем, характерен тип демократической (партнерской) семьи. В такой семье происходит равноправное распределение обязанностей и равное участие в решениях возникающих семейных проблем обоими супругами. Это подтверждается результатами, полученных при проведении анкетирования. Так 61% респондентов считает, что отношения в их семье являются демократическими, где супруги равноправие и решения принятия совместных решений. В тоже время 28% девушек и 12% юношей считают, что их семья имеет матриархальный уклад, в котором главная роль принадлежит женщине, она принимает важные решения и отвечает за семью в целом. Однако, 28% юношей отметили, что их семья носит патриархальный уклад, где глава семьи мужчина. Такого мнения придерживаются лишь 5% девушек. Отсюда мы можем сделать вывод, что и для современных семей не характерна традиционная установка, где мужчина - глава в семье. Современная семья претерпевает трансформационные процессы семейно-брачных отношений, это не только изменение структуры и численности семьи, но образование новых ценностных ориентаций и новых нормативных семейных кризисов и многое другое.

Родство является одной из составляющей ценностного триединства «супружество – родительство – родство». Родство рассматривалось нами в аспекте как поддержания взаимоотношений с родителями, после создания своей семьи, так и совместного проживания. Согласно проведенному эмпирическому исследованию, мы получили распределение ответов следующим образом: 83% опрошенных девушек, и 89% юношей хотели бы поддерживать отношения с родительской семьей после вступления в брак, но жить предпочитают отдельно. Так 14% респондентов девушек и 11% юношей считают, что поддерживать близкие отношения с родителями не стоит, и нужно жить полностью самостоятельно. И лишь 3% девушек изъявили желание остаться жить в ро-

дительской семье, после создания собственной. Эти показатели свидетельствуют о том, что ценность родства, а значит, и ценность расширенной семьи, сегодня существенно снижены.

Интересно, что 61% представительниц женского пола и 38% респондентов мужского пола поддерживают партнерские отношения и в обязанностях материально-го характера. Они придерживаются мнения о том, что супруги должны делать одинаковый вклад в семью, как в финансовой, так и в бытовой сфере. Отличное от данного мнения высказали 61% юношей, которые считают, что мужчина должен финансово обеспечивать семью, а женщина, в свою очередь, должна развиваться и иметь свои интересы. При этом жена может работать, если это не несет ущерб ее первоначальным обязанностям. Данное мнение поддержали лишь 28% девушек. Стоит отметить, что 31% опрошенных девушек хотели бы, чтобы основную часть финансовой ответственности в семье на себя взял супруг, при этом они могли бы также работать. Только 3% девушек считают, что каждый из супругов должен содержать себя самостоятельно и при этом не зависеть от партнера. Никто из опрошенных парней не поддержал данную точку зрения.

Ведущим мотивом создания семьи, вступления в брак для 61% девушек является обоюдная забота о партнере, наличие человека, который может оказать поддержку в любой жизненной ситуации. Данное мнение поддержали 39% молодых людей. В тоже время 56% девушек считают, что создавать семью нужно, чтобы всегда быть рядом с любимым человеком. В то время как для половины опрошенных юношей, данное мнение является приоритетным. Так 39% юношей и 42% девушек считают мотивом для создания семьи – для продолжения рода. А 39% молодых людей, мотивом для вступления в брак считают возможность иметь постоянного сексуального партнера. Для девушек, это оказалось не столь важно, среди них данную точку зрения поддержали только 8%.

Обратим внимание на то, что для 33% респондентов немаловажным мотивом для создания семьи является счастье, что определяет направленность молодых людей на создание благополучной семьи. У 33% молодых людей и 19% девушек отмечается наличие страха одиночества. Благоустройство быта и уюта присутствует у 22% респондентов, а 17% юношей и 8% девушек, считают, что в семье можно получить новый жизненный опыт. Лишь 5% юношей и 3% девушек считают, что семья – это престижно.

Полученные результаты говорят нам о том, что ведущими мотивами для вступления в брачные отношения для девушек являются отношения, получение заботы и поддержки. Среди значимых мотивов для создания семьи у респондентов оказалась любовь, продолжение рода, счастье. Для юношей, в отличие от девушек, в большей степени важны сексуальные отношения. Это можно объяснить естественными физиологическими особенностями мужского организма. Исходя из результатов анкетирования, можно сделать вывод, что семья не является престижным достижением в сознании молодого поколения. Благоустройство быта и уюта оказалось одинаково важным, как для девушек, так и для юношей.

Затрагивая тему национального характера, 75% опрошенных девушек и 78% юношей считают, что супруги разных национальностей могут создать крепкую и счастливую семью, если между супругами есть взаимная любовь. Далее респонденты отметили уважение к традициям, культуре и религии партнера, где предложенную точку зрения поддержали 69% девушек и 61% юношей. Одобрение такого союза родителями для 30% девушек оказалось наиболее важным, чем для 6% юношей.

В тоже время 22% юношей и 14% девушек считают, что союз, где супруги имеют разные национальности, имеет возможность быть крепким, если супруги долгое время проживают в одной стране и воспитывались в одной культуре. Наличие в семье детей для 11% девушек

оказалось более важным фактором, чем для 5% парней, что является естественным для представительниц женского пола. Опираясь на полученные результаты исследования можно говорить о преобладающей толерантности современной молодежи в отношении разных национальностей, где главными ценностями остаются любовь и уважение между супругами.

Респондентам был предложен вопрос открытого типа, в котором они могли высказать свое мнение по поводу того, чем для них является семья. Анализируя полученные ответы, можно сделать вывод, что для девушек характерны семейные ценности, связанные в большей степени с взаимоотношениями между членами семьи. Некоторые высказали мнение, что семья, это также и проявление большой ответственности супругов. Также, среди респондентов, оказались девушки, которые открыто, показали свои опасения и страхи по поводу создания семьи, так как считают ее тяжелым трудом. У юношей на первом месте оказалась любовь и забота, близкие люди и сплоченность. Из этого следует вывод, что для мужской половины респондентов ценность взаимоотношений не менее важна, чем для девушек. Также юноши указали на то, что семья является для них продолжением рода, что говорит о том, что дети для них являются важной ценностью.

По мнению респондентов, дети должны появляться в официально зарегистрированных отношениях, так считают 61% девушек и 39% юношей. Мнение о том, что главным образом, дети должны появляться при желании матери, которая может родить ребёнка для себя отметили 22% юношей и 17% девушек. Только 3% девушек и 11% юношей считают, что заводить детей нужно в «гражданском браке» (сожительстве), а 28% юношей и 30% девушек совершенно не задумывались об этом.

Таким образом, мы видим, что большинство респондентов поддержали мнение о том, что дети должны появляться в официально зарегистрированных отношениях. Около трети респондентов не задумывались о том, в каких отношениях должны появляться дети. Так как исследование проводилось в рамках общеобразовательных школ, и все участники являются старшеклассниками, можно предположить, что на данном периоде жизни для них особую важность составляет образование и самореализация. Поэтому данный вопрос пока остается без внимания с их стороны.

Большинство респондентов считают, что в семье должно быть два ребенка: 72% девушек и 61% юношей. Так 11% юношей и 8% девушек хотят одного ребенка. И только лишь 17% молодых людей и 5% представительниц женского пола высказали мнение о желании иметь трех и более детей в семье. Исходя из полученных данных результатов исследования, следует вывод, что современная молодежь не нацелена иметь многодетную семью.

Мы предложили респондентам расположить по порядку значимости ценности, исходя из их жизненных ориентиров на данный момент времени. У 61% девушек и 63% юношей на первом месте оказалась семья. На втором месте у большинства опрошиваемых одиннадцатиклассников оказалась любовь, так считают 56% представительниц женского пола и 60% мужского. Значимой ценностью для молодежи является здоровье, так 20% юношей и 26% девушек данный вариант поставили на первое место. Также, среди жизненных ориентиров важными оказались образование и карьера. Причем, исходя из результатов исследования, для 43% юношей важен статус и положение в обществе, а для 34% девушек образование и работа. Дети как важный жизненный приоритет только у 18% юношей и 26% представительниц женского пола. Среди предложенных вариантов творчество считают приоритетным направлением в жизни только 3% юношей и 5% девушек. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что семья остается важной ценностью для молодого поколения. Однако, полу-

чение образования и карьера для респондентов также является приоритетом. Причем, как для девушек, так и для юношей.

Данные социологических и психологических исследований подтверждают, что назрела необходимость подготовки старшеклассников к будущей семейной жизни, воспитания у учащихся ценностного отношения к семье [24-29].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В результате проведенного исследования было установлено, что ценность создания семьи, вступления в брачные отношения, хотя и продолжает быть значимой, все же уменьшается его незарегистрированной формой. Брак, мотивация вступления в брак, главенство и распределение обязанностей, смысложизненные ценности, интериоризированные в семье, – все подвержено имплицитному влиянию гендера, которое исключается из внимания. Кроме того, мы выявили, что для молодых людей значимой ценностью является форма сожительства, как варианта «пробного брака». Хотя дети также оказались актуальной семейной ценностью, можно предположить, в основе создания будущей семьи, для одиннадцатиклассников лежат не специфические функции, такие как воспроизводство и воспитание детей, а производные, неспецифические ценности и потребности, такие как любовь, забота и близкие отношения. В итоге, институт семьи, в данное время находится в нестабильном состоянии и в связи с возникающими волнениями, способностью женщины брать на себя финансовую ответственность, а юноши нуждаются в социальных отношениях, чувстве приверженности и принадлежности. Сегодня происходит процесс реформирования многих общественных институтов, одним из которых является семья. Особо уязвимой в новых условиях оказалась молодая семья. Выявленные проблемные аспекты со всей очевидностью требуют широкой просветительской работы в молодежной среде. Полученные результаты исследования могут быть полезны при разработке проекта, направленного на подготовку современной молодежи к семейно-брачным отношениям посредством вовлечения учащихся и студенческой молодежи в процесс получения и усвоения информации, мотивации обращения за поддержкой и помощью к специалистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акутина С.П. К проблеме классификации семейных духовно-нравственных ценностей // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 94. С. 9-15.
2. Акутина С.П. Семейный уклад в воспитании духовно-нравственных ценностей школьников // *Ярославский педагогический вестник*. 2009. № 2. С. 51-54.
3. Астахова Ю.Г., М.В. Агасарян *Социология семьи*. Литецк, 2012. 62 с.
4. Ахмедова Н.С. Содержание и характер ролевых конфликтов в молодой семье // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 3. С. 26-30.
5. Бурилкина С.А., Каминский А.С., Суфрун Н.Г. Изучение ценностей и ценностных ориентаций студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 10. С. 37-39.
6. Галева А.Н. Семейные ценности молодежи // *Народное образование*. Педагогика. 2015. № 4. С. 67-70
7. Говорухин Г.Э., Андросова И.С. Семья как ценность и семейные ценности в российском обществе (социологическое исследование семейных ценностей студентов КНАГТУ) // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2015. Т. 2. № 3 (23). С. 71-81.
8. Каминский А.С. Ценности и ценностные ориентации как социологическая категория // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2015. Т. 3. С. 87-90.
9. Малек Е.В. Особенности формирования молодой семьи в контексте истории русской культуры: традиции, проблемы и перспективы // *Молодежь: свобода и ответственность: сборник научных трудов по материалам VI Петровских образовательных чтений*. Киров, 2019. С. 54-58.
10. Малек Е.В. Пути сохранения своеобразия национальных культур в условиях глобализации (на примере Челябинской области) // *Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов IX международной научно-практической конференции*. 2018. С. 108-112.
11. Нагоева Л.Х. Ценностные ориентации: понятие и феномен // *Новые технологии*. 2011. №4. С. 286-289.

12. Ростовская Т.К. Особенности отношения к семейным ценностям в традиционном российском обществе // *Международный академический вестник*. 2016. № 4 (16). С. 49-52.
13. Сайфетдинова Э.И. Отношение обучающихся к семейным ценностям // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2013. № 4. С. 30-32.
14. Тайгулова Г.С. Анализ отношения современной молодежи к семейным ценностям (по результатам социологического опроса молодежи) / Развитие человека в современном мире материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2 частях. ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». 2015. С. 325-341.
15. Томашевская М. А. Представления о семейных ценностях у современных сибиряков // *Педагогическое мастерство: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.)*. М.: Буки-Веди, 2015. С. 193-197.
16. Орлова А.В. Стиль семейного воспитания как фактор, влияющий на развитие уверенности у детей школьного возраста // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 316-318.
17. Короленко А.В. Семейное воспитание как фактор формирования здоровья и человеческого потенциала детского населения // *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 52-56.
18. Разумова Е.М., Ярыгина А.В. Связь семейных взаимоотношений и агрессивности подростков // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 305-307.
19. Богомолова М.И. Проблема семьи и семейного воспитания детей // *XVI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2015. Т. 1. № 1 (23). С. 39-44.
20. Александрова Т.В., Костина Л.М. Семейные установки взрослых в связи с их детскими воспоминаниями о родительской семье // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 277-279.
21. Тимонина А.А. Ценностные основания воспитательного процесса загородного детского оздоровительного центра // *Сибирский педагогический журнал*. 2013. № 5. С. 152-154
22. *Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского*. Ростов н/Д: «Феникс», 1998. 512 с.
23. Митина М.А. Представления о семейных ценностях у супругов с различным стажем семейной жизни // *Человеческий капитал*. 2016. № 3 (87). С. 29-31.
24. Шмакова И.Ю., Лизунова Г.Ю. Исследование представлений о семейных ценностях у современных старшеклассников / В сборнике: *Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: Материалы студенческого научно-практического семинара*. Под ред. Г. Ю. Лизуновой. 2016. С. 148-153.
25. Капитанова О.В. Стратегические и тактические приемы брачного выбора // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 315-318.
26. Шахова И.А. Отношение амурской молодежи к «гражданскому браку» // *Вестник Амурского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 72. С. 54-64.
27. Щербакова М.В. Сожительство как модель брачного союза // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 354-356.
28. Кирюшина А.А. Участие образовательных учреждений в формировании брачно-семейных ценностей // *Социальные отношения*. 2015. № 1 (12). С. 49-53.
29. Бухалова Н.А. Социально-философский анализ семьи: синергетический аспект // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 308-311.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 37: 742.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0003

ВЫСОТА УРОВНЯ ВЗГЛЯДА ХУДОЖНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ВЫСОТЫ ПРЕДМЕТОВ И ЛЮДЕЙ НА КАРТИНЕ

© 2020

SPIN-код: 5073-1480

AuthorID: 261493

Анчуков Сергей Васильевич, доктор педагогических наук,
профессор кафедры живописи
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, дом 48, корпус 6,
e-mail: anchukov261@yandex.ru)

Аннотация. Одинаковые по величине объекты на близком расстоянии кажутся большими, а на дальнем – маленькими. Для передачи на плоскости картины перспективных сокращений «крупных предметов вблизи и маленьких вдаль» наиболее важным фактором является определение перспективной высоты изображаемых объектов. **Цель:** разработать комплекс теоретических и практических материалов позволяющих научить студентов художественных вузов методам определения перспективной высоты изображаемых на картинной плоскости объектов, которые в свою очередь помогают установить и ширину физических тел, а также в целом передать на плоскости изображения величину тел в перспективе. Установлено, что одним из методов определения перспективной высоты изображаемых на картине людей и других объектов является *метод нахождения высоты уровня взгляда художника*. **Результаты:** на основе анализа схем-рисунков, демонстрирующих варианты расчета перспективной высоты уровня взгляда художника, в зависимости от его положения по отношению к изображаемому на картине объекту, обоснован метод определения высоты людей и размеров других объектов, изображаемых на картинной плоскости. **Научная новизна:** в статье впервые разработан комплекс теоретических рекомендаций и практических наглядных пособий по использованию метода нахождения высоты уровня взгляда художника для определения перспективных размеров изображаемых на картинной плоскости физических объектов. **Практическая значимость:** в настоящей работе рассматриваются особенности использования этого метода в практике обучения студентов рисованию, предлагаются задания для организации самостоятельной работы обучающихся [1].

Ключевые слова: перспектива, метод нахождения высоты взгляда художника, размеры физических тел в перспективе, самостоятельная работа обучающихся, методы пространственного построения картины.

THE HEIGHT OF THE LEVEL OF THE ARTIST'S VIEW AS A TOOL FOR DETERMINING THE PERSPECTIVE HEIGHT OF OBJECTS AND PEOPLE IN THE PICTURE

© 2020

Anchukov Sergey Vasilyevich, doctor of pedagogical Sciences,
Professor of the Department of painting
Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen
(191186, Russia, St. Petersburg, Moika river embankment, building 48, building 6,
e-mail: anchukov261@yandex.ru)

Abstract. Similar in size objects at close range seem large, and at a distance-small. To transfer on the plane of the picture perspective cuts "large objects near and small away" the most important factor is to determine the perspective height of the depicted objects. Purpose: to develop a set of theoretical and practical materials to teach students of art universities methods of determining the perspective height of the objects depicted on the picture plane, which in turn help to establish the width of physical bodies, as well as in General to convey the value of bodies in the perspective on the image plane. It is established that one of the methods of determining the perspective height of the people depicted in the picture and other objects is the method of finding the height of the level of the artist's gaze. Results: based on the analysis of diagrams-drawings showing the options of calculation of the prospective level of the artist, depending on its position relative to the depicted in the painting object, validated method for determining the height of people and size of other objects depicted on the picture plane. Scientific novelty: the article for the first time developed a set of theoretical recommendations and practical visual AIDS for the use of the method of finding the height of the level of the artist's gaze to determine the perspective dimensions of the physical objects depicted on the picture plane. Practical significance: this paper discusses the features of the use of this method in the practice of teaching students to draw, offers tasks for the organization of independent work of students [1].

Keywords: perspective, method of finding the height of the artist's gaze, the size of physical bodies in perspective, independent work of students, methods of spatial construction of the picture.

Расчет перспективной высоты уровня взгляда художника

Метод построения перспективного изображения на картинной плоскости, при котором в качестве условной величины берётся высота уровня взгляда художника для измерения на месте высоты дальних и ближних объектов, называется методом определения перспективной высоты уровня взгляда художника (сокр. выбор высоты уровня взгляда художника).

Высота уровня взгляда художника – это высота поверхности (земли, пола, подиума или любого другого возвышения), на которой расположен изображаемый художником объект, находящийся перед его глазами.

В процессе работы над картиной высота уровня взгляда выбирается свободно, в соответствии с требованиями выбранной композиции.

Высота уровня взгляда при продумывании композиции портрета рассчитывается по стандартной высоте человека [2].

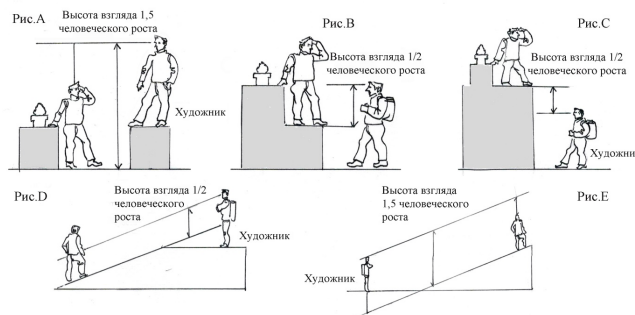


Рисунок 1. Определение перспективной высоты уровня взгляда художника

(См. рисунок 1) На изображении представлены примеры расчета высоты уровня взгляда художника по отношению к предметам, стоящим на земле, на возвы-

шении, на высоком постаменте и на наклонной поверхности: рисунок 1А – человек стоит на земле, высота уровня взгляда художника равна 1,5 человеческого роста; рисунок 1В – человек стоит на возвышении, высота взгляда художника равна $\frac{1}{2}$ человеческого роста; рисунок 1С – человек стоит на высоком постаменте, в этом случае высота взгляда художника будет равна $\frac{1}{2}$ высоты человеческого роста; на рисунке 1Е человек спускается по наклонной плоскости, на этом рисунке высота взгляда художника будет равна 1,5 человеческого роста; на рисунке 1D человек поднимается вверх по наклонной плоскости, на этом примере высота взгляда художника будет равна $\frac{1}{2}$ высоты человеческого роста.

Перспективный уровень взгляда художника как инструмент измерения высоты людей и других изображаемых на картине объектов

(См. рисунок 2А) Уровень взгляда художника находится на высоте $\frac{1}{2}$ человеческого роста. Изображаемые художником четыре вертикальные линии имеют ту же высоту, что и уровень зрения – $\frac{1}{2}$ человеческого роста. Следовательно, на картине вершины всех четырех вертикальных прямых будут расположены на уровне линии естественного горизонта, а их нижняя часть – на разных уровнях. Самая ближайшая к нам точка А, в перспективе обозначенная А', находится на картине ниже остальных и дальше от линии естественного горизонта, а самая дальняя точка D, обозначенная в перспективе как D', – выше и ближе к линии естественного горизонта.

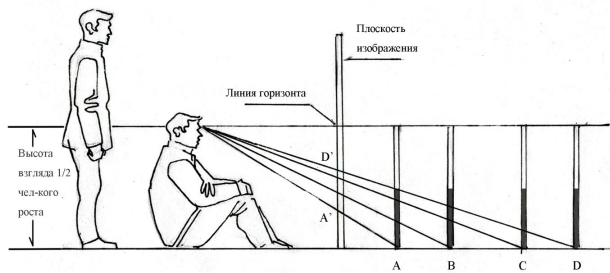


Рисунок – 2А. Нахождение перспективной высоты уровня взгляда художника

(См. рисунок 2В) Нарисованные на плоскости картины в перспективном сокращении верхние части четырех вертикальных прямых находятся на уровне линии естественного горизонта. Перспективная высота, изображенных на картине прямых, различна, но их реальная высота одинаковая и тождественна высоте уровня взгляда художника. Реальная высота этих вертикальных линий – $\frac{1}{2}$ человеческого роста.

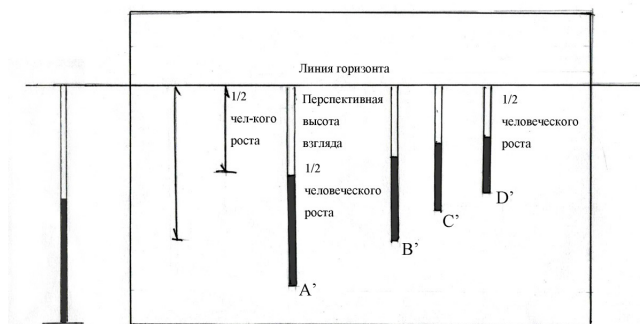


Рисунок – 2В. Высота уровня взгляда художника как инструмент измерения

Показанные на рисунках 1 и 2 изображения демонстрируют метод определения перспективной высоты

изображаемых объектов с помощью выбора высоты уровня взгляда художника в перспективе.

Можно сказать, что высота всех без исключения изображенных на рисунке вертикальных прямых, идущих от точек, взятых на предметной плоскости (на поверхности пола, земли, подиума и т.п.) до линии естественного горизонта, соответствует реальной высоте изображаемых в перспективе прямых, определенной с помощью выбора высоты уровня взгляда художника, и называется высотой уровня взгляда художника в перспективе. Она подобна линейкам разной длины, с помощью которых можно на месте измерить высоту в перспективе изображаемых объектов.

Итак, на рисунке 2В все точки, взятые на предметной плоскости, идущие вверх до линии горизонта, образуют высоту уровня взгляда художника в перспективе.

(См. рисунок 2С) Перспективная высота уровня взгляда художника равна $\frac{1}{2}$ человеческого роста, высота всех перпендикуляров, идущих вверх от точек взятых на предметной плоскости до линии естественного горизонта, тоже представляет собой высоту равную $\frac{1}{2}$ человеческого роста. Используя эту высоту как линейку, можно измерить высоту в перспективе ближних и дальних изображаемых на картине объектов. Высота стола и стульев сопоставима с $\frac{1}{2}$ человеческого роста, поэтому крышку стола и спинки стульев изображаем на уровне линии горизонта. Полка стола и сиденье стульев расположены на высоте $\frac{1}{4}$ человеческого роста, и их высота равна $\frac{1}{2}$ от высоты ножек стола и стульев, находящихся на уровне линии горизонта. Высота стоящего человека – это 2 высоты перпендикуляра, идущего от точки его опоры до линии горизонта. Высота дерева, равная 1,5 человеческого роста, является трехкратным увеличением высоты перпендикуляра, исходящего от корней дерева до линии естественного горизонта. Столбцы ограды рисуем в $\frac{1}{4}$ человеческого роста – это половина высоты перпендикуляра от его основания до линии естественного горизонта.

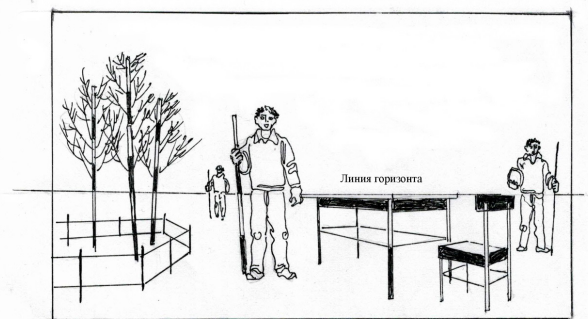


Рисунок – 2С. Высота изображаемых на картине объектов определяется с помощью метода нахождения уровня взгляда художника в перспективе ($\frac{1}{2}$ человеческого роста)

Линия естественного горизонта как критерий измерения высоты людей и других объектов, изображаемых на картинной плоскости

Высота объектов на рисунке равна высоте уровня взгляда художника, которая в верхней части ограничена линией горизонта, поэтому последнюю можно использовать в качестве критерия для определения высоты изображаемых объектов [3, 4]. К примеру, высота уровня взгляда на рисунке находится на уровне $\frac{1}{2}$ человеческого роста, который в свою очередь равен $\frac{1}{2}$ высоте стоящего человека примерно в области таза (см. рисунок 2С). Поэтому, рисуя людей на разной глубине, область таза мы располагаем на линии естественного горизонта. Уровень $\frac{1}{2}$ дерева, равного по высоте 1,5 человеческого роста, также должен располагаться на линии естественного горизонта. Если на рисунке дополнительно изобра-

зять еще более десяти столов высотой $\frac{1}{2}$ человеческого роста, то поверхности всех столов будут располагаться на линии естественного горизонта, в ином случае измерение высоты объекта можно считать ошибочным. В связи с этим линия естественного горизонта является критерием для определения высоты объектов.

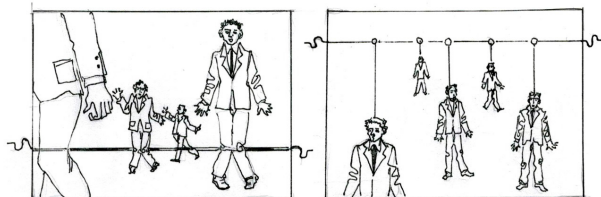


Рис А Высота уровня зрения – $\frac{1}{4}$ человеческого роста, уровень коленей «привязан» к линии горизонта – критерий измерения

Рис В Высота уровня зрения – $1,5$ человеческого роста, фигуры «подвешены» на тонкой нити длиной в $\frac{1}{2}$ человеческого роста к линии горизонта, являющейся критерием измерения высоты.

Рисунок – 3А, В. Линия горизонта – критерий для измерения высоты изображаемых на картине людей

На рисунке 3А высота уровня зрения художника расположена на уровне $\frac{1}{4}$ человеческого роста, колени стоящего человека находятся на уровне $\frac{1}{4}$ от его роста, т.е. на линии естественного горизонта. Отсюда следует, что все стоящие фигуры такого же роста могут правильно вписываться в композицию, только если уровни высоты их коленей будут «привязаны» к линии горизонта – критерию измерения высоты роста человека. На рисунке 3В высота уровня зрения художника равна $1,5$ человеческого роста, а высота всех перпендикуляров, идущих от предметной плоскости до линии естественного горизонта, также тождественна $1,5$ человеческого роста. Высота стоящего человека равна $\frac{2}{3}$ расстояния от точки его опоры до линии горизонта, между последней и верхней точкой головы остается расстояние, равное половине человеческого роста, в связи с чем в этом месте мы видим, что от верхней точки головы каждой фигуры идет тонкая нить до линии горизонта.

Длина нити, подвешенной к линии горизонта, равна $\frac{1}{2}$ человеческого роста, с точки зрения отражения перспективной высоты линии уровня взгляда художника, она создает на картине правильное изображение.

Ниже приведены примеры, использования метода нахождения уровня высоты взгляда художника, для определения высоты людей и других объектов, изображенных на картинной плоскости. Перспективный анализ работ художников А. Колвилла, А. Дайнеки, А. Кантемирова позволяет сделать вывод, что с помощью этого метода параллельно решаются и композиционные задачи.



Рисунок – 4. А. Колвилл. Пехота в Неймеген

Рисунок 4 демонстрирует живопись канадского художника Алекса Колвилла. На картине изображены пехотинцы идущие строем по разбитой непогодой дороге. Взгляд художника и каски на головах пехотинцев находятся на уровне линии горизонта – критерия измерения высоты изображаемых людей. Такое композиционное решение позволяет сосредоточить внимание зрителей на лицах, уставших от тяжелой дороги солдат.



Рисунок – 5. Александр Дейнека. Стахановцы 1937 год.

На рисунке 5 представлена живопись маслом Александра Дейнеки «Стахановцы». Высота уровня зрения художника расположена на высоте коленей идущих в первом ряду людей и равна высоте $\frac{1}{4}$ человеческого роста, поэтому колени следующих за ними групп людей также будут располагаться на уровне линии естественного горизонта. Такое композиционное решение, использование низкой линии горизонта, позволило художнику показать значимость, величие дел, свершенных стахановцами для развития Родины.



Рисунок – 6. Алексей Кантемиров. Эстафета. 1983 год

На рисунке 6 представлена картина Алексея Кантемирова «Эстафета». Художник располагает линию взгляда художника на уровне грудной клетки спортсменов. Высота взгляда художника расположена на высоте $\frac{2}{3}$ человеческого роста и находится на линии горизонта. Рост женщины стоящей вдали найден с помощью определения высоты уровня взгляда художника, и ее грудная клетка тоже расположена на линии естественного горизонта. Высота ограждения равна $\frac{1}{2}$ человеческого роста, ее высота определяется на половине расстояния от точки опоры до линии естественного горизонта.

Тема: «Определение высоты людей и размеров предметов на плоскости картины методом нахождения уровня взгляда художника» в программе учебной дисциплины «Методы пространственного построения картины» изучается на двух занятиях [5]. Первое лекционное занятие, на котором студенты знакомятся с теоретиче-

ским обоснованием предложенного метода определения уровня взгляда художник [6, 7]. На лекции преподаватель и помощью презентации, демонстрирующей предложенные выше рисунки-схемы, знакомит учащихся с методом, применяемым в практике рисования для определения разметов изображаемых на картине объектов, демонстрирует репродукции с картин художников. На втором лабораторном занятии студенты изучают особенности его применения на практике рисования.

Цель изучаемой темы: научить обучающихся использованию метода определения уровня взгляда художника, для определения перспективной высоты изображаемых на картине людей и других предметов. Для закрепления темы «Определение высоты людей и размеров предметов на плоскости картины методом нахождения уровня взгляда художника» следует дать обучающимся для самостоятельной работы домашнее задание и упражнения на повторение [1].

1. *Знание и понимание теории.* Следует ответить на вопросы в рабочей тетради:

1.1 Что такое высота взгляда художника?

1.2 Как определяется на картине высота взгляда художника?

1.3 Что такое высота уровня горизонта на картине?

1.4 Какие задачи решает художник, определяя на картине высоту взгляда, высоту линии горизонта?

2. *Умение применять теоретические положения на практике.* Следует научиться применять метод определения высоты взгляда художника в практике рисования, при определении высоты изображаемых на картине объектов. С этой целью следует:

2.1 Подобрать 4 репродукции с картин художников, где автор использует для определения размеров изображаемых объектов метод определения высоты взгляда художника.

2.2 Выполнить 4 эскиза картин с различной композицией, размер которых равен 11,5 x 8 см. На эскизах должны присутствовать люди и другие объекты. Обозначьте высоту линии взгляда художника и высоту предметов рядом с эскизами:

2.2.1 композиция внутри помещения, высота взгляда художника равна одному человеческому росту;

2.2.2 композиция вне помещения, высота взгляда художника равна $\frac{1}{4}$ человеческого роста;

2.2.3 композиция внутри помещения, высота взгляда художника равна $\frac{1}{2}$ человеческого роста;

2.2.4 композиция вне помещения, высота взгляда художника равна $\frac{1}{2}$ человеческого роста.

Представленные в работе, содержание лекции, задания для аудиторной лабораторной и самостоятельной работы студентов по теме: «Определение высоты людей и размеров предметов на плоскости картины методом определения высоты взгляда художника» в программе учебной дисциплины: «Методы пространственного построения картины» позволит глубже освоить эту тему и отработать на практике умение применять ее в практике рисования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рабочая программа дисциплины «Методы пространственного построения картины» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://herzen-documents.acrodis.ru/programs_show-program.html?pid=6286&y_r=2018&lvl=1&sgroup=54

2. Анчуков С.В. Перспектива развития учебной дисциплины «Перспектива». (на русском языке) // *Perspektiiv in opetusaineen kehityspaikutat.* (на финском языке) // *Nakokulma* Десять лет работы курса классического изобразительного искусства в Финляндии. – Котка: Изд-во «Painotalo Plus Digital Oy, Lahti», 2016. С. 24-32, 0,6 п.л.

3. Ивашина Г.Г. Перспектива. – Учебное пособие. – СПб.: СПГХПА, 2005. – 246 с. 30,7 п.л.

4. Ивашина Г.Г. Восприятие предмета и его изображений. – СПб.: СПГХПА, 2008. – 160 с. 20 п.л.

5. Анчуков С.В. Перспектива. - Методические рекомендации по выполнению контрольной работы. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.М. Герцена, 2003. 54 с., 3,5 п.л.

6. Белов Н.В., Виксель А.А. Начертательная геометрия. – Ленинград. – Изд-во «Печатный двор» - 1969. 288 с. 36 п.л.

7. Бойко Н.Д. Перспектива интерьера: учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2012. – 42 с. 2 п.л.

Статья поступила в редакцию 05.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 37.033

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0004

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТУПЕНИ ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

© 2020

AuthorID: 763150

Батырова Маргарита Даурбековна, старший преподаватель
кафедры «Иностранных языков»

*Чеченский государственный педагогический университет
(364037, Россия, Грозный, ул. С.Кизиловой, 33, e-mail: ritadaur@gmail.com)*

Аннотация. Целью проделанной работы является раскрыть основные пути и средства экологического воспитания во внеклассной работе в образовательных учреждениях начальной ступени обучения в Чеченской республике, сформировать экологическую культуру учащихся в процессе изучения кумыкского как родного языка в местах компактного проживания кумыков (село Виноградное, Брагунское). Методы: экспериментальным путем обоснована валидность выбора методов, средств и направлений внеклассной работы для получения и фиксации оптимальных результатов успешности формирования экологической культуры учащихся. Результаты: анализ информационных источников, выявил первостепенную значимость и важность вопроса о сохранении и развитии благоприятной экологической обстановки в Чеченской республике для ее Главы, Героя России - Рамзана Ахматовича Кадырова. Охрана природы и природных ресурсов выступает в качестве одной из самых приоритетных задач его политики. Научная новизна: проведенное нами исследование убедительно доказывает насущную необходимость организации данного направления деятельности во внеклассной воспитательной работе с младшими подростками на первой ступени школьного образования. В статье рассматриваются проблемы внеклассной воспитательной деятельности, направленной на экологическое воспитание учащихся выпускных классов начальной школы, сравниваются различные подходы к ее организации и осуществлению в истории и теории педагогики. Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в педагогической деятельности учителей начальных классов сел Виноградное и Брагунское при формировании экологической культуры на уроках родного языка (кумыкского).

Ключевые слова: экологическое воспитание, внеклассная работа, воспитательная деятельность, средства воспитания, пути воспитания, методы воспитательной работы, сохранение здорового фона экологии окружающей среды, учащиеся завершающей ступени начальной школы, первая ступень школьного образования, экологическая культура

EXTRA CLASS WORK AS A MEANS OF ECOLOGICAL EDUCATION AT THE FINAL LEVEL OF TEACHING IN ELEMENTARY SCHOOL

© 2020

Batirova Margarita Daurbekovna, teacher of the department
of foreign languages

*Chechen State Pedagogical University
(334037, Russia, Grozny, S.Kishieva St., 33, e-mail: ritadaur@gmail.com)*

Abstract. The aim of the work done is to reveal the main ways and means of environmental education in extracurricular activities in educational institutions of the initial stage of education in the Chechen Republic, to form an ecological culture of students in the process of learning kumyk as their native language in places of compact residence of kumyks (Vinogradnoye, Bragunskoye villages). Methods: experimentally substantiated the validity of the choice of methods, tools and areas of extracurricular activities to obtain and record the optimal results of the success of the formation of environmental culture of students. Results: an analysis of information sources revealed the paramount importance and importance of the question of maintaining and developing a favorable environmental situation in the Chechen Republic for its Head, Hero of Russia - Ramzan Akhmatovich Kadyrov. The protection of nature and natural resources is one of the highest priorities of its policy. Scientific novelty: our study convincingly proves the urgent need to organize this area of activity in extracurricular educational work with younger adolescents at the first stage of school education. The article discusses the problems of extracurricular educational activities aimed at the environmental education of primary school students, compares various approaches to its organization and implementation in the history and theory of pedagogy. Practical significance: the main conclusions of the article can be used in the pedagogical activity of primary school teachers in the villages of Vinogradnoye and Bragunskoye in the formation of ecological culture in the lessons of the native language (rumyk).

Keywords: environmental education, extracurricular activities, educational activities, educational tools, educational methods, methods of educational work, maintaining a healthy background of environmental ecology, students at the final stage of primary school, the first stage of school education, environmental culture

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Современная сложная экологическая ситуация в первой трети XXI века активно и напряженно обсуждается на всех континентах планеты, чрезвычайно большое количество форумов, конференций ежегодно посвящаются вопросам экологической культуры общества. Несомненно, особое внимание к ним не могло обойти стороной и российские общеобразовательные учреждения, несущие основную ответственность за подготовку к жизни молодого поколения. Доказательством тому является программа ФГОС, в разделе 19.7 которой представлена «Программа формирования экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни», главная задача последней определяется здесь как обеспечение формирования «представления об основах экологической культуры на примере экологически сознательного поведения в быту и природе, безопасного для челове-

ка и окружающей среды» [8]. Успешное решение этой проблемы возможно лишь в том случае, если общество изменит генеральные аксиологические установки и выработает новые ценностные ориентации по отношению к окружающей среде, лимитирует свои потребности в целях обеспечения здоровой природы для сохранения жизни будущих поколений наших потомков. Не подлежит сомнению, что экологический кризис, порождается прежде всего, тем, что индустриальное потребление различных видов природных ресурсов входит в противоречие со способностью природы к самовосстановлению. Ранее человечество, в силу своей экологической неосведомленности, практически не уделяло внимания данной проблеме.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Анализ науч-

ных работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных данной теме, свидетельствует о низком уровне экологического образования и воспитания мирового сообщества в целом [11-19]. Так, в своей диссертационной работе, О.Г. Трегубова, приводит убедительные свидетельства тому факту, что повышение уровня информативности школьников в вопросах, касающихся экологических проблем, не всегда говорит об изменениях их отношения к экологическим проблемам и взаимосвязи общества и окружающего мира [20].

Формирование целей статьи. Успешное решение экологических проблем зависит от правильной организации экологического образования и воспитания. Только его тщательно выверенная и точно сбалансированная система может стать действенным средством формирования экологической культуры, в основу которой должны быть заложены новые концепции общей экологии и экологии человека. Документ, закладывающий основы модернизации российского образования на период до 2010 года, подчеркивает необходимость совершенствования механизма его устойчивого развития, что, главным образом, касается тех методов обучения, которые содействуют формированию у учащихся навыков самостоятельной работы, развивая и воспитывая целостную гармоничную личность учащегося [9, С. 1-2]. Основным подходом к системе современного экологического образования в вышеприведенном документе указан междисциплинарный подход, целью которого является формирование и развитие экологической культуры школьника. Данное положение мотивируется, прежде всего, тем, что поставленные Программой задачи не могут быть решены в рамках одной универсальной дисциплины. Необходимость целостной подготовки подрастающего поколения обусловлено, в первую очередь, осмыслением современной сущности экологических проблем. Наличие у человека определенных жизненно необходимых ему экологических знаний, моральных убеждений, готовность к бережному отношению к окружающей среде как неотъемлемая часть целостной личности и «является экологической культурой» (См.: Захлебный А.Н., Зверев И.Д., Суравегина И. Т.).

Постановка задания. Целостность учебно-воспитательного процесса включает в себя организацию совместной творческой работы учителя и учащегося. Глобальные процессы реформирования, происходящие в образовательной системе нашей страны, вызывают острую необходимость пересмотра традиционного подхода к образовательному процессу. Технологические возможности современного образовательного пространства требуют разработки теоретических основ интеграции урочных и внеурочных занятий школьников, где приоритет должен быть отдан широкому развитию различных креативных способностей учащихся, а искусно организованная педагогом внеклассная работа способствовать становлению самостоятельности, предоставляющей широкие возможности самореализации учащегося как личности.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Формирование экологической культуры учащихся начальной школы в обучении родному языку в процессе внеклассной учебной деятельности, возможна лишь в том случае, когда учащийся, в первую очередь, хорошо владеет знаниями особенностей территориального характера места своего проживания. Осознание ребенком региональных экологических проблем будет эффективным, поскольку он находится в реальном микроокружении, мире, в котором протекает жизнь его самого, его семьи, рода. Изучение исторической уникальности родного края, природы является важным элементом в формировании экологической культуры учащихся завершающей ступени обучения в начальной школе. Этапы экологического образования должны соответствовать учету основных особенностей учащихся в процессе их обучения родному языку (кумыкскому) во
Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

внеклассной работе. Здесь важную роль играет выработка интегральных основополагающих принципов экологического образования.

Учитывая данное положение, В.С. Кукушкин обоснованно предлагает разделить программу экологического образования, используемую в своей работе учителями сел Виноградное и Брагунское, на два этапа:

1 этап. Привлечь внимание ребенка к тому, что происходит вокруг него (школы, количество и типы растущих растений, транспорт и т.д.)

2 этап. Научить учащихся ставить экологические задачи и уметь решать их, уметь рационально и критически давать оценку состояния окружающей среды [5, с. 106]

Каждый этап сопровождается учетом особых требований к уровню сформированности экологической культуры. Надежная система и последовательность в организации воспитательной деятельности педагога, отсутствие протекания воспитательной работы от случая к случаю, чуткий подход к поставленной перед учителем цели, являются, по их мнению, эффективными средствами в формировании экологической культуры учащихся начальных классов.

В своем, получившем мировую известность, произведении «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко обращает внимание читателей на один из докладов, который был прочитан на Всероссийском совещании по педагогическим наукам. Макаренко резко критикует данный доклад в целом, а в особенности содержащееся в нем утверждение оратора о том, что «воспитательная работа» носит, по большей части, «лишь берегающий характер и его воздействия сводятся лишь к борьбе с отрицательными проявлениями в поведении учащихся». Негативно он отнесся и к высказыванию о воспитательном воздействии педагога на детей, которое, мнению докладчика, «должно начинаться лишь после того, как ученик уже совершит действие». Макаренко был абсолютно не согласен с тем, что выступавший с докладом отрицал необходимость в воспитании тех детей, которые якобы никогда не совершают проступков [7, с. 31-32]. Талантливый воспитатель и писатель был убежден в необходимости постоянно искать и находить такие универсальные педагогические методы, которые будучи общими и едиными, дадут возможность каждому отдельно взятому индивиду развивать свои особенности, сохраняя при этом свою уникальность. Согласно его взглядам, педагогам также необходимо обладать хорошей политической чуткостью и не забывать того, образно говоря, что дети представляют собой «разнообразный материал для воспитания», и то, что из этого получится, тоже будет разнообразным.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Анализ программ и учебных пособий по родному языку в СОШ сел Виноградного и Брагунского в начале опытно-экспериментальной работы, показал, что внеклассные занятия экологической направленности проводятся не эффективно, а основной материал усваивается лишь на уроке. Данное положение оптимально изменилось, когда в этом виде деятельности были учтены предложения Л.Л. Баговой, убедительно обосновавшей необходимость обязательного учета в ее организации и проведении следующих принципов построения внеклассной работы, имеющей экологическую направленность:

- формирование интегрированного представления об окружающей среде и социальном окружении как среде жизни, отдыха и труда;
- совершенствование способности воспринимать природу посредством органов чувств и познавательного интереса, а также способность к объяснению при рассмотрении фактов и явлений окружающей действительности;
- обучение учащихся младших классов методам познания окружающего мира;

- воспитание нравственного и эстетического отношения к жизнедеятельности ребенка, способность вести себя в среде в соответствии с нормами морали [1].

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Учителя вышеназванных школ исходят в своей опытно-экспериментальной работе из того, что начало третьего тысячелетия имеет особое значение в области роли экологии в образовательном процессе - это обосновывается стратегией выживания человека и преодоления противоречий между техно сферой, природой и человеком. Во главу угла они поставили анализ социально-экономического развития Чеченской республики характеристика которого будет достаточно полной без оценки ее экологической обстановки. Накануне боевых действий состояние окружающей среды было уже близко к катастрофическому. Бессистемная добыча и переработка нефтяных продуктов наносила непоправимый ущерб окружающей среде нашей республики, а годы военных событий нанесли еще больший урон ее и без того критическому состоянию. В связи с этим, в послевоенные годы, в период восстановительных работ, был особенно остро поставлен вопрос о природоохранной деятельности в ЧР. Анализ экологического обследования территории ЧР Министерством природных ресурсов РФ также позволил им дать объективную оценку экологическому состоянию республики. В Минэкономразвития РФ были переданы предложения о необходимых санациях и рекультивации загрязненной нефтепродуктами территории [10]. Большое внимание в республике настоящего времени уделяется вопросу об охране природы и природных ресурсов, которые находятся на особом контроле Главы Чеченской Республики, Героя России Рамзана Ахматовича Кадырова.

В своем интервью еще в 2017 году министр природных ресурсов и охраны окружающей среды по ЧР Саид-Магомед Магомедович Темирханов обратил внимание на то, что по итогам года, который был объявлен Президентом России Годом экологии (2017), Чеченская республика была включена в пятерку регионов, принимавших наиболее активное участие по реализации всех, поставленных перед страной задач. Согласно его выступлению, Год экологии позволил осуществить огромный прорыв в развитии и становлении экологического состояния ЧР. Было посажено более 335 000 молодых деревьев, очищено более семи объектов, где ранее были расположены нефтешламные амбары и накопители. Все проведенные по оздоровлению природных богатств нашего края мероприятия должны в ближайшем будущем служить фундаментом улучшения экологического состояния республики. Большой вклад в развитие экологической культуры, экологического воспитания подрастающего поколения вносят волонтерские молодежные организации, такие как АНО «Зеленое золото», «Российский союз сельской молодежи», МОПД «Ахмат» и многие другие. Они в значительной степени оказывают существенную поддержку делу реализации запланированных мероприятий. Активное участие молодежи в уборке мусора, в посадке деревьев, очистке водоемов и в иных природоохранных мероприятиях особенно важно, так как именно молодежь и есть наше будущее, а сохранность окружающей среды во многом зависит от нее [3]. В республике было организовано большое число акций, приуроченных к Году экологии.

Выводы исследования. Такого рода мероприятия объединяют людей, они эффективно влияют на мировоззренческие взгляды подрастающего поколения, поскольку каждое конкретное, полезное дело, которое было реализовано в рамках проекта, безусловно, оставило свой след в сознании подрастающего поколения. Ведь экологический опыт старшего поколения чрезвычайно важен при формировании экологической культуры детей.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Мероприятия, имеющие экологическую направленность, осуществляемые на постоянной основе во

всех регионах нашей республики, позволяют успешно решать экологические проблемы, возникавшие на протяжении долгих лет в Чеченской республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Багова Л.Л. Внеклассная работа по формированию экологической культуры младшего школьника в рамках интегративного курса «окружающий мир». / Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: МГТУ, 2015. – С.
2. Захлебный А.Н. Содержание экологического образования в средней общеобразовательной школе: теория обоснованности и пути реализации. Дисс. док. пед. наук. – М., 1985. – 389 с.
3. Информационное Агентство «Грозный-информ» [Электронный ресурс] / (дата обращения 15.12.2019).
4. Калустьянц, К.А. Формирование экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни подростков в процессе проектно-исследовательской деятельности автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01. / Калустьянц, К.А. – Владикавказ, 2015. – 25с.
5. Кукушкин, В.С. Теория и методика воспитания / В.С. Кукушкин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 508 с.
6. Литвинова, О.А. Формирование экологической компетентности младших школьников во внеурочной деятельности: автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01. / Литвинова О.А. – Саратов, 2013. – 25 с.
7. Макаренко, А.С. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. А.С. Макаренко; Академия педагогических наук СССР. – Т. 1 – М. 1977. – 399 с.
8. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 Ф3 №273
9. О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года: В соответствии с пунктом 2 распоряжения Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 1756-Р.
10. Тавбулатов, А.А. Экологические проблемы использования природных ресурсов ЧР/ А.А. Тавбулатов, З.К. Тавбулатова // Чечня на рубеже веков: состояние и перспективы / Материалы научно-практической конференции 27 марта 2004 года. Том II. – Грозный, 2004. – С. 61-63.
11. Мдивани М.О., Хисамбеев Ш.Р. Экологическое самосознание как основа проэкологического поведения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 346-348.
12. Попов Ю.М., Сазонова Н.Н. Системный подход к формированию экологической культуры личности в эпоху социальной турбулентности // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 243-246.
13. Лоцилова А.А., Винокурова Н.Ф. Эколого-ориентированная развивающая образовательная среда детского общественного объединения как средство формирования экологической ответственности у школьников // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 35-39.
14. Мансурова Д.С. Теоретические основы проектирования инновационных технологий формирования экологической культуры студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 97-99.
15. Матвеева А.В., Кротова Е.А. Реализация возможностей электронной информационно-образовательной среды в экологическом образовании // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 26-28.
16. Левченко Н.В. Экологическое образование: классификация теоретико-методологических подходов // Искумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 1 (36). С. 109-116.
17. Бусыгин А.Г., Лизунова Е.В. Методика формирования экологических знаний у студентов педагогического университета // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 205-209.
18. Гордеева Д.С., Тюнин А.И., Алухтин А.С., Демчура С.С. Нерешенные проблемы непрерывного профессионального образования на стыке экологии и экономики // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 63-67.
19. Иванова Т.Н., Иванов М.Н. Теоретические подходы к изучению экологической культуры в современной социологии // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 129-133.
20. Трегубова, О.Г. Воспитание экологической культуры у подростков в условиях образовательной средней школы. Дисс. канд. пед. наук. – П., 2015. – 211 с.

Статья публикуется при поддержке гранта ЧГПУ «Целевой конкурс по поддержке молодых ученых»

Статья поступила в редакцию 06.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.4

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0005

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮРИСТА КАК ПУТЬ К ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ

© 2020

SPIN-код: 7737-4167

AuthorID: 702801

Викулина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных направлений
Петрозаводский государственный университет
(185000, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33, e-mail: homework2013@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности непрерывного образования специалистов юридического профиля в России и обосновывается его необходимость для достижения и поддержания высокого уровня профессионализма юристов разных специализаций. Автор анализирует правовую основу, а также возможные формы получения юристами непрерывного образования как в стенах учебных заведений, так и за их пределами. Кроме того, в статье приводятся данные исследования, проведенного автором в 2018-2019 гг. с целью сбора информации об образовательных пробелах современных юристов, их познавательных потребностях и способах удовлетворения данных потребностей. Профессия юриста позиционируется как многоаспектная, междисциплинарная, практико-ориентированная и личностно-направленная, что побуждает представителей данной профессии постоянно совершенствовать свое образование не только через приобретение новых профессиональных навыков, но и посредством развития личностно-значимых качеств и культуры личности.

Ключевые слова: непрерывное образование, образование взрослых, юрист, профессия, дополнительное образование, повышение квалификации, самообразование, обучение, тренинг, развитие личности

CONTINUING EDUCATION OF A LAWYER AS A WAY TO PROFESSIONALISM

© 2020

Vikulina Olga Vladimirovna, senior lecturer of the department of foreign languages for humanities
Petrozavodsk State University

(185000, Russia, Petrozavodsk, avenue Lenina 33, e-mail: homework2013@mail.ru)

Abstract. The article deals with the specifics of Russian lawyers' continuing education and its importance for the achievement and maintenance of a high level of professionalism by legal specialists in different branches of law. The article analyzes the legal basis as well as various forms of getting continuous education by lawyers both in educational institutions and out of them. Besides, the article provides the results of the research conducted by the author in 2018-2019 and aimed at gathering information about modern lawyers' educational gaps, learners' needs and ways to satisfy those needs. The profession of a lawyer is seen as multifaceted, interdisciplinary, practice-oriented and client-centered, which makes representatives of this profession continue their education not only by acquiring new professional skills but also by developing personal features and culture.

Keywords: continuous education, adult education (andragogy), lawyer, profession, supplementary education, self-education, training, workshop, personality development

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Стремительное социально-экономическое развитие современного мира неизбежно приводит к изменениям в общественных отношениях между членами социума. Какими бы радикальными ни были происходящие изменения, любое развитое государство стремится к порядку и гармонии, поддержание которых невозможно без правового регулирования, отвечающего потребностям меняющегося общества. Осуществление эффективного правового регулирования общественных отношений осуществляется юристами, поэтому развитие уровня образования правоведов неизменно должно сопутствовать развитию поля их деятельности. Юристы должны не прерывно повышать свою квалификацию, стремиться к формированию новых умений, двигаться в направлении постоянного повышения собственного уровня профессионализма.

Сегодня образование специалиста юридического профиля не может оставаться статичным. Правоведы стремятся учиться на протяжении всей жизни не только с целью контроля за соблюдением законодательства гражданами России, но и для того, чтобы способствовать росту мирового престижа нашей страны как правового государства и помогать иностранцам уважительно относиться к системе наших правовых норм, так как границы между государствами становятся все более открытыми и присутствие иностранных граждан, юридических лиц и капиталов в России становится нормой. Отвечающие требованиям времени программы повышения квалификации, профессиональные тренинги, сетевые формы обучения, а также регулярные занятия самообразованием могут помочь современным юристам в поддержании высокого уровня профессиональной компетентности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Вопросы непрерывного образования уже много лет привлекают внимание исследователей всего мира. Понятие «непрерывное образование» упоминается в материалах ЮНЕСКО уже в 1960-е годы. Данное понятие исследовалось в рамках различных подходов, вытекающих из различий в его понимании. Нередко данный термин подразумевает образование взрослых, при этом особое внимание уделяется вопросам профессиональной переподготовки, обучения специалистов с целью повышения их квалификации, а также влияния данных процессов на развитие общества в целом [1, 2]. В несколько иной трактовке термин «непрерывное образование» понимается как образование на протяжении всей жизни, а исследованию подвергаются вопросы дополнительного образования не столько специалистов, сколько людей разного возраста, включая детей и пенсионеров, с целью дополнительного развития человека и его социализации [3, 4]. В последние годы имеется тенденция к пониманию термина «непрерывное образование» как любой формы образования, имеющей целью всестороннее развитие личности. При таком понимании феномена непрерывного образования исследователи изучают различные формы образования в государственных и негосударственных структурах, уделяя особое внимание самообразованию и познавательной мотивации учащихся, а также совершенствованию общества через развитие и саморазвитие личности [5, 6, 7, 8]. Несмотря на актуальность проблем непрерывного образования во всем мире, вопросы непрерывного образования специалистов отдельных профессиональных областей в России, включая

профессию юриста, остаются недостаточно изученными.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целью данной статьи является анализ особенностей непрерывного образования специалистов юридического профиля в России и его важности для поддержания высокого уровня профессиональной юридической компетентности.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Непрерывное образование сегодня становится прерогативой людей разных возрастов, интересов, уровней обученности, профессий на государственном уровне. Федеральный Закон «Об Образовании в Российской Федерации» закрепляет стремление государства «обеспечить право каждого гражданина на образование в течение всей жизни» [9]. При этом законодатель говорит не только о доступности образования для людей разного возраста и рода деятельности, но и подчеркивает важность учёта способностей, предпочтений, индивидуальных черт личности и призывает к тому, чтобы образовательные институты были готовы обеспечить гражданам «образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека» [9]. Таким образом, право на непрерывное образование в нашей стране закреплено законодательно, поэтому любой гражданин должен быть обеспечен механизмами реализации этого права как посредством образовательных институтов: школ, вузов, курсов повышения квалификации, музеев, библиотек и т.д., так и путём доступного самообразования.

На сегодняшний день в отечественной педагогике нет единства понимания феномена непрерывного образования. К данному феномену относят и разнообразные формы образовательной деятельности взрослых (языковые курсы, тренинги, семинары), и повышение квалификации специалистов (включая профессиональную переподготовку), и внешкольное образование учащихся (музыкальные и художественные школы, спортивные секции, клубы по интересам), и всевозможные виды образования студентов (студенческие театры, дискуссионные клубы, юридические клиники), и обучение пенсионеров и развитие у них новых навыков (повышение компьютерной и финансовой грамотности, клубы по интересам) и т.д. При этом важно отметить, что, во-первых, термин «непрерывное образование» сегодня может трактоваться достаточно широко, поэтому его дефиниция может включать в себя самые разнообразные формы обучения самых разных категорий людей; во-вторых, любая трактовка данного понятия должна выделять всестороннее и гармоничное развитие личности в течение всей жизни как базовую и основную задачу непрерывного образования.

Уже сейчас Закон «Об Образовании» предлагает несколько форм реализации права на образование, утверждая, что «система образования создает условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования» [9]. Также законодатель учитывает необходимость развития способностей граждан, свободного развития личности каждого, обязанность государства создать условия для успешной самореализации каждого гражданина.

Гармоничное и всестороннее развитие личности на протяжении всей жизни невозможно без развитой системы образования в государстве. В настоящее время «именно система образования выполняет функции окультуривания сознания, воспитания духовности, раз-

вития способностей цивилизованного взаимодействия с природой» [10:284]. Привитие гражданам общечеловеческих ценностей посредством развития системы образования делает непрерывное образование ценностно-ориентированным [11:18]. Через образование и культурное взаимодействие члены общества учатся «более осознанно подходить к использованию доступной информации, стремиться к рациональному использованию природных ресурсов, брать на себя персональную и социальную ответственность за происходящее, учитывать вопросы нравственности при совершении и оценивании конкретных действий» [12:2].

Помимо вышесказанного, непрерывное образование призвано воспитывать в человеке желание учиться на протяжении всей жизни [5:28]. В Законе «Об Образовании» упоминается необходимость «формирования у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни» [9]. По словам О.Н. Смолина, «не только информация, но и знания устаревают достаточно быстро», «в настоящее время устаревают не только профессиональное, но даже общее (школьное) образование» [13:135]. По этой причине в условиях постоянного прогресса специалисту любой области необходимо быть готовым к самостоятельному поиску все новых способов обогащения собственного образования: развития личностных качеств, углубления имеющихся знаний, совершенствования профессиональных умений и навыков, достижения более высокого уровня коммуникации с окружающим миром и людьми, роста собственной культуры [6:34].

Таким образом, непрерывное образование ориентировано на развитие многогранной личности человека любого возраста посредством обучения, повышение его мотивации к образованию на протяжении всей жизни, стимулирование к занятиям самообразованием и повышению уровня собственной культуры, стремление к профессионализму и формированию новых компетенций. Специалисты разных областей, в том числе юрспруденции, имеют законодательно закрепленное право на получение непрерывного образования в течение всей жизни в рамках основных и дополнительных образовательных программ с целью самореализации, всестороннего развития личности, воспитания в человеке желания постоянно учиться и работать на благо гармоничного развития общества.

Профессия юриста по своей природе является личностно-ориентированной. Оказание правовой помощи людям способствует установлению сбалансированных отношений между членами общества, а также личностному росту самого юриста. Большинство студентов первого курса юридического факультета Петрозаводского государственного университета (55% из числа 62 опрошенных) отмечают, что пришли в профессию для того, чтобы помогать людям и делать общество более гармоничным (данные анкетирования в 2018-2019 гг.). Для этого они готовы учиться, развиваться и получать опыт практической деятельности. Таким образом, первокурсники-правоведы ПетрГУ достаточно мотивированы к получению образования с целью роста как личностного, так и профессионального.

Для того, чтобы понять, какие образовательные цели ставят перед собой специалисты той или иной профессиональной области, необходимо определить, каковы их образовательные потребности, вытекающие из требований рынка труда [14]. С целью сбора информации о характере образовательных потребностей современных юристов, нацеленных на повышение их уровня профессионализма, в 2018-2019 гг. нами было проведено анонимное анкетирование правоведов разных возрастов и специализаций. На вопросы анкеты ответили 98 выпускников юридических факультетов российских вузов, находящихся в разных регионах страны. Среди опрошенных представители разнообразных правовых профессий, а именно: адвокаты и их стажеры, сотрудники полиции

и ГИБДД, юристы предприятий и банков, риэлторы и консультанты по сделкам с недвижимостью, юристы общественных правовых организаций, секретари суда, судьи, независимые правовые консультанты и судебные представители, помощники нотариуса, юристы госучреждений и лечебных заведений, сотрудники прокуратуры, инспекторы таможни. Объединяет респондентов то, что все они имеют дипломы об окончании высшем юридическом образовании и являются практикующими юристами, стремящимися к качественному и профессиональному осуществлению своих обязанностей. Они представляют разные поколения специалистов, окончивших вузы в 2007-2018 гг.

Проведенное исследование показало, что только треть опрошенных специалистов удовлетворены результатами своего обучения по основной образовательной программе вуза и считают уровень полученного образования высоким (32%). Многие респонденты отметили, что уровень образования, полученного ими на юридическом факультете недостаточно высок, а после окончания вуза они не ощутили себя квалифицированными специалистами (44%). При этом все респонденты признали, что для оказания качественной правовой помощи в какой бы то ни было отрасли права мало только знаний и умений, приобретенных в рамках обучения в вузе: юристу необходимо постоянно работать над повышением уровня профессиональной компетентности.

Ответы юристов свидетельствуют о том, что образование правоведа не должно ограничиваться подготовкой по основной программе обучения в вузе, т.к. наличие диплома о высшем образовании не является гарантией высокого уровня профессионализма. Уже на этапе обучения будущих юристов в университетах необходимо предоставлять студентам возможность выбора программ дополнительной подготовки, которые можно осваивать одновременно с основной программой. Также такие программы и курсы повышения квалификации должны быть доступны любому специалисту сразу по окончании вуза, так как уже на этом этапе начинающим специалистам, устроившимся на работу, требуется дополнительное образование для более детального изучения отдельных правовых и неправовых вопросов, а также развития новых умений в юриспруденции и других областях знания.

Важность подробного изучения не одной-двух, а одновременно нескольких отраслей права подтверждается ответами анкетированных. 59% опрошенных юристов отметили, что они работают на стыке нескольких отраслей и им нужны глубокие знания сразу четырех (или более) отраслей права, 26% респондентов указали, что их работа затрагивает три отрасли. Кроме того, в ежедневной работе опрошенные юристы применяют знания и умения из таких сфер, как документоведение и делопроизводство (26%), психология (24%), экономика и менеджмент (20%), налоги и аудит (18%), информационные технологии (18%), иностранные языки (15%), педагогика (15%), медицина (10%), логистика (8%), страхование (3%), лесозаготовки (2%), машиностроение (1%) и других. Треть опрошенных указали на недостаточно глубокое теоретическое освещение некоторых отраслей права при обучении в университете, а значит, пробелы в знании законодательства соответствующих отраслей, в особенности узких и комплексных.

Образовательные потребности юристов меняются вместе с меняющимися потребностями общества, что стимулирует правоведа к освоению новых путей обогащения собственного образования и повышению уровня профессионализма. 60% респондентов посещали различные образовательные курсы, семинары и тренинги, организованные работодателем. Это, например, курсы профессиональной подготовки при МГЮА, МФЮА, семинары юридического института «М-Логос» и ЦНТИ «Прогресс», совместные учения таможенников, полицейских и спасателей и др. В эти 60% вошли также те,

кто получают (получили) дополнительное высшее образование и самостоятельно учились (учатся) на коммерческих курсах. Участники анкетирования расширили спектр своих компетенций за счет получения образования в дополнительных отраслях права, в сферах бухгалтерского учета и аудита, кадрового менеджмента, английского и финского языков, искусства коммуникации, оказания медицинской помощи, торговообразования, электроэнергетики, налогообложения, правового сопровождения сделок с недвижимостью, искусства публичного выступления и пр.

Анализ ответов на вопросы анкеты позволяет нам сделать вывод о том, что профессиональная деятельность современного юриста сосредоточена сразу в нескольких областях знания, поэтому и их образование должно быть междисциплинарным, а может быть, и трансдисциплинарным. Ведь современного юриста, надежно подкованного в вопросах права и при этом владеющего основами педагогики, налогообложения и компьютерного дизайна, стремящегося сделать общество более органичным, а окружающую среду более экологичной и при этом постоянно повышающего уровень собственной культуры действительно можно назвать человеком эпохи постмодернизма, нуждающимся в ином образовании, чем раньше. Такое образование должно включать многообразные программы дополнительного образования, а также давать доступ к неограниченному количеству ресурсов для самообразования и саморазвития. Отсутствие такого образования значительно ограничивает возможности юристов на пути к повышению собственного уровня профессионализма и качества оказываемых правовых услуг, предоставляемых обществу.

Мнения опрошенных специалистов также указывают на то, что многие начинающие юристы испытывают острый недостаток опыта практической деятельности. 52% респондентов отметили, что во время обучения в вузе у них не было достаточного количества практической работы, такой как анализ правоприменительной практики, использование судебных решений для разрешения конкретных правовых конфликтов, работа с клиентами, работа с опытными специалистами в сфере юриспруденции, составление правовых документов и т.д. Недостаток практической деятельности во время учебы не может не отразиться на готовности специалиста к оказанию правовых услуг и его уровне квалификации.

Пробелы в образовании вынуждают молодых специалистов самостоятельно нарабатывать опыт практической деятельности. Участники опроса преодолевали это препятствие посредством самостоятельного изучения судебной практики и добровольного посещения открытых судебных процессов (36%), регулярного мониторинга изменений в действующем законодательстве (32%), работы в студенческих юридических клиниках в качестве волонтеров (9%), подработки в юридической сфере в качестве стажеров и помощников (8%), участия в деятельности юридических лиц, принадлежащих родственникам (3%), юридического консультирования членами семьи и друзей (5%).

Для устранения нехватки практического опыта у выпускников юридических факультетов необходимо устанавливать более прочную связь между процессом подготовки будущих правоведа и работой специалистов правового профиля в реальных условиях. Вузы должны стремиться развивать контакты с государственными учреждениями правового профиля, юридическим консульствами, правоохранительными органами и иными представителями потенциальных работодателей, чтобы дать возможность студентам посещать судебные заседания, знакомиться с работой юридических отделов компаний, регулярно проходить учебную практику в качестве помощников специалистов-правоведов. Кроме того, обязательными являются подробная проработка правоприменительной практики во время учебы, осо-

бенно в узкоспециализированных и смежных отраслях права, и опыт составления правовых документов, таких как договоры, исковые заявления, ходатайства.

Участники опроса отмечают, что в данный момент в нашей стране сложно найти дополнительные образовательные программы на некоммерческой основе, способные помочь начинающим юристам восполнить пробелы в практической профессиональной деятельности. Д.ю.н., профессор Камышанский В.П. считает: «Для повышения качества подготовки юристов необходимо повседневно укреплять связь с работодателями, оперативно корректировать учебные планы подготовки бакалавров и магистров с учетом потребностей практики» [15:26].

К самообразованию прибегают 100% опрошенных юристов. Меняются общественные отношения в стране и мире, а вместе с ними и правовое регулирование данных отношений: законы, правовые события, судебные решения. Профессия правоведа одна из основных, где не обойтись без «самоорганизации в области образования» [16:381], т.е. самостоятельного получения знаний и развития новых компетенций. Самообразование способствует самореализации профессионала, удовлетворению им результатами своей деятельности. [17:88].

В настоящее время ведущими источниками получения профессиональной информации и обогащения образования юристы называют справочные правовые системы, такие как «Консультант» и «Гарант» (94%), разнообразные ресурсы Интернет (89%), включая профессиональные сообщества в социальных сетях и на онлайн-форумах, например «Сообщество юристов и адвокатов» [18], «Сообщество адвокатов и юристов Москвы» [19], многие обращаются за очной или письменной консультацией к коллегам и специалистам других сфер деятельности (64%). Некоторые юристы консультируются с сотрудниками госорганов (15%): министерств и ведомств, судов, различных учреждений, и читают юридическую прессу и литературу (4%).

Участники опроса отмечают, что их сфера деятельности требует постоянного взаимодействия с людьми и регулярной работы с документами, поэтому юристам не обойтись без саморазвития своей личности, в особенности черт характера, отвечающих за общение с людьми, и качество, на которых основано эффективное документооборот[20:54]. Респонденты стараются сформировать и закрепить у себя такие качества, как ответственность (35%), пунктуальность (33%), стрессоустойчивость (30%), целеустремленность (20%), интерес к профессии (15%), коммуникабельность (15%), усердие и усидчивость (12%), чувство юмора (10%), честность (6%).

Профессия правоведа является ценностно-ориентированной, т.к. основная задача юриста – восстановление и сохранение справедливости, поэтому долгом каждого юриста является воспитание собственной личности и развитие в себе указанных черт характера, что является частью его непрерывного образования, и способствует устранению нарушения прав других людей и установлению правовой гармонии в обществе.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, специалисты юридического профиля имеют законодательно закрепленное право на получение непрерывного образования в рамках основных и дополнительных образовательных программ, нацеленного на гармоничное личностное и профессиональное развитие. Анкетирование практикующих юристов показало, что достижение высокого уровня профессионализма современными юристами невозможно без непрерывного образования специалистов юридического профиля как в стенах вуза, а так за его пределами.

Опрос юристов показал, что правоведам-профессионалам необходимо непрерывное образование, т.к. многие юристы не удовлетворены уровнем подготовки в рамках основной образовательной программы в вузе, а

если и удовлетворены, то знаний и навыков, полученных в вузе, недостаточно для качественной работы, поскольку общество постоянно меняется и требует от юристов своевременного профессионального роста. Более того, потребность в непрерывном образовании юристов вытекает из особенностей самой специальности, т.к. юриспруденция – это комплексная и многоаспектная отрасль, находящаяся на стыке многих областей знания, поэтому юристы вынуждены осваивать всё новые дисциплины, а профессия правоведа становится трансдисциплинарной. Высокий уровень профессионализма специалиста-правоведа также требует богатого опыта практической деятельности, поэтому юристы должны заниматься правовой практикой. А в связи с тем, что юридические профессии многообразны, их представителям не обойтись без самообразования и самостоятельного поиска возможностей для развития новых компетенций именно в той сфере деятельности, где они хотят быть профессионалами. И, наконец, по причине того, что профессия юриста является человеко-ориентированной, специалисты юридического профиля занимаются развитием собственной личности и повышением своего уровня культуры, чтобы сделать общественное взаимодействие более разумным, комфортным и безопасным.

Непрерывное образование юристов должно включать возможность не только для обучения по основной образовательной программе, но и множеству дополнительных программ и тренингов для специалистов узких и комплексных отраслей права. Дополнительное внимание необходимо уделять профессиональному опыту и навыкам практической деятельности начинающих специалистов-правоведов. Непрерывное образование современных юристов невозможно без самообразования и саморазвития, поэтому богатый спектр ресурсов для самостоятельного обучения и развития юристов поможет специалистам достичь более высокого уровня профессионализма и усовершенствовать качество оказываемых правовых услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Baumgartner L.M. An update on transformational learning // S.B. Merriam (ed.). *The New Update on Adult Learning Theory. New Directions for Adult and Continuing Education*. Hoboken: Jossey-Bass, 2001. P.15–24.
2. Bagnall R.G. *Lifelong learning: concepts and conceptions*. International Journal of Lifelong Education. London: Routledge, 2000. Vol. 19. No. 1. P. 20–35.
3. *European Council Presidency Conclusions*. – Lisbon, 2000. – 63 p.
4. Нестеров А.Г. Европейские концепции непрерывного образования в начале XXI века // *Научный диалог*. 2012. No 5. С. 29-37.
5. Day C. *Developing Teachers: The Challenges of Lifelong Learning*. London, Philadelphia: Taylor & Francis e-Library, 2002. – 264 p.
6. Hirsch D. *Learning beyond schooling: New forms of supply and new demands*. Paris: Centre for Educational Research and Innovation Conference, OECD, 1995. – 56 p.
7. Bransford J. D., Brown A. L., & Cocking R. R. *How people learn: Brain, mind, experience, and school*. Washington, DC: National Academy Press, 1999.
8. Маслов В. И., Зволинская Н. Н., Корнилов В. М. *Непрерывное образование: подходы к сущности*. URL: <http://lib.sportedu.ru/Texts.idc?DocID=89990> – (дата обращения 5.08.2019).
9. *Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ: принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г.* // *КонсультантПлюс* [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». – Электрон. дан. – [Москва], cop. 1997. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ – (дата обращения 5.10.2019).
10. Громкова, М.Т., Синергетические подходы в современном образовании / М.Т. Громкова // *Синергетическая парадигма. Синергетика образования*. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. С.281-293.
11. Smidt H., Sursock A. *Engaging in Lifelong learning: Sharing Inclusive and Responsive University Strategies*. Brussels: European University Association, 2011. – 102 p.
12. Aspin D., Chapman J., *Values Education and Lifelong Learning. Principles, Policies, Programmes*. Dordrecht: Springer, 2007. – 447 p.
13. Смолин, О.Н. *Образование в течение всей жизни: законодательство и проблемы* // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. – 2015. – № 1(19). – С.135-143.
14. Видулина, О.В. *Контроль уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции в системе непрерывного образования (на примере обучения студентов юридических факультетов)* // *Непрерывное образование: XXI век* [Электронный ресурс] – Электрон.

дан. – URL: <http://i121.petrso.ru/journal/article.php?id=2368> (дата обращения 5.10.2019).

15. Камышанский, В.П., О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. – 2010. – № 2. – С. 16-26.

16. Князева Е. Н., Пробуждающее образование // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 369–387.

17. Костакова И.В., Белоусова (Григорьева) С.С. Психологическая основа профессиональной самореализации личности // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 84-89.

18. Сообщество юристов и адвокатов [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – URL: https://vk.com/typical_jur/. – (дата обращения 5.10.2019).

19. Сообщество адвокатов и юристов Москвы [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – URL: <https://vk.com/club33027974> – (дата обращения 5.10.2019).

20. Соколов, Н.Я., Леванский, В.А., Профессиональные качества юристов: желаемые и действительные (структурно-таксономическое моделирование) // Журнал российского права. - 1968. - №5. - С.50-72.

Статья поступила в редакцию 13.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 37013.8

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0006

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

© 2020

AuthorID: 304930

SPIN: 9134-1861

ResearcherID: V-5351-2018

ORCID: 0000-0003-3093-2602

Грязнова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедры философии и теологии

AuthorID: 736254

SPIN: 9502-6593

ResearcherID: V-1952-2018

ORCID: 0000-0002-7273-1852

Мальцева Светлана Михайловна, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и теологии

AuthorID: 1004486

SPIN: 7336-8091

Булганина Анастасия Евгеньевна, студент

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, e-mail: maltsevasvetlana@yandex.ru)*

AuthorID: 495516

SPIN: 2966-4665

Комарова Анна Николаевна, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры
общеобразовательных и профессиональных дисциплин

*Самарский государственный университет путей сообщения
(443066, Россия, Самара, ул. Свободы, 2в, e-mail: komaranna@yandex.ru)*

Аннотация. Работа связана с проблемой религиозности студенческой молодежи. Именно она в будущем определит религиозную ситуацию в нашей многоконфессиональной стране. Образование в России является светским, однако данные проведенного опроса и сравнительный анализ предшествующих исследований показывают, что растет не только интерес к религиям среди современных студентов, но и их религиозность. Авторы констатируют размытость религиозного сознания современных студентов, что делает их более уязвимыми перед столкновением с мифологическими и псевдонаучными учениями. Изучение религиозности студентов педагогических вузов особенно важно, так как именно они продолжают традицию передачи культурного опыта, в том числе религиозного, следующим поколениям. В итоге авторы приходят к мысли о необходимости введения в вузовские программы обучения, в частности в педагогических вузах, дисциплин теологической направленности. Данные показывают, что интерес к этой области у студентов присутствует, остается проблема методологической разработки соответствующих курсов и подготовки для них квалифицированных преподавателей.

Ключевые слова: образование, педагогический вуз, религиозность, вера, религия, студент, религиозное поведение.

ON THE QUESTION OF RELIGIOSITY OF MODERN STUDENTS

© 2020

Gryaznova Elena Vladimirovna, doctor of philosophy, Professor, head

Department of "Philosophy and theology"

Maltceva Svetlana Michailovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor

of the Department of Philosophy and Theology

Bulganina Anastasia Evgenievna, student

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

(603005, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanov St., 1, e-mail: maltsevasvetlana@yandex.ru)

Komarova Anna Nikolaevna, associate Professor, candidate of philosophical sciences,

associate Professor of General and professional disciplines

Samara State University of Railway Engineering

(443066, Russia Samara, Svobody street, 2B, e-mail: komaranna@yandex.ru)

Abstract. The work is connected with the problem of religiosity of students. It will determine the religious situation in our multi-confessional country in the future. Education in Russia is secular, but the data of the survey and comparative analysis of previous studies show that not only the interest in religions among modern students is growing, but also their religiosity. The authors state the blurring of the religious consciousness of modern students, which makes them more vulnerable to collision with mythological and pseudoscientific teachings. The study of the religiosity of students of pedagogical universities is especially important, as they will continue the tradition of transmitting cultural experience, including religious, to the next generations. As a result, the authors come to the idea of the need to introduce theological disciplines into higher education programs, in particular in pedagogical universities. The data show that interest in this area is present among students, there is a problem of methodological development of appropriate courses and training of qualified teachers for them.

Keywords: education, pedagogical University, religiosity, faith, religion, student, religious behavior.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. На протяжении всей истории религия является одним из главных факторов влияния на формирование человеческого мировоззрения. На данный момент возникает острейшая необходимость более тщательного изучения религии и церкви, чтобы наметить пути решения существующих общекультурных проблем современности, в частности

выявить, теряет ли религия свою популярность среди молодежи в современном мире. Как известно, религия - это вера людей в сверхъестественные силы, которая включает в себя обряды, культы, духовные убеждения и многое другое [1]. Религия хоть и играет немаловажную роль в жизни человека, но в светском государстве является независимой. Человек обращается к церкви именно в те моменты, когда ищет моральной поддержки со стороны [2].

Для начала следует рассмотреть религию и веру в отдельности как два разных понятия. Вера - это внутреннее состояние человека, причем не всегда она заключается в веру в сверхъестественные силы. В какой-то степени можно сказать, что именно она отвечает за доверие высшим силам. А религия, в свою очередь, является внешним выражением, включает в себя особые принципы, соблюдение каких-либо норм и правил, а также многое другое. Именно поэтому ее можно назвать формой общественного сознания. Ведь человек может иметь веру внутри себя, но при этом не относить себя ни к одной из религий. Как и наоборот, человек, посещающий церкви и принимающий участия в богослужениях, является религиозным лишь внешне, хоть внутренне он и не имеет собственной веры во что-либо [3, 4, 5].

Объективная оценка роли религии является невозможной. Религия претерпевает изменения на данный момент в современном мире. На нее все больше и больше оказывают влияние государство, политика и наука. В настоящее время, в связи с появлением огромного количества социальных проблем в мире, главной задачей религии является восстановление общественно-социальной ситуации в странах и повышение уровня нравственности у народа. Ведь как бы не была независима религия от государства, она всегда может оказывать огромное влияние на сам народ, тем самым играя важную роль непосредственно в государстве. В последние десятилетия стало значительно больше религиозных педагогов [6, 7, 8].

Однако в последнее десятилетие модернизация и интенсификация системы отечественного образования привела к тому, что из вузовских курсов практически исчезли такие важные общекультурные дисциплины, как культурология, религиоведение, история мировых цивилизаций [9, 10, 11]. Школьный же курс «Основы религиозной культуры и светской этики» выстроен по модульному принципу и не позволяет сформировать представления о конфессиональных сходствах и различиях. В итоге мы получаем поколение людей, в сознании которых перемешаны обрывки информации религиозного характера из самых разных источников, не сформированы основы религиозной культуры личности. Как следствие подобный синкретизм ведет к тяготению к мифологическим формам мировоззрения [12], магии, оккультизму, сектам и т.п.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Рассмотреть отношение студенческой молодежи к религии как форме культуры.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Авторы опираются на диалектико-метафизический принцип познания, а также используют метод опроса и интерпретации полученных данных.

Изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных РЕЗУЛЬТАТОВ. Как известно, все религиозные идеи оказывают огромное влияние на мировоззрение всего человечества и, в первую очередь, особому влиянию подвергается молодежь. Если раньше религия воспринималась молодежью лишь как феномен духовной культуры, то в современном мире, среди узких кругов она признается как основа духовной жизни [13, 14, 15]. В основе всего происходит отождествление религии с нравственностью, самым главным в религии видится моральный аспект. Однако если обращаться к некоторым исследованиям то стоит отметить, что молодые люди в возрасте до 25 лет лишь в 30 % относят себя к одной из обще признаваемых религий, также около 40 % находятся на этапе неопределенности, метаясь между верой и атеизмом. Полностью неверующих и утверждающих свое отторжение от религии около 23 %, а оставшаяся часть молодых людей относят себя к нетрадиционным религиям, иными словами, популярными среди молодежи, так называемым сектам [16]. Большинство из людей данной возрастной категории де-

лают упор на науку, которая, в свою очередь, ставит под сомнение существование Бога. Но несмотря на огромный скачок в развитии, существуют и те, кто до сих пор относит себя к какой-либо религии. Разумеется, в число тех, кто не определился со своей верой, входят и те, кто предполагает существование Бога, но все чаще сомневается в этом [17]. Таким образом, можно сказать, что одна четвертая часть от всей молодежи скорее относит себя к нетрадиционной религии, и с каждым годом это число только возрастает. Все это оказывает влияние на их социализацию и на всю культуры молодежи в целом.

Как ни странно, но огромная часть среди молодых людей не отрицают существование мистики и верят, что существует возможность общения с духами, в гадания, знахарей и колдовство. Чаще всего влияние на это оказывает эзотерическая и оккультная литература, которая пользуется популярностью среди молодежи и женщин, которые общаются к нетрадиционной, мистической деятельности [18].

Отмечен рост религиозности молодежи, в том числе студенческой: в конце 1990-х гг. верующими себя называли 44,6 % студентов и столько относили себя к любящимся (в Гродненском госуниверситете считают себя верующими 63,3 % студентов). Но впоследствии происходит только упадок традиционной веры и появление множества разветвлений [19].

С целью изучения отношения современной молодежи к религии был проведен опрос в мае 2019 году (с помощью Google-формы). Выборка составила 170 студентов Мининского университета (разных групп и национальностей) в возрасте от 17 до 20 лет. Следует отметить, что это вуз педагогической направленности, в котором обучаются студенты различных стран, что делает обозначенную выше проблематику формирования грамотного отношения к религии особенно важной. Результаты опроса показали следующее.

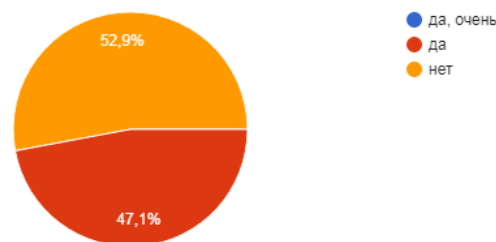


Рисунок 1 – Отношение к религии

Задавая вопрос «Считают ли Вы себя религиозным человеком?», получено, что 47,1% процентов ответили «Да», 52,9% - «Нет», вариант «Да, очень» не выбрал ни один человек (рис. 1), что говорит, что практически каждый второй респондент задумывается о вопросах религии, но, возможно, не обладает должной информацией о правилах религиозной жизни.

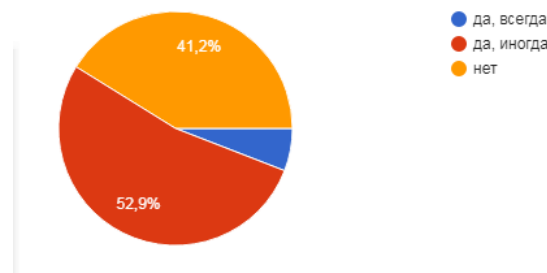


Рисунок 2 – Соблюдение традиций

На вопрос «Соблюдаете ли Вы традиции вашей религии?», только 5,9% опрошенных ответили, что всегда соблюдают традиции, 52,9% соблюдают иногда, и 41,2% не соблюдают (рис. 2). Причем нужно отметить, что по результатам опроса есть люди, которые не считают себя верующими, но соблюдают традиции своей религии.

В рамках исследования хотелось узнать, спорят ли студенты о религии с кем-либо, результаты распределились следующим образом: большинство респондентов ответили, что они не спорят о религии ни с кем (52,9%), со сверстниками спорят около 35,3% опрошенных, с людьми старше себя 29,4%, с людьми младше себя 11,8% (рис. 3).

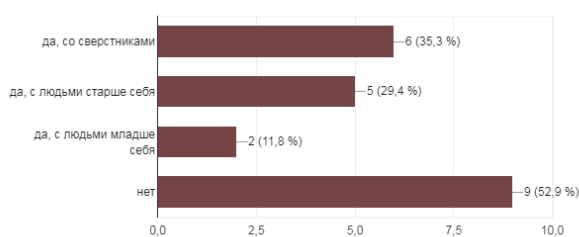


Рисунок 3 – Споры молодежи о религии

Нужно отметить, большинство из опрошенных студентов (75%) интересуются религией, традициями и обычаями, которые присущи другим народам, при этом 25% опрошенных не интересуются культурами других людей.

Выводы исследования. Таким образом, можно выделить следующее: в современном мире религия для молодых людей является скорее признаком групповой принадлежности, эстетическим занятием, однако есть тенденция к ее восприятию в виде непосредственной духовной потребности. В то же время нельзя не видеть в тенденции к увеличению сторонников нетрадиционных религий стремления защититься от суровой действительности. Из-за значительного многообразия современных взглядов молодежи на религию нельзя дать однозначный ответ, но ясно одно, с развитием мира в целом меняются и религиозные представления молодых людей, которые становятся двигателем современного мира [20, 21]. Хотя значительная часть не только верующих, но и неверующих молодых людей считает себя сторонниками традиционных религий, необходимость формирования понимания различных религиозных культур налицо. Отечественная традиция имеет богатое наследие по сочетанию религиозного и светского начала в культуре, показывает возможности их взаимообогащения. Думается, стоит подумать о введении в обучение некоей комплексной дисциплины теологического характера [22, 23, 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колодный А.М. Николок Т.А. Религиоведение: учеб. пособие для дистанц. учеб. - М.: Феникс, 2013. - 179-183 с.
2. Мальцева С.М., Комарова А.Н., Строганов Д.А. К вопросу о светском и атеистическом в образовании // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 4-3. С. 104-108.
3. Мень А.П. История религии. - М.: Слово, 2011.-56 с.
4. Дзевенис А.А. Философия религии [Электронный ресурс]. Текст научной статьи по специальности «Философия». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-religii-1> (Дата обращения 17.12.2019).
5. Мчедлов М.П. Религия и современность. - М.: Издательство политической литературы, 2002. - 184 с.
6. Бражникова А.Н. Отношение современной молодежи к религии [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-sovremennoy-molodezhi-k-religii> (Дата обращения 17.12.2019).
7. Четверткова А.В. Религия в современном мире: характер трансформаций [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-sovremennom-mire-harakter-transformatsiy> (Дата обращения 04.01.2019).
8. Тимонова А.Ю. О роли религии в современной геополитике [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-religii-v-sovremennoy-geopolitike> (Дата обращения 04.01.2019).

9. Айснер С.Ю. Роль, место и функции религии в системе культуры [Электронный ресурс URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mesto-i-funktsii-religii-v-sisteme-kultury> (Дата обращения 17.12.2019).

10. Мальцева С.М., Гончарук А.Г., Тяпкина В.Б. Духовность как предмет теологии и философии // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 1-3. С. 103-107.

11. Грязнова Е.В., Гончарук А.Г. Теология как научная специальность магистратуры: проблемы и перспективы их решения // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, №3. С. 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-3-1.

12. Демидов Г.В. Светскость и религия: трансформация понятия «религиозное образование» в современном мире // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. №4(6). С. 43-60.

13. Мьякина Е.В. Диагностика качества образования в вузе // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 3 (28). С. 4.

14. Гаспаров И.Г. Теология и естественное знание о боге//Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. №1(3). С. 44-57.

15. Колесников С.А. Современная теология и современная наука: перспективы сотрудничества // Христианские чтения. 2018. №5. С. 76-83.

16. Зобов Р.А., Клинецкая Н.В. Наука и религия в современном мире // Вестник СПбГУ. 2010. Сер.12. Вып.2. С.57-68.

17. Магомедова М. З. Современная религиозность: основные методы и подходы к ее изучению // Грамота: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики 2017. № 4(78) С. 130-133.

18. Тихомиров Д.А. Особенности религиозности московских студентов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 177—191. DOI: 10.14515.

19. Голов А.А. Религиозность, а также что люди обретают в религии // Левада-Центр. 11 марта 2008.

20. Цеханская К.В. «Россия: тенденции религиозности в XX веке» // Исторический вестник. 2000. №5. С. 20. Религия: за и против // ВЦИОМ URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religionlifestyle/religious-tolerance/article/ostorozhno-religija.html> (дата обращения: 27.05.2019).

21. Захарян Т. Б. Условия формирования личного религиозного опыта // Религия в изменяющейся России. Сообщения и тезисы II Российской научно-практической конференции. Т. 1. Пермь, 2004. - 183с.

22. Грязнова Е.В., Треушников И.А., Мальцева С.М. Тревожные тенденции в системе российского образования: анализ мнений ученых и педагогов // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 47-57.

23. Грязнова Е.В., Мальцева С.М., Бушуева А.А. Проблемы теологии как научной специальности в вузе // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 4-3. С. 66-70.

24. Meleleva L.A., Bogacheva A.V., Vaganova O.I., Maltseva S.M., Mironov G.S., Aleshugina E.A. Development of educational services in additional education // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Т. 8. № 8. С. 2507-2511.

Статья поступила в редакцию 19.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0007

ДИАЛОГ КАК ФОРМА РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2020

AuthorID: 462174

SPIN: 7224-4927

Девдариани Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)*

Аннотация. В статье рассматривается диалог как форма речевого взаимодействия. Данный вид деятельности формирует у обучаемых коммуникативные навыки, умение вести беседу, поддерживать разговор на бытовые и профессиональные темы. Обобщая опыт работы преподавателей кафедры русского языка и культуры речи Курского государственного медицинского университета, авторы доказывают, что диалог является эффективным методом контроля знаний студентов, а также важным элементом занятия, позволяющий внедрять инновационные методики в практику преподавания иностранного языка в вузах. Отмечается, что в практике преподавания русского языка как иностранного сложилась ситуация, при которой потребность в обучении устно-речевому общению приобретает первостепенное значение, а преподаватели зачастую оказываются к этому неготовыми. Авторы считают, что решением сложившейся проблемы могло бы стать изменение набора методов и средств обучения русскому языку как иностранному, ориентированного на отработку навыков построения диалогической формы высказывания. Поскольку успешный диалог возможен только при развитом умении критически мыслить - перед преподавателем стоит необходимость организации особых коммуникативных заданий. Делается вывод о том, что диалог, выступает не просто педагогическим методом или элементом занятия, но становится центральным звеном обучения иностранному языку.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, диалог, коммуникация, методика, обучение, устно-речевое общение, методы и средства обучения, контроль знаний, высказывания, знания, умения, навыки, язык, речь, общение.

DIALOGUE AS A FORM OF SPEECH INTERACTION

© 2020

Devdariani Natalia Valerievna, candidate of philosophical sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)*

Abstract. The article considers dialogue as a form of speech interaction. This type of activity forms the communicative skills of students, the ability to conduct a conversation, maintain a conversation on every day and professional topics. Summarizing the experience of teachers of the Department of Russian Language and Speech Culture of Kursk State Medical University, the authors prove that dialogue is an effective method of controlling students' knowledge, as well as an important element of the lesson, which allows introducing innovative techniques into the practice of teaching a foreign language in universities. It is noted that in the practice of teaching Russian as a foreign language, a situation has developed in which the need for teaching oral-speech communication is of paramount importance, and teachers are often unprepared for this. The authors believe that a hundred-fold solution to the current problem could be to change the set of methods and means of teaching Russian as a foreign language, focused on developing skills in constructing a dialogical form of expression. Since a successful dialogue is possible only with the developed ability to think critically, the teacher is faced with the need to organize special communicative tasks. It is concluded that the dialogue is not just a pedagogical method or an element of the lesson, but it becomes the central link in teaching a foreign language.

Keywords: Russian as a foreign language, dialogue, communication, methodology, training, oral-verbal communication, teaching methods and means, knowledge control, statements, knowledge, skills, language, speech, communication.

ВВЕДЕНИЕ.

Современный мир становится все более открытым, стираются границы между странами, если не физические, то границы общения – точно. Современные способы коммуникации, возможности общения с носителями языка, новые требования к владению языком на рабочем месте, необходимость сдавать международные экзамены на уровень владения иностранным языком [1] выявили существенный пробел в традиционном подходе к обучению иностранному языку в вузе – студенты не умеют говорить спонтанно, реагировать на слова говорящего и на контекст общения.

Не только студенты оказываются не готовы к реальному общению, преподаватели также рассматривают диалог как некий дополнительный элемент занятия, не центральный, не важный и, конечно, не как возможную форму контроля реальных знаний студентов.

Для подготовки высококвалифицированных специалистов любого профиля, и в частности медицинского, получающего образование в России, необходимо свободное владение русским языком, в связи с тем, что практику на всех курсах обучения они проходят в российских медицинских учреждениях и вынуждены общаться с русскими пациентами, которые могут рассказать свои жалобы, назвать симптомы заболевания

только на русском языке.

Методисты в области преподавания РКИ считают, что обучение русскому языку должно быть мотивировано ситуационной и профессиональной направленностью, содержать различные методы и приемы, направленные на формирование коммуникативной компетенции [2-29].

МЕТОДОЛОГИЯ.

Цель данной статьи - продемонстрировать на опыте кафедры русского языка и культуры речи Курского государственного медицинского университета, что диалог – это эффективный метод контроля знаний студентов, а также важный элемент занятия, собственно гарантирующий внедрение инновационных методик в практику преподавания иностранного языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Учитывая коммуникативную направленность обучения русскому языку как иностранному, необходимо сформировать у студентов речевые навыки, в частности умение строить диалог. С этой целью преподавателями РКИ разработан комплекс заданий и упражнений, ориентированный на обучение диалогической речи.

Например, при изучении темы «Знакомство» на первом курсе международного факультета, студентам предлагается такой вид задания, как дополни диалог.

Ответьте на вопросы соседа по парте.
Студент 1: Как тебя зовут?
Студент 2: ...
Студент 1: Откуда ты приехал?
Студент 2: ...
Студент 1: Сколько вам лет?
Студент 2: ...
Студент 1: Где ты живёшь?
Студент 2: ...
Студент 1: Где ты раньше жил и учился?
Студент 2: ...
Студент 1: Где ты сейчас учишься?
Студент 2: ...

Задайте вопросы.
Студент 1: ...?
Студент 2: Моё имя Сандип.
Студент 1: ...?
Студент 2: Я приехал из Индии.
Студент 1: ...?
Студент 2: Мне уже восемнадцать.
Студент 1: ...?
Студент 2: Я живу на квартире.
Студент 1: ...?
Студент 2: Раньше я учился в школе.
Студент 1: ...?
Студент 2: Я учусь в медицинском университете.

Данный вид работы над диалогами позволяет преподавателю контролировать уровень усвоения учебного материала, способность обучаемого понимать собеседника, адекватно реагировать на его вопросы, поддерживать разговор.

Далее мы рассмотрим роль диалога как элемента, предполагающего использование преподавателем разнообразных разговорных упражнений на занятии. Диалог, с одной стороны, является хорошо изученным способом обучения иностранному языку, с другой - наблюдение за работой студентов выявило два типа реакций на задания диалогического характера.

При первом типе реакции студент старается присвоить себе инициативу в разговоре, он долго говорит, не слушает своего собеседника, не обращает внимания на его аргументы, не задает вопросы, что, по сути, превращает диалог в монолог.

При втором типе реакции студент замыкается, старается обойтись рядом заученных фраз, боится длинных высказываний и возможности совершить ошибку. Такая коммуникация также неэффективна. Таким образом, сложилась ситуация, при которой потребность в обучении устно-речевому общению приобретает первостепенное значение, а преподаватели зачастую оказываются к этому неготовыми. Возможным решением сложившейся проблемы могло бы стать изменение набора методов и средств обучения русскому языку как иностранному, ориентированного на отработку навыков построения диалогической формы высказывания.

Эти умения развиваются постепенно, через комбинацию упражнений, направленных на формирование и отработку навыков разговорной речи. Новым в подходе, реализуемом на кафедре русского языка и культуры речи при обучении русскому языку как иностранному, является рассмотрение таких навыков не как просто необходимых при использовании языка в речи, а как базой, основой более сложного комплекса умений. Таким образом, работа над диалогом носит не спонтанный, а регулярный характер. Студенты разбирают и анализируют под контролем преподавателя ошибки, которые нарушают коммуникацию, не позволяя достичь поставленной коммуникативной цели также тщательно, как и особенности грамматики и лексики.

Например, обучая профессиональной медицинской лексике, студентам предлагается составить диалог «врач-больной», исходя из предложенного преподавателем плана расспроса:

Прочитайте план расспроса больного для выяснения его паспортных данных. Read the plan of finding out personal information about the patient.

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Возраст.
3. Образование (среднее, среднее специальное, высшее, незаконченное высшее).
4. Семейное положение (женат, холост, замужем, не замужем, разведён, разведена, вдовец, вдова).
5. Профессия, специальность, должность или занятие.

6. Место работы (учёбы).
7. Домашний адрес постоянного места жительства.
8. Домашний телефон.
9. Домашний адрес и телефон родственников.

Следует сказать, что обучение диалогу, соответствующему требованиям эффективной коммуникации – это тяжелая работа как преподавателей, так и студентов. В таких условиях важным, если не решающим, оказывается вопрос их мотивации. Представляется, что вынесение диалога как формы экзаменационного контроля решает, до определенной степени, данную задачу.

Зачеты и экзамены в большинстве вузов остаются достаточно традиционными и предполагают рассказ студентом темы, выученной заранее. Основной аргумент преподавателей в таком случае – возможность проверить не только знание языка студентом, но и его знание материала семестра. Однако, опыт показывает, что диалог, организованный по образцу международных экзаменов, в частности ВЕС [1] прекрасно справляется с данной задачей. Ведение диалога на протяжении 3 минут предполагает наличие знаний по заданной теме, следовательно, грамотно составленные задания позволяют практически в полной мере проверить знания студентов. Несомненным преимуществом диалога является тот факт, что при построении своего высказывания студент неизбежно вынужден учитывать целый ряд языковых параметров. При проверке сформированности умений диалогического общения учитываются:

- быстрота реакции (беглость);
- наличие и правильная реализация речевых формул;
- уместность реплик и их разнообразие;
- правильность использования лексики и грамматических структур;
- соблюдение характеристик диалога (ситуативность, реактивность, наличие эмоционально-оценочных слов и предложений).

Именно комбинация всех этих факторов является серьезным тестом знаний говорящего и позволяет оценить его действительную подготовку.

Преподавателями кафедры русского языка и культуры речи Курского государственного медицинского университета разработаны ситуационные задачи по изученным темам [30,31]. На итоговом контроле студентам предлагается составить диалог по предлагаемому ситуациям, приближенным к реальным ситуациям общения с носителями языка (русского). Например:

Задача 1. Вы врач. К Вам пришел пациент. У него боли в области сердца и повышенное давление. Поставьте ему диагноз и назначьте лечение.

Задача 2. Вы врач, к которому пришёл на практику студент. Расскажите ему о работе и обязанностях врача.

Задача 3. Ваш друг окончил школу и решает, кем ему быть, какое образование получать. Расскажите ему, каким должен быть идеальный врач.

Задача 4. Преподаватель спрашивает, почему Вы решили стать врачом. Расскажите, что повлияло на Ваш выбор.

Задача 5. Вы студент. У Вас поднялась температура, и заболело горло. Вызовите врача на дом.

ВЫВОДЫ.

Такая форма итогового контроля серьезно меняет отношение студентов к работе в семестре. Уже после первых попыток составить диалог становится очевидным, что подготовиться к экзамену за ночь не удастся, успешное выполнение данного задания требует планомерной и постоянной работы. В свою очередь меняется и отношение преподавателей к организации работы на занятии. Поскольку успешный диалог возможен только при развитом умении критически мыслить, поэтому перед преподавателем стоит необходимость организации особых коммуникативных заданий. Таким образом, диалог, выступает не просто педагогическим методом или элементом занятия, но становится центральным звеном обучения иностранному языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Cambridge assessment English [Electronic resource]. Mode of access. URL: <http://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/>. (дата обращения 10.11.2019).
2. Корепанова Е.В. Психологические характеристики диалога в педагогической деятельности // Вестник ТГУ, выпуск 3(47), 2007. С. 151-156.
3. Гала М. Коммуникативная направленность обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1985. №5. С. 64-66.
4. Остапенко В.И. Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе. М.: Русский язык, 1983. 149 с.
5. Шукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.
6. Крючкова Л.С., Моцинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2009. 480 с.
7. Белозубова Н.И., Титова К.А. Изучение детского фольклора на практических занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 184-189.
8. Губанова Т.В., Нивина Е.А. Русский язык в играх. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2007. 48 с.
9. Аникина М.Н. Начинаем изучать русский. В Россию с любовью. 4-е изд. М.: Русский язык, 2004. 143 с.
10. Глазунова О.И. Давайте говорить по-русски. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2003. 336 с.
11. Лейфа И.И., Мавлеткулова В.В. Преодоление специфической национально-культурной «языковой привычки» китайцев при обучении русскому языку вне языковой среды // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 74. С. 103-107.
12. Рубцова Е.В. Разрешение трудностей языковой трансформации в процессе обучения студентов-медиков русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №6. С.18-19.
13. Рубцова Е.В. Решение коммуникативных задач в курсе интенсивного обучения русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №5. С.20-22.
14. Тараскина Я.В. Современные педагогические технологии в иноязычном вузовском образовании // Поволжский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 152-157.
15. Петрова Н.Э. Работа с аудиовизуальными средствами на практических занятиях с иностранными студентами в системе русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 203-206.
16. Рубцова Е.В. Особенности организации самостоятельной работы студентов при изучении русского языка как иностранного (на примере метода проектов) // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 65-72.
17. Петрова Н.Э. О роли фонетических знаний в обучении грамматике русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 224-226.
18. Скляр Е.С. К вопросу о профессионально ориентированных пособиях по русскому языку для иностранных учащихся // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 39-41.
19. Дмитриева Д.Д. Виды упражнений при работе в парах на занятиях по русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 41-43.
20. Дмитриева Д.Д. Активизация самостоятельной работы иностранных студентов как фактор интенсификации процесса обучения русскому языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 105-107.
21. Дмитриева Д.Д. Применение метода проектов при обучении русскому языку иностранных студентов – медиков // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 25-28.
22. Дмитриева Д.Д. Роль наглядных и технических средств в процессе интенсификации обучения русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 74-76.
23. Дмитриева Д.Д. Учебная дискуссия как средство преодоления языкового барьера у иностранных студентов-медиков на занятиях по русскому языку // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 37-40.
24. Ашурова Ш.К. Особенности формирования содержания обучения русскому языку в вузах республики Таджикистан // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 32-34.
25. Чиркова В.М. Активизация мыслительной деятельности у иностранных студентов-медиков средствами русского языка как иностранного // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 92-94.
26. Sokolova E.O. The position of the russian-speaking population and the status of russian language in baltic states // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 415-419.
27. Дмитриева Д.Д. Языковая догадка и способы её развития при обучении русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. № 5 (14). С. 23-25.
28. Самчик Н.Н. Развитие всех видов речевой деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2019. № 9(24). С.36-37.
29. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 244-246.
30. Ковынева И.А., Порохняева Е.А., Ястребова Л.П. Учебное пособие по русскому языку для иностранных студентов-медиков (3-4 год обучения). Курск: КГМУ, 2018. 140 с.
31. Ковынева И.А., Рубцова Е.В., Чиркова В.М. Русский язык. Учебно-методическое пособие по русскому языку как иностранному для студентов 2-3 курсов международного факультета. Курск: изд-во КГМУ, 2014. 200 с.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019
Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0008

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: УРОВНИ I (B1), II (B2), III (C1)

© 2020

AuthorID: 462174

SPIN: 7224-4927

Девдариани Наталья Валерьевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры «Русского языка и культуры речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)

Аннотация. В статье проведён анализ тестовых заданий по русскому языку как иностранному, предназначенных для студентов-иностранцев, изучающих тему «Причастие в русском языке» и готовящихся сдавать сертификационный экзамен I (B1), II (B2) или III (C1). Авторы анализируют требования, выдвигаемые к знанию данной темы на разных уровнях владения русским языком. Отмечается, что задания по теме «Причастие» на сертификационных экзаменах разных уровней возрастают по трудности в соответствии с конкретным видом экзамена. Авторы считают, что преподавание темы «Причастие» при обучении русскому языку иностранцев требует особого подхода, так как при формировании знаний о частях речи тема «Причастия» представляет особую трудность. Как на базовом, так и на продвинутом уровнях одинаково необходимо свободно владеть знаниями по теме «Причастия», поскольку их правильное употребление в речи является основой научного стиля речи, являющегося базой для чтения, понимания и в дальнейшем написания научных текстов. Специалисты в области русского языка считают, что причастия характерны для книжной речи, с помощью причастий можно сократить длинные предложения с придаточными конструкциями, тем самым сделать текст более сжатым.

Ключевые слова: причастия, русский язык как иностранный, сертификационные экзамены I (B1), II (B2), III (C1), иностранные граждане, коммуникативная направленность процесса обучения, методические приемы, профессиональное образование, тестовые задания.

STUDY OF PARTICIPLES IN THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN: LEVELS I (B1), II (B2), III (C1)

© 2020

Devdariani Natalia Valerievna, candidate of philosophical sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the test tasks in Russian as a foreign language, designed for foreign students studying the topic «Participle in Russian» and preparing to take the certification exam I (B1), II (B2) or III (C1). The authors analyze the requirements put forward for knowledge of this topic at different levels of Russian language proficiency. It is noted that assignments on the subject of «Participle» at certification exams at various levels increase in difficulty in accordance with the specific type of exam. The authors believe that teaching the theme of «Participle» when teaching foreigners the Russian language requires a special approach, since the topic of «Participle» presents a particular difficulty in the formation of knowledge about parts of speech. Both at the basic and advanced levels, it is equally necessary to be fluent in knowledge on the subject of «Participle», since their correct use in speech is the basis of the scientific style of speech, which is the basis for reading, understanding and further writing of scientific texts. Specialists in the Russian language believe that participles are typical for book speech, using participles you can reduce long sentences with subordinate constructions, thereby making the text more concise.

Keywords: participles, Russian as a foreign language, certification exams I (B1), II (B2), III (C1), foreign citizens, communicative orientation of the learning process, teaching methods, professional education, test tasks.

ВВЕДЕНИЕ.

В последние годы увеличился поток иностранных граждан, желающих получить профессиональное образование в вузах России. При этом многие вузы осуществляют обучение не на языке-посреднике, а на русском языке. Для того, чтобы процесс обучения специальности не вызывал трудности у иностранных граждан, необходимо владение русским языком на продвинутом уровне. Специалисты считают, что овладение языком на данном уровне требует большего объема знаний по всем разделам языка, в том числе и в морфологии. Процесс преподавания русской грамматики требует от педагогов знаний новейших методических приемов обучения владению различными частями речи, их грамматическими формами [1- 18].

МЕТОДОЛОГИЯ.

В современной методологической базе преподавания РКИ, которая ориентирована на основной принцип – коммуникативную направленность процесса обучения, при формировании знаний о частях речи, особую трудность представляет тема «Причастия», которая изучается на базовом, а также на продвинутом уровнях. Именно на этих этапах обучения необходимо свободно владеть знаниями по теме «Причастия», так как их правильное употребление в речи является основой научного стиля речи, являющегося базой для чтения, понимания и в

дальнейшем написания научных текстов. Таким образом, преподавание темы «Причастие» при обучении русскому языку иностранцев требует особого подхода [2].

Кроме того, актуальность избранной нами темы исследования в некоторой степени подтверждается введением в России государственной системы тестирования иностранных граждан по русскому языку — TORFL (Test of Russian as a Foreign Language), которая пользуется авторитетом и за рубежом. В соответствии с данной системой тестирования знания и умения по теме «Причастие» требуется продемонстрировать при сдаче сертификационных экзаменов I (B1), II (B2) и III (C1) уровня.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Для того, чтобы поступить в вузы России будущим студентам иметь сертификат первого уровня общего владения русским языком как иностранным (B1). На данном этапе изучения русского языка проверяются следующие знания о причастии: формы причастий – действительные и страдательные, их способы образования, полная и краткая формы страдательных причастий, их образование и употребление. Приведём несколько примеров:

1. Андрей несколько дней думал о книге, ... недавно.

Варианты ответа: (А) прочитанной, (Б) прочитанную, (В) прочитавший

2. Команда, ... игру с канадцами, стала чемпионом
Варианты ответа: (А) *выигранная*, (Б) *выигрывающая*, (В) *выигравшая*.

Так, в тестовом задании 1 испытуемому предлагается вычлени из предлагаемых вариантов ответа ту словоформу, которая будет совпадать с определяемым словом «книга» в роде, числе и падеже. При выполнении тестового задания 2, в свою очередь, требуются знания правил образования причастий активного / пассивного залога (действительных / страдательных), настоящего / прошедшего времени.

Иностранные учащиеся, достигшие во владении русским языком уровня II (B2), уже получили солидные знания о системе русского языка и имеют немалый опыт общения на нём. Сертификат уровня B2 является документом о достаточно высоком уровне коммуникативной компетенции во всех сферах общения: в ситуациях бытовой, культурной, учебной, профессиональной и деловой. Кроме того, сертификат позволяет вести профессиональную деятельность на русском языке и даёт возможность поступать в магистратуру. Следовательно, совершенствование владения русским языком от уровня B1 к уровню B2 и выше предусматривает развитие умений осуществлять коммуникацию в различных ситуациях общения и на темы, связанные с разными сферами жизни: социально-бытовой, социально-культурной, научно-учебной, официально-деловой, религиозной, причем учащиеся должны строить свою речь с сознательным учётом оппозиций официальное — неофициальное общение, устная — письменная речь и т.д. [19].

На данном этапе изучения причастия на экзамене предъявляются тестовые задания типа:

В журнале ... ряд статей об изменении климата

Варианты ответа: (А) *опубликованы*, (Б) *опубликуются*, (В) *опубликован*, (Г) *опубликовался*.

Чтобы успешно справиться с подобными тестовыми заданиями, иностранные студенты должны продемонстрировать знания правил употребления действительных и страдательных причастий, а также особенности согласования подлежащего и сказуемого в русском языке при подлежащем типа *ряд*.

Второй тип тестовых заданий при сдаче данного сертификата предполагает выявление умений учащихся заменять причастный оборот придаточным определительным, таким образом проверяется знание темы «Причастный оборот», «Полные, краткие страдательные причастия» [20]. Приведём пример подобных заданий:

Надо строго наказывать водителей, нарушающих правила.

Варианты ответа: (А) *которые нарушают правила*, (Б) *которые нарушили правила*, (В) *которые нарушали правила*, (Г) *которые нарушат правила*.

Некоторые методисты, считают, что навык преобразования активных причастий в придаточное определительное со словом «*который*» в именительном падеже должен быть доведен до автоматизма, также и с пассивными, которые преобразовываются в придаточное определительное со словом «*который*» в винительном падеже, при этом отмечают, что на довузовском этапе возникают сложности в активизации навыка трансформации в придаточное предложение с кратким пассивным причастием вместо переходного глагола, а при обучении иностранных студентов, аспирантов, начинающих изучать русский язык, этому приходится уделять больше времени.

Когда иностранные студенты овладевают знаниями по третьему сертификационному уровню общего владения русским языком, то это характеризует его как человека, способного вести коммуникацию на современном русском языке во всех сферах общения на высоком уровне. Знания, умения и навыки, включающие в себя объём III-го уровня владения русским языком позволяет заниматься различной профессиональной деятельностью в любой сфере, в том числе научной, общаться с

коллегами в русскоязычных коллективах разных профессий: преподавателя, филолога, врача, переводчика, менеджера, редактора, журналиста, дипломата.

Тестирование по III-ему уровню, по итогам которого выдается сертификат, проводимое в России, представляет собой итоговое государственное аттестационное испытание (экзамен), по результатам успешной сдачи которого возникает право на получение диплома бакалавра, специалиста и магистра перечисленных выше специальностей (за исключением специалистов и магистров филологов-русистов, для которых данный экзамен является промежуточным) [21]. Приведём примеры тестовых заданий:

1. Мы бродили, ... красотой ночного Петербурга.

Варианты ответа: (А) *очарованными*, (Б) *очарованные*, (В) *очарованы*, (Г) *очаровавшими*.

2. Андрей перед своим первым выступлением на сцене выглядел ...

Варианты ответа: (А) *растерявшийся и взволнованный*, (Б) *растерян и взволнован*, (В) *растерявшимся и взволнованным*.

3. Все хвалили меня, но я был ... собой.

Варианты ответа: (А) *не удовлетворён*, (Б) *неудовлетворённый*, (В) *неудовлетворительный*.

4. Олег ничего не ответил мне, всецело ... в свои мысли.

Варианты ответа: (А) *погружён*, (Б) *погружаясь*, (В) *погружённый*.

5. В новом роскошном платье Света выглядела ...

Варианты ответа: (А) *потрясающей*, (Б) *потрясающе*, (В) *потрясённо*.

6. Почему Вы не явились на заседание? Вы же были ...

Варианты ответа: (А) *предупреждённые*, (Б) *предупреждены*, (В) *предупредительные*.

Из вышеперечисленных примеров тестовых заданий следует, что на знания, которые необходимо продемонстрировать при сдаче сертификата II, накладываются новые: согласование причастия с определяемым словом, углублённое знание особенностей использования в речи причастий активного / пассивного залога, правил употребления полной / краткой формы причастия (пример 1), глагольное управление «*выглядел каким?*» => падеж 5 (пример 2), использование краткой формы причастия «*не удовлетворён*» в случае, если при прилагательном / причастии употребляется дополнение (пример 3), правила использования паронимов «*выглядеть потрясающе*» - «*смотреть потрясённо*» (пример 5). Кроме того, студент должен продемонстрировать умение тонко улавливать смысл наречий, например «*всецело*» (пример 4), чтобы при ответе предпочёл вариант «*всецело погружённый*» другому предложенному «*всецело погружаясь*», а также знать правила использования причастных и деепричастных оборотов в различных контекстах.

Авторы-составители «Учебно-тренировочных тестов по русскому языку как иностранному. Выпуск 1. Грамматика. Лексика. B2, C1» для второго и третьего сертификационного уровней предлагают для изучения следующие темы: употребление действительных и страдательных причастий, различение причастных и деепричастных оборотов, синонимия причастных оборотов и придаточных определительных предложений, семантика причастных оборотов [22]. Приведём пример тестового задания:

Именно культура, ... этносом, и есть тот ориентир, по которому человек сверяет всю свою жизнь.

Варианты ответа: (А) *создававшая*, (Б) *создавшая*, (В) *создающая*, (Г) *создаваямая*.

В данном тестовом задании студент должен продемонстрировать умение анализировать слова, окружающие причастие: так, существительное «*этнос*», входя в состав причастного оборота, обозначает субъект в Тв.п., из чего следует, что выбирать нужно вариант «*создававшая*», представленный страдательным причастием.

ВЫВОДЫ.

Таким образом, анализ тестовых заданий по теме «Причастие» на сертификационных экзаменах разных уровней показывает, что задания в них распределяются по возрастающей трудности.

Зачастую данная тема часто вызывает вопросы у обучающихся, а владение ею помогает им расширить свои знания не только по грамматике, но и по стилистике русского языка.

Специалисты в области русского языка считают, что причастия характерны для книжной речи, с помощью причастий можно сократить длинные предложения с придаточными конструкциями, тем самым сделать текст более сжатым. Сравним: «Врач, который оперирует пациента» и «Врач, оперирующий пациента». Но отдельно можно рассматривать причастия, используемые в разговорном стиле, в быту, - это краткие формы прошедшего времени страдательного залога («сочинение написано», «кофе налит» и т.д.) [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н.П. Андриюшина и др. [Электронный ресурс] : электронный аналог печатного издания. 2-е изд. М. - СПб. : Златоуст, 2009. 32 с. URL: <http://www.zlat.spb.ru> (дата обращения 16.11.2019).
2. Дмитриенко Ю.Н. Культурологический подход в преподавании РКИ: тема «Причастия». [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/26_DNIS_2015/Philologia/1_199044.doc.htm (дата обращения 16.11.2019).
3. Рубцова Е.В. Разрешение трудностей языковой трансформации в процессе обучения студентов-медиков русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №6. С.18-19.
4. Рубцова Е.В. Решение коммуникативных задач в курсе интенсивного обучения русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №5. С.20-22.
5. Тараскина Я.В. Современные педагогические технологии в иноязычном вузовском образовании // Поволжский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 152-157.
6. Рубцова Е.В. Особенности организации самостоятельной работы студентов при изучении русского языка как иностранного (на примере метода проектов) // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 65-72.
7. Петрова Н.Э. Работа с аудиовизуальными средствами на практических занятиях с иностранными студентами в системе русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 203-206
8. Скляр Е.С. К вопросу о профессионально ориентированных пособиях по русскому языку для иностранных учащихся // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 39-41.
9. Петрова Н.Э. О роли фонетических знаний в обучении грамматике русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 224-226
10. Дмитриева Д.Д. Виды упражнений при работе в парах на занятиях по русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 41-43.
11. Дмитриева Д.Д. Применение метода проектов при обучении русскому языку иностранных студентов – медиков // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 25-28.
12. Дмитриева Д.Д. Активизация самостоятельной работы иностранных студентов как фактор интенсификации процесса обучения русскому языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 105-107
13. Дмитриева Д.Д. Учебная дискуссия как средство преодоления языкового барьера у иностранных студентов-медиков на занятиях по русскому языку // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 37-40.
14. Дмитриева Д.Д. Роль наглядных и технических средств в процессе интенсификации обучения русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 74-76
15. Чиркова В.М. Активизация мыслительной деятельности у иностранных студентов-медиков средствами русского языка как иностранного // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 92-94.
16. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 244-246
17. Дмитриева Д.Д. Языковая догадка и способы её развития при обучении русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. № 5 (14). С. 23-25.
18. Самчик Н.Н. Развитие всех видов речевой деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2019. № 9(24). С.36-37.
19. Хорохордина О.В. Коммуникативная грамматика на уроках русского языка. URL: <http://spbrumir.ru/wp-content/uploads/2014/01/Фотокнига-Курсы-2012.pdf> (дата обращения 16.11.2019).

20. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Иванова Т.А. и др. М. - СПб: "Златоуст", 1999. 40 с.

21. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение / Иванова Т.А. и др. М. - СПб: "Златоуст", 1999. 44 с.

22. Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Выпуск 1. Грамматика. Лексика: учебное пособие / Под общ. ред. М.Э. Парецкой. - СПб. : Златоуст : Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2009. 136 с.

23. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология / Под ред. В.И. Максимова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/russkiy-yazik-2/178.htm> (дата обращения 16.11.2019).

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 372.881.161.1 +378

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0009

ПРИМЕНЕНИЕ ИГР В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

© 2020

SPIN-код: 6851-5206

AuthorID: 777383

Дмитриева Дарья Дмитриевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры «Русский язык и культура речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3а, e-mail: darja.dmitrieva2011@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному в медицинском вузе. Решение данного вопроса требует использования интенсивных форм учебной деятельности, а также определённых средств и методов, направленных на формирование у иностранных студентов, изучающих русский язык, всех необходимых компетенций. Согласно автору, к наиболее эффективным методам можно отнести информационные технологии, коммуникативные методы, проекты, игровые методы, метод обучения как учебного исследования Case-study. В статье рассмотрены теоретические основы и практические аспекты применения ролевых и деловых игр в процессе профессионально ориентированного обучения РКИ иностранных студентов-медиков. В процессе исследования применялись такие методы, как системный анализ и синтез научных знаний по данной теме, а также обобщение собственного опыта работы по обучению иностранных студентов-медиков русскому языку. По мнению автора, основная цель применения ролевых и деловых игр на занятиях по РКИ состоит в языковой подготовке иностранных студентов к профессиональной коммуникации на русском языке. В статье представлены примеры игр, направленных на достижение данной цели. Материал исследования может найти практическое применение в процессе профессионально ориентированного обучения иностранным языкам, в том числе РКИ.

Ключевые слова: ролевые и деловые игры, профессионально ориентированное обучение, русский язык как иностранный, студенты-медики, квазипрофессиональная деятельность, лексико-грамматический материал, профессиональная деятельность.

APPLICATION OF GAMES IN THE PROCESS OF PROFESSIONALLY-ORIENTED TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN IN THE MEDICAL UNIVERSITY

© 2020

Dmitrieva Darya Dmitrievna, candidate of pedagogical sciences, senior lecturer
of the department «Russian language and speech culture»
Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3a, e-mail: darja.dmitrieva2011@yandex.ru)

Abstract. The article considers the issue of professionally oriented teaching of Russian as foreign language in a medical University. The solution of this issue requires the use of intensive forms of educational activity, as well as certain means and methods aimed at the formation of foreign students studying Russian language, all the necessary competencies. According to the author, the most effective methods include information technology, communicative methods, projects, game methods, teaching method as a study Case study. The article discusses the theoretical foundations and practical aspects of application of role-playing and business games in the process of professionally oriented training of Russian as foreign language of foreign medical students. In the process of research, such methods were used as a system analysis and synthesis of scientific knowledge on this topic, as well as a generalization of our own experience in teaching foreign medical students to the Russian language. According to the author, the main purpose of the role-playing and business games in Russian language classes is to prepare foreign students for professional communication in Russian. The article presents examples of games aimed at achieving this purpose. The research material can find practical application in the process of professionally oriented teaching of foreign languages, including Russian as foreign.

Keywords: role-playing and business games, professionally oriented training, Russian as foreign language, medical students, quasi-professional activity, lexical and grammatical material, professional activity.

ВВЕДЕНИЕ

Основная цель современной системы высшего медицинского образования состоит в подготовке компетентных специалистов-медиков, нацеленных на профессиональное саморазвитие в соответствующей сфере деятельности.

В настоящее время в российских вузах медицинского профиля обучаются иностранные студенты из различных стран мира. Необходимым условием для их профессионального становления в условиях иноязычной языковой среды является овладение русским языком как иностранным.

Профессионально ориентированное обучение РКИ предполагает использование интенсивных форм учебной деятельности, а также соответствующего комплекса средств и методов, направленных на формирование и развитие у иностранных учащихся не только речевых умений и навыков, но и важных качеств личности специалиста в области медицины.

К наиболее эффективным методам, способствующим формированию у студентов-иностранцев, изучающих русский язык, всех необходимых компетенций, можно

отнести информационные технологии, коммуникативные методы, проекты, игровые методы, метод обучения как учебного исследования Case-study и т.д.

Вопрос применения игровых приёмов и разнообразных дидактических игр в образовательном и воспитательном процессах дошкольных и школьных учебных учреждений рассматривается во многих научных исследованиях.

Несмотря на это проблема использования игровых методов в профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному в медицинском вузе недостаточно изучена.

Данный факт обуславливает актуальность темы нашего исследования.

Исследование проводилось на основе систематизации имеющихся научных работ российских авторов по теории и методике преподавания иностранных языков (Г.А. Китайгородская, Е.Н. Соловова, Е.И. Пассов) и методике обучения русскому языку как иностранному (А.Н. Шукин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова и др.) [1-11]; трудов, посвящённых проблеме применения ролевых и деловых игр в препода-

вании иностранных языков, РКИ (Д.Б. Эльконин, А. А. Вербицкий, А.И. Жук, Н.Н. Кашель, В. А. Журбенко, Э. С. Саакян, Д. С. Тишков, Е.П. Белкина, Е.В. Рубцова, В.М. Чиркова и др.) [12-19].

МЕТОДОЛОГИЯ

Основная цель нашего исследования состоит в изучении теоретических основ ролевых и деловых игр, а также практических аспектов их применения в процессе профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных студентов медицинского вуза.

В процессе исследования широко применялись такие методы, как системный анализ и синтез научных знаний по данной теме, обобщение собственного опыта работы по обучению иностранных студентов-медиков русскому языку.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Применение игровых методов в процессе преподавания русского языка как иностранного в медицинском университете предполагает участие иностранных учащихся в ролевых, деловых, имитационных играх, которые моделируют профессиональные проблемы и задачи. Во время игры студенты получают возможность реализовать роли и выполнить функции, адекватные социальному контексту их будущей профессиональной деятельности. В результате этого будущие специалисты в области медицины приобретают опыт решения профессиональных, социальных и личностных задач [14].

Обратимся к рассмотрению вопроса применения разнообразных ролевых и деловых игр в процессе профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных студентов-медиков.

Основной целью их использования на занятиях по РКИ является языковая подготовка иностранных студентов к профессиональной коммуникации на русском языке.

Е.И. Пассов рассматривает ролевою игру как важный вид упражнения, используемого на начальном этапе обучения иноязычному говорению. По его мнению, она является основой в методе активизации резервных возможностей учащихся [3,4].

Д.Б. Эльконин отмечает, что исполнение какой-либо роли, имеющей определённый диапазон речевых функций, является мотивом деятельности [12].

При профессионально ориентированном обучении РКИ важно, чтобы игровая роль, которая является главным элементом игры, помогала воспроизводить разнообразные человеческие отношения характерные для бытового и профессионального общения в реальной жизни. Только в этом случае игровая деятельность будет содержательной и полезной.

В научных работах Е.И. Пассова ролевая игра определяется как упражнение, во время выполнения которого студент исполняет по очереди различные социальные и межличностные роли, в результате чего осваивает общение в пределах социального контакта. По цели и характеру ролевые игры могут быть отнесены к условно-речевым упражнениям с особой организацией. Они позволяют научить иностранных студентов не только бытовому, но и деловому общению в иноязычной среде [3,4].

На каждом занятии по РКИ появляются новые социальные контакты и соответственно новые роли. Таким образом, при повторении ранее изученного лексико-грамматического материала необходимо, чтобы студенты постепенно осваивали несколько новых фраз и грамматических конструкций.

Каждая новая ролевая игра (РИ) может быть элементом другой более сложной игры, границы которой расширяются по мере изучения материала.

Отметим, что каждая РИ, используемая на занятиях по русскому языку как иностранному, должна отражать события реальной действительности и представлять собой цепь логически связанных социальных контактов.

Например, если речь идёт о ситуации, когда студент должен обратиться в больницу в связи с болезнью, то ролевая игра может включать в себя следующие действия:

- звонок в регистратуру и разговор с регистратором по телефону о записи к врачу;
- приход в поликлинику и получение талона в регистратуре;
- разговор в кабинете у врача;
- приход в аптеку и разговор с фармацевтом.

Конечно, ход событий может разворачиваться немного иначе. Однако отметим, что все эти социальные контакты являются элементами большой ролевой игры, в которой по очереди могут принимать участие все иностранные студенты учебной группы.

В процессе профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному достаточно эффективно также применение деловых игр. А.А. Вербицкий определяет деловую игру как форму квази-профессиональной деятельности. В соответствии с его концепцией применение деловых игр на занятиях по РКИ в медицинском вузе позволяет воссоздать содержание профессиональной деятельности медицинского работника и моделировать системы отношений, которые характерны для этого вида труда.

На основе психолого-педагогических принципов моделирования деловых игр, предложенных А.А. Вербицким, выделим их основные особенности. Итак, деловые игры, направленные на обучение иноязычному профессиональному общению в области медицины, должны:

- 1) базироваться на реальном речевом материале, который отражает конкретную ситуацию общения в данной сфере деятельности;
- 2) содержать учебные проблемы, выраженные в виде игровых заданий;
- 3) содержать совместную деятельность учащихся, их ролевое взаимодействие и диалогическое общение;
- 4) обучать и развивать личность будущего специалиста [13].

Следует отметить, что все игры, проводимые на занятиях по РКИ, должны быть тщательно спланированы и организованы. Нельзя также забывать о необходимости разработки системы оценивания для подведения результатов.

Рассмотрим основные этапы подготовки к ролевым и деловым играм:

- целевая установка;
- объяснение условий и правил игры;
- повторение с помощью контрольных вопросов изученного материала, на котором построена игра;
- объяснение программы действий (представление образца);
- введение новых фраз и выражений, необходимых для участников игры.

Во время проведения игр необходимо осуществлять постоянный контроль соблюдения их правил. При этом желательно, чтобы руководство со стороны преподавателя было опосредованным. Роль ведущих могут выполнять наиболее способные студенты этой же учебной группы.

В этом случае игра будет протекать более эффективно и целенаправленно.

Обратимся к рассмотрению разнообразных ролевых и деловых игр, которые могут быть использованы на занятиях по РКИ в процессе языковой подготовки иностранных студентов-медиков к профессиональной коммуникации [20-28].

Задание 1. Прочитайте записи из истории болезни и составьте диалог «врач-больной», разыграйте его.

В поликлинику обратилась пациентка Рудакова Елена Петровна, 24 года, учитель школы №5, проживающая по адресу: г. Курск, ул. Радищева, д. 83, кв.8, с жалобами на повышение температуры до 37,8, сухой

непродуктивный кашель, боли в груди и ощущение саднения в горле, затруднение носового дыхания. Больна 2 дня.

При осмотре обнаружено: миндалины увеличены, налёта нет, в лёгких дыхание жёсткое, хрипов нет, слизистая носа гиперемирована.

Задание 2.

А) *Разыграйте данный диалог по ролям.*

Б) *Закончите диалог, поставьте пациенту диагноз и назначьте лечение.*

Работа осуществляется в парах, третий студент должен составить историю болезни, используя информацию из услышанного диалога.

- Здравствуйте, доктор. Разрешите войти?
- Входите, пожалуйста. Садитесь. Что вас беспокоит?
- У меня живот болит.
- Где именно вы чувствуете боль? Покажите.
- Да вот тут, под ложечкой.
- Куда отдаёт боль?
- В правый бок.
- Какого характера боли: колющие, режущие, ноющие?

- Скорее ноющие.
- Давно вы чувствуете боль?
- Уже несколько дней.
- В какое время она появляется?
- Обычно после еды. Как съём что-то жирное или острое.

- Боли сильные или слабые?
- Достаточно сильные.
- Что ещё вас беспокоит?
- Изжога мучает после еды. Не знаю, что и делать.
- А тошнота и рвота бывает?
- Тошнит часто, особенно после еды, а рвоты не было. Доктор, у меня ещё часто бывает отрыжка.

- Пищей или воздухом?
- Чаще воздухом.
-

Задание 3. *Один из студентов - пациент. У него заболевание какой-либо системы. Например, бронхит (дыхательная система). Другие учащиеся группы - врачи. Они проводят расспрос больного, чтобы узнать, о каком заболевании идёт речь. Выигрывает тот, кто первым правильно поставит диагноз.*

Задание 4. *Разыграйте ситуации, в которых каждый из вас будет выполнять определённую роль по следующим темам: «Визит к врачу», «В поликлинике», «Вызов врача на дом», «В приёмном отделении» и т.д.*

Задание 5. *Посмотрите на рисунок 1 и ответьте на следующие вопросы:*

1. Чем может заболеть одна из девочек?
2. Какие у неё могут быть жалобы?
3. Какие у неё могут быть осложнения и почему?
4. К какому врачу ей нужно обратиться?
5. Назначьте ей лечение и выпишите лекарства.



Рисунок 1.

ВЫВОДЫ

В результате данного исследования можно сделать

вывод, что применение ролевых и деловых игр в процессе профессионально ориентированного обучения иностранных студентов-медиков русскому языку способствует повышению эффективности их языковой подготовки к профессиональной коммуникации в результате создания истинной мотивации к изучению РКИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 221 с.
2. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс. – М.: АСТ: Астрель, 2009 – 238с.
3. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 223с.
4. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. – М.: Просвещение, 1988. – 223 с.
5. Шуклин А.Н. Методика краткосрочного обучения русскому языку как иностранному. – М.: Русский язык, 1984. – 126с.
6. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
7. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 268 с.
8. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – М.: Русский язык, 1984. – 159 с.
9. Петрова Н.Э. Работа с аудиовизуальными средствами на практических занятиях с иностранными студентами в системе русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 203-206
10. Тараскина Я.В. Современные педагогические технологии в иноязычном вузовском образовании // Поволжский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 152-157
11. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 244-246
12. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Педагогика, 1978. – С. 271-288.
13. Вербицкий А. А. Деловая игра как метод активного обучения / А. А. Вербицкий // Современная высшая школа. - 1982. - № 3. - С. 139-141.
14. Жук А.И., Кашель Н.Н. Деятельностный подход в повышении квалификации: активные методы обучения. – Мн.: Институт повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования, 1994. – 96 с.
15. Журбенко В. А., Саакян Э. С., Тишков Д. С. Деловая игра как форма обучения студентов в медицинском вузе // Педагогика высшей школы. – 2015. – №2. – С. 38-40. – URL <https://moluch.ru/th/3/archive/7/170/> (дата обращения: 18.12.2019).
16. Белкина Е.П. Использование ролевых игр при обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки [Текст] / Е. П. Белкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6–1 (24). – С. 36–39.
17. Царская Т.С., Кушнёр Л.А. Деловая игра как средство формирования билингвальной коммуникативной компетенции студентов медицинских направлений // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 251-253.
18. Чиркова В.М., Рубцова Е.В. Медицинская деловая игра как интерактивный метод обучения иностранных студентов профессиональному общению на русском языке//Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. № 3 (20). – С. 78-80.
19. Косс Е.В. Актуализация содержания обучения деловому иностранному языку как инструмент формирования иноязычной коммуникативной компетенции в неязыковом вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 92-95.
20. Дмитриева Д.Д. К вопросу о развитии памяти в процессе обучения русскому языку как иностранному//Региональный вестник. – 2019. – №13 (28). – С. 26-27
21. Федорова Н.Ю. Дидактические принципы в процессе обучения иностранных слушателей с использованием мультимедиа-технологий // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 158-161.
22. Комарова Ю.А. Использование учебных игр в процессе обучения иностранным языкам. – СПб.: Каро, 2001.
23. Хохленкова Л.А. Диалоговая технология эффективного достижения наиболее прогнозируемых результатов обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 210-213.
24. Шарифудинова Т.М. Обучающие игры на уроках английского языка// Иностр. языки в школе. – 2005. – №8.
25. Сидокова Н.В. Использование профессионально-ориентированных аутентичных материалов в обучении иностранному языку студентов технических специальностей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 154-157.
26. Самчик Н.Н. Особенности обучения иностранных студентов аудированию русской речи на начальном этапе//Региональный вестник. – 2019. – №15 (30). – С. 22-24.
27. Андриенко О.А. О необходимости применения игровых технологий обучения // Балканско научно обозрение. 2019. Т. 3. № 2 (4). С. 5-8.

28. Будакова О. В. Игровые технологии как эффективное средство активизации учебного процесса на уроке иностранного языка [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 152-154. – URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/22/2161/> (дата обращения: 27.10.2019).

Статья поступила в редакцию 31.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 372.881.161.1 +378
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0010

ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© 2020

SPIN-код: 6851-5206

AuthorID: 777383

Дмитриева Дарья Дмитриевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры «Русский язык и культура речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3а, e-mail: darja.dmitrieva2011@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается проблема расширения словарного запаса студентов-иностранцев, изучающих русский язык. По мнению автора, большое значение в решении данного вопроса имеет работа над словообразованием на занятиях по РКИ. Цель исследования состоит в определении теоретических основ и практических аспектов обучения иностранных учащихся русскому словообразованию. В процессе исследования применялись следующие методы: анализ научных трудов по теме, систематизация изученного материала, обобщение собственного опыта работы по обучению иностранных студентов русскому языку. В статье рассмотрена специфика работы по словообразованию на начальном, основном и завершающем этапах обучения РКИ, а также определены объём и основное содержание необходимого учебного материала. Автором представлены в качестве примера задания, направленные на усвоение иностранными учащимися наиболее распространённых способов словообразования в русском языке. В результате исследования автор делает вывод, что систематическая работа по словообразованию на занятиях по РКИ помогает обучить иностранных студентов речевой деятельности на русском языке, сформировать сознательно-аналитический подход к восприятию языкового материала и умение формулировать правила и объяснять языковые явления.

Ключевые слова: словообразование, русский язык как иностранный, морфологическая структура слова, производные слова, словообразовательный формант, аффиксальный способ словообразования, словосложение, суффиксы, префиксы, словообразовательный и морфемный анализ.

STUDYING OF WORD FORMATION ON LESSONS OF RUSSIAN AS FOREIGN

© 2020

Dmitrieva Darya Dmitrievna, candidate of pedagogical sciences, senior lecturer
of the department «Russian language and speech culture»
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3a, e-mail: darja.dmitrieva2011@yandex.ru)

Abstract. The article considers the problem of expanding the vocabulary of foreign students studying Russian. According to the author, work on word formation in the Russian as foreign classes is of great importance in solving this issue. The purpose of the study is to determine the theoretical foundations and practical aspects of teaching foreign students Russian word formation. The following methods were used in the research process: analysis of scientific works on the topic, systematization of the material studied, generalization of their own experience in teaching foreign students the Russian language. The article considers the specifics of work on word formation at the initial, main and final stages of Russian as foreign training, as well as the volume and main content of the necessary educational material. The author presents as an example tasks aimed at mastering by foreign students the most common ways of word formation in Russian. As a result of the research, the author concludes that systematic work on word formation in Russian language classes helps to train foreign students in speech activity in Russian, to form a conscious and analytical approach to the perception of language material and the ability to formulate rules and explain language phenomena.

Keywords: word formation, Russian as foreign language, morphological word structure, derivative words, word formation formant, affix word formation method, word composition, suffixes, prefixes, word formation and morpheme analysis.

ВВЕДЕНИЕ

Преподавание иностранных языков неразрывно связано с необходимостью расширения словарного запаса учащихся. В данном процессе очень важную роль играет работа над словообразованием в изучаемом языке, в результате которой происходит углубление знаний о новых словах. При определении по форме слова его грамматической функции у обучаемых развивается языковая догадка, необходимая для перевода. Узнавая знакомые элементы в новых словах, понимая их значение, учащиеся постепенно овладевают навыками перевода без использования словаря. Таким образом, словообразовательный языковой материал включает в себе большие возможности для развития необходимых навыков и умений, позволяет за короткий промежуток времени значительно расширить лексический запас. Несмотря на большое значение словообразования, методика его преподавания в процессе обучения русскому языку как иностранному недостаточно разработана. Данный факт обуславливает актуальность темы нашего исследования.

Теоретической основой работы являются исследования по методике преподавания иностранных языков и РКИ (Е.Н. Соловова, Е.И. Пассов, О.Д. Митрофанова, В.Г. Костомаров, А.Н. Щукин, Е.М. Верещагин), научные труды, посвящённые вопросам словообразования

в русском языке и его изучения в процессе обучения РКИ (Г.О. Винокур, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, Н.М. Шанский, М.А. Педанова, Д.Д. Дмитриева и др.) [1-16].

МЕТОДОЛОГИЯ

Основная цель нашего исследования заключается в том, чтобы определить теоретические основы и практические аспекты обучения словообразованию на занятиях по русскому языку как иностранному. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- выделить теоретический материал необходимый для знакомства с русским словообразованием;
- определить наиболее эффективные методы и формы работы, используемые на практических занятиях;
- разработать систему упражнений, направленных на усвоение иностранными учащимися наиболее распространённых способов словообразования в русском языке.

Среди основных методов и источников исследования можно выделить анализ научных трудов по теме и систематизацию изученного материала, а также обобщение собственного опыта работы по обучению иностранных студентов русскому языку.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По нашему мнению, словообразование должно изучаться на протяжении всего периода обучения ино-

странных учащихся русскому языку. Теоретическую и практическую работу по словообразованию лучше начинать в то время, когда у студентов-иностранцев складывается определённый минимум наиболее употребительных слов. При этом следует тщательно продумывать упражнения, постепенно усложняя их. На каждом этапе обучения РКИ работа по словообразованию имеет свою специфику и оперирует разным по объёму и содержанию материалом.

Прежде всего, необходимо ознакомить иностранных учащихся с морфологической структурой русских слов и представить на отдельных примерах различия между производными и непроизводными словами. На начальном этапе обучения РКИ студенты должны усвоить, что смысл производного слова может быть определён по значению составляющих его компонентов. Одновременно с сообщением теоретических сведений следует проводить практическую работу по словообразованию. Основным её содержанием является обучение иностранных студентов морфологическому анализу слов, их структуры, а также ознакомление с правилами образования данных лексических единиц в русском языке. Отметим, что морфологический анализ слова представляет для иностранцев значительные трудности. Это связано, прежде всего, с отсутствием в некоторых языках аффиксального способа словообразования [12,17].

Знакомство с новыми производными словами должно осуществляться на лексическом уровне в процессе чтения текстов. При этом известные слова могут быть рассмотрены с точки зрения составляющих их словообразовательных морфем и семантико-словообразовательных связей между производящими и производными словами, то есть на словообразовательном уровне. На начальном этапе студенты овладевают основами морфемного и словообразовательного анализа. Отметим, что способы представления учебного материала и упражнения должны одновременно способствовать осмыслению словообразовательных связей слов и обучать применению производных слов в речи. Периодически необходимо обобщать накопленные знания по словообразованию, предлагая иностранным учащимся упражнения, направленные на объединение известных производных слов в группы по общности словообразовательных формантов. Таким образом, на начальном этапе обучения РКИ важно сформировать у студентов умение выделять словообразовательный формант производного слова.

На следующем этапе обучения РКИ необходимо ознакомить иностранных учащихся с основными способами словообразования в русском языке. Следует отметить, что наиболее распространённым и одновременно сложным и трудоёмким для усвоения является аффиксальный способ словообразования. В процессе его изучения важно раскрыть специфические черты суффиксов и префиксов, различия между ними в характере выражаемых значений. Важно отметить, что основным результатом работы по словообразованию на данном этапе должно быть интенсивное увеличение активного и пассивного словарного запаса иностранных учащихся. В связи с этим на занятиях по РКИ следует систематически проводить морфемный и словообразовательный анализ, направленный на решение следующих задач:

- формирование у студентов-иностранцев определённого запаса словообразовательных формантов;
- формирование умения выделять корневую морфему в производном слове, определять её значение и подбирать однокорневые слова;
- формирование и развитие навыка определять направление производности и умения строить минимальную словообразовательную цепочку;
- знакомство с наиболее продуктивными словообразовательными типами, схемами и моделями, по которым можно самостоятельно образовывать новые слова;
- развитие навыка языковой догадки [13-20].

Работа по развитию языковой догадки должна про-

водиться на основе специально отобранного языкового материала, включающего в себя производные слова с ясной словообразовательной структурой, в которых можно точно установить значение словообразовательного форманта.

Итак, анализ морфологической структуры русских слов является не самоцелью, а средством углубления знаний и расширения словарного запаса иностранных студентов, облегчает им понимание ранее неизвестных слов и способствует овладению техникой перевода [21].

На основном этапе обучения РКИ необходимо также более детально ознакомить иностранных учащихся с системой словообразовательных формантов в русском языке и их значениями. Отметим, что для изучения необходимо выделить наиболее продуктивные аффиксы, которые часто употребляются в актуальных для иностранных студентов сферах языкового общения.

Обратимся к рассмотрению суффиксов, которые следует представить вниманию студентов-иностранцев на основном этапе обучения русскому языку:

1) суффиксы существительных и прилагательных, которые образуют синтаксические дериваты:

- суффиксы, образующие отглагольные существительные со значением отвлечённого действия (-ние, -ация),

- суффиксы, образующие существительные со значением отвлечённого признака (-ость, -ота, -ство);

2) нулевой суффикс;

3) суффиксы прилагательных (-н, -ов, -ск);

4) суффиксы, образующие существительные со значением лица (-тель, -ник, -щик, -чик, -ок, -ец, -атор и т.д.).

Относительно изучения префиксов в русском языке, стоит отметить, что на основном этапе обучения РКИ необходимо познакомить студентов с их пространственным и временным значениями. При этом целесообразно изучать одновременно приставки с пространственным значением и глаголы движения, в семантике которых содержится компонент направленности. Что касается приставок с временным значением, то следует рассматривать наиболее продуктивные из них, которые сочетаются с широким кругом глаголов различной семантики. Например: по-, про- (со значением некоторого ограниченного времени), за- (со значением начала действия) и т.д.

Основную часть языкового материала, используемого на завершающем этапе обучения РКИ, составляют суффиксы и префиксы, обозначающие эмоциональную оценку, а также те из них, которые относят производное слово к определённому стилю речи. На данном этапе большое внимание уделяется изучению лексических дериватов. Важно отметить, что недостаточное количество учебного времени не позволяет подробно изучить весь словообразовательный материал на занятиях по РКИ. По нашему мнению, прежде всего, следует отбирать для изучения такие словообразовательные типы, которые могут служить моделью для самостоятельного построения иностранными учащимися новых слов определённой семантики.

На завершающем этапе продолжается работа по изучению префиксов русского языка, префиксальных глаголов и прилагательных. При этом обучение глагольному словообразованию осуществляется в трёх аспектах:

- продолжение изучения особенностей приставок с разными значениями (пространственным, временным, количественным, интенсивным);

- изучение в сопоставлении словообразовательных префиксальных парадигм глаголов, относящихся к одной лексико-семантической группе;

- изучение отдельных глаголов с многозначными приставками.

Кроме изучения аффиксального способа словообразования в русском языке необходимо также обратить внимание иностранных студентов на прилагательные,

образованные путём словосложения с наличием некоторых постоянных компонентов [22-26]. Например: односторонний, двусторонний, всесторонний; ежедневный, ежегодный, еженедельный и т.д.

Обратимся к рассмотрению некоторых заданий, направленных на изучение основных способов словообразования в русском языке, которые могут быть применены на занятиях по РКИ в вузах медицинского профиля.

Задание 1. Из каких частей состоят следующие сложные слова? From which parts are the following complex words consist?

Воздушно-капельная инфекция, легкоранимая кожа, сосудосуживающие препараты, противовоспалительные средства.

Задание 2. Образуйте существительные от данных глаголов. Form the nouns from the following verbs:

Осложнять-, поражать-, снижать-, повышать-, ухудшать-, изменять-, контактировать-, осуществлять-, заражать.

Например: осложнять – осложнение

Задание 3. Образуйте существительные со значением процесса от следующих глаголов. Form the nouns with the meaning of process from the following verbs:

чихать, раздражать, повреждать, выделять, повышать, удалять, оказывать

Например: чихать – чихание

Задание 4. Образуйте прилагательные от существительных с помощью суффиксов:

Form the adjectives from the nouns with the help of suffixes:

а) - н: глаза, голова, колено, кожа, лоб, губа, зуб, рука, ухо, нога;

б) - ов, -ев: рот, лоб, плечо, горло, язык, кисть;

в) - енн: темя, бедро;

г) - чн: висок, затылок, ресницы.

Обратите внимание! При образовании некоторых прилагательных происходит чередование согласных.

Например: ухо – ушной (х-ш), рука – ручной (к-ч), нога – ножной (г-ж).

Задание 5. Обратите внимание на слова с приставками. Что обозначают приставки? Pay your attention to the verbs with prefixes, what do the prefixes mean?

переохлаждение, перенапряжение, переутомление, откашливание, покашливание.

ВЫВОДЫ

В результате данного исследования можно сделать вывод, что проведение систематической работы по словообразованию на занятиях по русскому языку как иностранному помогает решить следующие задачи:

- обучить иностранных студентов речевой деятельности на русском языке;
- сформировать сознательно-аналитический подход к восприятию языкового материала;
- сформировать умение формулировать правила и объяснять языковые явления.

Знание правил русского словообразования способствует формированию у иностранных студентов умения читать и адекватно понимать художественные и учебные тексты. Таким образом, работа по словообразованию должна проводиться систематически и стать органической частью общего процесса обучения иностранных учащихся русскому языку. Материал исследования может быть использован в практике преподавания РКИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс. – М.: АСТ: Астрель, 2009 – 238с.
2. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 223с.
3. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. – М.: Просвещение, 1988. – 223 с.
4. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 268 с.
5. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – М.: Русский язык, 1984. – 159 с.
6. Шуклин А.Н. Методика краткосрочного обучения русскому

языку как иностранному. – М.: Русский язык, 1984. – 126с.

7. Верещанин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

8. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 419-442.

9. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. – М., 1973. – С.33.

10. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. – М.: Наука, 1965. – 80 с.

11. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.

12. Педанова М.А. Об обучении словообразованию на начальном этапе преподавания второго иностранного языка // Иностран. яз. в школе. – 1975. – №10. – С. 120-127.

13. Дмитриева Д.Д. Роль наглядных и технических средств в процессе интенсификации обучения русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 74-76

14. Дмитриева Д.Д. Изучение терминологического словообразования на занятиях по русскому языку как иностранному в медицинских вузах//Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 1 (18). – С. 11-15.

15. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 244-246

16. Петрова Н.Э. Работа с аудиовизуальными средствами на практических занятиях с иностранными студентами в системе русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 203-206

17. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Наука, 1980. – 295 с.

18. Дмитриева Д.Д. Основные этапы обучения лексике на занятиях по русскому языку как иностранному//Региональный вестник. – 2019. – № 4 (19). – С. 27-28.

19. Дмитриева Д.Д. Семантические особенности русских слов и их изучение при работе над лексикой на занятиях по русскому языку как иностранному//Региональный вестник. – 2019. – № 5 (20). – С. 30-32.

20. Рубцова Е.В. Процесс семантизации новых слов в методике преподавания русского языка как иностранного//Региональный вестник. – 2019. – №22. – С.21-23.

21. Дмитриева Д.Д. Языковая догадка и способы её развития при обучении русскому языку как иностранному// Региональный вестник. – 2018. – № 5 (14). – С. 23-25.

22. Григорьев В.П. Так называемые сложные слова в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1959. – №1. – С. 65-78.

23. Дмитриева Д.Д. Формирование лексико-грамматических навыков речи на занятиях по русскому языку как иностранному// Региональный вестник. – 2019. – № 12 (27). – С. 40-41.

24. Петрова Н.Э. О роли фонетических знаний в обучении грамматике русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 224-226

25. Петрова Н.Э. Работа над лексико-грамматическими навыками при обучении иностранных студентов русскому языку// Региональный вестник. 2019. № 19 (34). С. 32-34.

26. Скляр Е.С. Изучение медицинской лексики и терминологии на занятиях по русскому языку как иностранному//Региональный вестник. – 2019. – № 1 (16). – С. 20-21.

Статья поступила в редакцию 19.01.2020

Статья принята к публикации 27.02.2020

Научная специальность: 13.00.02
УДК 378
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0011

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

© 2020
AuthorID: 764243
SPIN: 5482-7429
ORCID: 0000-0001-9440-2120

Жебрatkина Ирина Яковлевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков

AuthorID: 999774
SPIN: 3245-5593
ORCID: 0000-0002-8594-8938

Максимова Инна Радиславовна, кандидат педагогических наук,
доцент, доцент кафедры иностранных языков
Академия Федеральной службы исполнения наказаний
(390000, Россия, Рязань, улица Сенная, 1, e-mail: imaksi20@rambler.ru)

Аннотация. Игровая индустрия – это один из самых быстрорастущих рынков развлечений в нашей стране. В последние годы подавляющее большинство населения планеты проводит бесчисленное количество времени за компьютерными играми. Очевидным является факт, что компьютерные игры накладывают существенный отпечаток на развитие личности не только современных детей и подростков, но и взрослых. Мощный поток новой информации, применение компьютерных технологий, а именно распространение компьютерных игр оказывает большое влияние на воспитательное пространство людей. Вместе с несомненным положительным значением компьютеризации следует отметить негативные последствия этого процесса, влияющего на социально – психологическое здоровье, в особенности подрастающего поколения. Негативным последствием этого процесса является явление игровой компьютерной зависимости – патологическое пристрастие человека к компьютерным играм. Несмотря на мнения психологов о негативном влиянии компьютерных игр на психику человека, нельзя не отметить положительного аспекта их использования. Компьютерные игры – хороший пример того, насколько долго человек может сохранять внимание на одной задаче, чем можно воспользоваться на благо изучения языка. В основу нашей работы положена следующая гипотеза: компьютерные игры положительно влияют на изучение английского языка, расширяют словарный запас игроков, совершенствуют знания грамматики и восприятие речи на слух и вызывают интерес к его изучению. Компьютерные игры неизменно оптимизируют изучения английского языка как при самостоятельном изучении, так и изучении английского языка в группе.

Ключевые слова: английский язык, мультимедийные видеоигры, интерактивные технологии, индивидуальное обучение, педагогическая значимость, средство, контекст, процесс обучения, лексика, грамматические конструкции, произношение, интонация.

THE ENGLISH LANGUAGE: LEARNING THROUGH COMPUTER GAMES

© 2020

Zhebratkina Irina Yakovlevna, candidate of philological sciences, assistant professor
of the foreign language department

Maksimova Inna Radislavovna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor
of the foreign language department

Academy of the Federal Penal Service of the Russian Federation
(390000, Russia, Ryazan, Sennaya st., 1, e-mail imaksi20@rambler.ru)

Abstract. The gaming industry is one of the fastest growing entertainment markets in our country. In recent years, the vast majority of the world's population spends countless hours playing computer games. It is obvious that computer games have a significant impact on the development of personality not only of children and adolescents, but adults well. A powerful flow of new information, the use of computer technology, namely the spread of computer games, has a great impact on educational space of people. Along with undoubted positive value of computerization it is important to indicate negative consequences of this process, which affect socio-psychological health, especially of younger generation. The negative consequence of this process is the phenomenon of computer games addiction that is pathological addiction to computer games. Despite the opinions of psychologists concerning negative impact of computer games on human psyche, we should undoubtedly state the positive aspect of their use. Computer games are a good example of how long a person can keep attention on one task, which can be used for the benefit of language learning. The basis of our work is the following hypothesis: computer games have a positive impact on the study of English, expand the vocabulary of players, improve knowledge of grammar and perception of speech by ear and cause interest in its study. Computer games invariably optimize English learning process independently and in group.

Keywords: the English language, computer video games, interactive technologies, individual learning, pedagogical value, learning tool, context, learning process, vocabulary, grammar construction, pronunciation, intonation.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Роль интерактивных технологий как альтернативных инструментов для изучения иностранного, в частности английского языка, возрастает все больше по мере того, как педагоги осознают их обширные возможности для создания условий как для самостоятельного, так и совместного обучения, в которой возможно практиковать иностранный язык, погружаясь в естественную языковую среду. Благодаря использованию Интернета, и мультимедийных видеоигр становится возможным индивидуальное обучение, позволяющее удовлетворить конкретные по-

требности обучающихся, а также участвовать в совместных проектах, способствующих общению со сверстниками в их классной комнате и во всем мировом сообществе [1]. Данная статья посвящена потенциалу видеоигр как мощному инструменту обучения и овладения иностранным (английским) языком. Тема важна по многим причинам. Одна из причин заключается в том, что большинство людей относятся отрицательно к видеоиграм, подчеркивая их негативную роль в процессе воспитания молодежи [4]. Таким образом роль мультимедийных видеоигр как выразительной и интересной среды в изучении английского языка умалется, если не сказать, что полностью нивелируется [9].

Настоящее исследование дает возможность понять, что транзакционный характер и педагогическая значимость видеоигр делают их не только жизнеспособным, но и жизненно важным средством изучения английского языка [10].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которой основываются авторы, выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. В статье мы главным образом основываемся на данных, полученных из зарубежных источников, поскольку более глубокие исследования данной области принадлежат именно зарубежным ученым. Данный вопрос изучали: Пренский М. [8], Фромм М. [5], Конг [7], Халтийн Д. и Лауфер Б. [6], Халпен Д. [4] и др.

Немногочисленные исследования вопроса, проведенные в течение нескольких лет в нескольких университетах США, Англии и Швеции с участием студентов разных специальностей, а также современные методики преподавания языка подтверждают несомненную пользу использования видеоигр в овладении английским языком [11].

Ученые обнаружили, что успешное овладение английским языком посредством компьютерных игр напрямую зависит от высокого «уровня вовлеченности в задачу». Игроки как правило довольно глубоко погружены в процесс, что может позволить достаточно быстро аккумулировать новые и лексические и грамматические формы [2]. При этом положительным моментом является то, что в компьютерной игре языковые единицы представлены одновременно и в устной, и письменной формах, что стимулирует процесс усвоения материала [3], компьютерные видеоигры позволяют обучающимся анализировать и «декодировать» иностранный (английский) язык в своем собственном темпе. Они полностью контролируют ход игры, поскольку имеют возможность приостановить игру, инициировать, повторить действия [2].

Одним из основных условий использования видеоигр для обучения также является мотивация обучающихся [4]. Однако, являясь ключевым элементом в изучении языка, мотивация сама по себе не гарантирует приобретения языка. При этом одной из самых трудных вещей, которые должны были сделать учителя, было стремление к балансу между взаимодействием видеоигр и изучением иностранного языка, что может привести к чрезмерной нагрузке на когнитивные способности обучающихся [12]. При этом одной из самых трудных целей является – достижение баланса между взаимодействием видеоигр и изучением иностранного языка, что может привести к чрезмерной нагрузке на когнитивные способности обучающихся [7].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель данной статьи – выявить и подтвердить положительное влияние компьютерных игр на процесс изучения английского языка.

Постановка задания. Определить исходный уровень знаний грамматики и лексики английского языка обучающихся до и после пользования компьютерной игрой.

Используемые методы, методики и технологии. К исследованию были привлечены методы тестирования, анкетирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Исследование было проведено на базе Академии ФСИН России. В исследовании приняли участие 30 обучающихся – курсантов первого курса юридического факультета и студенты первого курса Института государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России, обучающиеся по дополнительной образовательной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

На первом этапе исследования мы использовали

предварительное тестирование, чтобы детерминировать исходный уровень владения лексикой и грамматикой английского языка по определенной теме.

Тест №1 включал в себя 30 заданий, нацеленных на проверку знаний грамматики английского языка, и 30 – на проверку вокабуляра английского языка. Тест № 1 позволил выявить следующие результаты: только 5 из 30 обучающихся корректно ответили на 50% предложенных заданий, 25 обучающихся предоставили верные ответы на менее 50% вопросов теста.

На втором этапе курсантам и студентам было предложено воспользоваться компьютерной игрой «The Sims 2» в течение месяца. Это происходило как в форме выполнения определенных заданий по темам «Досуг», «Развлечения», «Манеры», «Предпочтения», «Семья» в ходе аудиторной работы на занятиях под руководством преподавателя, так и в ходе самостоятельной работы при выполнении домашних заданий.

По истечении указанного ранее периода времени было проведено повторное тестирование. Тест №2 также содержал 30 лексических и 30 грамматических заданий, аналогичных, но не идентичных заданиям из теста №1. Лексика и теста №2 базировалась на темах «Досуг», «Развлечения», «Манеры», «Предпочтения», «Семья», затронутых в ходе использования компьютерной игры. Анализ результатов повторного тестирования продемонстрировал гораздо более высокие показатели по сравнению с предварительным тестированием. А именно, 23 из 30 обучающихся предоставили верные ответы на более 85% вопросов, 7 курсантов и студентов успешно справились с более 50% заданий.

В дополнение к тестированию было также проведено анкетирование выборки курсантов и студентов, прошедших тестирования. Анкетирование помогло выявить их мнение по следующим вопросам:

1. Что легче и последовательнее усваивается в процессе пользования видеоигрой: лексика или грамматика английского языка?

26 из 30 респондентов утверждали, что в большей степени усваивается лексика, в то время, как 4 – на грамматические конструкции также обращается внимание, но в меньшей степени.

2. Какие грамматические или лексические конструкции из видеоигр запоминаются?

26 опрошенных ответили, что они обычно изучают фразовые глаголы, идиомы и устойчивые выражения из видеоигр, в то время как остальные 4 сказали, что они пересматривают грамматические конструкции.

3. Способствуют ли компьютерные игры овладению английским языком?

27 курсантов и студентов полагали, что видеоигры являются эффективным вспомогательным средством для овладения иностранным языком, особенно на начальном этапе. По мнению остальных, они просто служат в качестве тренировочного устройства.

4. Сохраняется ли лексический или грамматический материал в памяти дольше при использовании видеоигр, чем материал, изучаемый традиционным способом в ходе классных и самостоятельных занятий?

5. Стимулируют ли компьютерные игры усвоение произношения и интонации английского языка?

Все 30 курсантов и студентов, прошедших тестирование, на вопросы 4 и 5 ответили положительно.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Аналогичные эксперименты, проведенные зарубежными учеными-педагогами, также подтверждают факт продуктивного усвоения грамматического и лексического материала благодаря использованию компьютерных игр [11, с. 139-142].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Предварительное тестирование и тестирование, проведенное после выполнения определенных заданий в ходе пользования компьютерной игрой «The Sims 2» курсантов и студентов Академии

ФСИН России, а также последующее анкетирование данной группы обучающихся позволили прийти к выводу, что использование компьютерных игр значительным образом повышает уровень овладения английским языком в сравнительно небольшие сроки, интенсифицирует процесс усвоения лексики и грамматики во многом благодаря повышенному уровню вовлеченности в игру, а именно мотивации. Компьютерная игра позволяет гораздо легче, быстрее и интереснее изучать английский язык, развивать память, внимание, воображение, умение находить закономерности. Для того чтобы эффективно обучать, необходимо увлечь. Именно такое действие и оказывают современные компьютерные игры на английском языке, приобретая все большую популярность. Немаловажным является и то, что игры озвучены носителями языка, что помимо расширения словарного запаса и грамматических штаммов неизменно ведет к овладению правильным произношением и непростой интонацией английского языка.

Перспективы дальнейших изысканий данного направления. Подводя итоги нашего исследования, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что компьютерные игры являются эффективным средством обучения английскому языку, способное существенно обогатить практические занятия, а также создающие мощную платформу для самостоятельной работы. Это – значительное «подспорье» в процессе познания любого иностранного языка, в частности английского, к которому рекомендуется регулярно прибегать на практических занятиях по английскому языку как в языковых, так и неязыковых вузах в сочетании с другими интерактивными средствами обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Петрова Н.П. *Виртуальная реальность: Современная компьютерная графика и анимация.* - М.: Аквариум, 1997.
2. Charsky D., Ressler W. «Games are made for fun»: Lessons on the effects of concept maps in the classroom use of computer games. *Computers & Education*, vol. 56, no. 3, pp. 604-615, 2011.
3. Halpern D. *Thought and knowledge.* New York: Psychology Press, 2014.
4. Fromme J. *Computer games as a part of children's culture*, *Game studies*, vol. 3, no. 1, pp. 49-62, 2016.
5. Hulstijn J., Laufer B. Some empirical evidence for the involvement load hypothesis in vocabulary acquisition. *Language learning* 51 (3), pp. 539-558, 2017.
6. Kong S. C. An experience of a three-year study on the development of critical thinking skills in flipped secondary classrooms with pedagogical and technological support. *Computers & Education*, vol. 89, pp. 16-31, 2016.
7. Prensky M. *Digital game-based learning.* *Computers in Entertainment (CIE)*, vol. 1, no. 1, pp. 21-21, 2016.
8. Hwang G.-J., Sung H.-Y., Hung C.-M., Huang I., Tsai C.-C. Development of a personalized educational computer game based on students' learning styles. *Educational Technology Research and Development*, vol. 60, no. 4, pp. 623-638, 2016.
9. Hwang G.-J., Yang L.-H., and Wang S.-Y. A concept map-embedded educational computer game for improving students' learning performance in natural science courses. *Computers & Education*, vol. 69, pp. 121-130, 2013.
10. Hwang G.-J., Hung C.-M., Chen N.-S. Improving learning achievements, motivations and problem-solving skills through a peer assessment-based game development approach. *Educational Technology Research and Development*, vol. 62, no. 2, pp. 129-145, 2014.
11. Yang Y.-T. C., Chang C.-H. "Empowering students through digital game authorship: Enhancing concentration, critical thinking, and academic achievement. *Computers & Education*, vol. 68, pp. 334-344, 2013.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 377.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0012

МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНАЯ СФЕРА СТУДЕНТОВ В ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ И СПОРТИВНО-МАССОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2020

Зайцева Любовь Васильевна, старший преподаватель кафедры транспортных процессов, сервиса и дизайна*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, филиал в Артеме (692760, Россия, Артем, ул. Кооперативная, д.6, e-mail: zaytsevalv2014@mail.ru)*

Аннотация. Целостный образовательный процесс Филиала ВГУЭС предусматривает определение профессиональной и нравственной готовности учащейся молодёжи к будущей профессиональной деятельности. Постоянно меняющаяся экономическая ситуация требует от молодого специалиста не только узкопрофессиональных знаний, но хорошего здоровья, организаторских способностей, лидерских качеств. Используя эффективные методы обучения и воспитания, педагоги ВГУЭС формируют у студентов осознанную потребность в физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности. Организация учебно-воспитательной деятельности в филиале ФГБОУ ВО ВГУЭС в г. Артеме способствует активному формированию мотивационно-личностной сферы студентов, основанной на духовном и нравственном здоровье личности, активной гражданской позиции, патриотизме. Вовлечение студентов в процесс организации и самоорганизации учебной и внеучебной деятельности приводит к смене мотивации с принудительной формы на первом курсе на осознанной к четвёртому. Студенты показывают достаточно высокий уровень здоровья и физического развития, готовность к профессиональной и общественной работе, высокую степень усвоения ими учебных программ и готовность к исследовательской работе.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительная и спортивно-массовая деятельность, мотивационно-личностная сфера студента, мониторинг личностных потребностей, мониторинг развития творческих, физических и интеллектуальных качеств.

MOTIVATIONAL AND PERSONAL SPHERE OF STUDENTS IN FITNESS AND HEALTH RECREATION, SPORTING AND MASS PARTICIPATION EVENTS

© 2020

Zaytseva Lyubov Vasilevna, senior lecturer, Department of transport processes, service and design*Vladivostok State University of Economics and Service, branch in Artem (692760, Russia, Artem, Kooperativnaya street, 6, e-mail: zaytsevalv2014@mail.ru)*

Abstract. The integral educational process of the branch of VSUES provides the determination of the professional and moral readiness of young students for future professional activity. The constantly changing economic situation requires of the young specialist not only narrow professional knowledge, but good health, organizational abilities, leadership qualities. Using effective methods of education and education, teachers of VSUES form in students an informed need for fitness and health recreation events, sporting and mass participation events. The organization of educational activities in the branch of VSUES in Artem promotes active formation of the motivational and personal sphere of students, based on the spiritual and moral health of the person, active citizenship, patriotism. Involvement of students in the process of organization and self-organization of educational and extracurricular activities leads to a change of motivation from forced form in the first year to conscious by the last. Students show quite a high level of health and physical development, readiness for professional and social work, high degree of learning of educational programs and readiness for research work.

Keywords: fitness and health recreation events, sporting and mass participation events, motivational and personal sphere of a student, personal needs monitoring, monitoring of the development of creative, physical and intellectual characteristics.

ВВЕДЕНИЕ

Современные реалии диктуют условия формирования не только профессиональной, но и нравственной готовности обучающихся к их профессиональной деятельности в будущем.

Задача учебно-воспитательной деятельности Филиала не просто подготовка узкоспециализированных специалистов, а специалистов способных реально решать не только профессиональные, но и социально-значимые задачи, опираясь при этом на систему профессиональных и общесоциальных принципов.

Поэтому особая роль в учебно-воспитательной деятельности отводится физической культуре, которая выполняет активную роль в формировании активной гражданской позиции, в воспитании патриотизма, в развитии духовно-нравственной здоровой личности, способной к успешной социализации на рынке труда.

В данный момент в России действуют: Федеральная программа «Развитие физической культуры и спорта на период 2016- 2020 г.»; ФЗ № 429 от 4.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»; Всероссийский физкультурно-спортивный «Комплекс ГТО», то есть состояние здоровья подрастающего поколения – важный показатель благополучия общества и государства [1,2].

Об этом президент Российской Федерации Владимир Путин заявил, выступая на заседании Совета при президенте по развитию физкультуры и спорта. «Что очень важно и правильно, и полезно для нас, для нашей стра-

ны - развитие вкуса к здоровому образу жизни, к физкультуре, спорту с тем, чтобы наши подрастающие поколения были более здоровыми, ориентированными на активную жизненную позицию, способными бороться за свои интересы, за интересы страны, чтобы это было площадкой, которая воспитывает нас в духе патриотизма, стремления добиваться наивысшего результата, стремления к победе».

Цель данного исследования – особенности реализации эффективных методов обучения и воспитания студентов филиала ВГУЭС педагогом физической культуры Филиала ВГУЭС, направленных на формирование осознанной потребности студентов в физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности.

Задачами данного исследования являются характеристика личностных потребностей оздоровительной и спортивной деятельности студентов Филиала, мониторинг развития творческих, физических и интеллектуальных качеств студентов Филиала, анализ особенностей формирования мотивационно-личностной сферы студента Филиала в процессе его обучения.

МЕТОДОЛОГИЯ

Современные технологии активизации учебно-педагогической деятельности студентов включают факторы приспособления к инновациям, оптимального сочетания в человеке физкультурно-оздоровительной деятельности, ее познавательного потенциала, соматической природы личности.

Только ценности, приобретающие «личностный

смысл», становятся ориентиром социального поведения и преобразуются в конкретные цели жизнедеятельности [3].

Вопрос о включении студентов в процессы управления собственной учебно-познавательной деятельностью, физическим, психическим и соматическим здоровьем сегодня как никогда актуален [4].

Для решения проблемы необходимо практико-ориентированное обучение студентов основам самоуправления учебно-познавательной деятельностью (личностный опыт физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности, формирование необходимых практических навыков на основе полученных знаний и умений).

Основными методами исследования являются изучение методической литературы по исследуемой тематике, наблюдение за изменением отношения студентов Филиала к физической культуре и повышением компетенций в самооздоровлении, эксперимент по развитию внутренней мотивации студентов в физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности [5-9]. В процессе исследования проводился опрос студентов с целью определения их отношения к физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности.

В опросе приняли участие 60 студентов первого курса (Специальность «автомеханики» и «строители») мужского пола в возрасте 16-17 лет и 20 студентов четвертого курса (Специальность «автомеханики») мужского пола в возрасте 19-20 лет.

Анализ результатов опроса выявил комплекс объективных условий и субъективных факторов, характеризующих отношение и мотивацию студентов к физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности.

Таблица 1. Характеристика личностных потребностей оздоровительной и спортивной деятельности студентов Филиала

Виды деятельности	Первый курс		Четвёртый курс	
	Чел.	%	Чел.	%
Участие в спортивных мероприятиях Филиала	60	100%	20	100%
в т.ч. городские, краевые региональные мероприятия	19	31%	15	75%
Сдача нормативов ГТО	20	33%	16	80%
Проведение и организация спортивных мероприятий	10	17%	15	75%
Проведение и организация классных часов, квест-игр	0	0%	20	100%

Согласно исследованию, студенты первого курса активно участвуют во внутривузовских спортивных соревнованиях, однако, поскольку уровень их спортивного мастерства недостаточно высок, в соревнованиях более высокого ранга (городских или краевых) доля первокурсников значительно ниже (ок. 30%, 19 человек). Это студенты, занимавшиеся в спортивных секциях до поступления в вуз. На четвертом же курсе при той же массовости доля участников городских, краевых и региональных соревнований значительно выше (75%, 15 чел.).

Это и результат деятельности педагога физической культуры, и следствие личностной мотивации студентов.

Для студентов Филиала сдача норм ГТО, особенно для первокурсников, представляет серьёзное испытание, доступное далеко не всем. Это связано с постоянным сидением за компьютером, отсутствием правильного питания, вредные привычки, низкой двигательной активностью, а часто и с элементарным нежеланием вести здоровый образ жизни. Так в табл.1 показано, что доля сдавших нормативы ГТО составляет чуть более 30% (20чел.).

Наибольшее затруднение студенты-первокурсники при сдаче норматива в лёгкой атлетике при беге на длинные дистанции.

Благодаря грамотно поставленной работе по физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности студенты четвертого курса значительно лучше справляются со сдачей нормативов ГТО (80%, 16 чел.), однако сдача норм ГТО по-прежнему очень сложная форма спортивно-массовой работы в вузе, а

поскольку сдача норм ГТО в России не обязательно, некоторые студенты просто отказываются от их сдачи. Организация и проведение спортивно-массовых и физкультурно-оздоровительных мероприятий требует от студентов не только хорошей физической подготовленности, но и обширных знаний в теории и практике проведения различных соревнований, организаторских способностей, культуры поведения и т.д. Не каждый, даже физически развитый, спортивный студент способен к данному виду деятельности, хотя стремление такое есть практически у всех.

Первокурсники - организаторы и судьи спортивных соревнований получают эти навыки ещё до поступления в вуз и их доля не велика (17%, 10 чел.), студенты четвертого курса учатся не только физическому мастерству, но развивают творческие и интеллектуальные качества. Особое место занимают и личностные качества, позволяющие студентам быть объективными, беспристрастными судьями не только на уровне города, но и края. Доля таких студентов составляет 75% (15 чел.). Особое место в оздоровительной и спортивной деятельности студентов занимает творческое осмысление и теоретическое обоснование различных видов спортивно-массовых мероприятий, что требует несомненных лидерских качеств, значительного творческого и интеллектуально-го потенциала [10].

Эти качества воспитываются педагогами у студентов Филиала, как на примере студентов старших курсов, так в ходе практической деятельности при организации различных спортивно-массовых мероприятий сначала под руководством педагогов и старшекурсников, затем самостоятельно [11].

Так студенты четвертого курса организовали и провели в феврале 2019 г. спортивные соревнования в честь Дня защитника Отечества для учащихся академического лица и для преподавателей Филиала, в апреле 2019 г. городскую квест-игру «Мы за здоровый образ жизни», в мае 2019 г. - квест по профилактике наркомании «Мы есть ЗОЖ».

Таблица 2 - Мониторинг развития творческих, физических и интеллектуальных качеств студентов первого курса Филиала

Виды деятельности	Первый курс сент. 2018		Первый курс май 2019	
	Чел.	%	Чел.	%
Уровень физической подготовки:				
Количество занимающихся в спортивных секциях	8	13%	22	38%
Участники вузовских соревнований и спортивных праздников	60	100%	60	100%
Участники вневузовских соревнований (Городские, краевые, региональные, Всероссийские соревнования)	-	-	19	31%
Интеллектуальные качества:				
Уровень успеваемости по физкультуре	3,3		4,2	
Творческие качества:				
Проведение классных часов	-	-	30	50%
Проведение спортивных праздников для однокурсников	-	-	15	25%
Военно-патриотические мероприятия	-	-	12	20%
Участие в спортивно-туристических мероприятиях	-	-	10	17%
Участие в массовых акциях	-	-	5	8%

Таблица 3 - Мониторинг развития творческих, физических и интеллектуальных качеств студентов четвертого курса Филиала

Виды деятельности	Первый курс май 2016		Четвёртый курс май 2019	
	Чел.	%	Чел.	%
Уровень физической подготовки:				
Количество занимающихся в спортивных секциях	5	25%	20	100%
Участники вузовских соревнований и спортивных праздников	20	100%	20	100%
Участники вневузовских соревнований (Городские, краевые, региональные, Всероссийские соревнования)	6	30%	10	50%
Интеллектуальные качества:				
Уровень успеваемости по физкультуре	4,1		4,8	
Творческие качества:				
Проведение классных часов	10	50%	20	100%
Проведение спортивных праздников для однокурсников	5	25%	20	100%
Военно-патриотические мероприятия	9	23%	20	100%
Участие в спортивно-туристических мероприятиях	8	40%	20	100%
Участие в массовых акциях	3	15%	20	100%

Согласно данным таблиц 2 и 3, благодаря обучению студентов навыкам самоконтроля по ЧСС, самомотивации, методикам диагностики психофизических особенностей и физических способностей, дозированию физической нагрузки, уровень физической подготовки студентов к концу обучения значительно вырос. Уровень

успеваемости на занятиях физической культуры при правильной организации процесса самообучения растёт, одновременно повышается и уровень физической подготовленности студентов.

Творческие качества студентов в процессе учебной деятельности развиваются благодаря наличию программы «Совета коллектива по физической культуре и спорту», которая предусматривает участие студентов военно-спортивных мероприятиях («Зарница», Военные сборы в воинской части № 30986 и др.), где студенты получают навыки строевой, физической, военно-медицинской подготовки, изучают основы военного дела. Кроме того, в программе предусмотрены туристические соревнования (контрольно-туристические маршруты, туристская техника, спортивное ориентирование) и участие в разнообразных массовых акциях («Бессмертный полк», «Подари радость детям» и др.), флеш-мобах. Особо стоит отметить волонёрское движение, в котором к концу обучения студенты охотно участвуют.

Работа со студентами четвертого курса осуществлялась в течение всех четырёх лет учебы. На втором курсе в целях определения мотивирующих факторов в физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности студенты были разделены на две группы. В экспериментальной группе (ЭГ) был усилен аспект соревновательной деятельности (учащихся привлекали не только к участию в различных спортивных мероприятиях, но и приобщали к самостоятельному проектированию, подготовке, организации и судейству подобных мероприятий); внедрен индивидуально-дифференцированный подход к возможностям студентов (реальная возможность индивидуального выбора); включена возможность интеллектуального творческого развития (студентов привлекали к проведению уроков физической культуры по особой методике для учащихся лицей, к организации сюжетных праздников, к участию в научно-практических конференциях, семинарах, тренингах, мастер-классах).

Таблица 4-Активность студентов в проявлении физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности

Активность студентов	КГ, %			ЭГ, %		
	2 курс	3 курс	4 курс	2 курс	3 курс	4 курс
Средняя посещаемость физкультурно-оздоровительных мероприятий	75%	75%	88%	75%	83%	92%
Средняя посещаемость спортивно-массовых мероприятий	38%	50%	63%	33%	92%	100%
Участие в научно-практических конференциях, семинарах, тренингах, мастер-классах	13%	25%	38%	17%	50%	83%

Экспериментальная группа к четвертому курсу насчитывала 12 человек, контрольная группа – 8 человек. Согласно данным, приведённым в таблице 4, студенты контрольной группы показали небольшую положительную динамику личностной мотивации, однако большинство студентов контрольной группы ограничивалось необходимым минимумом физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности. Экспериментальная же группа показала более высокие результаты, так как ценности управления собственной учебно-познавательной деятельностью, физическим, психическим и соматическим здоровьем приобрели для студентов «личностный смысл», стали социальным и жизненным ориентиром. Сам эксперимент, начатый в 2015 году, сегодня оформился в рабочую программу практико-ориентированного обучения студентов основам самоуправления учебно-познавательной деятельностью в Филиале ВГУЭС.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Особенностями формирования мотивационно-личностной сферы согласно рабочей программе практико-ориентированного обучения студентов основам самоуправления учебно-познавательной деятельностью являются:

1) определение каждым студентом своей дальнейшей

жизненной перспективы;

2) свобода выбора при самостоятельном выборе способа его реализации;

3) возможности сотрудничества, ответственности и творчества.

Проведённый опрос среди студентов четвертого курса показал динамику изменения мотивов студентов за четыре года обучения. Если 50% опрошенных поступили осознанно, 25% посоветовали друзья, то 15% респондентов заставили родители. 10% указали другие причины мотивации при поступлении в Филиал. Половина из них действовали неосознанно, подчиняясь внешним обстоятельствам.

Опрос студентов четвертого курса по окончании курса обучения в Филиале показал, что 60% определились и будут работать по профессии, 35% планируют продолжить обучение и лишь 5% решили сменить профессию.

Ситуация изменилась кардинально. Благодаря грамотно поставленной работе со студентами – вовлечение их в процесс организации и самоорганизации учебной и внеучебной деятельности – уровень мотивации с принудительной формы на первом курсе сменился на осознанный.

Студенты показывают достаточно высокий уровень здоровья и физического развития, готовность к профессиональной и общественной работе, высокую степень усвоения ими учебных программ и готовность к исследовательской работе.

В итоге исследования отметим, что организация учебно-воспитательной деятельности в филиале ФГБОУ ВО ВГУЭС в г. Артёме способствует активному формированию мотивационно-личностной сферы студентов, основанной на духовном и нравственном здоровье личности, активной гражданской позиции, патриотизме.

Студенты Филиала в активном взаимодействии с военнослужащими Артёмовского гарнизона проводят разнообразные военно-спортивные мероприятия, развивающие вкус к здоровому образу жизни, к физкультуре и спорту.

Активная жизненная позиция, способность бороться за свои интересы, за интересы страны способствуют успешной социализации на рынке труда. Способности к познанию уже открытого и открытию нового, стремление добиваться наилучшего результата, стремление к победе в значительной мере характеризуют выпускника Филиала ВГУЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» от 07.08.2009 № 1101-р.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 16 ноября 2007 года.
3. Виленский М.Я., Авчинникова С.О. Методологический анализ общего и особенного в понятиях «здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни» // Теория и практика физической культуры. – 2004. – №11. – С.2. – 11
4. Современные образовательные технологии: монография. Книга 4/ Е.Г. Гравицкая, В.А. Даниленкова, Ю.В. Дулепова и др. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. – 182 с.
5. Холодов Ж.К. Кузнецов В.С. Физическая культура и спорт. Теория и методика физического воспитания. – М.: Академия, 2003. – 480 с.
6. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография / Голикова С.В., Горева О.М. и др. – Книга 22. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. 248с.
7. Пащенко Л.Г. Организация образовательно-оздоровительной деятельности взрослого населения в условиях физкультурно-оздоровительного комплекса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 177-181.
8. Сафоненко С.В. Исследование волевых качеств учащихся как одного из аспектов личностных достижений в физкультурно-спортивной деятельности // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 286-293.
9. Василевская Е.А., Аминов Р.А. Изучение мотивационно-ценностного компонента позитивного отношения у учащихся к физкультурно-спортивной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 226-229.
10. Зайцева Л.В. Совершенствование физической подготовленности студентов: организация спортивно-массовых мероприятий //

Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3(24)- С.100-103.

11. Зайцева Л.В. Интеграция знаний по предметам биологического цикла в аспекте здоровьесбережения на примере урока физкультуры в филиале ВГУЭС г.Артема // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований № 12-6. 2016. С.1031-1042.

Статья поступила в редакцию 24.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.147
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0013

ПРОБЛЕМЫ ВУЗА В ЭРУ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ РЕШЕНИЕ

© 2020
SPIN-код: 7811-2171
AuthorID: 789674

Зинина Ольга Вячеславна, доцент, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент в АПК»

SPIN-код: 2775-1664
AuthorID: 829280

Оленцова Юлия Анатольевна, старший преподаватель
кафедры «Иностранного языка»

*Красноярский государственный аграрный университет
(660049, Россия, Красноярск, проспект Мира, 90, e-mail: tutor.eng@yandex.ru)*

Аннотация. Анализ дистанционных образовательных технологий высших учебных заведений показывает, что в большинстве вузов, имеющих действующие информационные системы, персонал страдает как от недостатка нужной информации, так и от избытка некорректной или устаревшей информации. Кроме того, многие сотрудники либо не знают, какие ресурсы и сервисы доступны, либо не понимают, как ими воспользоваться, а порой не имеют возможности это сделать. У персонала часто нет возможности оперативно опубликовать неструктурированные данные и сделать их доступными определенной целевой группе. В учебном процессе явный дефицит качественных цифровых методических материалов, а то, что есть, трудно «донести» до студента. Есть проблемы с идентификацией пользователей при доступе к ресурсам и управлением собственно информационными ресурсами. Однако уровень образования определяет интеллектуальный потенциал государства в качестве важнейшей составляющей национального богатства. Более того, эффективное использование накопленного научно-образовательного потенциала является главным условием экономической и социальной стабильности общества. Международный опыт и современная российская практика свидетельствуют, что достижение этих целей возможно только путем реализации новых образовательных технологий, основанных на использовании, в первую очередь, передовых дистанционных методик обучения.

Ключевые слова: образование, дистанционное обучение, вуз, информатизация, дистанционные образовательные технологии, ИТ-услуги, образовательные услуги, технологии обучения, развитие образования, эффективность, глобализация, цифровые технологии.

UNIVERSITY'S PROBLEMS IN THE ERA OF DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES AND THEIR SOLUTION

© 2020

Zinina Olga Viacheslavna, associate professor, candidate of economic sciences,
associate professor of the department of «Management in agriculture»

Olentsova Julia Anatolievna, senior teacher of the department
of «Foreign language»

*Krasnoyarsk State Agrarian University
(660049, Russia, Krasnoyarsk, prospect Mira, 90, e-mail: tutor.eng@yandex.ru)*

Abstract. Analysis of distance learning technologies in higher education institutions shows that in most universities with existing information systems, the staff suffers from both a lack of necessary information and an excess of incorrect or outdated information. In addition, many employees either do not know what resources and services are available, or do not understand how to use them, and sometimes they do not have the opportunity to do so. Staff does not often have the ability to publish quickly unstructured data and make it available to a specific target group. In the educational process, there is a clear shortage of high-quality digital teaching materials, and what is difficult to “convey” to the student. There are problems with identifying users when accessing resources and managing the actual information resources. However, the level of education determines the intellectual potential of the state as the most important component of national wealth. Moreover, the effective use of the accumulated scientific and educational potential is the main condition for the economic and social stability of society. International experience and modern Russian practice show that the achievement of these goals is possible only through the implementation of new educational technologies based on the use, first of all, advanced distance learning technologies.

Keywords: education, distance learning, university, distance learning technologies, IT-services, educational services, learning technologies, education development, efficiency, globalization, digital technologies.

Problem definition in general form and its connection with important scientific and practical tasks.

The main tasks of the university effectiveness are the using distance learning technologies. They allow organizing the most effective access of people to data in digital form. Based on this, people, processes and data are three main components of IT-solutions, in any university. It's necessary to mention, the success of the university depends on how well the processes connecting people and data are organized [3].

Analysis of recent researches.

Analysis of the recent studies shows that the distance learning technologies improve the work of the university. It is necessary to influence comprehensively the system as a whole strategy: network infrastructure, organizational structure, management system, motivation system, corporate culture [4, 5].

Formation of the article goals (task setting).

In the presented study the aim is to develop an innovative process and the introduction of distance learning technologies.

Presentation of the main research material with full justification of the scientific results.

So, let's go directly to the study of the main factors affecting the effectiveness of the university.

There are some factors external to the university that influence how and what should be done in the university in terms of IT-application, such as demography, globalization, etc [6,7].

Technological trends include improving communications, expanding services, simplifying IT-applications, integrating IT-resources, etc. [11].

Considering the factors that encourage the university to innovate, we can distinguish external and internal factors. External factors include: STEEP factors, competition in education, stakeholder influence, which include founders,

owners, sponsors, ministries, etc [12, 13]. Internal factors include: changing requests of teachers and other employees of the university, the desire to achieve maximum efficiency of the organization (life support) [14].

The goal in the management system of organizations in a stable environment is to achieve a certain desired image of the organization in the future, for which quality standards and other parameters of the future organization are developed.

The object of management in this case is the main activity of the organization. In the process of management a number of activities that form the control contour can be identified.

Observation - fixation of management control object.

Description - bringing the observation results into a form suitable for comparison with the target parameters. Comparison - comparing the description of the current position with the description of the desired position in the control object.

Difference estimation - calculates the differences between the current position and the desired position.

Solutions - management-making activities from possible, capable to liquidate divergence of positions.

Management formation - formation of signs or other management decisions that change human, financial, information and other resources [15].

In the conditions of constantly changing external conditions, the very purpose of management requires constant correction of the activity quality (compliance with the mission), the realization of the organization's need for its own individuality.

The need for innovation arises. On the other hand, like any product, an innovative project has its own life cycle. Thus, based on scientific developments [16], we can distinguish the following stages of the innovation process (IP):

- At the stage of IP-starting, the object of management is the innovation activity itself in all its diversity. The purpose of management is to realize the implementation of the idea and the realization of a specific project.

- At the stage of IP- maintaining there are two objects of management (OM): directly innovative activity and activity providing starting. Thus, the essence of innovative activity for the university is modern knowledge, increasing the efficiency and effectiveness of training (the ability to apply the knowledge in practice) for students or learners. Improving their efficiency and competitiveness is for enterprises that send specialists for training. For employees and teachers of the university it is to increase their competitiveness, self-actualization, improving the image of the university [17, 18].

At the same time, innovations are new educational programs, technologies and methods, new organizational structures that allow creating the most favorable conditions for education.

In scientific works [19, 20] the multilevel objects structure of innovative management is offered (Fig.1)

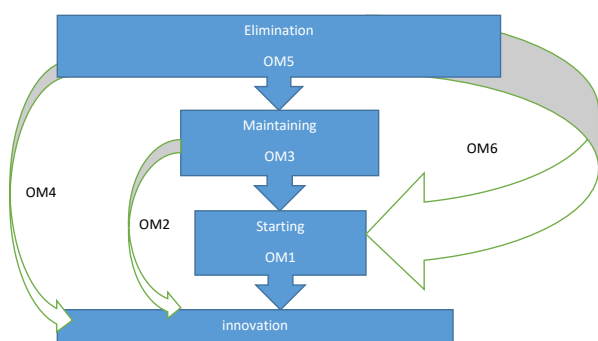


Figure 1- Diagram of the objects structure of innovative management process

So we can distinguish the following stages of the innovation process in distance learning technologies: research (search for

new educational methods and technologies, organizational forms, etc.); management (identification of consumers' needs in educational institutions that can be satisfied in the result of innovative activities of the university); experienced (a training facility); promotion (awareness raising activities, market positioning, supervision).

To determine the level of training quality, the following system of private indicators is proposed, which can be the basis for calculating the integral indicator:

- the level of teachers' satisfaction;
- level of student' satisfaction;
- level of knowledge;
- the amount of learned information.

To assess the impact of the using innovative technologies on the change in the characteristics of private indicators, methods of experiment and survey known in marketing research can be used.

The authors propose to carry out the process in the following logical sequence (Fig. 2).

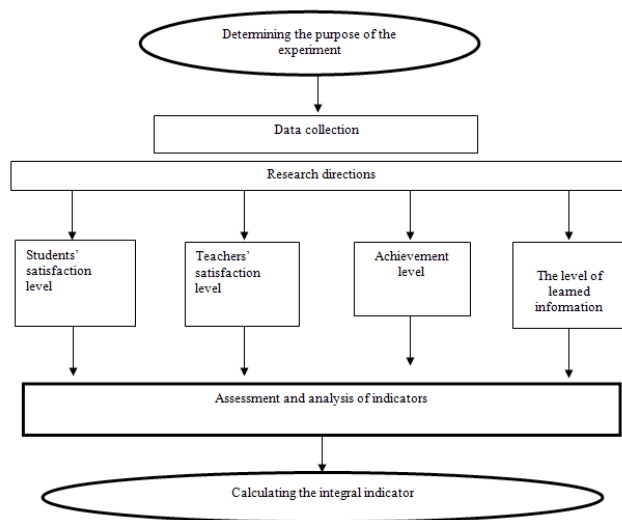


Figure 2 - Diagram of the experiment process.

In general, in any case, we cannot talk about a complete transition to distance education. Personal communication, in our time is becoming more and more expensive resource, as its effectiveness in education has been proven for centuries. The application of the proposed method does not require this.

Let's summarize the main conditions that ensure the effectiveness of distance learning introduction:

- Partial use of distance learning, mainly in the student's independent work
- Availability of the electronic environment
- Specially equipped classrooms
- The final control function is carried out directly by the teacher, in the presence of the student [22].

The proposed method will increase the amount of material issued, improve the quality of its assimilation and have generally a positive impact on the image of the university.

REFERENCES:

1. Teslinov, A. G. *Innovative activity: idea, content, firms* / A. G. Teslinov. - Moscow: Economics, 2002. - p. 65.
2. Titov, A. B. *Commercial potential assessment of innovations* / A. B. Titov // Economics. - SPb., 2000. - p. 376.
3. Tikhomirov, V. P. *Basic building principles in a system of distance education in Russia* / V. P. Tikhomirov // Distance education. - 1998. - No. 1. - Pp. 10-12.
4. Tikhonov, A. N. *Management of modern education: social and economic aspects*. - Moscow, Vita-Press. - 1998. - p. 256.
5. Filimonova, E. V. *Information technologies as an activation means of independent work for students from colleges*. Diss. ... Cand. Ped. Sciences / E. V. Filimonova. - M., 2005. - p. 150.
6. Fischer, E. *Innovations in vocational education in Germany: autoref. dis. ... Cand. Ped. Sciences / E. Fischer. - M., 1995. Pp. 4-19.*
7. Zinina O. V. *Tools for assessing the effectiveness of investments in innovative learning technologies: abstract. dis. ... Cand. Econ. Sciences / O. Zinina. - Krasnoyarsk, 2008.*

8. Gavrilova O. Yu., Sharopatova A.V. Formation of sustainable development strategy of the enterprise. Science and education: experience, problems, prospects of development materials of the international scientific and practical conference. Krasnoyarsk State Agrarian University. 2019. - Pp. 271-274.
9. Creation of effective software, information and methodological tools to support the educational process in various subject areas: Report on research // NIIVО. - 1996. - p.104.
10. Soldatkin, V. I. Informatics in the system of distance education at the turn of the XXI century / V. I. Soldatkin // Distance education. - 1998. - No. 1. - Pp. 7-9.
11. Federal law of the Russian Federation "About informatization and information protection". - M., 1995. - p. 110.
12. Fedorov, M. From distance education to a single educational sphere / M. Fedorov // International cooperation. - 1996. - No. 1. - Pp. 4-7.
13. Fedotova L. D. Professional education in the commercial sphere / L. D. Fedotova - M., 1999. - p. 145.
14. Fedotova, L. D. Assessing the quality of primary vocational education / L. D. Fedotova, E. A. Rykova. - M., 2000. - p. 45.
15. Fischer, E. Innovations in vocational education in Germany: autoref. dis. ... Cand. Ped. Sciences / E. Fischer. - M., 1995. Pp. 4-19.
16. <http://www.ocenchik.ru/docs/71.html>.
17. <http://www.audit-it/articles/appraisal/a108/40734.html>.
18. Huchek, M. Innovation in enterprises and their implementation / M. Huchek. - Moscow: Luch - 1992. - Pp. 45-46.
19. Chernilevsky, D. V. Innovative approaches to the organization of training / D. V. Chernilevsky, O. K. Filatov // Specialist. - 1997. - No. 2 - 4. - p. 50.
20. Chekmarev, V. V. Economic problems of education / V. V. Chekmarev, M. I. Skarzhinsky. - Kostroma: KSPU, 1996. - part 2, - p. 216.
21. Shadrikov, V. D. Quality of education and educational standards / V. D. Shadrikov // Novgorod, 1995. - p. 23.

Статья поступила в редакцию 17.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

Научная специальность: 13.00.08
УДК 372.881.1
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0014

ФОРМИРОВАНИЕ САМООЦЕНКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

© 2020
SPIN-код: 3638-1560
AuthorID: 808079

Ибатова Айгуль Zufarovna, кандидат педагогических наук, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин филиала ТИУ в г. Сургуте,
Тюменский индустриальный университет
(628400, Россия, Сургут, улица Энтузиастов, 38, e-mail: aigoul@rambler.ru)

Аннотация. В современном отечественном иноязычном обучении главная роль отводится самообучению и самовоспитанию. Основным механизмом запуска подобных психологических механизмов является адекватная самооценка студента. Несмотря на множество работ педагогов, посвященных применению самооценки в педагогическом процессе, недостаточно исследованной является проблема формирования навыков письменной коммуникации на основе принципа самооценки. Цель данного исследования: создание алгоритма обучения письменной речи на занятиях по иностранному языку студентов инженерных специальностей на основе принципа самооценки. Чтобы сформировать навыки письменной коммуникации необходима тщательная подготовка учебного материала: отбор языкового и речевого материала в соответствии с профессиональной ориентацией студентов, разработка средств обучения для организации процесса обучения письменной коммуникации, разработанная система упражнений, учебная программа, учебное пособие, компьютерные тесты (прагматические, дискретные, диагностические, тесты для промежуточного и итогового контроля). В статье актуализирована проблема формирования самооценки студентов в процессе формирования навыков письменной речи на иностранном языке. Даны рекомендации по применению принципа самооценки в иноязычном образовании. Автором была предпринята попытка описать алгоритм обучения письменной речи на занятиях по иностранному языку на основе текста.

Ключевые слова. Самооценка, иноязычное образование, письменная речь.

FORMATION OF SELF-ASSESSMENT OF TRAINERS IN THE PROCESS OF TEACHING WRITTEN SPEECH IN A FOREIGN LANGUAGE

© 2020

Ibatova Aygul Zufarovna, PhD in Pedagogics, Associate Professor of the Department of Natural Sciences and Humanities, the Branch of IUT in Surgut,
Tyumen Industrial University, the Branch of IUT in the city of Surgut
(628400, Russia, Surgut, Enthuziastov Str. 38, e-mail: aigoul@rambler.ru)

Abstract. In modern foreign language teaching, the main role is given to self-training and self-education. The main mechanism for triggering such psychological mechanisms is the student's adequate self-esteem. Despite the many works of teachers on the use of self-esteem in the pedagogical process, the problem of the formation of written communication skills based on the principle of self-esteem is insufficiently studied. The purpose of this study: creating an algorithm for teaching written language in foreign language classes for students of engineering specialties based on the principle of self-esteem. To develop written communication skills, careful preparation of educational material is required: selection of language and speech material in accordance with the students' professional orientation, development of training tools for organizing the written communication learning process, developed exercise system, curriculum, study guide, computer tests (pragmatic, discrete, diagnostic, tests for intermediate and final control). The article actualizes the problem of the formation of students' self-esteem in the process of forming writing skills in a foreign language. Recommendations are given on the application of the principle of self-esteem in foreign language education. The author made an attempt to describe the algorithm for teaching written speech in the classroom in a foreign language based on the text.

Keywords: self-esteem, foreign language education, written language.

Постановка вопроса. На протяжении всей жизни самооценка играет огромную роль в развитии личности. Являясь важной частью самосознания, самооценка является определяющим фактором выстраивания межличностных отношений, отношений со старшим поколением и т.п. Чем ниже уровень самооценки, тем больше проявляется склонность к самообману. Низкая самооценка проявляется как чувство малой значимости, скрывающееся за самоуверенностью, впоследствии выливающейся в систематическое принижение собственных возможностей, самоуничтожение, ожидание от окружающих либо агрессивных проявлений по отношению к ним, либо похвалы [1].

Целью всей образовательной системы является развитие личности. Разработка самооценки студентов в процессе обучения требует значительного времени и усилий со стороны преподавателей [2-9]. Возникает необходимость внедрения новых педагогических и методических приемов обучения, в основе которых будут заложены принципы самооценки. Учебно-методические комплексы, будучи полностью интегрированными в процесс обучения на основе самооценки особенно эффективны в повышении мотивации студентов, направлены на создание условий для формирования у студентов механизмов самообучения и самовоспитания, формиру-

ванию новых навыков.

Анализ основных концепций данного вопроса. Вопросы самооценки посвящены работы многих педагогов и психологов, что свидетельствует об активном включении исследователей в разработку данного вопроса: Преснухина И. А., Елкина И. М., Фетисова Л. И., Введенский А. И., Крет М. В., Дихорь В. А., Гизуллина А. В. и др.

Методы обучения на основе самооценки предлагаются в разных областях исследования и преподавания. Например, в области спорта преподаватели предлагают метод осознанной саморегуляции с помощью тренингового комплекса [10-14].

В области преподавания иностранных языков педагоги описывают методы, позволяющие организовать личностно-ориентированный процесс обучения иностранному языку, учитывающие самооценку и ожидания студентов от данной дисциплины [1, 15, 16, 17].

Анализ интерактивных методов обучения в процессе преподавания английскому языку в вузе на основе саморегуляции и самооценки дан Введенским А. И. [18].

Крет М. В. проанализировал методы и технологии обучения иностранным языкам, оценил влияние того или иного метода на успешность обучения, преподаватель утверждает, что самооценка – это новый метод, ко-

торым обучающийся овладевает в процессе обучения и который позволяет обучаться вне аудитории [19].

Несмотря на множество работ педагогов, посвященных применению самооценки в педагогическом процессе, недостаточно исследованной является проблема формирования навыков письменной коммуникации на основе принципа самооценки. Цель исследования: создание алгоритма обучения письменной речи на занятиях по иностранному языку студентов инженерных специальностей на основе принципа самооценки.

Изложение основного материала. Принцип самооценки в обучении связан с вовлечением студентов в принятии решений об успешности их обучения, достижения результатов в процессе обучения. Самооценка - это метод, используемый в образовании с целью повышения роли и значимости личности, мотивации, самоутверждения, развитие форм психологической защиты [20]. Самооценка способствует оценке качества обучения с помощью рейтинговой системы оценивания, разработанной системы критериев оценивания того или иного вида деятельности. Разработка системы оценивания навыков должны включать оценку знаний по соответствующим критериям. В системе самооценки критерии, которые используются для оценки успеваемости студентов должны быть прозрачными, в результате чего студенты приобретают необходимые навыки для оценки своей работы. Для студентов важно уметь объективно оценить знания и правильно сослаться на критерии оценивания, знать соответствует ли результат начальной цели обучения. С психологической точки зрения, студентам важно познакомиться с отзывами о своей работе, тем самым повышается степень самоэффективности. Студенты также могут достичь понимания цели обучения через призму самооценки и развитие навыков критического мышления. В процессе самооценки преподаватель может поделиться со своими студентами своими ожиданиями, желаемыми результатами. Таким образом, самооценка может повысить ответственность студентов за собственное обучение и улучшить отношения между студентами и преподавателями. Так как высокая самооценка проявляется как чувство большей значимости, проявление самоуверенности.

Самооценка – сложное динамическое личностное образование, может быть: завышенной, адекватной и заниженной.

Что касается изучения иностранного языка. С целью формирования адекватной самооценки студентов, соответствующей реальной действительности и потенциальными возможностями студентов на уроке иностранного языка используются различные методы обучения письменной коммуникации. В нашем случае с целью формирования самооценки остановимся на обучении письменной речи на иностранном языке.

Чтобы сформировать навыки письменной коммуникации необходима тщательная подготовка учебного материала: отбор языкового и речевого материала в соответствии с профессиональной ориентацией студентов, разработка средств обучения для организации процесса обучения письменной коммуникации, разработанная система упражнений, учебная программа, учебное пособие, компьютерные тесты (прагматические, дискретные, диагностические, тесты для промежуточного и итогового контроля).

При выполнении письменных заданий, переводе текстов на иностранном языке студенты сталкиваются с рядом трудностей, которые могут привести к неправильно выполнению заданий или переводу, а, следовательно, и к низкой самооценке обучающихся. Такая ситуация приводит к формированию комплекса неполноценности, принижению собственных возможностей, самоуничтожению, ожиданию от окружающих каких-то агрессивных проявлений по отношению к нему.

Задача преподавателя иностранного языка подготовить обучающегося к письменной работе с текстом.

Целесообразно проводить обучение различным приемам оперирования с текстом на предтекстовом, текстовом и послетекстовом этапах [21-0000]. Необходимо отметить, что основой всех упражнений является текст. Опишем поэтапную работу.

Подготовительный этап. В первую очередь, для письменной коммуникации необходимо знание грамматики и лексики. В зависимости от степени подготовленности обучающихся и целей обучения преподаватель может опустить некоторые разделы той или иной грамматической темы (например, употребление глагола to be, оборота there is, there are и т.д.). В зависимости от степени подготовленности студентов и преподаватель может варьировать и количество выполняемых упражнений. В связи с этим время, необходимое для работы с грамматическими конструкциями, может составлять от 10 до 20 минут на занятии.

Как правило, грамматические упражнения могут выполняться параллельно с другими видами работы, отвечающими соответствующим конечным целям обучения, так и самостоятельно. В организации лексического материала мы отказались от традиционной группировки по тематическому признаку и попытались в первую очередь увязать лексику с содержанием грамматического материала. Также в основе организации грамматического материала мы используем не языковой, а речевой подход, при котором материал подается в соответствии с ситуативной, коммуникативной потребностью говорящего, а не по принятой языковой классификации.

Предлагаемая нами система упражнений организует учебный процесс, обеспечивает максимальную основу для активной мыслительной деятельности студентов. Многообразие приемов обучения создает внутреннюю мотивацию у студентов.

Одной из особенностей данной системы упражнения по грамматике - коммуникативная направленность формулировок заданий к упражнениям, образцы их выполнения, участие двух (и более) студентов в выполнении большинства упражнений побуждают их слушать мнение другого и высказывать свою точку зрения, создают потребность выразить свое отношение (сожаление, одобрение, удивление и т. п.) к обсуждаемой теме.

Предтекстовый этап включает упражнения на узнавание слов по формальному, семантическому признаку, упражнения на автоматизацию лексических единиц, подстановочные упражнения, трансформационные и упражнения на прогнозирование читаемого.

Текстовый этап может включать в себя упражнения на свертывание текста, цитирования, реконструкцию текста, перефразирование. Обобщение материала. Послетекстовый этап – на выявление темы текста, выявление идеи, передачу сюжета, составление характеристик, оценку главных моментов текста.

Но главным моментом в данном алгоритме упражнений является проведение самоконтроля, контроля работ однокурсников, ведение дневника студента, описание уровня своих достижений и достижений своих одноклассников. На протяжении всего семестра студенты фиксируют свои сильные и слабые стороны в изучении английского языка с целью выбора новых стратегий обучения вместе с преподавателем.

Одним из способов самоконтроля является тестирование, отвечающее требованиям современной системы образования. Успешное использование тестовых заданий в самостоятельной работе студентов по иностранному языку - наиболее эффективная форма контроля, применяемая кафедрой в течение многих лет, имеет ряд преимуществ перед другими формами контроля. Данная форма самоконтроля привлекает своей функциональностью: быстрота, оперативность, наглядность, возможность корректировки знаний.

Результаты исследования. Вследствие выполнения предложенных упражнений обучающиеся понимают, достигли ли они цели, получили ли желаемый результат,

т.е. формируется их адекватная самооценка.

Проделанная работа, как правило, дает следующие положительные результаты: обучающиеся оценивают собственные профессиональные перспективы, способности к самостоятельному изучению иностранного языка, уверенности в наличии необходимых коммуникативных знаний, способности к самостоятельному принятию коммуникативных решений, потребности в самостоятельном пополнении знаний.

При работе с дневником и проведении контроля работ одгруппников студенты отметили, что взаимная оценка и самооценка изменили отношение студентов к учебному процессу в целом.

Метод самооценки помогает студентам быть успешным и приобрести навыки мышления, которые позволяют им относиться более критически к учебному материалу, а не просто запоминать факты, что в свою очередь повышает уверенность в себе и накапливает академической опыт.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что необходима интеграция самооценки в образовании в различных областях и уровнях. Для этого необходимо включить данный принцип обучения на всех уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Преснухина И. А., Елкина И. М., Фетисова Л. И. Учет самооценки и ожиданий студентов от изучаемой дисциплины при разработке программ по иностранному языку в неязыковом вузе в системе дистанционного образования // *Ценности и смыслы*. – 2013. – № 4 (26).
2. Биктина Н.Н., Дикарева Ю.Н. К вопросу проявления перфекционизма в студенческом возрасте // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 268-270.
3. Парменов А.А. Личность в зеркале противоречий // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2015. Т. 2. № 6 (28). С. 54-59.
4. Кузёмина Е.Ф., Кабанова С.В. Неизменность выбора в непредсказуемом мире // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 183-185.
5. Швацкий А.Ю., Зубкова С.Н. Влияние уровня самооценки на профессиональное самоопределение в юношеском возрасте // *Балканско научно обозрение*. 2019. Т. 3. № 2 (4). С. 86-88.
6. Юрьева И.А. Профессиональное самоопределение старшеклассников как актуальная проблема подросткового возраста // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 3 (12). С. 33-35.
7. Андриенко О.А. Влияние уровня самооценки на переживание чувства одиночества в подростковом возрасте // *Балканско научно обозрение*. 2019. Т. 3. № 1 (3). С. 71-73.
8. Федоренко А.В., Швацкий А.Ю. Самооценка как личностная детерминанта продуктивности учебной деятельности (на примере подросткового возраста) // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 371-374.
9. Андриенко О.А. К вопросу о профессиональном самоопределении старшеклассников с разным уровнем самооценки // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 16-18.
10. Дихорь В. А., Гизуллина А. В. Эффективность обучения методам осознанной саморегуляции и особенности субъективной самооценки футбольных фанатов // *Спортивный психолог*. – 2016. – №. 3. – С. 63-66.
11. Примаченко Я.В. Влияние особенностей социально-психологической совместимости в первичных студенческих профсоюзных организациях молодежи на успешность деятельности // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 369-372.
12. Кисова В.В. Теоретико-методологические подходы к определению категории субъекта и субъектности в современной психологической науке // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 313-316.
13. Гагиева З.А. Способность к саморегуляции как условие успешной педагогической деятельности // *Гуманитарни Балкански изследвания*. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 11-13.
14. Волов В.В. Обратная связь как основа психической саморегуляции // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 234-237.
15. Пичугина Г.А., Жиякова Д.А. Развитие личностных качеств учащегося в процессе творчества // *Балканско научно обозрение*. 2019. Т. 3. № 2 (4). С. 76-78.
16. Шилова С.А. К вопросу о применении личностно-ориентированного контроля при обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 319-322.
17. Аббасова К.Я. Проблемы личностного саморазвития в современном образовании // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2015. Т. 2. № 6 (28). С. 71-74.
18. Введенский А. И. Интерактивные методы обучения студентов-медиков методами аутентичной самооценки для корректиро-

вания индивидуальной образовательной траектории // *Психолого-педагогические проблемы образования в медицинском вузе*. – 2016. – С. 31-35.

19. Крет М. В. Социально-психологический анализ методов и технологий обучения иностранному языку взрослых и их влияние на успешность обучения иностранному языку // *Бюллетень науки и практики*. – 2017. – №. 4 (17).

20. Boud D. *Enhancing learning through self-assessment*. – Routledge, 2013.

21. Газизова А.И., Хузина Е.А. Формирование у студентов-магистрантов переводческой компетенции в обучении иностранному языку в вузе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 75-78.

22. Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П., Ананьина А.В. Преимущества аутентичного оценивания при обучении иностранному языку студентов-нелингвистов // *Самарский научный вестник*. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 287-293.

23. Киндеркнехт А.С., Раскопина Л.П. Текст инструкции в практике письменного перевода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 102-105.

24. Кравец Т.В., Блохинская Л.О. К проблеме обучения студентов неязыковых факультетов письменному переводу текстов по специальности // *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. № 72. С. 97-104.

25. Киндеркнехт А.С., Хабибрахманова Ф.Р. О некоторых проблемных аспектах формирования иноязычной исследовательской культуры в письменной работе магистрантов // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 126-129.

Статья поступила в редакцию 07.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.183

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0015

СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ АКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗОВ

© 2020

SPIN-код: 6071-4770

AuthorID: 811712

Иляшенко Любовь Кирьяловна, кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой естественно-научных и гуманитарных дисциплин
Тюменский индустриальный университет

(628400, Россия, Сургут, улица Энтузиастов, дом 38, e-mail: uni.state-2019@yandex.ru)

Аннотация. Высшее образование в Российской Федерации на сегодняшний день развивается в рамках требований новых Федеральных государственных образовательных стандартов, установивших новые цели образования. Для их достижения высшие школы ищут современные способы формирования у студентов компетенций. Одним из таких способов является применение социально-образовательных проектов. Цель работы – показать пользу развития социально-образовательной среды в филиале Тюменского индустриального университета в г. Сургуте. Социально-образовательная среда высшей школы оказывает комплексное воздействие на обучающихся. Развивая ее с помощью социально-образовательных проектов, учебные заведения решают сразу несколько проблем, поскольку такие проекты приносят выгоду каждому участнику. В настоящей статье раскрывается сущность социально-образовательного проектирования образовательной среды высшего учебного заведения. На основе полученного в процессе реализации проекта личного опыта в создании и управлении работой открытой социально-образовательной средой, реализующей деятельность, в том числе и с привлечением волонтеров, пришли к выводу о положительном эффекте создания социально-общественных пространств на основе объединения ресурсов организаций-партнеров и активизации деятельности граждан различных возрастов для развития пространства не только учебного заведения, но и целого региона.

Ключевые слова. Социально-образовательные проекты, среда, проектирование, высшая школа, компетентностный подход, студенты, волонтеры, опрос.

SOCIAL AND EDUCATIONAL PROJECTS AS A METHOD FOR FORMING AN ACTIVE CIVIL POSITION AT TRAINING UNIVERSITIES

© 2020

Ilyashenko Lyubov Kiryalovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Head of the Department of Natural Sciences and Humanities
Tyumen Industrial University

(628400, Russia, Surgut, Enthuziastov Str, 38, e-mail: uni.state-2019@yandex.ru)

Abstract. Higher education in the Russian Federation today is developing in the framework of the requirements of the new Federal state educational standards that have established new educational goals. To achieve them, higher schools are seeking modern ways of building competencies among students. One of such methods is the use of socio-educational projects. The purpose of the work is to show the benefits of developing a socio-educational environment in a branch of the Tyumen Industrial University in Surgut. The socio-educational environment of higher education has a complex effect on students. Developing it with the help of socio-educational projects, educational institutions solve several problems at once, since such projects bring benefits to each participant. This article reveals the essence of socio-educational design of the educational environment of a higher educational institution. Based on the personal experience gained in the process of the project in creating and managing an open socio-educational environment that implements activities, including involving volunteers, we came to the conclusion about the positive effect of creating social and public spaces based on pooling the resources of partner organizations and revitalization of citizens of various ages for the development of the space not only of the institution, but also of the whole region.

Keywords: socio-educational projects, environment, design, higher school, competency-based approach, students, volunteers, survey.

Постановка вопроса. Современное высшее образование строится на основе новых требований Федеральных государственных образовательных стандартов, требования которых появились с изменением потребности государства и общества. На сегодняшний день практика стала приоритетным направлением в образовании. Высшие школы формируют у студентов не определенный теоретический объем знаний и умений, как это было принято при традиционном подходе к обучению, а набор компетенций, профессиональных и общекультурных. То есть приобретенный объем знаний, умений и навыков они должны уметь применить на практике в профессиональной сфере творчески и самостоятельно, для расширения собственных перспектив трудоустройства и сохранения конкурентоспособности на рынке труда. В России вопрос формирования компетенций изучался такими учеными как Я. И. Кузьминов, Д. В. Пузанков, И.Б. Федоров и многими другими.

Для того чтобы процесс обучения отвечал требованиям компетентностного подхода, в учебных заведениях снижается количество аудиторной нагрузки и увеличивается доля самостоятельной работы, активно увеличивается практическая часть обучения [1]. От степени овладения той или иной компетенцией зависит успеш-

ность будущего выпускника при трудоустройстве [2]. И для того, чтобы оказать более комплексное воздействие на обучающихся, высшие образовательные учреждения активно развивают социально-образовательную среду с помощью социально-образовательных проектов, участниками которых становятся обучающиеся университетов (которые выполняют роль волонтеров), заинтересованные в собственном образовании граждане (в том числе и пожилого возраста) в условиях которой обучающиеся приобретают большое количество дополнительной практики во взаимодействии с другими людьми, в том числе и с организациями, участвующими в проекте [3]. В России такая практика не слишком распространена. Актуальность темы обусловлена как недостаточной теоретической разработанностью проблемы, так и необходимостью практического обоснования пользы социально-образовательных проектов для всех их участников.

Целью высшего образования является обеспечение качества образования за счет формирования у обучающихся компетенций, которые будущий выпускник сможет самостоятельно применять в профессиональной деятельности [3]. То есть обучающиеся получают большое количество практики за время пребывания в высшей школе и не просто получают определённый объем

теоретических знаний, но и возможность применить их в реальных профессиональных условиях. Федеральный государственный стандарт высшего образования определяет их как комплексную характеристику готовности обучающегося использовать полученные знания, умения и личностные качества в стандартных и изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности. То есть на сегодняшний день произошёл перенос приоритетов с содержания обучения на результаты образовательной деятельности, которые обучающиеся должны продемонстрировать по окончании обучения [4]. Ориентированность компетенции состоит в оценке конкурентоспособности и востребованности выпускника на рынке труда. Высшие школы предоставляют возможность обучающимся совершенствовать приобретенные навыки за счет участия в социально-образовательных проектах, которые комплексно воздействуют на участника, поскольку за время, проведенное в проекте обучающийся не только получает дополнительные знания на курсах волонтеров, специально разработанных высшим учебным заведением, но и может применить их и уже имеющийся опыт в реальных условиях.

Социально-образовательные проекты в широком смысле представляют собой «модель самой человеческой деятельности, направленную на изменение социальной ситуации», реализуются в сферах политического, историко-культурного и правового просвещения, здравоохранения и популяризации здорового образа жизни и рассматриваются как технологии решения социальных проблем посредством использования образовательных технологий [5]. И поскольку это «модель» человеческой деятельности, то в ее рамках обучающийся сможет проверить свои навыки в реальной сфере деятельности и развить новые и укрепить имеющиеся компетенции [6]. Направленность социальных образовательных проектов определяется необходимостью в консолидации общества, социализации молодежи, популяризацию традиционных ценностей и духовное воспитание молодежи, популяризации здорового уровня жизни, физкультуры и спорта, повышении уровня знаний в сферах науки, культуры, популяризации знаний, передаче социального опыта.

Анализ основных концепций данного вопроса. Субъектами реализации социально-образовательных проектов могут быть органы власти, политические партии и движения, коммерческие и некоммерческие организации, образовательные организации. Социально-образовательные проекты имеют целью приобретение или развитие полезных навыков, формирование компетенций в различных сферах, способствуют формированию активной гражданской позиции, определенного взгляда на мир, пробуждение интереса к каким-либо темам [7].

Целевой аудиторией социально-образовательных проектов могут выступать граждане различных возрастов, имеющие активную гражданскую позицию, высокий уровень дисциплинированности, желание осваивать новые знания, участвовать в общественной работе. Молодежная аудитория больше нацелена на проекты профориентационного характера, аудитория среднего возраста интересуется расширением информационных горизонтов, лица старшего возраста стремятся приобрести знания, способствующие адаптации к различным новшествам или к восполнению недостающих знаний [8].

В частности, существует широкий круг предложений различных образовательных курсов, учитывающих особенные запросы аудитории пожилого возраста. Различные подходы к организации обучения с учетом особенностей пожилого возраста в различных странах рассматриваются в работах О.В. Агаповой, И.В. Высоцкой, М.Э. Елютиной, Т.М. Кононыгиной, Э.Е. Чекановой, Е.И. Холостовой. Еще одним важным направлением социально-образовательной направлен-

ности, затрагивающим как молодежную аудиторию (преимущественно), так и взрослое население, является участие в волонтерской деятельности, сочетающей трудовую деятельность, культурные и образовательные мероприятия говорится в работе. Волонтеры работают в более чем 100 странах мира, в России в организацию волонтерского движения по разным оценкам вовлечено до 5% от общего числа населения, более 50% российских волонтеров – молодежь [8]. Именно для них так важно развитие компетенций для ориентации в будущей профессиональной деятельности. Проблемы, состояние и особенности деятельности волонтеров обозначали в своих работах: С.П. Акутина, И.С. Беганцова, М.А. Бочанов, М.В. Маркеева., Э. Геллнер, К. Гаскин, В. Нечаев, Л. Е. Сикорская, К.А. Фокс, О. Холми, Е.Е. Чернухина. Одной из проблем, описанной исследователями является вопрос эффективной организации подготовки волонтеров к их деятельности. Для работы волонтером нужны не только желание, но и определенные знания и умения [9-14]. Для этого некоторые высшие учебные учреждения организуют специальные курсы.

Изложение основного материала. При организации социально-образовательной деятельности выбор форм обучения, площадок обучения, финансовых источников достаточно широк [15]. Однако, как правило, каждая из сторон в процессе обучения играет одну какую-либо заранее определенную роль: обучающегося, обучаемого, источника финансовых, информационно-методических и других ресурсов.

Рассмотрение аспектов формирования социально-образовательной среды в Сургутском институте нефти и газа требует дополнительного анализа сущности социально-образовательных проектов. Социально-образовательные проекты имеют целью приобретение или развитие полезных навыков, формирование компетенций в различных сферах, способствуют формированию активной гражданской позиции, определенного взгляда на мир, пробуждение интереса к каким-либо темам.

В частности, в г. Сургуте реализуются следующие проекты: «Волонтерское агентство ХМАО – Югры» (I международный волонтерский маршрут Югры), «Я могу!» (проект компьютерной грамотности населения с техникой, Интернетом, краудсорсинг и не только), «Поможем в учебе» (проект по обеспечению помощи в учебе детям, которые находятся на лечении в больнице, отстали от образовательной программы или нуждаются в содействии изучению материалов и выполнении домашнего задания) и т.д.

В филиале был сформирован волонтерский центр, деятельность которого обеспечивает образовательную (и не только) помощь разным слоям населения. Ключевым элементом в формируемой системе, обеспечивающей эффективную реализацию проекта, является волонтерский центр, объединяющий в своей деятельности педагогов и студентов филиала, жителей города, представителей коммерческих и некоммерческих организаций, организаций системы общего и дополнительного образования. Центр реализует подготовку обучающихся-волонтеров, которые в дальнейшем будут оказывать помощь в обучении старшего и младшего поколений [16]. Деятельность в рамках социально-образовательных проектов может быть нацелена на различные возрастные аудитории одновременно и может реализоваться на одних площадках, параллельно для взрослых и для детей.

Исследование позволило детально проработать вопрос развития социально-образовательного проектирования образовательной среды высшего учебного заведения [17].

На основе анализа информации и синтеза выявленных характеристик социально-образовательной среды мы определили базовые положения исследования. Также нами была исследована научная литература по

теме социально-образовательная среда в высшей школе. Рассмотрен успешный опыт реализации социально-образовательных проектов, который позволяет утверждать, что польза от такой схемы обучения неоспорима.

В эксперименте приняли участие 24 человека (обучающихся волонтеров). Из них 8 человек первого курса, 4 человека второго курса, 12 человек третьего курса. Каждый из них прошел специальное обучение (консультации) для работы с подопечными. После чего они были разделены на три равные группы.

Обучение осуществлялось по разным направлениям: финансовая, юридическая грамотность, социальное проектирование, умение работать в команде. Каждый студент прошел обучение для полной взаимозаменяемости волонтеров в процессе работы. После завершения проекта был проведен опрос.

Для обучения волонтеров ведущий специалист по воспитательной работе в филиале использовал юридическую литературу, основу которой составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Для повышения финансовой грамотности использовался Налоговый кодекс Российской Федерации.

Участники всех трех групп, состоящих из 8 человек, проходили опрос в одно и то же время. На то, чтобы дать ответ респондентам выделили 15 минут, поскольку широких и развернутых ответов не требовалось, хотя они и приветствовались.

Для определения результативности обучения и выявления необходимости дальнейшего участия в проекте, нами был проведен опрос. В нем приняли участие 24 обучающихся-волонтеров. Вопросы представлены в таблице (таблица 1. Опросник для обучающихся-волонтеров).

Таблица 1 - Опросник для обучающихся-волонтеров

1. Как вы считаете, помогло ли вам участие в проекте приобрести знания и навыки для укрепления и формирования компетенций?	Да/нет/свой ответ
2. Хотели бы вы снова принять участие в таком проекте?	Да/нет
3. Как вы считаете, нужно ли вводить дополнительные курсы по какой-либо дисциплине?	Необходимо ввести дополнительные курсы (укажите какие именно)/информации представленной на имеющихся курсах было достаточно
4. Какие сферы вам пригодились больше всего за время обучения подопечных?	
5. Какие сферы вам удалось освоить лучше всего?	
6. Что бы вы порекомендовали для дальнейшего развития проекта филиала?	Свой ответ



Рисунок 1 - Результаты, полученные на основе анализа первого вопроса «Как вы считаете, помогло ли вам участие в проекте приобрести знания и навыки для укрепления и формирования компетенций?»

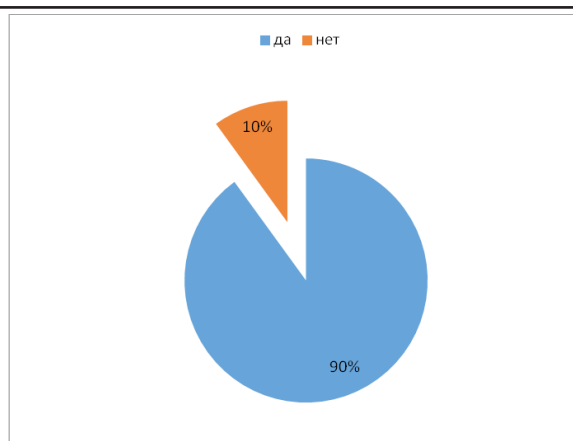


Рисунок 2 - Хотели бы вы снова принять участие в таком проекте?

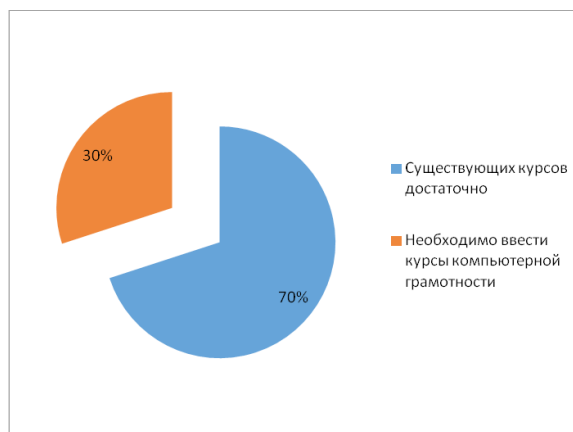


Рисунок 3 - Как вы считаете, нужно ли вводить дополнительные курсы по какой-либо дисциплине?

Результаты исследования. На основе полученного в процессе реализации проекта личного опыта в создании и управлении работой открытой социально-образовательной средой, реализующей деятельность, в том числе и с привлечением волонтеров, пришли к выводу о положительном эффекте создания социально-общественных пространств на основе объединения ресурсов организаций-партнеров и активизации деятельности граждан различных возрастов для развития пространства не только учебного заведения, но и целого региона [18]. На основе проанализированной информации выявлено, что система социально – образовательных проектов для людей третьего возраста в России в целом сложилась, но, как правило, рассматривает людей пожилого возраста в качестве объектов обучения, не привлекая их к роли учителей, наставников, источника бесценного опыта.

На основе анализа данных, полученных после опроса пришли к выводу о заинтересованности обучающихся в дальнейшем участии в подобных проектах. 95 % респондентов считают участие в проекте помогло приобрести знания и навыки для укрепления и формирования компетенций, оставшиеся 5% не смогли полностью реализовать себя в проекте из-за непреодолимых причин, поэтому не смогли ответить, должным образом, но это дает нам основания предполагать, что почти все обучающиеся осознают пользу от подобного мероприятия. Большинство обучающихся довольны организацией процесса и проведенными курсами, но все-таки значительный процент студентов (70%) утверждает о необходимости введения курсов компьютерной грамотности, поскольку использовать информационные технологии в собственной жизни и объяснять теорию слушателям – это не одно и то же.

Реализация проекта способствует установлению

более тесных контактов различных групп городского (регионального) сообщества, повышает эффективность использования ресурсов, способствует преобразованию общественного пространства [19]. В рамках деятельности центра: студенты вуза имеют возможность получения дополнительного образования за счет средств вуза и в то же время применить имеющиеся знания в работе с пенсионерами и детьми, в работе студенческого объединения, в волонтерской и другой общественно-полезной деятельности; вуз имеет возможность предоставить базу практик для студентов, базу дополнительного образования для различных слоев населения, образовательную площадку для культурно-просветительской деятельности городских властей; работодатели имеют возможность на базе площадки взаимодействовать с детской и молодежной аудиторией по вопросам профессионального самоопределения; население различных возрастов имеет возможность получения дополнительных знаний, новой информации и активизации взаимодействия по вопросам социальной жизни городского района, города и региона в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Garina, E.P., Kuznetsov, V.P., Egorova, A.O., Romanovskaya, E.V., Garin, A.P. Practice in the application of the production system tools at the enterprise during mastering of new products (2017) *Contributions to Economics*, (9783319606958), pp. 105-112.
2. Fedorov, A.A., Paputkova, G.A., Ilaltdinova, E.Y., Filchenkova, I.F., Solovev, M.Y. Model for employer-sponsored education of teachers: Opportunities and challenges (2017) *Man in India*, 97 (11), pp. 101-114.
3. Garina, E.P., Kuznetsov, V.P., Romanovskaya, E.V., Andryashina, N.S., Efremova, A.D. Research and generalization of design practice of industrial product development (by the example of domestic automotive industry) (2018) *Quality - Access to Success*, 19 (S2), pp. 135-140.
4. Walker, B. A. A Developmental Investigation of the Lives of Gifted Women / B. A. Walker, S. M. Reis, J. S. Leonard // *Gifted Child Quart.* 2016.- P. 201-206.
5. Ilyashenko L.K., Prokhorova M.P., Vaganova O.I., Smirnova Z.V., Aleshugina E.A. Managerial preparation of engineers with eyes of students. *International Journal of Mechanical Engineering and Technology (IJMET)* Volume 9, Issue 4, April 2018a, pp.1080-1087.
6. Perova, T. V., Kuznetsova, E. A., Vinnikova, I. S., Kaznacheeva, S. N., & Chelnokova, E. A. (2017). Essence of the role and characteristics of the operating conditions of enterprises before and after the transition to market relations from a macroeconomic position. *International Journal of Applied Business and Economic Research*, 15(12), 103-112.
7. Potashnik, Y.S., Garina, E.P., Romanovskaya, E.V., Garin, A.P. & Tsybalov, S.D. Determining the value of own investment capital of industrial enterprises (2018) *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 622, pp. 170-178.
8. Smirnova ZH.V., Gruzdeva M.L., Krasikova O.G. Open electronic courses in the educational activities of the university. *Vestnik of Minin University*, 2017a, no. 4(21), p. 3. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2018-6-3-9> (in Russian).
9. Hernandez, H. *Teaching in Multicultural Classrooms : A Teacher's Guide to Context, Process and Content*. Columbus, OH : Merrill. 2014.- 354 p.
10. Горбушова С.М. К вопросу о генезисе волонтерского движения в России // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 101-104.
11. Быстрова Н.В., Цыплакова С.А., Чумакова Л.А. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи // *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 73-76.
12. Вандышева Л.В. Особенности интернет-общения волонтеров // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 280-282.
13. Андриенко О.А., Зубкова С.Н. Роль детских общественных организаций в воспитании подрастающего поколения // *Хуманитарни Балкански изследвания*. 2019. Т. 3. № 2 (4). С. 44-46.
14. Shmeleva Zh.N. XXIX World winter Universiade in Krasnoyarsk as a factor of motivating students for learning "survival english" // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 263-266.
15. Ilyashenko, L.K., Vaganova, O.I., Smirnova, Z.V., Gruzdeva, M.L., Chanchina, A.V. Structure and content of the electronic school-methodical complex on the discipline "mechanics of soils, foundations and foundations" (2018d) *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*, 9 (4), pp. 1088-1096.
16. Гуревич А., Хижнякова Е. Воспитательные и общественные эффекты социальных проектов // *Народное образование*. – 2008. – № 8. – С. 254-261.
17. Амбарцумян Р. М. Социально-образовательный проект как фактор повышения потенциала личности и группы SOCIO-EDUCATIONAL PROJECT AS A FACTOR OF INCREASING OF PERSONAL AND COLLECTIVE POTENTIAL // *ББК 60.5 С 77*. – 2017. – С. 209.
18. Лебедева Л. И. Социально-образовательные проекты в современном воспитании и образовании // *Современные проблемы дополнительного образования и эффективные технологии их решения*. – С. 75.
19. Груздева М. Л., Толстенева А. А. Опыт организации открытого социально-образовательного пространства в Мининском университете // *Вестник Мининского университета*. – 2018. – Т. 6. – № 4 (25).

Статья поступила в редакцию 22.11.2019
Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.147:004

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0016

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ: ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ
В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

© 2020

AuthorID: 777287

SPIN-код: 5121-8467

Итинсон Кристина Сергеевна, кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: bkristina89@gmail.com)

Аннотация. Данная статья посвящена одному из новых и перспективных направлений в области образования - технологии дополненной реальности, которая позволяет соединить мир реальных объектов с виртуальным. Автор отмечает, что дополненная реальность создает условия для эффективной визуализации некоторых абстрактных понятий, а также поддерживает взаимодействие между реальной и виртуальной средами. Автор выделяет основные черты дополненной реальности, а также систематизирует основные устройства для реализации технологий дополненной реальности (пространственные дисплеи, компьютеры, шлем виртуальной реальности, очки виртуальной реальности, сенсорные перчатки). Автор статьи анализирует популярные приложения дополненной реальности, используемые для обучения студентов по различным дисциплинам: Elements 4D, Human Heart 3D, Anatomy 4D, Layar, Modly, Google Expeditions и другие и дает им краткую характеристику. В статье использованы методы комплексного теоретического и описательного анализа. Научная новизна работы состоит в том, что в статье были проанализированы существующие приложения дополненной реальности, используемые для обучения студентов по различным дисциплинам. Практическая значимость работы обусловлена возможностью преподавателей и студентов использовать предложенные приложения дополненной реальности в образовательном процессе, что представляет собой новый инновационный метод реалистичного обучения. Результаты исследования: благодаря применению технологии дополненной реальности преподаватели вузов успешно мотивируют студентов на образовательный процесс, так как студенты получают новые инструменты для визуализации многих объектов, процессов и сложных концепций, а также приобретают практические навыки.

Ключевые слова: технология дополненной реальности, электронное обучение, дистанционное обучение, виртуальная реальность, приложения, виртуальный мир, реальный мир, очки виртуальной реальности, сенсорные перчатки, пространственные дисплеи, портативное устройство.

**PERSPECTIVES AND OPPORTUNITIES FOR INNOVATIVE INTERACTIVE TECHNOLOGIES:
AUGMENTED REALITY IN UNDERGRADUATE EDUCATIONS**

© 2020

Itinson Kristina Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, senior lectures
of the department of foreign languages
Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: bkristina89@gmail.com)

Abstract. This article is devoted to one of the new and promising directions in the field of education - technology of augmented reality, which allows to connect the world of real objects with virtual ones. The author notes that augmented reality creates conditions for effective visualization of some abstract concepts, as well as supports interaction between real and virtual environments. The author identifies the main features of augmented reality, as well as systematizes the main devices for implementing augmented reality technologies (spatial displays, computers, virtual reality helmet, virtual reality glasses, touch gloves). The author of the article analyzes popular augmented reality applications used to teach students in various disciplines: Elements 4D, Human Heart 3D, Anatomy 4D, Layar, Modly, Google Expeditions and others and gives them a brief description. The author uses methods of complex theoretical and descriptive analysis. The scientific novelty of the work is that the author analyzed existing augmented reality applications used to teach students in various disciplines. The practical significance of the work is due to the ability of teachers and students to use the proposed augmented reality applications in the educational process, which is a new innovative method of realistic learning. Results of the study: thanks to the application of technology of additional reality, university teachers successfully motivate students to the educational process, as students receive new tools to visualize many objects, processes and complex concepts, as well as acquire practical skills.

Keywords: augmented reality technology, e-learning, distance learning, virtual reality, applications, virtual world, real world, virtual reality glasses, touch gloves, spatial displays, portable device.

Введение. Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В настоящее время современный уровень развития технологий позволяет создать идеальную учебную среду для электронного обучения студентов. Внедрение информационных технологий в образовательный процесс показывает только положительное воздействие на результаты обучения и преподавания и, более того, ведет к созданию инновационных методов, средств и форм обучения и преподавания. Поэтому использование информационных технологий преподавателями на занятиях со студентами является главной задачей хорошего образовательного процесса.

Одним из новых и перспективных направлений в области образования является применение технологий дополненной реальности, которые позволяют соединить мир реальных объектов с виртуальным. Виртуальные

объекты совмещаются с реальным миром, расширяя опыт студентов и обеспечивая их новыми знаниями в выбранной области. Фактически, технологии дополненной реальности предлагают эффективный способ визуализации некоторых абстрактных понятий, а также поддерживают взаимодействие между реальной и виртуальной средами [2-4].

Технологии дополненной реальности позволяют выполнять опыты без реальных изменений действительности, представляя собой интерактивную среду, где реальная жизнь изменяется виртуальными вещами в реальном времени.

Технологии дополненной реальности характеризуются тремя чертами: сочетание реального и виртуального миров, взаимодействие с пользователем в режиме реального времени и работа в 3D-пространстве (трехмерном пространстве) (Роберт Азум).

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы.

Дополненная реальность позволяет пользователю видеть реальный мир и стремиться дополнить реальность без полного погружения пользователя в имитируемую среду.

Изучению дополненной реальности и ее использованию в образовании посвящены работы следующих ученых: Гриншкун А. В. [6, 14], Ефименко С. М. [13], Крючкова А. А. [19], Шамшева А. Б. [1], Конушина А. С. [9], Азума Р., Саирио М., Кисино Ф., Милграма П.

Методология. Формирование целей статьи.

Постановка задания. Целью данной статьи является изучение технологий дополненной реальности, которые эффективно внедряются в образовательный процесс. Основными устройствами для реализации технологий дополненной реальности являются дисплеи, компьютеры, устройства ввода и отслеживания.

Наголовный дисплей (шлем виртуальной реальности, очки виртуальной реальности) обеспечивает отображение оптического изображения перед одним или каждым глазом (рисунок 1) [5].

Такие системы с помощью очков объединяют генерируемые компьютером сцены с картинкой реального мира.



Рисунок 1. Шлем виртуальной реальности или очки виртуальной реальности (наголовный дисплей)

Другой тип устройств, использующих видео технологии для наложения графики на реальную среду, называется карманным дисплеем, который представляет собой небольшое вычислительное устройство с дисплеем, который пользователь может держать в руках [7,8].

Основными достоинствами портативных устройств

дополненной реальности являются именно их портативность и универсальная природа камерофонов. Недостатками являются физические ограничения пользователя, который должен выключать портативное устройство в сравнении с реальным миром, который наблюдается постоянно с помощью глаз. Смартфоны, планшеты с камерами, цифровые компасы, GPS блоки используются в качестве ручного дисплея в дополненной реальности.

Пространственные дисплеи - это видеопроекторы, оптические элементы, голограммы, радиочастотные метки и другие технологии отслеживания применяются для отображения графической информации непосредственно на физические объекты [10-12].

Другой вариант объединения реальных и виртуальных объектов - проекционный дисплей, когда трехмерная модель компьютерного изображения создает реалистичный объект.

Основными устройствами ввода, используемыми в дополненной реальности, являются сенсорные перчатки, которые управляют виртуальными объектами с помощью камеры (рисунок 2). Они представляют собой пару перчаток, содержащих датчики на каждом кончике пальца, который создает контакт между кистями руки [15-20].

Такая новая система жестов расширяет спектр управленческих и интерактивных функций и способствует реализации 3D моделирования.

Интеграция систем дополненной реальности в мобильные устройства привела к увеличению числа приложений, работающих благодаря этой технологии. Применение таких приложений на занятиях представляет собой новый инновационный метод реалистичного обучения.

Визуализации и интерактивность имеют огромное значение для студентов, которые испытывают трудности в обучении, помогая им легко понять сложный материал по любой дисциплине.



Рисунок 2. Сенсорные перчатки

В таблице 1 приведены популярные приложения дополненной реальности, используемые для обучения студентов по различным дисциплинам.

Выводы. Технологии дополненной реальности позволяют студентам осуществить взаимодействие между реальным и виртуальным миром, сочетая интерфейсы дополненной реальности с учебным материалом.

Такой новый подход повышает эффективность и

привлекательность процессов преподавания и обучения.
Таблица 1 – Приложения дополненной реальности, используемые в образовательном процессе

Название приложения	Краткая характеристика приложения
Elements 4D	Elements 4D (Android/iOS) - приложение для изучения химии. Приложение позволяет соединить различные элементы и вещества, имитируя ситуацию, чтобы увидеть, как они будут реагировать в действительности.
Anatomy 4D	Приложение Anatomy 4D лучше всего подходит для студентов-медиков. С помощью приложения студенты изучают 3D модель человеческого тела и взаимодействуют с ним: могут манипулировать любой частью человеческого тела, узнать больше о его структуре, строении и функциях.
Human Heart 3D	Используя программу Human Heart 3D, студенты исследуют человеческое сердце в деталях. 3D модель сердца включает различные анимации и текстовые подсказки.
Google Translate	Google Translate просто отлично подходит для изучения иностранных языков без словаря. Используя Google Translate, студенты могут мгновенно проверить перевод неизвестных слов. Хорошо работает как для студентов, так и для туристов, чтобы ориентироваться в городах за рубежом. Используется как на Android, так и на iOS.
Google Expeditions	Google Expeditions помогает преподавателям и студентам узнавать интересные артефакты. Бесплатное приложение позволяет студентам изучать историю, науку, искусство и естественный мир с помощью дополненной реальности.
Planets	Приложение Planets является 3D путеводителем по солнечной системе для студентов, изучающих астрономию и естественно-научные дисциплины. Студенты работают с трехмерными моделями планет и вращающимся 3D глобусом планет и Луны.
Layar	Это приложение предоставляет студентам широкий спектр цифровых возможностей, позволяя оживить различные объекты. Это работает достаточно просто - пользователь сканирует любые печатные материалы, а затем может наблюдать, как они становятся реальными. С помощью этого приложения студенты могут сканировать свои учебники и делать процесс обучения гораздо веселее.
Modly	Приложение Modly используется студентами дополнительно в процессе изучения языков. Благодаря дополненной реальности студенты с легкостью учат слова, участвуют в диалогах и возможных ситуациях общения. С помощью помощника в приложении можно поучаствовать в беседе на самые разные темы: в библиотеке, в другой стране, в магазине, в кафе, в столовой, в транспорте, в университете.
Civilisations AR	Приложение разработано BBC (Британской вещательной корпорацией) для изучения артефактов китайской, индийской, греческой цивилизаций, цивилизаций ольмеков, майя, древнего Египта, древней Месопотамии. Приложение дополненной реальности позволяет заглянуть внутрь саркофага фараона, сделать древнее оружие, прокатиться на колеснице, побывать на гладиаторских боях, познакомиться с памятниками культуры.
Geometry101	С помощью приложения Geometry101 студенты развивают свое пространственное восприятие предметов. Студенты работают с моделями геометрических фигур, меняют их свойства (длина, ширина, высота, радиус) и анализируют, как эти свойства связаны с расчетом объемов и площадей фигур.
Chemistry101	Chemistry101 помогает студентам изучать химические элементы периодической таблицы и создавать тысячи химических соединений. Данное приложение превращает обычное занятие в экспериментальную лабораторию благодаря дополненной реальности.

Способность накладывать сформированные компьютером виртуальные вещи на реальный мир меняет способ нашего взаимодействия с реальностью, что можно увидеть в реальном времени, а не статическим опытом.

Заключение.

Несмотря на активное внедрение технологий дополненной реальности в обучение многим дисциплинам в высших учебных учреждениях, дополненная реальность в образовании все еще является новой и не стандартизированной областью. Преподаватели вузов получают возможность привлечь внимание студентов и мотивировать их обучение, так как студенты получают новые инструменты для визуализации многих объектов, процессов и сложных концепций, а также приобретают практические навыки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шамиев А. Б. Возможности применения технологий дополненной реальности в обучении информационным технологиям // *Электронное обучение в непрерывном образовании*. — 2017. — № 1. — С. 174-179.
2. Молочко А. В. Перспективы и возможности технологии дополненной реальности применительно к инновационным образовательным технологиям в ходе обучения студентов-географов // *Видеоаналитика*. — 2018. — №4 (12). - С. 1.
3. Куликов Ю. А. Технологии дополненной реальности – инновационная интерактивная технология в образовании // *сборник материалов VII Международной научно-практической конференции «Инновационные тенденции развития системы образования»*. — 2017. — С. 67-69.
4. Рубцова Е.В. Повышение качества образовательного процесса иностранных учащихся с помощью информационных компьютерных технологий // *ОБРАЗОВАНИЕ. ИННОВАЦИИ. КАЧЕСТВО: материалы V Международной научно-методической конференции*. — 2012. — С. 44-47.
5. Чиркова В. М. Влияние информационно-коммуникационных технологий на сферу образования // *Региональный вестник*. — 2019. — №12 (27). - С. 37-38.
6. Гринишун А. В., Левченко И. В. Возможные подходы к созданию и использованию виртуальных средств обучения информатике с помощью технологии дополненной реальности в основной школе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. — 2017. — №3. — С. 267-272.
7. Мальцев В.В., Григорьева Н.В. Технологии дополненной реальности в образовании // *сборник трудов XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Наука. Образование. Культура. Актуальные проблемы и практика решения (федеральный и региональный аспекты)»*. — 2018. — С. 60-64.
8. Ким А. Б., Худиева К. Х. Технологии дополненной реальности и визуализация трехмерных объектов // *сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистров и студентов «Трансформация системы управления бизнес-процессами предприятия в условиях цифровизации экономики»*. — 2019. - С. 20-25.
9. Конушин, А.С. Алгоритмы построения трехмерных компьютерных моделей реальных объектов для систем виртуальной реальности / А.С. Конушин // *дисс. ... канд. Техн. Наук* : 05.13.11. — М., 2005. — 158 с.
10. Чистякова Н.С., Иванченко А. Е. Технология дополненной реальности // *Аллея науки*. — 2018. — № 1(17). — С. 888-891.
11. Филюшеникова Т. Н. Дополненная реальность как инновационная технология образовательного процесса // *Проблемы современного педагогического образования*. — 2018. — №58-1. - С. 246-251.
12. Кокарева Я. А., Балаилов Е. Д. Технология создания приложения дополненной реальности // *материалы научно-практической конференции «Строительство и архитектура-2017. Факультет информационно-экономических систем»*. — 2017. — С. 32-37.
13. Ефименко С. М., Пасынков Д. А. Технология дополненной реальности как средство поддержки образовательного процесса // *Проблемы качества графической подготовки студентов в техническом вузе: традиции и инновации*. - 2017. — С. 407-413.
14. Гринишун А.В. Технология дополненной реальности и подходы к ее использованию при создании учебных заданий для школьников // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: информатика и информатизация образования*. — 2017. - № 3(41). - С. 99-105.
15. Пивненко О. А., Ефимова И.А. Использование дополненной реальности в играх по технологии триз для детей дошкольного и младшего школьного возраста // *Вестник белгородского института развития образования*. — 2017. — №2 (4). - С. 67-74.
16. Фролов Н. В. Технология дополненной реальности при визуализации оборудования специального назначения // *Инновационная наука*. — 2017. - №5. - С. 68-70.
17. Вахрушева Т. С. Применение технологий дополненной реальности в образовании // *Наука настоящего и будущего*. — 2017. — С. 37-39.
18. Калугин Д. Ю., Осокина О. М. Возможности программы Eligovision для подготовки учебно-методических пособий с использованием технологий дополненной реальности // *Научный альманах*. — №7-1 (33). - 2017. — С. 81-83.

19. Крючков А. А. Разработка мобильного приложения с технологией дополненной реальности // Теория и практика современной науки. – 2016. - № 8(14). - С. 197-202.

20. Самарина А. Е. Мобильные приложения дополненной реальности и возможности их использования в образовательном процессе // Современная педагогика. – №1(38). - 2016. — С.50-53.

Статья поступила в редакцию 08.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0017

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СПОРТИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛЕЙБОЛА)

© 2020

AuthorID: 333795

SPIN: 6891-6217

ORCID: 0000-0002-9984-0223

Кабышева Марина Ивановна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры физической культуры

AuthorID: 668768

SPIN: 4754-2310

Удовиченко Елена Валентиновна, старший преподаватель
кафедры физической культуры

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, проспект Победы, д.13, e-mail: vorona1103@yandex.ru)

Аннотация. Сложившаяся в настоящее время в Оренбургском государственном университете организация физического воспитания не ориентирована на возможность выбора студентом вида спорта для занятий. Такая причина организационного порядка резко снижает ценностный потенциал физической культуры и спорта, значительно ограничивает возможность формирования потребности в регулярных занятиях физической культурой и спортом в вузе. Анализ результатов исследования и особенностей развития современных систем физического воспитания студентов позволил теоретически обосновать востребованность внедрения спортизации физического воспитания в учебный процесс студентов ОГУ. Спортизация физического воспитания это эффективное направление организации спортивно-массовой работы, позволяющее объединить студентов в тренировочные группы, однородные по интересам, потребностям, уровню физической подготовленности и особенностям физиологического развития. В результате исследования получены новые данные об уровне знаний, потребностях, интересах и ценностных ориентациях в области физической культуры и спорта, которые позволили определить новые формы организации физического воспитания в ОГУ, основанные на принципах спортизации. Предложенный способ построения учебного процесса по физической культуре в вузе позволяет создать больше возможностей для повышения эффективности занятий и освоения ценностей физической культуры и спорта.

Ключевые слова: студенты, концепция развития студенческого спорта, массовый спорт, высшее образование, физическое воспитание, знания, ценностные ориентации, интересы, потребности, спортизация, волейбол.

AXIOLOGICAL ASPECT OF SPORTIZATION OF PHYSICAL EDUCATION AT THE UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF VOLLEYBALL)

© 2020

Kabysheva Marina Ivanovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department of physical education

Udovichenko Elena Valentinovna, senior lecturer of the department
of physical education

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, prospect Pobedy, 13, e-mail: vorona1103@yandex.ru)

Abstract. The current organization of physical education in Orenburg state University is not, focused on the student's choice of sport for classes. Such reason of organizational order sharply reduces valuable potential of physical culture and sports, considerably limits possibilities of formation of need for regular occupations by physical culture and sports in higher education institution. The analysis of research results and features of development of modern systems of physical education of students allowed to, prove theoretically demand of introduction of sportization of physical education in educational process of students of OSU. Sportization of physical education is an effective direction of the organization of sports and mass work, which allows, to, unite students in training groups, homogeneous in interests, needs, level of physical fitness and peculiarities of physiological development. As, a result of the study, new data on the level of knowledge, needs, interests and value orientations in the field of physical culture and sports were obtained, which allowed to determine new forms of organization of physical education in OSU, based on the principles of sportization. The proposed method of building the educational process in physical culture at the University allows you to create more opportunities to improve the effectiveness of classes and the development of the values of physical culture and sports.

Keywords: students, concept of development of student sports, mass sports, higher education, physical education, knowledge, value orientations, interests, needs, sportization, volleyball.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Поиск новых форм и методов эффективной организации спортивно-массовой работы в вузе, всегда являлся предметом исследований и активных обсуждений специалистов в области физической культуры и спорта. В настоящее время система приоритетных направлений развития массового спорта в целом определяется «Концепцией развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 года», которая является основным стратегическим документом, направленным на развитие студенческого спорта, утвержденным Министерством спорта России в октябре 2017 года [1].

Целью концепции является создание условий, дающих возможность для студентов профессиональных образовательных организаций и организаций высшего

образования вести здоровый образ жизни, регулярно заниматься физической культурой и спортом, получить доступ к развитой спортивной инфраструктуре, и повысить конкурентоспособность Российского спорта.

Основой концепции является разработка и дальнейшее внедрение экспертных предложений по совершенствованию спортивно-массовой работы со студентами и системы студенческих спортивных соревнований, основанных на принципах спортизации физического воспитания, позволяющих объединить учащихся в тренировочные группы, однородные по интересам, потребностям, уровню физической подготовленности, особенностям физиологического развития.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Российские исследователи успешно развивают идеи спортизации физического воспитания, основанные на создании значительных возможностей для приобщения студентов к ценностям физической культуры. Доказывают, что задачи спортизации физического воспитания могут быть решены в основном через командные игровые виды спорта такие, например, как волейбол, баскетбол, футбол, настольный теннис, при которых игроки развивают не только физические качества, двигательные умения и навыки, но и социализируются, приобретают опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений [2-18].

С позиций аксиологии образования процесс спортизации может рассматриваться как относительно новая методология исследований в сфере теории физического воспитания и спорта, с одной стороны, а с другой – как инновационная технология, позволяющая развивать педагогическую практику [19; 20].

По мнению Европейских исследователей, в области физической культуры и спорта важно использовать стратегии, которые выходят за рамки традиционного обучения. Традиционные теории обучения могут являться, лишь отправной точкой для преподавателей физической культуры и спорта, дающие возможность использовать и структурировать свои дидактические действия, а затем следовать гибким схемам к инновационным подходам [21; 22].

Такая методология понимания педагогического процесса зародилась как альтернатива традиционным подходам и основана «на спортивно - игровой деятельности ситуационного обучения, поскольку она предусматривает пренебрежение техническими аспектами спортивной деятельности и делает акцент на преподавании правил игры, в которую нужно играть через совместное обучение и действия» [23].

В вузах Италии физическое воспитание студентов ориентировано на инновационные виды спорта, «которые способны привлечь студентов и сделать путь обучения проще». Становится необходимым обеспечить студента конкретным «играйте в ситуации, не упуская из виду теоретические знания, чтобы достичь реальной и осознанной компетентности».

В Италии «Студенческие спортивные игры» направлены на то, чтобы способствовать выходу традиционного физического воспитания за рамки дисциплинарного направления, в сторону приобретения студентами позитивных ценностей эстетического и социального характера.

«Преподавание физических и спортивных наук нельзя ограничивать только развитием физических качеств способностей, оно обязательно должно включать в себя эмоциональные, социальные, познавательные и моральные аспекты. Основой целью является пропаганда здоровья и здорового образа жизни путем формирования знаний - умений владения своим телом, для развития: самоуважения и уверенности в себе, чувства ответственности, терпения, упорства и мужества» [24].

Целью физического воспитания вузов Италии является развитие компетенций социального взаимодействия методами и средствами игровой деятельности.

Американская система физического воспитания студентов имеет определенную самостоятельность в выборе спортивных программ, расписаний, содержания курсов и академических требований [25; 26].

В настоящее время в вузах Америки имеется три основные формы организации физического воспитания.

1. Занятия факультативных групп по выбранному курсу с обязательным посещением, выполнением определенных требований и сдачей зачетов для получения зачетных очков, идущих в диплом.

2. Участие в любых массовых соревнованиях по личному выбору.

3. Занятия каким-либо спортом или физической деятельностью в группе или самостоятельно без участия

в соревнованиях и сдачи зачетов, для изучения техники выбранного вида спорта, укрепления здоровья или просто для времяпровождения и общения с другими студентами спорта [27].

Таким образом, для привлечения студентов к факультативной форме занятий университеты предлагают студентам широкий спектр выбора видов физкультурно-спортивной деятельности и возможности заниматься в любое удобное время.

Расширена и усовершенствована физкультурно-спортивная база, за счет строительства новых спортивных сооружений к которым одновременно могут заниматься большое количество студентов [28; 29].

Сложившаяся в настоящее время в Оренбургском государственном университете организация физического воспитания не ориентирована на возможность выбора студентом вида спорта для занятий. Такая причина организационного порядка резко снижает ценностный потенциал физической культуры и спорта, значительно ограничивает возможности формирования потребности в регулярных занятиях физической культурой и спортом в вузе и определяет востребованность решения проблемы спортизации физического воспитания в вузе.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель исследования – теоретически обосновать необходимость внедрения спортизации физического воспитания в учебный процесс студентов ОГУ.

Задачи исследования:

1) выявить ценностные ориентации студентов занятий физической культурой и спортом в вузе;

2) разработать принципы и формы спортизации физического воспитания студентов (на примере волейбола).

Изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов.

Исследование проводилось в Оренбургском государственном университете в октябре 2019 года.

Всего в анонимном анкетировании приняли участие 221 человек (студентки) 1–3 курсов различных факультетов ОГУ. Студенткам были заданы 15 вопросов, на каждый вопрос предусмотрено несколько вариантов ответов.

Для уточнения отдельных позиций, полученных при анализе результатов массового опроса студенток использовались интервью и беседы.

На вопрос: «Какую форму занятий они хотели бы выбрать – занятия по видам спорта или обычную форму занятий физической культурой (ныне существующая форма)» - большинство студенток первого курса - 68,5 %, ответили, что предпочитают, либо секционные занятия, либо учебные занятия по видам спорта и только 31,5 % поддерживают обычную форму занятий.

75,2 % студенток, обучающихся на втором курсе с удовольствием, бы занимались различными видами спорта, чем просто посещали учебные занятия по физической культуре (24,8 %).

В отличие от студенток 1 и 2-го курсов, третьекурницы, после двух лет учёбы, готовы начать заниматься в секциях (77,6 %).

На вопрос: «Какие виды спорта Вы бы хотели освоить на занятиях по физической культуре в вузе?» - девушки выбрали 26 видов спорта и оздоровления. Причем в сферу интересов студенток попали такие как: автоталли, бильярд, гольф, рок-н-ролл, хоккей, виндсерфинг, фигурное катание.

Удовлетворить потребности студенток в освоении многих видов из перечисленных видов спорта кафедрой физической культуры не может, так как не имеет соответствующей материально-технической базы.

Также, по мнению студенток, наиболее привлекательными для занятий физической культурой в вузе являются традиционные виды спорта: волейбол (60,6 %), настольный теннис (33,3 %), баскетбол (27 %), гимнастика (25 %), стретчинг (13 %).

Несмотря на то, что высота роста большинства опрошенных студентов ниже среднего, на вопрос: «Хотели бы Вы научиться играть в волейбол?» - положительно ответили 71,9 % студенток первого курса, 57,4 % студенток второго курса и 52,7 % студенток третьего курса.

Причем, волейбол попал в круг интересов девушек среднего и ниже среднего роста также, как и девушек высокого роста (таблица 1).

Таблица 1 - Показатель высоты роста студенток ОГУ в %

Рост	1 курс (82 чел.)	2 курс (72 чел.)	3 курс (67 чел.)
Средний (166-168 см)	16,6	18	20,9
Выше среднего (более 168 см)	31,9	23,6	23,9
Ниже среднего (менее 166 см)	65,3	58,4	55,2

Эти данные говорят о том, что волейбол прочно занимает одно из ведущих мест в рейтинге предпочитаемых видов спорта для занятий и показатель роста студенток не влияет на такой выбор.

Результаты анкетирования показали, что уровень знаний студенток о волейболе достаточно высокий и находится в диапазоне от 47,3 % до 95,5 %. Студентки дали верные ответы на вопросы о правилах игры в волейбол и технических характеристиках волейбольного мяча и сетки.

В числе качеств, развиваемых с помощью средств волейбола и необходимых для будущей профессиональной деятельности студентки отметили: способность быстро ориентироваться в сложных ситуациях (32 %), умение работать в команде (25 %), внимание (48,8 %), ловкость и координационные способности (36,6%).

Студентки выделяют несколько причин, мешающих активным занятиям волейболом в вузе. Основными причинами такого положения, на которые ссылаются студентки являются недостаток времени и отсутствие достаточных умений и навыков для занятий.

На недостаток времени ссылаются 56,37 % студенток первого курса, 59,72 % студенток второго курса и 82,24 % студенток третьего курса. Высокий процент этого показателя у студенток третьего курса, на наш взгляд, объясняется тем, что к третьему курсу многие студентки, уже начинают заниматься трудовой деятельностью, которая требует дополнительного времени. Что касается свободного времени вообще, наблюдения, публикации, социологические опросы по данной проблеме показывают, что необходимый минимум времени для ежедневных занятий спортом имеет абсолютное большинство студентов.

Недостаток умений и навыков, особенно выделяют студентки первого курса (25,6 %). Это говорит о том, что занятия физической культурой в школе не дают достаточных умений и навыков по волейболу.

Общий уровень физкультурных знаний студенток невысокий (42%), академическое образование как источник знаний стоит, лишь на четвертом месте. Степень понимания и освоения отдельных разделов теоретической вузовской программы различна. Особенно слабо студентки ориентируются в вопросах методики физической культуры. Существенных различий в общем уровне знаний в зависимости от возраста и семейного положения не обнаружено.

Нами выявлено, что понимание значения физической культуры для личного совершенствования недостаточно, особенно это видно из конкретизации показателей таблицы 2.

Большое сомнение вызвало, что занятия физической культурой способствуют быстроте мышления, саморегуляции психических состояний и моральному формированию человека. Казалось бы, бесспорное влияние занятий физической культурой на восстановление умственного утомления признается весьма незначительным количеством студенток. Именно эти варианты ответов позволили выявить серьезные затруднения студенток. Это свидетельствует о том, что уровень знаний студенток, нужных для понимания жизненной необходимости

физической культуры и спорта достаточно низкий.

Таблица 2 - Понимание значения физической культуры для личного совершенствования в %

Физическая культура способствует	В большей степени			В достаточной степени			В некоторой степени			Затруднилась ответить		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Курс												
Укрепление здоровья	43	49	59	34	44	23	20	7	14	3	-	-
Коррекция телосложения	50	44	57	32	43	29	14	11	14	4	2	-
Улучшению координации движений	32	34	34	37	39	34	24	20	27	7	7	5
Восстановлению умственного утомления	10	-	-	20	-	20	35	71	40	35	29	40
Саморегуляции психических состояний	-	-	12	-	17	23	50	50	39	50	33	26
Профилактике заболеваний	21	17	21	31	17	45	36	50	30	7	16	4
Быстроте мышления	-	-	5	-	-	18	60	50	37	40	50	40
Развитию волевых качеств	39	40	43	29	28	33	14	26	21	18	6	3
Моральному формированию человека (этике, нравственности)	-	-	7	20	14	12	40	43	46	40	43	35
Свободному общению	11	13	17	17	20	17	31	32	50	41	35	15

Исходя из анализа сложившейся ситуации и востребованности новой организации физического воспитания в ОГУ, нами были разработаны основные принципы и определены формы спортизации.

1. Организация занятий физкультурно-спортивной деятельностью с учетом личных ценностей, мотивов и интересов студентов, в том числе развитие инновационных видов спорта.

2. Учебная форма. Обязательное посещение учебных занятий, выполнение требований для сдачи зачета по избранному виду физкультурно-спортивной деятельности.

3. Факультативная форма. Вынос занятий за рамки учебного расписания, путем увеличения количества разно-уровневых спортивных секций (начальное обучение, спортивное совершенствование, сильнейшие сборные команды вуза), в том числе и секций, связанных с новыми физкультурно-спортивными направлениями.

4. Обязательное включение студентов в соревновательную деятельность, организация и проведение турниров внутри университета на первенство учебно-тренировочных групп, участие в городских и областных соревнованиях по видам спорта.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

В результате исследования получены новые данные об уровне знаний, потребностях, интересах и ценностных ориентациях студенток в области физической культуры и спорта, которые позволили определить новые формы организации физического воспитания в ОГУ, основанные на принципах спортизации.

Внедрение принципов спортизации физического воспитания на примере волейбола позволит:

1) удовлетворить запросы студенток в овладении этим видом спорта;

2) способствовать развитию основных физических качеств, двигательных умений и навыков;

3) повысить функциональные возможности организма, т.к. волейбол – самодозирующееся упражнение исключающее переутомление, поэтому им могут заниматься студентки не только основной, но и специальной медицинской группы [30-32];

4) расширить социальные контакты, приобрести опыт творческой деятельности и эмоционально - ценностных отношений, который, затем, путём прямого положительного переноса может использоваться студентками в будущей профессиональной деятельности.

Учитывая вышеизложенное, возникает необходимость разработки учебной программы спортизации физического воспитания (по волейболу) и дальнейшего методического обеспечения данного направления работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283321/ (дата обращения: 01.11.2019).

2. Островский Б.И. Спортизация физического воспитания как фактор формирования спортивной культуры школьников / Б.И. Островский, Д.Г. Феодотенков // Молодой ученый. – 2016. - №26. – С. 669–674.
3. Лубышева Л.И. Новый концептуальный подход к современному пониманию социальной природы спорта / Л.И. Лубышева, В.П. Моченов // Теория и практика физ. культуры. – 2015. – № 4. – С. 94–101.
4. Еременко В.Н., Медведева А.С., Левченко А.А. Роль физической культуры в жизни человека // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 353-355.
5. Короева Т.Б., Воробьева И.Н. Физическая культура как основной фактор саморазвития студентов // Балканско научно обозрение. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 26-28.
6. Воронина В.Т. О развитии командных видов спорта в России // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 341-344.
7. Голобоков А.С., Наумова М.С. Роль физического и спортивного воспитания в социализации личности и общества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 323-325.
8. Лубышева Л.И. Как понимать современный спорт / Л.И. Лубышева // Теория и практика физ. культуры. – 2015. – № 4. – С. 93.
9. Погосова С.Н., Тиникашвили Г.С. Развитие массового спорта как основа здорового образа жизни учащейся молодежи // Научен вектор на Балканите. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 41-43.
10. Еременко В.Н., Синько О.В., Федорова Н.П. Особенности развития спорта под влиянием научно-технического прогресса и его принятия человеком // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 336-338.
11. Короев А.Г., Базрова Л.Р. Зависимость умственной работоспособности студентов от уровня их физической подготовленности // Хуманитарни Балкански изследвания. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 27-30.
12. Иванова Т.Н. Социологический потенциал физической культуры и спорта в жизни современного человека // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 149-151.
13. Симоненков В.С. Спортивная работа в вузе / В.С. Симоненков // в сборнике: Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. 2017. С. 4229-4235.
14. Серпер С.А. Экология и спорт: особенности взаимосвязи в процессе обучения в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 218-220.
15. Чельдиев З.Р., Дзапаров В.Х. Развитие физической культуры и спорта - важнейшая социально-значимая задача государства // Балканско научно обозрение. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 12-14.
16. Васюкова В.А., Воробьева И.В., Коваленко Н.П., Куштова М.Х. Инновационная деятельность в сфере физической культуры и спорта как неотъемлемая часть элемента национальной экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 68-73.
17. Битарова А.Л., Беглецова Д.В. Развитие массового спорта как основа здорового образа жизни гражданского населения // Хуманитарни Балкански изследвания. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 5-7.
18. Карпельсон А.А. Отрасль спорта и физической культуры в России: организационно-финансовые аспекты // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 108-110.
19. Лубышева Л.И. Спортизация образования: от научной идеи к инновационной практике / Л.И. Лубышева // Научно-педагогические школы в сфере спорта и физического воспитания. – М.: РГУФКСМиТ, 2016. – С. 32–42.
20. Лубышева Л.И. Спортизация в системе физического воспитания: от научной идеи к инновационной практике: монография / Л.И. Лубышева и др. – М.: НИИЦ «Теория и практика физической культуры и спорта», 2017. – 200 с.
21. D'Isanto T. Pedagogical value of the body and physical activity in childhood, *Sport Science*, 9, 2016, p. 13-18.
22. Raiola G. Body knowledge and motor skills, *Knowledge Cultures*, 1(6), 2015, p. 64-72.
23. Viscione I., Invernizzi, P., Raiola, G. Physical education in secondary higher education, *Journal of Human Sport and Exercise*, 2019, p. 14-17.
24. Viscione I. Elements and methods of organization, design and management of extracurricular sports activities, *Journal of Physical Education and Sport*, 2019, p. 1767-1772.
25. Brownell C.L. Health and Physical Education. A Job or a Profession/*American Physical Education Review*. – 2016. – V. 19. – Issue six – P. 203–206.
26. [Электронный ресурс]. URL: https://mel.fm/mirovoy_opyt/9582430-physical_edu (дата обращения: 09.12.2019).
27. Brownell C. The Preparation of Teachers in Health and Physical Education/*American Physical Education Review*. – 1929. – V. 34. – Issue 5. – 2013. – P. 278–280.
28. [Электронный ресурс]. URL: <https://topspinsport.ru/articles/fizicheskoe-vospitanie-v-ssha-put-k-zdorovyu-natsii/> (дата обращения: 09.12.2019).
29. [Электронный ресурс] URL: https://knowledge.allbest.ru/sport/3c0b65635a3bd78b4d5206c36_0.html (дата обращения: 09.12.2019).
30. Кабышева М.И. Волейбол на снегу как элективный вид спорта в вузе / М.И. Кабышева, Е.В. Удовиченко // в сборнике: Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. 2019. С. 4575-4579.
31. Мельников В.С. Физическое воспитание студентов специальной медицинской группы в университетском комплексе / В.С.

Мельников, М.И. Кабышева // в сборнике: Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием) - Оренбург, 2013. С. 3310- 3313.

32. [Электронный ресурс]. URL: <http://e.lib.vlsu.ru/bitstream/123456789/6646/1/01685.pdf> (дата обращения: 23.11.2019).

Статья поступила в редакцию 09.12.2019
 Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.14
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0018

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СТРУКТУРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© 2020
AuthorID: 769003
SPIN: 1381-4270

Литвинова Екатерина Сергеевна, кандидат медицинских наук,
доцент кафедры «Патологическая анатомия»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3, e-mail: kat_roma@mail.ru)
Осиневиц Софья Евгеньевна, студент
Курский государственный университет
(305000, Россия, Курск, улица Радищева, 33, e-mail: sofyaosinevich@mail.ru)

Аннотация. В статье представлены проблемы инклюзивного обучения (ИО) в структуре высшей школы. Продвижение инклюзивного обучения в системе образования служит значимым фактором прогрессивной социализации, активного участия в общественной повседневной жизни, положительной реализации в социуме, а также развития граждан с различными группами инвалидности в любых сферах деятельности. Рассмотрены основные положения инклюзивного обучения в России. В статье структурирован подход и модель инклюзивного обучения. Инклюзивное обучение в высшей школе, подразумевает модернизацию определенных условий с расчетом на каждого индивидуума, с расчетом на их индивидуальные особенности и возможности. При современном внедрении в процесс обучения высшего учебного заведения инклюзивной модели, мало создать одну архитектурную доступность рабочих кабинетов, корпусов, общежитий, зданий культурного и спортивного назначения, а если речь идет о непрерывном удаленном образовании, то это доступ к специализированному учебному ресурсу, который имеет различные по своей структуре материалы. Само обучение подразумевает мощный кадровый состав, процесс невозможен без наличия тьюторов, психологов, преподавателей и ассистентов различной квалификации, социальных работников и различных консультантов, представителей общественных организаций, работодателей, представителей органов власти, и крупных общественных-реабилитационных структур. Обобщая сказанное, можно утверждать, что инклюзивное обучение в современной школе является актуальной проблемой, суть которой в отсутствии определенного комплексного сформированного видения всех участников данного педагогического процесса, о целях, задачах и получении результатов ориентированных на имеющуюся социально-экономическую ситуацию.

Ключевые слова: инклюзивное обучение, высшая школа, образовательные условия, образовательный процесс.

SOME ASPECTS OF AN INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE IN THE STRUCTURE OF HIGHER SCHOOL

© 2020

Litvinova Ekaterina Sergeevna, candidate of medical sciences, associate professor
of the department "Pathological Anatomy"
Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: kat_roma@mail.ru)
Osinevich Sofya Evgenyevna, student
Kursk State University
(305000, Russia, Kursk, Radischev street, 33, e-mail: sofyaosinevich@mail.ru)

Abstract. The article presents the problems of inclusive education (IO) in the structure of higher education. The promotion of inclusive education in the education system is a significant factor in progressive socialization, active participation in public everyday life, positive realization in society, as well as the development of citizens with various disability groups in any field of activity. The basic provisions of inclusive education in Russia are considered. The article structured the approach and model of inclusive education. Inclusive education in higher education implies the modernization of certain conditions for each individual, based on their individual characteristics and capabilities. With the modern introduction of an inclusive model in the educational process of a higher educational institution, it is not enough to create one architectural accessibility for study rooms, buildings, dormitories, cultural and sports buildings, and if we are talking about continuous distance education, this is access to a specialized educational resource that has various in its structure materials. Training itself implies a powerful staff, the process is impossible without the presence of tutors, psychologists, teachers and assistants of various qualifications, social workers and various consultants, representatives of public organizations, employers, representatives of government, and large community-rehabilitation structures. Summarizing the aforesaid, it can be argued that inclusive education in a modern school is an urgent problem, the essence of which is the absence of a specific integrated vision of all participants in this pedagogical process about goals, objectives and obtaining results oriented to the current socio-economic situation.

Keywords: inclusive education, higher school, educational conditions, educational process.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Инклюзивное обучение (произошло от французского *inclusif* – включать в себя что-либо и латинского *include* – заключаю) в отечественной педагогике трактуется как этап эволюции образования, который в себе заключает возможность для всеобщего образования, в схеме к интеграции с разными потребностями абсолютно всех детей, что дает возможность к получению образования тем детям, у которых есть особые образовательные потребности [1,2].

Учитывая выше сказанное можно смело утверждать,

что одной из проблем педагогики является возможность качественного образования людей с особыми образовательными потребностями (ООП), в рамках всеобщих образовательных заведений высшей школы. Продвижение инклюзивного обучения вверх по лестнице системы образования служит значимым фактором прогрессивной социализации, активного участия в общественной повседневной жизни, положительной реализации в социуме, а также развития граждан с различными группами инвалидности в любых сферах деятельности [3,4].

Сегодня инклюзивное обучение в нашей стране находится под контролем Конституции, а также под надзором федерального закона «Об образовании», федераль-

ным законом «О социальной защите инвалидов РФ», а также Конвенцией о правах ребенка и Протоколом № 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Положения об инклюзивном образовании были включены в Конвенцию ООН «О правах инвалидов», одобренную Генеральной Ассамблеей в 2006 г., в 2012 г., Государственной думой конвенция была ратифицирована [1,3].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель работы: изучить структуру и проблемы развития инклюзивного образования в высшей школе.

Задачи: исследовать особенности инклюзивного образования в высшей школе.

В стержне данной методологии, повседневно вводимой в нашей стране, находится пересмотр изначальных видений каждого члена данной системы.

Структура инклюзивного обучения в РФ, такая же как и в других развитых странах, и базируется по определенным положениям:

- Значимость каждого индивидуума не зависит от его особенностей и успехов;

- любой член социума может чувствовать и думать;

- любой член социума обладает правом на общение и на то, и правом быть услышанным всеми;

- все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников;

- все члены социума нуждаются друг в друге;

- истинное обучение возможно в близком контексте естественных взаимоотношений;

- для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут;

- разнообразие усиливает все стороны жизни человека.

Инклюзивное обучение в высшей школе, подразумевает модернизацию определенных условий с расчетом на каждого индивидуума, с расчетом на их индивидуальные особенности и возможности [5-11].

Эта модель обучения включает в себя не один проект, который разграничивает процесс образования, ориентируясь на нужды обучающихся с различными дефектами.

- Постоянная полная – ориентирована на тех кто психически здоров и может приступать к групповым занятиям на равных со всеми члена образовательного процесса, при этом не испытывая каких либо нужд.

- Дозированная – подразумевает неполное участие в процессе обучения, так как у определенного студента может не хватать физических или психических способностей для полноценно занятия.

Эпизодическая – неизменно постоянное наличие людей с различными формами инвалидности на площадях тех учебных заведений, в которых проводятся короткие образовательные мероприятия.

Схема инклюзивного обучения выполняется с помощью:

- специальных обучающих программ;

- среды защиты;

- системы тьюторского, психолого-педагогического и медицинского сопровождения;

- оснащения для выполнения удаленного образования;

- базы передовых подходов для различного вида образования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Таким образом, для обучающихся с патологией опорно-двигательной системы или зрения, или слуха имеются определенные технические условия, рассредоточенные по всему учебному заведению. Не считаю адаптивную программу и актуальную архитектурную доступность к каждому объекту инфраструктуры, постоянно выполняется профессиональная переподготовка имеющегося персонала, совместно с пересмотром обучающих циклов

для преподавателей [2,3,12-15].

При современном внедрении в процесс обучения высшего учебного заведения инклюзивной модели, мало создать одну архитектурную доступность рабочих кабинетов, корпусов, общежитий, зданий культурного и спортивного назначения, а если речь идет о непрерывном удаленном образовании, то это доступ к специализированному учебному ресурсу, который имеет различные по своей структуре материалы. Само обучение или смена квалификации подразумевает и мощный кадровый состав, так как такой процесс невозможен без наличия тьюторов, психологов, преподавателей и ассистентов различной квалификации, социальных работников и различных консультантов, представителей общественных организаций, отдельно хотелось бы выделить работодателей, представителей органов власти, и крупных общественных-реабилитационных структур. Инклюзивное образование является весьма категоричным в предъявляемых запросах к каждому индивиду, входящему в процесс обучения. От обучающихся с ООП, такой процесс заставляет прикладывать много сил, как мыслительных, так и психологических. Такое обучение подразумевает наличие для каждого индивидуума психологической и социальной поддержкой. Не исключается также медицинская поддержка. Из-за этого перспективной частью создания модели инклюзивного обучения в границах выполненного эксперимента стало психолого-педагогическое оснащение инклюзивного образования в стенах высшей школы. По сути это упорядоченная система, цель которой профессиональный и личностный рост любого обучающегося в рамках учебно-воспитательного элемента. Также это не должно зависеть от возможностей какого-либо отдельного ученика: когнитивных способностей, деятельностных способностей и аффективно-волевых качеств [12].

Такие перестройки в общественно системе, объясняются быстрым внедрением современных информационных технологий. Естественно, создание макета инклюзивного обучения в университете предусматривает оптимизацию всех препятствий в информационной сфере и основывается на общественно-деятельностном методе. Такое решение включает в себя равноценное право каждого ученика и должно давать всем обучающимся одинаковые начальные шансы для освоения квалифицированного образования. Весьма интересны и психологические аспекты такого подхода: невозможность выполнения функциональной работы индивидуума, ввиду наличия своей болезни, поиск решения и проблемы не в индивидууме, а в процессе создания того или иного действия, а так же поиска наиболее правильного решения исключительно с педагогическим подходом.

На сегодняшний день все образование в высшей школе развивается направлением экстенсивного развития, передвигая на последний план увеличение «области познаваемого», причем главной прикладной точкой является само знание. Это знание должно способствовать решению проблем экономики на всех уровнях. В современных реалиях процесс обучения направлен на нужды общества сегодня. Быстрая перестройка рынка труда неизбежно приводит к перестройкам в процессе образования. Уравнивается одна из главных позиций высшего учебного заведения, это направленность на будущее и продолжение развития. Перемена профессий для членов общества с инвалидностью не способна развиваться в одном и том же русле, что и у здоровых людей. По своей сути процесс инклюзии в современном университете является особенным, в отличии от повседневной конвейерной практики. Университетское обучение в проблеме заполнения необходимостей в структуре каждого отдельного коммерческого дела, предприятия, или компании, еще не способно полноценно влиять на конкретные цели в других рамках. Сейчас наша экономическая система ввергнута в различные потрясения. Она не может быстро отвечать всем современным кризисам. Вот почему

остро стоит вопрос введения такого обучения, которое бы было способно быстро и качественно подготовить нужных специалистов. В итоге современное образование это по сути своей большая научно-практическая и бизнес-ориентированная сфера.

Объясняется это необходимостью ресурсообеспечения. Все это будет возможно только при наличии мощного научного и экономического ресурса в стенах института. И все же не все индивидуумы могут приспособиться к особой модели полифункциональности, особенно не беря в учет людей с инвалидностью. Все выше перечисленное побуждает переанализировать понятие и необходимость инклюзии в глобально образовательном пространстве [4,5,12, 16-19].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Динамическое внедрение инклюзивного образования включает в себя перестройку образовательного механизма как качественно, так и планомерно. Причем все это должно делаться с учетом потребностей каждого участника отдельно: специалиста этой области, здоровых учеников и учеников с разными группами инвалидности. Требования, о которых сказано выше, являются едиными и к политикам и к экспертам, прения которых постоянно служат материалом для новых и новых исследований. Опытное мышление обязывает к наличию конкретной смысловой деятельности, которая включает в себя трактовку определенных важных аспектов, тесно содействующих с методикой инклюзии. К этому относятся такие понятия как программа адаптации, межличностное равенство, повсеместное право, непрерывное сопровождение, адаптация в социуме и в среде, непосредственного нахождения. Разнообразие высказываний в адрес роли окружения в формировании личности отображено в различных теориях. Это и общепринятые социологические, социальные и психологические. Интересно и то, что эти высказывания являются как положительными так и отрицательными. Глобально окружение способно активно выступать ускорителем и катализатором для развития имеющихся ресурсов в каждом отдельном индивидууме, причем сила этого воздействия всегда разная.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что инклюзивное обучение в современной школе является актуальной проблемой, суть которой в неимении определенного комплексного сформированного видения всех участников данного педагогического процесса, о целях, задачах и получении результатов ориентированных на имеющуюся социально-экономическую ситуацию. Этими участниками выступают обучающиеся с различными группами инвалидности и без них, студенты, которые ограничены в своих возможностях из-за неполноценности здоровья, кадры высшего педагогического собрания и лица стоящие у вершины управления структурным подразделением.

И все же тема инклюзивного обучения в концепции образования предусмотренного высшей школой имеет место быть. Однако она должна предусматривать адаптивно-адаптирующую систему, и эта система должна придерживаться цели профессионального самоопределения и базироваться на продвижении темы равенства каждого индивидуума в целом, в механизме создания профессиональной реализации в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Александрова Л.А., Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Ресурсы саморегуляции студентов с ограниченными возможностями здоровья как фактор эффективности инклюзивного образования // *Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Материалы II Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Симпозиум «Субъект и личность в психологии саморегуляции»*. – Кисловодск: СевКавГТУ, 2009. – С. 11-16.
2. Зиневич О.В. Круглый стол «Инклюзивное образование студентов с ограниченными возможностями здоровья: мировой и российский опыт» / О. В. Зиневич, В. В. Дегтярева // *Философия образования*. – 2014. – № 3. – С. 249-264.
3. Зиневич О. В. *Инклюзивное образование в Российской высшей*

школе: современные вызовы / О. В. Зиневич, В. В. Дегтярева, Т. Н. Дегтярева // *Власть*. 2016. – №5. – С. 61-67.

4. Пономарева Г. Т. *Инклюзивное образование в России* / Г. Т. Пономарева // *Педагогика высшей школы*. – 2017. – №2. – С. 59-62.

5. Егоров П.Р. *Теоретические подходы к инклюзивному образованию людей с особыми образовательными потребностями* / П. Р. Егоров // *Теория и практика общественного развития*. – 2012. – № 3. – С.107-112.

6. Зиневич О.В. 2015. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов: к постановке проблемы / О. В. Зиневич, Т. А. Балмасова // *Власть*. – № 6. – С. 67-72.

7. Братцева О.А., Булатова О.В. *Инклюзивная образовательная среда как условие развития профессиональной мобильности студентов с ограниченными возможностями здоровья* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 58-61.

8. Михальчи Е.В. *Применение скрининг-методик для оценки психофизического состояния студентов в инклюзивных группах* // *Хуманитарии Балкански изследвания*. 2019. Т. 3. № 2 (4). С. 66-71.

9. Любавина Н.В. *Профессиональное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья: особенности организации образовательной деятельности* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 1 (10). С. 84-86.

10. Бурдуковская Е.А., Гостева Л.З., Жук Т.И. *Социально-педагогическое сопровождение и поддержка студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования в высших учебных заведениях* // *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 78. С. 99-110.

11. Петров А.М., Абдурахимов А.А.У., Анваров А.А.У. *Разработка игропрактики для обучения студентов коррекционных групп профессиональным дисциплинам* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 151-153.

12. Санина Е. И. *Модель инклюзивного обучения в Высшей школе* / Е. И. Санина, О. М. Жиганова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2017. – № 2. – С. 169.

13. Тюлюки М.К.О., Домур-оол Ч.Д. *Профессиональная подготовка будущего учителя к работе в условиях инклюзивного образования республики Тыва* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 235-239.

14. Demchenko I.I. *Inclusive education in a would-be teacher training: methodological aspect* // *Балканско научно обозрение*. 2019. Т. 3. № 1 (3). С. 21-25.

15. Барнаш А.В., Кузьмина А.Б., Солдатова О.Д. *Формирование психологической культуры будущих специальных психологов в условиях современного инклюзивного образовательного пространства* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 321-324.

16. Балашиова А.В., Боликова Л.Ю. *Подготовка педагогов к обучению детей-инвалидов. Постановка проблемы // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2015. Т. 1. № 6 (28). С. 50-54.

17. Булатова О.В., Братцева О.А. *Роль академической мобильности в повышении конкурентоспособности студентов с ОВЗ и инвалидностью* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 37-40.

18. Сабанов З.М. *Генезис «инвалидности» как научной категории в современных социально-экономических условиях* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 330-333.

19. Сабанов З.М. *Профессиональная подготовка и профессиональное образование инвалидов в современном обществе* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 293-296.

Статья поступила в редакцию 03.12.2019
Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 37.09

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0019

ПАМЯТЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В УСПЕШНОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ

© 2020

Муллер Ольга Юрьевна, аспирант

Сургутский государственный университет

(628406, Россия, Сургут, улица Университетская, 39, e-mail: olga_megion@mail.ru)

Аннотация. Смысловое запоминание рассматривается автором как фактор успешности обучения студентов с позиции эффективности данного вида запоминания, используемых приемов, а также включения их в учебную деятельность. Проверялась гипотеза о том, что повышение осмысленности запоминания обусловлено комплексным обучением с использованием мнемотехник и приемов построения смысловых связей на учебном материале. На констатирующем этапе автором была проведена диагностика смыслового запоминания посредством методики диагностики логического запоминания «Воспроизведение рассказа», методики исследования непосредственного и опосредованного запоминания Т.П. Зинченко, метода пиктограмм Л.С. Выготского – А.Р. Лурия, метода парных ассоциаций и авторской методики анкетирования. На основании проведенной диагностики была разработана программа обучения студентов построению смысловых связей «Запоминай, применяй, достигай успеха!», содержание которой подразумевало использование мнемотехник, позволяющих эффективно использовать возможности развития памяти в учебном процессе (первый блок), а также приемов построения смысловых связей (второй блок). Далее был проведен сравнительный качественный и количественный анализ результатов первичной и окончательной диагностики посредством того же комплекса методик. В результате под влиянием обучения смысловому запоминанию произошло увеличение эффективности осмысленности запоминания, возросли возможности применения специальных средств его организации, усилилась опосредующая возможность реализации как абстрактных, так и конкретных стимулов, самостоятельность в использовании смыслового запоминания и его приемов в учебном процессе. Обучающая программа, включающая приемы построения смысловых связей, а также мнемотехники, позволяющие использовать возможности развития памяти в учебном процессе, оказалась эффективной.

Ключевые слова: память, обучение, смысловое запоминание, обучающая программа, мнемотехника, смысловые связи, эксперимент, учебный процесс, студенты, анкетирование, продуктивность, программа, исследование, методика.

MEMORY AND ITS IMPORTANCE TO EFFECTIVE STUDENTS' EDUCATION

© 2020

Muller Olga Yurevna, post-graduate student

Surgut State University

(628406, Russia, Surgut, Universitetskaya st., 39, e-mail: olga_megion@mail.ru)

Abstract. Associative memorization is depicted as a factor of education's success from a position of efficiency of the memorization's type, used techniques and including them in educational activity. There was a hypothesis that complex education with different mnemonic techniques and forms of association's creation on the training material cause increasing of level of associative memorization. On the stating stage the diagnostics of associative memorization via different methods, such as "Story replication", the methods of direct and indirect by T. P. Zinchenko, the method of pictograms by L. S. Vygotsky and A. R. Lury, methods of pair associations and the methods of the questionnaire, were conducted. On the base of the diagnostics the program of teaching of associative connections "Memorize, use, be successful!" was developed. The content involves the using of mnemonics that allow to use possibilities of the memory in educational process (the first block) and techniques of making of associative connections (the second block) effectively. Then the analysis of diagnostics' results was conducted via the same complex of techniques and methods. In the result, under the influence of associative memorization's training the efficiency of understanding memorization has increased, the number of possibilities of using special organization's techniques has become larger, indirect possibility of realization of abstract and concrete stimulus has increased, the autonomy of using of associative memorization and techniques in educational process has increased too. The educational program that includes techniques of making of associative connections and mnemonics that allow to use the possibilities of memory's developing in educational process has proved effective.

Keywords: memory, education, associative memorization, training program, mnemonics, associative connections, experiment, questioning, productivity, program, research, methodology.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современные студенты являются представителями цифрового поколения, что определяет в большей мере ориентацию на использование возможностей оперативной памяти и быстрого принятия решения. Вместе с тем, в успешном обучении будущих профессионалов имеют значение абстрактное мышление и долговременная память. Они обеспечивают становление профессионального опыта, глубину осмысления учебных и профессиональных задач, ощущение осведомленности и уверенности в возможности их решения. Именно прочность осмысленного запоминания следует рассматривать как самый существенный критерий успешности их обучения.

Установлено, что когнитивные процессы выступают психологическим условием эффективного усвоения информации, в процессе обучения должны учитываться их индивидуальные особенности [1, С. 6]. В то же время в студенческие годы встречается несоответствие способов

запоминания типам памяти [2, С. 191]. Редко применяется ассоциативный метод работы, при том, что именно он является эффективным [3, С. 460].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Как следует из выводов диссертации И.В. Муромцевой, для успешного запоминания значимы такие когнитивные умения, как анализ и выделение признаков, синтез и построение ассоциативных рядов, сопоставление и обобщение признаков, зрительная репрезентация информации [4, С. 20]. И.В. Городецкая и Т.М. Яско обнаружили, что к старшим курсам осмысленное, логическое запоминание начинает преобладать над механическим [5, С. 147]. Но данные этих ученых противоречат сведениям И.П. Рудаковой, С.В. Чащиной и А.В. Старковой, что случайное запоминание оказывается более эффективным, нежели использование абстрактных символов, то есть опосредованного смыслового заучивания [6, С. 220].

«Ни в одном источнике не сформулированы сколько-нибудь убедительные принципы развития памяти в рамках системы развивающего обучения» [7, С. 332]. Имеются противоречия между необходимостью комплексного подхода к использованию возможностей развития памяти за счет методов смыслового запоминания и отсутствием сведений об эффективности методик развития памяти; между эмпирическими данными, как подтверждающими, так и опровергающими его эффективность. Нами смысловое запоминание рассматривается как фактор успешности обучения студентов, а именно: с позиции эффективности данного вида запоминания, используемых приемов, а также включения их в учебную деятельность.

Формирование целей статьи. Цель исследования - повысить осмысленность запоминания с помощью комплексного обучения, применяя мнемотехнику и приемы построения смысловых связей на учебном материале.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Мы провели формирующий эксперимент на базе Сургутского государственного университета. В выборку вошло 22 студента 1 курса и 24 студента 4 курса, которые мы разделили на 2 экспериментальные и 2 контрольные группы. Проверяться гипотеза о том, что повышение осмысленности запоминания обусловлено комплексным обучением.

На *констатирующем этапе* была проведена диагностика смыслового запоминания посредством следующих 5 методик:

а) методика диагностики логического запоминания «Воспроизведение рассказа» (взрослый вариант) [8, С. 95-96] – позволяет получить его общий показатель;

б) методика исследования непосредственного и опосредованного запоминания Т.П. Зинченко [9, С. 22] – дает возможность оценить продуктивность запоминания в зависимости от степени осмысленности;

в) метод пиктограмм Л.С. Выготского – А.Р. Лурия – ориентирован на установление эффективности смыслового запоминания при использовании абстрактных стимулов [10, С. 35];

г) метод парных ассоциаций – позволяет оценить эффективность смыслового запоминания при применении конкретных стимулов [10, С. 33];

д) авторская методика анкетирования – дает возможность выявить использование и значение разных приемов запоминания в учебном процессе.

На основании проведенной диагностики была разработана программа обучения студентов построению смысловых связей «Запоминай, применяй, достигай успеха!». Она проводилась в течение 3 месяцев. Ее содержание подразумевало использование мнемотехник, позволяющих эффективно использовать возможности развития памяти в учебном процессе (первый блок), а также приемов построения смысловых связей (второй блок). В числе первых вводились и активно использовались: приемы аналогии, декомпозиции, ассоциации, привязки к типовой информации, подключения творческого воображения, ведения дневника [7, С. 332-334], методы ключевых слов, размещения [11, С. 200], осмысленных юмористических комментариев [12, С. 311]. В числе вторых: рациональное ведение записей, структурирование учебного материала, метод SQ3R [13, С. 106-109]. Нашими авторскими разработками выступили приемы комплексного подбора методов осмысленного запоминания для решения определенной учебной задачи, взаимообучения осмысленному запоминанию (в микрогруппах), а также актуализации фонда коллективной памяти студенческой группы. Авторский подход заключался в постепенном переходе от блока развития памяти вообще, к развитию ее на учебном материале. На *контрольном этапе* проводился сравнительный качественный и количественный анализ (критерий U Манна-Уитни) результатов первичной и окончательной диагностики по Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

средством того же комплекса методик.

Результаты изучения общего показателя осмысленности запоминания показали исходно более высокий, но в то же время всего лишь средний уровень его выраженности на старших курсах. После обучающей программы только экспериментальные группы достигают высокого уровня. В экспериментальных группах 1 и 4 курса показатель значительно вырос после обучающей программы на 8,2 и на 7,2 балла, в контрольных – на 1 курсе увеличился на 0,6, а на 4 курсе уменьшился на 0,7 балла. Статистические различия в экспериментальных группах значимы на уровне ($\delta \leq 0,0$) ($U_{1j} = 6,4$; $U_{4j} = 0,7$), а в контрольных отсутствуют ($U_{1j} = 9,2$; $U_{4j} = 3,0$).

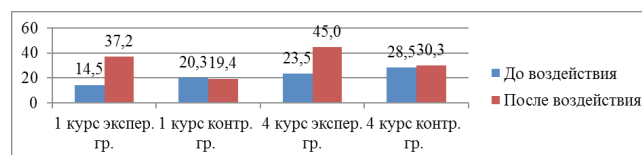


Рисунок 1 - Продуктивность запоминания при переходе к использованию специальных средств запоминания (среднее значение количества слов), %

На рисунке 1 представлены средние значения коэффициента продуктивности запоминания при переходе к использованию специальных средств запоминания. Опять же отмечается более высокий уровень его выраженности на старших курсах, чем на младших. Прирост данного показателя вследствие проведения обучающей программы по смысловому запоминанию на 1 курсе отмечается на 22,7%, а на 4 на 21,5%. В контрольных группах на 1 курсе он незначительно снизился – на 0,9%, а на 4 курсе – возрос на 1,8%. Статистические различия в экспериментальных группах значимы ($\delta \leq 0,0$) ($U_{1j} = 2,5$; $U_{4j} = 1,7$), все уравнения, формулы

должны быть сгруппированы), а в контрольных не выражены ($U_{1j} = 8,4$; $U_{4j} = 2,3$).

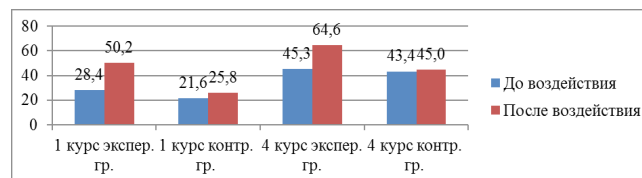


Рисунок 2 - Продуктивность запоминания при использовании пиктограмм (среднее значение), %

На рисунке 2 отражены средние значения коэффициента увеличения эффективности запоминания при использовании пиктограмм. Поддерживая уже обозначенные по другим методикам тенденции, регистрируется более высокий уровень его выраженности на старших курсах, чем на младших. Увеличение данного показателя вследствие проведения обучающей программы по смысловому запоминанию на 1 курсе отмечается на 21,8%, а на 4 на 19,3%. В контрольных группах на 1 курсе он возрос на 4,2%, а на 4 курсе – на 1,6%. Статистические различия в экспериментальных группах значимы ($\delta \leq 0,0$; $U_{1j} = 7,1$; $U_{4j} = 2,5$), а в контрольных не значимы ($U_{1j} = 9,8$; $U_{4j} = 0,4$).

На рисунке 3 представлено среднее число слов при использовании приема ассоциаций на отвлеченном материале. В этом случае тенденция его большего значения на старших курсах не сохраняется. Прирост данного показателя вследствие проведения обучающей программы по смысловому запоминанию на 1 курсе отмечается на 4,9, а на 4 на 2,1. В контрольных группах на 1 курсе он увеличился – на 2,4%, а на 4 курсе – на 2,4%.

Статистические различия в экспериментальных группах значимы ($\delta \leq 0,0$; $U_{12} = 9,2$; $U_{13} = 7,1$) в отличие от контрольных ($U_{14} = 9,4$; $U_{15} = 8,5$).

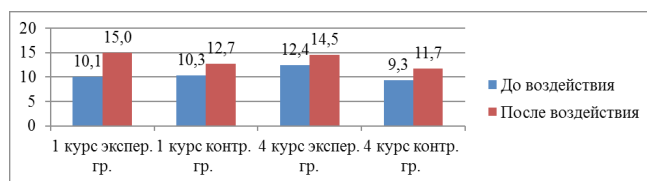


Рисунок 3 - Среднее число слов при использовании приема ассоциаций, %

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Анкетирование студентов показало, что именно в экспериментальных группах произошел всплеск использования разных приемов осмысленного запоминания, увеличение их разнообразия (от 2-3 до 5-7), в то время как в контрольных ситуациях осталась стабильной. Обучающая программа способствовала повышению значимости использования мнемотехник в учебной деятельности, она теперь не только декларируется, но и конкретизируется. Студенты открыли для себя индивидуальный смысл познания собственной памяти и использования ее резервов в овладении профессией («Память – моя ценность», «Могу больше, чем до этого», «Учиться легко»).

Под влиянием обучения смысловому запоминанию произошло увеличение эффективности осмысленности запоминания, возросли возможности применения специальных средств его организации, усилилась опосредующая возможность реализации как абстрактных, так и конкретных стимулов, самостоятельность в использовании смыслового запоминания и его приемов в учебном процессе. Обучающая программа, включающая приемы построения смысловых связей, а также мнемотехники, позволяющие использовать возможности развития памяти в учебном процессе, оказалась эффективной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Гнедых Д.С. Эффективность усвоения учебной информации студентами в условиях электронного обучения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 [Электронный ресурс] / Гнедых Дарья Сергеевна. – СПб., 2015. – URL: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-07/dissertatsiya-effektivnost-usvoeniya-uchebnoy-informatsii-studentami-v-usloviyah-elektronnoy-obucheniya> (Дата обращения: 26.03.2018).
- Пивнева В.С. Учет индивидуально-типологических особенностей памяти студентов и закономерностей эффективного запоминания при подготовке к промежуточной аттестации / В.С. Пивнева // Современные научные исследования и разработки. – 2016. – № 7 (7). – С. 191-193.
- Рзаева Т.Ш. Развитие и улучшение памяти / Т.Ш. Рзаева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2013. – Т. 3. – № 2. – С. 460.
- Муромцева И.В. Когнитивные детерминанты памяти на персонализированную информацию студентов-будущих педагогов: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Муромцева Ирина Владимировна. – СПб., 2015. – 24 с.
- Городецкая И.В. Виды памяти и методы запоминания при изучении нового материала студентами УО «ВГМУ» / И.В. Городецкая, Т.М. Яско // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 143-147.
- Рудакова И.П. Оценка возможностей использования особенностей запоминания для повышения эффективности усвоения учебного материала студентами первого курса / И.П. Рудакова, С.В. Чащина, А.В. Старкова // Символ науки. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 218-220.
- Чернышов М.Ю. Механизмы ассоциативной памяти, развитие логических форм памяти, мышления студентов и припоминание в дискурсе / М.Ю. Чернышов, А.В. Каверзина, А.М. Журавлева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. – № 9 (80). – С. 330-335.
- Альманах психологических тестов. – М.: КСП, 1995. – 400 с.
- Психологический практикум «Память»: Учеб.-метод. пособие / Сост. Л.И. Дементий, Н.В. Лейфрид; Под общ. ред. Л.И. Дементий. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – 124 с.
- Мельников Н.Н. Память: Практикум по общей психологии / Н.Н. Мельникова. – Челябинск: ЮУрГУ, 2001. – 43 с.
- Кренива И.В. Формирование универсальных компетенций студентов как важной предпосылки для успешного обучения в вузе / И.В. Кренива // Непрерывное образование: опыт Петрозаводского государственного университета сборник научных статей / научн. ред. И. А.

Колесникова. – Петрозаводск, 2014. – С. 101-116.

12. Чудаева Н.Л. Эффективные приемы запоминания учебного материала (из опыта работы) / Н.Л. Чудаева, Л.В. Колюшко // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. – 2017. – Т. 8. – № 8. С. 307-314.

13. Царегородцева О.С. Развитие памяти студентов в процессе изучения иностранного языка / О.С. Царегородцева // Современные проблемы инновационного развития науки: сборник статей международной научно-практической конференции. – Уфа: «ОМЕГА-САЙНС», 2016. – С. 198-201.

Статья поступила в редакцию 02.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

Научная специальность: 13.00.02
УДК 378.: 811.161.1'37+811.581
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0020

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© 2020
AuthorID: 780102
SPIN: 6350-4476

Петрова Наталья Эдуардовна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка и культуры речи
Курский государственный медицинский университет
(305 041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: na_tali68@mail.ru)

Аннотация. В статье даётся методическое описание системы работы с иностранными студентами медицинского профиля над формированием и развитием профессиональной компетенции. Эта задача является далеко не простой, так как её успешное решение зависит от совместных усилий педагогов-клиницистов и преподавателей русского языка как иностранного. Проблема заключается в том, что теоретические знания студентов должны найти применение в их практической деятельности, которая осуществляется в российских лечебных заведениях в процессе общения с русскоязычными пациентами. Студентам необходимо владеть как коммуникативными, так и профессиональными навыками. Он должен уметь вести опрос пациента, понимать его, делать профессиональные записи, а затем заполнять медицинские документы - карту амбулаторного и стационарного больного, историю болезни. Для обучения студентов такому виду деятельности необходимо проделать серьёзную подготовительную работу: осуществить отбор и систематизацию дидактического материала, продумать систему заданий с поэтапным усложнением, трансформациями и последующим выходом в письменный текст профессионального характера. Более того, чтобы в ходе подготовки максимально приблизить иностранных студентов к условиям реального диалога с пациентом в больнице, госпитале, поликлинике необходимо вводить в систему работы ещё и аудиодиалоги.

Ключевые слова: международное образование, профессиональная компетенция, методическое описание, стилистически обусловленный лексический материал, медицинская терминология, карта амбулаторного и стационарного больного, история болезни.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE AT PRACTICAL LESSONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN

© 2020

Petrova Natalia Eduardovna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor
of the department of «Russian Language and Speech Culture»
Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street 3, e-mail: na_tali68@mail.ru)

Abstract. The article provides a methodological description of the system of work with foreign medical students on the formation and development of professional competence. This task is far from simple, since its successful solution depends on the joint efforts of clinical educators and teachers of the Russian language as a foreign language. The problem is that students' theoretical knowledge should find application in their practical activities, which are carried out in Russian medical institutions in the process of communicating with Russian-speaking patients. Students need to have both communicative and professional skills. He should be able to interview the patient, understand him, make professional notes, and then fill out medical documents - an outpatient and inpatient card, medical history. To teach students this type of activity, it is necessary to do serious preparatory work: to carry out the selection and systematization of didactic material, to think over a system of tasks with stepwise complication, transformations, and subsequent publication in a written text of a professional nature. Moreover, in order to bring foreign students as close as possible to the conditions of a real dialogue with a patient in a hospital, hospital, clinic, it is also necessary to introduce audio dialogs into the work system.

Keywords: international education, professional competence, methodological description, stylistically determined lexical material, medical terminology, outpatient and inpatient card, medical history.

ВВЕДЕНИЕ

Важная особенность современного международного образования – академическая мобильность как студентов, так и преподавателей. Наиболее востребованным на международном рынке образовательных услуг является медицинское образование [1-5]. Соответственно, приток иностранных абитуриентов, желающих получить престижную и высокооплачиваемую во все времена и во всех странах профессию, существует всегда. Требования к уровню профессиональной подготовки выпускников иностранных вузов весьма высоки. Счастливые обладатели дипломов проходят тщательную многоэтапную проверку, которая позволяет определить уровень профессиональной компетенции будущего врача. Поскольку наука не стоит на месте, то требования к качеству образования неуклонно возрастают, причём особое внимание уделяется не только знаниям, но и практическим умениям и навыкам. Когда же речь идёт об студентах-иностранцах, то ответственными за их уровень профессиональной квалификации оказываются не только педагоги-клиницисты, но и преподаватели русского языка как иностранного (РКИ). Следовательно, важной составляющей в системе преподавания РКИ является методическое совершенствование, что и обусловило ак-

туальность данного исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данной работы является описание на конкретном дидактическом материале методических стратегий и тактик, необходимых при обучении студентов-медиков заполнению такого важного медицинского документа, как история болезни. Методических работ, в которых даётся описание этого вида профессиональной подготовки весьма недостаточно. Для реализации заявленной цели необходимо решить ряд задач: отобрать стилистически обусловленный лексический материал, разработать систему заданий, на основе которых будет осуществляться поэтапная подготовка, составление микротекстов и микродиалогов с последующей их трансформацией. В ходе работы были использованы адекватные цели и задачам научные методы: анализ Федеральных государственных стандартов (ФГОС), рабочих учебных планов (РУП), рабочих программ (РП) медицинского профиля и Государственных стандартов по РКИ [6-10], систематизация дидактического материала, методическое описание принципов работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Методика преподавания РКИ опирается на базовые образовательные документы как для общего уров-

ня владения языком, так и для естественно-научного и медико-биологического профилей. Требования Государственного стандарта по русскому языку (владение иностранным языком в учебно-профессиональной сфере медико-биологического профиля) гласят: «У иностранных студентов медицинских вузов должны быть сформированы коммуникативные компетенции как в устной, так и письменной речи» [6].

Кроме того, в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) «Лечебное дело» одной из многочисленных компетенций является «готовность к анализу и публичному представлению медицинской информации на основе доказательной медицины, в том числе «способность и готовность: проводить и интерпретировать опрос, ... написать медицинскую карту амбулаторного и стационарного больного». Иными словами, составление и запись такого медицинского документа является результатом всей системы совместного профессионального обучения преподавателей-клиницистов и русоведов [11-16].

Важным отправным моментом в профессиональной подготовке является понимание студентами принципов стилистической дифференциации разговорной или нейтральной лексики пациентов и профессиональной научной лексики врачей. Исходя из этого постулата, следует составлять тренировочные упражнения, в процессе выполнения которых студенты отрабатывают этот навык.

Задание № 1. Распределите данные ниже слова в два столбика: 1) нейтральная лексика;

2) медицинская терминология.

Распространение, аускультация, выстукивание, сила (боли), сердечная мышца, локализация, ощупывание, малокровие, недостаточность кровоснабжения сердечной мышцы, тромбоз, интенсивность, миокард, закупорка кровеносных сосудов, ишемия, омертвление сердечной мышцы, перкуссия, выслушивание, внутренняя оболочка стенки кровеносных сосудов, пальпация, расстройство сердечного ритма, некроз сердечной мышцы, анемия, интима кровеносных сосудов, аритмия, сосредоточение, иррадиация.

Задание № 2. Из слов задания № 2 составьте синонимичные пары.

Образец: Распространение – иррадиация, сосредоточение – ...

Для того чтобы студенты и преподаватель имели возможность проверить результат работы, даны ключи (Таблица № 1), которые можно расположить в методических рекомендациях для преподавателя или в справочном материале в конце методических указаний для студентов.

Таблица 1– Ключи: стилистическая дифференциация лексики

Нейтральная лексика	Медицинская терминология
Распространение Сосредоточение Ощупывание Выслушивание Выстукивание	иррадиация локализация пальпация аускультация перкуссия
Сила (боли) Сердечная мышца Недостаточность кровоснабжения сердечной мышцы Закупорка кровеносных сосудов Омертвление сердечной мышцы Внутренняя оболочка стенки кровеносных сосудов Расстройство сердечного ритма Малокровие	Интенсивность миокард ишемия тромбоз некроз сердечной мышцы интима кровеносных сосудов аритмия анемия

Задание № 3. Дополните цепочки синонимичных слов разговорной лексикой из справочного материала:

Распространяться, иррадиировать,
Сосредоточиваться, локализоваться, ...
Ощупывать, пальпировать, ...
Выслушивать, аускультировать, ...

Выстукивать, перкутировать, ...
Справочный материал: стучать, трогать, скапливать-ся, слушать, отдавать.

От работы с отдельными словами следует переходить к словосочетаниям, а затем коротким фразам и более объёмным предложениям.

Задание № 4. Заполните таблицу № 2, запишите жалобы пациента в двух вариантах по моделям

Таблица 2– Жалобы пациента в различных вариантах

Реплика пациента	Пациент «жалуется на что»	«Жалобы на что»
У меня болит в груди У меня болит под лопаткой	жалуется на боли в груди жалуется на боли в подлопаточной области	жалобы на боли в груди жалобы на боли ...
Боли отдают влево	жалуется на иррадиацию болей в левую половину тела	жалобы на ...
У меня болит сердце Боли отдают в левую руку, плечо
Боли за грудиной бывают очень сильные
Боли в сердце появляются и проходят
Боли появляются во время ходьбы, когда поднимаюсь по лестнице

Упражнения на трансформацию продолжают усложняться. Так, студентам предполагается перевод выписки из истории болезни в диалог, а затем перевод диалога в историю болезни.

Задание № 5. Составьте диалог по выписке из истории болезни.

Больной жалуется на боли за грудиной, в средней её части. Боли иррадиируют влево, чаще всего в плечо, в шею, в мочку уха. Боли носят приступообразный характер, внезапно появляются и быстро прекращаются. Боли длятся 2-5 минут.

Диалог

В. – На что Вы жалуетесь?

П. – У меня болит за грудиной.

В. – Покажите, где!

П. – Вот здесь, в самой середине.

В. – Куда отдают боли?

П. – В левую часть: в плечо, в шею и мочку уха.

В. – Боли постоянные или периодические?

П. – Нет, не постоянные. Появляются и проходят.

В. – Как долго длятся боли?

П. – От двух до пяти минут.

В процессе выполнения задания можно подбирать синонимичные варианты как вопросов, так и ответов пациента. Работу можно организовать по-разному: в парах, самостоятельное выполнение с последующей проверкой, работа по цепочке с записью на доске и в тетради. Самое главное, чтобы студенты понимали важность выполнения такой работы и рассматривали её как творческий процесс.

Более сложным для студентов-медиков представляется трансформация диалога в монологический текст профессионального характера.

Задание № 6. Трансформируйте текст диалога и напишите выписку из истории болезни.

Диалог

В. – Что Вас беспокоит?

П. – Уже неделю сердце болит.

В. – Какого характера боли: сжимающие, давящие, колющие или ноющие?

П. – Чаще всего давящие.

В. – Куда отдают боли?

П. – В левую лопатку.

В. – Боли в сердце сопровождаются сердцебиением?

П. – Да, иногда сердце как начнёт биться, так кажется, что выскочит из груди.

В. – А давление в это время повышается? Не измеряли?

П. – Измерял. Повышается. Бывает 160/110.

В. – У Вас бывает одышка.

П. – Да. Раньше появлялась, когда шёл быстро или поднимался по лестнице, а сейчас и и без нагрузки бывает.

«Больной жалуется на боли в сердце давящего характера. Боль иррадирует в левую лопатку, сопровождается сердцебиением, одышкой в состоянии покоя, повышением давления до 160/110. Боли продолжаются в течение недели».

Такой вид трансформации, безусловно, нужно начинать с микродиалогов, постепенно увеличивая их объём до полного опроса пациента. Следующим этапом работы должно стать заполнение таких документов, как карта амбулаторного и стационарного больного, история болезни. Однако, ориентируясь на непосредственное живое общение студента-медика с русскоязычным пациентом, необходимо подключать тренировочное аудирование, которое поможет воспринимать звучащую речь и трансформировать её в профессиональную запись [17-22].

ВЫВОДЫ

Таким образом, урок, посвящённый формированию и развитию умений и навыков составления и записи медицинских документов, может быть одним из нескольких в тематическом блоке. Кроме того, такому виду работы можно уделять внимание на каждом уроке, постепенно формируя необходимые навыки [23-29]. И несмотря на бытующее мнение, что заполнение истории болезни, особенно в ходе живого диалога с пациентом, является весьма сложным видом деятельности, в результате целенаправленной систематической работы можно получить желаемый результат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ковынева И.А. Интеграционные процессы в педагогике и лингвистике / И.А. Ковынева, О.И. Охотников, Н.Э. Петрова // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7 № 5 часть 2. URL: <http://www.ist-edu.ru/index.php/hist/article/view/1715> 2015. С. 229-233.
2. Ковынёва И.А., Петрова Н.Э. Междисциплинарная интеграция русского языка и профильных дисциплин в медицинском вузе при обучении иностранных студентов языку специальности (из опыта преподавания). Современные проблемы науки и образования. 2015. №1; URL: <http://www.science-education.ru/121-18541>
3. Знаменская С.В. Формирование профессиональной коммуникации у будущих врачей на основе междисциплинарной интеграции // Современные траектории образовательного процесса в медицинском вузе: Материалы I Международной научно-практической конференции / С.В. Знаменская, Ф.Т. Малыхин, И.А. Знаменская. 2016. С. 66-70.
4. Петрова Н.Э. Интеграционные процессы в медицинском вузе при обучении иностранных студентов // Проблемы интеграции образовательных систем России и Беларуси в гуманитарном хронотопе постсоветского пространства сборник научных статей. / Ответственный редактор Е.И. Боев; Юго-Западный государственный университет. 2015. С.120-126.
5. Девдариани Н.В. Междисциплинарные связи и новые технологии в практике преподавания русского языка как иностранного в медицинском вузе // Региональный вестник. 2019. № 7 (22). С. 23-24.
6. Государственный стандарт по русскому языку. Второй уровень владения иностранным языком в учебно-профессиональной сфере. Для учащихся естественно-научного, медико-биологического и инженерно-технического профилей. – М., РУДН, 2003.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) «Лечебное дело» (квалификация (степень) специалист). – М., 2016.
8. Государственный образовательный стандарт по русскому как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Г.А. Битехтина, А.С. Иванова. СПб, 1999.
9. Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Г.А. Битехтина, Т.Е. Владимировна. СПб., 2002.
10. Шукун А.Н. Социокультурная компетенция в системе преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 2019. № 1 (272). С. 72-75.
11. Дьякова В.Н. Подготовка к клинической практике. Пособие по развитию речи для иностранных студентов-медиков. 2-е изд., испр. и доп. СПб, 2002.
12. Петрова Н.Э. Методические подходы к решению проблемы формирования профессиональной компетенции иностранных студентов в медицинском вузе // Вестник университета дружбы народов. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 1. С. 29-36.
13. Скляр Е.С. К вопросу о профессионально-ориентированных по-

собиях по русскому языку для иностранных учащихся // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 39-41

14. Мельникова Т.Н. О профессионально-ориентированном обучении русскому языку как иностранному в медицинских вузах России и Беларуси // Актуальные проблемы довузовской подготовки: материалы III международной науч.-метод. конф. / Т.Н. Мельникова, Е.И. Гринкевич, И.А. Ковынева, Н.Э. Петрова / Под ред. А.Р. Аветисова. Минск: БГМУ, 2019. С. 178-182.

15. Рубцова Е.В. Профессионально-ориентированные ситуационные задачи как часть рабочей программы в высшем профессиональном образовании // Региональный вестник. 2019. № 11 (26). С. 16-17

16. Девдариани Н.В. Профессионально-ориентированные учебные пособия, формирующие речевую компетентность при изучении дисциплины «Языковая подготовка к клинической практике» // Региональный вестник. 2019. № 10 (26). С. 15-16.

17. Петрова Н.Э. Работа с аудиовизуальными средствами на практических занятиях с иностранными студентами в системе русского языка как иностранного // Азимут научных исследований. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 203-206.

18. Ковынева И.А. Аудиовизуальные средства в процессе языковой подготовки иностранных студентов-медиков // Беларусь - Индия - Россия: сотрудничество в области преподавания русского языка как иностранного: Материалы интернет-конференции / И.А. Ковынева, Н.Э. Петрова, Т.Н. Мельникова. Минск, 2019. С. 87-93.

19. Петрова Н.Э. Работа с аудиоматериалами на практических занятиях по русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. – 2019. – Т. 8. № 3 (28). – С. 46-49.

20. Садыкова Р.Х. Организация учебного аудирования на начальном этапе обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 245-248.

21. Самчик Н.Н. Языковая и речевая подготовка к клинической практике иностранных студентов в процессе обучения русскому языку // Региональный вестник. 2019. № 10 (26). С. 16-18.

22. Балабас Н.Н. Ключевые аспекты обучения аудированию иноязычной речи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 36-39.

23. Мельникова Т.Н. Особенности профессионально-ориентированного обучения русскому языку как иностранному в медицинских вузах России и Беларуси // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. III Международной симпозиум. В 2-х т. / Т.Н. Мельникова, Е.И. Гринкевич, И.А. Ковынева, Н.Э. Петрова / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь, 2019. С. 121-128.

24. Петрова Н.Э. К вопросу о формировании профессиональных компетенций у иностранных студентов-медиков (на материале по фармакологии) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 161-164.

25. Петрова Н.Э. Обучение иностранных студентов-медиков деонтологическим основам будущей профессии // Карельский научный журнал. – 2019. – Т. 8. № 3 (28). – С. 50-53.

26. Раджабов Б.Ф., Комильён Ф.С. Анализ эффективности компьютерного моделирования при подготовке студентов-медиков в системе дистанционного обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 238-242.

27. Ковынева И.А. Дистанционный метод в преподавании русского языка как иностранного // Подготовка медицинских кадров и цифровая образовательная среда материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 84-й годовщине КГМУ. / И.А. Ковынева, Н.В. Девдариани, Н.Э. Петрова / Под редакцией В.А. Лазаренко, П.В. Калущко, Н.Б. Дрёмовой, А.И. Овод, Н.С. Степанова. 2019. С. 288-291

28. Снегирева Л.В. Развитие абстрактного мышления студентов-медиков в процессе электронного обучения математике // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 143-146.

29. Дмитриева Д.Д. Концепция учебно-практического пособия для подготовки иностранных студентов-медиков к профессиональной коммуникации на русском языке // Региональный вестник. 2019. № 12 (26). С. 36-37

Статья поступила в редакцию 06.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378:811.161.1*37+811.581
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0021

РАБОТА С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© 2020
AuthorID: 780102
SPIN: 6350-4476

Петрова Наталья Эдуардовна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка и культуры речи
Курский государственный медицинский университет
(305 041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: na_tali68@mail.ru)

Аннотация. В статье даётся методическое описание урока по дисциплине русский язык как иностранный для иностранных студентов подготовительного факультета или первого курса. Занятие посвящено изучению жизни и творчества Михаила Васильевича Ломоносова – учёного, писателя, лингвиста. Поскольку занятие носит универсальный характер и направлено на формирование и развитие социокультурной компетенции и фоновых знаний, то данная методическая разработка может быть использована при обучении иностранцев, обучающихся в вузах Российской Федерации на различных факультетах: филологических, инженерно-технических, медицинских, экономических, педагогических. В методическом описании даются комментарии по оптимальной организации урока, которые можно учитывать, а можно на этом же материале выстроить свои стратегии и тактики. Кроме того, преподаватель на своё усмотрение может подобрать или составить текст биографического характера, отобрать материал для лекции, добавить поэтические произведения писателя для прочтения. Кроме работы с лингвокультурологическим материалом, усвоение которого обеспечивает базу для формирования фоновых знаний, на уроке уделяется внимание как развитию всех видов речевой деятельности, лексико-грамматических навыков, так и расширению активного и пассивного словаря студентов.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, культурологическая база, фоновые знания, методическое описание, мини-лекция преподавателя, диалог-беседа, монолог-повествование, выразительное чтение.

WORK WITH LINGUOCULTURAL MATERIAL AT PRACTICAL LESSONS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

© 2020

Petrova Natalia Eduardovna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor
of the department of «Russian Language and Speech Culture»
Kursk State Medical University

305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street 3, e-mail: na_tali68@mail.ru

Abstract. The article provides a methodological description of the lesson in the discipline of Russian as a foreign language for foreign students of the preparatory faculty or first year. The lesson is devoted to the study of the life and work of Mikhail Vasilievich Lomonosov - a scientist, writer, linguist. Since the lesson is universal in nature and is aimed at the formation and development of sociocultural competence and background knowledge, this methodological development can be used to train foreigners studying in universities of the Russian Federation at various faculties: philological, engineering, medical, economic, pedagogical. The methodological description provides comments on the optimal organization of the lesson, which can be taken into account, or you can build your strategies and tactics on the same material. In addition, the teacher, at his discretion, can select or compose a biographical text, select material for a lecture, add poetry for reading. In addition to working with linguistic and cultural material, the assimilation of which provides the basis for the formation of background knowledge, the lesson pays attention to the development of all types of speech activity, lexical and grammatical skills, and the expansion of the active and passive vocabulary of students.

Keywords: sociocultural competence, cultural base, background knowledge, methodological description, mini-lecture of the teacher, dialogue conversation, monologue-narration, expressive reading.

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокультурологическая информация является тем материалом, который может быть использован при формировании как социокультурной компетенции [1-4], так и фоновых знаний. На вопрос, что следует понимать под термином «фоновые знания», отвечают следующим образом: это «актуальные в массовом общественном сознании носителей данной культуры, принципиально отличные от научных знаний, составляющих курсы фундаментальных наук» [5, с. 230]. Кроме того, «для того, чтобы состоялась коммуникация с носителями языка, иностранец должен не только знать язык, но и владеть фоновыми знаниями» [6, с. 29]. В зависимости от специфики образования фоновые знания могут носить как углублённый, так и поверхностный характер [7-9]. Однако можно составить целый перечень тем, знание которых обеспечит культурологическую базу иностранного студента [10, с. 489]. В их число по праву входят темы, посвящённые великим русским учёным, писателям, композиторам. Если же говорить об учёных, то первым в этом списке будет стоять Михаил Васильевич Ломоносов. Следует отметить, что, к сожалению, крайне мало материала об этом великом человеке предлагается для изучения иностранным студентам, чем и обусловлена актуальность данной работы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель нижеследующего исследования заключается в создании методической разработки урока по русскому языку как иностранному (РКИ) по теме «Ломоносов – учёный, поэт, филолог». Для реализации цели необходимо выполнить следующие задачи: подобрать интересный тематический материал биографического характера и литературные образцы поэтического творчества М.В. Ломоносова, разработать дидактический материал системы вопросов для обсуждения, подготовить учебно-тренировочные задания.

Для осуществления цели и решения задач были использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, обобщение и систематизация.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Материал по данной теме считаем обязательным для изучения, поэтому следует ещё раз отметить, что урок, об этом универсальном учёном будет интересен студентам различных специальностей: как будущим филологам, тек и инженерам, и врачам [11-19]. Поскольку урок может быть ориентирован на иностранных студентов различных специальностей, то есть смысл познакомить их не только с биографией, но и с литературными произведениями, написанными Ломоносовым-поэтом. Соответственно, и тема урока может быть сформулирована с учётом его научных и литературных интересов. В качестве образцов поэзии можно предложить отрыв-

ки из следующих произведений: «Ода на день восшествия на престол...», «Случилось вместе два астронома в пиру...». В соответствии с планируемым для использования материалом предполагается реализация следующих целей:

- Формирование и развитие артикуляционных навыков
- Развитие навыков аудирования лекционного материала
- Формирование лингвокультурологических представлений
- Развитие навыков письменной речи
- Расширение активного и пассивного словаря студентов
- Развитие навыков анализа лексического материала
- Развитие навыков изучающего чтения
- Развитие навыков письменной речи.
- Развитие навыков диалогической речи
- Совершенствование техники выразительного чтения
- Развитие лексико-грамматических навыков
- Развитие навыков монологической речи продуктивного характера
- Развитие навыков выразительного чтения

Последовательность проведения занятия соответствует классической структуре и предполагает развитие всех видов речевой деятельности.

I. Работа над фонетико-интенциональным оформлением речи: техника речи (артикуляционная гимнастика). Такие упражнения способствуют формированию и развитию акустико-артикуляционных навыков [20-23].

1.1. Статические упражнения для языка. Упражнение для губ. Повторение разученного.

1.2. Работа над речевым дыханием.

1.3. Работа над скороговорками.

II. Предтекстовая работа может быть посвящена знакомству с биографией учёного. В качестве наглядного материала обязательно нужно использовать портрет М. В. Ломоносова.

2.1. Диалог-беседа о М.В. Ломоносове с целью определения информированности аудитории. Примерные вопросы, данные ниже, могут носить ориентировочный характер. Направление беседы может иметь различный характер и будет зависеть от степени информированности студентов.

- Знакомо ли вам имя – Михаил Васильевич Ломоносов?

- Что вы знаете о нём?

- Из каких источников получена информация?

2.2. Мини-лекция преподавателя о жизни и творчестве М.В. Ломоносова с параллельной фиксацией студентами фактического материала (тезисы).

План лекции

1. Семья

2. Детство и юность

3. Образование

4. Научный труд

5. Ученый, лингвист, философ

III. Притекстовая работа включает лексико-грамматические задания [22].

3.1. Актуализация знакомой лексики посредством словообразовательного анализа (работа в рамках семантического гнезда):

питать – питание – пища;

отрада – радость – радоваться;

речень – речь – изречь;

утеха – утешить – утешение;

странства – странствия – страны;

путешествия – путь – шествовать – шедший.

3.2. Введение новой лексики, объяснение значения слов и словосочетаний: *недра, напутствие, ободрить*. Например: дерзание, -я, ср. (высок.). Смелое стремление к чему-н. благородному, высокому, новому. *Юношеские*

дерзания.

3.3. Повторение грамматической темы «Склонение прилагательных. Падежные формы прилагательных. Согласованные определения». Раскройте скобки и поставьте прилагательные в нужный падеж.

1. М.В. Ломоносов – замечательн... русск... учёный.
2. А. С. Пушкин назвал его «перв... русск... университетом».
3. Он рос сильн... и здоров... мальчиком.
4. В Москве он поступил в Славяно-греко-латинск... академию.
5. Он стал студентом Петербургск... университета.
6. За границей он занимался горн... делом, металлургией, геологией, физикой, химией, филологией.
7. Учёный приехал в Россию с (огромн...) желанием быть полезным родине.
8. Ломоносов сделал ряд важн... научн... открытий.
9. Ломоносов был создателем перв... в России химическ... лаборатории, автором перв... научн... русск... грамматики.
10. Поэтическ... творчество Ломоносова было крупнейш... явлением в русской литературе XVIII века.

3.4. Повторение темы «Степени сравнения прилагательных» очень удобно осуществлять на материале грамматической таблицы. Затем необходимо выполнить тренировочные упражнения на закрепление материала. Для этого можно использовать прилагательные из предыдущего задания.

Например: *замечательный, более замечательный, замечательнейший, самый замечательный*

IV. Работа с текстом. Тестовый материал может быть выбран на усмотрение преподавателя. Главным условием лишь является наличие в нём основных хронологических этапов в жизни учёного, краткая информация о его научных и поэтических трудах.

4.1. Изучающее чтение текста «Михаил Васильевич Ломоносов».

4.2. Составление назывного сложного плана к тексту «Михаил Васильевич Ломоносов».

4.3. Диалог-беседа о жизнедеятельности Ломоносова.

- Откуда родом М.В. Ломоносов?

- Каково его происхождение?

- Как он попадает в Москву?

- Какое образование, как и где получает Ломоносов?

- Какими науками занимается учёный?

- Какие заслуги у Ломоносова в области лингвистики?

- Какие литературные произведения созданы Ломоносовым?

4.4. Знакомство с поэтическим наследием М.В. Ломоносова:

1) Краткий вступительный комментарий преподавателя к поэтическим текстам;

2) Выразительное чтение преподавателем отрывков из «Оды на день восшествия на престол...», «Случилось вместе два астронома в пиру...».

3) Диалог-беседа по содержанию поэтических текстов:

О чём «Ода...»? Какое впечатление произвела на вас «Ода...»? Какие чувства вызвала? Какова основная мысль автора в стихотворении. «Случилось вместе два астронома в пиру»? К чему призывает автор? Чему он поет гимн? Что прославляет? Как он аргументирует свою точку зрения? Какими словами выражает свои чувства?

4) Выразительное чтение поэтических текстов М.В. Ломоносова.

V. Послетекстовая работа – лексико-грамматический тренинг:

5.1. Выбор правильного окончания:

счастливая жизнь – в счастлив... жизни, несчастный случай – несчастн... случае, городской шум – в городск.. шуме;

5.2. Определение на примере названных словосочетаний согласования и управления как видов связи, подбор словосочетаний, дающих образец несогласованных определений: *счастливая жизнь – жизнь в счастье; не-*

счастливый случай – случай в несчастье и т.п.

5.3. Образование степеней сравнения прилагательных на материале приведенных выше.

5.4. Нахождение в поэтическом тексте изученных грамматических конструкций.

5.5. Монолог-повествование с элементами рассуждения на тему «Поэтическое наследие М.В. Ломоносова» с опорой на составленный назывной сложный план к тексту и ЛГМ.

VI. Самостоятельная работа студентов даёт возможность учащимся систематизировать и обобщить всю информацию, изученную на уроке [23-29].

1. Выразительное чтение «Ода на день восшествия на престол...», «Случилось вместе два астронома в пиру».

2. Монолог-повествование «Ломоносов о русском языке» (письменный).

У студентов одновременно формируют языковую, коммуникативную и социокультурную компетенции.

ВЫВОДЫ

Таким образом, урок, посвящённый изучению жизни, научных достижений, филологических реформ, поэтических творений М.В. Ломоносова, может быть выстроен по предложенной схеме и на основе предложенного материала. Данное методическое описание предназначено преподавателю РКИ, который творчески подходит к формированию не только языковой, но и социокультурной компетенции, вкладывая в каждый урок элемент своего видения, своего понимания целей и задач обучения иностранцев русскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шуклин А.Н. Социокультурная компетенция в системе преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 2019. № 1 (272). С. 72-75.
2. Верещин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
3. Верещин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: сингулярные речеповеденческие тактики. М., 2000.
4. Петрова Н.Э. Формирование социокультурной компетенции на практических занятиях в системе русского языка как иностранного // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 49-52.
5. Одинова Ю.В., Рипачева Е.А. Фоновые знания как компонент содержания лингвострановедческого аспекта обучения // Известия ПГУПС – 2013. № 2. С. 228-232.
6. Петрова Н.Э. Формирование профессиональных фоновых знаний на занятиях по русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2019. № 13 (28). С. 29-30.
7. Березуцкий В.И. Межпредметные связи как основа обучения иностранных студентов в русскоязычной образовательной среде // Вестник Тульского государственного университета. Серия Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2017. № 1 (16). С. 37-41.
8. Петрова Н.Э. К вопросу о формировании фоновых знаний на уроках русского языка как иностранного // Региональный вестник. 2019. № 11 (26). С. 20-22.
9. Петрова Н.Э. Фоновые знания в контексте социокультурной компетенции иностранных студентов // Региональный вестник. 2019. № 19 (34). С. 40-41.
10. Мельникова Т.Н., Гринкевич Е.И. Научно-популярные тексты Государственного дарвиновского музея (г. Москва) как ресурс обучения РКИ // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: Сборник материалов IV Международной научно-методической онлайн-конференции. 2019. С. 489-495.
11. Исаева Л.Б., Сабитова Р.Р. Педагогические условия формирования универсальных компетенций у иностранных студентов российского вуза // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2018. Т. 10. № 1 (37). С. 97-104.
12. Самчик Н.Н. Практическая модель развития грамматических навыков при обучении русскому языку как иностранному в рамках коммуникативного подхода // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 62-64.
13. Коренева А.В. Профессионально ориентированное обучение курсу «русский язык и культура речи» как условие повышения качества речевой подготовки специалистов // Самарский научный вестник. 2015. № 1 (10). С. 86-90.
14. Чиркова В.М. Обучение коммуникативным навыкам студентов-медиков // Региональный вестник. 2019. № 4 (19). С. 32-33.
15. Дмитриева Д.Д. Активизация самостоятельной работы иностранных студентов как фактор интенсификации процесса обучения русскому языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 105-107.
16. Дмитриева Д.Д. Роль наглядных и технических средств в процессе интенсификации обучения русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8.

№ 2 (27). С. 74-76.

17. Скляр Е.С. К вопросу об обучении языку специальности иностранных студентов-медиков // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: Сборник материалов III Международной научно-методической онлайн-конференции. 2018. С. 531-539.

18. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 244-246.

19. Девдариани Н.В. Инновационные подходы к обучению иностранным языкам и русскому как иностранному // Беларусь - Индия - Россия: сотрудничество в области преподавания русского языка как иностранного: Материалы интернет-конференции. Минск, 2019. С. 58-61.

20. Петрова Н.Э. О роли фонетических знаний в обучении грамматике русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 224-226.

21. Петрова Н.Э. Шумова И.В. Система упражнений для довузовского обучения иностранных учащихся фонетической компетенции // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития: Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Минск, 2017. С. 267-269.

22. Рубцова Е.В., Девдариани Н.В. Методы работы над лексикой в практике преподавания русского языка как иностранного (из опыта работы) // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 59-61.

23. Хлыбова М.А. Индивидуализация самостоятельной работы аспирантов по иностранному языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 296-298.

24. Магомедова А.Н., Бойкова И.В. Самостоятельная работа студентов в процессе преподавания английского языка в вузе // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 38-41.

25. Артамонова Г.В. Аутентичные видеоматериалы как средство повышения мотивации студентов к самостоятельной работе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 51-54.

26. Стрекалова Н.Б. Средства управления качеством самостоятельной работы студентов // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 228-232.

27. Выстропова О.С. Организация самостоятельной работы студентов по иностранному языку в форме презентации ролевого диалога в медицинском вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 27-29.

28. Артамонова Г.В. Роль мотивации в процессе самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3 (12). С. 7-9.

29. Дмитриева Д.Д. Модель организации самостоятельной работы студентов в процессе обучения русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 25-27.

Статья поступила в редакцию 03.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 372.881.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0022

СУБЪЕКТНОСТЬ ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛУЧШИХ ПРАКТИК РЕАЛИЗАЦИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

© 2020

SPIN-код: 5411-2393

AuthorID: 408619

Пилогина Светлана Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и методика обучения и воспитания»*Саратовский областной институт развития образования**(410001, Россия, Саратов, улица Большая Горная, 1, e-mail: Svpilugina@rambler.ru)*

Аннотация. В статье рассматривается субъектность педагога как сложное образование, развивающееся в процессе разработки и реализации разноуровневой дополнительной общеобразовательной программы. Предлагается описание исследования лучших практик реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ Саратовской области: методика исследования лучших практик, критерии оценки, результаты исследования. Показано изучение предметных, метапредметных, личностных результатов учащихся в контексте реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ: предметные результаты оценивались специфическими предметными тестами, опросниками, предложенными в программах педагогами дополнительного образования; метапредметные результаты оценивались на основе методики «Диагностика личностной креативности» Е.Е. Туник (выявляющей познавательную деятельность личности), методики «Способность к самоуправлению» (тест ССУ) Н.М. Пейсахова, методики В.Ф. Ряховского «Оценка уровня общительности»; личностные результаты диагностировались на основе методики Д.В. Григорьева, И.В. Кулешова, П.В. Степанова «Личностный рост»; реализация индивидуального образовательного маршрута определялась его наличием и возможностью участия ребенка и родителей в его разработке; достижения учащихся определялись победами (и их количеством) в олимпиадах, конкурсах, фестивалях разных уровней (учрежденческого, муниципального, регионального, федерального, международного).

Ключевые слова: субъектность педагога, развитие субъектности педагога, национальный проект «Образование», разноуровневая дополнительная общеобразовательная программа, лучшие практики реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ, методы исследования лучших практик реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ, предметные, метапредметные, личностные результаты учащихся в контексте реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ.

SUBJECT OF A TEACHER IN THE CONTEXT OF RESEARCH OF THE BEST PRACTICES OF IMPLEMENTATION OF DIFFERENT ADDITIONAL GENERAL EDUC

© 2020

Pilyugina Svetlana Anatolyevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of "Theory and Methods of Training and Education"*Saratov Regional Institute for the Development of Education**(410001, Russia, Saratov, Bolshaya Gornaya street, 1, e-mail: Svpilugina@rambler.ru)*

Abstract. The article considers the subjectivity of a teacher as a complex education that develops in the process of developing and implementing a multi-level additional general educational program. A description of the study of the best practices for the implementation of multilevel additional general education programs in the Saratov region is proposed: the methodology for studying the best practices, assessment criteria, and research results. The study of the subject, meta-subject, personal results of students in the context of the implementation of multilevel additional general educational programs is shown: the subject results were evaluated by specific subject tests, questionnaires proposed in the programs by teachers of additional education; meta-subject results were evaluated on the basis of the methodology "Diagnostics of personal creativity" E.E. Tunic (revealing the cognitive activity of the personality), methodology "Ability to self-management" (SSU test) N.M. Peysakhova, methods of V.F. Ryakhovsky "Assessment of the level of sociability"; personal results were diagnosed on the basis of D.V. Grigoryeva I.V. Kuleshov, P.V. Stepanova "Personal growth"; 1 educational route was determined by its presence and the possibility of the participation of the child and parents in its development; students' achievements were determined by victories (and their number) in olympiads, contests, festivals at various levels (institutional, municipal, regional, federal, international).

Keywords: teacher's subjectivity, teacher's subjectivity development, the national project "Education", a multi-level additional general educational program, best practices for implementing multi-level additional general educational programs, research methods for the best practices for implementing multi-level additional general educational programs, subject, meta-subject, personal results of students in the context of the implementation of multi-level additional general education programs.

Введение.

Формирование субъектности педагога тесно связано с повышением его профессионального мастерства. В целом проблематику формирования субъектности учителя определяют универсальный закон развития и саморазвития личности, обусловленность формирования субъектности различными условиями: обучением в системе повышения квалификации работников образования, самообразованием педагога. Так, реализация учителями (выступающими в качестве педагогов дополнительного образования в школе), педагогами дополнительного образования положений национального проекта «Успех каждого ребенка», потребовала их обучения на курсах повышения квалификации по проблемам дополнительного образования детей (на базе ГАУ ДПО «Саратовский

областной институт развития образования»), потребовала самообразования учителей по вопросам разработки и реализации программ дополнительного образования детей, по вопросам анализа своего опыта, выявления лучших практик реализации дополнительных общеобразовательных программ детей (в том числе, и разноуровневых). Все это способствовало изменению субъектности учителя, педагога дополнительного образования. Далее мы представим описание опыта учителей (лучших практик реализации разноуровневых дополнительных детских программ), изменения их субъектности в процессе реализации таких программ. На сегодняшний день накопленный опыт реализации разноуровневых программ в Саратовской области позволяет описать лучшие практики их осуществления. Лучшая практика как

категория трактуется в различных контекстах. Лучшая практика представляет собой формализацию уникального успешного практического опыта. Согласно идее лучшей практики, в любой деятельности существует оптимальный способ достижения цели, и этот способ, оказавшийся эффективным в одном месте, может оказаться столь же эффективным и в другом. Впервые идею лучших практик сформулировал в 1914 году Фредерик Тейлор: «Среди всего многообразия методов и инструментов, используемых в каждый момент каждого процесса, всегда есть один метод и инструмент, который работает эффективнее и лучше остальных» [1; с.13]. Лучшие практики – это нечто, что запомнилось выдающимися результатами в какой-либо ситуации, и может быть адаптировано к ситуации актуальной; при этом они имеют контекстуальный характер. Цель систем лучших практик сводится к тому, чтобы (создать условия и механизмы) обеспечить возможность обнаруживать и использовать уже имеющийся у организации успешный опыт, вместо того, чтобы раз от раза заново изобретать велосипед. Цель системы лучших практик – обеспечение возможности обнаружения и использования того, что уже существует [2; с. 25].

В «Инструментарии работника Системы дополнительного образования детей» под лучшей практикой понимается то, «...насколько ее реализация гарантирует достижение описанного в ней образовательного результата и то, насколько описанный образовательный результат является востребованным и актуальным в современной ситуации региона» [3; с.520]. В нашем исследовании мы будем придерживаться последней трактовки, позволяющей определить лучшие практики реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ как отражение эффективных путей осуществления цели и задач национального проекта «Успех каждого ребенка».

Методология.

Для реализации исследования мы использовали наиболее общие шаги исследования и распространения лучших практик: поиск лучших практик, их изучение и описание.

Объект исследования: лучшие практики реализации разноуровневых программ. Инструменты исследования: исследование лучших практик в местах их формирования; описание лучших практик.

Исследование лучших практик реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ требует раскрытия сущности такого вида программ.

В соответствии с федеральным проектом «Успех каждого ребенка» (утвержденном на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому планированию и национальным проектам 3 сентября 2018 года) и Распоряжением Правительства Саратовской области «О внедрении целевой модели развития региональной системы дополнительного образования детей на территории Саратовской области» от 29 октября 2018 года № 288-Пр в центре внимания оказалось персонифицированное дополнительное образование детей, учитывающее индивидуальные образовательные потребности и запросы каждого ребенка от 5 до 18 лет в системе дополнительного образования. Одним из средств персонификации является разноуровневая дополнительная общеобразовательная программа – документ, в котором отражаются основные (приоритетные) концептуальные, содержательные и методические подходы к образовательной деятельности и её результативности, определяющие своеобразную «стратегию» образовательного процесса на весь период обучения.

Разноуровневые дополнительные общеобразовательные программы реализуются в пространстве, не ограниченном образовательными стандартами: в дополнительном образовании федеральные государственные образовательные стандарты не предусматриваются (ФЗ

№273 ст.2, п.14). При реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ основными нормативными документами являются следующие: Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Национальный проект «Образование» (Утвержден на заседании президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому планированию и национальным проектам от 03.09.2018 года), Приказ Министерства просвещения РФ от 9 ноября 2018 г. № 196 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам», Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.4.4.3172-14 (Зарегистрировано в Минюсте России 20 августа 2014 г. № 33660), Письмо Министерства образования и науки РФ от 18.11.2015 г. «О направлении Методических рекомендаций по проектированию дополнительных общеразвивающих программ (включая разноуровневые)», Приложение к письму Департамента молодежной политики, воспитания и социальной поддержки детей Минобрнауки России от 11.12.2006 г. № 06-1844 «О примерных требованиях к программам дополнительного образования детей», Распоряжение Правительства Саратовской области «О внедрении целевой модели развития региональной системы дополнительного образования детей на территории Саратовской области» от 29 октября 2018 года № 288-Пр.

Разноуровневость при реализации программ осуществляет право каждого ребенка на овладение компетенциями, знаниями и умениями в индивидуальном темпе, объеме и сложности. Разноуровневые программы предоставляют всем детям возможность занятий независимо от их способностей и уровня общего развития. Для обеспечения реализации данного основания необходимо при реализации программ следовать принципу учета различных ступеней развития учащихся, учета разной степени освоения детьми содержания программы. Такие программы предполагают реализацию параллельных процессов освоения содержания программы на его разных уровнях углубленности, доступности и степени сложности, исходя из диагностики и комплекса стартовых возможностей каждого из участников программы.

Разноуровневые дополнительные общеобразовательные программы не ориентируются на подготовку деятелей культуры и мастеров спорта, в отличие от предпрофессиональных программ, и направлены на общее развитие личности в соответствии с возрастными нормами и индивидуальными особенностями учащихся.

Разноуровневые дополнительные общеобразовательные программы для детей должны учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей (ст.75, п.1), но при этом к освоению образовательного содержания допускаются любые лица без предъявления требований к уровню образования, если иное не обусловлено спецификой реализуемой образовательной программы (ФЗ №273 ст.75, п.3); в работе объединений при наличии условий (СанПиН 2.4.4.3172-14) и согласия руководителя объединения могут участвовать совместно с несовершеннолетними учащимися их родители (законные представители) без включения в основной состав (Приказ №1 - п.15).

Таким образом, разноуровневая дополнительная общеобразовательная программа - сложно структурированный документ, отражающий вышеуказанные требования.

Методика проведения исследования. В проводимом исследовании в июне-июле 2019 года группой педагогов дополнительного образования под руководством сотрудников РМЦ разрабатывались разноуровневые дополнительные общеобразовательные программы, а затем в октябре 2019 года изучались наиболее успешные практики учреждений, реализующих разноуровневые дополнительные общеобразовательные программы. В

рамках основных шагов поиска, изучения и описания практик наше исследование проводилось по следующим этапам: 1 этап – подготовительный, на котором определялись объем выборки, выработка критериев и показателей оценки лучших практик, отбор методов диагностики; 2 этап – сбор диагностических данных; 3 этап – анализ полученных данных на основе количественной и качественной обработки, 4 этап – формулировка выводов и заключения, представление описания лучших практик. На первом этапе при определении выборки исследования был использован метод опроса, позволяющий констатировать наличие в образовательной организации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ. В исследовании приняли участие учреждения дополнительного образования детей, образовательные учреждения, подведомственные Министерству культуры Саратовской области, учреждения, подведомственные Министерству молодежной политики и спорта Саратовской области, реализующие разноуровневые дополнительные общеобразовательные программы. Опросом были выявлены 228 разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ, которые позднее были подвергнуты экспертизе. В процессе экспертизы было определено 20 программ, наиболее полно соответствующих современным требованиям, указанным в п.51 Правил ПФДО (Приказ «Об утверждении Правил персонализированного финансирования дополнительного образования в Саратовской области» от 21.05.2019г. №1077). Таким образом, в выборку исследования были включены 20 программ.

При определении критериев и показателей оценки лучших практик был использован метод соотнесения изучаемого объекта (лучших практик) с позициями оценки, указанными в экспертном листе. Результатом стали следующие критерии:

1. Высокие результаты реализации программы (предметные, метапредметные, личностные).

2. Реализация в программе индивидуального образовательного маршрута ребенка.

3. Достижения учащихся (участие и победы учащихся в конкурсах, олимпиадах, выставках, фестивалях разных уровней).

Предметные результаты оценивались специфическими предметными тестами, опросниками, предложенными в программах педагогами дополнительного образования. Для приведения получаемых данных к единой системе измерений использовалась общая шкала оценки.

Метапредметные результаты оценивались при помощи следующих диагностических методики: познавательные результаты на основе методики «Диагностика личностной креативности» Е.Е. Туник (выявляющей познавательную деятельность личности); регулятивные результаты на основе методики «Способность к самоуправлению» (тест ССУ) Н.М. Пейсахова, коммуникативные - на основе методики В.Ф. Ряховского «Оценка уровня общительности».

Личностные результаты диагностировались на основе методики Д.В. Григорьева, И.В. Кулешова, П.В. Степанова «Личностный рост».

Реализация индивидуального образовательного маршрута определялась его наличием и возможностью участия ребенка и родителей в его разработке.

Достижения учащихся определялись победами (и их количеством) в олимпиадах, конкурсах, фестивалях разных уровней (учрежденческого, муниципального, регионального, федерального, международного).

Результаты исследования. Исходя из *первого критерия* - высокие результаты реализации программ (предметные, метапредметные, личностные), сбор диагностических данных нами был начат с изучения предметных результатов, сформированных в течение августа – октября 2019 года. Предметные результаты оценивались в целом по программе (суммарное значение по всем уровням – стартовому, базовому, продвинутому). Качество

предметных результатов мы связывали с уровнем обученности. Предметные результаты в качестве системы усвоенных знаний, умений, компетенций оценивались следующим образом. Для приведения получаемых данных к единой системе измерений нами использовалась шкала оценивания: низкий уровень обученности (50% от объема знаний, умений, компетенций изучаемого модуля дополнительной общеобразовательной программы): 0-4 балла; средний уровень обученности (65% от объема знаний, умений, компетенций изучаемого модуля дополнительной общеобразовательной программы): 5-8 баллов; высокий уровень обученности (75% и выше от объема знаний, умений, компетенций изучаемого модуля дополнительной общеобразовательной программы): 9-12 баллов).

Все программы (для удобства) были пронумерованы кодами: от 1 до 20. Анализ оценок дал возможность определить, что предметные результаты диагностики (конец октября 2019 года) представлены следующим образом. В 10 программах (№№ кодов 1,2,4,5,6,11,15,17,19,20) высокий уровень знаний и умений показали 28 % учащихся, средний – 43%, низкий – 29 %; в 6 программах (№№ кодов 8,9,10,13,14,16) высокий уровень выявлен у 30 % учащихся, средний – у 43 %, низкий – у 25 % учащихся; в 4 программах (№№ кодов 3,7,12,18) высокий уровень показали 32 % учащихся, средний уровень – 51 %, низкий уровень – 17 % учащихся. Таким образом, лучшие предметные результаты выявлены в программах с номерами кодов 3,7,12,18.

Далее нами исследовались метапредметные результаты, полученные в процессе обучения по разноуровневым дополнительным общеобразовательным программам (август – октябрь 2019 года). Метапредметные результаты оценивались в целом по программе (суммарное значение по всем уровням – стартовому, базовому, продвинутому). Все программы (для удобства) также были пронумерованы кодами: от 1 до 20. Изучение познавательных результатов (как компоненты метапредметных результатов) проводилось на основании методики Е.Е. Туник «Диагностика личной креативности», позволяющая определить четыре особенности познавательной деятельности: любознательность (познавательная активность), воображение (познавательная креативность), склонность к изучению сложных объектов (аналитическая и синтетическая деятельность), склонность к риску (выработка новых алгоритмов действий, решений). Результаты представлены средними значениями по каждой программе.

Фактор «любознательность» характеризует познавательную активность детей, которые задают вопросы, с удовольствием изучают устройство различных объектов, ищут новые способы мышления, любят изучать новые идеи, ищут разные возможности решения задач и пр.

Фактор «сложность» характеризует склонность детей решать сложные задачи; такие дети ориентированы на познание сложных явлений, проявляют интерес к сложным вещам и идеям, к аналитической деятельности; любят изучать что-то без посторонней помощи; проявляют настойчивость, чтобы достичь своей цели; предлагают слишком сложные пути решения проблемы, чем это необходимо. Фактор «воображение» характеризует воображение детей, ориентированных на необычное видение изображенного на картинах и рисунках, на придумывание рассказов о местах, которых они не видели, думающих о явлениях, с которыми не сталкивались и т.п.

Фактор «склонность к риску» проявляется в том, что ребенок формулирует и отстаивает свои идеи, не обращая внимания на реакцию других; ставит перед собой сложные цели и пытается их осуществить; допускает для себя возможность ошибок и провалов; любит изучать новое и не поддается влиянию чужого мнения; не слишком озабочен неодобрением окружающих; предпочитает иметь шанс рискнуть, чтобы узнать, что из него

получится.

Результаты исследования строились на суммарной оценке по всем факторам. Из общей выборки реализуемых программ (в процессе диагностики – конец октября 2019 года) в 9 программах (№№ кодов 8,9,10,13,14,16,17,19,20) отмечены: высокий уровень личной креативности у 24 %, средний уровень личной креативности у 49 % учащихся, низкий уровень личной креативности у 27% учащихся; в 7 программах (№№ кодов 1,2,4,5,6,11,15) высокий уровень личной креативности у 25% учащихся, средний уровень личной креативности у 51% учащихся, низкий уровень личной креативности у 24% учащихся; в 4 программах (№№ кодов 3,7,12,18) высокий уровень личной креативности у 27 % учащихся, средний уровень личной креативности у 52% учащихся, низкий уровень личной креативности 21 % учащихся.

По значениям диаграммы можно сделать вывод, что наиболее высокие результаты по всем показателям демонстрируют программы №№ 3,7,12,18.

Регулятивные результаты (как компонента метапредметных результатов) изучались нами на основе методики «Способность к самоуправлению» (тест ССУ) Н.М. Пейсахова.

Самоуправление – предполагает управление ребенком собственными формами активности: общением, поведением, деятельностью и переживаниями. Самоуправление – процесс творческий, он связан с созданием нового, встречей с необычной ситуацией или противоречием, необходимостью постановки новых целей, поиском новых решений и средств достижения целей, способов оценки результатов, корректирования. Интегративное умение самоуправления оценивается посредством следующих критериев:

Целеполагание – умение учащегося формулировать субъективную модель желаемого или должного, свою цель. В основе целеполагания лежит прогноз. Это переход от предположения о принципиальной возможности произвести изменения к предположению о вероятных результатах.

Планирование – умение учащегося формировать модель средств достижения цели и последовательности их применения.

Принятие решения – умение учащегося найти оптимальное решение, которое предполагает сочетание смелости и осмотрительности; это переход от плана к действиям.

Самоконтроль – умение учащегося собрать информацию о том, как идет выполнение плана в реальном общении, поведении, деятельности (ответы на вопросы: как идет дело? Есть ли движение к цели? Нет ли ошибок в поступках)

Коррекция – умение учащегося изменять реальные действия, поведение, общение, саму систему самоуправления (ответ на вопрос: как быть дальше?)

Уровни способности самоуправления учащихся представлены по следующей шкале: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий. Результаты оценивались в целом по программе (суммарное значение по всем уровням – стартовому, базовому, продвинутому).

Нами выявлено, что из общей выборки реализуемых программ (в процессе диагностики – конец октября 2019 года) в 8 программах (№№ кодов 8,9,10,13,14,15,16,19) отмечены: высокий уровень – у 8 % учащихся, выше среднего – у 17 % учащихся, средний уровень – у 23 % учащихся, ниже среднего – у 19 % учащихся, низкий уровень – у 33 % учащихся; в 7 программах (№№ кодов 1,2,4,5,6,11,17) высокий уровень – у 12 % учащихся, выше среднего – у 25 % учащихся, средний уровень – у 32 % учащихся, ниже среднего – у 13 % учащихся, низкий уровень – у 18 % учащихся; в 5 программах (№№ кодов 3,7,12,18,20) высокий уровень – у 19 % учащихся, выше среднего – у 30 % учащихся, средний уровень – у 41 % учащихся, ниже среднего – у 7 % учащихся, низкий уровень – у 3 % учащихся.

Представленная статистика позволяет выявить лучшие результаты при реализации программ с номерами кодов 3,7,12,18,20.

Коммуникативные результаты (как компонента метапредметных результатов) оценивались на основе методики В.Ф. Ряховского «Оценка уровня общительности».

Данный тест позволяет исследовать особенности и уровни общительности (высокий, средний, низкий). Результаты оценивались в целом по программе (суммарное значение по всем уровням – стартовому, базовому, продвинутому).

Коммуникативные результаты тесно связаны с умением учащегося ориентироваться в информационной структуре общения. Приоритет отдавался не речевому содержанию в виде текста, а социально-психологической информации, которая дает возможность определить значимые признаки коммуникативной ситуации и ее участников, выборы коммуникативных средств учащимися.

При определении коммуникативных результатов мы учитывали различные факторы: внутренние (коммуникативные способности, активность, компетентность) и внешние (соблюдение речевого этикета, коммуникативных норм и традиций).

Исследование позволило установить, что из общей выборки реализуемых программ (в процессе диагностики – конец октября 2019 года) в 10 программах (№№ кодов 8,9,10,13,14,15,16,17,19,20) отмечены: высокий уровень – у 24 %, средний уровень – у 49 % учащихся, низкий уровень – у 27%; в 6 программах (№№ кодов 1,2,4,5,6,11) высокий уровень – у 25% учащихся, средний уровень – у 51% учащихся, низкий уровень – у 24% учащихся; в 4 программах (№№ кодов 3,7,12,18) высокий уровень – у 27 % учащихся, средний уровень – у 52% учащихся, низкий уровень – 21 % учащихся.

Причем, при высоком уровне общительности учащийся умеет пользоваться шаблонными речевыми выражениями, знает и умеет на практике соблюдать коммуникативные нормы и традиции, соблюдает правила поведения в группе объединения; также школьник умеет определить коммуникативные возможности собеседника и может общаться с ним с учетом этих возможностей, проявляет интерес к взаимодействию со сверстниками, при этом достаточно активен и самостоятелен в процессе учебного и внеучебного общения, управляет собственным эмоциональным состоянием, учитывает настроение собеседника, общителен, тактичен, достаточно развиты эмпатия, рефлексия, толерантность, достаточно сформированы языковая, речевая, коммуникативная и культурологическая компетенции, свободно владеет вербальными и невербальными средствами общения.

При среднем уровне общительности учащийся испытывает трудности в использовании шаблонных речевых выражений, недостаточно знает коммуникативные нормы, не всегда их соблюдает, иногда нарушает правила поведения в группе объединения.

При этом учащийся стремится к общению, но недостаточно ориентируется в речевой ситуации, не всегда может определить речевые возможности собеседника и общаться с ним с учетом этих возможностей, проявляет интерес к взаимодействию со сверстниками, но недостаточно активен и самостоятелен, слабо управляет собственным эмоциональным состоянием, недостаточно учитывает настроение собеседника, недостаточно развиты его эмпатия, рефлексия и толерантность, не владеет на достаточном уровне средствами общения, коммуникативные умения и навыки находятся в стадии формирования.

При низком уровне общительности учащийся плохо знает шаблонные речевые выражения, коммуникативные нормы, вследствие чего не выполняет их, слабо осознает собственное поведение в коллективе, часто нарушает дисциплину, в конфликтной ситуации теряется, не проявляет интерес к межличностному взаимодей-

ствию, демонстрирует отсутствие стремления к общению, не всегда проявляет адекватные формы поведения, для него характерен низкий уровень критичности, испытывает трудности в определении коммуникативных способностей собеседника, не может их учесть в общении, в общении со сверстниками пассивен, эмоционально не стабилен; эмпатия, рефлексия и толерантность не развиты; не владеет средствами общения, коммуникативные умения и навыки не сформированы.

Статистические данные, представленные выше, позволяют выявить наиболее высокие результаты в программах №№ 3,7,12,18.

Личностные результаты при реализации программ оценивались нами на основе методики Д.В. Григорьева, И.В. Кулешова, П.В. Степанова «Личностный рост», которая позволяет выявить уровни развития отношения ребенка к той или иной ценности (сформированность какой-либо ценности): семья, природа, труд, мир, культура, знания, человек, человек как другой, человек как иной, здоровье, душевное «Я» (отношение к себе как к личности), духовное «Я» (отношение к себе как к управляющему своей жизнью).

Результаты оценивались в целом по программе (суммарное значение по всем уровням – стартовому, базовому, продвинутому). В процессе исследования нами было выявлено, что из общей выборки реализуемых программ (в процессе текущей диагностики – конец октября 2019 года) при реализации 10 программ (№№ кодов 5,9,10,11,13,14,15,16,17,20) отмечены: устойчиво-положительное отношение у 23 % учащихся, ситуативно-положительное отношение у 50% учащихся, ситуативно-негативное отношение у 27 % учащихся.

При реализации 6 программ (№№ кодов 1,2,6,8,10,12) устойчиво-положительное отношение установлено у 24% учащихся, ситуативно-положительное отношение у 51% учащихся, ситуативно-негативное отношение у 25% учащихся.

Диагностика реализации ещё 4 программ (№№ кодов 3,4,7,18.) показывает устойчиво-положительное отношение у 26% учащихся, ситуативно-положительное отношение у 54% учащихся, ситуативно-негативное отношение у 20% учащихся.

Выше указанные данные позволяют определить, что наиболее высокие личностные результаты представлены в программах №№ 3,4,7,12,18, поскольку при их реализации 80 % учащихся показывают устойчиво-положительное и ситуативно-положительное отношение к семье как к значимой ценности, которой учащиеся дорожат, понимая значение семьи, семейных традиций и детско-родительского общения; отношение к отечеству через понимание родины не как абстрактной категории, а конкретной страны, где ребенок собирается жить, став взрослым; отношение к природе основано на экологическом сознании учащегося, на сопереживании живому, на стремлении оказать помощь живому из потребности ощущать гармонию мира; отношение к миру посредством идеи пацифизма и ненасилия при решении различных конфликтов; отношение к труду через разнообразные виды трудолюбия: от трудолюбия при уборке комнаты для занятий группы объединения до чтения трудной книги; отношение к культуре через ценность культурно-образных форм поведения, через отказ от социальной агрессии; отношение к учебе на основе познавательной активности; отношение к человеку – через высокую ценность человеческой жизни; отношение к человеку как к другому через готовность оказать помощь другим (даже незнакомым людям); отношение к человеку как к иному предполагает признание учащимся права других людей на иной, отличный от его собственного образ жизни и свободное выражение взглядов; отношение к здоровью предполагает приоритет ценности здоровья; отношение к себе как к личности предполагает оценку учащимся своих личностных способностей и качеств; отношение к себе как к управляющему своей жизнью предполагает

оценку готовности учащегося противостоять внешнему давлению при самостоятельном и ответственном выборе.

Исследование позволяет сделать вывод, что 16 программ при реализации демонстрируют преимущественно качественный средний уровень достижений учащихся, 4 программы (3,7,12,18) показывают высокий уровень достижений.

Вторым критерием оценки реализации разноуровневых дополнительных общеобразовательных программ стало изучение осуществления в контексте программ индивидуального образовательного маршрута ребенка. В нашем исследовании в качестве исходного рассматривался подход, согласно которому индивидуальный образовательный маршрут школьника выступал как интегрированная модель образовательного пространства, создаваемого учрежденческими специалистами и обучающимися с целью активизации личных возможностей учащегося, формирования его познавательной компетентности.

Исходя из этого выделяются следующие виды индивидуальных образовательных маршрутов: 1 - ИОМ, в котором постановку цели осуществляет педагог дополнительного образования и информирует о необходимости ее достижения учащегося; представляет обучающемуся пошаговую инструкцию, разработку заданий и критериев для их оценки; школьник действует согласно пошаговому алгоритму, разработанному и предоставленному педагогом, выбирая темп, форму, методы, приемы деятельности. 2 - ИОМ, в котором в условиях совместного обсуждения педагогом дополнительного образования, родителями и учащимся формулируется цель, формулировка которой определяется сформулированными участниками образовательного процесса противоречиями; педагог предлагает наиболее оптимальные пути и способы организации деятельности; обучающийся выбирает наиболее оптимальные формы деятельности. 3 - ИОМ, в котором обучающийся самостоятельно формулирует цель освоения предметного содержания, исходя из анализа имеющихся условий и задач обучения; педагог дополнительного образования информирует о возможностях образовательного учреждения в оказании педагогической поддержки усилий учащегося. Путем анкетирования нами было установлено, что во всех 20 программах реализуется индивидуальный образовательный маршрут.

Так, в 16 программах (1,2,4,5,6,8,9,10,11,13,14,15,16,17,19,20) реализуется первый вид индивидуального образовательного маршрута (определяемый целиком педагогом дополнительного образования), в 4 программах (3,7,12,18) - второй вид ИОМ, определяемый в совместном обсуждении педагогом, родителями и учащимся.

Исследование по данному критерию позволило определить наличие индивидуальных образовательных маршрутов при реализации программ, наличие гибкого подхода к организации образовательного процесса, исходящего из индивидуальных особенностей ребенка.

Третьим критерием оценки реализации дополнительных общеобразовательных программ стали достижения учащихся - участие и победы в конкурсах, олимпиадах, выставках, фестивалях разных уровней: учрежденческого, муниципального, регионального, федерального, международного).

Среди исследуемых программ нами были выделены следующие (№№ кодов 3,7,12,18). Дополнительная общеобразовательная программа социально-педагогической направленности «My World – Мой мир» МУ ДОД «Центр детского творчества» Ленинского района г. Саратова.

Автор программы: Капнист Наталия Николаевна. Достижения учащихся: 14 учащихся на Всероссийской олимпиаде по английскому языку для 1 – 4 классов «Рыжий котенок»: 12 дипломов II степени, 1 диплом III степени (октябрь 2019 года). Дополнительная общеобразовательная программа социально-педагогической

направленности «Лидерский круг» МУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества» г. Пугачева Саратовской области.

Автор программы: Рау Татьяна Александровна. Достижения учащихся: 3 учащихся 15-17 лет являются победителями IV регионального конкурса социальных проектов обучающихся «Я – лидер» в номинации «Социальные партнёры» (апрель 2019 года; 5 учащихся 15-17 лет являются победителями областного конкурса «Правнуки бессмертных» 2018-2019 год в номинации «Социальная практика» май 2019 года); сейчас программа реализуется в МОУ «СОШ №1» г. Пугачева. Дополнительная общеобразовательная программа «РОВОСОР» МУ ДО «Станция юных техников» г. Ртищево Саратовской области.

Авторы программы: педагог дополнительного образования Соловьев Борис Владимирович, директор МУДО «СЮТ г. Ртищево» Абапова Оксана Александровна. Достижения учащихся: 3 учащихся являются победителями межмуниципальных открытых робототехнических соревнований. «РОБОБИТВА - 2018» г. Саратов: Колесников Вадим - диплом 1 степени, Бабкин Дмитрий - диплом 3 степени, Воронцов Кирилл – диплом 1 степени; 2 учащихся - победители I межмуниципальных открытых робототехнических соревнований «РОБОБИТВА 2019» г. Ртищево: Колесников Вадим – диплом 3 степени, Бабкин Дмитрий – диплом 3 степени; 2 учащихся - победители V Всероссийской конференции «Юные изобретатели: Колесников Вадим – диплом победителя, Бабкин Дмитрий – диплом победителя; 2 учащихся - победители регионального этапа Всероссийской робототехнической олимпиады WRO-2018г. Анашкин Даниил - грамота за 3 место, Попов Степан – грамота за 3 место; 6 победителей в районной выставке декоративно-прикладного и технического творчества «От ремесла к искусству- 2019» - Быков Владислав, Супоросов Илья, Сундеев Илья, Хныкин Дмитрий, Стасенко Евгений, Сашко Егор – дипломы победителей; на районной доске почета «Достижение юных» в 2019 году помещена фотография - Стасенко Евгения. Дополнительная общеобразовательная программа «Медиа студия» МУ ДО «Дом детского творчества г. Новоузенска Саратовской области.

Автор программы: Свистунова Виктория Владимировна. Достижения учащихся: Специальный диплом VI Всероссийского (с международным участием) открытого фестиваля-конкурса детского и юношеского кино «Киновертикаль» (ноябрь 2019 г.); участники: Трофимова Надежда, Дусалиева Альбина, Зуева Юлия, Литвинова Ксения. Диплом за 2 место Всероссийского конкурса мультфильмов «Мир анимации» (март 2019 г.); участники: коллектив кружка в составе 15 человек. Диплом участника VI Международного открытого фестиваля детской анимации «Мульт-герой» (май 2019); участники: коллектив кружка в составе 15 человек. Диплом за 2 место на областном заочном конкурсе медиатворчества и программирования (апрель 2019 г.); участники: коллектив кружка в составе 15 человек. Диплом за 1 место в районном конкурсе детско-юношеского творчества «Неопалимая купина» (апрель 2019 г.); участники: коллектив кружка в составе 15 человек. Таким образом, наиболее результативными лучшими практиками (по всем критериям) стало осуществление дополнительных общеобразовательных программ разноуровневой формы реализации: «Му World – Мой мир» МУ ДОД «Центр детского творчества» г. Саратова, «Лидерский круг» МУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества» г. Пугачева Саратовской области, «РОВОСОР» МУ ДО «Станция юных техников» г. Ртищево Саратовской области, «Медиа студия» МУ ДО «Дом детского творчества» г. Новоузенска Саратовской области.

Проанализированный опыт позволил сформировать обобщенную модель реализации разноуровневой допол-

нительной общеобразовательной программы.

Модель предполагает несколько основных шагов.

Шаг 1: *Набор детей на обучение по разноуровневой программе.* Поскольку программа предполагает дифференцированное обучение, то при наборе учащихся обязательна диагностика уровня их подготовленности; для чего необходимы разработанные разноуровневые предметные задания для стартового, базового, продвинутого уровней.

Шаг 2: *Корректировка количества набранных детей на разные уровни обучения по программе.* Стоит учесть, что количество набранных учащихся на каждый из уровней обучения может быть различным; к примеру, на стартовом уровне 4 учащихся, на базовом уровне 5 учащихся, на продвинутом уровне 3 учащихся. Для эффективного обучения удобнее подкорректировать количество обучающихся и сделать дополнительный набор (к примеру, до 5 человек на каждый уровень). Это позволит каждому учащемуся продвинутого уровня выступать в качестве наставника, тренера или тьютора для учащегося стартового уровня, каждому учащемуся базового уровня стать помощником наставника, тренера или тьютора.

Шаг 3. *Корректировка программы.* При входной диагностике выявляются недостающие знания, умения, навыки у вновь принятых учащихся. Поэтому в методическое обеспечение программы стоит внести коррективы: дополнительные упражнения, тренинги, практикумы, которые позволят сформировать недостающее и эффективно организовать дальнейшее обучение.

Шаг 4. *Проведение занятий.*

А) В процессе проведения занятий стоит обратить внимание на подготовку наставников из ребят продвинутого уровня, для чего необходимо делегировать им функции ответственных за работу пары, тройки учащихся, обучать доступным для детей способам передачи и контроля знаний, умений учащихся (наряду с обучением и контролем педагога).

Б) На занятии стоит мотивировать переход учащихся с уровня на уровень, предлагая ребятам выполнять задания не только своего уровня, но и более высокого (определяя вместе с учащимся недостающие знания при неверном выполнении задания более сложного уровня).

В) Учащимся целесообразно предложить оригинальные названия уровней, на которых они обучаются; к примеру, мастера (продвинутый уровень), подмастерья (базовый уровень), ученики (стартовый уровень) или космонавты и дублеры (если в программе реализуются только два уровня) и т.п. (вместо официальных принятых в документах названий стартового, базового, продвинутого уровней). Подобные названия определяют функции учащихся в учебном процессе, позволяют мотивировать продвижение учащихся по индивидуальным образовательным траекториям с уровня на уровень, создают образы мастерской, «центра управления полетом» и любой иной, что делает процесс обучения привлекательным для детей.

Шаг 5. *Работа с родителями учащихся.* Родителям учеников предлагаются различного рода педагогические консультации, разъяснения, разбор сложившейся ситуации, разбор способов выполнения тренировочного упражнения и т.п. Эффективным является информационный уголок для родителей, где размещаются материалы о проведенном занятии, о выполненных детьми упражнениях разных уровней сложности, а также предложения родителям выполнить задание совместно с ребенком дома, которое позволит сформировать какое-либо умение у учащегося для подготовки его перехода на более сложный уровень обучения. Так мы укрепляем детско-родительские отношения, включаем родителей в образовательный процесс, а также мотивируем переходы учащихся с уровня на уровень опосредованно (через родителей).

Шаг 6. *Корректировка диагностического аппарата*

программы. Выявленные в процессе входной диагностики недостающие знания, умения учащихся требуют формирования (как уже писалось выше), и, конечно, контроля сформированности. Для этого педагогу стоит дополнить диагностический аппарат недостающими методиками, контрольными упражнениями, заданиями и пр.

Шаг 7. *Конкурсы, олимпиады, выставки, фестивали.* На данном шаге (который реализуется параллельно со всеми предыдущими) педагог отслеживает информацию о проводимых на разных уровнях (учрежденческом, муниципальном, городском, региональном) предметных конкурсах, олимпиадах, выставках, фестивалях и предлагает учащимся принять участие в них, продемонстрировать личные достижения. Интересно отметить, что каждая из выявленных лучших практик имеет свои преимущества при реализации. Так, в рамках осуществления программы «ROBOSOP» МУ ДО «Станция юных техников» г. Ртищево Саратовской области можно выделить хорошую результативность учащихся на олимпиадах и конференциях (шаг 7); в рамках программы «My World – Мой мир» МУ ДОД «Центр детского творчества» г. Саратова удачно проводится дополнительный набор детей на обучение по разным уровням программы (шаг 2); в рамках осуществления программы «Лидерский круг» МУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества» г. Пугачева Саратовской области успешно реализуется корректировка программы, исходя из уровня подготовки учащихся (шаг 3); в рамках осуществления программы «Медиастудия» МУ ДО «Дом детского творчества» г. Новоузенска Саратовской области успешно проведение занятий (шаг 4). Предложенная модель не является аксиоматической и может быть дополнена, обогащена в процессе реализации любой иной программы.

Выводы. Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что современные тенденции развития дополнительного образования ставят своими приоритетами повышение уровня его открытости и доступности, увеличение охвата детей программами дополнительного образования и качественное преобразование программно-обеспечения.

Важным шагом в этом направлении является выстраивание единого поля образовательных программ с помощью выявления лучших практик.

Говоря о лучших практиках, стоит указать, что выявленные эффективные программы прошли несколько ступеней отбора.

Во-первых, ими успешно была пройдена экспертиза на соответствие содержанию п.51 Правил ПФДО (Приказ «Об утверждении Правил персонализированного финансирования дополнительного образования в Саратовской области» от 21.05.2019 года № 1077), другими словами, программы по структуре и содержательной наполненности соотносимы с логикой предъявляемых к ним требований.

Во-вторых, реализация указанных программ дает возможность учащимся получать в процессе обучения высокий уровень предметных, метапредметных, личностных результатов, что является важным критерием отбора, поскольку стратегической целью государственной политики в области дополнительного образования является повышение его качества и доступности, соответствие требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

В-третьих, реализация выбранных программ осуществляется на основе организации индивидуальных образовательных маршрутов учащихся, разработанных в совместном обсуждении педагогами дополнительного образования, родителями и детьми. Это позволяет индивидуализировать, персонализировать образовательный процесс, сделать его более гибким, адаптированным к различным особенностям учащихся, учитывающим лич-

ностные способности и образовательные запросы детей.

В-четвертых, реализация указанных программ показывает и достижения учащихся на различных конкурсах, олимпиадах, выставках, фестивалях разных уровней. Соответствие программ данному критерию позволяет утверждать, что педагоги-авторы программ организуют в процессе обучения познавательную деятельность учащихся с использованием различных методов активного и интерактивного взаимодействия, с учетом психологических особенностей учащихся, темпов их работы, их учебных возможностей, формируют умения детей работать самостоятельно.

Одной из целей модернизации дополнительного образования на современном этапе стало качественное обновление содержания дополнительных общеобразовательных программ.

Приближается время перехода от управления учреждением к управлению программой, которая, возможно, станет в будущем главной единицей финансирования. В данной ситуации все большую актуальность приобретает увеличение степени автономии программы, ее разноразноуровневость.

Концепция развития дополнительного образования детей, утвержденная распоряжением правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014г. №1726-р, принципами проектирования и реализации программ провозглашает «...вариативность, гибкость и мобильность образовательных программ; разноуровневость (ступенчатость) образовательных программ...». Поэтому необходимо, чтобы дополнительные общеобразовательные программы разноуровневой формы реализации в нашем регионе отвечали следующим параметрам: вариативность режимов освоения программы по темпу, объему и уровню сложности; организация в рамках программы образовательного процесса для различных категорий детей; возможность работы в различных режимах, по индивидуальному образовательному маршруту, траектории; модульная организация учебного процесса; наличие потенциальной возможности использования сетевых форм и дистанционных технологий при реализации программы; наличие в программе системы многоуровневости; наличие средств и разнообразие методов диагностики индивидуальных особенностей и достижений учащегося.

Проведенное исследование позволило выявить эффективно реализующиеся программы, сформировать модель их осуществления, показать выигрышно реализуемые шаги модели в указанных программах. В заключение стоит отметить, что субъектность учителя, педагога дополнительного образования претерпела значительные изменения в процессе самообразования при разработке и реализации дополнительных разноуровневых общеобразовательных программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тейлор Ф. *Принципы научного управления.* – М.: Просвещение., 2018. – 216 с.
2. Духнич Ю.И. *Стратегии оценки эффективности e-курсов.* – М.: Наука., 2018. – 216 с.
3. *Инструментарий работника Системы дополнительного образования детей* (М.: Фонд новых форм развития образования, Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский Государственный Технический университет имени Н. Э. Баумана. 2017. – 520с.).
4. *Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».*
5. *Национальный проект «Образование»/ утвержден на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому планированию и национальным проектам 3 сентября 2018 года.*
6. *Приказ Минпросвещения РФ «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам» (от 9 ноября 2018 г. N 196).*
7. *«О внедрении целевой модели развития региональной системы дополнительного образования детей на территории Саратовской области» /Распоряжение Правительства Саратовской области от 29 октября 2018 года №288 - Пр.*
8. *Методические рекомендации по проектированию дополнительных общеразвивающих программ (включая разноуровневые*

программы). Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 ноября 2015 г. № 09-3242.

9. Методические рекомендации по разработке разноуровневых программ дополнительного образования. – Москва, ГАОУ ВО «МГПУ», АНО ДПО «Открытое образование», 2016.

10. Нормативно-методические материалы образовательной организации дополнительного образования / С.А. Фадеева, Е.В. Боровская. – Н. Новгород, 2014. – 79 с.

Статья поступила в редакцию 15.12.2019

Статья принята к публикации 27.05.2020

УДК 378.18

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0023

ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК РЕСУРС ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© 2020

AuthorID: 963927,

SPIN-код: 9173-8983,

ORCID: 0000-0002-2046-3729

Писаренко Данила Андреевич, аспирант

*Институт стратегии развития образования Российской академии образования
(105062, Россия, Москва, ул. Жуковского, д. 16, e-mail: dpisaren@gmail.com)*

Аннотация. *Цель:* уточнить понятие и раскрыть воспитательный потенциал внеучебной деятельности, которая влияет на личностное развитие студентов высшей школы, формирование их жизненных ориентиров и универсальных компетенций. *Методы:* анализ отечественных и зарубежных научных трудов, посвященных вопросам воспитательной и внеучебной деятельности в высшей школе; анализ локальных нормативных документов Тольяттинского государственного университета по организации внеучебной деятельности; обобщение содержания организации внеучебной деятельности студентов; наблюдение за созданными условиями для внеучебной деятельности студентов в Тольяттинском государственном университете. *Результаты:* на основании анализа отечественных и зарубежных научных трудов, касающихся внеучебной деятельности, уточнено понятие «внеучебная деятельность студентов высшей школы», раскрыт её воспитательный аспект, подробно рассмотрена роль субъектов воспитательной внеучебной деятельности; на основании анализа локальных нормативных документов Тольяттинского государственного университета и наблюдения за созданными условиями для внеучебной деятельности студентов, показана система и принципы внеучебной воспитательной деятельности, функционирующие в Тольяттинском государственном университете; раскрыты направления, виды и содержание внеучебной деятельности студентов университета. *Научная новизна:* в статье уточнено понятие «внеучебная деятельность студентов высшей школы», показан её потенциал в контексте воспитательного процесса в вузе. *Практическая значимость:* основные идеи о роли внеучебной деятельности могут быть использованы при разработке программ воспитательной деятельности вуза.

Ключевые слова: высшая школа, воспитание, воспитательный процесс, компетентностный подход, универсальные компетенции, содержание воспитания, внеучебная деятельность студентов.

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF STUDENTS AS EDUCATIONAL RESOURCE AT UNIVERSITY

© 2020

Pisarenko Danila Andreevich, Postgraduate Student

*Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education
(105062, Moscow, Zhukovsky St. 16, e-mail: dpisaren@gmail.com)*

Abstract. *Purpose:* indicate position about the concept and determine the educational potential of extracurricular activities, which affects the personal development of university students, the formation of their life experience and universal competencies. *Methods:* analysis of scientific papers on educational and extracurricular activities at the university; analysis of local regulatory documents of Togliatti State University about the organization of extracurricular activities; generalization of the organization of extracurricular activities of students; observation of the created conditions for extracurricular activities of students at Togliatti State University. *Results:* based on the analysis of domestic and foreign scientific works relating to extracurricular activities, the concept of “extracurricular activities of higher education students” is clarified, educational aspect is disclosed, the role of subjects of educational extracurricular activities is examined in detail; Based on the analysis of local regulatory documents of the Togliatti State University and observation of the created conditions for extracurricular activities of students, the system and principles of extracurricular educational activities that function at the Togliatti State University are shown, the directions, types and contents of extracurricular activities of university students are revealed. *Scientific novelty:* the article clarifies the concept of “extracurricular activities of university students”, shows its potential in the context of the educational process of the university. *Practical significance:* basic ideas about the role of extracurricular activities can be used in developing educational programs of the university.

Keywords: university, education, educational process, competency-based approach, universal competencies, educational content, extracurricular activities of students.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальные изменения, которые происходят в социальной, культурной и экономической сфере современной России, влекут за собой диверсификацию системы высшего образования. На педагогах-исследователях лежит важнейшая задача – анализировать происходящие изменения в системе образования и воздействовать на нее своими научными идеями с целью повышения качества, эффективности и конкурентоспособности отечественного высшего образования. В широком смысле, под термином «образование» понимается целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства. В данной статье будет сделан акцент на воспитательном аспекте современной высшей школы, роли внеучебной деятельности студентов в развитии личности, разделяющей гражданские ценности, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества [1]. Воспитание молодежи с ориентацией на ценностное отношение к своей истории, социальной ответственности и социальных обязанностей личности в обществе является одной из важнейших за-

дач социальных институтов, которые имеют отношение к образованию и профессиональной подготовке [2].

Методологической основой современного высшего образования является компетентностный подход. Он используется в образовательной практике для определения содержания образования и качества подготовки будущего выпускника, раскрывает интегрированную характеристику качества подготовки – результата образования и совокупность взаимосвязанных качеств личности. Специфика профессионального образования сегодня – создание компетентностной модели выпускника с набором ведущих компетенций, реально формируемых в конкретном образовательном учреждении. Однако только общепрофессиональные и профессиональные компетенции студентов не могут характеризовать качество профессиональной подготовки. Приобретаемые студентами в учебной деятельности умения и навыки с колоссальной скоростью устаревают, учитывая быстрые темпы развития современной цивилизации. Для понимания контекста приведем некоторые факты, сложившиеся в мировой и отечественной практике.

Генеральный директор компании IBM Virginia Rometty на Всемирном экономическом форуме в Давосе заявила, что в стремительно меняющемся веке технологическое высшее образование утрачивает свою ценность, на передний план выходят короткие обучающие программы для быстрого усвоения необходимых компетенций. На рынок труда сегодня выходят так называемые «новые воротнички» – люди, которые стремятся получить только необходимые в своей работе компетенции. Тем самым, вырастает потребность в некотором переходе от академической деятельности к деятельности, повышающей профессиональные компетенции будущих работников, исходя из запросов времени. Сами работодатели отказываются от графы «образование» при найме на работу [3].

В свою очередь, в отечественной практике существуют примеры отказа ведущих сервисов по поиску работы от графы «образование» [4]. В этом случае также уклон делается на обладание претендентами на должность определенными развитыми универсальными компетенциями. Кроме того, анализ свободных вакансий в различных компаниях государственного и коммерческого сектора показал, что работодателей в первую очередь интересует сформированность личностных и коммуникативных качеств будущих сотрудников – компетенций XXI века. Некоторые же работодатели и вовсе пытаются в процессе работы формировать необходимые профессиональные компетенции, требуемые на конкретной должности. В условиях проникновения искусственного интеллекта во все сферы жизни, внедрения автоматизации, робототехники в производство и сферу услуг выпускник вынужден конкурировать за рабочее место не только с человеком, но и с «роботом». В сложившейся парадигме, молодым специалистам особенно сложно, ведь в периоды экономического кризиса сокращается количество вакантных мест, оптимизируются зарплаты для молодых кадров. Будущим выпускникам просто необходимо обладать дополнительными конкурентными компетенциями, выделяющими их из общего числа. Более того, в современных условиях отказ от фундаментального образования в пользу опыта и прикладных навыков приведет к деградации лучших традиций российской высшей школы, окажет негативное воздействие на воспитательный аспект высшего образования, что в условиях конкуренции с искусственным интеллектом приведет к еще большим трудностям в экономике и социальной жизни.

Верной стратегией развития высшего образования видится фундаментальное образование, ориентированное на подготовку нового типа профессионала: активного гражданина, индивидуальности, личности. Суть реализации компетентностного подхода в таком случае проявляется в модернизации образования, качественном его изменении, создании новой системы человеческих ценностей как приоритета воспитания в образовательной деятельности. Базой профессиональной подготовки в этом аспекте становится не только учебный, но и внеучебный процесс, нацеленный на общие ценности профессиональной подготовки – формирование компетенций и личностное развитие студентов.

Отечественные исследователи (Л.В. Алиева [5], Н.С. Бейлина [6], И.Н. Бригинец [7], А.Б. Иванова [8], И.В. Руденко [5] и др. [6-12]) и зарубежные (Vakoban R. A., Aljarallah S. A. [13] Retallick M. S., Foreman E. A. [14], S. Monteiro, L.S. Almeida [15]), посвятившие свои труды изучению внеучебной деятельности в воспитательном пространстве современной высшей школы, определяют внеучебную деятельность студентов как разнообразную деятельность, осуществляемую студентами вне основного учебного времени, основанную на принципах добровольности, личного интереса, потребностей, индивидуальных способностей и возможностей студентов, в которой обучающийся развивает свои личностные и профессиональные компетенции.

Исследователь И.А. Зимняя выделяет три группы компетенций, которые могут успешно формироваться в воспитательном процессе вуза:

- «компетенции, относящиеся к самому человеку как личности: здоровьесбережение, компетентность ценностно-смысловой ориентации в мире, интеграции; гражданственность, самосовершенствование, саморазвитие, саморегулирование;
- компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы: социальное взаимодействие, компетентность в общении;
- компетенции, относящиеся к деятельности человека: игра, учение, общение, труд» [16].

Отдельные аспекты, связанные с содержанием воспитательной деятельности студентов освещались в работах Н.Б. Архангельской, Т.И. Грозовой, З.Н. Добрыниной, В.И. Калининой, Т.И. Кухтевич, Е.М. Смекаловой и др.

Анализ современных отечественных исследований позволяет утверждать, что последнее десятилетие стало временем активного научного поиска новых эффективных способов, методов формирования личностных и социальных компетенций в воспитательном процессе образовательного учреждения в условиях развития современного общества. Однако, научные труды в основном касаются общих проблем организации воспитательного процесса в образовательных организациях. Принятие Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования 3++ способствовало введению в оборот понятия «универсальные компетенции». Причем группы этих компетенций являются одинаковыми для всех направлений подготовки. В связи с этим, в пространстве университета можно активизировать поиск действенных механизмов формирования универсальных компетенций средствами воспитательного процесса, тем самым совершенствовать формы, методы профессиональной подготовки студентов. Назрела настоятельная необходимость поиска действенных механизмов формирования универсальных компетенций средствами воспитательного процесса, содержание которых направлено на личностное совершенствование выпускников высшей школы. Важно понимать, как можно создать для студентов различных направлений подготовки единую воспитательную среду, в которой будут успешно формироваться универсальные компетенции будущих профессионалов. По нашему мнению, внеучебная деятельность студентов высшей школы может разрешить сложившуюся проблему.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью статьи является уточнение понятия и раскрытие воспитательного потенциала внеучебной деятельности, которая влияет на личностное развитие студентов, формирование их ценностно-целевых жизненных ориентиров, универсальных компетенций, а значит является ресурсом воспитательной работы вуза. В ходе исследовательской работы были использованы следующие методы: анализ отечественных и зарубежных научных трудов, посвященных вопросам воспитательной и внеучебной деятельности в высшей школе; анализ локальных нормативных документов Тольяттинского государственного университета по организации внеучебной деятельности; обобщение содержания организации организации внеучебной деятельности студентов; наблюдение за созданными условиями для внеучебной деятельности студентов в Тольяттинском государственном университете.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На основании проведенного анализа отечественных научных трудов, посвященных воспитанию в высшей школе, уточним понятия, используемые в данной статье. Воспитательная работа вуза реализуется посредством специально организованного воспитательного процесса. Понятие «воспитательный процесс» – стержневое понятие, определяющее существенные черты воспитания как педагогически организованного целенаправленного процесса, в ходе которого происходит социализа-

ция воспитанника, освоение им культурных ценностей. Воспитательный процесс в вузе – педагогически организованное, ценностно-целевое взаимодействие основных субъектов воспитания (с различным целевым, содержательным воспитательным потенциалом) в совместной образовательной, общественно и лично значимой деятельности (основной и внеучебной) по становлению гражданина-профессионала. Научно-педагогическим и социально значимым является рассмотрение «воспитательного процесса» как «социально-педагогической реальности, интегрирующей и реализующей специфический потенциал воспитания во взаимодействии учебной и внеучебной деятельности» [17]; определение «профессионального воспитания» как ценностного содержания образовательного процесса образовательной организации.

Внеучебная деятельность студентов высшей школы – форма социального взаимодействия субъектов образовательного процесса в свободное от основных учебных занятий время, способствующая профессиональному и личностному становлению студентов в организованной вузом среде. В современной организации высшего образования могут существовать следующие виды внеучебной деятельности студентов: научная, общественная, культурно-досуговая, спортивная и виртуальная деятельность (взаимодействие человека с искусственным интеллектом) [18]. Субъектами внеучебной воспитательной деятельности выступают студенты и преподаватели.

Студент, как субъект внеучебной деятельности, может выполнять в вузе различные роли: участник или организатор направления внеучебной деятельности, лидер студенческой группы или сообщества, куратор проекта и т.д. Реализуя различные роли, студент высшей школы стремится к профессиональному и человеческому совершенствованию. Чем больше ролей, тем больше появляется возможностей для «прокачивания» различных компетенций. Образовательное учреждение, таким образом, должно быть заинтересовано в системной, целенаправленной внеучебной деятельности, которая в дополнении к учебной влияет на личностное развитие студентов. Студенты, в свою очередь, проявляя творчество, активность, самостоятельность в меру своих индивидуальных возможностей, опыта, позитивно влияя на сверстников и педагогов, включаются в воспитательные отношения. Если рассмотреть основные группы универсальных компетенций «системное и критическое мышление», «разработка и реализация проектов», «командная работа и лидерство», «коммуникация» и др., можно отметить, что на их сформированность будут влиять нравственные, физические, моральные качества студентов, а значит они должны быть в поле зрения современного педагога-преподавателя высшей школы. Воспитательный внеучебный процесс требует признания уникальности личности студентов, учета преподавателем их творческого потенциала при формировании компетенций.

Преподаватель современного вуза, как субъект воспитания, является носителем реального образа профессионала. Гражданский, личный, профессиональный опыт педагога влияет на результат подготовки студентов вузе в системе высшего образования. Преподаватель высшей школы как субъект воспитательного процесса в воспитательном внеучебном процессе может быть координатором деятельности студенческих объединений, активным участником студенческих сообществ, куратором и организатором значимых вузовских событий и т.д. [19]. Современный преподаватель вуза, как участник внеучебной деятельности, обладает широким набором статусов и ролей, расширяющих его сферу основной педагогической и научной деятельности. Взаимодействие преподавателей и студентов в многообразии ролей создают воспитательное пространство высшей школы, которое является благоприятной средой для личностного,

творческого и профессионального роста.

Создание воспитательного пространства внеучебной деятельности – важная задача высшей школы. Рассмотрим опыт Тольяттинского государственного университета (ТГУ), где непрерывная воспитательная внеучебная деятельность способствует формированию профессионально значимых качеств, а также универсальных компетенций будущих педагогов. В данном опыте особенно ценным следует считать полисубъектную позицию студентов и преподавателей, которая влияет на создание разнообразной внеучебной деятельности. Так, преподаватель-исследователь Тольяттинского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор Ю.А. Кустов считает, что «в период обучения в вузе, кроме получения необходимого объема знаний по основным образовательным дисциплинам, каждый студент-педагог должен получить развитие в следующих направлениях:

- обучиться приемам ведения проектной деятельности;

- овладеть методами и приемами организаторской работы;

- получить навыки самостоятельной работы в направлении повышения своего научного уровня и квалификации, занимаясь научно-исследовательской работой (результаты которой представляются на ежегодном проводимых университетских конкурсах «Научные бои», «Наука в фокусе»);

- повысить эстетический и общекультурный уровень, физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности» [20]. Эти направления внеучебной деятельности, организуемые благодаря взаимодействию педагогического коллектива и студенческих сообществ, расширяют возможности по формированию универсальных компетенций будущих педагогов, в которых раскрываются важные составляющие личностных качеств студентов как будущих граждан. Таким образом, внеучебная деятельность становится полноценным и эффективным ресурсом воспитательной работы. При этом возникает необходимость сформулировать принципы её успешной организации:

- принцип добровольности – предполагает, что студенты, добровольно, имея личный интерес и определенные потребности, используя полученный в учебной деятельности опыт, создают и участвуют во внеучебной деятельности, развиваясь как профессионально, так и лично;

- принцип непрерывности (единства учебной и внеучебной деятельности) – заключается в создании единого образовательно-развивающего пространства вуза в целях расширения возможностей интеллектуально-нравственного развития личности, приобретения студентами социального опыта, удовлетворения его разносторонних интересов и способностей;

- принцип вариативности – означает, что внеучебная деятельность в современной организации высшего образования представлена в различных видах, что должно удовлетворить личностные потребности студентов;

- принцип творчества – раскрывает направленность на реализацию творческих способностей обучающихся;

- принцип доверия и поддержки – заключается в отказе от жестких рамок и авторитарности в организации внеучебной деятельности студентов, предполагает стремление создать важные, значимые личностно-развивающие направления внеучебной деятельности, стимулировать к участию студентов в ней;

- принцип самоактуализации – предполагает, что в каждом студенте существует потребность в актуализации своих интеллектуальных, коммуникативных, художественных и физических и др. способностей. Внеучебная деятельность должна побудить и поддерживать стремление студента к проявлению и развитию его личностного потенциала;

- принцип профессиональной направленности – означает учет наиболее значимых государственных и общественных потребностей в организации внеучебной деятельности студентов, указывает на связь с практикой, нацеливает на формирование профессиональной компетентности личности как основного результата;

- принцип мобильности – предполагает подготовленность и способность студентов быстро осваивать различные виды деятельности, постоянно повышать свою компетентность и квалификацию.

Основанная на приведенных принципах система успешно функционирует в Тольяттинском государственном университете, задачами которой являются:

- обеспечение активного участия преподавателей в организации внеучебной деятельности студентов;

- создание условий, для участия большинства обучающихся во внеучебной деятельности;

- формирование профессионально значимых качеств студентов в процессе их внеучебной деятельности.

На сегодняшний день в ТГУ представлены следующие виды внеучебной деятельности студентов:

1. Научная деятельность – участие студентов в работе научно-технических кружков при кафедрах, школе молодых исследователей, студенческих научных обществах.

2. Проектная деятельность – моделирование и реализация социальных проектов в соответствии с запросами предприятий-заказчиков, работодателей и т.д.

3. Культурно-досуговая деятельность – участие в работе творческих коллективов различной направленности, в работе медиагрупп и др.

4. Спортивная деятельность – участие студентов во внутривузовских объединениях и представление спортивных результатов на международном, всероссийском и областном уровне.

5. Общественная и организаторская деятельность – работа в составе общественных организаций и объединений; участие в органах самоуправления на уровне университета и академической группы и др.

Особая роль отводится общественным объединениям студентов, где, участвуя в добровольной разнообразной и насыщенной волонтерской работе, студенты учатся осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (универсальная компетенция – 3); осуществлять деловую коммуникацию (универсальная компетенция – 4). Университет создаёт условия для деятельности таких объединений: выделяет помещения, отмечает корпоративными наградами; стипендиями; размещает информацию о лучших представителях в корпоративных медиасредствах. В гуманитарно-педагогическом институте Тольяттинского государственного университета успешно действует студенческий педагогический отряд «Успех» – орган студенческого самоуправления ТГУ и студенческая общественная организация [21]. Основу деятельности составляют социальные проекты. Так, в 2019 году студентами реализован проект «Нанноград-2019». В ходе проекта на межрегиональном форуме «Созвездие – IQ – Самарский Нанноград», участниками которого были обучающиеся 8-11 классов образовательных организаций Приволжского Федерального округа, студенты ТГУ проводили игры со стажерами по командообразованию, сопровождали решение кейсов, представленные предприятиями, являлись организаторами досуговой деятельности и общих мероприятий. Проект «Дорога без опасности» позволил в сотрудничестве с ГИБДД г.о. Тольятти разработать методику изучения правил дорожного движения для младших школьников посредством настольно-печатных игр и проводить интерактивные занятия в начальной школе образовательных организаций г.о. Тольятти. В процессе реализации проекта студенты в соответствии с требованиями ФГОС ВО 3++ совершенствовали навыки решения профессиональных задач, а также формировали компетенции: способен определять круг задач в рамках

поставленной цели и выбирать оптимальные способы решения, исходя из действующих правовых норм (УК-2); способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать роль в команде (УК-3); способен использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности (ОПК-6). Социальные проекты студентов (более 30 за год) профессионально ориентированы: это акции для воспитанников детского дома; учебы актива органов школьного самоуправления; работа в качестве вожатых и др. Участие студентов во внеучебной деятельности фиксируется в портфолио, которое подается на конкурс повышенной академической стипендии и выделяется отдельной номинацией «успехи во внеучебной деятельности». Деятельность педагогического отряда как общественного объединения организуется благодаря взаимодействию студентов и преподавателей кафедры педагогики.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на основе современных научных подходов к воспитанию как многозначному, сложному социальному явлению, педагогической реальности, ценностному блоку высшего образования, анализа позитивной практики воспитания в образовательных организациях определены субъекты организации воспитательного процесса в вузе, сформулированы принципы и задачи, раскрыты направления внеучебной деятельности студентов высшей школы как ресурса воспитания и формирования универсальных компетенций студентов, реализация которых позволит повысить качественные результаты деятельности современных образовательных организаций. Перспективным направлением в рамках заявленной проблемы является разработка системы научно-методического обеспечения эффективной реализации потенциала внеучебной деятельности образовательной организации (программы, проекты профессионального воспитания в учебной и внеучебной деятельности; система диагностирования, стимулирования и индивидуального оценивания результатов воспитания студентов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 01.11.19).
2. Асмолов А., Гусельцева М. Образование как потенциальный ресурс модернизации общества // *Образовательная политика* № 2 (72) 2016. С. 2-19.
3. Доклад главы IBM Virginia Rometty на Всемирном экономическом форуме в Давосе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hightech.plus/2019/01/23/glava-ibm-nemnogie-osoznayut-cto-v-budushem-nas-ne-zhdet-nichego-horoshego> (дата обращения: 05.09.19).
4. Superjob решил отказаться от графы «образование» при размещении вакансий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6024581> (дата обращения: 03.09.19).
5. Современный воспитательный процесс в образовательной организации: в 2 ч. / под ред. Л.В. Алиевой, И.В. Руденко – Ч.1: Научный доклад – Тольятти: Кассандра, 2015. 75 с.
6. Бейлина Н.С. Формирование социальной компетентности будущих бакалавров в деятельности куратора студенческой группы: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Тольятти, 2014. 191 с.
7. Бригинец И.Н. Развитие лидерских качеств студентов туристского вуза во внеучебной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. М. 2010. 26 с.
8. Иванова А. Б. Активизация лидерского потенциала студентов вуза в процессе внеучебной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Челябинск. 2010. 23 с.
9. Афанасьева Е.Г. Формирование общих компетенций у студентов во внеучебной деятельности колледжа // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 2 (11). С. 10-12.
10. Захарова Т.Г., Кондаурова И.К., Тузушева Э.Р. Организация профессионально ориентированной внеучебной деятельности будущих педагогов-математиков // *Гуманитарни Балкански изследвания*. 2019. Т. 3. № 1 (3). С. 21-25.
11. Рочев К.В., Коришнов Г.В. Формирование конкурентной среды в студенческом коллективе для повышения учебной и внеучебной активности // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 40-42.
12. Писаренко Д.А. Оценивание внеучебной деятельности студентов вуза в условиях реализации компетентностного подхода // *Научен вектор на Балканите*. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 37-40.
13. Bakoban R. A., Aljarallah S. A. Extracurricular Activities and Their Effect on the Student's Grade Point Average: Statistical Study [Электронный ресурс] // *Educational Research and Reviews*, 2015. URL:

<https://eric.ed.gov/?id=EJ1080292> (дата обращения: 09.09.2019).

14. Retallick, M. S., Foreman, E. A. Undergraduate involvement in extracurricular activities and leadership development in College of Agriculture and Life Sciences Students [Электронный ресурс] // *Agricultural Education and Studies Publications*, 2012. URL: https://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=ageds_pubs (дата обращения: 15.09.2019).

15. S. Monteiro, L.S.Almeida. The relation of career adaptability to work experience, extracurricular activities, and work transition in Portuguese graduate students [Электронный ресурс] // *Journal of Vocational Behavior*, 2015. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0001879115001050?via%3Dihub> (дата обращения: 03.08.2019).

16. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // *Высшее образование сегодня: реформы, нововведения, опыт*. 2006. № 8. С. 20–26.

17. Алиева Л.В. Внеучебная деятельность вуза: воспитательное пространство непрерывного образования и гражданского становления молодежи / Л.В. Алиева, Н.А. Нефёдова // *Образование через всю жизнь. Непрерывное образование в интересах устойчивого развития. Материалы XII Международной науч. конф./ Сост. Н.А. Лобанов. - Вып.12. СПб: ЛГУ им. А.С.Пушкина. 2014. Ч.2. С. 188-190.*

18. Писаренко Д.А. Внеучебная деятельность студентов вуза: отечественные и зарубежные подходы к осмыслению понятия // *Гуманитарни Балкански изследвания*. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 41-44.

19. Алиева Л.В. Внеучебная деятельность вуза – пространство полусубъектного воспитания / Л.В. Алиева, И.В. Руденко // *Воспитание студенчества: педагогический поиск: сборник научных трудов. М.: НОУ ВПО «Академия МНЭПУ», 2013. 100 с.*

20. Кустов Ю.А. Методологические подходы к формированию общепрофессиональных компетенций в воспитании будущих педагогов // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 2 (11). С. 50-53.

21. Rudenko, I.V. Organizational and Pedagogical Conditions Development of General Competences Formation in the Educational Activities of the University / Rudenko I.V., Fedorova N.I., Muskhanova I.V. et al // *Journal of Sustainable Development*. 2015. № 6 (Vol 8). pp. 45-51.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-313-90027

Статья поступила в редакцию 25.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 373.5(076)6151.8(076)
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0024

ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ НАСТАВНИЧЕСТВА В ЦЕНТРЕ ПОМОЩИ ДЕТЯМ

© 2020
SPIN-код: 7963-3778
AuthorID: 706821

Рослякова Светлана Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии

Зайдуллина Эльвира Рауфовна, магистрант кафедры социальной работы, педагогики и психологии

Шибинская Елена Валерьевна, магистрант кафедры педагогики, психологии и предметных методик

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: roslyakovasv@cspu.ru)*

Аннотация. Современное общество активно пытается решать проблему сиротства. Практика показывает, что решение ее возможно за счет семейного устройства детей (приемная и замещающая семья). Но и эти технологии не совершенны – некоторые дети возвращаются снова в стены государственных учреждений, получив психологическую травму и негативный опыт общения с внешним миром. В статье представлена реализованная в центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей, «Надежда» г. Челябинска психолого-педагогическая технология сопровождения социальной практики наставничества привлеченными добровольцами над воспитанниками учреждения, имеющими опыт возврата из замещающей семьи. Авторами описаны разработанные коллективом центра содержательные аспекты технологии: терминологический аппарат, цель, субъекты, этапы и их характеристика; подробно изложены основные организационные моменты двух этапов, определяющих успешность всей работы в рамках технологии сопровождения взаимодействия значимого взрослого-добровольца с воспитанником центра: вводного и этапа формирования пары. Результатом моделирования явились система подготовки добровольцев (привлечение, диагностика, обучение), система подготовки воспитанников (анкетирование и диагностика), методика формирования пары «воспитанник – наставник», позволяющие начать собственно процесс сопровождения взаимодействия воспитанника и наставника и добиться положительного результата.

Ключевые слова: воспитанник интернатного учреждения, наставник, пара «наставник – воспитанник», куратор, психолого-педагогическое сопровождение, технология, система подготовки наставника и воспитанника, социализация.

ORGANIZATION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF MENTORING TECHNOLOGY AT THE CHILD HELP CENTER

© 2020

Roslyakova Svetlana Vasilievna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of «Social work, pedagogy and psychology»

Zaydullina Elvira Raufovna, graduate student of the department of social work, pedagogy and psychology graduate student of «Social work, pedagogy and psychology»

Shibinskaya Elena Valerievna, undergraduate of the department of «Pedagogy, psychology and subject methods»

*South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 69, e-mail: roslyakovasv@cspu.ru)*

Abstract. Modern society is actively trying to solve the problem of orphanhood. Practice shows that its solution is possible due to the family arrangement of children (foster and foster families). But even these technologies are not perfect – some children return again to the walls of state institutions, having received psychological trauma and negative experience in communicating with the outside world. The article presents the “Hope” of the city of Chelyabinsk implemented in the center for helping children without parental care, a psychological and pedagogical technology to support the social practice of mentoring by attracted volunteers over the pupils of the institution who have experience of returning from a foster family. The authors describe the substantive aspects of technology developed by the center’s team: terminological apparatus, purpose, subjects, stages and their characteristics; the main organizational aspects of two stages are described in detail, which determine the success of all work within the framework of the technology for supporting the interaction of a significant adult volunteer with the center’s pupil: the introductory and the stage of pairing. The simulation resulted in a training system for volunteers (attraction, diagnostics, training), a system for training pupils (questionnaires and diagnostics), a methodology for forming a “pupil-mentor” pair, which allowed the process of supporting the interaction of the pupil and mentor to begin and to achieve a positive result.

Keywords: pupil of a boarding school, mentor, couple “mentor - pupil”, curator, psychological and pedagogical support, technology, mentor and pupil training system, socialization.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Проблема адаптации и социализации детей, оставшихся без попечения родителей, в современном обществе не утратила своей актуальности. Прежде всего, это касается детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях. Ни для кого не секрет, что проживание в закрытом учреждении, общение с ограниченным количеством людей, формирует у них искаженное представление о жизни, человеческом обществе, взаимоотношениях в нем, особенностях функционирования, лишает полноценного опыта жизнедеятельности. Дети в государственных учреждениях оказываются не готовыми к жизни в реальном мире, потому что не имеют адекватного представления о нем, о

людях, не приобрели необходимых навыков общения и взаимодействия, выживания, приспособления к его условиям. Все это говорит о низкой адаптивности детей и предполагает возникновение трудностей в постинтернатный период в процессах профессионального и личного самоопределения, самореализации.

Традиционные подходы к работе с детьми, воспитывающимися в государственных учреждениях, как показывает практика, не позволяют сформировать у них уверенность в себе, приобрести жизненный опыт. В последнее время идет поиск различных технологий и практических разработок, которые способны оказать действенную помощь детям, воспитывающимся в искусственно созданных условиях. Признавая чрезвычайную

актуальность разработки новых социальных практик, позволяющих реально решить проблемы воспитанников интернатных учреждений, в МБУ Центр «Надежда» в 2018-2019 гг. был реализован проект «Взрослеем вместе!» (при поддержке «Форда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации») по внедрению инновационной технологии наставничества над детьми, оставшимися без попечения родителей и воспитывающимися в условиях государственного учреждения. Сам процесс внедрения данной технологии представлял комплекс содержательных и организационных вопросов, на которые искали ответы проектная группа и сотрудники учреждения. Результатом этих поисков стала разработанная технология, включающая идеи сопровождения взаимодействия воспитанника и наставника, создания инновационной социальной практики, поддерживающей процесс социализации детей, оставшихся без попечения родителей [1].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Проблема помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, широко обсуждается сейчас в обществе и научной литературе. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, являются объектом пристального внимания ученых. На трудности в их социализации, на наличие эмоциональной, психологической, социальной депривации указывают исследователи (С.А. Беличева, И.В. Дубровина, А.М. Прихожан и др.). Как считает Ф.А. Кабардиева, чем младше воспитанник, тем меньше дезадаптивных признаков он демонстрирует [2, с. 46], к подростковому возрасту их количество увеличивается, растет социальная неприспособленность детей-сирот. К особенностям современных детей-сирот Г.В. Семья относит незащищенность (квазизащищенность), неспособность к трудовой деятельности (позиция иждивенчества) [3].

Понимание того, что у государственных учреждений слабый потенциал для полноценной социализации детей, оставшихся без попечения родителей, определяет важность поиска других форм их жизнеустройства. Современная политика в интересах детей направлена на деинституционализацию – развитие семейных форм их устройства [4], помещение как можно большего количества детей, оставшихся без попечения родителей, в семью (до 90%) [5, с. 47, 215]. Статистика, представленная в Докладе по итогам мониторинга эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг., свидетельствует о росте количества детей, помещенных в семейные условия, и изменении ситуации в пользу снижения их числа в интернатных учреждениях. При этом для интернатных учреждений все также актуальной остается задача создания условий для полноценного развития и образования воспитанников [5].

Наука активно реагирует на социальный заказ: появилось много исследований, посвященных замещающей и приемной семье, раскрытию их особенностей как форм устройства ребенка-сироты, характеристик, преимуществ, а также вопросов оказания помощи таким семьям (Ж.А. Захарова [6], Е.В. Мартынова [7], В.Н. Ослон [8], Н.В. Панкратова [9], Г.В. Семья [10], и др.). При всей очевидной положительной оценке данных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, ученые отмечают ряд проблем: проблема интеграции ребенка в неродную семью, понимания и принятия новых родителей ребенком и, наоборот, родителями ребенка (Ж.А. Захарова, В.Н. Ослон) [6; 8]. Самой ужасной является проблема возврата детей из приемных и замещающих семей опять в стены интернатного учреждения (проблема вторичного сиротства) [11]. Среди наиболее частых причин называют: смену места жительства или болезнь родителей, несовместимость, невыносимое поведение

детей, неоправданные ожидания и др. [3; 6; 8; 12 и др.].

По мнению исследователей, интернатные учреждения все же имеют педагогический потенциал и способны сгладить последствия возврата (О.А. Голерова [13], Н.В. Осипова [14] и др.), предлагается идея организации сопровождения возврата (Е.Е. Леонова) [11]. Но, к сожалению, реальных разработок, научно описанных и предельных для внедрения, практически не существует. В этом направлении можно отметить немногочисленные исследования, в которых раскрываются возможности волонтерской деятельности в работе с детьми-сиротами [15; 16], положительный опыт организации «Старшие братья Старшие сестры» [17], которая привлекла к решению проблем социализации и адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей неравнодушных людей, готовых и способных поделиться своей душевной теплотой, жизненным опытом с ребенком, который живет в центре помощи детям. Однако таких практик очень мало и они слабо освещены в педагогической литературе, не описаны так, чтобы их могли использовать учреждения, в которых воспитываются дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации.

Формирование целей статьи (постановка задания). Изучение научной литературы по проблеме сиротства и оказанию помощи детям, оставшимся без попечения родителей [3; 6; 8; 11 и др.], практических разработок в этом направлении [16; 17], поиск новых способов решения проблем, с которыми сталкиваются дети, воспитываемые в государственном учреждении, заставили обратиться к технологии наставничества как эффективной технологии помощи нуждающемуся. Реализация идеи наставничества привлеченного значимого взрослого (добровольца) над воспитанником интернатного учреждения, имеющего опыт возврата из замещающей семьи, потребовала ответа на вопрос: как это делать. Поэтому цель данной статьи – ответить на этот вопрос, то есть раскрыть содержательные и организационные аспекты процесса психолого-педагогического сопровождения взаимодействия воспитанника центра помощи детям и взрослого-наставника, описать нюансы практической реализации.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Разработка психолого-педагогического сопровождения наставничества потребовала обращения к понятию «технология», под которой в науке понимают организационно-методический инструментарий педагогического процесса; продуманную во всех деталях модель современной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для ее участников [18]. Мы ее рассматриваем как механизм перевода научных идей и установок в план практических действий, обеспечивающий обязательное достижение результата и возможность его повторения другими.

Прежде всего для описания всей технологии сопровождения был разработан категориальный аппарат, включающий следующие понятия: «воспитанник», «наставник», «пара «воспитанник – наставник»», «куратор», «триада «воспитанник – наставник – куратор»», «технология сопровождения пары», «система подготовки наставников», «система подготовки воспитанников», «методика формирования пары» [1].

Субъектами технологии сопровождения пары «воспитанник – наставник» являются воспитанник, наставник и куратор. Куратор – лицо, осуществляющее процесс сопровождения пары, это специалист центра, разделяющий идеи наставничества, готовый к их реализации, обладающий для этого профессионально-личностными качествами. Сложность деятельности куратора связана с тем, что она имеет две линии поддержки – воспитанника и наставника. Следовательно, куратор – это лицо связующее, организующее и координирующее деятельность остальных участников. Воспитанник – это ребенок в

возрасте от 10 до 18 лет с опытом возврата из замещающей семьи, имеющий низкую вероятность возврата в кровную семью или устройства в замещающую семью. Наставник – подготовленный по специальной программе, из числа добровольцев значимый взрослый, участие которого может оказать действенную помощь конкретному ребенку, позволит индивидуализировать и качественно улучшить процесс подготовки воспитанников учреждения к самостоятельной жизни, расширить их круг положительных социальных контактов и связей, развить коммуникативные навыки и уверенность в завтрашнем дне. Наставник участвует в жизни ребенка, помогает справиться с трудностями, преодолеть проблемы в развитии, поведении, общении со сверстниками и т.д.

Учитывая, что сопровождение – это процесс, имеющий в основе своей профессиональную психолого-педагогическую деятельность, направленную на помощь и поддержку лица, в ней нуждающегося [19], под технологией сопровождения мы рассматриваем помощь и поддержку участникам взаимодействия в рамках технологии наставничества. Реализация технологии сопровождения выражается в деятельности триады «воспитанник – наставник – куратор».

Целью технологии сопровождения является психолого-педагогическая поддержка пары «воспитанник – наставник», обеспечивающая успешность взаимодействия в ней. При этом стратегическая цель процесса сопровождения – ребенок и его благополучие; тактическая – организация поддержки сложной категории воспитанников (подростки, сиблинги, дети с опытом возврата из замещающих семей) специально обученными, значимыми для них взрослыми, направленной на стабилизацию эмоционально-психологического состояния ребенка, его адаптацию в обществе и реализацию личностного потенциала.

Технология всегда процессуальна, то есть включает этапы реализации, каждый из которых в своей основе имеет систему, методiku или технологию работы, с помощью которых осуществляется реализация цели. На первом этапе (вводном) реализовалась система привлечения, отбора и подготовки наставников и система психологической подготовки детей сложной категории (воспитанников), на втором этапе – методика формирования пары «воспитанник-наставник», включающая технологию подбора пары и собственно процесс ее формирования. На третьем этапе – профессиональная поддержка в триаде «воспитанник – наставник – куратор», т.е. процесс сопровождения взаимодействия в паре. Первые два этапа были направлены на формирование пары «воспитанник-наставник», а третий – на стабилизацию отношений в ней выстраивание устойчивого, конструктивного взаимодействия.

В данной статье мы рассмотрим содержание первых двух этапов, определяющих успешность взаимодействия наставника и воспитанника.

Реализация технологии сопровождения пары началась с привлечения, отбора и обучения наставников. Для привлечения добровольцев, желающих участвовать в проекте, проводилась информационная кампания, имеющая также широкую цель – привлечение внимания общества к проблемам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Информационная кампания включала: 1) подготовку и использование пресс-материалов (буклетов, флаеров, памяток, информационных листов, стендов); 2) инициирование публикаций в СМИ (статьи в газетах, журналах раскрывающие сущность технологии наставничества и роль ее в адаптации и социализации трудной категории детей); 3) информирование граждан о проекте в СМИ, социальных сетях (ВКонтакте, facebook и др.); приглашения на мероприятия, связанные с проектом; выпуск информационной брошюры учреждения «Наш дом»; проведение очных встреч, Дней открытых дверей в учреждении, выездов в торговые комплексы го-

рода с информационным ролл-апом). Информационная кампания была направлена на увеличение аудитории, знающей о проекте, повышение эффективности процесса привлечения заинтересованных людей; от ее успешности зависела вся дальнейшая работа.

Вторая составляющая системы работы с добровольцами была связана с их отбором в резерв наставников. Кандидат на наставника должен отвечать формальным требованиям (дееспособный гражданин РФ в возрасте от 25 лет (разница в возрасте между наставником и воспитанником должна быть не менее 10 лет); готовый к взаимодействию с подопечным не менее 1 года (по соглашению); имеет возможность индивидуально общаться с воспитанником не менее 4 раз в месяц; не лишенный родительских прав, не ограниченный в родительских правах, не имеющий отказа от приемных детей), также он должен подготовить пакет документов (письменное заявление; согласие на обработку персональных данных; согласие на проведение диагностического обследования; договор на безвозмездное выполнение добровольцем (наставником) работ и (или) оказания услуг; копия паспорта гражданина РФ; справка от терапевта, инфекциониста, дерматовенеролога, результаты ФОГ; справка из психоневрологической, наркологической больницы, о несудимости).

Наличие всех документов и соответствие формальным требованиям давало возможность кандидату участвовать далее в диагностических процедурах, целью которых являлось определение готовности добровольца к наставнической деятельности. Задачи диагностики: 1) выявление мотивов участия в наставничестве детей, оставшихся без попечения родителей; 2) изучение личностных особенностей потенциального наставника; 3) диагностика ресурсности кандидата в организации совместной деятельности с воспитанником. Для диагностики готовности кандидатов использовались методы анкетирования, интервьюирования, тестирования. При разработке процедуры и инструментария отбора кандидатов был использован опыт разработчиков волонтерской программы «Старший брат, Старшая сестра» [16].

Анкетирование позволяло выявить основные сведения о кандидате (ФИО., возраст, образование, профессиональный опыт и навыки, место жительства и контактная информация), а также его ожидания от участия в добровольческой деятельности. Анкета могла быть заполнена добровольцем он-лайн или при личной встрече.

Интервью было направлено на уточнение информации, представленной потенциальным наставником в анкете, и на сбор сведений о семейной ситуации и трудовой деятельности кандидата, мотивации участия в проекте, наличии стрессовых событий в жизни, увлечениях, хобби, интересах кандидата; на выявление его представлений об организации совместного с ребенком времяпрепровождения и общения; ожиданий и опасений, связанных с общением и взаимодействием с подростком. После интервьюирования кандидаты заполнили анкету, направленную на получение более подробной информации о ресурсности кандидата, его потенциале в организации совместной деятельности с подростком: увлечениях, способностях, достижениях.

Объектом диагностики являлись также личностные качества наставника. Прежде всего такие, которые должны обеспечить гуманистический характер взаимодействия кандидата с ребенком (готовность понять субъективные переживания ребенка, принять его таким, каков он есть; терпимость; развитые коммуникативные и эмоционально-волевые качества), и в качестве трех основных свойств личности выделялись альтруизм, сострадание и социальная ответственность (Ж.А. Захарова) [15]. Для диагностики личностной направленности, личностных особенностей кандидатов применялись методика М. Рокича «Ценностные ориентации» и 16-факторный личностный опросник Кеттелла (форма А) [20].

На основе анализа полученных результатов диагно-

стики принималось решение о включении потенциально-го наставника в программу или отказе, а также позднее, с учетом идей о совместимости Н.Н. Обозова, осуществлялось формирование пары «воспитанник – наставник» [21]. Причинами отказа претендентам на наставническую деятельность были: мотивация участия, направленная в большей степени на решение собственных внутренних проблем; наличие деструктивных мотивов; неадекватная оценка своих возможностей; немотивированная агрессия; бредовые идеи; явные иррациональные доводы; резонерство; ригидность; эмоциональная неустойчивость.

Следующим этапом системы работы с потенциальным наставником являлось обучение в «Школе наставника». Задачи обучения – познакомить с проектом, определить цели, задачи наставничества, сформировать портрет наставника; дать информацию о психологии детей-сирот; научить навыкам эффективного взаимодействия с подростком; овладеть умениями быть в позиции наставника и эффективными технологиями, позволяющими выстраивать долгосрочные доверительные отношения с воспитанниками. Программа включала 5 занятий по 4 часа (20 часов). Содержание было построено таким образом, чтобы слушатели прежде всего утвердились в своем намерении быть полезными детям, воспитывающимся в интернатных учреждениях, а во-вторых, сформировали психолого-педагогические компетенции, необходимые для конструктивного взаимодействия с подростком.

В рамках программы использовались разнообразные формы работы, которые позволяли проводить обучение с учетом принципов научности и практической направленности. С помощью лекций, бесед передавались теоретические знания. Показ видеороликов, фильмов и мультфильмов, разнообразные упражнения, кейсы служили практическими инструментами для приобретения, отработки умений и навыков, которые позволят стать настоящими наставниками и добрыми друзьями для своих подопечных. Курс заканчивался итоговой аттестацией, которая проходила в форме решения проблемных ситуаций (кейсов). По завершении обучения выдавался сертификат.

В общем, система работы с наставниками включала три направления деятельности: привлечение, отбор и обучение. При этом каждое направление реализовалось с помощью подобранных инструментов: информационной кампании, диагностики и обучения наставников.

Одновременно с реализацией системы работы с наставниками шла работа с воспитанниками. Система подготовки воспитанников для участия в проекте включала прежде всего отбор детей, находящихся в центре, по формальным критериям: отнесенность к целевой группе (воспитанник интернатного учреждения, относящийся к сложной категории детей), возраст (от 10 до 18 лет)), желание участвовать в проекте. Работа с воспитанниками велась индивидуально. Сначала проводилась беседа, в рамках которой рассказывалось о том, кто такой наставник и как будет проходить общение с ним, если воспитанник пожелает участвовать в проекте. После беседы подросток высказывал либо согласие участвовать в проекте, либо отказ. При этом согласие ребенка являлось обязательным условием его участия.

На следующем этапе работы с детьми педагог-психолог проводил собеседование, а также анкетирование и тестирование, результаты которых учитывались при формировании пары «воспитанник – наставник». Собеседование и анкетирование позволяли выяснить ожидания и опасения, связанные с участием в проекте; увлечения и интересы воспитанников, предпочтения в выборе наставника; экспресс-диагностика характерологических особенностей личности (Н. Айзенк в модификации Т. В. Матолиной) позволяла определить психотип воспитанника, а «Методика изучения акцентуаций личности» К. Леонгарда – Шмишека – определить типы акцентуации личности подростков.

Подготовка воспитанника к участию в проекте не определялась какими-то жестко регламентированными процедурами работы с ним. Диагностика позволяла лучше узнать особенности ребенка, его предпочтения в выборе наставника, особенности его социализации и направления помощи в ней [23]. Это была прежде всего психологическая подготовка, позволяющая сформировать мотивы участия в проекте и установки на взаимодействие.

Третий этап технологии был связан с формированием пары. Начинался он на заседании рабочей группы проекта с ее подбора. На этом заседании рассматривались результаты диагностики взрослых и детей и составлялись пары на основе следующих критериев: предпочтения ребенка и наставника в выборе напарника; межличностная совместимость; наличие у участников пары общих увлечений и интересов. Формирование пар осуществлялось психологом и куратором на основе схожести личностных ориентаций, черт характера, увлечений, личных пожеланий наставника и подростка, выявленных на диагностическом этапе. Также учитывались возраст ребенка и добровольца (наставника); пол (рекомендуется подбирать пары одного пола); личностные особенности и особенности темперамента; опыт общения добровольца с детьми; занятость добровольца и ребенка (важно совпадение времени, когда добровольец и ребенок могут встречаться). Процедура подбора пары заканчивалась составлением протокола, в котором отражался состав участников.

Далее методика формирования пары включала знакомство наставника и воспитанника и подписание документов, регламентирующих их взаимодействие. Первая встреча подростка с наставником обязательно проходила при участии педагога-психолога. На ней еще раз разъяснялись правила работы в проекте, обсуждались все возникшие вопросы. Если стороны подтверждали свое согласие на участие в проекте, то следующим шагом являлось подписание документов: 1) соглашения о взаимодействии пары – трехстороннее соглашение, которое подписывается наставником, ребенком и куратором. Срок действия соглашения – 1 год. Соглашение подписывалось в двух экземплярах (для куратора и для наставника); 2) индивидуального плана взаимодействия пары «наставник – воспитанник», который составлялся психологом – куратором этой пары.

Дальнейшее взаимодействие осуществлялось на основе подписанных документов, которые регламентировали его порядок, права и обязанности ребенка, наставника и куратора пары. Заключение соглашения между наставником, воспитанником и куратором завершало второй этап реализации технологии сопровождения пары «воспитанник – наставник» [1].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Разработка и реализация технологии психолого-педагогического сопровождения взаимодействия наставника и воспитанника позволяют заключить:

1. Технология сопровождения взаимодействия наставника и воспитанника – это сложный психолого-педагогический феномен, сущность которого заключается в работе с парой с целью оказания помощи ребенку, воспитывающемуся в интернатном учреждении и имеющему опыт возврата из замещающей семьи, в социализации.

2. Для успешной реализации технологии необходимо разработать понятийный аппарат, четко определить цели и этапы для ее достижения, соблюдать принцип систематичности и последовательности в реализации.

3. Важными аспектами являются: проведение информационной кампании для привлечения добровольцев, желающих участвовать в наставничестве, диагностика кандидатов в наставники, их обучение, а также последовательность этих процедур и профессиональное сопровождение. В то же время необходимо реализовать ра-

боту с воспитанниками, желающими иметь наставника, которая включает комплекс диагностических процедур с ними, направленных на изучение их интересов и предпочтений в выборе наставника. Если для добровольцев обязательным является соответствие высоким требованиям, то от детей необходимо иметь желание взаимодействовать с наставником и высказать свои предпочтения для успешного подбора претендента для пары.

4. Психолого-педагогический инструментарий (диагностические методики, методы и приемы обучения), используемый в работе с парой, должны быть адекватны критериям оценивания и прост в обработке, а также подъемны для практической реализации, чтобы составить портрет наставника, выявить его истинные мотивы, узнать ожидания и опасения воспитанника, подготовить добровольца к реализации социально ответственной деятельности в ребенке, имеющим трудности общения с миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Реализация технологии наставничества и психолого-педагогического сопровождения взаимодействия воспитанника и значимого для него взрослого-наставника в условиях учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: информационно-методическое пособие / Ю.И. Аде, Е.В. Боброва, Г.В. Дружинина, В.Ф. Жеребкина, Э.Р. Зайдуллина, Р.В. Кокчиева, Е.А. Максимова, О.А. Сафронова, О.Н. Туктарова. Челябинск: Юж.-Урал. науч. центр РАО, 2019. 290 с.

2. Кабардиева Ф.А. Социализация детей-сирот младшего и среднего школьного возраста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 121. С. 44-50.

3. Семья Г.В. Основы психологической защищенности детей, оставшихся без попечения родителей: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 350 с.

4. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы. Режим доступа: <https://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения 29.09.2019).

5. Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы // под науч. ред. В.В. Рубцова, Г.В. Семья. М.: Издание Совета Федерации, 2018. 272 с.

6. Захарова Ж.А. Социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания приемного ребенка в замещающей семье: дис. ... д-ра пед. наук. Кострома, 2009. 615 с.

7. Мартынова Е.В. Функционирование социального института приемной семьи в условиях современного российского социума: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2008. 207 с.

8. Ослон В.Н. Психодиагностика становления идентификации в замещающей семье // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 55-62.

9. Панкратова Н.В. Социальное родительство в современном российском обществе: институциональные основы и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 24 с.

10. Стандарт предоставления услуги «Сопровождение семей, принявших на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» в г. Москве: методич. рекомендации по технологиям сопровождения семей, принявших на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и рекомендации по их внедрению / под науч. ред. Г.В. Семья. М.: ООО «Исследовательский проект», ООО «Вариант», 2014. 108 с.

11. Леонова Е.Е. Социально-педагогические проблемы возврата детей из замещающих семей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, вып. 3 (23). С. 283-286.

12. Котли П. Новые приемные родители: первый опыт / пер. с англ. Н.И. Ивановой. Новосибирск, 2000. 200 с.

13. Голерова О.А., Гурова Е.В., Харченко Е.В. Изучение представлений детей-сирот о структуре поддерживающего окружения на основе метода «семейной доски» // Психологическая наука и образование. 2009. № 3. С. 83-93.

14. Осипова Н.В. Деятельность педагогических работников по адаптации детей-сирот к будущей профессии: дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2017. 175 с.

15. Захарова Ж.А., Вязанкина А.В. Подготовка наставников-волонтеров в рамках регионального проекта «Ты не один» // Вестник Костромского государственного университета: серия Педагогика, психология, социальная работа, ювенология, социокинетика. Т. 19. № 3. С. 157-160.

16. Руководство по организации добровольческой программы «Старший брат, старшая сестра» / Е.И. Карасева, Л.В. Смыкало, С.В. Суворова, С.В. Варьян. СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи детям», 2011. 56 с.

17. Сайт межрегиональной общественной организации содействия воспитанию подрастающего поколения «Старшие Братья/Старшие Сестры». Режим доступа: <https://nuzhnapomosh.ru/funds/starshie-bratyya-starshie-sestry/> (дата обращения 05.10.2019).

18. Технологии социальной защиты и обслуживания семей и детей: учеб. пособие / Р.С. Димухаметов, В.Ф. Жеребкина, Е.В. Моисеева,

Т.Г. Пташко, С.В. Рослякова, Н.В. Сиврикова, Н.А. Соколова, Е.М. Харланова, Е.Г. Черникова, А.А. Шевченко; под общ. ред. Т.Е. Никитиной. Челябинск: Книга, 2017. 463 с.

19. Содержание и методика педагогической деятельности в социальной работе (социальная педагогика): учеб. пособие / Н.А. Артемьева, В.Ф. Жеребкина, Е.В. Моисеева, Т.Г. Пташко, С.В. Рослякова, Н.В. Сиврикова, Н.А. Соколова, Т.П. Скребцова, Е.Г. Черникова, А.А. Шевченко; под ред. Н.А. Соколовой. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2014. 350 с.

20. Обозов, Н.Н. Межличностные отношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 149 с.

21. Ракович Н.К. Практикум по психодиагностике личности. Мн.: БГПУ, 2002. 248 с.

Статья поступила в редакцию 08.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.14

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0025

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИМВОЛЬНО-ЗНАКОВОГО ПОЛЯ ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

© 2020

SPIN-код: 8053-1361

AuthorID: 433713

Сергиевская Ирина Леонидовна, кандидат педагогических наук,
профессор кафедры «Иностранные языки»

SPIN-код: 6618-9110

AuthorID: 919901

Анисимова Ирина Владимировна, преподаватель кафедры
«Иностранные языки»

*Военная академия материально-технического обеспечения, филиал, г. Пенза
(440005, Россия, Пенза, улица Военный городок, 5, e-mail: alexiz-17@yandex.ru)*

Аннотация. Цель: определить возможности SMART-доски для создания символично-знакового поля текста при обучении аудированию на английском языке, разработать технологию его создания как эффективный приём обучения активному прослушиванию. Авторами подчеркивается, что символично-знаковое поле текста на SMART-доске помогает ввести курсанта в тему и развернуть перед ним весь процесс слушания в контексте темы. Возможности SMART-доски позволяют создать модель ситуации, частью которой будет прослушиваемый текст, еще до момента прослушивания. Модель ситуации представлена в виде символично-знакового поля. Символично-знаковое поле текста включает набор символов, в которых закодированы описываемые в тексте объекты. Модель созданной на экране ситуации является основой для восприятия и понимания текста на слух. *Методы:* В исследовании использовались эмпирические методы исследования – методы, проводимые опытным путем: 1) анализ научно-методической литературы; 2) научное наблюдение и обобщение опыта (наблюдение за поведением обучающихся, процессам обучения на занятии). *Результаты:* на основе анализа возможностей SMART-доски рассмотрено использование символично-знаковой модели текста для обучения пониманию иноязычного текста на слух. В исследовании доказана целесообразность использования символично-знакового поля в процессе обучения аудированию. *Научная новизна:* в статье впервые доказано, что моделирование текста в виде символично-знакового поля повышает эффективность обучения аудированию иноязычного текста. *Практическая значимость:* основные положения и выводы статьи могут быть использованы при создании мультимедийных продуктов для SMART-доски.

Ключевые слова: SMART-доска; символично-знаковое поле; иноязычный текст; аудирование.

MODELING OF SYMBOLIC TEXT FIELD WHEN LEARNING TO LISTEN TO A FOREIGN LANGUAGE

© 2020

Sergievskaya Irina Leonidovna, candidate of pedagogical sciences,
Professor of department «Foreign languages»

Anisimova Irina Vladimirovna, assistant of department
“Foreign languages»

*Military Academy of Logistics, branch Penza
(440005, Russia, Penza, Voenny Gorodok street, 5, e-mail: alexiz-17@yandex.ru)*

Abstract. Purpose: to define possibilities of SMART-Board for creation of a symbol-sign field of the text at training to listening in English, to develop technology of its creation as effective reception of training to active listening. The authors emphasize that the symbol-sign text field on the SMART-Board helps to introduce the cadet to the topic and expand the whole process of listening in the context of the topic. SMART-Board capabilities allow you to create a model of the situation, which will be part of the text you are listening to, even before the moment of listening. The situation model is presented in the form of a symbolic field. A character-character text field includes a set of characters in which the objects described in the text are encoded. The model of the situation created on the screen is the basis for the perception and understanding of the text by ear. *Methods:* The study used empirical research methods-methods conducted empirically: 1) analysis of scientific and methodological literature; 2) scientific observation and generalization of experience (observation of the behavior of students, learning processes in the classroom). *Results:* on the basis of the analysis of the SMART-Board capabilities, the use of a symbolic-sign text model for teaching foreign language text comprehension by ear is considered. The research proves the feasibility of using the symbolic-symbolic model in the process of learning listening. *Scientific novelty:* the article proves for the first time that the modeling of the text in the form of a symbolic field increases the efficiency of teaching listening to foreign text. *Practical significance:* the main provisions and conclusions of the article can be used in the creation of multimedia products for SMART-boards.

Keywords: multimedia presentation; situational and structural modeling; secondary text.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы и ее связь с важными научными и практическими задачами. Военный переводчик должен быть не только хорошим оратором и интерпретатором, поддерживающим разговор, но и хорошим слушателем, который получает от собеседника информацию по интересующему его вопросу. Для этого преподаватели иностранного языка должны развить у курсанта, будущего военного переводчика, навыки активного слушания.

Для того, чтобы сделать процесс обучения управляемым, необходимо создавать такие учебные ситуации прослушивания, которые приближены к реальным, то есть к таким, с которыми курсантами могут встретиться в будущем, когда приступят к выполнению своих функциональных обязанностей как военные переводчики.

Способность понимать на слух носителя английского языка в военной профессиональной сфере имеет решающее значение для военного переводчика.

Известно, что военные переводчики – специалисты по стандартизации вооружения должны слушать и понимать инструкции, документы, связанные с вооружением; военные переводчики – специалисты, занимающиеся военно-политической работой, должны уметь слушать военные политические новости. Именно по этой причине умение слушать и понимать иноязычный текст является одной из основных компетенций военного переводчика.

Умение слушать специализированные английские сообщения отличается от прослушивания на английском языке для общих целей. Курсанты-будущие военные переводчики должны знать и владеть специальной воен-

ной терминологией. Если они будут знать специальный военный язык, они смогут общаться со военнослужащими других стран при проведении совместных учений, при участии в миротворческих и боевых миссиях.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель: определить возможности SMART-доски для разработки технологии обучения активному прослушиванию.

Необходимо, чтобы курсанты – будущие военные переводчики – совершенствовали навыки понимания на слух специальных военных текстов, чтобы в процессе аудирования они получали необходимую помощь в преодолении трудностей, с которыми они сталкиваются как изучающие второй язык.

Итак, целью обучения аудированию на иностранном языке является развитие активного слушателя. Активный слушатель – это тот, кто распознает специфизированные входные данные и конструирует разумные интерпретации на их основе. Активный слушатель умеет слушать и отбирать необходимую информацию. Умение слушать – это не только понимание слов и ключевых моментов текста; это особый навык.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы.

В настоящее время, как отмечается многими исследователями (Б.Т. Кизатов [2], М.П. Коваленко [3], Д.Л. Морозов [7-8], Т.А. Саутова [13], Е.А. Руцкая [14], Петрова Н.Э. [15, 16], Садыкова Р.Х. [17] и др. [18-21]), все актуальнее становится проблема обучения аудированию на иностранном языке.

Е.К. Ибакаева отмечает, что результатом аудирования как организованного и управляемого процесса восприятия информации является контролируемое усвоение учебного материала, которое предполагает осмысление реагирование на услышанное [1, с.9].

Б.Т. Кизатов и С.К. Мадигабаева считают, что при организации процесса аудирования лучшей возможностью для извлечения информации является мысленное представление услышанного через создание визуальных опор [2, с.102-103].

Переводчик, по мнению М.П. Коваленко и Т.С. Серовой, может совершать аудирование как активный мыслительный процесс на основе предложенных рисунков, фотографий, таблиц, схем, графиков и других презентационных материалов [3, с.114].

Е.В. Абрамова указывает на то, что комплексное воздействие на восприятие оказывает сочетание визуальных образов, звука и речи, то есть использование смешанного вербально-невербального контекста в качестве опоры при аудировании. Видеоряк как «динамическая» визуальная опора, отмечает автор, повышает однозначность восприятия, способствуют ориентации в поступающей на слух информации, помогает игнорировать незнакомые слова, способствует догадке по контексту [4, с.104-105].

Агеева Н.В. определяет образное прогнозирование речевых моделей как главную стратегию преодоления психологических барьеров при аудировании [5, с.9]. Автор предлагает сформировать грамматическое пространство в сознании обучающихся в виде образов. Данная стратегия позволила бы компенсировать недостаточные знания обучающихся [5, с.17-18].

О.Ю. Захарова предлагает содержание речевых форм представлять в виде вербальных и содержательных образов [6, с.7-8].

Д.Л. Морозов отмечает, что в процессе аудирования поступающая информация модифицируется в код воспринимающего. Это означает, что механизм памяти функционирует посредством выполнения операций на структурирование, соединение, обобщение, перекодировку, группировку, смысловую организацию, подбор эквивалентных слов [7, с.140].

Автор характеризует процесс перекодирования как высшую форму смысловой группировки. Слушающий перекодирует воспринятый на слух материал в более

удобную для хранения в памяти форму. Информация включается в семантическое поле, возникают образы. Умение ассоциировать аудиоинформацию с визуальной опорой помогает компенсировать её потери [8, с.126-129].

Использование графического изображения в процессе аудирования, по мнению Е.А. Колесниковой, позволяет лучше осознавать структуру аудиотекста, снять нагрузку с оперативной памяти и удерживать произвольное внимание [9, с.11].

Как отмечает С.В. Тимина, оперативная память характеризуется «кратковременностью», следовательно, для увеличения её объема необходима переработка поступившей звучащей информации, основанная на введении новой символики, другими словами, перекодирования [10, с.34].

А.Н. Щукин также считает, что для начинающего аудитора полезными будут искусственно созданные опоры-ориентиры. Зрительная опора способствует развитию языковой догадки и прогностических умений [11].

Процесс понимания при прослушивании состоит из двух этапов: первый этап – это понимание военной специальной терминологии, второй – преобразование фонового знания темы, частью которой является аудируемый текст. Активный слушатель должен уметь объединять услышанную новую информацию со своими предыдущими фоновыми знаниями, чтобы достичь полного и точного понимания содержания. Он должен активно интерпретировать и интегрировать поступающую на слух информацию с имеющимися у него знаниями и опытом. Аудирование – это процесс, с помощью которого формируется мысленное представление аудируемого текста в формате всей изучаемой темы. Активный слушатель объединяет знание темы, языковые знания и выстраивает их взаимодействие.

Восприятие на слух – это не узкий процесс. Он включает в себя фоновые знания по теме; только путем предварительной активизации фонового знания понимание может быть достигнуто.

Т.В. Макаревич указывает на связь процесса понимания при аудировании с предыдущим опытом реципиента, знанием темы сообщения, ситуацией или контекстом, то есть с созданием в сознании слушающего так называемых «сценариев» [12, с.14].

Т.А. Саутова отмечает важную роль в процессе аудирования так называемой «преднастройки», которая является основой для функционирования механизма антиципации [13, с.272].

С.В. Тимина также указывает на связь процесса аудирования со знанием ситуаций общения [10, с.5].

Е.А. Руцкая считает, что одним из способов создания ситуативной основы является видеоряк. Информативность и занимательность видеоряка – фактор, способствующий осмыслению и пониманию содержания звучащего текста [14, с.111].

Звучащая речь, по мнению С.В. Тиминой, воспринимается посегментно, то есть каждый сегмент в восприятии приводится в соответствие с существующими в долговременной памяти слуховыми образами [10, с.21].

Изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов.

Активное прослушивание может происходить во всех типах контекстов прослушивания (ситуациях). Если курсант взаимодействует с другими курсантами имеет место интерактивное прослушивание, при прослушивании монологической речи – одностороннее прослушивание. В интерактивном прослушивании курсанты вовлекают других курсантов в повторение и объяснение своих сообщений, прежде всего для того, чтобы получить больше информации и построить своё собственное сообщение.

В одностороннем прослушивании, где контекст не позволяет курсантам быть активными слушателями, необходимо использовать соответствующие стратегии, чтобы облегчить понимание, развить у курсантов уме-

ние прогнозирования и умение делать умозаключения, а также для того, чтобы курсанты умели контролировать и оценивать своё понимание.

Цель активного слушания состоит не в том, чтобы взять на себя инициативу в разговоре, а в том, чтобы развивать динамику разговора для узнавания большего.

Курсант должен понимать процессы, происходящие при слушании. Для того, чтобы достичь этого, он должен владеть навыками «активного слушателя», которые могут использоваться отдельно или интегрироваться с другими навыками для достижения цели.

Прослушивание текста всегда детерминировано определённым контекстом, то есть происходит в рамках определенной ситуации.

Активное слушание для курсантов будет более продуктивным через включение курсанта в различные учебные ситуации, такие как участие в военных брифингах, многонациональных учениях, миротворческих или боевых миссиях. Умение слушать необходимо курсантам-будущим военным переводчикам для того, чтобы они могли продуктивно общаться при решении совместных стратегических задач.

Преподаватели, применяющие метод «активного слушания» в обучении военному английскому языку, могут подготовить умелого слушателя через создание соответствующих учебных ситуаций.

Важно также заранее прогнозировать трудности, с которыми курсанты будут сталкиваться во время прослушивания, и обучать курсантов преодолевать эти трудности. Для этого преподавателю необходимо сначала распознать потенциал своих обучающихся в умении слушать, обнаружить их пробелы и понять, какие результаты они хотят получить после завершения обучения по программе.

Если преподаватели иностранного языка военных вузов заранее будут прогнозировать, с какими ситуациями обучающиеся будут иметь дело в будущем, они смогут создать комплекс обучающих материалов для аудирования, которые наилучшим образом соответствуют этим ситуациям. Учебные материалы должны быть эффективны для достижения целей, основанных на потребностях курсантов в конкретной профессиональной области их будущей службы.

Для создания учебных ситуаций мы использовали возможности SMART-доски, на которой мы создаём символично-знаковое поле изучаемой темы, в состав которой будет входить аудируемый текст.

Проблема декодирования информации, то есть трансформация вербальной информации в символы, имеет особую значимость в современной коммуникации.

Символично-знаковое поле представляет собой набор символов, связанных между собой определёнными формальными связями. Символично-знаковое поле можно создавать на SMART-доске и использовать его как основу введения в тему перед прослушиванием иноязычного текста. Символично-знаковое поле выступает в качестве контекста, на который накладывается информация прослушиваемого текста. Основой для создания такого поля может служить модель ситуации, описываемой в тексте. Модель ситуации удерживается в памяти курсанта и облегчает понимание аудируемого текста.

Символы не просто соотносятся с объектами, описываемыми в тексте, они ещё имеют свое наполнение. Возможности SMART-доски позволяют курсанту «зайти в глубь» символа для получения какой-либо уточняющей информации в виде вербального текста или видеоролика.

Умения аудирования, отмечает Е.К. Ибакаева, необходимо формировать на основе специально организованных упражнений, обеспечивающих «процесс раскрытия, восстановления, воссоздания смысловых связей и отношений в высказывании, происходящих за счет объединения, группировки, расчленения, выделения главного, установления эквивалентных замен» [1, с.11].

На экране SMART-доски развертывание символично-знакового поля происходит через выполнение определённых упражнений. Этот процесс носит дискретный (пошаговый) характер и происходит в рамках развертываемой ситуации. Ниже мы приводим упражнения для развертывания символично-знакового поля по теме «Рода войск и службы армии США»:

1. Подберите английские и русские термины, соотнесите их с символами боевых родов войск и родов войск поддержки армии США (рисунки 1,2).

2. Подберите для каждой службы тылового обеспечения средства, необходимые для поддержания боеготовности армии: военную технику, боеприпасы, топливо, продовольствие (рисунок 3).

3. Во время прослушивания выберите символы объектов, о которых будет идти речь в тексте (рисунок 4).

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Символично-знаковое поле – интегральная структура, которая включает как содержание аудируемого текста, так и всю тему, частью которой является аудируемый текст. Перед прослушиванием модель ситуации в виде символично-знакового поля помогает курсанту включиться в тему, а затем связать ее с информацией, которую он услышит в тексте. С созданным на экране символично-знаковым полем курсант может производить различные действия: группировать, классифицировать. Символы организуются в определенные смысловые структуры. Смысловые структуры развертываются по алгоритму, определяемому преподавателем. Развертывание символично-знакового поля на экране привлекает внимание курсанта своей динамикой, вовлекает его во развёртывающийся сюжет. Курсант становится активным участником сюжета. При аудировании текста курсант отбирает на экране объекты, закодированные в символах, и располагает их в той последовательности, в которой они звучат в тексте. Затем курсант производит различные трансформации в соответствии с ситуацией, описанной в звучащем тексте.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Символы как визуальные подсказки необходимы курсанту не только для семантического понимания, но и для последующего воспроизведения прослушанной информации. Поэтому продолжение исследования будет ориентировано на создание поля предстоящего речевого действия с использованием возможностей SMART-доски.

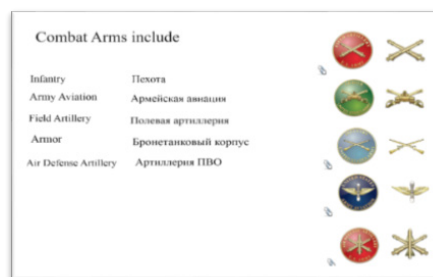


Рисунок 1



Рисунок 2



Рисунок 3

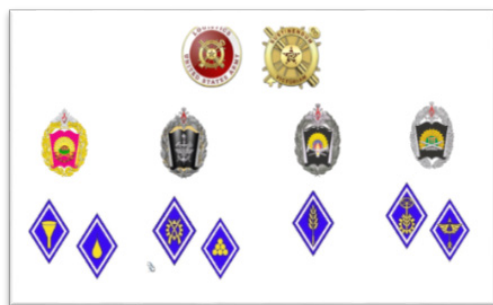


Рисунок 4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ибакаева Е.К. Обучение младших школьников аудированию как виду речевой и учебной деятельности: автореф. дис. ... канд.пед.наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.
2. Кизатов Б.Т., Мадигаева С.К. Трудности восприятия иноязычной речи при аудировании // Путь науки. 2015. № 2 (12). С. 102-104.
3. Коваленко М.П., Серова Т.С. Переводческое аудирование в речевой деятельности: единица устного последовательного одностороннего перевода // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 110-119.
4. Абрамова Е.В. Обучение студентов технического вуза аудированию сообщений на иностранном языке с использованием интернет-ресурсов // Вестник МГЛУ. Выпуск 12 (591) 2010. С.102-108.
5. Агеева Н.В. Стратегии преодоления студентами психологических барьеров при аудировании иноязычной речи: автореф. дис. ... канд.пед.наук. Курск, 2009. 22 с.
6. Захарова О.Ю. Обучение аудированию аутентичных текстов-интервью учащихся старших классов школ с углубленным изучением английского языка: автореф. дис. ... канд.пед.наук. Ярославль, 2009. 21 с.
7. Морозов Д.Л. Роль памяти в обучении иноязычному аудированию // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Часть 1. №4(34). С.140-142.
8. Морозов Д.Л. Теоретические основы обучения иноязычному аудированию // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №1. С. 126-130.
9. Колесникова Е.А. Обучение аудированию с письменной фиксацией существенной информации студентов первого курса языкового педагогического вуза: автореф. дис. ... канд.пед.наук. М., 2008. 21 с.
10. Тимина С.В. Методика обучения иностранных студентов аудированию на материале языка специальности (на этапе вводно-предметного курса) дис. ... канд.пед.наук. Нижний Новгород: НГПУ, 2003. 223 стр.
11. Шукин А.Н. Применение аудиовизуальных средств на занятиях по русскому языку со студентами-иностранцами: Тексты лекций. М., 1979. 51 с.
12. Макаревич Т.В. Формирование умений аудирования лекций по специальности у иностранных студентов-русистов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода: автореф. дис. ... канд.пед.наук. М., 2011. 25 с.
13. Саутова Т.А. Обучение аудированию как одному из видов рецептивной деятельности // Вектор науки ТГУ. 2012. №2(9). С.272-273.
14. Руцкая Е.А. Отбор видеокурса при обучении аудированию устных переводчиков // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь: ПНИПУ. 2012. №6. С.106-113.
15. Петрова Н.Э. Работа с аудиовизуальными средствами на практических занятиях с иностранными студентами в системе русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 203-206.
16. Петрова Н.Э. Работа с аудиоматериалами на практических занятиях по русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 46-49.

17. Садыкова Р.Х. Организация учебного аудирования на начальном этапе обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 245-248.

18. Самчик Н.Н. Принципы развития навыков аудирования иноязычной речи на начальном этапе обучения // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 54-56.

19. Балабас Н.Н. Ключевые аспекты обучения аудированию иноязычной речи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 36-39.

20. Burlachenko N.V. Features of using technology of problem-based learning while foreign language studying // Научен вектор на Балканите. 2019. Т. 3. № 1 (3). С. 19-21.

21. Дмитриева Д.Д. Роль наглядных и технических средств в процессе интенсификации обучения русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 74-76.

Статья поступила в редакцию 06.11.2019
Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 372.881.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0026

ПОЛЯРНОСТЬ ЧЕРТЫ - МИНИМАЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА ВОСТОЧНОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ЗНАКА, КАК ЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ

© 2020

SPIN-код: 2232-4249

AuthorID: 1053037

Стрельников Игорь Анатольевич, преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации

Хабаровский государственный университет экономики и права

(680035, Россия, Хабаровск, улица Тихоокеанская, 134, e-mail: jpreigion@gmail.com)

SPIN-код: 2704-8675

AuthorID: 147799

Блинов Леонид Викторович, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики педагогического и дефектологического образования

Тихоокеанский государственный университет

(680035, Россия, Хабаровск, улица Тихоокеанская, 136, e-mail: astrax@list.ru)

Аннотация. В данной статье рассматривается организация принципа полярности при написании идеографических знаков восточных языков Китая и Японии в процессе обучения специалистов в сфере профессиональной деятельности. Иероглиф изучается в качестве самодостаточной и самоорганизующейся, единой и цельной энергоинформационной структуры, а именно идеограммы, через посредство связанных между собой черт, которые выступают в роли минимальных элементов восточного письменного знака как для китайского, так и для японского, и корейского языков. Несмотря на различные стили написания иероглифов: уставной, полускоропись и скоропись, наличия многообразных каллиграфических почерков и подходов мастеров каллиграфии к искусству изображения тушью и кистью на бумаге, «святыя письма» во все времена содержали строго определённое количество черт. При этом каждая черта имела своё значение и наименование. Черты писали в соответствии с уставом, соблюдая определённый порядок написания и правила построения идеографического знака. Принято считать, что идеограммы содержат восемь базовых черт, их энергоинформационная характеристика представлена в виде таблицы. Черты, как протоэлемент идеографического знака повторяются в самых разных сочетаниях. В этой связи требуется научить специалиста практическим навыкам и умениям в особой сфере Восточной культуры - письменности японского и китайского языка, понимать искусство каллиграфии, владеть историей и теорией иероглифики, как предметом. Изучение принципа полярности требуется для решения задачи эффективного и качественного образования специалистов-востоковедов и преподавателей восточных языков.

Ключевые слова: черта, базовые черты, штрих, точка, графема, идеографический знак, иероглиф, идеограмма, иероглифические ключи, полярность, протоэлемент, чертаж, востоковедение, восточная письменность, японский язык, китайский язык, каллиграфия, уставной стиль письма, скоропись, полускоропись.

POLARITY OF THE STROKE - THE MINIMUM ELEMENT OF THE EASTERN IDEOGRAPHIC SIGN, AS AN ENERGY-INFORMATIONAL MATRIX

© 2020

Strelnikov Igor Anatolievich, teacher of the Department of foreign languages and intercultural communication

Khabarovsk State University of Economics and Law

(800356, Russia, Khabarovsk, Pacific street, 134, e-mail: jpreigion@gmail.com)

Blinov Leonid Viktorovich, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of theory and methodology of pedagogical and defectological education

Pacific State University

(680035, Russia, Khabarovsk, Pacific street, 136, e-mail: astrax@list.ru)

Abstract. This article discusses the organization of the principle of polarity in writing the ideographic signs of the eastern languages of China and Japan in the process of training specialists in the field of professional activities. The hieroglyph is studied as a self-sufficient and self-organizing, single whole energy-informational structure, namely an ideogram, through interconnected strokes. These strokes act as minimal elements of the oriental written sign for Chinese, Japanese, and Korean. Despite the different styles of writing characters: block script, semi-cursive script and cursive script, the presence of diverse calligraphic handwritings and the approaches of calligraphy masters to the art of ink and brush on paper, "sacred letters" at all times contained a strictly defined number of strokes. Moreover, each stroke had its own meaning and name. Strokes were written in accordance with the charter, observing a certain order of writing and the rules for constructing an ideographic sign. It is generally accepted that ideograms contain eight basic strokes, their energy-information characteristics are presented in table form. Strokes as a proto-element of an ideographic sign are repeated in various combinations. In this regard, it is required to teach the specialist practical skills in the especial field of Eastern culture - the writing of the Japanese and Chinese languages, to understand the art of calligraphy, to master the history and theory of hieroglyphics as subject. The study of the principle of polarity is required to solve the problem of effective and high-quality education of Orientalists and teachers of Oriental languages.

Keywords: stroke, basic features, dash, point, grapheme, ideographic sign, hieroglyph, character, ideogram, hieroglyphic keys, polarity, proto-element, drawing, oriental studies, oriental writing, Japanese, Chinese, calligraphy, block script, semi-cursive script and cursive script.

Актуальность. Известно, что восточная идеографическая письменность в течение тысячелетий приобретала то или иное художественное выражение. Это характерно для *шу ти* – 書體 каллиграфических почерков, которые отображают принцип телесности в искусстве [1]. В течение последнего столетия в Китае разнообразие почерков увеличивается, достигая значения более ста. В Японии наблюдается аналогичная картина, когда

мастер каллиграфии привносит свою индивидуальность и творчество в искусство написания иероглифа кистью и тушью на бумаге. Неслучайно искусство каллиграфии называется в японском языке *сёдо*: 書道 «путь кисти (письма)» [2]. В качестве глубокой медитации в практике цзэн-буддизма каллиграфия именуется по-другому, *бокусэки* 墨跡 «след туши» [3]. Известны три основных стиля письма по скорости написания в Китае и Японии

– уставной (стандартный) стиль, полукурсивный (полускоростной) и курсивный (скоростной) стиль [2, 4]. Меняются эпохи, пристрастия к почерку, шрифту, скорости написания, орнаментальные и пластические составляющие иероглифической письменности, но неизменной остаётся минимальный элемент иероглифа, который может быть поименован как протоэлемент – черта [5].

В той же мере сохраняется количество черт в каждом традиционном иероглифе, наряду со строгими требованиями к порядку их написания в соответствии с уставом [6]. Условно последовательность написания черт в иероглифе можно обозначить просторечным словом – чертаж, который неукоснительно соблюдается на протяжении веков. Устав означает порядок и правила написания черт при построении идеографического знака [7]. Особенно важно заучивание порядка написания черт при написании ключей. Стоит отметить и направление движения кисти: в большинстве случаев кисть движется слева – направо, сверху – вниз и, значительно реже, справа – налево, совсем редко снизу – вверх. В китайском, японском и корейском языках используется равное количество ключевых знаков (ключей), всего их 214 [2, 8]. Известно, что сложный иероглиф состоит из более простых иероглифов, собственно, ключей, и добавочных элементов: графем и черт. Правила устава диктуют строгую очерёдность написания черт и элементов идеографического знака последовательно, с соблюдением направления движения кисти слева – направо, сверху – вниз: что с небес даровано [9].

В этой связи перед специалистами образования в профессиональной деятельности ставится непростая задача: владеть не только теоретическими знаниями по иероглифике, истории происхождения идеографических знаков, но и практическими навыками в особой сфере Восточной культуры – искусстве каллиграфии.

Материалы исследования представлены чертами как минимальными графическими единицами иероглифа, и состоящими из них некоторыми показательными идеографическими знаками восточной письменности Китая и Японии. Каждый иероглиф / графема представлен набором элементов, черт, которые определяют изображение знака на бумаге и отражают индивидуальную энергоинформационную структуру иероглифа [10, 11].


Графема (греч. γράφω, пишу) – минимальная единица письменности: в алфавитных системах письма – буква, в неалфавитных – слоговой знак, иероглиф, идеограмма и другие [12].

Черта (черты) в иероглифической письменности – это наименьшая дознаковая единица идеографического письма, которая служит для конструирования иероглифов. Графическим признаком черты можно считать точку или линию, написанную за один приём без отрыва орудия письма от поверхности [13]. В тоже время термин *штрих* (от нем. *strich* – линия, черта, зарубка) – является многозначным, штрих представляет собой графический символ или типографский знак в виде короткой наклонной черты [14].

Количество графических единиц, составляющих иероглиф, может варьировать от одной или единственной черты до множества повторяющихся черт или простых составных иероглифов в одном сложном. В среднем, в обычных, широко употребляемых иероглифах восточной письменности, содержится 3–20 черт. В иероглифе *ichi* в значении «один», «горизонталь», графическое изображение иероглифа «единица», представлено единственной чертой, и это в равной степени характерно для китайского, японского и корейского языков. С другой стороны, в японском иероглифе *bonno* «то, что нас беспокоит», «108 пороков человека», содержится 108 черт, при этом интересно заметить, что из них более 30 переданы горизонтальной чертой «ичи» – один. Сравнительная характеристика графического изображения иероглифов «Ичи» и «Бонно» представлена в таблице 1.

Существуют иероглифы с большим, по сравнению со средним, количеством черт. Пример в японском языке: иероглиф *utsu* – меланхолия, 29 черт [15]; *ran* – название мифической птицы Луань (предположительно жар-птица, феникс), 30 черт [15], *daito* – с предположительным значением «дракон в полёте», 84 черты [15, 16]; аналогично и в китайской письменности имеются иероглифы с очень большим количеством черт: 39 черт *bīng* «раскаты грома» [15, 16, 17], 48 черт *dá* «полёт дракона» [15, 17], 57 черт *biáng* – название одного из видов китайской лапши в провинции Шэньси, «Бян» [16, 17, 18], смотрите таблицу 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика иероглифов по составу элементов и количеству черт

№ п/п	Вид иероглифа	Количество черт, название и значение иероглифа
1		Количество черт в иероглифе: 1
		Название: <i>яп.</i> いち [ичи], <i>кит.</i> yī [и]
		Значение: Количественное числительное «один»; горизонтальная черта
2		Количество черт в иероглифе: 108
		Название: <i>яп.</i> ほんのう [бонно:]
		Значение: «108 пороков человека» или «то, что беспокоит наш разум»
3		Количество черт в иероглифе: 29
		Название: <i>яп.</i> うつ [уцу], <i>кит.</i> yù [юй]
		Значение: Меланхолия, уныние
4		Количество черт в иероглифе: 30
		Название: <i>яп.</i> らん [ран], <i>кит.</i> luán [луань]
		Значение: Луань (волшебная птица в китайской мифологии, разновидность феникса)
5		Количество черт в иероглифе: 84
		Название: <i>яп.</i> だいと [дайтэ]
		Значение: «Вид дракона в полёте»
6		Количество черт в иероглифе: 39
		Название: <i>яп.</i> ひょう びょう [хэ: / бэ:], <i>кит.</i> bèng [бэн]
		Значение: «Раскаты грома»
7		Количество черт в иероглифе: 48
		Название: <i>яп.</i> とう [то:], <i>кит.</i> dá [да]
		Значение: «Полёт дракона»
8		Количество черт в иероглифе: 57
		Название: <i>яп.</i> ビイアン [бян], <i>кит.</i> biáng [бян]
		Значение: «Бян» – название одного из видов лапши в китайской провинции Шэньси











При внимательном рассмотрении характеристик каждой составной черты иероглифических знаков хорошо видно, что этот инструментальный ограничен. Черты, как протоэлемент идеографического знака повторяются в разных сочетаниях [9]. Стоит заметить, что имеется набор базовых черт восточной письменности, характерных как для Китая, так и для Кореи и Японии [7, 10, 11], где в период 5–8 веков нашей эры происходило заимствование китайских письменных знаков, и приспособление графем китайского языка к слоговому строю японского языка [5]. Считается, что базовых или основных черт идеографических знаков восемь, их энергетическая характеристика представлена в таблице 2.

И в древности, и в настоящее время, исторически неизменный набор базовых черт в иероглифах письмен-

ных систем китайского, японского и корейского языков, совпадает [7, 10, 11].

В базовых чертах чётко обозначена полярность элементов, которая, безусловно, должна учитываться при воспроизведении иероглифического знака. В зависимости от стиля каллиграфической письменности, внешний вид черты, напряжённость и экспрессия могут меняться, но её полярность и энергетическая составляющая при этом не только не теряются, но, напротив, начинают играть миллионами вариаций.

Таблица 2 – Базовые черты восточной письменности и их энергоинформационная составляющая

№ п/п	Вид черты	Обозначение черты, название на японском и китайском языке, описание черты, действие и полярность согласно китайским трактатам			
1		Обозначение: Точка	5		Обозначение: Восходящая слева
		Название: <i>яп.</i> – 上払い (うへはらい/уэ харай), <i>右撥ね</i> (みぎはね/миги ханэ), <i>掬い上げ</i> (すくいあげ/суки агэ); <i>кит.</i> – 提 (tí/тяо)			Название: <i>яп.</i> – 上払い (うへはらい/хидари бараи); <i>кит.</i> – 弯 (wān/ван)
		Ориентир: 側 (<i>яп.</i> そく/соку; <i>кит.</i> иначе 側 сè/цэ), буквально «сторона, бок».			Ориентир: 策 (<i>яп.</i> さく/саку; <i>кит.</i> сè/цэ), буквально «плетка, стегать»
		Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: опускать			Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: наслаивать
		Полярность по китайскому трактату Шу ши: инь			Полярность по китайскому трактату Шу ши: ян
2		Обозначение: Горизонтальная	6		Обозначение: Изогнутая откидная влево (длинная откидная влево)
		Название: <i>яп.</i> – 横線 (よこせん/ёкосэн), 横画 (よこかく/ёкокаку); <i>кит.</i> – 横 (héng/хэн)			Название: <i>яп.</i> – 左払い (ひだりばらい/хидари бараи); <i>кит.</i> – 弯 (wān/ван)
		Ориентир: 勒 (<i>яп.</i> ろく/року; <i>кит.</i> lè/лэ), буквально «узла, сдерживать»			Ориентир: 掠 (<i>яп.</i> りやく/ряку; <i>кит.</i> lüè/люэ), буквально «расчесывать»
		Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: поднимать			Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: охватывать
		Полярность по китайскому трактату Шу ши: ян			Полярность по китайскому трактату Шу ши: инь
3		Обозначение: Вертикальная	7		Обозначение: Откидная влево (короткая откидная влево; клювовидная точка)
		Название: <i>яп.</i> – 縦線 (たてせん/татэсэн), 縦画 (たてかく/татэкаку); <i>кит.</i> – 豎 (shù/шу)			Название: <i>яп.</i> – 短い左払い (みじかいひだりはらい/мидзикай хидари харай), <i>左払い</i> (ひだりはらい/хидари харай), <i>左撥ね</i> (ひだりはね/хидари ханэ); <i>кит.</i> – 撇 (piě/пе)
		Ориентир: 努 иначе 弩 (<i>яп.</i> ど/до; <i>кит.</i> nǔ/ну), буквально «напрягать силы»			Ориентир: 啄 (<i>яп.</i> たく/таку; <i>кит.</i> zhuó/чжо), буквально «клюв», так как напоминает форму клюва.
		Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: ходить			Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: возвращать
		Полярность по китайскому трактату Шу ши: инь			Полярность по китайскому трактату Шу ши: инь
4		Обозначение: Крюк	8		Обозначение: Откидная вправо (с прижимом)
		Название: <i>яп.</i> – 撥ね (はね/ханэ); <i>кит.</i> – 钩 (gōu/гоу)			Название: <i>яп.</i> – 右払い (みぎばらい/миги бараи), <i>右の払い</i> (みぎのはらい/миги-но харай); <i>кит.</i> – 捺 (nà/на)
		Ориентир: 趨 (<i>яп.</i> てき/тэки; <i>кит.</i> tì/ти), буквально «подскакивать», «брыкаться»			Ориентир: 磔 (<i>яп.</i> たく/таку; <i>кит.</i> zhé/чжэ), буквально «разрывать, раздвигать, растягивать».
		Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: облагораживать			Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: прятать
		Полярность по китайскому трактату Шу ши: ян			Полярность по китайскому трактату Шу ши: ян
4		Обозначение: Крюк	8		Название: <i>яп.</i> – 撥ね (はね/ханэ); <i>кит.</i> – 钩 (gōu/гоу)
		Ориентир: 趨 (<i>яп.</i> てき/тэки; <i>кит.</i> tì/ти), буквально «подскакивать», «брыкаться»			Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: прятать
		Действие по китайскому трактату Лянь би ба фа: облагораживать			Полярность по китайскому трактату Шу ши: ян
		Полярность по китайскому трактату Шу ши: ян			Написание: Здесь приводится древний обычай разрывать живьем жертвенное животное, обозначавшийся иероглифом磔 (<i>яп.</i> はりつけ/харицукэ; <i>кит.</i> zhé/чжэ). Конец кисти при написании движется вниз, откидная как будто «широко раздвигается, словно разрывается», и затем, после расставленного акцента, вновь собирается вместе. Другое название – «лопатка».
		Написание: а) Восходящая черта «словно подпрыгивает». б) Если человек «пинает ногой», то сила «перемещается в пальцы ступни». Сила самого движения кисти сосредотачивается именно в точке завершения движения. Может иметь название – хвост.			

Лянь би ба фа – трактат «Восемь методов ведения кистью / 連筆八法»; с принадлежностью элементов черт к инь-ян, как к энергетической полярности, согласно

трактату «Энергопотоки в каллиграфии/書勢(Шу ши)» Чэн Яо-тяня: движения кисти вниз соответствуют полярности *инь* (точка, вертикальная черта, откидная изогнутая влево), движения кисти вверх – полярности *ян* (горизонтальная черта, крюк, откидная вверх слева); центростремительный вектор движения соотносится с *инь* (откидная сверху влево), а центробежный – с *ян* (откидная сверху вправо) [19].

При написании черт, для соблюдения полярности необходимо учитывать и использовать основополагающие и взаимопроникающие энергии: *инь* и *ян*. Всё, что накапливается, сворачивается, тяжёлое, проявленное – это характеристика энергии *инь*. То, что необычайно распахнуто и дерзновенно распространяется, есть энергия *ян* [20].

Выводы и обсуждение. Как все процессы, происходящие во Вселенной, так и порядок написания черт в идеографическом знаке, подвержен чёткой закономерности.

Нарушение последовательности написания черт в иероглифе может приводить не столько к нарушению визуальной композиции знака, сколько к дезорганизации энергетического равновесия единой и целостной энергоинформационной структуры, чем, собственно, и является идеографический знак.

Это, в свою очередь, может приводить к искажению информационно составляющей, а также к искривлению пространственно – временного континуума.

Чтобы сбалансировать как внутреннее, так и внешнее энергетическое равновесие, необходимо слияние энергетических потоков мастера каллиграфии, в лице которого должен выступать специалист по востоковедению, используемой им кисти, как инструмента материализации, воплощения и точного воссоздания энергопотоков Вселенной из неосязаемой энергии в реальное плотное и осязаемое, видимое изображение на плоском листе бумаги.

Точный и твёрдый характер начертания идеографического знака, с соблюдением устава, непременно выразится в гармонии и энергетическом балансе, перенесённом из пространства-времени и отражённом в видимом образе иероглифа, начинающем свою собственную материальную жизнь.

После переноса энергоинформационной матрицы, другими словами, слеска энергии из пространства-времени на лист бумаги равно на другую материю, красота, сила и гармония иероглифического знака, в качестве осязаемого источника энергии, начинает своё обратное влияние на окружающий мир. Недаром полотна, написанные великими каллиграфами, необыкновенно ценятся, выставляются в музеях, хранятся в красном углу дома, покупаются на аукционах. Например, *токонома* в японском доме представлена нишей в стене с обязательным свитком из вязи иероглифов как произведением искусства.

Черта как составной элемент иероглифа отражает энергетическую и пластическую целостность не только собственной структуры, но и каждого конкретного момента пространственно-временного континуума. Вбирая и отдавая энергии, идеографический знак сообщается со всей полнотой бытия.

Черта непосредственно манифестирует определенные духовно-энергетические состояния, минуя их знаковую формализацию: 1) «горизонтальная черта» обозначает движение, разграничивающее верхнюю (небесную) и нижнюю (земную) сферы, прошлое и будущее; 2) «вертикальная черта» разграничивает симметрию восточной (начало дня) и западной (завершение дня) сфер; 3) «откидные черты» создают движение, по векторам перемещения во времени и пространстве; 4) «точка» отражает движение с началом отсчёта; 5) «крюк» связан с движением перехода по координатным векторам [20].

В образе идеографического знака воплощён принцип полярности – один из семи основных принципов миро-

здания.

Вселенная имеет свои полюса, свои противоположности, но при кажущейся взаимоисключительности, они суть единая энергоинформационная матрица мироздания, идентичные по природе и различные по высоте вибраций энергии: любовь и ненависть, благодарность и безразличие, радость и горе, женское и мужское, плюс и минус, белое и черное, начало и конец, и прочие пары ложных противоположностей, которые, являясь обоюдными полюсами, не могут существовать друг без друга. Гармония проявляется в единении, слиянии и дополнении двух противоположностей как результат творчества и созидания, в процессе овладения мастерством каллиграфии каждого специалиста-востоковеда в его практической деятельности.

Иероглифический знак в свете теории полярности может быть охарактеризован как безначальный и бесконечный символ, ибо энергия мироздания, воплощением которой и являются, по нашему мнению, иероглифы как «святые письма», не имеет начала, а влияние воплощённых в материальном мире энергий в виде письменного знака, на окружающий мир, не имеет конца. «Символ есть связь между двумя мирами, знак иного мира в этом мире. Символ выражает какое-то абстрактное качество Божества, которое миряне легко могли понять...». – Владимир Соловьёв.

Знание законов Вселенной, мироздания, в том числе принципа полярности, даёт возможность человеку развивать свое сознание, становиться гармоничной и творческой личностью, приобретать профессиональные навыки, вывести образование на качественно новый уровень.

Каллиграфия закладывает жизнеутверждающие принципы через гармонию письменного знака уже на уровне черты. Глубокое знание иероглифики и каллиграфии зарождается через овладение методическими основами и качественными компетенциями в целях воспитания всесторонне развитого и подготовленного специалиста-востоковеда и/или педагога-востоковедом для их профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белозёрова В.Г. Традиционное искусство Китая. В 2 т. Том 1: Неолит — IX век / отв. ред. М.Е. Кравцова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 648 с.
2. Каммонко В.Ф. Японско-русский словарь иероглифов / В.Ф. Каммонко. Ростов-на-Дону, 2016. 560 с.
3. Бokusэки [Электронный ресурс]. URL: http://tanjabodhi.blogspot.com/2018/06/blog-post_9.html (дата обращения: 08.01.2020).
4. Белова Н.Д. Введение в иероглифику: методические указания. М.: Проспект, 2017. 88с.
5. Стрижак У.П. Основы теории и практики японской иероглифики. 日本の漢字の理論と実践. Практикум. М.: Издательство «МОНОГАТАРИИ», 2012. 144 с.
6. Стаут Т.Г., Тимоти Г. Японские иероглифы для начинающих. М.: Издательство АСТ, 2019. 320 с.
7. Шафир М.А. Китайский язык. Особенности письма. Прописи. СПб.: КАРО, 2017. 112 с.
8. Лихолетова О.Р. Японский язык: учеб. пособие по иероглифике: начальный уровень. М.: МГИМО-Университет, 2017. 160 с.
9. Сторожук А.Г. Введение в китайскую иероглифику: учебно-справочное издание. – Изд. 4-е, доп. и испр. СПб.: КАРО, 2017. 592 с.
10. Лихолетова О.Р. Японский язык: иероглифика: начальный уровень – 2: учеб. Пособие. М.: МГИМО-Университет, 2018. 321 с.
11. Пак Т.А. Основы иероглифики для изучающих корейский язык: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Антология, 2015. – 256 с.
12. Графема [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.01.2020).
13. Черта в иероглифике [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.01.2020).
14. Штрux [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.01.2020).
15. Иероглиф *utsu* – меланхолия, *ran* – птица Луань, *daïto* – «дракон в полёте», *bing* «раскаты грома», *dá* «полёт дракона» [Электронный ресурс]. URL: <http://nihonshock.com/2009/10/crazy-kanji-highest-stroke-count/> (дата обращения: 08.01.2020).
16. Иероглиф *daïto* – «дракон в полёте», *bing* «раскаты грома», *biáng* – лапша «Бян» [Электронный ресурс]. URL: <https://cotoacademy.com/the-most-difficult-japanese-kanji/> (дата обращения: 08.01.2020).
17. Иероглиф *bing* «раскаты грома», *dá* «полёт дракона», *biáng* – лапша «Бян» [Электронный ресурс]. URL: <https://konnichiwa.ru/page/301/> (дата обращения: 08.01.2020).
18. Иероглиф *biáng* – лапша «Бян» [Электронный ресурс]. URL:

<https://matome.naver.jp/odai/2144230372940075701?&page=5> (дата обращения: 08.01.2020).

19. Белозёрова В.Г. Юн цзы ба фа永字八法 «восемь правил иероглифа юн» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru> (дата обращения: 08.01.2020).

20. Белозёрова В.Г. Искусство китайской каллиграфии: анализ культурной традиции : диссертация ... доктора искусствоведения : 24.00.01. М., 2004. 447 с.

Статья поступила в редакцию 07.01.2020

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378:159.9:004.4

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0027

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «BIOPAC STUDENT LAB» ПРИ ОЦЕНКЕ
ПРАКТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ И ВЛАДЕНИЙ У СТУДЕНТОВ
ФАКУЛЬТЕТА КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

© 2020

AuthorID: 917482

SPIN: 3306-1212

Соколова Надежда Игоревна, ассистент кафедры
нормальной физиологии

AuthorID: 918218

SPIN: 6064-8858

Петрова Елена Владимировна, ассистент кафедры
нормальной физиологии

AuthorID: 452040

SPIN: 3813-8010

Ткаченко Павел Владимирович, доктор медицинских наук, доцент,
заведующий кафедрой нормальной физиологии

Курский государственный медицинский университет

(305004, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3 e-mail: PWTkachenko@rambler.ru)

Аннотация. В образовательных стандартах всех уровней образования утверждается инновационный подход к обучению, ключевым понятием которого является компетентностный подход. Компетентность - основополагающее понятие интеллектуальной части системы получения навыков, знаний и опыта, относящихся к сфере деятельности специалиста. В настоящее время одной из задач высшей школы является определение требований к качеству подготовки специалистов, для чего необходимо создать систему оценки компетенций. Основные компетенции у студентов факультета клинической психологии формируются при проведении практических занятий. В статье приведены возможности применения психофизиологического оборудования Biopac Student Lab с подробным описанием проводимых исследований на практических занятиях для формирования профессиональных компетенций. На основе данной системы разработаны лабораторные работы, отвечающие требованиям при подготовке высококвалифицированных специалистов-психологов. На примере практических навыков у студентов факультета клинической психологии отмечено эффективное применение высокотехнологических приборов в образовательном процессе. Основные сформулированные выводы в статье могут быть полезны всем преподавателям высшей школы. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о важности реализации компетентностного подхода в обучении и необходимости дальнейшего научного исследования в этом направлении.

Ключевые слова: компетентностный подход, психофизиологическое оборудование, Biopac Student Lab, профессиональная деятельность

**FEATURES OF THE APPLICATION OF "BIOPAC STUDENT LAB" IN THE EVALUATION
OF PRACTICAL SKILLS AND OWNERSHIP AT STUDENTS
OF THE FACULTY OF CLINICAL PSYCHOLOGY**

© 2020

Sokolova Nadezhda Igorevna, assistant of the department
of normal physiology

Petrova Elena Vladimirovna, assistant of the department
of normal physiology

Tkachenko Pavel Vladimirovich, doctor of Medical Sciences, associate Professor,
head of the department of normal physiology

Kursk State Medical University

(305004, Russia, Kursk, Karl Marx Str., 3 e-mail: PWTkachenko@rambler.ru)

Abstract. Educational standards at all levels of education approve an innovative approach to learning, the key concept of which is a competency-based approach. Competence is a fundamental concept of the intellectual part of the system for obtaining skills, knowledge and experience related to the field of activity of a specialist. Currently, one of the tasks of higher education is to determine the requirements for the quality of training of specialists, for which it is necessary to create a system for assessing competencies. The main competencies of students of the Faculty of Clinical Psychology are formed during practical classes. The article presents the possibilities of using the psychophysiological equipment Biopac Student Lab with a detailed description of the research conducted in practical classes for the formation of professional competencies. Based on this system, laboratory works have been developed that meet the requirements in the preparation of highly qualified psychologists. On the example of practical skills, students of the Faculty of Clinical Psychology noted the effective use of high-tech devices in the educational process. The main conclusions formulated in the article can be useful to all teachers of higher education. The conducted study allows us to conclude that it is important to implement a competency-based approach in training and the need for further scientific research in this direction.

Keywords: competency-based approach, psychophysiological equipment, Biopac Student Lab, professional activity

АКТУАЛЬНОСТЬ

Ключевым моментом высшего профессионального образования является внедрение компетентностного подхода при оценке качества результатов образования [1]. Основополагающим понятием «компетентность» определяют интеллектуальную составляющую и систему навыков, интегрирующую умения, знания и опыт, относящиеся к сферам деятельности специалиста [2;3]. Таким образом, компетенции составляют характеристики, описывающие уровень или степень знаний, которые любой специалист способен реализовать [3-11].

Компетентностный подход у студентов факультета клинической психологии меняет современные образовательные цели. До настоящего времени образование основывалось на фундаментальных знаниях и подготовке специалистов широкого профиля. Приоритетом выбора современного специалиста-психолога является быстрая адаптация к профессиональной деятельности и умение креативно мыслить. Внедрение в образовательный процесс компетентностного подхода к обучению решает поставленные задачи [12-16].

Отмечено, что основная профессиональная компе-

тенция отождествляется как уровень всесторонней профессиональной грамотности, включающей в себя не только набор знаний и умений, а способность целостного восприятия ситуации, готовность к применению имеющихся навыков, к получению нового, ранее не известного продукта. Поэтому в настоящее время одной из задач высшей школы является определение требований к качеству подготовки специалистов-психологов, для чего необходимо создать систему оценки компетенций [13].

Основные компетенции у студентов факультета клинической психологии формируются при проведении практических занятий. Так, на кафедре нормальной физиологии первостепенное значение уделяется навыкам абстрактного мышления, анализа и синтеза при решении практических и теоретических задач профессиональной деятельности, а также практическому опыту анализа профессионально типичных ситуаций с использованием категориального аппарата в рамках избранных видов профессиональной деятельности [17,18].

Для достижения подобных навыков современная образовательная среда студента факультета клинической психологии требует наличия на практических занятиях современного психофизиологического оборудования с использованием современных методик о познавательных функциях, эмоционально-личностной сфере человека [19-21].

Данным требованиям удовлетворяет использование на практических занятиях Biopac Student Lab. На основе данной системы разработаны лабораторные работы, отвечающие требованиям при подготовке высококвалифицированных специалистов-психологов. Одним из наиболее информативных и комплексных методов психофизиологического обследования человека – это использование полиграфа (комплексной реакцией человека на сказанное) [22].

На рисунке 1 приведен пример протокола лабораторной работы для студентов при работе с полиграфом. При выполнении данного вида работы учитываются психофизиологические особенности реагирования, связанных с контролем вегетативной нервной системы. Протекание данного вида реакций характеризуется отсутствием сознательного контроля со стороны человека, и испытываемые эмоции (страх, грусть, радость, удивление) достоверно регистрирует полиграф, при этом регистрируются изменения в частоте дыхательных движений, частоте сердечных сокращений и изменении сопротивления кожи.

Урок 9: ЭДА & Полиграф Страница 2

Электродермальная Активность & Полиграф

ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗМЕРЕНИЙ

Имя студента: _____

Секция лаборатории: _____

Дата: _____

Сведения о пациенте

Имя _____ Рост _____

Возраст _____ Вес _____

Пол: Мужской / Женский

I. Полученные данные и Вычисления

A. Заполните Таблицу 9.1, используя данные Сегмента 1.

Отметьте В при возрастании, У при убывании и НИ (нет изменений) при отсутствии изменений базовой линии.

Таблица 9.1 Данные Сегмента 1

Процедура (событие)	ЧСС		Частота дыхания [СН 40 1/мин]	ЭДА [СН 3 Значение]
	[СН 41 Значение]	[СН 42 Значение]		
Расслабленное состояние (базовая линия)				
Имя				
Счет от 10				
Счет от 30				
Прикосновение к лицу				

Рисунок 1 - Протокол лабораторной работы с полиграфом

Наиболее часто используемый метод диагностики в практике психолога, это методика, основанная на био-

логической обратной связи (БОС). БОС — физиологическая составляющая, которая включает в себя комплекс исследовательских, физиологических, профилактических сеансов, в ходе которых испытуемому с использованием внешней цепи обратной связи, организованной посредством компьютерной техники, предъявляется информация о состоянии и динамике тех или иных физиологических процессов. Используются сенсорные сигналы-стимулы (зрительные, слуховые, тактильные), в результате чего тренируются навыки саморегуляции и изменение лабильности регуляторных механизмов физиологических функций и психоэмоционального состояния человека [22].

Работы данного типа особо важны для специалистов, т.к. в процессе обучения на комплексе Biopac Student Lab студенты получают междисциплинарную подготовку в области фундаментальных вопросов и закономерностей функционирования живого организма, а также вопросов практической психофизиологии и нейрофизиологии. Модульная организация данного комплекса позволяет настраивать систему для решения различных задач при каждом эксперименте.

Цель нашего исследования оценить возможности применения системы Biopac Student Lab на практических занятиях у студентов факультета клинической психологии при формировании профессиональных компетенций.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

На практических занятиях на кафедре нормальной физиологии Курского государственного медицинского университета по дисциплине «Практикум по нейрофизиологии», «Психофизиология», «Клиническая психофизиология» с 2016 года применяются лабораторные работы на основе добровольного информированного согласия, исследующие кожно-гальваническую реакцию у человека в норме и при стрессе, регистрацию электронейрограмм и электромиограмм при разных эмоциональных состояниях, практические работы с использованием биологической обратной связи по показателям сердечно-сосудистой и дыхательной систем, выявление реакции человека на поставленные вопросы с использованием полиграфа. Результаты практических умений и владений были оценены по пятибалльной шкале у студентов факультета клинической психологии за 2010-2019 годы.

В таблице 1 приведены средние значения практических умений и владений у студентов факультета клинической психологии с 2010 года по 2017 год без использования психофизиологического оборудования системы Biopac Student Lab, а с 2016 по 2019 с его применением (см. табл.1).

Таблица 1 - Средние значения уровня практических умений и владений у студентов факультета клинической психологии

Учебный год	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018-2019
Среднее значение	3,1	3,0	3,4	3,5	3,2	3,7	4,1	4,2	4,1

Анализируя полученные результаты, установлено, что при использовании комплекса Biopac Student Lab студенты факультета клинической психологии эффективнее сдают практические умения и владения, что свидетельствует о формировании основных профессиональных компетенций, возрастает скорость решения ситуационных профессиональных задач, являющихся разделами аудиторной и внеаудиторной работ, а также повышают уровень теоретической подготовки в целом.

Применение психофизиологического оборудования на занятиях мотивирует студентов заниматься научно-исследовательской деятельностью. Комплекс для электрофизиологических исследований Biopac Student Lab активно применяется на кафедре в научных целях в рамках студенческого научного общества.

ВЫВОДЫ

Таким образом, для повышения эффективности и

углубления медицинской направленности преподавания дисциплин по предметам «Практикум по нейрофизиологии», «Психофизиология», «Клиническая психофизиология» на кафедре нормальной физиологии предлагаем внедрить в учебный процесс изучение конкретных методов, а также разработать пособие по современным методикам изучения на основе современных технологий, нашедших широкое применение в практике психолога (биологическая обратная связь, полиграф и т.д.). Подобные аспекты медицинской направленности преподавания дисциплин закладывают основу клинического мышления будущих специалистов.

Исходя из вышесказанного следует, что примененные системы Biopac Student Lab стимулирует все виды учебной деятельности, повышает объем базовых фундаментальных знаний, совершенствует уровень освоения практических умений и владений, мотивирует студентов к освоению учебных дисциплин путем дифференциации и интеграции оценок их учебной работы, учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болотов, В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. - 2003. - №10. - С. 8-14.
2. Володин Н.Н. Медицинское образование на рубеже веков / Н.Н. Володин, В.С. Жуков // Лечащий врач. - 2000. - №4. - С. 68-70.
3. Ярычев Н.У., Дудаев Г.С. - X. Компетентностный подход как фактор повышения качества образования // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. - 2015. - № 8 - 5. - С.154.
4. Лазурина, Л.П. Повышение качества образования в современных условиях / Лазурина Л.П., Калущий П.В., Ткаченко П.В. // В сборнике: Биотехнология и биомедицинская инженерия сборник научных трудов по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курский государственный медицинский университет. Курск, - 2018. - С. 9-10.
5. Шкиль О.С. Профессиональная адаптация студентов в контексте компетентностного подхода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 137-139.
6. Сысоева Ю.Ю. Компетентностный подход при формировании иноязычной компетенции у студентов неязыковых вузов в условиях ФГОС третьего поколения // Карельский научный журнал. 2015. № 3 (12). С. 36-40.
7. Катержевская О.В. Реализация компетентностного подхода в профессиональной подготовке будущего педагога // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 64-67.
8. Таранцева К.Р., Моисеев В.Б., Пятирублевый Л.Г. Распределение заданий по уровню сложности и учебным целям при разработке компетентностного подхода к оцениванию знаний // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 3. № 6 (28). С. 161-165.
9. Ваганова О.И., Прохорова М.П., Гладкова М.Н., Гладков А.В., Дворникова Е.И. Проектирование оценочных средств в условиях деятельности компетентностного подхода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 87-90.
10. Усатова И.Ю. Реализация компетентностного подхода в обучении английскому языку студентов языковых направлений подготовки с помощью интерактивных технологий // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 38-42.
11. Гладков А.В., Кутепов М.М., Трутанова А.В. Разработка фондов оценочных средств в условиях реализации компетентностного подхода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 138-141.
12. Keen, K. Competence: What Is It and How Can It Be Developed? In Lowyck, J., de Potter, P., Elen, J. (Eds.) Instructional Design: Implementation Issues (111 - 122). - Brussels: IBM Education Center, 1992. - 247 p.
13. Зуева И.В. Компетентностный подход в обучении английскому языку студентов-психологов // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. - 2015. - № 8. - С. 191-200.
14. Ефименко Ю.А. Развитие навыков общения и умения слушать у будущих психологов-консультантов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 342-345.
15. Нефедов И.А., Нефедова И.Г. Психологические аспекты профессионального развития психолога-консультанта // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 382-383.
16. Тарасова Е.В. Компоненты жизнеспособности психологов и психотерапевтов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 425-429.
17. Дружилов, С.А. Профессионализм как реализация ресурса индивидуального развития человека // Ползунов.вестн. - 2004. - № 3. - С. 200-208.
18. Зеер, Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования / Э. Зеер, Э. Сыманюк // Высшее образование в России. - 2005. - №4. - С 23-30.
19. Товажнянский, Л.П. Совершенствование методов обучения и оценки знаний студентов высших учебных заведений / Л.П.Товажнянский, С.И.Бухало, М.К.Кошелева // Вестник НТУ

«ХПИ». - 2013. - №9 (983). - С.3-15.

20. Ишмухаметов, И. Проблемы оценки знаний студентов в процессе освоения предметов гуманитарного цикла / И.Ишмухаметов, М.Брук // *Musdienu izglitibas problemas*. - Rīga, 2009. - С.114-121.

21. Десятов, Т.М. Дидактические основы контроля знаний, умений и навыков студентов / Т.М.Десятов // Информационно-коммуникационные технологии в современном образовании: опыт, проблемы, перспективы: сб. научн. трудов третьей междунар. научн.-практ. конф., г. Львов, 12-14 ноября, 2012 г. - Львов, 2012. - С.19-22.

22. Соколова, Н.И. Влияние тренинга с биологической обратной связью на показатели сердечно-сосудистой системы/ Соколова Н.И., Петрова Е.В., Ткаченко П.В. // Региональный вестник. 2019. - № 13 (28). - С. 3-4.

Статья поступила в редакцию 16.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.018.43

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0028

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ

© 2020

AuthorID: 448794

SPIN: 7563-3025

Татаринов Константин Анатольевич, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент, маркетинг и сервис»

Байкальский государственный университет
(664003, Россия, Иркутск, улица Ленина, 11, e-mail: tatarinov723@gmail.com)

Аннотация. Роль ученика и учителя в системе преподавания через Интернет меняется местами. Учащийся – это субъект в этом процессе, знание – это динамический процесс взаимодействия с окружающей средой, процесс приобретения знаний – это открытие законов, управляющих реальностью. Лектор – онлайн-инструктор сопровождает онлайн-студента в процессе познания окружающей среды и помогает ему понять новую реальность. Всё это предъявляет повышенные требования к дидактическим материалам, которые должны помочь в раскрытии новой реальности. Поэтому содержание лекционного материала насыщается как можно большим количеством кейс-стадий, которые требуют поиска множества альтернатив решения поставленной задачи. Онлайн-студент должен найти решение проблемы и для этой цели он стремится приобрести необходимые знания. Эффективность при этом повышается, чем если бы он сначала получил теоретические положения, которые нужно запомнить, и только позже узнал, где их можно использовать. В статье представлены наиболее важные наблюдения, связанные с внедрением системы ИТ-обучения. Системы дистанционного обучения могут применяться для получения знаний в любом возрасте. Эта форма обучения требует использования соответствующего ИТ-оборудования, программного обеспечения и определённых цифровых навыков.

Ключевые слова: электронный преподаватель, электронный студент, электронное обучение, онлайн-курс, информационные технологии, информационное общество, онлайн-обучение, онлайн-преподаватель, вебинар, контент, ритм обучения, дидактический материал, учебный материал, кейс-стадии, мотивация студента, онлайн-уроки.

EDUCATION AS A TEACHING TECHNOLOGY

© 2020

Tatarinov Konstantin Anatolyevich, Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Management, Marketing and Service

Baikal State University
(664003, Russia, Irkutsk, street Lenina 11, e-mail: tatarinov723@gmail.com)

Abstract. The role of the student and the teacher in the system of teaching via the Internet is changing places. The learner is a subject in this process, knowledge is a dynamic process of interaction with the environment, the process of acquiring knowledge is the discovery of the laws governing reality. Lecturer-online instructor accompanies the online student in the process of cognition of the environment and helps him to understand the new reality. All this places increased demands on didactic materials, which should help in revealing the new reality. Therefore, the content of the lecture material is saturated with as many case studies as possible, which require the search for a variety of alternatives to solve the problem. Online student must find a solution to the problem and for this he seeks to acquire the necessary knowledge. The effectiveness of this is increased compared to if he first received the theoretical data that need to be remembered, and only then learned where they can be used. The article presents the most important issues related to the implementation of the IT-training system. Distance learning systems can be used to gain knowledge at any age. This form of training requires the use of appropriate equipment, software and certain digital skills.

Keywords: e-teacher, e-student, e-learning, online course, information technology, information society, online learning, online teacher, webinar, content, learning rhythm, didactic material, teaching material, case study, student motivation, online lessons.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Скорость изменения нашего мира постоянно увеличивается, поэтому мы воспринимаем наш мир как мир перемен. Для нашего общества характерна сложность экономики и межличностных отношений. Это приводит к тому, что меняется характер работы, появляются новые профессии, а прежние становятся не актуальными. Сегодня прошлое не является опорой для будущего. Наступила эпоха неопределённости, которая приводит людей в деструктивное состояние. Темп изменений сейчас настолько высок, что философско-эстетическое осмысление не может успеть за ним [1]. Успешные модели поведения прошлых поколений не могут быть прямо перенесены в наше время [2]. То же относится и к системе образования, которая должна соответствовать требованиям современного студента.

Вопросами электронного обучения в различных аспектах занимались такие ученые, как: Т.Н. Иванова, Е.В. Грязнова, Ю.В. Брызгалова, Н.В. Измestьева, Л.Ю. Николаева, А.В. Богданова, А.А. Коростелев, Е.Ю. Коновалова, В.Н. Рукавишников В.Н., Г.В. Рыбакова Г.В., Т.Г. Бондаренко, В.В. Колмаков и др.

Иванова Т.Н. отмечает, что дистанционное обучение в XXI веке – это самая эффективная система подготовки специалистов [3].

Грязнова Е.В., Брызгалова Ю.В., Измestьева Н.В., Николаева Л.Ю. выделяют причину актуальности концепции непрерывного образования – нестабильный и быстро меняющийся социум [4].

Богданова А.В., Коростелев А.А. предлагают свой подход к для оценки учебного процесса с применением дистанционных технологий на основе КРП [5].

Богданова А.В., Коновалова Е.Ю. определяют группы показателей, по которым можно производить оценку качества дистанционных учебных курсов [6].

Рукавишников В.Н., Рыбакова Г.В. говорят о возможности осуществления быстрой обратной связи, наглядности учебного материала и возможности многократного консультирования [7].

Бондаренко Т.Г., Колмаков В.В. выдвигают гипотезу о том, что система дистанционного образования имеет значительный «запрос снизу», поэтому обладает высоким потенциалом внедрения [8].

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель статьи заключается в выявлении путей повышения качества электронного образовательного процесса. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- определить роль мультимедийности электронного обучения;
- выявить универсальные компоненты для любых онлайн-курсов.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. С точки зрения теории систем для миропонимания самое главное – это не потерять весь мир при описании мира. Для системы базовое свойство выражается в принципе – всё вместе больше, чем сумма частей. При изучении системы образования в целом важно увидеть не только её свойства, но и способы взаимодействия её элементов. Система образования не может быть изолирована от других форм поведения или потребностей людей. Уменьшая систему образования до схемы, мы имеем дело с фрагментом поведения людей, который никоим образом не совместим с их поведением во всем спектре нужд и потребностей, предъявляемых цивилизацией нашего времени.

Потенциал человека и его интеллектуальный капитал – это коллективное богатство страны, которое нельзя не замечать и не учитывать изменения, которым подвержено наше время [9]. Необходимо рационально определить требования, которые эти информационные изменения порождают. Одним из этих требований является цели образования и поведения людей. Человек, собирающий и накапливающий только знания, уже пережиток прошлого века, и сегодня важно учиться делать что-то полезное. Научные исследования человеческого мозга и его возможностей дают множество новых идей, которые должны быть использованы в образовании будущего. Необходимо принять неопределённость как один из аспектов будущего. Ещё древнегреческий писатель и философ Плутарх писал: «Разум – это не сосуд для наполнения, а огонь, который необходимо просто разжечь». Это изречение может служить хорошим вектором развития образования в новой эпохе.

Цифровизация видоизменяет социальную парадигму общества и открывает новые возможности для новых знаний [10]. Непрерывное обучение современного человека приводит к повышению уровня его образования, а это в свою очередь сильно влияет на экономическую ситуацию в стране. Например, решается вопрос «не знаю с чего начать» при развитии предпринимательства в моногородах [11]. Появилась новая парадигма приобретения знаний и восприятия обучения как циклического процесса, который продолжится на протяжении всей жизни. Наблюдается повсеместное использование информации как основного ресурса. Мгновенное внедрение современных IT-технологий вынуждают общество постоянно углублять и обновлять знания людей в различных областях жизни. IT-технологии стали неотъемлемой частью политики, культуры и экономики [12]. Вузы признают большую пользу от внедрения самого передового обучения с использованием мобильных IT-устройств. Всё это связано с повышением эффективности учебного процесса [13]. Умелое управление знаниями студентов или работников компаний, способствует повышению конкурентоспособности вузов и субъектов предпринимательства. Современные студенты – люди-смартфоны, которые в своей повседневной жизни уже используют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), поэтому можно с полной уверенностью говорить о необходимости всестороннего внедрения ИКТ в высшем образовании [14].

В США и во многих других развитых странах, которые смоделировали свои системы онлайн-образования на основе американских решений, предполагается, что основой для создания онлайн-курсов является «индустриальный дизайн». Эта образовательная теория определяет принципы обучения, требующие большую активность студентов с элементами краудсорсинга [15]. Можно выделить следующие универсальные компоненты, необходимые при разработке онлайн-курсов:

1. Мотивация студента. Одной из форм привлечения и удержания внимания онлайн-студента является яркая и заманивающая окраска страницы и специально добавленные графические элементы. Однако следует помнить

при этом, что избыток этого типа «добавок» имеет противоположный эффект – он отвлекает и утомляет пользователя. Основой добавления графических элементов должны стать стили обучения. Традиционно человек получает информацию через пять органов чувств, и зрение со слухом занимают в сумме 94%. Существуют множество отличий в восприятии преподаваемого контента. Например, некоторые онлайн-студенты лучше всего усваивают материал, представленный в форме словесного описания, в то время как другие предпочитают данные, представленные в форме рисунков, диаграмм или таблиц. Третьим более понятно будет слушать лекцию, чем читать её. Чтобы дать равные возможности всем онлайн-студентам, стоит использовать разные формы передачи знаний. Мотивированным можно считать лишь того студента, который констатировал, что предлагаемая ему учебная активность ему нравится или вовлекает его, и он может, хочет и старается её соблюдать [16].

2. Объяснение учебного материала. В онлайн-образовании также важно предоставление учебного контента. В традиционном бумажном учебнике он обычно линейный, тогда как материал, хранящийся в форме веб-страницы, может использовать гиперссылки, которые позволяют онлайн-студенту пропускать уже известный материал или углубляться в тот, который будет ему представлять интерес. Несмотря на несомненные достоинства такого подхода, нельзя забывать, что в таком свободном плавании легко потерять нить и пропустить информацию, необходимую для овладения требуемым материалом. Поэтому задача онлайн-преподавателя состоит в том, чтобы точно определить в самом начале изучения, какие навыки потребуются от онлайн-студента в конце курса и что он должен по факту знать.

3. Ссылки на прошлые знания. Система гиперссылок должна использоваться для определения связей между текущим обучаемым материалом и прошлым. Указание на взаимозависимости, а еще лучше обращение к уже известным закономерностям, явлениям и фактам не только повышает скорость усвоения новых знаний, но и закрепляет материал, изученный ранее. Ссылка на информацию, представленную в другом разделе онлайн-курса, заставляет студента вспоминать или дополнять знания, если он не изучал их своевременно. Система гиперссылок также облегчает поиск ультраспециализированного материала для изучения учебного онлайн-курса. Также необходимо создавать кейсы, вопросы, тесты и задачи таким образом, чтобы их решение требовало использование уже пройденных учебных материалов.

4. Презентация материала. Преподаватель онлайн-курса, разрабатывая материал для презентации, должен учитывать специфику онлайн-работы как дополнение к различным стилям обучения. Это означает, что индивидуальные онлайн-уроки не должны длиться более 20-25 минут. Традиционная форма лекции в аудитории должна быть заменена активными формами, и в первую очередь включать онлайн-обсуждения в мессенджерах, а также групповую работу. Теоретические знания должны быть собраны в прилагаемый PDF-файл и даны ссылки на литературные позиции.

5. Поддержка онлайн-студентов. Большая часть работы онлайн-студента выполняется им самостоятельно, поэтому необходимо ему оказывать помощь через соответствующие советы или даже подсказки. Это особенно важно при инклюзивном онлайн-обучении [17,18]. Размещение в учебных материалах реальных кейс-стадий позволять получить не только знания, но и эмоции. Важно также сформировать список наиболее часто задаваемых вопросов (FAQ) и ответы на них. Прежде чем представить онлайн-курс в открытый доступ, преподаватель должен сам пройти его в качестве обучающегося. Тем самым он сможет определить пригодность данного курса для достижения целей обучения [19].

6. Поощрение собственной активности. Этот момент напрямую связан с подачей знаний. Эффективность он-

лайн-обучения во многом зависит от активности учащегося. Поэтому необходимо создать среду, способствующую различным формам деятельности, посредством обсуждения и групповой работы. Этот шаг в обучении напрямую связан с типом курсов, которые преподаются. Невозможно дать одну универсальную модель для наполнения дидактического контента интерактивными элементами. Один тип команды относится к предмету, в основном основанном на решении задач, а другой – к объектам, в которых основная цель состоит в том, чтобы запомнить определения. Онлайн-образование, как форма обучения, требующая инновационных методов и подходов, может служить фундаментом для преодоления стереотипов и представлений о современных формах обучения. Например, довольно легко сформировать ввод открытых вопросов для математики или статистики. С другой стороны, тематическое исследование, связанное с социально-экономическими науками, позволит анализировать конкретные решения в зависимости от принятого метода решения. Этот подход имеет шанс стать гораздо более эффективным методом изучения математических наук экономистами. Применительно же к гуманитарным предметам, таким как философия или психология, вместо запоминания понятий и концепций, практические дискуссии существенно повысят степень усвоения материала.

7. Информативная, позволяющая онлайн-студенту самостоятельно оценить свой прогресс в обучении. При решении всех типов задач студент должен получать текущие советы через мобильную оперативную коммуникацию о правильности предложенных им решений или о подкачках в ситуации, когда он не может самостоятельно справиться с проблемой. Следует помнить, что не все и не сразу решат задать вопрос онлайн-преподавателю, и будет гораздо проще связаться с ним, например, по отдельной ссылке.

8. Оценка за обучение. Независимо от контрольных заданий, которые позволяют студенту увидеть, освоил ли он необходимые знания в данном модуле, онлайн-преподаватель также должен иметь возможность оценить успеваемость ученика. Поэтому он должен предвидеть сложность учебных задач, которые будет выполнять каждый онлайн-студент. Хорошим мотивирующим фактором для эффективной работы является представление задач, выполняемых на общем форуме, таким образом, чтобы они также оценивались другими студентами в общем чате. Осознание того, что работа будет оцениваться всеми обычно стимулирует студента. Каждый блок должен заканчиваться набором контрольных упражнений, которые должны быть выполнены за определённое время.

9. Поддержка процесса консолидации и расширение приобретенных знаний и навыков. Лучшим способом изучения материала является не указание на их связь с ранее изученными теоретическими положениями, а расширение или дополнение представленного контента. Такая задача успешно решается с помощью гиперссылок на литературу, ссылок на сайты со смежными вопросами и ссылок на словари с наиболее важными понятиями, в том числе с элементами геймификации [20].

Подготовка учебных материалов прямым образом связана с формой проведения занятий. Мультимедийность электронного обучения может давать экстремальные результаты через особое восприятие и запоминание учениками эмоционально окрашенного материала через интуитивные реакции [21].

Как в обычном аудиторном, так и в электронном обучении самый подготовленный учебник без учителя мало что значит. Мультимедийные надстройки могут улучшать форму общения, а элементы взаимодействия дополняют прямой контакт с онлайн-преподавателем и другими онлайн-студентами, но роль преподавателя в процессе обучения совсем не уменьшается, а принимает совершенно другую форму. Например, онлайн-препода-

ватель уже не тот, кто предоставляет знания, он является координатором учебного процесса. Именно он решает, когда и сколько времени студент потратит на изучение материала и какой объем знаний он получит.

При создании дидактических материалов, некоторые правила, касающиеся формы проведения занятий, могут быть перенесены непосредственно из традиционного обучения, тогда как другие приобретают особое значение именно в отношении обучения через Интернет. Например, контакт онлайн-преподавателя с участниками онлайн-курса очень важен. При отсутствии возможности наблюдать за реакцией онлайн-студентов вовремя вебинара, желательно, чтобы онлайн-преподаватель мог проверять уровень приобретения знаний в общих комментариях, а не только на итоговом экзамене. Бывает, что онлайн-студенту не удается найти время для учебы и у него быстро возникает академическая задолженность, что часто приводит к унынию и даже к отказу от онлайн-обучения. Поэтому важно, чтобы структура онлайн-курса требовала отправки отчетов, выполнения письменных заданий и участия в дискуссионном чате. Кроме того, большинство дистанционных обучающих систем позволяют отслеживать частоту входа в систему, что также предоставляет онлайн-преподавателю информацию о деятельности онлайн-студентов. В ситуации, когда онлайн-преподаватель замечает отсутствие онлайн-студента в системе, он должен попытаться выяснить причину проблемы, установить контакт с онлайн-студентом в мессенджере, чтобы побудить его принять участие в консультациях и попытаться помочь в погашении академической задолженности. Поскольку проблема организации времени является основной проблемой для многих онлайн-студентов, полезно часто проверять активность студентов и быстро реагировать, если обнаруживаются трудности. С другой стороны, также важно, чтобы у онлайн-студентов было чувство, что кто-то заинтересован в их учёбе, в их учебном прогрессе и постоянно проверяет их посещаемость и активность на занятиях. Результаты у студентов проявляются тем интенсивнее, чем более полно и грамотно составлен онлайн-курс. Наиболее востребованы те онлайн-курсы, в которых искусно переплетается игра с обучением [21]. Таким образом, преподаватель, проводящий онлайн-курс, должен присутствовать не только в часы, отведенные для консультаций, но также должен систематически проверять отправленные задания, комментировать результаты и требовать от онлайн-студентов соблюдения установленных сроков выполнения домашних работ.

Выводы исследования и перспективы дальнейшего изучения данного направления. В заключении стоит сказать, что проблема проведения онлайн-занятий является настолько обширной темой, поэтому вышеупомянутые положения указывают только на некоторые изменения, связанные с ролью онлайн-преподавателя в контексте занятий, проводимых удалённо. Только проработанный и качественно организованный онлайн-учебный процесс позволяет добиться высокого уровня знаний у обучающихся [22]. Качество обучения в удалённых системах выводит образование на новый уровень и позволяет студентам получать знания и овладевать навыками, которые не будут стремительно устаревать в будущем.

Электронное обучение является новой формой образования, тесно связанной с цифровой экономикой, и требует методичной работы по определению места его использования на всех уровнях образования начиная с начального и заканчивая переподготовкой людей предпенсионного возраста [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Суходолов А.П. СМИ и виртуальная реальность: новые возможности и перспективы / А.П. Суходолов, С.В. Тимофеев // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2018. – Т. 7. № 4. – С. 567-580.
2. Хлебович Д.И. Интегрированные маркетинговые коммуникации театра: экспертная оценка использования и развития / Д.И. Хлебович, И.В. Сергушкина // *Практический маркетинг*. – 2018. – № 12 (262). – С. 10-19.

3. Иванова Т.Н. Тенденции и перспективы дистанционного образования / Т.Н. Иванова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2015. – № 2 (11). – С. 42-45.
4. Грязнова Е.В. К вопросу о природе дистанционного образования / Е.В. Грязнова, Ю.В. Брызгалова, Н.В. Измestьева, Л.Ю. Николаева // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2018. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 169-172.
5. Богданова А.В. Анализ и программирование учебного поведения студентов, обучающихся дистанционно / А.В. Богданова, А.А. Коростелев // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 49-52.
6. Богданова А.В. Актуальные вопросы оценки качества дистанционных учебных курсов / А.В. Богданова, Е.Ю. Коновалова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 79-83.
7. Рукавишников В.Н. Модель оптимизации процесса обучения с использованием электронных образовательных ресурсов / В.Н. Рукавишников, Г.В. Рыбакова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 233-236.
8. Бондаренко Т.Г. Дистанционное обучение как активная образовательная технология: оценка целесообразности внедрения / Т.Г. Бондаренко, В.В. Колмаков // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 53-57.
9. Баева О.Н. Оценки участия руководителей в дополнительном профессиональном образовании на основе данных статистических наблюдений / О.Н. Баева // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2016. – Т. 26, № 6. – С. 980-986. – DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(6).980-986.
10. Полевая Н.М. Проблемы реализации дистанционной формы обучения по дополнительным образовательным программам в вузе / Н.М. Полевая, В.В. Ситникова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 163-166.
11. Карпикова И. С. Предпринимательская активность населения моногородов: социологическая оценка проблем и перспектив / И. С. Карпикова, Е. И. Нефедьева, А. А. Москаленко // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. – 2015. – Т. 25, № 5. – С. 781-787. – DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).781-787.
12. Бахарев Н.П. Формирование интерактивного контента для дистанционного обучения студентов в высшей школе / Н.П. Бахарев // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2019. – Т. 8. – № 3 (28). – С. 35-38.
13. Тагаров Б.Ж. Основные направления развития рынка онлайн-образования в России / Б.Ж. Тагаров // *Креативная экономика*. – 2018. – Том 12. – № 8. – С. 1201-1212 – doi: 1018334/ce12839269.
14. Рудая М.А. Особенности методического обеспечения электронного обучения слушателей по программам дополнительного профессионального образования / М.А. Рудая, О.Е. Шафранова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 175-178.
15. Баева О.Н. К вопросу о сущности и масштабах использования краудсорсинга / О.Н. Баева, Г.В. Мальшиченко // *Baikal Research Journal*. – 2017. – Т. 8. № 2. – С. 27-39.
16. Ваганова О.И. Вебинар как средство организации самостоятельной работы студентов в условиях дистанционного обучения / О.И. Ваганова, М.Н. Гладкова, А.В. Гладков, М.О. Сундеева, М.А. Татаренко // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2016. – Т. 5. – № 2 (15). – С. 31-34.
17. Зимица Е. В. Теоретико-методологические подходы к социально-психологическому сопровождению инклюзивного образования / Е. В. Зимица, С. К. Малахаева // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, 4. – DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(4).1.
18. Сабанов З.М. Особенности организации дистанционного обучения инвалидов в учреждениях профессионального образования / З.М. Сабанов // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2017. – Т. 6. – № 3 (20). – С. 374-377.
19. Красноярцева О.В. Новые медиаплатформы: принципы функционирования и классификация / О.В. Красноярцева // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2016. – Т. 5, № 1. – С. 45-57. – DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).45-57.
20. Анохов И.В. Игровой аспект экономики / И.В. Анохов // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. – 2013. – № 2(88) – С. 5-9.
21. Карпикова И.С. Привлечение аудитории к цифровым СМИ с помощью элементов геймификации / И.С. Карпикова, В.В. Артамонова // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2018. – Т. 7, № 4. – С. 599-614. – DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).599-614.
22. Баева О.Н. Поколение Y: мотивация в работе и обучении / О.Н. Баева, С.В. Пинайкина // *Управление корпоративной культурой*. – 2016. – № 2. – С. 134-139.
23. Суходолов А.П. Факторная модель оценки состояния цифровой экономики / А.П. Суходолов, И.А. Слободняк, В.А. Маренко // *Известия Уральского государственного экономического университета*. – 2019. – Т. 20. № 1. – С. 13-24.

Статья поступила в редакцию 25.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 372.881.1
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0029

ВЛИЯНИЕ МОДАЛЬНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НА ВЫБОР МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© 2020
SPIN: 2134-9781
Researcher ID: K-6987-2015
ORCID: 0000-0002-9768-2137

Темяникова Элеонора Борисовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Московское высшее общевойсковое командное училище
(109380, Россия, Москва, улица Головачева, 2, e-mail: temyanikova_eleo@mail.ru)

SPIN: 3090-8990
Researcher ID: L-1179-2015
ORCID: 0000-0001-8926-3912

Валяева Елена Федоровна, преподаватель
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20, e-mail: evalyaeva@gmail.com)

Аннотация. Выбор эффективных методов преподавания и обучения иностранному языку всегда волновал и преподавателей-практиков, и теоретиков-методистов. Долгое время существовало мнение, что ведущая перцептивная модальность (аудиальная, визуальная или кинестетическая) играет определяющую роль при выполнении заданий на аудирование, чтение, письмо и говорение, соответственно. Однако, последние исследования в этой области показали, что прямой зависимости между каналом получения информации и успешностью выполнения определенного задания, возможно, нет. Наличие некой перцептивной способности может лишь создать благоприятные условия для овладения тем или иным способом коммуникации, но не более того. Целью описанного в данной статье эксперимента является поиск ответа на вопрос, существует ли необходимость учитывать доминирующие каналы восприятия студентов, то есть их слуховое, зрительное или тактильное восприятие, при подготовке заданий по аудированию. Участниками эксперимента являются студенты 3 года обучения НИУ ВШЭ Факультета мировой экономики и мировой политики в количестве 55 человек. Студентам было предложено пройти диагностический тест (С.Ефремцева) на определение доминирующей перцептивной модальности, выявляющий аудиалов, визуалов или кинестетиков. Затем студенты выполнили тест на аудирование из сборника по подготовке к сдаче международного сертифицированного экзамена на знание делового английского языка уровня C1 (BEC Higher 2). Сопоставив полученные результаты, можно сделать вывод, что наличие ведущей аудиальной модальности не является значимым фактором, влияющим на успех аудирования. Опыт показывает, что привлечение всех каналов получения информации для выполнения заданий по формированию разных коммуникативных умений более эффективно.

Ключевые слова: метод преподавания, обучение иноязычному общению, канал получения информации, доминирующая перцептивная модальность, аудиалы, визуалы, кинестетики, полимодальность восприятия, аудирование, тестирование, вид речевой деятельности, индивидуализация обучения

INFLUENCE OF MODALITY PREFERENCE ON LISTENING TEACHING METHODS IN ADVANCED FOREIGN LANGUAGE LEARNING

© 2020

Темяникова Элеонора Борисовна, candidate of philological sciences, associate professor
of the Department of Foreign Languages
Moscow Higher All-arms Command Military School
(109380, Russia, Moscow, street Golovacheva, 2, e-mail: temyanikova_eleo@mail.ru)

Valyaeva Elena Fedorovna, lecturer
National Research University Higher School of Economics
(101000, Russia, Moscow, street Myasnitskaya, 20, e-mail: evalyaeva@gmail.com)

Abstract. The choice of effective teaching methods and of the ways of learning a foreign language has always been a matter of concern for both practicing teachers and teaching methods specialists. The leading perceptive modality (audial, visual or kinesthetic) was thought to play a crucial role in doing tasks in listening, reading, writing and speaking, respectively. However, the latest research in the field shows that the way of receiving information may not determine the success in performing a particular task. Some remarkable inherent perceptive ability can facilitate the progress in improving communication skills, but may not guarantee it. The aim of the experiment described in this article is to find out if there is a need to favor a student's leading perceptive modality in designing teaching materials to develop listening skills. Fifty-five third-year students of the Higher School of Economics, Faculty of World Economy and International Affairs, took part in the experiment. They did the test to identify the leading perceptive modality (S. Ephremtsev), audial, visual or kinesthetic. Then students did the test in listening from Cambridge Business English Certificate Higher 2 Student's book, level C1 according to the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR). The examination and interpretation of findings enable us to conclude that the leading audial perceptive modality is not significant enough to determine success in the listening test. Our practice suggests that engaging all ways of receiving information simultaneously is more effective to develop different communication skills.

Keywords: a teaching method, teaching communication in a foreign language, a way of receiving information, the leading perceptive modality, audial, visual, kinesthetic, polymodality of perception, listening, testing, the kind of language skills, an individual approach in teaching

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Все методические усилия преподавателей иностранного языка направлены на успешное усвоение студентами предъявляемой языковой информации, на формирова-

ние умений и навыков использования этой информации для решения коммуникативных задач. Преподаватели-практики находятся в постоянном поиске современных, наиболее эффективных методов обучения. Чтобы добиться поставленной цели, разумно учитывать когнитивный потенциал студентов, их психофизиологиче-

ский профиль, особенности восприятия новой информации, тип доминирующей перцептивной модальности. Комплексный подход невозможен без привлечения наработок в разных областях научного знания о человеке. Междисциплинарный анализ восприятия нового знания, исследования на стыке психологии, физиологии, педагогики и методики позволяют определить наиболее оптимальные способы предъявления и активизации языкового материала и, таким образом, способствуют решению практических задач в процессе обучения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Вопросы перцептивной модальности при обучении иностранному языку рассматривались многими авторами [1-5]. Традиционно все люди делятся на три группы в зависимости от того, какой тип перцептивной модальности является у них ведущим, т.е. какой канал получения информации является для них более предпочтительным: слух, зрение или двигательная активность. Согласно этому критерию, тестовая методика С. Ефремцева определяет три группы людей: аудиалы, визуалы и кинестетики [1,6]. Считается, что аудиалы имеют больше шансов успешно справляться с задачами восприятия иноязычной речи на слух, чем визуалы, которые гораздо легче воспринимают информацию через зрительный канал. Для успешного выполнения задания кинестетику требуются движения, телесные ощущения.

В более поздних работах к трем традиционным группам людей, сформированным по типу восприятия, добавились ещё несколько. Например, Т.Н. Бандурка дополнительно выделяет гаптическую (осозательную), висцеральную (с концентрацией внимания на внутренних процессах), обонятельную, вкусовую модальности и восприятие энергии как отдельный вид перцептивной модальности [5]. У нас вызывает сомнение необходимость такого дробления и детализации путей получения знаний для дидактических целей. Хотя использовать эту информацию в качестве дополнительных ориентиров вполне возможно.

Учет ведущего типа перцептивной модальности всегда считался важным для индивидуализации процесса обучения, для выработки индивидуальных образовательных траекторий [7-13]. В зарубежной методике под индивидуализацией обучения понимают не только учет индивидуальных психофизиологических особенностей студентов, но и самостоятельный выбор режима обучения, уход от жесткого расписания занятий, самостоятельный выбор программ и курсов обучения [14, 15]. В отечественной методике это понятие трактуется более узко и больше связано с теорией доминирующей перцептивной модальности. Под индивидуализацией обучения понимают «организацию учебного процесса, при котором выбор способов, приёмов и темпов обучения учитывает индивидуальные различия учащихся, уровень развития их способностей к учению. Также под индивидуализацией понимается система управления учебно-познавательной деятельностью учащихся с учетом индивидуальных психологических особенностей каждого ученика.» [8; с.810]. Однако фактически реализация индивидуального подхода в обучении довольно проблематична в связи с объективными условиями организации учебного процесса, например, ограниченным количеством учебных часов, наполняемостью языковых групп в неязыковом вузе, насчитывающих на данный момент в среднем 15 человек. При этом преподаватели осознают, что использование индивидуальных особенностей познания каждого отдельного студента очень эффективно. Такой подход сокращает и время, и усилия обеих сторон учебного процесса: и преподавателя, и учащегося. Но такая идеальная парная работа «преподаватель - студент» возможна, как правило, при индивидуальном обучении или преподаватель вынужден избира-

тельно относиться к студентам группы, выбрав два-три человека и давая им отдельные задания, часто в рамках внеаудиторной работы. Учитывая стандартную нагрузку преподавателя, эта дополнительная задача не всегда вызывает у него энтузиазм. Таким образом, индивидуализация обучения в стандартной группе неязыкового вуза не распространяется на всех студентов группы и является дополнительным грузом для преподавателя. Она не оправдывает себя ни в плане эффективной организации учебного процесса с охватом всех студентов, ни в плане трудовых издержек со стороны преподавателя.

Ситуация может измениться и меняться к лучшему с появлением в аудиториях возможностей использования информационных компьютерных технологий [16]. Появилась возможность составлять компьютерные программы, предназначенные на студентов разного уровня языковой подготовки, с разной скоростью обработки одного учебного материала, для студентов с разными типами перцептивной модальности, с разными интересами, с разной степенью мотивации. Данная тенденция находит положительный отклик у современных студентов, представителей цифрового поколения Z. Это дает надежду на увеличение вовлеченности студентов в учебный процесс, на его интенсификацию и оптимизацию. Но использование ИКТ предполагает наличие необходимых компетенций преподавателя и наличие у него физического времени на разработку компьютерного варианта индивидуальных заданий для разноуровневых студентов.

Таким образом, анализ методической литературы на тему учета перцептивной модальности студента в процессе обучения показал, что подобный учет эффективен и в полной мере возможен при индивидуальном подходе к обучаемому, когда преподаватель выступает в роли тьютора и компетентного помощника. Реалии вузовской жизни не создают благоприятных условий для полноценной реализации индивидуального подхода ко всем студентам на всех этапах образовательного процесса.

Обосновывается актуальность исследования. Идеальных условий на всех этапах обучения нет, но можно ли создать условия для учета перцептивной модальности на отдельном фрагменте урока во время работы над одним видом речевой деятельности? И насколько это необходимо? Рассмотрение данных вопросов представляется важным, потому что в случае положительного ответа преподаватели будут уделять больше внимание вопросам индивидуального восприятия, что должно хорошо повлиять на конечный результат обучения. В данной статье описывается результат эксперимента по изучению влияния ведущей перцептивной модальности на успешность выполнения задания на аудирование студентами 3 курса Научного Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Целью данного исследования стал поиск ответа на вопрос, существует ли необходимость учитывать каналы восприятия студентов, то есть их слуховое, зрительное или тактильное восприятие при подготовке заданий по аудированию на продвинутом этапе обучения иностранному языку.

Постановка задания. Исходя из цели исследования, перед авторами встали задачи, во-первых, определить, какие каналы восприятия являются у испытуемых студентов доминирующими, во-вторых, оценить, насколько высоко развит у них навык аудирования английской речи, в-третьих, выявить, наблюдается ли прямо пропорциональная зависимость между высоким уровнем развития аудальной перцепции и результатом выполнения теста на аудирование.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Участниками эксперимента являются студенты 3 года обучения НИУ ВШЭ Факультета мировой экономики и мировой политики в возрасте 20-21 года в ко-

личестве 55 человек, из которых 17 - юноши и 38 - девушки, то есть соответственно 30% и 70%. К моменту проведения эксперимента они изучали университетский курс английского языка в течение трёх лет, и их уровень владения английским языком варьируется от B2 до C2, что было выявлено годом ранее в результате успешной сдачи экзамена по английскому языку за 2 курса в формате IELTS. Помимо английского языка студенты изучают арабский (16%), испанский (13%), итальянский (13%), китайский (14%) и немецкий (44%) языки в качестве первого языка.

Студентам было предложено пройти диагностический тест на определение доминирующей перцептивной модальности С.Ефремцева (<https://psycabi.net/testy/289-test-audial-vizual-kinestetik-diagnostics-dominiruyushchej-perseptivnoj-modalnosti-s-efremtseva>), выявляющий аудиалов, визуалов или кинестетиков, то есть тех, для кого ведущим каналом восприятия является слуховой, зрительный или тактильный, соответственно.

Затем для проверки уровня понимания студентами иностранной речи на слух испытуемым был предложен тест на аудирование. При выборе данного инструмента контроля исследователями было учтено разнообразие эффективных способов проверки понимания, которые могли бы быть использованы для реализации преследуемых целей, но выбор был сделан в пользу тестового задания. Тип теста зависит от цели проверки, от характера критериев, лежащих в его основе. И.Л. Бим выделяла три вида аудирования, а именно на понимание (а) *основного* содержания, с (б) *выборочным* и (в) *полным* пониманием текста [17, с. 30]. Согласно этой классификации, в нашем эксперименте предпочтение было отдано третьему виду теста, тесту на полное понимание содержания. Тест был взят из сборника по подготовке к сдаче международного сертифицированного экзамена на знание делового английского Business English Higher [18]. Согласно международной шкале уровней, установленной Советом Европы, он соответствует уровню C1 (Advanced) (<https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/business-higher/>).

Студенты выполнили задание на множественный выбор одного из четырёх вариантов ответов на 8 вопросов, соответственно, максимальная оценка за аудирование составляет 8 баллов. Этот аудиотекст продолжительностью 5 минут 20 секунд (6:46 с учётом зачитывания задания) представляет собой аутентичный диалог, являющийся частью беседы консультанта по управлению компанией (a management consultant) и сотрудника отдела кадров, обсуждающих текущую ситуацию в компании по изготовлению детской одежды. Выбор был намеренно сделан в пользу задания, которое не отработывалось студентами в ходе занятий, и ставило перед ними задачу повышенной сложности, то есть тест являлся проверкой на уровень владения языком, в противоположность установочным тестам или тестам успешности изучения курса [19].

Задействованный в эксперименте аудиотекст относится к категории высокой сложности и включает в себя незнакомую студентам лексику и, частично, тематику. По причине того, что аудирование представляет собой деятельность сугубо мыслительную и внешне она никак не выражена, перед преподавателем встаёт задача «выводить осуществляемые действия на внешний план с помощью специально разработанных для этой цели системы заданий и обсуждать с учащимися, что именно им кажется наиболее сложным, чему с их точки зрения необходимо уделить внимание» [19, с.75]. В частности, к трудностям использованного в данном исследовании аудиотекста можно отнести следующие:

о *Трудности аудирования как вида речевой деятельности, или психофизиологические трудности.* (1) Отсутствие непосредственного контакта с говорящим, что, во-первых, усложняет восприятие без таких зрительных опор, как мимика и жесты, а во-вторых, не Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

подразумевает обратной связи с источником информации. (2) Необходимость одновременного осмысления уже воспринятой информации и восприятия постоянно поступающих данных. Ввиду активной непрерывной работы внимания, мышления и памяти испытуемые быстро утомляются, что усугубляется достаточно значительным объёмом аудио сообщения.

о *Лексические трудности.* (1) Наличие в тексте незнакомых слов, значение которых сложно определить на основе контекста. (2) Наличие профессиональных и производственных терминов, представляющих трудности для восприятия.

о *Грамматические трудности,* связанные со сложными и объёмными синтаксическими конструкциями.

о *Смысловая обработка материала* также вызывает трудности ввиду несоответствия содержания сообщения личному жизненному опыту студентов, отсутствию у них практических знаний об особенностях управления и производства.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

В таблице 1 и на рисунке 1 в секторной диаграмме предоставлены итоги прохождения теста по аудированию. На диаграмме наглядно продемонстрировано, какая доля группы испытуемых какую оценку получила (цифра на секторе диаграммы обозначает полученный за тест балл), и тот факт, что больше половины студентов заработали баллы от «6» до максимального «8».

Таблица 1 - итоги теста по аудированию %

Баллы за тест	Кол-во студентов	Доля студентов
8 – макс.	10	18%
7	11	20%
6	13	24%
5	6	11%
4	10	18%
3	3	5%
2	1	2%
1 – мин.	1	2%



Рисунок 1 – Итоги теста по аудированию, доли

Диагностический тест-опросник С.Ефремцева был переведён в формат Google Документы, выслан студентам на общую почту. Студенты отвечали на вопросы диагностического теста в режиме онлайн и высылали с указанием координат личной почты на добровольной основе. Предоставление данных в онлайн-режиме позволило быстро собрать и обобщить материал, а также выгрузить его в формат Excel, чтобы затем приступить к количественному анализу полученной информации, то есть выявить набранное количество баллов по каждому уровню перцептивной модальности для каждого участника. Имеющиеся данные были обобщены по двум параметрам: 1 – результат теста на аудирование от 1 до 8 баллов; 2 – уровень развития аудиовосприятия от 1 до 15 баллов. Уровень аудиовосприятия от 1 до 7 баллов считается низким, 8-12 баллов средним, и более 13 баллов высоким. На основании этих данных были выделены

группы студентов, получивших по аудированию самые высокие баллы, то есть от 6 до 8, что отражено в названиях приведенных ниже гистограмм. Вертикальная ось каждой гистограммы демонстрирует количество людей, получивших отражённую в заголовке оценку, а горизонтальная ось указывает их показатели слухового восприятия.

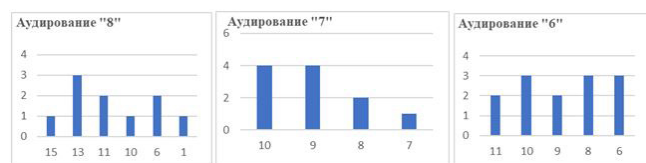


Рисунок 2 - Уровень развития аудиовосприятия студентов, получивших за аудиотест оценки «8» (без ошибок), «7» (1 ошибка) и «6» (2 ошибки)

Анализ

Полученные данные были подвергнуты количественному анализу посредством методов статистического и сравнительного анализа. В качестве независимой переменной использовалась оценка за тест по аудированию, тогда как степень развития слухового канала восприятия являлась величиной постоянной для каждого отдельного студента. Для сопоставления данных по успехам в аудировании и степени развития слухового канала восприятия расчёты проводились при помощи метода простого линейного частотного распределения.

Так, из 55 человек аудиалы в «сильной» степени (от 13 и выше) представлены в количестве пяти человек, или 9%, визуалов четверо, или 7%, и ни одного кинестетика. Оставшиеся 46 респондентов показали строго индивидуальные комбинации типов каналов восприятия и степени выраженности той или иной перцептивной модальности, при отсутствии какой-то одной ярко выраженной способности восприятия. Не было установлено ни одного случая совпадения данных.

Среди 5 аудиалов 4 студента, или 80%, получили максимальный балл, и один (20%) получил 3. Среди 4-х визуалов 50%, то есть двое испытуемых, получили «8», и по одному студенту получили «5» (25%) и «3» (25%).

Из 10 студентов с максимальной оценкой, «сильно» развит слух в 40% случаев, по 30% случаев приходится на «средние» и «слабые» показатели. Из 11 студентов, сделавших одну ошибку, 91% студентов имеют «средний» уровень развития аудиовосприятия (по 36% на 10 и 9 баллов, 18% на 8) и 9% «слабый». 13 студентов сделали 2 ошибки, из них в 77% случаев слуховое восприятие развито «средне» (11-15%, 10-23%, 9-15%, 8-23%) и в 23% случаев «слабо». Из этих данных можно сделать вывод, что для достижения высокого результата в аудио тесте на владение иностранным языком высокой сложности не обязательно обладать исключительно высокими способностями слухового восприятия, так как большая часть студентов, заработавших от 6 до 8 баллов, обладают средними показателями этого канала восприятия.

Таблица 2 – Соотношение оценки за тест и уровня слухового восприятия

Студенты с оценками от «6» до «8», с указанием уровня развития аудиовосприятия	Количество студентов	Доля студентов
Студенты, получившие высший балл «8»	10	18%
Студенты, получившие баллы «8» и «7» (1 ошибка)	21	38%
Студенты, получившие баллы «8», «7» и «6» (2 ошибки)	34	62%
Из них «сильно» развит слух (от 13 и выше)	4	7%
Из них «средне» и высоко развит слух (от 10 и выше)	16	47%
Из них «средне» и высоко развит слух (от 9 и выше)	22	65%

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. При сравнении результатов данного исследования с прочими можно отметить различия, обусловленные рядом причин, главной из которых авторы считают высокий уровень владения английским языком (B2-C2) у протестированных студентов. Как показало данное исследование, на продвинутом этапе обучения значительных различий в результатах аудирования между аудиалами и визуалами не выявлено. В нашем эксперименте доля людей с одним «сильно» развитым каналом восприятия не превысила 16%. 83% респондентов (46 человек) характеризуются смешанным типом восприятия информации. Прочие исследователи этой темы приводят другие цифры [20]. До 75% испытуемых категорично классифицируются или как аудиалы, или как визуалы, или как кинестетики, что, однако, не подкрепляется детальным объяснением, какой именно набранный балл позволил отнести студентов к той или иной категории, и как следствие, не позволяет провести адекватное сравнение, при том что диагностика также была проведена с использованием теста С.Ефремова.

Выводы. Таким образом, эксперимент показал относительную независимость результатов аудио тестирования от ведущей перцептивной модальности студента. Речь не идет об абсолютной независимости. Студенты, способные хорошо слышать, имеют больше шансов успешно справиться с заданием на аудирование, но с другой стороны, ведущая перцептивная модальность аудиалов не является гарантией успеха при выполнении задания. Студенты, у которых способность слышать развита на среднем уровне, также успешно выполнили задание. Возможно, полученный результат объясняется спецификой контрольного задания, а также тем фактом, что испытуемые находятся на продвинутом этапе обучения. Согласно А.А.Миролюбову, умение слышать и успех в тестировании на аудирование нельзя отождествлять. Умение слышать – это лишь один из компонентов аудирования, которое предполагает наличие развитых навыков аналитической обработки информации. «Аудирование — это восприятие и понимание любой звучащей речи. Следовательно, о том что аудирование состоялось, а не было просто слушанием, свидетельствует положительный результат процесса смыслового восприятия.» [19, с.65]. Таким образом, восприятие и понимание смыслов являются решающим фактором успеха при выполнении контрольного задания на аудирование.

Необходимо обучать учащихся разноуровневому пониманию (пониманию основного содержания, выборочному пониманию и полному пониманию аудиотекста), учитывая специфику каждого уровня, что должно выражаться в использовании разных аудиотекстов и разных форм проверки понимания [19].

Понимание смыслов – критерий успешности любого вида речевой деятельности. Такой подход дает основание проводить обучение аудированию во взаимосвязи с говорением, чтением и письмом [19]. Связь аудирования с говорением проявляется в любом акте вербальной коммуникации. Не понимая речь собеседника на слух, невозможно адекватно реагировать на его высказывания. Реакция на высказывание собеседника предполагает не только прямой ответ на поставленный вопрос, но и умение переспросить, уточнить, согласиться или возразить в приемлемой для данной коммуникативной ситуации форме. Чтение и аудирование тоже тесно связаны, так как являются двумя видами непродуктивной, рецептивной речевой деятельности. Читающий и слушающий, получая информацию, могут внешне никак не проявлять степень её понимания, свое отношение к прочитанному или услышанному. Но общая природа чтения и аудирования позволяют методистам использовать аналогичные методы контроля понимания и обработки студентами полученных знаний. Наиболее распространенными формами контроля чтения и аудирования являются задания на выбор правильного ответа на вопрос из предложен-

ных 3-4 вариантов, заполнение пропусков с помощью слов, словосочетаний, предложений, организация фактической информации в логической или хронологической последовательности, подтверждение или опровержение утверждения в задании, исходя из текстовой информации. Связь аудирования и письма легко прослеживается при организации контроля понимания прослушанного. Чаще всего студенты просят зафиксировать в той или иной форме информацию аудиотекста. Кроме непосредственных навыков письма это задание требует от студента: 1) умения отбирать факты, отделять важное от второстепенного, 2) умения записать информацию в краткой форме, так как остановка на одном факте влечет за собой пропуск последующей аудиоинформации, 3) умения зафиксировать информацию в понятной форме для дальнейшего использования.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Все вышеперечисленные задания развивают неспецифичные для аудирования навыки аналитической обработки информации, которые влияют на успех в обучении, в овладении иностранным языком. Наш опыт показал, что эти умения и навыки можно развить, они приобретаемы и более значимы для успешной иноязычной коммуникации, чем перцептивная модальность, характеризующая человека с рождения. Следовательно, для положительного результата обучения целесообразно максимально задействовать все каналы получения информации, не привязывая вид речевой деятельности (например, чтение или аудирование) к виду перцептивной модальности (визуальному или аудиальному). Успешному осмыслению прослушанного поможет и визуальное сопровождение аудиозаписи в форме слайдов, видеофильмов, и кинестетическая активность в процессе обсуждения как до, так и после прослушивания. Таким образом, использование перцептивной полимодальности в процессе обучения иностранному языку может быть интересным и перспективным объектом дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антонова З.В. Возможности использования результатов психологического тестирования студентов при обучении иностранному языку // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Череповецкие научные чтения. 2016* С. 9-11.
2. Ивашкевич И.Н. К проблеме учета особенностей восприятия в обучении иностранным языкам // *Материалы конференции РИВШ. 2005. С.247-250.*
3. Будник А.С. Видео как аудиовизуальное средство обучения иностранным языкам // *Вестник МПГУ Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. С.69-73.*
4. Титова С.С. К обзору диагностических методик определения модальностей восприятия // *Педагогическое мастерство: материалы IX Международной научной конференции. Москва. 2016. С.50-53.*
5. Бандурка Т. Н. Экспериментальное исследование полимодальности восприятия у субъектов образовательного процесса // *Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. – Издательство «Институт психологии РАН», 2010. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://psyjournals.ru/files/33420/exp_collection_Bandurka2.pdf, свободный.*
6. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва, Изд-во Института Психотерапии. 2002. - 490 с.
7. Киндря Н. А. Принцип индивидуализации в зарубежной методике // *Молодой ученый. – 2015. – №22. – С. 808-810. – URL <https://moluch.ru/archive/102/23443/> (дата обращения: 20.10.2019).*
8. Киндря Н. А. Принцип индивидуализации в отечественной методике // *Молодой ученый. – 2015. – №22. – С. 810-813. – URL <https://moluch.ru/archive/102/23443/> (дата обращения: 20.10.2019).*
9. Сергеева Г. М. Индивидуализация в обучении иностранным языкам // *Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 30. – С. 60–61. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770966.htm>.*
10. Рындина Ю. В. Индивидуально-дифференцированный подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // *Молодой ученый. – 2013. – №10. – С. 610-612. – URL <https://moluch.ru/archive/57/7853/> (дата обращения: 20.10.2019).*
11. Тусупбекова М. Ж. Проблемы организации индивидуально-дифференцированного подхода обучения английскому языку студентов неязыковых специальностей в теории и практике // *Молодой ученый. – 2009. – №3. – С. 195-201. – URL <https://moluch.ru/archive/3/216/> (дата обращения: 20.10.2019).*
12. Бабенко А. А. Индивидуальный подход в обучении иностранным языкам на неязыковых специальностях // *Проблемы и перспективы развития образования: материалы VI Международной научной*

конференции (г. Пермь, апрель 2015 г.). – Пермь: Меркурий, 2015. – С. 229-231

13. Каргина Е. М. Возможности индивидуализации обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // *Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1176-1178. – URL <https://moluch.ru/archive/90/18942/> (дата обращения: 20.10.2019).*

14. Tomlinson, C. A. *How to Differentiate Instruction in Mixed-ability Classrooms* / Carol A. Tomlinson. – Pearson, 2004. – 117 p.

15. Blaz, D. *Differentiated Instruction: A Guide for World Language Teachers* (Eye on Education Books). – Routledge, 2016. – 202 p.

16. Евсеева А.М. Реализация индивидуальной образовательной траектории для развития аудитивных умений студентов неязыкового вуза в условиях смешанного обучения // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С.250-254*

17. Бим И.Л. *Концепция обучения второму иностранному языку (нем. на базе англ.). – М.: Венгана-Граф, 1997. – 40 с.*

18. Cambridge BEC Higher 2/Examination Papers from University of Cambridge ESOL Examinations: English for Speakers of Other Languages, Cambridge University Press, 2004, - 130p.

19. Миролобов А.А. *Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность.* /Под ред. А.А. Миролобова – Обнинск: Титул, 2012. – 464 С.

20. Марицук Л.В., Сытая К. С. Влияние доминирующего вида восприятия на успешность аудирования. // *Психология 21 века: сборник материалов V международной научно-практической конференции молодых ученых. - СПб., 2009.; С. 231-235. URL <http://elib.bspu.by/handle/doc/27169>*

Статья поступила в редакцию 11.11.2019
Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.14:616-091

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0030

**РЕЗУЛЬТАТЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА ОРГАНИЗАЦИЕЙ И СОДЕРЖАНИЕМ
ДИСЦИПЛИНЫ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ**

© 2020

AuthorID: 726869

SPIN: 7628-8442

Харченко Анастасия Викторовна, ассистент кафедры
«Патологическая анатомия»

AuthorID: 805155

SPIN: 3107-0914

Разумова Марина Сергеевна, кандидат медицинских наук,
ассистент кафедры «Патологическая анатомия»

AuthorID: 769003

SPIN: 1381-4270

Литвинова Екатерина Сергеевна, кандидат медицинских наук,
доцент кафедры «Патологическая анатомия»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3, e-mail: kat_roma@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены качество образования и работы преподавателей по дисциплине «патологическая анатомия» по результатам оценки удовлетворенности студентов педиатрического факультета. Анализ удовлетворенности заслуживает особого внимания на повышение уровня качества труда преподавателей, что в итоге может положительно отразиться на получении на выходе востребованного работодателями специалиста-педиатра и, следовательно, на положение в образовательном пространстве самого вуза. Улучшение усвоения учебного материала приводит к изменениям процесса обучения и направлено на повышение качества образования, что требует периодического мониторинга отношения самих студентов к организации учебного процесса. Методы. Оценка и анализ удовлетворенности студентов качеством организации образовательного процесса проведен опрос 220 студентов педиатрического факультета в форме анкетирования. Показатели качества образовательного процесса и его организация были разбиты на критерии и оценивались по десятибалльной шкале. Результаты: на основании анализа данных опроса установлена высокая оценка удовлетворенности организацией и качеством образовательного процесса в рамках дисциплины «Патологическая анатомия» на трех курсах обучения. Заинтересованность каждого студента в усвоении предмета способствует ускорению процессов постоянного развития и совершенствования учебного материала, а также методов обучения на кафедре патологической анатомии, что повышает и создает условия для профессиональной самореализации.

Ключевые слова: педиатрия, студенты, образование, удовлетворенность, оценка.

**RESULTS OF SATISFACTION OF STUDENTS OF THE PEDIATRIC FACULTY BY ORGANIZATION
AND CONTENT OF DISCIPLINE OF PATHOLOGICAL ANATOMY**

© 2020

Charchenko Anastasia Viktorovna, assistant of the department
“Pathological Anatomy”

Razumova Marina Sergeevna, assistant of the department
“Pathological Anatomy”

Litvinova Ekaterina Sergeevna, candidate of medical sciences,
associate professor of the department “Pathological Anatomy”

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: kat_roma@mail.ru)

Abstract. The article considers the quality of education and the work of teachers in the discipline “pathological anatomy” based on the results of assessing the satisfaction of students of the pediatric faculty. The satisfaction analysis deserves special attention to improving the quality of teachers’ work, which may ultimately have a positive effect on receiving a pediatrician in demand by employers and, consequently, on the situation in the educational space of the university itself. Improving the assimilation of educational material leads to changes in the learning process and is aimed at improving the quality of education, which requires periodic monitoring of the students themselves to the organization of the educational process. Methods. Assessment and analysis of student satisfaction with the quality of the organization of the educational process, a survey of 220 students of the pediatric faculty in the form of a survey was conducted. The quality indicators of the educational process and its organization were divided into criteria and evaluated on a ten-point scale. Results: based on the analysis of the survey data, a high assessment of satisfaction with the organization and quality of the educational process in the discipline “Pathological anatomy” in three training courses was established. Each student’s interest in mastering the subject accelerates the processes of constant development and improvement of educational material, as well as teaching methods at the Department of Pathological Anatomy, which increases and creates the conditions for professional self-realization.

Keywords: pediatrics, students, education, satisfaction, assessment.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Основной деятельностью любого вуза является деятельность по предоставлению образовательных услуг, современные потребители которых оценивают качество образования и подготовленность специалистов по уровню их компетентности. Актуальной задачей современной системы образования является повышение его качества, которое невозможно осуществить без решения проблем усовершенствования образовательного процесса.

Ответственная и качественная работа преподавателей имеет прямую зависимость с качеством образования или получения на выходе востребованного работодателями специалиста [1-15]. При этом, задачами преподавателей, например, становятся не столько передача знаний, умений и навыков, сколько формирование у обучающихся потребности в постоянном самообразовании и оказании им помощи в поиске новой информации.

Современный уровень развития медицинской науки и практики предъявляет повышенные требования к выпускникам медицинских образовательных организаций

высшего образования по степени освоения практических навыков и умений, способности быстро ориентироваться в сложных клинических ситуациях. Помочь в этом студенту должна оптимальная программа освоения необходимых профессиональных навыков, опирающаяся на современные модели формирования профессиональных компетенций у обучающихся [16].

Основным направлением в области обеспечения качества высшего образования в настоящее время является перенос внимания с процессов внешнего контроля качества образовательного процесса и его результатов, который базируется на национальных системах аттестации и аккредитации, на внутреннюю самооценку вузов, основывающихся на тех или иных моделях менеджмента качества [17].

В Курском государственном медицинском университете существует эффективная система мониторинга удовлетворенности основных групп потребителей, которая включает следующие блоки мониторинга удовлетворенности: 1) работодателей качеством подготовки выпускников; 2) студентов организацией и содержанием учебной и внеучебной работы; 3) профессорско-преподавательского состава работой в вузе; 4) выпускников качеством полученного образования [18].

Проводимый анализ базируется на втором пункте системы мониторинга удовлетворенности основных потребителей и является, в свою очередь, составляющей системы менеджмента качества внутренней системы оценки и контроля качества образования нашего университета.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель работы: анализ и изучение удовлетворенности студентов педиатрического факультета качеством и организацией преподавания дисциплины «Патологическая анатомия» на кафедре патологической анатомии. Задачи исследования: исследовать особенности образовательного процесса на кафедре патологической анатомии, проанализировать результаты проведения анкетного опроса студентов.

Материалы и методы исследования. Было проведено анкетирование 220 студентов 3, 4 и 5 курсов педиатрического факультета.

Анкета была представлена следующими разделами:

1. Удовлетворенность лекциями
2. Удовлетворенность качеством и организацией практических занятий
3. Удовлетворенность самостоятельной работой
4. Удовлетворенность наличием литературы и пособий по дисциплине

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Полученные результаты удовлетворенности качеством преподавания дисциплины «Патологическая анатомия» подверглись анализу с последующим определением динамики изменения этих критериев путем анализа результатов социального опроса студентов 3 – 5 курсов педиатрического факультета. Также была дана комплексная оценка качества образовательного процесса на педиатрическом факультете на основе обратной связи.

Каждый показатель анкеты оценивался респондентами по десятибалльной шкале, где: 0 – 4 балла – низкий уровень удовлетворенности; 5 – 7 баллов – средний, 8 – 10 баллов – высокий. Для оценки удовлетворенности рассчитывался средний балл по каждому курсу обучающихся.

Таблица 1 – Средняя оценка удовлетворенности лекциями

№ показателя анкеты	Показатели критерия	Средняя оценка удовлетворенности		
		3 курс	4 курс	5 курс
1	Актуальность лекционного материала	6,9	7,1	6,7
2	Объем лекции	7,0	7,2	7,1
3	Доступность и понятность изложения лекции	7,2	7,2	6,8
4	Выразительность речи лектора	7,4	7,3	6,7
5	Наглядность лекционного материала	7,1	7,2	7,1
6	Культура общения на лекции	7,3	7,8	7,0

Актуальность лекционного материала студенты 4 курса педиатрического факультета оценили выше среднего, тогда как студенты 3 и 5 курсов дали оценку ближе к среднему уровню удовлетворенности (до 7 баллов). Также респонденты 5 курса остались средне удовлетворены выразительностью речи лектора и доступностью его изложения.

Объем лекций и наглядность лекционного материала все три курса оценили одинаково выше среднего (7,1 балла), однако культура общения на 4 курсе была отмечена намного выше, чем на 3 и 5 курсах и составила 7,8 баллов.

Таблица 2 – Средние баллы удовлетворенности студентами практическими занятиями

№ показателя анкеты	Показатели критерия	Средняя оценка удовлетворенности		
		3 курс	4 курс	5 курс
7	Доступность и понятность изложения материала	7,6	7,7	6,8
8	Оснащенность практических занятий	7,9	7,2	6,7
9	Качество тестовых заданий	7,4	7,3	6,9
10	Качество ситуационных задач	7,8	7,6	6,9
11	Возможность непосредственной беседы с преподавателем	7,8	7,4	7,2
12	Организация индивидуальной работы с преподавателем	7,8	7,5	6,8
13	Культура общения с преподавателем	8,1	7,7	6,9
14	Система оценки знаний	7,9	7,7	6,9
15	Соответствие полученных знаний ожиданиям студента	8,0	7,5	7,2

В среднем студенты 5 курса удовлетворены проведением практических занятий выше 6 баллов. Оценкой выше среднего (7,2 балла) респонденты отметили возможность непосредственной беседы с преподавателем и соответствие полученных знаний своим ожиданиям.

Однако студенты 4 курса высоко оценили доступность и понятность изложения материала, качество ситуационных задач, организацию индивидуальной работы с преподавателем, культуру общения, систему оценки знаний и соответствие полученных знаний своим ожиданиям. При этом респонденты этой группы наименьшую оценку дали оснащенности практических занятий техническими средствами.

Наиболее высоко респонденты 3 курса остались удовлетворены культурой общения с преподавателем и соответствием полученных знаний своим ожиданиям, оценив эти критерии на 8,1 и 8 баллов соответственно. Качество тестовых заданий их удовлетворило в меньшей степени, о чем показала оценка в 7,4 балла.

Таблица 3 – Средняя оценка удовлетворенности самостоятельной работой

№ показателя	Показатели критерия	Средняя оценка удовлетворенности		
		3 курс	4 курс	5 курс
16	Методы организации сам. работы	7,5	7,6	6,7
17	Контроль за выполнением сам. работы	7,7	7,5	6,9
18	Система оценки сам. работы	7,7	7,7	6,7
19	Методическая организация сам. работы	7,7	7,7	7,1

Респонденты 3, 4 и 5 курсов удовлетворены самостоятельной работой выше среднего. При этом менее 7 баллов оценили 3 показателя данной группы критериев студенты 5 курса, тогда как студенты 3 и 4 курсов дали оценку выше 7,5 баллов по всем показателям.

Таблица 4 – Удовлетворенность доступностью и наличием литературы и пособий по дисциплине

№ показателя	Показатели критерия	Средняя оценка удовлетворенности		
		3 курс	4 курс	5 курс
20	Доступность учебной и учебно-методической литературы	8,1	8	7,1
21	Наличие электронных пособий по патологической анатомии	7,9	8,2	7

Доступность учебной и учебно-методической литературой, а также наличие электронных пособий по патологической анатомии высоко оценили студенты 3 и 4 курсов, в отличие от студентов 5 курса, которые остались удовлетворены всего лишь на 7 баллов.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Средняя оценка удовлетворенности студентов по всем показателям критери-

ев составила 7,6 и 7,5 баллов на 3 и 4 курсах педиатрического факультета, что соответствует уровню удовлетворенности качеством и организации преподавания дисциплины патологическая анатомия выше среднего. Однако по данным анализа результатов анкетирования студентов 5 курса педиатрического факультета средняя оценка удовлетворенности оказалась ниже 7 (всего 6,9 баллов). Проведенный опрос показал, что студенты всех курсов остались удовлетворены в большей степени культурой общения и доступностью изложения материала на лекциях, наличием учебной и учебно-методической литературы, а также организацией и качеством практических занятий. Оснащенностью практических занятий, качеством тестовых заданий и методами организации самостоятельной работы по дисциплине респонденты были удовлетворены в меньшей степени.

Таким образом, постоянное развитие и совершенствование учебного материала и методов обучения на кафедре патологической анатомии повышает заинтересованность самого студента в усвоении предмета и создает условия для профессиональной самореализации.

В настоящее время на кафедре продолжается работа по созданию наглядных и современных материалов с использованием мультимедийного оборудования. Пополняется база учебно-методической литературы и учебных пособий с использованием ситуационных и проблемных заданий, а также пособий по тренировке навыков диагностики заболеваний и патологических процессов по макроскопическим и микроскопическим препаратам на основе ориентировочной основы действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зубарев В.Ф., Бондарев Г.А. Иерархия базовых социокультурных критериев современного поколения преподавателей медицинского университета // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 49-52.
2. Щепкина Н.К. Исследование профессионально-личностного роста и карьерных устремлений преподавателей вуза // *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 76. С. 78-81.
3. Гамбеева Ю.Н., Сорокина Е.И., Литвак Л.Д. Вовлечение преподавателей в процесс использования инновационных технологий онлайн-обучения // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 51-54.
4. Иванова Т.Н. Социокультурный потенциал молодого преподавателя вуза в условиях информационного общества (эмпирический опыт) // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 103-109.
5. Гаранин М.А., Болгова В.В. Модель оценки качества работы преподавателя в механизме контроля качества реализации основной профессиональной образовательной программы // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 63-67.
6. Буренина В.И., Кочетова Н.Г. Модель развития творческого потенциала преподавателя технического вуза // *Самарский научный вестник*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 270-274.
7. Черемискина И.И., Рацуткина В.А. Образ преподавателя у студентов с разными видами личностной направленности // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 362-365.
8. Гуцина О.М. Концептуальная модель оптимального распределения внеучебной нагрузки преподавателя // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 19-22.
9. Одинокая М.А. Роль и функции современного преподавателя в обеспечении качества профессиональной подготовки выпускников вуза в условиях компетентностного подхода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 215-219.
10. Романова Л.Л. Мотивация преподавателей вуза к применению электронных образовательных технологий // *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. № 80. С. 53-54.
11. Бондарев Г.А., Зубарев В.Ф., Бобровская Е.А. Преподаватель и студент: конфронтация или новый уровень общения? // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 36-40.
12. Раздорская И.М., Урусова Т.И., Резцова Т.В., Ульянов В.О. Этические аспекты взаимодействия преподавателей и студентов в процессе обучения // *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 53-56.
13. Шумилова О.Н. Электронное портфолио преподавателей как фактор повышения качества образования вуза // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 200-202.
14. Найини Л.А., Голубинская Т.В., Горбунова В.С. Личности преподавателя технического вуза 21 века // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2015. Т. 2. № 1 (23). С. 112-116.
15. Панфёров В.Н., Микляева А.В., Безгодова С.А., Васильева С.В. Социально-психологическая интерпретация личности преподавателя

в условиях видеолекции // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 365-368.

16. Павлов В. Н., Цыглин А. А. Модернизация высшего образования посредством внедрения современных инновационных технологий // *Медицинское образование и вузовская наука*. 2015. №1. С. 83 – 86.

17. Мельникова И. Ю., Романцов М. Г. Особенности медицинского образования и роль преподавателя вуза в образовательном процессе на современном этапе // *Международный журнал экспериментального образования*. 2013. №11. С. 47 – 52.

18. Олейникова Т. А. Оценка качества образования – ключевой процесс системы менеджмента качества вуза // *Медицинское образование и вузовская наука*. 2015. №1. С 31 – 35.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.147.88:811.161.1
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0031

ВЫПОЛНЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

© 2020
AuthorID: 777287
SPIN-код: 5121-8467

Итинсон Кристина Сергеевна, кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков

AuthorID: 538937
SPIN-код: 1324-6140

Чиркова Вера Михайловна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры «Русского языка и культуры речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: michutka.2010@yandex.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению роли самостоятельной работы на занятиях по русскому языку с иностранными студентами в медицинском вузе. Авторы статьи отмечают, что самостоятельную работу иностранных студентов можно расценивать как полноценную форму учебных занятий, так как многие знания, умения и навыки, а также способность к анализу, синтезу, решению учебных задач формируются и развиваются именно в процессе ее выполнения. В статье авторы используют методы комплексного, теоретического и описательного анализа. Научная новизна работы состоит в том, что разработанное пособие по русскому языку для иностранных студентов-медиков включает специальные систематизированные задания и упражнения, предназначенные для самостоятельной работы, которые направлены на подготовку иностранных студентов к будущей профессиональной деятельности и к прохождению клинической практики в лечебных учреждениях (владение профессиональной лексикой и умение вести профессиональный диалог с больными, их родственниками и медицинским персоналом). Практическая значимость работы заключается в том, что пособие по самостоятельной работе предназначено для выработки грамматических автоматизмов и речевых умений студентов, создания условий для индивидуального ритма их работы, расширения знаний культурологического и медицинского характера, а также приобретения индивидуально-речевого опыта в овладении русским языком. Результаты исследования: использование разработанного пособия для иностранных студентов на занятиях по русскому языку способствует формированию у студентов коммуникативной, языковой и речевой компетенций, что ведет к овладению учащимися всеми четырьмя видами речевой деятельности и достигается при помощи использования дифференцированного подхода. Выполняя самостоятельную работу, иностранные студенты изучают медицинскую лексику и терминологию, учат симптомы, методы лечения и профилактики заболеваний дыхательной, сердечно-сосудистой, нервной, опорно-двигательной систем на русском языке.

Ключевые слова: самостоятельная работа, медицинский русский язык, русский язык как иностранный, иностранные студенты, коммуникативная компетенция, профессиональная лексика, профессиональная компетенция.

PERFORMANCE OF INDEPENDENT WORK BY FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN LANGUAGE AS A KEY FACTOR IN DEVELOPMENT OF COMMUNICATION AND SPEECH COMPETENCE

© 2020

Itinson Kristina Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, senior lectures
of the department of foreign languages

Chirkova Vera Michailovna, candidate of pedagogical sciences, senior lectures
of the department of Russian language and speech culture

Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: michutka.2010@yandex.ru)

Abstract. This article is devoted to studying the role of independent work in Russian language classes with foreign students at a medical university. The authors of the article note that the independent work of foreign students can be considered as a full form of educational classes, as knowledge and skills, as well as the ability to analyze, synthesize, solve educational tasks are formed and developed in the process of its implementation. In the article the authors use methods of complex theoretical and descriptive analysis. The scientific novelty of the work is that the developed textbook of Russian language for foreign medical students includes specially systematized tasks and exercises on language intended for independent work, which are aimed at preparing foreign students for future professional activity and for clinical practice in medical institutions (knowledge of professional language and ability to engage in professional dialogue with the patients, their relatives and medical staff). The practical significance of the work is that the textbook on independent work is intended for the development of grammar automatism and speech skills of students, creation of conditions for individual rhythm of their work, expansion of knowledge of cultural and medical nature, as well as acquisition of individual-speech experience in mastering of Russian language. The results of the study: the use of the developed textbook for foreign students in Russian language classes contributes to the formation of communicative, linguistic and speech competences among students, which is possible through a differentiated approach to their mastery of all four types of speech activities. Performing independent work, foreign students study medical vocabulary and terminology, teach symptoms, methods of treatment and prevention of diseases of respiratory, cardiovascular, nervous, musculoskeletal systems in Russian language.

Keywords: independent work, medical Russian language, Russian as foreign, foreign students, communicative competence, professional lexicon, professional competence.

Введение. Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Роль самостоятельной работы студентов в высших учебных заведениях в последнее время имеет тенденцию к возрастанию.

Многие знания, умения и навыки, а также способность к анализу, синтезу, решению учебных задач формируются и развиваются именно в процессе выполнения самостоятельной работы, которая может расцениваться как полноценная форма учебных занятий.

В методической литературе содержание понятия «самостоятельная работа» тесно связано с такими детерминантами как самообразование, самовоспитание, автономность.

В методической литературе содержание понятия «самостоятельная работа» тесно связано с такими детерминантами как самообразование, самовоспитание, автономность.

Умение и способность к самообучению, использование возможностей к самостоятельному поиску информации, ее обработке и анализу делает будущих специалистов конкурентоспособными и востребованными на рынке труда.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы. В настоящее время о ценности самостоятельной работы для студентов высших учебных заведений написано много исследований [1-16]. Методисты отмечают, что результат самообучения и успешность организации самостоятельной работы в вузе зависит от качества управления данным процессом, причем преподаватели играют ведущую роль в контроле и координации процесса выполнения самостоятельной работы студентами [17-23]. Другие исследователи говорят о ведущей роли мотивационных процессов, от которых зависит весь процесс обучения в целом и выполнение самостоятельной работы в частности [24-26].

Методология. Формирование целей статьи.

Постановка задания. Самостоятельная работа студентов-иностранцев в медицинском вузе в процессе изучения русского языка является особой формой организации учебного процесса и направлена на их подготовку к будущей профессиональной деятельности. С целью систематизации заданий и упражнений по русскому языку, предназначенных для самостоятельной работы учащихся, на кафедре русского языка и культуры речи Курского государственного медицинского университета готовится к изданию пособие по самостоятельной работе для студентов-иностранцев, обучающихся на английском языке.

Данное пособие предназначено для формирования на начальном этапе обучения базовых умений при подготовке студентов к самостоятельной работе по овладению русским языком, выработке грамматических автоматизмов и речевых умений, созданию условий для индивидуального ритма работы студентов, возможности приобретения индивидуально-речевого опыта в овладении русским языком.

Учебное пособие включает в себя темы социокультурного характера, такие как «Спорт», «Музеи Москвы», «Летний отдых», «В театре», «МГУ» и другие.

Работа над этими темами развивает навыки самостоятельного чтения, работы со словарём, формирует умения в письменной речи, углубляет знания в области грамматики и лексики русского языка, а также способствует расширению знаний культурологического характера.

Тексты учебно-профессиональной сферы, составленные на базе учебника по медицине «Общий уход за больными в терапевтической клинике» [27], готовят иностранных студентов-медиков к прохождению клинической практики в российских лечебных учреждениях, развивают их профессиональную компетенцию, обогащают лексический запас медицинских терминов.

Работа с текстами медицинской тематики способствует не только формированию у студентов-иностранцев компетенций в овладении профессиональной лексикой, но и умению вести профессиональный диалог с больными, их родственниками и медицинским персоналом.

Система заданий и упражнений пособия развивает все виды речевой деятельности студентов-иностранцев. Все грамматические комментарии и задания даны на русском и английском языках.

Планируется запись аудио приложения для самостоятельного аудирования, что подразумевает выполнение иностранными учащимися упражнений и заданий различной коммуникативной направленности.

В качестве примера представим методическую разработку из пособия по самостоятельной работе для студентов-медиков, изучающих русский язык как иностранный по профессионально-направленной теме «Наблюдение и

уход за больными с заболеваниями сердечно-сосудистой системы».

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Запишите, переведите и выучите следующие слова и словосочетания. *Write down, translate and learn the following words and word combinations.*

распространённое заболевание, высокая смертность, лучевая артерия, пястная кость, бедренная артерия, соответствовать (чему?), физическое напряжение, психическое возбуждение, промежуток времени, нитевидный пульс, частота пульса

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТЕМА. GRAMMAR TOPIC.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ. THE ADJECTIVE.

Полные и краткие прилагательные.

Complete - form and short – form adjectives.

Русские прилагательные делятся на полные и краткие. Краткие прилагательные мужского рода не имеют окончания. Например, дом высок. В женском роде окончание – а. Книга интересна. В среднем роде окончание – о. Лицо бледно. Окончание во множественном числе для всех родов – ы или и. Полезные – полезны. Хорошие – хороши	Russian adjectives fall into complete - form and short – form adjectives. Short form adjectives in the masculine gender take no ending. In the feminine gender the ending is – а. In the neuter gender the ending is – о. The plural ending for all genders is either – ы or – и.
---	---

Задание 2. Образуйте краткие прилагательные от следующих полных прилагательных. *Form short-form adjectives from the following complete-form adjectives.*

Важный, различный, простой, тяжёлый, равный, редкий, нормальный, полный, густой, слабый.

Составьте словосочетания с краткими прилагательными. *Make up word-combinations with the short-form adjectives.*

Задание 3. Замените следующие фразы, состоящие из существительного и полного прилагательного, фразами, состоящими из существительного и краткого прилагательного. *Replace the following phrases, consisting of a noun qualified by a complete-form adjective by phrases composed of a noun and a short-form adjective.*

Образец: свежий воздух – воздух свеж.

Больной ребёнок, интересная книга, узкий коридор, широкая река, низкий потолок, красивые цветы, полезное лекарство, горький вкус, умный студент, бледное лицо.

ПРИТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте текст «Оценка состояния сердечно-сосудистой системы». *Read the text. Assessment of the cardiovascular system state.*

Задание 2. Ответьте на вопросы. *Answer the questions.*

1. Какие заболевания сердечно-сосудистой системы являются наиболее распространёнными?
2. Какие методы исследования применяются в диагностике заболеваний сердца?
3. Где определяют пульс?
4. Какова частота пульса у взрослого человека?
5. У каких больных наблюдается тахикардия?
6. Каким может быть ритм пульса?
7. Как определяется степень напряжения пульса?

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Закончите предложения. *Complete the sentences.*

1. В диагностике заболеваний сердца применяются следующие методы исследования: ...
2. Пульс определяется ...
3. У взрослого человека в покое пульс равен ...
4. Наполнение пульса определяется ...
5. Напряжение пульса зависит от ...
6. Ритм пульса может быть ...
7. Частый пульс называется ..., редкий ...

Задание 2. Укажите соответствия. *Find correspondence.*

1. Частота пульса	
1. у мужчин	а) 44 – 50
2. у женщин	б) 100
3. у детей	в) 60 – 72
4. у спортсменов	г) 72 – 80
2. Ритм пульса	
1. правильный	а) аритмия, изменение пульсовых волн
2. неправильный	б) пульсовые волны имеют одинаковую длину
3. Напряжение пульса	
1. большой	а) едва прощупываемый, очень слабого наполнения
2. малый	б) хорошего наполнения и напряжения
3. нитевидный	в) слабое наполнение и напряжение

Задание 3. Прочитайте диалог. *Read the dialogue.*

- Что вас беспокоит?
- У меня болит сердце.
- Боли острые или ноющие?
- Очень острые.
- Как долго продолжаются боли?
- Иногда полчаса, иногда 4 – 5 минут.
- Какое у вас давление?
- 170/90.
- Это очень высокое давление. Дайте мне вашу руку, я хочу определить ваш пульс. Пульс учащён и напряжён. Разденьтесь до пояса. Я вас выслушаю.
- Доктор, что-нибудь серьёзное?
- Нет, но вам надо пройти обследование. Я дам вам направление на ЭКГ. Вот рецепт на лекарства.
- Спасибо, доктор.

Задание 4. Составьте диалог, используя следующие слова и словосочетания. *Make up a dialogue, using the following words and word combinations.*

Жаловаться (на что), боли в сердце, сильные (слабые) боли, давление высокое (низкое), измерять давление, осматривать больного, слушать сердце больного.

Задание 5. Аудирование. Прослушайте диалог «На приеме у кардиолога». Дополните карточку истории болезни пациента на основании информации, полученной из беседы врача и пациента.

Больная жалуется на ... приступообразную боль за грудиной, ... характера, иррадирующую в ... и левую ..., возникающую после ... нагрузки. Боли ... характера, уменьшаются при снятии Купируются приёмом Продолжительность болей ... мин. Больная также жалуется на ..., с преимущественным затруднением ..., усиливающуюся при

Выводы. Так как иностранные студенты проходят клиническую практику в лечебных учреждениях России (больницах и поликлиниках), то овладение ими медицинским русским языком является ключевым фактором для успешного прохождения практики: студенты должны уметь вести расспрос пациентов на русском языке, фиксировать полученные данные в истории болезни и другой медицинской документации, а также общаться на русском языке с коллегами и медицинским персоналом. Поэтому в рабочей программе дисциплины «русский язык как иностранный» предусмотрено выполнение самостоятельной работы студентами.

Разработанное пособие для иностранных студентов по русскому языку предназначено для формирования у студентов коммуникативной, языковой и речевых компетенций, что возможно через дифференцированный подход к овладению ими всеми четырьмя видами речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение, письмо). Выполняя самостоятельную работу, иностранные студенты изучают медицинскую лексику и терминологию, учат симптомы, методы лечения и профилактики заболеваний дыхательной, сердечно-сосудистой, нервной, опорно-двигательной систем на русском языке.

Заключение. Выполнение самостоятельной работы иностранными студентами способствует улучшению их успеваемости по дисциплине, повышает мотивацию и уверенность в себе, а также создает условия для дифференцированной индивидуальной работы в зависимости от уровня студентов. Воспитательная работа по русско-

му языку направлена на развитие: речевых умений и навыков общения у иностранных студентов, ориентированных на будущую профессию; умений поиска новых знаний и их самостоятельного изучения; творческого мышления и научного мировоззрения у иностранных студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сычёва М.В. Особенности организации самостоятельной познавательной деятельности студентов в учебной аудитории и вне вуза // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 3. № 6 (28). С. 140-144.
2. Артамонова Г.В. Роль мотивации в процессе самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3 (12). С. 7-9.
3. Самчик Н. Н. Языковая и речевая подготовка в клинической практике иностранных студентов в процессе обучения русскому языку // Региональный вестник. 2019. № 10(25). С. 16-17.
4. Скляр Е. С. Использование коммуникативных заданий при обучении медицинскому общению иностранных студентов // Карельский научный журнал. 2018. №3(24). -С. 27-30.
5. Дмитриева Д. Д. Активизация самостоятельной работы иностранных студентов как фактор интенсификации процесса обучения русскому языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. №1(26). С. 105-107.
6. Казанцева А. А. Субъектно-ориентированная модель организации самостоятельной работы иностранных студентов в вузе // Alma mater (Вестник высшей школы). 2013. №6. С. 115-117.
7. Архипкина Г. Д. Факторы, определяющие эффективность самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка // Символ науки. 2015. №5. - С. 156-158.
8. Кутепова Л.И., Солянова О.Н., Максимова К.А. Инновационные педагогические технологии организации самостоятельной работы студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 265-268.
9. Попова С. Н. Активизация самостоятельной работы студентов технического вуза при обучении профессиональному русскому языку // Молодой ученый. 2015. №13(93). С. 685-687.
10. Смирнова С. А. Организация самостоятельной работы студентов в контексте новых требований ФГОС к изучению иностранного языка в вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №5-4(36). С.42-43.
11. Тельтвская Н.В. Педагогические условия повышения эффективности самостоятельной работы студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 262-265.
12. Иванова Г. А., Николаева Т. Н. Организация самостоятельной работы студентов-бакалавров в изучении иностранных языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. - №8-2(50). С. 76-80.
13. Кузьмина А. В. Интерактивное обучение иностранному языку в режиме самостоятельной работы студента // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании. 2016. С. 361-367.
14. Смирнов Н.А., Емельянов С.С., Шелагунов А.В. Особенности подготовки самостоятельно-мыслящих специалистов в процессе обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 259-261.
15. Баранова Е. В. Самостоятельная работа по дисциплине «Иностранный язык» для студентов неязыковых вузов // Вестник Волжской государственной академии. 2016. №49. - С. 303-305.
16. Щербакоева Е. Е. Особенности самостоятельной работы студентов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Наука и образование: проблемы и стратегии развития. 2016. №1(2). С. 110-114.
17. Грамма Д. В, Шукурова И. В. Организация самостоятельной работы студентов средствами инфокоммуникационных технологий в процессе изучения иностранного языка // Научно-педагогическое обозрение. 2017. - №1(15). С. 108-113.
18. Хлыбова М.А. Индивидуализация самостоятельной работы аспирантов по иностранному языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 296-298.
19. Магомедова А.Н., Бойкова И.В. Самостоятельная работа студента в процессе преподавания английского языка в вузе // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 38-41.
20. Исаева Л. Б., Сабитова Р. Р. Самостоятельная работа иностранных студентов в иноязычной образовательной среде: междисциплинарный Moodle-курс // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2018. №2 (38). - С. 100-105.
21. Выстропова О.С. Организация самостоятельной работы студентов по иностранному языку в форме презентации powerpoint в медицинском вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 27-29.
22. Татарничева С.Н., Лебединская О.В. Поэтапное формирование организационных умений лингвиста-преподавателя посредством учебно-дидактических материалов для самостоятельной работы по иностранному языку // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 36-40.
23. Смирнова И. А. Организация самостоятельной работы иностранных студентов в высшем учебном заведении // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная психология. 2019. - №1. С. 154-156.
24. Таницура Т. А. Формирование способности студентов к само-

стоятельной работе в процессе обучения иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. 2019. №2 (75). - С. 309-312.

25. Изимариева З. Н. Организация внеаудиторной самостоятельной работы на иностранном языке студентов неязыковых вузов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. - №44. С. 33-37.

26. Сеницына Е. И. Организация самостоятельной работы студентов в обучении иностранному языку // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. №9. - С. 248-252.

27. Ослопов В.Н., Богоявленская О.В. Общий уход за больными в терапевтической клинике. Учебное пособие. Издательство: ГЭОТАР-Мед. - М.: - 204с

Статья поступила в редакцию 12.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378.147

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0032

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОДНО ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

© 2020

AuthorID: 733733

SPIN: 7389-8318

Шкиль Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Дизайн»

AuthorID: 690095

SPIN: 4901-1735

Гаврилюк Евгения Андреевна, кандидат педагогических наук,
доцент, заведующий кафедрой «Дизайн»
Амурский государственный университет

(675027, Россия, Благовещенск, улица Игнатьевское шоссе, 21, e-mail: gea_55@mail.ru)

Аннотация. В связи с реализацией многоуровневого образования в системе профессионального образования, ориентированного на удовлетворение запросов регионального рынка труда к качеству подготовки молодых специалистов, актуальным вопросом в педагогической науке становится развитие взаимодействия между образовательными организациями и бизнес-структурами в подготовке высококвалифицированных кадров. В данной статье рассматривается социальное партнерство как одно из педагогических условий профессиональной подготовки кадров. Социальное партнерство в системе профессионального образования рассматривается с разных позиций. Однако в отечественной практике развития взаимодействия бизнес-структур с университетами существенное внимание уделяется формам организации этого процесса, а не развитию долгосрочного партнерства. Такой подход упрощает взаимоотношения профессионального образования с работодателями в образовательном процессе. Приоритетным становится разработка модели долгосрочного социального партнерства вузов с бизнес-структурами, которая содержит целевой, организационно-методический, процессуально-деятельностный, результативный компоненты и характеризуется наличием нескольких уровней вовлечения работодателей в профессиональную подготовку кадров: осведомленность; вовлеченность; поддержка; спонсорство; стратегическое партнерство. Развитие системы долгосрочного социального партнерства вузов с бизнес-структурами позволяет осуществлять подготовку будущих выпускников, не только максимально приближенную к их будущей профессиональной деятельности, но и способствующую успешной профессиональной адаптации будущих специалистов в профессиональной среде.

Ключевые слова: профессиональное образование, работодатели, компетентностный подход, практико-ориентированное обучение, профессиональная деятельность, социальное партнерство, профессиональная адаптация, профессиональные компетенции, конкурентоспособный специалист.

SOCIAL PARTNERSHIP AS ONE OF THE PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR PROFESSIONAL TRAINING

© 2020

Shkil Olga Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department of «Design»

Gavrilyuk Evgeniya Andreevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor,
head of the department of «Design»
Amur State University

(675027, Russia, Blagoveshchensk, street Ignatyevskoe shosse, 21, e-mail: gea_55@mail.ru)

Abstract. In connection with the implementation of multi-level education in vocational training system, oriented towards fulfilling the regional labor market needs for the quality of young professionals training, a challenging issue in pedagogical science is the development of interaction between educational organizations and business structures in training knowledge workforce. The article considers social partnership as one of the pedagogical conditions for professional training. Social partnership in vocational training system is observed from different positions. However, in the domestic practice of developing cooperation between business structures and universities, considerable attention is given to the forms of the process organization, rather than to the development of long-term partnership. Such approach simplifies the relationship of vocational training with employers in the field of staff training. The preference is given to developing a model of long-term social partnership between universities and business structures, which includes the target, organizational and methodological, procedural and activity, resultative components and is characterized by several levels of involving employers in professional staff training: awareness; involvement; support; sponsorship; strategic partnership. Developing a system of long-term social partnership between universities and business structures allows for the training of future graduates, not only highest approximate to their future professional activities, but also contributing to the successful professional adaptation of future specialists in the professional environment.

Keywords: professional education, employers, competency-based approach, practice-oriented training, professional activities, social partnership, professional adaptation, professional competencies, competitive specialist.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Инновационные процессы, происходящие в настоящее время в системе профессионального образования, предоставляют вузам широкие возможности реализации многоуровневого образования на основе применения компетентностного подхода, одной из особенностей которого является развитие связей между образовательными организациями и бизнес-структурами в подготовке конкурентоспособного специалиста для регионов [1], [2].

Актуальным становится то, что многие вузы пересматривают систему обучения будущего специалиста и выстраивают свою модель профессиональной подготов-

ки кадров, которая носит практико-ориентированный характер, базирующийся на взаимодействии социальных партнеров в образовательном процессе, и ориентирована на удовлетворение потребностей регионального рынка труда в высококвалифицированном кадровом обеспечении [3, с. 44]. При этом главным целевым ориентиром в системе профессиональной подготовки выступает способность выпускников применять знания, умения, навыки и компетенции, полученные в процессе обучения в вузе, в дальнейшей профессиональной деятельности.

Учитывая педагогический опыт в подготовке кадров к профессиональной деятельности [4, с. 84], нами была

разработана модель профессиональной адаптации будущих специалистов, основанная на взаимодействии вузов с бизнес-структурами, межпредметных связях и интеграции в обучение профессиональных задач [5, с. 220]. В связи с этим, главной задачей исследования становится изучение педагогических условий, поиск форм и методов обучения, способствующих успешной профессиональной адаптации будущих специалистов в реальной профессиональной среде.

Одним из таких педагогических условий профессиональной подготовки кадров в свете реализации требований современных образовательных стандартов и компетентностного подхода к обучению, на наш взгляд, выступает создание системы социального партнерства, которая, несомненно, окажет положительное влияние на становление будущего специалиста, его профессиональный рост и карьерную перспективу [6].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных раньше частей общей проблемы. Существует множество исследований, которые изучают теоретико-практические основы социального партнерства в профессиональном образовании [7-18]. Р.Г. Исламатдинов выделяет особенности взаимодействия бизнеса и высшего профессионального образования в России [19, с. 349]. О.В. Мотовилов говорит о необходимости формирования системы взаимоотношений между вузом и работодателями и поиске новых подходов к выстраиванию долговременных программ взаимодействия работодателей с вузами [20, с. 17]. А.Н. Фортунатов обобщает формы организации социального партнерства в высших учебных заведениях в международной практике [21].

Однако в отечественной практике развития взаимодействия бизнес-структур с университетами существенное внимание уделяется формам организации этого процесса, а не развитию долгосрочного партнерства. Такой подход упрощает взаимоотношения профессионального образования с работодателями в области подготовки кадров.

Необходимость создания системы взаимодействия с бизнес-структурами обуславливается: во-первых, невозможностью в современных условиях учета востребованности специалистов различного уровня без участия потенциальных работодателей; во-вторых, необходимостью модернизации научно-технической базы образовательных организаций в связи с постоянно совершенствующейся технической оснащённостью современных предприятий; в-третьих, постоянной корректировкой содержания образовательных программ с целью подготовки современного высококвалифицированного специалиста [22, с. 17].

В педагогической литературе социальное партнерство в системе профессионального образования рассматривается с разных позиций: и как социальный ресурс образовательного учреждения, и как способ интеграции инновационной и образовательной деятельности участников партнерства, и как форма конструктивного взаимодействия специалистов в профессиональной подготовке кадров с целью оптимизации процесса обучения [23, с. 308].

Мы будем понимать под социальным партнерством социально-педагогическую систему, которая базируется на тесном взаимодействии сферы профессионального образования с бизнес-структурами с целью повышения эффективности профессиональной подготовки кадров, формирования конкурентоспособного, востребованного на рынке труда будущего специалиста и на методологических основах компетентностного, деятельностного и практико-ориентированного подходов к обучению, ведущими принципами которых выступают: системность; систематичность и последовательность; связь теории и практики обучения с практической деятельностью бизнес-структур; принцип активности; практико-ориенти-

рованная направленность профессиональной подготовки кадров; межпредметные связи и интеграция профессиональных задач в процесс обучения [24, с. 41].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Опираясь на педагогический опыт [25-28], в основе деятельности Амурского государственного университета (АмГУ) по профессиональной подготовке кадров лежит модель непрерывного социального партнерства, содержащая целевой, организационно-методический, процессуально-деятельностный, результативный компоненты (рисунок 1).



Рисунок 1 – Модель долгосрочного социального партнерства в профессиональной подготовке кадров

Целевой компонент предусматривает создание условий для профессиональной подготовки кадров для региона, обладающих необходимыми профессиональными компетенциями. Организационно-методический компонент обеспечивает профессиональную подготовку специалистов нормативно-правовыми и методическими документами для эффективного функционирования долгосрочного сотрудничества вузов с бизнес-структурами. Результативный компонент включает в себя диагностику, анализ и контроль деятельности обучающихся с целью проверки эффективности профессиональной подготовки кадров, выявления изменений профессионального потенциала будущих специалистов и содействия трудоустройству выпускников.

Как отмечает З.Р. Танаева, участие работодателей в профессиональной подготовке кадров должно быть на всех этапах становления будущих специалистов [29, с. 17]. Поэтому ценностным в модели непрерывного социального партнерства в профессиональной подготовке кадров является процессуально-деятельностный компонент, характеризующийся наличием уровней постепенного вовлечения работодателей в образовательный процесс: осведомленность; вовлеченность; поддержка; спонсорство; стратегическое партнерство. Можно вы-

делять основные направления социального партнерства: коммуникативно-дидактическое (взаимное обучение через общение педагогов и социальных партнеров); управленческое (совместное управление образовательным процессом); экспертное (совместная оценка образовательного процесса); проектно-деятельностное (разработка и осуществление совместных проектов, акций и др.); консультативное (профессиональное консультирование); диагностическое (изучение особенностей становления будущих специалистов); исследовательское (поиск и апробация инновационных форм работы); проектировочное (совместная разработка программ, методических пособий и др.); просветительское (информирование субъектов образовательного процесса); образовательное (создание единой образовательной среды).

На уровне осведомленности происходит первоначальное знакомство и накопление взаимного доверия между образовательными организациями и работодателями в ходе реализации совместных краткосрочных мероприятий на более простых уровнях взаимодействия, направленных на знакомство обучающихся со специальностями: информационные встречи с работодателями, экскурсии на предприятия в соответствии с профилем профессиональной подготовки будущих специалистов, Ярмарки вакансий, Дни фирмы, Дни карьеры, недели специальности и т.п.

Уровень вовлеченности предусматривает последовательную динамику развития взаимодействия вузов с бизнес-структурами в ходе постепенного вовлечения работодателей и их представителей в образовательный процесс: целевая профессиональная подготовка, совместная разработка учебных планов, рабочих программ дисциплин, учебно-методических комплексов, фондов оценочных средств по дисциплинам в соответствии с запросами и потребностями работодателей, организация и реализация в ходе прохождения производственных практик системы наставничества, стажировок на базе предприятий; участие работодателей в учебном процессе в качестве преподавателей профессиональных дисциплин, руководителей или консультантов курсовых проектов и выпускных квалификационных работ, руководителей производственных практик с целью получения обучающимися практического опыта в решении задач профессиональной деятельности и формирования компетентностного специалиста в профессиональной сфере.

Уровень поддержки характеризуется дальнейшим развитием программы социального партнерства вузов с бизнес-структурами, предполагающей развитый механизм взаимовыгодного сотрудничества в профессиональной подготовке кадров, базирующийся на проведении краткосрочных мероприятий, направленных на развитие профессиональной компетентности обучающихся: проведение круглых столов (например, круглый стол «О формах сотрудничества профессиональных образовательных организаций и предприятий малого и среднего бизнеса» и др.), дискуссий, конференций (например, конференция «Кадровое обеспечение региона», международная научно-практическая конференция «Инновации в социокультурном пространстве» и др.), семинаров по актуальным вопросам в области подготовки будущих специалистов (например, семинары «Участие работодателей в реализации образовательных программ и внешней оценке результатов обучения», «Организация и проведение практик, предусмотренных учебным планом», «Анализ и прогноз соответствия реализуемых университетом образовательных программ потребностям регионального рынка труда» и др.); форумов (например, Международный молодежный экономический форум «Россия и Китай: вектор развития»; медиафорум «Pro.info»); мастер-классов, тренингов с целью формирования практического опыта в решении профессиональных задач с компанией ООО «Крипта», МБУ Центр развития молодежи и общественных инициатив «Выбор», ПАО «Сбербанк России» и других в-

дущих организаций региона; совместная организация и проведение конкурсов «Профессиональное мастерство», Всероссийского космического фестиваля «Космофест Восточный», Workshop в рамках международного фестиваля искусств «Арт-пространство-Амур», международного фестиваля рекламы и PR-коммуникаций «Красный карандаш», фестивалей профессий, выездной школы вожатых «Инструктивка» и др. мероприятий.

Выше перечисленные этапы предполагают использование традиционных методов и форм вовлечения работодателей в профессиональную подготовку кадров. Инновационные методы и формы взаимодействия вузов с бизнес-структурами предусматривают этапы спонсорства и стратегического партнерства.

Уровень спонсорства осуществляется на основе организации и проведения среднесрочных мероприятий, направленных на профессиональную адаптацию будущих молодых специалистов на рабочем месте и на содействие эффективному трудоустройству выпускников: предоставление стажерских площадок для обучающихся на базе организаций НИПИГАЗ, МТС, ТрансТелеКом и др.); организация и проведение практики на предприятиях, соответствующих профилю профессиональной подготовки кадров; организация кабинетов, мастерских, лабораторий, оснащенных современным оборудованием и техническими средствами, как на базе вузов, так и на предприятиях (например, УКЦ «Бизнес-школа», многопрофильная промышленная лаборатория «Цифровая подстанция»; лаборатория по теплоэнергетике; лаборатория высоких напряжений и испытаний электрического оборудования электрических станций и подстанций; лаборатория интеллектуальных систем электроснабжения и энергосбережения; лаборатория электроснабжения; лаборатория электроэнергетических систем и релейной защиты; лаборатория интеллектуальной энергетики; лаборатория ETAP Power Lab, мастерские по проектированию, деревообработке и керамике и др.); проведение тренингов по содействию трудоустройству будущих выпускников («Эффективное резюме», «Встреча с работодателем», «Психология карьеры», «Адаптивное поведение на рынке труда» и др.); поддержка исследовательских грантов, совместное участие в научно-исследовательских проектах и др. (например, участие в экспериментах по приему различной информации с космических аппаратов из космоса, организуемые при поддержке РКК «Энергия», Госкорпорация Роскосмос, NASA, ARISS; исследования, связанные с прогнозированием электропотребления, вопросами энергосбережения и повышения энергоэффективности, экономическими аспектами энергетики и др.).

Уровень стратегического партнерства обеспечивает проведение долгосрочных мероприятий, что предусматривает заключение договоров о сотрудничестве с ведущими предприятиями и организациями региона, что позволяет создать практико-ориентированную образовательную среду в соответствии с запросами работодателей, реализовывать целостную образовательную стратегию, направленную на понимание и поддержку бизнес-структурами концепции вуза, обеспечивающей разработку интегрированных образовательных проектов с работодателями, направленных на развитие у обучающихся личностных и профессиональных качеств, необходимых в конкретной профессиональной деятельности, способствующих формированию профессионализма, конкурентоспособности будущих специалистов, повышению эффективности трудоустройства выпускников на рынке труда. В качестве ключевых работодателей выступают: ПАО Газпром, Госкорпорация «Роскосмос», Сибур Холдинг, ПАО «Сбербанк России», Управление занятости населения Амурской области, Государственная инспекция труда по Амурской области, ОАО «Судостроительный завод им. Октябрьской революции», Главное управление МЧС России по Амурской области, ООО «Ростелеком»,

ООО «Росгострах», ПАО «Дальневосточная энергетическая компания», ПАО «Федеральная гидрогенерирующая компания – Рус-Гидро», ОАО «Дальневосточная распределительная сетевая компания», Филиал ПАО «СО ЕЭС» «Региональное диспетчерское управление энергосистемы Амурской области», ПАО «ВТБ», МТС, Управление федеральной налоговой службы по Амурской области, ГБУ АО «Благовещенский КЦСОН «Доброта»», Министерство социальной защиты населения Амурской области, Управление социальной защиты населения по г. Благовещенску и Благовещенскому району, Управление Федеральной службы судебных приставов России по Амурской области, студия архитектуры и дизайна «АрхИдея» и др.

Анализ соответствия реализуемых АмГУ образовательных программ потребностям регионального рынка труда показал, что выпускники по уровню подготовки и полученным знаниям, умениям, навыкам и компетенциям соответствуют запросам работодателей, что обеспечивает их востребованность на рынке труда не только в Амурской области (70 % выпускников), но и в Хабаровском крае (7,8 % выпускников), Москве (7,4 % выпускников), Санкт-Петербурге (3,6 % выпускников), Иркутской области (1,6 % выпускников), Приморском крае (1,4 % выпускников), Республике Саха (Якутия) (1,3 % выпускников), Новосибирской области (1,1 % выпускников), других регионах России и Китае (5,8 % выпускников).

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Таким образом, создание системы долгосрочного социального партнерства вузов с бизнес-структурами является одним из педагогических условий, обеспечивающих реализацию требований профессиональных стандартов к качеству профессиональной подготовки высококвалифицированных, конкурентоспособных кадров, востребованных на региональном рынке труда и способствующих успешной профессиональной адаптации будущих специалистов в профессиональной среде. Дальнейшее исследование будет направлено на поиск других педагогических условий, инновационных методов, форм и средств эффективного взаимодействия образовательных организаций с бизнес-структурами в системе профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Башарина О.В. Теоретические основы проблемы кадрового обеспечения региональной экономики // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2018. № 2 (18). С. 20-28.
2. Шуклина Е.А., Певная М.В. Перспективы развития взаимодействия предприятий и вузов в макрорегионе: экспертная оценка // *Вопросы управления*. 2018. № 3 (33). С. 115-121.
3. Лазаренко В.А., Охотников О.И., Шульгина Т.А., Брынцева О.С., Черней С.В. Социальное партнерство вуза и работодателей как способ ликвидации кадрового дефицита региона: опыт Курского государственного медицинского университета // *Иппова*. 2015. № 4 (1). С. 43-45.
4. Дашкова А.К., Чурляева Н.П. Аксиологическая модель профессиональной адаптации студентов инженерных специальностей // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013. № 4. С. 84-88.
5. Шкиль О.С. Модель профессиональной адаптации будущих специалистов в условиях взаимодействия вузов с бизнес-структурами // *Вестник науки*. 2018. № 8 (8). Том 3. С. 219-222.
6. Морозова Е.А. Взаимодействие вузов и работодателей как условие качественной подготовки выпускников: мнения экспертов // *Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2016. № 1 (1). С. 70-75.
7. Шабаева С.В. Практическое исследование сотрудничества вузов и бизнеса в России и странах ЕМСОУ // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21. № 6. С. 93-100.
8. Федосимов Г.М. Организации социально-педагогического партнерства университетов на основе сетевого взаимодействия // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 35-37.
9. Шкиль О.С., Гаврилюк Е.А. Об участии работодателей во внешней оценке качества профессиональной подготовки кадров // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 240-243.
10. Андриенко О.А., Толканюк З.А. О социальном партнерстве общеобразовательных школ и учреждений среднего профессионального образования // *Научен вектор на Балканите*. 2019. Т. 3. № 2 (4). С. 5-8.
11. Данилаев Д.П., Маливанов Н.Н. Современные условия и струк-

тура взаимодействия вузов, студентов и работодателей // *Высшее образование в России*. 2017. № 6 (213). С. 29-35.

12. Полевая Н.М., Ситникова В.В. Проблемы привлечения работодателей к учебному процессу по направлению подготовки «социальная работа» // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 196-200.

13. Озина А.М., Чернышов А.Н. Методология и инструментариум создания региональной системы социального партнерства в здравоохранении и образовании // *Вестник НГИЭИ*. 2017. № 11 (78). С. 120-129.

14. Копров В.М., Сапир Е.В. Интеграционные процессы в инновационной среде высшей школы // *Интеграция образования*. 2016. Т. 20. № 3. С. 382-392.

15. Тазиева Л.М., Бочкарева Т.Н., Осадчий Э.А. Исследование необходимости практико-ориентированного профессионального образования в университете // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 214-216.

16. Бикчантаева А.И. Перспективы сотрудничества вузов Татарстана с предприятиями реального сектора экономики // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 2 (34). С. 5-9.

17. Иванова Т.Н. Конструирование инновационной региональной консолидационной модели «молодой специалист-работодатель» как условие регулирования социально-трудовых отношений в процессе флексификации рынка труда: социологический аспект // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 252-255.

18. Чванова М.С., Храмова М.В., Молчанов А.А. Социальное партнерство – один из механизмов совершенствования социально-инновационной деятельности вуза // *Образовательные технологии и общество*. 2012. № 2. С. 581-601.

19. Исламатов Р.Г. Особенности взаимодействия бизнеса и высшего профессионального образования в Российской Федерации // *MASTER'S JOURNAL*. 2016. № 1. С. 347-353.

20. Мотовилов О.В. Формирование системы взаимоотношений между вузом и работодателями // *Высшее образование в России*. 2016. № 11. С. 17-27.

21. Фортунаев А.Н. Формы и этапы организации социального партнерства в высших учебных заведениях // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 6.

22. Моисеев В.Б., Козлов Н.В. Многоуровневый инновационный научно-образовательный комплекс: интеграция науки, образования, бизнеса // *Инженерное образование*. 2011. № 8. С. 16-22.

23. Федосова И.В., Деревцова Е.Н. Социальное партнерство вуза как фактор повышения качества профессиональной подготовки будущих специалистов // *Современные исследования социальных проблем*. 2015. № 8 (52). С. 306-321.

24. Шкиль О.С. Методологические подходы к профессиональной адаптации будущих специалистов в условиях взаимодействия вузов с бизнес-структурами // *Проблемы науки*. 2017. № 35 (117). С. 40-43.

25. Романова О.В. Кластерная модель организации социального партнерства в муниципальной сфере образования // *Траектория науки*. 2016. № 3.

26. Фишман Б.Е., Кузьмина Б.С. Социальное партнерство вуза и формирование жизненных стратегий студентов в новых социокультурных условиях // *Материалы международной научно-практической конференции «Взаимодействие субъектов образования в информационном обществе: опыт стран Европы и АТР»*, Владивосток, 24 октября 2017. Дальневосточный федеральный университет. 2018. С. 214-219.

27. Костина Е.Ю. Социальное партнерство в деятельности современных университетов // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2015. № 12. С. 63-67.

28. Давыденко Т.М., Гуцина Т.Ю., Пересыпкин А.П. Инновационные грани социального партнерства «вуз-работодатель»: от учебных практик к проектной интеграции // *Инновации*. 2012. № 4. С. 45-49.

29. Танаева З.Р. Организационно-педагогические условия развития профессиональной компетентности будущих юристов в условиях партнерского взаимодействия «вуз-работодатель». // *Стратегия развития профессионального образования*. 2016. № 9. С. 17-22.

Статья поступила в редакцию 18.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 371.9: 372

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0033

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРОСОДИКО-ИНТОНАЦИОННЫХ ОШИБОК ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ С ДИЗАРТРИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

© 2020

SPIN-код: 4344-1479

AuthorID: 724802

Щербак Светлана Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной педагогики, психологии и предметных методик

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: scherbaksg1@cspu.ru)*

Аннотация. В статье представлены результаты изучения просодических средств у детей младшего школьного возраста с дизартрическими расстройствами, которые используются в устной речи и в чтении. Коррекционная помощь детям с дизартрическими расстройствами оказывается в дошкольном возрасте. Она направлена на коррекцию в основном произносительной стороны речи и при необходимости – лексико-грамматической стороны речи. Как показывает анализ специальной литературы, у детей данной группы не всегда происходит полная коррекция дефекта. Нарушения произносительной стороны речи проявляются в более сложных видах речевой деятельности: в устной монологической и письменной речи. Определена необходимость разработки содержания логопедической работы по коррекции просодических средств в дошкольном возрасте у детей с дизартрическими расстройствами с целью предупреждения нарушений чтения. В экспериментальном исследовании были выявлены нарушения просодической стороны устной речи и применение просодико-интонационных средств в чтении у младших школьников с дизартрическими расстройствами. На основании анализа полученных результатов и изучения научно-методической литературы было разработано содержание коррекционной работы в дошкольном возрасте на основе принципиальных подходов к формированию коммуникативной направленности речевой деятельности. Цель коррекционной работы – предупреждение нарушений чтения у детей с дизартрическими расстройствами посредством формирования у них навыков использования просодико-интонационных средств для оформления устного высказывания и при освоении элементов чтения. Рассмотрены основные направления коррекционной работы их поэтапная реализация, краткая характеристика каждого направления и используемые методы и приемы. Представленное содержание может быть использовано в коррекционно-образовательной работе с детьми с другими формами речевых расстройств в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: дети с дизартрическими расстройствами; просодико-интонационные средства, осознанность чтения, интонационное оформление высказывания, речевая коммуникация, чтение, коммуникативно-когнитивный подход

PREVENTION OF PROSODIC-INTONATIONAL READING ERRORS IN CHILDREN WITH DYSPARTHIC DISORDERS

© 2020

Shcherbak Svetlana Gennadevna, candidate of pedagogical sciences, lecturer,

Department of special pedagogy, psychology and meaningful techniques

South Ural State humanitarian and Pedagogical University

(454080, Russia, Chelyabinsk, Prospekt Lenina, 69, e-mail: scherbaksg1@cspu.ru)

Abstract. The article presents the results of the study of prosodic drugs in children of primary school age with dysarthric disorders, which are used in oral speech and reading. Correctional care for children with dysarthric disorders is provided in preschool age. It is aimed at correcting mainly the pronunciation side of speech and, if necessary, the lexical and grammatical side of speech. As the analysis of special literature shows, children of this group do not always have a complete correction of the defect. Violations of the pronunciation side of speech are manifested in more complex types of speech activity: in oral monological and written speech. The necessity of developing the content of speech therapy work on the correction of prosodic means in preschool age in children with dysarthric disorders in order to prevent reading disorders is determined. The experimental study revealed violations of the prosodic side of oral speech and the use of prosodic-intonation means in reading in younger students with dysarthric disorders. On the basis of the analysis of the obtained results and the study of scientific and methodological literature, the content of correctional work in preschool age was developed on the basis of fundamental approaches to the formation of communicative orientation of speech activity. The purpose of correctional work-the prevention of reading disorders in children with dysarthric disorders through the formation of their skills to use prosodic-intonation means for the design of oral expression and the development of reading elements. The main directions of correctional work, their phased implementation, a brief description of each direction and the methods and techniques used are considered. The presented content can be used in correctional and educational work with children with other forms of speech disorders in educational institutions.

Keywords: children with dysarthric disorders; prosodic-intonation means, mindfulness of reading, intonation design statements, speech communication; reading, communicative and cognitive approach

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Основными задачами при обучении чтению является формирование его взаимно обуславливающих качеств: правильности и осознанности [1]. Чтение без искажений и без запинки прочитанных букв, слогов, слов, предложений характеризуется как плавный процесс, обеспечивающий не только скорость (беглость), но и осмысление прочитанного. Особую роль в понимании прочитанного играют способность читать выразительно и осознанно, передавать с помощью просодических средств главную мысль текста и свое отношение к прочитанному. Формирование осознанности чтения лежит в основе становления у детей читательской компетенции [2].

Особое значение данные положения имеют при обучении чтению детей с нарушениями речи. В исследованиях Т.А. Алтуховой, О.Б. Иншаковой, А.Н. Корнева, Р.Е. Левиной, М.Н. Русецкой, Г.В. Чиркиной и др. рассматриваются нарушения чтения у детей с речевой патологией, описываются нарушения его технической и смысловой стороны. Выделены различные причины нарушения чтения: недостаточное развитие устной речи [3,4,6,8], несформированность психических процессов: слухового восприятия, зрительного восприятия, зрительно-пространственных ориентировок [5,6,7], недостаточная психическая активность протекания письменной-речевой деятельности [4,5,6,8].

В работах Репной З.А, Лариной Е.А. [9] рассматри-

ваются теоретические вопросы влияния несформированности интонационной стороны устной речи детей младшего школьного возраста с дизартрическими расстройствами на усвоение навыка чтения.

Необходимо отметить, что дети с дизартрическими расстройствами получают коррекционную помощь в дошкольном возрасте. Одной из задач реализации образовательной Программы является обеспечение преемственности дошкольного общего и начального общего образования, т.е. подготовка детей с ТНР к обучению в школе. В рамках этого осуществляется психолого-педагогическое сопровождение, в котором реализуются задачи коррекции устной речи и обучения детей элементарным навыкам письма и чтения [10].

В исследованиях Щербак С.Г. [11] было установлено, что недостаточность интонационного оформления устной речи разной степени выраженности характерна для всех детей с дизартрическими расстройствами. При отсутствии тяжёлых нарушений произносительной стороны речи у детей с дизартрическими расстройствами отмечается несформированность коммуникативно-речевых навыков и умений, обеспечивающих речевую коммуникацию. Это может вызвать школьную дезадаптацию детей, одним из проявлений которой будет являться нарушение письменной речи.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость практического изучения интонационной стороны речи детей с дизартрическими расстройствами в устной речи и просодико-интонационных средств в процессе обучения чтению, разработки содержания логопедической работы по коррекции просодических средств в дошкольном возрасте у детей с дизартрическими расстройствами с целью предупреждения нарушений чтения в начальной школе.

Проблема формирования чтения рассматривается не только в рамках достижения предметных результатов освоения образовательной программы. Не менее важно рассматривать преодоление нарушений чтения с точки зрения достижения метапредметных результатов её освоения. Русецкая М.Н. подчёркивает, что у детей с речевой патологией нарушается формирование читательских компетенций, поэтому они не состоятельны как в образовательных, так и в социокультурных целях для решения когнитивных и коммуникативных задач [12].

При изучении качественных характеристик чтения Т.А. Алтухова, И.И. Карачевцева указывают, что недостаточность способа, правильности, выразительности, скорости и понимания прочитанного проявляется и в просодико-интонационном его оформлении. Дети испытывают трудности в ориентировке на знаки препинания в процессе чтения. Они не владеют способами вычленения в печатном тексте предложения как единицы, которая имеет смысловое значение, так как не понимают его интонационной законченности. Данные ошибки негативно влияют на качество чтения, его осознанность [13].

Формирование навыков чтения рассматривается традиционно в логопедии в аспекте системного подхода к преодолению речевых нарушений [6]. Недоразвитие устной речи является одним из ведущих факторов, влияющих на усвоение чтения детьми с нарушениями речи. Недостаточное развитие у младших школьников с дизартрическими расстройствами навыков интонационного оформления устной речи приводит к трудностям понимания прочитанного [13]. При изучении монологического устного высказывания у младших школьников с нарушениями речи [14] установлено, что трудности его интонационного оформления затрудняют передачу смысловой программы.

Рассматривая дислексии, М.Н. Русецкая [7] определяет ведущим в структуре нарушения чтения первичную недостаточность речезыкового развития и, прежде всего, устной речи. Значимость сформированности устно-речевых навыков для обучения письму и чтению обозначается во всех работах, посвящённых преодолению

нарушений письменной речи.

Вместе с тем, в исследованиях А.А. Алмазовой, Г.В. Бабиной [14] указывается, что группу детей с дефицитным уровнем готовности к обучению письменной речи составляют дети с речевой патологией. При этом одним из факторов риска возникновения нарушений письма и чтения выделен фактор нарушения произносительной стороны речи, проявляющийся, в частности, и на интонационном уровне.

А.В. Лагутина [15] обосновывает необходимость работы по формированию функционального базиса чтения в ходе подготовки к овладению элементарными навыками письма и чтения с целью предупреждения дислексии. При этом в Программе [10] обозначены задачи по подготовке к грамоте, направленные на обучение детей послоговому и слитному чтению слов, предложений, коротких текстов. Формирование просодико-интонационных средств в процессе чтения, способствующих осознанному чтению специально не выделяются.

Включение в коррекционную работу с детьми с нарушениями речи задач по формированию просодико-интонационных средств направлено на предупреждение нарушений правильности и осознанности чтения в младшем школьном возрасте.

Формирование целей статьи (постановка задания).

С целью выявления степени сформированности просодико-интонационных средств у детей с дизартрическими расстройствами в устной речи и в чтении на базе образовательных учреждений: М(С)КОУ №11, МБОУ №112 г. Челябинска было проведено экспериментальное исследование, в котором приняло участие 35 детей младшего школьного возраста с дизартрическими расстройствами. Изучение просодико-интонационных средств в чтении проводили на основе методических рекомендаций Т.А. Алтуховой, О.Е. Грибовой [3,16]. Для чтения предлагались специально подобранные тексты, доступные и небольшие по объёму, включающие диалоги и прямую речь, понимание которых зависело от правильности прочтения интонационных конструкций. Изучались как правильность чтения, так и его осознанность, для определения которой детям предлагалось ответить на вопросы. Также изучение просодико-интонационных средств проводили в устной монологической речи. Выявляли их сформированность на лингвистическом, лингво-когнитивном и когнитивно-коммуникативном уровне [17]. Анализировали собственно-лингвистические компоненты интонационной стороны речи: артикуляционный темп, голосовая функция: тембр, громкость, сила; лингво-когнитивные – общий темп речи, паузация; коммуникативно-когнитивные – изменение мелодики речи в зависимости от цели высказывания и коммуникативной ситуации; интонационное завершение высказывания; логическое ударение [13].

Проведённый затем сопоставительный анализ полученных данных позволил определить содержание логопедической работы по коррекции просодико-интонационных средств устной речи и при освоении элементов чтения с целью предупреждения нарушений правильности и осознанности чтения.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Анализ данных, полученных в ходе изучения просодико-интонационных средств в чтении показал следующее. Все дети с дизартрическими расстройствами овладели продуктивным способом чтения. В чтении отмечались трудности использования интонационных конструкций, определяемой знаками препинания, при этом дети правильно определяли знак, его значение. Также преобладала монотонность чтения (94%), слитное прочтение предложений (отсутствие пауз – 94%), трудности интонационного завершения предложения и текста в целом (83%). Дети не учитывали знаков препинания (запятых, точек), интонационно их не обозначали паузами, понижением и повышением основного тона голоса, что

проявлялось в отрывистом или слитном чтении.

Нарушение интонационного оформления устного высказывания также проявлялось: в недостаточности движения основного тона в высказывании – при завершении высказывания преобладал нисходяще-ровный тон и частично использовался восходяще-ровный тон, полностью отсутствовало изменение основного тона (ровная мелодика – монотон). Большая часть детей завершают устное (57%) и письменное (84%) высказывание посредством лексического завершения с помощью слов «все», «вот», невербального поведения – взгляда на слушающего, кивка головой. Все действия сопровождаются продолжительной паузой со взглядом ожидания, поиском помощи (взгляд), ожидания подсказки, что указывает на затруднения в понимании окончания высказывания. Необходимо отметить, что к школьному возрасту у детей с нормой речевого развития формируется интуитивная способность произносить ударные и безударные слоги – базы для становления логического ударения в устной и письменной речи. У всех детей с дизартрическими расстройствами отмечалось недостаточное использование логического ударения, как в устном высказывании (94%), так и в чтении (100%). Это отражалось на передаче семантики высказывания. Данные нарушения связаны в основном с недостаточностью переключения в основном тоне голоса, что выражалось в полном отсутствии выделения значимого слова. Недостаточное владение детьми просодико-интонационными средствами было связано с трудностями планирования устного высказывания и проявлялось в отсутствии логического ударения или выделении незначимого слова. У некоторых детей (34%) отмечался медленный темп чтения по причине недостаточной автоматизированной техники чтения. При достаточной скорости чтения у 66% детей с нарушениями речи отмечается недостаточное маркирование смысловой структуры устного и письменного высказывания с помощью просодико-интонационных средств. У всех испытуемых отмечается нарушение выразительности в процессе чтения. Такие нарушения указывают на отсутствие у детей с дизартрическими расстройствами навыков размещения основного тона голоса во фразе для выделения темы и ремы. Это прослеживалось при выявлении понимания смысла прочитанного. Дети затруднялись в ответах на вопросы по прочитанному тексту, отказывались от ответов на поставленные вопросы, неправильно объясняли причины и мотивы совершаемых действий, неправильно оценивали их поступки. Таким образом, выявленные нарушения свидетельствуют о недостаточной сформированности просодико-интонационных средств для оформления устного и письменного высказывания. У некоторых детей с дизартрическими расстройствами () недостаточность звукового оформления устной речи, как проявление основного дефекта. Это сказывалось на качестве просодико-интонационного оформления высказывания: в снижении темпа чтения (артикуляционный темп), отсутствии или неправильной постановки ударения и использования интонационных конструкций (основной тон голоса), нарушении голово-вой функции: тембра, громкости, силы (собственно-лингвистические компоненты). Трудности понимания смысла высказывания проявлялись в снижении общего темпа речи, в отсутствии смысловой паузации (лингво-когнитивные компоненты). Недостаточное понимание коммуникативной цели высказываний, включенных в текст ситуаций общения, в которых они происходят, а также недостаточное понимание коммуникативной направленности самого процесса чтения проявляются в нарушениях мелодики речи, интонационном завершении высказывания, употреблении логического ударения.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости проведения логопедической работы по коррекции просодических средств в устной речи не только с целью её правильного интонационного оформления, но как предупредительные просодико-интонационные ошибки, Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

допускаемых детьми в процессе чтения и влияющих на понимание письменного текста.

Мы рассматриваем интонацию устного и письменного высказывания как сложное супraseгментное звуковое средство [18].

Содержание логопедической работы было определено с учётом коммуникативных принципов. Специфической особенностью коммуникативного подхода является сближение процесса обучения с процессом реальной коммуникации.

Принцип коммуникативно-деятельностного подхода рассматривает формирование просодико-интонационных средств оформления высказывания с целью обеспечения его коммуникативной направленности, ориентации на собеседника, осознанного их применения в соответствии с задачами коммуникации [8, 19]

Коммуникативно-когнитивный подход предполагает обучение детей с дизартрическими расстройствами способам и правилам употребления просодико-интонационных средств, их формирования на произносительном уровне (техника речи), и на коммуникативном уровне – адекватно условиям речевой коммуникации, сознательному отношению к их употреблению [8, 17, 21].

Нами были определены направления логопедической работы по предупреждению просодико-интонационных ошибок чтения: формирование навыков интонационного оформления грамматических конструкций в устной речи, формирование просодико-интонационных средств в процессе овладения элементарными навыками чтения.

Формирование навыков интонационного оформления грамматических конструкций в устной речи проводится в рамках коррекции фонетической стороны речи. В коррекции просодических средств обучаем детей использовать интонационное оформление грамматических конструкций в зависимости от коммуникативной цели высказывания (сообщение, отрицание, утверждение, описание, убеждение, объяснение). В зависимости от цели высказывания изменяется основной тон голоса посредством его повышения или понижения, что выражается в оформлении интонационной конструкции (повествование, вопрос, восклицание и т.д.), акцентированном произнесении слова (словесное ударение, логическое ударение, длительное произнесение гласного звука); интенсивности и длительности звучания голоса; тембра речевых звучаний.

Была определена следующая последовательность коррекционной работы. На начальном этапе детей вводим в коммуникативно-речевую ситуацию, что способствует возникновению у них мотива к построению высказывания, которое коммуникативно обусловлено. Далее логопед предъявляет детям речевой образец с обязательной установкой на его прослушивание. Проводится анализ грамматической конструкции, определяются способы её интонационного оформления в зависимости от цели высказывания. Для более полного восприятия интонационной конструкции включаем анализ устного высказывания посредством всех анализаторов. Выделяя на слух определённый параметр (значимое слово, движение основного тона, место паузы в высказывании и т.п.) и используем его запись или выбираем его графическое обозначение (пиктограмму, схему). Демонстрируем все параметры посредством движения руки, изображающим направление движения основного тона, в процессе повторного проговаривания с опорой на схему. Соблюдаем определённую последовательность вводимых упражнений: имитативные, подстановочные, трансформационные, репродуктивные. Формирование навыков употребления просодико-интонационных средств в устном высказывании проводим посредством методов повторения (имитации), осознанного применения интонации (развиваем представления о содержательности интонации), практического закрепления усвоенных грамматических конструкций, развития контроля за собственным высказыванием.

Для усвоения интонационных конструкций разного характера (повествовательного, вопросительного, перечислительного, восклицательного), способов выделения значимой информации (логическое ударение, паузация, порядок слов в предложении) используем на начальном этапе простые конструкции и конструкции, осложнённые прямым дополнением, обстоятельством, определением, однородными членами. Затем включаем сложные грамматические конструкции (сложносочинённые, сложноподчинённые).

На занятиях по подготовке к обучению элементарным навыкам грамоте проводим формирование просодико-интонационных средств для осознанного восприятия предложения и небольших текстов, навыков ориентировки на знаки препинания. После прочтения предложения проводим работу с письменным текстом (при усвоении способов чтения): задаем вопросы для уточнения понимания прочитанного, разбираем коммуникативную направленность высказывания и обозначение её с помощью просодико-интонационных средств. Затем проводим графическую запись прочитанного предложения с обозначением просодико-интонационных параметров. Знаками препинания обозначаем понижение или повышение основного тона голоса при чтении интонационных конструкций разного типа, завершение высказывания. Специальными знаками размечаем наличие ударения, логического ударения, движение основного тона голоса. Затем проводим правильное проговаривание интонационных конструкций с опорой на наглядную основу с последующим повторным чтением.

С целью развития у детей контроля за собственным высказыванием включаем коллективный анализ высказывания и анализ собственного высказывания. Фиксация высказывания с помощью видео или аудиозаписи позволяет провести отсроченный контроль читаемого с одновременным сопоставлением по составленной схеме. В этом случае у детей складывается понимание и осознанное применение просодических средств для обозначения коммуникативной значимости высказывания.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, целенаправленная работа, направленная на формирование интонационной стороны устной речи у детей дизартрическими расстройствами может рассматриваться как вторичная профилактика нарушений осознанности и выразительности чтения.

Далее, мы предполагаем, оценить эффективность предложенной коррекционно-предупредительной работы и рассмотреть содержание коррекционной работы по формированию навыков осознанного чтения у первоклассников с дизартрическими расстройствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эльконин Д.Б. Как научить детей читать // *Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин; Под редакцией Д. И. Фельдштейна. — Издание 2-е, стереотипное. — М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — (Психологи отечества). — С. 323—349*
2. Ходякова Л.А., Супрунова А.В. Читательская компетенция как составляющая общекультурной компетентности. // *Наука и школа №6 2015, С.87-94.*
3. Алтухова Т.А. Коррекция нарушений чтения у учащихся начальных классов с трудностями в обучении: пособие для учителей нач. кл. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1998. С.113.
4. Иншакова О.Б. Нарушения письма и чтения: теоретический и экспериментальный анализ М.: Издательство: В. Секачев, 2008. 140с.
5. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей: учеб.-метод. пособие. СПб.: МиМ, 1997. 286 с.
6. Левина Р.Е. Нарушения чтения и письма у детей: избранные труды Р.Е. Левина // ред.-сост. Г.В. Чиркина, П.Б. Шошин. М.: АРКТИ, 2005. 224 с.
7. Русецкая М.Н. Нарушение чтения у младших школьников: Анализ речевых и зрительных причин: Монография. СПб.: КАРО, 2007. 192с.
8. Чиркина Г.В. Проблемы логопедии в свете функциональных и когнитивных теорий языка // *Дефектология. М., 2006. № 13. С. 13-15.*
9. Репина З.А., Ларина Е.А. К вопросу об особенностях интонационной выразительности речи у младших школьников с ОНР с легкой степенью псевдобульбарной дизартрии и их сверстников с нормаль-

ным психоречевым развитием // *Специальное образование. 2009. №3. С.74-83.*

10. Примерная адаптированная основная образовательная программа дошкольного образования детей с тяжёлыми нарушениями речи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fgosreestr.ru/registry/primernaya-adaptirovannaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-doshkol'nogo-obrazovaniya-detej-s-tyazholymi-narusheniyami-rechi/> (дата обращения 10.06.2019).

11. Щербак С.Г. Устная монологическая речь детей с дизартрическими расстройствами // *Дефектология. 2010. №1. С.47-56.*

12. Русецкая, М.Н. Феномен дислексии в контексте когнитивно-коммуникативного развития учащихся общеобразовательной школы // *Дефектология. 2009. №3 2009. С.13-19.*

13. Алтухова Т.А., Карачевцева И.Н. Изучение особенностей перцептивно-смысловой обработки текстов младшими школьниками с общим недоразвитием речи III и IV уровней // *Школьный логопед 2005. № 1 (4). С.31-43.*

14. Алмазова А.А., Бабина Г.В., Любимова М.М., Соловьёва Т.А. Содержательно-организационные аспекты преемственности трудностей усвоения письма и чтения у детей с нарушениями речи // *Специальное образование. 2017. №4 С.6-21.*

15. Лагутина А.В. Использование обучения чтению в коррекции нарушений речи у дошкольников // *Нарушения письма и чтения у детей: изучение и коррекция: научная монография / Под общ.ред. О.А.Величенковой – М.: Логомаг, 2018. 214-237 с.*

16. Грибова О.Е. Технология организации логопедического обследования. Методическое пособие. М.: Айрис-пресс, 2005. 96 с.

17. Щербак С.Г. Формирование устной монологической речи детей с минимальными дизартрическими расстройствами. : автореферат дисс. кан. пед. наук. СПб., 1996. С.23.

18. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика: учебник – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 592 с.

19. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1985. 214 с.

20. Зимняя И.А. Лингвистическая психология речевой деятельности: избр. психол. труды. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж : МОДЕК, 2001. 432 с.

21. Щербак С.Г. Коммуникативно-когнитивный подход к формированию коммуникативно-речевых навыков монологической речи детей с минимальными дизартрическими расстройствами /С.Г. Щербак В сборнике: Сборник научных статей VII Международной конференции Российской ассоциации дислексии Сборник научных статей VII Международной конференции. Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; Российская ассоциация дислексии. 2017. 169-173с.

Статья поступила в редакцию 29.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 378:81-25

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0034

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© 2020

SPIN-код: 4926-8520

AuthorID: 802155

Акай Оксана Михайловна, доцент кафедры «Иностранные языки»

SPIN-код: 7948-7660

AuthorID: 803415

ЩербакOVA Ирина Владимировна, преподаватель кафедры «Иностранные языки»

SPIN-код: 7602-5590

AuthorID: 777007

Царевская Ирина Валентиновна, доцент кафедры «Иностранные языки»

Донской государственный технический университет

(344000, Россия, Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1, e-mail: ira.leroy@yandex.ru)

Аннотация. Кардинально изменились проблемы обучения иностранному языку студентов технических вузов. В настоящее время квалифицированный специалист должен не только владеть навыками по специальности, но и свободно говорить на иностранном языке, обладать средством профессионально-делового общения в области своей специальности. Применение интернет-технологий на практических занятиях по иностранному языку создает условия для развития у обучающихся познавательных, языковых и речевых компетенций, совершенствует знания и навыки обучающихся в письме, говорении и аудировании. Использование интернет-ресурсов знакомит студентов с реалиями стран изучаемого языка, представленных в аутентичных источниках. В нашей научной работе рассмотрены и выделены пять типов образовательных интернет-материалов: Hotlist, Treasure Hunt, Subject Sampler, Multimedia Scrapbook, Webquest. Современные интернет-технологии позволяют повысить мотивацию обучающихся при изучении иностранного языка и наладить межкультурную коммуникацию между языковыми личностями. В результате проведенного эксперимента на базе описанных интернет-материалов, мы пришли к выводу, использование интернет-ресурсов позволило повысить знания грамматики и лексики при изучении иностранного языка. Были совершенствованы навыки письма, говорения, аудирования, чтения при использовании электронной почты, мессенджеров, теле- и видеоконференций.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, интернет-технологии, интернет-ресурс, инновации, языковая среда, социальные сети, коммуникация.

INTERNET TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING

© 2020

Akay Oksana Mikhailovna, associate professor of the Department "Foreign languages"

Shcherbakova Irina Vladimirovna, lecturer of the Department "Foreign languages"

Tsarevskaya Irina Valentinovna, associate professor of the Department "Foreign languages"

Don State Technical University

(344000, Russia, Rostov-on-don, Gagarin square, 1, e-mail: ira.leroy@yandex.ru)

Abstract. The problems of teaching a foreign language to students of technical universities have changed dramatically. Currently, a qualified specialist must not only possess skills in the specialty, but also speak a foreign language fluently, have a means of professional and business communication in the field of his specialty. The use of Internet technologies in practical classes in a foreign language creates conditions for the development of students' cognitive, educational, language and speech competencies, improves the knowledge and skills of students in writing, speaking and listening. The use of Internet resources introduces students to the realities of the countries of the studied language, presented in authentic sources. In our scientific work five types of educational Internet materials are considered and allocated: Hotlist, Treasure Hunt, Subject Sampler, Multimedia Scrapbook, Webquest. Modern Internet technologies allow to increase the motivation of students in learning a foreign language and to establish intercultural communication between language personalities. As a result of the experiment on the basis of the described Internet materials, we came to the conclusion that the use of Internet resources allowed to increase the knowledge of grammar and vocabulary in the study of a foreign language. Skills of writing, speaking, listening, reading were improved when using e-mail, messengers, TV and video conferences.

Keywords: teaching foreign languages, Internet technologies, Internet resource, innovations, language environment, social networks, communication.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Интернет стал незаменимым помощником личности, говорящей на каком-либо иностранном языке. Интернет дает в настоящее время огромное количество возможностей при изучении иностранного языка всем обучающимся, так как он обеспечивает возможность реального общения на иностранном языке, интернет обеспечивает доступ к различным аутентичным материалам и неисчислимому количеству образовательных программ, ресурсов в текстовом, аудио- и видеоформатах [1, с. 132].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В научных трудах многими учеными затронута проблема современного образования и его совершенствования. Обучение иностранному языку невозможно без коммуникативного

подхода. В работе Царевской И.В. и Журавлевой Н.С. подробно описаны коммуникативные задачи при обучении иностранному языку [2, с. 200]. Коммуникативный подход способствует развитию межкультурной коммуникации и деловому общению [3, с. 117]. Такие интернет-технологии как скайп, электронная почта, социальные сети и различные мессенджеры – все это современные средства для развития вербальной коммуникации [4, с. 464]. Современные интернет-технологии и интернет-ресурсы - это способы повышения мотивации обучающихся при изучении иностранного языка [5, с. 175].

Формирование целей статьи (постановка задания). Актуальность данного исследования обусловлена применением новых информационных и интернет-технологий в процессе межкультурной коммуникации и обучении английскому языку как иностранному. Цель работы рассмотреть и выявить интернет-технологии, способствующие поддержанию межкультурной ком-

муникации при обучении иностранному языку. Чтобы достичь поставленной цели, нами были поставлены следующие задачи: изучить интернет-ресурсы; исследовать интернет-технологии, способствующие повышению мотивации при изучении иностранного языка; выявить интернет-технологии, развивающие коммуникативные и речевые способности. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению интернет-технологий в процессе обучения иностранному языку. Проблема данного исследования обусловлена использованием новых информационных технологий в преподавании иностранного языка. Материалом исследования стали современные интернет-материалы из проблемных и поисковых заданий: Hotlist, Treasure Hunt, Subject Sampler, Multimedia Scrapbook и Webquest. Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке онлайн-курсов и интернет-ресурсов. Практическая значимость работы обусловлена применением интернет-технологий на занятиях иностранного языка.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Обучающимся представляется возможность участия в интернет-конкурсах и интернет-олимпиадах. Студенты, используя интернет-технологии, могут создавать мультимедийные презентации, работая над тематическими проектами, проводить разностороннюю работу с аутентичными текстами по их специальности для извлечения необходимой информации [6, с. 136]. Интернет представляет собой техническое средство обмена информацией, расширяет с огромной скоростью зону действия вербальных форм коммуникации. Сеть является системой массового и межличностного общения. Интернет дает возможность передать необходимую информацию до коммуникантов, наладить обмен информацией между студентами. В данное время существует огромное количество интернет-ресурсов, которые помогают преподавателю в подготовке к занятиям, а обучающимся в изучении иностранного языка [7, с. 43].

Большое распространение получили языковые онлайн-курсы. Их преимуществом является гибкость, которая позволяет изменять их содержание в соответствии с потребностями слушателей. Важным направлением онлайн-курсов является контроль. Преподаватели получают отчеты о количестве времени, которое студент потратил на выполнение того или иного задания и о результатах тестирования. Современные онлайн-курсы содержат анимационные элементы, видеоклипы и интерактивные задания. Большинство онлайн-курсов базируются на определенных учебно-методических комплексах и нацелены на конкретную сферу деятельности, например: стратегический менеджмент или информационные технологии. Перечислим некоторые преимущества применения интернет-технологий: 1) заметная экономия времени в поиске; 2) обновление изучаемых материалов; 3) возможность использования одновременно несколько источников; 4) большой доступ к информации; 5) доступ к газетам, журналам иноязычных изданий, которые характеризуются низкой стоимостью, по сравнению с печатными изданиями.

21 век – это век внедрения современных интернет- и компьютерных технологий во все сферы деятельности человека. В образовании компьютер стал незаменимым помощником. С помощью компьютера преподаватель реализует большое количество образовательных программ, направленных на тренировку умений и навыков [7, с. 43]. Стоит отметить, что подготовка преподавателем занятия по иностранному языку зависит от следующих факторов: 1) уровня подготовленности студентов (владения языком), 2) объема изучаемого материала по теме в предложенном учебно-методическом комплексе, 3) вида учебной деятельности на практических занятиях, который доминирует, 4) личностно-возрастных особенностей обучающихся, 5) время работы с интернет-ресур-

сами, 6) языковой и исторической сложности изучаемого материала. Очевидно, что все занятие не может быть посвящено работе за компьютером и информационным программам.

Работа с компьютерными и интернет-технологиями должна идти в сочетании с другими видами учебной деятельности, например: контроль изученного материала, объяснение нового материала. Стоит подчеркнуть, что в образовательный курс может быть включен материал только после анализа информации, которая размещена на том или ином сайте.

Становится ясно, что преподаватель иностранного языка должен хорошо подготовиться к занятию и переработать большое количество интернет-источников. Интернет-технологии позволяют повысить методы и формы на занятиях, учитывая требования современной образовательной системы [7, с. 44]. Нами были выделены пять типов образовательных интернет-материалов: Hotlist, Treasure Hunt, Subject Sampler, Multimedia Scrapbook, Webquest.

Hotlist – это справочная страница, которая представляет собой топ обучающих интернет-сайтов. Данный справочник создан для облегчения выполнения новых заданий. Hotlist постоянно обновляется и имеет дополнения, но при этом остается основой для создания более сложных интернет-проектов.

Multimedia Scrapbook – данный интернет-ресурс может быть использован студентами, когда они имеют представление о предмете. В данной коллекции (собрании) представлены фото, картинка, аудио- и видеоресурсы, аутентичные тексты, ссылки, графика и игры. Представленные файлы в данной коллекции могут быть легко загружены обучающимися и использованы в качестве образовательного материала (подготовки докладов, презентаций, создания интернет-страниц).

Сайт «Treasure Hunt» содержит ссылки и вопросы по содержанию сайтов. Subject Sampler – интернет-проект, который позволяет студентам выявить интересующие их аспекты. После изучения каждого аспекта, студентам предлагается пройти тест. Webquest предполагает работу с большим объемом информации. Преподаватель использует Webquest для мотивации студентов.

Следует рассмотреть коммуникативные и речевые способности, которые развивает преподаватель у студентов при использовании интернет-технологий [8, с. 55]. Подчеркнем, что чтение с использованием интернет-ресурсов развивает следующие способности у обучающихся [9, с. 46]: выделение необходимых фактов или данных, выделение главной информации, определение временной связи между произошедшими событиями [10, с. 201], обобщение или вычленение информации, оценивание достоверности информации [11, с. 338], определение значимой информации в текстах [12, с. 110].

Отметим, что письмо развивает у обучающихся умения описывать события, случаи, факты, рассказать или спросить интересующую информацию, высказать свою точку зрения, мнение, передать содержание прочитанного, зафиксировать главное из представленного текста, материала, составить план монолога, суммировать информацию, которая была получена из разных интернет-источников.

При развитии навыка говорения устраняется коммуникативный барьер. Студенты способны участвовать в диалогах, спрашивать и передавать информацию, вести монолог, беседу, излагать свою точку зрения, передавать информацию из прочитанного, охарактеризовать факты [13]. Обучение аудированию развивает способность определения предмета или проблемы [14-19], выделения фактов и аргументов [20, с. 389], обобщения информации [21, с. 140], которая содержится в тексте [22, с. 810]. Интернет полон информацией и ресурсами, которыми мы пользуемся: разнообразие теле- и видеоконференций, электронная почта и мессенджеры, создание собственных интернет-страниц с возможностью

размещения информации, открытый доступ к интернет-ресурсам, каталогам, поисковым системам, скайп, дистанционное обучение [23, с. 44].

Нами был поставлен эксперимент. Студенты на практических занятиях активно использовали услуги интернет-ресурсов и оценили все их преимущества. Интернет стал для них незаменимым помощником.

Интернет-технологии и интернет-ресурсы помогают пополнить недостающую в источниках учебного материала, развить навыки и умения в поисковой деятельности, объективно оценить знания студентов в краткие сроки, создать необходимые условия культурно-развитой личности, создать условия к коммуникации, способствовать самостоятельному изучению английского языка, приобретению опыта творческой деятельности студентов.

У обучающихся на практических занятиях по иностранному языку с помощью интернет-технологий формируются умения чтения, совершенствуются навыки письма, увеличивается лексический запас. Интернет становится мощным катализатором повышения мотивации в изучении иностранного языка у обучающихся. Подчеркнем, что роль преподавателя заключена в изучении интернет-технологий и ресурсов, в расширении кругозора обучающихся, налаживанием и поддержанием межкультурных связей и контактов с носителями языка.

Отметим, что информация, представленную в обучающих электронных ресурсах, преподаватели оценивают, учитывая доступность и необходимость ее использования на аудиторных занятиях. Таким образом, ведение занятий с помощью интернет-технологий развивает межкультурную коммуникацию, воспитывает культурно-толерантную личность. Студенты на занятиях приобретают знания о культуре и традициях страны изучаемого языка, с помощью которых они могут понять языковую личность через общение.

Для развития межкультурной коммуникации в глобальной сети представлено большое число страниц и сайтов, чатов, форумов, которые могут быть задействованы преподавателем и студентами на занятиях и во внеаудиторное время. Рассмотрим некоторые из них.

Интернет-сайт «Виртуальная реальность» делится с пользователями аутентичными лингвистическими и нелингвистическими материалами. Сайт дает студенту возможность для общения с языковой личностью.

Сайт City Net – это отличный навигатор, с помощью которого студенты путешествуют по странам, посещают парки, памятники и достопримечательности страны.

English International Lyon предоставляет интерактивные уроки по грамматике английского языка и объяснения к урокам. EIL – это сборник материалов по изучению английского языка: грамматики, фонетического материала, лексики. На данном интернет-ресурсе представлены методические сборники для преподавателей, упражнения и тесты, аутентичные тексты.

Все студенты имели возможность заниматься, используя источники совершенствования грамматических навыков. Активно ими были применены интернет-технологии для разработки проектов и использованы интернет-ресурсы для подготовки к практическим занятиям.

Развитие образования в настоящее время прямо пропорционально связано с повышением уровня информационного потенциала. Интернет стал одним из революционных достижений за последние десятилетия. Он является неотъемлемой частью современного образования, информационной средой в обучении иностранному языку.

Интернет-ресурсы богаты огромным количеством образовательной информации. Интернет-технологии являются связующим звеном между коммуникантами. Для налаживания межкультурных связей используют: электронную почту, мессенджеры, теле- и видеоконференции, скайп, опубликование собственной информации, создание сайтов, социальные связи.

Выводы исследования и перспективы дальнейших

изысканий данного направления. В связи с этим мы провели опрос с целью определения наиболее популярных социальных сетей, которыми пользуются студенты нашего вуза. Опрос проводился среди обучающихся Донского государственного технического университета в возрасте 17 - 24 лет. Мы выяснили, что самой популярной сетью является ВКонтакте, но из-за ограниченного английского контента мы выбрали социальную сеть Facebook для нашего исследования.

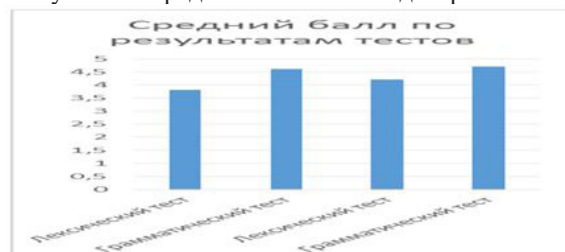
В нашем эксперименте была создана специальная страница «English Group», куда мы приглашали студентов, изучающих английский язык для общих и специальных целей, и размещали там различный контент, помогающий мотивировать студентов к изучению языка или просто упростить изучение английского языка.

Результаты 3 месяцев изучения всей дополнительной информации, представленной в виртуальной группе, были следующими: просмотры страниц увеличены вдвое; отметки «нравится» страницы увеличились с 7 до 70; число участников группы увеличилось с 80 до 275; «реакции» увеличились с 10 до 70. Было отмечено двукратное увеличение комментариев.

Содержание страницы группы было выбрано с учетом интересов студентов, возраста, пробелов в знании английского языка, актуальности материалов. В обучающей группе содержалась информация с видеороликами уроков, известными цитатами, историями.

Исследование языкового материала в сети получило ранжирование по интересам студентов. Все вышеперечисленные задания и веб-квесты были использованы. В результате были развиты следующие способности: 1) поиск информации; 2) различение общей информации; 3) обобщение информации.

После интенсивной работы как в аудитории, так и вне ее с интернет-контентом студентам были даны лексический и грамматический тесты с целью определения прогресса. Результаты были очевидны по сравнению с результатами студентов прошлого года. Средний балл тестов 80 студентов прошлого года: лексический – 3,8, грамматический – 4,1. Студенты данного года обучения повысили знания лексики и грамматики. Средний балл за тесты составил: лексический – 4,2, грамматический – 4,7. Результаты представлены ниже в диаграмме.



Применение интернет-технологий на практических занятиях создает необходимые условия для развития у обучающихся познавательных, речевых и языковых компетенций. Студенты после применения интернет-ресурсов улучшили свои навыки в чтении, письме, аудировании и говорении. С помощью сети интернет им была предоставлена возможность познакомиться с реалиями стран изучаемого языка, посредством аутентичных источником и через проектную деятельность, используя интернет-сайты на занятиях.

Таким образом, нами было отмечено повышение мотивации обучающихся к изучению иностранного языка, улучшение качества знаний грамматики. Было отмечено, что использование интернет-ресурсов дало результаты в улучшении знаний грамматики. Были совершенствованы навыки письма, говорения, аудирования, чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Царевская И.В., Журавлева Н.С. Профессионально-ориентированное чтение как средство подготовки специалистов в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (60). С. 131-135.

2. Царевская И.В., Журавлева Н.С. Коммуникативные задачи об-

учения иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 198-201.

3. Щербакова И.В. Понятие и сущность вербальной коммуникации // В сборнике: инструменты современной научной деятельности Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2016. С. 116-119.

4. Акай О.М., Завгородняя Г.С., Царевская И.В. Роль интернет-технологий в современной концепции обучения иностранному языку // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. С. 464.

5. Акай О.М., Царевская И.В., Журавлева Н.С. Способы повышения мотивации к изучению иностранных языков посредством социальных сетей интернета // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 5. С. 175.

6. Негуч С.К. Профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку в неязыковом вузе // В сборнике: Инновационные процессы в высшей школе материалы XV Юбилейной Всероссийской научно-практической конференции. 2009. С. 135-136.

7. Щербакова И.В., Коровин А.О. Информационные технологии в обучении иностранному языку // В сборнике: Успехи науки 2017 сборник материалов X-ой международной научно-практической конференции. 2017. С. 43-44.

8. Володина М.С., Акай О.М., Царевская И.В. Научно-лингвистические категории в концепции деловой коммуникации: учеб. Пособие. - Ростов-на-Дону: - ДГТУ, 2019, С. 107.

9. Зюкова В. А. Роль чтения в методике преподавания иностранного языка // Молодой ученый. — 2016. — №7.5. — С. 46-47. — URL <https://moluch.ru/archive/111/27946/> (дата обращения: 24.03.2019).

10. Щербакова И.В. Особенности перевода технических текстов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 201.

11. Калашникова А.А., Акай О.М. Методология перевода и обучения переводу с иностранного языка в неязыковом вузе // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 10-2. С. 337-341.

12. Ковальчук Н.В., Володина М.С. Теория риторических структур как прагматическая концепция анализа текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 107-113.

13. Дмитриева Д.Д. Роль наглядных и технических средств в процессе интенсификации обучения русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 74-76.

14. Ковальчук Н.В. Прагматические особенности неформального интервью как речевого жанра // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7-2. С. 186-188.

15. Балабас Н.Н. Ключевые аспекты обучения аудированию иноязычной речи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 36-39.

16. Самчик Н.Н. Принципы развития навыков аудирования иноязычной речи на начальном этапе обучения // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 54-56.

17. Садыкова Р.Х. Организация учебного аудирования на начальном этапе обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 245-248.

18. Burlachenko N.V. Features of using technology of problem-based learning while foreign language studying // Научен вектор на Балканите. 2019. Т. 3. № 1 (3). С. 19-21.

19. Налимова И.С., Валеев А.А. Возможности информационных технологий при смешанном обучении профессионально-направленному иностранному языку на неязыковых факультетах // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 168-171.

20. Ковальчук Н.В. Риторические отношения уступки в неформальном интервью: прагматический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 5. С. 388-390.

21. Ковальчук Н.В. Диалогические реплики со структурой альтернативного вопроса в неформальном интервью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1 (85). С. 138-142.

22. Володина М.С., Ковальчук Н.В. Текст неформального интервью: выражение знания через оценку // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 807-812.

23. Щербакова И.В., Волченков Е.А. К вопросу о роли диктантов в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 44

Статья поступила в редакцию 20.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 8:316.23:321.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0035

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРЕССЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2020

Агаева Гонча Эльяр, докторант кафедры
теории и практики журналистики

Бакинский государственный университет

(1148, Азербайджан, Баку, ул. З. Халилова, 23, e-mail: aqayev-br.09@mail.ru)

Аннотация. В статье рассказывается о процессе формирования демократических основ азербайджанской журналистики. Исследуются необходимые условия для формирования средств массовой информации, отвечающих современным международным требованиям. Рассматривается роль международного опыта в этом процессе, традиции национальной прессы и деятельность государства в развитии журналистики. Изложено мнение теоретиков и политических деятелей о демократической журналистике, проводится сравнение прессы Азербайджана с прессой других стран. Приводятся факты по реальным шагам к демократизации азербайджанской печати. Указано, что в результате политической коммуникации строятся тесные отношения между медиа и государством; СМИ, осведомленные о проводимой государством политике, политически просвещают общество и тем самым лучше организуют участие людей в общественно-политической жизни государства. Как показывает анализ, современная национальная пресса играет существенную роль в формировании демократических ценностей в Азербайджане. Вместе с тем практика свидетельствует, что современный этап государственного развития, обусловленный региональным положением страны и процессами становления правового государства и гражданского общества, требует более серьезного и всестороннего анализа ситуации с ролью прессы в формировании общественного мнения, в том числе в части демократических ценностей.

Ключевые слова: печать в Азербайджане, демократические ценности, западные принципы, национальное самосознание, правовая база, гражданское общество, государственная поддержка.

FORMATION OF THE DEMOCRATIC BASIS OF PRESS IN AZERBAIJAN AS A REGULAR PROCESS OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY

© 2020

Агаева Гонча Эльяр, doctoral candidate, Department
of Theory and Practice of Journalism

Baku State University

(1148, Azerbaijan, Baku, Z. Halilova St., 23, e-mail: aqayev-br.09@mail.ru)

Abstract. The article describes the process of forming the democratic foundations of Azerbaijani journalism. The necessary conditions for the formation of the media that meet modern international requirements are investigated. The role of international experience in this process, the traditions of the national press and the activities of the state in the development of journalism are examined. The opinion of theoreticians and politicians on democratic journalism is presented, the press of Azerbaijan is compared with the press of other countries. Facts on real steps to democratize the Azerbaijani press are presented. It is indicated that as a result of political communication, close relations are built between the media and the state; Media outlets aware of government policies politically educate society and thereby better organize people's participation in the public and political life of the state. The analysis shows that the modern national press plays a significant role in the formation of democratic values in Azerbaijan. At the same time, practice shows that the current stage of state development, due to the regional situation of the country and the processes of formation of the rule of law and civil society, requires a more serious and comprehensive analysis of the situation with the role of the press in shaping public opinion, including in terms of democratic values.

Keywords: press in Azerbaijan, democratic values, Western principles, national identity, legal framework, civil society, state support.

Актуальность проблемы. Начиная с последнего периода государственной независимости, азербайджанская национальная пресса стала свободной, то есть обходиться без цензуры. Изучение этапов развития и принципов деятельности независимой прессы является одним из важных вопросов, стоящих перед национальной наукой.

Журналист – это не просто человек, передающий новости, он также играет важную роль в формировании общественного мнения, в решении многих задач строительства демократического общества.

Цель статьи заключается в изучении факторов, формирующих национально-демократическое сознание через прессу. В статье использован метод сравнительного анализа различных жанров прессы и их материалов, с выявлением характерных черт и направлений по формированию общественного мнения, связанного с демократическими ценностями. Рассмотрена концептуально-теоретическая база идей и теорий, связанных с ролью СМИ в обществе, в том числе принимающих основные демократические устои общественного развития. Также обсуждаются правовые рамки, установленные государством для формирования гражданского общества, возможности здесь прессы.

Степень исследованности проблемы. Исследования

касаются, прежде всего, понятия демократических ценностей и процесса их формирования в демократическом обществе. Помимо этого, определяется характер и направленность исследований, касающихся роли СМИ вообще, и прессы в частности, в усвоении демократических ценностей, в становлении активной гражданской позиции людей в обществе.

Как и в других областях, формирование демократических принципов в журналистике, которые являются фактически основой их деятельности, является новым направлением в развитии печати. Впервые в Азербайджане вопросы демократических принципов журналистики стал исследовать Дж.А. Мамедли. Следует подчеркнуть, что автор рассматривает проблемы журналистики в целом и больше занимается анализом западных принципов и теорий журналистики, которые могут быть применены к развивающимся странам. [14]. К.Г.Нифталиева также рассматривала демократические принципы журналистики при определении типологии современной прессы [15, с.10-11]. М.Э. Расулзаде еще в прошлом столетии обосновал необходимость свободного развития печати [1]. Данные вопросы сегодня также стоят в основе политики, реализуемой правительством страны [5]. В целом вопросы свободы слова и печати, плюрализма, защита прав и свобод человека в Азербайджанской Республике

постоянно дискутируются; в зависимости от сложившейся ситуации во взаимоотношениях между печатью и властью.

В российской науке вопросы роли цензуры в печати подробно рассмотрены Л.В. Рогачевским [6; 7; 8]. Я.Н. Засурский анализировал правовые аспекты деятельности журналистики [9]. Существуют разные взгляды на роль журналистики в построении демократического общества, вместе с тем стоит подчеркнуть, что пресса, как средство политического общения, формирования определенных ценностных политических установок и норм, в Азербайджане еще не рассматривалась.

Формирование демократической прессы. Как и другие государства, освободившиеся от оков советской империи, Азербайджан достаточно заинтересован в формировании демократических ценностей в стране, и роль прессы в постоянном утверждении этой системы ценностей достаточно высока. Азербайджанская национальная пресса всегда была пропагандистом демократии, с этой точки зрения роль классической прессы также неоспорима. Пресса является продуктом воли азербайджанского государства, и она играет большую роль в развитии демократии. Политика государственности современного Азербайджана опирается на традиции первого на Востоке демократического государства – Азербайджанской Демократической Республики. Один из создателей этой традиции Мамед Эмин Расулзаде так оценил свободу печати: «пресса тогда сможет выполнять свою задачу должным образом, когда она будет свободна в своей работе. Чтобы достичь своей цели, пресса должна быть свободна» [1, том 2, с.75].

Исторически сложившиеся в Азербайджане традиции государственности способствовали формированию демократических принципов во всех сферах жизни. Это относится и к журналистике. Наличие демократического, правового государства важно для формирования независимой прессы, здесь имеет значение и базовое содержание законов и норм, регулирующих работу средств массовой информации, отраженных в основном своде законов страны, то есть в Конституции. Конституция Азербайджанской Республики является гарантом свободы и демократии [2], она создала правовую основу для журналистики, чтобы действовать на основе демократических принципов.

Конституция Азербайджанской Республики является столь же справедливой и всеобъемлющей, как Конституция США, считающаяся лучшим международным опытом в этой области. Согласно первому дополнению к Конституции США, «не может быть принят ни один закон, который может ограничить свободу прессы в США» [3, с.25]. При рассмотрении принципов современной деятельности средств массовой информации, принятых на международном уровне, мы видим особую роль опыта американской и европейской прессы. Некоторые из правил, применяемых в редакциях знаменитых американских газет, таких, как Washington Post, New York Times, стали доктриной также и мировой журналистики. Стандарты творчества, которые в настоящее время приняты в качестве западных стандартов журналистики, были сформированы тезисами, принятыми на конференциях многих международных организаций, начиная с середины XX века.

В целом законы, которые приняты, чтобы служить демократии, также и основаны на международном опыте. Соблюдение всех принципов, принятых на международном уровне, важно для светского государства, но при этом необходимо учитывать внутренние возможности каждого государства, проводимую им политику и его национальные интересы.

В правовом регулировании СМИ играют законы «О средствах массовой информации», «О свободе информации», «О государственной тайне», «Об информации, информатизации и защите информации», «Об авторском праве», «О рекламе», «О связи» [16].

Фактически появление законов о правах и свободах человека восходит к более ранним временам. Однако именно с середины XX века начинается принятие законов и норм, связанных со свободой журналистики и печати. В качестве примера можно привести 10 основных правил, принятых в связи с прессой на заседаниях ЮНЕСКО, в 1983 году в Праге и Париже, которые в целом можно охарактеризовать как понимание необходимости получения людьми объективной, беспристрастной информации через СМИ. Затем в декларации ЮНЕСКО, принятой 6 мая 1994 года в Сан-Диего, эти тезисы еще раз были подтверждены, и вновь было подчеркнуто, что именно свобода прессы стоит в основе свободы слова, являющейся одним из основных условий демократии [4, с.36].

Мировой журналистский опыт свидетельствует о том, что не везде следуют этим правилам. И в современной азербайджанской журналистике мы часто сталкиваемся с этой же проблемой. Сейчас создана структура, которая защищает интересы общественности и государства, контролирует журналистскую деятельность, опираясь также и на международные нормы и принципы. Структурой, занимающейся этими проблемами в Азербайджане, является Совет прессы. Этот орган, являющийся механизмом саморегулирования средств массовой информации, был создан 15 марта 2003 года на I-м съезде азербайджанских журналистов [14]. Есть еще один вопрос, который является основой формирования демократии и независимой прессы в обществе, это – изменение сознания общества, его мировоззрения. Американский судья-демократ Лернед Хэнд отмечал, что «с правами и свободами человек впервые сталкивается в своем внутреннем мире, потому что, когда дух свободы умирает в душе мужчины или женщины, им не может помочь ни Конституция, ни закон, ни суд» [5, с.445].

Так же обстоят дела и в журналистике. Важнейшими факторами в формировании независимых средств массовой информации являются принятые на международном уровне принципы и созданные государством демократические условия. Кстати, следует отметить, что в последние годы ряд печатных образцов, известных в Азербайджане как оппозиционные газеты, называют себя «газетами критики». Они по-прежнему считаются оппозиционными газетами, однако позиционирование ими себя независимыми критиками является результатом созданных условий и применения независимых принципов.

По мнению Ф.М. Рудинского, «права человека и степень их свободы являются неотъемлемыми чертами, отраженными в международных и внутренних правовых нормах личности» [6]. Развитие демократии, прав и свобод человека ускоряется развитием уровня национального сознания общества.

Сложившееся веками понятие национальное сознание – это «сложная совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов и убеждений, характеризующих определенный уровень духовного развития нации» [5]. Национальное самосознание, сформированное в борьбе за свободу, быстрее принимает принципы и правила, диктуемые демократией, и к ним легче адаптируется. Именно на фоне его традиций формируются и национальные творческие особенности журналистики каждой страны. Например, газета «Ведомости» (1702), являющаяся первым печатным органом российской журналистики, с первого же номера подверглась личной цензуре и запретам царя Петра I [7, т. 2, с.455]. Эта традиция Петра I еще более ужесточилась после его правления. Так, Екатерина II подписывает специальный указ о передаче печатного текста в управление полиции для контроля. В этом указе говорится: «Любая книга, журнал, написанная или переведенная в нашей стране, не может быть опубликована без контроля

одного из цензоров» [8, т.2, с.455]. Впоследствии советская идеологическая система еще более ужесточает деятельность этого управления под названием «Главлит».

Отсутствие в России традиции независимой прессы в тот период замедлило и процесс строительства демократического государства. В западных странах, в отличие от России, роль свободной прессы в построении демократического государства была в значительной степени осознана. В таких странах, как Англия, Франция и США были созданы необходимые для этого условия. Например, «Англия, беспокоясь об этой проблеме, в скором времени отменила свое решение, препятствующее развитию типографии, и, с целью регулирования механизма деятельности журналистики, еще в 1651 году заложила основу Закона о прессе, представление о котором сформировано у нас в настоящее время» [9, с.4-7]. Не случайно именно поэтому социально-экономическое и политическое развитие этих стран проходило быстрее.

Для развития демократической печати на постсоветском пространстве, в том числе и в Азербайджане, в первую очередь были сформированы законы о средствах массовой информации. Высоко оценивая роль прессы в формировании демократических ценностей в стране, азербайджанское государство во всех актах законодательства о СМИ основывается только на демократических принципах, которые позволяют применять в СМИ правила свободного творчества журналистов.

Отметим, что в большинстве постсоветских республик этот процесс продолжается до сих пор. Азербайджан находится в первых рядах в области демократизации деятельности прессы. Об этом свидетельствует ликвидация Министерства информации и устранение проблемы в регистрации газет. Все это способствовало организации также и независимой творческой деятельности прессы. Свобода слова также способствует развитию не только журналистики и демократии, но и улучшению социально-экономической ситуации в обществе. Расширение доступа к информации создает возможность защищать свои интересы, права и активно развиваться уязвимым, относительно ограниченным общественным группам.

В обществе, где информация широко распространена и имеется большой доступ к коммуникационным услугам, крепнут рыночные отношения, более эффективно, прозрачно и подотчетно функционируют государственные институты. В то же время институты, которые служат слабым общественным слоям, выражают их интересы, например, НПО, также могут повысить свою эффективность. НПО, как общественные институты, влияющие на развитие общества, - это именно структуры, сформированные после установления закона о демократии и правах человека.

Если мы посмотрим на бюллетени, опубликованные Национальным советом прессы, то увидим, что оппозиционные СМИ были привлечены к ответственности наряду с правительственными газетами. «6.06.2003 партия «Мусават» подала жалобу в Совет прессы на газету «Азербайджан». Заявлялось, что в отношении председателя партии содержатся в этой газете публиковались оскорбительные статьи. В частности, было упомянуто выражение о том, что «избирательный блок Иса Гамбара должен называться «Криминальный Азербайджан». Совет решил, что газета фактически нарушила принципы чести, достоинства и объективности. Совет потребовал, чтобы газета «Азербайджан» опубликовала это решение в течение трех дней в соответствии с Кодексом поведения журналистов и Регламентом Совета прессы». [18]. Причиной применения подобных наказаний к газете в данном случае стала первая жалоба. Совет может принять более серьезные меры в аналогичных случаях. Как видно из этого примера, одинаковые стандарты применяются ко всем газетам, независимо от их убеждений, в случае нарушения принципов.

Каждый шаг вперед по пути демократии служит делу развития национального самосознания.

Общенациональный лидер Гейдар Алиев включил в фактор национальной идентичности такие черты, как «гуманизм, национально-этнические ценности и нравственные традиции, объективность, современность, общественная польза, свободное слово, независимое мнение» [10, с.3].

Есть еще один фактор, который важен для усиления роли СМИ в формировании демократических ценностей – это государственная поддержка прессы. Государственная поддержка является необходимым условием развития журналистики, как и всех других областей общественной жизни. Самая большая помощь государства в формировании демократических ценностей в журналистике должна проявляться, прежде всего, в виде отмены цензуры и предоставления свободы слова. Азербайджанское государство успешно прошло этот этап.

Говоря о государственной поддержке СМИ, необходимо также рассмотреть и уточнить термин «политическая коммуникация». Под «политической коммуникацией» понимается обмен информацией между субъектами политической жизни, а также между государством и гражданами» [11, т.2, с.172]. Политическая коммуникация способствует формированию общественного мнения, обеспечивает просвещение граждан в соответствии с их интересами и требованиями.

Восстановление в последнее время почетного звания «Заслуженный журналист», грандиозное празднование 130-летнего юбилея нашей печати на государственном уровне, утверждение «Концепции государственной поддержки развития средств массовой информации Азербайджанской Республики», а также создание Фонда государственной поддержки развития СМИ при Президенте Азербайджанской Республики – результат заботы государства о журналистике. Следует отметить, что этот Фонд уже профинансировал многие проекты СМИ.

Одной из задач азербайджанской журналистики в построении демократического государства в современный период является ее роль моста между государством и обществом. При этом сообщество журналистов, наряду с информированием о деятельности различных государственных органов, просвещением граждан о правах, оказывая помощь государственным органам в устранении возникающих негативных явлений.

Можно показать различные факты, доказывающие, что государство нуждается в помощи журналистики, и заинтересовано в совместной деятельности. В качестве примера можно упомянуть обращение председателя Министерства образования Азербайджанской Республики в октябре 2013 года к журналистам за помощью в устранении негативных явлений в образовании [12].

Вся эта работа создает условия, прежде всего, для формирования гражданского общества, участия каждого гражданина в управлении государством. Основные показатели деятельности азербайджанской журналистики в этом направлении стали возможными благодаря применению тех творческих принципов, о которых мы говорили. Существующая в Азербайджане правовая база позволяет действовать демократическим законом, как в журналистике, так и в других сферах.

Работа журналистики регулируется, прежде всего, «Законом о СМИ» Азербайджанской Республики. Принятый в 1997 году документ определяет общие правила поиска, получения, подготовки, передачи, производства и распространения в Азербайджанской Республике массовой информации, а также организационные, правовые и экономические основы деятельности СМИ, информационных агентств, телевизионных и радиоорганизаций, направленных на осуществление права граждан на получение полной, достоверной, честной и оперативной информации. Впоследствии были внесены некоторые изменения и дополнения в «Закон о

СМИ». Несмотря на существование этого объективного и всестороннего закона, в азербайджанской журналистике все еще имеются недостатки. В настоящее время в Азербайджане зарегистрировано более 4000 средств массовой информации, из них около 1750 – газеты. Только 15% газет и журналов были учреждены правительством. Более 65% газет принадлежат политическим и общественным организациям оппозиционной направленности, частным компаниям. Эти факты должны восприниматься не только как статистический показатель, но и как показатель развития и демократии.

Сравнивая сегодняшние газеты с образцами печати 90-х годов, мы можем увидеть некоторые конкретные различия. Большинство действующих сегодня журналистов лучше знают свои права и обязанности. Чтобы обосновать это, мы можем сослаться на тот факт, что такие газеты, как «Новый Мусават» и «Хуррият», называют себя «критической газетой», а не «оппозиционной газетой». Эти и другие газеты пытаются отвечать требованиям как классической, так и современной, онлайн-журналистики.

Благодаря повышению осведомленности и мировоззрению людей, живущих в современном информационном обществе, развивается и их избирательность. Современная аудитория хочет получить интересующую ее информацию, а не то, что ей предлагают.

Международные принципы творчества современной журналистики играют большую роль в укреплении демократических ценностей в Азербайджане. Но в ходе этого процесса азербайджанская журналистика не ограничивается лишь тем, что ей диктует западная модель, а пытается наладить свою деятельность в соответствии с традициями национальной журналистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Расулзаде М.Э. *Произведения. Свобода печати. В 5 томах, II том. Баку: Ширван, 2001. – 528 с.*
2. Конституция Азербайджанской Республики // www.azerbaijan.az
3. *Современное право средств массовой информации в США. Под. Ред. А.Г. Рихтера. М.: «Право и СМИ», 1997. – 256 с.*
4. *Textes Fondamentaux sur la Communication, Editions Unesco, Paris: 1998, 36 pg.*
5. *Долгий путь к демократии. Антология. Составитель: Гаджизаде Х. Баку: Far Center, 2001, с. 445.*
6. Шахиноглу А. Развитие свободы слова и печати, плюрализма, защита прав и свобод человека в Азербайджанской Республике – приоритетное направление государственной политики // www.kivdf.gov.az
7. Рогачевский Л.В. Печать и цензура. В 2 тома, Т. II, М.: Мысль, 1999. 701 с.
8. Рогачевский Л.В. Печать и цензура. В 2 тома, т-II, М.: Мысль, 1999. 701 с.
9. Засурский Я.Н. Юридические основы журналистики / Вестник Московского Университета, Серия «Журналистика». N-1, М.: 1992. – 137с.
10. Велиев Ш.А. Общациональный лидер Гейдар Алиев и пресса. / Н. Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Алиева. Баку: Наука и образование, 2013. – 273 с.
11. Политическая энциклопедия. В 2 томах. Т. II, М.: Мысль, 1999. – 701 с.
12. Министерство образования призвало граждан и СМИ бороться с негативными явлениями. / 3 октября, 2013/www.salamnews.org
13. Национальное сознание // <https://ethnopsychology.academic.ru/>.
14. Мамедли Дж.А. Современные тенденции развития азербайджанской журналистики. Автореф. дисс. на соиск. уч.степени доктора филолог. наук, Баку: 2008. – 46 с.
15. Нифталиева К.Г. типология современной азербайджанской печати. Автореф. дисс. на соиск. уч.степени канд. филолог. наук, Баку: 2008. – 30 с.
16. Законы Азербайджанской Республики // <http://www.e-qanun.az/code>
17. Совет прессы: 10 лет. Совет прессы 10 лет. Баку: Канон, 2013. – 220 с.
18. Решения Совета прессы. // Бюллетень 3-4, 06.08.2003. – 45 с.

Статья поступила в редакцию 10.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

КОНЦЕПТ И ЕГО СТРУКТУРА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ОБРАЗОВАНИЕ»)

© 2020

ORCID: 0000-0001-5401-1096

Агаева Севиндж Таир, докторант кафедры стилистики
и лексикологии английского языка

Азербайджанский университет языков

(AZ 1055, Азербайджан, Баку, Рашид Бейбутов, 60) s.aghayeva90@gmail.com

Аннотация. Концепт – явление сложное и когнитивное. Его можно наблюдать и изучать только через конкретные репрезентации в дискурсе. В статье это рассматривается на примере концепта «образование». В статье с опорой на реформу образования в Азербайджане утверждается, что при адаптации к европейской системе образования заимствованы лишь те термины, у которых даже приблизительных аналогов в азербайджанском языке нет. В остальных случаях имеющиеся в языке термины используются для обозначения заимствованных (полностью или частично) концептов. Это наиболее ярко проявляется на уровне сегментов и особенно элементов структуры данного концепта. К общепринятым терминам, связанным с дневными, вечерними, дистанционными формами обучения, следует прибавить также и термины, связанные с непрерывным образованием. Речь идет о профессиональной подготовке и переподготовке кадров, о повышении квалификации работников разных сфер жизнедеятельности. Кроме того, добавляются термины, связанные с совершенствованием системы управления образованием. Система образования выходит на такие сферы социальной жизни, как семья, досуг, рынок труда. Следовательно, термины, связанные с этими сферами жизнедеятельности, также составляют систему концепта «образование». Сюда следует также добавить и научную сферу, непосредственно связанную с подготовкой профессиональных кадров в системе образования. Совокупность терминов концепта «образование» постоянно растет и изменяется.

Ключевые слова: Концепт, образование, структура концепта, когнитивный, субконцепт, аспект

CONCEPT AND ITS STRUCTURE (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT “EDUCATION”)

© 2020

Agayeva Sevinj Tair, doctoral candidate, chair of stylistics
and lexicology of English

Azerbaijan University of Languages

(AZ 1055, Azerbaijan, Baku, Rashid Beibutov, 60) s.aghayeva90@gmail.com

Abstract. A concept is a complex and cognitive phenomenon. It can be observed and studied only through specific representations in the discourse. This article examines the example of the concept of “education”. The article, relying on education reform in Azerbaijan, states that when adapting to the European education system, only those terms are borrowed that have no approximate analogues in the Azerbaijani language. In other cases, the terms used in the language are used to refer to borrowed (in whole or in part) concepts. This is most clearly manifested at the level of segments and especially structural elements of this concept. To the generally accepted terms related to daytime, evening, distance learning, should also be added the terms associated with continuing education. We are talking about vocational training and retraining of personnel, and advanced training for workers in various fields of life. In addition, terms related to the improvement of the education management system are added. The education system enters such areas of social life as family, leisure, and the labor market. Consequently, the terms associated with these spheres of life also make up the system of the concept of “education”. To this should also be added the scientific sphere directly related to the training of professional personnel in the educational system. The set of terms of the concept of “education” is constantly growing and changing.

Keywords: concept, education, concept structure, cognitive, subconcept, aspect

Введение. Концепт – явление когнитивное, поэтому непосредственно увидеть, проследить его структуру, особенности, процесс формирования и становления невозможно. Мы видим только его конкретные проявления через дискурс. Тем самым мы можем судить о содержании и структуре концепта только опосредованно, через его конкретные репрезентации. Существовая в когнитивном пространстве в виде «идеи», «картины мира», тот или иной концепт репрезентируется исключительно в определенном конкретном ракурсе. Будучи составной частью когнитивной деятельности человека, язык является специфическим достоянием человеческого ума и охватывает ментальную систему знаний, связанную с целой когнитивной системой [8, с.27]. Отсюда и разные подходы к определению данного понятия.

Подходы к понятию концепта. Исследователи отмечают, что «концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [4, с.90]. Суть данного определения сводится к тому, что концепт – мыслительная единица, фиксирующая знания человека и способствующая познанию мира, то есть это и продукт, и орудие познания.

Подход З.Д. Поповой и И.А. Стернина принципи-

ально не отличается он приведенного выше, ибо, по их мнению, концепт – это та же «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [6, с.4]. Обратим внимание на два момента: концепт – «мыслительная (иными словами, когнитивная) единица», «квант структурированного знания».

По Ю.С. Степанову, «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [7, с.43]. Хотя в своем определении автор делает основной упор на культуру, все же и он говорит о ментальном мире человека.

Солидаризируясь в основном с Ю.С. Степановым, В.И. Карасик называет концепты «первичными культурными образованиями» [2, с.6]. Д.С. Лихачев отмечает также роль предшествующего языкового опыта человека в целом – поэтического, прозаического, научного, социального, исторического и т.д.» [5, с.284-285]. Принципиально важным в подходе Д.С. Лихачева является то, что он намекает на динамику развития концепта. К сказанному ученым можно добавить, что предшествующий языковой опыт соединяется с настоящим и продолжает свое развитие в будущем. Опираясь на это положение, можно заключить, что концепт не нечто, раз и навсегда данное, концепт есть живой организм, который находится в динамике развития, изменения.

Концепты рождаются, формируются и развиваются в конкретной языковой среде – естественной, этнической, социальной, исторической, что накладывает на них свой отпечаток. Потому-то при рассмотрении проблемы кон-

цепта непременно возникает вопрос об их этнической специфике. Как отмечает Н.А. Красавский, «концепты в разных языках и культурах обычно не совпадают, поскольку разные языки по-разному отражают действительность, берут в основу формируемого понятия различные его стороны» [3, с.46]. А это указывает на то, что концепты, зародившись в определенной этнической концептосфере, являются носителями специфических черт, точнее, этническое своеобразие находит свое отражение в концептах. По мнению С.Г. Воркачева, концепт – это «единица коллективного знания или сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1, с. 32].

Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что, зародившись в когнитивном пространстве в виде конкретной картины мира, получившее в языке свое лексическое обозначение – «имя» - концепты, постепенно формируют *этническую картину мира*. Они изменяются под влиянием определенных событий (социальных, исторических и др.). И этот процесс идет довольно интенсивно. В пору кардинальных изменений в действительности происходят изменения и в когнитивном пространстве, но довольно часто эти изменения не касаются их названия. Концепт имеет свою структуру, которую можно выявить и изучить через конкретные проявления. И это изучение может идти как в историческом аспекте, так и сравнительном. Для примера возьмем концепт «образование», который, будучи одним из весьма древних и сложных, в последние лет 30 претерпел значительные изменения во многих, в том числе и в азербайджанской, концептосферах.

Вопросы концепта «образование» в Азербайджане.

После провозглашения независимости в Азербайджане начался процесс реформирования образовательной системы. Изменения коснулись всех сфер образовательного процесса – от организации до содержания, что в итоге нашло свое законодательное закрепление в новом Законе об образовании, который зафиксировал уже произошедшие изменения и наметил перспективы развития, и в котором нашли свое отражение почти все компоненты (точнее, их названия) концепта «образование». Так, по Закону об образовании в систему образования входят:

1) «Все образовательные учреждения, другие структуры, занимающиеся учебно-воспитательным процессом и оказывающие образовательные услуги, научно-исследовательские и информационные центры, обеспечивающие образовательную деятельность и ее развитие, проектные, производственные, клинические, медико-профилактические, фармацевтические структуры и структуры общественного питания, спортивные, оздоровительные комплексы и комплексы отдыха, кампусы, культурно-просветительские учреждения и организации, библиотеки, общежития, лагеря и другие объекты инфраструктуры;

2) органы управления образованием и действующие в их подчинении предприятия и организации;

3) действующие в образовательной сфере неправительственные организации, ассоциации, общества, научно-методические советы и другие структуры» [9].

Данная статья Закона отражает лишь то, что входит в систему образования. В последующих статьях речь идет об уровне качества образования, образовательной программе, формах образования, формах получения образования, образовательных учреждениях, ступенях и уровне образования и мн.др. На первый взгляд представляется, что в данном законе отражены все компоненты концепта «образование», но при внимательном рассмотрении выясняется, что данный концепт, из-за того, что находится в постоянном развитии и совершенствовании, может быть структурирован лишь в рамках конкретного временно-пространственного континуума.

Это верно в отношении любого народа, в национальной среде которого сформировался свой концепт об-

разования, которой, даже будучи заимствованным, непременно приобретает свою национальную специфику, т.е. обозначение концепта остается прежним, а вот внутренняя специфика претерпевает изменения. Это наиболее ощутимо проявляется в самых мелких компонентах (элементах) концепта. Так, концепт «образование» и 30, и 100 лет назад обозначался, назывался одним и тем же словом, а вот содержание концепта значительно изменилось.

Тут необходимо обратиться к вопросу о соотношении концепта и слова, которое его репрезентирует. Ученые давно обращали пристальное внимание на вопрос соотношения слова и понятия, под которым в современном прочтении понимается концепт. Связь между словом и понятием (концептом) устанавливается в процессе совместной деятельности людей и постепенно разделяется всеми членами данного человеческого сообщества. Без этого взаимопонимание между людьми невозможно. Совпадение картин мира, стоящих за тем или иным концептом, полным не бывает в силу того, что полнота здесь зависит от многих факторов, в том числе уровня образования, жизненного опыта, среды обитания (естественной и социальной) и мн.др. Если даже у носителей одного языка, живущих в едином лингвокультурном пространстве, у которых полной идентичности концептов, особенно сложных, не наблюдается, то это положение полностью относится и к носителям разных языков.

Компоненты концепта «образование» можно рассмотреть и в горизонтальной, и вертикальной плоскостях. Так, перечисленные выше компоненты, входящие в систему, независимо от объема и значимости для образовательного процесса, скажем так, равноудалены от базового концепта и могут быть рассмотрены в качестве *субконцептов*, которые включают в себя по нисходящей *аспекты, сегменты, элементы*.

Новый Закон об образовании был принят с учетом того, что азербайджанская система образования стремится интегрироваться в европейскую систему образования, и потому интенсивно воспринимает и принимает европейские стандарты. При этом терминология, связанная с образованием, большей частью оставаясь прежней, наполняется новым содержанием.

Заимствования имеют место лишь частично. Заимствуются слова, точнее, названия концептов, которые не имели аналога в азербайджанском языке. Например, слова *бакалавр, суббакалавр, магистратура, тьютор* и др. Приведем некоторые из этих названий концептов, содержание которых объясняется в Законе об образовании:

«бакалавриат – первый уровень высшего образования, осуществляющий подготовку специалистов широкого профиля по соответствующим специальностям»;

«образовательный кредит – единица измерения времени, выделенного на усвоение предмета в соответствии с его содержанием и объемом»;

«суббакалавр – специальная профессиональная степень, присваиваемая выпускникам на уровне среднего специального образования»;

«тьютор – академический консультант в высшем образовательном учреждении»;

«кампус – образовательный комплекс (городок), обладающий соответствующей материально-технической базой и инфраструктурой» [9].

Внимательное знакомство с Законом об образовании позволяет утверждать, что при принятии новой системы образования терминология (названия концептов) большей частью осталась прежней, изменилось в основном содержание, т.е. изменения коснулись в основном их содержания – концептов, что подтверждает, что концепты постоянно развиваются, расширяются, вбирают в себя все новое, которое появляется в данной сфере. Их «названия» более консервативны. При лингвокультурологическом рассмотрении концептов разных исторических периодов выясняется, что обозначаемые одним и тем же

«названием» концепты довольно резко отличаются друг от друга.

Скажем, «образование» средних веков, XX века и современное, хотя обозначается одной и той же лексической единицей, по картине мира, стоящей за этим понятием, есть совершенно разные явления. Это позволяет рассматривать структуру концепта и в историческом плане, и в континууме конкретного пространственно-временного отрезка. При этом во втором случае в конкретном концепте, в зависимости от его сложности, можно выделить как вертикальный, так и горизонтальный ряды на уровне отдельных его компонентов. Так, чтобы не быть голословным, рассмотрим это утверждение на примере концепта «образование».

Компоненты концепта «Образование»

Субконцепт	обучение, преподавание, воспитание
Аспект	школа, учитель, ученик, студент, урок, учебник, учебный план, и т.п.
Сегмент	начальная школа, средняя школа, профессиональная школа, высшая школа, докторантура, и т.п.
Элемент	доцент, профессор, группа, класс, староста, аудитория, перерыв, последний звонок, выпускной вечер, и т.п.

Выводы. Из всего вышесказанного явствует, что в разных языках одни и те же схожие по смыслу концепты не являются идентичными. И сами концепты, и их компоненты разных уровней имеют в каждом лингвокультурологическом пространстве свои специфические особенности. Концепт «Образование» - многокомпонентный. Это позволяет рассматривать его по компонентам по нисходящей – от крупных когнитивных компонентов к более мелким. Фрейм «образование», образовавшийся вокруг концепта «образование» в разных педагогических дискурсах, репрезентируется в своем национально-культурном содержании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воркачев С.Г. *Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа*. Краснодар: Изд-во КГТУ, 2002. – 142 с.
2. Карасик В.И. *О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности*. Сб. науч. тр. - Волгоград: Перемена, 2001. - С. 3-16
3. Красавский Н.А. *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград: «Перемена», 2001. – 495 с.
4. Кубрякова Е.С. *Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Изд-во МГУ, 1996. - С. 90-93
5. Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста*. Антология. М.: Academia, 1997, с. 280-287
6. Попова, З.Д. Стернин И.А. *Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – 30 с.
7. Степанов, Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 825 с.
8. Вейсалли Ф.Ю. *Когнитивное языкознание: основные понятия и перспективы развития*. Баку: Мутарджим, 2015. – 234 с.
9. *Закон Азербайджанской Республики об образовании*. Электронный ресурс // <http://mdu.edu.az/index.php/ru/ofitsialnye-dokumenty>. Дата посещения 24 сентября 2019 г.

Статья поступила в редакцию 29.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.133.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0036

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ (на материале французского языка)

© 2020

SPIN-код: 3207-8101

AuthorID: 1003913

Агапова Ольга Владиславовна, аспирант, старший преподаватель
кафедры иностранных языков

*Московское высшее общевойсковое командное училище
(109380, Россия, Москва, улица Головачева, 2, e-mail: agapova_o.vl@mail.ru)*

Аннотация. Статья посвящена феномену эстетической синестезии – межсенсорным взаимодействиям, отраженным вербально в текстах, интерпретирующих произведения изобразительного искусства. Синестезия является отличительной чертой специального подъязыка искусствования. Синестезия (из греч. -(syn) «союз», и (-aisthesis) «ощущение») – междисциплинарный феномен с разнообразием толкований и методов исследований. За последние десятилетия возрос интерес ученых к этому явлению. В статье синестезия рассматривается как языковая метафора. Обращение к французскому языку позволяет выявить внутриязыковую специфичность синестетических сочетаний. Целью исследования является изучение механизмов функционирования синестетических образований во французском искусствоведческом дискурсе. В работе представлены основные группы искусствоведческих терминов французского языка, являющихся часто встречающимися ядерными компонентами синестетических сочетаний, а также классификация по видам ощущений и воспрятий периферийных модальностей синестетических сочетаний. В ходе исследования франкоязычного материала установлены частотность и разнообразие употребления периферийных модальностей синестетических сочетаний. Дальнейшее исследование ядерных и периферийных модальностей синестетических сочетаний французского специального подъязыка искусствования позволит сформировать базу готовых конструкций синестетических сочетаний франкоязычного искусствоведческого дискурса и определить роль данных языковых номинативных средств в дискурсообразующем лексиконе.

Ключевые слова: синестезия; эстетическая синестезия; интермодальные ощущения; базовые и периферийные типы ощущений; искусствоведческий дискурс.

AESTHETIC SYNESTHESIA AS AN ELEMENT OF SPECIAL SUBLANGUAGE OF ARTS (BASED ON LEXICAL UNITS OF FRENCH)

© 2020

Agapova Olga Vladislavovna, Postgraduate Student, Senior Lecturer,
Department of Foreign Languages

*Moscow Higher Combined-Arms Command School
(109380, Russia, Moscow, Golovatcheva street, 2, e-mail: agapova_o.vl@mail.ru)*

Abstract. The article deals with the phenomenon of aesthetic synesthesia – inter-sensorial interactions verbally reflected in the texts interpreting works of art. Synesthesia is the hallmark of the special sublanguage of arts. Synesthesia (from the Greek. - (syn) “union”, and (-aisthesis) “sensation”) is an interdisciplinary phenomenon with a variety of interpretations and research methods. Over the past decade, scientists have been taking an increasing interest in it. The article considers synesthesia as a language metaphor. The analysis of the French fine art discourse allows to identify the intra-lingual specificity of synesthetic combinations. The author studies the functioning mechanisms of synesthetic formations in the French art discourse. The author proposes the basic groups of the French fine art terms, which often serve as nuclear components of synesthetic combinations. The researcher also classifies the types of perception of peripheral modalities of synesthetic combinations. Relying on the analysis of the French linguistic material the author identifies the frequency of use and diversity of peripheral modalities of synesthetic combinations. Further research on the nuclear and peripheral modalities of synesthetic combinations of the French special sublingual of arts will allow us to form a database of ready-made constructions of synesthetic combinations of French-language art discourse and to determine the role of these language nominative means in the discourse-forming vocabulary.

Keywords: synesthesia; aesthetic synesthesia; inter-modal perceptions; basic and peripheral perceptions; fine art discourse

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Французский теоретик искусства, художник-символист Морис Дени отмечал: «l'art est une “transposition”, l'équivalent passionné d'une sensation reçue» [1, с. 110] – «искусство – это “перенос”, страстный эквивалент испытанного чувства» (здесь и далее перевод наш). Как предмет коммуникации искусство требует словесного описания, то есть перекодировки первичного текста во вторичный на естественном языке [2;3;4;5]. При перекодировании изобразительного кода в вербальный код интерпретатор, являющийся в то же время реципиентом, использует набор средств предметно-специального языка. В специальном подъязыке искусствования отличительной чертой является синестезия.

Синестезия (из греч. -(syn) «союз», и (-aisthesis) «ощущение») – междисциплинарный феномен, и велико разнообразие ее толкований, методов ее исследования специалистами разных научных областей. За последние десятилетия возрос интерес ученых к этому явлению. Данное понятие активно вводилось в аспекте искусствоведческих исследований такими теоретиками XX

века, как Л. Сабанев в области музыки, С. Эйзенштейн в кино, В. Ванслов в живописи и театре, Б. Мейлах, Е. Мурина, А. Зись в разных видах искусства и др.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Исследование учеными синестезии начиналось с изучения звуко-цветовой ассоциативности. Установлено, что впервые выражение «цветной слух» употреблено в 1881 году. В июле в Вене в ежедневной газете «Neue Freie Presse» (*Neue Freie Presse*, n. 6076, *Abendblatt*, p.4) появляется статья под заголовком «Das Farbenhören» (Цветной слух), перевод и переиздание которой в других странах, привело к появлению нового термина в обиходе научного круга, изучающего феномен синестезии [6, с. 3]. В 1889 в Париже на международном психофизиологическом конгрессе «Congrès international de psychologie physiologie» термин «audition colorée» приняли в качестве названия устойчивой связи между ощущениями разных чувств [7;8]. В 1892 году Жюль Милле (Jules Millet) в докторской диссертации «Audition colorée» (Цветной слух) применяет

термин «синестезия» к феномену всех видов смешанных чувств и отмечает, что это явление эквивалентно «ассоциативным ощущениям», тогда как термин «цветной слух» четко указывает, что цветоощущение связано с восприятием звуков [9, с. 13]. Жюль Милле впервые ввел понятие «синестезия» в значении, в котором ученые сегодня его используют, и в течение нескольких лет оно закрепляется в научной терминологии (Flournoy 1893; Calkins 1894, 1895; Colman 1894; Hennig 1896; Warren 1896) [10]. Лишь в 1920-х годах началось становление международного направления исследования феномена, и в тот же период большое внимание синестезии в искусстве проявили немецкие ученые, уже тогда сформировав филолософско-эстетическое обоснование данного феномена.

Р. Якобсон (R. Jakobson) стал основоположником научного лингвистического подхода к исследованию синестезии, изучая феномен «в связи с двумя базовыми проблемами: соотношением означаемого и означающего языкового знака и фонологические универсалии» [11, с. 173]. Фонема как сложное структурное образование, соотношение звука и значения, их психофизическая основа привлекали внимание ученых в исследовании литературного слова. Акустические свойства языка сближают его с музыкой, и наиболее ярко представлена музыкально-интонационная сторона языка в поэзии. Б. Галеев отмечает, что «при необходимости синестетической образности проявление подобных “скрытых” синестезий фонического происхождения в творчестве любого поэта неизбежно» [12, с. 130]. Французские символисты, такие, как К. Нироп, П. Гиро [13; 14] исследовали проблему звука и значения в аспекте поэтической речи, но не смогли установить целостные системы звуко-цветовой ассоциативности [11, с. 163]. Русские ученые изначально относились к синестезии как к расширенной возможности восприятия человека, находящей отражение в искусстве. П.П. Соколов в статье «Факты и теория «цветного слуха», опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1897г. отмечает, что цветовые ассоциации гласные вызывают у субъекта при акценте внимания на них, также ученый подчеркивает, что ахроматические тона встречаются реже ассоциаций звука и цвета [15, с. 261-262]. А.П. Журавлев в своих работах (1974, 1981, 1987, 1991, 2004) применил метод семантического дифференциала Ч. Осгуда в целях выявления содержательности языковой формы на фонетическом уровне: «фонетическая, звуковая значимость – лишь впечатление от звука» [16, с. 30].

Синестезия в аспекте специального подъязыка искусствоведения на русскоязычном материале подробно изучена Е.А. Елиной [3]. В результате исследования ученых приходит к выводу, что «в подъязыке искусствоведения сформирована обширная база специфических эстетических синестетических сочетаний» [3, с. 209]. Мы посчитали актуальным исследование синестезии во французском искусствоведческом дискурсе для выявления готовых франкоязычных синестетических конструкций и их особенностей.

Формирование целей статьи (постановка задания).

Нас интересует синестезия как языковая метафора, как результат «осознанного перевода на вербальный уровень профессионального подъязыка авербально (зрительно) полученной информации» [3, с. 182]. Мы рассматриваем синестезию в рамках специального подъязыка искусствоведения как *вербализованный продукт ощущений, как интермодальное явление, выражающее перенос значения с одной перцептивной области на другую, эмоциональную в том числе*. Справедливо, на наш взгляд, заметил Л. Арагон: «Критики взяли за правило, говоря о том, что видит глаз, употреблять слова, связанные с осязанием, а о том, что слышит ухо, говорить словами, связанными с обонянием» [17, с. 75]. Отметим также, что предметом эстетической синестезии являются интермодальные связи, относящиеся к сфере изобразительного

искусства, в связи с чем эстетические соощущения отличаются от общеязыковых синестезий и синестезий в других подъязыках своей окказиональностью на уровне словосочетаний и узуальным характером [3, с. 184]. Целью данного исследования является изучение механизмов функционирования синестетических образований во французском искусствоведческом дискурсе.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Для исследования был отобран корпус высказываний на тему «живопись» на французском языке, включающий монографии, презентации экспозиций, лекции специалистов-искусствоведов, и в центре нашего внимания оказался такой характерный элемент дискурсообразующего лексикона специального подъязыка искусствоведения, как синестезия. Отметим, что ядерный компонент эстетических синестетических словосочетаний (далее ЭСС) всегда относится к зрительной модальности в связи с тем, что мы исследуем искусствоведческий дискурс по теме «живопись». С помощью метода компонентного анализа выявлено три группы искусствоведческих терминов французского языка, являющихся часто встречающимися ядерными компонентами:

1. Живописные приемы и средства *couleur/ coloré (цвет/цветовой), tonalité de (оттенок), nuance coloré (оттенок), construction coloré (цветовая конструкция), lumière (свет), courbe (линия), contour (контур), coup de pinceau (мазок), touche (мазок)*.

2. Общие живописные понятия *art (искусство; творчество), peinture (живопись; картина), œuvre (произведение; творчество), panneau (панно), tableau (картина), toile (полотно), composition (композиция), sujet (сюжет), coloris (колорит), manière de peindre (стиль письма), style (стиль), image (изображение), croquis (набросок), étude (этюд), paysage (пейзаж), portrait (портрет)*.

3. Цветономинация *(rouge (красный), bleu (синий), vert (зеленый) и другие конкретные цветовые характеристики)* [18, с. 298].

В традиционной психологической классификации сенсорной сферы выделяют пять модальностей ощущений: осязание, вкус, обоняние, слух и зрение. Придирчиваясь корпоральной парадигмы, взяв за основу классификацию Е.А. Елиной [3, с. 189], в ходе исследования франкоязычного материала нами была установлена иерархическая структура и составлена классификация по видам ощущений и восприятий периферийных модальностей синестетических сочетаний:

- слуховые
- звуковые (*le cri de la peinture – крик живописи*)
- музыкальные (*le rythme musical des courbes – музыкальный ритм линий*)
- речевые (*l'art parle – искусство говорит*)
- литературные (*une peinture poétique – поэтическая живопись*)
- обонятельно-респираторные (*les tableaux qui respirent – картины, которые дышат*)
- вкусовые (*cette délectable couleur – этот сладостный цвет*)
- тактильные (*un sujet épineux – острый сюжет*)
- температурные (*la chaleur du rouge – теплота красного*)
- болевые (*la peinture comme un appel tétanisation – живопись как вызов судорог*)
- гравитационные (*l'équilibre coloré – цветовой баланс*)
- вибрационные (*une image frémissante – трепещущее изображение*)
- степень интенсивности (*la densité du tableau – насыщенность картины*)
- ментальные
- проявление мышления (*la peinture comme pensée non verbale – живопись как невербальная мысль*)
- проявление духовности (*l'esprit des images – дух*)

изображений)

- временные (ce style rapide – этот быстрый стиль)
- двигательные (ce vert qui court partout – этот зеленый, что повсюду пробегает)
- пространственные (un premier plan immense d'un blanc – необъятный передний план белого)
- психические состояния
- эмоции (un portrait triste – печальный портрет)
- характер (une peinture rigoureuse – суровая живопись) [18, с. 298].

Таким образом, было собрано 552 франкоязычных ЭСС с ядерной зрительной модальностью, при этом зафиксированы все случаи повторов.

Анализ данных показал наибольшую активизированность психической модальности (31% ЭСС), особенно субмодальности «характер» (21%), а также слуховой модальности (21%).

Ярко выражена модальность степени интенсивности (11%), далее по убыванию идет температурная (7%), затем – гравитационная (5%), вибрационная (4%), временная (4%) модальности. Чуть реже встречаются ЭСС с периферийными тактильной (3%), ментальной (3%), пространственной (3%) и двигательной (3%) модальностями.

Меньшее количество представлено вкусовой (2%) и обонятельно-респираторной (2%) модальностями. Наименьшее количество ЭСС представлено болевой периферийной модальностью (1%).

Так как специальный подязык искусствоведения оперирует конкретными номинативными единицами представляется необходимым установить частотность и разнообразие употребления периферийных модальностей в сочетании с каждой ядерной номинацией. С этой целью полученные данные исследования были сведены в следующие таблицы (таблица 1, таблица 2).

Таблица 1 – Периферийные модальности ЭСС в сочетании с ядерными модальностями ЭСС группы «Общие живописные понятия».

Виды ощущений и восприятий		Общие живописные понятия							
		art	oeuvre	peinture picturale	toile tableau panneau scène	dessin	image espace pictural	gouache aquarelle pastel	
психические состояния	характер	8	4	18	10	1	10		
	эмоции	2	1	2	6	3	8	1	
ментальные		2	1	8		1	4		
слуховые ощущения	литературные			4	7		2		
	музыкальные		1	9	10		1		
	речевые	2		14	2		1		
	звуковые		1	1	1		1		
вкусовые				1		1	2		
температурные				2			1		
обонятельно-респираторные		1		4	2		1	2	
тактильные				4		1	1		
болевые				2					3
степень интенсивности			1	7	3	3	7	1	
гравитационные		2		1	2	1	1		
вибрационные					2		5		
временные		1				1	1	1	
пространственные				1			2		
двигательные			1	4	1		3	1	

Продолжение таблицы 1 – Периферийные модальности ЭСС в сочетании с ядерными модальностями группы «Общие живописные понятия».

Виды ощущений и восприятий		Общие живописные понятия							
		portrait paysage ornement	étude esquisse proche croquis	colons	composition construction	style manière technique facture graphisme	sujet	fond plan surface	
психические состояния	характер	17	2	6	5	14			
	эмоции	5		1		2	1	1	
ментальные		1							
слуховые ощущения	литературные	1			1				
	музыкальные	2			3				
	речевые				3				
	звуковые								
вкусовые		1							
температурные				3		1			
обонятельно-респираторные									
тактильные					2	2			
болевые									
степень интенсивности		1		1				1	
гравитационные		1			1	3	1		
вибрационные		1						5	
временные		1	3			3			
пространственные				4				1	
двигательные									

Таблица 2 – Периферийные модальности ЭСС в сочетании с ядерными модальностями группы «Живописные приемы и средства» и группы «Цветоминерация».

Виды ощущений и восприятий		Живописные приемы и средства								Цветоминерация
		touche coup de pinceau	pinceau	Lumière	ligne courbe contour	couleur colorée tache de couleur	ton	palette/gamme colorée	forme mesure	
психические состояния	характер	3	1	1	2	9	4	1		2
	эмоции	5			2	5	4			6
ментальные		1								
слуховые ощущения	литературные									1
	музыкальные	1		2	4	11	2			4
	речевые	1	1		1	3				2
	звуковые					1	4			1
вкусовые					2	3	2	1		1
температурные		1		1		4	11	1		13
обонятельно-респираторные		1								
тактильные		4			2					2
болевые		1	1							
степень интенсивности		3		1	4	18	5			7
гравитационные		3				9	1		3	6
вибрационные		2		2	1	3	1			3
временные		10								
пространственные							3	1		3
двигательные		1	1				2			2

Выводы исследования и перспективы дальнейшего изучения данного направления. Анализ табличных данных позволяет сделать следующие выводы. Очевидно преобладание психической модальности во всем исследуемом материале, вероятно, это обусловлено эмоциональным воздействием эстетического объекта на реципиента. П. Гоген отмечал: «...существует впечатление, которое возникает благодаря определенной аранжировке цветов, светов, теней. Это то, что называют музыкой картины. Прежде чем узнать, что картина изображает,.. вы уже захвачены магическим аккордом. Именно в этом настоящее превосходство живописи над другими искусствами, так как эта эмоция обращается к самой интимной стороне человеческой души» [19, с. 245]. Е.А Елина предполагает, что эмоционально-смысловая содержательность элементов живописного языка является причиной эмпатии при восприятии картины [3, с. 124]. Отметим, что преобладающим зрительным ядерным компонентом у субмодальности «характер» выступает слово peinture (картина, живопись) и другие слова в значении «картина», а также жанровые обозначения. Для описания картины и живописи в целом свойственно употребление постоянных, «характерологических» качеств. Тогда как эмоциональные качества периферийной модальности ЭСС встречаются часто в сочетании с базовыми компонентами, относящимися не только к группе «общих живописных понятий» (image (изображение), tableau (картина)), но и к группам «цветоминерация» и «живописные приемы и средства» (touche (мазок), couleur (цвет), ton (тон, оттенок)).

Изначально общим определением синестезии является понятие «цветной слух», следовательно, вполне ожидаемо преобладание периферийной слуховой модальности. При этом музыкальная субмодальность преобладает, вероятно, это обусловлено ассоциативностью двух видов искусства: музыкального и изобразительного. Следует отметить характерность синестезии живописи и музыки, с базовой музыкальной модальностью в подязыке музыковедения в том числе. Эта ассоциативность, например, находит выражение в живописных работах В. Кандинского: «Скрипки, глубокие басы и прежде всего духовые инструменты воплощали в моем восприятии всю силу предвечернего часа, мысленно я видел все мои краски, они стояли у меня перед глазами. Бешеные, почти безумные линии рисовались передо мной. Я не решался только сказать себе, что Вагнер музыкально написал “мой час”» [20, с. 28]. Показательным примером синестезии живописи и музыки является высказывание Поля Гогена: «Будьте уверены, что живопись цвета входит в музыкальную фазу. Сезанн... постоянно играет на большом органе, это побуждает меня сказать, что он полифоничен» [19, с. 163]. По результатам нашего исследования в ЭСС музыкальной субмодальности преобладают ядерные компоненты tableau (картина), peinture (картина, живопись), цветоминерация и couleur (цвет). Отметим, что французское слово peinture имеет семанти-

ческое значение не только «картины», но и «живописи» и в слуховой периферийной модальности нами зафиксирована наибольшая активация данного ядерного компонента в речевой субмодальности. В литературной субмодальности также преобладают ядерные компоненты *tableau* и *reinture*, а также само изображение. Вероятно, это связано с поэтическими и образными ассоциациями, которые вызывает общее художественное впечатление именно от картины в целом.

Следует отметить наиболее высокий показатель степени интенсивности в сочетании с ядерной модальностью *couleur* (цвет). Базовая модальность *couleur* (цвет) превалирует также в ЭСС с гравитационной модальностью. Согласно табличным данным, группа базовой модальности «цветономинация» ярко выражена в ЭСС не только с периферийной музыкальной субмодальностью, но и с температурной модальностью. Гравитационная модальность преимущественно наблюдается с ядерным компонентом *couleur* (цвет), а для вибрационной модальности характерно сочетание с ядром *image* (изображение). Температурная модальность преобладает в сочетании с базовым компонентом *ton* (тон), *teinte* (оттенок), а модальность восприятия времени доминирует в ЭСС с ядром *touche*, *coup de pinceau* (мазок).

Дальнейшее исследование ядерных и периферийных модальностей синестетических сочетаний французского специального подъязыка искусствоведения позволит сформировать базу готовых конструкций синестетических сочетаний франкоязычного искусствоведческого дискурса и определить роль данных языковых номинативных средств в дискурсообразующем лексиконе. Предложенные классификации ядерных и периферийных модальностей синестетических сочетаний искусствоведческого дискурса перспективно применять в комплексном подходе к изучению специфики синестетических единиц в специальном подъязыке искусствоведения и учете их функциональных особенностей во французском языке, в том числе и в сравнении с другими языками. С точки зрения смежности наук, актуальной в современном научном мире, лингвистические выражения эстетической синестезии в специальном подъязыке искусствоведения мотивируют на дальнейшее исследование компонентов франкоязычных ЭСС в аспекте психологической обусловленности соотношений на словосочетательном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Mathieu, C. *Musée d'Orsay, Le guide des collections*. Paris: Édition de la Réunion des musées nationaux, 2005. 267 p.
2. Вицинская И. А. Лингводиамические процессы в современной немецкой музыкальной терминологии : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 218 с.
3. Елина Е. А. Вербальные интерпретации живописи [монография] / Е. А. Елина. – Саратов: ИЦ «Наука». 2016. – 238 с.
4. Фадеева Г. М. Искусствоведческий дискурс с позиции концепции М. Юнга // Вестник МГЛУ. 2012. №6 (639). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvovedcheskiy-diskurs-s-pozitsii-kontseptsii-m-yunga> (дата обращения: 30.03.2018).
5. Jung, M. *Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische und historische Perspektiven*. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. K. Böke, M. Jung, M. Wengeler (Hrsg.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. – S. 453–472.
6. Jewanski, J., Simner, J., Day, S.A., Rothen, N., and Ward J. From 'obscure feeling' to 'synesthesia': The development of the term for the condition we today name 'synesthesia' // Maria José De Córdoba Serrano, Julia Lopez de la Torre Lucha, and Timothy B. Layden. *Actas VI Congreso Internacional de Sinestesia: Ciencia y Arte*; Alcalá la Real, May 18-21, 2018. Granada: Fundación Internacional Artecittà (e-Book), 2018. Pp. 67 – 74.
7. Gruber, É. *Audition colorée // Société de Psychologie Physiologique*, 1890, p. 157.
8. Jewanski, J., Day, S.A., Simner, J., Rothen, N., Ward, J. *The accolade. The first symposium on synaesthesia during an international congress: Paris 1889 // Day, S.A., José De Córdoba Serrano, M., Riccò, D., López de la Torre Lucha, J., Jewanski, J., Galera Andreu, P.A. Actas V Congreso Internacional de Sinestesia: Ciencia y Arte*, Alcalá la Real, 16-19 Mayo 2015. Jaén: Instituto de Estudios Giennenses, 2015, pp. 197–211.
9. Millet, J. *Audition colorée. Thèses présentée et publiquement soutenue à la Faculté de médecine de Montpellier le 2 avril 1892*. Montpellier, France : Imprimerie Central du Midi (Hamelin frères), 1892.
10. Day, S. *Synesthesia: bibliography in (reverse) chronological order [Электронный ресурс]*. – URL: <http://www.daysyn.com/Chronological.html>

[html](#)

11. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2009. – 442 с.
12. Галеев Б. М. *Человек, искусство, техника (проблема синестезии в искусстве)*. Казань, 1987.
13. Шкловский В. переводы и обзоры Граммон: *Звук как средство выразительности речи. Нирон. Звук и его значение*. Сборники по теории поэтиче-ского языка. Вып. 1. Пг., 1916. С. 50–71
14. Guiraud, P.G. *Language of Versification d'après l'oeuvre de Paul Valery*. Paris, 1953.
15. Соколов П. П. Факты и теория цветного слуха//Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 2, 3. С. 252-275. Кн. 3 (38). С. 387-412.
16. Журавлев А. П. *Фонетическое значение*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 160 с.
17. Арагон Л. *Анри Матисс, роман: В 2 т.* – М.: Прогресс, 1978. – Т. 1.
18. Агапова О. В. Синестезия во французском искусствоведческом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во ГРАМОТА, 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 133-424. С.294-298
19. Кочик О. Я. *Мир Гогена*. – М.: Иск-во, 1991.
20. Кандинский В. *Точка и линия на плоскости*. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 240 с.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 800
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0037

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КУРСКОГО РЕГИОНА
(ЯЗЫКОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ)**

© 2020
SPIN-код: 6869-6414
AuthorID: 973920

Арзамасцева Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных граждан

AuthorID: 973920
SPIN-код: 6869-6414

Чиркова Вера Михайловна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры «Русского языка и культуры речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: michutka.2010@yandex.ru)

Аннотация. Общество во все времена своего развития постоянно находится в ожидании перемен, относительно, прежде всего, важнейших сфер жизни – экономики, здравоохранения, образования. Реформы приходят главным образом при смене руководства. Меняется правитель – меняются приоритеты. Особенное место в этом процессе занимает язык, выступая в роли медиатора, посредника между властью и обществом. Языковые особенности в совокупности с визуальной опорой (в нашем случае – креолизованные тексты) способны оказывать необходимое влияние на общество, на его сознание. В цели исследования входит определить и описать приоритетные сферы развития города Курска по материалам креолизованных текстов. В работе использованы методы наблюдения, комплексного теоретического и описательного анализа. Результаты исследования: на материалах креолизованных текстов сделан обзор приоритетных направлений развития города Курска. Исследование показало, что в рамках предвыборной кампании эффективные действия начали осуществляться по следующим направлениям: экономика, образование, здравоохранение, туризм в пределах области, спорт и многим другим. Кроме того, незываемыми, фундаментальными ценностями, стоящими выше других, являются семья и дети. Прагматический эффект рассматриваемых креолизованных текстов заключается главным образом в их семантико-визуальной композиции. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые производится анализ развития города Курска на материале креолизованных текстов. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использовать полученные результаты в курсах лекций и семинаров, спецкурсов по различным лингвистическим и общенаучным направлениям.

Ключевые слова: креолизованный текст, языковые манипуляции, прагматический эффект, ценности через язык, приоритетные направления развития города.

**PRIORITY DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF KURSK REGION
(LANGUAGE RESEARCH ON THE MATERIAL
OF CREOLIZED TEXTS)**

© 2020

Arzamastseva Natalia Yurevna, candidate of philological sciences, senior teacher
of the department “Russian Language for Foreign Citizens”

Chirkova Vera Michailovna, candidate of pedagogical sciences, senior teacher
of the department of «Russian language and speech culture»
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: michutka.2010@yandex.ru)

Abstract. Society at all times of its development is constantly waiting for changes, relative first of all to the most important areas of life – economics, healthcare, education. Reforms come mainly with a change of leadership. The ruler is changing – priorities are changing. Language occupies a special place in this process acting as a mediator, an intermediary between the government and society. Language features in conjunction with visual support (in our case – creolized texts) can have the necessary impact on society, on its consciousness. The purpose of the study is to identify and describe the priority areas of development of Kursk city based on creolized texts. The paper used methods of observation, a comprehensive theoretical and descriptive analysis. Results of the study: a review of the priority areas of development of Kursk city is made on the material of creolized texts. The study showed that within the framework of the election campaign, effective actions began to be carried out in the following areas: economy, education, healthcare, tourism in Kursk region, sports and many others. In addition, family and children are unshakable, fundamental values that are superior to others. The pragmatic effect of the creolized texts under considerations lies mainly in their semantic-visual composition. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time it analyzes the development of Kursk city on the basis of creolized texts. The practical significance of the work is due to the ability to use the results in courses of lectures and seminars, special courses in various linguistic and general scientific areas.

Keywords: creolized text, language manipulations, pragmatic effect, values through language, priority directions of city development.

Введение. Жизнь каждого городского пространства неизбежно подвержена изменениям. Особенно ощутимы перемены перед выборами руководителя региона. Как правило, это реформы на всех уровнях политической, экономической, социальной, культурной, языковой и многих других сферах жизнедеятельности общества. Не является исключением и административный центр Курской области – город Курск. Перед выборами в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, назначенными на 8 сентября 2019 года, город зажил новой жизнью, ощутил ветер перемен. Если обратиться к истории развития нашей страны, то станет

понятно, что во все времена Россия ждала доброго царя, который решил бы все накопившиеся проблемы. И сейчас хорошей жизни ждет соловьиный край и его жители куряне. Цель данного исследования – рассмотреть приоритетные направления развития Курска с опорой на языковые особенности, получившие место в креолизованных текстах.

Термин «креолизованный текст» был предложен в 1990 году Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым, которые понимали под ним тексты, «фактура которых состоит из двух неомогенных частей» [1, С. 180-186]. С этого времени данный лингвистический феномен стал широко из-

учаться лингвистами в самых различных направлениях [2-13]. К данному исследованию попробуем подойти с позиций лингвистики и психолингвистики.

Описание авторских исследований и наблюдений. Приоритетные сферы развития жизнедеятельности курян.

В рамках предвыборной кампании кандидаты на должность обозначили основные направления развития региона в случае победы в выборах. Проследим на материале креолизованных рекламных/информационных текстов, что в приоритете на будущее, около чего «поставлены галочки». Во-первых, по мнению одного из кандидатов на должность главы города Р. Старовойта, пришло «время эффективных действий». Что же стоит за словом «эффективный» в данном случае? Рассмотрим ценности, положенные в основу развития области.

Так, 2019 год объявлен годом дорог в Курской области. «По количеству автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием регион занимает 4 место в ЦФО» [14]. Ни для кого не секрет, что именно по качеству дорог судят качество городской жизни. Эта проблема всегда актуальна и широко обсуждаема. И вот пришло время качественной жизни для Курска и Курской области. Так, врио губернатора Курской области Роман Старовойт в рамках проведения пресс-брифинга, на котором обсуждалась проблема курских дорог, выразил уверенность в том, что «словосочетание «курские дороги» станет синонимом качества» [14].

Еще одно приоритетное направление, по которому проводятся эффективные действия – это спорт (см. рисунок 1). Акцент ставится сразу на нескольких видах спорта: легкая атлетика, футбол, волейбол, баскетбол, бокс, фехтование. Особое внимание при этом уделяется легкой атлетике, а именно бегу. С полной уверенностью можно сказать, что с приходом к власти врио губернатора Романа Старовойта, активно занимающегося бегом, в Курске меняются отношения к спорту, в частности к бегу. Все большее количество курян принимают участие в регулярно проводимых забегах. Вместе с отношением меняются и спортзоны. Так, все куряне с трепетом следят за преображением излюбленного места отдыха и спорта парка Боева Дача, известной как Боевка. Неким лозунгом данного периода развития города стало название интернет-проекта «Курск бежит и ты беги». Прагматический эффект данной информации достигается посредством семантико-композиционной связи в креолизованных текстах. Вербальную составляющую помимо броского названия усиливают метафоричное выражение «подари себе крылья», слова и словосочетания с четкой выраженной положительной коннотацией «преодолеть расстояние», «благотворительный марафон», «мир детства». Визуальный ряд привлекает внимание иллюстрациями «становления человека» от старта до финиша. Человека с раннего детства привлекают все формы отражения пространства [15]. Одна из таких форм модель земного шара – глобус. Объемный земной шар с изображением небольшой фигуры человека в сочетании с указанным расстоянием равным экватору Земли – 40 075 км и заветной галочкой позволяют должным образом воздействовать на читателя.

Важными моментами в пропаганде спорта стали пример учителя и борьба с курением и алкоголем (см. рисунок 1). Иллюстративный ряд в данном случае дополнили афористическое восклицательное предложение «Пример для ученика – сам учитель!» (имеющее двойной прагматический эффект благодаря местоимению «сам»), фразеологизированное словосочетание «территория свободная от курения и алкоголя», а также положительно коннотированные слова «здоровье» и «сила».

Призывом к эффективным действиям выступает цитата Махатмы Ганди из следующего креолизованного текста: «Если ты хочешь перемен в будущем – стань этой переменной в настоящем». Политика последних лет

направлена на активное вовлечение жителей населенного пункта в его судьбу. Сейчас пришло то время, когда «верхи» открыты «низам» и призывают их к совместным продуктивным действиям. В связи с этим в Курске появилось несколько проектов, в рамках которых происходит коммуникация граждан и государственных структуры каждый гражданин имеет возможность принять участие в развитии своего региона. Самые известные из них портал «Действуем вместе» (VMESTE46.RU) и федеральный проект «Городская среда» (SREDA46.RU). Контрастные иллюстрации от яркой, красочной с гербом Курска до выполненной в черно-белых тонах с заветной галочкой подкреплены вербальными средствами, а именно императивными конструкциями с призывно-агитационным характером «участвуй в судьбе», «прими участие в разработке»; метафоричным названием «соловьиный край».

Наглядный пример работы портала «Действуем вместе» представлен на рисунке 1 (см. рисунок 1). Призыв оставить свой голос за одного из кандидатов сопровождается уже привычной для каждого современного человека иллюстрацией «нравится/лайк», рядом портретов кандидатов с автобиографической информацией, связанной с Курском. В языковом плане интерес представляет подмена слова «название» словом «имя» в верхней строке информационного стенда. Намеренное нарушение языковых норм в прагматических целях не ново для лингвистики [16-18]. Слово «имя» в данном случае звучит теплее, приближает читателя к обсуждаемой теме, сподвигает на действия. Инициативность – одно из главных качеств, которое ценят куряне [19].

Так, на рисунке 1 наглядно представлены основные направления активности граждан Курского региона, обозначенные в рамках предвыборной кампании 2019 года.



Рисунок 1-Направления активности курян в рамках предвыборной кампании-2019.

Приоритетными областями развития Курского региона с точки зрения анализа креолизованных текстов выступают образование, здравоохранение, экономика, туризм. Прагматизм в данном случае достигается путем различных речевых манипуляций [20] и заключен:

- в положительно окрашенной лексике (удовлетворенность качеством, рост удовлетворенности качеством, рост профессиональной подготовки, увеличение продолжительности жизни, увеличение доли, формирование бюджета);
- в отражении процентных данных удовлетворенностью образованием и здравоохранением;
- в сопровождении информации схемами, рисунками;
- в выделении особенно важной информационной части;
- в наличии английских слов в части, связанной с темой туризма (goKursk, localtouristic);
- в языковой игре названия известного блога в Instagramе «Соловей и Решка».

В центре проблематики рассматриваемых нами креолизованных текстов – семейные ценности (см. рисунок 2). Данные тексты главным образом направлены на пропа-

ганду сохранения семьи, беременности, заботу о детях. Визуальный ряд одного из креолизованных текстов семейной тематики (см. рисунок 2) представлен улыбающимися, счастливыми лицами членов традиционной русской семьи – отца, матери, детей. Языковая «сила» в данном случае заключена, прежде всего, в аксиологически важных словах «семья», «счастье», «беременность». Кроме того, слова «большая» и «большое», написанные всеми заглавными буквами, привлекают внимание читателя. Не последнюю роль играет императивная конструкция «сохрани беременность». Интересный дизайн следующего креолизованного текста не может не обратить на себя внимание читателя. Руки матери лежат на животике, оформленном в виде всплывающего информационного окна с сообщением «У вас будет ребенок» и курсором, направленным на клавишу «сохранить». Слова «сохрани лучшее в себе» легко воспринимаются в ассоциативном ряду с темой семьи, беременности, детей. В далее представленном креолизованном тексте (см. рисунок 2) в центре визуальной составляющей умиляющая многих картина – материнские руки, обнимающие детские ножки. Нежный цветок на переднем плане невольно наводит на ассоциацию с фразой «дети – цветы жизни». Лингвистическая составляющая данного текста в фразах-призывах «счастье быть мамой», «сохрани беременность». Особенно эмоционально сильно звучит предупреждение-призыв «Не допусти аборта!». В данном случае глагол «допускать» в сочетании с частицей «не» в повелительном наклонении дают необходимый прагматический эффект посредством более вежливой, тактичной, глубоко проникающей семантики глагола. Традиционно глагол «допускать» сочетается со словом «ошибка», т. е. аборт в данном случае в сознании читателя невольно коррелирует с некой ошибкой, просчетом.

Описанные выше области развития города Курска представлены в рисунке 2.



Рисунок 2 - Области развития города Курска-2019.

Заключение. Таким образом, подводя итог вышесказанному, представляется логичным сделать несколько важных выводов по рассматриваемой проблеме. Обзор приоритетных направлений развития города Курска с опорой на креолизованные тексты показал, что, во-первых, эффективные действия начали осуществляться по следующим направлениям: экономика, образование, здравоохранение, туризм в пределах области, спорт и многим другим. Во-вторых, незыблемыми, фундаментальными ценностями, стоящими выше других, являются семья и дети. В-третьих, прагматический эффект рассматриваемых креолизованных текстов заключается главным образом в их семантико-визуальной композиции. Как показывает анализ материала, главными ценностными предпочтениями Курского региона являются открытость, инициативность, активность, следование традициям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа. 1990. С. 180-186.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учебное пособие для студентов факультетов иностранных языковых вузов. М.:

Academia, 2003. 128 с.

3. Бринюк Е.В. Использование креолизованного текста как один из рациональных подходов к обучению ПКН. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28764349> (дата обращения: 10.10.2019).

4. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст : ключи к прочтению. Монография. Екатеринбург. 2013. 194 с.

5. Громова Н.С. Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. №8 (38) : в 2 частях. Часть I. С. 59-63.

6. Дубовицкая Л.В. Феномен креолизованного текста (на материале креолизованных текстов письменной коммуникации) : автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва, 2013.

7. Нежура Е.А. Специфика прагматических сближений в креолизованных текстах (экспериментальное исследование) : автореф. дисс. канд. филол. наук. Курск, 2012. 22 с.

8. Розожникова Т.М., Салихова Э.А. Лингвистические и психолингвистические признаки креолизованного конфликтного текста : технология выявления и описание // Евразийская адвокатура. 2019. №1 (38). С. 26-38.

9. Скляр Е.С. Образовательный потенциал креолизованных текстов // Региональный вестник, 2019. № 12(27). С.41-42.

10. Удод Д.А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистической активной речи // Современная филология: материалы II Международной науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 97-99.

11. Харченко И.В. Методика использования креолизованных немецкоязычных текстов как средства формирования лингвокультурологической компетенции студентов-германистов : дисс. канд. педагог. наук. Санкт-Петербург, 2014. 283 с.

12. Bateman J. Text and Image : A Critical Introduction to the Visual/Verbal Divide Routledge. 2014. 276 p.

13. Platonova Yu., Tarasova E., Golubinskaya A. Creolized Text as a form of modern educational discourse // Procedia – Social and Behavioral Science. 214 (2015). Pp. 788-796.

14. Сайт Администрации Курской области. URL: adm.rkursk.ru

15. Арзамасцева Н.Ю. Роль локально-дирекциональной составляющей в когнитивном становлении человека // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2019. №6 (428). DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10602. С. 17-22.

16. Крылов Ю.В. Нарушение норм языка в рекламном дискурсе (прием и антиприем) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. №2 (24). 2015. DOI: 10.15293/2226-3365. С. 161-171.

17. Уздинская Е.В. Типичные нарушения норм в центральных изданиях последних лет. Межвузовский сборник научных трудов «Проблемы речевой коммуникации» под ред. М.А. Кормилиной. Вып. 11. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 2011. С. 28-53.

18. Христова Н.А. Нарушение языковой нормы в текстах СМИ : влияние на познавательные структуры индивида. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва, 2006. 206 с.

19. Прокопчук Т.Л. Особенности ценностных предпочтений учащейся молодежи Курского региона // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №3. С. 366-371.

20. Чиркова В.М. Приемы речевой манипуляции // Региональный вестник. №2 (17). 2019. С. 25-26.

Статья поступила в редакцию 12.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.11-112

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0038

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

© 2020

SPIN-код: 1142-4433

AuthorID: 1002131

Арсалиева Элиза Хизировна, преподаватель
кафедры иностранных языков

*Чеченский государственный педагогический университет
(364037, Россия, Грозный, ул. С.Кизиловой, 33, e-mail: venus-75@mail.ru)*

Аннотация. Испокон веков люди пытались понять, что такое счастье и как стать счастливым. В каждом народе счастье понимается соответственно народному мышлению, образу жизни, традициям и обычаям. Каждый человек считает себя счастливым или несчастным, соответственно тому, к чему он стремится, по каким критериям он определяет само понятие «счастье». Все это в совокупности определяет уровень счастливого человека. В данной работе рассмотрены особенности восприятия концепта «счастье» на материале английского языка. В английской культуре счастье считается обыденным понятием. В статье представлены основные результаты эмпирического исследования субъективных представлений об источниках счастья в Англии (на примере паремий). В статье рассмотрены основные компоненты источников счастья, соотношение различных источников счастья и субъективного благополучия, жизненные ориентации, доступность источников счастья и их устойчивость. Изучение концептов здесь рассматривается в лингвистическом, философском, культурологическом и многих других аспектах. Результаты исследований позволяют выдвинуть новые гипотезы и расширить методы исследования в области психологии счастья. Важно отметить, что исследуемая лексема в произведениях художественной литературы может приобретать новое значение, придавая онцепту более точное понимание.

Ключевые слова: паремии, пословицы, поговорки, фразеологизмы, счастье, концепт, успех, несчастье, англичанин, ценности, сопоставительный анализ.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “HAPPINESS” IN ENGLISH PAREMIAS

© 2020

Arsalievna Eliza Khizirovna, teacher of the department
of foreign languages

*Chechen State Pedagogical University
(334037, Russia, Grozny, S.Kishieva St., 33, e-mail: venus-75@mail.ru)*

Abstract. From time immemorial, people have been trying to understand what happiness is and how to become happy. In every nation, happiness is understood in accordance with the national thinking, lifestyle, traditions and customs. Each person considers himself happy or unhappy, in accordance with what he aspires to, by what criteria he defines the very concept of “happiness”. All this together determines the level of a happy person. This paper considers the features of the perception of the concept of “happiness” on the material of the English language. In English culture, happiness is considered an everyday concept. The article presents the main results of an empirical study of subjective ideas about the sources of happiness in England (on the example of paremiias). The article discusses the main components of the sources of happiness, the ratio of various sources of happiness and subjective well-being, life orientations, the availability of sources of happiness and their sustainability. The study of concepts here is considered in linguistic, philosophical, cultural and many other aspects. The research results allow us to put forward new hypotheses and expand research methods in the field of psychology of happiness. It is important to note that the studied lexeme in the works of fiction can take on a new meaning, giving the concept a more accurate understanding.

Keywords: paremiias, proverbs, sayings, phraseologisms, happiness, concept, success, unhappiness, Englishman, values, comparative analysis.

Актуальность и научная проблема. В статье рассмотрен концепт «счастье», фигурирующий в различных поговорках и пословицах английского фольклора.

Актуальность исследования сформирована важностью взаимосвязи культуры и языка. В данном исследовании рассматриваются национальные и культурные аспекты картины мира народа Англии, которые отражены в его языке. Недостаточная разработанность проблемы осмысления «счастья» и необходимость лингвокультурологического анализа языковой среды, репрезентирующей данный концепт позволяет исследовать в большей степени смысловое значение счастья.

Целью проделанной работы является детальное лингвокультурологическое изучение концепта «счастье» в паремиологическом фонде английского языка. Здесь использован ряд методов сопоставительного анализа исследуемого материала в английском и русском языках, в том числе метод концептуального и интерпретационного анализа паремий.

Любой народ уникален. Уникален он своими традициями, обычаями, укладом жизни, устным народным творчеством, фольклором, в том числе пословицами и поговорками.

Пословицы и поговорки рождаются в народе, выражая его отношение к тем или иным событиям, действиям, отношениям, и дают возможность обнаружить значимые ментальные ценности этноса.

Поэтому неслучаен интерес лингвистической науки к паремическим языковым единицам.

На протяжении многих веков этносы через паремии выражали те или иные национальные привычки, присущие их этнокультуре. «Мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие известное единство с точки зрения культуры» [1, с. 69].

Паремии всесторонне отражают отношение человека к ценностям.

Языковая особенность паремий тесно сплетается с культурной и национальной спецификой того или иного народа. В пословицах и поговорках аккумулируется народная мудрость; своеобразное преломление получает история народа, его быт, мировоззрение, культура.

При использовании пословиц и поговорок наша речь приобретает уникальный оттенок, становится яркой и выразительной. Паремии помогают обогатить речь говорящего, украшают ее. Чтобы подчеркнуть суть сказанного, придать живость, выразительность речи, применяют определенную пословицу или поговорку, подходящую ситуации. Поэтому пословицы и поговорки денотативны по сути. Они переходят от поколения к поколению, сохранив в целом смысловую и структурную це-

лостность.

Паремии как устойчивые выражения вплетаются в языковую структуру, придавая ему своеобразный национальный колорит и самобытность.

Вследствие чего мы можем с полной уверенностью утверждать, что используя паремии в процессе речевого общения мы не цитируем чьи-то слова, так как пословицы придуманы народом, что является всеобщим достоянием. Традиционно термины «паремия», «пословица» и «поговорка» употребляются как взаимозаменяющие друг друга синонимы. Термин «паремия» изначально употреблялся в языке священнослужителей для обозначения выбранного текста из священных писания и других церковных книг. Имея греческие корни, этот термин воспринимался как синоним к «притче», «пословице», «поговорке» в их первоначальных значениях. «Указание на это можно найти в этимологическом словаре русского языка» [2, с. 206].

В.И. Даль определяет паремию как «нравоучительное слово» [3, с. 18], т.е. текст поучительного характера.

Вероятно, ассоциация в сознании носителей русского языка значений слов «пословица», «поговорка» и «паремия» позволило выделению в них признаков универсальности и дидактичности.

В отличие от многих других форм народного творчества паремии не существуют отдельно, а неотъемлемо присутствуют в разговорном (бытовом) и литературном языке. В. Даль считал важным, что пословицы и поговорки, собранные и изданы в разное время: «за пословицами и поговорками надо идти в народ, надо идти по ним туда, где они ходят» [3, с. 4].

Паремии выступают в качестве хранилища культурных традиций, в них наиболее ярко отражены национально-культурные стереотипы и ценности. Особое отношение уделяется концепту «счастье». У разных народов этот концепт лежит у истоков культуры и имеет свою интерпретацию, благодаря своей национальной оригинальности.

Анализ концепта «happiness», представленного в паремиологии позволяет раскрыть своеобразие языковой картины мира английского этноса. В этой статье дается попытка выявления особенностей концептосферы «happiness» в английском языке. Рабочим материалом для данной статьи явились фразеологизмы и паремии английского языка, так как именно они позволяют отразить языковое сознание нации.

В понимании англичан happiness соотносится с pleasure, contentment, well-being, satisfaction / «удовольствие», «довольство», «благополучие», «удовлетворение». Для представителей этой народности счастьем является то, чего они заслуживают. Данное понятие указывает на эмоциональное благополучие человека как на некую норму.

Рассмотрим синонимический ряд к слову happiness: luck, beatitude, fortune, joy, pleasure, enjoyment, delight, cheerful, satisfaction, contentment, successful, felicity, overjoyed, prosperous, gladness, bliss, blessedness – удача, блаженство, веселье, удовольствие, наслаждение, веселый, удовлетворенность, успех, счастливый, радость, нега, везение, счастье, фарт, удачливость.

В ходе семантического анализа английских паремий, рассмотренных путем выборки из книг таких авторов как Гарбузова Т.М. [4], И.С. Гварджаладзе, А.Л. Гильбертсон, Т.Г. Кочинашвили [5] и Степанов В.Ю. [6], было выявлено несколько тематических групп: 1. Счастье как радость; 2. счастье как удача, фарт; 3. счастье как богатство; 4. счастье как здоровье; 5. счастье как самостоятельные достижения; 6. счастье как продолжение рода; 7. счастье как труд; 8. счастье как смелость, храбрость.

Остановимся на каждой из групп более детально.

Англичане всегда считали здоровье одним из основополагающих факторов счастливого бытия. Они счита-

ют, что здоровый человек уже счастлив и пожелание здоровья расценивается как лучшее. Жители Англии ведут здоровый образ жизни, всячески оберегают его и избегают излишеств.

Happiness is nothing more than good health and a bad memory. – Счастье-это не более, как хорошее здоровье и плохая память.

Good health is above wealth. – Доброе здоровье дороже богатства. Ср.: Здоровье дороже денег.

Фортуна, успех, удача – это немногие эквиваленты счастья, которыми британцам хотелось бы обладать.

Успешный человек, в их понимании – счастливец, баловень судьбы. Если тебе улыбнулась удача, у тебя все получится, ты достигнешь своих высот, к которым стремился. Успех синонимичен понятию «стремиться вверх», «подниматься по служебной лестнице», «быть на пике славы» и т.п.

He dances well to whom fortune pipe – Хорошо танцует тот, кому счастье подыгрывает. Ср.: Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит. *Nothing succeeds like success.* – Успех способствует успеху. Ср.: Одна удача идет, другую ведет. Кому поведется, у того и петух несется. *To be borne with a silver spoon in one's mouth.* – Родиться с серебряной ложкой во рту. Ср.: Родиться в рубашке. *All the water runs to his mill.* – Вся вода льется на его мельницу. *His bread is buttered on both sides.* – У него хлеб с двух сторон маслом намазан.

Англичане считают удачу очень непостоянной вещью, на которую не стоит всецело полагаться, ведь менталитет англичан не позволяет им бездействовать. Но, все же удача рассматривается ими как ступень в достижении счастья. *Fortune is fickle.* – Фортуна непостоянна. *Luck goes in cycles.* – Удача повторяется. *Opportunity seldom knocks twice.* – Удобный случай редко стучит дважды. Ср.: Счастливый случай редко приходит дважды.

Также они полагают, что и счастье эфемерно, может неожиданно прийти и также неожиданно исчезнуть.

Поэтому они дорожат каждой минутой прожитой жизни, ценят ее мгновения. Могут наслаждаться тишиной, любят ходить по природе, в парки. *Fortune is easily found, but hard to be kept.* – Счастье легко найти, но трудно удержать. Ср.: Легче счастье найти, чем удержать его. *Call no man happy till he is dead.* – Не называй человека счастливым, пока он не умрет.

Англичане очень любят детей и умеют общаться с ними и получают удовольствие от времяпрепровождения с ними. Они считают, что без детей человек не может быть полноценно счастлив. Если ребенку плохо, для британцев нет разделения на «своих» и «чужих», они помогут ему. *Happy is he that is happy in his children.* – Счастлив тот, кто счастлив своими детьми. Ср.: На что и клад, коли дети идут в лад.

Англичанами не культивируется сам факт обладания мирскими благами, богатством с материальной точки зрения. Для них важнее обладания богатством быть счастливым, т.е. деньги далеко не на первом месте. *Better be born lucky than rich.* – Лучше родиться удачливым, чем богатым. Ср.: Не родись богатым, а родись счастливым. *Money cannot buy happiness.* – Счастье за деньги не купишь. Ср.: Не в деньгах счастье. Но, все-таки, приходится признать, что богатства «открывают человеку многие двери». В наше время англичане почитают богатство и умеют тратить и зарабатывать деньги.

Но, при всем этом им чужда скупость и жадность. *It is far better to be happy than rich, but there is no harm in being both.* – Лучше быть счастливым, чем богатым, но быть и тем и другим – тоже неплохо. *He that has a full purse never wanted a friend.* – У кого полный кошелек, у того и друзей хватает. Ср.: Кому счастье дружит, тому и люди.

Трудолюбивые англичане считали, что счастье не «свалится с небес», и чтобы достичь его нельзя лениться, придется потрудиться, и добыть его своими руками. И поэтому они считают, что добиться каких-то высот, успеха никак нельзя не приложив каких-либо усилий. Только трудом достигается счастье. *Every man is the architect of his own fortune.* - Каждый человек архитектор своего собственного счастья. Ср.: Всякий человек своему счастью кузнец *Happiness isn't inherited, it's gotta be earned.* - Счастье не получают по наследству – его добиваются сами. *Fortune is good to him who knows how to make good use of it.* - Удача тому дается, кто знает как ею пользоваться. Ср.: Счастье в воздухе не вьется, а руками достается.

Считается, что счастье любит смелых, неробких, деятельных людей. Только будучи смелым человек может добиться чего-нибудь, смелость ведет вперед. Робость же «тормозит» процесс; робкий человек стоит на месте. *Fortune favours the brave (the bold).* - Счастье благоволит храбрым (смелым). Ср.: Смелость города берет. *Success is a ladder that cannot be climbed with your hands in your pockets.* - Успех – это лестница, по которой нельзя подниматься, засунув руки в карманы. *He that waits upon fortune is not sure of a dinner.* - Кто надеется на удачу, не может рассчитывать на обед.

Также предполагается, что счастье благоприятствует терпеливым людям. Тем людям, кто не отчаивается, и умеет ждать. *Fortune knocks once at least at every man's door.* - Счастье хоть раз, да постучится в дверь каждого. Ср.: Счастье всякому хоть раз в жизни улыбнется. Будет и на нашей улице праздник.

Если англичанин хочет быть счастливым, считает, что ему ничего не должно мешать. Своим отношением к жизни он должен привлечь его. Англичане наслаждаются мгновениями своей жизни в полной мере, радуются каждому дню. А радуют их самые простые вещи, вплоть до чашечки чая. Счастливые люди! *The only way to look pleasant is to feel pleasant.* - Единственный способ выглядеть счастливым – это чувствовать себя таковым. *He is happy that thinks himself so.* - Счастлив тот, кто себя таковым считает. *Happiness is not a destination. It is a method of life.* - Счастье – это не цель, а образ жизни. *Don't worry, be happy.* - Не волнуйся, будь счастлив. Ср.: Утро вечера мудренее. *Happiness takes no account of time.* - Счастье не учитывает время. Ср.: Счастливые часов не наблюдают.

Даже в негативном британцы умудряются видеть позитивное. Оптимизм помогает и в мрачных тонах увидеть яркие оттенки красок. *Bad luck often brings good luck.* - Неудача часто приносит удачу. Ср.: Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Вера в добро, в благородные начинания, в альтруизм также рассматриваются англичанами как путь к счастью.

Помогая другим, участвуя в судьбе человека, британцы чувствуют себя нужными, причастными к чему-то хорошему. Им нравится заниматься благотворительностью. *The good we do today becomes the happiness tomorrow.* - Добро, сделанное сегодня, завтра становится счастьем.

И, в конечном счете, жители туманного Альбиона относятся с большим уважением к личному пространству и любят свой дом, свой очаг и полностью расслабляются только дома.

Только дома можно не носить маски и быть самим собой. Свой дом они считают средоточием духа семьи, своей крепостью. Недаром говорится «Home, sweat home!». Не это ли счастье? *East or West, home is best.* - Восток ли, Запад ли, а дома лучше всего. Ср.: В гостях хорошо, а дома лучше.

Антонимы к слову happiness – unhappiness, sorrow, grief, misery, sadness, misfortune, trouble, adversity, disaster – несчастье, горе, беда, страдание, печаль, напасти, бедствие.

Британцы высоко ценят дружеские отношения, с друзьями по жизни идти легко. Они считают, что любую беду можно преодолеть, если есть верные друзья. *Prosperity makes friends but adversity tries them.* - Процветание собирает друзей, а несчастье испытывает их. Ср.: Друг познается в беде [4, с.107]. *Company in distress makes trouble less.* - Когда есть друзья по несчастью, и несчастье меньше. Ср.: Без друга в жизни туго.

Беда помогает человеку стать крепче духом, учит не сдаваться и противостоять всем невзгодам. *Adversity is a good discipline.* - Несчастье – закаляет человека. Ср.: Беды мучат, да уму учат. *Adversity is a great schoolmaster.* - Несчастье – великий учитель. Ср.: Беда вымучит, беда и выучит.

К неудачнику беда может прийти из собственного дома, она может возникнуть на ровном месте. *An unfortunate man would be drowned in a teacup.* - Неудачника можно утопить и в чашке чая. Ср.: На бедного Макара все шишки валятся.

Англичане полагают, что раз пришло несчастье, следует еще ряд неприятностей. Так катящийся с горы снежный ком по пути вниз захватывает все больше и больше снега.

It never rains but it pours. - Беда не приходит одна. Ср.: Пришла беда – отворяй ворота.

Misfortunes never come alone. - Несчастья никогда не приходят поодиночке. Ср.: Беда беду родит.

Англичане едины во мнении, что человек, не переживший горя, не способен в полной мере насладиться счастьем. Как путник в жаркий день, не может насладиться глотком холодной воды, не испытав жажды. Можно что-то узнать в сравнении. *Misfortunes tell us what fortune is.* - Несчастья говорят нам что такое счастье. Ср.: Не отведав горя, не познаешь и счастья. Не вкусив (отведав) горького, не узнаешь и сладкого. *Failure teaches success.* - Неудачи учат успеху.

Не секрет, что характер и суть человека можно узнать в трудный момент. В такие моменты человек не в состоянии показывать себя лучше, чем он есть. Душа человека «обнажается» в бедственном положении. *Calamity is man's true touchstone.* - Человек проверяется бедой. Ср.: Человек познается в беде.

Выводы исследования и перспективы практического использования результатов. В данной работе был рассмотрен концепт «счастье» на примерах английских пословиц и поговорок. На паремиологическом материале находят отражение особенности истории, культуры, быта, обычаяв народа - носителя языка.

Пословицы и поговорки, как и остальные фразеологические единицы языка, отражают весь сложный комплекс культуры и психологии народа, способ его разного мышления. Паремии и их выражение в повседневной речи выполняют значимую роль в речевой этикете, так как несут в себе большой коммуникативный потенциал. Анализ концепта «happiness» позволил нам определить особенности понимания рассмотренного концепта в культуре английского народа.

Результаты, полученные в ходе нашего исследования могут найти применение при составлении паремиологических и толковых словарей, на лекционных и практических занятиях по лексикологии, когнитивной фразеологии, теории и практике перевода, страноведении, стилистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. – Изд. «Наука», 1974. – 428 с.
2. Фасмер, М.Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.3. 4-е изд. стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2003. 832 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва, Издательство «Русский язык», 1980. 683 с.
4. Гарбузова Т.М. Английский язык в пословицах и поговорках: English through proverbs / Т.М. Гарбузова. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 155 с.
5. 500 английских пословиц и поговорок. Сост.: И.С. Гварджаладзе, А.Л. Гильбертсон, Т.Г. Кочинашвили. 5-е изд.//

Издательство литературы на иностранных языках. – М., 1960. – 32 с.

6. Степанов В.Ю. Английские пословицы и поговорки для начальной школы / В.Ю.Степанов. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 95 с.

7. Английские афоризмы и пословицы / сост. Г.А. Котий, С.В. Тюленев; под ред. А.С. Дробашенко. М.: Астрель, 2012. – 190 с.

8. Английские и русские пословицы и поговорки, М.И. Дубровин. Москва: Просвещение, 1993 год;

9. Русско-английский словарь пословиц и поговорок, С.С. Кузьмин, Н.Л. Шадрин. Москва: Русский язык, 1989 год.

10. Лингвострановедческий словарь «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В.П. Фелициной, Ю.Е. Прохорова

11. Random House dictionary of Proverbs and Sayings” 1996/

12. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / J. Simpson with the assistance of Jennifer Speak. – Oxford University Press, 1992.

13. <http://englishonlineclub.com/vocabulary/learn-phrases/intermediate-level/proverbs-about-happiness.html>

Статья публикуется при поддержке гранта ЧГПУ «Целевой конкурс по поддержке молодых ученых»

Статья поступила в редакцию 03.12.2019

Статья принята к публикации 27.03.2020

УДК 8:81:44
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0039

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2020
AuthorID: 812975

Бастун Елена Васильевна, старший преподаватель
кафедры иностранных языков №2

*Кубанский государственный технологический университет
(350000, Россия, Краснодар, ул. Московская, 2 e-mail: elena-bastun@mail.ru)*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению и анализу особенностей применения прагматических стратегий в политическом дискурсе для достижения различных целей, таких как передача сообщений, информирование, убеждение. Рассматриваются высказывания, содержащие presuppositions, которые являются средствами формирования общественного мнения и выражением социально - политического доминирования. В работе анализируются presuppositions различных типов (экзистенциальная, логическая, прагматическая, коммуникативная), участвующие в экспликации имплицитной семантики текста, рассматривается модель имплицитных отношений, которая служит основой для определения языкового поведения политика, которая помогает оратору достичь его реальных политических целей. Анализ данных высказываний показал, что presuppositions играют важную роль в подаче важной информации, делая язык более ярким, способствуют взаимодействию и сближению докладчика с аудиторией, а также являются неотъемлемой частью формирования манипулятивных стратегий дискурса. Отмечена решающая роль контекста, который создает релевантные условия употребления данных высказываний. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использования основных положений и выводов в дальнейшей научной работе при рассмотрении вопросов, связанных с коммуникативным содержанием высказываний.

Ключевые слова: политическая коммуникация, presupposition, имплицитная информация, контекст, экстралингвистические знания, языковые средства, манипулятивные стратегии, неявное значение утверждений.

ROLE OF PRESUPPOSITIONS IN POLITICAL DISCOURSE

© 2020

Bastun Elena Vasilievna, Art. Lecturer, Department
of Foreign Languages 2

*Kuban State Technological University
(350000, Russia, Krasnodar, Moskovskaya St., 2, e-mail: elena-bastun@mail.ru)*

Abstract. This research is devoted to the study and analysis of the peculiarities of pragmatic strategies application in political discourse to achieve various goals, such as message passing, informing and persuasion. Statements containing presuppositions which are the means of public opinion formation and an expression of socio-political dominance have been considered. The paper analyzes the presuppositions of various types (existential, logical, pragmatic, communicative) involved in the explication of the implicit semantics of the text, examines the model of implicature relations, which serve as the basis for determination of the politician's linguistic behavior, which helps the speaker achieve his real political goals. An analysis of these statements showed that presuppositions play an important role in delivering important information, making the language bright and more vivid, facilitate the interaction and rapprochement of the speaker with the audience, and these strategies are also an integral part of the formation of manipulative discourse strategies. The crucial role of the context, which creates relevant conditions for the use of these statements, has been noted. Theoretical and practical significance of the study lies in the possibility of using the main ideas and conclusions in further scientific work while considering issues related to the communicative content of statements.

Keywords: political communication, presupposition, implicit information, context, extra-linguistic knowledge, linguistic means, manipulative strategies, implicit meaning of statements.

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь современного общества немыслима без политики. Язык играет ключевую роль в политике, поскольку любое политическое действие находится под его влиянием. Именно язык дает возможность политикам исследовать свои устные коммуникативные ресурсы и манипулировать словами в соответствии со своими намерениями. «Язык необходим, чтобы речь была понятна и производила свое действие; речь же в свою очередь необходима, чтобы установился язык ...» [1, с. 26]. Таким образом, язык можно рассматривать как манипулятивное средство политики. Язык является средством выражения манифеста кандидата, политических мыслей, информативности и убедительности в политической коммуникации. Следовательно, и политическое послание, и способ его подачи очень важны.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель работы – изучить, каким образом политики используют прагматическую функцию языка в своих выступлениях, рассмотреть влияние высказываний, содержащих presuppositions, на восприятие информации и оценить их манипулятивный эффект. По этой причине при написании работы рассмотрение политического дискурса было проведено через соответствующие рамки анализа дискурса, стилистики, риторики и прагматики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Центральной темой прагматики является пре-

суппозиция. По определениям, presupposition - это лингвистический элемент, встречающийся в речи, который относится к неявному предположению о мире. Высказываясь о том или ином предмете, говорящий осознанно или неосознанно, демонстрирует уже существующие знания об этом предмете. Любое высказывание допускает или предполагает некое суждение. В процессе коммуникации каждый человек опирается, прежде всего, на уже имеющийся у него опыт, когда соотносит высказывания с действительностью. Таким образом, «проблема presuppositions есть проблема внеречевых условий речевых актов... обеспечивающих правильное понимание... высказываний». [2]. Под разными пониманиями термина «presupposition» можно найти некий инвариант. Согласно Л. В. Лисоченко «presuppositions - это знания языковой действительности, особенностей языковой структуры и парадигматических отношений в системе языка, значимых при продуцировании, экспликации и понимании имплицитной информации» [3, с. 15]. Реципиент должен пройти через цепочку умозаключений, чтобы «извлечь» информацию, которая содержится в высказывании в неявном виде. Восприятие и понимание имплицитной информации происходит в процессе установления имплицитных отношений между эксплицитным, вербализованным смыслом и актуальными в данном коммуникативном акте presuppositions, через которые передается та информация, в которую реци-

пиент верит или должен поверить, по мнению адресанта [4]. В зависимости от аспекта рассмотрения, выделяют различные типы пресуппозиций. Известно определение таких типов пресуппозиций, как экзистенциальная, логическая, прагматическая, коммуникативная, синтагматическая, операциональная, лингвистическая. Среди пресуппозиций, участвующих в экспликации имплицитной семантики текста выделяют следующие виды: логическую, или операциональную, экзистенциальную (собственно экзистенциальную, прагматическую и коммуникативную) и языковую, которая в свою очередь делится на референциальную и семантическую [5].

Термин «логическая пресуппозиция» эквивалентен термину «операциональная пресуппозиция». Имплицитный смысл таких пресуппозиций может быть раскрыт, когда коммуниканты устанавливают логические связи между информацией, выраженной эксплицитно и их собственными знаниями и представлениями о мире. [6]

Высказывания с имплицитной семантикой характеризуются наличием имплицитных отношений между вербализованным сегментом мысли и коммуникативно-релевантными условиями речевого акта, среди которых – «фонд общих знаний» говорящего и слушающего, актуальных для данного речевого акта». [3, с.13]. Установление имплицитных отношений в языковом сознании коммуникантов относится к презумпции выражения и восприятия смысла высказывания. Некоторые лингвисты (Е.В. Падучева, М.Ю. Федосюк) употребляют термин «презумпция» вместо термина «операциональная пресуппозиция». «Презумпции составляют те компоненты содержания, которые автор текста считает не требующими доказательства и известными реципиенту, а также обладающими свойством сохранять свою истинность при отрицании» [2]. Таким образом, если мы рассматриваем высказывания, содержащие имплицитную семантику, логическая или операциональная пресуппозиция определяется как установление логической связи или имплицитных отношений, между эксплицитно выраженным смыслом высказывания и имплицитно присутствующим в сознании коммуникантов «фондом общих знаний», релевантных для данного процесса общения, или другими видами пресуппозиций. Термин «логическая пресуппозиция» эквивалентен термину «операциональная пресуппозиция».

Логическая пресуппозиция представлена такими операциями логического вывода, как «непосредственное и опосредованное умозаключение, простой категорический или условно-категорический силлогизм» [2]. Эти операции могут сопровождаться установлением отношений тождества, каузации. В силу особенностей языковой коммуникации одна из частей имплицитной модели может быть невербализованной в речевой цепи. При этом наблюдается имплицитность одного из суждений имплицитной модели, объединяющей глубинный и поверхностный уровни семантической структуры текста [7; с.48-59]. «Высказывание А предполагает высказывание В, если и только если А истинно либо ложно тогда и только тогда, когда В истинно». [8; с.225]. Это означает, что одно высказывание, независимо от того является ли оно истинным или ложным, признает существование другого при условии, что второе является истинным, в противном случае и первое высказывание может быть признано несуществующим.

We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people. Together we will determine the course of America and the world for many, many years to come. We will face challenges. We will confront hardships, but we will get the job done [9].

Мы, граждане Америки, сегодня объединены великим национальным порывом, перестроить нашу страну и восстановить мощь нашего народа. Вместе мы определим курс Америки и мира на многие, многие годы впе-

ред. нас ждет вызов. Мы столкнемся с трудностями, но мы справимся с этой задачей.

Оратор подразумевает, что его слушатели знают о том, что Америка когда-то была сильной, богатой и безопасной. Содержащиеся в предложениях глаголы *rebuild* и *restore* подразумевают, что Америка в настоящее время слаба, бедна и небезопасна и нуждается в восстановлении, а ее структурное и экономическое вырождение подается общеизвестным фактом. В основе высказывания лежит пресуппозиция о том, что нынешнее состояние Америки является результатом плохой работы его предшественников. В качестве логического продолжения своего выступления, Д. Трамп полагает, что изменения неизбежны.

America will start winning again. Winning like never before. We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams. [9].

Америка снова начнет побеждать, побеждать как никогда раньше. Мы вернем наши рабочие места. Мы вернем наши границы. Мы вернем наше богатство. И мы вернем наши мечты.

Изменения неизбежны. Президент не сомневается в том, что избиратели должны сделать такие же выводы, как и он сам, а пресуппозиции используются для формирования нужных идеологических позиций, оценок и представлений целевой аудитории.

С точки зрения характера экстралингвистических знаний известные типы пресуппозиций могут быть определены в несколько ином соотношении. Так, экзистенциальная пресуппозиция, согласно Дж. Личу, это знание об общем устройстве мира, о том, что может быть и чего не может быть в мире [11]. Экстралингвистические знания могут представлять собой как знания фактов реальной действительности вообще, так и знания ситуации общения и знания личности собеседника в частности [12]. Знания ситуации общения и знания личности собеседника могут быть выделены в отдельные области экстралингвистических знаний, существенных для факта порождения и восприятия смысла высказывания. И поскольку ситуация общения относится к прагматической, а личность собеседника - к собственно коммуникативной составляющей речевого акта, экзистенциальная пресуппозиция может быть:

- а) собственно экзистенциальной (знание и учет любых фактов реальной действительности, кроме ситуации общения и личности собеседника),
- б) прагматической (знание и учет ситуации общения),
- в) коммуникативной (знание и учет личности собеседника) [5].

Экзистенциальные пресуппозиции связаны, прежде всего, с именем собственным или с именем нарицательным и имеют конкретного референта [13].

With the help of Prime Minister Justin Trudeau, we have formed a Council with our neighbors in Canada to help ensure that women entrepreneurs have access to the networks, markets and capital they need to start a business and live out their financial dreams [10].

С помощью премьер-министра Джастина Трюдо мы сформировали Совет с нашими соседями в Канаде, чтобы помочь женщинам-предпринимателям получить доступ к сетям, рынкам и капиталу, которые необходимы им для того, чтобы начать бизнес и реализацию своих финансовых мечтаний.

Экзистенциальные пресуппозиции предполагают наличие факта, а также общих универсальных знаний об устройстве мира и действительности. В этом случае коммуниканты, будучи в имплицитных отношениях, способны эксплицировать имплицитный смысл высказывания, невербализованный в самом высказывании.

Семантическая структура текста, содержащего высказывание с имплицитной семантикой, представляет собой модель имплицитных отношений и состоит из

глубинного и поверхностного уровней. В ней экзистенциальная пресуппозиция в одной из трех разновидностей оформлена в виде суждения составной части имплицитной модели, имплицитно присутствующей в семантической структуре текста на её глубинном уровне, тогда как другая её часть вербализована в высказывании, т. е. находится на поверхностном уровне. В общем случае суждение - имплицитная часть имплицитной модели представляет собой общую посылку силлогизма, а высказывание - его вербализованную частную посылку. Вывод, который говорящий предоставляет сделать слушающему, в модели имплицитных отношений, или семантической структуре текста, занимает место заключения, или вывода, силлогизма и находится, как и общая посылка, на глубинном уровне [3]. Его информативное содержание и есть имплицитная информативная семантика, порождение, выражение и восприятие которой обусловлено экзистенциальной пресуппозицией в одной из её разновидностей. В таком случае речь идет о значении, которое не называется прямо, а подразумевается говорящим. Используя одни слова, говорящий вкладывает в них другой (скрытый) смысл, который должен быть понят слушателем.

We will stop the drugs from pouring into our country and poisoning our youth - and we will expand treatment for those who have become so badly addicted [10].

Мы остановим поток наркотиков в нашу страну и не допустим, чтобы они отравляли нашу молодежь; мы организуем лечение тем, кто стал настолько зависимым.

Истинное намерение говорящего заключается в том, чтобы донести факт существования проблемы в стране, но чтобы сделать это неявно, использован глагол *will stop* (остановим), а выявление скрытого, имплицитного смысла остается за слушателем.

Имплицитная в семантической структуре текста часть имплицитной модели, обуславливающей вывод имплицитной семантики, может представлять собой лингвистическую пресуппозицию. Лингвистическая пресуппозиция - это знания языковой действительности, знания особенностей языка, парадигматических отношений в его системе, знание значений графических и суперсегментных средств, которые могут быть использованы в целях формирования, выражения и восприятия имплицитной информации.

Таким образом, в модели имплицитных отношений, обуславливающей вывод имплицитного коммуникативного смысла высказывания, известные типы пресуппозиции - экзистенциальная, логическая, или операциональная, прагматическая, коммуникативная и лингвистическая - играют разные функциональные роли. Экзистенциальная, прагматическая, коммуникативная или лингвистическая пресуппозиции представляют собой составную часть модели имплицитных отношений, логическая же, или операциональная, пресуппозиция - это сама операция по установлению имплицитных отношений между суждением, в котором заключено содержание экзистенциальной, прагматической, коммуникативной или лингвистической пресуппозиции, и эксплицитной информативной семантикой высказывания. В роли экспликатора имплицитной имплицитной семантики выступает логическая, или операциональная, пресуппозиция в соединении с одним из видов экзистенциальной (собственно экзистенциальной, прагматической, коммуникативной) или лингвистической пресуппозиции.

We must protect our borders from the ravages of other countries making our products, stealing our companies and destroying our jobs [9].

Мы должны защитить наши границы от разрушительных действий других стран, производящих нашу продукцию, грабящих наши компании и разрушающих наши рабочие места.

В данном высказывании не упоминаются конкрет-

ные страны, которые представляют угрозу безопасности, но происходит выведение и понимание имплицитного смысла аудиторией. Таким образом, имплицитный пресуппозиционный смысл актуализуется в языковом сознании коммуникантов с целью вывода имплицитного коммуникативного смысла.

Актуализации имплицитного пресуппозиционного смысла способствуют коммуникативно-релевантные условия употребления высказывания, содержащиеся в структуре коммуникативного акта и находящие выражение в окружающем высказывание тексте, или шире - дискурсе. Поэтому функционирование высказываний с имплицитной семантикой возможно только в тексте, или дискурсе. Коммуникативно релевантные условия употребления высказывания, как свидетельствующие об имплицитном пресуппозиционном смысле в его семантической структуре, так и обуславливающие вывод имплицитного коммуникативного смысла, могут содержать либо в вербализованной части коммуникативного акта, т. е. тексте, либо в его невербализованной части, составляя принадлежность дискурса, т. е. окружения высказывания в целом. Имплицитная семантика высказывания в составе текста конституируется разными видами отношений между составными частями дискурса, ведущими из которых являются имплицитные отношения. Анализ взаимоотношенности высказывания и текста с точки зрения конституирования имплицитной имплицитной семантики высказывания в структуре текста вносит дополнения в набор признаков единиц коммуникативного синтаксиса.

ВЫВОДЫ

В ходе работы были рассмотрены пресуппозиции различных типов (экзистенциальная, логическая, прагматическая, коммуникативная), участвующие в экспликации имплицитной семантики текста, рассмотрена модель имплицитных отношений, которая служит основой для определения языкового поведения политика. Таким образом, мы пришли к выводу, что пресуппозиции, используемые в политическом дискурсе носят, прежде всего, манипулятивный характер и усиливают имплицитность высказываний.

Результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейшей научной работе при рассмотрении вопросов, связанных с коммуникативным содержанием высказываний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Курс общей лингвистики/Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.— 432 с.
2. Жарина О. А. Сущность терминов «пресуппозиция» и «результиция» в современной когнитивной лингвистике// Балтийский гуманитарный журнал. 2017 Т.6. №4(21). С70-72.
3. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой. Ростов-на Дону: Из-во Ростовского ун-та, 1992.
4. Бутакова А. Д. Семантические парадоксы в условиях языковой игры (на материале периодики): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Волгоград 2014
5. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР.] Сер. лит. и яз. 1973. Т.32. №1.
6. Борисова Е. Г. Имплицитная информация в лексике / Е. Г. Борисова // Имплицитная информация в языке и речи. — М. : Языки русской культуры, 1999 — С. 30–42.
7. Панина Н. А. Имплицитность языкового выражения и её типы // Значение и смысл речевых образований. Калинин: КГУ, 1979. С. 48–59.
8. Чернокутлов Ю.Ю. Контекст и логические теории пресуппозиции. <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/viewFile/135/136.pdf>
9. <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-president-donald-trumps-inauguration-speech/story?id=44915821> дата обращения 19.09.19
10. <https://edition.cnn.com/2017/02/28/politics/donald-trump-speech-transcript-full-text> дата обращения 19.09.19
11. Leech G. A Linguistic Guide to English Poetry. L., 1972P. 175)
12. Егорченкова Н.Б. Имплицитные отношения в вопросо-ответной системе с дизъюнктивным вопросом. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2011 № 1 (13)
13. Елькин В.В., Мельникова Е.Н. К вопросу о лексикосемантических средствах лингвокреативного арсенала фэшн-блогера. Казанский лингвистический журнал. 2019; 2 (1): 32–49.

-
14. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М.: Наука, 1986. 180 с.
15. Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно – функциональный анализ. Ростов-наДону: АПСН, 2003. 180 с.
16. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии (Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. - М., 2002. - С.32-43) <http://philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm> дата обращения 19.09.19
17. Кривонос А. Т. Язык, Логика, Мышление. Умозаключение в естественном языке. М. – Нью-Йорк: МГЛУ, 1996. 682 с.
18. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.-280 с.
19. Dijk T.A. *Discourse and Power*. New York: Palgrave Macmillan, 2008., 308p. режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/781720/>
20. Rosch E. *Cognitive representations of semantic categories*. *Journal of Experimental Psychology*, 1975.

Статья поступила в редакцию 01.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.111:81'42

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0040

**О ГЕНДЕРНОМ СВОЕОБРАЗИИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «УДИВЛЕНИЕ»
В СОВРЕМЕННОМ МУЖСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

© 2020

AuthorID: 401914

SPIN: 3474-3640

ResearcherID: V-4350-2017

ORCID: 0000-0002-3228-4277

ScopusID: 57193909061

Дзюбенко Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: dzyubenkoanna@gmail.com)

AuthorID: 629324

SPIN: 7273-3763

Белик Наталья Александровна, старший преподаватель кафедры теории языка и русского языка

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: natalya-belik@yandex.ru)

Аннотация. Феномен удивления представляет собой тот вектор, который определяет объект познания, порождая изумление у мыслителя и толкая его на начало расширения границ постижения мира. Эмоциональное состояние удивления рассматривается как специфическая характеристика человека. Сталкиваясь со странным, человек задается вопросом о его источнике и с какой целью можно его использовать. Авторы описывают традицию интерпретации феномена «удивления» в диахронической плоскости философского знания, в психологии и когнитивной лингвистике. Предлагаемый в данной работе подход к анализу дискурсивных реализаций концепта «удивление» в современном англоязычном художественном дискурсе предполагает интерпретацию феномена художественного дискурса как комплексного явления, образованного коммуникантами, речевой ситуацией и самим текстом, объединенными стратегиями понимания. Авторы анализируют спектр средств фонетического и лексического уровней английского языка, объективирующих описываемый концепт, в аспекте стилистического своеобразия и прагматических особенностей оригинального художественного англоязычного дискурса, маркированного с точки зрения гендерной принадлежности авторов дискурса.

Ключевые слова: концепт, художественный дискурс, вербализация, объективация, дуративность, репрезентация, отрицательная коннотация

**ON GENDER PECULIARITIES OF CONCEPT “SURPRISE” OBJECTIVIZATION
IN MODERN ENGLISH MALE FICTIONAL DISCOURSE**

© 2020

Dzyubenko Anna Igorevna, Ph.D in Linguistics, Assistant Professor, Intercultural Communication and Methodology of Foreign Languages Teaching Department

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: dzyubenkoanna@gmail.com)

Belik Natalya Aleksandrovna, Senior Lecturer, Department of Theory of Language and Russian language

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: natalya-belik@yandex.ru)

Abstract. The phenomenon of surprise is the vector that defines the object of cognition, causing amazement in the meditating individual and provoking in him the desire to expand the boundaries of cognition of the world. The emotional state of surprise is considered as a specific characteristic of a person. Encountering the unknown or strange, a person wonders about its source and the purpose it can be used for. The authors of the article describe the tradition of interpreting the phenomenon of “surprise” in the diachronic plane of philosophical knowledge, in psychology and cognitive linguistics. The approach proposed in this paper to the analysis of discourse realizations of the concept of “surprise” in contemporary English fictional discourse involves the interpretation of the latter as a complex phenomenon formed by communicants, the speech situation, and the text itself, united by comprehension strategies. The authors analyze the range of phonetic and lexical means of the English language, objectifying the described concept, in terms of the stylistic originality and pragmatic features of the original fictional discourse, marked from the point of view gender characteristics of the discourse authors.

Keywords: concept, fictional discourse, verbalization, objectivization, durative characteristics, representation, negative connotation

ВВЕДЕНИЕ

Мыслители утверждают, что философия возникла на основании человеческого удивления. Это действие, покоящееся в основе философии как науки, и представляет собой страсть, определяющую философию, в связи с этим философы трактуют удивление как способ познания бытия. Первой ступенью в расширении понимания границ удивления и его порождающих факторов является освобождение сознания и попытка охватить объекты как одно целое, не отрицая предметы удивления. Подобным образом мыслитель овладевает интуитивным способом познания сущего на уровне смыслов [1, с. 131-132]. Вопросы философии удивления восходят к учениям Аристотеля и Платона. Аристотель при-

нимает во внимание тот факт, что именно удивление подталкивает философов к мышлению. Сталкиваясь с необычным, они делают догадки о зарождении сущего. Для Аристотеля термин «философия» синонимичен сосредоточению, которое порождает как опытно-научный, так и философский интерес. Стимул к исследованию лежит в основании удивления. Но как только мыслитель познал объект, удивление нивелируется, так как объект более не интересен [2, с. 74-80]. Платон также подчеркивает связь философии и удивления, четко различая научный и философский интерес. Его волнует человеческая сущность. Постигая людей, философ приближается к познанию себя как «истинное сущее». Платон не согласен с определением удивления Аристотеля, как

мотивацией к познанию, которая потом проходит. Он представляет его себе как ресурс к философствованию, доступный любому мыслителю, его страсть к познанию.

Удивление вызывает не тот предмет, который уже является необычным, а тот, который уже осознан в человеческом сознании и тем самым вызывает потрясение в душе от того, что философ осознал то, что послужило причиной удивления. Платон, как и Аристотель, отводил большую роль наблюдению, так как это позволяет увидеть и постичь объект удивления. Так, удивление лежит в основании философии, и только истинный мыслитель владеет умением быть всегда в ожидании неожиданности. Философы Нового времени вкладывают новый смысл в интерпретацию удивления. Ф. Бэкон утверждает, что все, что вызывает удивление, может быть объяснено с точки зрения науки. Главная задача философа – искоренить все неизведанное и неожиданное.

Мнение Ф. Бэкона резко противоречит Платону. Он считает, что только псевдофилософы могут находить удивление, как источник науки, и наоборот, истинный философ рожден, чтобы разгадать все загадки природы, используя свои знания. Таким образом, сама цель философии заключается в знаниях, которые нужно использовать для своего благосостояния. Кроме того, Ф. Бэкон трактует способность к удивлению как знак безграмотности и иллюзорности восприятия пространства. Более радикальной можно считать точку зрения Т. Гоббса, отрицающего возможность познания первопричины существа. По его мнению, это лишено смысла, так как только те предметы, которые в данный момент доступны для исследования, достойны познания, только наука и ее точные вычисления могут содействовать познанию [2, с. 79-85].

Интересен подход к этому вопросу Р. Декарта, частично соглашающегося с философами Нового времени и считающего, что только невежественным людям подвластно удивление. Но, с другой стороны, он выделяет Бога, как единственный предмет удивления, так как Он не может быть познан. Отсюда следует, что Декарт сравнивает удивление с чудом, неким непознаваемым феноменом. Необходимо разделять божественное чудо, которое философ не отрицает, и то, что может быть прояснено научными методами, не являющееся чудом. Чудо не может быть познано, оно выводится за возможности математических расчетов человека. Р. Декарт проводит параллель между удивлением и воображением. Воображение напрямую связано с чувственными восприятиями человека и мыслью. Когда мысль обращена внутрь человека, она как будто создает еще одно тело, созданное воображением и подкрепленное чувствами. Удивление же – это одна из душевных страстей, возникающих на стыке воздействий извне и душевным состоянием человека. Душевное состояние зависит от способности управлять человеческой волей, чтобы руководить страстями. Исходной страстью считается удивление. Оно первое охватывает нас при столкновении с неожиданным или неизвестным. Таким образом, удивление предшествует познанию. Удивление – это единственная страсть, которая не имеет пары, т.к. предмет, не вызывающий удивления, просто не будет привлекать человеческого внимания [3 с. 47-50]. В психологии удивление определяют как одну из базовых эмоций. О нем судят как о состоянии души, в котором находится человек, когда встречается с непривычным и загадочным. Эмоциональному состоянию «удивление» сопутствуют разнообразные впечатления как позитивные, так и негативные. Из чего следует, что эмоция «удивление» биполярна, так как может представлять собой и положительные, и отрицательные эмоции. Состояние удивления обладает значительным рядом характеристик: временной локализованностью, дурачивостью, фазовостью, квантифицируемостью и изменчивостью [4, с. 95-97].

МЕТОДОЛОГИЯ

Эмоциональное состояние удивления рассматри-

вается как специфическая характеристика человека. Сталкиваясь со странным, человек задается вопросом о его источнике и с какой целью можно его использовать. Психологи утверждают, что мужчины и женщины по-разному выражают удивление. Мужчины предпочитают удивляться через фонацию и пантомиму, а женщины – с помощью мимики и респирации. Так как женщины используют восклицания в соотношении 70% к 30%, то они считаются эмоциональнее мужчин. Таким образом, моделирование удивления считается одним из многообещающих течений в исследовании человеческих эмоций, их понимании, обработке и выражении человеком [5, с. 17-19]. Наиболее эффективным представляется изучение удивления с точки зрения его образования, проявления и воспроизведения в системе знаний и языковых средств различных уровней, что является одной из задач когнитивной лингвистики. Источник понимания удивления лежит в самом языке, в том, как сам индивид понимает и описывает его. Таким образом, язык сам называет разные оттенки удивления, группирует их в кластеры, вырабатывает способы описания несуществующего удивления для управления или создания нужной ситуации. Кроме того, не только определенные условия могут вызвать удивление, но и само удивление может привести к особой ситуации [6, с. 17-23; 7, с. 202-204].

Когнитивная лингвистика обращает повышенное внимание на соотношение репрезентации удивления и источника его возникновения с позиций гендерного подхода. Определенно, что существуют различия в вербализации и презентации удивления на вербальном и невербальном уровнях у обоих полов. Гендерный аспект способствует формированию определенных когнитивных сценариев, соотношенных с оттенками удивления. Из этого можно сделать вывод о том, что в основе удивления лежит не только реакция на внешний референт, но также гендерный признак и личный эмоциональный опыт индивидуума. К личному опыту могут относиться как способность четко разграничивать позитивный и негативный характер удивления, так и его сумбурность и нечеткость, а также восприятие эмоций партнера в диалоге [6, с. 60-61]. Так как удивление связано с неожиданным или странным действием или явлением, то можно заключить, что оно образовывается на стадии оценивания ситуации. В самом деле, индивидуум испытывает удивление, когда исходные данные о предмете не соответствуют новым данным, в этом случае индивидуум не может оценить событие с точки зрения своего опыта. Следует помнить, что на этой стадии удивление не может быть ни позитивным, ни негативным. И только когда индивидуум интерпретирует поступившую информацию, он испытывает к ней либо положительные, либо отрицательные эмоции [8, с. 46-47].

Вербальные способы выражения удивления традиционно разделяют на три группы. В первой группе удивление представлено нейтрально, так как ему не сопутствуют другие эмоции. В этом случае удивление вербализуется с помощью специальных вопросов, уточнений, описанием характера поведения говорящего и слушающего (What?, Who?, Really?, Seriously?, she exclaimed in amazement). В рамках второй группы удивление обладает либо положительной, либо с отрицательной коннотацией. Кроме того, эмоции могут быть представлены в комплексе, чему сопутствуют восклицательные предложения и междометия. В третьей группе показателем удивления выступают сопутствующие ему указатели – прилагательные или наречия для описания оттенка эмоции (complete surprise). При вербализации удивления авторы не ограничиваются описанием воздействия этой эмоции только на тело, задействовано также и на сознание героя в художественных текстах. Несмотря на это, невербальные описания удивления схожи, т.к. в своем основании имеют поведенческий и физиологический аспекты. Таким образом, большинство людей, испытывая удивления, находятся в состоянии потерянности, как

будто находясь под напряжением, мышцы цепенеют. Поэтому удивление описывается такими выражениями, как сперло дыхание, выпучить глаза, разинуть рот, обалдеть, быть в ступоре (*to catch one's breath, to pop eyes out, to drop one's jaw, to knock smb off one's pins, to lose one's wits*) [9, с. 328-329].

Предлагаемый в данной работе подход к анализу дискурсивных реализаций концепта «удивление» в современном англоязычном художественном дискурсе предполагает интерпретацию феномена художественного дискурса как комплексного явления, образованного коммуникантами, речевой ситуацией и самим текстом, объединенными стратегиями понимания. Но основой художественного дискурса являются участники коммуникации (писатель и читатели), так как именно они создают текст. Автор выражает в дискурсе отличительные черты своей языковой личности и сознания через прозу. Здесь понятие художественного дискурса обширнее понятия текста, так как является не просто цепочкой лингвистических знаков, собранных с систему, но отражением языкового сознания [10, с. 164-165]. В целом художественный дискурс воспринимается в двух направлениях: 1. как художественный текст в сознании читателя, образованный произведением автора; 2. как вид текста, содержащий такие характеристики как: эстетическая форма; глубинный смысл или интенция автора; указания на различные интерпретации; ряд языковых знаков, свойственных данному автору; восприятие автором собственных идей; посыл к пониманию языкового сознания читателя; выражение воображаемой реальности [11, с. 8-11].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Фонетические средства высокочастотны при актуализации удивления в проанализированных нами художественных дискурсах Dan Brown, Jeffrey Archer. В целом, фонетические средства можно разделить на графически обозначенные в тексте и фонетические обозначения. Графические средства представляют собой выделение интонацией слова, фразы или целого предложения посредством курсива, полужирного начертания, изменения шрифта или подчеркиванием для выделения объекта удивления [12, с. 137].

"Ms. Ashe?" The voice came from behind a cloud of cigarette smoke. "Welcome." As Gabrielle's eyes accustomed to the dark, she began to make out an unsettlingly familiar face, and her muscles went taut with surprise. THIS is who has been sending me e-mail? "Thank you for coming," Marjorie Tench said, her voice cold [13, p. 188]. Увеличение шрифта указывает не только на удивление, но и неверие в увиденное. Это рождает временный внутренний конфликт, противоречащий ожиданиям. Он приводит к замешательству, пока события не будут оценены сознанием.

Sexton looked through the glass and almost fell over. Staring back at him, through the smoky haze of her cigarette, was the ugliest face in politics. "Marjorie Tench?" Gabrielle blurted. "What the hell is she doing here?" Sexton had no idea, but whatever the reason, her presence here was fantastic news—a clear sign that the President was in desperation mode. Why else would he send his senior adviser to the front lines? [13, p. 101-102]. Курсив (*she*) в сочетании с устойчивым выражением (*what the hell*) несет в себе сложный состав удивления. С одной стороны, фразеологическое выражение представляет собой раздражение. С другой стороны, выделение курсивом, как и изменение шрифта, отображает недоверие и недоумение. Габриель даже представить не могла, что увидит Марджори.

Rachel's mind had already tuned Corky out. The classification of the species was totally irrelevant. The puzzle pieces now came crashing into place—the President's secrecy, the NASA excitement... There is a fossil in this meteorite! Not just a speck of bacteria or microbes, but an advanced life-form! Proof of life elsewhere in the universe! [13, p. 118]. В

комплексе с восклицательными предложениями курсив может передавать крайнюю степень удивления, изумления и ошеломления. Количество таких предложений только усиливает степень удивления, представляя ее в градации.

Что касается междометий, то они сложны по своей семантике.

Значение междометий раскрывает полярность удивления. При произнесении междометия говорящим у слушающего возникает ряд фреймов для введения коммуникации. Чем точнее оформлено высказывание с междометием, тем меньше фреймов возникнет. Поэтому стоит иметь в виду, что для определения удивления в основе междометия важен контекст [14, с. 92]. *"Yes, I appreciate that is the custom," said Sir Hamish now talking to the minister's back, "but if I am to part with ten per cent of the government's money I must be convinced that such a decision meets with your personal approval." Sir Hamish thought he had worded that rather well. "Um," said the Secretary of State, measuring his words, "Victor Perez is a good man and has always been loyal to the Mexican cause. Perhaps he leaves an unfortunate impression sometimes, not out of what you would call the 'top drawer', Sir Hamish, but then we have no class barriers in Mexico" [15, p. 211].* Простое междометие *um* указывает на легкую степень удивления. Оно заполняет речь, предоставляя говорящему осознать происходящее и подобрать слова или выбрать манеру поведения.

She might have gone away, decided to stay with a friend—a boyfriend. Would Tom's parents mind if he asked to use their phone the moment he arrived? "Oh, my God," said Nat as his father swung his car into a long drive and drove past a paddock full of horses. Nat's father would have chastised him for blaspheming, but was somewhat taken aback himself. The driveway must have stretched for over a mile before they turned into a gravel courtyard to be greeted by the most magnificent white pillared colonial home surrounded by evergreens. "Oh, my God," said Nat a second time [16, p. 54-55]. Как видно из отрывка *oh, my God* проявляется как отзыв на внешний импульс. Оно иллюстрирует внутренние переживания Нэта в момент понимания, в какой местности он находится. *She had heard the panspermia theory before but didn't know its name. "The theory that a meteorite splashed into the primordial soup, bringing the first seeds of microbial life to earth." "Bingo," Corky said. "Where they percolated and sprang to life." "And if that's true," Rachel said, "then the underlying ancestry of earth's life-forms and extraterrestrial life-forms would be identical" [13, p. 130].* *Bingo* представляется крайне важным с семантической точки зрения междометием. С одной стороны, оно несет в себе осознание информации и удовлетворение от осознания. С другой стороны, оно ведет к эмоциональному подъему [17, с. 77].

В данном примере междометие представляет собой удовлетворение и понижение эмоционального фона. *Corky Marlinson materialized beside her. "Looking for Mike?" Rachel startled. "Well... no... sort of." Corky shook his head in disgust [13, p. 180].* *Well* относится к междометиям, выражающих мнение. Сталкиваясь с необычной информацией, индивид оценивает информацию, формируя собственное мнение.

Средства фонетического уровня передают крайнее удивление, зачастую сопровождаемое замешательством. По частотности употребления чаще всего используется графическое изменение шрифта посредством курсива, реже употребляются междометия с четко оформленным фреймом, не ведущим к амбивалентности значения, крайне редко для репрезентации удивления мужчины-авторы применяют графические выделения, увеличивая шрифт.

Среди узуально возможных лексических средств, актуализирующих удивление в английском языке, встречаются такие лединицы как *to flummox, to startle,*

to amaze, to perplex, to stun, to astonish, to take smb aback, to astound, to flabbergast, to spring, to puzzle, to marvel, to shell-shock, to baffle, to gobsmack, to daze, to shock, to poleaxe, to scandalize, to affront, to strike, to impress, to bewilder, to entrance, to stupefy, to nonplus, to dumbfound, to bemuse и их частеречные производные.

В художественном дискурсе мужчин-авторов ядро лексического поля «удивление» составляет *surprise*, *to surprise*, *surprising* у *surprisingly*, ближнюю периферию составляет *to amaze*, *to puzzle*, *to impress* и *to bewilder*. При этом *amaze* и *impress* обладают положительной коннотацией, а *puzzle* и *bewilder* отрицательной.

В формах *to amaze* и *amazement* отражается удивление высокой степени, но в форме прилагательного *amazing* наблюдается оттенок восхищения – *very surprising*, especially in a way that makes you feel pleasure or admiration [18, p. 44]. Форма *impress* выражают меньше удивления, но больше восхищения [18, p. 782]. Например: *He remained on ninety-nine for twelve minutes, when Robin Oakley the Cambridge captain took the new ball and brought his ace speed man back into the attack. Then there occurred one of the most amazing incidents I have ever witnessed in a cricket match. Robin Oakley set an attacking field for the new ball - three slips, a gully, cover point, mid off, mid on, mid wicket and a short square leg, a truly vicious circle. He then tossed the ball to Potter who knew this would be his last chance to capture the Oxford captain's wicket and save the match; once he had scored the century he would surely knock off the rest of the runs in a matter of minutes* [19, p. 143-144]. Как можно предположить, ситуация, описанная в примере, несет в себе крайнюю степень удивления. Чтобы подтвердить эту мысль, необходимо обратить внимание на видовременную форму Present Perfect глагола и наречие частотности, сопровождающее удивление: *I have ever witnessed*.

"This is the Senate Chamber," said Annie as they looked down from the gallery onto a semicircle of blue leather chairs. "It's very impressive," said Fletcher. "Daddy says you'll end up here one day, or perhaps go even further." Fletcher didn't reply, because he had no idea what exams you had to pass to become a politician. "I heard him tell my mother he'd never met a more brilliant boy" [16, p. 63]. Как видно из диалога Флетчера и Энни, Флетчер вполне ожидал оказаться в обстановке, описанной в отрывке, которая все равно оказала на него большое впечатление.

Bewilder и *puzzle* достаточно близки в своей семантике, так как выражают смущение или замешательство, вызванное непониманием [18, p. 132, p. 1238]: *"Sure. Ten-mile radius." "Turn it on, please." Looking puzzled, the pilot threw a couple of switches and the radar screen lit up. The sweep arm spun lazy circles. "Anything?" Rachel asked* [13, p. 453]. Дальнюю периферию лексического поля «удивление» составляют следующие единицы: *startle*, *perplex*, *astonish*, *take smb aback*, *marvel*, *astound*, *baffle*, *daze*, *shock*, *dumbfound*, *affront*, *spring*, *bemuse* и *stun*. По полярности их можно разделить на отрицательные: *startle*, *perplex*, *astound*, *baffle*, *daze*, *shock*, *dumbfound*, *affront*, *bemuse*, *take smb aback*; положительные: *stun*, *astonish* и *marvel*; и нейтральные: *spring*. Невозможно определить соотношенность *spring* с одной из групп, потому что данная лексическая единица обозначает неожиданный приход идеи, отношение к которой формируется индивидуально: *"I also eat lightly at lunch," I said mendaciously. "The chefs salad will be quite enough for me." The waiter was obviously affronted but left peaceably. She chatted of Coppola and Preminger, of Al Pacino and Robert Redford, and of Greta Garbo as if she saw her all the time. She was kind enough to stop for a moment and ask what I was working on at present* [20, p. 28-29].

ВЫВОДЫ

Следует заметить, что из узуально возможных лексем почти треть не была использована авторами-мужчинами: *flummoх*, *flabbergast*, *shell-shock*, *gobsmack*,

poleaxe, *scandalize*, *strike*, *entrance*, *stupefy* и *nonplus*. Предполагаем, что в связи с высокой экспрессивностью данных лексем действующие герои дискурса – мужчины – сдержаны в выражении своих эмоций и нередко впадают в замешательство, когда сталкиваются с неожиданным, что побуждает их скрывать истинную высокую степень удивления.

Итак, исследовав примеры современного англоязычного художественного дискурса, созданного мужчинами-авторами – Dan Brown, Jeffrey Archer – в аспекте актуализации концепта «удивление», мы пришли к следующим выводам. Систему фонетических средств актуализации описываемого концепта в данном виде дискурса составляет достаточно широкий спектр средств фонетического уровня, среди которых: разнообразное изменение шрифта для графического акцентирования правильного интонационного ударения, собственно фонетические стилистические средства, среди которых наиболее часто употребляются междометия *oh*, *ah*, *wow*, *well*, *um*, реже используются различные начертания и полужирный текст, крайне редко интродуцируются междометия *bingo*, *hmrrmm*, *oops*, графоны, а также подчеркивание текста. Ядро представлено *surprise*, ближняя периферия у мужчин-авторов выражается с помощью *amaze*, *puzzle*, *impress* и *bewilder*. Дальнюю периферию составляют *startle*, *perplex*, *astonish*, *take smb aback*, *marvel*, *astound*, *baffle*, *daze*, *shock*, *dumbfound*, *affront*, *spring*, *bemuse* и *stun*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карнаухова М.А. Удивление, вопрошание и освобождение от естественных установок как элементы философствования // Теория и практика общественного развития, # 2, 2007. – С. 131-134.
2. Касавин И.Т. Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., Россия: РХГИ, 1999. – 402 с.
3. Романенко Ю.М. Методическое сомнение и методическое удивление в философии Р. Декарта // Мысль: Журнал Петербургского философского общества, #1, Т. 2., 1998. – С. 47-68.
4. Синельникова И.И. *Noto admirans* – «человек удивляющийся» во фразеологическом пространстве французского языка // Вестник РУДН, сер. Лингвистика, #1, 2008. – С. 94-101.
5. Балдынова А.А. Модель становления и развития удивления // Вестник БГУ, #11, 2012. – С. 16-21.
6. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград, Россия: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.
7. Дорофеева Н.В. Удивление / Антология концептов. Москва, Россия: Гнозис, 2007. – 512 с.
8. Лепеньшева А.А. К вопросу о роли эмоции «удивление» в когнитивно-информационной деятельности человека (на примере художественных текстов) // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология, #1, 2011. – С. 45-51.
9. Будянская О.О. Удивление: когнитивная модель эмоции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, #45, Т. 19, 2007. – С. 328-331.
10. Ользьяко Н.М. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник ЧелГУ, #33, 2011. – С. 164-166.
11. Мельничук О.А., Андросова Ф.С., Еливанова А.М. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии: монография. Якутск, Россия: Издательский дом СВФУ, 2013. – 195 с.
12. Соболев Е.Ю. Языковые средства репрезентации эмоции удивления в английском художественном тексте // Вестник МГОУ, сер. Лингвистика, #3, 2011. – С. 135-142.
13. Brown D. *Deception Point*. London, UK: Corgi Books, 2005. – 585 p.
14. Прудникова А.В. Междометие как объект лингвистического описания // Вестник САФУ, сер. Гуманитарные и социальные науки, #5, 2011. – С. 91-95.
15. Archer J. *A Matter of Principle / A Quiver Full of Arrows*. London, UK: Pan Books, 2003. – 267 p.
16. Archer J. *Sons of Fortune*. London, UK: Pan Books, 2003. – 597 p.
17. Шаронов И.А. Когнитивные междометия: проблемы выявления и описания // Русский язык в научном просвещении, #2(16), 2008. – С. 71-88.
18. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 8th ed. Hornby A.S. Oxford, UK: Oxford University Press, 2010.
19. Archer J. *The Century / A Quiver Full of Arrows*, 143-144 / *A Quiver Full of Arrows*. London, UK: Pan Books, 2003. – 267 p.
20. Archer J. *The Luncheon / A Quiver Full of Arrows*, 28-29 / *A Quiver Full of Arrows*. London, UK: Pan Books, 2003. – 267 p.

Статья поступила в редакцию 05.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.11-112

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0041

**ОСОБЕННОСТИ ЭКФРАСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ЖИВОПИСНОГО ПОЛОТНА
У. ТЁРНЕРА “SNOW STORM: HANNIBAL AND HIS ARMY CROSSING THE ALPS”
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МОНОГРАФИЙ)**

© 2020

SPIN-код: 9286-7829

AuthorID: 911789

Бельмесова Мария Олеговна, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков

SPIN-код: 7593-3536

AuthorID: 556335

Турецкова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков

*Оренбургский государственный педагогический университет
(460014, Россия, Оренбург, улица Советская, 19, e-mail: swabra@rambler.ru)*

Аннотация. В работе перечислены основные характеристики монографий об английских художниках, выявлены общие и различные микротемы и особенности их вербального описания в рамках одного и того же экстралингвистического искусствоведческого материала, определены ключевые особенности вербального искусствоведческого дискурса (гипертекстуальность, интертекстуальность, эмоциональная окрашенность лексем, наличие специализированной лексики). В качестве объектов исследования в монографиях об английских художниках выступают личность художника и живопись как предмет творчества. Помимо этих двух компонентов выявлена субъективная составляющая монографического описания, которая реализуется через субъективно-оценочное отношение автора монографии к предмету описания. Авторы монографий используют различные стилистические приемы с целью компенсации смысловых потерь при вербальной перекодировке живописного полотна как элемента иконической знаковой системы и усиления иллюкутивного эффекта. Самыми частотными стилистическими приемами являются эпитеты и метафоры. В ходе исследования установлено, что искусствовед выбирает преимущественно значимые моменты на полотне и перекодирует визуальную информацию в вербальную. Во избежание смысловых потерь при перекодировке автор использует фасцинацию. К фасцинирующим элементам мы отнесли: использование стилистических приемов, выделение курсивом, вкрапление репродукций описываемых полотен.

Ключевые слова: монографии об английских художниках, стилистический приём, искусствоведческий дискурс, экфрасис, гипертекстуальность, интертекстуальность, фасцинация, иллюкутивный эффект, компенсаторика, верификация

**PECULIARITIES OF VERBAL DESCRIPTIONS OF THE PAINTING “SNOW STORM:
HANNIBAL AND HIS ARMY CROSSING THE ALPS” BY J.M.W. TURNER
(THE RESEARCH IS BASED ON THE RESULTS OF TEXTUAL
ANALYSIS OF MONOGRAPHS)**

© 2020

Belmesova Maria Olegovna, Candidate of Philological Sciences,
Senior Lecturer of Foreign languages Department

Turetskova Irina Valeryevna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Foreign languages Department

*Orenburg State Pedagogical University
(460014, Russia, Orenburg, Sovetskaya Street, 19, e-mail: swabra@rambler.ru)*

Abstract. The research work deals with the basic characteristics of the monographs about English painters, we point out common and different sub-topics and peculiarities of the verbal description of one and the same painting, we define the main features of the verbal art discourse (hypertextuality, intertextuality, emotional colouring of the word-units, a special set of lexemes). We distinguish the personality of the artist and painting as a kind of art as research objects of the monographs about English artists. In addition to these two components, a subjective component of the monographic description is revealed, it is carried out through the subjective-evaluative relation of the author of the monograph to the subject matter of the description. The authors of the monographs use various stylistic devices in order to compensate the sense losses in the verbal description of the painting which is an element of the iconic sign system and to enhance the illocutive effect. The most frequent stylistic devices are epithets and metaphors. The study results prove that the author of the monograph selects key points of the painting and encodes visual information into verbal one. In order to avoid sense losses during encoding, the author uses fascination. We refer to the fascinating elements: stylistic devices, italics, the insertion of reproductions of the described pictures.

Keywords: monographs about English painters, stylistic device, art discourse, ekphrasis, hypertextuality, intertextuality, fascination, illocutive effect, elements of compensation of sense losses, verification

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Осознание видов и произведений искусства служит критерием уровня развития личности, образованности и принадлежности данной личности к тому или иному обществу. Это предопределяет многоаспектность и вариативность семантических и прагматических свойств данной сферы жизни, а в частности живописи. Комплексный анализ вербальных описаний живописных полотен недостаточно представлен в лингвистической литературе. Изучение особенностей отражения живописи в языковом сознании носителей английской лингвокультуры поможет расширить картину ценностей англоговорящего языкового сообщества и будет способствовать успешной ком-

муникации с его членами.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Исследованием специфики поликодового искусствоведческого дискурса занималась А.П. Миньяр-Белоручева. Представляя искусствоведческий дискурс как опосредованную коммуникативную систему людей, разделенных веками, связующим звеном автор называет искусствоведа [1, с. 18]. При этом вербальные тексты без иллюстративного материала сохраняют свою информативность, но лишаются глубины восприятия. Живописный экфрасис, его особенности в литературе и классификация видов экфра-

сиса представлены в работах Коваль О.В., Михайловой М.Ю., Карпухиной Т.П. [2, 3, 4]. Авторы приходят к выводу о том, что искусствоведческий дискурс представляет собой специфическое языковое пространство, для которого характерна особая ситуация общения и набор лексики на определённую тематику. Лингвистический анализ составных частей искусствоведческого дискурса позволяет изучить динамику и статику образа национальной культуры, а также – его аксиологический компонент.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель анализа исследуемого материала заключается в выявлении общих и различных микротем и особенностей их описания в рамках одного и того же экстралингвистического искусствоведческого дискурса. В качестве задания выступает многоаспектный анализ вербального описания живописного полотна У. Тёрнера “Snow Storm: Hannibal and his Army Crossing the Alps”.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных результатов. Приступая к исследованию монографий об английских художниках, представляется целесообразным дать понятие термину «монография». Обратимся к стилистическому энциклопедическому словарю русского языка под редакцией Кожиной М.Н. «Монография - научный труд, посвященный многоаспектному рассмотрению и решению одной актуальной проблемы, обладающий новизной теоретического или эмпирического содержания, единством научного подхода, смысловой завершенностью, сложной композиционной структурой [5, с. 59]». Свообразие композиционной структуры монографий об английских художниках заключается в присутствии множества гиперссылок и невербальных приемов, таких как вкрапление репродукций в описание картин. В основном искусствовед не очерчивает круг проблем во введении монографии, однако не составляет труда понять, каких целей и задач стремится достичь автор в своем труде. Как правило, составитель монографии преследует две основные задачи – исследовать и представить жизненный путь художника, изучить его творчество. Искусствовед не формулирует проблему, не выдвигает теорий, что является обязательными составляющими научного труда, однако в монографиях присутствует научная терминология. Для того чтобы достичь адекватности восприятия и избежать недопонимания читателей, автор монографии использует ссылки и сноски при объяснении некоторых понятий из области живописи, точнее английской живописи. Как правило, в монографиях об английских живописцах нет явных гипотез и предположений автора. Позиция автора не так прозрачна и ясна читателю, как это бывает в произведениях другой жанровой стилистики. Монографии об английских художниках содержат два объекта исследования: 1 – это личность художника (его жизненный путь, становление его творчества) и 2 – живопись как предмет творчества (рассматривается как отражение личностных и профессиональных характеристик живописца). Эти составляющие являются объектами научного исследования. При этом центральным объектом служит картина, живописец, в свою очередь, выступает в качестве представителя субъективного начала.

Таким образом, несложно доказать, что монографии подобного содержания отличаются от иных по жанровой стилистике монографий. Тексты искусствоведческих монографий содержат описание жанровых особенностей и стилистических черт живописи конкретных художников, представителей определенных направлений и школ в искусстве [6, с. 183]. Несмотря на наличие двух объектов исследования в монографиях искусствоведческого жанра нельзя не указать на субъективную составляющую монографического описания, которая реализуется через субъективно-оценочное отношение автора монографии к предмету описания. Мы придерживаемся точки зрения Н.И. Клушиной и Л.Е. Малыгиной [7] утверждая, что

данный факт обусловлен спецификой предметной области. Изучаемый объект, в нашем случае это монография об английских художниках, может быть «субстратным», то есть материальным, либо «ментальным», то есть идеальным продуктом человеческого сознания. Живопись является идеальным продуктом человеческого сознания (объект ментальный), материализующийся в картине (объекте субстратном).

В ходе подбора эмпирической составляющей настоящего исследования нами были проанализированы четыре монографии, в которых присутствует описание картины “Snow Storm: Hannibal and his Army Crossing the Alps” выдающегося английского живописца XIX века У. Тёрнера (“Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic” авт. Douglass Whitfield Bailey, “The Life and Masterworks of J.M.W. Turner” авт. Eric Shanes, “Picture Titles: How and Why Western Paintings Acquired Their Names” авт. Ruth Bernard Yeazell и “Turner (World of art)” авт. Graham Reynolds). В данных монографиях условно можно выделить несколько микротем: фактические данные (название картины, указание года написания полотна и др.), описание картины (акцент сделан на сюжете полотна), интерпретация сюжета. В последних двух микротемах (описание картины и интерпретация сюжета) особый лингвистический интерес вызывает использование искусствоведом стилистических приёмов и лексико-семантической группы слов “Act of war”.

Все авторы монографий приводят фактические данные, к которым можно отнести год выставки живописного полотна (1812), ссылку на картину Дж.Р. Козенса “Hannibal’s march over the Alps” (кроме D. W. Bailey), ссылку на стихотворение “Fallacies of Hope”, автором которого является сам У. Тёрнер (R.B. Yeazell и G. Reynolds приводят поэтическое произведение целиком). Ввиду того факта, что перечисленные данные присутствуют в том или ином виде практически во всех изученных монографиях, мы полагаем, что именно эту информацию можно признать наиболее значимой и объективной.

Описание сюжета полотна в основном выдержано в крайне сдержанной манере, не изобилует большим количеством стилистических приёмов разных уровней языка, но, тем не менее, не лишено эмоциональной составляющей, поскольку в нём присутствуют слова-усилители значения. Речь идёт о таких наречиях степени как “immensely”, “entirely”, “profoundly”, “increasingly”, “outrageously”, “tremendously”. Так, описывая военный поход Ганнибала, E. Shanes использует антитезу “immensely successful effort” – “entirely nullify his achievement”, цель которой воздействие на эмоциональную сферу адресата и выражение иронии: “for all his immensely successful effort to cross the Alps into Italy, eventually he would entirely nullify his achievement by allowing his own strength and that of his countrymen to become weakened by a life of idleness and luxury at Capua” [8, P. 39-40].

Самыми часто встречающимися стилистическими приёмами являются эпитеты (субстантивизированное прилагательное-эпитет “the unthinkable”, “sublime” (natural effect), “monumental” (military success), “the swirling” (clouds), “treacherous” (bridges), “challenging” (image), “powerful/subtle” (put-down, “fearful” (losses), “hostile” (mountain inhabitants), “majestic” (scene) и метафоры (“the force of Turner’s inner eye”, “succeeds in burying the famous general”, “the image with all the elements in an uproar”, “the menace of the mountains”, гиперболизированная метафора “be on a rampage”). Собранные примеры обладают fascinирующим эффектом и относятся как к характеристике ключевого персонажа полотна – Ганнибала, так и к описанию пейзажа в целом. При этом ряд стилистических приёмов передаёт положительную эмоционально-оценочную окраску (sublime, monumental, challenging), в то время как другие стилистические приёмы обладают отрицательной коннотацией (powerful

put-down, succeeds in burying the famous general). Важно отметить, что негативная эмоциональная оценочность присуща средствам художественной выразительности, характеризующим как главного персонажа полотна, так и фон [9, с. 310]. Это обусловлено солидарностью во взглядах авторов монографий Ruth Bernard Yeazell и Eric Shanes, которые, вслед за У. Тёрнером, дают критическую оценку действиям карфагенского полководца. Образное описание природы и второстепенных персонажей выполнено с целью компенсации смысловых потерь при вербальной перекодировке живописного полотна как элемента иконической знаковой системы и усиления иллюкутивного эффекта.

В отрывках из двух монографий присутствует лексико-семантическая группа слов "Act of war". В описании D.W. Bailey прослеживается положительная оценка военного акта, поскольку четыре из десяти лексем-вербализаторов тематической группы "Act of war" имеют только денотативное значение (army, troops, manoeuvre, military), а у лексемы "hero" (её производной "heroic") и её контекстуального синонима "leader" присутствует положительная коннотация. Лексема "destroy" обладает ярко выраженной отрицательной оценочностью. Наряду с передачей информации автор стремится выразить свое отношение, дать оценку (положительную или отрицательную) и, тем самым, повлиять на реципиента [10, с. 49].

The painting depicts a moment in the nine-day crossing of the Swiss Alps by Hannibal and his army in 218 BC when leader and troops were moving through a high pass. Hannibal had been on a rampage, having laid siege to Saguntum in Spain, crossed the Pyrenees, and then defeated the Gauls in southern France. He was doing the unthinkable, outwitting the Roman army and taking his troops over the Alps and down into Italy. The manoeuvre is legendary, a classic, monumental, military success and an example of heroic leadership [11, P. 182-183].

Описание военных действий G. Reynolds выдержано в более фактуальной манере, лишённой ярко выраженного оценочного компонента, передающего личное отношение автора монографии к описываемому явлению, о чем свидетельствует следующая подборка вербализаторов тематической группы "Act of war": army, losses, struggle, captive (woman).

To these impressions he added his reading of Goldsmith's Roman History. Goldsmith emphasizes the terror which the Alps inspired Hannibal's army, and the fearful losses sustained from the elements and from the harassment of the hostile mountain inhabitants. All these ingredients Turner has combined in his gloomy and majestic scene: the menace of the mountains, the wildness of the storm, and the plundering natives represented by the group struggling over a captive woman and the booty in the foreground. To its main theme of an army on a high place looking down into a valley below, Turner has added the swirling effect of a storm he had observed a year or two before on the Yorkshire Dales. In it he continued and brought to a new originality the painting of disaster ... [12, P. 86-88].

С лингвистической точки зрения в описаниях подобно рода особый интерес представляют собой фрагменты с экфрасисом (специфическим языком перевода иконических знаков вverbальные и наоборот). Не меньшей значимостью обладает автоэкфрасис: язык вербального представления иконических знаков живописного полотна, используемый самим художником [2, с. 230]. Как уже упоминалось ранее, все авторы анализируемых монографий ссылаются на стихотворение "Fallacies of Hope", создателем которого является сам У. Тёрнер, а R.B. Yeazell и G. Reynolds цитируют поэтическое произведение в полном объёме.

Craft, treachery, and fraud – Salassian force,
Hung on the fainting rear! then Plunder seiz'd
The victor and the captive, – Saguntum's spoil,
Alike, became their prey; still the chief advanc'd,

Look'd on the sun with hope; – low, broad, and wan;
While the fierce archer of the downward year
Stains Italy's blanch'd barrier with storms.
In vain each pass, ensanguin'd deep with dead,
Or rocky fragments, wide destruction roll'd.
Still on Campania's fertile plains – he thought,
But the loud breeze sob'd, "Capua's joys beware"! [12, p. 88].

Анализируя стихотворение "Fallacies of Hope" становится очевиден факт наличия в нём лексико-семантической группы слов "Act of war", к которой можно отнести такие лексемы как "force", "rear", "victor", "captive", "chief", "archer", "barrier", "destruction" и синонимичный ряд "spoil – plunder – prey". Необходимо отметить, что с точки зрения семантики описания D.W. Bailey и G. Reynolds, в которых также фигурирует обозначенная лексико-семантическая группа слов, и стихотворение У. Тёрнера представляют собой передачу одного и того же события. Однако, несмотря на схожесть лексических значений, авторы монографий и У. Тёрнер используют в основном различные лексемы-вербализаторы (таблица 1).

Таблица 1 - Лексемы-вербализаторы лексико-семантической группы слов "Act of war"

Монографии авт. D.W. Bailey и G. Reynolds	Стихотворение "Fallacies of Hope" У. Тёрнер
leader	chief
hero	victor
troops	rear
booty	spoil – plunder – prey
destroy	destruction
captive (woman)	captive

В ряде случаев происходит конкретизация значения: rear (арьергард), captive woman (женщина-пленница). Лексемы "prey" (добыча, т.е. «награбленное добро») и "spoil" (отобранное оружие) являются архаизмами, а "plunder" и "booty" считаются абсолютными синонимами.

С целью верифицировать описываемые события У. Тёрнер использует несколько географических названий (Saguntum, Campania и Capua) и название кельтского племени (Salassi). В описании D.W. Bailey также присутствуют географические названия и название одного из кельтских племён, однако автор прибегает к использованию более узнаваемых имен собственных.

Кроме того, стихотворение "Fallacies of Hope" изобилует стилистическими приёмами, например, эпитетами fainting (rear), broad and wan (sun), fierce (archer), downward (year), blanched (barrier) и метафорами ("archer stains Italy's barrier", "breeze sobbed"). В стихотворении присутствует инверсия "Plunder seized the victor and the captive". Примечательно использование антонимичных эпитетов "wan"/"blanched" vs "ensanguined", которые относятся к цвету. С помощью такого арсенала стилистических средств художник представляет читателю (и зрителю) картину кровопролитного сражения, создаёт атмосферу настоящей исторической битвы.

Так, если в центре внимания У. Тёрнера находится сцена военного действия (вместе с главными действующими лицами и пейзажем), то авторы монографий вкрапляют в свои описания интерпретацию идейного замысла картины. Описания картины и её интерпретация в трёх из четырёх монографий выполнены в едином идейном ключе. Отрывок с интерпретацией Е. Shanes написан в высоком стиле, в достаточно эмоциональной манере, о чём свидетельствует подборка лексических единиц (successfully defying, the forces of external nature, the inherent weaknesses, redemption, fallacious). Несмотря на высокую степень эмоциональности, данный отрывок лишён стилистических приёмов. Автор монографии раскрывает суть идейного замысла стихотворения и картины в целом через название самого поэтического произведения (all hopes...are...fallacious).

... all hopes of successfully defying the forces of external nature, of overcoming the inherent weaknesses and contradictions of human nature and religious redemption, are fallacious... [8, p. 40].

В отрывке с интерпретацией живописного полотна D.W. Bailey акцентирует внимание читателя на аллюзивном характере образа Ганнибала, за которым скрывается образ Наполеона Бонапарта. Для подтверждения своего мнения автор монографии ссылается на то, что данная точка зрения является общепризнанной, и приводит в качестве доказательств высказывания из авторитетных источников. Так, эмоциональная составляющая и сопутствующие элементы композиции полотна оказываются полностью за рамками внимания искусствоведа.

Hannibal was a complex insult to Napoleon Bonaparte and to his reputation as a leader and military hero. Comparisons between Napoleon and Hannibal (as well as with Charlemagne) were clearly and visibly acknowledged [11, P. 182-184].

Во фрагментах с интерпретативным анализом живописного полотна R.B. Yeazell придерживается противоположной точки зрения, которая в некоторой мере отличается от мнения других искусствоведов. Следуя традициям классических научно-исследовательских работ, с целью верификации своей точки зрения автор ссылается на других искусствоведов и художественных критиков, придерживающихся схожей концепции (в монографии фигурируют имена Lynn R. Matteson и Elizabeth Rigby/Eastlake). Анализируя содержание только одного стихотворения, автор монографии выражает сомнение в том, что образ Ганнибала – аллюзия к Наполеону. Общепризнанным является подход, в котором признаётся и рассматривается только изображение поражения Ганнибала, пересекающего Альпы. Опираясь строками стихотворения “Fallacies of Hope”, R.B. Yeazell отмечает тот факт, что в нём говорится сначала о победе полководца, а затем о его поражении. В отрывке также присутствуют стилистические приёмы: метафоры (“glossed by the lines”; “the poet succeeds in burying the famous general”) и эпитет “ominous”.

Glossed by the ominous lines from “Fallacies of Hope” that accompany it, Turner’s apocalyptic image proves, by this account, all too prophetic, anticipating Napoleon’s own defeat at Waterloo two years later... By conjuring with evocative place-names while effacing that of Hannibal himself, the poet further succeeds in burying the famous general [13, P. 173-175].

Таким образом, искусствовед выбирает преимущественно значимые моменты на полотне и перекодировывает визуальную информацию в вербальную [14]. В данном процессе мы можем выделить объективный подход (обусловленный универсальными компонентами языковой картины мира, универсальным предметным кодом [15, 16] и субъективное начало (продиктованное субъективным характером процесса восприятия автора вербального сообщения). Ввиду того, что информация берётся из разнокодовых знаковых систем, невозможно избежать смысловые потери [17, 18, 19]. Из соображений компенсаторики автор использует фасцинацию. Мы полагаем, что использование стилистических приёмов можно отнести к фасцинирующим элементам [20, с 63]. К элементам фасциации графического уровня относятся выделения курсивом (в текстах монографий курсивом выделены названия картин). К текстовому уровню фасциации можно отнести вкрапления репродукций описываемых полотен (репродукции представлены как в цвете, так и чёрно-белые).

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Проанализировав четыре монографии (“Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic” авт. Douglass Whitfield Bailey, “The Life and Masterworks of J.M.W. Turner” авт. Eric Shanes, “Picture Titles: How and Why Western Paintings Acquired Their Names” авт. Ruth Bernard Yeazell

и “Turner (World of art)” авт. Graham Reynolds), в которых представлено описание живописного полотна У.Тёрнера “Snow Storm: Hannibal and his Army Crossing the Alps”, мы приходим к выводу о том, что не всякий субстрат может быть манифестирован в чисто объективной манере. Интерпретация художественных полотен одних и тех же художников отличается в текстах монографий разных авторов. На это влияет индивидуальный стиль мышления ученого, уровень владения нормами научного стиля изложения, личные пристрастия искусствоведа. Искусствовед-исследователь приводит эмпирические данные, с помощью которых подтверждается достоверность нового знания, полученного при знакомстве с текстом монографии. При этом описание картин приобретает эмпирический характер. С целью интенсификации достоверности и документальности автор вводит в монографическое описание репродукции анализируемых полотен. Искусствоведческие монографии на английском языке включают в себя не только описание характера и манеры письма художника, стиль его творчества, но и субъективное, эмоционально-оценочное отношение автора к описываемому объекту. В ходе исследования мы определили основные характеристики вербального искусствovedческого дискурса:

- эмоциональная нагруженность лексики;
- использование стилистических приемов, наиболее употребительными среди которых выступают эпитеты и метафоры;
- интертекстуальность (которую мы рассмотрели с двух сторон: во-первых, авторы монографий опирались на стихотворение “Fallacies of Hope”; во-вторых, если признать точку зрения, согласно которой репродукция/картина – иконический текст, а её описание – текст вербальный, то особый интерес вызывает анализ соотносительности одного текста с другим);
- наличие гипертекста (глоссарии, изобилие сносок и ссылок).

В перспективе было бы интересно проанализировать соотношение выделенных ключевых характеристик вербального искусствovedческого дискурса в различных литературных жанрах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Миньяр-Белоручева А.П. Поликодовость искусствovedческого дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика», 2017. Т.4. № 4. С. 16-20.
2. Коваль О.В. Концепт «минимализации» в живописно-словесном: автоэфрасис как лингвистический самоанализ художника // Язык как медиатор между знанием и искусством. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 229-240.
3. Михайлова М.Ю. Система средств передачи семантики невыразимого в творчестве А. Грина // Вестник Башкирского государственного университета. 2015. Т.20. №2. С.581-585.
4. Карпухина Т.П. Функционирование экфрасиса в романе О. Хаксли «Point Counter Point» («Контрапункт») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. №1. С. 184-192.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; ред. Е.А. Баженова, М.П. Каторова, А.П. Скородников. М.: Флинта: Наука, 2006. 695 с.
6. Бекасова Е.Н. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис / Е.Н. Бекасова, Г.Г. Москальчук, В.Ю. Прокофьева. М.: Спутник, 2013. 217 с.
7. Клушина Н.И., Малыгина Л.Е. Стилистика научной речи и редактирование учебно-методических материалов. Учебное пособие для учителей и педагогов системы среднего образования. Меринос, 2018. 120 с.
8. Shanes E. The Life and Masterworks of J.M.W. Turner. USA New York: Parkstone Press International, 2012. 256 p.
9. Касаткина Е.Г. Принцип живописного искусства в художественном тексте // Синергия культуры. Саратов: Изд. СГТУ, 2002. С. 308-313.
10. Турецкова И.В. Лексико-синтаксические средства выражения негативной оценки (на материале немецкого языка) // Филологический аспект. 2019. № 6 (50). С. 49-54.
11. Bailey D.W. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. USA New York: Psychology Press, 2005. 243 p.
12. Reynolds G. Turner (World of art). UK: Oxford University Press, 1969. 216 p.
13. Yeazell R.B. Picture Titles: How and Why Western Paintings Acquired Their Names. US New Jersey: Princeton University Press, 2005. 352 p.
14. Булатова А.П. Лингво-когнитивный анализ искусствovedческого дискурса (тематические – музыка, архитектура-)

ра): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1999. 276 с.

15. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26-38.

16. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 112 с.

17. Жаркова У.А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе (на материале немецкоязычных музейных каталогов) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. Вып. 60. №33. С. 49-52.

18. Милетова Е.В. Англоязычный искусствоведческий дискурс: природа и лексическое наполнение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М.: Грамота, 2013. Вып. 22. № 4. Ч. 2. С. 114-119.

19. Лихолетова П.В. Когнитивно-прагматический анализ дискурса предметной области «живопись»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар: Институт экономики, права и гуманитарных специальностей, 2005. 174 с.

20. Бельмесова М.О., Горикова Е.И. Особенности вербальных описаний живописных полотен в монографиях об английских художниках (на примере текстового анализа описания картины Т. Гейнсборо "Blue Boy") // Казанская наука. №5. 2019. С. 61-64.

Статья поступила в редакцию 30.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 80

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0042

**МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПАРОНИМИЯ И ОМОНИМИЯ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Н. ХОРНБИ «ABOUT A BOY»)**

© 2020

AuthorID: 225658

SPIN: 4134-8777

ORCID: 0000-0003-1839-3538

Павлова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
кафедры «Английской филологии и методики преподавания английского языка»

ORCID: 0000-0002-0852-1789

Быковская Ангелина Андреевна, студент кафедры «Английской филологии
и методики преподавания английского языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: bykovskaya.angelina2000@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию трудностей перевода при межъязыковой паронимии и омонимии, более известным как «ложные друзья переводчика». Эта категория слов, именуемая также как псевдоинтернационализмы, ложные эквиваленты, и в настоящее время в фокусе внимания лингвистических исследований. Актуальность ее рассмотрения определяется как теоретической значимостью построения классификации межъязыковых паронимов и омонимов, так и практическими аспектами преодоления трудностей их перевода. Изучение сути проблемы, истории ее осознания и научного рассмотрения – серьезный шаг на пути к ее возможным решениям. В процессе исследования взятые за основу классификации иллюстрируются примерами из романа Н. Хорнби «About a Boy». На основе сопоставительного анализа англоязычного оригинала и его перевода на русский язык предлагается перечень трудностей при межъязыковой паронимии и омонимии, с которыми может встретиться переводчик. Описанные трудности, как правило, приводят к соответствующим ошибкам, которые могут возникнуть в процессе перевода «ложных друзей переводчика». Несомненная практическая значимость полученных результатов определяет ценность проведенного исследования, что помогает предупредить возникновение ошибок в ходе осуществления переводческой деятельности.

Ключевые слова: перевод, исходный язык, переводящий язык, семантика, межъязыковые омонимия и паронимия, классификация ложных друзей переводчика.

**INTERLINGUAL HOMONYMY AND PARONYMY: DIFFICULTIES OF TRANSLATION
(ON THE MATERIAL OF N. HORNBY'S NOVEL «ABOUT A BOY»)**

© 2020

Pavlova Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair
«English philology and methods of English language teaching»

Bykovskaya Angelina Andreevna, student of the chair «English philology and methods
of English language teaching»

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: bykovskaya.angelina2000@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to identifying and describing the difficulties of translation with interlingual paronymy and homonymy, better known as «translator's false friends». The category of words, also called as pseudo-internationalisms, false equivalents, is currently in the focus of linguistic research. The relevance of its consideration is determined both by the theoretical significance of constructing the classification of interlingual paronyms and homonyms, and by the practical aspects of overcoming the difficulties of their translation. Studying the core of the problem, the history of its awareness and scientific consideration is a serious step towards its possible solutions. In the course of the study, the classifications, which were taken as the basis, are illustrated by examples from N. Hornby's novel «About a Boy». By means of a comparative analysis of the original text in English and its translation into Russian, a list of difficulties with interlingual paronymy and homonymy, which a translator may encounter, is proposed. As a rule, the described difficulties lead to corresponding faults that may arise during the translation of «translator's false friends». There is no doubt that the practical significance of the results determines the value of the study, and it helps to prevent the occurrence of faults in the course of translation.

Keywords: translation, source language, target language. semantics, interlingual homonymy and paronymy, classification of translator's false friends.

ВВЕДЕНИЕ

Изучая какой-либо иностранный язык, мы сталкиваемся с таким лингвистическим феноменом, как «ложные друзья переводчика». Это слова, обладающие сходной формой (графической или звуковой), но не совпадающие по своей семантике. Данное явление понимается как межъязыковое, поскольку рассматривается в рамках двух или более языков – как родственных (например, нем. Buffet («шведский стол») – англ. buffet («закусочная»)), так и входящих в разные языковые группы (например, англ. accurate («точный») – рус. аккуратный). Из-за формального сходства данная группа слов может вызывать переводческие ошибки, что приведет к неправильной интерпретации текста на иностранном языке и к последующему неверному переводу.

Впервые термин «faux amis du traducteur» («ложные друзья переводчика») появился в 1928 году, когда французские ученые М. Кеслер и Ж. Дерокин провели широкое изучение подобных межъязыковых соответствий (книга «Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire

anglais»). В настоящее время существует большое количество других названий для обозначения данного феномена. Так, например, В. С. Слепович называет «ложных друзей» – «псевдоинтернациональными словами» [1, с. 15]. В свою очередь, В. В. Акуленко подразделяет их на две группы: межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы. В первом случае, это слова, «сходные до степени отождествления по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения». Во втором же, это слова, «не вполне сходные по форме, но могущие вызвать...ложные ассоциации и отождествляться друг с другом» [2, с. 372].

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данного исследования является анализ конкретных примеров «ложных друзей переводчика» и выявление трудностей и ошибок, которые могут возникнуть в ходе их перевода. Материалом исследования послужил роман Н. Хорнби «About a Boy» (2000) и соответствующий ему русский перевод К. Х. Чумаковой – «Мой мальчик» (2004).

В некоторых случаях переводчик может посчитать, что смысл высказывания понятен и очевиден, однако, оно может иметь совсем иное содержание. Так, например, В. В. Акуленко в статье о «Ложных друзьях переводчика» отмечает: «С первого взгляда может показаться, что «ложные друзья переводчика» <...> способны вводить, в заблуждение только людей, начинающих изучение языка и плохо владеющих им. В действительности, как отмечают исследователи, дело обстоит наоборот: основная масса «ложных друзей» оказывается опасной именно для лиц, уверенно и практически удовлетворительно пользующихся языком» [2, с. 373]. Именно поэтому, переводчику необходимо изучать и знать межъязыковые омонимы и паронимы.

Условно можно выделить следующие причины появления данной категории слов:

1) влияние языков друг на друга. В этом случае происходит калькирование иностранных слов, заимствование слов из другого языка, при этом чаще всего берется одно значение, которое не является активным в исходном языке;

2) наличие совпадений в двух языках, но при этом данные слова обладают разным значением;

3) в процессе своего развития близкородственные языки изменяются независимо друг от друга. Вследствие чего, одно и то же слово, происходящее из праязыка, может иметь разные лексические значения [3, с. 325 – 329].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исходя из этого, можно говорить о том, что в процессе перевода «ложных друзей переводчика» могут возникнуть различные трудности.

Одна из них заключается в том, что родной язык толкает нас на использование аналогий, которые являются ошибочными. Помимо этого, отсутствие знаний о лексических и грамматических сочетаниях в иностранном языке также может стать основанием формирования трудностей при переводе. И наконец, уверенность переводчика в том, что у слова есть только одно верное значение.

Для того чтобы легче и проще идентифицировать данную группу слов, а после осуществить адекватный перевод, были разработаны различные классификации и созданы специальные словари. Так, в сопоставлении русского и английского языков В. С. Слепович предлагает подразделить «ложные друзья переводчиков» на две группы:

1) лексемы, обладающие сходным написанием и произношением, но имеющие совершенно разное значение. Например: английское слово «prospect» при переводе на русский язык будет иметь значение «перспектива», а не «проспект»;

2) лексемы, которые совпадают лишь в одном или двух значениях с русскими словами, но расходятся в остальных. Например: слово «interest» можно перевести не только, как «интерес», но и как «процент» (в банке).

Помимо этого, он выделяет особую группу английских слов, близких по написанию и звучанию, но отличных по значению. Так, например, такие лексемы, как «addition» и «edition» обладают следующими значениями «добавление» и «издание» соответственно [1, с. 15 - 23].

Рассмотрим наиболее яркие примеры ложных друзей переводчика в романе N. Hornby «About a Boy», иллюстрирующие их деление на приведенные выше группы.

Так, к первой группе слов можно отнести следующие примеры (таблица 1).

При переводе данных «псевдоинтернациональных» слов с английского языка на русский, переводчик может допустить ошибки, осуществив буквальный перевод данных лексем, поскольку их графическая и звуковая форма схожа с формой слов в русском языке:

1) **англ.** «magazine» – **рус.** «магазин»; верный перевод: «журнал»;

2) **англ.** «absorbed» – **рус.** «абсорбировать»; верный

перевод: «увлечь», «поглощать», «присоединять»;

3) **англ.** «lists» – **рус.** «лист»; верный перевод: «список», «перечень», «реестр»;

4) **англ.** «insults» – **рус.** «инсульт»; верный перевод: «оскорбление», «обида»;

5) **англ.** «nervy» – **рус.** «нервы»; верный перевод: «самоуверенный», «нервный», «смелый», «наглый».

Таблица 1. Первая группа межъязыковых омонимов и паронимов

Оригинал	Перевод
He closed the magazine and put it on to a pile of similar magazines that he kept in the bathroom [4, с. 6].	Он закрыл журнал и положил его в стопку таких же — которую держал в туалете [5, г. 2].
Nicky said hello, but Mark was too absorbed to notice him [4, с. 27].	Ники поздоровался, а Марк был настолько увлечен , что не заметил его [5, г. 5].
Marcus had recently taken to making lists in his head [4, с. 29].	Маркус последнее время пытался мысленно составлять списки предметов [5, г. 5].
But insults were hurled in just the same way as missiles, if you thought about it [4, с. 30].	И если задуматься, то оскорбления похожи на пули [5, г. 5].
She looked a little bit like Laura Nyro on the cover of Gonna Take A Miracle – nervy , glamorous, Bohemian, clever, lots of long, unruly dark hair [4, с. 171].	Она была немного похожа на Лору Ниро с обложки диска «Для этого нужно чудо» — чувственная , очаровательная, умная, с копной непослушных темных кудрей и богемной внешностью [5, г. 24].

Более детальный анализ последнего примера показывает, что лексема «nervy» обладает разной семантикой в британском и американском варианте английского языка. Так, в первом случае данное слово означает «нервный, взволнованный», во втором - «дерзкий, смелый, самоуверенный». Из контекста следует, что героиню по имени Рейчел сравнивают с американской певицей 60-х Лорой Ниро. Газета «New York Times» описывает ее так: «со своим раскованными вокальными завываниями она также помогла становлению <...> стиля голубоглазый соул» [6].

Исходя из этого, можно утверждать, что прилагательное «nervy» также можно перевести, как дерзкая или самоуверенная, а не только чувственная.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что данная группа «псевдоинтернациональных» слов, вводя переводчика в заблуждение, толкает его на осуществление буквального перевода, тем самым он нарушает нормы языка перевода. Именно поэтому к данной группе слов следует относиться с осторожностью и внимательностью.

Слова, относящиеся ко второй группе, представляют собой больший интерес, так как в данном случае английское слово может обладать большим количеством значений и совпадать с русским только в одном из них. Вероятнее всего это происходит по той причине, что значения английского слова были заимствованы в русский язык лишь частично. Рассмотрим следующие примеры (таблица 2).

В словарном запасе переводчика чаще всего есть только то значение слова, которое употребляется в исходном языке реже, что может привести к возникновению трудностей и ошибок при переводе. Так, в приведенных выше примерах видно, что, несмотря на то, что у английских слов есть значения, которые фонетически и графически похожи на русские, при переводе они обладают чаще всего другой семантикой:

1) **англ.** «pretend» – **рус.** «претендовать»; чаще «притворяться», «делать вид»;

2) **англ.** «solid» – **рус.** «солидный»; чаще «стабильный», «надежный»;

3) **англ.** «realized» – **рус.** «реализовать»; чаще «понять», «осознать»;

4) **англ.** «collecting» – **рус.** «коллекционировать»; чаще «взимать», «заходить».

Таблица 2. Вторая группа межъязыковых омонимов и паронимов

Оригинал	Перевод
Doing nothing all day gave him endless opportunities to dream and scheme and pretend to be something he wasn't [4, с. 32].	Ежедневное ничегонеделание открывало перед ним бесконечное пространство, чтобы мечтать, строить планы и притворяться тем, кем он на самом деле не был [5, г. 6].
Jessica and Will split up when Jessica wanted to exchange the froth and frivolity for something more solid [4, с. 9].	Уилл расстался с Джессикой, когда у той появилось желание сменить легкость и непринужденность на нечто более стабильное [5, г. 2].
He looked at his feet, and for a moment he didn't say anything: he toyed with the idea of acting all surprised and telling her he didn't know, but he quickly realized she wouldn't believe him [4, с. 113].	Маркус посмотрел себе на ноги и на какое-то время замолчал: он, было, подумал изобразить полнейшее удивление и ответить, что ничего не знает, но быстро понял , что она ему не поверит [5, г. 17].
While Fiona was collecting Ellie's mum, Will sat in the car listening to Nirvana and thinking about the Dead Duck Day [4, с. 256].	Пока Фиона заходила за мамой Элли, Уилл сидел в машине слушал «Нирвану» и вспоминал «День дохлой утки» [5, г. 34].

Более подробно рассмотрим пример с языковой единицей «solid». Как показано выше, данное прилагательное обладает несколькими значениями, которые достаточно сильно отличаются (например, «солидный – важный, представительный. Солидный ученый (авторитетный, известный)», а «стабильный – прочный, устойчивый, постоянный. Стабильное положение») [7]. Согласно контексту предложения нужно подобрать такой антоним к словам «легкость» и «непринужденность», чтобы предложение не потеряло главную мысль: причина по которой Джессика рассталась со своим молодым человеком Уиллом. Именно поэтому переводчик К. Х. Чумакова выбирает вариант «стабильный», который уместно и адекватно воспринимается в данном контексте. Таким образом, при переводе данной группы слов необходимо учитывать контекст, в котором находится тот или иной «ложных друг», т.к. переводчик не всегда может полагаться на свою внутреннюю уверенность в том, что лексема обладает лишь единственным значением.

Помимо этого, нами были также подобраны примеры со словами, входящими в так называемую «особую» группу межъязыковых омонимов и паронимов (таблица 3).

Таблица 3. «Особая» группа межъязыковых омонимов и паронимов

Will was beginning to lose his temper [4, с. 108].	He was thinking how great it would be if he let Ellie loose on his dad [4, с. 232]
Уилл начинал выходить из себя [5, г. 16] (дословно «терять терпение»).	Он подумал, как будет классно напустить Элли на папу [5, г. 31] (дословно «развязать руки»; «дать свободу»).
She suddenly said in a small, quiet voice that didn't sound like her [4, с. 238].	He was quite a big deal, wasn't he? [4, с. 259]
Она сказала вдруг тихим спокойным голосом, который был так не похож на ее обычный [5, г. 31].	Ведь он был очень популярен, да? [5, г. 34] (дословно «вполне», «совершенно»).

Во всех приведенных случаях сложность при переводе заключается в том, что переводчик может случайно перепутать значение данных слов, поскольку они обладают практически идентичными написанием и звучанием. Однако, при этом, они отличаются своей семантикой, и во избежание ошибок человеку, осуществляющему перевод, необходимо сразу идентифицировать их и видеть разительные отличия между ними.

ВЫВОДЫ

Таким образом, при переводе «ложных друзей пере-

водчика» возникает ряд трудностей и ошибок. В ходе нашего исследования выявлены следующие:

1) влияние родного языка. В этом случае, на переводчика осуществляется психологическое давление, так как сходство формы толкает его на аналогии в родном языке, притупляя его бдительность. Вследствие чего, он осуществляет буквальный перевод, являющийся чаще всего неверным;

2) ограниченность словарного запаса. Особенно это проявляется тогда, когда слово обладает большим количеством значений, которые значительно отличаются. В этом случае, переводчик не обращается за помощью к словарю и осуществляет неверный перевод, руководствуясь внутренней уверенностью в том, что у слова есть лишь одно верное значение;

3) невнимательность к контексту. При переводе «ложных друзей переводчика» важно учитывать контекст, поскольку он придает лексеме однозначность и облегчает выбор верного эквивалента в переводящем языке.

Итак, данная категория слов уникальна и интересна, она требует детального изучения и рассмотрения, особенно теми, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с иностранными языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Курс перевода (английский – русский язык). Translation Course (English – Russian) / В. С. Слепович. – 4-е изд., перераб. и доп. – Мн.: «ТемпаСистемс». 2004. – 320 с.
2. Акуленко В. В. О «Ложных друзьях переводчика». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=577466&pg=372>.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. – М.: Из-во Моск. ун-та. 2004. – 544 с.
4. Hornby N. About a Boy. – London, 2000 (first published 1998).
5. Хорнби Н. Мой мальчик [Электронный ресурс]. / пер. с англ. К. Х. Чумаковой. – М., 2004. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/169935-moy-mal-chik.html> – 22.08.2012.
6. Laura Nyro [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tunnel.ru/post-laura-nyro-albom-eli-and-the-thirteenth-confession-1968>.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/>.
8. Англо-русский и русско-английский словарь «Ложных друзей переводчика»: словарь / В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Позорелова, В. Л. Юхт; Изд. «Советская энциклопедия» - Москва, 1969. – 384 с.
9. Англо-русский словарь «Ложных друзей переводчика» [Электронный ресурс]: словарь / К. В. Краснов. – Изд.: Э.П.А., 2004. – Режим доступа: <http://falsefriends.ru/ffslovar.htm>.

Статья поступила в редакцию 07.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'25

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0043

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2020

SPIN-код: 3943-5629

AuthorID: 292209

ResearcherID: C-6982-2016

Вьюнова Екатерина Кирилловна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и перевода

SPIN-код: 3207-8860

AuthorID: 654903

ResearcherID: C-2551-2016

ORCID: 0000-0003-3738-9198

Куралева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и перевода

SPIN-код: 8102-3155

AuthorID: 703618

ResearcherID: C-1659-2016

Павленко Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и перевода

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9, e-mail: e.a.pavlenko@spbu.ru)

Аннотация. Вопрос передачи побудительного значения высказывания описывается в целом ряде трудов по теоретической грамматике, новизна данной статьи заключается в рассмотрении побудительности в американском политическом дискурсе, который характеризуется высокой степенью манипулятивности. Манипуляция нацелена на изменение сознания людей с помощью определённых техник и языковых средств, помогающих оратору сформировать определенную политическую картину, а также на выполнение основной функции – борьбы за власть. Работа представляется особенно актуальной в условиях увеличения значимости политической коммуникации, от правильной интерпретации которой, зависит решение целого ряда социально-политических проблем. Цель работы – выявить, какими вербальными и невербальными языковыми средствами кодируется категория побудительности в американском политическом дискурсе. Категория побудительности рассматривается в связи с грамматическими понятиями императива и модальности. Полученные результаты показали, что категория побудительности может быть выражена на трех языковых уровнях: лексическом, грамматическом и синтаксическом. Поскольку политический дискурс не только отражает общественно-политическую жизнь страны и включает в себя элементы ее культуры, но также может использоваться опасным инструментом воздействия на общественное сознание, авторы статьи считают изучение политического дискурса перспективным не только для политиков, но и для их аудитории.

Ключевые слова: политический дискурс, категория побудительности, сослагательное наклонение, модальность, повелительное наклонение, сложноподчиненные предложения условия и времени, сложносочинённые предложения с разделительным типом связи

HORTATIVE UTTERANCES IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

© 2020

Vyunova Ekaterina Kirillovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

Kuraleva Tatiana Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

Pavlenko Elena Alexandrovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

St. Petersburg State University

(199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya embankment 7-9, e-mail: t.kuraleva@spbu.ru)

Abstract. Means of conveying hortative meaning in utterances have been described in a wide range of works on theoretical grammar. The novelty of this paper lies in the analysis of hortative language in American political discourse, which is characterized by a high degree of manipulation. This manipulation is aimed at the alteration of public opinion by means of particular technics and linguistic means, which help an orator to convey precise political environment and it also carries out its main function – power struggle. This analysis seems particularly relevant in the context of growing importance of political communication, with the resolution of a host of sociopolitical issues dependent on accurate interpretation of such communication. This paper aims to identify verbal and non-verbal linguistic means of encoding hortative meaning in American political discourse. Hortative meaning has been studied in its connection with grammatical categories of the imperative mood and modality. The results show that hortative meaning may be expressed on three levels of language: lexical, grammatical, and syntactic. As political discourse not only reflects socio-political life of the country and contains some cultural elements, but it also can be used as a dangerous manipulation tool of public opinion, the authors of the article suggest that political discourse be studied by both politicians and their audience.

Keywords: political discourse, hortative, subjunctive mood, modality, imperative mood, subordinate clauses of time and condition, compound sentences with disjunctive coordination

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время особо актуальными представляются те гуманитарные исследования, которые выполнены не только в русле активно разрабатываемых направлений и теорий, но и на социально значимом материале. Политический дискурс не просто стал объектом исследования, но и вызвал к жизни самостоятельное направление

– политическую лингвистику. И как отмечают многие исследователи (Е. К. Вьюнова, Е. С. Петрова [1, 2], Ю. М. Чантуридзе [3], Т. В. Куралева, В.Н. Кондрашова [4], К.Ю. Рыбачук [5]), политический дискурс не только отражает явления современной действительности, но и взаимоотношения между политиками и обществом.

МЕТОДОЛОГИЯ

В центре внимания данной статьи оказываются прямые и косвенные средства реализации высказываний в выступлениях американских политиков. Актуальность данной работы заключается в том, что в ней рассматривается вопрос передачи модальности волеизъявления оратора в политическом дискурсе, который характеризуется противоречивыми свойствами: с одной стороны, политические речи должны быть информативны и понятны всем, но при этом не все мысли выражаются ораторами вербально. При этом содержащееся в высказывании отношение оратора к действию, которое должно стимулировать слушателя к определенному поведению, придает высказыванию дополнительную смысловую нагрузку. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить за счет каких языковых средств достигается передача значения побудительности с прямым или косвенным указанием на действие в политическом дискурсе.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: разработать классификацию лексико-грамматических и синтаксических языковых средств передачи побудительного значения и определить, каким образом достигается прагматический эффект речевого воздействия на адресата.

В работе использованы следующие методы исследования: описательный и семантико-стилистический методы, а также методы сравнительного и функционального анализа.

РЕЗУЛЬТЫ

Связь между языком и политикой обусловлена в первую очередь тем, что ни один политический режим не может обходиться без коммуникации. В то время как некоторые лингвисты используют термины язык политики, политическая коммуникация, политический дискурс практически как взаимозаменяемые [6, с. 2], [7], [8], другие же считают неправомерными рассуждения о существовании политического языка как отдельного феномена [9]. Мы все же будем придерживаться мнения, что язык политики существует, ему может быть свойственна определенная лексика, а вот обособленной самостоятельной грамматической структурой язык политики, конечно, не обладает. Ученые по-разному смотрят на лингвистический статус «политического языка». Так, согласно А.Н. Баранову и Е.Г. Казакевич, язык политики существует для выработки консенсуса и обоснования политических решений [10]. О. И. Воробьева утверждает, что политический язык может рассматриваться как самостоятельная языковая подсистема с определенными функциями воздействия и своеобразным тезаурусом [11].

Термин «политический дискурс» может толковаться как в широком, так и в устном плане. Широкий подход включает все формы общения, к которым имеет отношение хотя бы одна из следующих составляющих: субъект, адресат, содержание сообщения, а также процесс создания и декодирования текстов и экстралингвистические факторы влияния. При подобном широком подходе к понятию политики расширяется и само понятие политического дискурса, так как политическая ситуация включает в себя не только политиков, но активистов, избирателей, рядовых граждан. В более узком понимании политический дискурс – это разновидность дискурса, нацеленный на завоевание и сохранение политической власти [12]. В данной работе под политическим дискурсом, отличительными признаками которого являются институциональность, конвенциональность, идеологичность и интертекстуальность, мы понимаем речь политических субъектов в сфере их институциональной коммуникации.

Язык необходим политическим деятелям для того, чтобы познакомить аудиторию со своими взглядами и установками, поделиться опытом, развить у слушателя определенные воззрения, давать указания агитировать и т.д. Иными словами, направление речевых стратегий политического публичного выступления одно – оказать

манипуляцию, воздействие на адресата, убедить его принять решение, нужное для субъекта политической деятельности, осуществить управление человеком, его сознанием и поведением.

Манипуляция присутствует в политическом дискурсе и нацелена на изменение сознания людей с помощью продуманных техник и проверенных языковых средств. Основная целевая установка политического дискурса – это формирование в обществе мыслей и оценок, необходимых автору дискурса [13], [14, с. 7], [15].

В свете семиотической интерпретации политический дискурс может быть определен как особое знаковое образование, которому присущи два измерения, реальное и виртуальное. С точки зрения первого измерения политический дискурс выступает в роли текста в конкретной ситуации политического общения, с точки зрения второго – включает вербальные и невербальные знаки, обслуживающие политическую коммуникацию, тезаурус прецедентных высказываний, модели характерных для данной сферы речевых действий, а также представление о типичных жанрах общения в данной сфере [8].

Политический дискурс обладает рядом специфических черт. Во-первых, употребление не чисто «политических» языковых знаков часто не соответствует их употреблению в обычном языке. Во-вторых, специфические языковые приемы образуют особую структуру дискурса. В-третьих, на уровне звуковой и письменной реализации проявляется специфика дискурса. Более того, политический дискурс соотносится с такими концептами как «власть», «воздействие» и «авторитет», доминирование декламации, формализм партийности, претензия на абсолютную истину [16]. Иным свойством политического дискурса является его информативная насыщенность. Информативность дискурса тесно связана с использованием аргументации, нацеленной на убеждение аудитории в истинности или приемлемости того или иного суждения.

Иным свойством политического дискурса является его информативная насыщенность. Посредством публичной политической коммуникации осуществляется информирование общественности о деятельности институтов власти. Информативная стратегия призвана привнести в речь политиков информацию из общественно-политических, экономических, юридических источников и реализуется посредством описаний, мнений, выводов и обобщений в форме интертекстовых фрагментов [17].

В данной статье рассматриваются побудительные высказывания, реализуемые в политическом дискурсе. Чем отличаются грамматические категории побудительности, императива и модальности? Современная лингвистика рассматривает понятие «побудительность» в тесной связи с понятиями «модальности» и «императива». Модальность предлагает множество подходов к рассмотрению модальных значений и их средств выражения. Например, В. В. Виноградов понимает модальность в широком смысле, определяя ее как «набор значений, связывающих пропозицию с говорящим» [18, с. 53 - 88]. Другие придерживаются более узких трактовок, считая, что модальность выражает отношение говорящего к окружающей действительности, с точки зрения реальности или нереальности явления, и оценку данного явления говорящим как необходимое, возможное или желаемое. [19, с. 140-157], [20, с. 10-12].

Побудительность часто трактуется как синоним понятия «императив». [21]. Однако, на наш взгляд, императивность и побудительность не являются тождественными понятиями. Мы разделяем мнение Е. С. Сагаловой о том, что побуждение и императив не являются тождественными понятиями, значение императивности уже не значение побудительности, и императив – это лишь одно из языковых средств реализации побудительной модальности [22, с. 9]. А. Ю. Маслова выделяет два типа побуждения: прямое и не прямое. Прямое побуждение

реализуется посредством лингвистического инструментария, за которым закреплено побудительное значение. Непрямое воздействие осуществляется за счет выражения говорящим оценки информации [23].

Таким образом, в нашей работе под побудительным высказыванием понимается высказывание, реализующее волеизъявление оратора, с целью стимулирования слушателя к определенному поведению. Побудительности может быть реализована в американском политическом дискурсе на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровне посредством использования определённых языковых средств.

1. Лексические средства выражения побудительности

Модальные глаголы

Огромную роль в политическом дискурсе играет категория модальности. Побуждение может выражаться с помощью глаголов, имеющих модальное значение. Однако модальные глаголы и их эквиваленты имеют значение побудительности не во всех случаях, а только в значении должностности, необходимости, желательности, когда применяются для выражения приказа, распоряжения, совета. Модальные глаголы и их эквиваленты, употребляемые в значении возможности, вероятности такого побудительного значения не имеют и с прагматической точки зрения носят чисто информативный характер. Давайте обратимся к двум примерам.

Пример № 1: *we must respect the choices that each woman makes for herself and her family* [24].

Пример № 2: *And you should never, ever regret fighting for that* [24].

В данных примерах политическая манипуляция достигается за счет модальных глаголов *must* и *should*, которые служат для выражения не действия как такового, а отношения выступающего к возможности, вероятности реализации действия, которое выражено смысловым глаголом. Воздействие на аудиторию не всегда выполнимо с помощью рационального убеждения, основанного на рациональном доказательстве, поэтому, как демонстрируют вышеприведенные примеры, делясь с аудиторией своим отношением к действительности, оратор призывает слушателя согласиться с его мнением. Особенно ярко это проявляется в примере № 1, где используется модальный глагол *must*. Придает высказыванию более высокой степень категоричности, чем глагол *should*, употребленный в примере № 2.

Модальные глаголы могут задавать тон всему политическому выступлению, потому что содержат в себе оценочный компонент и выражают субъективное отношение говорящего к тому и или иному явлению. Это один из способов привлечь на свою сторону общественность, сформировать политическую картину, обосновать свои решения.

2. Грамматические средства выражения побудительности

Глагол в повелительном наклонении

Основным средством выражения побудительности, и не только в английском языке, является глагол в повелительном наклонении. Обратимся к примеру.

Пример № 3: *I have a message for our military: Be ready* [25].

Джордж Буш Младший в своем Обращении к нации о положении в стране употребляет глагол *be ready* в повелительном наклонении, выражающее побуждение к действию с целью выполнения приказа. Однако данное побудительное высказывание можно считать приказом формально, так как оно не содержит в себе приказа к конкретному действию. Более того, сам оратор указывает на то, что это не приказ, а некая установка - *message*.

Несмотря на то, что формальным адресатом являются американские военные, можно предположить, что оно направлено не столько на самих военных, сколько на американский народ в целом, объединяющей правительством, милитаристские структуры и гражданское об-

щество в борьбе со злом и тиранией. Более того, адресатом данного высказывания может быть и политические оппоненты. Буш апеллирует к благородности американского народа.

Такой способ обращения к своего рода «наадресату», встречается и в другой речи:

Пример № 4:..... *Come here to this gate! Mr. Gorbachev, open this gate! Mr. Gorbachev, tear down this wall!* [26]

Здесь, несмотря на то, что высказывание напрямую обращено к Михаилу Горбачеву, трудно представить, чтобы глава одного государства ожидал от главы другого государства непосредственного исполнения этих призывов. К тому же лаконичность повторяющихся конструкций позволяет сравнить эти призывы с лозунгами, произносимыми демонстрантами. Эти лаконичные побудительные предложения обладают мощным экспрессивным потенциалом и в силу своего эмоционально-экспрессивного потенциала выполняют функцию создания картины того, что необходимо сделать и предпринять. Их отличает не только лаконичность, но и емкость и выразительность.

Все это позволяет сделать предположение, что в данном примере, главным адресатом высказывания является публика. Рональд Рейган пытается воздействовать на нее таким образом, чтобы она «подхватила» данные требования, выраженные с помощью глаголов *come, open* и *tear down* в повелительном наклонении, а краткость составных частей высказывания, повторения и параллельные конструкции направлены на усиление эмоционального воздействия.

Если сравнить с синтетической формой, аналитическая форма повелительного наклонения, образованная при помощи вспомогательного глагола *to let* в повелительном наклонении в сочетании с инфинитивом смыслового глагола, передает другой оттенок значения [27].

Например, данный оборот, употребленный применительно к 1 лицу множественного числа, обозначает приглашение к совместному действию, а не приказ или просьбу:

Пример 5:..... *Let's keep it going* [28].

В целом, политический дискурс США отражает целый ряд национально-специфических черт, особенностей ментальных характеристик американцев, специфику их лингвокультурного сознания. При этом в публичных выступлениях могут быть запечатлены национально-специфические концепты. В частности, в американском политическом дискурсе широко представлены идеи выявление истины с помощью сомнения и разоблачения, идея о пользе инноваций, изменений, роста и открытости к экспериментам.

Сослагательное наклонение

Императивный характер некоторых побудительных высказываний может быть настолько силен, что аудитория фактически лишается возможности мыслить, а следовательно и действовать самостоятельно. К таким высказываниям можно отнести приказы, предписания, требования, команды, распоряжения, разрешения, запреты, инструкции. Помимо них можно выделить высказывания, которые являются менее категоричными. К ним относятся просьба, мольба, приглашение, совет, убеждение, предложение, рекомендация, призыв [29, с. 134]. Данное положение нашло свое отражение применительно к политическому дискурсу, так как категория побудительности является одной из важнейших категорий в политической коммуникации, однако не всегда возможно прямое выражение побуждения. В таком случае побудительность выражается не вербально, оно оратором имплицитно.

Имплицитное содержание побуждения, то есть содержание, прямо не передаваемое лексическими и грамматическими языковыми единицами, а извлекаемое при восприятии произносимого высказывания [30], может быть реализовано в политическом дискурсе с помощью

сослагательного наклонения.

Пример 6: *If we are to go only half way, ... in my judgment it would be better not to go at all* [31].

В приведенном выше примере не прямой формой побуждения является выражение негативной оценки явления президентом Кеннеди. Стиль данного выступления не допускает категоричности, поэтому здесь применяются средства передачи непрямого побуждения. Имплицированная угроза вызывает у адресата чувство страха и, таким образом, должна воспрепятствовать любому неподчинению. Данная импликация приближена к грамматической конструкции, существующей в русском языке «если...то» [32].

Синтаксические средства выражения побудительности

Сложноподчиненные предложения условия или времени

Побудительный характер условных предложений может быть не очевидным, однако общий смысл позволяет назвать их побудительными предложениями с точки зрения прагматики. Семантика таких условных предложений заключается в том, что выступающий сообщает слушателю, что, чтобы достичь или избежать определенного результата, следует выполнить определенное условие. Тем самым выступающий побуждает слушателя выполнить это условие.

Оратор выражает побуждение в речи следующим образом: желаемый результат содержится в главном предложении, а необходимое для его реализации действие – в придаточном предложении условия или времени:

Пример 7: *But I promise you, when we keep at it, when we change enough minds, when we deliver enough votes, then progress does happen* [33].

В данном примере президент Обама предполагает, что аудитория хочет изменений к лучшему, и высказывает уверенность, что если обеспечить выполнение трех условий, то ожидаемые всеми перемены произойдут. Учитывая контекст данного высказывания – а именно выступление перед избирателями и участниками предвыборной кампании – можно сказать, что основная цель Обамы вполне конкретна – получение большего количества голосов, для чего необходимо склонить на свою сторону как можно большего количества людей. Барак Обама намеренно упрощает синтаксическую структуру, конденсируя политические идеи, чтобы они походили на лозунги.

Употребление трех одинаковых по грамматической структуре придаточных предложений, присоединяемых союзом *when*, является примером синтаксического параллелизма. Параллелизм повторяет при помощи разных слов некий инвариант смысла, поэтому этот синтаксический прием широко используется политиками. Благодаря однотипности синтаксических моделей Б. Обама формирует единую политическую картину в сознании слушателя. Инструментальная функция данного синтаксического приема – манипулирование общественным сознанием.

Экспрессивный смысл высказывания усиливает частичная инверсия или эмфатическое разделение глагола, то есть отступление от порядка слов, свойственно нейтральному повествовательному предложению. Эмфатический вспомогательный глагол *does* помещается перед смысловым глаголом *happen*, беря на себя его грамматические характеристики – время, число, лицо.

Эмфаза обладает большим синтаксическим потенциалом, она построена на преобразовании синтаксической нормы, поэтому привлекает внимание слушателя и позволяет сделать логический акцент. Эмфаза, которая может быть использована на различных языковых уровнях, здесь, как мы видим, используется на грамматическом уровне и придает речи дополнительную выразительность и экспрессивность. При помощи данного грамматического языкового инструментария Барак Обама акцентирует внимание слушателей на том, что

изменения действительно наступят, если будет выделены все вышеупомянутые условия. Происходит усиление прагматической выделенности информации о том, какой результат стоит ожидать избирателям, и воздействие на адресата непосредственно усиливается.

Обратимся к другому примеру. В своем известном выступлении о правах женщин, произнесенном в Пекине, Хиллари Клинтон выражает уверенность в том, что пока женщины страдают от негативного отношения, возможность создания процветающего мира не будет реализована [24]. Она имплицитно выражает идею о том, что для того, чтобы мир процветал, необходимо устранить все негативные явления, которые испытывает на себе женщины. Все факторы, отрицательно сказывающиеся на женщинах перечисляются в придаточных временных, вводимых союзом *as long as*: *as long as discrimination and inequities remain so commonplace...., as long as girls and women are valued less, fed less, fed last, overworked, underpaid, not schooled*. Чтобы исключить данный негативный факт реальности, Клинтон побуждает слушателя избавиться от данных реалий.

Употребление двух одинаковых по грамматической структуре придаточных предложений, присоединяемых союзом *as long as*, также является примером синтаксического параллелизма. Благодаря однотипности построения придаточных временных создается эффект эвфонии. Синтаксический параллелизм имеет не только фонетический эффект. С одной стороны, он обобщает высказывание в смысловом плане, и способствует усилению экспрессивной выразительности, с другой стороны.

Сложноподчиненное подлежащее предложение Семантика необходимости, важности, требования может передаваться посредством сложноподчиненного придаточного предложения типа *It + be + Adj + подчинённое предложение*, главное предложение начинается с формального подлежащего *it* и содержит составное именное сказуемое, именная часть которого выражена именем прилагательным с соответствующим значением.

Пример 8: *It is essential that the funds previously requested for this effort be not only approved in full* [31].

Прилагательное *essential*, которое является частью составного именного сказуемого, требует употребления в придаточном предложении глагола в форме сослагательного наклонения – *be approved*, благодаря чему побудительный характер таких высказываний проявляется еще ярче.

Сложносочинённые предложения с разделительным типом связи

Побудительный характер сложносочинённых предложений с разделительным типом связи очевиден с точки зрения прагматики. Данный тип высказываний строится по принципу альтернативы: либо будет выполнено определенное положительное условие, либо стоит ожидать негативных последствий. Аудитории предоставляется свобода выбора, например:

Пример 9: *We'll preserve for our children this..... or we'll sentence them to take the last step into a thousand years of darkness* [34].

В данном высказывании президент Рональд Рейган предлагает аудитории сделать некий выбор, от которого зависит их будущее: либо ему и слушателям удастся сохранить упомянутые ранее принципы, либо настанут темные времена. Тем самым, некая пугающая неизвестность и альтернатива выбора как способ выхода из нее побуждает слушателя сделать все возможное, чтобы избежать воплощения негативной возможности развития данной ситуации и реализовать первую предлагаемую возможность. Данная синтаксическая конструкция реализует коннотативное значение экспрессивности, придающее речи дополнительную яркость и эмоциональность. Экспрессивность высказывания, то есть образность, достигаемая с помощью выразительных средств языка с целью усиления значения, выражает внутреннее состояние оратора и влечет за собой эмоциональное

усиление смысла, являясь, при этом, факультативной. Основной целью побудительного речевого акта является достижение соответствующего иллюкутивного эффекта, а экспрессивность - это дополнительный компонент воздействия. В центре экспрессивной функции высказывания находится адресат. Определенные эмоции, подлинные или притворные, помогают оратору произвести впечатление. Подобная сложносочиненная структура несет сильный эмоциональный заряд, потому что предлагая альтернативу выбора, оратор не ждет получение ответа, а привлекает внимание аудитории к тому или иному вопросу. Такая же функция присуща риторическому вопросу.

Рассмотрев данные примеры, следует отметить такую особенность большинства данных побудительных высказываний, как отсутствие призыва к конкретному физически совершаемому действию. Большинство призывов направлены на эмоциональную деятельность слушающих (поддержать, понять, согласиться). Исключением можно считать призыв отдать свой голос за определенного кандидата, который является призывом к главному конкретному действию в отношениях «политик – избиратель».

ВЫВОДЫ

Существует некая неоднозначность трактовки такого ключевого понятия для политического дискурса как политический язык. Однако в отношении функций и характерных особенностей политического дискурса, в целом, большинством ученых признаются такие типовые черты политического дискурса, как оказание воздействия, манипуляция, борьба за власть, завоевание доверия аудитории. Публичные выступления политических деятелей отражают явления современной действительности, общенациональный культурный фонд, историческое наследие государства, состояние общества.

Побудительность выражается вербально как лексико-грамматическим языковым инструментарием (средством повелительного и сослагательного наклонения, трехчленной конструкции с объектно-предикативным членом, модальных глаголов), так и синтаксическими средствами (посредством условных высказываний). Однако, задача завоевания и удержания симпатии населения не всегда выполнима с помощью корректного убеждения, основанного на логическом доказательстве. Как правило, манипуляция общественным мнением осуществляется через не вербальные языковые средства. В таком случае категория побудительности имплицитруется оратором при помощи глаголов в сослагательном наклонении, а также за счет условных и временных сложноподчиненных предложений, сложносочиненных предложений с разделительным типом связи.

Побудительные высказывания не ограничиваются только информативно-познавательным аспектом языка, их экспрессивность включает в себя разные коннотативные значения и придает речи политика особую выразительность. Эти экспрессивные вкрапления трактуются как дополнительный компонент побудительного речевого акта, при осуществлении которого оратор явно или скрыто оказывает воздействие на аудиторию, так как основной особенностью американского политического дискурса является языковая манипуляция, представляющая собой целостное речевое действие, направленное к массовому адресату для завоевания и удержания власти. Она обеспечивается за счет тщательно подобранных языковых единиц в комбинации с социальными факторами.

Изучение политического дискурса представляется перспективным, как для политиков, так и для их аудитории. Политикам это дает возможность найти наиболее эффективный способ воздействия на общественное сознание, а аудитории дает понимание истинных намерений политиков, которые подчас скрываются под языковой манипуляцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вьюнова Е.К., Петрова Е.С. Вариативность передачи комического при устном переводе англоязычного политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9-3 (63). Тамбов, 2016. С. 75-80.
2. Вьюнова Е.К., Петрова Е.С. Локус комического: реалии в устном политическом переводе // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 3 (42). Москва, 2016. С. 84-91.
3. Чантуридзе Ю.М. Афроамериканский политический дискурс: когнитивный, лингвокультурологический и риторический аспекты: дисс. на соискание ученой степени доктора филолог. наук. М., 2015. 187 с.
4. Куралева Т.В., Кондрашова В.Н. Саморепрезентация в политическом дискурсе: корпусное исследование (на материале предвыборных речей Б. Сандерса и Х. Клинтон) // Научный диалог. № 4. Екатеринбург, 2018. С. 100-112.
5. Рыбачук К.Ю. Типология интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе Великобритании и США. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2016. С. 164-167.
6. Feldman O., De Landtsheer C. Politically speaking: a worldwide examination of language used in public sphere. London, 1998. 224 p.
7. Юдина Т.В. Дискурсивное пространство политического речи // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб. Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 172-185.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. на соискание ученой степени доктора филолог. наук. Волгоград, 2000. 433 с.
9. Паришин П.Б. Об оппозиции системноцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Диалог: электронный научный журнал. 2000. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/229.htm>, свободный, (дата обращения: 15.03.2018)
10. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 42 с.
11. Воробьева О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. М.: Издательство ИКАР, 2008. 296 с.
12. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. № 1(24). С. 43-48.
13. Парастаев Г.Н. Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе (на примере выступлений политических деятелей США) // Вестник Московского гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2011. № 3. С. 97-103.
14. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. 320 с.
15. Павлуцкий В.А. Политический дискурс: особенности и функции // Вестник Житомирского государственного университета. Филологические науки. Житомир, 2008. №39. С. 220-221.
16. Варламова Е. В. Отличительные особенности политического дискурса // Гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 45-50.
17. Левенкова Е.Р. Контрастивный анализ национально-специфических концептов в институциональном политическом дискурсе Великобритании и США / Е.Р. Левенкова // Вестник Челябинского государственного университета. «Филология». «Искусствоведение». Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. № 32 (213). С.62-70.
18. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Учпедгиз, 1947, 784 с.
19. Золотова Н.О. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 350 с.
20. Сабанеева М.К. Генезис косвенных наклонений французского глагола. Л.: Издательство ЛГУ, 1981. 184 с.
21. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
22. Саалова Е.С. Функционально-семантическое поле побудительности в древнеанглийском языке: автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 24 с.
23. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филол. наук. СПб, 2009. 40 с.
24. Hillary R. Clinton. Remarks to the U.N. 4th World Conference on Women Plenary Session delivered 5 September 1995, Beijing, China [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/hillaryclintonbeijing-speech.htm>, свободный, (дата обращения: 15.09.2019)
25. George W. Bush. Address to Joint Session of Congress Following 9/11 Attacks, delivered 20 September 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911-joint-sessions-speech.htm>, свободный, (дата обращения: 02.12.2018)
26. Ronald Reagan. Tear down this wall, delivered June 12, 1987 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.historyplace.com/speeches/reagan-tear-down.htm>, свободный, (дата обращения: 01.12.2018)
27. Корнеева Е.А. Грамматика английского глагола в теории и практике: Время, вид, временная отнесенность, залог, наклонение. СПб: Союз, 2000. 448 с.
28. Barack Obama. 2016 Democratic National Convention Address delivered 27 July 2016, Philadelphia, Pennsylvania. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2016/barackobama2016.htm>, свободный, (дата обращения: 15.09.2019)

ния: 27.01.2018)

29. Волкова А.Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, 2011. №4 (1). С. 134-141

30. Долинин К. А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. Москва, 1983. № 4. С. 39-45

31. John F. Kennedy. *Speech to Congress on Urgent National Needs delivered 25 May 1961, Washington, D.C.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkjoinsessionurgentnationalneeds.htm>, свободный, (дата обращения: 01.12.2018)

32. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику. Москва: Флинта: Наука, 2007. 147 с.

33. Barack Obama. *2016 Democratic National Convention Address delivered 27 July 2016, Philadelphia, Pennsylvania.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2016/barackobamadnc2016.htm>, свободный, (дата обращения: 27.01.2018)

34. Ronald Reagan. *A Time for Choosing delivered 27 October 1964, Los Angeles, CA.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreaganatimeforchoosing.htm>, свободный, (дата обращения: 03.10.2018)

Статья поступила в редакцию 10.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 821.351.32:398
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0044

ФОЛЬКЛОРНОСТЬ ПОЭМЫ А. ФАТАХОВА «ШАЛОВЛИВЫЕ ДЕТИ»

© 2020
SPIN-код: 5410-7040
AuthorID: 545498

Гашарова Аида Руслановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник
отдела фольклора Института языка, литературы и искусства имени Г. Цада-
сы
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
(367000, Россия, Махачкала, улица М. Гаджиева, 45, e-mail: aida.2015@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу поэмы одного из основоположников советской лезгинской литературы Алибека Фатахова. Он по праву считается родоначальником лезгинской поэмы. Проанализировав поэму Фатахова «Шаловливые дети», мы постарались ответить на ряд вопросов, главными из которых являются – жанровая характеристика произведения и его художественные достоинства. Это, в свою очередь, в некоторой мере позволяет оценить тот вклад, который внес Фатахов в развитие жанра поэмы, а также показать какое место занимают его произведения в лезгинской (дагестанской) поэзии. Исследование строилось на конкретном анализе текста-оригинала с учетом имеющихся специальных научных исследований по рассматриваемой теме. В лезгинском и дагестанском литературоведении есть ряд научных изысканий посвященных этой проблеме, но вместе с тем многие из них не соответствуют требованиям сегодняшнего дня, отличаются субъективным подходом, поверхностным анализом, и в основном затрагивают идейно-тематический аспект. В ходе анализа поэмы мы постарались доказать неправомерность такого подхода со стороны отдельных исследователей, когда отмечается сказочность ее сюжета. В ходе конкретного анализа текста мы пришли к выводу, что кроме сказочного зачина, и то в усеченной и сокращенной форме, ничего сказочного ни в сюжете, ни в образах, ни в используемых художественных средствах в поэме нет.

Ключевые слова: лезгинский фольклор, лезгинская литература, жанр, поэма, сказка, социально-бытовая сказка, сказки об одурачивании, сказочный зачин, композиция, пролог, развитие действия, кульминация, развязка, традиционная рифмовка, гошма.

FOLKLORE OF A. FATAHOV'S POEM «NAUGHTY CHILDREN»

© 2020

Gasharova Aida Ruslanovna, candidate of philological sciences researcher at the department
of folklore, Institute of Language, Literature and Art, G. Tsadasa
Dagestan Federal Research Centre Russian Academy of Sciences
(367000, Russia, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 45, e-mail: aida.2015@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the poem of one of the founders of Soviet Lezgin literature, Alibek Fatakhov. He is rightfully considered the founder of the Lezgin poem. After analyzing Fatakhov's poem «Naughty Children», we tried to answer a number of questions, the main of which are the genre characteristics of the work and its artistic merits. This, in turn, to some extent allows us to evaluate the contribution that Fatahov made to the development of the poem genre, as well as to show what place his works occupy in Lezgin (Dagestan) poetry. The study was based on a specific analysis of the original text, taking into account the existing special scientific studies on the subject. In Lezgin and Dagestan literature there are a number of scientific studies devoted to this problem, but at the same time many of them do not meet the requirements of today, differ in subjective approach, superficial analysis, and mainly touch on the ideological and thematic aspect. In the course of the analysis of the poem, we tried to prove the illegality of this approach on the part of individual researchers, when the fabulousness of its plot is noted. In the course of a concrete analysis of the text, we came to the conclusion that there is nothing fabulous either in the plot, in the images, or in the artistic means used in the poem, apart from the fairy tale plot, and then in truncated and shortened form.

Keywords: Lezgin folklore, Lezgin literature, genre, poem, fairy tale, social everyday tale, tales of fooling, fairy tales, composition, prologue, development of action, culmination, denouement, traditional rhyme, goshma.

Введение. Алибек Фатахов относится к числу тех поэтов и писателей, чье творчество занимает особое место в лезгинской национальной литературе. Особенность эта обусловлена тем вкладом, который он внес в развитие родной словесности. Вклад этот весом как по числу созданных произведений, так и в области новаторства. Об этом хорошо сказано в специальной литературе, посвященной творчеству писателя: «Талантливый художник слова, один из основоположников лезгинской советской литературы Алибек Фатахов прожил всего двадцать пять лет. Но за это короткое время он успел сделать многое: выпустил несколько поэтических сборников, создал ряд поэм и роман в стихах, заложил основы национальной поэмы и, наконец, выступил реформатором лезгинского стиха» [1, с. 135].

В 30-е годы Фатахов активно включается в литературную жизнь республики. Творчество его началось с публицистических жанров-статей, заметок, очерков, фельетонов, потом Фатахов переходит к поэзии. В этот же период он начинает поэтические эксперименты в области стихосложения: «Новое революционное содержание требовало и соответствующей ему формы. Алибек Фатахов выступил подлинным новатором в родной литературе. Он широко пользуется силлабо-тоническим и тоническим стихом (традиционный лезгинский стих силлабический), лесенкой, а также развернутой метафо-

рой, гиперболой и гротеском, знает цену художественной детали» [2, с. 62–63].

Известен Фатахов и как зачинатель национальной поэмы. Его первые рассказы до сих пор остаются непревзойденными образцами в этом жанре. Они стали предметом подражания и школой мастерства для многих поколений лезгинских писателей. Это стало возможным в первую очередь из-за их художественных достоинств: «От рассказов Фатахова веет чеховским лиризмом. Авторские ремарки, диалоги, пейзажные зарисовки – все это вместе образует удивительный поэтический сплав. Живая речь героев, пейзажные зарисовки писателя полны экспрессии и внутреннего движения» [3, с. 72].

Основная часть. Следует отметить, что лезгинская поэзия «была достаточно богатой и разнообразной в жанровом отношении. Но эпических форм в ней не было. XX век начинает в истории лезгинской поэзии новый этап. Время и его задачи вызвали к жизни новые крупные формы, а также трансформировали старую жанровую систему фольклора и дореволюционной литературы» [4, с. 108].

Важное место в творческом наследии Фатахова занимает жанр поэмы. Поэт внес существенный вклад в зарождение и развитие этого жанра в национальной литературе, а это немаловажно, если учесть, что «...поэма – главный жанр поэзии. Без нее невозможно представить

картину современного литературного развития. Лучшие произведения этого жанра составляют наше идейное эстетическое достояние, которое мы еще не сумели во всей ее полноте освоить и оценить... Большие поэмы создаются большими поэтами – это непреложная истина. Поэма очень трудный и ответственный жанр, она должна быть для поэта высшим актом творения» [5, с. 164].

Здесь уместно отметить и замечание В.Г. Белинского по этому поводу: «Для того чтобы быть поэтом, мало ума: нужно чувство и фантазия. Делать поэмы может всякий, творить – один поэт» [6, с. 232].

Фатахов оказался таким поэтом, который творил, и поэтому понятно, что он при отсутствии национальных традиций, смело взялся за поэму. Некоторые исследователи категорично заявляют, что именно «Фатахов ввел в лезгинскую поэзию жанр поэмы и этим знаменовал качественно новый этап в ее развитии» [7, с. 28].

Фатахов является автором таких поэм, как «Война», «Ударник Гасан», «МТС», «Горные разведчики». Данный пласт в творческом наследии поэта подвержен анализу во многих научных публикациях, посвященных его жизненному и творческому пути [7], [8]. Особое место среди них как по охвату материала, так и по глубине анализа занимает работа Р.М. Кельбеханова «Алибек Фатахов. Традиции и новаторство» [9]. В данной работе автор подробно рассматривает каждую поэму, отмечая при этом и вклад предшественников, выявляет их слабые и сильные стороны, рассматривает их идейно-тематические и художественные особенности.

Перу Фатахова принадлежит и первая в лезгинской литературе поэма для детей «Шаловливые дети», написанная в 1930 году. Поэма примечательна тем, что она представляет собой первое произведение о детях и созданное для детей в лезгинской литературе. Считая, что это произведение – первый опыт Фатахова в жанре поэмы, Кельбеханов отмечает: «Основу поэмы составляет происшествие, имеющее начало и конец. Поэма – замечательный образец единства и действия. Адресована эта вещь детям. Этим определяется ее близость народной сказке, которую лезгины очень любили. Она была особенно незаменима в зимние вечера. К сожалению, интерес к ней значительно упал, особенно в последние два-три десятилетия. У читателя поэмы невольно возникает улыбка. Юмор, опять-таки идущий от сказки или притчи, – важнейшее свойство «Шаловливых детей». Зачин поэмы – типично-сказочный...» [9, с. 37].

В этом небольшом суждении имеется немало моментов, вызывающие недоумение. Во-первых, если в основу поэмы легло происшествие (а это указывает на то, что поэма не может быть лирической), то очевидно, что оно всегда имеет свое начало и конец. Это можно и не выделять. Другое дело, что действия разворачиваются последовательно, автор не пользуется сюжетной инверсией, в результате чего сюжет превращается в обычную фабулу. Вот это и стоило бы подчеркнуть. В целом, в сюжете поэмы нет сказочных элементов.

Во-вторых, происшествие, легшее в основу сюжета этого произведения, имеет не только начало и конец, но и почти все элементы сюжета: пролог (в виде зачина), развитие действия, кульминация, развязка, что также важно для определения жанровой разновидности поэмы.

Поэма, созданная для детей, становится вполне оригинальным по своим художественным достоинствам литературным произведением. Язык и форма стиха по своему строению близки народному стиху. Кроме того, она начинается с традиционного в фольклоре лезгин сказочного зачина – со слов «была, не была», т.е. явного атрибута начала сказки:

Хъана, хъанач са къари
За лугун хъуьруьхъ вири;
Тъварни тир вичин Пери
Темягъкарни тир ими [10, с. 141].
Была, не была старуха

Я расскажу – смейтесь все;
Звали её Пери
Жадной была она...

Типичное вступление характерное для лезгинской сказки использовано с целью придать произведению видимый отпечаток фольклорности. На наш взгляд, именно наличие в зачине слов «была, не была» наталкивает автора на мысль искать параллели в фольклоре – сказке, притче, – и дальше «делать выводы» о том, что у лезгин «особая» любовь к сказке. Непонятно также, почему исследователь, сожалея о том, что интерес к сказке упал, особенный упор делает на два-три десятилетия. Интерес упал значительно раньше и на то есть свои общеизвестные причины, о которых ничего не сказано. Да и зачин данной поэмы нельзя считать взятой в «готовом виде» из народной сказки. Она в руках автора прошла творческую обработку – стал лаконичнее, и «растерял» некоторые обязательные для сказки компоненты. Так, Фатахов начинает повествования со слов: «хъана, хъанач са къари», т.е. «была, не была одна старуха». В народной сказке это обязательно бы выглядело следующим образом: «Хъана къван-хъанач къван са къари». Компонент «къван» здесь привносит некоторый экспрессивный тон – «была, оказывается – не была, оказывается одна старуха».

Вряд ли можно согласиться с тем, что действие «шаловливых» мальчиков вызывает улыбку, в лучшем случае, недоумение, а у многих, наверное, и чувство возмущения. Что касается юмора, то вряд ли поэма его содержит. Другое дело, что Фатахов старается, чтобы он, этот юмор, присутствовал. На это направлено и подбор слов и выражений и используемый размер, и форма повествования. Однако действия мальчиков «шалуншек» настолько неприглядны, что все эти авторские «ухищрения» не дают должной отдачи. В лучшем случае, вызывают чувство досады. Ведь что мы имеем на самом деле: двое несовершеннолетних, сговорившись, проникают в дом одинокой старой женщины во время ее отсутствия. Они затопили печь, зарезали всех кур, при этом пострадал и сосед старухи, плетень которого пошел на растопку, и «пир на весь мир». Отсюда видно, что подобные действия никак не могут вызвать ни смеха, ни улыбку. Поэтому, как нам представляется, в оценке действий озорников более правильную позицию занимает Ф.И. Вагабова: «Традиционная форма произведения, составленного семисложными четверостишиями, с использованием возможностей старой рифмовки – рифмы внутрискочные, углубленные, стремящиеся к байтовому построению. Из арсенала народного творчества заимствует молодой художник сказочный зачин, свой голос рассказчика, образ жадной неугомонной старухи, конфликт, подготовленный полярной противоположностью образов старухи и детей, всезнаек-шалунов. Наверное, это традиционная обозначенность характеров и конфликта исключала необходимость художнического поиска и обусловила явную поверхность обрисовки образов, натянутость конфликта, неопределенность позиции поэта-рассказчика, гротескность масштабов действий, более естественных для беспризорников, чем для озорников-детей» [11, с. 375].

Обратим внимание, что Вагабова последовательно приводит мысль о близости поэмы фольклору вообще, а не ее конкретной форме – сказке. От сказки она отмечает только зачин. Подчеркивая традиционность формы, она отмечает схожесть поэтических форм, т.е. то, чего в лезгинской сказке нет, так как лезгинские народные сказки дошли до нас только в прозаической форме. Сказки в стихотворной, поэтической форме в лезгинском фольклоре не представлены.

Однако Кельбеханов все время отмечает связь именно со сказкой: «Никакой индивидуализации тут нет. Фатаховская старуха шагнула в поэму из сказки» [9, с. 39].

Возникает вопрос, из какой именно сказки она сумела шагнуть в поэму? Схожие образы в лезгинских

сказках мы вряд ли найдем. Поэтому следует отметить, что в поэму старуха шагнула из жизни, из конкретной эпохи, со своими индивидуальными чертами, которые, к сожалению, лишь поверхностно обрисованы, т. е. взята она из жизни, а изображена в традициях фольклора, характеристика ее базируется на авторском рассказе, а не на изображении в конкретной обстановке. Здесь налицо случай, когда показ подменяется рассказом. При этом следует отметить, что автором используется и внутренний монолог, и портретная зарисовка, и интерьер, и прямая речь. Например, общее представление о наружности старухи: «Къудкъад йис уьмуър хъана, юкьни ми хъиз алгъана...» («Восемьдесят прожила, в поясице совсем скривилась...»); элементы интерьера: «Чахрадал ийиз гъалар, ацукьна къулав чими» («На прялке пряла пряжу, у нагретой сев печи»).

Ум, смекалка, здоровый прагматизм старухи, считавшей себя самой «непоседливой лисицей» проявляется в следующих строках:

– Эгер верчери гъарда
Хана хъайтIа къад кака.
Абурукай верчер жеда –
Зи карни иер жеда [10, с. 142].
– Если каждая из кур
Хоть снесет двадцать яиц.
Они станут курами –
Мои дела пойдут в гору...

И такую смышленную, рачительную старуху и автор, и исследователи почему-то хотят причислить к отрицательным персонажам, но вряд ли можно назвать справедливым.

Обращает на себя внимание, как Кельбеханов выражает свое несогласие с весьма, на наш взгляд, аргументированными выводами Вагабовой о связи поэмы Фатахова с родным фольклором.

А. Фатахов не случайно избрал сказку отправным моментом для первой своей поэмы. Так он сумел ей придать живость, занимательность, что особенно важно в произведениях для детей. Одним из действенных средств в этом плане стала гиперболизация злодеяний воришек. Гротеска мы в поэме не обнаружили. Никакой «натянутости конфликта» в поэме не ощущается.

Далее, что касается обрисовки образов, то тут поэт ориентируется на сказку. Его интересует не индивидуализация образов, а создание комической ситуации, изображение проделок озорников» [9, с. 39–40].

Согласиться с подобными утверждениями невозможно. То, что связь поэмы с фольклором имеется, согласны все. Однако Фатахов не выбирал сказку отправным моментом поэмы. Еще раз подчеркнем: ничего сказочного в сюжете повествования нет. И по этой простой причине всякая связь со сказкой исключается. И для придания живости и занимательности сюжету сказка едва ли является единственным средством, даже если это произведение написано для детей.

Что касается гротеска, то он на самом деле в чистом виде в поэме не представлен, но гиперболизация, доведенная до абсурда, воспринимается именно как гротеск не в прямом значении этого слова.

На столь категоричное заявление, что «натянутости конфликта нет», можно также категорично ответить: натянутость есть и проявляется она в том, что для конфликта нужна ситуация, а для ситуации – конкретные действия или отношения, способные ее вызвать. В поэме всего этого нет и порой кажется, что автор поэмы сам «натравил» озорников на старуху, до того она ему не по сердцу со своей индивидуальной практической деятельностью и отсутствием чувства коллективизма. К примеру, в социально-бытовых сказках об одурачивании «своеобразно выражена ненависть к привилегированному классу; обманутый в них – всегда представитель враждебного народу класса. Выделение этих сказок в особый тип обусловлено тем, что в них без всяких исключений морально оправдан хитрец и шутник, и все симпатии

на его стороне, а не на стороне обманутого» [12, с. 22]. А образы народных персонажей в лезгинских притчах, «это прежде всего носители дидактической функции. Эти герои приверженцы справедливости, доброты и мужества» [13, с. 110].

В обрисовке образов также нет ничего сказочного: отсутствует глубина отображения, нет типизации и т.д. Это, конечно же, под влиянием фольклора, но не именно сказки как одного из его жанров, т.к. сказочные образы имеют свои особенности, свою индивидуальность и специфические черты, а образам поэмы – старухи Пери, Карци, Кембера, – они не присущи.

Что касается комичной ситуации: ее в поэме нет, и не предвидится. При соответствующих дополнениях и изменении концовки ситуацию можно было бы назвать трагикомической, для комической же ситуации не хватает самого главного: провала задуманного злого умысла, обусловленного вмешательством в нужный момент и в нужном месте носителей добра или же потенциального пострадавшего.

Неопределенность позиции поэта-рассказчика, о которой говорит Вагабова, нельзя считать с ее стороны жестким и необоснованным подходом, потому что это видно из содержания поэмы. Того же мнения и сам Кельбеханов, который считает: «Здесь авторская позиция тоже просвечивается: действия детей он не одобряет, хотя и старухе не сочувствует» [9, с. 45]. А ведь это и является неопределенностью позиции.

То, что в основе поэмы лежит не сказка отчетливо проявляется в ее концовке, на что правильно обратил внимание сам же сторонник подобной концепции Кельбеханов: «В отличие от сказки, где зло карается, а добро вознаграждается, у А. Фатахова мальчишки озорники, обокравшие старуху, сами оказались наказанными в большей мере» [9, с. 45].

Как нами было уже отмечено, поэма имеет стройную композиционную структуру. Экспозицией в ней является авторская характеристика старухи. Это первая часть произведения. Отметим также, что по своим художественным параметрам экспозиция является не совсем удачной, так как в ней превалирует авторский рассказ, основанный на субъективном восприятии явлений.

Вторая часть поэмы посвящается другим участникам конфликта – мальчишкам, задумавшим свой коварный план против старухи. Ее можно было бы считать удачной, если бы не излишняя растянутость, связанная, в первую очередь, с фольклорным зачином, явно неуместным.

Постепенно он плавно переходит в следующий элемент – завязку. Главную роль здесь играют мастерски восполненные диалоги, хотя необходимо обратить внимание на отсутствие какой бы то ни было индивидуализации речи. Результатом этого является нечеткое разделение речи автора от речи персонажей. Но соблюдается интонация разговорной речи, некоторые возрастные особенности и на фоне этого создается психологический портрет сорванцов, который во многом заменяет отсутствующую мотивировку их поступка. На такой «подвиг» мальчишек могли подтолкнуть такие причины, как личная неприязнь, связанная с конкретными поступками старухи и направленная против мальчишек, чувство гнева или же натравливание со стороны человека старшего по возрасту. Всего этого нет, и поэтому, налицо неубедительность действий, и натянутость конфликта. Вторая часть поэмы заканчивается мнимой «победой» воришек.

Третья часть начинается с возвращения старухи из леса, куда она пошла за хворостом, и тем как она отворяет дверь с помощью соседа. Далее следует кульминация, когда пойманные на месте преступления воришки получили по заслугам от тяжелой руки соседа.

Развязка поэмы связана с дальнейшим «углублением» наказания. На основании жалобы старушки сельсовет выносит решение оштрафовать шалунишек. Пришлось

отцам раскошелиться, что естественно также не прошло бесследно для «героев». Злу преподан урок и автор надеется, что он пойдет впрок: «Пацанризни идакай тербет, несигъат хъана» («Преподанный друзьям урок, наверное, пойдет им впрок»).

Нет единого мнения у исследователей по вопросам строфики поэмы и ее рифмы. Выше мы указали, что Вагабова отмечает использование в этом произведении возможностей старой рифмовки. По этому поводу Кельбеханов пишет: «Недоумение вызывает утверждение о том, что поэт “использовал возможности старой рифмовки”. Кто из поэтов такие возможности не использовал? Такого не было, и нет» [9, с. 40].

Отмечая сам факт использования возможностей традиционной рифмовки Фатаховым, Вагабова не «расшифровывает» свою мысль, не доводит ее до логического конца, хотя вскольз и дает объяснение этому. Так, формулировка: «Рифмы внутрострочные, углубленные, стремящиеся к бейтовому построению», – означает не что иное, как использование, ставшей традиционной для всей дореволюционной лезгинской поэзии, поэтической формы «гошма», которая по утверждению исследователей (Г. Шенгели) восходит к газели – форме состоящей из двустихий-бейтов с внутрострочной рифмовкой. Другими словами, бенд гошмы представляет собой искусственно разделенную на две части бейты газели, причем такому разделению, в первую очередь, способствует наличие внутрострочной рифмовки там, где она совпадает с цезурой. Отсюда и «стремление» к бейтовому построению.

Обратим внимание и на то, что Вагабова не говорит о прямом использовании старой рифмовки, а всего лишь об использовании ее возможностей, т.е. не всегда и не везде выдерживаются строгий канон гошмы. Об этом же пишет и сам Кельбеханов, однако его пример из текста на самом деле вызывает недоумение: «Приведем примеры. Рифмующиеся слова подчеркиваем. Строфа гошмы:

Хъана, хъанач са къари
За лугъун, хъуърун вири;
Тварни тир вичин Пери
Темягкарни тир ими [10, с. 141].

Известно, что схемой строфы гошмы, начиная со второй, является: в-в-в-б; д-д-д, б и т.д., т.е. первая строфа рифмуется по типу: а-б-а-б; в последние же четверостишиях первые три строки имеют свою рифму, а четвертые рифмуются между собой...» [1, с. 49]. Приведенная же в качестве примера строфа претендует на то, чтобы быть причисленной к разновидности со сплошной рифмой, когда рифмуют между собой все последние слова бенда. Если сравнить эту строфу с той, что приводит автор, как пример использования сплошной рифмы, мы убедимся, что они ничем друг от друга не отличаются, и оба для гошмы не «годятся»:

Хабар гун за ваз никай?
Къуншид гада КларцИкай.
Кар хъана ада кланикай,
Зарар гана вичикай [10, с. 142].
Ну, о ком вам сообщить?
О соседском мальчике Карци,
Он плетет сеть исподтишка,
Причинил ей вред.

Это не единственное упущение исследователя в данном вопросе. Вот его пример, когда «в строфе стихи вообще не рифмуются»:

Къаркай са къуз и къари:
Ацукъна къулав чими,
Къастунал хъана клеви,
Вуч лагбанайГла, килиг куьн [10, с. 142].
В один из дней эта старушка:
Сидя у нагретой печи,
Сделала твердое намерение,
Что сказала, посмотрите вы.

Даже беглый взгляд на строфу показывает, что первые три строки рифмуются между собой, а четвертый

– нет. Здесь мы имеем именно тот случай, когда «поэт пользуется не только имеющимся арсеналом рифмы, но создает и новые, рассчитанные на слуховые восприятия, в которых не обязательно точное совпадение всех звуков» [14, с. 265].

Анализ текста показывает, что случаев, когда стихи в строфе вообще не рифмуются, не встречаются. Но зато, много случаев, для небольшой по объему поэмы, когда нарушается ритмическая организация текста, т.е. не соблюдается одно из главных требований силлабики – это наличие одинакового количества слогов в каждом стихе:

Къари килигна гъанлай,
Гум акъатзава гурмагъдай.
Къарид рикли зуз уна,
Садлагъана къудгъунна [10, с. 144].
Старуха посмотрела оттуда,
Из трубы выходит дым.
Екнула сердце старухи,
Мигом подпрыгнуло [оно].

Такие случаи, когда несоответствие количества слогов встречается в одном стихе строфы, грубо нарушает ритмику, музыкальность и целостность поэтического текста. Этого не скажешь в тех случаях, когда два первых стиха совпадают по количеству слогов (обычно – восемь слогов), а в двух последующих, количество уменьшается. Ритмический сбой при этом не чувствуется. Наоборот, ломаный ритм создает эффект большей музыкальности:

Югъ атана нисин хъана,
Къари хкъез кВачин хъана.
КВатГална вичин шала,
Къачуна, яна кЛулаз [10, с. 144].
День подошел к полдню,
Старуха приготовилась возвратиться.
Завязала свой вьюк,
Взяв и взгромоздив на спину.

Здесь в первых двух стихах по восемь слогов, в третьем и четвертом – семь слогов.

Заключение. Таким образом, на конкретных тестовых примерах сделана попытка выявления неточностей в рифмовке и сформулирования правильности своей точки зрения по этому вопросу.

Внесены также некоторые коррективы в толковании образов. В частности, образ старухи, при всем желании автора, не получился отрицательным, т.к. главная черта, на которую хотел сделать упор Фатахов, а также ряд исследователей, – жадность, – так и не проявляется в ходе всей поэмы. Что касается детей, то они вопреки авторскому замыслу, что видно и из названия произведения, никак не претендуют на роль шалунишек. Их действия сильно отличаются от детских шалостей и претендуют на нечто большее.

Несомненной заслугой автора является наличие у поэмы четкой композиционной организации с такими сюжетными элементами, как экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Среди недостатков поэмы отмечены неопределенность позиции автора, отсутствие глубины раскрытия образов, мотивация действий и поступков персонажей и другое.

При рассмотрении поэмы «Шаловливые дети» Фатахова мы постарались обосновать неправомерность подхода, когда отмечается сказочность сюжета поэмы со стороны отдельных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гашаров Г.Г. *Лезгинская литература: История и современность*. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998. 472 с.
2. Гашаров Г. Г. *Писатель новатор // Певцы обновленного края*. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. С. 61–71.
3. Темирханова Г.Б. *Формирование и развитие эпических традиций в лезгинской поэзии // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2015, № 4. С. 107–112.
4. Гаджикулиев Б.С. *В созвездии братских литератур*. Махачкала: ДКИ, 1977. 78 с.
5. Жаков А.Г. *Современная советская поэма*. Минск: Издательство БГУ, 1981. 176 с.

6. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13-ти т. Т. 1.: Статьи и рецензии. М.: Акад. наук СССР, 1953. 574 с.
7. Агаев А.Г. Творчество Алибега Фатахова: Очерк. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. 83 с.
8. Бирембеков З.Г. Художественное творчество Алибека Фатахова: Автореферат дис. канд. филол. наук. Махачкала, 1974. 26 с.
9. Кельбеханов Р. М. Алибек Фатахов: Традиции и новаторство. Махачкала, 1995. 113 с.
10. Фатахов А. Избранные произведения. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1955. 185 с. На лезг. яз.
11. Вагабова Ф.И. Алибек Фатахов // История дагестанской советской литературы. Махачкала: Изд. ДФ АН СССР, 1967. Т. 2. С. 369–385.
12. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти томах. Т. 3. Бытовые сказки / под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука, 2013. 566 с.
13. Гашарова А.Р. Жанр притчи в лезгинском фольклоре // Научно-методический журнал «Гуманитарные науки и образование». Саранск, 2017. № 1 (29). С. 109-111.
14. Кельбеханов Р.М. Два крыла. Махачкала: ДГУ, 2002. 341 с.

Статья поступила в редакцию 12.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81:82.091
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0087

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА И ХАРАКТЕРА В РОМАНЕ ГУСЕЙНА АББАСЗАДЕ «ГЕНЕРАЛ»

© 2020

Гейдарова Айгюн Эйюб, докторант кафедры литературы
Азербайджанский государственный педагогический университет
(1000, Азербайджан, Баку, Уз. Гаджибейли, 68, e-mail: heyderova89@inbox.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности художественных образов в романе Гусейна Аббасзаде «Генерал». В самом романе проблема художественного характера и образов излагается в различных ракурсах. Главный герой произведения Ази Асланов стал практически первым художественным образом азербайджанского советского полковника. Ази Асланов – это образ совершенной личности, отражающей в себе такие личностные качества, как национальная доблесть и рвение, щедрость и честность, благородство, храбрость и целостность. Поскольку советская литература исходила из соответствующей идеологии, художественные образы этого периода нельзя назвать полностью свободными и независимыми. В работах Г. Аббасзаде характер героев раскрывается в их отношении к себе, к труду и к окружающей среде. Хотя образы в романе «Генерал» в целом не достигают достаточно высокого уровня художественной выразительности, писатель при этом все же попытался подробно раскрыть внутренний мир каждого созданного им образа. Необходимость передать характер образа в мельчайших деталях является основой творческой концепции писателя. Положение советского человека в обществе, жертвование его помыслами во имя бесплодных идеалов, воспитательная роль общественного порицания и т.д. составили суть творческой концепции писателя. Содержание его произведений реально, здесь ярко проявляется способность раскрыть идеологию того периода, умение передать характер образа в мельчайших деталях.

Ключевые слова: Гусейн Аббасзаде, роман, художественный образ генерала, тип, характер героя.

PROBLEM OF ARTISM AND CHARACTER IN THE NOVEL OF HUSEYN ABBASZADE “GENERAL”

© 2020

Heydarova Aygun Eyyub, doctoral candidate of the department of literature
Azerbaijan State Pedagogical University
(1000, Azerbaijan, Baku, Uz. Hajibeyli 68 e-mail: heyderova89@inbox.ru)

Abstract. The article discusses the features of artistic images in the novel by Huseyn Abbaszade “General”. In the novel itself, the problem of an artistic nature and character is presented in various angles. The main character of the work of Azi Aslanov is practically the first artistic image of the Azerbaijani Soviet commander. Hazi Aslanov is an image of a perfect personality, reflecting in himself such personal qualities as national valor and zeal, generosity and honesty, nobility, courage and integrity. Since Soviet literature proceeded from the existing ideology, the artistic images of this period cannot be called completely free and independent. In the works of G. Abbaszade, the character of the heroes is revealed in their attitude to themselves, to work and to the environment. Although the images in the novel General as a whole do not reach a sufficiently high level of artistic expression, the writer nevertheless tried to reveal in detail the inner world of each image he created. The need to convey the character of the image in great detail is the basis of the creative concept of the writer. The position of the Soviet man in society, the sacrifice of his ideals in the name of sterile ideals, the educational role of public censure, etc. made up the essence of the creative concept of the writer. The content of his works is real; the ability to show the ideology of that period, the ability to convey the character of the image in the smallest details is clearly manifested.

Keywords: Huseyn Abbaszade, novel, artistic image of the general, type, character of the hero.

Введение. Художественный образ и характер – одни из главных составляющих литературного произведения. Изучение этой проблемы всегда было актуальным. «Художественный образ – это способ обобщения, отражающий реальность с точки зрения эстетического идеала и позиции писателя» [15, с.7].

Художественный образ создать достаточно трудно. Здесь от автора требуется умение наблюдать, умение художественного обобщения. Ведь художественный образ играет исключительную роль в раскрытии образов, в формировании мировоззрения человека.

Исследователи считают, что художественный образ – это представление о человеке, типизированное на высоком уровне. Исследователи подчеркивают, что, в отличие от обычных персонажей, в образе обобщается величавость характера, его значение и мощь [9, с.29]. И, в самом деле, художественный образ является в поэтической системе произведения основой, центром [16, с.100].

Создание успешного, запоминающегося образа есть заслуга писателя. А. Мирахмедов художественный образ характеризует следующим образом: «художественный образ в произведении может быть выражен через отношение к бытию, в мыслях о роли творца произведения, в представлениях о внутренних законах произведения, в целом это многозначное, сложное, связанные с художественным мышлением, бытие слова, это средство мышления, восприятия в произведении. В отличие от ученого, который на основе своих наблюдений непосредственно обобщает увиденное, писатель через образ обозначает или выражает жизнь человека, его поведе-

ние, его мысли и чувства, и в целом отношение к жизни [11, с.197].

В литературоведении отношение к термину «образ» не было однозначным, исследователи рассматривали, к примеру, такие понятия, как образ человека, образ предмета, образ природы. Независимо от того, на какую тему пишется произведение, какого оно рода, образ всегда выражает позицию писателя. Кроме того, именно через образ выражается идейное содержание произведения, его эстетическая сущность.

Г. Аббасзаде был писателем, обладавшим своеобразием в художественном творчестве. Он создал целую галерею колоритных образов, обладающих живостью и привлекательностью, заставляющих читателя размышлять.

Г. Аббасзаде знал, что своеобразие образа обуславливает также его ментальность. В литературе советского периода искать какие-то моменты национального самовыражения было бы не совсем правильно, вместе с тем творцы слова, прибегая к различным приемам, стремились в каждом художественном образце достичь национальной самобытности. Обычай, национальный быт, герои изображались, к примеру, в художественных произведениях в соотношении прошлого и настоящего, в виде синтеза, единства этих двух сторон.

Роман «Генерал». В произведениях писателя на военную тему ведущими тенденциями являются идея патриотизма и воля к победе. Герой, который не сдается врагу, не только проявляет храбрость на поле боя, он находит дорогу к сердцу читателя своими нравственными

качествами, духовным богатством.

Человек, который является главным героем в литературе, активно участвует в социальной жизни, затем он также отдает свое место герою, тому бойцу, который спасает родину от врага. Так же, как и его современники, автор в своём творчестве проявляет именно подобное отношение к проблеме.

Писатель в романе «Генерал», посвященному проблеме войны и человека, оживает перед глазами читателя не только сцены переднего фронта, но и тыла. По мере того, как читаешь произведение, чувствуешь, что писатель создал достаточно яркий образ, от всей души художественно украшая его. Писатель обратился с письмом к главе исполнительной власти города Лянкарань и написал в своём письме следующее: «Я считаю достаточно успешным свой период жизни, посвященный напряженному, творческому труду, связанному с романом «Генерал». Этим романом я укрепил свои творческие позиции в писательском мире. После этого романа я написал ещё другие романы и повести, однако для меня он незаменим, так же, как родители считают незаменимым своего первенца» [2].

Наряду с тем, что Г. Аббасаде писал различные произведения на военную тему, причем разного жанра, он обратился и к жанру романа. Это связано с тем, что он понимал, каковы обширные возможности этого жанра. Нет второго такого жанра, который настолько ярко, многопланово может выразить внутренние мысли и чувства человека, как жанр романа. Роман в отдельности, как жанр, как бы растворяя в себе, обобщает опыт всех других жанров. Это – объективное событие. Роман является такой свободной формой, который охватывает всё, что есть внутри человека, и вне его, и отражает все это в себе [13, с.100].

«Генерал» был также произведением писателя, которое возникло из необходимости выразить любовь и симпатию к азербайджанцам, сыновьям Азербайджана в Великой Отечественной войне, в том числе Ази Асланову, которого земляки звали «сын народа» [2]. В целом необходимо правильно определить здесь единство исторического и художественного подходов. По словам Я. Ахундова, «важно использовать исторические документы и факты, чтобы точно передать содержание исторической эпохи. Но в то же время приумножение важности выдумки и воображения писателя может привести к неверным выводам и сделать художника лишь иллюстратором исторических событий» [4, с.17]. Как писатель, он понимал, что советская идеология воспитывает молодое поколение в «патриотическом духе», а люди разных национальностей сражаются за одну цель, и этот дух следует передать будущим поколениям. Происходящие события он пытался передать именно в духе своего времени.

Произведение, состоящее из двух частей (Часть I состоит из 30 глав, Часть II – из 19 глав) начинается с того, что лейтенант Фируз Гасанзаде приходит в штаб танкового полка, и с того, как Ази получает письмо от своего фронтового товарища Пронина, с которым участвовал в сражениях под Москвой; вторая часть начинается с приезда майора Пронина в Лянкарань. Данная часть заканчивается стихотворением С. Вургуна «Смерть героя».

Писателю были знакомы и путь сражений Ази Асланова, и факты, связанные с его жизнью. Писатель сумел выразить посредством использования национального колорита, лирических нот внутренний мир сурового генерала на фоне ужасов войны, семью, в которой родился Ази, взаимоотношения между родителями и детьми, заботливость полководца, как главы семьи, как человека, который для солдат был не просто генералом, а был другом, был их отцом. Ко всему этому автор не смог остаться равнодушным: он постарался показать не просто действия человека, сражавшегося на войне, но и его внутренний мир, его душу.

Боевые действия, военная тактика храброго сына Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

азербайджанского народа, его отеческая забота о солдатах танковой бригады, командиром которой он был, можно было описать только в реальных терминах и пером прошедшего военный путь человека. В каждой строке романа на лирических нотах проявляется внутренний, духовный мир образов, целостность образов, хрупкость их души.

Что делает произведение читабельным и героическим, так это то, что писатель оживает события простым, естественным языком, далеким от преувеличенных толкований. Самые трудные моменты изображены так, будто вы и в самом деле покидаете реальный мир и попадаете в войну.

Роман «Генерал» привлек внимание литературной критики еще при жизни писателя. М.Дж. Джафаров написал статью «Генерал и тема войны», Б. Набиев в монографии «Великая Отечественная война и советская азербайджанская литература» посвятил этой теме главу под названием «Первый художественный образ советского полководца Азербайджана». Некоторые замечания к первой версии романа были переработаны автором, и книга была перепечата.

Конечно, таинственная смерть Г. Асланова, то, что ему помешали получить вторую звезду героя, не отразилось, и не могло быть отражено в работе. Исключительные заслуги в снятии покрова таинственности, награжденные его званием Героя Советского Союза во второй раз принадлежат писателю-публицисту Мусе Багирову. В его книге «Судьба полководца» [6] подробно и точно изложена автобиография Ази Асланова, и эта книга является ценным источником необходимой информации.

В произведении автор в лице детей Ази описал всех детей, потерявших своих отцов. Он писал: «Мое сердце желает встречи с тобой. Сколько же времени прошло, как мы расстались? Я хотел бы стать птицей, чтобы прилететь к вам. Чтобы досыта смотреть на то, как вы выросли, увидеть, как сильно вы подросли, слушать ваши голоса, и выйти с вами на прогулку... Эх!» [3, с.18]. Здесь выражаются чувства отцов, из-за войны расставшихся со своими детьми.

В произведении «Генерал» война представляется как неизбежность, также раскрывается ее роль в человеческой судьбе. Поскольку книга является первым художественным опытом Г. Аббасаде, в описании человеческих судеб и военных сюжетов есть незавершенность. Это связано с прямым переходом писателя от поэзии к прозе. По этой причине в произведении изображение войны и соответствующие человеческие проблемы не решены полностью. Ненависть к войне проявляется в образах матери Ази и его детей. Хотя работа основана на гуманистических нотках, основной идеал произведения – смерть за Родину.

Проблема образа и характера в романе «Генерал». Г. Аббасаде в основном стремился создать образ героя в своих романах или повестях. В его рассказах мы видим множество типов героев. Как известно, тип представляет собой художественный образ, который содержит в себе характеристики определенной человеческой группы. Греческое слово «typos» означает пример, образец. Как говорит М. Рафили, тип – это художественный образ, выражающий наиболее характерные черты и признаки определенных людей, наблюдаемых и описываемых автором. Тип – это обобщенный жизненный материал, а не фотография конкретного человека. В типичном характерном событии движущей силой является объективная закономерность, а в индивидуализации – субъективность. Утверждается, что «тип в художественной литературе есть наиболее полный литературный образ, отражающий в человеческом образе исторический характер времени» [16, с. 116]. Г. Аббасаде в указанном произведении впервые создал «художественный образ азербайджанского советского полководца».

Генерал Ази Асланов есть образ-характер, отличающийся индивидуальностью, сильной волей и тверды-

ми убеждениями. Это характер, в котором нашел подтверждение самый высший момент – национальный дух. Национальный характер является носителем народной духовности, его «художественно-психологическим отражением» [16, с. 111]. В советское время Ази Асланов является образом совершенного человеческого характера, отражающим в себе национальную нравственность и сочетающим в себе такие качества, как национальное рвение и честь, благородство, мужество и целостность.

Ази Асланов в начале Второй мировой войны служил в Украине, и в ночь на 23 июня 1941 года Ази, который проявил себя как успешный командир в неравном сражении с немецкими танковыми войсками, смог отразить яростные атаки врага на Донбасс. В том же году за свою храбрость в боях под Москвой он был награжден орденом «Красная Звезда». В 1942 году он был награжден званием Героя Советского Союза за героизм в боях за Сталинград. В ходе войны Ази Асланов наращивает свои военные знания. Он окончил Академию бронетанковых войск и вернулся в танковую дивизию. Вскоре он получил звание генерал-майора и сражался на прибалтийских и белорусских фронтах. Победы принесли ему орден Суворова II степени. Ази Асланов получил признание, как талантливый полководец и военный-самородок. За его победы в сражениях 1944 года, начиная от Волги до Прибалтики, делает его героем Советского Союза во второй раз. Хотя это имя было дано ему указом Президиума Верховного Совета СССР, это звание ему было присвоено лишь через 47 лет после его смерти. Асланов, который был участником войны, видел каждое ее проявление, стал легендой еще при своей жизни. Невозможно было не любить и не восхищаться этим человеком, который открыл глаза в мир в Лянкяране и построил свою последующую жизнь на полях сражений. Г. Аббасзаде именно этого человека сделал героем своего романа.

Ази очень любил свою страну и своих соотечественников. Он не терпел тех, кто проявлял халатность и безразличие, заявляя: «когда я встречаюсь с такими людьми, моя кровь стынет в моих венах. Там, на линии фронта, азербайджанцы не щадят своей жизни в битве с врагом, а здесь эти негодяи развлекаются» [1, с. 37].

Как командир, герой принимает трудные решения и без колебаний ставит свою жизнь под угрозу. Помимо того, что он смелый, отважный воин и патриот своей родины, он – заботливый сын, супруг, отец и друг. Эмоции, которые он испытывает, когда читает письмо от своего сына Тофика, показывают, насколько он чувствителен. Характер Ази Асланова проявляется в сценах сражений, в общении с людьми, даже врагами, в его доброй воле, а привязанности к родной земле, отчизне.

Характер со всей полнотой воплощает национальную психологию и национальные особенности. Не зная обычаев, привычек, нравственности, истории и быта людей, непросто создать яркий образ. В художественной литературе созданы характеры, которые сочетают в себе дух народа, национальную нравственность и особенности, отражающие национальную самобытность и национальный колорит. Несгибаемость и целостность характера образов Джахандар ага И. Шыхлы, Герая бека Ч. Вургуна, Аббасгулу ага Ф. Керимзаде привлекают читателей. Образ полководца Ази Асланова, любовно созданный Г. Аббасзаде, нравится читателям не только потому, что он воин-патриот и опытный военный, но также из-за его беспощадности в отношении к врагу, его заботы о своих солдатах и его мягкости, а также равной ей жесткости.

Через созданные художественные образы Г. Аббасзаде пытался раскрыть особенности социальной жизни, природы, внутреннего мира и психологии человека, его отношение к жизни, и т.д. В каждом из его произведений раскрыты внутренний мир героя и его стремление к гармонии. На протяжении всего произведения герой не остается прежним. Здесь внутренний голос

образа главного героя, его конфликт с внешним миром подчеркивает его характер. Каждый герой думает, говорит и действует в соответствии со своим характером. Как отмечают исследователи, «образ развивается на основе своих собственных идей, убеждений и верований. Автор следит за этим развитием, дает ему направление, выражает свое отношение к нему» [10, с. 129].

У Г. Аббасзаде каждый образ говорит и действует на своем языке. Когда мы смотрим на художественные образы, созданные им, мы четко определяем мышление и идеи автора. В своих произведениях он создал образы разных типов, но эти образы не являются отрицательными или положительными. Автор осознает, что добро и зло предстали в человеке одинаково. Что из них является наиболее важным, зависит от практической человеческой деятельности.

Важную роль в раскрытии идеи произведения в произведениях Г. Аббасзаде играет внутренний мир образов и типов. Образы, которые он создает на основе своих личных наблюдений, заставляют читателя задуматься. Каждый образ, созданный писателем, искренен, воспринимается как разумом, так и сердцем. Психология человека и его чувства тонко, изящно передаются читателю. Эта обостренная чувствительность также составляет содержание его личности. Как отмечает в этой связи Я. Караев, «общеизвестно, что истинная авторская позиция – это тенденция, выраженная в художественной и философской логике сюжета, событий и характеров» [14, с. 181].

Поскольку советская литература основывалась на существующей идеологии, художественные образы этого периода нельзя назвать полностью свободными и независимыми. Ведь современные, свободные образы можно создавать в независимом, свободном обществе. Вместе с тем они не исключены из социальных и политических противоречий. Как отмечает Б. Бабаев, «... художественное произведение, созданное с высоким мастерством, описанные здесь типы личности моделируют реальную жизнь через систему художественного языка и образов» [5, с. 7].

В романе есть галерея сильных, закаленных образов, это Гасанзаде, Пронин, Полад, Мустафа, тетя Нушафин, Шариф. Это – волевые люди с сильным характером. Душевные перемены, происходящие у разведчика Керима Керимова, молодого солдата Полада, у Шарафа Рахманова, а также образ верной своей семье, преданной и порядочной женщины Хавер – все это герои писателя, созданные с большой любовью и тщательностью.

Как и в других произведениях писателя, прошедшего фронтные дороги сражений войны, здесь он отводил особое место взаимоотношениям людей, чистоте человеческих чувств. Линия Пронин-Лена, линия Пронин-Гасанзаде и линия Пронин-Ази в этом отношении особо привлекают внимание.

М. Алиев пишет об этом, что «характер человека, как продукта природы и общества, формируется в тесной взаимосвязи с обществом, и потому воплощает в себе особенности окружающей среды, общества, членом которого он является». [8, с.15].

Одним из таких образов романа «Генерал» является образ молодого лейтенанта Фируза. Фируз изображен как смелый, бесстрашный, мужественный человек. Любовь к Родине для него превыше всего. Его характер раскрывает себя, когда он возвращается на фронт с еще незажившей раной.

Главный герой произведения Г. Аббасзаде – человек, и он составлен из определенных сделанных ошибок, негативных и позитивных качеств. Как верно подчеркивают исследователи, «центральной проблемой художественного творчества всегда была проблема человека» [12, с. 20]. Аббасзаде также хотел донести до читателя характер изображенных героев. Как известно, структура – это стабильная, относительно постоянная структура социально-психологических качеств, которые определя-

ют личностные и поведенческие характеристики человека. «В результате того, что образ позитивного героя толковался неправильно, была создана целая галерея подобных образов, что привело к нежелательной ситуации в советской прозе» [7, с. 105].

У каждого человека есть свои психологические особенности. Эти черты формируются на основе разных событий, то есть в ходе действий и общения героя. Характер характеризуется как форма поведения, приобретенная в жизни. Действительно, человек сам выбирает, каким ему быть, хорошим или плохим, ленивым или трудолюбивым, и так далее. Выбор, который он делает, также способствует формированию его характера. Вместе с тем Г. Аббасаде не забывает о роли воспитания, семьи и общества в формировании личности. Эти факторы способствуют комплексному формированию человеческого характера.

Как художник, он верил, что человек всего может достичь благодаря своим умственным способностям. В каждом художественном образе, который он изображает, он через негативные образы людей показывает, как со стороны они выглядят, их дурные поступки, двуличие, лицемерие и последствия тех, кто совершает подобные поступки. Бывает, что иногда такие люди не бывают наказаны. Однако Аббасаде верит в справедливость, что она когда-то восторжествует, и что люди, благодаря этому, могут измениться. Благие дела и благие мысли удерживают людей от плохих поступков, потому что человек, как и мир в целом, постоянно меняется. Учитель Шариф – образ, над которым автор тщательно работал. Видно, что Аббасаде пытался изобразить этого героя со всеми его противоречиями и недостатками. Разочарование, растерянность, трусость, неверие в человеческую природу – вот качества, которыми обладает Шариф. Даже ужасы войны и страх смерти не могут отвлечь его от подобной позиции.

Шариф, выросший в семье портного, вел потребительский образ жизни, вместе с тем он даже работал заведующим магазином. Зарабатывать неправедные деньги – для него нормальный образ жизни. Писатель представляет философию жизни этого героя следующим образом: «Вдруг пуля влетит в ухо, и твоя головушка падет на землю. После этого ты будто вновь родишься. Надейся, как можешь. Ешь, пей, зарабатывай, ты – гость в этом брэнном мире, собирай, как пчелка, нектар с каждого цветка, то, что повкуснее» [1, с.33].

Шариф был человеком, который любил лишь самого себя и ни о ком больше не печалился. Так, Шариф, который по дороге в казарму спрятал 20 лещей, не мог от переживаний заснуть. Он переживал за рыб, украденных днем и спрятанных в кустах. Он переживал о том, что «если он не заберет их, он попадут под дождь и сгниют, или звери в лесу найдут и поедят их». Но Шариф быстро успокаивает себя: «ведь я не платил за них, зачем же я переживаю! Не смогу забрать их, ну и черт с ними!» [1, с.27]. У него вызывает беспокойство тот факт, что пропадет рыба, которую он в разгар войны спрятал от своих фронтовых товарищей, в то время как воровство еды у фронтовиков само по себе было фашистским актом.

Писатель эпизодически напоминает читателям на протяжении всего произведения о безволии, бездействии, представленных в образе Шарифа и не собственных советскому человеку военных времен. Его действия, которые вызывают то отвращение, то смех, отношение к жизни, как в мирное, так и военное время, его отношение к своим товарищам формирует у читателя представление о нем, как о слабом, но уверенном в себе человеке. Слова генерала Ази Асланова, который нашел его пьяным, дают основание полагать, что Шариф не силен своими убеждениями, однако в нем еще полностью не исчезли представления о национальных ценностях и национальной ментальности: «Извините, товарищ полковник, клянусь, я не узнал. Я немножко того... Ну, вы поняли. Но клянусь своей душой, я хороший парень,

я свойский человек, да стану я твоей жертвой, прости меня. Дай я тебя поцелую. Ты настоящий мужчина. Мужчина должен знать ценить такого настоящего человека, как ты» [1, с. 28].

Слова Шарифа: «Я хороший парень» и «мужчина должен знать цену человека» доказывают, что он действительно «хороший парень». Шариф, захваченный нацистами, отверг предложение о том, чтобы он прочитал своим пленным товарищам их обращение, и тем самым продемонстрировал их «фашистское сострадание», и предпочел умереть. Война незаметно изменила Шарифа. Читатель, который с интересом следил за сюжетом, может и ожидает подобных действий, что Шариф легко сдастся и спасет свою жизнь, делая то, что говорит враг. Но Шариф, прежде всего, был азербайджанцем; хотя он был жадным, безответственным, любил спокойную и праздную жизнь, он не был предателем или обманщиком. В его жилах кровью человека, которому он «знал цену», была кровь, предать эту кровь, людей, к которым он принадлежал, было для него хуже смерти.

Как мы знаем, повествование автора является ключом в раскрытии внутреннего мира образов. Повествование Г. Аббасаде помогает читателю открыть для себя внутренние миры образов и понять их моральную и духовную глубину. При ознакомлении с произведениями на переднем плане неизбежно проявляется авторское повествование. Образ личности является ведущим в творчестве писателя, но этот образ не перешел в пафос. Его работы отличаются гуманистическим подходом к человеку, его желаниям и выбору, ненавистью к несправедливости. Автор в полном смысле слова сумел подробно выразить взаимоотношения человека и общества.

Аббасаде попытался описать характерные черты в каждом образе. Каждый из женских образов, изображенный в романе, суммирует женщин фронта и тыла периода войны, обобщавших в себе такие черты, как желание служить родине, твердую волю, чуткость и преданность.

Любовь Лены Смородиной к Николаю Прону показывает, что война не убила любовь и чувства в таких женщинах. Нас привлекают в женщинах, у которых есть те, кого они с тоской ждут с фронта: кто-то сына, кто-то возлюбленного, а кто-то – мужа; это бабушка Нушаферин и Хавер. Их характеры полны чувства силы, тоски, полной надежды, преданности, верности, доверия и любви.

Заключение. В работах Х. Аббасаде персонажи героев раскрываются в их отношении к себе, к труду и к окружающей среде (другим людям, вещам, событиям). Социально-исторические условия играют решающую роль в формировании личности. Вот почему в целях создания ярких персонажей Аббасаде всегда уделял особое внимание традициям, этическим нормам, бытовым правилам и человеческой психологии. О понятии характера в произведениях Х. Аббасаде можно сказать, что «приключенческий дух, постоянное стремление разворачивать события побеждали возможность раскрыть характер, и потому часто вспоминается не характер, а сказочное приключение. Следует принять во внимание, что реалистическое описание требует показа реальности отношений между характером и событием, и жизненность также должна проявляться в отношении характеров друг к другу» [7, с. 129].

Аббасаде был одним из тех, кто глубоко любил свой народ. Каждый образ, который он создавал, воплощал в себе национальные ценности и национальный дух. Он, как советский писатель, не мог выйти за рамки широкого описания дружбы народов, интернационализма и характерных черт советского человека, но в глубинных слоях каждого из них чувствовался жар сердца и души писателя. Рассказ в конце произведения завершается повествованием о том, как стояли в почетном карауле У. Гаджибеков, М. С. Ордубади, С. Вургун и Мирбашир Касумов, что также является ярким примером любви и уважения к избранным сыновьям своего народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аббасзаде Г.А. Общие положения. Баку: Гянджлик, 1981. – 353 с.
2. Аббасзаде Г.А. Главе исполнительной власти Лянъярана Дилруббе Джамаловой // газета «Литература», Баку, 1998, 23 января.
3. Аббасзаде Г.А. Избранные произведения: в 3 томах. Том III, Баку: Азернешир, 1984. – 339 с.
4. Ахунду Ю.И. Исторический роман на новом этапе (1980-1990). Баку: Тахсил, 1998. – 175 с.
5. Бабаев Б.Х. Литературный персонаж и тип (по материалам литературы XX века). Баку: Эльм, 1999. – 96 с.
6. Багиров М.А. Судьба командира. Баку: Воениздат, 1999. – 272 с.
7. Эфендиев Е.И. Критика и проза (азербайджанская художественная проза в критике (1945-1965)). Баку: Гюнеи, 1999. – 216 с.
8. Алиев М.И. Основы литературной теории. Баку: Наука и образование, 2009. – 326 с.
9. Аскерли З.Ш. Поэтика: Глоссарий. Баку: Наука, 2014. – 262 с.
10. Гаджиев А.М. Основы литературной критики. Баку: Заман, 1999. – 420 с.
11. Мирахмедов А.М. Литературная критика. Энциклопедический словарь. Баку: Азербайджанская энциклопедия, 1998. – 240 с.
12. Набиев Б.А. Секрет бессмертия. Баку: Сабах, 1994. – 193 с.
13. Пашаева Н.А. Новый человек обновленной литературы. Баку: АТИ, 2004. – 244 с.
14. Караев Ю.В. Поэзия и проза. Баку: Язычы, 1979. – 198 с.
15. Кахраманлы Н.А. Теория литературы. Баку: БГУ, 2008. – 106 с.
16. Шамсизаде Н.Ш. Теория литературы. Баку: Прогресс, 2012. – 434 с.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81:82-3

DOI: 10.26140/BGZ3-2020-0901-0045

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА ФАУЛЗА

© 2020

Герайзаде Мелахат Агабаба кызы, кандидат филологических наук

Азербайджанский медицинский университет

(AZ1022, Азербайджан, Баку, ул. Бакиханова 23, e-mail: mila_andreeva_80@mail.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена основным принципам французской философии в творчестве Джона Фаулза, в чем и заключается основная цель данного исследования. Предметом исследования является тема «магического реализма» в произведениях Дж. Фаулза. Тайна, магия, мистика, а в определенных ситуациях даже колдовство, являются основой творчества писателя. Отмечается, что все сверхъестественные моменты органически сочетаются с фактами и событиями второй мировой войны. И эти комментарии играют важную роль в сочетании на первый взгляд несочетаемых элементов. В статье показывается поразительное совпадение оппозиции «открытого» и «замкнутого» пространства у Декарта и у Фаулза, что и является новизной данной статьи. Статья выполнена, опираясь на метод сравнительного анализа. В ходе исследования сравниваются различные тематические подходы авторов и исследователей на тему «магического реализма» Джона Фаулза. В заключении автор указывает, что экзистенциальная свобода трактуется Джоном Фаулзом широко и включает в себя свой собственный взгляд, отличный от других, что и выбор драматурга, то есть П. Мариво, нам представляется тоже не случайным. Отмечается, что Джона Фаулза привлекают такие мотивы, как «комедия переживаний», далеких от внешних движений, заполненных стремлением проверить, испытать, вызванных неуверенностью в партнере и в себе.

Ключевые слова: магический реализм, экзистенциальные мотивы, антивоенный пафос, реальный, нереальный мир, человеческая свобода, «открытое» и «замкнутое» пространство.

BASIC PRINCIPLES OF FRENCH PHILOSOPHY IN THE JOHN FOWLES'S WORKS

© 2020

Gerayzadeh Melahat Agababa, PhD in philology

Azerbaijan Medicine University

(AZ1022, Azerbaijan, Baku city, Bakikhanov str. 23, e-mail: mila_andreeva_80@mail.ru)

Abstract. This article focuses on the basic principles of French philosophy in the works of John Fowles, which is the main goal of this study. The subject of research is the theme of “magical realism” in the works of J. Fowles. Mystery, magic, mysticism, and in certain situations even witchcraft are the basis of the writer’s creativity. It is noted that all supernatural moments are organically combined with the facts and events of the Second World War. And these comments play an important role in combining incompatible elements. The article shows the striking coincidence of the opposition of an “open” and “closed” space in Descartes and Fowles, which is the novelty of the article. The article is based on the method of comparative analysis. The study compares various thematic approaches of authors and researchers on the theme of “magic realism” by John Fowles. Special attention is focused on the topic of human freedom in its broad existential understanding, as well as on the fundamental relationship of love, self-knowledge and freedom of choice. In conclusion, the author points out that existential freedom is interpreted by J. Fowles widely and includes not only the creative reworking of his own view, different from others. It is noted that John Fowles is attracted by such motives as the “comedy of experiences”, far from external movements, filled with the desire to test, experience, caused by insecurity in the partner and in oneself.

Keywords: magical realism, existential motives, anti-war pathos, real, unreal world, human freedom, “open” and “closed space”

Введение. В мировой литературе случаи, когда писатели первыми же своими произведениями могут порадовать читателей, очень редки. Джон Фаулз является одним из таких личностей. Он завоевал аудиторию читателей своей эпохи уже первым своим романом под названием «Коллекционер». За тем появлением романа под интересным названием «Волхв» он закрепил свою высокую репутацию.

По собственному признанию Дж. Фаулза, писателем он стал совершенно сознательно, желая не столько отыскать способ самовыражения, сколько, ставя цель хоть в какой-то степени улучшить общество. ... Я пишу, следовательно, я существую – так выражался великий французский математик и философ Рене Декарт («Я мыслю, следовательно, я существую») – стал основным мотивом и катализатором творчества писателя.

Главная цель данного исследования – анализировать основные принципы французской философии в творчестве Джона Фаулза. Для этого мы будем опираться на сравнительный метод для выявления отличительных черт творчества Джона Фаулза.

Известно, что Рене Декарт как родоначальник «новой философии» в отличие от своих предшественников, апеллирующих к традиционному опыту и наблюдению, за основу принципов мышления брал разум и самосознание. Его понимание разума и самосознания сводилось к принятию постулатов достоверности истины: «... Натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ» [1, 271]. Данная формула отвергала мышление

посредством усвоения чужих мнений. Она требовала принцип субъективной достоверности и создания собственного мнения на окружающий мир. Это означало, что не разрозненные случайные истины должны быть научными знаниями, а – единая система очевидных и достоверных утверждений.

Афоризм, выраженный в методе и составляющий основу философии Декарта, «*cogito ergo sum*» (мыслю, следовательно, существую) давал предпочтение утверждению умопостигаемого над чувственным; мышление как таковое не отделено от субъекта мыслящего, а составляет единое целое. Герой романа данный принцип метода философа проецирует на художественное творчество, на писательский субъект. Он пытается (и получает удовольствие от смакования этой попытки) в поисках в замкнутом пространстве писательского мозга найти истинность достоверного материала, обыгранного им различными, уже известными, или же созданными им самим, вариациями на тему установки. Он говорит с созданным образом, чувствуя порой свою правоту, порой подвергает себя самоуничтожению, вновь возвращается к заданному, трансформирует Его (этот образ) в другие ипостаси, восторгаясь (печальясь) своему воображению и вновь возвращается к своей субстанции, сущности, обретая наслаждение макромира в замкнутом пространстве «серой стены – серых клеток», то есть микромира – мозга, самосознания.

Поразительное совпадение оппозиций «открытого» и «замкнутого» пространства у Декарта и у Фаулза.

Принимая во внимание суждения современных критиков о творчестве Фаулза, как о метафизическом, сравним их с метафизическим кругом в философии Декарта, утверждающего, что всякая реальность удостоверяется самосознанием, а всякие смутные идеи разрушаются объективностью всевышнего, присутствующего в человеческом мышлении.

Основная часть исследования. Первый крупный роман Дж. Фаулза вышел под интригующим названием «Волхв», который вызвал большой резонанс и тем самым стал предметом для разноречивой критики. Критики-литературоведы оценили это произведение, как «усложненный и спорный» роман. Реакция корреспондентов английских газет и журналов тоже был весьма ярким. Они оценили данный роман как нечто «символическое» и «мистическое», «неясное» и «изобретательное» или «парадоксальное» и «причудливое».

Остановимся на некоторых откликах, которые вызвало творение Дж. Фаулза. Так, известный современный русский критик Т. Красавченко по поводу печати данного романа писал, что творчество Джона Фаулза идентичен мироощущению современного человека. Он отмечал, что писатель, мастерски «затрагивает живой нерв жизни, расширяет представление о ней и об искусстве» [2, 6]. По мнению А. Тараскина, роман представляет собой подлинно «великое произведение, в котором напряжение постоянно растет, а человеческий разум оказывается в роли подопытной морской свинки» [2, 22].

В другом своем исследовании А. Тараскин отмечает, что автор, наполняя память читателя огромным количеством фактов, оставляет ему просторы мышления: «Самое удивительное — что в романе, безусловно, есть сюжет, которого должно было бы хватить на четыреста страниц текста и в который вложено, пожалуй, чересчур много смыслов, но все действие становится фоном для настоящего совершенства формы, в противоположность аморфности» [3, 311].

В газетах National Review, New York Times и других печатных органах можно было читать отклики западной прессы того времени. Как примеры к сказанному рассмотрим несколько из них:

«Джон Фаулз экспериментирует со сложнейшей темой... и попадает точно в цель», читаем мы, к примеру, в английском издании Sunday Telegraph. «Блистательно, колоссально... невозможно оторваться» — так пишет корреспондент “The New Review of Books” [4, 4] в одном из сентябрьских номеров 1976 года. «Это истинный пир для ценителей талантливых повествований... Не успев понять, что происходит, оказываешься в котлях интриги...» — “Sunday Time” [5]. «Это великое произведение искусства...». Роман не «отпускает» читателя еще долго после того, как перевернута его последняя страница» — Twentieth Century Literature; «Мощная психологическая драма... Джон Фаулз успешно сочетает в романе необъятную культуру оккультного и разящую силу воображаемого» — “Sunday Time” [6].

Сюжет романа разворачивается ретроспективным образом: загадочно-манящая вилла Мориса Конхиса и ее обитатели оказываются талантливыми, но жестокими актерами, а их поэтические грёзы в свою очередь оборачиваются элементарной прозой. В какой-то пограничный момент Николас Урфе отчётливо осознаёт, что теряет своё личное счастье, мечется, ищет ускользающий облик своей возлюбленной Алисон. Однако в конечном счете все оказывается напрасным. Финал романа «Волхв» некоторым образом напоминает нам ретро-сюжет «Коллекционера», где любящий Миранду художник безрезультатно ищет свою возлюбленную, которую ему суждено было увидеть уже умертвленной злым и бессердечным противником. Последняя встреча Николаса Урфе с Алисон — это как пронзительный крик души: он оставляет у читателя впечатление неразрешённости чего-то главного, указывает на начало той трагедии, которая развернется в дальнейшем в романе «Волхв».

Герой романа Николас Урфе ненавидит нынешнее время. Он скептически относится к своему происхождению. Урфе, на самом деле, является разочарованным в жизни романтичный одиночка. В поисках «новой тайны», выдуманной жизни и острых ощущений, он бежит на далекий мистический греческий остров Фраксос, думая, что это его спасение от реальности настоящего и предсказуемости его будущего. Для Урфе модные в то времена идеи экзистенциализма были главной философией жизни. Он считал, что вымышленный, нереальный мир более интересен, чем мир, в котором он вынужден пребывать.

По сюжету романа выясняется, что его философская основа, как и всего творчества писателя в целом, представляет собой, по признанию самого Дж. Фаулза, «своеобразное рагу о сути человеческого существования». Получается, что главными ингредиентами данного романа являются философия экзистенциализма и аналитическая психология К.Г. Юнга. Это и является главной причиной того, что для произведений английского романиста значимой проблемой отмечается «аутентичность», избрание «подлинного поведения». Все эти аспекты в широкой экзистенциальной трактовке автора претерпевают трансформацию понятий и переосмысление мотивов поведения литературных героев. В противном случае второму роману писатель сам поясняет ключевые моменты философской идеи романа «Волхв». А также, надо отметить, что первоначальная версия названия данного романа тоже о многом говорит: «Игра в бога».

В романе внимание автора сосредоточено на теме человеческой свободы в ее широком экзистенциальном понимании (природа, пределы и связанное с нею чувство ответственности). Сюда можно включить и основополагающее соотношение любви, самопознание и свободу выбора. На самом деле, постановка данных вопросов определяют тематику всех произведений Дж. Фаулза. Его герои или героини являются неконформистами. Эти персонажи все время стремятся хоть как-то реализовать себя в рамках конформистского общества.

Экзистенциальная свобода, как нам представляется, трактуется Дж. Фаулзом широко. Она включает в себя не только творческую переработку некоторых идей французских экзистенциалистов — Ж.П. Сартра и А. Камю, но и свой собственный взгляд, хотя и не выходящий за рамки известного направления в западно-европейской литературе середины XX столетия, но всё-таки отличный от него. Следует отметить, что весьма оригинальным образом воплотилось в романе понятие экзистенциальной свободы при разработке до сих пор не потерявшей своей актуальности темы Второй Мировой войны, что изображено в лице непосредственного ее участника — грека Конхиса, жителя острова Спеце. Заметим, что в романе остров предстает как Франсос, где будущий писатель преподавал в частной школе в 1951-1952 годах. Собеседник литературного героя Николаса Урфе был значительно старше его и с высоты памяти тех страшных лет поведал ему историю своего участия в войне.

Роман «Волхв» явственно демонстрирует читателям как повышенную восприимчивость Дж. Фаулза ко всевозможным «веяниям времени», так и несогласие писателя-прозаика отождествлять его с каким-либо из явно возобладовавших в описываемые годы литературно-философских течений. Так, уже по прошествии многих лет со дня опубликования романа, в 1989 году, он писал: «Исследователи моего творчества порой делают из экзистенциализма слона, приписывая ему гораздо больше значения, чем я сам когда-либо придавал ему» [7, 47].

Критик П. Вольф в одной из своих наилучших публикаций в 1979 году вспоминал публичное выступление Дж. Фаулза, когда писатель доводил до широкой публики свое мнение по вышеуказанному вопросу: «возвращаясь к прошлым годам, могу с гордостью отметить, что я практически никогда всерьез не гнался за каприз-

ной дамочкой — модой, не носил шутовского наряда факельщика, не задавался тщеславной целью стоять в литературном смысле этого слова *a la tete* (во главе) новейших вопросов дня. Я также старался в особенности не примыкать к какой-либо школе или группировке, то есть ни к натуралистам, ни к английским неоромантикам, неоклассикам или символистам, экспрессионистам, либо экзистенциалистам» [8, 44].

Однако, изучив большую критическую литературу, в том числе и англоязычную, мы все же пришли к важному выводу о том, что в конце 1970-х – начале 1980-х годов выдающийся английский прозаик рассуждал несколько по-иному. Так, например, в период создания романа «Волхв» Дж. Фаулз нередко признавался коллегам-писателям или журналистам, что подобно большинству западно-европейских интеллигентов его поколения он испытал осязаемое влияние французских мыслителей-экзистенциалистов. И в романе, который является объектом настоящего литературно-критического анализа, тем более подход к военной проблематике и теме свободы и независимости, заметно проступают следы такого увлечения методом экзистенциализма.

После Сартра и Камю писатель убежден, что человек в принципе всегда свободен придавать особый смысл ситуациям, в которые он попадает волею судеб, или по вполне закономерному стечению обстоятельств. И тогда личность как бы избирает саму себя, несёт ответственность за свой моральный, или, напротив, аморальный выбор. Свобода, по твёрдому убеждению Фаулза, 1960-х годов, — это, в первую очередь, тяжёлое бремя. И его с честью должен выдержать только тот, кто желает быть, по авторскому выражению, настоящей личностью, человеком с большой буквы.

Вместе с тем в своих дневниковых записях в период создания романа «Волхв» Дж. Фаулз отмечал, что человек на нынешнем этапе своего развития живет в обществе, которое штампуется маски и прячет его подлинное «Я», искренне предполагал, что человек неизменно пребывает в двух мирах. Под этими мирами он имел в виду привычный и очень уютный мирок абсолютов, в котором ему комфортно и весьма удобно, и жёсткий реальный мир относительности. «Этот последний, — продолжает писатель свою мысль, — относительная реальность — ужасает нас, изолирует и превращает в карликов» [9, 39].

И вот здесь, как нам кажется, снова обнаруживается еще одно расхождение позиций юного Дж. Фаулза с экзистенциализмом как новомодным течением и спасительным художественным методом в Англии середины 1960-х годов. Так, Сартра от обиденной действительности буквально тошнит, критерии моральных оценок ставят его в смятение или даже в тупик. А Дж. Фаулз в свою очередь пытается пристальнее взглянуть в этот мир жестокой и относительной реальности. Человечество, по его убеждению, сильно «задолжало» настоящему из-за того, что в погоне за иллюзиями часто не осознает своего истинного положения.

В добавление к сказанному в отличие от Сартра и Камю, по мнению Дж. Фаулза, экзистенциальное стремление к совершенствованию, почти, бессмысленно, потому что на каком бы этапе человечество не вступило в этот бесконечный процесс, оно всегда способно ностальгически устремлять взгляд в будущее, представляя себе гораздо более лучшую эпоху.

Ортодоксальность взгляда писателя заключена в сентенциях противоположного характера, когда он от имени литературного героя или от себя лично добавляет, что стремление к совершенствованию ещё, увы, и вредно, потому что конечный пункт этого совершенствования находится где-то в отдаленном, трудно обозримом будущем и, как «раковая опухоль», исподволь разъедает настоящее и отравляет существование.

Роман Джона Фаулза, вышедший в Англии в начале 1966 г., принёс автору мировую славу. В первую очередь Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

это было связано с тем, что в книге реалистичность сочетался с детективными острыми элементами. По стилю оно напоминало произведения Ги де Мопассана. Здесь есть и мягкая эротика, и интригующая магия, и мистика. Джон Фаулз, как блестящий стилист и мастер парадоксальной интриги, обрекает читателя на бесконечное разгадывание смысла своего таинственного повествования.

В романе экзистенциальное стремление Николааса Уэрфе к совершенству парадоксальным образом преобразуется в стремление к смерти: чем больше для него становится понятным реальная действительность, тем глубже он осознает неотвратимую суть смерти. Здесь экзистенциализм характеризуется еще и с тем, что герой романа все время находится в «пограничных» ситуациях. Так как, часто в данном произведении мы можем увидеть героя в состоянии болезни, неоднократно герой Джона Фаулза попадал в депрессию.

Результаты исследования. Джон Фаулз часто отмечал особое влияние экзистенциализма в начальном этапе его творчества. Образно выражаясь, он говорил, что в темной полосе войны Сартр, и особенно Камю, появились как яркий свет в густой темноте. «Сейчас (интервью состоялось в начале 1994 года. — Г.М.) я не назвал бы себя экзистенциалистом, но я глубоко благодарен тому, что заставило меня в то время чувствовать» [10, 176]. Неоспоримо, что, экзистенциализм оказал решающее влияние на мировоззрение Джона Фаулза. Но, он не копировал ту или иную философскую концепцию, что и мы видим в романе «Волхв». Здесь нету прямолинейного воплощения постулатов экзистенциализма. В творчестве Джона Фаулза экзистенциализм выступает, как утверждение высших человеческих ценностей.

Взаимоотношение между мужчиной и женщиной в романе также решается в контексте экзистенциализма. Дж. Фаулз считает, что такие отношения в обществе регулируются генетически заложенных в людях специфическими, первобытными функциями. А это означает, что гармоничные социальные отношения возможны лишь тогда, когда женщина сможет реализоваться в обществе как личность: «Мужчина воспринимает объект, женщина — взаимоотношения объектов. Нуждаются ли объекты друг в друге, любят ли, утоляют ли друг друга? Это добавочное измерение души, которого мужчины лишены, делает войну отвратительной и непостижимой в глазах истинных женщин» [11, 465-466].

Писатель считал, что именно война отдалял мужчину от женщины. Он все время драматически описывал, как семья расставались по данной причине, дети оставались сиротами. Именно война — источник дисгармонии в общественных отношениях. Таким образом, осуждая войну устами одного из основных персонажей, писатель пытается показать в чем заключается корень зла и сила, которое воскрешает и поддерживает чудовище, именуемое войной.

Создавая психологическую картину своих героев, он органически выражал драматические напряжения в сюжете романа. В «Волхве» можно увидеть такую органическую сочетаемость магии с мифологией. Не случайно, «Фракос», название греческого острова, где живет и трудится главный герой Дж. Фаулза, в переводе с греческого означает «отгороженный остров», созвучно названию местности, где герой античного мифа Тесей потерял спасшую его Ариадну [12, 425; 13]. Проводя параллели между Тесеем и Николасом Уэрфе, с одной стороны, между их возлюбленными Ариадной и Алисон — с другой, Дж. Фаулз придает своему роману, судьбе своего героя вневременное, мифологическое измерение. Он использует миф в качестве основы, помогающей выявить инвариантные черты личности, обладающей глубинно-мифологической генетической памятью. Миф в произведениях Дж. Фаулза интертекстуален, т.е. «базируется на предшествующих, преимущественно мифологических текстах» [14, 124; 15, 27].

По мнению критиков, фаулзовский мотив «...объ-

единяет нас с прошлым, выводит за рамки одномерного настоящего, придаёт нашей речи пряязк жизненности, вечности, что начисто лишено манерностей эпохи, зато он мудр, лукав, полон жизни, энергии и любви» [1, 61]. Джон Фаулз считал мифологию как источник живой ноты, на основе которого можно было создать целый и полный сюжет рассказа. Мифологические мотивы помогают главной герою ощущать неисчерпаемость мироздания, духовную и телесную радость.

В «Мантиссе» герои Фаулза играют своими воображаемыми образами. Но они позволяют себе каждый раз напоминать, в первую очередь о себе, а, во-вторую — читателю, о метаморфозах, происходящих с музой Эрато (главной Героиней, собеседницей, соучастницей и т.д.) в разные времена, в различные эпохи, у разных писателей, поэтов, людей искусства с целью выработки нового подхода к теме, к писательству, к творению. Кстати, относительно творения. Тут без всяких намеков Фаулз повторяет французского философа: “Cogito”- вот мыслящая субстанция, но она как вещь в себе, не нуждающаяся ни в чем. Значит, именно так мастерски писатель резюмирует повествование, мысль творит произведение и она не нуждается в оппонентах, в субъективных замечаниях. Здесь напрашивается и другой, или же обратный вариант, который весьма удачно подтверждает писательское кредо Майлза — «Я творю, следовательно, существую». Однако это утверждение философа — «отсюда я заключил, что я есть существо, чья суть, или природа, заключается в мышлении и не только не нуждается в месте существования, но и не зависит в своем существовании от каких бы то ни было материальных предметов» [16, 5] — влечет за собой более глубокие и возвышенные выводы — «Следовательно, это «Я», то есть душа, благодаря которой я есть то, что я есть, совершенно отлична от тела, легче познается, чем тело, и, более того, не перестанет быть тем, что она есть, даже если бы тело не существовало» [17, 5]. За последнюю фразу Майлз Грин хватается сразу, начиная с эпиграфа, а потом развивает ее, играя известными литературными фактами, ни на секунду не забывая о них, интригует читателя отбрасыванием утвердившихся авторитетов, пытается убедить нас в том, что опорной точкой для мыслящей субстанции, характеризующейся непротаяженностью, служит неделимость, в то время как телесная субстанция, имеющая величину, делится на части. Отсюда, вернее говоря, как заключает автор романа, от незнания Декарта, происходит противостояние мужчины (в частности — писателя Майлза Грина) и женщины (в частности — музы Эрато): «Разумеется, именно это и скрывается за ее отношением к нему: она недовольна, что ее тянет к нему физически, — вот вам венец всех доказательств того, как низко пала она с высот истинной божественности, как далека от Декарта и как близка к типичной женщине двадцатого века, с хорошо промытыми мозгами, да к тому же весьма среднего уровня» [11, 278; 18, 10].

Но это еще не все. Декарт усматривает в любом теле математическое, а в математике (геометрии) — науку о телесном. В то время как телесное в силу своей делимости определяет механику и становится предметом физики — (обретает физический характер), неделимое человеческое мышление в своем существовании сохраняет метафизический характер (становится предметом изучения метафизики). Декартово суждение Дж.Фаулз вмещает в название романа. Любой читатель сразу не поймет вложенную в название произведения метафору. Лишь только после цельного, всестороннего осмысления всего произведения отыскивается ключ, естественно, что с учетом всех предпосылок, к раскрытию смысла названия.

«Мантисса» происходит от латинского слова «mantissa» — прибавка, добавление — и в большинстве источников означает математический термин «Дробная часть десятичного логарифма» [1, 300]. Вместе с тем, автор дает в примечаниях свою ссылку на толкование

этого слова к концу своего произведения, ссылаясь к Оксфордскому словарю английского языка, где «мантисса» трактуется как «добавление сравнительно малой важности, особенно к литературному тексту или рассуждению». Любопытен сам текст, где употребляется это слово: «Майлз вспоминает их начальные вариации — какими чисто физическими, страстными, свободными от диалога они были, сколько включали в себя эксперимента, как были невоспроизводимы в тексте. А что теперь?! Это исключительно по ее вине. Этим всегда и кончается — с женщинами вечно тонешь в болоте реальности, иначе говоря в словах. Время от времени даже задаешься вопросом: да не изобрели ли они литературу, чтобы на нас отыграться, нарочно запутать и отвлечь тех, кто настолько лучше и выше, то есть мужчин, заставить их попусту тратить свои жизненные соки и интеллектуальные устремления на всяческие мантиссы и банальности, на теневые фигуры на стене?» [11, 279-280; 19, 11]. Опять же, противостояние мужчины и женщины (от незнания Декарта) — метафоры формулы «душа и тело». Какое же место тут отведено мантиссе — добавлению сравнительно малой важности? Оказывается, шутка писателя вырастает до образа серьезности, влекущего за собой построение структуры романа, в котором каждый элемент, каждая деталь не находится вне системы, а наоборот, составляя компоненты целого, связывается с другими элементами, создает в одном предопределении другого, даже находясь друг от друга на большом расстоянии, дистантированное повествованием, эпизодами, фрагментами, сценами и рассуждениями. Здесь уже, как говорится, не только добавления раскрывают то, что непонятно или мало понятно читателю, но они приобретают ту большую важность, без которой концепт автора остается только шифровкой и загадкой. Как раз, именно «всяческие мантиссы» позволяют автору романа не заниматься самим текстом, а заняться комментированием текста. Вот к чему стремится Джон Фаулз, вот почему приходится говорить о мета-романе, мета-тексте. Отсюда происходят поднятые проблемы современной литературы: отношение к искусству, эволюция писательского творчества, отношение к политике и к социальным проблемам, и многое другое. Но в каждой из этих частностей, охватывающих почти классические и актуальные современные темы литературы вообще, чувствуется глубокое и скрупулезное их исследование. Может быть исследовательский характер данного произведения и позволяет нам говорить о тексте, то есть его комментировании, о его интерпретации самим Майлзом Грином. Более того, комментирование текста с соответствующими «мантиссами» ретроспективно возвращает нас к трансформации, к метаморфозам героев в романе «Волхв», к раскрытию одного из способов достижения близости в «Дэниеле Мартине», «Коллекционере», к утверждению свободы воли женщины в «Женщине французского лейтенанта», к раскрытию нюансов писательского творчества в «Маготте». Не много ли напоминающий и ассоциативных образов в предыдущих произведениях Джона Фаулза? Оказывается, нет. Ведь важность романа «Мантисса» в запоздалом определении писательского метода не только этого произведения, но и всех отмеченных нами предыдущих произведений автора. Порой даже складывается впечатление пародийного осмысления своего собственного творчества писателем. А, впрочем, только лишь своего ли творчества? А, может быть, и того и другого?

Вернемся, однако, к эпиграфу романа. Тут же после эпиграфа Фаулз приводит фрагмент диалога персонажей (Сильвии и Дорант) из пьесы известного французского журналиста, драматурга-комедиографа и романиста первой половины 18 века Пьера Карле де Мариво (1688-1763) «Игра любви и случая» (1730). Диалог интересен, прежде всего, как драматургическое решение философского постулата Декарта. Учитывая рамки статьи, мы не имеем возможности привести весь диалог, по-

этому ограничимся лишь кратким повествовательным его изложением. Сильвия говорит о предрекании звезд, о выходе ее замуж за человека выдающегося. Дорант со свойственным ему юмором принимает сие за свой счет и заморочками намекает ей о своей любви. На что Сильвия запрещает ему забыть о любви к ней, а Дорант, в свою очередь, отвечает ей заключительным выражением «Как только вы перестанете быть». В этом шутовском заключении в зародыше сидит повторение философской мысли Декарта о том, что «Я», то есть душа, «не перестанет быть тем, что она есть, даже если бы тело не существовало». Итак, существенная деталь, дополнение к эпиграфу еще более усиливает принципы писателя, рассматриваемые в романе.

Заключение. Выбор драматурга, то есть П.Мариво, нам представляется не случайным. Ведь драматургия Мариво овеяна сюрпризами и нечаянностями любви. Но не эти мотивы привлекают Фаулза. Нам кажется, что скорее «комедия переживаний», далеких от внешних движений, заполненных стремлением проверить, испытать, вызванных неуверенностью в партнере и в себе. Вот эти последние мысли как нельзя лучше выражают композицию романа английского писателя. Остается лишь сказать, что таких «добавлений сравнительно малой важности» в «Мантиссе», несущих знаковый характер, немало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Декарт Рене. Избранные произведения. М., 1950
2. Красавченко Т. Коллекционеры и художники / Фаулз Дж. Коллекционер. М.: Известия, 1991, 126с.
3. Словарь иностранных слов. Санкт-Петербург: Victory Виктория плюс, 2013, 813 с.
4. Fowles John. The talk with Beiker. The art of fiction. London: Lnd, 1988, 61 p.
5. Джон Фаулз. «Волхв». Роман. Москва, «Эксмо», 2015, 812 с.
6. Fowles John. The Ariston, London: Lnd, 1980, 246 p.
7. Conradi P.J. Fowles I. №4, Methuen, 1982
8. Bradbury M. Possibilities. Essays of the state of the novel. London, 2014, 257 p.
9. Bradbury H.I. Fowles. "The Magus" (In Sense) Sensibility in XX century writing) London-Amsterdam, 1970, 180 p.
10. Бушманова Н. Дерево и чайки в открытом окне: Беседа с Дж. Фаулзом // Вопросы литературы, 1994, №1, с.176-208
11. Джон Фаулз. Мантисса: роман / Джон Фаулз; перевод с англ. И.Бессмертной. – М.: АСТ. Москва, 2006
12. Татаринов В.В. Послесловие / Дж. Фаулз. Аристос. М.: ЭКСМО, 2004, 423-429
13. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф.Ильичева, Г.Н.Федосеева, С.М.Ковалева, В.Г.Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983, 840с.
14. Тараскин А. Дж. Фаулз. «Волхв». М.: Махаон, 2001, 444с.
15. Arlett Robert. Epic Voices. Inner and Global Impulse in the Contemporary American and British Novel. Susquehanna University Press, 2014, 192 p.
16. Бадалбейли У. Очерки современной английской литературы. Баку: Издат. Университета АзИИ, 2009, 132с.
17. Иваишьева В.В. Новые черты реализма на Западе. М.: Советский писатель, 1986, 286с.
18. Aspden Rachel. Great depresser// New Statesman, 2006, v.135, February, 20 p.
19. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. Москва, Канон+, 2010, 487 с.

Статья поступила в редакцию 18.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0099

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

© 2020

SPIN-код: 9446-8712

AuthorID: 1033266

Горбунова Татьяна Алексеевна, старший преподаватель
Аветисян Нелли Бабкеновна, старший преподаватель
Московский политехнический университет

(107023, Россия, Москва, улица Семёновская Б., дом 38, e-mail: avenelly@rambler.ru)

Аннотация. Статья посвящена изучению этимологических особенностей топонимов во французском и немецком языках. Авторами обозначена актуальность и значимость темы исследования. Поставлена цель и определена методология статьи. Изучены наиболее распространенные виды топонимики (этническая, ландшафтная, мемориальная, социально-историческая, вторичная), приведены примеры из немецкой и французской лингво-языковой практики, подкрепленные комментарием этимологической специфики. Предпринята попытка проанализировать эволюцию этимологии французской и немецкой топонимии на примере периода 1913-1915 гг. – первых лет Первой мировой войны, когда одним из результатов военного противоборства становится ксенофобия. Выдвинута гипотеза о том, что именно она стала одним из ведущих факторов трансформации лингво-языковой картины рассматриваемых этносов. Показано, что топонимические системы могут подвергаться в той или иной степени масштабным искусственным (законодательным) изменениям под влиянием глобальных мировых процессов, таких, например, как мировые войны и последующие перекройки государственных границ. Интерес представляет тот факт, что в приведенных переименованиях топонимов, с одной стороны, проявляется одна из важнейших функций имени собственного – идентифицирующая, или конкретнее – этническая самоидентификация общества или его доминирующей части. С другой стороны, в связи с тем, что подобные лингвистические трансформации нередко производятся в полинациональных и в полиязыковых социумах, то целесообразно говорить и о топонимическом геноциде, как проявлении национально-культурного геноцида.

Ключевые слова: ономастическая наука, топоним, заимствование, происхождение, этимология, французский язык, немецкий язык, Первая мировая война, топонимическая война, этническая самоидентификация, немецкие колонии

ETYMOLOGICAL FEATURES OF TOPONYMS IN FRENCH AND GERMAN

© 2020

Gorbunova Tatiana Alekseyevna, senior teacher
Avetisyan Nelly Babkenova, senior lecturer
Moscow Polytechnical University

(107023, Russia, Moscow, Semyonovskaya B. Street, house 38, e-mail: avenelly@rambler.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of etymological features of toponyms in French and German. The authors outlined the relevance and significance of the topic of the study. The purpose and methodology of the article is defined. The most common types of toponymy (ethnic, landscape, memorial, socio-historical, secondary) have been studied, and examples from German and French language practice have been given, supported by a commentary on etymological specificity. An attempt was made to analyze the evolution of the etymology of French and German toponymy on the example of the period 1913-1915 - the first years of World War I, when xenophobia became one of the results of the military confrontation. It has been hypothesized that it is that has become one of the leading factors in the transformation of the linguistic-linguistic picture of the ethnic groups under consideration. Toponymic systems are shown to be subject to some degree of large-scale artificial (legislative) changes under the influence of global world processes, such as world wars and subsequent redrawing of state borders. Of interest is the fact that in the given renames of toponyms, on the one hand, one of the most important functions of the name of one's own - identifying, or more specifically - ethnic self-identification of the society or its dominant part. On the other hand, in view of the fact that such linguistic transformations are often carried out in poly-national and multi-linguistic societies, it is advisable to talk about toponymic genocide as a manifestation of national-cultural genocide.

Keywords: onomastic science, toponym, borrowing, origin, etymology, french, german, Great War, toponymic war, ethnic self-identification, german colonies

ВВЕДЕНИЕ

Топонимия представляет собой совокупность географических наименований определенной местности, являющаяся неотъемлемой частью ее культурного ландшафта, одним из способов передачи культурно-исторического наследия. Как справедливо отмечает О.В. Гефнер, топонимы не просто выполняют адресную или информационную функцию, – они создаются в определенной историческую эпоху, отражают специфику природно-географической среды территорий, мировоззрения, языка, культуры общества, идеологии и политики государства [1, с. 94].

В этой связи, топонимия вызывает колоссальный научный интерес не только лингвистов (А. Бах, Х. Вальтер, Э. Виаль, Т. Витковский, В.А. Жучкевич, П.-И. Ламберт, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, Э. Негре, В.А. Никонов, Э. Ферстеманн, Р. Фишер, Э. Эйхлер и пр.), но и культурологов (А.Р. Аюбов, Н.Г. Брагина, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, Г.В. Драч, Г.В. Елизарова, Д.И. Ермо-вич, Л.Г. Ионин, В.В. Ощепкова, Д.Ч. Малишевская, С.Г. Проскурин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Г.Д. Томахин

и пр.), этнографов, краеведов, историков, социологов (Р.А. Агеева, М. Бушаф, М. Дадабаева, А.П. Дульзон, С.К. Караев, П.Б. Лурье, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, С.У. Умурзаков, М. Филанович, И.Д. Хабаев, А.Л. Хромов, и пр.) и пр.

Так, помимо изучения вопроса этимологии тех или иных географических названий, представляется возможным определить влияние этнического, политического, экономического и иных факторов, также непосредственно влияющих на историю происхождения конкретного топонима. Все же, одной из приоритетных задач топонимики является восстановление утраченной этимологии географического наименования. Названия не бывают бессмысленными даже если исторический смысл топонима утрачен.

С древних времен народ давал названия рекам, озерам, поселениям, городам и пр. – они или сохранялись тысячелетиями, или заменялись спустя короткий промежуток времени в связи с тем или иным историческим событием или процессом, например, военным.

Таким образом, мотивированность и устойчивость

топонимов – это ключевые признаки, характеризующие национальную топонимику как, в том числе, историческую науку.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данной статьи является исследование влияния ксенофобии, порожденной событиями Первой мировой войны, на трансформацию топонимического поля стран-участников военных действий начала XX в. Интерес к данной теме обусловлен практически полным отсутствием исследований по проблеме влияния военного фактора на этимологию и топонимов, не только в отношении «Великой войны», но и в отношении других фундаментальных в эволюционном плане межнациональных противостояний.

Предпринятое исследования топонимов, которые менялись в зависимости от степени расширения завоеванных тем или иным государством территорий, или освобождения от них земель, в ходе военных действий в годы Первой мировой войны осуществлялось с использованием ряда методов, таких как сопоставительный (для установки общих и отличительных черт топонимов и их производных, как элементов лексики немецкого и французского языка), метод компетентностного анализа (для выявления этимологических особенностей топонимов, образованных в результате военных действий), а также метода непосредственных составляющих (для описания морфолого-словообразовательной структуры топонимов в русском, французском, немецком и австрийском языках).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Современной науке известно множество различных источников образования топонимов, таких как этническая, ландшафтная, мемориальная, социально-историческая, вторичная и иные виды топонимики [2, с. 83-84].

Этническая топонимика представляет собой одним из древнейших топонимических пластов, который восходит к наименованию племен и народов, которые жили на конкретной территории. Так, например, немецкий исследователь В. Арнольд полагал, что определенный тип топонимов может быть связан с конкретным германским племенем. В частности, он отмечал, что ойконимы со вторым компонентом *-heim* (например, *Bad-Nauheim*, *Hargesheim*) являются франкскими, а ойконимы на *-igen* (например, *Solingen*) и *-hafen* (например, *Friedrichshafen*) – классическими алеманскими названиями [3]. Французский ученый К. де Силгуй, раскрывая этимологию топонима «Париж» (*фр. Paris*) пишет о том, что, согласно «галльской» версии, он произошел от латинского «*civitas parisiorium*», т.е. «город паризиев». В III в. до н.э. это кельтское племя основало на месте современного острова Сите поселение, получившее название «Лютетия», от латинского *lutium* – «грязь, ил» или *louk-teih*, *louk-tier* – «топкие места». После того, как Галлия превратилась в римскую империю, Лютетия стала одним из крупнейших торговых центров, а с III в. н.э. получила название «Паризии» [4, р. 18]. Ландшафтная топонимика репрезентирует отражение во многих географических названиях особенности окружающего рельефа, водных бассейнов, характера растительности и пр. Подобными топонимами изобилует французский язык, например, по версии Г. Гёхлера современное название местности Монпелье (*фр. Montpellier*) произошло от названия растения, которое там произрастало – «*Isatis tinctoria*» [5]. Э. Негре приводит в качестве пример французский город Лилль (*фр. Lille*); с этимологической точки зрения данный топоним произошел от галло-римского слова *isula*, происходящего, в свою очередь, от латинского *i[n]sula*, т.е. «остров с домами», что самым непосредственным образом обусловлено географическим положением города, который возник как село на острове между двух рукавов Дель. В старофранцузском языке часто использовался топоним *Lysle* [6, р. 108-109]. Название немецкого города Хемниц (*нем. Chemnitz*) происходит от наименования небольшой реки Хемниц, при-

тока реки Цвиккауэр-Мульде (*нем. Zwickauer Mulde*). Само слово «*chemnitz*» происходит от «*kamjenica*» из языка лужицких сербов и означает «каменистый ручей, река» [7, с. 530].

Мемориальная топонимика характеризуется традициями или фрагментарным опытом наименования городов, сел и улиц именами основателей, первых поселенцев, владельцев земельных участков, домов и пр., что традиционно корнями уходит в далекое прошлое. Мемориальные топонимы не возникают только стихийно, их источником может быть какой-либо нормативно-правовой акт.

Так, в начале 2017 г. в Калининграде одной из небольших улиц дали название, годоним, в честь героя-коммуниста Николая Щорса. На вывеске дома №11, тем не менее, подписано еще кое-что другое: *Wißmannstraße*. Это немецкое название улицы тех времен, когда Калининград был столицей Восточной Пруссии. Подобные вывески недавно появились на нескольких домах [8]. Если говорить о городах, то, например, немецкий город Ратцебург (*нем. Ratzeburg*), ранее славянское поселение Ратибор, первые упоминается в документах короля Генриха IV в 1062 г. (*Racesburg*). Само же название происходит от имени ободритского князя бодричей Ратибора.

Социально-историческая топонимика формулируется, когда географическое наименование образовано в связи с нахождением на конкретной территории центра торговли, экспорта-импорта, производственного центра или же характеризуется иными социально-экономическими особенностями. Хорошим примером является немецкий город Бремерхафен (*нем. Bremerhaven*); с нижнемецкого (*н.-нем. Bremerhoben*) топоним переводится как «бременная гавань». Город занимает территорию на северо-западе государства, в 60 км. от него расположен Бремен, вместе с которым они образуют землю Вольный Ганзейский город Бремен. Бухта обеспечивает основную часть доходов бюджета Бремерхафена и земли Бремен. Это крупный торговый, пассажирский порт, здесь сосредоточен центр промыслового флота государства. Вторичная топонимика – это часто своеобразные названия местностей, городов, рек и так далее, которые появляются на значительном расстоянии от названия-оригинала. Подобный «перенос» топонимов осуществляется традиционным при компактном переселении. Например, в США есть такие города, как Лондон, Бостон, Кембридж, Орлеан, Москоу, Санкт-Петербург, Одесса и пр. В контексте этимологии топонима можно привести пелагоним Северного моря (*фр. Mer du Nord*); он вошел в международный вокабуляр из нидерландского языка, где море носило название «Нордзее» (нидерл. *Noordzee*, буквально – «Северное море»), в противоположность нидерл. *Zuiderzee* («Южное море»), расположенного к югу от Фризии. Как пишет Р. Скулли, до вхождения в употребление названия «Северное море», примерно до Первой мировой войны, в англоязычных странах море именовалось «Немецкое море» или «Немецкий океан», эти названия восходят к латинским «*Mare Germanicum*» и «*Oceanus Germanicus*» [9].

В данной статье предлагается к рассмотрению еще один вид топонимики, который характеризуется сформулированными в результате военных действий географическими наименованиями – хоронимов [10, с. 14], которые образовались из немецкого и французского языков в результате завоевания тем или иным государством определенной территории. Итак, 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. 3 и 4 августа на стороне России в войну вступили Франция и Великобритания. 6 августа к Германии присоединилась Австро-Венгрия. Так начиналась Первая мировая война, в которую оказались вовлеченными 38 государств с населением 1,5 млрд. человек. Во всех противоборствующих странах наблюдался не только патриотический подъем, но и всплеск ксенофобии, в каждой конкретной стране направленный на конкретный этнос. Г.Н. Алишина

пишет, что первым «приступ ксенофобии» ощутили на себе подданные воюющих с Россией держав, т.е. лица, которые находились в германской, австрийской и турецком подданстве и оказались на момент начала боевых действий на территории Российской империи [11, с. 87]. Также прецеденты имели место в России, Австралии, США, Великобритании – против германских подданных или лиц немецкого происхождения, в Германии, в частности, – против евреев. Ксенофобия в те годы принимала разные формы, в том числе и радикальные. Одна из специфических ее форм – замена топонимов определенного языкового происхождения.

Говоря о самой Российской империи, то антинемецкий настрой привел к отказу от определенного количества топонимов немецкого происхождения, которых в стране и по сей день не мало – Оренбург, Санкт-Петербург, Екатеринбург (нем. *burg* – крепость), Ораниенбаум (нем. *Oranienbaum* – буквально «апельсиновое дерево»), названия множества поселений немецких колонистов и так далее. Подобные топонимы обществом в то время воспринималось как часть «немецкого засилья», от которого следует как можно быстрее избавляться. В этой связи, был на государственном уровне был поставлен вопрос о замене немецких по происхождению топонимов на русские. Первым, как пишет А.Г. Румянцев, «пал» Санкт-Петербург [12]. С инициативной «сбросить последнюю тень немецкой опеки» выступила чешская колония писали в «Биржевых ведомостях» (31 июля (12 августа) 1914 г. №14281) в статье под заголовком «Не Петербург, а Петроград». В целях обоснования авторы публикации апеллировали и к опыту А.С. Пушкина, и других поэтов, говоривших о «Петрограде», и к языкам южных и западных славян, называвших российскую столицу Петроградом. Под статьей было собрано множество подписей представителей всех социально-экономических классов Санкт-Петербурга. Официальное (властная инициатива) же переименование города было предпринято министром землеустройства и земледелия А.В. Кривошеинным. Таким образом, спустя почти месяц после начала военных действий, 18 (31) августа 1914 г. – Николай II подписывает высочайшее повеление о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград. Вопрос о переименовании столицы был принят к исполнению на чрезвычайном заседании гласных Городской Думы столицы 25 августа (6 сентября) 1914 г. В данном случае можно говорить об аспекте мемориальной топонимики.

Выше мы говорили об Оренбурге и Екатеринбурге – власти, по уже ранее указанной причине также хотели переименовать. Например, касаясь Екатеринбурга – инициативу выдвинул пермский губернатор в конце октября 1914 г. Этот вопрос обсуждался на заседании Городской думы 29 апреля 1915 г. Предлагались такие названия: *Екатериноград*, *Иседонск*, *Екатеринополь*, *Екатеринозаводск*. Однако, Дума единогласно высказалась против. В декабре 1916 г. вопрос о переименовании Екатеринбурга был поднят вновь. Е.Ю. Казакова-Апкаримова пишет, что в письме Пермской ученой архивной комиссии Главному начальнику Уральских горных заводов предлагались новые названия, «приличествующие русскому городу» – *Екатеринозаводск*, *Екатериносетск*, *Екатериноурск*, *Екатериноурал*, *Екатеринокаменск*, *Екатериногор*, *Екатеринобор*. Но и на этот раз реализовать переименование не получилось. 14 апреля 1915 г. на заседании Городской думы Оренбурга обсуждался вопрос о переименовании Оренбурга. Было предложено множество вариантов новых названий на русский лад: *Ориенград*, *Ориендар*, *Ящк*, *Приуральск*, *Орельград*, *Славяно-Георгиевск*, *Ново-Георгиевск*, *Самаро-Уральск*, *Неплюевск* и др. Однако, большинство гласных не поддержало идею переименования. Известны попытки переименования в годы Первой мировой войны и названий улиц, имеющих отношение к стране военного противника. Например, дважды (в 1914 и 1915 г.) пытались переименовать

Немецкую улицу в Саратове, предлагая вместо этого названия *Славянская*, *Скобелевская*, *Петра I*, *Волжский проспект*. И несмотря на то, что высшими инстанциями переименование утверждено не было, улица на три года стала Скобелевской (в честь генерала М.Д. Скобелева), т.е. образовался новый годоним [13]. Если вернуться немного назад, до начала военных действий, то на 1913 г. в Российской империи проживало порядка 2,4 млн. граждан Германии. Большинство их них был потомками крестьян из немецких княжеств Европы, которые приняли «предложение», содержащееся в манифесте Екатерины II от 04.12.1762 г. о приглашении европейцев селиться на свободных землях Поволжья. Следующий миграционный поток имел место после опубликования манифеста императора Александра I 1804 г., когда колонисты были направлены в район Причерноморья и Кавказа. Так, основными местами расселения российских немцев были среднее и нижнее Поволжье, Северное Причерноморье, Закавказье, Крым, Волынь, Северный Кавказ и Сибирь. В результате, многие поселения приобрели немецкие названия *Дитель* (нем. *Dietel*, по имени первого *форштегера* К.Г. Дителя), *Катариненштадт* (с нем. *Katharinenstadt* – буквально «Екатерининский город»), *Цюрих* (от галльского имени *Türos*), *Штрауб* (от юж.-нем. *straub* – буквально «защитный») и др. При этом немецкие названия колоний зачастую носили статус неофициальных, бытующих в повседневной жизни. Официальные же названия были не немецкими, но их использование ограничивалось географическими картами и делопроизводством. В связи с борьбой Российской империи размещением немецкого «населения» на территории государства, в годы Первой мировой войны национальные названия колоний, соответственно, также начали ликвидироваться. Нормативно-правовым актом, на основе которого производились переименования стал циркуляр министра внутренних дел Н. А. Маклакова от 15 октября 1914 г., направленный губернаторам. В нем предписывалось выявить селения с немецкими названиями и подготовить предложения по их переименованию: «В виду войны России с Германией и Австрией я нахожу своевременным поставить на очередь вопрос о переименовании тех селений и волостей, кои носят немецкие названия, с присвоением им наименований русских. <...> В виду сего, прошу Ваше Превосходительство ныне же затребовать отзывы от Земских Начальников, в участках коих имеются упомянутые волости и селения, об обстоятельствах, при которых таковым усвоены немецкие наименования, и о том, какими, по местным условиям, русскими наименованиями было бы соответственно их заменить» [14]. В СМИ данный вопрос широко обсуждался научным сообществом. Так, например, П.В. Вибе приводит данные по Западной Сибири. В этом регионе процесс переименования немецких селений наибольший размах принял в Томской губернии. Например, в Орловской волости было выявлено 23 поселков с немецкими названиями, в Новоромановской волости – 11. Вместо них давались новые названия, которые являлись или переводом немецкого, или соответствовали названию переселенческого участка: *Гальбштадт* (нем. *Halbstadt*, буквально – «половина города») в *Полгород*, *Гнаденфельд* (нем. *Gnadenfeld* – буквально «поле милостей») в *Мирное*, *Шенфельд* (нем. *Schönfeld*, буквально «прекрасное поле») в *Желтенькое*, *Розенфельд* (нем. *Rosenfeld*, буквально «розовое поле») в *Мальшевское* и т.д. Как видно, русскоязычные топонимы практически всегда формулировались исходя из буквального перевода с немецкого языка.

Касаясь французских топонимов, можно говорить о том, что в течение достаточно долгого времени регионы Эльзас и Лотарингия, расположенные на границе Франции и Германией, являлись спорными и неоднократно становились предметом противоборств между государствами. К концу XVIII в. почти вся эта территория перешла под юрисдикцию Франции. В 1871 г. Эльзас и

часть Лотарингии отошли Германии, а после окончания Первой мировой войны – вновь Франции. В 1940–1944 снова в составе Германии, после чего вернулись в состав Франции. Подобная смена юрисдикций Эльзаса и Лотарингии многократно отражалась на топонимах этих регионов. Так, в 90-е гг. XVIII в. под влиянием политики якобинцев в области формирования единой французской нации многие немецкие топонимы Лотарингии были переименованы. После образования в 1871 г. имперской земли Эльзас-Лотарингия в составе Германии здесь начался обратный процесс – «онемечивания» топонимов. Изначально власти придерживались принципа сохранения французского названия для населенных пунктов с преобладанием франкоязычного населения. Однако, как отмечает А.И. Назаров, приток немецкоязычного населения во франкоязычную часть привел к тому, что в 1877 г. многие франкоговорящие поселения получили немецкие названия. Это затронуло порядка 700 топонимов. С 1877 по 1915 год онемечиванию подверглись только три топонима, однако, Первая мировая война вновь активизировала процессы переименований. Из среды немецких лингвистов в то время появились предложения скорректировать топонимы в имперских землях. К этому призывал, в частности, специалист по аллеманскому языку профессор К. Боненбергер. 2 сентября 1915 г. кайзер Вильгельм подписал закон о переименовании всех сохранившихся в Эльзас-Лотарингии французских топонимов. Были затронуты названия 247 населенных пунктов [16]. Одновременно с этим, задача осложнялась тем, что было необходимо не столько восстановить старые немецкие названия, сколько в основном создать новые. О том, как это происходило, рассказывает известный немецким диалектологом Ф. Ментцем в статье, опубликованной в «Журнале Общегерманского языкового союза» в 1916 г. Так, Ф. Ментц пишет, что незначительная часть новых топонимов представляла восстановленные из каталогов населенных пунктов немецкие названия. Так, в Нижнем Эльзасе *Plaine* переименовали в *Blen*, *Fouday* в *Breusch-Urbach*, *Colroy-la-Roche* в *Kolrein*, *Grandfontaine* в *Michelbrunn* и т. п. Примеры по Лотарингии: *St. Au* в *Aich*; *St. Borny* в *Bornen*; *St. Vahlen* в *Wahlen*; *St. Voimhaut* в *Wainwalz* и др. Если в топониме встречалось имя святого (агоним), то имя переделявали на немецкий манер: *St. Eprve* в *St. Erffert*, *St. Louis* в *St. Ludwig*, *Châtel-St. Germain* в *St. Germain* и др. Автор также охарактеризовал приводимые им примеры как неудачные переименования. Так, он отметил, что в немецком языке имя *German* почти не встречается, поэтому было бы лучше назвать *Germanburg* или *Germanburg*. Для многих топонимов потребовалось полное или частичное калькирование. Особенно для тех, которые содержали компоненты *mont* (от фр. «гора»), *val* (от фр. «долина»), *moulins* (от фр. «мельницы»), *village* (от фр. «деревня»), *ville* (от фр. «город»). Соответственно, *mont* (гора) заменяли на *berg*, *val* (долина) – на *tal* и т. д., то есть: *Vulmont* в *Wulberg*; *Richeval* в *Reichental* и т. п. К названиям, которые были переведены, автор публикации отнес также следующие: *Coin b. Cuvry* в *Kuberneck*, *Chénois* в *Eichendorf*, *Aulnois* в *Erlen*, *Fresnes-en-Saulnois* в *Eschen* и др. Широко использовалось и добавление формантов *-ig* или *-ich*: *Ancy* в *Anzig*, *Arry* в *Arrich*, *Chambrey* в *Kambrich* и др. [17]

После поражения Германии в Первой мировой войне и утраты государством Эльзас-Лотарингии французские топонимы здесь были восстановлены. В годы немецкой оккупации 1940–1944 гг. вновь онемечены, а после освобождения – снова офранужены.

ВЫВОДЫ

Бесспорен тот факт, что топонимы в том или ином формате занимают уникальное место в лексической системе любого языка, а топонимика, как наука, имеет синтетический характер, что обуславливает взаимосвязь с широким спектром научных областей, в частности, как мы увидели, военной историей. Определенную важность имеет собственно лингвистический аспект изучения то-

понимов, а изучение этимологического фактора, который влияет на взаимопроникновение лингвистического, географического и исторического аспектов в национальные географические наименования, позволяет более детально понимать сущность, конструкцию и эволюцию различных «отраслевых» направленностей топонимики. Исследование, проведенное в данной статье представляет собой попытку формулирования принципов и этимологических особенностей топонимов во французском и немецком языке, которые создавались или вновь применялись населением в периоды миграции, в зависимости от вектора и степени влияния военных действий первых нескольких лет Первой мировой войны. Интерес представляет тот факт, что в приведенных переименованиях топонимов, с одной стороны, проявляется одна из важнейших функций имени собственного – идентифицирующая, или конкретнее – этническая самоидентификация общества или его доминирующей части. С другой стороны, в связи с тем, что подобные лингвистические трансформации нередко производятся в полинациональных и в полиязыковых социумах, то целесообразно говорить и о топонимическом геноциде (термин, предложенный Н.Н. Подольской [10]), как проявлению национально-культурного геноцида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гэфнер О.В. Военная топонимика городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №1. С. 94-97.
2. Романюк М.Ю. Этимологический анализ топонимики США (на примере штата Аляска) // Вестник Оренбургского гуманитарного университета. 2016. №2 (190). С. 83-87.
3. Arnold W. Ansiedlungen und Wanderungen deutscher Stämme: zumeist nach hessischen Ortsnamen. 2. Aufl. Marburg: Elwert, 1881. 694 p.
4. Silguy de C. Histoire des hommes et de leurs ordures: du Moyen Âge à nos jours (фр.). Le Cherche Midi, 2009. 346 p.
5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987. 288 с.
6. Nègre E. Toponymie générale de la France. Librairie Droz, 1996. 676 p.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. II. 672 с.
8. Ниёмеляйнен Ю., Жители Калининграда считают себя русскими, но власти предупреждают о «ползучей германизации». – 24.01.2017 // Портал «ИноСМИ». – URL: <https://inosmi.ru/social/20170124/238588123.html>
9. Scully R.J. «North Sea or German Ocean»? The Anglo-German Cartographic Freemasonry, 1842-1914 (англ.) // Imago Mundi: journal. 2009. Vol. 62. P. 46-62.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
11. Алишина Г.Н. Российская империя в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.): в поисках «Внутреннего врага» // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. №4 (20). С. 86-90.
12. Румянцев А.Г. «Столица меняет имя» – о переименовании С.-Петербурга в Петроград // Публикации ЦГИА СПб. – 27.11.2013. – URL: https://spbarchives.ru/cgi_publications/-/asset_publisher/H1a8/content/-stolica-menaet-ima-o-pereimenovanii-s-peterburga-v-petrograd
13. Казакова-Анкаримова, Е. Ю. Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны / Е. Ю. Казакова-Анкаримова // Известия УрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2010. №2 (76). С. 113-126.
14. Циркуляр Министерства Внутренних Дел о переименовании селений 15.10.1914 г. // Информационный портал российских немцев. – URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/18/30/124>
15. Вибе П.П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия ОГИК музея. 2003. №10.
16. Назаров А.И. Из истории Первой мировой войны: война с топонимами // Материалы XVII Международной конференции «Ономастика Поволжья» (17–20 сентября 2019 г., Великий Новгород). – URL: <http://imja.name/toponimy/toponimy.shtml>
17. Mentz F. Die Ortsnamenverdeutschung in Elsaß-Lothringen // Zeitschrift des allgemeinen deutschen Sprachvereins, 31. Jahrgang 1916, S. 4-8, 40-46.

Статья поступила в редакцию 30.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 808.2:61
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0046

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ)**

© 2020
AuthorID: 787686
SPIN: 2812-3830

Грибова Наталья Сергеевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

AuthorID: 470870
SPIN: 7991-7630

Чаплыгина Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

*Курский государственный медицинский университет
(305021, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3, e-mail: olya.tchaplygina2015@yandex.ru)*

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода профессиональной лексики на примере специальных терминов в области медицины. Объектом данного исследования являются терминологические единицы, актуальные в исследуемой нами области. Авторы статьи подробно останавливаются на трудностях лексического и грамматического характера, связанных с переводом медицинских текстов. В работе также рассматриваются особенности перевода профессиональной лексики и терминологических единиц, что является одним из условий корректного перевода текстов медицинской направленности. В силу широкого использования терминов в различных сферах деятельности, в том числе и медицине, объектом данного исследования являются терминологические единицы, актуальные для данной области. Авторам статьи представляется необходимым остановиться на системе аббревиации в сфере медицины в связи с особой склонностью английского языка к упрощению грамматических конструкций и усечению словосочетаний. Перевод текстов, содержащих аббревиатуры, является достаточно сложным в силу ряда факторов. Проанализировав многочисленные аббревиатуры в медицинской сфере, авторы статьи классифицируют их по степени активности частоты употребления аббревиатур. Авторы статьи указывают на то, что обучение иностранному языку в медицинском вузе отличается от профессиональной подготовки студентов других вузов тем, что студенты начинают изучать профессионально ориентированный материал на иностранном языке начиная с первого курса. В данной ситуации мы сталкиваемся с трудностями, которые возникают у студентов с восприятием профессионально ориентированных понятий при изучении дисциплины «Иностранный язык». Возникновение трудностей данного характера обусловлено тем, что профессионально ориентированные понятия даже на родном языке не представляются понятными. Студенты-медики изучают иностранный язык для получения дополнительной информации по своей специальности. С учетом вышеперечисленных особенностей медицинского образования авторы статьи определяют следующие уровни сформированности иноязычной подготовки в процессе изучения иностранного языка: низкий, средний, высокий.

Ключевые слова: лингвистика, медицинская профессиональная лексика, тексты медицинской направленности, терминоведение, аббревиатуры, степень активности аббревиатур в медицине.

**PROBLEMS OF TRANSLATION OF PROFESSIONAL VOCABULARY (ON THE EXAMPLE
OF SPECIAL TERMS IN THE FIELD OF MEDICINE)**

© 2020

Gribova Natalya Sergeevna, candidate of Pedagogical Sciences, associate professor
of the Department of Foreign Languages
Chaplygina Olga Vladimirovna, candidate of Pedagogical Sciences, associate professor
of the Department of Foreign Languages

*Kursk State Medical University
(305021, Russia, Kursk, Karl Marx St., 3, e-mail: olya.tchaplygina2015@yandex.ru)*

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the translation of professional vocabulary on the example of special terms in the field of medicine. The object of this study is the terminological units relevant in the area studied by us. The authors of the article dwell on the difficulties of lexical and grammatical nature associated with the translation of medical texts. The features of the translation of professional vocabulary and terminological units are discussed in the scientific paper, which is one of the conditions for the correct translation of medical texts. Due to the wide use of terms in various fields of activity, including medicine, the object of this scientific research is the terminological units relevant to this field. It is necessary for the authors of the article to dwell on the system of abbreviations in the field of medicine due to the particular tendency of the English language to simplify grammatical structures and to truncate phrases. Translation of medical texts containing abbreviations is rather complicated due to a number of factors. Having analyzed numerous abbreviations in the medical field, the authors of the article classify them according to the degree of activity of the frequency of using abbreviations. The authors of the article point out that learning any foreign language at a medical university is different from the professional training of students at other universities that they begin to learn professional-oriented material in a foreign language even in the preclinical course. In this regard, the difficulties associated with the perception of professionally oriented concepts, which even in the native language are not clear, are revealed. Medical students learn any foreign language for more information on their specialty. Taking into consideration the above-mentioned features of medical education, the authors of the article determine the following levels of formation of foreign language training in the process of learning any foreign language: low, medium, high.

Keywords: linguistics, medical professional vocabulary, texts of medical orientation, terminology, abbreviations, activity degree of the abbreviations.

Введение. На сегодняшний день достаточно активно происходит сотрудничество, международный обмен информацией в области здравоохранения и медицины. Поэтому особенно актуальным и значимым представляется выполнение корректного перевода в данной сфере.

В современной лингвистике сложно подобрать еди-

ный вариант определения перевода как языковой деятельности. Наиболее точным определением данного явления, на наш взгляд, является следующее: «Перевод – это полноценная передача средствами одного языка сообщения, сформулированного на другом языке» [2, стр.237-256]. Перевод текстов медицинской направлен-

ности (аннотации к лекарственным препаратам, техническое руководство к использованию медицинского оборудования, составление истории болезни пациента, результаты диагностических исследований и выполнения оперативных вмешательств, постановка диагноза и рекомендации по дальнейшему лечению, проведение лабораторных анализов, необходимая информация для пациентов и врачей) и изучение вопросов, связанных с профессиональными терминами представляет особый интерес в области лингвистики. Термины, употребляемые в языке, выполняют особые функции: языковые, структурные и семантические. Описание лекарственных препаратов является основой терминологии медицинского языка. Основу медицинского языка составляет терминология, которая описывает лекарственные препараты. Данная лексическая терминологическая группа дает возможность описать не только основные характеристики лекарственных препаратов, но и их влияние на человеческий организм, а также состояние организма человека, в том числе и технологии, применяемые в лечении. Медицина неразрывно связана с другими сферами жизнедеятельности человека, что в свою очередь способствует появлению новой и более сложной лексики, перевод которой должен быть корректен. Тексты профессионально-ориентированного характера в сфере медицины представляют собой особую сложность при переводе, так как лексические и грамматические структуры двух языков не являются идентичными. В силу широкого использования терминов в различных сферах деятельности, в том числе и медицине, объектом данного исследования являются терминологические единицы, актуальные для данной области.

Медицинская сфера неразрывно связана с другими науками, а именно: фармация, психология, стоматология, педиатрия, биотехнология и др. В данной статье мы пытаемся более подробно остановиться на особенностях перевода медицинской лексики и терминов в той или иной области медицины. Анализ профессиональной лексики, представленной англоязычными терминами в области медицины, способы их корректного перевода представляются нам весьма актуальными.

Научная новизна исследования заключается в выявлении особенностей перевода профессиональной лексики в области медицины.

Практическая значимость данной работы заключается в дальнейшем использовании результатов исследования при создании учебных пособий для студентов медицинского профиля неязыковых вузов, написания курсовых и выпускных квалификационных работ по филологии.

На основании вышеизложенного **цель** данной работы заключается в рассмотрении проблем перевода профессиональной медицинской лексики.

Для достижения данной цели авторами статьи использовались *следующие методы*: методы анализа, анкетирования, наблюдения. В рамках данного исследования проводился анализ уровня мотивации у студентов первых курсов неязыкового вуза медицинского профиля, метод самооценки построения индивидуального профиля аудитора (слушателя).

В условиях взаимодействия представителей профессиональных сообществ различных стран и культур в условиях глобализации представляется значимым обеспечить подготовку компетентных высококвалифицированных специалистов в области медицины, способных гибко ориентироваться в постоянно меняющихся условиях современного образовательного пространства, одним из требований которого является умение корректного перевода текстов медицинской направленности [3].

Обучению иностранному языку в медицинском вузе отличается от профессиональной подготовки студентов других вузов (технических, гуманитарных) тем, что студенты начинают изучать профессионально ориентированный материал на иностранном языке еще на доклини-

ческом курсе. Специфика данного обучения определяет трудности, связанные с восприятием профессионально ориентированных понятий, которые даже на родном языке не представляются понятными. Студенты-медики изучают иностранный язык для получения дополнительной информации по своей специальности. Учитывая особенности медицинского образования, иноязычная подготовка русскоговорящих студентов рассматривается на следующих уровнях: низком, среднем, высоком. Так, низкий уровень характеризуется неустойчивостью интереса к изучению иностранного языка, случайностью, неосознанностью способностью к варьированию знаний минимальная. Как результат учебно-профессиональная деятельность выполняется на уровне имитации, которая характеризуется способностью студента владеть определенным набором языковых знаний, умений и навыков, а также стремлением воспроизвести эти знания и овладеть способами их применения по образцу с использованием клише; самостоятельность выражения собственных суждений остается только на репродуктивном уровне; студенты слабо включаются в общение, которое отличается бедностью, низкой восприимчивостью и пониманием оппонентов. Данный уровень владения иностранными языками характерен для студентов, поступающих в вуз из сельских школ, в которых иностранному языку уделялось недостаточное внимание. Как результат таким студентам достаточно сложно осуществлять все виды работ, в том числе и перевод текстов медицинской направленности.

Что касается среднего уровня иноязычной подготовки студентов, необходимо отметить, что для него характерен интерес обучающихся к изучению иностранного языка. На данном уровне владения студенты стремятся использовать готовые образцы, корректируя их и трансформируя с последующей интерпретацией. Здесь можно отметить их стремление к самостоятельному поиску. Студенты с желанием включаются в общение, стараясь разобратся в грамматических формах и конструкциях иностранного языка, но все же допускают некоторые ошибки.

Высокий уровень является показателем практически свободного владения иностранным языком. Данный уровень характеризуется насыщенностью и богатством выразительных средств языка. Студенты активно включаются в поиск новых способов получения знаний, что в свою очередь готовит их к вариативному общению в зависимости от ситуации [9].

Таким образом, обучение студентов-медиков должно осуществляться с учетом вышеперечисленных уровней. Оно должно затрагивать все виды работ, а именно, говорение, аудирование, чтение и письмо. Но особое внимание, на наш взгляд, должно уделяться переводу терминологической лексики, характерной для медицинского профиля, поскольку грамотно переведенный материал способствует его быстрому и легкому усвоению, а многочисленные ошибки в переводе создают дополнительные препятствия в понимании того или иного материала.

Согласно исследованиям терминологической лексики в ее состав входят два вида терминов: 1) общенаучные термины – используются в различных областях знаний и относятся к научному стилю; 2) специальные термины – относятся к определенным научным дисциплинам и сферам деятельности (юридическая терминология, экономическая терминология, медицинская терминология).

Нам представляется интересным рассмотреть вопросы, касающихся сложных терминов в области медицины, которые могут состоять из нескольких слов, а переводиться одним словом или терминологическим словосочетанием.

Например, «running nose» переводится одним словом «насморк», «X-ray examination» - «рентген», «hot-water bag» - «грелка», «mustard plaster» - «горчичник».

Принимая во внимание грамматическую особенность профессионального текстового контента медицинской

сферы, необходимо отметить, что наиболее часто встречающейся грамматической конструкцией является употребление форм пассивного залога. Например, 1) The patient will be discharged from the hospital soon. 2) Herbs are gathered in autumn. 3) Some expectorant drugs are administered by the doctor. 4) The lecture in Anatomy is delivered by professor Ivanov. 4) The patient was admitted to the hospital yesterday. 5) Some forms of cancer can be treated. 6) Severe forms of depression can be treated only in out-patient department. 7) The first division of the elementary tract is formed by the mouth. 8) Those drugs were administered to the patient by the doctor. 9) The articles were written by a young surgeon. 10) Poisonous drugs are kept in the cabinets with the letter B.

Вышеперечисленные примеры могут встречаться во всех сферах медицинской деятельности. Характерной чертой медицинских текстов, на наш взгляд, является особая структура предложений. Данная структура представляет собой большое количество сложных, часто незнакомых терминов, которые создают трудности при переводе, что в свою очередь приводит к ошибкам лексико-грамматического характера. Необходимо отметить употребление пассивной конструкции, наиболее часто встречающейся в сфере медицины и представляющей особую сложность при переводе медицинских текстов.

- To have blood analyses made;
- To have urine analyses made;
- To have sputum analyses made;
- To have gastric juice test made;
- To have lungs x-rayed;
- To have stomach x-rayed;
- To have joints x-rayed;
- To laboratory tests done;
- To have blood pressure taken;
- To have an operation performed;
- To have a tooth filled;
- To have a temperature taken;
- To have blood pressure taken.

В связи с особой склонностью английского языка к упрощению грамматических конструкций и усечению словосочетаний, представляется необходимым остановиться на системе аббревиации в сфере медицины.

Одной из сложностей перевода текстов, содержащих аббревиатуры, является их различия в зависимости от страны и постоянного развития той или иной сферы, особенно медицины.

Проанализировав многочисленные аббревиатуры в медицинской сфере, мы классифицировали их по степени их активности:

1. Аббревиатуры с высокой степенью активности употребления;
2. Аббревиатуры со средней степенью активности употребления;
3. Аббревиатуры с низкой степенью активности употребления.

К первой группе аббревиатур можно отнести следующие: AIDS – immuno-deficiency syndrome, WHO – world health organization, ECG – electro- cardiogram, BP – blood pressure, tbc – Tuberculosis; TB doctor – tuberculosis doctor, ESR – erythrocytes sedimentation rate, GP – general practitioner, GO – gynecology, HPD – high protein diet, HPE – history and physical examination, HPI – history of present illness, CP- chronic pain, HCl – hydrochloric acid, HB – hospital bed.

Ко второй группе аббревиатур можно отнести следующие: HBW – high birth weight, MLD – minimum lethal dose, HVD – hypertensive vascular disease, PID – pelvic inflammatory disease, SCU – special care unit, LAS – long arm splint, LAL – left axillary line.

К третьей группе аббревиатур можно отнести следующие: HBGМ – home blood glucose monitoring, GRA – gonadotropin – releasing agent,

EDD – effective drug duration, EFP – emotional facial palsy, EFV – extracellular fluid volume; HАPE – high –alti-

tude pulmonary edema, MEL – metabolic equivalent level, MDF – myocardial depressant factor.

В ходе данного исследования авторами были решены задачи и сделаны следующие *выводы*:

1) проведенный анализ терминов выявил, что специальная лексика (медицинская терминология, аббревиатура) представляет собой переводческую трудность при работе с аббревиатурами и англоязычными терминами в области медицины;

2) определены переводческие проблемы грамматических особенностей терминов специальной направленности, в частности, грамматическая особенность текстового контента в сфере профессионального медицинского образования;

3) выделены три группы аббревиатур медицинской направленности в соответствии с частотой активности их употребления: аббревиатуры с высокой степенью активности употребления, аббревиатуры со средней степенью употребления и с низкой степенью. Данные выводы были сделаны на основе анализа текстов медицинской направленности, представляющих трудности перевода в сфере медицинского обслуживания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белозерцев Е.П. Судьба российского образования сквозь призму социальной политики государства (Послесловие к монографии О.Н. Смолина) [Текст] / Е.П. Белозерцев // Психолого-педагогический поиск. – 2011. - № 1 (17). – С. 6-34.
2. Бородулина М.К., Карлин А.Л. Обучение иностранному языку как специальности. М.: Высш. шк., 1975. 260 с.
3. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Университет Российской академии образования, 2001, 561 с.
4. Грибова Н.С., Парахина О.В., Тарасюк Н.А. Специфика реализации современного профессионального образования в условиях глобализации. М.: Преподаватель 21 в., 2014. № 3. С. 121-125.
5. Пилиавских Ю.А., Баскакова Е.С. Особенности перевода атрибутивных групп с английского языка на русский язык // Интерактивная наука. 2016. № 3. С. 126-128.
6. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Едиториал УРСС, 2003, 248 с.
7. Терских Н.В. О специфике основных разрядов профессиональной лексики (на примере английской терминологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 131-136.
8. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 200 с.
9. Чаплыгина О.В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук // Педагогические условия развития творческой индивидуальности студентов (на примере изучения иностранного языка, Курск 2003 г., с 15-16.
10. The Charles Press handbook of current medical abbreviations – 5th edition, 2007.

Статья поступила в редакцию 28.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81-139

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0047

ОБЩИЙ ОБЗОР ОБРАЗОВАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2020

AuthorID: 625764

SPIN: 4873-4723

Грубин Илья Валентинович, кандидат исторических наук доцент кафедры
Иностранные языки ИУЦТ

AuthorID: 664761

SPIN: 2863-7398

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук доцент кафедры
Иностранные языки ИУЦТ

Российский университет транспорта

(127994, Россия, Москва, Ул. Образцова 9, стр. 9, eidmitrieva@mail.ru)

Аннотация. Цель исследования. В данной статье представлен общий обзор системы терминов логистики в английском языке, их различные классификации по областям заимствования, по способу образования терминов, по формальной структуре термина, по частоте использования. Методы и методология исследования. Основными методами являются анализ научной литературы, дескриптивный метод, классификация. Результаты исследования. На основании проведенных исследований различных материалов по данной тематике, можно сделать вывод о том, что термины для логистики были заимствованы или имеют сходные значения и написание с терминологией максимального количества областей знаний применяемых как в ежедневной жизни так и в сугубо специализированной среде, таких как: менеджмент, транспорт, маркетинг, международные экономические отношения, различные области юридических правоотношений, коммерческая деятельность, информатика, ценообразование, торговля. Область применения полученных результатов. Полученные результаты могут применяться в дальнейших исследованиях в области терминоведения, в ходе процедуры стандартизации терминов, а также при обучении английскому языку для специальных целей.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; логистика; система терминов; управление потоками; образование терминов; английский язык; логистические термины.

AN OVERVIEW OF THE FORMATION AND CLASSIFICATION OF RAILWAY AND LOGISTICS TERMS IN THE ENGLISH LANGUAGE

© 2020

Grubin Ilya Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages IUTC

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Foreign Languages IUCT.

Russian University of Transport

(127994, Russia, Moscow, 9 Obratsova St., p. 9, eidmitrieva@mail.ru)

Abstract. Purpose. This article provides an overview of the system of logistics terms in English giving its different classifications in the areas of borrowing, the method of formation of terms, according to the formal structure of the term, by frequency of use. A classification of railway terms on the basis of thematic groups as well as a structural one are given. Methodology. The main methods are literature analysis, descriptive method, indexing. Results. Based on the research of various materials on this subject, we can conclude that the terms for logistics have been borrowed or have similar meanings and writing with the terminology of the maximum number of areas of knowledge used in everyday life and in a highly specialized environment, such as: management, transport, marketing, international economic relations, various areas of legal relations, commercial activity, computer science, pricing, trade. Practical implications. The results can be used in further research in the field of terminology, during the procedure of standardization of terms, as well as in teaching English for specific purposes.

Keywords: railway transport, logistics, term system, flow management, formation of terms, English language, logistic terms

ВВЕДЕНИЕ

Ежедневно через специалистов в области логистики во всем мире проходит огромный объем грузо-пассажироперевозок. Естественно, что в таких условиях участники транспортных перевозок признали необходимость перехода и использования международного языка логистики. В противном случае управление данными транспортными потоками между разными странами и даже континентами становилось весьма сложной задачей. Таким образом, логистическая наука вошла в нашу жизнь, и, соответственно, имеет полное право быть самостоятельной областью знания со своей терминологией.

Актуальность рассмотрения логистических терминов и терминов железнодорожного транспорта определяется важностью данных отраслей экономики для развития современного общества, в том числе и взаимодействия государства с разными государственными языками. Унификация терминологий в данных областях может значительно повысить экономическую эффективность

операций и оказать положительное влияние на безопасность за счет устранения непонимания и противоречий.

МЕТОДОЛОГИЯ

Новизна исследования состоит в обобщении существующих исследований в области логистической и транспортной терминосистем.

Полученные результаты могут применяться в дальнейших исследованиях в области терминоведения, в ходе процедуры стандартизации терминов, а также при обучении английскому языку для специальных целей.

Терминологическая система логистики образовалась на основе заимствованных терминов. Это утверждение подтверждается тем, что система терминов логистики английского языка была образована на основе принципа объединения, который был предложен В.М. Лейчиком. Суть данного принципа состоит в том, что достижения различных областей знаний в комплексе приводят к образованию общей совокупности терминов [1, с. 256]. Ряд ученых полагают, что, терминологическая система логистики еще находится в процессе формирования.

По мнению А.Н. Стерлиговой [2, с. 101-119], система логистических терминов в английском языке считается сформированной.

На данный момент в современном мире основным языком транспортных перевозок (в первую очередь, международных) и логистики является английский язык. Во многом благодаря процессу глобализации логистические термины не сильно отличаются по географическому признаку

РЕЗУЛЬТАТЫ

Классификации терминов в логистике можно разделить на две группы: общелингвистические и частнолингвистические [3]. В данной статье будет приведен краткий обзор различных типов классификации логистических терминов, используемых в современном английском языке. Термины можно классифицировать по областям заимствования, по способу образования терминов, по формальной структуре термина, по частоте использования [2]

На сегодняшний день можно утверждать, что термины для логистики были заимствованы или пересекаются с терминологией следующих областей знаний: менеджмент, транспорт, маркетинг, международные экономические отношения, право, международное право, коммерческая деятельность, информатика, ценообразование, торговля.

При анализе А.К. Купцовой и А.Н. Стерлиговой логистических терминов в английском языке можно увидеть, что в процентном соотношении заимствования из общей лексики составляют 30%, из технической лексики –20%, из лексики смежных областей знаний –50%.

В качестве примера можно использовать проведенный рядом исследователей анализ словаря «Terminology of Logistics», Европейской логистической ассоциацией (ЕЛА) – European Logistics Association (ELA), который является наиболее полным современным специальным словарем по логистике, где представлены официальные толкования логистических терминов в английском языке. На основе анализа 1500 терминов из словаря ЕЛА, проведенного А.К. Купцовой и А.Н. Стерлиговой получается следующее распределение терминов по сферам знания библиотечно-библиографического классификатора: 27 единиц приходится на сферу «информатика», 159 на сферу «коммерческая деятельность», 36 – «логистика», 44 – «маркетинг», 31 – «математика», 62 – «машиностроение», 41 – «международные экономические отношения», 586 – «менеджмент» 6 – «название организации», 28 – «общепотребительные термины», 33 – «право», 148 – «технология», 208 – «транспорт», 2 – «учет», 20 – «ценообразование» [4, с. 63-82].

Но в первую очередь основу терминологической системы логистики составляют термины, которые являются специфичными для логистики по отношению к другим областям знаний.

При изучении терминов в логистики в английском языке выделяются терминологические поля, на основе теории А.И. Смирницкого [5, с.260].

Согласно данной теории, каждая специальная тематическая область наполняется только терминами, характерными исключительно для данной сферы и темы. В системе логистических терминов английского языка можно выделить всего девять подобных терминологических полей. К ним относятся «purchasing management», «logistics of production», «order management», «transportation», «warehousing and material handling», «inventory management», «information technologies», «logistics management», «supply chain management» [4, с.96]

Перечисленные выше терминологические поля совпадают со структурой понятийного аппарата логистики, что в свою очередь подтверждает наличие сложившейся системы в англоязычной логистической терминологии. Данное наблюдение также подкрепляется количеством терминов в различных областях в анализе А.К.Купцовой и А.Н.Стерлиговой словаря ЕЛА. Данный анализ дает

следующие результаты: 251 термин относится к области «управление закупками», 146 – к области «управление запасами», 188 терминов – к сфере «управление логистическими системами», 112 – к области «управление заказами», 132 – «складирование и грузопереработка», 259 – к области «транспортировка», 41 – к сфере «информационное обеспечение», 256 – «логистическая поддержка производства», 77 терминов относится к сфере «управление цепями поставок» [6, с. 63-82]

Наибольшими по количеству терминов являются группы, состоящие из слов из области транспортировки и управления. Два данных процесса составляют основу логистики.

Наиболее распространенным способом образования терминов в английском языке является морфологический. Можно выделить следующие способы морфологического образования терминов в логистики: конверсия, суффиксация, префиксация, усечение основ, сокращения.

Рассмотрим каждый из них на примере.

Конверсия. Самым распространенным видом конверсии в английском языке является образование глаголов от имен существительных: a plan – to plan, a work – to work, a place – to place.

Способ суффиксации. Данный способ морфологического образования логистических терминов является наиболее распространенным в английском языке: **market + ing = marketing, buy + er = buyer, agree + ment = agreement.**

Префиксация. С помощью префиксации образуется меньше число терминов и в основном используются заимствованные префиксы: **un + limited = unlimited, ir + regular = irregular, under + pay = underpay, en + large = enlarge**

Усечение основ. Усечение основ характерно только для английского языка. Но стоит отметить тот факт, что число логистических терминов, которые образуются этим способом, достаточно небольшое. В качестве примера можно привести следующие слова: **multipack – pack, telephone – phone, automobile – auto.**

Сокращения. Сокращение терминов могут состоять из одного, двух, трех или четырех компонентов. Сокращаются могут как однокомпонентные, так и многокомпонентные термины: **BL – BilofLanding, DSD – Direct Store Delivery, FMCG – Fast Moving Consumer Goods.**

Также необходимо отметить, что ряд терминов в логистики в английском языке появлялись с помощью метафорического переноса и специализации значения. Но количество терминов, образованных такими способами, невелико.

Одной из основных классификацией терминов, которую хотелось бы рассмотреть, является классификация по формальной структуре термина. Согласно данной классификации, выделяется два типа терминов: *термины-слова, термины-словосочетания*. В соответствии этой классификацией, предложенной Б.Н. Головиным [7, с.67-70], основанной на морфолого-синтаксической структуре в логистической терминологии английского языка термины принято разделять на две группы. К первой группе относятся *простые термины*, а кто второй группе относятся *сложные термины*.

К *простым терминам* можно отнести такие слова: *cargo (груз), production (производство), booking (бронирование), carrier (перевозчик), delivery (доставка), adjustment (корректировка), barcode (штрих-код), breakage (уничтоженный товар), consigner (грузоотправитель), delivery (доставка)* [8]

Простые термины в терминологической системе логистики являются наиболее древним и были заимствованы в основном из лексики английского языка, в отличии от сложных терминов, которые были чаще заимствованы из специализированной лексики.

Сложные термины из-за своей структуры в свою

очередь разделяются на три группы: *двухкомпонентные термины, трехкомпонентные термины, многокомпонентные термины*.

Первую группу составляют *двухкомпонентные термины*. К таким терминам относятся такие слова: *delivery slot (интервал доставки), end area (конечная зона), lot size (партия поставки), delivery terms (условия поставки), firm booking (заказ перевозки), homogeneity goods (однородные товары), inhibited area (запрещенная зона)* [8;9]

Во вторую группу входят *трехкомпонентные термины*. К таким терминам относятся такие выражения и словосочетания: *supply chain management (управление цепочками поставок), manufacturing control system (производственная система управления), third party logistics (выполнение логистических операций третьим лицом), procurement order registration (регистрация поставок), used before date/best before date (использовать до), advanced shipping note (предварительное уведомление об отгрузке), consumer direct logistics (логистика до потребителя), direct store delivery (прямая поставка в магазин), double deck trailer (двухэтажный трейлер), efficient unit loads (эффективная грузовая единица)* [8; 9]

Третью группу терминов составляют *многокомпонентные термины*. Такие термины состоят, как правило, из четырех и более компонентов (слов и предлогов): *global trade item number (глобальный номер товара), good flow control system (система управления товародвижением), fork-lift truck driver (водитель погрузчика), fast moving consumer goods (товары повседневного спроса), advanced goods receiving note (предварительное уведомление о приемке), standard international trade classification (международная стандартная классификация)* [10].

Наибольшее распространение в английской логистической терминологии получили двухкомпонентные словосочетания, состоящие из основного слова, которое чаще всего выражено именем существительным и определяющего, атрибутивного слова. Распространенным способом образования двухкомпонентных терминов английского языка в логистике является синтаксический способ. В английском языке доля двухкомпонентных терминов в логистике составляет около 63,5% от общего числа составных терминов. Трехкомпонентные и многокомпонентные термины часто используются в виде сокращений.

Существуют еще одна классификация, согласно которой логистические термины английского языка можно классифицировать на:

- 1) структурообразующие термины;
- 2) потоковые термины;
- 3) операционные термины.

К *структурообразующим терминам* логистики можно отнести такие термины как логистическое звено, логистическая цепь, логистический канал, логистическая сеть, логистическая система, микрологистическая система, макрологистическая система, мезологистическая система, элемент логистической системы.

Основным объектом деятельности в логистике является **поток**. Поэтому значительный массив терминов логистики составляют *потоковые термины* такие как: поток, материальный поток, информационный поток, финансовый поток, поток услуг, поток основной, поток сопутствующий.

К *операционным терминам* логистики можно отнести такие терминологические единицы как логистическая операция, логистическая функция, логистический процесс, логистический бизнес-процесс, логистический сервис, логистический цикл, полный логистический цикл, логистическая технология.

Приведенные выше термины такие как: *структурообразующие термины; потоковые термины; операционные термины* являются основными терминами логистики. Другие термины, используемые в логистике, опира-

ются на эти три группы терминов. К данным терминам относятся *обобщающие и прикладные термины*.

Обобщающими терминами логистики в английском языке называются термины дисциплины «Основы логистики», которые включают в себя такие единицы как: определение логистики, интегрированная логистика, внутрифирменная логистика, корпоративная логистика, логистическая поддержка, логистический подход.

Прикладные термины имеют подчиненное к основным терминам содержание. Данная группа прикладных терминов включает термины, которые могут использоваться в других направлениях и областях. Это, например, такие термины, как: логистический подход, логистическое окружение, логистическая миссия, логистическая стратегия, логистический микс, логистические затраты, логистические издержки.

На основе исследования, посвященного использованию логистических терминов в английском языке в тексте, была предложена еще одна классификация терминов. Данная классификация была основана на частоте использования тех или иных терминов. Согласно этой классификации, термины можно разделить на три группы: *высокочастотные, среднечастотные, низкочастотные термины*.

В качестве примера можно привести следующие термины, относящиеся к *высокочастотным*: *product (товар), goods (товар), order (заказ), market (рынок), service (услуга), logistic (логистический), pack (упаковка), delivery (доставка)* [8]

Данные термины относятся высокочастотным, что связано с основными функциями логистики. Так же можно отметить то, что многие высокочастотные термины заимствованы из обшечупотребимой лексики.

К *среднечастотным терминам* относятся: *stock (запас), planning (планирование), dock (док), level (уровень), product (продукт), area (зона), warehouse (склад), place (место)*. [9]

К *низкочастотным* относятся следующие термины: *outsourcing (привлечение третьей стороны), monitoring (мониторинг), tracking (отслеживание), type (тип), realising (реализация)*. [9;10]

Вышеуказанные термины являются низкочастотными терминами, так как они недавно появились в системе терминов логистики английского языка. Большинство современных слов, которые попадают в систему терминов логистики английского языка, сначала относятся к низкочастотным терминам. Это объясняется тем, что данные термины имеют в первую очередь специализированное или даже узкоспециализированное значение, так как такие термины приходят из технических областей знаний. Впоследствии они могут быть отнесены в группу среднечастотных или высокочастотных терминов. Среди таких терминов в логистике можно выделить много *узкоспециальных терминов*.

Классификация по частоте использования термина обладает большими достоинствами при оценке терминов логистики в английском языке. На основе этой классификации можно сделать вывод о том, какие именно задачи являются первостепенными для данной науки, а какие вспомогательными. Также можно проследить, из каких смежных областей знаний чаще всего происходит заимствование слов.

Что касается терминологии железнодорожного транспорта, структура указанной выше терминосистемы подробно описана в работе Е.В. Демишкевич [11; 2017]. По мнению автора, можно выделить 5 тематических групп в рамках данной системы. Характеристики данных групп представлены в таблице 1.

Также как и в случае с логистическими терминами, можно сделать вывод о том, что наличие данных тематических групп подтверждает системный характер английской железнодорожной терминологии, так как исследуемая терминосистема насчитывает множество элементов, связей и отношений, образуя при этом определенную

целостность. С точки зрения её внутреннего строения, английская железнодорожная терминология характеризуется структурной упорядоченностью.

Таблица 1 - Тематические группы терминосистемы железнодорожного транспорта

Наименование	Количество терминологических единиц	Доля в выборке
Путь и путевое хозяйство	1436	46%
Организация процесса перевозок	718	22%
Приборы и устройства	554	17%
Машины и подвижной состав	293	9,2%
Технические операции	263	8,8%

Обширное структурное исследование в данной области было также проведено Е.В. Демишкевич [12], согласно которому, 20% железнодорожных терминов являются простыми. Примерами простых терминов являются: gauge – ширина колеи; freight – груз; rail – рельс, hump – горка.

Сложные термины, т.е. термины, которые имеют в своем составе не менее двух корневых морфем, составляют 7% от общего числа рассмотренных в исследовании Е.В. Демишкевич терминов. К примерам можно отнести: gondola-car – полувагон, tank-car – цистерна.

Свободные терминологические сочетания, в которых возможна замена компонентов за счёт синонимичных терминов, мало распространены в англоязычной железнодорожной терминологии, и их количество составляет 2%, например: head of station – начальник станции.

Связные терминологические сочетания, в свою очередь, представляют собой самую многочисленную группу, равную 67% от общего числа терминов, например, high speed train – высокоскоростной поезд.

К особой группе терминологических сочетаний в английской железнодорожной терминологии можно отнести сочетания фразового типа. На их долю приходится 4% от числа всех терминсочетаний. Количество компонентов варьируется от двух до шести, например: piggy-back transportation – комбинированные автомобильные и железнодорожные перевозки.

В последние десятилетия наблюдается резкий рост интереса лингвистов и специалистов различных отраслей науки и техники к проблемам частно-отраслевых терминосистем, что является оправданным в контексте возрастания потока научной и технической информации и усиления процессов терминотворчества. Сейчас активно обсуждаются проблемы терминологии в связи с нарастающей автоматизацией информационных процессов, появлением автоматизированных словарей. Создание подобных словарных комплексов невозможно без стандартизации и унификации терминологической лексики, изучения лингвистических проблем терминологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения стоит отметить следующие моменты, касающиеся терминологической системы логистики и железнодорожного транспорта английского языка.

Во-первых, терминологическая система логистики была образована в результате изменения терминологии, складывавшейся в течение долгого времени по мере накопления теории данной области знания, используя и заимствуя понятия различных наук (экономических, технических, математических, юридических) без существенного изменения содержания данных понятий. При этом необходимо продолжать работу по стандартизации, систематизации системы терминов логистики английского языка.

Во-вторых, в логистической терминологии английского языка наблюдается большое количество заимствований из смежных областей знания. Также стоит отме-

тить широкое влияние глобализации на процесс формирования системы терминов логистики. Данный процесс имеет положительное влияние, так как приводит в конечном итоге к унификации и стандартизации терминов, что облегчает их понимание и использование, особенно в области логистики международных перевозок.

В-третьих, логистика является сравнительно молодой областью знания, процесс формирования системы логистической терминологии продолжается. Исходя из этого, на сегодняшний день требуется составление большего числа логистических словарей и глоссариев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. – 256 с. – 4-е изд.
2. Стерлигова А.Н. Терминологическая структура логистики // Логистика и управление цепями поставок. № 4-5 (5). М. 2004. – с.101–119.
3. Купцова А.К., Стерлигова А.Н. Современные вопросы развития терминологии логистики. // Логистика и управление цепями поставок. №2–3. М., 2004. – с. 113–121.
4. Сергеева В.И. Корпоративная логистика. 300 ответов на вопросы профессионалов. – М., 2004. – 976 с.
5. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: МГУ, 1998. – 260 с.
6. Стерлигова А.Н., Купцова А.К. Анализ процесса стандартизации терминологии логистики за рубежом. // Логистика и управление цепями поставок. №1 (12). М., 2006. – с. 63–82
7. Головин Б.Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи. М., 1987. – С.67–70.
8. The Oxford Dictionary for the Business World. Oxford University Press. 2001 – 1038 с.
9. <http://www.logisticsworld.com/logistics/glossaryalpha.htm>
10. <http://www.mi-clm.org/logistics/glossary/definitions.htm>
11. Демишкевич Е.В. Тематические группы английских терминов железнодорожного транспорта. – Омский научный вестник, №3, 2017
12. Демишкевич Е.В. Структурный анализ английской терминологии железнодорожного транспорта. – Омский научный вестник, №4, 2013

Статья поступила в редакцию 29.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81.13.72.5

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0048

МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНЫХ МЕТОДОВ

© 2020

SPIN-код: 3233-9838

AuthorID: 305354

Гудкова Светлана Анатольевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Теория и практика перевода»

SPIN-код: 4864-6113

AuthorID: 937250

Яницкий Александр Игоревич, преподаватель кафедры
«Теория и практика перевода»

Тольяттинский государственный университет

(445020, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 14, e-mail: alexander.ian@mail.ru)

Аннотация. Научные интересы к лингвистическим исследованиям возрастают с каждым годом. Этому способствует глобализация, потребность развития межкультурных коммуникаций, включая и развитие навыков грамотного построения речи. Целью статьи является не только обзор существующей методологии научного исследования, но и презентация авторского видения использования гибридных методов научного исследования при формировании у студентов навыка работы с разными видами текстовой информации общей и профессиональной тематики как на родном, так и на иностранном языке. В статье описана совокупность научных подходов, базовые понятия методологии, методов и технологии лингвистических исследований, а также представлена методология обучения студентов элементам лингвистического исследования на основе работы с текстами разнообразной тематики. Под лингвистическим исследованием авторами понимается исследование базовых составляющих элементов текста. Технология лингвистического исследования представляет собой операционно-технологическую процедуру изучения текста, включающую в себя фиксированную совокупность приёмов научно-практической деятельности, приводящую к заранее определённому результату, состоящему в получении нового знания. Структура текста может быть линейной и нелинейной. В связи с этим рекомендованы гибридные методы лингвистического исследования. Концепт авторского исследования представлен определенной совокупностью методов, приемов или операций практического и теоретического осмысления текстовой информации. В настоящее время большинство современных исследователей используют гибридные или комплексные методы при осуществлении аналитической деятельности. Комплексные методы интегрированы из совокупности метадисциплин, каждая из которых является общеметодологическим базисом к лингвистическому исследованию.

Ключевые слова: лингвистика, методология, научные подходы и методы, особенность гибридных методов.

METHODOLOGY OF LINGUISTIC RESEARCH: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF HYBRID METHODS

© 2020

Gudkova Svetlana Anatolievna, Candidate of pedagogical sciences, associate Professor
of the department «Theory and practice of translation»

Ianitskii Alexander Igorevich, Lecturer of the department
«Theory and practice of translation»

Togliatti State University

(445020, Russia, Togliatti, st Belorusskaya, 14, e-mail: alexander.ian@mail.ru)

Abstract. Scientific interest for linguistic research is increasing every year. This is facilitated by globalization and the necessity for the development of intercultural communication including the development of skills for literary speech. The purpose of the article is both the reviewing the existing methodology of scientific research and presenting the author's vision of the use of hybrid methods of scientific research in the development of students' ability to work with different types of textual information on general and professional topics, both in their native and foreign languages. The article describes a set of scientific approaches, basic concepts of methodology, methods and technologies of linguistic research, as well as the methodology of teaching students the elements of linguistic research based on the work with texts of various subjects. Linguistic research is considered as the study of the basic components of the text. Technology of linguistic research is an operational and technological procedure of text study, which includes a fixed set of methods of scientific and practical activity, leading to a predetermined result, consisting in obtaining new knowledge. The structure of the text can be linear and non-linear. In this regard, hybrid methods of linguistic research are revealed and recommended. The concept of author's research is represented by a certain set of methods, techniques or operations of practical and theoretical understanding of text information. Nowadays most modern researchers use hybrid or complex methods when carrying out analytical activities. These methods are integrated from a set of meta studies, each of which represents general methodological basis for linguistic research.

Keywords: linguistics, methodology, scientific approaches and methods, peculiarity of hybrid methods.

ВВЕДЕНИЕ

Любая научная деятельность представляет собой целенаправленную когнитивную активность, результаты которой излагаются в виде системы умозаключений, принципов и взаимосвязей, и структур. Потребность формирования практических навыков грамотного построения речи обосновывает выбор темы и ее актуальность. Рассмотрим более подробно основные понятия составляющих лингвистического исследования, которое лежит в основе развития филологии и лингвистики и большинства современных исследований [1].

Под филологией в отечественной научной картине мира понимаются синтез языкознания, лингвистики, тек-

стологии, литературоведения, источниковедения, палеографии, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве. В то же время объектом исследования в лингвистике считают все естественные языки, существующие в мире.

Согласно мнению многих ученых современности, методология – есть процесс целенаправленного рассмотрения объекта и определения основных траекторий познания языковой действительности. Правильно выбранный метод формирует алгоритм поиска истины, т.е. позволяет двигаться к цели изучения объекта исследования кратчайшим путём. Лингвистика сегодня является одной из областей знаний, которая становится все более

востребованным механизмом межкультурного взаимодействия.

Лингвистика находится в тесной взаимосвязи с такими понятиями как филология и языкознание.

В свою очередь, предметом изучения лингвистики являются научные подходы к представлению текста как совокупности знаков.

Филология, являясь метанаукой для таких областей знаний, как палеография, текстология, языкознание, лингвистика, необходима для интерпретации знаний и навыков культурного общения на любом анализируемом и изучаемом языке.

Языкознание призвано исследовать структуру и особенности конкретного языка как набора знаков и их структурных соединений.

В совокупности они составляют базовый концепт лингвистического исследования (рис. 1).



Рисунок 1 - Концептуальная модель методологических подходов в лингвистическом исследовании

МЕТОДОЛОГИЯ

В настоящее время можно отметить много работ в данном направлении, что подтверждает актуальность исследования [2-6, 13].

Под лингвистическим исследованием понимается исследование составляющих текста. Обозначим, что структура текста может быть линейной и нелинейной. В связи с чем, можно рекомендовать различные методы лингвистического исследования. Будем рассматривать метод как определенную совокупность приемов или операций как прагматического, так и теоретического осмысления текстовой информации. Отметим, что в лингвистике такие методы как обобщение, анализ, синтез используются для регистрации и описания языковых фактов, их теоретического обобщения на основе методологических положений.

В общем виде под методологией лингвистического исследования понимается учение о принципах, основных приемах и способах познания языковой действительности. Поэтому, можно констатировать, что под методом понимается совокупность последовательности действий (операций), описываемых нами как средства изучения, используемые для достижения цели лингвистического исследования.

В отличие от метода, под методикой лингвистического исследования понимается определенная совокупность методов для всех этапов изыскания.

Технология лингвистического исследования представляет собой операционно-технологическую процедуру, включающую в себя фиксированную совокупность приёмов научно-практической деятельности, приводящую к заранее определённому результату, состоящему в получении нового знания.

В настоящее время большинство филологов и лингвистов используют гибридные или комплексные методы при осуществлении аналитической деятельности. Комплексные методы интегрированы из совокупности метадисциплин, каждая из которых является общеметодологическим базисом к лингвистическому исследованию.

На рисунке 2 показана модель применения гибридных

методов.

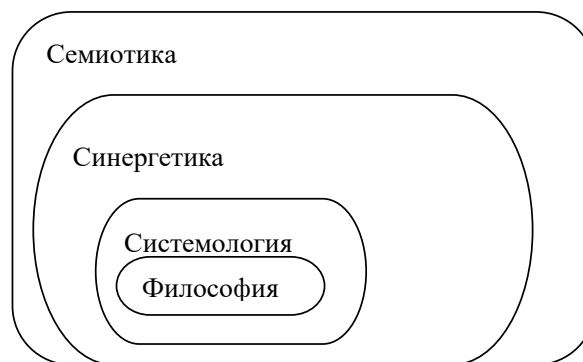


Рисунок 2 - Модель взаимодействия гибридных методов с базисом лингвистических исследований

Таким образом, в стремлении понять смысловое содержание языка с целью его дальнейшей трансформации при организации межкультурного обмена следует учитывать, что язык концептуален (большинство филологов), диалогичен (Х.Г. Гадамер), проблематичен (М. Фуко), интертекстуален (Ю. Кристева, С.Лешев), коммуникативен (Ю. Хабермас) [13-18].

Рассмотрим методологию гибридных методов на примере лингвистического исследования понятий текст-дискурс- речевая манипуляция подробно. Прежде всего, представим краткий обзор используемых в современной научной картине мира концептов гибридных методов исследования [11].

Уровень философского осмысления объекта исследования. Базовым принципом вышеуказанного уровня определяют единство диалектики (познание истины), логики и теории познания, реализуемый через понимание исследователем всеобщей взаимосвязи явлений и объектов исследования.

Исследователь в любой сфере науки и практики понимает, что эффективное познание объекта осуществляется обязательно с учетом синхронии и диахронии, то есть, описание текущего состояния объекта должно сопоставляться и сравниваться с прошлыми состояниями объекта. И только то познание объекта можно считать полным, которое включило в себя изучение всех микро-элементов и частей, которые в познаваемом объекте формируют его структуру.

Уровень системологического рассмотрения объекта исследования. С семидесятых годов двадцатого века появилась необходимость имплементации в научную методологию метадисциплины, которая служила бы связующим звеном концепта философии с частными дисциплинами. Такой метадисциплиной принято считать системологию, требования которой к анализу и моделированию процессов поведения той или иной системы, обусловленных как особенностями ее отдельных элементов, так и свойствами ее структуры, являются базовыми для большинства частных наук.

Также, ученому обязательно рассмотрение системы как динамичной, развивающейся целостности с обязательным учетом ее иерархичности.

Уровень синергетического познания объекта исследования. Уровень данной метадисциплины подразумевает, что любой рассматриваемый объект априори должен изучаться ученым как система с потенциалом саморазвития и саморегуляции под воздействием внешних факторов и появления точек бифуркации изучаемой системы и аттракторов.

Другими словами, реферативно современный концепт синергетики можно представить как акт самоадаптации базовых структур в системах. Но системы должны быть диссипативными, т. е. иметь возможность альтер-

нативного изменения в точках бифуркации, т. е. раздвоения, разветвления, в которой система теряет свою устойчивость.

Большинство лингвистов признают, что язык находится в состоянии постоянной динамики, подвергаясь воздействию как внутренних, так и внешних факторов изменения и развития. Языковая мегасистема, состоящая из иерархически структурированных и взаимосвязанных систем и подсистем, устойчива лишь относительно, точнее сказать, неравномерно устойчива, поскольку какие-то ее части в данный момент могут быть неустойчивы, а какие-то другие могут находиться в состоянии относительной статичности.

Следовательно, язык можно определить как открытую, динамическую, нелинейную, неравновесную мегасистему, состоящую из множества сложноорганизованных ко-эволюционирующих систем и подсистем, управляемых определенными параметрами порядка с целью сохранения стабильности и функциональности данной системы.

Синергетическая методология позволяет по-новому взглянуть на многие исторически важные изменения в структуре языковых подсистем. Ярким примером является изучение процесса грамматикализации структуры речи. Вышеупомянутый термин введен в современный научный дискурс французским лингвистом Антуаном Мейе в 1912 г. и подразумевает перераспределение элементов лексических и грамматических категорий системы языка в сторону увеличения использования последних. При исследовании процесса перестройки структуры речи в сторону грамматикализации ученые выделяют десемантизацию лексических единиц, морфологическую редукцию и фонетические изменения. Примеры многочисленны, выявлены, изучены и описаны во многих языках [7-9]. Так, например, в английском языке ярким представителем превращения в грамматический формант является полнозначный в древнеанглийском языке глагол *willan*, означавший «хотеть, желать» (*to want, to wish*), который в среднеанглийском использовался как аналитическая форма будущего времени, а в современном языке редуцируется до формы *'ll* как формального показателя будущего времени. Еще одним примером грамматикализации является превращение полнозначного глагола *have* «иметь, обладать» в служебный глагол времени Present Perfect (Active and Passive Voice).

С процессом грамматикализации можно связать возникновение и развитие в английском языке артиклей для выражения категории определенности/неопределенности (в другой терминологии, категории выделенной/невыделенности). Неопределенный артикль *a* развился из числительного *one* «один» в безударной позиции для первичного обозначения денотата, а определенный артикль *the* выделился из системы указательных местоимений.

Таким образом, вышеописанный процесс может быть рассмотрен с позиций синергетики как процесс эволюции порядка языка и представлен как наличие определенных точек бифуркации в древнеанглийском и среднеанглийском языках и смещение полновесных слов (семантика) в сторону выражения грамматических категорий (аттрактора), что в конечном итоге привело к самоорганизации структуры языка и эволюции его в современный английский язык.

Уровень семиотического распознавания знаковой системы объекта исследования. Семиотика (греч. *semeiotikón*, от *seméion* — знак, признак), семиология, наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем (естественных и искусственных языков) также считается матадисциплиной, обеспечивающей эффективное познание исследователем объекта через анализ трех основных аспекта изучения знака и знаковой системы любой науки (т. е. совокупности знаков, устроенной определенным образом):

1) синтактика, изучающая внутренние свойства систем знаков безотносительно к интерпретации (правила построения знаков в рамках знаковой системы);

2) семантика, рассматривающая отношение знаков к обозначаемому (содержание знаков) или же, соотношения между знаками и их интерпретациями, независимо от того, кто служит «адресатом» (интерпретатором);

3) прагматика, исследующая связь знаков с «адресатом», т. е. проблемы интерпретации знаков теми, кто их использует, их полезности и ценности для интерпретатора.

Таким образом, если семантика и особенно синтактика имеют дело лишь с частью семиотических проблем, то прагматика, нуждающаяся в «помощи» со стороны конкретных наук (например, психологии, психолингвистики, социальной психологии), изучает всю относящуюся к семиотике проблематику в целом.

В настоящее время в отечественной научной картине мира семиотика взаимодействует с герменевтическим процессом, который представлен как интерпретация знаковых символов. При этом используются две взаимосвязанные процедуры герменевтики: понимание и объяснение. Понимание интерпретируется как искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другим сознанием через внешне выражение (речь, жесты, позы). Цель понимания — совершить переход от выражения к тому, что является основной интенцией знака, и выйти вовне через речь интерпретатора.

Анализ подходов к изучению лингвистических исследований позволил выявить следующее многоуровневое взаимодействие гибридных методов между собой.

На рисунке (рис.3) представлено авторское видение использования метатеоретического базиса научной деятельности при практическом исследовании текста. Представлены уровни, соответствующие им методы и краткое описание их сущности.

Новизна авторского видения заключается в формировании методики обучения студентов иностранному языку в соответствии с концептуальной моделью. Результатом является более быстрое приобретение навыков лингвистического исследования и грамотного построения англоязычной речи.

Наиболее быстрые результаты получаются в группах обучающихся, имеющих профессиональный опыт работы и практические навыки. Например, в процессе переподготовки кадров или подготовки специалистов через систему дополнительного образования, с использованием CLIL технологий. Авторами [5] показано, что применение именно таких технологий способствует более быстрому лингвистическому анализу текста и его осмыслению при формировании новых знаний. Это можно объяснить тем, что у них уже сформированы навыки понимания философского базиса и сущности системного подхода по роду своей профессиональной деятельности [19].

На рисунке показана логическая взаимосвязь многоуровневого научного лингвистического исследования на основе научных подходов и гибридных методов.

Авторское видение концептуальной модели совпадает с выводами таких исследователей как [10, 12, 18, 20], но представленная интегративная модель позволяет обучающимся использовать ее как «опорную карту» при проведении лингвистического анализа и синтеза на практических занятиях (табл.1). Теоретические аспекты гибридных методов лингвистических исследований были применены на практике обучения английскому и немецкому языку.

В таблице 1 показаны примеры практического применения гибридных методов на занятиях английского языка неязыковых направлений подготовки, при работе с разными текстами.

Полученные результаты проведенного научного исследования, позволяют преподавателю систематизиро-

вать «сильные» и «слабые» места формирования культуры работы с иноязычным текстом и своевременно управлять процессом обучения.

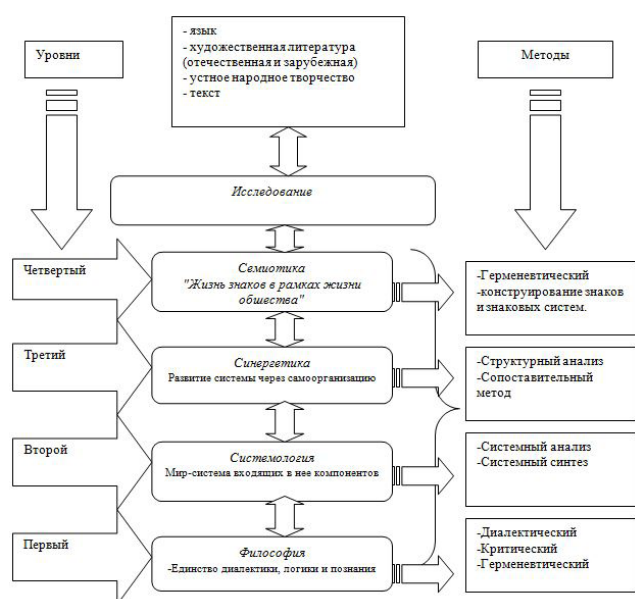


Рисунок 3 - Концептуальная модель интеграции гибридных методов с научным базисом в процессе лингвистического исследования

Такой подход позволяет в более сжатые сроки формировать у студентов новые знания в области лингвистического анализа и синтеза текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Научный эксперимент проводился в рамках учебного заведения в течение трех последних лет. Анализ достигнутых результатов показал, что предлагаемая методология является эффективной. Исследование проводилось в группах студентов обучающихся через систему дополнительного образования по программе «English for automobile industry» (группа 1) и в группах старших курсов института машиностроения при преподавании дисциплин «Иностранный язык» и «Профессиональный иностранный язык» (на базе Тольяттинского государственного университета) (группа 2, группа 3).

По результатам исследования была собрана статистика, в которой учитывалось формирование требуемых компетенций. Статистика показала эффективность применяемых новых подходов авторского концепта.

Таблица 1-Практические аспекты применения гибридных методов

Уровень	Метод на практике	Краткое описание
Уровень 1. Метатеоретический уровень философии	Просмотровое чтение. Определение концептов. Обсуждение концепта с точки зрения диалектического развития. Герменевтическое исследование.	Студенты в течение 2-3 мин. просматривают полностью текст, определяют его стиль, основную тему.
Уровень 2. Метатеоретический уровень системологии	Аналитическое чтение: декомпозиция на структурные лексико-грамматические элементы. Анализ целесообразности использования определенной грамматической конструкции в предъявляемом контексте. Синтез полученной информации.	Командный перевод и индивидуальная работа в соответствии с данным преподавателем заданием.
Уровень 3. Метатеоретический уровень синергетики	Обсуждение основной идеи текста. Определение эксплицированности и имплицитности предъявляемой в тексте информации в зависимости от стиля текста. Сопоставительный анализ во взаимодействии текст-дискурс с точки зрения диахронии и синхронии.	Индивидуальные задания поискового характера с целью исследования обсуждаемого дискурса в историческом аспекте, проведение quiz and puzzles.
Уровень 4. Метатеоретический уровень семiotики.	Обсуждение взаимодействия функций внутренних языковых знаков предъявляемого текста с языковыми системами расматриваемого дискурса. Определение эксплицированности и имплицитности предъявляемых в тексте знаков в зависимости от стиля текста. Сопоставительный анализ и обсуждение во взаимодействии знак-текст. Процесс герменевтизации иноязычного текста.	Подготовка студентами собственной аннотации по предъявляемому тексту.

Как видно из таблицы, для каждого уровня подобраны методы, которые были применены на практике.

На рисунке 4 показаны результаты обучения по применяемой методологии по сравнению с традиционным

подходом.

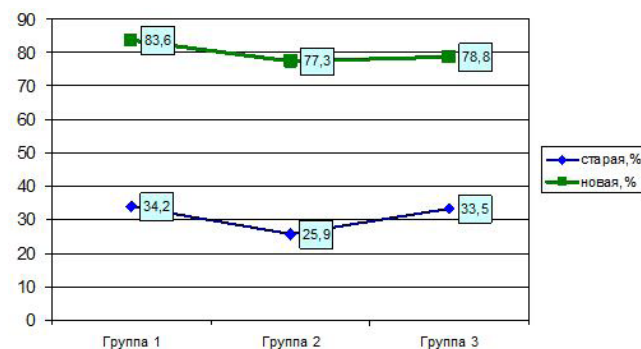


Рисунок 4 - Результаты проведенного эксперимента по применению гибридных методов при обучении иностранному языку

Как видно из рисунка, применение гибридных методов позволяет в более сжатые сроки формировать новые объемы практических знаний и навыков.

Таким образом, основной задачей любого метода исследования является процедура использования концептов науки для обеспечения успешного решения определенных познавательных и практических проблем, а также приращение и трансферт знания. Представленная в статье концептуальная модель интеграции гибридных методов с научным базисом позволяет обучающимся визуально представить уровни лингвистического исследования и обосновать полученные результаты с точки зрения научных подходов.

Другими словами, правильно подобранная методология обеспечивает оптимальное функционирование и развитие объектов исследования и формирования у студентов навыков научной деятельности при работе с иноязычными текстами.

Полученные результаты отражают практическую значимость исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахманова, О.С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики / О.С. Ахманова // Вопросы языкознания. - 1964. - № 5. - С. 115-121.
2. Glukhova L.V., Gudkova S.A., Syrotyuk S.D. Methods of Managing A Transformation of An Organization into A Learning System. A monograph. Voronezh, 2012. Page 126.
3. Glukhova L.V., Syrotyuk S.D., Sherstobitova A.A., Gudkova S.A. Identification of key factors for a development of smart organization. Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. T. 144. C. 595-607.
4. Gudkova Sv.A. Modeling of scientific intercultural communication of the teaching staff at smart university / Gudkova Sv.A., Yakusheva T.S., Sherstobitova A.A., Burenina V.I. // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. T. 144. C. 551-560.
5. Гудкова С.А. Инструменты практической реализации CLIL технологии в вузе / Гудкова С.А., Буренкова Д.Ю. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 4 (23). С. 50-56.
6. Пиотровский, Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы / Р.Г. Пиотровский. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. - 160 с.
7. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер / пер. с франц.; ред. и предисл. В.Г. Гака. - М.: Прогресс, 1988. - 653 с.
8. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой. - М.: Прогресс, 1992. - 224 с.
9. Чернейко, Л.О. Металлингвистика: хаос и порядок / Л.О. Чернейко // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. - 2001. - № 5. - С. 39-52.
10. Гвишиани, Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии): монография / Н.Б. Гвишиани. - М.: Высшая школа, 1986. - 280 с. 6.
11. Фундаментальное и актуальное в развитии языка: каталог, факторы, механизмы: сборник статей: материалы XVIII Международной конференции Школы-семинара имени Л.М. Скрединой (Москва, 13-16 сентября 2017 г.) / отв. ред. доктор филолог. наук, проф. Л.Г. Видулова. - М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. - 388 с.
12. Жучкова И.И. Тезаурусный подход к моделированию английской терминологии лингвистики текста (на примере семантического поля термина «cohesion» (связность)) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2014. № 1. С. 53-59.
13. Van Dijk. The Interdisciplinary Study of News as Discourse / A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Communication

Research/ Ed. by Jensen K.B., Jankowski H.P., p. 108 – 119.

14. Коткавирта Ю. *Философская герменевтика* Х.-Г. Гадамера (Перевод Маркова Т.Б.). // *Герменевтика и деконструкция*. / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. Санкт-Петербург: 1999. С.47.

15. Кристева Ю. *Избранные труды: Разрушение поэтики* / Пер. с франц. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. -656 с. (Серия «Книга света»)

16. Чубукова Е.И. *Коммуникативно-прагматическая концепция истины в философии языка Ю. Хабермаса* // *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века*. Вып. 12. СПб., 2001. С. 255–258.

17. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб., 2000. 380 с. 13.

18. Лецев С.В. *Интерсубъективность и коммуникативное действие (Неокантианство и постмодернизм прагматики Ю. Хабермаса)* // *Вопросы философии*. 2013. № 3. С. 165–176.

19. Даниленко В.П. *Методы лингвистического анализа: курс лекций* / В.П. Даниленко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 280 с.

20. Комарова З. И. *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие*. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с. (электронная версия)

Статья поступила в редакцию 23.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0049

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КАТЕГОРИЕЙ ВИДА И КАТЕГОРИЕЙ ВРЕМЕНИ

© 2020

Гусейнова Рена Гусейнага кызы, кандидат филологических наук, доцент

Азербайджанский медицинский университет

(AZI022, Азербайджан, Баку, ул. А.Гасымзаде 14, e-mail: mila_andreeva_80@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается соотношение категории вида к категории времени. Несмотря на многочисленные исследования на данную тему этот вопрос является весьма *актуальной темой* для современной лингвистики, поскольку в фоне когнитивистики выявляются все новые особенности данных категорий. В статье изучаются особенности категории вида и времени, анализируются перфективность и имперфективность, взаимосвязь глагольных видов со временем, что и является основной *целью исследования*. Здесь в широком плане рассматривается вопрос аспектологии, связанные с категориями вида и времени, базируясь на *сравнительно-описательном методе*. *Научной новизной* статья является то, что в данной работе соотношение категории вида и категории времени рассматриваются в широком спектре современных исследований. В ходе исследования глагольный вид трактуется как языковая категория, присущая славянским языкам. Обобщая изложенные материалы и делая *выводы*, автор указывает, что глагольные виды в основном относятся к синтаксису. Классифицируя глаголы с семантической точки зрения, где способы действия являются лексически детерминированными. Данное свойства характеризуются в некоторых языках глагольными префиксами. Вопросы, исследуемые в данной статье имеют *практическую значимость* для грамматики и исследований в данной направлении.

Ключевые слова: когнитивистика, перфективность, имперфективность, категория вида, аспектология, глагол.

THE CORRELATION BETWEEN ASPECT AND TENSE CATEGORY

© 2020

Huseynova Rana Huseynaga, Ph.D in Philology, Associate Professor

Azerbaijan Medicine University

(AZI022, Azerbaijan, Baku, A.Gasimzade str. 14, e-mail: mila_andreeva_80@mail.ru)

Abstract. The article discusses the ratio of the category of the aspect to the category of tense. Despite numerous studies on this topic, this issue is a very relevant topic for modern linguistics, since in the background of cognitive science, more and more new features of these categories are revealed. The article studies the features of the category of species and time, analyzes the effectiveness and imperfection, the relationship of lagoon species with time, which is the main goal of the study. Here, broadly, the issue is examined by aspectologists associated with the categories of species and time based on a comparatively descriptive method. The scientific novelty of the article is that in this work the correlation of the category of the species and the category of time is considered in a wide range of modern studies. During the study, the verb form is interpreted as a linguistic category inherent in the Slavic languages. Summarizing the materials presented and drawing conclusions, the author indicates that verb forms are mainly related to syntax. When classifying verbs from a semantic point of view, the modes of action are lexically determined. This property is characterized in some languages by verb prefixes. The questions studied in this article are of practical importance for grammar and researches in this direction.

Keywords: cognitive science, perfectiveness, imperfectiveness, category of species, aspectology, verb.

Introduction

In linguistic literature, the theory of aspects and the questions concerning this topic still remain one of the most difficult and unexplored sections of Slavic grammars [1, 477]. Although the morphological scheme of this category in each of the Slavic languages is considered already well-studied, Slavists are still arguing regarding its content. For example, B. N. Kovalenko claims in one of his studies that this issue is one of the most difficult topics in the process of teaching the Russian language and indicates a number of reasons for this statement [2, 158].

The main controversial aspects of the theory of Slavic aspects are such problems as the relation of the category of the aspect to the category of tense; the possibility of the coexistence of mutually exclusive values of the beginning and end of the action within the framework of one (perfect) type; the nature of the category of the aspects (lexical, grammatical or conceptual); the role of verb prefixation in the processes of intra-verb formation and word formation. On all of these issues in grammar studies, there are still different points of view and opinions of researchers.

Some scientists (A. Dostal, A. Mason, and others) considered that the categories of aspect and tense were not connected between themselves. Despite the fact that in the Russian language there are five aspect-tense forms, but aspect forms are realized only in the future and past tense. On the contrary others (T. A. van Wijk, A. Mirovich) considered that the nature of the aspect is reduced precisely to the function of expressing temporary relationships, and determine the main characteristics of the category of the aspect, based on some consequences inherent in this category. Thus, many aspects of this theory remain debatable.

In his studies F. Mikloshich considers that in content verbs of different types can not be the same, they are mainly different verbs [3]; studying this issue, K. S. Aksakov concluded that different aspect variants of the same base are forms of the same verb [4, 33]; V. V. Vinogradov considers correlative, i.e. forms of the same word, are non-prefixal verbs and verbs formed from them using the so-called empty prefixes (писать/написать, делать/сделать, желтеть/пожелтеть) [1, 498]; Yu. S. Maslov refers perfective verbs to the forms of the same word. He also includes the imperfected verbs of these verbs. For example: записать / записывать [5].

As it is already mentioned, G. Paul compared the perfective and imperfect ways of acting in the German language and Slavic aspects, and considered actions only in the temporary category. He considered the verb prefixation to be the main means of the formation of imperfective forms from perfective verbs, although he did not deny that it could be a word-formation function (G. Paul didn't exclude word-formation from grammar) [6, 67].

It is of greatest interest to us that G. Paul tried to conclude the contradictory meanings of the beginning and end of the action (state) to the perfective way of action. In this regard, the definition of G. Paul is very interesting in this coverage: "How imperfect means a verb if it refers to a process in its flowing, how effective it means if it refers to the beginning or end of a process, cf. : ждать – ожидать, мерзнуть – замерзать...(wait - wait, freeze – freeze) ... (1). A verb is imperfect if it denotes a process in its duration, in its flowing, perfect - if it refers to some moment or to the end of the process, or to the onset of some state ... (2). There are two classes of verbs: imperfective and perfective (so named by definition from Slavic grammar). Imperfective

verbs denote the duration of a state or the flowing of a process, perfect verbs indicate the beginning or end of a state or process (3)” [6].

Action verbs and state verbs are distinguished from the point of view of the traditional grammar, the first of these definitions is not accurate enough, since it leaves open the question of what to do with those verbs whose lexical content does not correspond with the traditional idea of an action or process. In the second and third definitions, the action, event and state are already mentioned as the most general verbal characteristics.

In his grammars G. Paul especially did not specify the content of these verb characteristics. But it is not difficult to give a semantic installation of content in terms of G. Paul. He considered the category of action and state (although they are the lexical properties of the verb), as the syntactic category. G. Paul argued that some verbs denoting a single action are converted to verbs with a long state without a special additional definition as a result of a change in the subject [6, 31].

Thus, according to G. Paul so called the lexical-semantic content of a verb in ordinary grammar is considered syntactic conditions, depending on which the same verb has the ability to express both action and state. This logic is explained by the fact that the authors of many grammars, commenting on the traditional division of verbs into action verbs and state verbs, emphasize that processes can also be perceived as states. At the same time, the peculiarity of the verb is represented as an action occurring in time

Perfectivity and imperfectivity verbs

Since it was not possible to expand the categories of action and state for the simple reason that many linguists empirically had to go to extremes and declare that verbs do not express states at all, but indicate only actions [7]. Due to the fact that the content of the action is isolated and unassigned within itself, the concept of action as an abstraction simply lacks external links. Although such an abstraction reflects the actual state of things, it is quite correct, but this reflection is one-sided. If we consider this approach to be correct, then we will have to recognize the definitions of the category “mode of action” by G. Paul as completely legitimate. Such a refinement by G. Paul, serves as evidence that he was aware of the one-sidedness of such an abstraction.

In the following two definitions, the researcher uses such category of action and the category of state. But well-known Slavists who studied the meanings of the category of aspect in Slavic languages, as a rule, do not use these indicated categories: “In the Slavic perfect form, this phenomenon is considered on the relation to a limited time (long or short) in its development, while in imperfect form the same phenomenon itself is considered without relation to any definition of time in its development” [8, 17]. In other words, micro- and macro-situations should be taken into account in this case.

Verbs of a perfect form denote the qualitative state of an object through action. But in the studies of F. Mikloshich, the most vulnerable place in the concept of Slavic aspect is that it lacks perfect-form verbs with initial meaning. For example, his concept does not touch upon such verbs as: «заговорить» — “speak”, «запеть» — “sing”, «побежать» — “run” and etc.

Defining imperfect and perfective verbs in his own way G. Paul tries to state this situation. Within this framework, he argues that perfective verbs relate to some moment: either to the moment the action is completed, or to the moment the onset of any state. He believes that the end of one action is the beginning of the next one.

The relationship of verb aspects with tense

In modern Russian and Slavic aspectology, quite often the question arose about the expression of action in statics or dynamics, as a special feature of aspect. These denotations are perceived in a peculiar way. Many believe that dynamism is characteristic of a perfect aspect, and static is imperfect. But we must take into consideration that some verbs of

imperfect form express action in development. If we consider that development is inevitably connected with dynamics, then a certain contradiction arises in the interpretation of the correspondence of action /state and perfect/ imperfect form. In this case, it will be more correct to rely on the concept of a semantic invariant of the form. The semantic invariant of the form is associated with the denotation of the verbs of the perfect form of actions that are fixed by the consciousness of the speaker relative to objective time, i.e. in connection with the situational background; the imperfective verbs denote an action without fixing it on the vector of objective time, i.e. abstracted from a situational background. “A person perceives an objective time in different ways: firstly, “moving” with him from the past to the future; secondly, letting it pass by itself, i.e. moving back, as it were, from the future to the past. The first aspect is associated with an imperfect aspect, the second with a perfect one” [9, 30].

The actions of a state expressed by verbs begin and end only in time. Such state actions can be divided into time-limited either from the side of their beginning, or from the side of their end. V. V. Vinogradov defines perfect and imperfect aspects in the Russian language as follows: “... The main function of the perfect form is to limit or eliminate the idea of the duration of the action, focusing on one of the moments of the process as its limit. The denotation of an action in its flowing, not constrained by the thought of the limit of the process as a whole, is the basic general meaning of an imperfect aspect” [1, 98].

E. Koshmider adheres more to the idea of foreign grammarians about time as a line, and the notion of “aspect” depends entirely on the condition whether the subject thinks of itself moving on the time line from the past to the future (in this case, the action will be directed from the past to the future and the aspect will be imperfect), or he will realize the time passing by himself (in this case, the action will be directed from the future to the past and the aspect will be perfect).

E. Koshmider considers that the Slavic terms “perfect aspect” and “imperfect aspect” are relative; they should not be understood literally [10]. Considering the fact that it is very difficult for a German speaker to perceive the difference between perfect and imperfect forms in the Slavic languages, it’s even more difficult to understand the motives that guide those who speak these languages when choosing this or that aspect.

Exploring the aspect category in Slavic languages, especially verbs in the Polish language, E. Kosmider does not deny the aspect differences between verbs in the Polish language. In his studies, as a contradiction to this thesis, he notes that these verbs are not aspect forms of the same word. He argues that the aspect differences between the verbs are manifested in the direction of the perfection meaning when adding the non-prefix verb with the prefix. Therefore, it turns out that these same differences exist between non-prefixed and prefixed Slavic verbs with the beginning semantics. Despite the fact that E. Kosmider managed to prove that the aspect category in Slavic languages does not reduced to the relationship between the completeness and incompleteness of a verb action in the sense of achieving or not achieving its result, he was able to convincingly explain what the content of the aspect category in Slavic languages.

But at the same time, the conclusions of E. Koshmider, which were based on the material of the Polish language, were soon corrected by W. Streitberg (on the meanings of completeness and incompleteness of the verb action) and acted as evidence of the informal feature of the “Germanic aspect”.

It is known that S. Agrell and E. Koshmider studied the category of the verb form on the basis of Slavic material and for Slavic languages [10; 11]. But before summarizing his conclusions from these studies, according to H. Rennike, E. Koshmider hurried a bit with his conclusions, which were made prematurely: “Koshmider adheres statements from the point of view of the Slavist, but in linguistics a theoretical idea

of the aspect, which is based on into related categories like “aspect” and “tense”. Koschmider classifies and generalizes linguistic relations in Slavic languages instead of using the aspect theory, satisfying, if possible, for all languages” [12, 102].

Although E. Koschmider pointed out the fundamental differences in the type and methods of action and considered them to be completely different phenomena, nevertheless, he did not notice significant differences between the methods of action themselves. Since, among the numerous options for action, there are those that have no relation to the aspect difference of Slavic verbs, and can very well be considered as quantitative or qualitative shades of the verb action, communicated to the verbs by the lexical meanings of full prefixes, i.e. as a function of meaning, accompanying the invariable “perfective” function of these prefixes.

To denominate separate intra-aspect, inter-aspect semantic shades, Slavists, after introducing the term “methods of action”, make mistakes, abandoning the term “sub-aspect” and the notion behind it, which A. A. Shakhmatov suggested classes of verbs that were opposed to each other within the same aspect [13], since some of these sub-aspects really lie in the same tier as the aspects. In order to try to find directions for the use of these notions in verbal systems of languages that are not Slavic, it is necessary to clearly distinguish between the notions of “aspect”, “sub-aspect” and “modes of action”.

Given all of the above, we can safely say that the verb aspect is a language category that is characteristic of Slavic languages. The notion of “verb aspect” can be decomposed into elements whose equivalents can be easily found in non-Slavic languages. The aspect category still continuing to be defined in Slavic grammars, is the general theoretical concept that H. Renike tried to construct. This definition equally includes verbs of a perfect and imperfect form in Slavic grammars, perfect and imperfective verbs by V. Streitberg, perfect and imperfect tenses by A. Diskol, perfect and imperfect tenses by T. Varron, perfect and long tenses in German grammars. Moreover, the general theoretical category of the aspect is easily found even in non-Indo-European languages, such as Bashkir or Chinese.

Conclusion

Analyzing all the above facts and theories, we come to the following conclusions:

The verb aspect is inherent only in Slavic languages, but the equivalents of its elements are easily found in other languages.

Certain types of actions hide certain aspect of temporal characteristics of verbs, and if some linguists disagree with this, then the concept “mode of action”, which combines the temporal characteristics of action with the timeless, has become commonplace.

If we compare aspects with methods of action, then by their nature they relate mainly to the sphere of syntax, and methods of action are more determined lexically, as this concept classifies verbs from a semantic point of view.

REFERENCES:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове), «Высшая школа», Москва, 1986, 639 с.
2. Коваленко Б. Н. «О спорных вопросах теории вида русского глагола» // Международный научный журнал «Инновационная наука», № 6/2015, с. 158-162.
3. Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Bd. 4: *Syntax*. Wien, 1883.
4. Аксаков, К. С. О русских глаголах Текст. / К. С. Аксаков. М.: Типография Л. Степановой, 1855, 47 с.
5. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии Текст. / Ю. С. Маслов. -Л.: Из-во ЛГУ, 1984. 263 с.
6. Paul H. *Deutsche Grammatik*. Bd. IV: *Syntax (Zweite Hälfte)*. 2. Aufl. Halle (Saale), 1955.
7. Шерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Аспект Пресс, 2007, 256 с.
8. Фортунатов Ф. Ф. *Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г.* СПб. 1910, 304 с.
9. Карпухин С. А. Русский глагольный вид в языковом сознании // *Языковая система текст - дискурс: категории и аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции*. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003, с. 27-39.

10. Koschmieder E. *Beitrage zur allgemeinen Syntax*. Heidelberg, Winter, 1965, - 224 p.

11. Agrell S. *Aspektanderung und Aktionsartbildung beim polnischen zeitwort*. Lund, 1908.

12. Renicke H. *Die Theorie der Aspekte und Aktionsarten*. In: *Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Halle (Saale), 1950, H.1/2, Bd.72, s.151-170.

13. Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка Текст*. М.: URSS, 2007, 624 с.

Статья поступила в редакцию 22.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 80
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0050

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ПРЕССЫ РОССИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© 2020
AuthorID: 462174
SPIN: 7224-4927

Девдариани Наталья Валерьевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры «Русского языка и культуры речи»

AuthorID: 680842
SPIN: 8728-9478

Рубцова Елена Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Русского языка и культуры речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

Аннотация. В статье отражаются результаты проведенного анализа истории и современных особенностей региональной и локальной прессы России, который показал, что после распада СССР региональная и локальная пресса приобрела большую важность у населения страны, однако отсутствие государственной поддержки и последствия мирового экономического кризиса стали непоправимым ударом для многих региональных и локальных изданий. К сожалению, для большинства читателей местная пресса была скорее источником локальных новостей и местом публикации ТВ-программы, чем форумом для дискуссии о насущных проблемах региона. Исследование, проведенное среди редакторов и журналистов средних и малых городов, показало, что они готовы к активному применению новых технологий и форм общения с аудиторией, а также к приоритетному освещению важных для региона социально-экономических тем. В то же время редакции сталкиваются с рядом проблем, которые уже привели к закрытию тысяч региональных и локальных изданий.

Ключевые слова: локальная пресса, региональная пресса, история, анализ, публикации, журналистика, проблемы, читатели, форум, дискуссии, редакторы, журналист, периодическая печать, медиасфера, массовые коммуникации, газеты, журналы, телевидение, государственная структура.

HISTORICAL STAGES OF DEVELOPMENT OF REGIONAL AND LOCAL PRESS OF RUSSIA AND ITS MODERN FEATURES

© 2020

Devdariani Natalia Valerievna, candidate of philosophical sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department

Rubtsova Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

Abstract. The article shows the results of the analysis of history and modern features of regional and local press in Russia, which showed that after disintegration of the USSR the regional and local press has acquired great importance among the population, however, the lack of state support and the impact of the global economic crisis was a fatal blow to many regional and local publications. Unfortunately, for most readers, the local press was more a source of local news and a place to publish a TV program than a forum for discussion about the pressing problems of the region. A study conducted among editors and journalists of medium and small cities showed that they are ready to actively apply new technologies and forms of communication with the audience, as well as to the priority coverage of important socio-economic topics for the region. At the same time, editorial offices face a number of problems that have already led to the closure of thousands of regional and local publications.

Keywords: local press, regional press, history, analysis, publications, journalism, problems, readers, forum, discussions, editors, journalist, periodicals, media sphere, mass communications, newspapers, magazines, television, state structure.

ВВЕДЕНИЕ.

В настоящее время все чаще можно услышать о «смерти печатной газеты» и растущей медиаконцентрации, что приводит к исчезновению региональных и локальных изданий.

В России к региональным изданиям принято относить печатные СМИ, выходящие в республиках, краях и областях РФ; к локальным изданиям – городские и районные печатные СМИ [1, с 227]. Кроме того, печатные издания подразделяются на федерально-региональные – то есть региональные версии федеральных изданий – и на собственно региональную или местную прессу. По мнению О. Вороновой, региональная пресса по ареалу ее распространения подразделяется на областную/краевую, городскую, районную и «низовую» (издания рабочих коллективов) прессу, а также издания с межрегиональным распространением [2]. В отраслевом докладе «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям региональная и локальная пресса подразделяется на собственно региональные, городские и районные издания [3].

Вопрос об определении границ «регионального» и «локального» уже много лет изучается специалистами

медиасферы. Локальные пространства – это и социокультурные пространства, которые люди обозначают, как свою родину, и административные единицы, и зона распространения того или иного местного издания, которое, с одной стороны, обслуживает локальное коммуникационное пространство, а с другой стороны – ограничивает его. Различия между гиперлокальным, локальным, региональным коммуникационным пространством и контентом все еще остаются четко не определенными.

Локальная газета аутентична, ее формула успеха – это близость к аудитории и тесная коммуникация с ней, а также возможность перепроверки информации читателем, что повышает уровень доверия к изданию.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Методологическую основу исследования составляют такие методы, как поисковый – анализ информации в исследованиях по истории и современному состоянию региональной и локальной журналистики России, пособия по истории и теории журналистики, документах, печатных изданиях, Интернете; сравнительно-исторический и структурно-функциональный подходы; метод контент-анализа выпусков региональных и локальных изданий России.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Специфика российской региональной и локальной прессы заключается в том, что большое влияние на нее оказывают этнокультурные, социальные и экономические факторы [4,5]. Кроме того, региональное издание и локальное издание в одной административно-территориальной единице часто дополняют друг друга: так, если одно из них является еженедельным, то другое скорее будет ежедневным.

В годы советской власти региональная печать была однородно партийно-советской, «каждому территориальному образованию полагался обязательный, строго регламентированный сверху набор периодических изданий: одна ежедневная общественно-политическая (краевая, областная) четырехполосная газета формата А2, одна молодежная (комсомольская краевая, областная) газета, формат которой в разных регионах варьировался, один малоформатный партийный бюллетень «Блокнот агитатора». В районах издавалось по одной партийно-советской газете формата А3... Городам-миллионерам разрешалось иметь вечернюю газету» [6].

После распада СССР и разрушения единого информационного пространства на его территории региональная и локальная пресса стала приобретать все большее значение [7]. Одновременно происходило снижение популярности федеральных изданий и падение количества их подписчиков [8]. Как отмечает В. Иванов, «количество подписчиков на местные издания увеличилось, так как явно наметился сдвиг интересов аудитории с общенационального на региональный уровень» [9]. Причины этого заключались в «экономическом и политическом укреплении самостоятельности регионов», «усилении центральных тенденций» и «сломе вертикальных управленческих связей между центром и провинцией» [10, с.67]. Кроме того, важную роль сыграли экономические причины: рост стоимости доставки изданий в регионы и падение покупательной способности населения, делавшего выбор в пользу местной газеты из-за более низкой ее стоимости. Местные политические и экономические элиты также способствовали развитию и укреплению местной прессы как «канала влияния на аудиторию» [10, с.69].

В конце 90-х годов только городские издания составляли 26% всех наименований и 23% общего тиража по России [11]. Тогда же возникло множество коммерческих изданий, а позднее начали создаваться коммерческие по форме, но обязанные финансовой поддержкой государственным структурам газеты, чаще всего поддерживаемые через госконтракты [12]. В начале 2000-х в региональной прессе наблюдались тенденции к концентрации и монополизации, а также симбиоз издательского бизнеса с другими видами экономической деятельности. В 2008 году аудитория региональной и локальной прессы более чем в два раза превышала аудиторию федеральных изданий [13].

2009 год стал для российской печати годом кризиса: тиражи республиканских газет сократились в 2-3 раза [14, с. 155], однако уже в 2010-2011 годах наблюдался постепенный выход из рецессии [15]. На рынке региональной и локальной прессы кризисные тенденции сохранились, постепенно снижалась периодичность выхода изданий. Так, редакция газеты «Тверская жизнь», снизила периодичность выхода с пяти раз в неделю сначала до трех, а в настоящее время до двух [10, с.69]. Кроме того, региональные и локальные газеты перестали дублировать общегосударственные новости и интерпретировать их на локальном уровне: «Местные газеты <...> еще несколько лет назад они успешно конкурировали с центральной прессой именно за счет того, что дублировали ее, печатая и мировые, и общероссийские новости» [16].

Как отмечают авторы отраслевого доклада Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, 2014-2018 годы стали для печатных изданий едва ли не самыми сложными с момента распада СССР из-за посто-

янного падения доходов и более быстрого роста расходов, чем у зарубежных коллег. «В Российской Федерации за последние пять лет ушло с рынка свыше 12 тыс. периодических печатных изданий, значительную часть которых составили региональные и местные газеты» [3]. Основные причины закрытия изданий – экономические проблемы, а также неспособность соответствовать постоянно меняющимся потребительским запросам.

Консервативность и патриархальность содержания и формы – основные характеристики региональных и локальных изданий России, их отличают «простота речи, близость к читателю и отсутствие пафосных масок» [17]. Многие материалы посвящены близким читателю социальным и общественным темам и проблемам: льготы, медицина, пособия и выплаты, тарифы ЖКХ [18], благоустройство территории, местные события и мероприятия и т.д. По данным О. Вороновой, основными чертами региональной или локальной газеты являются: наличие постоянного круга читателей (названо 78% опрошенных локальных журналистов), диалог с аудиторией (65%), приоритет оперативной информации новостного характера (64%), доступный и простой стиль изложения (61%), устоявшийся тематический круг (51%), освещение различных точек зрения на тему/проблему (49%) [17].

Согласно отраслевому докладу «Российская периодическая печать» 2017 года, уровень доверия к региональным и локальным СМИ в 61 регионе России выше, чем к федеральным [3]. В 2016 году был запущен процесс «консолидации региональных и муниципальных медиаресурсов в холдинги» [3] (государственные, с государственным участием, частные) с целью оптимизации расходов по созданию контента, верстке, распространению и унификации издательской политики. Согласно данным доклада 2018 года, этот процесс был практически завершен в большинстве территориальных единиц России [3]. Участие государственных структур в издательских холдингах вызвало опасения о нарушении редакционной независимости и антимонопольного законодательства.

Авторы исследования МГУ «Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг.» отмечают, что редакторы и журналисты придают особую важность тому, что связано «с локальной общностью и насущными заботами ее жителей, что вполне соответствует особенностям прессы данного типа» [19].

Журналисты малых городов чаще, чем в средних городах, называли в качестве важной задачи помощь конкретным людям (60% против 67%), что, по-видимому, объясняется более тесной связью редакция-аудитория в малых городах.

Самыми важными темами для журналистов средних и малых городов являются состояние ЖКХ и деятельность жилищно-коммунальных служб (средние и малые города – 91% и 62% соответственно), строительство и ремонт коммуникаций (84% и 78% соответственно), строительство и ремонт муниципального жилья (86% и 61% соответственно), здравоохранение (76% и 77% соответственно) и работа городских органов власти (74% и 81% соответственно). Для средних городов темы криминальной хроники и происшествий значительно важнее, чем для малых (60% против 31%). Наименее важными считаются темы истории, этнографии, туристического потенциала города (34% и 41% соответственно). Кроме того, недостаточно внимания уделяется проблемам молодежи – в среднем 49% опрошенных считают тему важной, однако лишь 18% отмечает, что она реализуется «достаточно хорошо». Преобладающими формами являются информационные (в среднем 89%) и коммуникативные (55%) жанры; в газетах средних городов больше внимания уделяют аналитическим (56% против 37% в малых городах), справочно-консультационным (51% против 34%) и развлекательным жанрам (36% против 18%) [19].

Более половины опрошенных считает, что обычные горожане имеют возможность оказывать влияние на содержание издания, а 79% опрошенных заявили, что редакция проводит совместные обсуждения насущных городских проблем с гражданами.

Газеты средних и малых городов ведут работу в интернете – так, 61% опрошенных отметил, что издание целиком выкладывается на сайт. 69% опрошенных из редакций средних городов ответили, что на сайте размещается мультимедийный контент, еще 54% рассказали о существовании самостоятельной онлайн-версии издания. В малых городах эти цифры значительно ниже – по 29% соответственно. Только печатное издание выпускает 13% редакций средних городов и 17% – малых городов. 96% журналистов отметили, что новые технологические возможности и конвергентные процессы влияют на работу в редакции [20].

Для малых городов финансовые факторы являются определяющими, в то время как для средних в приоритете политика издательства и подготовка кадров. В числе наименее важных – экономическое развитие страны в целом (42%), социально-политические факторы (39%) и сотрудничество прессы с гражданским обществом (37%) [21].

Одной из главных проблем редакций региональных и локальных газет являются экономические трудности: снижение подписки, низкая платежеспособность населения, недостаточная аудитория рекламодателей или низкая стоимость размещения рекламы материалов, проблемы с финансированием и т.д. В условиях сокращения подписки и количества точек оптовой продажи – на 40% в 2014-2017 гг. редакции вынуждены наращивать количество рекламных публикаций. Значительную часть дохода от публикаций редакция получает в том случае, если заключает договоры с общественными или политическими организациями, однако чаще учредителями местной прессы выступают органы власти, а следовательно, редакция выпускает официальные материалы бесплатно. Недостаток финансов отражается на увеличении штата, оплате труда, учебе, командировках и, конечно, на возможностях приобретения современной техники и внедрения ее в производственный процесс. В этих условиях редакции занимаются немедийным бизнесом, однако его неразвитость может помешать получению дополнительного дохода, в то же время, отвлекая кадры от производства качественного контента.

Еще одна проблема для региональных и локальных медиа – таблоидизация и маргинализация, которые развиваются на фоне роста доли материалов со скрытой рекламой и написанной на заказ.

Раньше печатное издание было единственной информационной площадкой для обсуждения местной проблематики, а аудитория получала единый контент. Однако сегодня, когда контент можно получить из различных каналов, печатное издание теряет свою значимость и зачастую уступает под натиском более оперативных конкурентов. Выход региональных и локальных изданий в онлайн-пространство не гарантирует успешного развития и сохранения их общественно значимых функций для территорий распространения, поскольку аудитория веб-пространства разрознена и непостоянна. Кроме того, при выходе издания в онлайн редакция сталкивается с необходимостью обслуживания двух площадок, которые необходимо заполнять различным контентом: если печатная версия имеет ограниченную территорию распространения, то к интернет-площадке могут обращаться люди с любой точки планеты. При создании собственного сайта на нем не только выкладывается цифровая версия печатных выпусков, но и начинается накопление публикаций (только для сайта) и справочной информации. С одной стороны, это расширяет творческие возможности редакции и позволяет разместить материалы, не вошедшие в печатный выпуск из-за недостатка места, с другой стороны, требует дополнитель-

ных временных затрат на организацию и бесперебойное заполнение контентом, а также крупных финансовых вложений. При этом даже в условиях прироста аудитории остаётся открытым вопрос о том, как получить дополнительную прибыль от успешного функционирования сайта.

ВЫВОДЫ.

Таким образом, проведенный анализ истории и современных особенностей региональной и локальной прессы России показал, что после распада СССР региональная и локальная пресса приобрела большую важность у населения страны, однако отсутствие государственной поддержки и последствия мирового экономического кризиса стали непоправимым ударом для многих региональных и локальных изданий. К сожалению, для большинства читателей местная пресса была скорее источником локальных новостей и местом публикации ТВ-программы, чем форумом для дискуссии о насущных проблемах региона. Исследование, проведенное среди редакторов и журналистов средних и малых городов, показало, что они готовы к активному применению новых технологий и форм общения с аудиторией, а также к приоритетному освещению важных для региона социально-экономических тем. В то же время редакции сталкиваются с рядом проблем, которые уже привели к закрытию тысяч региональных и локальных изданий.

Помимо вызовов со стороны Интернета, российские региональные и локальные издания сталкиваются с серьезными кадровыми и экономическими проблемами. Последние обусловлены не только редакционной политикой, но и негативной экономической местной конъюнктурой, а также ростом цен на бумагу и услуги по распространению. Рост рекламных материалов приводит к потере качества, таблоидизации и дальнейшей потере аудитории, а следовательно, и рекламодателей. Однако некоторые региональные и локальные издания успешно справляются со стоящими перед ними вызовами, разрабатывая уникальную модель общения с аудиторией с учетом местной специфики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Средства массовой информации России: учеб. пособие для студентов вузов / М.И. Алексеева, Л.Д. Болотова, Е.Л. Вартамова и др.; под ред. Я.Н. Засурского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2011. 391 стр.
2. Воронова О.А. Динамика типологической структуры региональной прессы // Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2000. №5. С.4-9.
3. Отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития». 2018. URL: <http://www.unkniga.ru/images/docs/2018/pressa-2018.pdf> (дата обращения 14.07.2019)
4. Новак А.А. Особенности формирования повестки дня региональных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-rovestki-dnya-regionalnyh-smi> (дата обращения: 09.07.2019).
5. Воронова О.А. Модели региональной российской прессы. Типология газетной периодики // Роль местных и региональных средств массовой информации в демократизации обществ Восточной и Центральной Европы. Варшава. 2001. С.109–117.
6. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (учебное пособие). Под редакцией Я.Н. Засурского. М., Изд-во МГУ. 1999. URL: http://evartist.narod.ru/text/60.htm#z_14 (дата обращения 09.09.2019)
7. Первухина М.Н. Характеристика современной региональной прессы России и Казахстана (на примере газет «Южноуральская панорама» и «Костанай-АГРО») // Медиасреда. 2017. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-sovremennoy-regionalnoy-pressy-rossii-i-kazahstana-na-primere-gazet-yuzhnouralskaya-panorama-i-kostanay-agro> (дата обращения: 19.09.2019).
8. Вартамова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики // М.: МедиаМир, 2013. 280 с.
9. Иванов В. К. Особенности региональной прессы современной России // Молодой ученый. 2012. №10. С. 228-230. URL <https://moluch.ru/archive/45/5432/> (дата обращения: 0.09.2019).
10. Средства массовой информации России: учеб. пособие для студентов вузов / М.И. Алексеева, Л.Д. Болотова, Е.Л. Вартамова и др.; под ред. Я.Н. Засурского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2011. 391 с.
11. Основы теории журналистики. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров / М.Н. Ким. Издательский дом

«Путер», 2013. 288 с.

12. Довбыши О.С., Гудова Е.А. Государственные информационные контракты и их значение для медиарынков российских регионов // Мониторинг. 2016. №6 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyye-informatsionnye-kontrakty-i-ih-znachenie-dlya-mediarynkov-rossijskikh-regionov> (дата обращения: 09.09.2019).

13. Доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Российский рынок периодической печати, 2008 год. Состояние, тенденции и перспективы развития». М., 2008. URL: <http://www.farpc.ru/files/download/Press2008>. (дата обращения 11.05.2019).

14. Ерохин А. В., Ерохина Л. Н. Локальные СМИ и местное самоуправление в современной России: путь к гражданскому обществу? / Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов / Ульян. гос. техн. ун-т. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 382 с.

15. Тухтаев Б.Б. Посткризисные тенденции развития российского рынка печатных СМИ // Вестник МГУП. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postkrizisnye-tendentsii-razvitiya-rossijskogo-rynka-pечатnyh-smi> (дата обращения: 12.09.2019).

16. Смирнягин Л. Трансформация общественного пространства России // СМИ в меняющейся России. Коллективная монография / Под ред. проф. Е.Л. Вартановой; науч. ред. И.Д. Фомичева. М.: Аспект-Пресс, 2010.

17. Воронова, О.А. Местная газета. Модели и типаж / О.А. Воронова // Типология периодической печати / М.Е. Аникина, В.В. Баранов, О.А. Воронова и др.: Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 60-79. URL: <https://mybiblioteka.su/tom3/1-1925.html> (дата обращения 12.09.2019)

18. Турболова Е.А. Жилищно-коммунальное хозяйство на страницах региональных газет (на примере Костаная и Челябинска) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. №3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhilishchno-kommunalnoe-hozyaystvo-na-stranitsah-regionalnyh-gazet-na-primere-kostanaya-i-chelyabinska> (дата обращения: 13.09.2019).

19. Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Ширяева А.А., Шкондин М.В. Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №5.

20. Смирнова О.В. Местные газеты в новых технологических условиях // Вестник ВУиТ. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnye-gazety-v-novykh-tehnologicheskikh-usloviyah> (дата обращения: 12.05.2019).

21. Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Ширяева А.А., Шкондин М.В. Функциональная и проблемно-тематическая модели городской газеты (по итогам опроса редакторов и журналистов малых и средних городов РФ) // Baikal Research Journal. 2014. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-i-problemno-tematicheskaya-modeli-gorodskoy-gazety-po-itogam-oprosa-redaktorov-i-zhurnalistov-malyh-i-srednih-gorodov-rf> (дата обращения: 05.03.2019).

Статья поступила в редакцию 03.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'27:81-11
ББК 81.001.2
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0051

О ФЕНОМЕНЕ БИЛИНГВИЗМА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2020
AuthorID: 401914
SPIN: 3474-3640
ResearcherID: V-4350-2017
ORCID: 0000-0002-3228-4277
ScopusID: 57193909061

Дзюбенко Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков

Богатырева Мессалина Александровна, магистрант 2 года обучения по направлению «Педагогическое образование»

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: messalina.hamilton@gmail.com)

Аннотация. Одной из наиболее важных тенденций современного общества является особая роль в овладении вторым иностранным языком, который выступает в качестве своеобразной гарантии конкурентоспособности коммуникантов во все более глобализирующемся мире. Основная цель предлагаемой статьи состоит в стремлении приблизиться к раскрытию понятия билингвизма. Авторы анализируют существующие подходы к интерпретации данного понятия с различных точек зрения, особенно акцентируя его содержание в рамках двух теоретических позиций, которые позволяют раскрыть его сущность в аспекте его влияния на психические процессы коммуникантов и социальную структуру языкового сообщества в целом – с позиций психолингвистики и социолингвистики. Билингвизм, с одной стороны, является в достаточной степени однозначным термином, но, с другой стороны, является переменным и динамично развивающимся с течением времени, в связи с этим трудно дать его точное определение. Представители разнообразных научных направлений и школ пытались уточнить подходы к интерпретации данного понятия, принимая во внимание различные аспекты, такие как лингвистический, социологический, политический, культурный, психологический и педагогический. Более того, раскрывая понятие билингвизма, следует учитывать различие между билингвизмом отдельного индивида, владеющего двумя языками, и билингвизмом социальной группы, в которой используются два разных языка.

Ключевые слова: билингвизм, психолингвистика, социолингвистика, овладение вторым языком, диглоссия, инструментальная мотивация, интегративная мотивация.

ON THE PHENOMENON OF BILINGUALISM: FROM SOCIOLINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE

© 2020

Dzyubenko Anna Igorevna, Ph.D in Linguistics, Assistant Professor, Intercultural Communication and Methodology of Foreign Languages Teaching Department

Bogatyreva Messalina Aleksandrovna, Post-Graduate Student

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42., e-mail: messalina.hamilton@gmail.com)

Abstract. One of the most unique characteristics of contemporary society is the importance assigned to the acquisition of a second language as the assurance of competitiveness in an increasingly globalized world. The main objective of this article is to approach the concept of bilingualism. Initially, a theoretical journey has been made to the definition of the concept of bilingualism. Subsequently, bilingualism has been analyzed from two theoretical perspectives that study the influence of bilingualism on the mental processes and social structure of a community: psycholinguistics and sociolinguistics. Bilingualism, on the one hand, is a slightly univocal term, but on the other, is variable and has evolved dynamically over time. As a result, it is difficult to determine with accuracy a unique definition since in the last decades several authors from different disciplines have tried to specify this concept. Various aspects, such as linguistic, sociological, political, cultural, psychological and pedagogical have been taken into account for its definition. Similarly, the distinction between bilingualism referred to a single individual and his relationship with two different languages, and the connection of bilingualism with a social group where two different languages are used is another factor to be considered when talking about bilingualism.

Keywords: bilingualism, psycholinguistics, sociolinguistics, acquisition of a second language, diglossia, instrumental motivation, integrative motivation.

INTRODUCTION

Initially, it is necessary to review the concept of bilingualism in order to determine whether there is a unified definition of it or if several descriptions of this concept can be established, taking into consideration that the term “bilingualism” is defined depending on a number of different factors: types, characteristics, disciplines, forms, etc. The article suggested is intended to make an analysis of bilingualism from two different theoretical perspectives, psycholinguistics and sociolinguistics. Psycholinguistics is understood as the science that analyses how bilingualism influences upon mental and cognitive processes while sociolinguistics studies the different aspects of bilingualism and its impact on the community or society, cultural norms and the context of interaction.

Bilingualism, on the one hand, is a slightly univocal term, but on the other, is variable and has evolved dynamically over time. As a result, it is difficult to determine with

accuracy a unique definition since in the last decades several authors from different disciplines have tried to specify this concept. Various aspects, such as linguistic, sociological, political, cultural, psychological and pedagogical have been taken into account for its definition. Similarly, the distinction between bilingualism referred to a single individual and his relationship with two different languages, and the connection of bilingualism with a social group where two different languages are used is another factor to be considered when talking about bilingualism.

L. Bloomfield [1, p.5] defined bilingualism as “native-like control of two languages”, while, in contrast, M. Mackey [2, p. 5; 3, p. 17] defined it as “the ability to use more than one language”. Similarly to Mackey, U. Weinreich [4, p. 24] defined bilingualism as “the practice of alternately using two languages” while E. Haugen [5, p.7] suggested “the point where a speaker can first produce complete meaningful utterances in the other language” to be a starting point for

defining bilingualism. H. Beaton Beardsmore compared these two extremes and described them as minimalist (Mackey, Weinreich, Haugen) and maximalist (Bloomfield) in approach [6, p. 63]. In contradistinction to Bloomfield's definition which implies only 'perfect bilinguals' J. Macnamara [7, p. 59] proposed that a bilingual is anyone who possesses a minimal competence in only one of the four language skills (listening comprehension, speaking, reading, writing), in a language other than his mother tongue. For R. Titone bilingualism is the capacity of an individual to speak a second language while following the concepts and structures of that language rather than paraphrasing his or her mother tongue.

F. Grosjean [8, p. 4; 9, p. 63] regarded a bilingual as one of "those people who need and use two or more languages (or dialects) in their everyday lives". Still, there are more maximalist views that presuppose that bilingualism is a complete mastery of two different languages without interference. Likewise, P. Christopherson explained bilingualism as knowing two languages with approximately the same degree of perfection as unilingual speakers of each of those languages. There are also stances according to which bilingualism is interpreted as the phenomenon of competence and communication in two languages, that consists in the ability of the speaker to use two languages interchangeably, hence, a bilingual is the person who is capable of encoding and decoding linguistic cues from two different languages and, finally, the one who learns a set of meanings with two different linguistic representations. All these definitions were given by linguists, psychologists, sociologists and pedagogues based on the relationship of bilingualism with their disciplines.

METHODOLOGY

As already noted, there has been some gradual development in the definition of bilingualism. The initial concepts seem to be radical postulates that emphasize the idea of a balanced bilingual that has a complete command of both languages. For their part, the most recent statements cease to categorize or label bilingual individuals, and rather focus on describing or specifying their psychological development, cognitive organization or the impact of their cultural environment.

From a sociocultural perspective, A. Ramírez [10, p. 47] highlighted four types of bilingualism: stable, dynamic, transitional and vestigial. Stable bilingualism concerns the linguistic differentiation that occurs between two groups that share the same terrain, and the bilingual group is obligated to distinguish the use of one language and the other according to the sociolinguistic domains. Dynamic bilingualism is meant to be the differentiation between roles and use of different languages within the social situation shifts towards linguistic assimilation. As for transitional bilingualism, it reflects a shift towards the exclusive use of one of the languages to fulfil different communicative functions. What concerns vestigial bilingualism, it is the one that fulfils a symbolic function associated with a small minority that is about to become extinct.

Currently, there are several theoretical perspectives and directions of study on bilingualism. In this regard, G. Martínez [11, p. 39] distinguishes between three aspects: the psycholinguistic perspective, the sociolinguistic perspective, and the critical linguistic perspective. The linguistic perspective takes the language system as an object of study and does not deal with the problems of the individual concerning bilingualism. The sociolinguistic perspective focuses on how the language system is used in different social spheres depending on communicative circumstances and purposes. Finally, the critical linguistic perspective does not see bilingualism as the ability to speak two languages but to be aware of the sociocultural, political and ideological contexts in which language and speakers are placed and of the multiple meanings that emerge of these contexts.

The psycholinguistics of bilingualism is aimed at studying the processes involved in the production,

perception, comprehension and memorization of the bilingual's languages (spoken, written or signed) when used in a monolingual or a bilingual language mode [12, p. 164]. The issue of the independence of the bilingual's languages has been in the spotlight, with much research conducted, for example, on the coordinate-compound-subordinate distinction. According to it, there are three types of bilinguals: coordinate (the one who has two sets of meaning units and two modes of expression, one for each language (this means that the words of the two languages are separate entities), compound bilingual (has one set of meaning units and two modes of expression; it implies that for the same meaning there are "equivalent" words in different languages) or subordinate bilingual (has the meaning units of the first language and two modes of expression: that of the first language and that of the second, learned by means of the first; thus words of the stronger language are used to interpret the words of the weaker language). Nonetheless, there has not been conclusive evidence to substantiate such classification.

Many psycholinguistic studies have shown that bilingualism brings considerable advantages to cognitive and linguistic development of children. B. Bain [13, p. 8], J. Cummins [14, p. 42; 15, p. 33], E. Tunmer and M. Myhill [16, p. 176] demonstrated that bilingualism promotes the advancement of cognitive and linguistic skills for the most part superior to those of monolingual speakers. Contrasting views on bilingualism and its possible negative implications, such as social marginalization, intellectual and emotional difficulties, psychological and linguistic problems, among others, have been losing validity and interest in the field of psycholinguistics.

The sociolinguistics of bilingualism analyses different variations that occur between the social structure and the linguistic structure. According to S. Romaine [17, p. 17; 18, p. 258], bilingualism cannot be explained only from the science of linguistics but must be observed much further, within the cognitive, social and cultural dimensions.

In this sense, the sociolinguistic perspective of bilingualism includes such aspects as biculturalism, monoculturalism, acculturation, multiculturalism, linguistic choice, the relationship between language and identity, mastery and status of the language.

Another aspect recognized in the research carried out on bilingualism and its relationship with sociolinguistics is the phenomenon of diglossia, the coexistence of two varieties of the same language throughout a speech community. The first form (highly codified) is usually the literary or prestige dialect, and the other form (vernacular language variety) is a common dialect spoken by most of the population. Diglossia describes a particular type of sociolinguistic situation in which there is a clear differentiation in function between the languages or language varieties used in a bilingual/multilingual community.

The English equivalent of term 'diglossia' was introduced by the sociolinguist Charles A. Ferguson in 1959. The original description of diglossia according to him [19, p. 334] is: "Diglossia is a relatively stable language situation in which, in addition to the primary dialects of the language (which may include a standard or regional standards), there is a very divergent, highly codified (often grammatically more complex) superposed variety, the vehicle of a large and respected body of written literature, either of an earlier period or in another speech community, which is learned largely by formal education and is used for most written and formal spoken purposes but is not used by any sector of the community for ordinary conversation."

According to Ch. Ferguson [19, p. 339], the H-variety (highly codified lect) and the L-variety (low variety, or vernacular language variety) are two divergent forms of the same language that are above the level of a standard-with-dialects distinction, but below the level of two separate (related or unrelated) languages. Characteristically, the H-variety is never used for everyday conversation and in this respect, a diglossic situation differs from a standard-with-

dialects situation in which the standard may also be used for everyday conversation.

Joshua Fishman [20, p. 31] presented a modification of Ch. Ferguson's original concept, proposing an expansion of Ferguson's fundamentalist definition of diglossia in two respects:

(1) A diglossic speech community is not characterized by the use of two language varieties only. There may be more than two language varieties used within a diglossic community.

(2) According to J. Fishman [20], diglossia refers to all kinds of language varieties which show functional distribution in a speech community. Diglossia, as a consequence, describes several of sociolinguistic situations, from stylistic differences within one language or the use of separate dialects (Ferguson's 'standard-with-dialects' distinction) to the use of (related or unrelated) separate languages.

When analyzing the phenomenon of bilingualism from the perspective of sociolinguistics it is important to mention the factors that affect the learning of a second language, including motivation, considered as the set of reasons that lead a person to be interested in learning a new language. In this regard, two kinds of motivation are discerned: instrumental motivation and integrative motivation. The term "instrumental motivation" refers to the decision to learn a second language in order to gain specific benefits such as improving their professional status, academic improvement, access to scientific and technological information, et cetera; viewing the language as an instrument to achieve pragmatic objectives. The term "integrative motivation" refers to the interest or desire to approach the culture of the target language, and even integrate it into the speaker's own culture.

RESULTS

In the modern world, the demand for bilingualism has grown due to economic, social, political and cultural factors. For instance, bilingual people have opportunities to earn more money, especially in populations with great numbers of immigrants, globalization and international business, etc. In many cases, the process of becoming bilingual is influenced by the social value that may arise from such a condition. A clear example of how the social context determines the vision on bilingualism can be seen in the same social definition. In Canada, a person who speaks English and French is considered bilingual, but a person who speaks English and knows the American Sign Language (ASL), or speaks French and knows la Langue des Signes Quebecoise (LSQ) is not. Analogously, a person who speaks standard Canadian French and Chiac, vernacular Acadian French, a variety of French perceived controversially by the dominant society, neither is considered bilingual. As it has been established, the main criteria to define bilingualism are competence and fluency in more than one language. However, sociolinguistic criteria for bilingualism are subjective and depend on the social validity, status and perception of social identity, culture, attitude, stereotypes and norms of interaction of different social groups.

For many decades linguists, psychologists and sociolinguistics have been trying to define or categorize bilingualism according to the relationship established between language and thought, the age of the acquisition of languages and the level of linguistic competence developed. The table below is a mainstream version of those classifications.

In this article, the description of characteristics of different types of bilingualism, based on various dimensions and facets, both at the individual as well as at social levels has been presented. Those dimensions are continuous and are not categorical constructs, moreover, most of them are usually interrelated. Therefore clear boundaries between different types of bilingualism within a given dimension cannot be drawn. We are witnessing the gradual development in bilingualism's interpretation as the originally proposed concepts seem to be radical postulates that emphasize the

idea of a balanced bilingual that has a complete command of both languages. However, the most recent statements cease to categorize or label bilingual individuals, and rather focus on describing or specifying their psychological development, cognitive organization or the impact of their cultural environment.

Table 1 – Classification of bilingualism types

Dimension	Typology	Description
According to the language level of each language	Full	A bilingual who uses both languages for communicative purposes.
	Incomplete	A bilingual whose mother tongue has been consolidated, but the second language is still under development.
The effect of learning L2 on the retention of L1 (in relation to the sociocultural status of two languages)	Additive	The two languages are valued equally, considering bilingualism as a cultural enrichment.
	Subtractive	One language is valued more than the other, and bilingualism is perceived as a threat of the loss of identity.
Functional ability	Receptive	A bilingual can understand but not produce L2 either in oral or written domains.
	Productive	A bilingual can understand and produce L2.
Age of acquisition	Early	Exposure to two languages from birth. Bilinguals who acquire two languages until the age of nine.
		Simultaneous (native) bilingualism When the two languages are learned at the same time, that is, simultaneously.
	Successive (sequential, acquired) bilingualism When one of the languages is first learned and the other is acquired gradually afterwards.	
	Adolescent	A bilingual who acquired two languages between the age of ten and seventeen.
Relationship between proficiencies in two languages	Balanced	A bilingual who is equally proficient and competent in both languages.
	Dominant	Proficiency in one language is higher than the other language.
Cultural identity	Bicultural	Cultural identity is shaped by two cultures.
	Monocultural in L1	Identity in one culture (L1).
	Accultural in L2	Loss of L1 culture, identity in L2.
	Deculturated	Identity in neither cultures.
Language social status and learning environment; literacy support of L1	Folk (circumstantial)	No or little additive value of L1 as a language minority status. A bilingual who belongs to a minority community whose language does not have a high status in the predominant language society in which they dwell.
	Elite (elective)	Additive value of L2. A bilingual who speaks a dominant language in a given society.

The concept of bilingualism has been approached from the standpoint of different disciplines and described from two theoretical perspectives: psycholinguistics and sociolinguistics. An endeavour has been made to provide a holistic or comprehensive definition or understanding of bilingualism, which takes into account not only the linguistic perspective but also psychological, social and cultural aspects.

REFERENCE:

1. Bloomfield L. *Language*. New York: Henry Holt and Company, 1933.
2. Mackey William Francis *The Description of Bilingualism*. Toronto, 1962 // *Canadian Journal of Linguistics*, Spring, Vol. 7, Issue 2, 1962. – P. 51-85.
3. Mackey W. F. *Bilingualism as a World Problem*. Montreal, Canada: Harvest House, 1967.
4. Weinreich U. *Languages in contact: Findings and problems*. New York, USA: Linguistic Circle of New York, 1953.
5. Haugen E. *The Norwegian Language in American: A Study in Bilingual Behavior*. Vol. 1. Philadelphia, USA: University of Pennsylvania Press, 1953.
6. Baetens B. H. *Bilingualism: Basic principles*. 2nd ed. Clevedon, England: Multilingual Matters, 1986.
7. Macnamara John *The bilingual's linguistic performance: A psychological overview, 1967* // *Journal of Social Issues*, Issues 23:2(58), 2010. — P. 58-77.
8. Grosjean F. *Bilingual: Life and Reality*. Cambridge, MA, USA: Harvard University Press, 2010.
9. Grosjean F. *Life with Two Languages: An Introduction to Bilingualism*. Cambridge, MA, USA: Harvard University Press, 1982.
10. Ramirez A. *El español de los Estados Unidos: el lenguaje de los hispanos*. Madrid, Spain: MAPFRE, 1992.
11. Martinez G. *Mexican Americans and Language: Del dicho al hecho*. Tucson, USA: The University of Arizona Press, 2006.
12. Grosjean F. *The bilingual individual* // *International Journal of Research and Practice in Interpreting*, # 2 (1/2), 1998. – P. 163-187.
13. Bain B. *Toward an integration of Piaget and Vygotsky: Bilingual considerations*. *Linguistics*, Volume 13, Issue 160, Berlin, Germany: Mouton Publishers, 1975. – P.5-20.
14. Cummins J. *Cognitive/academic language proficiency, linguistic interdependence, the optimum age question and some other matters* // *Working Papers on Bilingualism*, #19, 1979. – P. 21-129.
15. Cummins J. *Language, power and pedagogy: Bilingual children in the crossfire*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2000.
16. Tunmer E., Myhill, M. *Metalinguistic awareness and bilingualism* / Tunmer W.E., Pratt C., Herriman M.L. *Metalinguistic awareness in children*. Berlin, Germany: Springer Verlag, 1984. – P. 169-187.

17. Romaine S. *Bilingualism: Language in society*. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 1995.

18. Romaine S. *Bilingual language development* / M. Barrett (Ed.) *The Development of Language*, Sussex, UK: Psychology Press, 1999. – P. 251-275.

19. Ferguson C. *Diglossia* // *Word*, # 15, 1959. – P. 325-340.

20. Fishman J. A. *Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism* // *Journal of Social Issues*, # 32 (2), 1967. – P. 29-38.

Статья поступила в редакцию 22.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.161.1

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0052

КОНЦЕПТ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ «ОБЛОМОВЩИНА» И ЕГО СТРУКТУРА

© 2020

SPIN-код: 5859-3583

AuthorID: 644807

Загвозкина Оксана Викторовна, кандидат филологических наук,
эксперт информационно-научного управления

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, дом 28, e-mail: eloctober@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена выявлению и дифференциации когнитивных признаков концепта «обломовщина», который возник как индивидуально-авторское понятие в романе И.А. Гончарова «Обломов». Трансформация в концепт русской национальной культуры произошла благодаря творчеству ведущих литературных критиков XIX века. Анализ определений лексемы «обломовщина», представленных в толковых словарях русского языка, интерпретация контекстов употребления лексемы «обломовщина» и однокоренных слов в тексте романа И.А. Гончарова позволили выявить понятийное ядро, содержательный минимум рассматриваемого концепта, т.е. определить его базовые признаки. Социальная и нравственно-психологическая характеристики главного героя и его окружения, представленные в рецензиях критиков Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, А.В. Дружинина, одновременно позволили подтвердить главные признаки и обнаружить второстепенные признаки, располагающиеся в зоне ближайшей периферии. Художественные детали, атрибуты и персонажи, окружающие и сопровождающие образ Обломова, репрезентируют небазовые признаки, входящие в зону дальней периферии структуры концепта «обломовщина». Обнаруженные признаки концепта «обломовщина» описаны с учетом особенностей современного человека, живущего в XXI веке, в мире, характеризующимся широким распространением информационных технологий, сети Интернет и наличием виртуальной среды как альтернативы реальной жизни.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак концепта, Обломов, структура концепта, концепт «обломовщина», литературная критика, виртуальная реальность.

THE CONCEPT OF THE RUSSIAN NATIONAL CULTURE “OBLMOVISM” AND ITS STRUCTURE

© 2020

Zagvozkina Oksana Viktorovna, Candidate of philology, expert of the information
and scientific department

Bunin Yelets State University

(399770, Russia, Yelets, Kommunarov street, house 28, e-mail: eloctober@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the identification and differentiation of cognitive attributes of the concept “Oblomovism”, which appeared as an individual author’s concept in the novel “Oblomov” by I.A. Goncharov. The transformation into the concept of the Russian national culture took place as a result of the works of leading literary critics of the 19th century. The analysis of the definitions of the lexeme “Oblomovism” presented in the defining dictionaries of the Russian language, the interpretation of contexts of the use of the lexeme “Oblomovism” and cognate words in the novel by I.A. Goncharov allowed to reveal the conceptual core, the substantial minimum of this concept, i.e. identify its basic features. The social and moral-psychological characteristics of the main character and the people around him, presented in reviews by critics N.A. Dobrolyubov, D.I. Pisarev, A.V. Druzhinin, at the same time, allowed to confirm the main signs and detect secondary signs located in the zone of the close periphery. Artistic details, attributes and characters surrounding and accompanying the image of Oblomov represent non-basic signs that are included in the zone of the far periphery of the structure of the concept. The discovered signs of the concept “Oblomovism” are described taking into account the characteristics of the modern person living in the 21st century, in the world characterized by the widespread acceptance of IT, the Internet and the formation of a virtual environment as an alternative to real life.

Keywords: concept, cognitive attribute of the concept, Oblomov, concept structure, the concept “Oblomovism”, literary criticism, virtual environment.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современный этап развития общества сопровождается, как известно, быстрыми изменениями, обусловленными распространением Интернета, который завоевал различные сферы жизни человечества: бизнес, экономику, политику, образование. Стремительно развивающиеся технологии как в компьютерных, информационных, так и бытовых сферах, наличие огромного количества техники и электроники, широкое распространение компьютерных игр, социальных сетей и мессенджеров способствуют не только комфортной жизни, но и делают современного человека более пассивным и инертным как в физическом, так и эмоционально-нравственном планах. В такой ситуации приобретает актуальность проблематика романа И.А. Гончарова «Обломов» и его главный герой. Кроме того, этот роман вызывает неугасающий интерес исследователей своей уникальной формой художественного построения, философско-нравственными принципами и многогранностью художественных образов. Фигуру Ильи Обломова можно смело назвать самым спорным с момента его появления и до наших дней. Ю.М. Лощиц, характеризуя его, писал:

«Перед нами ... великий художественный образ, сложная человеческая судьба, заключающая в себе живую взаимосвязь светотеней, противоборств ...» [1, с. 115]. Критик Д.П. Святополк-Мирский отметил: «Обломов более чем персонаж, это – символ» [2, с. 292]. Логично, что этот образ стал основой концепта «обломовщина».

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель данной статьи – определить смысловое содержание концепта «обломовщина» и его структуру, отметить особенности репрезентации концепта в жизни человека XXI века.

Материалом исследования стали роман И.А. Гончарова «Обломов» и статьи ведущих критиков XIX века: Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, А.В. Дружинина.

Новизна исследования заключается в том, что обнаруженные признаки концепта «обломовщина», сформированные в XIX веке писателем И.А. Гончаровым, уточненные критиками литературы, описаны с учетом новых аспектов мировоззрения и мироощущения личности, живущей в начале третьего тысячелетия, в мире, характеризующимся широким развитием информационных технологий, электронных устройств, сети Интернет.

Анализ последних исследований и публикаций, в кото-

рых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор. Вслед за В.И. Карасиком и Г.Г. Слышкиным, мы понимаем под лингвокультурным концептом «многомерную ментальную единицу с доминирующим ценностным элементом». Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта (базовые признаки), менее значимые – периферию (второстепенные признаки), которая дифференцируется на ближнюю и дальнюю. Четких границ концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций [3, с. 76-77].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Базой концепта «обломовщина» стал герой И.А. Гончарова Илья Обломов – помещик, дворянин, в прошлом – канцелярский чиновник, живущий в Санкт-Петербурге. Несмотря на свое образование, добрую душу, честное сердце он абсолютно ленив и пассивен, поэтому лежит целыми днями в постели, мало читает и только мечтает. Следствием этого образа жизни стал внешний вид героя: в 32-33 года Обломов имеет довольно заплывшее тело.

Об устойчивости концепта «обломовщина» в сознании русского человека свидетельствует присутствие определений данного понятия в ведущих толковых словарях русского языка: В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова. Важно, что все они отмечают источник появления этого индивидуально-авторского неологизма (оказионализма) – роман И.А. Гончарова «Обломов».

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля подчеркивается, что понятие «обломовщина» имеет национальный характер: «русская вялость, лень, косность; равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости; привычка ожидать всего от других, а ничего от себя» [4, с. 593].

Словарь С.И. Ожегова трактует понятие «обломовщина» как «безволие, состояние бездеятельности и лени» [5, 378]. В толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова представлено подобное значение этого понятия: «лень, безволие, нерешительность, бездеятельность, медлительность» [6, с.142].

Обобщив значения, представленные в лексикографических источниках, определили семантику лексемы «обломовщина» как «состояние застоя, апатии, лени, пассивности». В результате обнаружили понятийное ядро, содержательный минимум концепта, т.е. выявили базовые признаки данного концепта: ‘лень’, ‘вялость’, ‘безволие’.

В романе И.А. Гончарова лексема «обломовщина» употребляется 14 раз, иногда в одной ситуации и даже фразе дублируется, в результате нами обнаружено 9 ситуаций употребления данной лексемы.

Впервые знакомство читателя с этим словом происходит при беседе Штольца и Обломова, когда Илья Ильич представляет другу свой идеал жизни: красивый, уютный дом в деревне, семья, душевные разговоры с друзьями, книги и музыка, хорошая еда, прогулки на природе. Выслушав друга, Штольц говорит: «*Это не жизнь!*» [7, с. 52]. И дает ей определение, которое оказывается производным от фамилии Ильи Ильича: «*Это... (Штольц задумался и искал, как назвать эту жизнь). Какая-то... обломовщина...*»¹⁴ [7, с. 53]. Илья Ильич медленно два раза повторяет это слово по слогам «*об-ло-мов-щина*».

Важно, что этой лексемой и заканчивается роман: Штольц произносит слово «обломовщина», когда рассказывает приятелю-литератору историю жизни Ильи Ильича. В ответ на вопрос знакомого, что же сгубило его друга, Штольц называет главную причину: *Обломовщина!* Это слово с недоумением повторил ли-

тератор. Таким образом, автор и в начале, и в конце романа акцентирует внимание читателя на этой лексеме.

Ограниченные рамками статьи, не имеем возможности процитировать все контексты с данным словом. Анализируя ситуации употребления лексемы «обломовщина», можно обнаружить социальные и нравственные качества и особенности внутреннего мира человека, подчеркнутые автором в своем герое как типичном представителе дворянства. Они отражают базовые признаки одноименного концепта: ‘пассивность’, ‘бездействие’, ‘бесхарактерность’, ‘слабость’, ‘непрактичность’.

К сожалению, такова жизнь всех обломовцев в Обломовке (родовом имении главного героя): спокойная и размеренная, для них важны еда, послеобеденный сон и бессмысленные дела: *Жизнь, как покойная река, текла мимо их*. Так часто проходит жизнь современного человека с интернет-зависимостью в виртуальной среде, где формируются альтернативы реальной жизни, начиная с образования и заканчивая любовью.

Только знакомство Обломова с Ольгой Ильинской представлено в романе и как событие, которое угодно самому Богу, и как встреча, которая коренным образом должна была изменить жизнь главного героя. Именно искренность, отсутствие навыка лгать, добродушие и детская непосредственность – лучшие черты Обломова – обворожили Ольгу. Как мы знаем, изменений в жизни не случилось. Образ Ольги Ильинской способствует обнаружению зачатков положительных душевных качеств, что репрезентирует когнитивные признаки, располагающиеся в поле дальней периферии концепта «обломовщина»: ‘искренность’, ‘честность’, ‘детская непосредственность’.

Трансформация индивидуально-авторского понятия в лингвокультурный концепт произошло в творчестве литературных критиков и обусловлено следующими причинами.

Во-первых, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, А.В. Дружинин были опытными и талантливыми критиками литературы, способными глубоко проникнуть в суть художественного образа героя и передать нравственно-психологическую, социальную характеристику персонажей ярким, образным словом, которое запоминается с первого прочтения и остается в сознании человека.

Во-вторых, их критические рецензии одновременно с романом И.А. Гончарова входят в обязательную школьную программу, поэтому изучаются всеми учащимися.

Особое место в литературно-критическом дискурсе того времени занимает статья Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», ставшая самым значительным явлением в истории критического осмысления романа. Понятие «обломовщина» выступает заглавием, повторяется в тексте 31 раз и становится «ключом к разгадке явлений русской жизни» [8, с. 40], приобретает социальное значение и признаки русского национального менталитета. Н.А. Добролюбов охарактеризовал Илью Обломова как некое завершение литературного типа “лишних людей”, над которыми *тяготеет ... обломовщина, ... кладёт на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете*» [8, с. 44].

Н.А. Добролюбов рассматривал «обломовщину» как психологическое следствие крепостного права, которое обрекало героя-дворянина на вялость и апатию при внедрении своих идеалов и идей в жизнь. *Нет, Обломовка есть наша прямая родина, ее владельцы – наши воспитатели, ее триста Захаров всегда готовы к нашим услугам*, – подчеркивает Н.А. Добролюбов. Критик считает, что нельзя причислить Илью Обломова к отрицательным героям. Несмотря на то, что был апатичной личностью, лишенной всяких стремлений, он был добр, честен и искренен сам с собой, постоянно думал о том, как сделать свою жизнь лучше, в чем же ее смысл. Его беда в том, что главным наслаждением была именно не жизнь реальная, а жизнь в мечтаниях. Именно эта при-

вычка получать удовольствие от своих мечтаний, а не от действий, породила в нем неподвижность, своего рода нравственное рабство. Из сказанного следуют второстепенные признаки ближней периферии концепта «обломовщина»: 'мечтательность', 'неподвижность', 'инертность'.

Профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета М.Д. Мартынова, озвучивая результаты опроса студенческих лидеров, отмечает, что «при формулировке целей жизни многие студенты ... указывали «самореализацию», не считали нужным детально конкретизировать это понятие. Показательно, что тема «цель жизни» достаточно популярна в молодежной среде, но конкретного образа будущего – в чем именно состоит самореализация... – нет». Соглашаясь с автором, приходим к выводу о том, что это «свидетельствует о неопределенности представлений и определенном инфантилизме» [9, с. 30], т.е. подобной Обломову мечтательности, а не действительности.

Полностью подтверждает оценку Н.А. Добролюбова и критик Д.И. Писарев в статье «Обломов. Роман И.А. Гончарова» считая, что «Обломов... олицетворяет ... умственную апатию». «Везде в ней играет главную роль страшный вопрос: «Зачем жить? К чему трудиться?» – вопрос, на который человек часто не может найти себе удовлетворительного ответа. Этот неразрешенный вопрос, это неудовлетворенное сомнение истощают силы, губят деятельность; у человека опускаются руки, и он бросает труд, не видя в нем цели...» [10], из чего вытекает второстепенный признак 'отсутствие мотивации', 'депрессивность'.

А.В. Дружинин, используя понятие «обломовщина» 22 раза в статье «Обломов. Роман И.А. Гончарова», также видит в ней общечеловеческую и психологическую сторону. Это «люди, не подготовленные к практической жизни, мирно укрывшиеся от столкновений с нею» [11, с. 122]. Но при этом он был иного мнения о главном герое и находит положительные черты в характере героя: «Обломов – ребенок, бессилен на добро, но ... неспособен к злему делу» [11, с. 122]. Такое понимание образа героя говорит о наличии признаков: 'безвредность', 'добродушие', занимающих место в зоне дальней периферии.

Для выявления второстепенных когнитивных признаков, располагающихся на дальней периферии концепта «обломовщина», считаем логичным обратиться к атрибутам художественного образа Ильи Обломова.

Так, по мнению П.А. Флоренского, «ядром художественного произведения признаётся художественный образ, средоточием же его – имя героя». [12, с. 58] Роман И.А. Гончарова «Обломов» – это целая система «говорящих имен». Писатель, следуя традициям Н.В. Гоголя, наделяет каждого героя смысловым именем, через которое прокладывается «дорога» к познанию сущности образа героя и художественного мира произведения.

Фамилия Обломов трактуется исследователями по-разному. Главным источником возможной этимологии остается словарь В.И. Даля, который парадоксальным образом ссылается на новообразование «обломовщина» и одновременно представляет этимологические основы фамилии Обломов, значения ее возможного происхождения: от существительного «обломок» – «обломыш, всякая отломанная от чего, или обломанная кругом вещь» [4, с. 593]. Это направление в этимологии имени главного героя связано с лексемой «обломить», и в таком понимании возникает образ прерванной, надломленной, незавершенной, сломанной судьбы героя.

Т.И. Орнатская считает, что фамилия Обломов отсылает, неочевидно на первый взгляд, к концепту «облако» и глаголу «обволакивать», связывающему фамилию героя с главным мотивом романа, мотивом сна, с диалектным словом «обломон» – сон [13, с. 229]. Однако с данной точкой зрения категорически не согласен А.Ю. Балакин, которому «ни в одном сборнике сказок и ни в Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

одном слове такое значение слова «обломон», которое было бы связано со сном» обнаружить не удалось. Этот исследователь определяет «обломон» (точнее, «обломон») как «обманщик, плут» [14, с. 120]. Без сомнения, герой обманывает не кого-то, а лжет, прежде всего, сам себе.

Следующая интерпретация фамилии главного героя связана с лексемой «обломок»: последний в роду, конечное звено в череде цивилизационных преобразований, в развитии рода [об этом: 15, с. 229].

Обобщив этимологические источники фамилии главного героя, можем обозначить следующие второстепенные признаки, составляющие дальнюю периферию структуры рассматриваемого концепта: 'надломленный', 'прерванный'.

В отношении имени Обломова также существует несколько вариантов интерпретации. Во-первых, имя Илья Ильич, т.е. повторенное, – родовое имя, что часто бывает в романе И.А. Гончарова, где среди третьестепенных персонажей частотны наименования типа Фома Фомич, Иван Иваныч, Семен Семеныч. Во-вторых, имя Илья ассоциируется с мифологической составляющей произведения, соединяя образ героя с культом особо почитаемого народного бога-громовержца Ильи-пророка, который одновременно суров и милосерден, его необходимо бояться и любить, так как он связан с культом плодородия, в его власти посылать дождь, и, следовательно, урожай. Логичным в данной трактовке выглядит союз Ильи Ильича и Агафьи Пшеницыной в конце романа: Илья уже по имени привязан к земле, к первозданному идиллическому состоянию, к природе. Сказанное свидетельствует о таком признаке, входящим в поле дальней периферии, как 'близкий к земле', 'приземленный'. Эти признаки свойственны современному человеку, который заботится в большей степени о бытовом и материальном, а не о возвышенном, духовном, в связи с чем возникли термины «перепотребительское общество» и «перепотребительская культура», характеризующие поведение, выходящее за рамки разумного потребления [16, с. 49].

Для репрезентации концепта «обломовщина» и его признаков важны художественные детали, постоянно сопровождающие главного героя. Прежде всего, «настоящий восточный халат» сопутствует ему с первых и до последних страниц романа и является знаком судьбы Обломова. Так, под влиянием любви к Ольге Обломов изменяется, но над всеми его преобразованиями с помощью ее усилий, всегда нависает «тень» халата, который напоминает о себе даже тогда, когда герои о нем забыли: «Илья Ильич почти не заметил, как Захар раздел его, стащил сапоги и накинул на него – халат!» [7, с. 298]. Намеренно поставив тире перед словом халат, И.А. Гончаров тем самым подчеркнул неожиданный поворот в развитии событий и одновременно указал, что иначе быть не могло.

Халат не только как «символ праздности, лени, неряшливости, но и мечтательности, романтической устремленности к трансцендентному» [17, с. 157], замыкает все изменения в жизни и характере Обломова своеобразным кругом да еще с запахом, из которого ему не дано выйти. Этот предмет одежды не просто скрывал тело героя, а спрятал его душу, чувства, сковал любые движения и изменения в жизни героя. Отказ от «фрака» в пользу «халата», от жизни общественной, светской в пользу домашней происходит и благодаря любви Обломова к лежанию на диване, что символизирует тяготение к «внешней статике и динамике внутреннего созерцания» [18, с. 173].

Таким образом, детали одежды и мебели репрезентируют когнитивные признаки, расположенные в зоне ближней периферии: 'закрытость', 'замкнутость', 'боязнь общества', 'неподвижность', 'сонность'.

Главные события в развитии любовного чувства героев происходят в пространстве парка и маркируются

его знаками. Символична их встреча на одной из боковых закрытых аллея парка, которые способствуют уединению, мечтам, воспоминаниям. Волнение от зарождающейся в их сердцах любви заставило Ольгу и Обломова искать уединения. Сказанное позволяет обнаружить следующие признаки рассматриваемого концепта: 'мечтательность' и 'уединенность', – располагающиеся в зоне ближней периферии.

В современном обществе, активно позиционирующем коммуникацию, человек переходит в виртуальное пространство, «постепенно отгораживается, отстраняется, “уходит” от общения в традиционном смысле этого слова», а напротив предпочитают взаимодействие через сеть Интернет с помощью социальных сетей и мессенджеров [19, с. 35], что приводит к уединенности и закрытости.

Ветка сирени, появившаяся во время встречи в парке, стала своеобразным символическим смыслом любви. В этот момент их чувства достигли наивысшего эмоционального уровня. Ольга, слова ветку сирени, говорит Илье: «– Понохайте, как хорошо пахнет!». Но влюбленный Обломов в тот момент не видит слияния ее красоты, волшебного голоса и распутившейся сиреновой ветки.

Наклоняясь за ландышами, он спокойно говорит, что «сирень всё около домов растёт, ветки так и лезут в окно, запах приторный». Светлый праздник любви жат в романе временными рамками. Мир влюбленных меняется параллельно благоуханию сирени. Любовь открывается Ольге в период полного расцвета благоухающей сирени, а Ильи в этот момент поверил в безоблачность жизни. О своих чувствах друг другу они говорили с помощью языка цветущего куста сирени. Так, первый раз выдала чувства Ольги Ильинской ветка сирени, которую Ильинская уронила. Досада, которая разрывала сердце Ольги, была выражена веткой, сорванной ею мимоходом и брошенной на землю. Та же ветка, подобранная Обломовым, стала ключом к расшифровке поведения Ольги.

Мотив сиреновой ветки присутствует и при разрыве их отношений, когда мотив сирени пересекается с мотивом снега, который засыпал и погубил все цветущее вокруг.

В последней части романа мотив сирени также присутствует, но значительно реже и носит новые смысловые оттенки. Образ ветки сирени появляется то в судьбоносных диалогах героев, то рисуется в подсознании читателя в моменты ассоциаций. Так, в сцене объяснения Ольги и Штольца, цветущая ветка сирени увядает от прикосновения к ней деятельного Штольца. И в момент, когда Ольга спрашивает, как же ей быть с прошлым, он, не колеблясь, отвечает: «Поблекнет, как ваша сирень!» [7, с. 360]. Образ ветки сирени от момента встречи Обломова с Ольгой до последнего «прости» Ольги Ильинской над могилой – знаменует кратковременное возрождение и гибель Обломова. Некогда говорившая о многом сирень, теперь безмолвно цветет над могилой Ильи Обломова, замыкая его обособленную жизнь, становясь одновременно сигналом завершения для всех сюжетных линий романа.

В результате сиреневая ветка олицетворяет завершение, расставание и боль и репрезентирует признак 'завершение', 'увядание' дальней периферии концепта.

И таким нерадостным может быть финал человека XXI века, бесцельно проводящего свою жизнь в социальных сетях и компьютерных играх или за чтением огромного количества фейковых новостей. В процессе игры сначала возникает ощущение свободы, человек может возвысить себя, но в результате может наступить интернет-зависимость которая, по мнению многих ученых, рассматривается как один из вариантов патологического (аномального) развития личности, которое помимо труднопреодолимого влечения к игре, характеризуется расстройствами поведения, психического здоровья и самочувствия [20, с. 292]. Игромания рассматривается как

серьезная социальная и психологическая проблема наряду с наркоманией, алкоголизмом, токсикоманией.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В результате проведенного исследования обнаружили признаки концепта «обломовщина», которые были заложены И.А. Гончаровым в 1859 г., уточнены литературными критиками XIX века и в начале XXI века не потеряли актуальности, а приобрели новое «звучание» в связи с распространением сети Интернет, виртуальной реальности, компьютерных игр и других информационных технологий.

Базовые когнитивные признаки концепта «обломовщина» репрезентированы в словарных определениях лексикографических источников и обнаружены с помощью контекста употребления онима Обломов, топонима Обломовка, окказионализма «обломовщина».

Второстепенные признаки ближней периферии обнаружены благодаря интерпретации критических статей Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, А.В. Дружинина, которые представили социальную и нравственно-психологическую характеристики главного героя и его окружения.

Атрибуты и художественные детали подчеркивают базовые особенности концепта и одновременно репрезентируют второстепенные признаки дальней периферии.

На рисунке 1 структура концепта «обломовщина» наглядно представлена в виде схемы.

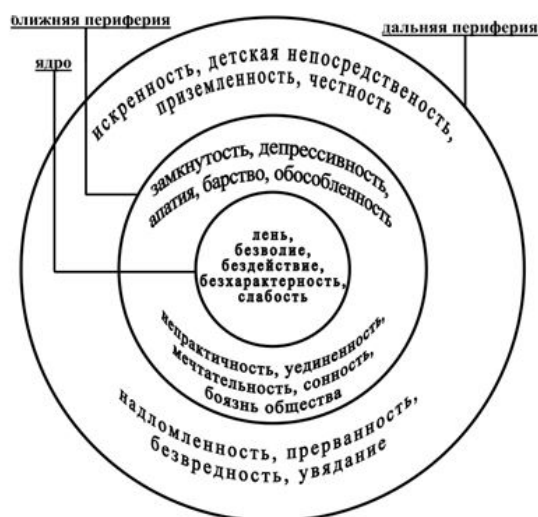


Рисунок 1 – Структура концепта «обломовщина»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лоциц Ю.М. Гончаров. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 390 с.
2. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. – 876 с.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-81.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Курьенз. В четырех томах. Т. II. И-О. – М.: Цитадель, 1998. – 1024 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.
6. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 2. Н-П. / Под. ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги. – 688 с.
7. Гончаров И.А. Роман «Обломов» // Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. – СПб., 1998.
8. Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – С. 34-68.
9. Мартынова М.Д. Влияние виртуальной реальности на формирование современного поколения молодежи: проблемы самореализации молодежи в ситуации глобализации // ЦИТИСЭ. 2019. № 3 (20).
10. Писарев Д.И. Обломов. Роман И.А. Гончарова // Д.И. Писарев Литературная критика в трех томах. Т. 1. Статьи 1859-1865 гг. – Л.: Художественная литература, 1981 – С. 42-59.
11. Дружинин А.В. Обломов. Роман И.А. Гончарова // Роман

И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – С. 106-125.

12. Флоренский П.А. Имена // Малое собрание сочинений. Вып.1. Имена. – М.: Кутина, 1993. – 319 с.

13. Орнатская Т.И. «Обломок» ли Илья Ильич Обломов? (К интерпретации фамилии героя) // Русская литература. 1991. №4. С. 229-230.

14. Балакин А.Ю. Обломов до “Обломова” // Обломов: константы и переменные. Сборник статей. ИРЛИ РАН. – СПб.: Нестор-история, 2011. С. 119-123.

15. Старицына Ю.А. Мифопоэтика имен центральных героев романов И.А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв») // Славянские чтения – 2017: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: БГУ, 2017. – С. 229-231.

16. Ильин А.Н. Общество потребления и потребительская инфраструктура // Человек в мире культуры. 2016. № 1. С. 48-58.

17. Лихоманов И.В. Восточный халат Ильи Ильича Обломова и метафизика «обломовщины» // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3 (37). С. 152-168.

18. Мосалева Г.В. Образ России как храма-корабля и его модификации в романной поэтике И.А. Гончарова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 2. С. 169-179.

19. Лопатинская Т.Д. Одиночество в сети: особенности самореализации человека в условиях виртуальной среды // Общество: философия, история, культура. 2016. № 10. С. 34-36.

20. Тулегенова А.Г. Игровая интернет-зависимость в студенческой среде // Проблемы современного педагогического образования. 2014. № 45-5. С. 292-299.

Статья поступила в редакцию 09.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 801.6

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0053

**ОБРАЗНЫЙ АСПЕКТ ОЦЕНОЧНОСТИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ
«ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ОТКЛИК»**

© 2020

Author ID: 740590

SPIN: 5807- 4061

Землянская Елена Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков

Author ID: 719217

SPIN: 2922-6532

Королева Наталья Михайловна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

Юго-Западный государственный университет

(305018, Россия, Курск, ул. Серегина 39, e-mail: korolev37-31-72@mail.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию «оценочности» как совокупному системному качеству речевого жанра «читательский отклик». Читательские отклики ориентированы на такие коммуникативно-прагматические цели, как анализ, критическая оценка и обсуждение материалов, публикуемых в средствах массовой информации (женских журналах), таким образом «оценочность» как совокупное системное качество лежит в основе моделирования содержания читательских откликов. Она, с одной стороны, является выражением познавательно-оценочной связи с отражаемой действительностью, представленной в системе содержания в «образах женственности» и, с другой стороны – выражением коммуникативно-оценочных отношений, представленных в системе содержания в их ценностном и эмоционально-оценочном аспектах. Описание образов женственности в статье проводилось эмпирически на уровне концептов и ключевых слов. С помощью программы компьютерной обработки текстов NewSlow, а также на основе методов наблюдения, количественных и статистических подсчетов были выявлены в читательских откликах ряды базовых концептов, формирующих «образы женственности», такие как брак/роман, материнство/семья, здоровье/недуги, общество/право, знаменитости/глянец и пр. Были также выявлены «ключевые» или «опорные» слова, репрезентирующие концепты на вербальном уровне. Всего в статье было выявлено и классифицировано 9 «образов женственности»: «Женщина – почитательница гламурного стиля жизни»; «Здоровая женщина»; «Женщина – общественный деятель»; «Счастливая женщина»; «Женщина – филантроп»; «Женщина – хранительница очага»; «Красивая женщина»; «Деловая женщина, женщина профессионал»; «Сильная женщина». Анализ «образов женственности» обнаружил их определенную концептуальную и лексическую неоднородность, что позволяет рассматривать каждый образ как концептуальное поле с относительно устойчивым языковым (лексическим) выражением.

Ключевые слова: речевой жанр, женский журнал, оценочность, образ женственности.

**THE FIGURATIVE ASPECT OF EVALUATIVITY IN THE SPEECH
GENRE “READER RESPONSE”**

© 2020

Zemlyanskaya Elena Nikolaevna, candidate of philological sciences, associate professor
of the Foreign Language Chair

Koroleva Natalya Mikhailovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the Foreign Language Chair

South-West State University

(305018, Russia, Kursk, street Seregin, 39, e-mail: korolev37-31-72@mail.ru)

Abstract. The article deals with the study of “evaluativity” as the aggregate systemic feature of the speech genre “reader response”. Reader responses are oriented towards communicative and pragmatic goals, such as analysis, critical assessment and discussion of materials published in the media (women’s magazines), thus “evaluativity” as an aggregate systemic quality underlies the modeling of the content of reader responses. On the one hand, it is an expression of cognitive evaluative connection with reflected reality presented in the content system in “images of femininity” and, on the other hand, it is an expression of communicative and evaluative relationships presented in the content system in their value and emotional evaluation aspects. The description of the images in the article was carried out empirically at the level of concepts and keywords. Using the NewSlow computer processing software, as well as on the basis of observation methods, quantitative and statistical calculations, the reader responses identified a number of basic concepts that form “images of femininity”, such as marriage / affair, motherhood / family, health / ailments, society / law, celebrities / gloss, etc. “Key” or “prop” words representing concepts at the verbal level were also identified. In total, 9 “images of femininity” were identified and classified in the article: “Woman as an admirer of a glamorous lifestyle”; “Healthy woman”; “Woman as a public figure”; “Happy woman”; “Woman as a philanthropist”; “Woman as the guardian of the hearth”; “Beautiful woman”; “Business woman, professional woman”; “Strong woman.” The analysis of “images of femininity” revealed their definite conceptual and lexical heterogeneity, which allows us to consider each image as a conceptual field with a relatively stable linguistic (lexical) expression.

Keywords: speech genre, women’s magazine, evaluativity, image of femininity.

Statement of the problem in general and its connection with important scientific and practical tasks. The article is devoted to the study of one of the most popular speech genres in the media system - the reader response. The materials of the research are the texts of reader responses from the English-language women’s magazines *Cosmopolitan*, *Marie Claire*, *Red*, *Seventeen*, *Vanity Fair*, and *Zest*. The sample size is 248 responses for the period from 2006 to 2018.

Working with readers’ letters is the most important activity of any journalistic team. The extreme focus of the mass media on the interests of the audience allows not only to study the mood and reaction of the population to

a particular event, but also to form people opinion about any phenomenon. A careful account is given to the reader responses which help to understand the reader attitude to the materials of publications. They also provide information for the editorial staff [1] whether the discussed topics has managed to cause a massive public outcry for which the publications were meant.

In accordance with the foregoing, the speech genre “reader response” is defined in the article as an efficient way of processing, storing and transmitting information in the journalistic sphere of communication, composed as an evaluative-critical response reaction to materials published

in journal media.

Reader responses are oriented to communicative and pragmatic goals such as critical evaluation and discussion of published materials in women's magazines [1].

In the context of the evaluative-critical sub style of the publicistic style the "reader response" acquires the systemic qualities of this style, such as the open, "underlined" expression of the author's "I", the social character of the assessment [3]. As a result of integration, we observe a certain increase in qualities, a certain integral effect, or the aggregate systemic quality of reader responses, which is associated in the article with the concept of "evaluation".

Evaluativity as a system-forming factor manifests itself at the initial stage of creating a text of a reader's response. The author of the response evaluates a particular phenomenon on the bases of his own experience, interests and goals. This is definitely expressed in selection, classification and description of facts and phenomena with the help of specific linguistic means [3] cf.:

I found your 'Faces of Addiction' photos shocking. – "Our drug addict mugshots horrified you" [Marie Claire 2011: № 11];

I found your article Anorexic, Bulimic And Online (June issue) thought provoking because, only six months ago, I belonged to just such an Internet group! – "Too close to comfort" [Zest 2002: № 8].

Presentation of the main material of the article. Analyzing reader responses, we should pay attention to the fact that evaluativity is composed of two relations mediating goal-setting and transformative activity [4]:

- cognitive-evaluative relation which is based on the reflection of the object and subject's attitude towards it (subject relations);

- communicative-evaluative relation (context of activity, informational relations) [1].

Cognitive-evaluative relation is expressed in the worldview, in the principles and rules of social behavior [5]. This type of relationship is associated with the direct reproduction of an object, its reflection through the personal experience of the reader and denotatively correlated with objective reality.

The object of the communicative-evaluative relationship is the primary image in the unity of its cognitive and communicative components, which leads to rethinking of the primary image into a secondary image and enriching the primary image with communicative and emotional content.

The gender problem, reflecting the interests and spiritual needs of the female readership, determines the subject of cognitive-evaluative relationships in reader responses.

Numerous scientific works devoted to the problem of gender [8–11] clearly distinguish the key concepts of this sphere, the concepts of gender and sex, where sex is a set of biological, physiological signs and gender is a set of speech, behavioral, personal characteristics distinguishing men and women in spiritual and cultural plans [3].

Women's magazines form not only the gender culture of society, dictate strategies of behavior and models of relationships between the sexes, but also create a "new image" of modern woman.

It is obvious that one of the aims of these publications is to create an identification system, a "corporate standard" for women. These standards help ordinary people to present themselves as representatives of the symbolic community of "real" women.

It is evident that the aim of women's magazines is to create and replicate gender images.

The technology for creating gender images includes two main components:

- 1) Ideological or value component;
- 2) Etiquette and material attributes

The ideological component declares a system of "real female" ideas and views forms an idea of the values and worldview that a "real" woman should share. The etiquette rules set a certain standard of woman behavior in everyday

situations (at home, at work, in friendly companies) [3, 6].

Patterns of behavior in everyday life (in the family, at work, among friends, etc.) are dictated by material attributes and etiquette.

Reader responses are a mirror of society where the scale of the social values of the female half of society is reflected.

Reader responses highlight the most relevant women issues and problems that serve as a reflection of certain gender perceptions and are contained in the responses in the form of "images of femininity".

In order to identify and classify the "images of femininity" we should turn to a variety of phenomena and facts which are presented in the readers' responses and answer the question: "What do women write about?"

Taking out the authors points of views from the texts of responses we can create a certain ideal, a "differentiated" image of a modern woman.

The study of the "image of femininity" was based on the theory of "linguistic conceptualism" [12–16], where the basic concept is conceptually accessible for the definite social groups [7].

According to the definition given by Y.S. Stepanova, concepts "are not only thought of, they are experienced. Concepts are a subject of emotions, likes and dislikes and sometimes conflicts of interests" [8].

With the help of a computer processing program NewSlow and on the basis of methods of observation and statistical calculations, a number of basic concepts forming the "images of femininity" were identified in the reader responses. They are marriage / romance, motherhood / family, health / illnesses, society / law, celebrities / gloss, etc. "Keywords" are identified as concept representatives at the verbal level because women's thoughts and feelings, their perception and evaluation of replicated gender images are reflected exactly in the words.

"The word, as a person's property, provides access to his information base (memory), which is formed according to the laws of mental activity, but under the control of norms and ratings developed in society. From these positions, the word turns out to be the intersection point of many diverse connections of diversified human experience. Thanks to it, we take into account linguistic and encyclopedic knowledge that is personally experienced and refracted through the prism of social relations" [9].

Conclusions. The analysis of reader responses identified the following "images of femininity", which were relevant for the readers of the women's magazines:

"Woman - an admirer of a glamorous lifestyle" (47 responses), presented in the CELEBRITY concepts (keywords - celebrity, star, model, beautiful, young, talent, film, cover), GLOSS (magazine, interview, photo, article, fashion, glossy) [8];

"Healthy Woman" (38 responses): HEALTH (food, exercise, diet, weight, healthy, fit, excellent, to eat, to run, to recover, to inspire), DISEASES (anorexia, cancer, upset, eczema, headache, illness, problem, sufferer, to suffer, alcohol, to drink);

"Woman as a public figure" (38 responses): society (society, country, world, people, woman, man, innocent, young, problem, illness, poverty, war, conflict, money, drugs, hobby, bomber, suicide kill), law (life, work, freedom, school, security, health, work, education, person);

"Happy woman" (30 responses): romance (affair, relationship, sexual, secret, boyfriend, woman, guy, man, partner, friend, prostitute, addiction, love, sex, to cheat, to leave), marriage (marriage, couple, family, husband, child, to arrange);

"Woman as the guardian of the hearth" (29 responses): motherhood (children, child, child, son, daughter and work), family (family, marriage, couple, husband, mother, father, parents, widow, home, divorce);

"Beautiful Woman" (19 responses): appearance (size, weight, sexuality, physical exercise, surgery, chemicals and products, natural, cosmetic, by sight);

“Business woman, professional woman” (19 responses): heroine (woman, person, young, to inspire, to make, to do, can), бизнес (to try, to have, to set up, agency, company, dream);

“Woman as a philanthropist” (17 responses): charity (charity, donation, to sponsor, to help, to save, money, children, animals) [10].

“Strong woman” (11 responses): violence (violence, rape, violence, violence, rape, domestic, sexual, victim, children, woman, fear, suffering, rapist, offender).

The largest number of reader responses is devoted to the presentation of a woman as an admirer of a glamorous lifestyle. This image of femininity is based on the reader responses where women evaluate verbal and visual information given in the magazines.

Materials telling about personal life (13 responses) and professional activities of celebrities (7 responses) are referred to verbal information.

Photographs depicting popular pop and sports stars are the sources of visual information (16 responses).

Reader responses, containing gratitude to the editorial staff for the content of published materials help to create this image.

On the ground of the sample, such concepts as “CELEBRITY” and “GLOSS” are related to the basic concepts of femininity.

Representatives of the “CELEBRITY” concept are the words that exactly name objects associated with “celebrities” (celebrities, stars, models); words that name the qualities of celebrities (beautiful, young and talented); means of replicating celebrity images (film, cover).

Words naming the means of disseminating secular information (magazine, interview, photograph, article and fashion) and signs of a secular lifestyle are corresponded to the concept “GLOSS” (glossy).

As you know, the context determines the evaluative connotation (intensifier) of a word, because “when we name a thing, we attribute it to a certain category and thereby define it as a thing of this, and not another category. Depending on its name, on the image of femininity under which it is brought, the thing may turn out to be good or turn out to be bad” [11].

Thus, unmarked words representing the GLOSS concept acquire a predominantly positive connotation, as female authors of reader responses present themselves only as “magazine fans”, cf.:

Bliss! I’ve just been luxuriating in the 15th Birthday Special Issue. Many happy returns and many more to come! – “Fab at fifteen” [Marie Claire 2003: № 10].

My favorite part of the article “7 Love Rules you Need to Break” was the section with the advice that appeared in Cosmo in the 1960s. Not only was it crazy to see some of the ridiculous suggestions that were once considered legitimate, it’s also cool that Cosmo can take an honest look at its history. – “Rules rethought” [Cosmo 2008: № 1].

Analysis of meanings of lexical items that represent the concept of “CELEBRITY” reflects the variable nature of women attitude to the content. So, a negative connotation is assigned to the word *celebrity*, cf.:

Imagine my shock and disappointment when I saw that the man on the April cover were fully clothed! Based on last year’s Hollywood issue. I expected less. – [Vanity Fair 1996: № 6].

As a slightly ageing rocker, I was amused to see the photo of Alice Cooper in Access all areas’ (December issue, page 25), but I must set the record straight. Alice is getting on, but he is not deluded. The front of his T-shirt may say ‘Britney wants me but the back says ‘dead’. Perhaps you could print pictures of both sides next time. – “Seeing both sides” [Marie Claire 2002: № 3].

The lexeme “*star*” can have both positive and negative connotations, cf.

It just goes to show that, as much as some try to deny it, movie stars are still undoubtedly human. – “Cruise Control”

№ 2 [Vanity Fair 1996: № 8];

The lexemes beautiful, great and young render a positive evaluation of analyzed objects’ qualities.

I would like to commend you on the cover of your April issue [“Hollywood ’96: From Sundance to Sunset”], featuring some of the most promising actors of tomorrow. Kudos to you for recognizing the beautiful and amazing Benicio Del Toro before everyone else. – [Vanity Fair 1996: № 6].

After seeing Justin (May issue), I have to write to beg for more pictures of Justin Timberlake. What a sex god! First, I held the magazine aloft triumphantly in the shop for all to see – I had been in every day, waiting for it to appear. Then I ran into the office screamingly with excitement. Mane Claire in hand, and I can tell you that no other man has stirred the lions of so many of my women colleagues. Even my male boss gave an appreciative grunt – though he was looking at the picture of Justin. And my boyfriend was jealous because I was drooling over a picture of gorgeous, semi-naked, toned man who is younger than him. ?” – [Marie Claire 2003: № 6].

A positive evaluation is assigned to the lexeme “model”, cf.:

“If you are going to write an article about feelings sexier in your skin, please illustrate it with a model who has a little more weight on her She has a perfect body – how could she not feel sexy?” – [Cosmopolitan 2003: № 10].

In conclusion, it should be noted that the “images of femininity” are distinguished by a certain conceptual and lexical heterogeneity, so each image can be considered as a conceptual field with a stable linguistic (lexical) expression.

REFERENCES:

1. Beseda, E.N. Substantial specificity of reader responses formed in “images of femininity”. *News of Southwestern State University. Series Linguistics and Pedagogy*. - 2012. - No. 2. - S. 169-171.
2. Bogdanov, N.G. *Handbook of a journalist* / N.G. Bogdanov, B.A. Vyazemsky. - L.: Lenizdat, 1971. - 686 p.
3. Zemlyanskaya, E.N. Linguistic features of the speech genre “reader response”. *Kursk: South-West state un-t 2014*. - 148 p.
4. Krushelnitskaya, K.G. The problem of the relationship of language and thinking / K.G. Krushelnitskaya // *General Linguistics*. Т.1. - М., 1972. - S. 51.
5. Brandes, M.P. *Style and translation (based on German material): Textbook, allowance* / M.P. Brandes. - M.: Higher School, 1988. - 127 p.
6. Chernova, J.V. Glossy magazines: publications for “real” men and modern women) [Electronic resource]. - Access mode: www.ecsoman.edu.ru.
7. Krasavsky, N.A. *The Emotional Conceptual Sphere of the German Language: Experience of Etymological Analysis* / N.A. Krasavsky // *Questions of cognitive linguistics*. - Tambov. - No. 1. - S. 38-44.
8. Stepanov, Yu.S. *Constants Dictionary of Russian culture. Research Experience* / Yu.S. Stepanov. - M., 1997. - S. 40-41.
9. Sazonova, T.Yu. *Modeling the processes of word identification by a person: psycholinguistic approach* / T.Yu. Sazonova. - Tver: Tver State University, 2000. - 134 p.
10. Beseda, E.N. Linguistic features of the speech genre “reader response”: dis. ... cand. philologist. *Sciences / Conversation E.N.* - Kursk, 2008. - 146 p.
11. Ivin, A.A. *Moral reasoning* / A.A. Ivin // *Morality and Rationality*. - M., 1995. - S. 33-48, 23. *Cosmopolitan 2004*. - № 5; 2008. - № 1.
12. Zemlyanskaya, E.N., Koroleva, N.M., Doyger, O.P. The structural organization of reader responses, represented by the compositional-speech form of “solidary meditative reasoning” // *Bulletin of the South-West State University. Series Linguistics and Pedagogy 2019 No. 2* (31). - p. 89.
13. Annenkova, A.V. To the question of the perception of the figurative component of the polycode text of image advertising: gender factor (experimental research) // *Bulletin of the South-West State University. Series Linguistics and Pedagogy 2019 No. 2* (31). - p. 22.
14. Bazylev, V.N. *Marriage announcement: the experience of introspective analysis* / V.N. Bazylev // *Gender as an intrigue of knowledge: Sat. Articles / Moscow State Linguistic University. Laboratory for gender studies*. - M.: publishing house “Rudomino”, 2000. - S. 108-137.
15. Goroshko, E.I. Features of male and female speech behavior (psycholinguistic analysis): abstract. dis. ... cand. filol. *Sciences: 10.02.19 / E.I. Peas; Institute of Linguistics*. - M., 1996. - 27 p.
16. Gorodnikova, M.D. *Gender and distribution of social roles in modern society (based on material from marriage announcements)* / M.D. Gorodnikova // *Gender factor in language and communication: collection of scientific. tr. Ivanovo, 1999*. - P. 23-27.
17. Grishaeva, L.I. The object of compliment in the gender dimension / L.I. Grishaeva // *Gender: language, culture, communication: Reports of the first int. conferences*. - M.: MGLU, 2001. - S. 152-161.
18. Kirilina, A.V. Features and Trends in the Development of Gender Studies in Russian Linguistics / A.V. Kirilina // *Gender: language, culture,*

communication: Reports of the first int. conferences. – М.: MGLU, 2001.
- S. 32–47.

15. Khaleeva, I.I. *Gender as an intrigue of knowledge* / II. Khaleeva
// *Gender factor in language and communication.* - Ivanovo. - 1999. - P.5.

16. Karasik, V.I. *The language circle: personality, concepts, discourse*
/ V.I. Karasik. - М.: Gnosis, 2004. - 390 p.

17. *Marie Claire* 2002. – № 1-12; 2003. – № 1-12; 2006. – № 12;
2007.–№ 4; 2011. - №11.

18. *Red* 2006. – № 8; 2007. – № 4, 12.

19. *Seventeen* 2001. – № 2.

20. *Vanity Fair* 1996. – № 6, 8, 10; 2002. – № 11; 2008. – № 1.

21. *Zest* 2002. – № 8; 2006. – № 12; 2007. – № 4, 12.

Статья поступила в редакцию 01.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81' 373

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0054

ОБРАЗНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

© 2020

SPIN-код: 8764-6387

AuthorID: 522112

Зубайраева Марина Увайсовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков

Чеченский государственный педагогический университет

(364031, Россия, Грозный, ул. Киевская, 33, e-mail: zubayraeva@list.ru)

Аннотация. В статье подвергаются анализу образные фразеологические единицы в художественных произведениях английских и американских писателей. Выявляются семантические, структурные и функциональные особенности английских образных фразеологических единиц. Анализ теоретического материала показал, что, по общему мнению лингвистов, фразеология – это очень специфичная и самобытная область лингвистики. Фразеологию следует изучать в неразрывной связи с историей и культурой народа. Английские фразеологические единицы классифицируются по семантике, происхождению и структуре. В современном английском языке к образным языковым единицам относят словосочетания с переносным значением. В свою очередь, образные фразеологические единицы делят на обороты, имеющие переносное значение в целом. Художественный текст раскрывает глубокий смысл и яркое образное содержание фразеологических единиц. Анализ фактического материала выявил, что писатели не только видоизменяют фразеологические единицы в своих произведениях, но и придают им новые смысловые оттенки. Фразеология английского языка широко применяется в английской и американской художественной литературе, что придает художественным произведениям яркость и выразительность.

Ключевые слова: фразеологизмы, английский язык, образное сравнение, художественный текст, лингвистика, метафора, фразема, идиома, номинация, структура, семантика.

FIGURATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE NOVELS OF ENGLISH AND AMERICAN WRITERS

© 2020

Zubayraeva Marina Uvaysova, candidate of philological sciences, associate professor
of the Department of foreign languages

Chechen State Pedagogical University

(364031, Russia, Grozny, Kievskaya Street, 33, e-mail: zubayraeva@list.ru)

Abstract. The article analyzes figurative phraseological units in the novels of English and American writers. The analysis of the theoretical material showed that, according to the general opinion of linguists, phraseology is a very specific and original area of linguistics. It is underlined that phraseology should be studied in inseparable connection with the history and culture of the people. Semantic, structural and functional features of English figurative phraseological units are revealed. English phraseological units are classified by semantics, origin and structure. In modern English, figurative language units include phrases with an allegoric meaning and in turn, figurative phraseological units are divided into forms that have an allegoric meaning in general. The fictional text reveals the deep meaning and vivid figurative content of phraseological units. The analysis of the actual material revealed that writers not only modify phraseological units in their works, but also give them new semantic shades. The phraseology of the English language is widely used in English and American fiction, which gives the works brightness and expressiveness.

Keywords: phraseological units, English language, figurative comparison, literary text, linguistics, metaphor, phraseme, idiom, nomination, structure, semantics.

Введение

Объектом данной статьи является английская фразеология.

Предметом исследования являются образные фразеологические единицы в художественных произведениях английских и американских писателей.

Цель работы - исследование семантических, структурных и функциональных особенностей образных фразеологизмов.

Материалом исследования послужили художественные произведения английских и американских писателей, на основе которых была произведена сплошная выборка исследуемых фразеологических сочетаний.

Методы исследования. Анализ фактического материала проводился методом анализа словарных дефиниций и методом сплошной выборки.

Актуальность данной темы обусловлена растущим желанием большинства людей изучать иностранный, в частности английский, язык для практических целей, т.е. для свободного общения с носителями языка.

Изучение любого иностранного языка не возможно без проникновения в национальную культуру, изучаемого языка. И как раз фразеологические единицы представляют тот пласт языка, впитавший в себя неповторимые культурные характеристики народов, восприятие ими окружающего мира.

Общаясь с носителями языка очень важно уметь различать фразеологические единицы, правильно понимать

их, чтобы избежать недопонимания, так как фразеологические единицы в разных языках не всегда несут одинаковую информацию.

Анализ научных трудов, в которых исследовался данный вопрос.

В образовании фраз большую роль играет человеческий фактор, поскольку фразеологические единицы в большинстве случаев описывают деятельность человека.

Человеку свойственно придавать объектам окружающего мира человеческий облик, человеческие характеристики, даже неодушевленному. Ш. Балли утверждал, что человеческое воображение старается одушевить окружающий его мир, человек верит, что окружающая нас природа живая и имеет душу. По мнению Балли, человек не просто одушевляет предметы внешнего мира, а придает им взгляды и стремления свойственные ему самому [Балли, 1, с. 102]. Говоря о языковом антропоморфизме, В.Г. Гак отмечает, что это не пережиток первобытного мышления, а общий закон развития средств номинации в языке. Так как центром внимания человека является он сам, он и преподносит окружающий мир по своему образу [Гак, 2, с. 274].

По общему мнению ученых языковедов, фразеология – это самая специфичная и национально-самобытная область в языкознании. Фразеология является не просто языковой, а культурной составляющей всех народов. Фразеологию следует изучать в неразрывной связи с

историей и культурой народа.

Фразеологические единицы описывают сложные явления и отношения окружающей нас действительности в краткой и выразительной форме. Не смотря на некоторую сложность перевода фразеологизмов, многие писатели охотно употребляют их в своих произведениях [Казакова 3, с. 127].

Многие ученые-лингвисты как отечественные, так и зарубежные обращались к вопросу об использовании фразеологических единиц в художественной литературе (А.В. Кунин [4], Н.М. Шанский [5], Ю.Д. Апресян [6], Н.Н. Амосова [7], П. Смит [8], Т. Сейвори, В. Гроув, С. Поттер, Дж.Л. Апперсон [9] и др.).

Как правило, английские фразеологические единицы разделяют по семантическим признакам, по происхождению и по структуре. К примеру, Дж.Л. Апперсон классифицирует фразеологические единицы с точки зрения выражаемых ими понятий, таких как: солнце, месяц, день, животное, ветер и т.д. [9, p. 58]. Но, Н.А. Азарх считает такую классификацию фразеологических единиц не допустимой, так как при такой классификации используются неязыковые критерии [Азарх, 10, с. 21].

А.И. Смирницкий выделяет фразеологические единицы и идиомы. Под фразеологическими единицами Смирницкий понимает стилистически нейтральные обороты, потерявшие метафоричность, а под идиомами – языковые обороты, основанные на переносе значения, т.е. на метафоре [Смирницкий, 11, с. 38].

Н.Н. Амосова делит фразеологические единицы на фраземы и идиомы. Фразема, по определению Амосовой, это языковая единица постоянного текста, где указательный минимум является постоянным (*beef tea* – крепкий бульон), а второй компонент является указательным для первого [Амосова, 7, с. 36]. Здесь надо отметить, что такая единичная сочетаемость очень не устойчива, что ведет к их переходу в переменные сочетания.

В отличие от фразем, идиомы, напротив, являются единицами постоянного контекста, характеризующимися целостным значением, общим лексическим составом словосочетания (*play with fire* – играть с огнем и т. п.) [Азарх, 10, с. 12].

В современном английском языке к образным языковым единицам относят словосочетания с переносным значением.

В свою очередь, образные фразеологические единицы делят на обороты, имеющие переносное значение в целом, например: *wet blanket* – нудная личность, *light purse* – бедность; и сочетания с отдельными образными компонентами, например: *wild train* – поезд, идущий вне расписания, *as sound as a bell* – здоров как бык, в полном здравии.

Различают образный перенос – метафорический, например: *a hard pill to swallow* – горькая пилюля (в значении тяжелое дело, ноша и т.д.), *a drop in the ocean* – капля в море; и метонимический, например: *old salt* – опытный моряк, морской волк, *to count noses* – считать людей (считать по головам).

Анализ практического материала показывает, что авторы художественных произведений используют фразеологические сочетания не только в том виде, в каком они функционируют в языке, но также обновляют их значения, структуру, их экспрессивные и стилистические свойства. Например:

God bless the poor in taste [12, p. 122]. – библейская аллюзия; ср. Blessed are the poor in spirit.

If "Marie de France" was indeed the Marie from the wrong side of the Angevin blanket [13, p. 135]. Русск. – Если "Мария Французская" действительно была Марией, незаконнорожденным отпрыском Анжуйской династии.

Не смотря на то, что фразеологические единицы появляются внутри языка, только художественный текст раскрывает их глубокий смысл и яркое образное содержание, что придает всему художественному тексту наибольшую экспрессивность, которая, в свою очередь, воз-

действует на читателя.

Ученые, исследующие английскую фразеологию, читая художественные произведения английских и американских писателей отмечают насколько умело авторы используют возможности фразеологических единиц, чтобы разнообразить язык своих произведений. Язык произведений английских писателей характеризует яркое сравнения, игра слов, метафоры, фразеологизмы. Например:

He would arrive soon after half past six then give a "surgery" for two hours or so [12, p. 160]. Русск. – Он вскоре вернется в половине седьмого и затем начнет прием своих избирателей. Здесь «surgery» - прием членом парламента своих избирателей по личным вопросам; метафорический перенос значения – «прием врача».

Произведение американского писателя Дж.Х. Чейза «Легко пришло, легко ушло» = «Come easy – Go easy» является ярким примером использования широкого спектра выразительных средств. Автор романа чаще всего прибегает к фразеологизмам и сравнительным оборотам с компонентом зоонимом, например: *one-horse town* (заштатный городишко, захолустье), *like a felled ox* (букв. словно убитый бык, как подкошенный), *duck-tail walk* (влиять бедрами при ходьбе, букв. утиная походка), *pig of a man* (не человек, а свинья), *ape's eyes* (маленькие обезьяньи глазки), *the quickness of lizard* (с быстротой ящерицы), *that cat won't jump* (из этой затеи ничего не выйдет, букв. кошка не прыгнет) и т.д. Например:

The rain kept people off the streets, not that there were ever many people wandering around at one o'clock in the morning in this one-horse town [14, p. 17]. Русск. Дождь удерживал людей дома, не то чтобы много людей бродило в час ночи в этом захолустье.

He slid away from me with the quickness of lizard [14, p. 20]. Русск. Он удрал от меня с быстротой ящерицы.

Cooper went down like a felled ox [14, p. 21]. Русск. Купер рухнул как подкошенный.

No one except this pig of a man dared to move into the open before half past four [14, p. 35]. Русск. Никто, кроме этой свиньи, не осмелился бы выйти на открытую площадку до половины пятого.

Now come and have some breakfast. We pig it in the kitchen in the morning [15, p. 75]. Русск. – А теперь иди позавтракай, мы пожираем его на кухне.

He had come awake the way an animal comes awake, and I imagined him staring up into the darkness, his little ape's eyes flickering and suspicious [14, p. 42]. Русск. Он проснулся, как просыпается животное, и я представил, как он смотрит в темноту, его маленькие обезьяньи глазки подозрительно мерцают.

With the quickness of a striking snake, Boyd grabbed the guard's wrist and heaved him of his horse into the water [14, p. 51]. Русск. С быстротой атакующей змеи, Бойд схватил запястье охранника и скинул его с лошади в воду.

I saw she was watching me curiously as I began to wolf down the food [14, p. 62]. Русск. Я увидел, что она с любопытством наблюдала, как я с жадностью набросился на еду.

As dangerous as slapping a rattlesnake, I thought, but I didn't say so [14, p. 126]. Русск. Также опасна как гремучая змея, подумал я, но ничего не сказал.

I keep thinking, but it foxes me [14, p. 218]. Русск. Я продолжал думать, но это озадачило меня.

I thought how easy it would be to break into that apartment, open that sardine can of a safe and help myself [14, p. 11]. Русск. Я подумал, как легко было бы вскрыть ту квартиру и открыть этот сейф как консервную банку.

She didn't return to work until the next Monday; she was just a general dogsbody at the publisher's [12, p. 188]. Русск. – Она вернулась на работу только на следующий понедельник; она была у всех на побегушках в издательстве.

Очень большое влияние на английский язык оказа-

ли переводы библейских сюжетов. Помимо отдельных слов, в английский язык вошли и идиоматические выражения из Библии, например: *apple of Sodom* - красивый, но гнилой плод; *obmanчивый успех*; *Balm in Gilead* - бальзам в Галааде; *утешение, успокоение*; *a doubting Thomas* - Фома неверующий. [8, с.111].

“Where is that *Jezebel*?” [14, p. 188]. Русск. – Где эта распутница? (библ. Иезавель; распутная, наглая женщина).

We've got a little book going. My money is on Eve [12, p. 177]. Русск. – Заклучим небольшое пари. Я ставлю на женщину.

The thought of serving ten years in that hell-hole made my blood run cold [14, p. 33]. Русск. – От мысли о службе в этом аду десять лет, у меня холодела кровь.

Фразеологические единицы, пришедшие из сказок и античной мифологии, например:

“*Aladdin's Cave!*” she said *breathlessly* [14, p. 9]. Русск. – зд. Сокровища! (букв. пещера Аладдина; Алладин – герой арабских сказок).

She had *Titian red hair* [14, p. 84]. Русск. – У неё были Тициановские, рыжие волосы.

Фразеологизмы, образованные на основе метонимии, например:

He's not having a nickel of it! [14, p. 155]. Русск. У него нет ни копейки.

He spent rather too much time on the other sides of his life to expect to be a candidate for any *Downing Street list* [12, p. 183]. *Downing Street list* – список членов правительства; *Downing Street* – Даунинг-стрит, улица в центральной части Лондона в Вестминстере, на котором находится резиденция премьер-министра Великобритании, отсюда – метонимически – правительство страны.

Как уже было отмечено выше, авторы художественных произведений не всегда используют фразеологические единицы в том виде, в каком они функционируют в языке, зачастую они видоизменяют их, у них появляются новые смысловые оттенки, что наделяет их новым художественным качеством.

Уровень развития любого языка раскрывает богатство его выразительных средств. Авторы художественных произведений воздействуют на язык, активно участвуя и в отборе и в создании нормы. Видоизменяя норму, писатели ориентируются на норму языка, таким образом, происходит взаимодействие языка художественной литературы и языка общелитературного.

Подводя итог, исходя из поставленной цели, мы можем утверждать, что фразеология английского языка, богатая по своей форме и семантике, широко применяется в английской и американской литературе. Образные фразеологические сочетания придают художественным произведениям яркость и живость. Фразеологические единицы обогащают литературный язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Балли Ш. Французская стилистика // Ш. Балли. – М., 1961. – 394 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования // В.Г. Гак. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
3. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. Учебное пособие / Т.А. Казакова. - СПб.: Лениздат; «Союз», 2002. - 320 с.
4. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. - М.: Высшая школа, 1996. - 331 с.
5. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1964. - 353 с.
6. Апресян, Ю. Д. К вопросу о значении фразеологических единиц / Ю. Д. Апресян // Иностранные языки в школе. - 1957. - №6. - С.12.
7. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. - 309 с.
8. Смит, Л. П. Фразеология английского языка / Л. П. Смит. - Гос. Учебно-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР. - Москва, 1959. - 208 с.
9. Apperson G.L. *English Proverbs and Proverbial Phrases: A Historical Dictionary*. – London and Toronto: “Dent & Sons”, 1929. – С. 58-59.
10. Азарх, Н. А. Фразеологические единицы в современном английском языке / Н. А. Азарх // Иностранные языки в школе. - 1956. - №6. - С.21.
11. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И.

Смирницкий. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. - 309 с.

12. Fowles J. R. *The Enigma* = Загадка / Дж. Фаулз. – М.: «Прогресс». 1980. – 246 с.

13. Fowles J. R. *Eliduc* = Элидук / Дж. Фаулз. – М.: «Прогресс». 1980. – 246 с.

14. Chase J. H. *Come Easy - Go Easy* = Легко пришло легко ушло / Дж. Х. Чейз. – М.: Айрис-пресс. 2006. – 384 с.

15. Fowles J. R. *The Ebony Tower* = Башня из черного дерева / Дж. Фаулз. – М.: «Прогресс». 1980. – 246 с.

Статья поступила в редакцию 22.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.11-112

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0055

**СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТНОГО АКТА «ИЗВИНЕНИЕ»
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ**

© 2020

SPIN-код: 5927-0070

AuthorID: 935224

ORCID: 0000-0001-9315-8103

Ильина Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Академического департамента английского языка

Винокурова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент департамента

SPIN-код: 2667-5575

AuthorID: 935317

Бекишева Юлия Валерьевна, старший преподаватель департамента
Дальневосточный федеральный университет
(690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова 8, e-mail: svilyina@mail.ru)

Аннотация. Авторами статьи изучены суть и применение в речевой коммуникации принципа вежливости и реализующих его максим; дана сравнительная характеристика косвенного высказывания, а также рассмотрены проблемы контекста, являющегося одним из основных факторов выявления типа высказывания. В рамках теории речевых актов и теории речевой деятельности в статье представлен анализ речевого этикетного акта «извинение» и выявлены различные способы его выражения в современном английском и русском языках на материалах художественных произведений. Отмечено, что число речевых актов «извинение» с прямой иллокутивной силой в английском языке составляет 56,3% от общего числа выявленных речевых актов с данным значением, а в русском языке – лишь 25,8%. При этом число конструкций и их вариантов, с помощью которых можно принести извинения, в современном английском языке преобладает. Наиболее частотной является группа, представленная конструкцией ‘I am sorry’. Не менее широко как в русском, так и в английском языках представлены речевые акты с транзитивной иллокутивной силой «извинение». В русском языке они составляют 73%, а в английском языке – 40%. Примечательно, что оттенки речевых актов в большинстве случаев совпадают: речевые акты с транзитивной силой с оттенком сожаления, обращения-привлечения внимания, подчеркнутой вежливости, уточнения информации. В современном русском языке выявлены также речевые акты с транзитивной иллокутивной силой с оттенком вежливого отказа, пояснения, оправдания, иронии. Как в русском, так и в английском языках были выделены неординарные по своему значению речевые акты с базисной иллокутивной силой «извинение», но данная группа немногочисленна (1,2% от общего числа выявленных иллокутивных актов в русском языке и 3,7% - в английском). Изученные способы выражения речевого этикетного акта извинения отражают национально-культурные особенности говорящих на американском варианте английского и русском языках и представляют несомненный интерес в рамках теории межкультурной коммуникации. В дальнейшем работа будет продолжена на таких исследуемых материалах, как проведение опросов, анализ средств массовой информации, сериалов и ток-шоу на английском и русском языках.

Ключевые слова: теория речевых актов, теория речевой деятельности, теория межкультурной коммуникации, речевой акт «извинение» в современном английском языке, речевой акт «извинение» в современном русском языке, речевой этикет.

**THE WAY OF EXPRESSING SPEECH ETIQUETTE ACT OF “APOLOGY” IN MODERN
ENGLISH COMPARED TO THE RUSSIAN LANGUAGE**

© 2020

Il'ina Svetlana Sergeevna, PhD in Philology, associate professor with the Academic
Department of the English Language

Vinokurova Tatiana Vladimirovna, PhD in Philology, associate professor
with the Department

Bekisheva Yulia Valer'evna, senior lecturer with the Department
Far Eastern Federal University

(690091, Russia, Vladivostok, Sukhanova str. 8, e-mail: svilyina@mail.ru)

Abstract. Based on Speech Act Theory as integral part of Theory of Communication, the paper presents analysis of the speech act “apology” in modern English and Russian. The authors of the article make analysis of the principle of politeness and its maxims used in speech communication; give characteristics to an indirect statement and discuss the problem of the context as one of the main factors to determine the type of a statement. Speech act of apology and its varieties are analyzed within the frameworks of two theories: Theory of Speech Acts and Theory of Communication. The research material is based on novels and detective stories by modern Russian and American writers. The analysis results show that the number of speech acts of apology with direct illocutive force in English equals 56.3% of the general number of speech act of apology with the same meaning while the Russian language number in this case is only 25.8%. The number of constructions and their variants used to express an apology in the English language outnumbers those of Russian, with the ‘I am sorry’ pattern as the most frequently used one. Both Russian and English forms of apology can be expressed with transitive illocutive force, with 73% in the former and 40% in the latter language. It is worth mentioning that the functions of the speech acts are mostly the same in both languages: act of apology with the shade of regret, attracting attention, underlined politeness, etc. The Russian language forms of apology with transitive illocutive force of apology also have such shades as polite refusal, irony, clarification, and excuse. Both Russian and English speech acts of apology can be presented by unique means with basic illocutive force of apology, though this group is very small (1.2% of the whole number of examples selected). The speech etiquette act of apology analyzed in the article reflects national and cultural peculiarities of the American English and Russian speakers and therefore is to be further studied deeper within the theory of intercultural communication on the basis of mass media, questionnaires, talk – shows and movie series.

Keywords: theory of speech acts, theory of speech activity, theory of intercultural communication, speech act “apology” in modern English, speech act “apology” in modern Russian, speech etiquette.

ными научными и практическими задачами.

Со 2-й половины 60-х гг. 20 в. лингвисты начали проявлять интерес к теории речевой деятельности и ее продукту – связанному тексту или дискурсу. Одной из таких теорий стала «теория высказывания». Понятие «высказывание», которое сравнивали с понятием «предложение» ввели в лингвистику представители структурального направления. В настоящее время понятие «высказывание» признается всеми лингвистами, однако спорной остается проблема его соотношения с понятием «предложение».

Предложение – это лингвистическая единица, которая обладает структурно-семантическими и номинативно-семантическими признаками. Это единица, «отражающая структуру мысли, т.е. единица формирования и отражения мысли» [1, с.127], а высказывание – это «единица, отражающая речевую деятельность человека, т.е. единица сообщения мысли собеседнику» [1, с.127]. Таким образом, нецелесообразно говорить о том, что предложение равно высказыванию, потому что предложение и высказывание не всегда совпадают друг с другом; кроме этого, даже в совпадающих случаях нужно понимать, что термин «предложение» связан со структурно-семантическим направлением изучения лингвистической единицы, а термин «высказывание» – с функционально-семантическим.

Основные параметры высказывания связаны с теорией коммуникации. «Центральный аспект данной теории заключается в том, что языковой знак существует в коммуникативной триаде: отправитель знака – знак – получатель знака. Эта триада распадается на два дихотомических отношения: отправитель знака – знак и знак – получатель знака» [1, с.128]. Ставя в центр внимания отношение «отправитель знака – знак», лингвистами рассматривается процесс высказывания, основанный на физической способности говорящего совершать речевую деятельность. Другое же направление изучает каким образом человек понимает смысл отдельных речевых единиц, составляющих готовый текст. Поэтому важно изучать то, каким образом могут быть сформированы разные контекстные значения.

Еще один важный аспект изучения высказывания связан с тем, чтобы отнести его либо к спонтанному явлению, употребление которого связано с ситуативной потребностью, возникшей в процессе коммуникации, либо к клише или «речевому штампу», употребление которого в данной ситуации связано с правилами речевого этикета.

Одним из вариантов теории речевой деятельности является теория речевых актов (ТРА), которая связана, главным образом, с работами Дж. Остина – философа Оксфордской школы. Именно он был первым ученым, который обратил внимание на то, что произнесение высказывания — это не только сообщение информации, но и выполнение многих других действий. В процессе общения люди не просто произносят высказывания или строят предложения, но и используют эти предложения для информирования, просьбы, совета, приказания, извинения и др. Все это – речевые акты (РА).

ТРА рассматривает общение как одну из разновидностей поведения, подчиняющегося определенным правилам. Во всяком РА высказывании различаются как минимум 3 разных акта, осуществляемые говорящим:

- а) локутивный акт - собственно произнесение предложения;
- б) пропозициональный акт (включающий в себя акт референции и акт предикации);
- в) иллокутивный акт - реализацию коммуникативного намерения говорящего. [2]

Кроме того, высказывание может быть использовано для осуществления того или иного воздействия на слушателя (например его можно напугать, ввести в замешательство, оскорбить), т.е. иметь перилокутивный аспект.

Согласно положению Дж. Остина, «основным прин-

ципом отличия иллокутивного акта от локутивного является признак целенаправленности и конвекциональности» [3, с.152].

Согласно суждению Дж. Серля, иллокутивный акт является действием, подчиняющимся правилам. Правила, при этом, делятся на регулятивные, упорядочивающие формы поведения, которые существовали до них (например, правила этикета), и конститутивные, которые не просто регулируют, но создают новые формы поведения (например, правила различных игр). Таким образом здесь снимаются различия между конвекциями локутивного и иллокутивного уровней речевого действия. [4, с. 152-153].

Для того чтобы понять, как обеспечивается понимание иллокутивной силы высказывания, в ТРА был поставлен вопрос о факторах, благодаря которым высказывания в процессе общения обретают подлинный смысл становясь носителями речевого замысла коммуникантов и вплетаясь в структуру внеязыковой деятельности.

Для выявления аспектов иллокутивных актов, в ТРА с самого начала существовала их классификация, предложенная Дж. Остином. Следующей классификацией стала классификация Дж. Серля, которую он строит как классификацию актов, а не глаголов (в отличие от Дж. Остина). Базу классификации составляют двенадцать признаков, которые автор называет «направлениями различий между иллокутивными актами» [2, с.172].

«Каждый тип иллокутивного акта характеризуется условиями, выполнение которых необходимо для успешного осуществления иллокутивного акта данного типа. Эти условия определенным образом ранжированы: различаются предварительные условия, условия искренности и просто существенные условия» [5, с. 43].

Также важным принципом, особенно в применении к речевой коммуникации, является принцип вежливости. В этом случае он определяется как особая стратегия речевого поведения, которая направлена на предотвращение возникновения конфликтных ситуаций. В процессе коммуникации она реализуется с помощью правил этикета и других речевых правил и приемов.

Важнейшим принципом речевого поведения является выдвинутый Г. Грайсом принцип кооперации. Согласно его учению, для успешного протекания коммуникации речемыслительные процессы слушающего и говорящего должны совпадать, хотя и быть противоположными по направленности. В противном случае коммуникация нарушается или искажается. Совместная речемыслительная активность адресанта и адресата изучается в рамках теории, изучающей условия успешности коммуникации. [6]

Согласно суждению Г. Кларка и Т. Карлсона, говорящие подразумевают, что определённые слушающие играют определенные роли и соответствующим образом конструируют свои высказывания. Каждый традиционно выделяемый иллокутивный акт, направленный на адресатов, осуществляется посредством информатива – логически первичного иллокутивного акта, направленного на участников [7].

Согласно Дж.Ф. Аллену и Т. Перро, «роль контекста в понимании языка заключается в том, что потенциальным результатом анализа намерений говорящего могут стать только те планы, которые являются приемлемыми в рамках текущего контекста, что определяется с помощью эвристик оценки. Значительную часть контекста составляет имеющаяся у слушающего модель убеждений и целей говорящего» [8, с. 323].

Кроме этого, важно отметить существование феномена косвенных РА – речевых действий, иллокутивная цель которых не находит прямого отражения в языковой структуре употребляемого высказывания. В косвенных РА говорящий передает слушающему больше содержания чем то, которое он реально сообщает, и делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного

суждения, подразумеваемые им у слушающего.

Выделяют также моно- и полиинтенциональные высказывания. К моноинтенциональным (стереотипам) относятся типовые образования, которые практически утратили связь с тем речевым актом, с которым они формально сходны. Полиинтенциональные высказывания охватывают несколько разновидностей: моделированные косвенные высказывания и составные. Также к ним относятся все неконвенциональные высказывания (их можно назвать имплицативными), они в большей степени связаны с контекстом.

Косвенные высказывания, являясь фактором социальной символики, отражают межличностные отношения коммуникантов. Помимо этого, они обладают исключительной емкостью и экономичностью. Кроме того, косвенные высказывания можно рассматривать как одно из средств смягчения или усиления коммуникативного намерения говорящего усилить воздействие на адресата, сделать РА как можно более эффективным.

Многие ученые [6], [7],[8],[10] едины во мнении том, что формулы речевого этикета в косвенных РА подразделяются на 2 основные семантические группы: 1) транспортирование иллюкутивной силы одной из групп речевого этикета (извинение-обращение; комплимент-благодарность; пожелание-приветствие) и 2) транспортирование силы одной из групп речевого этикета в сфере, не связанную с речевым этикетом (извинение-угроза; благодарность-упрек).

«Извинение-обращение» - этот вид можно также называть «извинение – привлечение внимания». Таковую роль выполняют формулы типа “I beg your pardon”, “Sorry”, “Excuse me” и т.п. Обычно они употребляются, когда нужно задать вопрос собеседнику, попросить его о чем-либо. Базисная иллюкутивная сила в данном случае – извинение; однако данные высказывания выполняют в первую очередь функцию привлечения внимания.

Об успешной реализации косвенного РА обращения свидетельствуют, с одной стороны, выполнение определенных коммуникативных правил, в частности, заинтересованность адресата получить ответ на свой вопрос или просьбу, с другой стороны, ответная реакция собеседника, которая может выражаться как словесно, так и действиями (поворот головы, прекращение ранее выполняемой работы).

Делая вывод, можно сказать, что выявлению косвенности форм речевого этикета способствуют как лингвистические факторы (лексические, грамматические, текстовая ситуация), так и экстралингвистические.

Как отмечает Л.К. Рябцева «иллюкутивная сила реализует коммуникативные намерения говорящего и воплощается в высказывании в виде «коммуникативного модуля» [9, с. 87].

И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер отмечают, «что процесс понимания сообщения можно разбить на 2 логических этапа: языковое или поверхностное понимание - извлечение из сообщения эксплицитной информации, поставляемой языковой структурой, и интерпретирующее, или «глубинное» понимание - извлечение из сообщения скрытой информации, эксплицирующейся лишь при наложении языковой информации на другие информационные структуры – психологические, социальные, морально-этические и т.п.» [10, с. 67]

– Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор.

Вопросам изучения извинений в современном английском и русском языках посвящены работы таких ученых, как Ларина Т. В. [11], Литвинова В.А. [12], Минина О.Г. [13], Скорцова Е.Б. [14], Соловьева И.Б. [15], Сорокалетова Н.Ю. [16] и других ученых. Извинение изучается как иллюкутивный акт в текстах открыток [17], с точки зрения прагмалингвистических особенностей, сценарности, комбинаторных характеристик, мелодических особенностей. Яровой И.С. и Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

Воробец Л.В. пытаются найти системообразующий фактор, регулирующий коммуникативное поведение народа и выявить общие и идиоэтнические средства объективации категории извинений в русской и английской лингвокультурах [18].

Выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы, актуальность исследования.

С точки зрения теории речевых актов извинения проанализированы еще на были, и именно с этим заключается актуальность исследования, освещаемого в рамках данной статьи.

Б) МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Данная статья посвящена изучению способов выражения речевого акта «извинение» в современном английском языке. Целью работы является изучение существующих теорий речевой деятельности (в частности – теории речевых актов – ТРА) и непосредственно способов выражения одной из групп речевого этикета «извинение» в современном английском языке. Интерес представляет также вопрос о соотношении способов выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном русском и английском языках.

Используемые методы, методики и технологии.

Материалом для данного исследования послужили РА «извинение», выбранные методом сплошной выборки из художественных произведений современных американских и российских авторов. Общее число страниц составило 3500, количество отобранных и проанализированных примеров – 222 в английском и 225 в русском языках.

Анализ проводился с помощью дескриптивного метода, метода количественного анализа, а также метода сплошной выборки

В) РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Перейдем непосредственно к выявлению способов выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном английском и русском языках и проведем сопоставительный анализ составленных классификаций.

Раздел 1. Способы выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном английском языке.

Как показал анализ практического материала, речевого этикетный акт «извинение» в английском языке может быть выражен разнообразными вербальными способами.

1. *Выражение речевого этикетного акта «извинение» с прямой иллюкутивной силой в современном английском языке.*

А) Наиболее частотной является группа, представленная конструкциями “I am sorry” и такими ее вариантами, как “It’s sorry I am”, “I am sure sorry”? “Sorry” (39%).

Например: “I am sorry if I spoke sharply, Heck,” – Atticus said simply, “but nobody’s hushing this up. I don’t like this way.” [19, с. 330]

He said in a most tender and placating voice, “It’s sorry I am, Emma. I take back those words”. [20, с. 114]

Б) Вторая группа представлена конструкцией “Forgive me” и ее вариантом “I ask your forgiveness” (6,7%).

Например: Yesterday morning at 11 o’clock, his telephone rang. It was Mel Bronson, and he said to Bruce: “Forgive me for not calling you yesterday”. [21, с. 83]

В) Следующая группа представлена конструкцией “I apologize” и такими ее вариантами, как “I owe you an apology”, “You have my apologies”, “My apologize”, “I ask you to accept my sincere apologies” (5%)

Например: “My apologize, Mr. Brayduck. I can’t guarantee it but I hope to have an explanation for you later in the day. Until then will you be so kind as to leave us alone?” [22, с.11]

Г) Конструкция “I beg your pardon” и ее варианты “Begging your pardon”,

"I ask your pardon" (3%)

Например, "Begging your pardon, ladies and gentlemen. I know I am being too bold, crashing in on your party and all that. But my mom used to sing that song to me and me sisters, and when I heard it, it called my heart over." [23, с. 452]

Д) Конструкция "Excuse me" (2,2%)

Например, "You have just terminated your employment at Waterman Trust." – "Maybe I have. Excuse me, please." – the Virginian gently moved Elizabeth away from the second cabinet and continued his search [21, с. 119].

2. Выражение речевого этикетного акта «извинение» с транзитивной иллокутивной силой.

А) Речевой акт «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком «сожаления» (28,3%).

Например, Aunt Alexandra was waiting up. She was in her dressing gown and I could have sworn she had on her corset underneath it. "I'm sorry brother," she murmured. – "Well, I am sorry you don't have a good time," – Paula murmured. [20, с. 324]

Б) Речевой акт «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком «обращение» или «извинение - привлечение внимания» (4,9%). Обращения такого рода используются при необходимости задать собеседнику вопрос, привлечь внимание для дальнейшего разговора.

Например, «Excuse me, ma'am», he said earnestly. "I'm not surprised you don't remember me but I believe I know you..." [23, с. 281]

В) Речевой акт «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком подчеркнутой вежливости (3,6%).

Например, "I cannot speak for anyone else here, but I am going to try to sleep a bit", he said. "I hope ladies will excuse my feet." He removed his boots and stretched out his stocking feet on the seat between Kathleen and Scarlett. [23, с. 498]

Г) Речевой акт «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком желания уточнить информацию (2,2%).

Например, "Ah, that's a damn story", I said. "I beg your pardon?" Atticus said. "Don't pay attention to her, Jack. She is trying you out. Cal says she has been cussing fluently for a week, now." [19, с. 102]

Д) Речевой акт «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком просьбы-приказа (0,9%).

Например, "I am Bruce Bacon," Bruce said. "I interviewed you in Domfront, August of forty-four". "Yes, yes, of course, we were both covered with mud. You must forgive me for not recognizing you." [21, с. 21]

3. Неординарные по своему значению речевые акты с базисной иллокутивной силой «извинение».

А) В данную группу вошли речевые акты, в которых отсутствует прямая иллокутивная сила «извинение», и само извинение, являясь вводным предложением, позволяя отнести данные речевые акты к особой группе правил этикета.

Например, "The state was under Yankee military rule, like every place else in the south, but hell – apologies, ladies – those bluecoats didn't have the first idea what to do about the Indians..." [23, с. 46]

Б) Речевой акт «извинение», совершаемый косвенно, через третье лицо.

Например, "Sit down and be quiet, Rosemary", said Mrs. Butler. "I apologize for my daughter's rudeness, Captain." [23, с. 219]

Раздел 2. Способы выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном русском языке

1. Выражение речевого этикетного акта «извинение» с прямой иллокутивной силой.

Выделенные речевые акты «извинение» в данной категории представлены тремя группами.

А) Наиболее частотной является группа, представленная конструкцией «Извините меня» и такими вариантами, как «Извиняюсь», «Вы уж извиняйте», «Извини», «Просим извинения» (15,1%)

Например: «Прекратите истерику, немедленно прекратите!» - «Что? Да-да, вы правы, извините меня.» [24, с. 381]

Б) Группа, представленная конструкцией «Прошу прощения» и ее вариантами «Прости», «Прошу пардону», «Простите меня» (9,4%)

Например, «Простите, - смутился Кузьмич. – Вырвалось.» [25, с. 567]

В) Речевой акт «извинение», выраженный формулой «Виноват» (1,3%).

Например, «Вы не знаете фамилии Фомы Адреевича?» - Официальный, сдержанный, неприязненный тон сменило непритворное изумление. «Виноват. Не знаю.» [24, с. 62]

2. Выражение речевого этикетного акта «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком:

а) подчеркнутой вежливости (33,3%), например:

«Уж извините, Инна Борисовна, - говорит Егор Иванович, когда мы усаживаемся возле стола. – Надоели мы вам, конечно. Но вот товарищ из уголовного розыска хочет вас кое о чем спросить.» [26, с. 359]

б) иронии (10,2%), например:

«Ну вот видите, - Мушанский самодовольно улыбается. – Не такой уж я, извините, дурак.» [25, с. 128]

в) обращения, или обращения-привлечения внимания (9,3%), например:

«Извините, нет ли у вас папироски?» [27, с.213].

г) уточнения информации (6,6%), например:

«Вы не могли бы рассказать о его последнем дне?» – подал голос Рожнов. «Простите?» - переспросила Фетисова и повернулась профилем. [28, с. 111]

д) пояснения (5,7%), например:

«Она квартиру нам, простите за грубое слово, вылила...» [28, с. 110]

е) оправдания (4,4%), например:

«Извините, что не предупредил звонком. Но дело неотложное. Всего несколько минут.» [25, с. 390]

ж) вежливого отказа (0,8%), например:

«Извините, я бы довез... Но дела, понимаете?» [25, с. 374]

з) косвенно-нейтральным (0,8%), например:

«Пока горячее сварится, давай по полстаканка моей. Она похлеще вашего коньяка будет. Только не обессудь, гостюшка, крепковата малость.» [28, с. 384]

Неординарные по своему значению речевые акты с базисной иллокутивной силой «извинение».

а) извинение-комментарий (0,4%), например:

«Рори проголодался и ел жадно. Сандра старалась не смотреть на него, поглядывая по сторонам. Рори спохватился – вцепился в вилку, как дитя в соску, отодвинул тарелку, начал, извиняясь:

- Я всегда был толстым, любил поесть...» [29, с. 218-219]

б) извинение через посредника, или физически опосредованное извинение (0,4%), например:

«Элеонора позвонила инспектору от стойки, попросила спуститься в бар поблизости. Уйтолл не высказал ни радости, ни раздражения. Согласен. Если задержится, просит извинить – дела.» [29, с. 38]

в) извинение словом и действием (0,4%), например:

«- Как прием? Как юные грешницы? Отвечать не хотелось.
- Как прием? – повторил мистер Марч с едва уловимым нажимом.

- Отлично, - Филипп взял отца под руку, подвел ближе к чаше, ткнул пальцем в оштивившееся иглами существо.

- Новичок?

Ничем так не угодишь отцу, как вниманием в подводящим постояльцам. Филипп умел приносить извинения.» [29, с. 41]

Г) **ВЫВОДЫ** исследования.

Рассматривая речевые акты как многоуровневое образование и выделяя иллокутивный уровень в качестве

основного объекта исследования, теория речевых актов демонстрирует важность учета подлежащей распознаванию цели (намерения) говорящего для объяснения процессов речевого взаимодействия. В процессе проведенного исследования была выявлена взаимосвязь намерения с другими экстралингвистическими факторами в форме соответствия между иллокутивной целью (существенным условием речевого акта) и обстоятельством речевого акта (фиксируемых в качестве подготовительных и других действий – психологическим состоянием говорящего, его интересами, социальным статусом, его представлениями о ситуации общения и в том числе - о слушающем с его знаниями).

Авторами статьи изучены суть и применение в речевой коммуникации принципа вежливости и реализующих его максим, согласно которому участники коммуникативного сотрудничества; дана сравнительная характеристика косвенного высказывания, а также рассмотрены проблемы контекста, являющегося одним из основных факторов выявления типа высказывания.

В результате анализа практического материала выявлены различные способы выражения речевого акта «извинение» в современном английском и русском языках. Отмечено, что число речевых актов «извинение» с прямой иллокутивной силой в английском языке составляет 56,3 % от общего числа выявленных речевых актов с данным значением, а в русском языке эта цифра составляет лишь 25,8 %. При этом число конструкций и их вариантов, с помощью которых можно принести извинения, в современном английском языке преобладает. Из них наиболее частотной является группа, представленная конструкцией “I am sorry” (39%). Частотность употребления других конструкций следующая: “Forgive me” (6,7%), “I apologize” (5 %), “I beg your pardon” (3%), “Excuse me” (2,2%). Не менее употребительны как в современном русском, так и в современном русском языках речевой акт с транзитивной иллокутивной силой «извинение». В русском языке число таких речевых актов составляет 73%, а в английском – 40%, при этом оттенки речевых актов в большинстве случаев совпадают: сожаление, обращение-привлечение внимания, подчеркнутая вежливость, уточнение информации. В современном русском языке выделены также речевые акты «извинения» с транзитивной иллокутивной силой с оттенками вежливого отказа, пояснения, оправдания, иронии. В современном английском языке выделен оттенок просьбы-приказа.

Как в русском, так и в английском языках были выделены неординарные по своему значению речевые акты с базисной иллокутивной силой «извинение», однако эти случаи немногочисленны. В английском их число составляет 3,7% от общего числа выявленных речевых актов, в русском – 1,2 %. В английском языке эти речевые акты представлены двумя группами:

1. Речевые акты, в которых прямая иллокутивная сила практически отсутствует, а само извинение выступает в функции вводного предложения. Это позволяет отнести данные речевые акты к особой немногочисленной группе правил этикета (1,3%);
2. Речевые акты «извинение», совершаемые косвенно, через третье лицо (2,2%).

В русском языке неординарные речевые акты составляют лишь 1,2%, но представлены тремя группами:

1. Извинение-комментарий (0,4 %)
2. Извинение через посредника (0,4%)
3. Извинение через поступки (0,4%).

Примечательным является тот факт, что частотность речевых актов «извинение» на 1 страницу проанализированных текстов практически совпадает в современных русском и английском языках (222 и 225 примеров). Более подробная количественная характеристика РА «извинение» представлена в таблицах I и II.

Перспективы дальнейших исследований в данном Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

направлении

Изученные способы выражения речевого этикетного акта извинения отражают национально-культурные особенности говорящих на американском варианте английского и русском языках и представляют несомненный интерес в рамках теории межкультурной коммуникации. Авторами проведен лишь частичный анализ речевого этикетного акта «извинение» в современном английском и русском языках – на материале художественных произведений. В дальнейшем работа будет продолжена на таких исследуемых материалах, как проведение опросов, анализ средств массовой информации, сериалов и ток-шоу на английском и русском языках.

Таблица 1 - Способы выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном английском языке (%)

Способы выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном английском языке	Количество примеров	%-ое соотношение
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией “I am sorry”	87	39
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком сожаления	63	28,3
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией “Forgive me” и ее вариантами	15	6,7
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией “I apologize” и ее вариантами	11	5
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком обращения	10	4,9
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком подчеркнутой вежливости	8	3,6
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией “I beg your pardon”	7	3
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией “Excuse me”	5	2,2
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой функцией уточнения информации	5	2,2
РА «извинение», выраженный косвенно, через 3-е лицо	5	2,2
РА «извинение», представляющий особую группу речевого этикета	3	1,3
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком просьбы-приказа	2	0,9
ВСЕГО	222	100

Таблица 2 - Способы выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном русском языке (%)

Способы выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном английском языке	Количество примеров	%-ое соотношение
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком подчеркнутой вежливости	75	33,3
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией «Извини» и ее вариантами	34	15,1
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком иронии	23	10,2
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией «Прошу прощения» и ее вариантами	22	9,4
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком привлечения внимания	21	9,3
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком уточнения информации	15	6,6
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком пояснения	13	5,7
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком оправдания	10	4,4
РА «извинение» с прямой иллокутивной силой, представленной конструкцией «Винovat»	3	1,3
РА «извинение» с транзитивной иллокутивной силой с оттенком вежливого отказа	2	0,8
Косвенно-нейтральный РА «извинение»	2	0,8
РА «извинение-комментарий»	1	0,4
РА «извинение», совершаемый через посредника	1	0,4
РА «извинение», совершаемый действием	1	0,4
ВСЕГО	225	100

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чахоян Л.П. Общая теория высказывания // Спорные вопросы английской грамматики под ред. В.В. Бурлакова. Л, 1988. С. 121-141
2. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. №17. М., 1986.
3. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
4. Савченко А.Н. Лингвистика речи // Вопросы языкознания, №3. 1986.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. №17. М., 1986.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. №17. М., 1986
7. Clark, Herbert H., Carlson, Thomas B. Hearers and speech acts. — «Language», vol. 58, 1982, № 2, p. 332—371.
8. Аллен Дж.Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. №17. М., 1986
9. Рыбцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Методический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.
10. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Методологический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.
11. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация

ция. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.

12. Литвинова В.А. Лингвопрагматическая специфика сценарности извинения в английской коммуникативной культуре. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. кандидата филол. наук по специальности 10.02.04 – Германские языки. Волгоград, 2015. 22 с.

13. Минина О.Г. Обращение в современном английском языке (коммуникативные функции). Вестник Сыктывкарского университета. Серия Гуманитарных наук. 2012. С.17-24

14. Скворцова Е. Б. Извинение как первичная функция периферийных формул извинения *apologise/ze, forgive me, pardon* при исследовании их комбинаторных характеристик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63), ч. 2. С. 154–158.

15. Соловьева И. В. Социокультурный статус формулы извинения *pardon* в английском языке по данным корпусных баз // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 125–133. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-125-133

16. Сорокалетова Н.Ю. Мелодические особенности реализации извинения в американском варианте английского языка. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-186.

17. Азаркова О.А., Баймуратова О.С. Иллокутивные речевые акты в текстах открыток проекта «Postcrossing». Вестник оренбургского государственного университета, №4 (204), 2017. С. 22-26

18. Яровой И.С., Воробец Л.В. Вербальная коммуникация: извинения в разных культурах // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5. – С. 36; URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=30060> (дата обращения: 02.10.2019).

19. Lee, Harper. *To Kill a Moching-Bird*. Harper Perennial Modern Classics, 2006. 324 p.

20. Bradford Barbara Taylor. *Hold the Dream*. Bantam Books, New York, USA. 1986. 671 p.

21. Fast, Howard. *The Pledge*. Dell, 1989. – 400 p.

22. Ludlum, Robert. *The Scarlatti Inheritance*. Bantam Edition, 1989. 255 p.

23. Ripley, Alexandra. *Scarlett (The Sequel to Margaret Mitchell's 'Gone with the Wind')*. Warner Books Edition. 1992. 884 p.

24. Парнов, Е. Третий глаз Шивы. (Фантастико-приключенческий роман). М: Детская литература, 1984. – 543 с.

25. Приключения '91. Сборник. Гладкий В., Молчанов А. и др. М: Молодая гвардия, 1991. – 442 с.

26. Адамов А. Инспектор Лосев. Диалогия. М: Московский рабочий, 1989. – 253 с.

27. Герман Ю. Один год. М: Московский рабочий, 1986. – 493 с.

28. Пронин В., Скорин И. Ошибка в объекте. Ребята из УГРО. М: Московский рабочий, 1990.

29. Черняк В. Прямые улики. М: Издательство политической литературы, 1992. – 430 с.

Статья поступила в редакцию 09.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81:61:001.4
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0056

КОЛОРОНИМЫ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

© 2020
AuthorID: 353555
SPIN: 8395-6509

Костромина Татьяна Аркадьевна, кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой латинского языка и основ терминологии

AuthorID: 538932
SPIN: 4422-4843

Новикова Ольга Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
латинского языка и основ терминологии

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. К.Маркса, 3, e-mail: vesninao@yahoo.com)*

Аннотация. В языковой картине мира вопрос о цветовых наименованиях является актуальным и перспективным. В медицинской терминологии колоронимы представляют собой особый пласт лексики, реализуемый через термины древнегреческого и латинского происхождения. Колоронимы не только определяют цветовое значение, но и участвуют в создании медицинских терминов. Цветовые лексемы входят в состав медицинской терминологии как символы номинаций анатомических объектов, а также различных заболеваний, цвета кожи, названий кровяных клеток, внешнего вида больного, особенностей организма, при этом расширяя профессиональное мировоззрение специалиста медицинского профиля. В данном исследовании с помощью статистического анализа были выделены группы часто встречающихся в медицинской терминологии колоронимов. Выявлены исторически обусловленные языковые источники колоронимов в анатомической и клинической терминологии, определена ассоциативная природа различных групп лексем, актуализирующих категорию цвета. Обозначена необходимость изучения колоронимов в медицинской терминологии для обеспечения достаточного уровня профессиональной компетентности специалистов. Проведенное исследование позволяет установить, что колоронимы образуют весьма разнообразный в функциональном и семантическом отношениях пласт медицинской лексики. В медицинской терминологии колоронимы реализуют номинативную функцию, но при этом создают яркую и образную картину языка медицины.

Ключевые слова: колороним, медицинская терминология, древнегреческий и латинский языки, анатомическая терминология, клиническая терминология.

COLORONYMS IN MEDICAL TERMINOLOGY

© 2020

Kostromina Tatyana Arkadyevna, PhD in sociology, Associate Professor of the Department
of the Latin Language and the Basics of the Medical Terminology, Head of the Department
of the Latin Language and the Basics of the Medical Terminology

Novikova Olga Mikhailovna, PhD in pedagogy, Associate Professor of the Department
of the Latin Language and the Basics of the Medical Terminology,

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, K.Marx St., 3, e-mail: vesninao@yahoo.com)*

Abstract. In the language picture of the world the question of color names is relevant and prospective. In the medical terminology coloronyms represent a special stratum of the lexicon, implemented through the terms of Greek and Latin origin. Coloronyms do not only determine the color value, but also participate in creating medical terms. Color lexemes are a part of the medical terminology as symbols of nominations of anatomical objects as well as of various diseases, skin color, names of blood cells, patient's appearance, peculiar properties of an organism, thus expanding professional outlook of the specialist of a medical profile. Using statistical analysis there have been distinguished groups of coloronyms frequently found in the medical terminology. Historically determined linguistic sources of coloronyms in anatomical and clinical terminology are revealed, the associative nature of different groups of lexemes actualizing the category of color is determined. The necessity of studying coloronyms of medical terminology to ensure a sufficient level of professional competence of specialists is indicated. The results of the research allow us to establish that coloronyms form a very diverse layer of medical vocabulary in functional and semantic respects. In medical terminology coloronyms fulfill the nominative function, but at the same time they create a bright and imaginative picture of the language of medicine.

Keywords: coloronym, medical terminology, ancient Greek and Latin languages, anatomical terminology, clinical terminology.

Постановка проблемы и ее связь с научными и практическими задачами. Профессиональная компетентность специалиста во многом основывается на владении узконаправленной терминологией. В силу этого важно обратиться к истокам формирования медицинской терминосистемы. Древнегреческий и латинский языки сыграли важную роль в становлении лексического тезауруса медицины. До сих пор эти классические языки сохраняют свою значимость в медицинской терминологии, без которой невозможна передача научной информации не только от поколения к поколению, но и в действующем социуме. Изучение медицинской терминологии позволяет определить типологию, этимологию, семантику и функциональный диапазон терминов, что, в свою очередь, является необходимым условием профессиональной коммуникативной компетенции будущих врачей [1].

Анализ исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты данной проблемы. Во многих сферах профессиональной деятельности применяются

лексемы, обозначающие цвет или оттенки цвета. Цвет является категорией, опирающейся на визуальные средства. В медицинской терминологии обозначение цвета является конкретизирующим признаком. Подобное явление объясняется использованием цветовых наименований как определенных признаков, вызывающих целый ряд ассоциаций. Категория цвета существует во всех культурах, с ней связана ценная социокультурная информация, накопленная в течение многих тысячелетий. Цвет является одним из основных концептов познания мира, отражаясь не только в культуре, но и в языковой картине мира [2, 3, 4].

Термин «колороним» (от лат. color, oris m – цвет, + греч. onymos - имя) обозначает отдельные лексемы, словосочетания, термины, с помощью которых передается семантика цвета или его оттенков.

Нельзя не согласиться с мнением Е.В. Бекишевой, которая полагает, что «категория цвета является чрезвычайно важной в медицине, поскольку цвет служит од-

ним из показателей состояния организма, играет не последнюю роль при постановке диагноза, установлении стадии заболевания и степени его распространения» [5. С.21]. Из этого следует, что в медицинской терминологии цвет выступает одним из сигнификаторов состояния организма человека.

Поскольку латинский язык является языком медицины, то многие латинские термины и греческие термины-элементы, обозначающие цвет, широко используются в профессиональной коммуникации врача.

Из древних источников известно, что еще в V веке до н.э. Эмпедокл выделял четыре основных цвета: белый, черный, красный и желтый: leukos (белый), melanos (черный), erythros (красный) и ochros (желтый). Демокрит, согласно Теофрасту, также выделял четыре основных цвета: белый (leukon), черный (melan), красный (erythron) и chlogon, по всей вероятности, желто-зеленый. Другие цвета, по их общему мнению, образуются смешением указанных [6].

Согласно Платону, основными цветами являются: белый, черный, красный и «яркий» (lampron). Интересно, что, определяя цвет, Платон говорит о свете; все цвета описываются как «пламя, исходящее от предметов», а белый, красный и «яркий» являются видами огня или света. Смесь этих трех цветов образует xanthon (оранжевый). Теория цвета IV столетия до н.э. отражала традиционное для данной эпохи мировоззрение и, возможно, диктовалась неправильным пониманием той роли, которую свет играет в зрительном восприятии. Видимо, по этой причине она считается ошибочной.

Тем не менее, нам представляется важным тот факт, что и современная клиническая терминология, основы которой были заложены в V-IV вв. до н.э. древнегреческими философами, в том числе Гиппократом и его последователями, отражает колористическую языковую картину того времени.

Терминологический материал для данного исследования был получен методом сплошной выборки из Международной анатомической терминологии (Terminologia Anatomica, 2003), а также рандомизированной выборки из различных медицинских словарей и энциклопедий, в ходе которой было проанализировано более 200 медицинских терминов - колоронимов греко-латинского происхождения.

Наиболее значительное количество колоронимов можно наблюдать в клинической терминологии, которая описывает сами заболевания, их признаки и симптомы, базируясь на использовании греческих терминов-элементов, что обусловлено исторически, поскольку лексика, связанная с обозначением и восприятием цвета, принадлежит к древнейшим пластам практически любого, в нашем случае – древнегреческого языка. В клинической терминологии колоронимы используются в качестве номинаций различных заболеваний, названий кровяных клеток, цвета кожи, внешнего пациента, указывают на интенсивность заболевания, контрастность [7, 8, 9, 10].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В ходе исследования было выявлено, что самыми обширными цветолексемами в клинической терминологии являются «белый» (27,2%), «красный» (25,8%), «желтый» (14,7%), «черный» (11,4%), «зеленый» (9,6%), «синий» (8,2%), «серый» (3,1%).

Так, греч. leukos (белый) лежит в основе таких клинических терминов, как leucoderma - лейкодерма (нарушение пигментации кожи, обусловленное уменьшением или полным исчезновением в ней пигмента меланина), leucomyelitis - лейкомиелит (воспаление спинного мозга с преимущественным поражением белого вещества), leucotomia - лейкотомия (рассечение белого вещества полушарий большого мозга), leucopenia - лейкопения (пониженное содержание белых кровяных телец в периферической крови).

Широко представлена лексема «красный» (греч.

erythros): erythrodermia - эритродермия (диффузное покраснение всей или почти всей кожи), erythrophobia - эритрофобия (навязчивый страх – боязнь красного цвета), erythema - эритема (ограниченная гиперемия кожи).

Примерами с лексемой «желтый» (греч. xanthos) могут быть xanthopsia - ксантопсия (нарушение зрения, при котором все предметы кажутся окрашенными в желтый цвет), xanthochromia - ксантохромия (необычная окрашенность ткани или жидкости в желтый цвет), xanthoerythrodermia - ксантоэритродермия (диффузное желтовато-оранжевое окрашивание кожи).

В клинической терминологии активна лексема «melanos» – черный: melaninum - меланин (общее название пигмента черного и темно-коричневого цвета), melanodontia - меланодонтия (поверхностное окрашивание резцов и клыков в черный цвет), melanuria - меланурия (наличие в моче меланина, придающего ей темную окраску).

Греч. chloros (зеленый, зеленовато-желтый) находит отражение в следующих клинических терминах: chloranaemia - хлоранемия (анемия, при которой наблюдается зеленовато-бледная окраска кожных покровов), chloroma - хлором (лейкозный инфильтрат в виде опухолевидного образования зеленого цвета).

В таких примерах, как cyanosis - цианоз (синюшный оттенок кожи и слизистых оболочек, обусловленный недостаточным насыщением крови кислородом), cyanuria - цианурия (синяя или фиолетовая окраска мочи) прослеживается греч. kyanos – темно-синий.

Лексема «серый» (греч. polios) представлена в таких терминах, как polyoencephalitis - полиоэнцефалит (воспаление серого вещества головного мозга), poliomyelitis - полиомиелит (воспаление серого вещества спинного мозга) [11].

Таким образом, проанализировав отобранный материал клинической терминологии, можем отметить, что в данном разделе терминологии колоронимы имеют один языковой источник – древнегреческий язык. Поскольку термины являются интернационализмами и на русский язык транслитерируются, а не снабжаются русскими эквивалентами, как это наблюдается в Международной анатомической терминологии с латинским языком как ее основным источником, понимание их значений является необходимым условием профессиональной коммуникации.

В Международной анатомической терминологии также зафиксированы колоронимы, при помощи которых конкретизируется признак, обозначенный термином [12]. Среди них выявлено пять обозначений основного цвета, входящих в состав более 60 анатомических терминов: griseus/cinereus – серый; albus – белый; ruber – красный; niger - черный; flavus/luteus – желтый.

Интересно отметить, что цветообозначения в анатомической терминологии являются дублетами по отношению к их древнегреческим эквивалентам, что позволяет, возвращаясь к истокам анатомической терминологии, предположить следующее: учеными эпохи Возрождения, где основным языком науки являлся латинский язык, при формировании анатомической терминологии использовались латинские эквиваленты древнегреческих колоронимов.

Кроме колоронимов, обозначающих основной цвет, в анатомической терминологии выявлено шесть обозначений оттенков цвета: coeruleus – голубоватый (от лат.coelum – небесная высь, небо), pallidus – бледный (от лат. palleo, ēre – становиться бледным, быть бледно-зеленым); albicans – беловатый (причастие настоящего времени действительного залога от albicare – белить, становиться белым, белеть); pellucidus – прозрачный (от лат. pelluceo из perluceo, ēre – просвечивать, быть прозрачным, + per – через + lux, lucis f – свет); fuscus - темный (от лат.fusco, age – делать темным); obscurus – затемненный (от лат. obscuro, age – затемнять, затемнять, ослаблять яркость). В лексемах, обозначающих оттенки

цвета, прослеживаются ассоциативные ряды, отражающие семантику светлого и семантику темного.

Во главе ассоциативного ряда с семантикой светло-го – лексема *albus* (белый); далее: *albicans*, *pellucidus*, *pallidus*, *coeruleus*. Например, *substantia alba* (белое вещество), *corpus albicans* (беловатое тело), *zona pellucida* (прозрачная зона), *globus pallidus* (бледный шар), *nucleus coeruleus* (голубоватое ядро).

Отметим, что при буквальном значении «синий, голубой» в анатомической терминологии лексема «*coeruleus*» имеет значение «голубоватый», т.е. обозначает не основной цвет, а его оттенок.

Лексема *niger* (черный) формирует ассоциативный ряд с семантикой темного: *fuscus*, *obscurus*. Например, *substantia nigra* (черное вещество), *lamina fusca* (темная пластинка), *nucleus obscurus* (затемненное ядро).

Наиболее частотной в Международной анатомической терминологии оказалась лексема со значением «серый», которой соответствуют два синонима - колоронима в латинском языке: *griseus* и *cinereus*, встречаемость первого из них в четыре раза превышает встречаемость второго.

Значения колоронима *cinereus* (от лат. *cinis*, *eris m*): 1) пепел (остывший), зола; 2) прах, останки. По всей видимости, данный колороним имеет ассоциативную природу, в то время как лексема *griseus* была заимствована в средние века из германских языков со значением «серый, седой». Чаще всего колороним «*griseus*» встречается в названиях биологических видов в качестве видового эпитета, например: *Boletopsis grisea* - Болетопсис серый. Однако, и в анатомической терминологии это самый частотный способ конкретизации серого цвета в таких базовых терминах, как «*substantia grisea*», «*commissura grisea*», «*indusium griseum*», «*ramus griseus*» (соответственно, «серое вещество», «серая спайка», «серый покров», «серая ветвь»).

Подобным образом, анализируя семантику и употребление синонимичной пары колоронимов «*flavus*» и «*luteus*» с русским эквивалентом «желтый», находим разницу в их употреблении в различных подсистемах медицинской терминологии и некоторое различие в их семантике [13]. Так, колорониму «*flavus*» приписаны значения: «огненный, золотисто-желтый, золотистый, желтый, русский». В анатомической терминологии находим его в термине «*medulla ossium flava*» – «желтый костный мозг».

Колороним «*luteus*», кроме общего для двух терминов значения «золотисто-желтый», имеет уточняющие характеристики: «шафранный, желтоватый, восковой, красно-желтый, цвета огня, алый, оранжевый», а также: «илистый, глинистый, грязный». Здесь прослеживается ассоциативная природа термина, что объясняет его использование в качестве видового эпитета в ботанической номенклатуре, например, *Gentiana lutea* – горечавка желтая. В анатомической терминологии колороним «*luteus*» встречается в терминах «*corpus luteum*» (желтое тело) и «*macula lutea*» (желтое пятно).

В процессе анализа терминов Международной анатомической терминологии найдено подтверждение выводам Е.В. Грищенко, и др. относительно того, что цвет - это универсальный категориальный признак, он не является абстрактной категорией, поэтому позволяет дифференцировать и детерминировать различные анатомические объекты [14].

Выводы и перспективы дальнейших исследований данного направления. По сравнению с клинической терминологией, что было отмечено выше, интерпретация цветообозначений в анатомической терминологии не затруднена, поскольку русский эквивалент колоронима – это, в большинстве случаев, его буквальный перевод с латинского на русский язык. Этимологически колоронимы анатомической терминологии восходят к одному языковому источнику – латинскому языку, что объясняется тем фактом, что в начале XVI века, когда латинский

язык был признанным языком науки, Андреас Везалий, обобщив и классифицировав известные сведения, преобразовал анатомию в истинную науку.

Таким образом, колористическая номинация возникает на основе индивидуального и унифицированного восприятия человеком объекта, созданного на основе различных аналогий и личных ассоциаций.

Проведенное исследование позволяет установить, что колоронимы образуют весьма разнообразный в функциональном и семантическом отношении пласт медицинской лексики. В медицинской терминологии колоронимы находят свое воплощение, реализуя номинативную функцию, но при этом создавая яркую и образную картину языка медицины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Домашенко И.К. *Репрезентация категории цвета в медицинских терминах. Сборник докладов VI Всероссийской научно-практической конференции (24-26 апреля 2013 года): Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов. В 2 т. Т. 2. Томский политехнический университет. – Томск. С.219-224.*
2. Мукабенова Ж.А., Боженкова А.М. *Некоторые особенности функционирования цветолексем в текстовых единицах научного стиля речи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 4 (17). С. 28-31.*
3. Филиппов Л.Д. *Манипуляция в наружной рекламе (на примере наружной рекламы г.о. Тольятти) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 1 (10). С. 101-105.*
4. Лавчиева И.П. *Выражение понятия цвета в медицинской терминологии. В сборнике: Термины в коммуникативном пространстве. Материалы научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике». Отв. ред. С.И. Маджаев. 2018. С. 237-244.*
5. Бекишева Е.В. *Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 48 с.*
6. Роу К. *Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире. URL: <https://psyfactor.org/lib/row2.htm> (дата обращения: 07.12.2019).*
7. Маджаева С.И., Лавчиева И.П. *Понятие цвета в медицинской терминологии. В сборнике: Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст материалы международной научной конференции. Тяньцзиньский университет иностранных языков. 2017. – С. 299-305.*
8. Куртаева З.З., Синельников Ю.Г. *Колоролексемы в структуре французских медицинских терминов // Научный альманах. - 2017. №11 (27). - С.332-335.*
9. Маджаева С.И., Байдашева Э.М. *Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2019. Т. 38. № 2. - С. 219-226.*
10. Байдашева Э.М. *Лексико-семантическое поле «цвет» в языке медицины // Гуманитарные исследования. - 2019. № 2 (70). - С. 21-27.*
11. *Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М., 1983.*
12. *Международная анатомическая терминология / под ред. М.Л. Колесникова. – М.: Медицина, 2003. - 424 с.*
13. Дворецкий И.Х. *Латинско-русский словарь. – М.: Изд-во «Русский язык», 1976.*
14. Грищенко Е.В., Елясин П.А., Грищенко К.Д., Галкина С.Ф. *Цвет и его репрезентация в анатомической терминологии // Вестник КРСУ. - 2018. Том 18. № 6. - С.166-169.*

Статья поступила в редакцию 12.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

Научная специальность: 10.02.02
УДК 81-25
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0057

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В НИЖНЕКОЛЫМСКИХ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ ЯКУТИИ

© 2020
SPIN-код: 5685-0338
AuthorID: 721082

Кочмар Олеся Николаевна, старший преподаватель Института
зарубежной филологии и регионоведения

SPIN-код: 7088-4394
AuthorID: 1029745

Егорова Туйара Николаевна, старший преподаватель Института
зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(677000, Россия, Якутск, ул. Кулаковского 48, e-mail: lylloo@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются наименования животных в нижнеколымских русских старожильческих говорах. Источником материала послужил «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии» М.Ф. Дружининой в четырех томах, также были привлечены «Областной словарь колымского русского наречия» В.Г. Богораза и «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова. Основными методами исследования являются метод сплошной выборки, классификация, систематизация и статистическая обработка данных. В речи нижнеколымских старожиллов можно отметить довольно заметное влияние языков коренных малочисленных народов, прежде всего в лексике. В данной ЛСГ нами выделено 147 наименований, представляющих собой систему, внутри которой элементы связаны, в основном, родо-видовыми отношениями. Лексические единицы входят в пять подгрупп: 'дикие животные', 'домашние животные', 'окрас', 'издаваемые звуки', 'части тела животного'.

Ключевые слова: нижнеколымские русские старожильческие говоры, наименования, ЛСГ «Животные», родо-видовые отношения, гипероним, гипоним.

NOMINATIONS OF ANIMALS IN NIZHNEKOLYMSK RUSSIAN OLD-TIME DIALECTS OF YAKUTIA

© 2020

Kochmar Olesya Nikolaevna, Senior Lecturer of the Institute of Modern
Languages and International Studies

Egorova Tuyara Nikolaevna, Senior Lecturer of the Institute of Modern
Languages and International Studies

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
(67700, Russian Federation, Yakutsk, Kulakovskogo Street 48, e-mail: lylloo@mail.ru)

Abstract. The article deals with the nominations of clothes in the Nizhnekolymsk Russian old-time dialects. The material was taken from M.F. Druzhinina's "Dictionary of Russian Old-time Dialects on the Territory of Yakutia" (4 volumes), V.G. Bogoraz's "Regional Dictionary of Kolyma Russian Dialect" and G.V. Zotov's "Dictionary of Regional Vocabulary of the North-Eastern Russia". The following basic research techniques as the continuous sampling method, classification, systematization and statistical data processing were used. The Nizhnekolymsk old-timers language was notably influenced by the languages of indigenous minorities, especially in lexis. Many names of animals are derived from borrowed words. This LSG comprises 147 items, which represent a system where the elements are connected mainly by hyperonymic and hyponymic relations. Lexical units make up five subgroups: 'wild animals', 'domestic animals', 'coloring', 'sounds produced by animals' 'parts of animals'.

Keywords: Nizhnekolymsk old-time dialects, lexis, lexical and semantic group "Animals", hyperonymic and hyponymic relations, hyperonym, hyponim.

ВВЕДЕНИЕ

Наименования животных в нижнеколымских русских старожильческих говорах заслуживают отдельного внимания, так как охота, рыболовство и ездовое собаководство являются традиционными формами хозяйственной деятельности местного населения. Методом сплошной выборки нами было выделено 147 номинаций в лексико-семантической группе (ЛСГ) «Животные». Данная ЛСГ состоит из пяти подгрупп – 'дикие животные' (113), 'домашние животные' (10), 'окрас' (4), 'издаваемые звуки' (6), 'части тела животного' (14).

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ (МЛЕКОПИТАЮЩИЕ)

К самой многочисленной подгруппе 'дикие животные' относятся наименования млекопитающих (55), птиц (27), рыб (30) и насекомых (1). В свою очередь, среди млекопитающих можно выделить промысловых животных, для которых родовой лексемой является 'пушной зверь' ПУШНИНА (Н.-Кол. Пох.). По отношению к нему гипонимами будут отдельные виды животных:

'горностаи, горнок' ГОРНОСТАЛЬ (Н.-Кол., Колым., Ерм.); ГОРНОСТАЛЕВЫЙ (Н.-Кол., Пет.) [2, с. 22];

'ондатра' АНДАТР (Н.-Кол., Колым.) [1, с. 27];

'заяц' УШКАН (Н.-Кол., Пох., Чер.) [4, с. 109];

'лиса-крестовка' КРЕСТОВКА (Кол., Пох., Пант.) [3, с. 36];

'лисица чернобурая и ее шкура' СИВОДУШКА (Н.-Кол., Ср. Кол.) [4, с. 39];

'лисица яркого, огненно-красного цвета' ОГНЁВКА (Пох.) [3, с. 110];

'взрослый песец, линяющий к весне' ГАГАРА (Н.-Кол., Пох.) [2, с. 3];

'песец, питающийся мышами; шкура этого песца' МЫШЕЧНИК (Н.-Кол.) [3, с. 84];

'детёныш песца, находящийся ещё в норе' НОРНИК (Н.-Кол., Чер., Пох., Колым.) [3, с. 103];

'детёныш песца, не дошедший до зрелости' НЕДОПЕСОК; то же, что норник. (Пох.) [3, с. 96];

'головастый, имеющий большую голову' ГОЛОВАТОЙ (Кол., Пох.) [2, с. 16];

'детёныш песца с синеватым оттенком пуха' СИНЯК (Н.-Кол., Н.-Колым.) [4, с. 40];

'новорожденный детёныш песца' СЛЕПУШКА (Н.-Кол., Чер., Пох., Пет.) [4, с. 46];

'молодой песец, которому примерно два с половиной или три месяца, и шкура этого песца' ЧАЕШНИК;

'изготовленный из шкуры чаешника' ЧАЕШНИКОВЫЙ (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 123];

'детёныш песца определённого возраста' КРЕСТОВАТИК (Пох.) [3, с. 36];

'детёныш песца, выращиваемый в домашних условиях, в клетке' КОРМЛЁНОК 1. (Н.-Кол., Пох.) [3, с. 30].

Продажа пушнины служила главным источником дохода для жителей Нижней Колымы. Ведущим промысловым видом деятельности была охота на песца. Мы находим различные лексемы для обозначения возраста песца, единые для всего Севера, что свидетельствует, по мнению А.Г. Чикачева, о давности его промысла [2002, 29]. Как видно из приведенных примеров, многие лексические единицы являются семантическими синонимами, так как выражают общий признак 'детеныш песца', но различаются степенью выраженности определенно-го признака – возраста. Названия лисиц КРЕСТОВКА, СИВОДУШКА, ОГНЁВКА являются согипонимами и представляют собой эквиолентную оппозицию. Некоторые лексемы связаны эпидигматическими отношениями: ГОРНОСТАЛЬ, ГОРНОСТАЛЕВЫЙ.

Олени играли важную роль в жизни русских старожилов и были основой хозяйственной деятельности, что подтверждается разнообразием характеризующих их лексем:

'олень чукотской породы' ПИЩВАК (Пох., Чер., Н.-Кол., Ерм.) [3, с. 157];

'самка северного оленя' ВАЖЕНКА и ВАЖЕНЬКА (Кол., Пох., Н.-Кол., Пет.); От существительного ВАЖЕНКА образован глагол 'гулять с важенками' ВАЖИВАТЬСЯ (об оленях) (Н.-Кол. Пох. Пет.) [1, с. 95];

'племенной бык оленя' ПОРОЗ (Н.-Кол., Пох., Колым.) [3, с. 196];

'ведущий в стаде олень' ВОЖАК 1. (Чер., Пох.) [1, с. 117];

'олень-вожак, охраняющий от опасности стадо оленей' ДРАКУН 2 (Кол., Чер., Андр.) [2, с. 55];

'драчливый' ДРАКЛИВОЙ (Н.-Кол., Пох., Чер.) [2, с. 54];

'ездовой олень, олень в упряжке, рабочий олень' ПРОГОВОЙ ОЛЕНЬ (Н.-Кол., Чер., Пох.) [3, с. 226].

'оленок и его шкура' ТУГУТ (Ср. Кол.) [4, с. 91];

'недоношенный детеныш оленя, а также шкура этого детеныша; шкура новорожденного оленя' ВЫПОРОТК 1 (Н.-Кол., Пох., Колым.); 'уменьш.-ласкат. к выпороток' ВЫПОРОТОЧЕК (Пох., Чер.) [1, с. 135].

'часть оленьего стада в 50-100 голов' ПЛАСТИНА (Н.-Кол., Колым., Андр.) [3, с. 158].

Наименования оленей можно классифицировать по наличию дифференциальных сем: порода – ПИЩВАК; пол – ВАЖЕНКА, ВАЖЕНЬКА, ПОРОЗ; функция – ВОЖАК 1, ДРАКУН 2, ДРАКЛИВОЙ, ПРОГОВОЙ ОЛЕНЬ; возраст (детеныш) – ТУГУТ, ВЫПОРОТК 1; часть стада – ПЛАСТИНА.

В нижнеколымском старожильском говоре есть лексемы для названия 'задранного волками оленя; шкура, снятая с такого оленя' ВОЛКОТОРЖИНА (Н.-Кол., Чер., Пох.) [1, с. 119]; для 'тощего, исхудалого оленя' существует слово ЛОЦАЛОЙ (Н.-Кол., Пох.) [3, с. 55].

С точки зрения системных отношений, среди наименований оленей есть примеры гипонимических, фонематических и эпидигматических связей.

К млекопитающим также относятся слова, называющие лося:

'лось' ЗВЕРЬ (Пох.) [2, с. 93];

'лосиный, относящийся к лосю' ЗВЕРИНОЙ (Н.-Кол., Колым.) [2, с. 93];

'самка лося' МАТУХА 2 (Пох., Ерм.) [3, с. 64].

По наличию пола как дифференциального признака здесь можно выделить привативную оппозицию ЗВЕРЬ, МАТУХА 2.

Для обозначения мышей существуют следующие лексемы:

'мышь' МИШЬ (Н.-Кол., Пох., Ерм.) [3, с. 71];

ЧЫНЫРКАН (Як.) (Н.-Кол., Колым., Пох., Андр.) [4, с. 133]; АНБАРНИЦА (Н.-Колым.) [1, с. 26];

'относящийся к амбару' АНБАРНОЙ (Н.-Колым.) [1, с. 26];

'мышинный' МЫШАЧИЙ (Колым., Пох.) [3, с. 84].

В наименованиях мышей можно выделить гипероним МИШЬ, синонимом которого является заимствованное слово ЧЫНЫРКАН. По месту обитания гипонимом будет АНБАРНИЦА. МИШЬ и МЫШАЧИЙ эпидигматически связаны.

В обиходе нижнеколымских старожил есть слово 'хищник' ХИЧНИК (Н.-Кол., Пох., Чер.), которое может выступать в роли гиперонима для названий видов хищных животных и птиц [4, с. 115]. Например, по отношению к нему гипонимом будет слово 'тигр' БАБР (Н.-Кол., Ерм.) и его производные БАБРИН (Колым., Андр.); БАБРОВОЙ (Кол., Н.-Колым., Колым.) [1, с. 37].

Есть лексема, обозначающая 'падаль, дохлятина, труп животного или птицы' ПАДЛЯ 1 (Н.-Кол. Колым.) и глаголы состояния 'об остром ощущении физического страдания' (о животных) ЗАМУЧИВАТЬСЯ (Н.-Кол.); 'беситься' (о животных) ДИЧАТЬ 2 (Н.-Колым., Андр.) [2, с. 46].

В нижнеколымском старожильском диалекте существует родовое слово, обозначающее 'животное или птицу с детенышами' ДЕТНИК (Н.-Кол., Пант.), которое, в свою очередь, связано эпидигматическими отношениями со словоформой 'имеющий детенышей' (о животных и птицах) ДЕТНОЙ (Н.-Кол., Пох., Чер.) [2, с. 44]. Синонимом является лексема 'самка животного; то же, что мати' МАТКА (Н.-Кол., Пет.) [3, с. 64]. В это же семантическое гнездо можно отнести ряд других слов: 'рожать детенышей' (о животных) ТАСКАТЬ 2. – (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 79]; 'самец моржа' КОБЕЛЬ, в выпр. МОРЖОВЫЙ КОБЕЛЬ (Кол.) [3, с. 22]; 'детёныш тюленя или моржа' ОКИПОНОК, (Н.-Кол., Пох.) [3, с. 114].

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ (ПТИЦЫ)

К птицам в подгруппе 'дикие животные' относятся следующие нижнеколымские лексемы:

'куропатка' КУРОПАШКА (Кол., Колым., Чер.); КУРУПАТКА (Н.-Кол., Пох., Чер.) [3, с. 43];

'мелкая северная птица, птица-мухолов; то же, что мартышка' ПЛИСКА (Пох.); 'ласк, к плиска' ПЛИСЕЧКА (Пох.) [3, с. 160];

'пташка северная' (?). ГОВОРУШЕЧКА (Пох., Колым., Н.-Кол., Пант.); ГОВОРУШКА – то же, что и говорушечка [2, с. 13];

'загара' ГАГАЛЯ (Н.-Кол., Пох., Лаб.) [2, с. 3];

'большой черный гусь со светлой полоской поперек клюва' ГУСЬ-ГУБЕЙНИК, то же, что ГУСЬ-ГУМЕННИК (Н.-Кол., Пох., Ерм., Пант.) [2, с. 34];

'водоплавающая птица из семейства утиных, крохаль' КАРКАЛЬ и КАРХАЛЬ (Кол., Пох., Пант., Ерм.) [3, с. 11]; КЛОХАРЬ то же, что КАРКАЛЬ (Кол.) [3, с. 20];

'вид мелкой чайки' МАРТЫШКА 1. (Н.-Кол., Пох., Чер., Андр.); уменьш.-ласкат. к мартышка МАРТЫШЕЧКА (Кол., Пох.) [3, с. 61];

'вид морской чайки, поморник' ТАРБЕИ (Н.-Кол., Андр.) [4, с. 78];

'водоплавающая дичь; утка, гусь-самец' ПЛАВУНЕЦ (Н.-Колым.) [3, с. 158];

'подростая молодь уток-чирков' АРУНКЕЙ Сибир. (як., уранай) (Н.-Кол., Колым.) [1, с. 32];

'утка-шилохвост' ВОСТРОХВОСТ (Н.-Кол., Н.-Колым.) [1, с. 125];

'один из видов дикой утки' НЕМОК (Н.-Кол., Пох.) [3, с. 98];

'стерх, белый журавль' СТЁРХ (Пох., Чер., Колым.) [4, с. 60];

'длинноногий' ВЫСОКИЙ НА НОГАХ (Н.-Кол.) [1, с. 136].

Как видно из приведенных примеров, номинации птиц связаны, в основном, гипонимическими отношениями. Есть фонематические варианты слов: КУРОПАШКА, КУРУПАТКА; ГУСЬ-ГУМЕННИК, ГУСЬ-ГУБЕЙНИК; КАРКАЛЬ, КАРХАЛЬ, КЛОХАРЬ. В структуре значения некоторых лексем можно выделить коннотативный компонент, выраженный с помощью эпидигматических связей: ПЛИСКА, ПЛИСЕЧКА; МАРТЫШКА, МАРТЫШЕЧКА; ГОВОРУШКА, ГОВОРУШЕЧКА.

Кроме того, в нижнеколымских говорах существуют слова, называющие птенцов:

'утинный, относящийся к утке' УТЕЙНЫЙ (Кол., Пох.) [4, с. 106];

'утинный или лебяжий цыплёнок' КАМОНОК (Н.-Кол., Н.-Колым.) [3, с. 7];

'цыплёнок гагары' ГАГАРЛЕНОК (Н.-Кол., Мер., Пох.) [2, с. 3];

'цыплёнок лебедя' ЛЕБЕДЯТЕЧКА Нар.-поэтич. (Колым., Ерм.) [3, с. 47].

И есть один глагол 'собираться в стадо (о птицах)' СТАДИТЬСЯ (Пох., Ерм.) [4, с. 58].

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ (РЫБЫ)

Другим видом занятий, поставившим основной продукт питания, было рыболовство. Существует множество названий видов ихтиофауны, демонстрирующих ее разнообразие и богатство. В старожильском говоре есть родовое слово - 'рыба' РИБА (Н.-Кол., Колым.) [4, с. 17].

Дифференциальные семы определяют различия между согипонимами, относящимися к разным видам рыб:

'маломерная нельма' ВОСТРУХА (Н.-Кол., Пох., Пет., Ерм.); уменьш.-ласк. к воструха - ВОСТРУШКА - (Пох.); [1, с. 125];

'рыба камбала' КАНБУЛА (Н.-Кол., Пох., Кол., Чер.) [3, с. 8];

'рыба муксун' МОКСУН (Пох., Колым.) [3, с. 74];

'небольшая промысловая рыба из семейства лососевых' СЕЛЬДЯТКА *salmo coregonus*. (Н.-Кол., Чер.) [4, с. 37]; СЕЛЬДЯЖНЫЙ прил. к сельдятка. (Н.-Кол., Колым.);

'маломерная рыба нельма' СИГА (Н.-Колым.) [4, с. 39];

'рыба таймень' ТАЙМЕН (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 75];

'промысловая рыба семейства лососевых' ЧИР (Н.-Кол.) [4, с. 130];

'рыба-пескар' ЧУВАН (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 131];

'сиг, рыба семейства *coregonus*' ЩЁКУР, ЩЁКУРЬ, ЩЁКУЛЬ (Н.-Кол., Пох., Чер.) [4, с. 151];

'рыба семейства сигов, пелядь' ПЕЛЯГ (Н.-Кол., Пох., Пет.) [3, с. 140];

'рыба из семейства осетровых' КАТУЛКА (Чер., Пох., Ерм.) [3, с. 12];

'молодь осетра' КАСТЁРКА (Кол., Пох.) [3, с. 11]

'молодой, маломерный осётр' КОСТЕРКА (Пох., Чер., Ерм.) [3, с. 32];

'щука' САРДОНКА и СОРДОНКА (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 29];

'мелкая речная рыба' ЕЛЕЦ (Кол., Пох.) [2, с. 64].

'название частичковых рыб: плотвы, язи, леца и пр' ЧЕБАК (Чер. Пох. Пет.)

Имеются слова, обозначающие 'косяк рыбы' ЮРА (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 161];

'место скапливания рыбы зимой' ЗАСТОЙ РЫБЫ (Н.-Кол.) [2, с. 89];

'жабры' ШАБЛА (Пох., Чер.) [4, с. 134].

Также есть лексемы, указывающие на качество:

'рыба свежего подледного лова' ТОРОСОВОЙ, в выпр. ТОРОСОВАЯ РЫБА (Н.-Кол.) [4, с. 87];

'сгнивший, протухший' СГНИЛЫЙ (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 34];

'жирнее' ЖИРНЕ (Н.-Кол., Пох.) [2, с. 74].

'тощать, худеть' (о рыбе) ЛОЩАТЬ (Колым., Ерм.) [3, с. 55].

Класс насекомых представлен только одним словом

'наук' МИЗГИРЬ (Пох.) [3, с. 70].

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Ко второй подгруппе 'домашние животные' относятся:

'корова-стародойка' КАТАРАХ (Н.-Кол., Пох.) [3, с. 12];

'осел' ИШАК (Н.-Кол., Н.-Колым., Ерм.) [2, с. 113].

Собака, как незаменимый помощник для выживания в суровых условиях Севера, представлена целым рядом лексем:

'собака ездовая, собака-охотник' СКОТИНКА (Н.-Кол.) [4, с. 44];

'собака, охраняющая стадо оленей' ПАСТУХ 2. (Н.-Кол., Пох., Чер., Колым.) [3, с. 136];

'ведущая собака в упряжке' ВОЖАК 2. (Н.-Кол., Андр.) [1, с. 117];

'годовалый /двугодовалый, трехгодовалый и т.д./ по возрасту' (о домашних животных) АЛЫКУ (Н.-Кол., Пох.) [1, с. 23];

'почуять запах по ветру' (о собаке) ДУХ в выпр. ДУХ ВЗЯСТИ (Н.-Кол., Пох., Пох.) [2, с. 59];

'склонный кусаться, злой' (о собаке) КУСУЧИЙ (Пох., Чер.) [3, с. 43];

'упряжка быстрых и равных по силе собак' ПОДБОР (Н.-Кол., Н.-Колым.) (Н.-Кол., Пох.) [3, с. 168].

'выкормленное дома' СВОЕКОРМНОЙ (Н.-Кол. Н.-Колым., Пох.).

Здесь можно выделить гиперо-гипонимические отношения между лексическими единицами СКОТИНКА, ПАСТУХ, ВОЖАК.

ОКРАС

К третьей подгруппе 'окрас' относятся 4 слова-декриптива (характеристики):

'о медведе с белым "ошейником", т.е. с белой шерстью вокруг шеи' ЗАГРИВИСТОЙ (Н.-Кол., Пох., Пант., Чер.) [2, с. 79];

'белая полоска вокруг шеи тёмношерстных животных' ЛЯМКА (Кол. Ерм., Чер., Пох.) [3, с. 57];

'пегий, пёстрый' (о животных) ПЕГАТЫЙ (Н.-Кол., Колым.) [3, с. 139];

'яловый' ЯЛОВАТЫЙ (Н.-Кол., Колым.) [4, с. 164].

ИЗДАВАЕМЫЕ ЗВУКИ

Четвертая подгруппа 'издаваемые звуки' представлена глаголами. Среди них имеется пара фонематических дублетов КИКАТЬ, КЫКАТЬ:

'о рывканье медведя' РАВКАТЬ (Н.-Кол., Пох.) [4, с. 4];

'ржать (о лошади)' ЛАЯТЬ (Пох., Кол.) [3, с. 47];

'ржать (о лошади)' КРИЧАТЬ 1 (Н.-Кол., Пох., Пет., Чер.) [3, с. 36];

'издавать звуки' (о лебеди). КИКАТЬ и КЫКАТЬ (Н.-Кол., Пох.) [3, с. 15];

'каркать' (о птицах). КУРКАТЬ (Кол., Пох.) [3, с. 42].

ЧАСТИ ТЕЛА ЖИВОТНЫХ

В пятую подгруппу 'части тела животных' входят следующие лексемы:

'подшерсток (у животных); пух птицы' ДЕННЫЙ ПУХ (Н.-Кол., Пох.) [2, с. 42];

'кусок, обрывок шкурки' МОХНАТКА 2 (Кол., РУ) [3, с. 79];

'шкура моржа, снятая вместе с жиром; большая часть площади' ЛАХТАК (шкурки, кожи, бумаги) (Колым.) [3, с. 47];

'кожа, шкура пушиного зверя' КОЖУРИНА (Н.-Кол., Пет.) [3, с. 22]

'панцирь' КУЯК (Н.-Кол.) [3, с. 44];

'костяшка от оленьей допатки с трещинами от горячего уголька' ВОРАЖЕЙКА (Н.-Кол., Пох., Пант., Чер.) [1, с. 122];

'клык мамонта' РОГ (Н.-Колым.) [4, с. 18];

'мамонтовый' МАМОНТНОЙ (Чок., Пох.) [3, с. 60];

'осетровый пузырь, из которого варят клей' КАРЛЮК (Н.-Кол., Ср. Кол.) [3, с. 11];

'рыбья слизь' КЛЕСК (Н.-Колым., Чер., Пох) [3, с. 19];

'рыбья чешуя' КЛЁСКА (Колым., Андр.) [3, с. 19];

'крыло птицы без перьев'; то же, что МАХАЛА (Аллаих. Чок. Кол. Чер. Пох.).

'кровь; оленья брюшина, наполненная кровью' РУДА (Н.-Кол. Пох.)

'содержимое желудка животного; то же, что и моняло' МАНЯЛО (Кол.).

В РЕЗУЛЬТАТЕ описания ЛСГ «Животные» можно сделать вывод, что лексика нижеколымского русского старожильческого говора представляет собой систему, т.е. такую организацию единиц языка, которые связаны устойчивыми отношениями. В проанализированной ЛСГ были выявлены системные отношения синонимии, антонимии, вариативности и гиперо-гипонимические связи.

Подводя итог можно сказать, что в нижеколымских русских старожильческих говорах доминантными являются гиперо-гипонимические отношения, а реже всего антонимические. Синонимические отношения также представлены достаточно широко. Они, как правило, возникают при столкновении в одном говоре диалектного и общерусского слова.

В заключение, хотелось бы отметить, что в настоящее время диалектным языком пользуются в основном люди старшего поколения. При этом наблюдается сложный, многоступенчатый процесс коренной перестройки диалектной лексики: сужение сферы употребления отдельных диалектизмов до полного их исчезновения из словаря говора в связи с изменением методов ведения хозяйствования, исчезновение отдельных промыслов, социально-бытовых реалий и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чикачев А. Г. Русские арктические старожилы Якутии. Новосибирск, 2002. 107 с.
2. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и сост. В.Г. Богораз. СПб.; тип. Имп.АН, 1901. 346 с.
3. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. А – В: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997. 137 с.
4. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Г – И: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2002. 118 с.
5. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. К – П: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 245 с.
6. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Р – Я: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 190 с.
7. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего-Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ. 2010. 539 с.

Статья поступила в редакцию 26.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'25

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0058

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ЯЗЫКОВОГО ЭКВИВАЛЕНТА

© 2020

AuthorID: 654903

SPIN: 3207-8860

ResearcherID: C-2551-2016

ORCID: 0000-0003-3738-9198

Куралева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент «Кафедры английской филологии и перевода»

SPIN-код: 8102-3155

AuthorID: 703618

ResearcherID: C-1659-2016

Павленко Елена Александровна, кандидат филологических наук,
доцент «Кафедры английской филологии и перевода»

SPIN-код: 3943-5629

AuthorID: 292209

ResearcherID: C-6982-2016

Вьюнова Екатерина Кирилловна, кандидат филологических наук,
доцент «Кафедры английской филологии и перевода»

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9, e-mail: e.vyunova@spbu.ru)

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные приемы перевода, применяемые в случае отсутствия в языке перевода прямого соответствия (в паре английский – русский). В работе используется широкий подход к понятию эквивалентности и рассматриваются случаи не только перевода безэквивалентной лексики, но и случаи отсутствия в языке перевода эквивалентной грамматической структуры. В лексическом плане, наиболее актуальной проблема отсутствия лексического эквивалента представляется для перевода юридических текстов в силу различия правовых систем. На уровне грамматики проблема отсутствия языкового эквивалента имеет двойственную природу. В переводном языке может отсутствовать аналогичная грамматическая структура, либо может наблюдаться отсутствие функциональной эквивалентности у аналогичных грамматических структур. В статье делается вывод о том, что для решения переводческих проблем связанных с межязыковой асимметрией наиболее целесообразным представляется подход с точки зрения интерпретативной теории перевода. Кроме того, общей переводческой стратегией в подобных случаях является экспликация, так как русский язык, в отличие от английского, более детально описывает предметную ситуацию. Результаты исследования могут быть использованы для дополнения и расширения теории перевода, а также для разработки практических рекомендаций.

Ключевые слова: межязыковая асимметрия, оценка качества перевода, реализация языковой системы в речи, переводческие трансформации, теория перевода, переводческий прием, синтаксические преобразования, безэквивалентная лексика, интерпретативная теория перевода.

TRANSLATION STRATEGIES IN THE ABSENCE OF THE LINGUISTIC EQUIVALENT

© 2020

Kuraleva Tatiana Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

Pavlenko Elena Alexandrovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

Vyunova Ekaterina Kirillovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Department of English philology and translation studies»

St. Petersburg State University

(199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya embankment 7-9, e-mail: t.kuraleva@spbu.ru)

Abstract. The paper describes major translation techniques that are used when the target language lacks a translation equivalent (in English to Russian translation). The equivalence is regarded from a broad perspective, i.e. the paper analyzes the translation of culture-specific words and the translation of grammatical structures that do not have an equivalent structure in the target language. As for the lexical aspect, the absence of a translation equivalent seems highly relevant for legal texts due to differences in the legal systems. At the grammatical level, the problem in question may have a duplicitous nature. The target language may lack a similar grammatical structure or there may be a functional discrepancy between similar structures. The authors come to the conclusion that in order to overcome interlingual asymmetry one should apply the Interpretive Theory of Translation. Moreover, the overall strategy is to use explication as a translation technique as the Russian language seems to be more substantive in describing a situation. The research findings may be used to extend theoretical assumptions of the translation theory and to provide practical recommendations.

Keywords: interlingual asymmetry, translation quality assessment, translation transformations, translation studies, translation technique, syntactic transformations, culture-specific words, Interpretive Theory of Translation.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в лингвистике наблюдается всплеск интереса к изучению языковых лагун и межязыковой асимметрии [1]. Особую сложность для переводчика представляет передача языковых единиц, не имеющих прямых соответствий в языке перевода. Несмотря на то, что данной проблематике посвящен целый ряд работ, до сих пор в теории перевода не были выявлены и описаны общие переводческие стратегии, применяющиеся при переводе лексических и грамматиче-

ских единиц, не имеющих эквивалента. Существующие теоретические труды посвящены описанию конкретных переводческих задач и не касаются вопросов теоретического обобщения и формализации переводческих приемов. Все вышесказанное обуславливает актуальность и новизну исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящая статья посвящена описанию переводческих стратегий и приемов, применяемых переводчиком в случае отсутствия в языке перевода эквивалентной

лексической единицы или грамматической структуры. Таким образом, мы исходим из широкого понимания лингвистической эквивалентности и рассматриваем межъязыковые эквивалентны как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Иными словами, предметом исследования являются переводческие проблемы и пути их решения в условиях различия лексических и грамматических свойств языковых единиц. Целью работы является выявление общих переводческих стратегий применяемых для наиболее адекватной передачи языковых единиц в случае межъязыковой асимметрии и, как следствие, отсутствия прямых языковых соответствий.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Начнем с рассмотрения способов передачи безэквивалентных лексических единиц. Безэквивалентная лексика – это «единицы ИЯ, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [2, с.147]. Очевидно, что понятие безэквивалентной лексики возникает, когда речь идет о переводе национально - или культурноспецифичных реалий и понятий. Перевод безэквивалентной лексики – одна из нерешенных проблем в переводоведении. Не вызывает сомнений тот факт, что в условиях отсутствия самого понятия (денотата) переводчик вынужден прибегать к определенному набору стратегий. Рассмотрим несколько примеров.

В англосаксонской системе права широко применяется термин **PAYE (Pay As You Earn)**. Термин имеет следующее толкование: *PAYE is the method of paying income tax and national insurance contributions. Employers deduct tax and national insurance contributions from employees' wages or pension (depending on the pension) before paying you your wages or pension* [3].

Данный термин означает систему сбора подоходных налогов в Великобритании, согласно которой налоги автоматически вычитаются из еженедельной или ежемесячной заработной платы. Этот метод отчисления различных налогов и иных обязательных выплат в пользу государства используется с 1944 г., но не имеет кодифицированного аналогичного термина в российской правовой системе, так как система налогообложения в России имеет свои особенности. Тем не менее, в Российской Федерации работодатель обязан отчислять все необходимые налоги до выплаты заработной платы сотруднику. Поэтому данный термин может переводиться описательно: «отчисления, производимые по мере поступления доходов» или дословно: «плати по мере того, как зарабатываешь». Данный пример является образцом использования описательного перевода как стратегии для перевода безэквивалентной лексики.

Другим примером безэквивалентной лексики является выражение **On Call Pay** (compensation made to non-exempt staff for being available to report to work when required by business operations and in accordance with Wage & Hour laws) [4]. Поскольку данное явление не существует в рамках российской правовой системы, перевод термина можно выполнить с использованием описательного метода перевода: «выплата, которая производится за работу, выполненную в определенный момент по требованию работодателя». Данный пример интересен тем, что в русском языке подобный график называют «по вызову», но поскольку данное словосочетание относится к разговорной лексике, оно не может быть использовано в официальном юридическом контексте, и описательный перевод представляется единственно верным решением.

Рассмотрим пример частичного совпадения терминов: **SAP (Statutory Adoption Pay)**. Термин трактуется следующим образом: “If an employee is adopting a child with a partner, one of them may be entitled to SAP and the other may be entitled to Ordinary Statutory Paternity Pay (OSPP).SAP usually follows the same basis as SMP in terms of amounts of length of time”[5]. В российской правовой системе существует термин «единовременные выплаты при усыновлении ребенка». Но данный термин не существует в рамках трудового законодательства РФ. Это по-

зволяет нам считать вышеупомянутый термин английского права безэквивалентным. Понятие “SAP” может быть переведено следующим образом: «единовременные выплаты при усыновлении ребенка, выплачиваемые работодателем». В данном случае переводчик применяет стратегию модификации существующего термина с использованием описательного перевода.

Наконец, рассмотрим случай, когда в переводном языке существует вариант перевода, который, тем не менее, нельзя назвать удачным. Термин **Salary sacrifice** означает согласие работника на вычет работодателем определенной суммы из начисленной работнику заработной платы в обмен на дополнительные льготы, чаще всего в виде увеличения взносов на пенсионный счет работника. Существует вариант перевода на русский язык «пожертвование зарплатой», но нам данный вариант не представляется удачным с точки зрения принятого стиля написания юридических документов. Нам представляется более удачным использовать в данном случае разъяснительный перевод, несмотря на то, что данный метод является более «громоздким».

Сходным является случай с термином **Payroll** (the amount of money paid to all employees in a payday; the financial records of a company relating to the payment of wages and salaries to employees; the total record of earnings of all employees for a year”) [6]. Стоит заметить что термин «payroll» (и даже «пэйролл») активно используется в России, благодаря глобализации торговли и появлению отделений и филиалов различных международных компаний в нашей стране. Тем не менее, этот термин не закреплен в словарях, мы можем его увидеть лишь на специализированных сайтах или в локальных нормативных актах компаний. Учитывая данный факт, переводческие стратегии могут быть следующими: при переводе локальных нормативных актов компаний допустим вариант «пэйролл» (калькирование, с добавлением стратегии описательного перевода, при необходимости), но в обычном юридическом тексте более уместным нам представляется использование стратегии описательного перевода. Отдельные трудности могут возникнуть у переводчика при определении конкретного значения данного многозначного термина, но они устраняются в конкретном контексте.

Далее перейдем к рассмотрению проблемы передачи грамматических структур, не имеющих аналогов в языке перевода. Определенную трудность для перевода представляют высказывания с формальным подлежащим, которое характерно для английского языка и обусловлено его аналитическим строем. Кроме того, сложность перевода также связана с языковой интерференцией, которая понимается как нарушение языковых норм в результате наложения двух языковых систем в речи [7; 8].

Приведем несколько примеров:

There was a long silence on the other end of the wire, followed by an exclamation [9, с. 110]. – На другом конце провода молчали. Потом послышалось короткое восклицание. [10, с. 117]

There is no other word for it, abominable [11]. – Просто чудовищно, иначе не скажешь [12].

Несмотря на то, что, русскому языку свойственно более широкое использование существительных, а для английского – глагольных форм [13, с. 17], анализ показал, что, для передачи высказываний с формальным подлежащим переводчик, как правило, прибегает к использованию вербализации.

Рассмотрим перевод высказываний со словами-субститутами (substitute words). Субституция, или замещение, это лексическая замена языковой единицы при которой заменяемое слово имеет более узкое значение, а заменяющее является словом широкой семантики.

You carry so much more weight than I do. – Ваш авторитет не сравнить с моим.

Every day one read cases, and for every one that came into Court one might be sure there were a dozen that didn't

[14]. – Каждый день приходится читать о преступлениях, и можно с уверенностью сказать, что на одно дело, которое доходит до суда, десятки остаются не раскрытыми [15].

Использование слов-субститутов также обусловлено, с одной стороны, грамматическим строем английского языка и, с другой стороны, стремлением говорящего избежать лексической тавтологии. Как видно из примеров, переводчик использует смысловую глагол, восстанавливая его из контекста, или использует прием целостного переосмысления.

Наконец, коротко остановимся на случаях функционального несоответствия грамматических структур. Наиболее показательными являются случаи использования обратного порядка слов. В английском языке в силу его аналитического характера и фиксированного порядка слов инверсия обладает большим экспрессивным потенциалом. В русском языке инверсия выполняет скорее дискурсивную функцию, и при переводе высказываний с обратным порядком слов стоит прибегать к лексическим средствам создания экспрессии.

Функциональное несоответствие также наблюдается при использовании придаточных подлежащих. В английском языке такие придаточные используются для придания коммуникативной значимости конкретному фрагменту высказывания и расставления смысловых акцентов (What I'd like you to do is to put on a warm coat). В русском языке придаточные подлежащие характерны для разговорной речи (*Чем он всегда готов поделиться – так это своими книгами*). При переводе таких придаточных для смысловыделения используются лексические интенсификаторы, частицы и порядок слов [16].

ВЫВОДЫ

В целом можно отметить, что для передачи грамматических структур, отсутствующих в языке перевода, переводчик, как правило, использует лексическую единицу с более конкретным значением или прибегает к целостной перестройке фразы. Таким образом, можно сказать, что общей переводческой стратегией в таких случаях является стратегия экспликации. В разных языках элементы предметной ситуации либо входят в состав высказывания, либо остаются имплицитными. Английский язык, по сравнению с русским, насчитывает меньшее количество эксплицитных признаков ситуации [17, с. 88].

Обобщая переводческие приемы, используемые в условиях отсутствия эквивалента, можно сказать, что на наш взгляд наиболее целесообразной представляется концепция интерпретативно-коммуникативного перевода. Согласно этой теории, переводчик должен абстрагироваться от значений единиц оригинала и, пользуясь всеми имеющимися средствами переводного языка, сосредоточиться на создании эквивалентов, уникальных для создаваемого им текста. Такая концепция исключает присущие лингвистическим теориям перевода систематическое обращение к лексико-грамматическим структурам языка, а также наличие и наличие и учёт межъязыковых трансформаций [18]. Нельзя не отметить, что особенно актуальна данная концепция для перевода юридических текстов, которые в силу различия правовых систем отличаются большим количеством безэквивалентной лексики, требующей отдельного решения на перевод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гончар Н.Г. *Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект. Автореферат дисс... канд. филол. наук.* Тюмень, 2009. 21 с.
2. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты).* – М.: Высшая школа, 1990.
3. *QAC Patroll Terminology.* Электронный ресурс: [https://www.qtac.co.uk/knowledgebase/payroll-terminology/\(data%20obrazheniya:20.10.2019\)](https://www.qtac.co.uk/knowledgebase/payroll-terminology/(data%20obrazheniya:20.10.2019)).
4. *Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern.* By H.C. Black. / Sixth Edition. ST. PAUL, MINN. WEST PUBLISHING CO. 1990, 1658 p.
5. *QAC Payroll Terminology.* Электронный ресурс: [https://www.qtac.co.uk/knowledgebase/payroll-terminology/\(data%20obrazheniya:20.10.2019\)](https://www.qtac.co.uk/knowledgebase/payroll-terminology/(data%20obrazheniya:20.10.2019)).

[www.qtac.co.uk/knowledgebase/payroll-terminology/\(data%20obrazheniya:20.10.2019\)](https://www.qtac.co.uk/knowledgebase/payroll-terminology/(data%20obrazheniya:20.10.2019)).

6. *Development Finance Compensation and Benefits Study.* Электронный ресурс: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/67540/cdc-accnture-report-apr11.pdf (дата обращения 20.10.2019).

7. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике.* Вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.

8. Климов В.В. Языковые контакты // *Общее языкознание: формы существования, функции, история языка.* М.: Наука, 1970. С. 604.

9. Fitzgerald F.S. *The Great Gatsby.* London: Penguin Classics, 2000. 233 p.

10. Фицджеральд Ф.С. *Великий Гэтсби.* СПб: Классика, 2015. 256 с.

11. London J. *Martin Eden.* London: Penguin Classics, 1994. 480 p.

12. Д. Лондон. *Мартин Иден.* СПб: АСТ, 2019. 448 с.

13. Бреус Е.В. *Основы теории и практики перевода с русского языка на английский.* М.: УРАО, 1998.

14. Galsworthy J. *The Swan Song.* London: Headline, 2012. 314 p.

15. Голсуорси Д. *Лебединая песня.* М.: АСТ, 2007.

16. Петрова Е.С. *Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика / Е.С. Петрова.* – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2011. 368 с.

17. Иванова Н.А. *Вербализация как способ достижения семантической и грамматической эквивалентности при переводе русских публицистических текстов на английский язык // Восточнославянская филология.* 2016. Вып. 3 (29). С. 84–93.

18. Алексеева Е.А., Бодрова-Гожемнос Т.И. *Перевод текста в свете интерпретативной теории перевода // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* 2007. Вып. 3-4. С.102–106.

Статья поступила в редакцию 03.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'1+82-84+811.133+811.161.1
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0059

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ «СОВЕСТЬ/CONSCIENCE»

© 2020
AuthorID: 663106
SPIN: 9577-9557

Маркевич Юлия Васильевна, старший преподаватель
кафедры иностранных языков №1

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: yuliamarkevich@mail.ru)

Аннотация. В статье исследуются русские паремии, содержащие лексему «совесть» и французские паремии с лексемой «conscience». Пословицы и поговорки выбраны для анализа как самые древние архетипы языкового сознания. Из общей группы паремий каждого языка выделяются логемы, обозначающие признак концепта в национальном «обыденном сознании». В русском языке из 72 паремических единиц выделяются 13 логем, во французском языке из 39 паремий выделяются 10 логем. В русских паремиях ядерными признаками концепта являются аксиологичность, слабость и житейская бесполезность совести, а также ее карательная функция. Во французских пословицах, как и в русском, доминирует признак аксиологичности, но к ядерным также относится признак зависимости совести от финансового положения. Сопоставительное исследование русских и французских пословиц и поговорок показывает разницу в представлении о совести в «обыденном сознании» двух языков. В обоих языках представлены паремии, отмечающие зависимость спокойного сна от чистой совести. Русская «совесть» намного чаще встречается в паремиях и обладает более богатым спектром признаков, чем французская «conscience». Анализ подтверждает, что в паремиологическом фонде языка хранятся специфические черты обыденного сознания этноса.

Ключевые слова: концепт, совесть, понятийные признаки, обыденное сознание, паремии, функция, аксиологичность, ядерный признак, русский язык, французский язык.

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FRENCH PROVERBS CONTAINING “CONSCIENCE”

© 2020

Markevich Yuliya Vasilyevna, senior lecturer of the Foreign
Languages Department #2

Kuban State Technological University

(350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya St., 2, e-mail: yuliamarkevich@mail.ru)

Abstract. The article studies concept of “conscience” in paremic corpus of the Russian and French languages. The analysis is based on the proverbs being the most ancient types of language consciousness. Russian proverbs are represented by 72 units which form 13 groups defining the signs of the concept in everyday consciousness. French proverbs are represented by 39 units with 10 groups. Core signs of the concept in the Russian language are axiology, weakness and everyday useless of conscience as well as its punitive function. Axiology is also the main sign of conscience in French proverbs, however among the core signs one can name conscience’s dependence on the finance. The comparative research of Russian and French proverbs with component “conscience” shows difference of its idea in everyday consciousness of two languages. Both languages have similar proverbs specifying the dependence of good sleep on pure conscience. Russian conscience is more spread in Russian proverbs and has more signs than French conscience. The analysis proves that the corpus of proverbs contains specific features of everyday consciousness of an ethnicity.

Keywords: concept, conscience, everyday consciousness, proverbs, function, axiology, core sign, Russian language, French language, weakness, power, dependence.

ВВЕДЕНИЕ

Совесть – феномен, являющийся объектом изучения многих наук. Ею интересовались еще древнегреческие философы, ее прототипом выступали эринии. В современной науке написано множество трудов о совести. Философы различных эпох и философских направлений от Сократа до К. Маркса уделяли большое внимание совести.

В психологии к совести обращались З. Фрейд, К.Г. Юнг и др., в социальном аспекте она рассматривалась в работах О.Г. Дробницкого, А.А. Гусейнова, С.В. Стеглянниковой и др. В наше время к совести обратились филологи, которые рассматривают ее как лингвокультурный концепт.

Понимание совести представителями разных этносов изучаются в работах Н.Д. Арутюновой [1], В.П. Литвинова [2], Ю.С. Степанова [3], М.К. Голованивской [4], М.В. Пименовой [5], А.Е. Бочкарева [6], Е.В. Урысон [7] и др. В ряде работ проводится сопоставление представления о совести в разных культурах. Актуальность данного исследования заключается в сборе и анализе материалов из паремического фонда русского и французского языков.

Определение национально-культурной специфики концепта целесообразно всего осуществлять в поле паремиологии, науки, изучающей паремии. Под паремией понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребле-

ния в дидактических целях [8, с. 67], т.е. пословицы, поговорки, изречения, побасенки и пр. В современном языке пословицы и поговорки вытесняются другими языковыми явлениями – рекламными слоганами, интернет мемами и другими продуктами современных средств массовой информации. В связи с этим паремиологические представления считают несколько архаизированными и не отражающими устанавки современного этнического сознания [9, с. 68,82].

Однако, в паремиях можно проследить самые древние архетипы языкового сознания, которые появились еще при формировании этноса. Паремический фонд языка, следовательно, служит идеальной отправной точкой для прослеживания эволюции языкового сознания. Пословицы и поговорки о совести в русском языке прежде исследовались В.И. Карасиком [10], Шахмановой Б.Г. [11], Воловиковой М.И. и Мустафиной Л.Ш. [12], Воркачевым С.Г. [13], однако, прежде не предпринималось попыток сравнить паремические единицы с компонентом «совесть/conscience» в русском и французском языке.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данной работе стоит цель определить и сравнить национально-культурные особенности концепта в русском и во французском языке. Для реализации данной цели ставятся задачи по сбору паремического материала с лексемами «совесть/conscience» и его структурирование с выделением признаков концепта в соответствующем

щем «обыденном сознании». Решение данных задач осуществляется при помощи методов дискурсного и интерпретативного анализа. Для исследования используются русские и французские паремиологические словари. Мы также обращаемся к электронным справочникам, которые позволяют увидеть современное представление о совести, закрепившееся в языке. Обязательным условием является наличие сигнальной лексемы в составе паремии.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В русском языке корпус анализируемых паремий составил 72 единицы.

При первом же взгляде на группу паремий о совести становится очевидным, что отношение к совести в русском языковом сознании неоднозначно. В пословицах и поговорках русского языка совесть представлена сразу в двух ипостасях – добрая совесть и злая совесть. Добрая совесть – это голос Бога в человеке. Злая совесть жестоко карает человека за совершенные прегрешения. В основе этих образов лежит христианская этика, которая гласит, что добрый христианин обязан жить по закону Божьему, а в противном случае он несет кару за свои прегрешения. Православие является краеугольным камнем крестьянской нравственности, а пословицы и поговорки берут свое начало в этике крестьянства, которое было «определятельным сословием для русских как этноса» [14, с. 118].

В паремиях совесть связана с другими концептами – душой, честью, стыдом, верой. В некоторых случаях паремии калькируют друг друга. *Пора и честь совесть знать. Пора и стыд знать. Чужая совесть – могила. Чужая душа – могила.* С.Г. Воркачев в своем труде о правде/справедливости отмечает, что «совесть» и «правда» в паремиях включены в отношения семантического и синтаксического параллелизма – ср: «С совестью не разминуться» - «Правда прямо идет, а с ней не разминешься», «Как ни мудри, а совести не перемудришь» - «Как ни хитри, а правды не перехитришь». Согласно автору, «совесть для русского человека – это, прежде всего, орган для обнаружения неправды» [13, с. 107].

Анализ по логико-семантическим группам дает нам более детальное представление о совести в русском языковом сознании.

Логема (термин П. В. Чеснокова) [15, с. 284] – это логико-семантическая единица обобщенного характера, под которую могут быть подведены отдельные группы паремий. Логема выступает в качестве обобщающей исходной мысли, объединяющей группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, выявляемых в паремиологическом фонде. Основные суждения о совести мы свели к 13 логемам, подсчитав количество паремий, входящих в каждую из них:

1. Совесть – слаба. (15 паремий) *Стыд под каблук, а совесть под подошву. Роба совесть, поколе не заглушишь ее. У него совесть в голике (в кулаке, под порогом и пр.). Соблазн велик – и совесть молчит. Когда наелся, тогда и засовестился. Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло. Напала совесть и ни свинью, как отведала полена. У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась. Что того и совестить, у кого нет совести. Совесть у меня чистая – я ей не пользуюсь. Бывает палач с совестью, а судья без совести. Когда совесть раздавали, его дома не было. У него совесть на кнуте просвистана. У него ни на полушку совести нет. Волосом сед, а совести нет.*

2. Чистая совесть – залог спокойствия и счастья. (13 паремий) *Счастлив тот, у кого совесть спокойна. У кого совесть чиста, тому ничего не страшно. Когда совесть спокойна, тогда и человек счастлив. Счастлив тот, у кого совесть спокойна. Лучшие камень на шею носить, чем с нечистой совестью жить. Чем чище нынешняя совесть, тем краше будущая повесть. Было бы здорово да совесть чиста. Деньги потеряешь – можно на-*

жить, а совесть потеряешь – беду узнаешь. Совесть – как сосед: чем с ней дружнее, тем лучше. Непременным признаком чистой совести является безмятежный сон. Не оттого бывает спокоен сон, что постель мягка, а оттого, что совесть чиста. Совесть спать не дает. Коль совесть чиста, спи спокойно до утра. Чистая совесть – самая лучшая подушка.

3. С нечистой совестью или без совести жить удобно. (11 паремий) *С его совестью и помирать не надо. У тебя совесть, что розвальни: садись и катись. Про его совесть можно сказать повесть. У него совесть в рукавичках ходит. У него совесть дырявое решето. Заскорузлой совести не проймешь. У него совесть мешок: что хошь положи. С его совестью жить хорошо, да умирать плохо. Потерявшему совесть всегда весело. В ком совесть есть, тому удачи нет. Мой враг – моя совесть.*

4. Совесть – внутренний палач человека. (7 паремий) *Злая совесть стоит палача. Совесть не волк, а загрызет. Совесть без зубов, а загрызет. Совесть с молоточком: и постукивает и наслушивается. У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги – виселица. Совесть не волк, а ест поедом. Совесть придумали злые люди, чтобы она мучала добрых.*

5. Совесть всеильна и вездесуща. Избежать ее суда невозможно. (7 паремий) *С совестью не разминуться. От человека утаишь, от совести не утаишь. Как не мудри, а совести не перемудришь. Добрая совесть не боится клевет. Добрая совесть любит обличение. Совесть не повесть – в архив не сдашь. Совесть не сосед, от нее не уйдешь.*

6. Совесть представляет собой огромную ценность. (6 паремий) *За совесть да за честь – хоть голову снести. Без рук, без ног – калека, без совести – полчеловека. Без совести и при большом уме не проживешь. Совесть потеряешь – другой не купишь. Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи. Разум, совесть да честь – лучшее, что у человека есть.*

7. Совесть – внутренний закон, которому нужно следовать. (6 паремий) *Говори по делу, живи по совести. Надо и совесть знать. Пора и совесть (честь, стыд) знать. Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука. Делай по своей совести, да других не соблазняй. Совесть – лучший контролер.*

8. По внешности нельзя судить о совести. (5 паремий) *Рожка кривая, да совесть прямая. Бородка Минина, а совесть глиняна. Платье черненько, да совесть беленька. Волосом сед, а совести нет. Вес не попова совесть.*

9. Стыд и слезы – попутчики совести. (4 паремий) *Есть слезы – есть и совесть. В ком стыд, в том и совесть. Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет. Стыд под каблук, а совесть под подошву.*

10. Совесть не связана с религией. (3 паремий) *Вес не попова совесть. Душа христианская, да совесть-то цыганская. Божница домашняя, а совесть продажна.*

11. Совесть нельзя приобрести. (3 паремий) *К кафтану совести не пришьешь. Богатый совести не купит, а свою губляет. Совесть потеряешь – другой не купишь.*

12. Деньги губят совесть. (2 паремии) *Богатый совести не купит, а свою губляет. Хоть мошна пуста, да совесть чиста.*

13. Совесть имеет Божественную сущность. (2 паремии) *Добрая совесть – глаз Божий. Менять веру – менять и совесть [16, с. 27-30].*

Существуют также единичные паремии, которые не образуют логемы, однако, представляют тот или иной признак концепта. Так, например, совесть другого человека – загадка. *Чужая совесть – могила.* Нечистая совесть отражается на физиологическом уровне. *Глаза на месте – совесть не чиста.*

Основным семантическим признаком совести в русских паремиях является аксиологичность. Спокойная совесть представляет собой залог счастья (п.2), совесть

является высшим благом и ценностью (п. 6) – в сумме 19 паремий. Далее манифестируется признак слабости совести, она подвержена обстоятельствам, подвластна человеку, может вовсе отсутствовать (п. 1) – 15 паремий. Следующий по частотности признак – без совести/с нечистой совестью жить удобно (п. 3) – 11 паремий. Центральными признаками для русского «обыденного сознания» также являются карательная функция (п. 4) – 7 паремий и признак силы и могущества совести (п. 5) – 7 паремий.

Во французском языке группа паремий с лексемой *conscience* представлена 39 единицами, из которых можно выделить следующие логемы:

1. Совесть представляет собой ценность. Эта группа самая многочисленная, представленная 8 паремиями. *Conscience vault en essence, de mille tesoins la présence. L'argent volé vault jamais ce qu'il coûte; bonne conscience coûte jamais ce qu'elle vault. Vault mieux les avoir sur les bras que sur la conscience. Mieux vault écouter la voix de la conscience, que le bruit de la renommée. Et on dist piechè à cui conscience ne repret, plus tost au mal qu'au bien entend. Aucun prix ne saurait payer la conscience. Si vous voulez avoir le cœur d'un brave, ne faites pas de fraude à votre bouche, couvrez vous bien la peau et n'ayez rien sur la conscience. Il ne faut rien faire qui puisse charger notre conscience.*

2. Совесть имеет отношение к деньгам (4 паремии). *Ventre affamé n'a pas de conscience. Quand la bourse se rétrécit, la conscience s'élargit. Quand pauvreté se montre à la porte, conscience se jette par la fenêtre. Petite conscience et grande diligence font l'homme riche à Vallance.*

3. Спокойный сон – залог чистой совести (3 паремии). *Une bonne conscience est un bon oreiller. Une bonne conscience se couche et dort sereinement. Une bonne conscience rend le sommeil léger.*

4. Совесть – отражение души (3 паремии). *La conscience à l'âme est comme le miroir où quand on est trop laid on ne veut plus se voir. La bonne conscience est la santé de l'âme. Science sans conscience, n'est que ruine de l'âme.*

5. Совесть противопоставляется уму/учености (3 паремии). *De grande science, petite conscience. Qui n'a conscience, n'a honte ni science. Science sans conscience, n'est que ruine de l'âme.*

6. Совесть связана с религией (2 паремии). *Li abis ne fait pas le religieux, mais la bonne conscience. L'avocat purge la bourse, le médecin le corps, et le confesseur la conscience.*

7. В миру нельзя иметь чистой совести (2 паремии). *Qui aime la pratique et science du monde, ne peut avoir la conscience monde. Qui veult sa conscience monde, il doit fouir le monde immonde.*

8. Совесть – внутренний судья (2 паремии). *Quand on te loue en vertu ou science, de ce sois juge en ta propre conscience. La femme qui met la main à sa conscience, ne peut plus dire du mal de sa voisine.*

9. Совестью слаба. Ею можно пренебрегать. Ее можно украсть (2 паремии). *On peut user une fois l'an de sa conscience. Le jeu nous dérobe le temps, l'argent et la conscience.*

10. Нечистая совесть отражается на физиологическом уровне (2 паремии). *À conscience troublée, jambes molles. De grande éloquence, petite conscience.*

Следующие признаки представлены единичными паремиями: мать – совесть семьи *La mère doit être la conscience et la dignité de la famille*; старый друг – вторая совесть *Un vieux ami est une seconde conscience*; у сильных мира вместо совести – честь *Les grands n'ont que l'honneur pour seule conscience*.

Как и в русском языке, главным семантическим признаком *conscience* в «наивной картине мира» носителя французского языка, представленной через призму паремий, является признак аксиологичности – совесть представляет собой ценность или благо.

Неудивительно, что следующим по частотности Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

идет признак зависимости совести от финансового положения – материальный аспект важен для французской «наивной картины мира». Во французских паремиях с *conscience* соседствуют глаголы, обозначающие стоимость и цену: *valoir, coûter, payer*. Признак зависимости спокойного сна от чистой совести представлен в обоих лингвокультурах. А вот то, что совесть является отражением души, фиксирует только французская паремиялогия. В русском пословичном фонде совесть – глаз Божий, она соседствует с душой, но не является ее частью.

Признак судебной функции совести зафиксирован в паремиях обоих языков, но карательная функция совести отражается и очень ярко только в русском языке.

Сила совести, ее власть манифестируется в русских паремиях, но не находит отражения во французских. Слабость совести, ее подверженность соблазнам – один из центральных признаков концепта в русских паремиях. Он находит реализацию в единичных французских паремиях, но является периферийным.

ВЫВОДЫ

Сопоставительное исследование русских и французских пословиц и поговорок показывает разницу в представлении о совести в обыденном сознании двух языков. Прежде всего, русской лексикографией зафиксировано примерно в два раза больше единиц, чем лексикографией французской.

Кроме того, русские пословицы и поговорки фиксирует гораздо большее количество признаков концепта. В русских паремиях ядерными признаками концепта являются аксиологичность, слабость и житейская бесполезность совести, а также ее карательная функция. Во французских пословицах, как и в русском, доминирует признак аксиологичности, но к ядерным также относится признак зависимости совести от финансового положения.

Проведенное исследование подтверждает, что в паремиялогическом фонде языка хранятся специфические черты обыденного сознания этноса, а также позволяет предположить, что эти особенности сохраняются и в личностно-ориентированном типе дискурса, что может являться целью дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова, Н. Д. О стыде и совести [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: 2000. – С. 54–78.
2. Литвинов В. П. Концептуализация совести // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация. Вып. 4. Армавир : Изд-во АГПИ. 2015. С. 46–56.
3. Степанов Ю. С., Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект., 2004. – 991 с.
4. Головановская, М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка: Контрастивный анализ лексических групп со значением «высшие силы и абсолюты», «органы наивной анатомии», «основные мыслительные категории», «базовые эмоции»: Монография [Текст] / М. Г. Головановская – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 280 с.
5. Пименова М. В. Совесть как составная часть внутреннего мира человека / М. В. Пименова // Этно-герменевтика: фрагменты языковой картины мира. – Кемерово : Кузбассвузиздат ; Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – С. 62–69.
6. Бочкарёв А. Е. К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 1. С. 41–53.
7. Урысон Е. В. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 184–189.
8. Савенкова Л. Б. Русская паремиялогия: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д, 2002.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
10. Карасик В. И., Китанина Э. А. Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. – С. 67–82.
11. Шахманова Б. Г. Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических и паремиялогических единиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 2008., – 26 с.
12. Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш., Использование русских народных пословиц и поговорок в исследовании социальных представлений о совести // Знание. Понимание. Умение. 2012. №3. С. 34–36.
13. Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской

лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.

14. Уфимцева Н.В. Этнос и традиция // *Res linguistica*. Сборник статей. К 60-летию проф. В.П. Нерознака. – М., 1999 – С.118-122.

15. Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. – М-во просвещения РСФСР. – Ростов н/Д: Рост.кн.изд-во, 1966. – 288 с.

16. Маркевич Ю.В. Концепт «совесть» в русской лингвокультуре (на материале паремиологии) // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. №2. 2009. С. 27-30.

Статья поступила в редакцию 22.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81.23

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0060

КОНВЕРСИЯ КАК ИСТОЧНИК НЕОЛОГИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СЛОГАНАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

© 2020

Матюшенко Мария Сергеевна, преподаватель французского языка

Всероссийская академия внешней торговли

(119285, Россия, Москва, Воробьевское шоссе, 6А, e-mail: tenvetrajulian@mail.ru)

Аннотация. В данной статье изучена специфика и функциональная нагрузка газетного слогана, характерного для французских изданий прессы. В частности, рассматриваются такие функциональные аспекты газетного слогана как информирование, анонсирование содержания материала, неявное убеждение и манипуляция, передача оценочно-модального суждения автора, привлечение и задержание внимания на содержимом материала, расширение читательской аудитории. Изучен опыт привлечения внимания читательской аудитории передовых газетных изданий французской прессы, в первую очередь - особенности средств художественной и стилистической выразительности слоганов. Подробно изучены наиболее продуктивные формы словообразования современного французского языка путем конверсии: субстантивация, вербализация и адъективация. Выявлены особенности функционирования дискурса слогана как передающего оценочную модальность посредством стилистической выразительности, основанной на авторских неологизмах, образованных при помощи конверсии. Рассмотрены особенности образования глаголов от существительных и наоборот, французских неологизмов, омонимов, морфологических адаптаций как результата конверсионных преобразований в слоганах. Приведены конкретные примеры слоганов, образованных с помощью этих способов словообразования, взятые из источников французской прессы. Кроме того, статья содержит анализ причин, по которым именно эти приемы сложения слоганов пользуются успехом во французском языке.

Ключевые слова: слоган, газетный слоган, оценочная модальность, словообразование, неологизмы, омонимы, конверсия, субстантивация, адъективация, вербализация.

CONVERSION AS A SOURCE OF NEOLOGISMS IN FRENCH SLOGANS (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH PRESS)

© 2020

Matyushenko Maria Sergeevna, teacher of the French language

Russian Foreign Trade Academy

(119285, Russia, Moscow Vorob'yovskoe shosse, 6A, e-mail: tenvetrajulian@mail.ru)

Abstract. In this article the specificity and functional load of the newspaper slogan characteristic of French press are studied. In particular, they consider such functional aspects of a newspaper slogan as informing, announcing the content of the material, implicit persuasion and manipulation, transmitting the author's estimated-modal judgment, attracting and retaining attention to the content of the material, and expanding the readership. The experience of attracting the attention of the readership of leading French newspapers was studied, first of all, the features of the means of artistic and stylistic expressiveness of slogans. The most productive forms of word formation of the modern French language through conversion have been studied in detail: substantiation, verbalization and adjective. The features of the functioning of the discourse of the slogan as transmitting evaluative modality through stylistic expressiveness based on author's neologisms formed by conversion are revealed. The features of the formation of verbs from nouns and vice versa, French neologisms, homonyms, morphological adaptations as a result of conversion conversions in slogans are considered. Concrete examples of slogans formed using these word-formation methods, taken from sources in the French press, are given. In addition, the article contains an analysis of the reasons why these particular methods of adding slogans are successful in French.

Keywords: slogan; newspaper slogan; evaluative modality; word formation; neologisms; homonyms; conversion; substantiation; adjective; verbalization.

ВВЕДЕНИЕ.

Современное общество является очевидцем разрастания глобализационных процессов, масштабы которых во многом определяются уровнем развития как традиционных изданий, так и новейших информационных технологий. Исходя из этого актуализируется роль относительно нового направления языкознания - неологии, поскольку главным источником неологизмов как результата использования конверсии являются газеты, журналы, радио и телевидение, интернет-порталы, популярные блоги в социальных сетях и так далее.

Актуальность исследования заявленной темы подкреплена тем, что сегодня слоганы французской прессы как исторически сложившегося самобытного «островка» печати, обладающего своими национально-культурными и художественно-выразительными особенностями, представляют собой важный элемент медиа-дискурса.

Слоган французской прессы отличается особым изолированием приемов словообразования, использование которых направлено на привлечение внимания аудитории в условиях жесткой конкуренции на рынке масс-медиа. Проблема заключается в том, что тем самым оказывается постоянное воздействие, с одной стороны, на мировое языковое сообщество, с другой - на современный литературный язык. Изучение способов и средств, используемых в слоганах французских изданий, поможет выявить их воздействие на публику и состояние современного литературного языка.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Исходя из актуальности и содержания проблемного поля заявленной темы, цель данной работы может быть обозначена следующим образом: изучение особенностей конверсии как источника неологизмов во французских слоганах. Для достижения заявленной цели необходимо решить следующий ряд задач:

- определить специфику и функциональную нагрузку газетного слогана, характерного для французских изданий прессы;

- изучить опыт привлечения внимания читательской аудитории передовых газетных изданий французской прессы;

- выявить формы словообразования, полученные путем конверсии и используемые в слоганах современной французской прессы;

- проанализировать причины, по которым выявленные формы сложения слоганов пользуются успехом во французском языке.

Методологической базой данной работы служит совокупность частно-научного (описательный контент-анализ французских изданий) и общенаучных (описание, сравнение, обобщение, гипотетико-индуктивный метод, системный анализ) методов.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Наряду с заголовками, слоганы размещаются в начале газетной статьи, но в отличие от заголовка, слоганы выполняют не только функцию информирования чита-

теля относительно темы статьи и анонсирования ее содержания, но и несет в себе суггесивный посыл.

Газетный слоган является средством неявного убеждения читателя в какой-либо идее, что, с учетом места его расположения в начале статьи заранее настраивает на определенное отношение к описанным в ней явлениям и событиям.

Газетный слоган передает оценочную модальность автора газетного текста к его содержанию, «продавая» определенную идею или точку зрения. С этой точки зрения использование слогана в газетной статье служит средством манипуляции общественным мнением целевой аудитории издания в СМИ.

Такая манипуляция зачастую направлена на «захват» внимания читателей, привлечение их интереса к материалам прессы, что обеспечивает высокую конкурентоспособность газет в сравнении с альтернативными источниками информации, которые имеют колоссальное влияние на информационное поле в национальных и международных масштабах за счет новых технологий информационного продвижения.

Реализация задачи привлечения, удержания и расширения читательской аудитории французской прессы в условиях растущей информационной конкуренции также осуществляется путем освоения современных каналов медийных коммуникаций (размещение материалов прессы не только на официальных интернет-сайтах, но также на порталах популярных тематических ресурсов и сетей).

Наряду с технологическим продвижением своих материалов до внимания аудитории, передовые газетные издания французской прессы активно поощряют творческое и профессиональное развитие своих журналистов и авторов в языковом пространстве. Это позволяет делать стиль изложения публикаций привлекающим внимание с первых строк и удерживающим его до самого конца. Язык газетной прессы изобилует применяемыми средствами художественной выразительности, которые делают повествование ярким, запоминающимся за счет использования метких и образных выражений и приемов.

Выдающуюся роль среди языковых средств придания стилистической выразительности газетным слоганам играют приемы словообразования, причем нередко это словообразование новых слов – неологизмов, которые служат «зеркалом» новых тенденций в жизни человечества по принципу: новое явление – новое слово. В подтверждение этого утверждения И.В. Скуратов отмечает: «неология является необходимой в специальных областях, где постоянное появление новых понятий требует непрерывного создания новых лексических единиц. В терминологии особо выделяют два типа неологических ситуаций: первый тип, когда два или несколько обозначений соответствуют одному понятию, когда данное явление затрудняет общение; второй тип, когда специальный язык не обладает необходимым обозначением, чтобы выразить то или иное понятие. В первом случае, для обеспечения общения необходимо упростить различные формы и сократить их до одной; во втором случае следует создать новую форму для выражения нового понятия». [1, с. 3-4]

Продуктивным способом словообразования в современном французском языке является конверсия, представляющая собой морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором новые слова возникают без изменения основной формы исходного слова. [2, с. 98] Популярность данного способа словообразования среди авторов газетных слоганов объясняется простотой его применения – для получения нового, необычно «звучащего» в конкретном контексте слова, захватывающего читателя новизной своего применения, не нужны дополнительные морфологические конструкции и трансформации.

Практически все слова в современном французском языке обладают возможностью перехода из одной ча-

сти речи в другую посредством словообразовательного переформления. Важнейшей причиной этому следует считать ту особенность языка, которая состоит почти в единообразии морфологических показателей в разрезе частей речи.

Сущность конверсии заключается в образовании из слова, относящегося к одной части речи, нового слова, принадлежащего к другой части речи, без внешней словообразовательной его перестройки. Новые слова, образованные путем конверсии, получают новые синтаксические функции и новое лексико-грамматическое значение.

Производное при осуществлении конверсии новое слово включается в новую парадигму и при этом приобретает иную по сравнению с исходным применением синтаксическую функцию и сочетаемость, а также новое лексико-грамматическое значение.

Рассмотрим направления и особенности словообразования посредством конверсии на примере слоганов современных франкоязычных газетных изданий.

Пример 1. «Exposition consacrée au mode de vie d'un parisien contemporain: demarche du savoir-vivre au savoir-savoir». [3]

Перевод: «Выставка, посвященная образу жизни современного парижанина: демарш от умения жить к умению знать»

В данном примере выражение *savoir-savoir* является своеобразным аналогом приведенного в той же фразе выражения *savoir-vivre* – оба они образованы путем конверсии глаголов в существительные (субстантивация).

Под субстантивацией мы понимаем переход в разряд имен существительных других частей речи вследствие приобретенной способности непосредственно указывать на предмет. [4, с. 59]

Субстантивация наряду с вербализацией и адъективацией представляет собой один из наиболее распространенных случаев конверсии, который лингвисты рассматривают как лексико-грамматическое явление, базирующееся на синтаксисе.

Переход глагольных форм в существительные отражает аналогичный процесс перехода привычных действий парижан в их образ жизни – в одной фразе данного слогана автор обозначил происходящую под влиянием набирающей обороты «экономики знаний» смену эпох в восприятии жизни горожан столицы Франции гедонизма к большей ориентации на получение новых знаний.

Адъективация – следующий способ словообразования путем конверсии – перевод других частей речи в прилагательное.

Пример 2: «Les scientifiques prédisent la découverte d'un nouveau continent – mais ce n'est pas l'Atlantide légendaire, c'est un entier continent-déchets de notre civilisation». [5]

Перевод: «Ученые прогнозируют открытие нового материка – и это не легендарная Атлантида, а целый материк из мусора от нашей цивилизации».

В данном примере выражение *continent-déchets* образовано путем конверсии существительного *déchets* «мусор» в прилагательное, которое условно можно перевести как «мусорный», «состоящий из мусора». В контексте повествования о таких масштабных объектах, как материка, после упоминания *l'Atlantide légendaire* с соответствующим превозносящим эпитетом, авторский неологизм *continent-déchets* выступает «названием» нового континента, сильно контрастирующим с предыдущим, за счет чего читателю отчетливо передается негативная оценочная модальность слогана по отношению к описываемому явлению и про-экологический месседж всей публикации в целом.

Пример 3: «Pénurie de vaccins pour les enfants au Sénégal: combien coûte la santé d'un enfant au paradis banane?» [6]

Перевод: «Нехватка вакцин для детей в Сенегале: сколько стоит здоровье ребенка в банановом рае?»

Этот пример также демонстрирует словообразование в газетных слоганах путем адъективации – существительного *banane* употребляется в качестве прилагательного, относящегося к слову *paradis*. Такое необычное употребление названия привычного фрукта позволило достичь большей выразительности фразы в целом и авторского сарказма относительно качества жизни в Сенегале в частности.

Пример 4: «Le mouvement pour les droits extraterrestres dans la zone 51 démontre que les droits de l'homme font que tout le monde s'ennuie». [7]

Перевод: «Движение за права инопланетян в зоне 51 – права человека уже всем надоели».

Приведенный слоган содержит существительное *extraterrestres*, употребленное в роли прилагательного, что подчеркивает сатирическую оценочную модальность фразы по упомянутому вопросу.

Результатом конверсии является омонимия основных форм производного слова и производящего (исходного) слова, то есть появление языковых единиц, совпадающих по форме, звучанию и написанию, но имеющих разное значение и принадлежащих к разным частям речи.

Пример 5: «Compétition entre les agences de voyages – rythmes de la Havane et thalassothérapie tunisienne: les voyageurs apportent des testers de plaisirs de villégiature plus près de leurs clients». [8]

Перевод: «Конкурентная борьба среди турфирм – ритмы Гаваны и талассотерапия Туниса: туроператоры привозят «пробники» курортных удовольствий ближе к своим клиентам».

Данный слоган содержит слово *tester*, выступающее в качестве существительного, образованное путем перехода из глагола *tester* – «пробовать, тестировать, проверять». Продуктивность данной конверсии подкрепляется и англоязычным заимствованием слова *tester* – «тестер, пробник».

При конверсии слова создаются с одним значением, но в дальнейшем многие из них становятся многозначными. Данный пример демонстрирует механизм работы конверсии во французском языке по аналогии с однокоренным расхожим иноязычным заимствованием. В результате конверсии существительное приобретает цельноформленность, что связано с переходом из лексико-грамматического класса глагола в лексико-грамматический класс существительного. [9, с. 337]

Конверсия как словообразовательный процесс неологизмов газетных слоганов происходит и путем перевода иноязычных слов и терминов в новые части речи. Такая активность объясняется наличием в языке большого разнообразия правил конверсии и их продуктивностью. [10, с. 154]

Пример 6: «Cours de danse Purvi pour les françaises à Lyon: la demande trouvera-t-elle un concept indien de féminité?» [11]

Перевод: «Курсы восточных танцев пурви для французенок в Лионе: найдет ли спрос индийская концепция женственности?»

В данном примере индийское прилагательное *Purvi* «восточный» употребляется как имя собственное – название восточных танцев. Автором использовано именно это название, а не расхожее во Франции выражение *danse orientale*, которое устойчиво ассоциируется с арабской культурой – для разграничения источников происхождения различных танцев.

Другой распространенный тип конверсии в современном французском языке – образование глаголов от существительных. Активность данной модели объясняется большим удельным весом существительных в словарном составе языка.

Пример 7: «Suite du film Maleficient - a-t-on réussi de «productionner» un nouveau chef-d'œuvre?» [12]

Перевод: «Сиквел по фильму Малифисента – удался ли продакшн нового шедевра?»

Словообразование слова *productionner* – конверсия

из существительного, кинематографического термина *production* – «продакшн», в глагольную форму.

Использование такого неологизма вместо существующих слов (*faire, produire, créer...*) позволило сделать слоган более необычно звучащим и привлекающим внимание за счет акцента на специфике кинематографического производства.

Следующий пример демонстрирует возможность вербализации и иностранных слов путем их морфологической трансформации.

Пример 8: «Trendiser des mariages humain-animal – l'apothéose de la liberté de choix ou l'aggravation d'un trouble mental?» [13]

Перевод: «Мода на браки людей и животных – апофеоз свободы выбора или обострение психического расстройства?»

Слово *trendiser* образовано путем вербализации англоязычного заимствования *trend*, которое во французском языке имеет собственное обращение в значении «тренд», «явление моды». Данный пример конверсии примечателен тем, что в нем применен глагольный суффикс – используется морфологическая адаптация иноязычного заимствования к нормам грамматики французского языка.

Пример 9: «Dont le succès est poursuivi par les trainings de réussite – les entraîneurs ou le public sky-rocketeront?» [14]

Перевод: «К чьему успеху ведут тренинги для успешных людей – тренеры или аудитория взлетают к вершинам успеха?»

Использование неологизма *sky-rocketer*, образованного от английского глагола *sky-rocket* – «взлетать», «достигать вершин» передают дух американской идеологии успешности, которая ставится под сомнение за счет передаваемого сомнения автора в применимости данной концепции к реалиями французской жизни и культуры.

Пример 10: «Les visiteurs du parc peuvent essayer personnellement les costumes historiques des Vikings et se «axer» dans une bataille impromptue». [15]

Перевод: «Посетители парка могут лично примерить исторические костюмы викингов и порубиться на топорах в импровизированной битве».

В данном примере вербализовано существительное *axe* – «топор», заимствованное из английского языка. Благодаря такому неологизму автор эффективно передал историческую аутентичность упомянутого в слогане культурного мероприятия.

Рассмотренные примеры конверсии при словообразовании в газетных слоганах французской прессы показывают высокую продуктивность данного способа образования авторских неологизмов, одинаково эффективно применяемого как в отношении слов французского языка, так и иноязычных заимствований.

ВЫВОДЫ

Обобщая материал, изученный в рамках данной работы, можно сделать вывод о том, что французскому газетному слогану свойственны такие функциональные аспекты как информирование, анонсирование содержания материала, неявное убеждение и манипуляция, передача оценочно-модального суждения автора, привлечение и задержание внимания на содержанием материала, а также расширение читательской аудитории. При этом наиболее продуктивными формами словообразования, используемыми в слогах и полученных путем конверсии, представляются субстантивация, вербализация и адъективация, а особая роль в формировании слога принадлежит авторским неологизмам.

Причинами популярности использования именно этих приемов сложения слоганов являются такие особенности французского языка как единообразие морфологических показателей в разрезе частей речи, допустимость многозначности созданного путем конверсии слова, наличие большого разнообразия правил конверсии,

морфологическая адаптация иноязычного заимствования к нормам грамматики французского языка.

Конверсия в словообразовании неологизмов сообщает медиа-языку большую гибкость и выразительность, за счет позволяет настраивать читателя на определенное оценочное отношение к упоминаемым в газетных слоганах событиях и явлениях. За счет конверсии французский язык обогащается большим количеством окказионализмов, а газетные медиа успешно позиционируют себя в информационном пространстве за счет выразительности и «острой» актуальности публикуемых текстов для читателей.

Полученные данные могут быть использованы при составлении словарей неологической лексики, применяемой в прессе, в курсах стилистики и лексикологии, при переводе газетной прессы, а также в качестве методологического материала для последующих исследований особенностей французского слога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Скуратов, И.В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты: дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Игорь Владимирович Скуратов. – М., 2006. – 424 с.
2. Rey, A. Néologisme : un pseudo-concept // *Cahiers de lexicologie*. – 1997. – N°28. – P. 97-128.
3. Exposition consacrée au mode de vie... // *Le Point*. – 06.06.19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lepoint.fr...5655578.php (дата обращения: 23.10.19 г.).
4. Goudailler, J-P. Procédés de création lexicale en français contemporains cités // *Les Cahiers du CIEP*. – P.: Editions Didier, 2003. – P. 55-64.
5. Les scientifiques prédisent la découverte... // *Les Echos*. – 20.06.18. – www.liberation.fr...489320.php (дата обращения: 23.10.19).
6. Pénurie de vaccins pour les enfants... // *La Liberation*. – 23.11.16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.laliberation.fr...224891.php (дата обращения: 23.10.19 г.).
7. Le mouvement pour les droits extraterrestres... // *Le Monde*. – 18.06.19 // www.lemonde.fr...385629.12.php (дата обращения: 23.10.19).
8. Compétition entre les agences de voyages... // *L'Equipe*. – 03.05.19 // www.lequipe.fr...56256.php (дата обращения: 23.10.19).
9. Depecker, L. L'invention de la langue: le choix des mots nouveaux. – Paris, Armand Colin-Larousse, 2001. – 719 p.
10. Pergnier, J. Emprunts dans la langue française / J. Pergnier. – Paris, 1989. – 588 p.
11. Cours de danse Purvi pour les françaises... // *La liberation*. – 20.06.18. – www.liberation.fr...79523.php (дата обращения: 23.10.19)..
12. Suite du film Maleficient... // *Le Parisien*. – 02.08.19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.leparisien.fr...6263685.php (дата обращения: 23.10.19 г.).
13. Trendiser des mariages humain-animal... // *Les Echos*. – 05.12.19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lesechos.fr...1158985.php (дата обращения: 21.06.19 г.).
14. Dont le succès est poursuivi... // *Le Monde*. – 30.09.15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lemonde.fr...7684.21.php (дата обращения: 21.06.19 г.).
15. Les visiteurs du parc peuvent... // *Le Nice-Matin*. – 22.09.15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.lenice-matin.fr...847562.php (дата обращения: 21.06.19 г.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.124:61
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0061

МЕТАФОРЫ В АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

© 2020
AuthorID: 538932
SPIN: 4422-4843
ScopusID: 57205525954

Новикова Ольга Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
латинского языка и основ терминологии

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. К.Маркса, 3, e-mail: vesninao@yahoo.com)*

Аннотация. Будучи древнейшей областью человеческой деятельности, медицина имеет сложившуюся на протяжении многих веков терминологию, насыщенную метафорическими выражениями греко-латинского происхождения. В то время люди называли определенные органы, физиологические процессы или явления, используя при этом сходства с какими-либо предметами, окружающими их в повседневной жизни. Отметим при этом, что отличительной чертой метафорических терминов в медицине является то, что они представляют собой первичную номинацию объекта, так как другое название у данного объекта отсутствует; они абсолютно самостоятельны в семантическом плане, передают только научную информацию и лишены всякой эмоциональной окрашенности и оценочности. Анатомия является частью медицинской терминологии и одной из древнейших областей человеческого познания. Метафорическая номинация в анатомической терминологии основана на выделении значимых признаков, связанных со строением человеческого тела: размером, формой, пропорциями анатомических образований. Данное исследование направлено на изучение метафор в латинских наименованиях анатомических образований и раскрытие внутренних связей между исходным явлением и образованным на его основе научным понятием в анатомии. В статье предлагается классификация основных тематических групп метафор, выделенных в анатомической терминологии эмпирическим путем, а также приводится значительное количество ярких примеров терминов-метафор. Наиболее продуктивными сферами-источниками метафорических терминов, на наш взгляд, являются мифологические герои и сам человек, природа (животные и растения), воинские доспехи и оружие, части зданий и сооружений, предметы быта и хозяйства. Все эти реалии мира находят отражение в парадигме человека. Таким образом, многообразие видов метафорических терминов свидетельствует о том, что метафора является неотъемлемой частью лексики анатомической терминологии. Будучи эффективным способом терминообразования, метафоры в анатомической терминологии очень яркие по форме и точные по значению, что способствует их быстрому запоминанию студентами медицинских вузов.

Ключевые слова: метафора, метафорический термин, анатомическая терминология, латинский язык.

METAPHORS IN ANATOMICAL TERMINOLOGY

© 2020

Novikova Olga Mikhailovna, PhD in pedagogy, Associate Professor of the Department
of the Latin Language and the Basics of the Medical Terminology,

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, K.Marx St., 3, e-mail: vesninao@yahoo.com)*

Abstract. Being the oldest area of human activity, medicine has the terminology developed over the centuries, rich in metaphorical expressions of Greek-Latin origin. At that time, people called certain organs, physiological processes or phenomena, using similarities with any objects surrounding them in everyday life. It should be noted that the distinctive feature of metaphorical terms in medicine is that they represent the primary nomination of the object, since there is no other name for this object; they are completely independent in semantic terms, transmit only scientific information and are devoid of any emotional coloring and evaluation. Anatomy is a part of medical terminology and one of the oldest areas of human knowledge. Metaphorical nomination in anatomical terminology is based on the allocation of significant features associated with the structure of the human body: size, shape, proportions of anatomical formations. This research is aimed at the study of metaphors in Latin names of anatomical formations and the disclosure of internal relations between the original phenomenon and the scientific concept formed on its basis in anatomy. The article offers a classification of the main thematic groups of metaphors, identified in the anatomical terminology empirically, and provides a significant number of vivid examples of terms-metaphors. The most productive spheres-sources of metaphorical terms, in our opinion, are mythological heroes and man himself, nature (animals and plants), military armor and weapons, parts of buildings and structures, household items. All these phenomena of the objective world can be regarded as a human micromodel. Thus, the variety of types of metaphorical terms indicates that metaphor is an integral part of the vocabulary of anatomical terminology. Being an effective way of term formation, metaphors in anatomical terminology are very vivid in form and precise in meaning, it facilitates their quick memorization by students of medical universities.

Keywords: metaphor, metaphorical term, anatomical terminology, the Latin language.

Постановка проблемы и ее связь с научными и практическими задачами. Вопросы, затрагивающие изучение метафор, вызывают неослабевающий интерес со стороны исследователей разных направлений. Известно, что с помощью метафоры, выступающей средством смыслообразования, создаются новые значения по принципу переноса признака свойственного одному объекту на другой. Предполагая использование некой отсылки к тому, что уже известно, метафора является базовой схемой, с помощью которой люди концептуализируют собственный опыт и свой внешний мир [1]. Как отмечает Зубкова О.С., «обладая сильной креативной потенцией, метафоры вносят свой уникальный вклад в более дифференцированное и мультиперспективное понимание окружающего мира, частью которого является любой

индивид» [2, с.263].

Анализ исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты данной проблемы. В то время как появляются новые научные данные и, соответственно, возникают проблемы встраивания научной информации в существующую картину мира, человек, основываясь на принципе аналогии, сходства неких объектов, опираясь на известные формы бытового сознания, создает научную модель мира.

Надо полагать, что метафоризация всегда выступала частью любой терминосистемы и терминология медицины не исключение. Медицинская терминология, наряду со многими другими терминологическими системами (юридической, философской), сложилась очень давно на базе древних языков, в частности, латинского и грече-

ско, и основана на механизме метафоризации. Тогда люди, столкнувшись с проблемой обозначения научных наименований, использовали когнитивные механизмы, базирующиеся на принципе сходства, сравнения с предметами, окружающими их в повседневной жизни. Определенные органы, физиологические процессы или явления напоминали своей формой, функцией, расположением, характером проявления какой-либо объект окружающей действительности. Таким образом, «существующие в медицине в большом количестве термины-метафоры отражают механизм познания людей в прошлом, образ их мыслей и ассоциаций» [3, с.117]. Также следует отметить, что отличительной чертой метафорических термин в медицине является то, что они представляют собой первичную номинацию объекта, так как другое название у данного объекта отсутствует; они абсолютно самостоятельны в семантическом плане и лишены всякой эмоциональной окрашенности и оценочности.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Будучи частью медицинской терминологии, анатомия является одной из древнейших областей человеческого познания, и, соответственно, «ее терминология формировалась во многом на основе метафорического осмысления предметов и феноменов, окружающей человека в повседневности» [4, с.127]. Метафорическая номинация в анатомической терминологии основана на выделении значимых признаков, связанных со строением человеческого тела: размером, формой, пропорциями анатомических образований.

Нельзя забывать тот факт, что в анатомической терминологии метафорические наименования являются греко-латинскими кальками, и традиционно применение латинского языка в этом комплексе терминосистемы является обязательным и общепринятым.

Согласно исследованиям, основными сферами-источниками терминов-метафор выступают человек, фауна, флора, война, природа (ландшафт, климат), артефакты (одежда, ткань, инструменты, пища, архитектура и т. п.) [5].

В связи с этим, в анатомической терминологии эмпирическим путем были выделены семь основных тематических групп метафор: 1) антропоморфная метафора; 2) зооморфная метафора; 3) фитонимическая метафора; 4) военная метафора; 5) архитектурная метафора; 6) «бытовая» метафора. Остановимся на них более подробно.

Антропоморфные метафоры образуются на основе отождествления окружающего мира с характерными чертами мифического существа или определенными органами самого человека. Так, первый шейный позвонок, поддерживающий голову (atlas, antis m) был назван «атлантом» по имени греческого титана Атланта, который в наказание за свою непокорность был вынужден держать на своих плечах небесный свод. Источником анатомического термина «tendo Achillis» (ахиллово сухожилие, являющееся часто травмируемым сухожилием) считается миф об Ахилле, у которого была уязвима только пятка, за которую его держала мать, окунув в воды реки Стикс с намерением дать своему сыну бессмертие. Другими примерами антропоморфных метафор могут выступать термины, обозначающие различные части тела человека: caput, itis n (голова, головка) – caput costae (головка ребра); cervix, icis f (шея, шейка) – cervix uteri (шейка матки); labium, i n (губа) – labium externum cristae iliaceae (наружная губа гребня подвздошной кости); lingula, ae f (язычок) – lingula pulmonis sinistri (язычок левого легкого); dorsum, i n (спинка) – dorsum nasi (спинка носа) [6].

Зооморфные метафоры представляют собой названия животных, птиц, частей их тела и другие номинации, относящиеся к их существованию. Метафорические термины на основании сходства по форме: ala, ae f (крыло) – ala nasi (крыло носа); crista, ae f (гребень) – crista tuberculi (гребень бугорка); cauda, ae f (хвост) – cauda equina

(конский хвост, т.е. спинной мозг), lobus caudatus hepatis (хвостатая доля печени); squama, ae f (чешуя) – squama occipitalis (затылочная чешуя); cochlearis, e (улитковый) – ductus cochlearis (улитковый проток); различные структуры роговидной формы обозначаются термином cornu, us n (рог) – cornu uteri dextrum/sinistrum (правый/левый рог матки). Животный мир подвергается метафоризации в силу того, что анималистические номинации входят в ядро знаний человека об окружающем мире.

Фитонимические метафоры заключают в себе сравнение анатомических образований с объектами растительного мира. Путем метафоризации был образован термин cortex, icis m (кора): сходство по расположению и структуре с корой дерева прослеживается в названии cortex cerebri (кора головного мозга). Уподобление по форме в виде клубневидного утолщения с такой частью растения как луковица (bulbus, i m) можно наблюдать в терминах bulbus oculi (глазное яблоко), bulbus duodeni (луковица двенадцатиперстной кишки). Элементы сопоставления с корнем растения (radix, icis f) – radix dentis (корень зуба), radix pulmonis (корень легкого), листом (folium, i n) – folia cerebelli (листья мозжечка), ветвью дерева (ramus, i m) – ramus auricularis (ушная ветвь) также метафоричны. Данный процесс метафоризации нашел отражение и в прилагательных: piriformis, e (грушевидный) – musculus piriformis (грушевидная мышца); sesamoideus, a, um (сесамовидный, от sesamum, i n – сезам, кунжут) – os sesamoideum (сесамовидная кость). Метафоризация основных частей растений свидетельствует о том, что человек предстает как часть биосферы.

Военные метафоры образовались благодаря внешнему сходству или функции частей человеческого тела с оружием и военным снаряжением. Сходство по внешнему виду заложено в таких терминах, как sagittalis, e (от sagitta, ae f - стрела) стреловидный – sinus sagittalis superior (верхний сагиттальный синус); frenulum, i n (уздечка) – frenulum labii (уздечка губы); stapes, edis m (стремля) в анатомии слуховая кость среднего уха; sella, ae f (седло) – sella turcica (турецкое седло - образование в теле клиновидной кости черепа человека в виде углубления, по форме напоминающего седло); thyreoideus, a, um (щитовидный) – glandula thyroidea (щитовидная железа, которая по форме похожа на щит воина). По сходству выполняемой функции с предметами военного быта можно выделить: анатомический термин vagina, ae f (влагалище) изначально обозначал «ножны»; cranium, i n, который в военной терминологии означает «верхнюю часть шлема», а в анатомии – «череп»; galea, ae f (шлем) – galea aroneutica (сухожильный шлем, который покрывает свод черепа); thorax, icis m (панцирь, кольчуга) в анатомии – грудная клетка, которая защищает внутренние органы от повреждений [7]. Активность номинаций элементов вооружения в образовании терминов-метафор в анатомической терминологии также вписывается в русло парадигмы научного познания.

Архитектурные метафоры создаются на основе сравнения анатомической структуры с формой и функцией архитектурных объектов: columna, ae f (столб) – columna vertebralis (позвоночный столб); paries, etis m (стена, стенка) – paries tympanicus (барабанная стенка); tuba, ae f (труба) – tuba uterina (маточная труба); arcus, us m (дуга) – arcus aortae (дуга аорты); fornix, icis m (свод) – fornix pharyngis (свод глотки); canalis, is m (канал) – canalis humeromuscularis (плечемышечный канал); pons, pontis m (мост) – pons Varolii (варолиев мост); labyrinthus, i m (лабиринт) – labyrinthus ethmoidalis (решетчатый лабиринт); pyramis, idis f (пирамида) – pyramis medullae oblongatae (пирамида продолговатого мозга); vestibulum, i n (преддверие) – vestibulum oris (преддверие рта) [8]. Соотнесение анатомических терминов с предметами архитектуры объясняется тем фактом, что строительные объекты всегда были предметами деятельности человека. Изменяясь со временем, их образы все равно остаются в сознании людей.

В «бытовых» метафорах для образования анатомических терминов используются названия предметов быта. Термин-метафора *vasa sanguinea* образован на основе сходства реализуемой функции (кровеносные сосуды, подобно бытовым, используются для хранения и переноса жидкости). Термин-метафора *saccus, i m* (мешок) образован на основе сходства формы (*saccus caecus* слепой мешок селезенки; *saccus conjunctivae* конъюнктивальный мешок; *saccus digestorius* пищеварительный мешок; *saccus lacrimalis* слезный мешок и т.д.). К подобным терминам можно отнести *bursa, ae f* (сумка) – *bursa synovialis* (синовиальная сумка), *bursa omentalis* (сальниковая сумка); *anulus, i m* (кольцо) – *annulus inguinalis* (паховое кольцо), *anulus umbilicalis* (пупочное кольцо); *cingulum, i n* (пояс) – *cingulum membri superioris* (пояс верхней конечности); *recessus, us m* (карман, углубление) – *recessus pharyngeus* (глочный карман) [9]. Высокая продуктивность «бытовых» метафор обусловлена развитием хозяйственной деятельности, ремесел и значимостью объектов, созданных человеком в повседневной деятельности.

Выводы и перспективы дальнейших исследований данного направления. Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что анализ анатомической терминологии выявил самые продуктивные источники метафоризации. Главными сферами для метафоричной номинации в анатомической терминологии являются объекты живой и неживой природы, что позиционирует человека и его тело как важную составляющую единой биосистемы [10]. Поскольку центром метафоризации в анатомической терминологии является человек, следует отметить, что части тела и органы человека сравниваются со специфическими частями тел животных, частями растений, артефактами, то есть тем, чего у человека нет по своей природе, что, в свою очередь, говорит о доминировании натуралистических представлений и первичности наивной картины мира [11].

В анатомической терминологии метафорические понятия функционируют как готовые термины, несущие сугубо научную информацию. Носители языка не осознают метафоричность их природы, так как давно функционирующие метафоры потеряли связь со сферой-источником. Именно поэтому так важно, чтобы студенты-медики в процессе изучения латинского языка как основы медицинской терминологии понимали, как сами термины, так и их метафорическую наполняемость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бессонов И.В. Социально - психологические аспекты использования метафоры в управленческих интеракциях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 297-299.
2. Зубкова О.С. Метафорическая интеграция в вербализованном пространстве термина: лингвосемиотический аспект / Терминология: становление, развитие, функционирование: коллективная монография. Астрахань, 2019. – С. 243-281.
3. Синельников Ю.Г., Подорванова Я.С. Метафора как средство образования медицинских терминов (на материале французской прессы) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6 (177). – С. 116-121.
4. Буженинов А.Э. Термины-метафоры в анатомической терминологии французского языка // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. – С. 124-128.
5. Темиргазина З.К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. № 1 (9). – С. 5-9.
6. Синельникова И.И. Метафора в латинских наименованиях анатомических образований. В сборнике: Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии Материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции [Электронное издание]. - СПб, 2016. С. 216-219.
7. Ульяновская Н.А. Некоторые аспекты преподавания латинского языка в медицинском вузе (на примере метафор и ассоциаций) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2012. №1 (2). – С.252-255.
8. Архипова И.С., Олехнович О.Г. Отражение античной картины мира в анатомической терминологии. В сборнике: Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. Материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции [Электронное издание]. - СПб, 2016. – С. 27-31.
9. Международная анатомическая терминология с граммати-

кой латинских терминов / под ред. Г.Вс.Петровой. – М., 2019. – 368 с.

10. Карбовник И.В. Термин-метафора в субъязыке медицины (на материале латинских анатомических и клинических терминов // Науковий вісник Львівського національного університету ветеринарної медицини та біотехнологій імені С.З. Гжицького. 2014. Т.16. №2. – С.258-261.

11. Озингин М.В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии: автореф. дисс. ... канд.фил.наук. - Саратов, 2010. - 22 с.

Статья поступила в редакцию 18.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 801.3=82

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0062

ГЕШТАЛЬТ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ КОНЦЕПТОВ

© 2020

Новрузова Саадат Велиуллы кызы, преподаватель
кафедры лингвокультурологии

Азербайджанский университет языков

(1000, Баку, Азербайджан, ул. Р.Бейбутов, 134, e-mail: novruzovaseadet@gmail.com)

Аннотация. Проблема концепта и его типологии является важным теоретическим вопросом в литературоведении. Определение ментальной специфики типологии концептов является одной из ведущих задач, стоящих перед лингвокультурологией. На сегодняшний день в когнитивной лингвистике различаются разного рода мыслительные единицы – реальные события, конкретно-чувственные образы, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарий. В этих процессах типы концептов, которые отражают знания и информацию, а также проявляют их, делятся на две группы – это вербальные и невербальные концепты. В статье рассматриваются концепты обычного и высшего уровней в рамках мыслительной деятельности. Это гештальт и его структура, как когнитивной единицы. Он рассматривается как тип концепта, определяются его структурно-семантические и лексико-когнитивные основы. Гештальт-концепт по своему характеру является концептуализированной информацией, которая в системном виде доводится до людей. Изложена краткая история формирования представлений о гештальте в лингвистическом и психологическом аспектах. Рассмотрены основные теории становления концептуальных основ гештальта в рамках лингвокультурологии. Показан потенциал данного подхода в изучении когнитивных возможностей человека посредством языка.

Ключевые слова: концепт, гештальт, психологические и когнитивные основы гештальта, психолингвистика и социолингвистика.

GESTALT AS ONE OF THE TYPES OF CONCEPTS

© 2020

Novruzova Saadat Veliulla, teacher of the Department
of Linguistic and Cultural Studies

Azerbaijan University of Languages

(1000, Baku, Azerbaijan, R. Beibutov St., 134, e-mail: novruzovaseadet@gmail.com)

Abstract. The problem of the concept and its typology is an important theoretical issue in literary criticism. The determination of the mental specificity of typology of concepts is one of the leading tasks facing linguoculturology. Today in cognitive linguistics different kinds of thinking units are distinguished - real events, specifically sensual images, prototypes, propositions, frames, script. In these processes, types of concepts that reflect knowledge and information, as well as display them, are divided into two groups - these are verbal and non-verbal concepts. The article discusses the concepts of ordinary and higher levels in the framework of mental activity. This is gestalt and its structure as a cognitive unit. It is considered as a type of concept, its structural-semantic and lexico-cognitive foundations are determined. The Gestalt concept is by its nature conceptualized information that is conveyed to people in a systematic form. A brief history of the formation of ideas about gestalt in the linguistic and psychological aspects is presented. The basic theories of the formation of the conceptual foundations of gestalt in the framework of linguocultural studies are considered. The potential of this approach in the study of human cognitive capabilities through language is shown.

Keywords: concept, gestalt, psychological and cognitive foundations of gestalt, psycholinguistics and sociolinguistics.

Введение. Язык играет ключевую роль в общении людей, их интеграции. По этой причине язык также является кодом, знаком, основой культуры, и в научном смысле – лингвокультурологии.

Прежде всего, рассмотрим термины «культурология» и «лингвокультурология». Культурология – довольно многомерное понятие. Культурология – это способ понимания и изучения людей. Язык отражает социокультурную деятельность людей. Культурология влияет на сущность языка. В.Н. Телия описал лингвокультурологию как часть этнолингвистики (науки, которая рассматривает лингвистические и этнологические проблемы лингвистики) [1, с.11].

Язык является кодом культуры, сосредотачивая в себе ее общечеловеческие и этнокультурные стороны. Каждый язык обладает своеобразной культурной семантикой. Эта семантика выражается в языке в самом общем плане. Существует уникальная культура конкретного народа и универсальные составляющие культуры. Идет генерация универсальных семантических компонентов. Формируется межкультурная общность.

О сущности концепта. Концептосфера определяется культурой каждого народа как сфера представления, то есть то, как формируется и определяется среда представления. Этнолингвистика – одна из новейших дисциплин в области этнографии, истории и лингвистики. Она изучает связь языка с культурой, внешним миром, а также обычаями и традициями людей. Связь языка с культурой не является новой проблемой в науке. Она изучалась исследователями с древних времен. Есть известная поговорка: «Дайте мне идеальный язык, и я дам вам идеальную культуру». Этнолингвистика считает эту древнюю

традиционную проблему наиболее важной проблемой и занимается углубленным и детальным ее исследованием. Этнолингвистика рассматривает важную ведущую функцию языка, связанную с культурой, народными обычаями, и даже познанием.

В. Гумбольдт писал, что «отношение человека к вещам полностью зависит от языка, связано с языком. Создатель языка отдает себя в распоряжение этого языка. Язык составляет «переходный мир» между человеком и внешним миром, а языковая лексика отражает в себе особое национальное мировоззрение» [22].

Одним из факторов, вызывающих эту зависимость, является концепт. Концепт является объектом лингвокультурологии. А. Весбитская определяет понятие «концепт» следующим образом: «Концепт – это культурный кластер человеческого мышления и сознания. Он сопровождает знание, возникающие ассоциации, волнение человека в сочетании со словами» [2, с. 12].

Термин «концепт» имеет различные значения, и одним из основных понятий является его связь с представлением. Концепт является как философским, так и психологическим термином. Этот термин также используется в области лингвокультурологии. Существуют концептуальные аспекты значения определенных слов, ставших концептами. С философской точки зрения «идея состоит в том, чтобы видеть вещи, когда они непосредственно не влияют на чувства человека; Вещи и события, которые ранее воспринимались и затем запоминались нашими чувствами, впоследствии возрождаются в сознании» [3, с. 276].

От термина «концепт» произошло слово «концепция» (лат. «*conseptio*» - значение, система), то есть спо-

соб понять и объяснить основные мысли, идеи и события. С конца XX века в западной философии все чаще используют термин «концепт» (лат. «consertus»). Это слово является очень близким понятием к терминам «понятие» и «категория». Французские философы Жиль Делез и Феликс Гваттари рассматривают это понятие в более широком смысле и считают его роль в философии решающей. Они пишут, что «... формирование концепта в философии – это искусство формировать, изобретать, исправлять» [4, с. 10].

«Философ – друг концепта и потенциально зависит от нее. Это означает, что философия – это не просто искусство формулирования, изобретения или исправления концепта, потому что концепт не обязательно является формой, находкой или продуктом. Говоря точнее, философия является дисциплиной концептуального творчества» [4, с.13-14].

По мнению ученых, не существует однородного концепта, единого состава. «Концепт означает множественность, хотя не все множества являются концептами. Но нет концепта только лишь из одного ингредиента ... Каждый концепт, обладает, по крайней мере, двойной, тройной и так далее структурой. Также не все, что имеет все составные компоненты, будет концептом, потому что в этом случае образуется лишь хаос; даже универсалии, как конечный этап концепта, следует отделять от хаоса...» [5, с. 25].

Концепт – это единица глобальной мысли, основа единой лингвокультурологической науки. «Концепт» - это философско-психологическое понятие-термин, означающее «мысль, представление», как слово, оно также очень близко к термину «категория». Категоризация идей и представлений является неотъемлемой частью этого процесса. Именно концепт определяет основные постулаты лингвокультурологии. «Концепт культуры формируется в сознании и живет в разного типа произведениях» [1, с.34]. «Человек живет внутри культуры и разных концептов, и продолжает свою деятельность; это – реальность» [6, с.71-78].

Н.Ф. Альфиренко показывает, что в художественной литературе разные концепты больше вербализуются (в том числе и в фольклоре) [7, с.54].

О *понятии гештальт*. После определения общего понятия концепта рассмотрим типы концепта и, в частности, теоретические взгляды на *гештальт*.

В лингвокультурной среде существует много разных типов концептов. Существует ряд средств для выражения различных типов концептов: лексические, фразеологические, паремиологические, синонимические, и т.д. Интенсивное развитие когнитивной лингвистики направлено на изучение типологии концепта на уровне теории, а также на выявление вербальных типов, способствующих формированию когнитивных событий.

Типология концептов в рамках своих возможностей различает единицы мыслительного процесса и типы знаний в функционально-структурных терминах.

А.П. Бабушкин в своих исследованиях на эту тему значительно продвинулся вперед. Он смог определить границы типов концептов: мысленная картина, схемы, гиперонимы, фреймы, идеи, сценарии, калейдоскопические понятия [8, с.104]. Н.Н. Болдырев несколько расширил эти типы: конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты [9, с.123]. С.К. Боркачев по уровню выделяет концепты долга, счастья, любви, совести и обычные [10, с.54]. Г.Г. Слишкин выделяет первый и второй типы концептов, а также метаконцепты [11, с.125].

Далее, В.И. Карасик выделил параметрические и непараметрические типы концептов [12, с.477]. М.В. Пименова определила следующие типы концептов: образы (Русь, Россия, мать, и т.д.), идеи (капитализм), символы (лиса, волк) и концепт культуры (в том числе универсальные категории культуры – время, пространство, Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

движение, изменение, причина, результат, количество, качество, социально-нравственные категории – свобода, справедливость, труд, богатство, национально-культурные категории – сердце, долг, этические категории – добро, зло, правдивость, прямота, мифологические категории – ангел-хранитель и другие) [13].

Помимо этого, И.А. Стернин подчеркивает сложность изучения гештальта при исследовании типов концептов [14, с.58-65]. Г. Токарев, комментируя лингвокультурные особенности типов концептов, затрагивает их психолингвистические аспекты и рассматривает их описание в художественной среде [15, с.34]. Эти типы концептов взаимозависимы по своей природе.

Лингвисты и психологи занимались концептуальным анализом гештальта. Они обнаружили, что, так же, как образ и понятие, гештальт является формой профессионального воображения.

В когнитивной структуре роль типа гештальта достаточно велика. Прежде всего, это психологическая единица. Значение термина – образ, форма. Общеизвестно, что функциональная структура языка (функция структурных единиц в акте речи, их роль и т.д.) регулируется многообразными событиями. С этой точки зрения, гештальт – это концептуальная структура, целостный образ.

Гештальт представляется как целостный образ. Здесь выделяется четыре основных признака: 1) точность рисунка (приоритетным является фактор зависимости от гештальта), 2) верхняя подытоживаемость (основная форма состоит из основного смысла, итог идет как отдельная часть); 3) метафоричность; 4) структурный подход.

Важным фактором в формировании гештальта являются следующие принципы: сходство, однородность, близость, контур, симметричность, инверсия, устойчивость, непрерывность. Еще в 1933 году Г. Гельсон показал, что для гештальта являются важными до 100 факторов и принципов. К примеру, сходство возникает из-за похожести объектов. Сходство формы взято здесь за основу. Фигуры и аномальные трюки схожи друг с другом. Еще одной характеристикой четырех является признак преемственности. Еще один признак, присущий гештальту – это продолжение начатой работы, а также ее завершение. В этом отношении это есть скрытый признак. Есть также признак близости, указываемый психологами. Выделяются особенности фигур и фоновых особенностей. Объект, как фон, различается каждым человеком индивидуально. Человек воспринимает форму, силуэт фигуры (объекта), постигает ее.

Психология также изучает феномен гештальта. Известно, что «психические события с древних времен привлекают внимание людей и вызывают различные идеи и взгляды в этой области. Классификация и структура психических событий интерпретируются с разных позиций. Наиболее примечательными в этой области являются мысли, связанные с разделением психических событий на три группы: психические процессы, психические состояния, психические свойства [17, с.6].

Существует когнитивные процессы, эмоциональные и волевые психические процессы. Когнитивные процессы включают в себя ощущение, восприятие и эмоциональные процессы (радость, грусть, гнев, любовь, ненависть и т.д.).

Гештальт является сравнительно новой когнитивной концепцией. В связи с этим Ф. Перлзом была создана практика гештальт-терапии. Гештальт в полном смысле является частью восприятия. Различают полные и неполные типы гештальтов (неполным является, к примеру, гештальт *инцидент*). Гештальт изучается в современную эпоху как психологами, так и лингвистами. Психолингвистика – это область науки, которая обеспечивает всестороннее изучение речевого поведения и психологами, и лингвистами.

Одна из пяти основных областей психологии является как раз гештальт. Паронимические выражения также

основаны на концепции гештальта. Например, говоря «обида», приходят на ум фраза *обидчивый человек имеет долгую память*; говоря «страх», приходят на ум фраза *ужаленный змеей и палки боится*.

Неполные (открытые) гештальты используются при изучении психических процессов. Человек может получить сотни незаконченных гештальтов на протяжении всей своей жизни. К примеру, можно указать следующее: «слова, мысли, выражения, которые остались в сердце поэта, то есть не были высказаны; конфликт между близкими родственниками; срез на экзамене студента», и так далее.

Неполный гештальт рождается на уровне бессознательного процесса. Симптомы, вызванные неполным гештальтом, связаны с настроением и состоянием человека; это такие симптомы, как депрессивное состояние, усталость, разбитость, бессонница, невроз, и т.д.

Сегменты, созданные концептами любви, грусти и заботы, должны изучаться на отдельном концептуальном уровне.

Исследователи определили несколько принципов гештальтной философии: 1) «здесь и сейчас». Не нужно жить прошлым или будущим; 2) Избегайте пустых фантазий и идей, которые стоят дорого. Речь идет не о решении быть счастливым, но о том, чтобы быть счастливым; 3) Как можно меньше следуйте советам. Никто точно не знает, что вам нужно; 4) Научитесь нести ответственность за свои чувства, мысли и поступки. Поиск внешних причин, или виноватых не дает хороших результатов [21].

Психологически важной областью гештальта является, как считают исследователи, не прошлое, а настоящее.

Страх, гнев, радость, грусть – это типы эмоциональных гештальтов. Симптомы болезни, наркомании, трамвая, симптомы самоубийства и другие тревожные состояния, будучи исследованы с точки зрения гештальта могут стать основой интересных психологических исследований.

Гештальт является функцией лингвистического концепта. «Гештальт» является ключевым понятием когнитивной лингвистики и имеет тесную связь с терминами «фрейм», «понятие» и «концепция». Но дифференциальные признаки также показывают себя. Отдельные концепты обладают природой гештальта. Гештальт обладает двумя уровнями – это 1) ядерная гештальт-структура; 2) гештальт-функция концепта.

В современной лингвистике гештальт, как понятие, представляет собой когнитивное описание языкового феномена. Исследователи сюда включают следующие его характеристики: это операциональная единица восприятия; это средство репрезентации языкового концепта; это средство восприятия, понимания и усвоения; это средство представления концепции трех языков; это реальная ситуация как эмпирический гештальт [18, с.38].

Считается, что «все явления создаются и проявляются только посредством гештальта, существует тесная связь со средствами формирования, и гештальт здесь становится актуальной» [19, с.49].

Хотя понятие гештальта отличается от понятий *фигуры* и *фона*, между ними существует тесная связь. Гештальт воспринимаемая фигура, осознает ее. Понимание и восприятие человеком окружающего мира связано с разделением гештальта на фигуры и фоны. Человеческое сознание формирует фигуры из фона.

Гештальт есть единица человеческого сознания, также есть базовый принцип гештальта. Этот психологический термин буквально означает: «единое целое» [20, с.23]. В 1920-х годах он изначально охватывал теорию визуального восприятия. Теория описывала визуальные элементы группы или целостной структуры.

Гештальт может быть классифицирован, как полная конфигурация. В 1890-х годах Х. фон Эренфельс уточнил понятие гештальта. Он указал на значение «уровня

понимания, обобщения и сосредоточения на верхней ступени».

Таким образом, лингвокультурология как концептуальный тип решает вопрос о том, как абстрактные слова могут быть преобразованы в человеческое сознание, другими словами, посредством чего языковые единицы и понятия представлены в человеческом сознании. В центре таких исследований лежит человеческая культура, культура, лежащая в основе ее интеллекта, и понимание этой культуры в уме и языке.

В языке существуют семантические гештальты ассоциативной сферы. Фактически гештальты освещены в ассоциативных словарях. Есть достаточно таких словарей на английском и русском языках. Однако такой словарь еще не создан в азербайджанском языке.

Немного о семантической структуре гештальта. Рассмотрим следующие примеры:

Гештальт и его семантическая структура в понятии *памятник*:

I. Тип памяти: монумент, скульптура, мемориал.

II. Честь и слава: статуя Пушкина, статуя Насими, героическая статуя.

III. История: старые времена, мои предки, далекое прошлое, древние памятники, старые обычаи.

IV. Искусство: культура, архитектура, скульптура, красота, искусство.

V. Материал: камень, глина, мрамор (бронза), бронза, гранит.

VI. Величина: огромная статуя, величественная статуя, величавая статуя Шекспира, большая статуя Низами.

VII. Польза: бесполезность, неэффективность; бесхозяйственность; неумение справиться с хозяйством.

Все это составляет семантическую структуру сферы *памятника*.

Как тип концепта, определенная культурная информация (например, в слове «памятник») собирается в гештальте, и эта культурная информация собирается в голове человека в результате определенных жизненных событий и репрезентируется посредством языковых средств.

Выводы. Таким образом, концепт *гештальт* составляет базовое понятие когнитивной лингвистики. Он является категорией мышления, и выражается в языковом сознании. В лингвистической науке имеются разные толкования данного понятия. Концепт есть единица памяти, принадлежащая к сфере ментальности, является концептуальной системой восприятия языка, носит идеальный, абстрактный характер, имеет конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки. Наиболее важные концепты находят своё выражение в языке, где являются структурой комплексной и целостной функциональной мысли. Его основными характерными признаками являются целостность образа, его завершенность, наличие соответствующих эмоций и рациональных элементов, динамических и статистических аспектов. В структуре гештальт-концепта имеются два уровня – языковой и речевой. На языковом уровне в структуре гештальт-концепта объединяются лексическая, морфологическая и синтаксическая информация, выражая его итог.

На уровне речи гештальт-концепт является завершением, суммой семантических, прагматических и коммуникативных знаний. Тип гештальт-концепта реализует универсальную способность изучаемых языков, которая выражается в умении активизации процесса формирования идей и мыслей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Телия Н. Лингвокультурология. М.: 2002
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Словарь. М.: 1996. – 416 с.
3. Рустамов Ю. Основы философии. Баку: Эльм, 2004
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с.
5. Боркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт: моно-

графия. М.: Гнозис, 2004, 389 с.

6. Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» // *Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности*. Волгоград: Перемена, 2001

7. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепции. Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003

8. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996

9. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ, 2001

10. Боркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: 2004.

11. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. М.: Академия, 2000

12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002

13. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // *Журнал Вестник Кемровского государственного университета*, 2013

14. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001

15. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула: 2000

16. Психологический словарь. М.: 1985

17. Психология. Учебник для вузов. Баку: 2007

18. Смурова О.В. Гештальт-функции лингвистического концепта «Эпистемическая оценка» // *Вестник Московского Государственного лингвистического Университета. Гуманитарные науки*, 2017, 11 (784), М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

19. Чесноков С.В. Феноменология диалогов в гештальт теории, математике, логике. М.: УРСС, 2009

20. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты. // *Новое в зарубежной лингвистике*. № 10. М.: Прогресс, 1981, с.350-368

21. Yarıncıq qeşalt_vital zəhər, 11 may 2017 // <https://shahla.jssoft.ws>

art
22. Вильгельм фон Гумбольдт *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

Статья поступила в редакцию 09.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'342

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0063

СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ РЕЧИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ)

© 2020

SPIN-код: 8790-2005

AuthorID: 901245

Онищенко Юлия Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков №3 Института иностранной филологии

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

(295007, Россия, Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, e-mail: schenec11@mail.ru)

Аннотация. Проблемой, положенной в основу данного исследования, является выявление стилистических особенностей современной торжественной благодарственной речи в рамках ораторского (под)стиля. Масс-медийный дискурс, в частности, его устная сторона, представляется неисчерпаемым источником практического материала для стилистических исследований, поскольку предоставляет возможность анализировать речь одновременно с точки зрения функциональной стилистики и фоностилистики; аудиовизуальность как свойство упомянутого дискурса обеспечивает возможность установления экстралингвистических факторов наряду с непосредственно лингвистическими. Для проведения данного исследования были использованы как теоретические методы (анализ научной литературы), так и практические, или экспериментальные (метод сплошной выборки, количественной обработки данных, сравнительно-сопоставительного анализа; семантико-стилистический метод анализа текста, аудитивный и акустический анализ аудиоматериала). Специфической особенностью менталитета жителей Британских островов является восприятие речи участников телевизионного дискурса как носителей стандарта языка, поскольку средства массовой информации долгое время воспринимались как образец языковой и речевой нормативности, а телевидение выполняло образовательную функцию. Торжественная благодарственная речь на материале современного устного дискурса представляет интерес для выявления стилистических особенностей на всех уровнях языковой системы для более глубокого понимания изменений в нормативном варианте английского языка.

Ключевые слова: функциональный стиль, фоностилистика, телевизионный дискурс, нормативное произношение, британский стандарт английского языка.

STYLISTICS OF CONTEMPORARY ACCEPTANCE SPEECH (ON THE MATERIAL OF BRITISH PRONUNCIATION)

© 2020

Onishchenko Yuliya Viktorovna, senior lecturer of the Department of Foreign Languages № 3 of the Institute of Foreign Philology

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

(295007, Russia, Simferopol, Akademik Vernadskiy avenue, 4, e-mail: schenec11@mail.ru)

Abstract. The issue investigated in the present paper is the study of public speech stylistic peculiarities in the award ceremony in the framework of oratorical subgenre. Mass-media discourse and its oral aspect in particular can be regarded as an endless resource of contemporary samples for stylistic research which gives an opportunity to study functional style features correlating with the phonostylistic ones at the same time; audiovisual nature of the discourse mentioned provides an opportunity of defining extralinguistic factors as well as linguistic ones. To accomplish the analysis such methods as theoretical (analysis of scientific literature) and practical, or experimental ones (continuous sampling method, quantity data processing, comparative analysis, semantic-stylistic analysis, auditory and acoustic analysis of audio material) were used. It is true that specific feature of the British mentality is the attitude to the speakers of mass media language as to those who represent the standard language variety, that is why for a long time mass media language has been regarded as a standard variety to study. Acceptance speech on the material of contemporary oral discourse is of interest for defining of stylistic peculiarities on the all levels of language system for thorough understanding of the changes occurring in the standard variety of British English.

Keywords: functional style, phonostylistics, television discourse, standard pronunciation, British English.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Стилистика как относительно молодая отрасль языкознания продолжает расширять свое проблемное поле возрастающим количеством аспектов языковой деятельности человека. Проблематика и классификация функциональных стилей нашла отражение в работах выдающихся лингвистов прошлого века (Р. О. Якобсон, Е. Д. Поливанов, М. М. Бахтин [1], Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов [2], Г. О. Винокур) и их преемников (Ф. М. Березин [3], Ю. С. Степанов [4], Б. Н. Головин [3]). Исследования, посвященные стилистике письменного текста и звучащей речи, тесно связаны с проблематикой нормативности (В. Матезиус, В. Гавранек, Э. Косериу), изучение которой является особенно актуальным на материале английского языка в виду его глобализации и демократизации стандартных вариантов, а также диверсификации произносительной нормы в пределах национальных стандартов. Данные процессы усиливаются мировой тенденцией «толерантности к акцентам», состоящей в такой точке зрения на вариативность произношения англоязычного сообщества, при которой «ни один акцент не является лучше или хуже другого» [5, с. 8].

Анализ последних исследований и публикаций, в ко-

торых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Аспектам формирования стиля и идиостиля посвящены работы П. Экерт [6], гендерному аспекту уделяет внимание Дж. Чешир [7]; детальные разработки комплексов экстралингвистических факторов, под воздействием которых формируются функциональные стили, находят отображение в трудах В. В. Виноградова [2], О. С. Ахмановой, А. Н. Васильевой, К. Бюлер, Б. Гавранека, М. Н. Кожиной [8], И. Р. Гальперина [9], М. Н. Когтева [10] и др. И. В. Арнольд выделяет стилистику языка (языковых подсистем) и стилистику речи (текста), лингвостилистику (функциональную стилистику) и литературоведческую стилистику (средства художественной выразительности), выделяет ораторский стиль как самостоятельный наряду с научным, разговорным, деловым, поэтическим и публицистическим стилями [11, с. 169]. Также автор выделяет функции, выполняемые стилями (интеллектуально-коммуникативная, волюнтаристическая, эмотивная, контактоустанавливающая, эстетическая), каждая из которых выполняется ораторской речью.

К анализу речи дискурса масс-медиа обращались такие современные исследователи, как М.А. Самкова [12],

М. А. Демина, А. Н. Зарецкая, Дж. Стюарт-Смит [13], Б. Гантер, G. Prysce и др., к анализу дискурса масс-медиа и его жанров – И. Н. Лавриненко, А. Spicer, и др., к проблематике ораторской речи в масс-медийном дискурсе – Н. Г. Жумаева, Ч. Б. Самадова [14]. Вклад в развитие исследования вариативности фонетической подсистемы английского языка внесли такие зарубежные ученые, как У. Лабов [15], Д. Кристал, П. Традгилл [16], Т. Врбель [17], Дж. Уэллс и др. В последние десятилетия в рамках Научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко [18] выполнено большое количество исследований, посвященное вариативности на современном этапе развития мировых языков (А. Д. Петренко, Д. А. Петренко [19], К. А. Мележик, Э. Ш. Исаев, С. Е. Перепечкина, Н. В. Евстафьева, Э. В. Лихачев и др.).

Неразрешенными частями общей проблемы является как наблюдение стилистических особенностей современной благодарственной речи в аспекте соотношения с нормой на всех уровнях языка, так и фоностилистика анализ произношения информантов-британцев с целью обобщения новейших традиций в английском произношении. Поскольку при изучении стилистических аспектов в парадигме зуза британской произносительной нормы исследователи традиционно обращают внимание на речь политических деятелей и отдельных персоналий в сфере международных отношений, речь участников дискурса масс-медиа остается без должного внимания.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель настоящего исследования заключается в анализе теоретических подходов к изучению ораторской речи, в выявлении особенностей устной речи носителей британской произносительной нормы в жанре торжественной благодарственной речи в рамках ораторского (под)стиля языка, а также анализе сочетания функциональных и произносительных черт, характерных для данного (под)стиля.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Язык функционирует в таких двух аспектах, как статический (система, строй языка, парадигматические отношения в системе), и динамический (функционирование, употребление, сочетаемость между единицами, синтагматические отношения). Многообразие потенциальной функциональности единиц языковой системы осуществляется в процессе коммуникации, и, в зависимости от ситуации общения, подчинено цели реализовать замысел говорящего. Суть понятия «стиль» определяет данное многообразие. М.М. Бахтин говорит о взаимодействии языка и стиля так: «Эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления» [1, с. 266]. По мнению М. Н. Кожиной, «язык и стиль связаны теснейшим образом; стиль — один из важных и ярких признаков речи, текста, свойство последнего» [8, с. 22]. Тот же автор определяет стиль как закономерности употребления языка, своеобразную его организацию (выразительные возможности и средства разных уровней языковой системы, их стилистические значения и коннотации), специфичную для каждой сферы общения [8, с. 29]. Стилистический анализ речевого материала направлен на выявление корреляции экстралингвистических факторов (ситуация общения, цель, сфера, и т.д.) с лингвистическими средствами выражения.

Стиль СМИ является наиболее разветвленным, расширяющимся с помощью возрастающего количества межстилевых явлений, «гибридных» подстилей и жанров [12]. Ораторский стиль определяют как разновидность публицистического стиля, которая представляет собой заранее продуманный и подготовленный монолог. Он характерен для речей, стиль которых создает изысканный характер. Цель — убедить слушателя в правоте чьих-то соображений, либо побудить к действию. Статус

ораторской речи является дискуссионным: «Ораторская форма речи неоднородна и тяготеет по ряду своих черт к тем функциональным стилям и соответствующим сферам, в которых она проявляется <...> все эти внутренние разновидности объединяет общая целевая установка — воздействие на слушателей с расчетом достижения заранее предусмотренного эффекта» [8, с. 131]. По мнению В.П. Мурат, «нет такой специальной области, где люди постоянно и регулярно общались бы при помощи ораторского стиля» [20, с. 23]. Спорным является не только вопрос о самостоятельности ораторского стиля, но и о его принадлежности к устным или письменным стилям: «по всем своим ведущим признакам ораторский стиль относится к письменному типу речи. Устная форма выступления оратора не снимает наиболее характерных особенностей письменного типа речи, однако, модифицирует некоторые особенности письменного типа речи <...> можно встретить сокращения, типичные для живой разговорной речи. I'll, won't и другие, и в отдельных случаях, элементы разговорной лексики» [11, с. 422].

М. Н. Кожина выделяет чередование экспрессии со стандартом как типичные черты ораторской речи в СМИ. Среди выражений экспрессии автор упоминает такие регулярно повторяющиеся языковые средства, как метафоры, эмоционально-оценочную лексику, употребление превосходной степени сравнения прилагательных и наречий, фразеологизмов; шутливость, которая создается рядом композиционных и стилистических приемов, диалогичность как конструктивный принцип публицистического стиля, обусловленная направленностью речью на адресата с целью взаимодействия с ним и воздействием на него [8].

М. Н. Когтев отмечает такие особенности ораторской речи, как привязанность к конкретному месту, времени и аудитории, контактность, временная протяженность и необратимость, ориентация на практический результат, динамичность, отсутствие обозримой последовательности элементов (в письменной речи можно охватить все высказывание взглядом), большая эгоцентричность говорящего [10]. При этом, исследователь не выделяет ораторскую речь в самостоятельный стиль.

Автор полагает, что ораторскому стилю свойственны следующие особенности: употребление преимущественно нейтральной и общелитературной лексики (до 90%), остальную часть составляет разговорная лексика и термины, однако исключен сленг; метафоричность, которую слушатели могут понять без труда; для морфологии характерно наличие модальности; синтаксис осложнен повторами, характерны односоставные предложения, инверсия; вопросы к аудитории обуславливают близость автора к слушателям; четкие выводы (We must embrace the bold. We must address this human pain) и клишированность в определенных ситуациях (I would like to express my appreciation to our chairman...) [10].

Стиль ораторского выступления имеет целью убеждение посредством логического и эмоционального воздействия, то есть, отличается стройностью доказательств определенного образа мыслей и отчетливых выводов, выразительностью, оформленной через стилистические средства языка и супrasegmentный фонетический уровень (интонация, паузация). Так, в устной форме появляется непосредственное обращение к аудитории (ladies and gentlemen, honorable members), использование второго лица местоимения (you и т.п.), сокращенные формы (I'll, won't, haven't, isn't), разговорные слова и коллокации (good fellow), фразовые глаголы (give up, get on). Повтор является распространенным приемом ораторского стиля, к ним прибегают, чтобы слушатель запомнил особо важную информацию, к примеру, синонимический фразовый повтор сочетается со стилистическим приемом нарастания (climax). И. Р. Гальперин выделяет нарастание как одно из средств осуществления эмоционального воздействия на аудиторию, которое во многих случаях создается при помощи синонимическо-

го повтора, причем синонимы расположены в порядке нарастания интенсивности [9].

Ораторские выступления имеют параллельные конструкции, что облегчает восприятие содержания на слух, антитезу, ожидание (*suspense*), нарастание, или градация, риторические вопросы и вопросы в повествовании (*questions-in-the-narrative*), которые повышают эмоциональный тонус всей речи, способствуют усилению внимания аудитории к излагаемому, способствуют более тесному контакту со слушателями. Справедливо отметить, что в английском ораторском стиле можно найти все синтаксические приемы.

На просодическом уровне «смена интонации, вызываемая вопросительной формой, привлекает внимание слушателей и прерывает однообразие интонационного рисунка речи. Используются либо трафаретные, либо развернутые метафоры. Эвфоническая отделка, аллитерация, рифма, ритм – используются, но не принадлежат к системе средств, составляющих стиль ораторской речи. Также встречается особая книжно-литературная лексика (отобранная для этой речи с целью придать ей торжественность и приподнятость)» [9].

И. В. Арнольд признает самостоятельность ораторского стиля, называя ораторскими жанрами выступления по политическим и социальным проблемам, речи и обращения по торжественным и официальным случаям (свадьба, похороны, юбилей), богослужения и дебаты, выступления адвокатов и судей. Типичными образцами ораторского стиля являются торжественные речи по официальным случаям, многие слова и обороты из которых вошли в английский язык как инвентарь готовых штампов, годных для любого случая. Автор отмечает, что «сфера применения ораторского стиля ограничивается обращением к аудитории и поэтому важные проблемы в таких сферах как наука, искусство, литература или деловые отношения не затрагиваются в таких выступлениях, разве только упоминаются, или на них делается ссылка при необходимости. Если такие проблемы рассматриваются в ораторском стиле, то эффект получается юмористический» [11].

Проблематика стилистики произношения, или фоностилистики, является более новой и менее разработанной сферой языкознания. Принято считать, что не существует прямого соответствия между функциональными и фонетическими стилями, так как функциональные стили традиционно связывают или письменной речью, или с конкретными сферами жизнедеятельности в рамках определенного социума. Традиция отечественного языкознания по предмету дифференциации произносительных стилей опирается на теорию Л. В. Щербы, различавшем полный и разговорный стили произношения [21]. Ряд исследователей использует понятие «нейтрального стиля» (Р. И. Аванесов, Л. Л. Буланин, М. В. Панов и др.). Авторы подчеркивают, что «ситуативные позиции обуславливают тот или иной стилистический регистр (высокий – нейтральный – разговорный/сниженный)» [22, с. 57]. Разработка У. Лабовым членения устной речи на полюса «*relaxed speech – careful speech*» и непрерывного переходного континуума между ними, определяемого экстралингвистическими факторами, нашла отражение в трудах целого поколения ученых, занимающихся практическими исследованиями [15].

Роль медиаречи как явления внутри языкового сообщества Великобритании и роль теледискурса как зеркала понимания британцами концепта «нормы», языкового «предписания» имеют значение в исследовании эволюции и развития произносительной нормы. Торжественные речи объединяют в себе, с одной стороны, формальность ситуации, и как следствие, полный стиль произношения, но с другой, исходя из влияния такого экстралингвистического фактора, как волнение и радость от получения награды, свидетельствуют о снижении степени формальности регистра, что подтверждается использованием сленга и разговорной лексики.

Для исследования были отобраны речи британских актеров с преимущественно церемоний награждения «Оскар», «BAFTA» (British Academy of Film and Television Arts), Attitude Awards. Все информанты родились на территории Великобритании и получили либо высшее образование на территории страны, либо образование в сфере драматического искусства. Группа информантов была сформирована по таким наиболее однородным признакам, как популярность, происхождение и образование.

Для удобства описания процедуры и результатов исследования, пол и возраст информантов указаны в скобках, например, (М, 30) – male, мужчина тридцати лет, (F, 27) – female, женщина двадцати семи лет. Продолжительность звучащей речи всего – 30 минут, количество информантов – 20 человек (10 мужчин, 10 женщин) возрастом от 23 до 60 лет, условно разделены на группы от 23 до 37 лет, от 37 до 60 лет.

Речи на церемониях награждения занимают от одной до трёх минут в среднем, однако, среди исследованного материала была установлена следующая закономерность: мужчины дольше говорили, чем женщины (16 и 14 минут соответственно), корпус текстов речей мужчин составил 2136 слов, женщин – 2025 слов. Если разделить информантов по возрасту, то получим следующие результаты: информанты возрастом от 20 до 35 (10 человек) лет говорили 10 минут, от 35 до 60 лет (10 человек) – 20 минут.

В результате анализа звучащей речи были выявлены некоторые стилистические особенности ораторского (под)стиля на функциональном уровне и на уровне фоностилистики:

1. Выделены лексико-семантические группы наречий и прилагательных со значением: положительной оценки (*incredibly patronizing, terrific writers, absolutely terrific/fantastic, wonderful crew, incomparable David, nice, lovely, cool, immensely proud, double brilliance, incredibly lucky, extraordinary, incredibly kind, superb cast, ingenious team, favourite place*); преувеличения (*immensely proud, double brilliance, oversubscribed profession, totally eclipsed*); удивления (*bizarre, I'm thrilled, excited, excitement*); благодарности (*thank you, thanks, grateful, honour*); отрицательной оценки, негативного состояния (*unfair, deeply, deeply unfair, terrible, embarrassed, intimidating*). обозначающие качества характера (*strong, strong-willed, staggering*); окказионализм – *ferveocious* (лихорадочный); книжная лексика (*custodian, wholeheartedly, phenomenon, articulate = say, express*); речевые клише (*It's been my privilege to... great proud / greatly proud, I want to thank, to be (very much) appreciated*);

2. Среди тропов и стилистических приемов отмечены противопоставления (*They are fixing the world in the places where it is broken, Just a quick story – I know it's been a long night*); гиперболоа (*it belongs to all these families, my list came to one hundred and seventy-two names, I can't tell you how much it means, the youngest country in the world*); сравнение (*you were like fathers to me*); эпитет (*dream situation, humanitarian language, terrific writers, superb team*); метафора (*fellow – в значении полученного Оскара, the eighth and the ninth wonders of the world that are our children*); метонимия (*I stand on all their shoulders tonight*); перифраз (*they didn't seem to mind, I am fully aware*);

3. На уровне морфологии преобладает употребление превосходной степени сравнения прилагательных (*the most amazing, the most extraordinary, the best supporting wife, one of the finest writers*); характерна предикатная форма *modal+perfect infinitive* (*must have done, could have said*);

4. На уровне синтаксиса отмечены такие приемы, как повторы (*very-very, talented-talented, finally-finally, lucky-lucky, thank you*); подхваты (*I want to thank, arms-far too many arms*); полисиндетон (*and... and, so... so, to those, who*); параллельные конструкции, выраженные с помощью сложноподчиненных предложений с **одинаковыми**

союзами для последовательных придаточных; нарастание – love, generosity, wisdom; умолчание – прерывающиеся, незаконченные предложения, большое количество эллиптических предложений. Синтаксис в целом свидетельствует о спонтанном характере дискурса и преобладающем влиянии эмоционального состояния на речь информантов, что позволяет сделать выводы о реализации в речи разговорного фонотипа.

5. Ироничный эффект высказывания проявляется у мужчин преимущественно посредством логической иронии: 1) I have them [papers with names] in my left hand trouser pocket, I'm just gonna draw out three at random and everyone else couldn't just lump it [...] That's not my handwriting. 2) It [the award] will end up on mum's mantelpiece. She is a very strong-willed woman. I'm not gonna fight for it; а у женщин с помощью использования сленга и просторечий: 1) I'm not just sucking up – я не просто подхалимничаю, 2) kick his ass – надрать ему зад, 3) weenie wrestler – боец-размазня, 4) you are benching me – ты меня выставлешь/выгоняешь. Встречаются также примеры сниженной и разговорной речи для создания эффекта ироничности: 1) What the hell is that? (M 60), 2) ... my underskirt has got hedged up and it is not a good moment (F, 53).

6. И мужчины, и женщины используют прием контраста возвышенной лексики и сниженной просторечной в одном предложении: 1) I just have to thank my parents, I couldn't have asked for more extraordinary people: they're both actors, they know this gig (работа, халтура, «шабашка») and yet before of that they gave me such love, generosity and wisdom, everything that a child could hope to have, and that was where my privilege began with them, so this is kind of ultimately for them; 2) I've got a few people to thank to the producers, it was all your fault, you started it; 3) ...to go out and make a living by getting dressed up and pretending to be somebody else all the day and then getting paid lots of money and I get an award for it).

7. На фонетическом уровне явления стяжения, элизии, придают речи более непринужденный, разговорный оттенок, используются предположительно для сокращения дистанции со слушателем (fellow [felə], going – gonna [gɒnə], absolutely [æbsə'ju:t], finally [f aɪni], flattered [flæ'əd]).

На сегментном уровне в системе вокализма на данном аудиоматериале прослеживается тенденция к передвижению гласных по трапеции против часовой стрелки. Так, [æ] переднего ряда продвигается назад, к примеру, в «Africa» звучит, как [ʌ], [ɒ] нижнего подъема в «body», «love» продвигается вверх к [ɔ], [ɪ] верхнего ряда переднего подъема опускается в «did» к [e]. Наблюдается произношение артикля «a» как [eɪ], что является дифтонгизацией монофтонга (M, 38). Особенности системы консонантизма являются: отсутствие «эрности» в поствокальной позиции, что в целом характерно для британской произносительной нормы, замена вокоидами и вокализация [ɪ] в некоторых словах (но не позиционно обусловленная) («also, always, people, film» как [əʊso, əʊweɪz, pi:pw, fɪlm]) (F, 36, M 30), [r] – интрузия в интервокальном положении (the idea [r] of), выпадение согласных (and my [ənmaɪ]), глоттализация (glottal stop) – выпадение [t] в конце односложных часто встречающихся слов, как в that, what, quite, about, night [naɪ?], flattered [flæ'əd], get lucky [ge? lʌki], выпадение [d], озвончение [d], «kind of better» [kaɪn əvbedə] – у одного информанта (F, 34), выпадение [h] в сочетании с «тёмным» [ɪ] artists help you [a:tɪsts ewp ju] (M, 43).

На супraseгментном уровне отмечено чередование ускоренного темпа речи с размеренным является стилистическим приемом, а также следствием ситуативного эмоционального состояния говорящих (волнения). Встречаются явления эвфонии, аллитерации, ассонанса. Один из информантов (F, 51) использовал подражание детской речи как стилистический прием. Интонационный и ритмический рисунок также имеют Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

свои особенности, что представляется перспективным рассмотреть в дальнейших исследованиях, так как в рамках данного исследования основное внимание было уделено лексико-семантическим, синтаксическим и фонетическим особенностям речи на сегментном уровне.

Таким образом, в фоностилистическом аспекте торжественная благодарственная речь представляет собой сочетание полного и разговорного фонотипа вследствие воздействия ведущего экстралингвистического фактора – эмоционального состояния (волнения, радости от получения награды), определяющего специфику выбора языковых средств на всех уровнях.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В представленной работе выполнен обзор проблематики функциональной и фонетической стилистики как отраслей языкознания, рассмотрена система стилевой дифференциации с позиций различных исследователей, проанализированы теоретические особенности ораторского (под)стиля (правописание приставки «под-» в скобках объясняется неопределенностью статуса ораторского стиля как самостоятельного в ряду функциональных).

В ходе практического исследования осуществлен анализ аудиоматериала торжественных благодарственных речей носителей британской произносительной нормы на всех уровнях языка, особое внимание уделено фоностилистическому аспекту. Представляется возможным выделить типичные для этого жанра характеристики: доминирующий характер нейтральной лексики, синтаксическое разнообразие (повторы, подхваты, полисиндетон, параллельные конструкции, умолчание), употребление иронии как стилистического приема для снижения формальности речи. В системе тропов метафора либо развернута, либо несложна и понятна слушателю без длительных размышлений. В речи каждого информанта встречаются речевые клише. Наблюдается эффект приближения к зрителю под воздействием такого экстралингвистического фактора, как чувство волнения и радости от получения награды.

Среди индивидуальных особенностей жанра, выявленных в данном исследовании, следующие черты: выделение групп слов на лексико-семантическом уровне со значениями положительной оценки, преувеличения качества, выражения благодарности, удивления, обозначающие качества характера, со значением отрицательной оценки (негативного эмоционального состояния). Встречаются примеры возвышенной лексики, окказионализм. На уровне морфологии отмечено употребление превосходной степени сравнения прилагательных в речи каждого информанта. Большое количество выразительных средств, передающих эмоциональную окраску речи, является следствием того, что в данном жанре ораторская речь не несет свою основную коммуникативную функцию – убеждение, переубеждение, а только функцию выражения эмоционального состояния и экспрессивного воздействия на слушателя. Также характерно включение в текст элементов сленга и разговорной, сниженной лексики, употребление в одном предложении слов со стилистически возвышенной и стилистически сниженной окраской.

На сегментном фонетическом уровне были отмечены особенности в системе вокализма: передвижение гласных в речи большего количества информантов по трапеции против часовой стрелки, что представляет дальнейший исследовательский интерес. В подсистеме консонантизма наблюдается вокализация согласного [ɪ], замена гортанной смычки альвеолярного [t] (как обусловленная, так и необусловленная позиционно) – явления, отмеченные исследователями в последние десятилетия и свидетельствующие о проникновении в произносительный стандарт английского языка отдельных фоностилистических переменных из нового городского диалекта Лондона.

Выполнение задач, поставленных в работе, упорядо-

чено более глобальным целям: проследить взаимосвязь между становлением нормы языка и языком масс-медиа, установить сферы их взаимовлияния, а также выявить причины звуковых изменений, в частности те, которые имеют шанс в будущем стать частью новой произносительной нормы [22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1979.
2. Виноградов В.В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963.
3. Березин Ф.М., Головин Б.Н. *Общее языкознание*. М., 1979, гл. XI.
4. Степанов Ю.С. *Общее языкознание*. М., 1966.
5. Berglund H., Brock V. *Stereotypes of British Accents in Movies. A Speech Analysis of Character Types in Movies with British Accents*. Halmstad University, 2017. 32 p.
6. Penelope Eckhart. *The meaning of style* // *Texas Linguistics Forum* 47. in Wai-Fong Chiang, Elaine Chun, Laura Mahalingappa, Siri Mehus eds. *Salsa 11*, 2004.
7. Cheshire J. *Women and Language / J. Cheshire // Les Femmes. – Neuchâtel: Musée d'ethnographie, 1992. – p. 141-163.*
8. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. *Стилистика русского языка*. М.: Флинта, М.: Наука, 2011. – 463 с.
9. Гальперин И.Р. *Очерки по стилистике английского языка*. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
10. Розенталь В., Голуб И., Когтев И. *Русский язык. Путешествие в страну слов. Учеб. пособие*. М.: Дрофа, 1995.
11. Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов*. М.: Флинта, М.: Наука, 2002. – 384 с.
12. Самкова М. А. *Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий / М. А. Самкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 1 (8). – с. 135-137.*
13. Stuart-Smith J. *Empirical evidence for gendered speech production: /s/ in Glaswegian / J. Stuart-Smith // Laboratory Phonology IX. – Berlin: Mouton, 2007. – p. 65-86.*
14. Жумаева Н. Г., Самадова Ч. Б. *Lexico-semantic analysis of publicistic style* // *Молодой ученый*. – 2016. – №15. – С. 589-590. — URL <https://moluch.ru/archive/119/32901/> (дата обращения: 20.10.2019).
15. Labov W. *Principles of Linguistic Change, vol. 2: Social Factors / W. Labov. – Oxford: Blackwell, 2001.*
16. Trudgill P. *Standard English: What It Isn't / Peter Trudgill // Standard English: The Widening Debate / Tony Bex and Richard J. Watts. Routledge. – London, 1999.*
17. Vrabel T. *Lectures in theoretical phonetics of the English language and method-guides for seminars / T. Vrabel. – Ungvar: Polyprint, 2009. – 176 p.*
18. Петренко А. Д., Бухаров В.М., Петренко Д.А., Храбскова Д.М., Бридко Т.В., Пономарёва А.В., Мележик К.А., Исаев Э.Ш., Перепечкина С.Е., Евстафьева Н.М., Лихачёв Э.В., Федотова Ю.Б. *Социофонетика и фоностилистика: опыт, актуальная проблематика, перспективы*. Москва, 2018. 370 с.
19. Петренко Д. А. *Проблемы социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры: монография / А. Д. Петренко [и др.]; (под общ. ред. А. Д. Петренко); ФГАОУ ВО "Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского". – М.: Перо, 2015. - 490 с.*
20. Мурат В.П. *Об основных проблемах стилистики*. М., 1957.
21. Шерба Л. В. *О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Языковая система и речевая деятельность: Сб. статей. Л., 1974.*
22. Панов М. В. *О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963. - С. 5 -27.*

Статья поступила в редакцию 22.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 80

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0064

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО «ЛИЛИЧКА!»)**

© 2020

AuthorID: 225658

SPIN: 4134-8777

ORCID: 0000-0003-1839-3538

Павлова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры «Английской филологии и методики преподавания английского языка»

ORCID: 0000-0002-1045-575X

Оботнина Василиса Алексеевна, студент кафедры «Английской филологии и методики преподавания английского языка»
Оренбургский государственный университет
(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: obotnina2000@mail.ru)

Аннотация. Актуальность рассмотрения особенностей перевода русской поэзии на английский язык определяется теми трудностями, с которыми сталкивается переводчик при работе с поэтическим текстом, а также выбором способов их преодоления. На материале стихотворения В. В. Маяковского «Лиличка!» и его перевода на английский язык в статье выявляются и анализируются такие переводческие приемы, как добавление, перестановка, замена слов. Особое внимание уделяется специфике выбора переводчиком языковых (лексические, грамматические, синтаксические конструкции) и выразительных (эпитет, метафора) средств с целью сохранения должного эстетического эффекта. Для этого используется метод сравнения текста-оригинала с текстом-переводом, описываются наиболее явные сходства и различия. Аргументировано доказывается первостепенная важность сохранения возможности эмоционального воздействия перевода, а также максимально возможное сохранение рифмы и ритма стихотворения, в противном случае перевод практически теряет связь с текстом-оригиналом. В результате проведенного исследования можно утверждать, что перевод стихотворения В. В. Маяковского «Лиличка!» выполнен максимально приближенно к оригиналу: А. Кнеллеру удалось сохранить единство рифмы, при этом у переводчика получилось законченное произведение собственного сочинения на английском языке.

Ключевые слова: перевод, поэтический перевод, перестановка, добавление, образные средства.

**PECULIARITIES OF TRANSLATION OF RUSSIAN POETRY INTO ENGLISH
(BASED ON THE POEM «LILICHKA!» BY V. V. MAYAKOVSKY)**

© 2020

Pavlova Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair «English philology and methods of English language teaching»
Obotnina Vasilisa Alekseevna, student of the faculty of philology
Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: obotnina2000@mail.ru)

Abstract. The relevance of the consideration of the peculiarities of Russian poetry translation into English is determined by the difficulties faced by the translator while working with the poetic text, as well as the choice of ways to overcome them. Such methods of translation as addition, rearrangement of words, replacing one word with another are identified and analysed in the article, based on the material of the poem «Lilichka!» by V.V. Mayakovsky and its translation into English. Particular attention is paid to the specifics of the translator's choice of language (lexical, grammatical, syntactic constructions) and expressive (epithet, metaphor) means in order to preserve the proper aesthetic effect. For this purpose, the method of comparing the source text with the translation text is used, the most significant similarities and differences are described. The paramount importance of preserving the possibility of emotional impact of the translation, as well as the maximum possible preservation of rhyme and rhythm of the poem, is argumentatively proved, otherwise the translation practically loses its connection with the original text. As a result, it can be claimed that the translation of the poem «Lilichka!» by V.V. Mayakovsky is done as close as possible to the original: A. Kneller managed to preserve the unity of the rhyme, while getting a complete work of his own composition in English.

Keywords: translation, poetic translation, transposition, addition, expressive means of language.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к переводу возник ещё с давних времён. В настоящее время при изучении теории перевода или лингвистических дисциплин, которые непосредственно связаны с переводческим процессом, большое значение уделяется качеству перевода, тому, чем руководствуется переводчик, и какие приёмы он использует для достижения своей цели. Особенно важно учитывать полноту перевода при работе с текстами художественных произведений. Как известно, выделяют два типа художественного перевода: перевод прозы и перевод поэтических текстов (стихотворений, поэм и др.) [нужна ссылка, откуда это].

При переводе любого текста переводчик ставит перед собой конкретные цели и задачи, которые необходимо выполнить. У разных переводчиков они могут существенно отличаться, что влечёт за собой и различия в переводе. Тем не менее, можно выделить несколько основных целей поэтического перевода: во-первых, познакомить иностранных читателей с культурой своего родного языка; во-вторых, попрактиковаться, попробо-

вать себя в роли поэта; в-третьих, показать особенности стихосложения у конкретного автора иноязычным читателям. Однако здесь можно отметить некоторые трудности, с которыми сталкиваются люди, переводящие стихотворения известных поэтов.

МЕТОДОЛОГИЯ

По мнению Р. К. Миньяр-Белоручева, при переводе поэзии «информацией, предназначенной для передачи, является не смысл, а эстетический эффект, достигаемый соответствующими языковыми средствами, в том числе ритмикой, рифмой и аллитерацией» [1, с. 179]. В таком случае следует подчеркнуть, что главной задачей художественного перевода в целом необходимо считать не дословное преобразование исходного текста языка-оригинала в знаковую систему другого языка, а сохранение прагматического воздействия, заключающегося в эстетическом наслаждении, пробуждении каких-либо чувств у рецептора. Такое воздействие достигается с помощью образных средств в тексте-оригинале и с помощью верного подбора эквивалентов и лексических соответствий для образных средств в тексте-перевод.

Если же рассматривать перевод поэзии, то здесь, помимо грамотного перевода лексических и грамматических конструкций, важно сохранить единство формы. В. В. Сдобников и О. В. Петрова также отмечают: «... различия в фонетической структуре двух языков иногда оказываются настолько существенными, что они практически исключают не только эквилинеарность перевода, но и его эквиметричность и “эквирифмичность”» [2, с. 414]. Можно сказать, что главным отличием перевода поэтического произведения от перевода прозы является сложность в сохранении исходной формы текста, ритма, рифмы, поэтических конструкций и особенностей, присутствующих в оригинале.

В данной статье предлагается подробный анализ перевода стихотворения В.В. Маяковского «Лиличка!» на английский язык. По признанию переводчика А. Кнеллера, целью своего перевода он видит наиболее полное сохранение стилистики стихотворения-оригинала, способность отобразить главную мысль без потери рифмы и “музыкальности” произведения [3].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как известно, В. В. Маяковский является новатором своего времени. Его произведения были написаны в совершенно ином стиле, они отличались слогом, рифмой и даже литературным языком от тех стихотворений, которые писали другие поэты. Г. О. Винокур в книге «Маяковский – новатор языка» упоминает, что новаторство стиля В. В. Маяковского стало основой появления новых языковых конструкций в его произведениях [4, с. 9]. В пример он приводит образование сравнительной степени имён существительных, которые использует В. В. Маяковский: “пепельней” от слова “пепел”, “романнее” от слова “роман” [4, с. 13]; прилагательные, намеренно используемые с другими суффиксами для достижения большего эффекта: “зверячий” вместо “звериный”, “квартирошный” вместо “квартирный”, “легкомыслый” вместо “легкомысленный” [4, с. 43] и др. Сам В. В. Маяковский в статье «Два Чехова» писал: «Так каждый писатель должен внести новое слово, потому что он прежде всего седой судья, вписывающий свои приказания в свод законов человеческой мысли» [5]. Он считал, что главной задачей писателя является поиск «наиболее яркого словесного выражения» для описания действительности [5].

Если обратить внимание на особенности стихосложения поэта и расположение строк и слов в стихотворениях, то можно заметить, что некоторые стихотворения написаны с разделением одной длинной строки на несколько маленьких. Такой приём при написании стихотворений стал знаменит и был назван «лесенкой» В.В. Маяковского, которая использовалась в таких его произведениях, как, например, «Сергею Есенину», «Вместо оды» и «Лиличка!». Рассмотрим перевод стихотворения «Лиличка!» на английский язык подробнее.

Первое, что необходимо сделать переводчику при работе с текстом-оригиналом, - определить его тип. В статье за основу взята классификация немецкого лингвиста и переводоведа Катарины Райс. И. С. Алексеева в своей работе «Введение в переводоведение» напоминает нам о четырёх типах текста, существующих согласно теории К. Райс:

- информативный;
- экспрессивный;
- оперативный;
- аудиомедиальный [6, с. 247].

Необходимо отметить, что каждый из этих типов текста выполняет разные функции и, следовательно, соотнесение исходного текста с определённым типом будет являться важным этапом при выполнении предпереводческой задачи, поскольку это обуславливает цель и метод перевода. Так, информативный тип текста выполняет функцию описания и используется с целью донесения информации получателю; экспрессивный тип передаёт эстетическое воздействие, выражает эмоции и пережи-

вания; задачей оперативного типа текста является побуждение реципиента к действию; аудиомедиальный тип может включать в себя любой из трёх вышеперечисленных типов текста, но он обязательно сопровождается видео- или аудиоматериалами для более наглядного представления [6, с. 247]. Соответственно, можно определить, что стихотворение «Лиличка!» будет относиться к экспрессивному типу текста, так как оно является произведением художественной литературы, целью перевода которой является воздействие на эмоции и чувства читателя с обязательным условием сохранения формы и структуры произведения.

Далее нужно обратить внимание на общий вид стихотворения, его размер и конструкцию. Но уже на этом этапе анализа могут возникнуть проблемы, так как в данном стихотворении есть вероятность столкнуться с разногласиями при определении размера произведения на русском языке. Если взять первую строку: «Дым табачный вóздух вы́сел.» (ударение наше. – А. П., В. О.), – её размером будет являться четырёхстопный хорей [7]. Но у следующих строк размер уже будет совершенно иным:

«Вспóмни —
 за э́тим окно́м
 впервые
 ру́ки тво́й, иступле́нный, гла́дил.» (ударение наше. – А. П., В. О.) [7].

Стихотворение, у которого трудно определить размер, ещё называют акцентным стихом, или верлибром. Если предложение В. В. Маяковского условно разделить на две части, то можно заметить, что они начинаются двустопным дактилем, а заканчиваются двустопным хореем. Согласно этому наблюдению, можно сделать вывод, что ритм стихотворения не сохраняется, в некоторых частях допускается отсутствие рифмы, нет чёткого деления на четверостишия, что усложняет работу переводчика и требует больших усилий для осуществления качественного перевода. При обращении к переводу первой строки наблюдается следующее: «Tobacco smóke eats the áir awáyu.» (ударение наше. – А. П., В. О.) [7]. Ударение начинается уже на второй слог, рифма совершенно не соответствует оригиналу, однако это нельзя считать за недочет. По мнению Р. К. Миньяр-Белоручева, «чтобы обойти все подводные камни художественного перевода, переводчик должен быть наделён не менее ярким талантом, чем сам писатель ...» [1, с. 179]. Соответственно, для создания качественного перевода поэтического произведения необходимо использовать различного рода приёмы, обладать чувством стиля и поэтическими способностями. Переводчик не просто переводит текст, а создаёт новое полноценное произведение, наполненное теми чувствами, которые хотел передать автор оригинала.

Что касается рифмы, то здесь перевод выполнен с такой точностью, что, проведя параллели между строками в тексте-оригинале и тексте-переводе, можно заметить, что рифмующиеся строки по счёту совпадают. В пример приводятся последние строки стихотворения на русском и английском языках:

«Слов моих сухие листья ли
 заставят остановиться,
 жадно дыша?
 Дай хоть
 последней нежностью выстелить
 твой уходящий шаг.» (курсив наш. – А. П., В. О.) [7].
 «Will the dry autumn leaves of my sentences
 cause you to pause,
 breathing hard?
 Let me
 pave a path with the final tenderness
 for your footsteps as you depart.» (курсив наш. – А. П., В. О.) [7].

Сравнивая оригинал и перевод, можно встретить множество несоответствий, изменений каких-либо частей

текста. Такому явлению дали определение “переводческие трансформации” [8]. Одна из таких переводческих трансформаций – перестановка – «... изменение расположения ... языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника» по Л. С. Бархударову [8, с. 191]. У А. Кнеллера в переводе довольно часто можно встретить другой порядок слов, смысловых частей, поскольку в английском языке есть определённые правила размещения подлежащего и сказуемого в предложении, в русском языке это можно не учитывать. К примеру, в следующем предложении В. В. Маяковский сначала описывает действие, а потом руку, которая его совершает:

«В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.» [7].

В английском варианте у А. Кнеллера сначала идёт описание руки и уже потом смысловый глагол. Предложение звучит следующим образом:

«Frenzied, the trembling arm in the gloomy parlor
will hardly be able to fit the sleeve.» [7].

Ещё один пример — изменение порядка строк, которое обусловлено сохранением рифмы к слову “life”:

«Except for your eyes,
no blade can control me,
no sharpened knife.» [7].

При этом переводчик изменяет структуру предложения: В. В. Маяковский использует словосочетание “лезвие ножа”, а А. Кнеллер разделяет это словосочетание на два однородных существительных: “blade” (лезвие) и “knife” (нож). Аналогичный пример с изменением порядка строк звучит в отрывке:

«... you’ll scold me perhaps
and tell me to leave.» [7].

Переводчик преследует ту же цель – сохранение рифмы по отношению к последующим двум строкам, заканчивающимся на “sleeve”.

Далее обратимся к анализу тропов и образных средств. В произведениях В. В. Маяковского довольно интересно звучат метафоры. Например, “сердце в железе” В. В. Маяковского А. Кнеллер перевёл как “heart in iron armor”, где “iron armor” дословно переводится как “железная броня, доспехи” в словаре В.К. Мюллера [7; 9, с. 60]. Определяем этот приём как добавление, так как “добавление ... используется в тех случаях, когда мера подразумеваемости подобия в исходном и переводящем языках различна, и требуется ... экспликация подразумеваемого в исходном тексте смысла ...» [10, с. 246]. Следующая метафора, “горечь обиженных жалоб”, переведена как “all of my heartbroken misery” [11]. Здесь происходит усиление эффекта путём использования экспрессивно окрашенных слов “heartbroken” – “убитый горем, с разбитым сердцем”, “misery” – “страдание, бедность” [9, с. 406; 9, с. 540]. А. Кнеллер практически полностью поменял структуру русскоязычной метафоры для её перевода на английский язык, но при этом передал её эмоциональное воздействие на читателя. Ещё одна метафора, “the dry autumn leaves of my sentences”, которая у В. В. Маяковского звучит как “слов моих сухие листья”, частично переведена дословно, но переводчик так же использовал добавление слова “осенние” и замену: “слова” поменял на “sentences” (“предложения” [9 с. 735]) [7].

Также важным составляющим являются многочисленные эпитеты, один из таких – “опожаренный песок” [7]. В английском варианте переводчик выбрал следующий эквивалент слову “песок”: он назвал его “dune”, что с английского переводится как “дюна”, бархан, песчаный холм [9, с. 286]. И он не просто горячий, а “sun-baked”, будто поджаренный на солнце [7]. При этом А. Кнеллер исключил слово “fire” (“пожар”) в своём переводе.

Необходимо заметить, что не все те конструкции, которые являются образными средствами в одном языке, останутся прежними при их переводе на другой язык.

Например, эпитет “суетных дней взметённый карнавал” переведён не как одно целое, а разделён: “the days will form a whirling carnival”, где только “a whirling carnival” является эпитетом, а первая часть предложения отображает основу – подлежащее и сказуемое [7]. Ещё один пример: у В. В. Маяковского эпитет – “уходящий шаг”; у А. Кнеллера это обычное предложение с ещё одной грамматической основой, которой нет в оригинале: “(for) your footsteps as you depart” (скобки наши. – А. П., В. О.) [11]. Этим примером можно подтвердить наличие тех существенных различий, которые выявляются при сравнении двух разных языков и при попытке перевода произведения с одного языка на другой. В русском языке поэт выразил мысль одним существительным и причастием, в английском переводчику пришлось добавить пояснение, изменив части речи. Такой переводческий приём называется “созданием соответствий путем изменения структуры высказывания при сохранении типа сообщения”, о чем писал В. Н. Комиссаров [11, с. 170]. Некоторые эпитеты переведены дословно, но они являются вариантными соответствиями и обозначают такие соответствия, которые зависят от контекста: “the gloomy parlor” – “мутная передняя” (иначе “мрачная”), “distracted” – “дикий” (иначе “обезумевший”), “cool water” – “холодные воды” (иначе “прохладные”) [6, с. 157; 7]. Следующий эпитет – “руки твои, осступлённый, гладишь” (курсив наш. – А. П., В. О.) – в оригинальном произведении выражен одним прилагательным, а в переводе А. Кнеллер снова структурно преобразовывает предложение, и эпитет уже выражается наречием и существительным: “ecstatically, with fervor” [7]. “Кручёныхский ад” представлен как “Kruchenykh’s Inferno” [7]. Опираясь на характеристику перевода по уровням, выделенным И. С. Алексеевой, можно определить, что перевод именно этого эпитета осуществлён на уровне фонем, т.е. за основу взята фамилия Кручёных [6, с. 150].

Как было сказано ранее, переводчик заменяет части речи, использованные в тексте-оригинале, на другие в своём переводе. Тем не менее, он делает это не только при переводе образных средств, но и в обычных предложениях. Перевод строки «... ни один не радостен звон ...» следующий: «... nothing sounds as precious to me ...» [7]. В русском языке В. В. Маяковский использует краткое причастие; в английском языке А. Кнеллер, во-первых, заменяет слово “звон” на глагол “sounds”, во-вторых, русское причастие “не радостен” использует как сравнительный оборот “as precious”. В данном случае это можно интерпретировать как акцент на сравнении и на подлежащем “nothing”: для автора *ничто* не является настолько драгоценным, как имя своей возлюбленной (курсив наш. – А. П., В. О.). В строках «Завтра забудешь, что тебя короновал ...» А. Кнеллер при переводе так же делает акцент на того, кто совершает действие: «That it was I who crowned you ...» (курсив наш. – В.О.), хоть в оригинале поэт вовсе опускает подлежащее “я” [7]. Таким образом, при переводе важно понимать авторский смысл и при необходимости додумывать то, что хотел сказать поэт, используя различные способы выражения мысли на переводящем языке, включая добавления, опущения, изменения предложения по составу, грамматически и лексически.

ВЫВОДЫ

В результате исследования перевода поэтического текста можно заключить, что, во-первых, перевод – это очень трудоёмкий процесс. Существует множество приёмов перевода, но и множество затруднений при его осуществлении, поскольку не каждый обладает навыком подбора верного способа перевода и уместной лексики при переводе поэзии. Во-вторых, чтобы достичь поставленной цели, переводчику дозволено производить различные модификации с исходным материалом. Если рассматривать поэтические тексты, то здесь на первом месте стоит сохранение эмоционального воздействия и получение удовольствия при прочтении, без пренебре-

жения рифмой и ритмом стихотворения, иначе перевод окончательно потеряет связь с текстом-оригиналом. В-третьих, каждый отдельный результат перевода поэтического текста имеет свои особенности и может совершенно отличаться от оригинального произведения, так как переводчик привносит что-то своё, в связи с чем, в данном аспекте перевод можно назвать отдельным законченным художественным творением.

По нашему мнению, перевод стихотворения В. В. Маяковского «Лиличка!» выполнен максимально приближенно к оригиналу: переводчику удалось сохранить единство рифмы; что касается ритмики произведения, здесь различия обусловлены тем, что так называемый свободный стих В. В. Маяковского позволяет не сохраняя идентичность оригинала и перевода, но даёт возможность ориентироваться по количеству ударений в строке. При переводе тропов А. Кнеллер был вынужден преобразовывать текст-оригинал в наиболее подходящую форму на английском языке и использовать различные переводческие приёмы. Эстетическое и эмоциональное воздействие сохранено. Тем не менее, можно подтвердить, что у переводчика получилось законченное произведение собственного сочинения, основой которому послужило стихотворение В. В. Маяковского, и нельзя утверждать, что при прочтении перевода А. Кнеллера иностранные читатели смогут в полной мере прочувствовать специфику стихотворений известного русского поэта. Именно по этой причине необходимо отдавать предпочтение чтению художественных произведений в оригинале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев – М.: изд-во Московский лицей, 1996. 207 с.
2. Сдобников, В. В., Петрова, О. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.
3. Сайт GoodReads. Режим доступа: https://www.goodreads.com/author/show/73037.Andrey_Kneller свободный.
4. Винокур, Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур – М.: изд-во Советский писатель, 1943. 136 с.
5. Маяковский, В. В. Два Чехова. Режим доступа: <http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/articles/dva-chehova.htm>
6. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: филологический факультет СПбГУ; М.: издат. центр «Академия», 2004. 352 с.
7. Tania-Soleil Journal. Режим доступа: <https://www.tania-soleil.com/lilychkavmesto-pisma-maiakovskogo-na-angliiskom/> свободный, 2019.
8. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов – М.: изд-во Междунар. отношения, 1975. 239 с.
9. Мюллер, В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений [Текст] / В. К. Мюллер – М.: Эксмо, 2013. 1328 с. – (Библиотека словарей Мюллера).
10. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian / Т. А. Казакова - СПб.: изд-во Союз, 2001. 320 с.
11. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров - М.: изд-во Междунар. отношения, 1973. 215 с.

Статья поступила в редакцию 10.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'373.4:796.096/.097
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0065

ГЕНДЕРНО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ МЕТАФОРА В ФЕМИНИННОМ ДИСКУРСЕ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ США И РОССИИ

© 2020
AuthorID: 850895
SPIN-код: 2249-0726
ORCID: 0000-0003-2181-0259

Пак Леонид Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Межкультурных коммуникаций и переводоведения»

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: Leonid.pak@vvsu.ru)*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность анализа особенностей использования гендерно-обусловленной метафоры в фемининном дискурсе спортивного комментария России и США. Целью данной работы является сопоставительное исследование лингвокультурных особенностей функционирования гендерно-обусловленной метафоры в речи российских и американских спортивных комментаторов-женщин. В качестве материала исследования выбраны фрагменты спортивного комментария по спортивной гимнастике, теннису и фигурному катанию. Основными методами послужили сопоставительный метод и дискурс-анализ. В работе подробно проанализированы основные соотношения между областью-источником («спорт-война», «спорт-смерть», «спорт-искусство», «спорт-техника») и областью-целью («соревновательная ситуация», «соревновательный результат», «внешние данные», «техника исполнения») гендерно-обусловленной метафоры и выявлены значимые лингвокультурные особенности речи спортивных комментаторов-женщин. Выявлено, что российские комментаторы-женщины наиболее часто переносят значения из области «спорт-искусство», «спорт-смерть» и «спорт-война». При этом американские комментаторы-женщины наиболее часто используют только две области-источника: «спорт-искусство» и «спорт-война». Представлены количественные и качественные характеристики женской речи в рамках дискурса спортивного комментария России и США. Выделяются актуализируемые комментаторами-женщинами ценности: витальные (*жизнь*), социальные (*успех*) и эстетические (*красота*). Доказано, что гендерно-обусловленные метафоры выражают ценностные, прагматические и когнитивные аспекты дискурсивной личности спортивного комментатора.

Ключевые слова: гендерно-обусловленная метафора, дискурс-спортивного комментария, дискурс-анализ, область-источник, область-цель.

DISCOURSE PERSONALITY CONCEPT OF SPORT COMMENTATOR OF USA AND RUSSIA

© 2020

Pak Leonid Evgenyevich, candidate of philological sciences, senior lecturer of Department
of Intercultural Communications and Translation Science

*Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Street Gogolya 41, e-mail: Leonid.pak@vvsu.ru)*

Abstract. The article proves the relevance of the analysis of the use of gender-specific metaphors in the feminine discourse of sports commentary in Russia and the USA. This research has its purpose in comparative study of gender-specific metaphor in the speech of Russian and American female sports commentators. Fragments of commentary in gymnastics, tennis and figure skating were selected as the research material. The main methods were the comparative method and discourse analysis. The article reveals basic correlations between the source-area (“*sport-war*”, “*sport-death*”, “*sport-art*”, “*sport-technology*”) and the target-area (“*competitive situation*”, “*competition result*”, “*appearance*”, “*execution*”) of gender-specific metaphor. This research reveals significant linguocultural peculiarities in the speech of female sports commentators. Russian female sports commentators mostly use such source-areas as “*sport-war*”, “*sport-death*”, “*sport-art*”. At the same time, American female commentators use only two source-areas: “*sport-war*”, “*sport-art*”. Quantitative and qualitative characteristics of female speech in Russian and American sports commentary are presented. The article describes basic values, which are important for the commentators: vital (life), social (success) and aesthetic (beauty). It is proved that gender-specific metaphors express axiological, pragmatic and cognitive aspects of the discourse personality of a sports commentator.

Keywords: gender-specific metaphor, discourse of sports commentary, discourse analysis, source-area, target-area.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Тексты дискурса спортивного комментария характеризуются наличием неких информативно-содержательных особенностей, а также обнаруживают эмоциональные и ценностные интенции, которые способны персуазивно воздействовать на телезрителя [1]. Перечисленные особенности можно весьма наглядно продемонстрировать при помощи анализа гендерно-обусловленных метафор в сопоставительном аспекте. Кроме того, сопоставительный анализ гендерно-обусловленных метафор служит основой для глубокого анализа лингвопрагматических и языковых средств, апробирующихся в дискурсе спортивного комментария. Изучение различных дискурсов в сопоставительном аспекте находится в сфере интересов как отечественных, так и зарубежных ученых.

Перечисленные выше положения, на наш взгляд, обуславливают актуальность данного исследования.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на

которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

В данной работе метафора рассматривается как значимая метаязыковая операция, позволяющая понять одну сферу знания через призму другой [2-3]. Основой метафоры как ментальной и языковой операции является отсылка к сходству сравниваемых объектов.

Метафора используется для того, чтобы провести аналогии и ассоциации между различными понятиями [4]. Роль метафоры в дискурсе спортивного комментария подробно исследуется в работах лингвистов [5-7]. Аспектные исследования функциональной роли метафоры в спортивном дискурсе проведены Пром Н.А. и Гриценко А.Н. [8-9]. Работа Корбо Б. посвящена спортивно-игровой метафоре в политическом дискурсе [10]. Изучаются особенности использования спортивной метафоры в рамках американской лингвокультуры [11]. Метафорический образ спортсмена в контексте зооморфной метафоры исследуется Бруновой Е.Г. [12]. Спортивная метафора изучается и на примере религиозного дискурса [13]. Семиотические и семантические

особенности спортивных метафор СМИ описаны в работе Гриценко А.Н. [14]. Существуют работы, посвященные исследованию лингвокультурных особенностей метафоры спортивного дискурса [15], а также особенностям метафорического словообразования в современном дискурсе спортивного комментария [16]. Между тем лингвокультурные особенности использования гендерно-обусловленной метафоры в дискурсе спортивного комментария практически не рассматриваются в перечисленных работах, что и обуславливает научную новизну предлагаемого исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Целью данной работы является анализ особенностей использования гендерно-обусловленной метафоры в фемининном дискурсе спортивного комментария.

Постановка задания. Сходство объектов, основанное на метафоризации, помогает решать проблемы одной области знания при помощи знаний, полученных в другой области [17]. Проведенный анализ особенностей использования гендерно-обусловленной метафоры в фемининном дискурсе спортивного комментария выявил необходимость выделения области-источника (объединяет знания из области опыта) и области-цели (структурируется через призму области-источника). Структура гендерно-обусловленной метафоры моделируется при помощи выявления соотношений между областью-целью и областью-источником.

Материалом исследования послужили фрагменты трансляции американских спортивных каналов CBS Sports и NBC Sports (15 трансляций) и российских каналов Eurosport и МАТЧ! (14 трансляций) с участием спортивных комментаторов России (Анна Чакветадзе, Елена Лиховцева, Лидия Иванова, Татьяна Тарасова) и США (Мартина Навратилова, Элфи Шлегель, Настя Люкин).

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Основными методами, использованными в работе, являются сопоставительный метод и дискурс-анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Анализ речи российских спортивных комментаторов-женщин выявил следующие соотношения области-источника и области-цели:

- 1) «спорт-война» – «соревновательная ситуация», «техника исполнения»;
- 2) «спорт-смерть» – «техника исполнения», «соревновательный результат»;
- 3) «спорт-техника» – «внешние данные»;
- 4) «спорт-искусство» – «техника исполнения», «внешние данные».

Проведенное исследование выявило, что «спорт-война» – одна из наиболее важных областей-источников в речи российских комментаторов-женщин: «*Очень острые удары она наносит*» – Елена Лиховцева [18]. В предложенном примере иллюстрируется соотношение «спорт-война» – «техника исполнения».

Гендерно-обусловленная метафора «спорт-война» – «соревновательная ситуация» наглядно иллюстрируется следующим примером: «*Тяжелая жизнь спортивная, ничего лишнего нельзя, воды попить нельзя, нечем плюнуть во врага. Но никто и не обещал, что будет легко*» – Лидия Иванова [19]. В приведенном примере выявляется сходство спортивной ситуации и военного действия, соперничество в сфере спорта структурируется через военную сферу, прослеживается четкая оппозиция по признаку «свой»-«чужой, враг».

Два значимых соотношения для анализа представляет сфера искусства. «Спорт-искусство» – «техника исполнения»: «*Аксель очень страшный прыжок, особенно для девочек, но как она его исполняет, на какой высоте – шедевр!*» – Татьяна Тарасова [19].

«Спорт-искусство» – «внешние данные»: «*Ну и про-*

порции у нее, только ухват брать, а ведь раньше гимнастка как статуэтка должна была быть» – Лидия Иванова [1].

Эстетический компонент спортивных соревнований в сфере гимнастики подчеркивается лексемами «шедевр», «статуэтка».

В ходе дальнейшего анализа метафорических образов в фемининном дискурсе спортивного комментария были проанализированы соотношения из сферы «спорт-смерть». Область-источник соотносится с такими областями целями как «техника исполнения» и «соревновательный результат»: «*Расстреливает она соперницу этими бэкхэндами с задней линии*» – Анна Чакветадзе [18]; «*На повороте 360 слетает с бревна россиянка, ну надо же, нашла себе осколькоду могилу*» – Лидия Иванова [19]. Метафора смерти актуализирует сему «лишение жизни» («расстреливает», «нашла могилу»), в данных примерах «субъектом убийства» выступает сам спортсмен.

Техническая сфера в речи российских спортивных комментаторов-женщин иллюстрируется соотношением «спорт-техника» – «внешние данные»: «*15,966, ну что делать с таким машинным исполнением!?*» – Лидия Иванова [18]. В данном примере, кажущаяся негативная оценка («машинное исполнение») в контексте соревнования изменяется на одобрительную оценку, подчеркивая стабильность спортсмена при исполнении упражнения.

Рисунок 1 наглядно иллюстрирует выявленные соотношения при использовании гендерно-обусловленных метафор в российском фемининном дискурсе спортивного комментария.



Рисунок 1 – Соотношения области-источника и области-цели гендерно-обусловленной метафоры в речи российских комментаторов-женщин

В ходе дальнейшего анализа был проанализирован фемининный дискурс спортивного комментария США. В рамках данного дискурса, «спорт-искусство» и «спорт-война» являются наиболее продуктивными областями-источниками, в то время как «техника исполнения» и «внешние данные» – наиболее значимые области-цели.

Соотношения, выявленные в ходе анализа представлены ниже:

- 1) «спорт-война» – «техника исполнения», «соревновательная ситуация»;
- 2) «спорт-смерть» – «соревновательная ситуация»;
- 3) «спорт-искусство» – «внешние данные».

Метафора военной сферы обнаруживает наибольшее количество соотношений и является весьма продуктивной в фемининном дискурсе спортивного комментария США. Соотношение «спорт-война» – «техника исполнения» можно проиллюстрировать данными примером: «*Her shorts are adorable*» – Мартина Навратилова [20].

Перенос по линии «спорт-война» – «соревновательная ситуация» также весьма интересен: «*He beats his opponents, there's nothing to do with that*» – Настя Люкин [21]. Вербализация метафоры военной сфере происходит при помощи лексем «*shot*», «*beats*».

Соотношение «спорт-искусство» – «внешность» проиллюстрируем следующим примером: «*Outstanding performance and a wonderful arena*» – Элфи Шлегель [21]. Анализируемый пример выражает сравнение спортивной арены с театральной сценой, соревнование же сравнивается со сценой театра, что и вербализуется комментатором при помощи лексемы «*performance*».

Рисунок 2 иллюстрирует выявленные соотношения при использовании гендерно-обусловленных метафор в американском фемининном дискурсе спортивного комментатора.

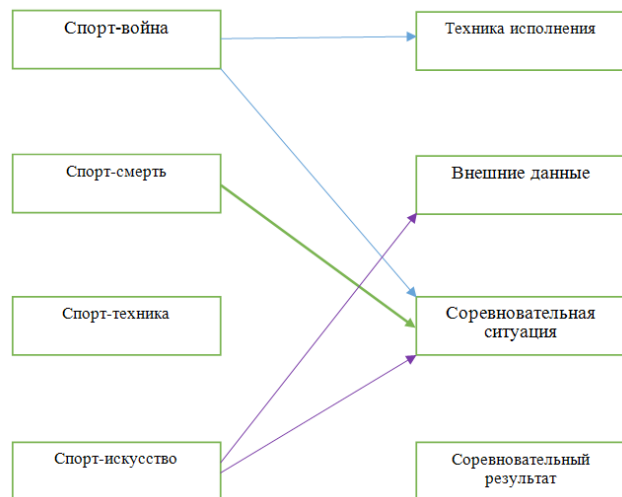


Рисунок 2 – Соотношения области-источника и области-цели гендерно-обусловленной метафоры в речи американских комментаторов-женщин

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. В работе «Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование» Е.Г. Малышева выявляет когнитивные особенности речи спортивных комментаторов при помощи фреймового анализа метафор [22]. Автор приходит к выводу, что наиболее значимыми метафорическими моделями в речи спортивных комментаторов являются «спорт-война» и «спорт-смерть». Исследование, предложенное в данной статье, наш взгляд, подтверждает полученные Е.Г. Малышевой выводы, при этом углубляя и дополняя их. Мы обозначаем новые метафорические модели: «спорт-искусство» и «спорт-техника», а также выявляем гендерные и лингвокультурные особенности исследуемого феномена.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, сопоставительный анализ использования гендерно-обусловленной метафоры в фемининном дискурсе спортивного комментатора России и США выявляет следующие особенности: количество соотношений области-источника и области-цели в фемининном дискурсе спортивного комментатора России более разнообразно нежели в американском (7:5 соответственно). Кроме того, российские комментаторы женщины наиболее часто переносят значения из области «спорт-искусство», «спорт-смерть» и «спорт-война». При этом американские комментаторы-женщины наиболее часто используют только две области-источника: «спорт-искусство» и «спорт-война». В выделенных метафорах актуализируются ценности: витальные (*жизнь*), социальные (*успех*) и эстетические (*красота*).

Перспективы дальнейших изысканий данного направления. Гендерно-обусловленные метафоры выража-

ют ценностные, прагматические и когнитивные аспекты дискурсивной личности спортивного комментатора, что открывает широкие возможности для дальнейшего исследования в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Николаева О.В. Прагматический потенциал атрибутивных композитов в американском масс-медийном дискурсе по предвыборной тематике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63). С. 146–149.
2. Галинская И.Л. К теории метафоры // Вестник культурологии. 2016. №2 (77). С. 57–58.
3. Хахалова С.А. Грамматика метафоры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №17 (728). С. 105–119.
4. Аматав А.М., Бондаренко Е.В., Пунынина Е.В. Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №1. С. 5–12.
5. Ласков М.А., Шподаренко Д.А. Сохранение когнитивного потенциала при декодировании метафоры в спортивном дискурсе // Символ науки. 2015. №4. С. 151–153.
6. Федотова Н.В. Специфика употребления военной метафоры в спортивном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-2 (80). С. 378–383.
7. Куранова Т.П. Индивидуально-авторские метафоры в телевизионном спортивном репортаже // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №2. С. 78–83.
8. Пром Н.А., Янкина Е.В., Кохташвили Н.И. Метафоры спортивного дискурса: функциональный спектр // Вестник ТГПУ. 2017. №6 (183). С. 32–37.
9. Гриценко А.Н. Функциональные типы метафор в спортивном русскоязычном и англоязычном дискурсе // Русистика. 2015. №4. С. 154–160.
10. Корбо Б. Спортивно-игровая метафора в политическом дискурсе (на материале русского и итальянского языков) // Политическая лингвистика. 2015. №3. С. 116–123.
11. Корж П.А. Спортивная метафора как средство коммуникации в американском политическом дискурсе // ЭСГИ. 2019. №2 (22). С. 175–179.
12. Брунова Е.Г., Каранкевич В.В. Метафорический образ спортсмена в контексте зооморфной метафоры (на материале немецкого медиадискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №2-2 (68). С. 87–91.
13. Белютин Р.В. Религиозная метафора в системе речевых коллективных практик немецких футбольных фанатов // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. №3. С. 80–82.
14. Гриценко А.Н. Метафоры в спортивных СМИ, описывающие мир баскетбола // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2015. №4. С. 9–14.
15. Садыков А.Г., Зарипов А.Р. Зооморфная метафора в спортивном медиадискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №11-1 (77). С. 155–158.
16. Шеватлохова Е.Д., Сокур Е.А. Особенности метафорического словообразования в современной спортивной лексике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. №1 (172). С. 101–104.
17. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. 1988. № 23. С. 291–294.
18. Eurosport [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.eurosportplayer.com/>. / Дата обращения: 21.11.2019.
19. Sportbox [Электронный ресурс]. URL: http://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/. / Дата просмотра: 15.11.2019.
20. CBS Sports [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbcsports.com/tennis/>. / Дата обращения: 22.11.2019.
21. NBC Sports [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbcsports.com/tennis/>. / Дата обращения: 12.11.2019.
22. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование [Электронный ресурс]: монография / Е.Г. Малышева. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2011. 370 с.

Статья поступила в редакцию 29.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'83

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0066

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ КОНЦЕПТОВ «РАБОТАТЬ», «ТРУДИТЬСЯ», «ОТДЫХАТЬ»

© 2020

AuthorID: 777207

SPIN: 2522-9064

Ковынёва Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и культуры речи

AuthorID: 780102

SPIN:6350-4476

Петрова Наталья Эдуардовна, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Русский язык
и культура речи»

Курский государственный медицинский университет

(305 041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: na_tali68@mail.ru)

Аннотация. В работе даётся краткий обзор такого современного направления в науке, как когнитивная лингвистика, которая в исследованиях связана с когнитивизмом, исследующим разум, мышление, ментальные процессы и состояния субъекта. Изучение языковой картины мира во всём её многообразии происходит в результате интеграции методов и подходов этих научных направлений. Каждой этнокультуре присуще своё отношение к основным фундаментальным понятиям, на которых базируется традиционный жизненный уклад социума. «Труд», «работа», извечно являясь основой как материального, так и духовного благополучия общества, не могли не найти своего отражения в языке. В *статье* даётся описание глаголов «работать», «трудиться» и абстрактных существительных «работа», «труд», которые позволяют представить когнитивную картину различных параметров данных лексем на материале пословиц и поговорок. Кроме того, говоря о трудовой деятельности, нельзя не обратиться к лексеме «отдых», поскольку, казалось бы противоположные процессы, тесно взаимосвязаны в жизни человека. Материалы данного исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, для занятий по прикладной лингвистике, а также для создания функционально-когнитивных словарей.

Ключевые слова: когнитивизм, когниция, ментальные процессы и состояния, концептосфера, концепт, языковая картина мира, функционально-семантическая сфера, русские пословицы и поговорки.

PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC UNDERSTANDING OF THE CONCEPTS “WORK”, “LABOR”, “RELAX”

© 2020

Kovyneva Irina Anatolyevna, candidate of philological sciences, assistant professor,
Head of the Department of «Russian Language and Speech Culture»

Petrova Natalia Eduardovna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor
of the department of «Russian Language and Speech Culture»

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street 3, e-mail: na_tali68@mail.ru)

Abstract. The paper gives a brief overview of such a modern direction in science as cognitive linguistics, which in studies is associated with cognitivism that studies the mind, thinking, mental processes and conditions of the subject. The study of the linguistic picture of the world in all its diversity occurs as a result of the integration of the methods and approaches of these scientific areas. Each ethnic culture has its own attitude to the basic fundamental concepts on which the traditional way of life of society is based. “Labor”, “work”, being eternally the basis of both material and spiritual well-being of society, could not find their reflection in the language. The article describes the verbs “work”, “work” and the abstract nouns “work”, “work”, which allow us to present a cognitive picture of the various parameters of these tokens on the material of proverbs and sayings. In addition, speaking of labor activity, one cannot but turn to the “rest” token, since, it would seem, the opposite processes are closely interconnected in a person’s life. The materials of this study can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language, for classes in applied linguistics, as well as for creating functional cognitive dictionaries.

Keywords: cognitivism, cognition, mental processes and states, concept sphere, concept, language picture of the world, functional-semantic sphere, Russian proverbs and sayings.

ВВЕДЕНИЕ

Мыслительные операции и речь тесно связаны не только как процессы, протекающие почти одновременно или вообще одновременно, но и как процессы, близкие по своей организации, по своей структуре, по своему устройству и принципу [1]. Изучение когнитивных аспектов лексической системы языка и их оптимизация всегда являлись одной из сфер прикладной лингвистики [2-3]. Когнитивизм – современная междисциплинарная наука, предметом и объектом исследования которой являются разум, мышление, ментальные процессы и состояния субъекта. Мыслительные процессы, непосредственно связанные с языком, дают возможность сохранить в памяти знания для построения характерной для каждого конкретного этнокультурного коллектива языковой картины мира [4-7]. Отношение к труду, работе и отдыху, зафиксированное в пословицах и поговорках, крылатых выражениях и афоризмах, оставленных предшествующими поколениями, находит свою реализацию в языковой картине мира как отдельного субъекта, так и целого этноса и представляет весьма специфическую

картину, интересную с различных точек зрения [8-10].

МЕТОДОЛОГИЯ

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью анализа материала, дающего возможность осмыслить функционально-семантическую сферу концептов «работать», «трудиться» и «отдыхать». Цель исследования состоит в комплексном описании функционально-семантической сферы концептов «работать», «трудиться» и «отдыхать» на материале малого жанра устного народного творчества (УНТ) – пословиц и поговорок, выбранных из сборников XVIII – XX веков, в том числе и знаменитого сборника В.И. Даля [11].

Теоретическую и методологическую основу составили работы В.А. Масловой, Н.Ф. Алефиренко, В.Ю. Апресяна, А.Н. Баранова, В.В. Виноградова, В.И. Даля, В.А. Звегинцева, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Д.С. Лихачева, В.Н. Телии, Ч. Филмора, А.К. Жолковского, С.А. Аскольдова, Ю.С. Степанова, Р.М. Фрумкиной и др.

В исследовании применялись методы когнитивной науки и концептуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

От самого понятия «когнитивизм» происходит термин когниция, охватывающий знание и мышление в их языковом воплощении. А язык в свою очередь структурирует и систематизирует в памяти знания, из которых создается языковая картина мира. И если мы имеем в виду не индивида, а этнос с его коллективной памятью, то можно говорить об этнокультурной языковой картине мира. Понять, как она создаётся и осмысливается, можно, обратившись к такому понятию, как концептосфера, которая в свою очередь складывается из концептов и формирует национальную языковую личность.

В 1928 году вышла в свет статья С.А. Аскольдова «Концепт и слово», в которой фигурирует это слово, которое первоначально являлось философским понятием [12], но научным термином оно стало лишь во второй половине XX века. В настоящее время в лингвистике принято выделять три основных направления в изучении концепта:

1) культурологический аспект рассмотрения концепта, то есть культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними (представители этого направления – Ю.С. Степанов, В.Н. Телия);

2) семантический подход в формировании значения, смыслового содержания концепта (школа Н.Д. Арутюновой, Н.Ф. Алиференко);

3) когнитивный подход, в рамках которого концепт рассматривается как оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingvamentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике (Е.С. Кубрякова) [13].

К этому перечню можно добавить концепции Ю.Д. Апресяна [14] и Р. Джекендорффа [15]. Однако при существующем многообразии взглядов и подходов к рассмотрению и изучению концепта, при большом количестве дефиниций термина «концепт» следует отметить неоспоримый факт неразрывной связи языка и культуры [16-17].

Так что же такое концепт? Остановимся на определении М. Хайдеггера, которое считаем наиболее полным: концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия».

Концепты «работать», «трудиться» и «отдыхать» определяют один из важнейших аспектов жизни и деятельности человека. Их актуализация производится, в первую очередь, в смысловой структуре многозначных глаголов «работать-трудиться», «отдыхать» и существительных «работа», «труд» и «отдых». При рассмотрении значения глаголов обратимся к толковым словарям. Так, в Малом академическом словаре (МАС) [18] находим значения: 7 – для глагола «работать», два – «трудиться» и 1 – «отдохнуть». Таким образом, в словарях даются общее представление о лексико-семантических вариантах глаголов «работать-трудиться», «отдыхать», представлена их сочетаемость с другими лексемами. Кроме того, словарные статьи показывают, какая из представленных лексем наиболее предпочтительна в языковом сознании его носителя.

Рассмотрим лексико-семантические варианты глаголов «работать-трудиться» и «отдыхать» с позиции национально-культурного отношения к ним русского человека. Исстари на Руси труд являлся неотъемлемой частью жизни людей. Различные ремесла и земледелие были основными формами трудовой деятельности. На почве народных традиций родились многочисленные пословицы и поговорки:

Работа веселье любит

Работа да руки – надёжные в людях поруки

Работа и мучит, и кормит, и учит

Работа мастера кажет (хвалит)

Работа черна, да денежка бела
Работай до поту, поешь хлеба в охоту
Без работы и печь холодна
От работы похудеешь, от безделья обеднеешь
Труд человека кормит, а лень портит
Август-батюшка заботой-работой мужика тешит.
Без труда не вынешь (не вытащишь) рыбку из пруда.
Без труда ничего не даётся
Без труда чести не получишь
Трудовое беспорочно, хоть мало, да прочно
Трудовая денежка довеку живёт (кормит, спора и сладка)

Общий смысл сводится к тому, что работа, труд – это основа жизни, потому что без усилий никакое дело не сделаешь хорошо, не заслужишь уважения и чести. Однако, кроме положительной коннотации, можно выделить и отрицательную, поскольку труд даёт возможность получить достаток, благополучие, возможность прокормить себя и семью, но благосостояния и богатства честным трудом не наживёшь.

От трудов праведных не построишь палат каменных

Рабочему полтина, а нарядчику рубль

Рабочий конь на соломе, а пустопляс на овсе

И всё-таки труд, мастерство всегда ценили и уважали, а бездельников хулили и порицали, высмеивали. При этом в контексте некоторых пословиц сопряжены слова, противоположные по смыслу (прямые или контекстные антонимы):

Будни прогулял, а в праздник и работать нехотят

Парень хорош, да работы на грош.

На работу боком, а с работы скоком

На работу так-сяк, а на еду мастак

На работу – огонь, а работы хоть в огонь

Пилось бы да елось, а работушка на ум бы не шла

Работать не горазд, а поесть – как раз

Работник с сошкой, а лодырь с ложкой

Труда много, а добычи мало

При этом в русской культуре не принято высмеивать человека, если он старается, но у него не всё получается. Всегда находилось ёмкое слово, пословица, поговорка, в которой звучало утешение и поддержка. Терпение и настойчивость в работе побеждают все препятствия. Говорится, чтобы подбодрить человека, у которого впереди трудная работа; говорят, когда верят, что всё плохое пройдёт, забудется.

Терпение и труд всё перетрут.

Работай – сыт будешь, учишь – умён будешь

Труд при учении скучен, да плод от учения вкусен

На работе смелее – будешь жить веселее

Без охоты, неспоро у работы

В пословицах и поговорках также говорится о заслуженном вознаграждении после хорошо выполненной работы, при этом подчёркивается, что отдых и развлечения не должны занимать много времени.

Работе время, а потехе час

Работу с плеч, да и на печь

Кончил дело – гуляй смело

РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, в сборнике «Русские пословицы и поговорки» [19] были отобраны и представлены малые формы устного народного творчества, о которых говорят, что в них заключена мудрость народная, а применительно к концепту и концептосфере и языковая картина мира русского народа [12]. Данные пословицы отражают отношение к работе, труду и отдыху. Проведя анализ русских пословиц и поговорок, приходим к заключению, что парадигматическое соотношение концепта «работа – работать – рабочий» и «труд – трудиться – трудовой» представлены как 22 / 10. Глагол же отдыхать не встретился ни разу, об отдыхе говорилось лишь опосредованно как о заслуженной награде, поскольку праздное времяпровождение не приветствовалось на Руси испокон веку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Петрова Н.Э. Философский подход к осмыслению языковых образов времени в логосфере русской культуры // *Наука и практика регионов*. – 2019. № 2 (15). – С. 135-139.
2. Петрова Н.Э., Дмитриева С.Ю. Реализация когнитивной функции языка в процессе авторизации художественного текста // *Опτικο-электронные приборы и устройства в системах распознавания образов, обработки изображений и символической информации. Распознавание - 2008: Сборник материалов VIII международной конференции. Международная академия наук высшей школы; Центр информационных технологий в проектировании РАН; Международное общество по оптической технике (Российское отделение)*. – Курск: Курский государственный технический университет. 2008. – С. 56-57.
3. Самчик Н.Н. Способы отражения культурной информации в языке // *Региональный вестник*. 2019. № 12 (27). С. 25-26.
4. Девдариани Н.В. Интегральное представление об архитектуре // *Региональный вестник*. 2019. № 12 (27). С. 29-30.
5. Петрова Н.Э. Структурные особенности гипертекста как формы коммуникации // *Региональный вестник*. – 2019. – № 4 (19). – С. 20-22.
6. Девдариани Н.В. Дефиниции как способ осуществления речевой деятельности // *Региональный вестник*. – 2019. – № 5 (20). – С. 14-15.
7. Демьянков В.З. // *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*. / ВЯ, 1994, № 4, с. 17-33.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007.
9. Ковынева И.А. Голофразис как средство выражения языковой и художественной картины мира // *Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур*. / И.А. Ковынева, Н.В. Девдариани, Н.Э. Петрова. – М., 2018. – С. 180-183.
10. Павленис Р.И. // *Проблема смысла*. / М., 1983. с. 101-102.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа. –М.: Диамант, 1998. –544 с.
12. Аскольдов С.А. Концепт и слово // *Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Нерознака*.–М.: Academia, 1997. – С. 267-280.
13. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. *Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой*. М., 1996.
14. Апресян Ю.Д. *Избранные труды. Т.2. // Интегральное описание языка и системная лексикография*. / М., 1995.
15. Gackendoff R. *Semantics and cognition*. - Cambridge (Mass.), 1993.
16. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: Культурные концепты*. / Волгоград-Архангельск, 1996.
17. Чиркова В.М. Типы речевых культур // *Региональный вестник*. 2019. № 5 (20). С. 23-29.
18. *Малый академический словарь русского языка*. – 3-е изд. –М., 1985.
19. *Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.Аникина*. – М., 1988. – 431 с.
20. Фрумкина Р.М. .. Представление знаний как проблема // *Вопросы языкознания / Р.М. Фрумкина, А.К. Звонкий, О.И. Ларичев, В.Б. Касевич*. М., 1990. С. 85-101.

Статья поступила в редакцию 30.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'37:811.111:811.161.1
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0067

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ВРЕМЯ В КАРТИНЕ МИРА
В. ВУЛФ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ»)**

© 2020
SPIN-код: 7090-6361
AuthorID: 557342

Пиксендеева Виктория Геннадьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Филологии и медиакоммуникаций»
Мурманский арктический государственный университет
(183038, Россия, Мурманск, улица К. Егорова, 16, e-mail: pvg12@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей языковой репрезентации концепта ВРЕМЯ в художественной картине мира. На сегодняшний день интерес к описанию концепта ВРЕМЯ в рамках различных картин мира связан со стремлением ученых рассмотреть данное явление не формально, а по отношению к тому, как человек членит мир с целью его тезаурусного описания. Когнитивная наука исходит из понимания того, что человеческое сознание отражает мир в форме ментальных репрезентаций, отпечатков опыта, которые хранятся в фонде представлений о возможной действительности, формируются и развиваются на протяжении всей жизни человека. Авторами проведен анализ языковой репрезентации концепта ВРЕМЯ в индивидуально-авторской картине В. Вулф (на материале анализа романа «Миссис Дэллоуэй»). Художественная картина мира отличается от языковой. Концептуальный анализ позволил установить основные признаки концепта ВРЕМЯ. В статье рассматриваются предложные конструкции с темпоральным значением, употребление которых позволило описать содержательную составляющую данного концепта. Также авторами проведен анализ ключевых лексем, номинирующих концепт, на основе которого сделаны выводы о понятийной составляющей концепта. Авторы пришли к выводу о том, что языковая репрезентация концепта ВРЕМЯ использована в романе для выражения авторского мировоззрения.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация, субъективное, объективное, эмотивное время, художественная картина мира, концептуальный анализ, предлоги времени, ключевая лексема.

**TIME CONCEPT IN THE V. WOLF'S WORLD PICTURE
(BASED ON V. WOOLF "MRS. DALLOWAY")**

© 2020

Piksendeeva Viktoria Gennadievna, candidate of philology, associate professor
of the department of "Philology and media communications"
Murmansk Arctic State University
(183037, Russia, Murmansk, street K. Egorova 16, e-mail: pvg12@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the language representation of TIME concept in the framework of the individual world picture – V. Woolf's world picture. At present there is a constant interest to describing the TIME concept in different pictures from different aspects. The idea of our approach is to do it with the help of cognitive science. Cognitive approach states that human consciousness reflects the outside world in the form of mental representations. These mental units are kept in the consciousness and can be developed during the human being's life. The best way to describe the concept is to describe the ways and means of its representation in different world pictures. The author tries to analyze the linguistic means of TIME concept representation the individual style of V. Woolf (upon her novel "Mrs. Dalloway"). There is a difference between language and fiction world picture. The conceptual analysis gives a chance to describe main features of the concept. It is obviously the time plays a very important role in the novel. The analysis starts with identifying the basic lexeme which nominates the concept. The article contains prepositional word combinations with temporal meaning.

Keywords: concept, linguistic representation, objective and emotional time, the world in fiction, conceptual analysis, and prepositions related to time, Keywords.

ВВЕДЕНИЕ

Индивидуально-авторская, или художественная, картина мира является формой мировидения как альтернатива миру действительному, физическому. По мнению Н.А. Ежовой, это образ мира, смоделированный "сквозь призму сознания художника как результат его духовной активности" [1, с. 14]. К особенностям художественной картины мира относится совмещение национального и индивидуального компонентов, так как образ действительности предстаёт отражённым с позиции определённого эстетического идеала.

Основными категориями картины мира являются пространство и время. Применительно к художественной картине мира взаимосвязь пространства-времени позволила выделить категорию хронотопа, отражающую это единство и определяемую М.М. Бахтиным как связь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. В художественном произведении отражается концептуальная картина мира и особенности языковой личности автора. Анализ художественного произведения позволяет выявить фрагменты, из которых состоит художественная картина мира автора – концепты. По мнению С.М. Богатовой, понятие «художественная картина мира» передаёт соотносённость картины мира и творческой концепции. Концепты, представленные в сознании, выступают как когнитивные элементы, которые формируют концепту-

ализированное художественное пространство – картину мира [2].

В начале XX века появляется новый тип повествования, так называемый «поток сознания». Появляются романы, действия которых развиваются в рамках одного дня, где время выступает как часть психологического бытия человека. Также важно противопоставление длительности и моментальности, быстротечности и продолжительности, повторяемости и единичности, временности и вечности, цикличности и необратимости. В произведении даже сама субъективность времени может стать отдельным концептуальным признаком. В романе «Миссис Дэллоуэй» время тянется медленно, и связано это с тем, что внимание автора приковано к психологическому состоянию героев, их размышлениям. В романе фактические события во времени – это объективное время, которое пересекается со временем внутренним.

Художественные приемы, создающие образы в литературных произведениях, теперь рассматриваются не только в рамках филологии, но и в рамках концепта. Существует большое количество определений концепта. Исходя из психолингвистических исследований Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина и И.Н. Горелова, исследователь И.А. Стернин определяет «концепт как комплексную дискретную единицу сознания, с помощью которой осуществляется процесс человеческого мышления» [3, с. 15–30].

МЕТОДОЛОГИЯ

Концепт принадлежит к сфере мыслительной деятельности человека, которая часто не имеет адекватного отображения в языке, именно поэтому очень важен анализ его языковой репрезентации. Автор художественного текста представляет концепты в своих работах через призму своего восприятия действительности и вкладывает в текст черты своей языковой личности. Вместе эти концепты образуют авторскую концептосферу. Именно поэтому изучение языковой репрезентации того или иного концепта необходимо и очень важно для достижения понимания авторской позиции, его творческого стиля, смысла идей, заложенных в его произведениях.

По мнению С.А. Аскольдова-Алексеева, художественные концепты – это совокупность чувств, эмоций, понятий и представлений [4, с. 268]. В основе художественных концептов лежит «диалогическая структура отношений человека, культуры и природы» [4, с. 146]. Художественный концепт отличается от других его видов тем, что писатель основывается не только на своем опыте и своих эмоциях, но и на общественном мнении, на нравственных нормах. И.А. Тарасова утверждает, что в литературе имеет большую значимость анализ «внутренней формы слова», «первообраза», с которым генетически связано данное представление» [5, с. 146]. Таким образом, анализируя языковую сторону художественного концепта, следует рассматривать интертекстуальные связи. Такой анализ, путем изучения лексических единиц, даёт возможность выявить те или иные уровни данного концепта. Как утверждает Л.В. Миллер, концепт – это «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала, при формировании новых художественных смыслов» [6, с. 41].

Концепт ВРЕМЯ – один из базовых концептов, связанных с представлением человека об окружающем мире. Этот концепт неизбежно присутствует в нашей жизни и руководит нашим мышлением. Концепт – явление психологическое, субъективное, ведь, несмотря на существование общих представлений о том или ином концепте, в сознании каждого отдельного человека он отражается по-своему. Писатель неизбежно вкладывает в своё произведение особенности своей языковой личности, и для полного ее понимания важно изучение языковой репрезентации данного концепта.

Художественное время в своей основе имеет систему языковых средств. Данная система включает в себя видовременные формы глагола в определенной последовательности, употребление времени в переносном значении, лексические единицы, обладающие временным значением, определенные синтаксические конструкции и т.д. Несомненно, глагольные формы обладают особой важностью при изображении художественного времени, с помощью них создается ощущение движения времени или его статика. Но особенно психологического повествования востребованы не столько глагольные сочетания, а лексические единицы, меняющие стандартные временные характеристики, либо лексические единицы, выражающие оценочное значение при интерпретации временного континуума.

Исследование сочетаемости времени-субъекта и времени-объекта показало, что время можно:

- 1) оставить (leave);
- 2) провести (spend);
- 3) потратить зря (waste);
- 4) заполнить (fill);
- 5) выбрать (chose);
- 6) иметь (have);
- 7) в нем можно нуждаться (need);
- 8) заставить двигаться (make...move).

Помимо этого, несомненный интерес представляет широко распространенная среди западных ученых точка зрения, согласно которой время интерпретируется, ско-

рее, как категория семантическая, нежели грамматическая. Интерпретация времени включает в себя:

1) ограниченную длительность, представляющую действие как единое целое (pass, come, be over, creep, be left);

2) «ингрессивность», обозначающую время начала действия: (begin, finish, stop, be over);

3) результативность, презентующую действие с точки зрения его результатов: (cease, show);

4) длительность, показывающую действие в его продолжительности: (last, pass)

5) возможность изменять свои качества (crumple).

Анализ действий Кларисы, ее обращение со временем и то, как она проживает его, открывает нам возможность говорить о вполне четкой картине: время субъективное намного важнее и значительнее для героини, чем та временная реальность, в которой она существует. Автор разделяет повествование на два противоположных мира: настоящее и прошлое героини, ее воспоминания и воспоминания других героев. Скорее всего, два мира – это не простая диалектика, а определенный хронотоп, в рамках которого происходят как вполне формальные события, так и душевные переживания главной героини.

В художественном тексте часто нарушается временная последовательность. Часто применяется прием ретроспекции, которая может быть средством раскрытия подтекста. Английский писатель прошлого столетия Э.М. Форстер утверждал, что такие писатели, как М. Пруст, Г. Стайн изменили взгляд на время в художественном произведении. Небезынтересным представляется описание восприятия времени Б. Уорфа, приведенное в статье «Отношение норм поведения и мышления к языку». В сознании человека, как отмечает автор, «соединены чувственная и нечувственная стороны восприятия мира» [7]. Человек может назвать то, что видит, слышит, осязает в данный момент – the present, другую сторону – обширную, воображаемую область памяти – the past, а область веры, интуиции и неопределенности – the future. Именно три фазы в осознанном человеком бытии всего сущего и находят свое отражение в обыденном восприятии времени.

В действительности «реальное время» отражается в сознании человека как “getting later”, как необратимый процесс изменения определенных отношений. В этом “latering” заключено основное противоречие между самым недавним моментом, находящимся в центре внимания, и остальными, предшествующими ему. Многие языки прекрасно обходятся двумя временными формами, соответствующими этому противоречию. Система настоящего, прошедшего и будущего времени большинства индоевропейских языков есть лишь общая тенденция к объективизации опыта, свойственная носителям данных языков. Как следствие стремления к объективизации, Б. Уорф объясняет и появление слова “time”. Без объективизации, абстрагирования, утверждает автор, данное представление было бы субъективным переживанием реального времени, т.е. сознания “becoming later and later”.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В произведениях В. Вулф время концептуализировано, оно имеет свое особое выражение в индивидуально-авторской картине мира. По мнению Н.А. Николиной, концептуализация времени проявляется следующим образом [8, с. 45]:

- в оценочных суждениях или комментариях автора или героя;
- в тропах, которые характеризуют время;
- в субъективном восприятии времени героями и определенной последовательности событий;
- в представлении разных временных плоскостей и характеристик времени в структуре художественного произведения.

Многочисленные литературоведческие исследования

показывают, что психологическим романам Вирджинии Вулф свойственны ослабленная событийность, тематическая наполненность и отражение ментальных структур сознания персонажа, а также подробное изображение внутреннего мира героев. Данное произведение соткано из воспоминаний главной героини Клариссы: во многом она живет в прошлом. Тема времени, прошлого и настоящего пронизывает произведение. Время является в произведении не только в обыденном его понимании, но и в почти одушевленном облике.

В результате анализа образного слоя концепта было установлено, что время в романе может быть представлено следующим образом:

- **время-отрезок:** «*For they might be parted for hundreds of years, she and Peter...*»;
- **время-определенный момент на часах:** «*No, it is precisely half-past eleven, she says*»;
- **время-действующий герой:** «*The sound of Big Ben striking the half-hour struck out between them with extraordinary vigour, as if a young man, strong, indifferent, inconsiderate, were swinging dumb-bells this way and that*»;
- **время-событие:** «*There was a quiet scene one night – an argument about something or other, what, he could not remember*»;
- **время-образ:** «*...but she feared time itself, and read on Lady Bruton's face, as if it had been a dial cut in impassive stone, the dwindling of life...*».

Время, объективно обладающее постоянными свойствами, в восприятии автора оказывается способным менять свои качества.

В моменты душевного напряжения, обостренного мироощущения время в сознании персонажей противоречит присущим ему характеристикам:

1) оно может непомерно растягиваться в моменты нетерпеливого ожидания:

For they might be parted for hundreds of years, she and Peter, he never wrote a letter and his were dry sticks; but suddenly it would come over her, if he were with me now what would he say? – some days, some sights bringing him back to her calmly, without the old bitterness (Woolf);

2) оно может приостанавливаться, как кадр из фильма:

But with Peter everything had to be shared; everything gone into (Woolf).

В данном романе внутренний конфликт Клариссы определяется противоборством в ее душе двух значимых временных пластов: настоящее и прошлое героини, воспоминания, которые постоянно всплывают в ее сознании. Оппозиция этих временных пространств коррелирует с двумя жизненными установками «have» и «were» [2, с. 14].

Концепт ВРЕМЯ в романе репрезентирован многочисленными предложными конструкциями, которые дополняют концептуальные характеристики. Эти единицы занимают близко периферийное положение в структуре концепта ВРЕМЯ и привлекают к себе внимание лингвистов. Однако, несмотря на многолетние наблюдения над поведением этих слов и сделанные в этой области важные лингвистические открытия, отдельные семантические признаки, свойства экспликации в системе временных предлогов остались, как нам кажется, еще не отмеченными или не до конца уясненными.

Для временных предлогов существует давняя и устоявшаяся традиция семантического описания и последующей семантической группировки на основе пространственных, т.е. чисто геометрических, понятий и отношений между ними. Одни предлоги выражают идею предшествования (after, before) (нечто, имеющее место на отрезке (на прямой, на интервале и т.д.), предшествуют некоторой точке, которую принято называть точкой отсчета на том же или другом отрезке, на данной прямой.

Другие предлоги связаны идеей следования одного какого-то события, состояния (календарного, суточного и др. времени) за некоторым другим, локализация

которого на шкале времени совпадает с точкой отсчета (at, on, in). Третьи сопряжены с идеей включенности одного времени в другое; эта идея представлена на временной шкале как то, что один отрезок (интервал и др.) является частью другого (of, within). Четвертые заставляют воспринимать время как движение, а временное пространство не как промежуток времени, а как измерение протяженности во времени некоторых событий или отношений. Они говорят не просто о возможной временной локализации, а о протекании события во времени или изменении во времени его параметров (for, at, during). Эти предлоги ставят в фокус внимания не только или, может быть, не столько сам факт покрытия временного промежутка действием, деятельностью, процессом или каким-то иным более частным видом события, сколько постепенное заполнение его развивающимся действием, деятельностью, процессом и т.п. Иными словами, они акцентируют «растягивание» события по времени. Пятые демонстрируют не привычное нам «научное» горизонтальное течение времени, а его возможное «наивно-языковое» движение в вертикальной плоскости. Именно так отражена в английском языке, например, сложная идея возраста, для выражения которой широко используются также предлоги (under, above, about). Возраст «любит» круглые даты: мы говорим *She is under 40; He is above 70*. Возраст, разумеется, самым тесным образом связан с физиологическим и анатомическим строением живого организма, с идеями вертикальности и роста.

При языковом выражении человеческого возраста, подчеркивая движение времени жизни, мы нередко передаем идею горизонтальных возрастных рубежей – рубежей, имеющих пороги, к которым мы, к сожалению, то и дело подходим, а затем их переходим, переступаем или перешагиваем, а также многие другие идеи и концепты, на которых здесь нет возможности подробно останавливаться. Наконец, в современном английском языке есть предложные сочетания, которые могут служить средством выражения природного круговорота, т.е. обратимого процесса.

Анализ предложных сочетаний, репрезентирующих концепт ВРЕМЯ в данном произведении, позволил сформулировать следующую классификацию.

Предлоги, используемые при обозначении части дня, точки во времени – данная группа представлена предложениями in, at: «*...perhaps at midnight, when all boundaries are lost...*».

В большей степени в произведении используется предлог in (25 раз), так как предлог in может использоваться при обозначении любой части дня, а предлог at используется только со словами night, midnight.

Предлог on – точка на временном отрезке как место события: «*...but adorable to walk with on a morning like this*». Используется в таких конструкциях, как «on a...day/weekday/afternoon/morning», но встречается достаточно редко.

Предлоги, используемые при передаче календарного времени/времени на часах (in, at): «*...that she should forget him, or merely remember him as he was in August 1922*». Предлог in встречается чаще (7 раз). Редкое использование предлога at может быть объяснено тем, что в произведении достаточно редко обозначается точное время; роман описывает, прежде всего, субъективное ощущение времени героями. Стоит отметить, что предлог on в данном значении не встречается совсем.

Использование предлогов, конкретизирующих временную локализацию, указывает на достаточно очевидную фабулу: действие романа происходит в определенные часы одного дня. Но, в силу переживаний героини, время растягивается, и у читателей создается впечатление о том, что событийное время не имеет границ.

Предлоги, выражающие предшествование одного действия другому – предлоги before, after: «*Oh, they had to go before the end!*» В большей степени автор использует

предлог after (36 раз). Это связано с тем, что главная героиня думает о том, что наступило после более счастливого периода в ее жизни.

Предлоги, выражающие протекание события во времени – предлоги du-ring, for: «...her dismissal from school during the War...». Предлог for используется чаще (52 раза), так как он используется с существительным моментом, а жизнь героини соткана из эмоционально окрашенных моментов.

Предлоги, обозначающие приблизительное – under, about, over: «...and the old lady (who is about his own age)...». Предлог under (1 раз) говорит о незаконченности события, over (3 раза) – о сверхвремени, about (4 раза) – о том, что скоро что-то произойдет.

Предлоги, обозначающие давность события – ago: «She was only up from Edinburgh two days ago». Его использование обусловлено размышлениями героев о прошлом.

Предлоги, обозначающие, что действие происходило до определенного момента – till, until: «They sat up till all hours of the night talking». Предлог till встречается в произведении реже (8 раз), что связано со стилем автора.

Предлоги, обозначающие, что действие происходило с определенно периода/момента в прошлом – since: «Regent's Park had changed very little since he was a boy».

Согласно нашему анализу, чаще всего в романе употребляются предлоги before и after (59 раз). Передавая внутренний мир главной героини, В. Вулф очень часто обращается к ее воспоминаниям. Кларисса живет прошлым, так как оно для нее было по-настоящему счастливым временем. Теперь, когда эти времена ушли, она думает о том, что было раньше, до настоящего момента, и какой ее жизнь стала после; о том, что будет после того, как ее не станет.

Являясь одним из базовых концептов, связанных с представлением человека об окружающем мире, концепт ВРЕМЯ неизбежно присутствует в нашей жизни и руководит нашим мышлением. В. Вулф формирует свое собственное восприятие времени, наделяя его индивидуально-авторским смыслом, который также имеет в себе черты английской культуры. В данном исследовании особую важность представляют понятия субъективного и объективного времени. Субъективное время – это время, в котором живет автор и которое «переживает» ее героиня. В. Вулф неизбежно вкладывает в произведение особенности своей языковой личности, свое мироощущение. Описание языковой репрезентации доминантных концептов художественной картины мира писательницы делает возможным расшифровать особенности ее индивидуально-авторского восприятия окружающей действительности.

По мнению самой В. Вулф, именно психологический роман-роман, проникающий внутрь человеческой души, соответствовал задачам художественной литературы времени, в котором она жила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ежёва Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: дис. ... канд. филол. наук / Н.Ф. Ежёва. Воронеж, 2002. 230 с.
2. Богатова С.М. Концепт ДОМ как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: дис. ... канд. филол. наук / С.М. Богатова. – Омск, 2006. 210 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ, 2007. 315 с.
4. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
5. Тарасова И.А. Модель индивидуальной поэтической концептосферы: базовые единицы и когнитивные структуры / И.А. Тарасова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 146–147.
6. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова. М., 2000. №

4. С. 39–45.

7. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Иностранная литература, 1960. С. 135–168.

8. Николина Н.А. Категория времени в художественной речи. М., 2004. 150 с.

9. Николина Н.А. Грамматические формы времени в свете поэтического эксперимента / Н.А. Николина // Интертекст. Культура: сб. докл. междунар. науч. конф. 2001. С. 51–66.

10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1967. 372 с.

11. Нильсен Е.А. К экспликации концепта «Время» в английском языке / Е.А. Нильсен // Вестник СамГУ. 2006. № 10-2. С. 211–217.

12. Ольшанский Г.И. Текст как единство элементов и отношений / Г.И. Ольшанский // Лингвистика текста: материалы научной конференции. М., 1974. Ч. 1. С. 12–14.

13. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.

14. Широкова Е.Н. Эмотивное время как эксплицитная составляющая субъективного времени / Е.Н. Широкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 1. С. 85–90.

15. Woolf, V. Mrs. Dalloway / V. Woolf. V. 8. 2017. 214 p.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 80
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0068

ПУБЛИЦИСТИКА КАК ОСНОВА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2020
AuthorID: 680842
SPIN: 8728-9478

Рубцова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

Аннотация. В статье представлен анализ произведения Ф.М. Достоевского «Дневник писателя» с целью выявления публицистического стиля данной работы, его своеобразия и жанровых особенностей. Авторы доказывают, что феномен этого произведения заключается в присущем ему не только внешним особенностям публицистического и художественного стилей, но и сочетанию заложенных в идейную основу двух видов мышления: образного и логического, – то есть основанных на художественных образах и логике понятий и суждений. В данной работе моножурнал рассмотрен на предмет журналистских и публицистических элементов посредством изучения общей концепции издания и авторского замысла, а также более подробного анализа глав «Влас», «Мальчик с ручкой», «Маленькие картинки». На основе проведенного анализа авторы статьи приходят к выводу о мемуаристичности произведений Достоевского, что характерно для публицистических жанров, писатель использует публицистические приемы и элементы, таким образом, интегрируя различные способы изображения социальной действительности. Представленный писателем анализ окружающего и, в особенности, событий современности, также определяет публицистическую направленность «Дневника писателя».

Ключевые слова: русская литература, Ф.М. Достоевский, концепция, «Дневник писателя», публицистика, журналистика, эпистолярное наследие, идейная основа, феномен, жанровые особенности, художественные средства.

PUBLICISM AS THE BASIS OF THE “DIARY OF A WRITER”
OF F.M. DOSTOEVSKY

© 2020

Rubtsova Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department
Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

Abstract. The article presents an analysis of the work of F.M. Dostoevsky’s “Diary of a Writer” in order to identify the journalistic style of this work, its originality and genre features. The authors prove that the phenomenon of this work lies in its inherent not only external features of journalistic and artistic styles, but also in the combination of two types of thinking laid in the ideological basis: figurative and logical, i.e. concepts and judgments based on artistic images and logic. In this work, the mono-magazine is considered for journalistic and journalistic elements by studying the general concept of publication and the author’s intention, as well as a more detailed analysis of the chapters “Vlas”, “The Boy with hand”, “Small pictures”. Based on the analysis, the authors of the article come to the conclusion that Dostoevsky’s works are memorial, which is typical for journalistic genres, the writer uses journalistic techniques and elements, thus integrating various ways of depicting social reality. The analysis of the environment presented by the writer and, in particular, the events of the present, also determines the journalistic orientation of the “Diary of a writer”.

Keywords: Russian literature, F.M. Dostoevsky, concept, “Diary of a Writer”, journalism, epistolary heritage, ideological basis, phenomenon, genre features, artistic means.

ВВЕДЕНИЕ.

«Дневник писателя», представленный в 1873 году в качестве одной из рубрик еженедельного журнала «Гражданин», а в 1876-1877 гг., 1880-1881 гг. издаваемый Ф.М. Достоевским как самостоятельный моножурнал, является уникальным явлением русской литературы и журналистики одновременно.

Феномен этого издания заключается в том, что ему характерны не только внешние особенности публицистического и художественного стилей, но и сочетание заложенных в идейную основу двух видов мышления: образного и логического, – то есть основанных на художественных образах и логике понятий и суждений соответственно.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Моножурнал рассмотрен на предмет журналистских и публицистических элементов посредством изучения общей концепции издания и авторского замысла, а также более подробного анализа глав «Влас», «Мальчик с ручкой», «Маленькие картинки»

При выявлении направленности концепции издания и ее идейной значимости на основе эпистолярного наследия Ф.М. Достоевского в качестве методов исследования были выбраны и использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения и индукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Несмотря на то, что проблема жанрового своеобразия моножурнала была поднята еще в 1960-1970

годы В.В. Виноградовым и В.А. Тунимановым, исследователи Т.В. Захарова, Р.Г. Назиров, М.М. Бахтин, Г.С. Прохоров и другие, занимавшиеся ее проработкой в конце XX – начале XXI столетия, внесли значительный вклад в литературоведение и историю отечественной журналистики, раскрыв многие жанровые особенности и расширив представление о замысле автора «Дневника писателя» [1-17].

По этой причине дальнейшее изучение материала издания становится актуальным не только в контексте исторического наследия, но и с точки зрения практического применения полученных знаний и результатов исследования современными писателями и журналистами в своем творчестве.

О том, что «Дневник писателя» задумывался автором как публицистическое издание, говорит несколько фактов. Во-первых, в 1873 году «Дневник писателя» стал выходить в качестве отдельной рубрики в журнале «Гражданин», редактором которого в 1873-1874 годах был Ф.М. Достоевский. В тот период непосредственно в «Гражданине» не печатались литературные произведения, поскольку они выходили отдельным ежемесячным сборником «Литературное приложение» (с 1882 г.). Из этого следует, что «Дневник писателя» изначально носил публицистический характер, выходя наряду с разделом политического обозрения и фельетонами Ф.М. Достоевского.

Во-вторых, концепцию «Дневника писателя» Ф.М.

Достоевский описывал в письмах своим современникам, из которых становится ясно, что он предполагал заложить в основу журнала документальные и публицистические черты. К примеру, в письме В. Соловьеву от 11 января 1876 года Ф. М. Достоевский пишет: «"Дневник писателя" будет похож на фельетон... Тут отчет о событиях, не столько как о новости, сколько о том, что из него (из события) останется нам более постоянного...», «Это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично» [18].

Использование таких слов, как «фельетон», «отчет», «событие», «новость», то есть журналистской терминологии, означает, что Достоевский планировал сконцентрироваться на публицистическом характере издания. Из писем будущего издателя моножурнала следует, что основными задачами он ставит перед собой анализ действительности и, в особенности, событий современности, что также определяет журналистскую направленность «Дневника писателя».

Глава «Влас» была напечатана в «Дневнике писателя» в 1873 году. Текст написан публицистическим стилем и состоит из трех частей: критика стихотворения Н. А. Некрасова «Влас» в качестве вступления к основной части, повествование о случае из народного быта, аналитический разбор описанной ситуации. С точки зрения публицистики особый интерес представляют первая и последняя части, поэтому предлагается обратиться к ним.

Во вступлении Ф. М. Достоевский, цитируя часть стихотворения Н. А. Некрасова «Влас» (1855), подвергает их литературной критике. При этом публицист выбирает особый вектор, рассматривая лирическое произведение одновременно как социальное явление и выражение лирического «я» поэта. Это позволяет Достоевскому привести конструктивную критику некрасовских идей и образов.

В полемичных высказываниях слышится иронический упрек Н. А. Некрасова в «высоколебиальности души», любви к «общечеловеку» вместо настоящего человека. В то же время воздается дань уважения к нему как к «истинному» поэту и к его «неизмеримо прекрасным стихам», цитируемым из некрасовского «Власа» строками. Такой подход служит свидетельством публицистического стиля.

В последней, наиболее объемной, части главы, Ф. М. Достоевский анализирует историю о другом «Власе», которую ему поведал знакомый старец. Используя прием типизации, автор обобщает особенности русского человека и воплощает их в образе Власа («...ведь последнее слово скажут они же вот эти самые разные «Власы», кающиеся и некающиеся» [19, с.79]), а также обращается к отдельным типам русского человека («Возьмите русского пьяницу и, например, хоть немецкого пьяницу...» [19, с.81]), что характерно как для художественной литературы, так и публицистики, где типизация используется для выявления наиболее характерных для данного общества черт и абстрагирования от менее значимых.

Кроме того, Ф. М. Достоевский в главе «Влас» рассматривает злободневные проблемы, а именно нигилизм как новое явление в русской деревне. В качестве исходного материала им взята реальная история из современности, что, опять же, служит доводом к тому, что в основу заложены факт и событие – черты журналистики. К другим свидетельствам того же можно отнести отсылки к историческим сведениям для сопоставления явлений прошлого и настоящего («Дюбарри кричала палачу: «Encore un moment...» [19, с.86]), обозрение политической обстановки с оценкой такого события, как подписание Александром II Манифеста 19 февраля (3 марта) 1861 года, – и все это в контексте полемики о «Власе». Историческая основа берется для проведения параллели между прошлым и современностью, наличия фактологической

и служит аргументами к утверждениям автора.

Таким образом, жанровое своеобразие главы «Влас» не ограничивается литературной критикой, а дополняется художественными средствами: художественной обработке подвержена идея и разные формы ее воплощения – словесная, интонационная, стилистическая. Здесь наблюдается соединение художественного, публицистического и критического пластов.

Глава «Маленькие картинки» была опубликована в том же выпуске 1873 года, где напечатана глава «Влас». Ее уникальность состоит в том, что текст написан в жанрах репортажа и фельетона, в большей степени без отступлений от журналистских принципов. В данной главе Ф. М. Достоевскому удается не только передать атмосферу городского пейзажа и обстановки Петербурга, но и спровоцировать читателя на подсознательный диалог с автором. Добиться этого эффекта получается благодаря приемам, обеспечивающим погружение читателя в те же обстоятельства, в которых находился повествователь: «Вы быстро и тревожно осматриваетесь...» [19, с.176], «Вы креститесь...» [19, с.177], «...вместо воздуха и свободы бродишь один без цели...» [19, с.177]. В числе таких можно назвать использование местоимений второго лица, определенно-личных односоставных предложений, глаголов настоящего времени, динамически выстроенных предложений, характерных для репортажа, главная цель которого – дать возможность читателю оказаться на месте события.

Что касается первой зарисовки (глава состоит из трех), несмотря на наличие предложений от первого лица, повествующих о действиях публициста, большая часть текста строится на безличных предложениях. Это позволяет Ф. М. Достоевскому преподнести картину наиболее беспристрастно и опосредованно, чтобы у читателя была возможность самому различить ее конкретные детали и образы, а не просто перенять мысли и чувства автора.

Например, в описании особенностей архитектуры Петербурга на первый план выходят четкие наблюдения Достоевского-журналиста, сопровождающиеся весьма жесткой критикой в адрес заимствований «всех архитектур в мире» и обоснованной аргументацией, к примеру, сравнения петербургского с итальянским и французским искусством проектирования зданий. Личные авторские впечатления уступают место главной части и по объему, и по значимости, служа скорее дополнением фактологической части. Так, если их исключить из текста, идея его останется прежней, а читатель самостоятельно придет к выводам благодаря подробному описанию городских пейзажей Петербурга. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данной главе характерны именно журналистские черты, поскольку большую ее часть занимает описание действительности в реальном времени.

Вторая и третья зарисовки в «Маленьких картинках» носят характер, близкий к публицистическому, поскольку в них, в отличие от первой, нет эффекта «присутствия» автора и читателя в месте происходящего, а приведены воспоминания о сценах петербургской жизни. Описание в них построено в соответствии с жанровыми особенностями фельетона, так как в основе лежат насущные проблемы и выбран юмористическая форма повествования, местами близкая к сатирической. В частности, описывая такое явление, как сквернословие, Ф. М. Достоевский употребляет изощренные прилагательные («язык самый удобный и оригинальный», «самый приспособленный к пьяному состоянию»), а затем прибегает к использованию французской пословицы: «...и если б его совсем не было – il faudrait l'inventer» [19, с.180]), что допустимо расценивать как высмеивание, поскольку она применена в отношении русской ненормативной лексики.

Дополняя впоследствии поднятую тему рассказом о встрече с «пьяными мастеровыми» на улицах

Петербурга и юмористическим финалом, где акцент сделан на том, что и сам автор сказал вслух «излюбленное мастеровыми» и упомянутое ими до этого шесть раз «словечко», Достоевский стирает общепринятые границы проблемы и дает возможность читателям расширить представление о злободневном «факте», провести его дальше общеизвестных поверхностных идей. Например, в данной главе ему удается разрушить стереотип о том, что конкретные пороки характерны лишь для представителей отдельных социальных слоев.

Такой ход, как соединение журналистских и публицистических приемов, позволяет автору рассмотреть наибольшие группы и слои, одновременно вскрыть пороки разных общественных кругов и высказать собственное отношение к проблеме, оставаясь при этом объективным.

Глава «Мальчик с ручкой» напечатана в январском выпуске 1876 года, когда «Дневник писателя» впервые стал издаваться Ф.М. Достоевским как отдельный журнал.

В данной главе автор поднимает серьезную проблему «теперешней современной молодежи», актуальную не только для второй половины XIX века (размышления о ней встречаются также в главах «Мальчик у Христа на елке», «Колония малолетних преступников», «Золотой век в кармане» и др.), но и для многих периодов из прошлого, а отчасти и настоящего России. Рассуждения Ф.М. Достоевского, построенные на основе реальных наблюдений за мальчиками «с ручкой», то есть просящими милостыню, сводятся к тому, что мучения, испорченность, жестокость детей – это следствие такого остросоциального явления, как алкоголизм их родителей и их потребительское отношение к жизни. Реалистичность описания, злободневность явления и переход от частного к общему, то есть от проблем определенного персонажа к проблемам целого социального слоя бедняков-халатников – все это публицистические черты заметки «Мальчик с ручкой».

Однако особенность, на которую стоит обратить внимание именно в этой главе, это характер нарратива. В отличие от типичной для публицистики организации речи, когда за повествованием следует характеристика или выводы, Ф.М. Достоевский использует также схему, характерную для художественной литературы, в которой за повествованием следует описание. Например, в самом начале главы, где публицистом только создается образ просящего милостыню мальчика, предложения построены именно в соответствии с этим писательским принципом.

Такой же порядок характерен для дальнейшего описания подвала, где ночуют пьяницы: автор предпочитает создать полноценный образ этого места, а сделать это возможно только при помощи детализации. В то же время Ф.М. Достоевский не поступает принципами публициста, наполняя текст не просто фактами, но и анализом такого социального явления, как попрошайничество среди малолетних, и его последствий («Воровство обращается в страсть даже у восьмилетних детей...» [19, с.232]).

Так жанровое своеобразие главы «Мальчик с ручкой» сочетает в себе черты рассказа, дневникового размышления и заметки, являясь примером художественной публицистики с журналистским взглядом на общественные проблемы.

ВЫВОДЫ.

Таким образом, проанализировав три главы «Дневника писателя», можно сделать выводы об особенностях и характерных чертах изложения журналистского материала, а также гипотез и суждений Ф.М. Достоевского как публициста.

Во-первых, важной особенностью является синхронность, то есть совпадение во многих случаях момента описываемого события и реального времени происходящего: Ф.М. Достоевский фиксирует свои наблюдения Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

ния, а воспоминания в основном служат дополнениями к фиксируемому факту или событию. Прямые указания на дату (год, месяц, иногда – число) являются признаком мемуаристичности, характерным для публицистических жанров.

Во-вторых, в проанализированных фрагментах наблюдается такая публицистическая черта, как глубина изображения, поскольку автором задействовано сразу несколько планов: крупный план, используемый для описания отдельных эпизодов (например, встречи с мастеровыми во втором фрагменте главы «Маленькие картинки»); средний план, основу которого составляют цитирование (цитаты из стихотворения Н.А. Некрасова в главе «Влас») и статистические сведения; общий план, который используется для изображения действительности в масштабах целого города (характеристика Петербурга в первой части «Маленьких картинок»). При этом каждый план дополняет другие, позволяя автору не только расширить фактическую основу, но и рассмотреть и проанализировать проблемы на разных уровнях и глазами разных социальных групп и слоев.

Исходя из поставленных задач, удалось выявить, что концепцию «Дневника писателя» можно определить скорее как публицистическую, нежели журналистскую. Анализ заметок в письмах Ф.М. Достоевского о моножурнале, а также глав «Влас», «Мальчик с ручкой», «Маленькие картинки» позволил сделать выводы о направленности издания, обнаружить использованные Ф.М. Достоевским журналистские и публицистические приемы и элементы, на основе которых были сделаны выводы о роли интеграции различных способов изображения социальной действительности и об идейной значимости публицистического начала в моножурнале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский - художник и мыслитель. М.: Наука, 1972. С. 165-209.
2. Виноградов В.В. Проблема риторических форм в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Виноградов В.В. О художественной прозе. М.-Л.: Наука, 1930. 186 с.
3. Богданов С.В. Самоубийство в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучета // Суицидология. 2013. №4 (13). С. 3-10.
4. Захарова Т.В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно-художественная целостность / Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во: Урал, ун-та, 1991. С. 251-282.
5. Михновец Н.Г. Кроткая // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 116-121.
6. Назиров Р.Г. Проблема художественности Ф.М. Достоевского / Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во: Урал ун-та, 1991. С. 125-156.
7. Прохоров Г.С. М.М. Бахтин о природе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник РГГУ. 2013. №20 (121). С. 33-44.
8. Рева Е.К. Жанровое своеобразие «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Известия пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2010. №15 (19). С. 44-47.
9. Смылова О.Н. «Дневник писателя» в системе творчества Ф.М. Достоевского. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2000.
10. Мартинсен Д.А. Полемика о «простоте» и «упрощенности» в «Дневнике писателя» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Вып. 9.
11. Матюшкин А.В. Христос и русская идея в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Достоевский и современность. Старая Русса, 1998.
12. Поддубная Р.Н. «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Дневник писателя» Достоевского (жанровый аспект) // Достоевский и мировая культура. СПб., 1996. Альманах № 6.
13. Сняжкова Л.Н. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского за 1876 г. как идейно-художественное единство: Автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 1988.
14. Степанян К.А. Гоголь в «Дневнике писателя» Достоевского // Достоевский и мировая культура. М., 1996. Альманах № 7.
15. Тарасов А.Б. Сходство и различие в истолковании нравственно-философской проблематики в «Дневнике писателя» Достоевского и в дневниках Толстого // Достоевский и современность. Материалы IX Межд. старорусских чтений. Новгород, 1995.
16. Фокин Г.Е. К вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876-1877 гг. (Историко-литературный аспект) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Вып. 13.
17. Фокин П.Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 1995.
18. Достоевский Ф.М. Письма (1876). Достоевский Ф.М.

- Соловьеву В.С., 11 января 1876. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-solovevu-11-yanvarya-1876.htm> (дата обращения: 14.09.2019)

19. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.

Статья поступила в редакцию 29.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 80

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0069

ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛОЙ ПРОЗЫ
«МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ», «ПРИГОВОР», «СТОЛЕТНЯЯ»,
«КРОТКАЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2020

AuthorID: 680842

SPIN: 8728-9478

Рубцова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)*

Аннотация. На основе проведенного исследования авторы статьи выявляют элементы художественного стиля посредством анализа глав «Мальчик у Христа на ёлке», «Приговор», «Столетняя», «Кроткая», определение роли художественного начала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. В ходе изучения особенностей отдельных произведений малой прозы были выявлены уникальные жанры, созданные Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя», а именно «фантастический рассказ» (глава «Кроткая»), художественный, петербургский, очерк («Маленькие картинки», «Столетняя», «Мальчик у Христа на ёлке»). Проведя филологический и литературоведческий анализ указанных произведений писателя, авторы выявляют ряд характерных черт, признавая данные главы «Дневника писателя» произведениями малой прозы. По мнению авторов статьи, они являются откликом на общественные события, что не исключает их журналистской природы. Отмечается, что каждое из указанных произведений отличается жанровым своеобразием, поскольку включает в себя черты не одного, а сразу нескольких жанров, причем нередко и литературных, и публицистических одновременно. Анализ произведений «Мальчик у Христа на ёлке», «Приговор», «Столетняя», «Кроткая» позволил авторам исследования определить роль художественного начала в «Дневнике писателя» и прийти к выводу, что каждая из данных глав имеет индивидуально-авторский характер, сочетая в себе элементы разных жанров малой прозы.

Ключевые слова: художественный стиль, произведения малой прозы, филологический и литературоведческий анализ, жанровое своеобразие, индивидуально-авторский характер произведений Ф.М. Достоевского, рассказ, повесть, физиологический очерк.

ELEMENTS OF ARTISTIC STYLE IN WORKS OF SMALL PROSE “BOY AT CHRIST
ON THE FIR-TREE”, “SENTENCE”, “CENTURAL”, “SHORT” F.M. DOSTOEVSKY

© 2020

Rubtsova Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)*

Abstract. Based on the analysis, the authors of the article identify elements of the artistic style by analyzing the chapters “The Boy Has Christ at the Christmas Tree”, “The Sentence”, “The Centennial”, “The Meek”, the definition of the role of the artistic principle in the “Diary of a Writer” F.M. Dostoevsky. In the course of studying the features of individual works of small prose, unique genres were discovered that were created by F.M. Dostoevsky in the “Diary of a Writer”, namely, “a fantastic story” (chapter “The Meek”), art, Petersburg, essay (“Small Pictures”, “Centennial”, “A Boy at Christ at the Christmas Tree”). After conducting a philological and literary analysis of these works of the writer, the authors identify a number of characteristic features, recognizing the data in the chapter “Diary of a Writer” as works of little prose. According to the authors of the article, they are a response to social events, which does not exclude their journalistic nature. It is noted that each of these works is distinguished by its genre originality, since it includes features of not one, but several genres at once, moreover, often literary and journalistic at the same time. The analysis of the works “Boy at Christ at the Christmas Tree”, “Sentence”, “Centennial”, “Meek” allowed the authors of the study to determine the role of artistic beginning in the “Diary of a Writer” and come to the conclusion that each of these chapters has an individual author’s character, combining in itself elements of different genres of small prose.

Keywords: artistic style, works of little prose, philological and literary analysis, genre originality, individual-author character of the works of F.M. Dostoevsky, story, novel, physiological essay.

ВВЕДЕНИЕ.

Достоевский-журналист не существует без Достоевского-писателя, и роль художественного слова для Ф.М. Достоевского настолько весома, что он использует его даже в журналистских работах как один из главных приемов создания текста. Характерной особенностью «Дневника писателя» (входившего в 1873 г. в состав журнала «Гражданин», а в дальнейшем издаваемого отдельно) является то, что, будучи важным явлением журналистики, моножурнал не представляется без эстетических образов и героев – признаков художественных произведений.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Задачами данной статьи являются выявление элементов художественного стиля посредством анализа глав «Мальчик у Христа на ёлке», «Приговор», «Столетняя», «Кроткая», определение роли художественного начала в «Дневнике писателя» на основе проведенного анализа. Большой вклад в изучение жанровых особенностей различных произведений, входящих в состав моножурнала, внесли ученые-филологи, занимающиеся исследовани-

ем творчества Ф.М. Достоевского [1-18].

РЕЗУЛЬТАТЫ.

«Мальчик у Христа на ёлке» – это первая глава, представленная художественным произведением в выпуске моножурнала, датированном 1876 годом. Примечательно, что расположена она между публицистическими главами «Мальчик с ручкой» и «Колония малолетних преступников», что сделано Ф.М. Достоевским отнюдь не случайно: несмотря на вымышленный сюжет, он вписывается в контекст рядом стоящих глав, так как это история, родившаяся на основе их проблематики. В рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» автор иллюстрирует поднимаемые в этом своеобразном цикле произведений о детях проблемы социальной обреченности молодежи, малолетней преступности, бедности, угнетенности низших слоев общества.

В то же время значительную часть рождественского рассказа занимает фантастическая часть: писатель описывает мир, в который попал замерзший мальчик после смерти – мир таких же забытых, замерзших, изморенных детей, как главный герой. Она контрастна картине, пред-

ставленной в начале произведения, и выступает в роли трогательной рождественской истории, утопии, жестко противопоставленной реализму.

Особое место в рассказе занимает символическая система образов, которая также граничит между двумя мирами – реальным и фантастическим. Например, «куколки», игрушки на елке, встречаются как на настоящей елке, которую мальчик увидел в окне дома, так и в его «сне», в котором он оказался после смерти. Символ огня, сияния граничит как с будничной жизнью, так с и жизнью после смерти. Образ Христа также неслучаен и играет большую роль, поскольку смерть мальчика и его появление на празднике ассоциируется с попаданием героя в Рай, особенно, если учитывать тот факт, что мальчик «лет шести или даже менее» невинен и безгрешен по своей природе. Сама же елка – это символ чуда и праздника. Множество метафоричных предметов и идей, выходящих за грань быта, являются признаками художественности в главе «Мальчик у Христа на елке».

В данном фрагменте «Дневника писателя» Достоевский прибегнул к вымышленному сюжету и рамочной композиции, употребил метафоры и построил произведение по принципу контрастности, дополнив его объемной, значительной и многоплановой системой образов. Жанровое определение «Мальчик у Христа на елке» – рождественский рассказ. Однако сам автор называет его лишь «историей». И действительно, это слово описывает произведение даже точнее, потому что история может быть как вымышленной, так и жизненной. Отсутствие границы между реальным и фантастическим позволяет расширить представление о жанровом своеобразии текста о замершем петербургском мальчике, поскольку в произведении совмещены черты как художественных произведений – рассказа, фантастического (рождественского или святочного) рассказа, жития как жанра церковной литературы, так и очерка – журналистского жанра.

Глава «Столетняя», опубликованная в мартовском номере 1786 года, имеет двуединую композицию: в первой части Ф.М. Достоевским пересказывается услышанный им от одной дамы сюжет о ее встрече со старушкой, вторая же является вымышленным продолжением повествования об этой старушке. Автор информирует читателя о задумке создания этой «картинки» (так называются в «Дневнике писателя» зарисовки), и это означает не только то, что глава строится на сочинении, но и то, что в ней повествователь изначально не ставит цели достоверно описать какое-либо социальное явление, в отличие от публицистических глав. К тому же в данном эпизоде Достоевский не так явно использует прием обобщения, который встречается в главах-«рассуждениях» со злободневной тематикой.

Основой, как сюжетной, так и идейной, для второй части главы «Столетняя» послужил отнюдь не факт, а вымысел, даже несмотря на то что из рассказанной до этого жизненной истории заимствован образ главной героини. Дело в том, что в этом эпизоде встречаются в основном элементы, характерные для художественной литературы: действие разворачивается в выдуманном месте с по большей части вымышленными героями и сюжетными элементами; повествовательный тип речи без каких-либо отступлений, размышлений и авторских замечаний свидетельствует о том, что вторую смысловую часть главы действительно можно отнести к произведениям малой эпической формы. Причем по форме этот фрагмент ближе всего к жанру рассказа, о чем говорят занимающий основную часть диалог героев, небольшой объем, последовательное изложение действий и прочие характеристики.

Стоит также заметить, что для этой части главы характерна не оценка явлений действительности и не анализ поведения и характера людей как представителей современного Ф.М. Достоевскому общества, а, наоборот, создание такой ситуации и таких образов старушки,

гостя, племянника, которые помогают автору выразить идею о непостижимой мирскими людьми сущности бытия и, главное, отсутствием необходимости проникнуть в эту тайну. То есть в художественном произведении, являющемся фрагментом главы «Столетняя», наблюдается отстранение от проблем насущных и актуальных: все, что описывается в данном эпизоде, переходит в иную плоскость, в которой бытовые непримечательные ситуации являются не чем иным, как пробуждением чувств – уважения, доброты, искренности, любви – в читателе.

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что в «Столетней» нашли отражение такие жанры, как рассказ, физиологический очерк, «маленькая картинка» – специфичный жанр Ф.М. Достоевского. Самодостаточность рассказа, подтверждаемая тем фактом, что еще при жизни Достоевского он печатался отдельно, является важным признаком процесса «романизации» действительности, к которому Достоевский стремился, будучи одновременно журналистом и писателем.

Глава «Приговор» напечатана в октябрьском выпуске 1876 года, содержит в себе черты беллетристики. Являясь монологом самоубийцы, данный текст может быть расценен как своеобразная попытка Ф.М. Достоевского понять причины самоубийства как явления и в целом разобраться в особенностях сознания человека, решившегося совершить самоубийство.

Сам Достоевский в предисловии к монологу написал, что это «рассуждение одного самоубийцы». Если рассматривать рассуждение как жанр, то он относится скорее к публицистике, нежели к художественной литературе. Однако специфика жанра главы «Приговор» заключается в том, что текст написан не от лица автора-созерцателя, журналиста, а от вымышленного героя, принадлежащего, однако, к определенному социальному типу – самоубийцам. Следовательно, автор закладывал в слово «рассуждение» другой посыл: рассуждение, скорее, как тип речи, а не как жанр.

В основе опять же лежит остро социальное явление, «факт» (в 1870-90-х по Петербургу прокатилась волна самоубийств), в соответствии с которым выстраиваются рассуждения главного героя о смысле жизни. Однако, за исключением этого факта, больше явных журналистских черт в тексте данной главы не наблюдается, чего нельзя сказать о художественных.

В тексте содержится большое количество риторических вопросов, например, в первом абзаце их семь; затрагивание многих насущных тем в одном внутреннем монологе, что характерно для прозы и делается с целью наиболее ярко, сжато и четко выразить мысли (такое обилие маловероятно в реальных обстоятельствах). Кроме того, это небольшое по объему, но широкое по охвату проблем произведение позволяет воспроизвести личностные процессы и проследить за стадиями формирования идей не конкретного персонажа, а типического образа. Это служит еще одним доводом к тому, почему данный эпизод является произведением малой прозы: в публицистическом жанре преимущественна оценка поступков других людей и уже потом – разбор причин данного явления; здесь же все идет от обратного, так как на первый план становится не факт случившегося, не общественная значимость данного явления, а диалектика души и искания героя. Такой явный акцент на эти моменты обычно делается в художественных произведениях, где зачастую целью писателя является раскрыть характер и состояние персонажа.

Говоря же о жанровом своеобразии главы «Приговор», можно заметить, что в ней присутствуют черты исповеди, но специфической: ее целью является не покаяние, а убеждение самого себя в правильности идей, оправдание перед револьвером, о чем Достоевский пишет в главе «Запоздавшее нравоучение». Это произведение, по определению Достоевского, «рассуждение», причем на философскую тематику. Наконец данный текст обладает некоторыми особенностями послания, но

оно не адресовано конкретному человеку. Оно вообще никому не адресовано, поскольку герой не ставит своей целью быть услышанным. Скорее, это попытка объяснить перед самим собой.

Глава «Кроткая», напечатанная в ноябрьском номере 1876 года, по авторскому определению, является «фантастическим рассказом». Она входит в «фантастическую трилогию», наряду с рассказами «Бобок» и «Сон смешного человека». Однако в данном случае «фантастичность» не ограничена повествованием о мире за пределами реальности. В основе этого определения лежит более глубокий смысл: автор ставит перед собой задачу постичь сущность и глубину факта действительной жизни, являющихся донные для человека непостижимыми. Это своего рода попытка выйти за границы стандартного мышления и реальности, погрузиться в подсознательные истины и чувственные мотивы.

В то же время в предисловии Ф.М. Достоевский замечает, что это произведение – «не рассказ и не записки». Оно одновременно сочетает в себе черты повести (деление на главы, описание нескольких жизненных периодов), исповеди, новеллы (произведение начинается с острого конфликта; концовка возвращает читателя к зачину) и даже древнегреческой трагедии (представление о мертвом, как о живом, и лицемерие смерти). Кроме того, в качестве основных тем Достоевским взяты мифологизированные сюжеты, в том числе противопоставление жизни и смерти, брачные отношения.

Многообразие жанровых элементов указывает на широкую проблематику произведения и его многогранность. «Кроткая» по тематике непосредственно связана с главой «Приговор», но в ней показан взгляд на проблему не одного человека, а пары, поскольку в монологе главного героя ясно выражена и позиция его жены-самоубийцы.

О том, что данное произведение отвечает традициям малой прозы, позволяет судить не только вымышленный характер сюжета (хотя в его основе лежит социальное явление, характерное для данного периода, и в связи с этим произведение можно назвать откликом на проблемы современного общества), но и использованные писателем средства художественной выразительности. Например, чувства в монологе главного героя гиперболизированы, в нем встречается множество восклицательных предложений, эмоциональных выражений; речевая характеристика, в частности, сбивчивость речи, обилие лексических повторов, парцелляция, являются чертами и следствием внутренней борьбы персонажа. Это позволяет охарактеризовать повесть «Кроткая» как философско-психологическую.

Более того, автор использует прием психологизма, характерный для прозы Ф.М. Достоевского. Характер персонажа в целом похож на характер героя Лужина в романе «Преступление и наказание»: они оба горделивы по своей натуре и изображают нечто, что, по их установкам, является благом, хотя на самом деле их поступки низки (и рассказчик в повести «Кроткая», и Лужин выбирают себе в жены девушек с более низким социальным статусом, которые, по мнению героев, будут им всю жизнь обязаны и должны будут их боготворить); оба – носители теорий, суть которых заложена в лживой идее «разумного эгоизма». Образ героя-рассказчика из «Кроткой» задуман как художественный, и его воплощение построено в основном на приемах, характерных для эпических произведений.

В то же время, несмотря на то что «Кроткая» – это произведение малой прозы, нельзя говорить об отсутствии в нем публицистических черт. И хотя их не много, важнейшее место занимает тот факт, что данный текст – это отклик на события в социуме. А именно, относительно незадолго до появления в журнале глав «Приговор» («монолог самоубийцы»), «Кроткая» и «Два самоубийства» произошло два события, которые, вероятно, послужили катализатором для Достоевского и Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

сле которых он стал рассматривать явление суицида на разных уровнях: личностном и общественном. Эти два события – самоубийства дочери А.И. Герцена Елизаветы во Флоренции и швеи Марьи Борисовой в Петербурге. Последнюю автор даже сделал прототипом героини повести «Кроткая», что становится ясно из кульминации: описанные Достоевским обстоятельства соответствовали реальным обстоятельствам смерти Борисовой – она выбросилась из окна с образом в руках. Примечательно и то, что, по словам журналистки Л.Х. Симоновой-Хохряковой, которая беседовала с Достоевским по поводу его очерков и рассказов на тему суицида, прежде, чем написать о случившемся, он долгое время следил за известиями о фактах самоубийств в газетах. Как известно, и об этих двух случаях ему довелось узнать из публицистики и письма К.П. Победоносцева. Можно также заметить, что глава «Два самоубийства» написана публицистическим стилем, в ней автор смотрит на событие глазами журналиста, в то время как другие две – «Приговор» и «Кроткая» – больше похожи на произведения малой прозы.

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что жанры, типы и стили речи в данных фрагментах «Дневника писателя» отличаются не случайно. Все упомянутые факты указывают на то, что Ф.М. Достоевский преследовал цель изучить природу явления суицида, рассмотреть его на нескольких уровнях, представить в разном виде, чтобы наверняка донести до читателя свои мысли и возможные причины и следствия таких поступков.

ВЫВОДЫ.

В ходе анализа глав «Мальчик у Христа на ёлке», «Приговор», «Столетняя», «Кроткая», которые, по наличию в них характерных черт, можно назвать произведениями малой прозы, было выявлено несколько особенностей художественных произведений в «Дневнике писателя». Во-первых, они являются откликом на общественные события, что не исключает их журналистской природы. Во-вторых, каждое из них отличается жанровым своеобразием, поскольку включает в себя черты не одного, а сразу нескольких жанров, причем нередко и литературных, и публицистических одновременно. Даже сам Достоевский, если давал произведениям какое-либо жанровое определение, то нестандартное – такое, которое не относится ни к одному из известных типов литературы. Например, «Кроткую» он назвал «фантастическим рассказом», «Приговор» – «рассуждением»; в тексте «Маленьких картинок» отрицал, что это фельетон, хотя, на первый взгляд, все характерные для этого черты у этого фрагмента есть.

Что касается роли художественных элементов в «Дневнике писателя», Ф.М. Достоевский использует их не только для придания выразительности, но и для расширения проблематики и более разнопланового, глубокого взгляда на проблемы, к примеру, в главе «Мальчик у Христа на ёлке». Кроме того, известно, что некоторые главы «Дневника писателя» являлись набросками к его художественным произведениям, в особенности, к роману «Братья Карамазовы».

Анализ произведений «Мальчик у Христа на ёлке», «Приговор», «Столетняя», «Кроткая» позволил определить роль художественного начала в «Дневнике писателя» и прийти к выводу, что каждая из данных глав имеет индивидуально-авторский характер, сочетая в себе элементы разных жанров малой прозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский - художник и мыслитель. М.: Наука, 1972. С. 165-209.
2. Виноградов В.В. Проблема риторических форм в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Виноградов В.В. О художественной прозе. М.-Л.: Наука, 1930. 186 с.
3. Богданов С.В. Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучета // Суицидология. 2013. №4 (13). С. 3-10.
4. Захарова Т.В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно-художественная целостность / Творчество Ф. М.

Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во: Урал, ун-та, 1991. С. 251-282.

5. Михновец Н.Г. Кроткая // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 116-121.

6. Назиров Р.Г. Проблема художественности Ф.М. Достоевского / Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во: Урал ун-та, 1991. С. 125-156.

7. Прохоров Г.С. М.М. Бахтин о природе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник РГГУ. 2013. №20 (121). С. 33-44.

8. Рева Е.К. Жанровое своеобразие «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Известия пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2010. №15 (19). С. 44-47.

9. Смыслова О.Н. «Дневник писателя» в системе творчества Ф.М. Достоевского. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2000.

10. Мартинсен Д.А. Poleмика о «простоте» и «упрощенности» в «Дневнике писателя» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Вып. 9.

11. Матюшкин А.В. Христос и русская идея в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Достоевский и современность. Старая Русса, 1998.

12. Поддубная Р.Н. «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Дневник писателя» Достоевского (жанровый аспект) // Достоевский и мировая культура. СПб., 1996. Альманах № 6.

13. Синякова Л.Н. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского за 1876 г. как идейно-художественное единство: Автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 1988.

14. Степанян К.А. Гоголь в «Дневнике писателя» Достоевского // Достоевский и мировая культура. М., 1996. Альманах № 7.

15. Тарасов А.Б. Сходство и различие в истолковании нравственно-философской проблематики в «Дневнике писателя» Достоевского и в дневниках Толстого // Достоевский и современность. Материалы IX Межд. старорусских чтений. Новгород, 1995.

16. Фокин Г.Е. К вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876-1877 гг. (Историко-литературный аспект) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Вып. 13.

17. Фокин П.Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 1995.

18. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.

Статья поступила в редакцию 30.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'246.3

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0070

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ И ОПИСАНИЯ МИРА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2020

SPIN-код: 5815-9488

AuthorID: 781066

Самчик Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель
кафедры «Русский язык и культура речи»
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3а, e-mail: natsamchik@yandex.ru)

Аннотация. В современной лингвистике язык рассматривается не только как система знаков, используемая для общения между людьми, но и как хранилище этнокультурной информации о народе, на нем говорящем. Лингвокультурологический анализ языковых единиц, в частности, языковой категории сравнения, помогает получить этнокультурную информацию, заключенную в них, значимую для понимания этнической ментальности той или иной этнокультурной общности. Особый интерес в этом аспекте представляют фольклорные тексты, поскольку, созданные коллективными усилиями и передающиеся из поколения в поколение, они закрепляют наиболее значимые для носителей языка национальные коды культуры. Автор статьи проводит лингвокультурологический анализ сравнительных конструкций русских, английских и немецких фольклорных песен, описывающих окружающий человека природный и рукотворный мир, сопоставляет объекты, основания и образы сравнений, на основании чего делает вывод о различиях фольклорно-языковой картины мира трех этносов, а также их этнической ментальности, системы ценностей и значимых сфер жизнедеятельности. Результаты работы могут быть интересны широкому кругу читателей: специалистам в области общего языкознания, этнолингвистики, лингвокультурологии, преподавателям русского и иностранных языков, студентам-филологам.

Ключевые слова: фольклорно-языковая картина мира, песенный фольклор, этническая ментальность, сравнение, сравнительная конструкция, лингвокультурологический анализ, объект сравнения, основание сравнения, образ сравнения.

COMPARISON AS A MEANS OF WORLD PERCEPTION AND DESCRIPTION IN RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN FOLK SONGS

© 2020

Samchik Natalya Nikolaevna, candidate of philological sciences, teacher
of the department "Russian language and speech culture"
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx street, 3a, e-mail: natsamchik@yandex.ru)

Abstract. In modern linguistics, the language is considered to be not just a system of signs used for communication between people, but also a repository of ethno-cultural information about the people speaking it. Linguocultural analysis of different kind of language units and the language category of comparison, in particular, helps to obtain ethno-cultural information contained in them, which is important for understanding the ethnic mentality of a particular ethno-cultural community. Folklore texts are of particular interest in this aspect, since, created by collective efforts and passed down from generation to generation, they enshrine the most important national codes of culture transferred by the language. The author of the article conducts a linguistic and cultural analysis of comparative constructions of Russian, English and German folk songs describing the natural and man-made world around a person, compares objects, bases and images of comparisons and concludes about the differences in the folklore-language picture of the world of the three ethnic groups, as well as their ethnic mentality, system of values and significant spheres of life. The results of the work may be of interest to a wide range of readers: specialists in the field of General linguistics, Ethnolinguistics, Linguoculturology, teachers of the Russian and foreign languages, students of Philology.

Keywords: folklore-language picture of the world, folklore songs, ethnic mentality, comparison, comparative construction, linguistic and cultural analysis, object of comparison, basis of comparison, image of comparison.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. С древних времен человек познавал мир, пытался понять сущность окружающих его вещей и происходящих вокруг него явлений, постичь законы мироздания. Одним из важнейших способов такого познания являлось сравнение уже знакомых человеку объектов и явлений с неизвестными на основании определенных признаков, характерных черт, особенностей, качеств. Выступая инструментом познания, сравнение позволяет не только понять сущность неизвестных объектов и явлений окружающего мира, но и выявить новые черты уже знакомых явлений, классифицировать и упорядочить свои знания.

Результаты познания постоянно закреплялись в языке, отражая особенности мировидения народа, говорящего на нем, становясь частью этноязыковой картины мира. Устойчивые сравнения, постоянно повторяясь, в свою очередь влияли на познание человеком мира, будучи источником определенных стереотипов мышления, символов, знаков, закрепленных в языке и исподволь определяющих взгляд на те или иные предметы и явления.

М.И. Конюшкевич признает за сравнением определяющее место в процессе познания, полагая, что оно

представляет собой «основу бинама сходного и разного», который отражается в языке, и утверждает, что все «остальные категории языка ей подчинены как ее разноразноуровневые разновидности, как способы представления языковыми средствами все тех же самых сходств и различий». Сравнение как инструмент выявления сходств и различий широко представлено во всех языках, причем остальные языковые категории находятся по отношению к нему в подчиненном положении как его разноразноуровневые разновидности [1 – С. 87–88]. Сравнение представляет собой глобальную гносеологическую, понятийную и языковую категорию, из результатов которой создан язык как таковой, поскольку именно сравнение лежит в основе номинирования предметов и явлений, а язык представляет собой результат, «отчужденные от самого процесса сравнения» [1 – С. 84]. «Значимость этого метода познания становится тем более ясной, что сравнение органически входит во всю практическую деятельность людей» [2 – С. 67].

Анализ последних исследований и публикаций, выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Важность категории сравнения обусловила и значительный интерес, проявляемый к ней разными учеными. Сравнение как языковая категория изучалось в раз-

личных аспектах. Прежде всего, ученых интересовали структурно-семантические особенности сравнительных конструкций [3-5], сравнение как средство выразительности и стилистический прием [6, 7]. Привлекало внимание ученых сравнение как логический прием и средство когниции [8-10]. Исследования компаративных единиц, проведенные в рамках теории функционально-семантических полей [11-13], позволили приблизиться к пониманию общего смысла, объединяющего разноуровневые языковые средства в рамках такой сложной семантической категории, как сравнение. Наконец, в последние годы наблюдается интерес к сравнению как к элементу этноязыковой картины мира, фиксирующему различные национальные коды культуры, способному пролить свет на своеобразие этнической ментальности, общее и различное, присущее различным этнокультурным общностям. Лингвокультурный аспект сравнительных конструкций как в рамках одного языка, так и в сравнении двух и более языков, описывается в работах [14-20].

Цель данной статьи – провести лингвокультурологический анализ сравнительных конструкций, описывающих окружающий человека мир, в русских, английских и немецких фольклорных песнях [21-24]. Фольклор представляет особый интерес в плане изучения этнической ментальности, поскольку, будучи «копилкой» устного народного творчества, он в художественной форме сохраняет наиболее значимые, устойчивые стереотипы мышления, особый, «наивный» взгляд на действительность. Тем не менее, структурные и семантические особенности сравнительных конструкций песенного фольклора трех этносов в лингвокультурном аспекте практически не исследованы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Окружающий человека мир широко представлен в сравнениях фольклорно-песенной картины мира. Носитель фольклора подвергает сравнению как натурфакты (элементы ландшафта, представителей флоры и фауны, природные явления), так и артефакты (наименования различных предметов быта, элементов одежды, культурного пространства, жилища). Однако в трех народно-песенных традициях внимание, уделяемое различным предметам и явлениям окружающего человека мира, различается. Так, в немецкоязычных текстах широко представлены сравнения, характеризующие элементы ландшафта, элементы одежды, предметы быта, тогда как конструкции, объектом которых выступают элементы культурного пространства, не распространены. В корпусе англоязычных текстов, наоборот, сравнения, описывающие элементы культурного пространства, достаточно частотны, тогда как природные явления подвергаются сравнению крайне редко, а сравнения, объектом которых выступают элементы ландшафта, отсутствуют. В русских фольклорных песнях сравнению подвергается не столь большое количество предметов и явлений окружающего мира, однако компаративные конструкции, характеризующие натурфакты и артефакты, как правило, отличаются большей частотностью.

Рассмотрим, какие особенности окружающего мира отражены в сравнениях русского, английского и немецкого фольклора. Наиболее широко элементы ландшафта и природные явления представлены в сравнениях немецких фольклорных песен, объектами которых выступают такие лексемы, как *Welt* 'мир', *Wald* 'лес', *Feld* 'поле', *Bach* 'ручей', *Stern* 'звезда', *Sonne* 'солнце', *Wasser* 'вода', *Himmel* 'небо' и др. Такие сравнительные единицы обладают положительной семантической наполненностью, свидетельствуя о том, что для носителей немецкого фольклора мир представляет собой комфортную и дружелюбную среду обитания, дом, теплый и родной: *Wie eine Magd fruchtbare \ Die ganze Welt erfreut* 'Целый мир радуется, как плодородная дева' [23 – С. 433]. Как правило, сравнения выявляют наиболее существенные характеристики того или иного объекта, часто им явля-

ется цвет: *(Feld) roth wie die Rosenblätter* '(поле) красное, как лепестки роз', *smaragdengrüne* 'изумрудно-зеленое', *kreideweiss* 'белое, как мел'. При описании воды и водных источников, а также звезд в немецких сравнительных конструкциях выделяется сема 'блеск, сияние': *silberweise Bächelein* 'серебристо-белый ручеек', *Perlen-Thau* 'жемчужная роса', *(Stern) leuchten wie das klare Gold* '(звезды) светятся, как чистое золото'. В основе сравнений, описывающих природные объекты, часто лежат зрительные ассоциации: *(Wölkchen) leicht wie ein Wollgrasflöckchen* '(облака) легкие, как нити пушицы'.

Носители русского и английского фольклора нечасто подвергают сравнению элементы ландшафта и природные явления. Их объектами выступают лексемы *ручей, дождь, звезды, солнце; storm* 'шторм', *sun* 'солнце'. Компаративные конструкции, описывающие такое природное явление, как дождь, наиболее частотны в русских народных песнях. Для его характеристики используется морфологический способ выражения сравнения, встречающийся только в русском языке – творительный сравнительный, корнями уходящий в мифологические представления славянских народов об оборотничестве [25]: *На улочке дождь, дождь / На широкой частой / Ситичком сеян, / Решетом прогрохан* [21 – С. 35].

Как правило, в русскоязычных текстах лексемы, номинирующие небесные светила, сопоставляются с наименованиями других природных явлений (*лето, лес, роса, сад* и т.д.): *Краше лета <...> красно солнце, / Выше леса <...> светел месяц, / Чаще росы <...> часты звезды* [21 – С. 128]. Такие образные конструкции дают представление о мире как о едином целом, о том, что носители русской фольклорной традиции воспринимают небо и землю в неразрывной связи.

В английских фольклорных песнях солнце также предстает источником всего живого, силой, дающей жизнь, что говорит о важности данного небесного объекта в жизни людей: *(God) made the sun fair on the moon / Like water on dry land* 'Бог сделал солнце прекрасным на луне, как воду на сухой земле' [24 – С. 58]. Здесь также заметна параллель между солнцем, луной и землей, как и в русских сравнениях, что свидетельствует о схожести восприятия природных объектов носителями русского и английского фольклора.

Сравнения, характеризующие представителей животного мира, в трех народно-песенных традициях отличаются своеобразием, отражающим различия в восприятии живых существ русскими, англичанами и немцами, закрепленные в фольклорных песнях. Обращает на себя внимание тот факт, что сравнения в корпусах текстов трех этносов описывают разных животных и птиц. Имеется лишь одно животное, описанное с помощью сравнений в трех народно-песенных традициях – лошадь (лексемы *конь* (6 сравнительных единиц); *chestnut* 'гнедая' (2 единицы), *horse* 'лошадь', *mare* 'кобыла'; *Ross* 'конь'), что объясняется важным местом, которое занимало это животное в жизни людей. Однако лошади характеризуются сравнениями с разных сторон. Так, носители английского и немецкого фольклора обращают внимание лишь на то, как выглядит это животное: *as white as the milk* 'белый, как молоко', *as sleek as a mole* 'лоснящийся, как крот'; *schwarz wie ein Rab* 'черный, как ворон'. В русской народно-песенной традиции сравнения описывают мощь, силу, скорость движения, причем в русских песнях богатырский конь является верным спутником доброго молодца, главного песенного героя. В русских фольклорных песнях конь *что лютый зверь, что сокол летает, хвост у него что лютая змея*.

Другие представители животного мира в русской песенной традиции также рассматриваются с функциональной точки зрения, сравнения описывают характерные для того или иного существа действия. Так, в русских фольклорных песнях *птицы поют, как соловьи; голубь летит, как из лука стрела* и т.д. Прослеживается также параллелизм между жизнью животных и людей. К

примеру, сравнения, описывающие голубя, довольно часто встречаются в русских народных песнях, основаны на сопоставлении птиц и влюбленных: *голубь летит что удалый молодец со красной девицею*.

В сравнительных конструкциях, характеризующих элементы флоры, представлена среда обитания трех этносов. Несмотря на то, что природные условия, в которых существуют русские, англичане и немцы, схожи, сравнения, описывающие растения, отличаются этнокультурным своеобразием. Различаются как объекты сравнений, так и взгляд на растительный мир, окружающий человека. Несмотря на частотность сравнений, описывающих элементы флоры, совпадают лишь два объекта сравнения в английских и немецких песнях: *blossom* – *Blümlein* ‘цветок’, *apple* – *Äpfel* ‘яблоко’.

В русской песенной традиции объекты растительного мира подвергаются сравнению очень редко. Объекты таких компаративных единиц представлены лексемами *калина*, *конопельшко*, *мак*, *травка*, что дает представление о среде обитания русских, а также обусловлено особенностями языка и символикой фольклорных песен. Как правило, такие сравнительные конструкции построены на образном параллелизме, в связи с чем акцент с растений переносится на песенных героев.

В англоязычных текстах сравнения, характеризующие растительный мир, отличаются большим разнообразием и частотностью по сравнению с русскоязычными. Объектами сравнительных конструкций выступают обобщающие наименования растений (*tree* ‘дерево’, *green* ‘зелень’, *blossom* ‘цветок’), наименования их частей (*berry* ‘ягода’, *branch* ‘ветка’, *prickle* ‘шип’) и плодов (*apple* ‘яблоко’, *cherry* ‘вишня’, *plum* ‘слива’).

Отметим также культурную сему лексемы *holly*, номинирующей растение остролист, которое в Великобритании символизируют жизнь Христа. Традиционно из ветвей этого кустарника делают рождественские венки для праздничного украшения дома (*holly wreaths*), а в рождественских народных песнях используются такие сравнительные обороты, как (*holly*) *red as any blood* ‘(остролист) красный, как кровь’, *sharp as any thorn* ‘острый, как колючка’, *bitter as any gall* ‘горький, как желчь’.

В немецких фольклорных песнях сравнению подвергаются такие растения, как *Ehrenpreiss* ‘вероника’, *Klee* ‘клевер’, *Narcissen* ‘нарцисс’, *Röslein* ‘роза’, *Tulipan* ‘тюльпан’. В подавляющем большинстве примеров сравнение описывает цвет растений: (*Äpfel*) *so rot als wie ein Blut* ‘(яблоко) красное, как кровь’, (*Rösele*) *blutig rot* ‘(розы) кроваво-красные’, *grasgrünen Klee* ‘клевер зеленый, как трава’, *himmelfarbe Ehrenpreiss* ‘вероника цвета неба’. Кроме того, в основе некоторых компаративных конструкций лежат зрительные ассоциации: (*Blümlein*) *wie Schlannglein krumm* ‘(цветы) как изогнувшиеся змеи’.

Сравнения, описывающие различные предметы одежды, достаточно частотны в трех народно-песенных традициях. В качестве объектов сравнения выступают как наименования различных предметов гардероба, как женского, так и мужского (*платье/dress/Kleid*, *рубашка/shirt/Hemdelein*, *перчатки/Handschuh* и т.д.), так и их элементы (*узор; buckles* ‘пряжки’, *hole* ‘дыра’; *Fleck* ‘пятно’, *Knöpfen* ‘пуговицы’ и т.д.).

В русскоязычных текстах сравнения характеризуют такие свойства одежды, как красота и нарядность, что поддерживается образами сравнения *мак*, *солнышко*, *жар*, *месяц*, *звезды*: *На Иванушке сибирочка пошумливает, / Александрийская рубашка ровно жар горит* [22 – С. 158]. В английских и немецких фольклорных песнях сравнения характеризуют в основном лишь цвет предметов гардероба, главным образом, белый, а образами таких сравнений выступают лексемы *snow/schnee* ‘снег’: (*frocks, trousers, dress*) *as white as any snow* ‘(сюртуки, брюки, платье) белые, как снег’; (*Kleid, Leibchen, Hemdelein, Tuch*) *shneeweiss* ‘(платье, корсет, рубашка, платок) снежно-белый’. Кроме того, в немецких песнях

встречаются такие компаративные композит-комплессы, как *blutroth* ‘кроваво-красный’, *kohlschwarz* ‘угольно-черный’, *pechschwarz* ‘черный, как смоль’, *veilchenblauer* ‘голубой, как фиалка’.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, лингвокультурологический анализ равноуровневых сравнительных единиц, используемых для описания окружающего мира, позволяет рассматривать сравнение как этноспецифическое образование, передающее различные национальные коды культуры русского, английского и немецкого этноса. Описывая как натурфакты, так и артефакты, носители трех фольклорных традиций уделяют неодинаковое внимание различным элементам окружающего их природного и рукотворного мира. Использование в качестве объектов сравнения различных предметов обусловлено как особенностями среды обитания трех этносов, так и различиями их фольклорных и культурных традиций. Образы и основания сравнений отражают специфику этнической ментальности, систему ценностей и культурные коды трех этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Коношкевич М.И. Категория сравнения и ее место в системе языка // Вопросы функциональной грамматики: Сб. науч. трудов / Под ред. М.И. Коношкевич. Гродно: ГрГУ, 2001. Вып. 4. С. 82-94.
2. Кондаков Н.И. Введение в логику. М.: «Наука», 1967. 466 с.
3. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 267 с.
4. Даутия Ф.В. Сравнительные конструкции, переходные между сложными и простыми предложениями, с показателем сравнения ‘как’: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 166 с.
5. Девятова Н.М. Сравнение в русском языке: сравнительные конструкции с союзами чем, нежели в синтаксическом поле сравнения // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. №5. С. 158-169.
6. Паришкова М.М. Сравнение как средство образности и выразительности в зарубежном языкознании // Вестник Югорского государственного университета. 2017. №1. С. 16-21.
7. Зивков С.Д. Сравнительные конструкции как компонент образного пласта лингвистических текстов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 218-219.
8. Малых Л.М. Логическая формула языкового сравнения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №17. С. 185-192.
9. Лыткина Г.Ф. Сравнительные конструкции русского языка: логико-лингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №6: в 3-х ч. Ч.3. С. 115-119.
10. Голубева Е.В. Устойчивые сравнения как способ когниции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №12. В 4 ч. Ч.2. С. 88-91.
11. Самарик Д.А. История исследований функционально-семантического поля сравнения в российской лингвистике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. №2. С. 84-86.
12. Трезубчик А.В. Понятие и основные характеристики функционально-семантического поля сравнения // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т.11. №1-1. С. 174-191.
13. Постникова С.В. К вопросу о центре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 272-276.
14. Мушаев В.Н. Средства сравнения в произведениях калмыцкого фольклора («72 небылицы» и «Седклин кюр») // Вестник Калмыцкого университета. 2017. №4. С. 91-99.
15. Самчик Н.Н. Этнокультурный потенциал сравнений русского песенного фольклора // Язык, культура, текст: контрастивный анализ. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2015. С. 185-188.
16. Самчик Н.Н. Этноязыковая фольклорная картина мира в зеркале сравнения // Региональный вестник. 2019. №15. С. 43-44.
17. Свойкина Л.Ф., Крюкова В.Ф. Сопоставительный анализ ассоциативных связей в компаративных конструкциях в русском и китайском языках // Проблемы лингвистики и лингводидактики. Международный сборник научных статей. Белгород, 2016. С. 122-134.
18. Эмирова А.М. Сравнение как базовая категория когниции (на материале крымско-татарских загадок) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2017. Т.8. №3. С. 554-562.
19. Zaidullin R.D. Comparative morphological level categories and ways of expression in Russian, Tatar and Persian languages // X Международный конгресс искусство, история и фольклор тюркских народов. Материалы X конгресса. 2018. С. 197-200.
20. Баянова А.Т. Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г.И. Рамstedta) // Oriental Studies. 2019.

№1. С. 123-133.

21. *Великорусские народные песни, изданные проф. А.И. Соболевским: в 7 т. СПб., 1895-1902. Т. 2-5.*

22. *Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. / Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В.Шейном. СПб., 1898. Т. 1-2.*

23. *Deutsche Lieder. Texte und Melodien. Ausgewählt und Eingeleitet von Ernst Klusen. Frankfurt am Main und Leipzig, 1995. 886 S.*

24. *Sharp's Collection of English Folk Songs. London, 1974. Vol. 1, 2.*

25. *Девятова Н.М. Творительный сравнения: значение и функции в тексте // Русский язык в школе. 2008. №8. С. 47-51.*

Статья поступила в редакцию 25.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.161.1

DOI: 10.26140/bg3-2020-0901-0071

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФАРМАКОНИМОВ

© 2020

AuthorID: 825701

SPIN: 6484-8512

ResearcherID: AAA-4918-2019

ORCID: 0000-0002-7019-9866

Ситдикова Анастасия Владимировна, преподаватель кафедры
«Латинский язык и медицинская терминология»*Казанский государственный медицинский университет*
(420012, Россия, Казань, улица Бутлерова, 49, e-mail: nastyyap@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена процессам номинации лекарственных средств, представленных на современном российском фармацевтическом рынке. Автором рассмотрены морфологические способы образования фармаконимов, то есть названий ЛС; определена продуктивность того или иного способа словопроизводства данных единиц. Проанализированы особенности каждого конкретного способа: префиксации, суффиксации, конфиксации, сложения, сложения с суффиксацией, а также способа включения. Утверждается, что современные названия лекарственных препаратов направлены на достижение, прежде всего, прагматических целей – завоевание лидирующих позиций на фармацевтическом рынке, возможность узнавания и применения потребителем, под которым подразумевается как профессионал, так и обыватель. Это приводит к появлению нетрадиционных способов словопроизводства и других особенностей, характеризующих данную область, что все чаще привлекает внимание языковедов. В исследовании делается вывод о превалирующем значении прагматического аспекта, который определяет выбор того или иного названия, а также о переходе современных фармаконимов в разряд прагматонимов – словесных товарных знаков, что приводит к установлению двойственной природы фармаконимов как одновременно терминов фармацевтической науки и единиц ономастикона.

Ключевые слова: словообразование, номинация лекарственных средств, фармаконим, прагматоним, ономастика, имя собственное, фармацевтическая терминология, морфологическое словообразование, фармацевтический рынок.

MORPHOLOGICAL DERIVATION OF PHARMACONYM

© 2020

Sitdikova Anastasia Vladimirovna, lecturer of the department
of «Latin language and medical terminology»*Kazan State Medical University*

(420008, Russia, Kazan, street Butlerova, 49, e-mail: nastyyap@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the processes of medicines nomination that are presented on the modern Russian pharmaceutical market. Author considers the morphological methods of the pharmaconyms formation (drug names) and determines the productivity of a particular method of word production. The features of each specific method are analyzed: prefixation, suffixation, confixation, composition, composition with suffixation and a special way of inclusion. Author claims that the modern medicines names are aimed at achieving pragmatic goals – gaining a leading position in the pharmaceutical market, the possibility of recognition and use by the consumer, that is, professional and average man. This contributes to the emergence of non-traditional methods of word derivation and other features that characterize this area, which attracts the linguists attention. Conclusions are made about the prevailing importance of the pragmatic aspect, which determines the choice of a name, and about the transition of modern pharmaconyms to the category of pragmatonyms - verbal trademarks. This leads to the establishment of the dual nature of pharmaconyms: as the terms of pharmaceutical science and units of onomastics.

Keywords: word formation, medicines nomination, pharmaconym, pragmatonym, onomastics, proper name, pharmaceutical terminology, morphological word formation, pharmaceutical market.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В настоящее время в сфере номинации лекарственных средств (далее – ЛС) происходят процессы, которые все чаще привлекают внимание языковедов. Торговое название лекарственного препарата не просто входит в фармацевтическую терминологию наряду с другими терминами данной области, но и переходит в ономастическое пространство в качестве прагматонима – «номена для обозначения сорта, марки, товарного знака» [1]. Названия ЛС на современном этапе развития фармации направлены на достижение коммерческого успеха и создание бренда. Фармпредприятия в погоне за прибылью обращаются к услугам брендинговых и нейминговых агентств с целью разработки такого названия. В силу специфики производства фармпродукции название лекарственного средства становится единственным отличием данного продукта среди десятка препаратов с идентичным составом – одинаковым действующим веществом (далее – ДВ). В качестве фармаконима, то есть названия ЛС, часто используются фармдериваты, образованные при помощи различных морфологических способов словопроизводства.

Анализ последних исследований и публикаций, в ко-

торых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Номенклатура ЛС как особая область фармации, требующая внимательного изучения и систематизации, оказалась в центре внимания исследователей в конце XX начале XXI века. Данное время характеризуется появлением большого числа научных и учебно-методических работ, посвященных анализу новых наименований ЛС, появившихся на фармацевтическом рынке за последнее время, а также другим аспектам фармацевтической номенклатуры: Р.Е. Березникова, Н.Б. Дремова, Э.А. Коржавых (2002, 2005) [2], [3]; А.В. Выровщикова, В.В. Дудченко, Л.В. Корнеева (2003) [4]; О.Б. Бурдина (2011) [5]; М.Н. Лазарева (2006) [6], и др. В то же время деривационные особенности формирования торговых названий ЛС остаются практически неизученными. Данный факт определяет актуальность настоящего исследования. Описание и систематизацию некоторых словообразовательных средств можно встретить в фундаментальном труде профессора Н.Б. Дремовой и доцента Р.Е. Березниковой «Номенклатура лекарственных средств: особенности формирования и фармацевтическая информация», выпущенном в 1995 году.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задач). Целью данного исследования является анализ продуктивных способов и средств морфологического словопроизводства, участвующих в построении торговых названий ЛС в русском языке. Под названиями ЛС в данной работе мы подразумеваем как собственно названия ЛС, так и наименования БАДов и гомеопатических препаратов, то есть все то, что в сознании потребителя направлено на лечение заболеваний. Задачи исследования заключаются в рассмотрении структурно-семантических особенностей построения фармдериватов, а также оценивании прагматического аспекта как одного из ведущих в процессе номинации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В ходе исследования нами было установлено, что наиболее продуктивным способом образования фармаконов является суффиксация. Образование фармдериватов при помощи суффиксов в равной степени свойственно наименованиям БАДов, гомеопатических препаратов и собственно названиям ЛС. Наиболее часто названия ЛС образуются с помощью суффикса *-ин-*, происходящего от суффикса латинских прилагательных со значением *отношения к предмету, явлению, обозначенному основой*. Как известно, данный суффикс традиционно используется для оформления латинских названий ЛС: *Analginitum*, анальгезирующее; *Coffeinum*, психостимулятор; *Oxycotinum*, утеротоник и т.д. В русском языке данный суффикс также оформляет названия ЛС и присоединяется к основам, выражающим самые разные значения: *Артринин* (< артрит), БАД; *Балансин* (< баланс), БАД; *Миндалин* (< миндалина), гомеопатическое; *Папайн* (< папайя), ферментное; *Рутин* (< ДВ - рутозид), ангиопротектор. Приведенные примеры демонстрируют, что зачастую производящая основа может быть представлена в усеченном виде.

Также довольно регулярны следующие суффиксы: *-ол-*: *Арбузол* (< арбуз), БАД; *Гастерол* (< лат. *gaster* 'желудок', ср.: гастрит, гастритический), БАД; *Диклофенакол* (< ДВ - диклофенак натрия), НПВС; *-ал-*: *Алкогал* (< алкоголь), БАД; *Ринитал* (< ринит), гомеопатическое; *Перхотал* (< перхоть), противогрибковое; *-ен-*: *Импульсен* (< импульс), БАД; *Релаксен* (< релакс), БАД; *Энерген* (< энергия), БАД.

Особенностью данных суффиксов является то, что в настоящее время они используются чаще всего без того значения, которое им было свойственно ранее. Например, суффикс *-ал-* (< лат. *alcohol*), изначально употреблялся в названиях снотворных ЛС, а затем в названиях ЛС, предназначенных для наркоза. В то же время приведенные выше примеры, содержащие данный суффикс, не относятся к перечисленным фармакологическим группам. Такие суффиксы призваны, во-первых, выполнять структурную функцию и оформлять конец производного фармакона, а во-вторых, используются в силу узнаваемости их как профессионалами, так и обывателями. По мнению исследователей, многие финалы лишь имитируют традиционные суффиксы [7].

Префиксация используется производителями фармацевтической продукции с целью дополнения информации, содержащейся в производящей основе. Наиболее продуктивными являются следующие префиксы: *анти-* со значением *направленный против того, что указано мотивирующим словом*: *Антигерпес* (< герпес), гомеопатическое; *Антикариес* (< кариес), БАД; *Антихолестерин* (< холестерин), БАД; *супер-* со значением *повышение качества, усиление действия того, что названо мотивирующим словом*: *Супергематоген* (< гематоген), БАД; *Суперкальций* (< кальций), БАД; *Суперкомплекс* (< комплекс), БАД; *ультра-* со значением *крайняя степень проявления признака того, что названо мотивирующим словом*: *Ультрагель* (< гель), БАД; *Ультра-эффект* (< эффект), БАД.

Остальные префиксы для номинации российских наименований ЛС употребляются реже: *а-/ан-* со значением *устранение того, что названо мотивирующим словом*: *А-нематод* (< нематод (червь), БАД; *контр-* со значением *направленный против того, что названо мотивирующим словом*: *Контр-целлюлит* (< целлюлит), БАД; *про-* со значением *предназначенный для того, что названо мотивирующим словом*: *Пробаланс* (< баланс), БАД; *ре-* со значением *предназначенный для восстановления того, что названо мотивирующим словом*: *Редерм* (< греч. *derma* 'кожа', ср.: дерматит, дерматолог), глюкокортикостероид; *экстра-* со значением *крайняя степень проявления признака того, что названо мотивирующим словом*: *Экстра-Гем* (< ЛС - гематоген), БАД.

Спецификой суффиксального способа становится образование дериватов по модели «префикс + усеченная основа»: *Антидиаб* (< диабет), гипогликемическое; *Гипозоль* (< аэрозоль), противомикробное; *Ультрамокс* (< ДВ - моксифлоксацин) противомикробное. Это приводит к появлению способа, нехарактерного для традиционного словообразования.

Следуя традициям казанской лингвистической школы мы выделяем также конфиксацию (в традиционном словообразовании – префиксально-суффиксальный способ) – способ морфологического словообразования, при котором производящая основа осложняется аффиксом одновременно в пре- и постпозиции. Наиболее продуктивным в данной области является конфикс *анти...ин* со значением *средство, направленное против того, что указано мотивирующим словом*: *Антигриппин* (< грипп), средство для устранения симптомов ОРЗ и «простуды»; *Антипохмельин* (< похмелье), БАД; *Антитромбин* (< тромб), БАД. Остальные конфиксы малопродуктивны: *а...ин* со значением *средство, устраняющее то, что названо мотивирующим словом*: *Амигренин* (< мигрень), противомигренозное; *пре...ин* со значением *средство, направленное на предупреждение того, что названо мотивирующим словом*: *Предиабетин* (< диабет), БАД; *про...ин* со значением *средство, предназначенное для того, что названо мотивирующим словом*: *Проинтеллектин* (< интеллект), БАД и др.

В целом, данный способ характеризуется малой продуктивностью и редко используется производителями для номинации ЛС.

Способы сложения и сложения с суффиксацией также нечасто используются производителями-номинаторами для создания торгового названия ЛС. Причины этого кроются, прежде всего, в громоздкости производных фармаконов, что противоречит принципам маркетинга и рекламы, а также собственному рекомендациям по номинации лекарственных препаратов. С другой стороны, сложение позволяет включить в состав фармакона больше информации о его составе, свойствах и фармакологическом действии: *Венокомфорт* (< комфорт вен), БАД; *Океанодар* (< дар океана), БАД; *Тромбогель* (< гель от тромбов), антикоагулянт. Зачастую основа в таких производных носит связанный характер: *Гастригель* (< лат. *gaster* 'желудок', ср.: гастрит, гастритический + гель), БАД; *Кардиокапсулы* (< греч. *cardia* 'сердце', ср.: кардиолог, кардиологический + капсулы), БАД; *НейроКомфорт* (< греч. *neuron* 'нерв', ср.: нейрелептик, нейромонитор + комфорт), БАД.

Кроме того, сложение может происходить без участия интерфикса: *Кальциймишки* (< мишки + кальций), БАД; *Миестресс* (< миг + стресс), БАД; *СтрессБарьер* (< стресс + барьер), БАД.

Сложение с суффиксацией в силу причин, обозначенных выше, также редко используется производителями. Характерной особенностью этого способа становится использование преимущественно связанных основ: *Артросилакс* < артр (< греч. *arthron* 'сустав', ср.: артрит, артритический) + сила + акс, БАД; *Кардиомагнит* < карди (< греч. *cardia* 'сердце', ср.: кардиолог, кардиологический) + магний + ил, антиагрегантное; *Уронефрин* < ур

(< греч. *urōn* 'моча', ср.: уролог, урологический) + нефр (< греч. *perhros* 'почка', ср.: нефрит, нефритический) + ин, БАД.

Приведенные примеры основосложения и сложения с суффиксацией в большинстве случаев относятся к сфере номинации БАДов. Причины этого кроются в том, что названия БАДов в меньшей степени подчиняются правилам и предписаниям, регулирующим данную область фармации. Производители в данном случае могут позволить себе вывести на рынок длинное название, но зато понятное для потенциального потребителя.

Последний морфологический способ, которым образуются фармаконимы, – включение (универбация, стяжение, эллипсис и т.д.) – способ, при котором на базе словосочетания образуется аффиксальное производное, при этом одно слово словосочетания осложняется суффиксом, а второе в словообразовании не участвует, но его значение включается в значение производного слова (зачетка < зачетная книжка, грузовик < грузовая машина, передовица < передовая работница). Включение является промежуточным способом между аффиксацией и сложением (и их эквивалентами в семантическом словообразовании) [8].

В ходе исследования нами был обнаружен только один фармаконим, образованный данным способом. Это фармаконим *Аскорбинка*, БАД, образованный на базе словосочетания *аскорбиновая кислота* при помощи суффикса *-ка-*.

Примечателен факт того, что в настоящее время происходит процесс переосмысления данного деривата как суффиксального образования и появления таких производных, как *АскорутинКа* (< ЛС – Аскорутин), БАД; *Гематогенка* (< ЛС – Гематоген), БАД, образованных при помощи добавления суффикса *-ка-* со значением *единичности* к основе, указывающей на ЛС. Выбивается из данного ряда производных фармаконим *Зеленка* (< ДВ – бриллиантовый зеленый), антисептическое, образованный путем прибавления суффикса *-ка-* к основе, указывающей на цвет действующего вещества.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Проведенное нами исследование показывает, что морфологические способы образования фармаконимов часто используются производителями с целью создания наименования-бренда, то есть такого названия, которое будет иметь высокую репутацию у потребителя и станет популярным. Выдвижение на первый план прагматического аспекта, то есть возможности адресатом-потребителем интерпретации внутренней формы фармаконима, приводит к пополнению фармацевтической терминологии нетипичными для неё единицами: морфемами, функционирующими преимущественно в общелитературном языке. Морфемы же, которые являются типичными для области фармации, указывают либо на то, что ЛС направлено против заболевания или его причины (префиксы *a-/ан-, анти-, дез-* и др.), либо подчеркивают эффективность называемого препарата (конфикс *ультра...ал* и др.), но иногда могут использоваться без специального значения (суффиксы *-ал-, -акс-, -он-* и др.), что в целом можно обозначить как негативное явление, так как такие названия затрудняют возможность их интерпретации и применения медработниками. Прагматика также провоцирует появление нетрадиционных для русского языка способов словопроизводства, например, префиксации на базе усеченной основы. Перечисленные нами особенности приводят к росту числа наименований, характеризующихся экспрессивностью, выразительностью и прозрачной внутренней формой и переходу фармаконимов в раздел прагматонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии*. М.: Наука, 1978. 198 с.
2. Березникова Р.Е., Дремова Н.Б., Коржавых Э.А. *Особенности*

формирования торговых наименований лекарственных средств – брендов XX века // Ремедиум. 2005. № 12. С. 9-14.

3. Березникова Р.Е., Дремова Н.Б., Коржавых Э.А. *Товароведческая информация в наименованиях лекарственных средств // Экономический вестник фармации. 2002. №2. С. 75-82.*

4. Выровщикова А.В., Дудченко В.В., Корнеева Л.В. и соавт. *Современные принципы рационального выбора наименований лекарственных средств // Экономический вестник фармации. 2003. № 8. С. 19-23.*

5. Бурдина О.Б. *Национальный компонент в фармацевтическом дискурсе (на примере российской номенклатуры лекарственных средств) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 34-36.*

6. Лазарева М.Н. *Особенности наименований лекарственных средств в гомеопатии // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2006. № 7. С. 32-34.*

7. Березникова Р.Е., Дремова Н.Б., Коржавых Э.А. *Номенклатура лекарственных средств: особенности формирования и фармацевтической информации: учебная монография. Курск: КГМУ, 2002. 152 с.*

8. Николаев Г.А. *Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. 188 с.*

Статья поступила в редакцию 03.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'373.221:801.631.5
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0072

АНТРОПОНИМЫ КАК ОБРАЗЫ СРАВНЕНИЯ ТРОПОВ С КОМПОНЕНТОМ «КЛЁН» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 20-50-х гг. XX в.

© 2020
AuthorID: 439837
SPIN: 8692-5940
Researcher ID: C-6980-2019
ORCID: 0000-0002-0566-9905

Соколова Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
Тольяттинский государственный университет
(445667, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 16 «В»), e-mail: msok71@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тропеические номинации клёна в русской поэзии 20-50-х годов XX века, выраженные антропонимами, с точки зрения семантической структуры и особенностей функционирования данных тропов в аспекте «общее – единичное». Установлено, что образные номинации-антропонимы, характеризующие клён, обозначают реальных представителей искусства и составляют образную парадигму «клён – человек» как частные вариативные разновидности общего образного инварианта: «клён – Лист», «клён – Мурильо», «Есенин – клён». Охарактеризованы черты сходства и различия образных номинаций-антропонимов на уровне семантических признаков, актуализируемых соответствующими тропами, и на уровне структуры образного соответствия в контексте общепозитической традиции изображения дендронима *клён* в русской лирике XIX-XX вв. Выявлено, что общей основой таких тропов является одухотворение объектов природы, наделение их способностью мыслить, а также комплекс выражаемых признаков: 'звук' (*звонкий*), 'состояние' (*парение*), 'форма' (*сердце*), 'цвет' (*золото, свет*). Установлено, что различия в репрезентации образа клёна с помощью антропонимов заключаются в окказиональном характере образов сравнения «клён – Лист» и «клён – Мурильо», в то время как ассоциативное соответствие «Есенин – клён» является дальнейшей разработкой персонафицированного образа «я-дерева», введенного в русскую поэзию С. А. Есениным. Определены два важнейших семантических признака, формирующих персонафицированный образ «Есенин – клён», в поэтических контекстах А. Б. Мариенгофа: 1) «клён «опавший», «отцветший» – ушедшая юность лирического героя»; 2) клён как знак родного пространства.

Ключевые слова: антропонимы, дендроним клён, тропы, персонафикация, образная парадигма, семантическая структура, семантический признак, С. А. Есенин, русская поэзия, лингвопоэтика, поэтический образ.

ANTHROPONYMS AS TENORS OF TROPES WITH THE COMPONENT «MAPLE» IN RUSSIAN POETRY OF 20-50-IES OF XX CENTURY

© 2020

Sokolova Marina Gennadyevna, PhD in Education, senior lecturer department
«Russian language, literature and linguistic criminalistics»
Togliatti State University

(445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya St., 16 B, e-mail: msok71@mail.ru)

Abstract. The article considers the figurative the nominations of maple in the Russian poetry of the 20-50 - ies of the XX century, expressed by anthroponyms, from the point of view of the semantic structure and peculiarities of functioning of these tropes in the aspect of “common – singular”. It is established that figurative the nominations-the anthroponyms characterizing the maple, represent the real artists and are shaped the paradigm of the “maple – man” as private varieties of the general figurative invariant: “maple – Liszt”, “maple – Murillo”, “Yesenin – maple”. Described the similarities and differences figurative the nominations-the anthroponyms at the level of semantic features, updating the relevant tropes and at the level of structure of image matching in the context of tradition of the image of dendronim maple in Russian poetry of XIX-XX centuries. It is revealed that the common basis of such tropes is the spiritualization of nature objects, endowing them with the ability to think, as well as a set of expressed features: ‘sound’ (ringing), ‘state’ (soaring), ‘form’ (heart), ‘color’ (gold, light). It is established that the differences in the representation of the image of maple with the help of anthroponyms are in the occasional nature of the images of comparison “maple – Liszt” and “maple – Murillo”, while the associative correspondence “Yesenin-maple” is a further development of the personalized image of “I-tree” introduced into Russian poetry by S. A. Yesenin. Identified two fundamental semantic characteristic, forming a personalized image “Yesenin – maple”, in poetic contexts, A. B. Mariengof: 1) “fallen”, “faded” maple – vanished youth of lyrical hero “; 2) maple as a sign of the native space.

Keywords: anthroponyms, dendronims, trails, personification, figurative paradigm, semantic structure, semantic sign, Yesenin, Russian poetry, linguistic poetics, poetic image.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Исследователи поэтического языка отмечают факт использования в русской литературе образных номинаций, обозначающих мифологических персонажей или литературных и исторических лиц, для характеристики деревьев: *дубы – Моисей, пальмы – Марии* (у Гумилева), *рябина – царь Давид, вяз – Авессалом* (у Цветаевой), *дуб – боярин Колычев* (у Тарковского), *берёза – Снегурочка* (у Вс. Рождественского), *рябина – Параскева-Пятница* (у Айги) [1, с. 73]. Подобные ассоциативные соответствия формируют парадигму образов, понимаемую как инвариант группы образов, к которому восходят частные тропы как разновидности инварианта [2; 3]. Структура данной образной парадигмы состоит из двух компонентов: образа сравнения, в качестве которого выступает

антропоним, и предмета сравнения – наименования дерева. При этом предмет сравнения – та реалья, которая является объектом уподобления, образ сравнения – источник метафорического уподобления [4].

Антропоморфные номинации, как правило, не имеют устойчивого, повторяющегося характера в языке русской поэзии, поскольку отражают авторское мировидение. Однако, несмотря на оригинальность соответствующих номинаций, индивидуальные тропы с компонентами-антропонимами объединяет то, что в их основе «лежит перевоплощение одних существ в другие», в таких образах природа «одухотворена и способна мыслить» [5, с. 31].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Предметом исследова-

ния в данной статье являются тропеические номинации клёна в русской поэзии 20-50-х годов XX в., выраженные именами собственными, обозначающими людей (антропонимами), например, «клён – Есенин». Специальный анализ подобного рода тропеических номинаций, характеризующих образ клёна в русской поэзии, в аспекте образных парадигм в лингвистических работах на данный момент не осуществлялся. Обращение к клёну как предмету образных ассоциаций обусловлено общей стратегией проводимого исследования образных полей дендронимов в русской поэзии XIX-XX веков [6; 7].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель статьи – проанализировать поэтические фрагменты, репрезентирующие компаративные тропы «клён – антропоним», с точки зрения семантической структуры и особенностей функционирования данных тропов в аспекте «общее – единичное».

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Под семантической структурой слова понимаются «потенциальные возможности семантического варьирования слова с данным исходным значением» [8, с. 192]. Семантическая структура тропов «клён – антропоним» включает основания ассоциативного уподобления дендронима *клён* антропонимам (образам сравнения) и семантически признаки, актуализируемые данными образами сравнения.

«Общее – единичное» как категории универсальной схемы научного исследования выделены философом А. А. Гагаевым [9] и нашли отражение в лингвистических работах А. В. Пузырева [10; 11; 12]. Под «общим» в данной статье понимается устойчивое, стереотипное в общепозитическом языке, под «единичным» – индивидуальное, отражающее авторское мировосприятие.

Выборка поэтических фрагментов осуществлена из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [13]. Объём выборки включает три тропеических образа, имеющих структуру «клён – антропоним».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Рассмотрим особенности функционирования отобранных тропеических образов в контексте общепозитической традиции изображения дендронима *клён* в русской лирике XIX-XX вв.

В научной литературе выделяют две устойчивые, культурно-стереотипные ассоциации, связанные с образом клёна в русской поэзии. В соответствии с первой, клён становится символом золотой осени, благодаря цвету золотых осенних листьев [14]. В соответствии со второй, клён неотделим от имени С. А. Есенина, в лирике которого воплощена яркая персонификация клёна [15; 16]. Клён у С. А. Есенина наделяется портретными деталями, поведением и характером: «разудалый» парень, «с буйной копной непричесанных волос» [17, с. 50].

В ходе проводимого исследования образных полей дендронима *клён* в языке русской поэзии XIX-XX веков установлено, что устойчивыми цветовыми характеристиками осеннего клёна являются «золотой», «огненный», «медный», «пестрый», «серебряный» [7]. В реализации цветовых признаков поэтического клёна участвуют образы сравнения в составе парадигм: «клён – вещества, металлы, минералы»; «клён – виды энергии и внешние проявления энергии или физических процессов»; «клён – части тела человека»; «клён – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»; «клён – небесные явления».

Персонификация образа клёна, по нашим наблюдениям, формируется посредством 13 устойчивых, повторяющихся семантических признаков, репрезентированных образами сравнения, составляющими парадигму «клён – человек»: «шептать», «ходить», «смотреть», «спать», «токовать», «голова», «кудрявый», «поклон», «лохматый»,

«кровавый», «сердце», «поклон», «лирический герой».

Основаниями для подобных образных ассоциаций явился комплекс признаков («звук», «поведение», «состояние», «возраст», «форма», «функция», «цвет»), мотивированных свойствами самого референта: яркое изменение цветовой палитры листьев деревьев осенью, красивый рисунок кленового листа, густота лиственного покрова и др.

К антропонимам в качестве источников образных ассоциаций для характеристики предметных реалий обращаются три поэта в 20-х и 50-х гг. XX в. – И. Л. Сельвинский, А. Б. Мариенгоф, Н. А. Заболоцкий: *Клён жужжит, звонит и сыплет / Чёрно-красными сердцами, / Вот появится косы плеть / И возьмет себе на память / Самый алый, самый сильный / Червой вырезанный лист, / Звонкий и сухой, как Лист* (И. Л. Сельвинский. Осень. 1923); *Сергун чудесный! клён мой золоти́стый!* (А. Б. Мариенгоф. Сергею Есенину. 1925); *А клён, как Мурильо, на крыльях парил* (Н. А. Заболоцкий. Гомборский лес. 1957).

Все три антропонима как образные номинации обозначают реальных представителей сферы искусства – русского поэта, испанского художника и венгерского композитора – С. А. Есенина, Б. Э. Мурильо и Ф. Листа. Сопоставления клёна (его листа) с тем или иным именем представителя искусства в рассматриваемых поэтических фрагментах имеет как черты сходства, так и различия на уровне семантических признаков, актуализируемых соответствующими тропами, и на уровне структуры образного соответствия. Вначале обозначим данные черты, а в дальнейшем подробно охарактеризуем их.

К чертам сходства следует отнести следующие особенности: все три образные номинации-антропонимы являются частными вариантами общей образной парадигмы «клён – человек», отражающими своеобразие индивидуальной поэтической картины мира авторов. Данные образные номинации являются ярким средством выразительности, позволяющим передать (что будет проиллюстрировано далее) совокупность семантических признаков, формирующих поэтический пейзаж, – «цвет», «форма», «звук», «состояние».

Черты различия проявляются у разных авторов в следующем: образы сравнения, использованные И. Л. Сельвинским и Н. А. Заболоцким, имеют окказиональный характер, характеризуются оригинальностью и единичностью. Сопоставление С. А. Есенина с клёном является дальнейшим развитием образа персонифицированного «я-дерева», введённого в образное пространство русской поэзии данным поэтом, что позволяет говорить о своеобразной «дендронимной есениане» в русской лирике [6].

Обратимся к первому поэтическому фрагменту, содержащему ассоциативное соответствие «клён – Лист» в рамках сравнительной конструкции: *Червой вырезанный лист, / Звонкий и сухой, как Лист* (И. Л. Сельвинский. Осень. 1923). Для И. Л. Сельвинского в поэтическом восприятии клёна важными оказываются прежде всего форма кленового листа (*червой вырезанный*) и производимый звук (*звонкий*). Первый признак актуализируется посредством метафоры, передающей сходство резного красного кленового листа с сердцем, второй – с помощью авторского сравнения с композитором Листом.

Образное соответствие «кленовый лист – сердце» является регулярно повторяющимся в русской поэзии, реализующимся в виде частных тропов Н. А. Заболоцкого, А. А. Прокофьева: *Встрепенулись по заречью клёны, / Отогрели сердце и пришли* (А. А. Прокофьев. Утро. 1934); *Целый день осыпается с клёнов / Силуэты багровых сердец* (Н. А. Заболоцкий. Осеннее утро. 1955) и др.

Уподобление кленового листа композитору Листу основано на общем семантическом признаке, объединяющем оба компонента сравнения, – «звонкий». В рассматриваемом поэтическом произведении И. Л.

Сельвинского клён «жужжит, звонит чёрно-красными сердцами», уподобляется музыканту-арфисту: *Это клён. Его жена. / Она вся обнажена. / Он же, вычурный арфист, / Звякает Волошина* (И. Л. Сельвинский. Осень. 1923). Музыка шуршащих кленовых листьев порождает воспоминание о композиторе Листе. Исследователи отмечают как основную особенность музыкальных произведений Листа «звонкую палитру красок», отражающую звук колокольчиков, челесты, цимбалы, «жемчужную россыпь фортепианных пассажей» [18, с. 228]. Антропоним *Лист* включается также в омонимичную рифму «лист – Лист», которую обыгрывает поэт [5].

Рассмотрим второй поэтический фрагмент, репрезентирующий образ сравнения «клён – Мурильо»: *Здесь осень сумела такие пассажи / Наляпать из охры, огня и белил, / Что дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже, / А клён, как Мурильо, на крыльях парил* (Н. А. Заболоцкий. Гомборский лес. 1957). Данный образ мотивируется центральной метафорой, организующей образное пространство стихотворения, – «осень – художник». Красочный вид разноцветных осенних листьев позволяет уподобить их полотнам живописцев. Сравнение клёна с произведениями Мурильо, на наш взгляд, передает впечатление от мягкого золотого свечения осенних кленовых листьев, а также от состояния парения, тихого кружения опадающей листвы. Так, искусствоведы характеризуют манеру живописания данного художника как «воздушную», с нежными контурами изображаемых предметов, которые словно окутаны золотой дымкой, отмечают, что произведения художника отличает использование красок мягких, пропитанных светом [19].

Следует заметить, что семантические признаки «золото» и «свет», формирующие поэтический образ клёна, в последующие хронологические периоды русской поэзии получали актуализацию и у других авторов с помощью оригинальных образов сравнения: «клён – заря» (*Что озаряет жёлтая листва / Ветвистый клён* (И. А. Бунин «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...»). 1917); «клён – святой» (*А иногда в туманном освещенье / Евангельский сюжет изображает клён – / Сиянье, золотое облаченье / И поворот лица, и головы наклон* (Д. Самойлов «А иногда в туманном освещенье...»). 1986); «клён – осветительный прибор» (*Вот и выключили свет в красной ветке клёна* (И. Ф. Жданов «Мелкий дождь идёт на нет...»). 1978-1991)).

Между тем использование образных номинаций с антропонимами не только позволяет подчеркнуть ту или иную деталь внешнего облика реалии, но и «расширяет смысловую перспективу произведения» [20, с. 613] за счет культурно-исторического контекста, формируемого антропонимами.

Перейдем к третьему образу – «Есенин – клён златолистый», представленному в контексте произведения А. Б. Мариенгофа «Сергею Есенину» о смерти поэта, которую автор воспринял как личную трагедию: *Сергун чудесный! клён мой златолистый! / Там червь, / Там гибель, / Тлень там. / Как мог поверить ты корыстным / Её речам* (А. Б. Мариенгоф. Сергею Есенину. 1925). Сравнение Есенина с клёном свидетельствует о том, что поэтическая разработка образа клёна в русской поэзии С. А. Есениным не прошла не замеченной для поэтов-современников.

Клён в лирике С. А. Есенина становится «образным ядром», в котором «воссоединилось» множество клёнов, созданных другими авторами [17, с. 7]. Особенно полно нашел свое наглядное воплощение в творчестве С. А. Есенина образ персонафицированного «я-дерева». Сопоставление образов лирического героя и клёна происходит, как правило, в виде прямых сравнений с клёном или посредством «психологического параллелизма» (по терминологии Веселовского [21]): *И я знаю, есть радость в нем / Тем, кто листьев целует дождь, / Оттого что тот старый клён / Головой на меня похож* (С. А. Есенин «Я покинул родимый дом...»). 1918); *Клён ты*

мой опавший, клён заледенелый, / Что стоишь нагнувшись под метелью белой? / Или что увидел? Или что услышал? / Словно за деревню погулять ты вышел. / Ах, и сам я нынче той-то стал нестойкий, / Не дойду до дома с дружеской попойки (С. А. Есенин «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...»). 1925).

Персонафицированный образ «Есенин – клён» в лирике поэта формируется несколькими важнейшими семантическими признаками: 1) «опавший», «отцветший» клён; 2) клён как знак родного пространства.

У С. А. Есенина образ «опавшего» и «отцветшего» клёна проецируется на личную судьбу поэта и актуализирует смыслы увядания, скоротечности жизни, сожаления о прошедшей юности: *Нынче – юность моя отшумела, / Как подгнивший под окнами клён, / Но припомнил я девушку в белом, / Для которой был пёс почталён* (С. А. Есенин. Сукин сын. 1924); *Сам себе казался я таким же клёном, / Только не опавшим, а всюю зелёным* (С. А. Есенин «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...»). 1925).

Клён для поэта был одним из главных объектов воспоминаний о малой родине, о чем свидетельствуют приводимые далее поэтические контексты. Семантический признак «клён – знак родного пространства» репрезентируется в них тропами, характеризующими клён как родное существо: *Отцовский дом / Не мог я распознать; / Приметный клён уж под окном не машет, / И на крыльце не сидит уж мать, / Кормя цыплят крупчатой кашей* (С. А. Есенин. Возвращение на родину. 1924); *Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь. / Как будто бы на корточки погреться / Присел наш клён перед костром зари. / О, сколько я на нём лиц из гнёзд вороньих, / Карабкаясь по сучьям, воровал! / Все тот же ль он теперь, с верхушкой зелёной? / По-прежнему ль крепка его кора?* (С. А. Есенин «Я усталым таким еще не был...»). 1923).

Рассмотрим развитие данного персонафицированного образа клёна А. Б. Мариенгофом. В приведенном выше поэтическом контексте клён включается автором в конструкцию отождествления (*Есенин – клён златолистый*), посредством которой актуализируется образное соответствие «золотые кудри волос – золотые листья клёна». Это сходство цвета волос и кудрявой головы с листьями клёна подчеркивал и сам С. А. Есенин: *Оттого что тот старый клён / Головой на меня похож* (С. А. Есенин «Я покинул родимый дом...»). 1918).

Кроме того, А. Б. Мариенгоф сравнивает С. Есенина с клёном, роняющим листву у отчего дома: *Наши краток путь под ветром синева. / Зачем же делать жизнь еще короче? / А кто хотел / У дома отчего / Лист уронить отцветшей головы?* (А. Б. Мариенгоф. Сергею Есенину. 1925). В этом уподоблении отражается поэтическая картина мира С. А. Есенина, в которой большую роль играет образ клёна как модель жизни человека, что проявилось прежде всего в образных соответствиях «клён «опавший», «отцветший» – ушедшая юность лирического героя», а также «клён – знак родного пространства».

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Таким образом, проведенное исследование тропических номинаций клёна, выраженных именами собственными, в аспекте «общее – единичное» позволяет сделать следующие выводы. Выявленные образные номинации-антропонимы обозначают реальных личностей – представителей искусства (С. А. Есенина, Б. Э. Мурильо, Ф. Листа) и составляют образную парадигму «клён – человек» как частные вариативные разновидности общего образного инварианта.

Общей основой таких образов является одухотворение объектов природы, наделение их способностью мыслить. Анализ семантической структуры выявленных тропических номинаций клёна, выраженных антропонимами, показал, что в основе ассоциативных уподоблений «клён – Лист» и «клён – Мурильо» находится ком-

плекса признаков: 'звук' (звонкий), 'состояние' (парение), 'форма' (сердце), 'цвет' (золото, свет).

Использование антропонимов как образов сравнения в составе компаративных тропов позволяет более ярко подчеркнуть конкретно-зрительные особенности самой изображаемой реалии: изменение цветовой палитры листьев деревьев осенью, красивый рисунок кленового листа, густота листового покрова и др.

К чертам различия в репрезентации образа клёна с помощью антропонимов следует отнести окказиональный характер образов сравнения «клён – Лист» и «клён – Мурильо», которые характеризуются оригинальностью и единичностью в языке русской поэзии, в то время как ассоциативное соответствие «Есенин – клён» является дальнейшей разработкой персонафицированного образа «я-дерева», введенного в русскую поэзию С. А. Есениным.

В частности, у А. Б. Мариенгофа получают развитие два важнейших семантических признака, формирующих персонафицированный образ «Есенин – клён»: 1) «клён «опавший», «отцветший» – ушедшая юность лирического героя»; 2) клён как знак родного пространства. Кроме того, поэтом актуализируется образное соответствие «золотые кудри волос – золотые листья клёна».

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. К перспективам дальнейшей работы относятся выявление роли антропонимов как средств образной номинации других дендронимов в языке русской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века: образные средства поэтического языка и их трансформация / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова, М. А. Бакина и др.; отв. ред. Е. А. Некрасова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. Москва: Наука, 1995. 263 с.

2. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., исправ. и доп. М.: «Азбуковник», 2004. 527 с.

3. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2-х т. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 848 с.

4. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 448 с.

5. Бельская Л. Л. Осень в русской поэзии // Русская речь. 2011. № 2. С. 29–38

6. Соколова М. Г. Динамика образа клена в лирике С.А. Есенина: лингвопоэтический аспект // Русистика без границы. 2017. Т. 1. № 4. С. 35–40.

7. Соколова М. Г. Устойчивые тропические номинации дендронима клен в поэтическом языке XIX–XX веков // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 445–451.

8. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие по направлению «Филологическое образование». Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.

9. Гагаев А. А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1991. 308 с.

10. Пузырёв А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

11. Пузырёв, А. В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учебное пособие к курсам. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 123 с.

12. Тукаева И. И. Четыре ступени сущности языковой репрезентации социотипических характеристик персонажей в сказках о животных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2015. 26 с.

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2019). Все примеры приводятся по данному источнику.

14. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ ПРЭСС КНИГА, 2007. 736 с.

15. Доманский В. А. Дендронимы в творчестве С. Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: материалы Международной научной конференции, посвященной 111-летию со дня рождения С. А. Есенина / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Гос. музей-заповедник С. А. Есенина, Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина; редкол.: О. Е. Воронова (отв. ред.) и др. Москва; Константиново: Пресса, 2007. С. 189–200.

16. Фомина З. Е. Метафорические репрезентации природы в поэтической картине мира Ингеборг Бахман и Сергея Есенина в

аспекте их дифференциации и универсализации // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 18. С. 135–143

17. Этштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 303 с.

18. Алексеев А. История фортепианного искусства: учебник в 3-х ч. Ч. 1 и 2. 2-е изд., доп. М.: Музыка, 1988. 415 с.

19. Лопес Крус Хосе. Мурильо и Веласкес в русской художественной культуре XIX–начала XX веков: автореферат дис. ... канд. искусствоведения. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2001. 24 с.

20. Кожевникова Н. А. О метафорической номинации персонажей в художественных текстах // Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. Ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. С. 613–620.

21. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И. К. Горского; Комментар. В. В. Мочаловой. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.161.1

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0073

ПОВТОР ПРЕДЛОГОВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК ИЗ СБОРНИКА А. Н. АФАНАСЬЕВА)

© 2020

AuthorID: 1052190

SPIN: 3248-7347

ORCID: 0000-0001-7084-9753

Сюй Цзинтин, аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(420008, Россия, Казань, улица Кремлевская, 18, e-mail: lxujingting@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования предлогов в русских народных сказках. Объектом изучения является сборник А.Н. Афанасьева – «Русские народные сказки». Предмет исследования – предлог в сказках. Цель: описать влияние различных языковых, текстовых и дискурсивных факторов на характер структурной и функциональной реализации такой разновидности лексико-синтаксической повторяемости в фольклорном тексте. Повтор рассматривается как один из способов семантического и синтаксического выделения, как прием создания особой мелодичности, напевности ритма сказки, создающий циклическую и маятниковую организацию текста. Была предпринята попытка классифицировать типы предложных повторов в сказке, описать их стилистико-семантические и функциональные особенности, дать интерпретацию специфики их использования с позиций прагматики и дискурсивности. В результате исследования было выделено три группы семантико-грамматических повторов, которые оформлены повторяющимися предлогами; дано их подробное описание. Автор приходит к выводу о том, что повторение предлогов выполняет ряд значимых для сказки стилистических функций и оформляет в новое смысловое единство одинаковые или близкие по звучанию или содержанию слова. Данный механизм расценивается как важнейший инструмент организации предложения в тексте сказки, структуры контекста, а также как средство воздействия на мышление читателей. Он является отражением народной речевой традиции.

Ключевые слова: предлог, повтор, народные сказки, структурные особенности, функциональные особенности.

REPEAT OF OFFERS AS A STYLISTIC RECEPTION (ON THE EXAMPLE OF FAIRY TALES FROM THE COLLECTION OF A. N. AFANASIEV)

© 2020

Xu Jingting, post-graduate student Institute of Philology and intercultural communications

Kazan Federal University
(420008, Russia, Kazan, Kremliovskaya street, 18, e-mail: lxujingting@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the problem of the functioning of prepositions in Russian folk tales. The repeat is considered as one of the methods of semantic and syntactic emphasis, as a method of creating special melodiousness of the tale's rhythm, creating a cyclical and pendulum organization of the text. The article represents the attempt to classify the types of prepositional repetitions in a fairy tale, to describe their stylistic-semantic and functional features, to give an interpretation of the specifics of their use from the standpoint of pragmatics and discursiveness. As a result of the study, three groups of semantic-grammatical repetitions were identified, which are framed by repeating prepositions; their detailed description is given. The author comes to the conclusion that the repetition of prepositions performs a number of stylistic functions that are significant for a fairy tale and forms words that are identical or similar in sound or content to a new semantic unity. This mechanism is regarded as the most important tool for organizing the proposal in the text of the tale, the structure of the context, as well as a means of influencing the thinking of readers. It is a reflection of the folk speech tradition.

Keywords: preposition, repetition, folk tales, structural features, functional features.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современная лингвистическая наука рассматривает народные сказки (обработанные и необработанные) как лингвокультурный феномен, содержащий информацию о разных планах речевой и неречевой культуры общества на определенном этапе его развития (это и совокупность типичных моделей общения, и библиотека обычаев, примет, суеверий, и духовные воззрения, и особенности быта, и происходившие в обществе изменения). Очевидно, что сказка, изначально предназначенная для детей, всегда влияла не только на развитие мыслительной сферы ребенка, на становление его речи, но вместе с тем выполняла и функцию социальной адаптации, гносеологическую и идентификационную функции. В данном исследовании мы рассматриваем одну из значимых художественных особенностей текста сказки – специфическое народно-авторское использование предлогов. Материалом для нашего исследования послужили авторские (обработанные фольклорные) сказки из сборника А. Н. Афанасьева [1]. Гипотезой нашего исследования является представление о наличии стилистических, функциональных и прагматических особенностей использования такого приема в сказках, как повтор предлогов.

Повтор является неотъемлемой составляющей фольклорных текстов, исследователи народного творчества, лингвисты говорят о его текстообразующей роли. Так, Ю. В. Васильева определяет «повторяемость как один из важнейших принципов структурной и семантической организации фольклорного произведения» [2, с. 3]. Как указано в одной из работ автора, «повтор выступает как имманентное свойство произведений устного народного творчества, созданных в разное время и в разных культурно-языковых традициях. Появление повтора в фольклорном тексте объясняется устным бытованием фольклорного произведения» [2, с. 3]. На наш взгляд, предлог в системе лексико-синтаксических повторов в сказках играет особую роль: эта весьма непротяженная единица помогает организовать особую напевную мелодию и ритмику сказки, способствует формированию запоминаемости дублируемых элементов сказки (зачинов, концовок, повторов сюжетов), создает особый хронотоп произведения. Эти особенности использования предлогов в сказке представляют интерес не только для раздела языкознания, изучающего устное народное творчество, но и для стилистики русского языка, литературоведения, может представлять методический интерес для педагогов, работающих со сказками в разных сферах (школьные и вузовские учителя, сказкотерапевты).

Анализ последних исследований и публикаций, в ко-

торых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. В российском и зарубежном языкознании сказочный дискурс изучался в различных аспектах – были описаны лексико-стилистические и морфологические особенности русской сказки, ее лингвокультурологическая специфика, жанровое и текстовое своеобразие и т. д. Для нашей работы первоочередную значимость имеют исследования такого стилистического приема, как повтор, которые представлены трудами Катяяна Ришики, И. И. Радченко, Т. А. Будановой, С. Маркуса, С. Фотино, С. М. Толстой и др. [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Кроме того, мы обращались к некоторым источникам [9; 10; 11; 12], посвященным общеязыковым лексико-семантическим, грамматическим, синтаксическим особенностям предлогов и их текстовой роли. Новизна исследования, представленного в данной статье, заключается в том, что впервые описывается такой художественно-стилистический прием, как повторяемость предлогов в русскоязычном художественно-фольклорном дискурсе. Нами была предпринята попытка выделить в текстах сказок, относящихся к разновидности русского обработанного фольклора, лингвокультурно маркированные особенности такой структурно-функциональной особенности, как повторяемость предлога (разновидность лексико-синтаксического повтора). Актуальность исследования обусловлена тем, что оно выполнено в русле современных тенденций в лингвистике к комплексному, целостному подходу к анализу текста.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель работы – описать влияние различных языковых, текстовых и дискурсивных факторов на характер структурной и функциональной реализации такой разновидности лексико-синтаксической повторяемости в фольклорном тексте, как повтор предлога.

Постановка задания. В связи с указанной целью в работе решаются задачи: 1. Выявление и классификация контекстов с повтором предлогов в сказках. 2. Определение значения предлога и его грамматической функции в пределах контекста. 3. Определение структурно-смысловой связи между предлогом и содержанием текста. 4. Рассмотрение функций повторения предлогов в текстах сказок. 5. Описание уровней обобщения способов организации и функций предложной повторяемости в сказках.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Методами настоящего исследования послужили такие методы, как контекстный анализ, комплексный текстовый анализ, семасиологический анализ, стилистический и лексико-грамматический анализы, контент-анализ, элементы дискурсивного анализа, количественный метод. Отметим также, что роль предлога рассматривалась нами многоаспектно (с позиций стилистических, лингвокультурологических, фонетических, морфологических и др. особенностей этой лексико-морфологической единицы).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. По определению В. В. Виноградова, «предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или предложении и тем самым выражающая отношения друг к другу тех предметов, действий, состояний и признаков, которые этими словами называются... Грамматическая функция предлога строго регламентирована категорией падежа и осуществляется во взаимодействии с падежной флексией. Это значит, что знаменательное слово, занимающее позицию управляемого компонента в предложном словосочетании, может относиться только к классу имен существительных или местоимений. Соединяет два слова (две словоформы), предлог обращен к ним обоим»

[13, с. 325], поэтому структурная связь между предлогом и другим словом видима по контексту, по его лексико-грамматическому окружению. Важно отметить, что, по мнению морфологов, предлог в обычной речи повторяется в том случае, если его пропуск ведет к неоднозначному прочтению предложения [14, с. 149].

А. А. Зализняк выделяет «три большие группы употреблений предлогов, в первой из которых повторение предлогов обязательно, во второй – факультативно, а в третьей – практически невозможно» [15, с. 164-166].

А. Н. Еремин отмечает, что «предлог остается в полной мере предлогом только в том случае, когда он, будучи одновременно обращенным к главному слову и к зависимому, поддерживает лексико-грамматическое главенство опорного слова по отношению к зависимому, и наоборот – лексико-грамматическую подчиненность зависимого компонента от опорного» [16, с. 86]. Кроме того, известный грамматист пишет, что «именно предлог задает грамматическую форму зависимого компонента и грамматически и семантически в большей мере слит с этой формой, нежели с главным словом. Отсюда достаточно частая лексикализация предложно-падежных форм и вследствие этого их примыкание к главному в качестве единой единицы» [Там же]. Уникальность предлога как части речи проявляется в его грамматической и семантической зависимости от знаменательных слов в предложении, и это, на первый взгляд, лишает предлога какой-либо текстово-художественной осмысленности: он просто сопутствует другим словам.

Однако ряд исследователей-классиков отмечают, что повтор предлога обуславливается прагматическими характеристиками высказывания и авторской интенцией. Так, А. М. Пешковский полагал, что «повтор предлога может объясняться необходимостью логического выделения членов однородного ряда» [17, с. 401]. Как пишет Д. Ворт, «повтор предлогов оказывался не только при однородных членах, но и при определяемом слове и определениях или приложениях к нему» [18, с. 218]. Д. Н. Сатюкова отмечает, что в литературоведческих исследованиях повтор предлогов имеет стилистическую нагрузку и может описываться как особая фигура речи – «многопредложие» [19, с. 470]. Многопредложие расценивается как стилистический прием или индивидуальная речевая характеристика автора текста. Таким образом, функционирование предлогов может быть обусловлено не только их морфологическими свойствами и лексическим значением зависимого слова, но и стилистическими ресурсами текста, тема-рематическими связями внутри предложения, интенциональной установкой автора.

Рассмотрим структурную роль приема «повтор предлогов» в тексте сказки. Прежде всего, такой повтор подчеркивает важность разных параллельно-последовательных структур текста и определяет упорядоченность их построения. Согласно проведенному анализу, в обработанных сказках можно выделить лексико-синтаксические виды использования приема повторения предлогов:

А) повторение при приложениях;

В) повторение при определениях;

С) повторение при синонимах (синонимических парах, группах, конструкциях).

Представим комментарии к особенностям использования указанных типов повторений как стилистических приемов построения текста сказки.

А) Повторение предлогов при приложениях можно условно подразделить на три типа:

1) **Предлог + имя собственное (имя человека).**

Предлоги, которые повторяются в приложении и не обусловлены грамматической необходимостью, подчеркивают важность указанной информации в контексте, способствуют запоминанию имени собственного в сказках. Такой тип повтора встречается в начале сказки и задает особую ритмику, напевную мелодичность сказки. Рассмотрим следующие контексты:

«Во славном городе во Киеве у царя у Владимира собирались князья и бояре и сильно могучие богатыри на почестный пир» [1, с. 735].

«Достоин жениться на нашей государыне, на Елена прекрасной» [1, с. 574].

«Твоя матушка у моего отца живет – у Ворона Вороновича» [1, с. 187] и др.

2) Предлог + имя собственное (названия городов, стран, мест). В этом случае повторяющийся предлог снова не обусловлен грамматической необходимостью и как бы «вклинивается» между номинацией и приложением, заставляя читателя замедлить темп («споткнуться»), а многократное повторение локации с повторяющимся предлогом начинает работать как песенный припев, делая ритм сказки циклическим, а структуру – маятниковой. Само место может быть как вымышленным, так и соотносимым с реальным местом. Обратимся к текстovým примерам:

«Подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаючи. Турецкий король слышал про великое побоище, приказал набрать силы сорок тысяч и посылал их на поле на Куликово. Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на Кривое побоище. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться» [1, с. 745].

«На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный» [1, с. 684] и др.

3) Повторение предлогов в приложении или в определяемом слове (имени существительном, обязательно нарицательном) или в сочетании по типу «прилагательное + существительное». Посредством дублирования предлогов перед определяющими прилагательными внимание читателя акцентируется на важных характеристиках объекта или персонажа. Приведем текстóвым фрагменты:

«У одного старичка, у богатого мужичка, не было ни сына, ни дочери» [1, с. 147].

«Иду за себя, за доброго молодца, замуж!» [1, с. 479].

«Полечу-ка я, добрый молодец, к ихнему царю, ко льву» [1, с. 520] и др.

На основе анализа вышеприведенных примеров можно сделать вывод о том, что в русской сказке предлоги вводят грамматико-семантические повторы и выполняют не только художественно-стилистические функции. Эти служебные слова способствуют созданию особой напевной ритмики сказки, привлекают внимание маленького читателя к именам персонажей и хронологическим названиям, акцентируют припевные (циклически повторяющиеся) элементы в тексте сказки, а в конечном итоге служат формированию когнитивных способностей ребенка, помогают запоминать текст. Язык в сказке – это не только средство передачи информации, общения, а код, который реализует и магическую функцию языка, и приоткрывает «завесу» накопленной поколениями системы знаний.

Кроме того, при исследовании повтора предлогов в сказках А. Н. Афанасьева было обнаружено, что повторение предлогов при приложении и имени собственном особенно часто встречается в текстах, сюжеты которых были заимствованы автором из былин, таких как: «Алеша Попович», «Про Маюя безбожного» и т. д. Объяснение тому достаточно простое – этот художественный прием характерен и для языка былин – напевность органически свойственна этому эпическому жанру, к примеру: «Кого возьмет за ручку – ручка прочь, кого за ножку – ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за середуку возьмет – живота лишит» [1, с. 726], «Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа – было коровище, было обжорище» [1, с. 727].

В) Повторение предлогов при определении можно условно подразделить на три типа:

1) Зависимые слова, которые следуют за предлогом, имеют одинаковое значение.

При таком употреблении предлоги оформляют и инверсивность существительного и прилагательного, тем самым усиливая инверсию и на уровне ритмики сказа. Такая подача слова представляет юным читателям важные аспекты картины мира – в поле внимания выносятся значимые признаки и характеристики. Например:

«На заре на утренней проснулась в своем тереме царевна Елена Прекрасная» [1, с. 428].

«На Руси было на православной княжил князь тут Дмитрий Иванович» [1, с. 742].

«Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой Бабе-Яге ночевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его бы с честью со всякою» [1, с. 724] и др.

2) Зависимые слова, которые следуют за предлогом, имеют одинаковое значение, но отличаются по степени выраженности признака:

«Иван-царевич горько заплакал, помолился Богу на все на четыре стороны» [1, с. 629].

Такая повторяемость придает сказкам особую экспрессивность и способствует замедлению развития действия.

3) Предлог повторяется в устойчивом сочетании существительного и прилагательного – то есть разбивает фразеологизм на две ритмических единицы:

«Царь стал его допрашивать: Признавайся по чистой по совести – твой это ребенок» [1, с. 323].

Очевидно, что выражения является ключевым для данного текста, и грамматический повтор помогает читателю/слушателю это заметить.

С) Повторение предлогов при синонимических парах, синонимических группах и конструкциях, традиционно встречающихся в русских народных сказках. Такие формы повтора могут быть самыми разнообразными по своему характеру и употребляются при различных членах предложения: при дополнении, определении, обстоятельстве и т. д., например:

«Бери и падчерицу, вези хоть в темный лес, хоть на путь, на дорогу» [1, с. 113].

«У царя, у царицы был один сын, Иван-царевич» [1, с. 453].

«Скажи мне по правде, по истинной» [1, с. 471].

«Только с горя, со кручины не мог уснуть крепким сном» [1, с. 550].

«В чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят» [1, с. 640] и др.

Отметим, что такие повторы выполняют прежде всего функцию привлечения внимания, поскольку наиболее часто встречаются в зачине сказки, самым известным примером являются зачины типа «В некотором царстве, в некотором государстве», «За тридевять земель, в тридесятом государстве»:

«В некотором царстве, в некотором государстве жил именитый купец» [1, с. 633].

«За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве» [1, с. 415].

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Проведенное нами исследование показало, что повторение предлогов выполняет ряд значимых для сказки функций и оформляет одинаковые или близкие по звучанию или содержанию слова. В русском литературном языке повтор предлогов не является регулярным синтаксическим и стилистическим приемом [19, с. 107], а для языка сказки этот механизм – один из важнейших инструментов организации предложения и структуры контекста, а также эффективное средство воздействия на мышление читателей.

В то же время результаты данной работы подтверждают выводы других исследователей о том, что для русских народных сказок характерен типичный повтор словесных элементов, грамматических конструкций, который воплощает определенный авторский замысел, делает произведение более многослойным, устанавли-

вает прогрессивную взаимосвязь параллельных слов, показывает красоту звучания языка, ритмизует сюжет и делает некоторые фрагменты текста циклическими. Нами было показано, что повторяемость предлогов в сказках так же, как и лексико-семантические повторы в произведениях устного народного творчества в целом, придает тексту особую живописность (акцентируя внимание на хромотопических деталях), плавность, напевность (являясь регулярным приемом зачинов сказок); способствует замедлению развития действия, усиливает экспрессивную маркированность текста, акцентирует значимые характеристики персонажей, волшебных объектов, хромотопа – в конечном итоге организует текст так, как его удобно воспринимать потенциальному читателю или слушателю. Этот прием отражает и народную речевую традицию своей циклическостью, маятниковой структурой текста, особым ритмом.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Итак, подводя итоги, можно констатировать следующее: 1) повторение предлогов часто встречается в сказках в определенном формате: повторение предлогов используется при приложениях, определениях, синонимических парах, синонимических группах и иных синонимических конструкциях; 2) повторение предлогов используется в русских народных сказках для того, чтобы при помощи ритмизации выделить значимые фрагменты текста, привлечь внимание слушателей и читателей, а в конечном итоге способствовать запоминаемости фрагментов текста; 3) предлоги как отдельные языковые единицы в структуре сказки «семантизируются и становятся знаками» [20, с. 34], они включаются в разветвленную систему равноуровневых повторов в текстах сказок, усиливает их взаимодействие и способствует приращению смысла и усилению выразительности.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Данная работа расценивается нами как фрагмент более масштабного исследования, посвященного изучению средств направленного речевого воздействия в русской сказке; планируется более детальное изучение роли служебных частей речи (предлогов, союзов, частиц, междометий), особенностей словесной ритмизации текста, лексико-грамматического моделирования ментально значимых смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. 1087 с.
2. Васильева Ю. В. Повтор как принцип организации фольклорного текста (лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 25 с.
3. Катаян Ришика. Синтаксический параллелизм, его виды и функции в текстах русских народных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskij-parallelizm-ego-vidy-i-funktsii-v-tekstah-russkikh-narodnyh-skazok> (дата обращения: 11.10.2019).
4. Катаян Ришика. Семантические повторы в текстах сказок из сборника А. Н. Афанасьева // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-povtory-v-tekstah-skazok-iz-sbornika-a-n-afanasieva> (дата обращения: 11.10.2019).
5. Радченко И. И. Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-sredstvo-realizatsii-lingvisticheskoy-kategorii-ekspressivnosti-v-tekste-gazetnoy-stati> (дата обращения: 15.10.2019).
6. Фомино С., Маркус С. Грамматика сказки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Наука, 1985. С. 275-315.
7. Буданова Т. А. Повтор как способ организации прозаического фольклорного текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. СПб., 1995. Вып. 1. С. 109-112.
8. Толстая С. М. Магические ритмы и инерционная грамматика заговора // Заговорный текст: генезис и структура. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. С. 62-66.
9. Попова З. Д. Предложно-надежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. 232 с.
10. Суrowцева С. И., Павлова О. Ю., Велиева Л. Ф. Проблематика исследования предлогов (на базе темпоральных предлогов русского, французского, английского и немецкого языков) // Вестник

Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 7. С. 174-178.

11. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. 304 с.

12. Всеволодова М. В. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Вопросы функциональной грамматики: сборник научных трудов. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2002. Вып. 4. С. 14-25.

13. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Учебное пособие. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.

14. Гаврилова Г. Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 229 с.

15. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

16. Еремин А. Н. К вопросу о предлоге как части речи // Русский язык в школе. 2010. № 6. С. 85-89.

17. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 450 с.

18. Ворт Д. Повторение предлога в древнерусском // Очерки по русской филологии. М.: Индрик, 2006. С. 216-232.

19. Сатокова Д. Н. О повторе предлогов перед однородными определениями в современном русском языке: опыт корпусного анализа // Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2015. С. 469-512.

20. Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970. 704 с.

Статья публикуется при поддержке Научного фонда базовых исследований высших учебных заведений в провинции Хэйлунцзян (КНР) 黑龙江省省属高校基本科研业务费 (проект № 1354MSYYB013 «Многомерный анализ языкового манипулирования в русском фольклоре» 俄罗斯民俗学中语言操纵力的多维视角研究).

Статья поступила в редакцию 03.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811. 1/8

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0074

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

© 2020

Трубкина Анна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42, e-mail: aitrubkina@sfnu.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению реализации эмотивности в художественном тексте с позиций коммуникативно-прагматического подхода. Такой ракурс позволяет учитывать все факторы, влияющие на функционирование текста в коммуникативном пространстве, в том числе, и тех, что определяют эффективность воздействия такого текста на адресата. Лингвопрагматический аспект изучения художественного текста фокусирует внимание на эмоциональном восприятии эстетического сообщения, поэтому на первый план выдвигаются экспрессивные и стилистически окрашенные языковые и речевые средства в нем, в том числе, такие, которые способствуют актуализации эмотивности художественного текста. Эмоции могут быть выражены в языке и тексте самыми разными способами, которые, к тому же, могут иметь синкретичную природу. Традиционно считается, что эмотивные средства языка включают лингвистические, специфические функциональные средства (суффиксы, эмоционально-оценочная лексика, эмоционально-оценочные экспрессивные структуры) и паралингвистические средства, которые функционально зависимы от языка, употребляются в контексте конкретного речевого акта и направлены на передачу конкретной эмоциональной реакции. Художественный текст сложно преобразует как лингвистические, так и паралингвистические средства благодаря включенности в сферу эмотивности авторского сознания и сознания персонажа. Эмотивность предстает как следствие эмоциональности автора, результат его когнитивной деятельности, т.к. и здесь обнаруживается отражение мыслительных процессов в языке.

Ключевые слова: эмотивность, художественный текст, коммуникативно-прагматический потенциал, семантическое пространство, паравербальные компоненты, микроконтекст, макроконтекст, эксплицитность, имплицитность.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF EMOTIONALITY IN A LITERARY TEXT

© 2020

Trubkina Anna Ivanovna, PhD, associate professor of Department of Theory of language and Russian language of Institute of Philology, journalism and intercultural communication
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on - don, Bolshaya Sadovaya street 105/42, e-mail: aitrubkina@sfnu.ru)

Abstract. The article deals with the implementation of emotionality in a literary text from the standpoint of communicative and pragmatic approach. This perspective allows us to take into account all the factors that affect the functioning of the text in the communicative space, including those that determine the effectiveness of the impact of such a text on the addressee. The linguopragmatic aspect of the study of a literary text focuses attention on the emotional perception of an aesthetic message, so the expressive and stylistically colored language and speech means in it, including those that contribute to the actualization of the emotionality of a literary text, are put forward to the fore. Emotions can be expressed in language and text in a variety of ways that can also be syncretic in nature. Traditionally, it is believed that the emotive means of language include linguistic, specific functional means (suffixes, emotional-evaluative vocabulary, emotional-evaluative expressive structures) and paralinguistic means that are functionally dependent on the language, are used in the context of a particular speech act and are aimed at transmitting a specific emotional reaction. Literary text is difficult to transform both linguistic and paralinguistic means due to the inclusion in the sphere of emotionality of the author's consciousness and the consciousness of the character. Emotionality appears as a consequence of the author's emotionality, the result of his cognitive activity, because even here the reflection of thought processes in language is found.

Keywords: emotionality, literary text, communicative-pragmatic potential, semantic space, paraverbal components, microcontext, macrocontext, explicitness, implicitness.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Восприятие художественного текста всегда сопряжено с освоением его семантического пространства, посредством которого адресант способен выразить авторское видение мира, реализуя собственные намерения в плане формирования определенной реакции адресата. Художественный текст транслирует эстетическую информацию, причем если музыка или живопись ориентируются на эмоциональное воздействие на предполагаемого адресата, то художественная литература действительно сообщает некую информацию с помощью языковых средств, особой организации пространства текста, создания художественных образов, которые, тем не менее, имеют также и эмотивную направленность. Проблема эмотивности художественного текста является важной составляющей общей проблемы эмотивности в лингвистике. Отражение внутреннего мира автора и персонажей происходит в эстетической коммуникации на разных текстовых уровнях, что определяет необходимость выявления специфики репрезентации эмоций в тексте и описания феномена эмотивности с позиций прагмалингвистики [1].

Анализ последних исследований и публикаций, в ко-

торых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Лингвисты признают [См., напр.: 2, 3, 4], что не существует таких текстов, в которых не было бы маркеров экспрессивности, т.к. любой текст имеет когнитивно-прагматический потенциал, определенным образом влияет на сознание и модели поведения адресата, осуществляя воздействие на него. Экспрессивный эффект не определяется, тем не менее, насыщенностью текста экспрессивными языковыми средствами: такие средства лишь могут повысить степень вероятности возникновения этого эффекта. Структура художественного текста, по мысли Ю.М. Лотмана, включает внешние и внутренние типы пространств, что позволяет также выделить проблему «вторжения внешнего пространства (стихии) во внутреннее» [5, с. 399]. По всей видимости, «внутреннее пространство» должно включать также сферу эмоций, которые в художественном тексте отражены многообразно и возможно более полно. М.М. Бахтин отмечал, что «переживание и для самого переживающего существует только в знаковом материале, и вне этого материала переживания как такового просто нет» [6, с. 107].

Эмотивность и ее репрезентация в тексте остается дискуссионной проблемой современной лингвистики [7, 8, 9]. Так, часть исследователей рассматривают эмотивность как текстовую категорию на основании выделения в тексте двух типов информации – предметно-логической (фактуальной) и субъективной (эмоциональной) [См.: 10, с. 80; 11, с. 222-223; 12, с. 319-320; 13, с. 68]. Эмотивность играет в художественном тексте ведущую роль не только потому, что позволяет эксплицировать эмоциональное состояние персонажа, но и реализовать перлокутивную функцию, в основе которой – эмпатия [10, с. 108; 8, с. 4; 9, с. 74-75; 13, с. 3]. Эмпатию в таком случае трактуют как «восприятие эмоционального состояния другого человека и возможность сочувствия, то есть ситуация, в которой фактически возникают одни и те же эмоции» [12, с. 320]. Функции эмотивности могут быть изучены и с иных позиций. Например, Б. Тошович считает, что процесс кодирования трансформирует эмоцию в экспрессию, а процесс восприятия позволяет декодировать экспрессию, переводя ее в эмоциональный регистр; значит, перлокутивная функция свойственна экспрессивности [12, с. 318-319]. Тем не менее, эмотивность как языковое выражение эмоций уже представляет собой код, поэтому перлокутивная функция присуща именно эмотивности. За пределами лингвистической (и текстовой категории) оказывается эмоциональность, включающая и неосознанные эмоции [12, с. 319]. По мнению Г.В. Колшанского, «чисто чувственный компонент многоуровневого сознания человека относится к области, недоступной для лингвистического анализа, так как эта область реализуется не в языковом воплощении, а в различных физиологических и психических формах, которые являются предметом изучения соответствующих наук, а не языкознания» [14, с. 142-143].

Реализация эмотивности как текстовой категории происходит с помощью разноуровневых средств языка, которые могут содержать эмотивную сему либо способствуют выражению эмотивности в конкретном контекстуальном окружении [10, с. 106-108; 9, с. 74-75; 11, с. 223; 13, с. 69; 16, с. 4, 9]. Эмотивный фон в тексте продуцируется и посредством тропов (прежде всего, метафор и сравнений), которые имплицитно эмотивны [10, с. 107; 8, с. 19; 17]. Бесспорным фактором, обуславливающим эмотивность текста, являются эмотивные языковые средства. В.А. Маслова, опираясь на коммуникативно-прагматический подход, указывает, что один из главных источников эмотивности – само содержание текста: «содержание текста является потенциально эмотивным, потому что всегда найдется реципиент, для которого оно окажется лично значимым. Эмотивность содержания текста – это, в конечном счете, эмотивность фрагментов мира, отраженных в тексте» [2, с. 21]. Коммуникативно-прагматический подход позволяет выявить и описать образ мира и языковую личность, запечатлеваемую в нем посредством языка и текста [18].

Формирование целей статьи (постановка задания). Цели статьи определяются необходимостью установить специфику реализации эмотивности в художественном тексте с позиций ее когнитивно-прагматического потенциала, актуализированного посредством эмотивных средств в авторской и персонажной зонах повествования, в том числе, и имплицитированных в конкретных микро- и макроконтестах.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Художественный текст способен не только передать речь Говорящего, но и изобразить эту речь эстетически, с помощью различных художественных средств, вербальных и паравербальных. Под паравербальными компонентами художественного текста понимают номинации жестов, мимики, движений человеческого тела и пр. Вербализация эмоций адресанта и языковая интерпретация эмоций как объективной сущности автора и персонажей в художественном тексте принципиально

различны, что позволяет различать в лингвистической научной парадигме язык описания эмоций и язык выражения эмоций, имеющие, в свою очередь, как эксплицитный, так и имплицитный планы. Эмоциональные смыслы могут быть реализованы с помощью эмоциональной лексики в ее номинативной функции и контекстуально обусловленной лексики в прагматической функции.

Репрезентативный материал для анализа когнитивно-прагматического потенциала эмотивности художественного текста находим в тексте рассказа А.П. Чехова «Студент» (1894). Так, представлены прямые номинации эмоций как одно из основных средств создания эмотивности, например: «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух» [19]. А.П. Чехов усиливает воздействие на читателя благодаря описанию движений персонажа, что, несомненно, позволяет передать всю силу испытываемых им эмоций (даже остановился на минуту, чтобы перевести дух). В приведенном контексте вновь употреблена клишированная метафора, которая довольно точно передает внутреннее состояние героя. Также адресант вводит в микроконтекст лексемы, обозначающие чувства апостола Петра, о котором рассказывает герой рассказа, студент духовной академии (очнувшись, горько-горько заплакал): «Вспомнил, очнувшись, пошел со двора и горько-горько заплакал. В евангелии сказано: «И исшед вон, плакался горько». Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...» [19]. Важное место занимает в данном макроконтесте и глагол *вспомнил*, который обозначает новую стадию евангельского сюжета – обретение нового знания посредством воспоминания. Особое внимание обращает на себя и персонажная оценка, также имеющая эмотивное значение, которая вводится лексемой *воображаю*. Настроение печали и трагизм евангельских событий усилены эмоциями героя-рассказчика, которые переданы опосредованно с помощью лексических повторов (*тихий-тихий, темный-темный*) и лексемой с эксплицированным эмотивным значением *рыдания*.

Эмотивность художественного текста продуцируется также и посредством контекстуально обусловленной прагматики лексических единиц: «Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлинула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль» [19]. В приведенном контексте автор описывает жесты и мимику персонажей, что позволяет адресату возможно более полно воспринять эмоциональные проявления героев (выделено курсивом). Важное место в транслировании эмотивности в данном отрывке занимает метафора *тяжелое, напряженное выражение*, которая акцентирует внимание на внутреннем мире Лукерьи, ее эмоциях, когда слушает рассказ студента о евангельских событиях. Основной функцией эмотивности в приведенном ниже контексте становится сообщение об эмоциональном воздействии на студента его слушательниц: «Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё, происшедшее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...» [19]. Так А.П. Чехов вводит в подтекст своего рассказа мысль об универсальности евангельских смыслов (имеет к ней какое-то отношение), о большой силе воздействия рассказа студента.

Для реализации когнитивно-прагматического потенциала эмотивности важны также такие контексты, в которых отмечается синтез авторской позиции и точки зрения на мир персонажа, например: «Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатысто и весело. Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока хо-

лодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдно. Запахло зимой. *Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел всё время заливым лугом по тропинке. У него заоченели пальцы, и разгорелось от ветра лицо*» [19]. Первая часть фрагмента представляет собой впечатление от внешнего мира и эмоциональное к нему отношение самого персонажа, в то время как выделенное курсивом – репрезентация авторского голоса.

Лексические средства выражения эмоций представляют собой дискуссионную сферу лингвистики и не могут быть дифференцированы однозначно, однако М.Ю. Олешков отмечает, что обычно выделяются «предикаты эмоций с исходной категориально-эмотивной семантикой (*грустит*), метафорические предикаты эмоций с производной семантикой (*каменеть*); «эксплицитно» выраженные предикаты эмоций (*грустный, грустно*), «имплицитно» подразумевающиеся предикаты эмоций с дифференциально-эмотивной семантикой (*глупиш*), собственно эмотивы-экспрессивы с исходной эмотивной семантикой (междометия *ах! увы!*), эмотивы-коннотативы типа *пизюн* и др.» [20, с. 67]. Например: «И все работники, что находились около огня, должно быть, *подозрительно и сурово поглядели* на него, потому что он *смутился* и сказал: «Я не знаю его». Немного погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников Иисуса и сказал: «И ты из них». Но он опять *отрекся*. И в третий раз кто-то обратился к нему: «Да не тебя ли сегодня я видел с ним в саду?» Он третий раз *отрекся*. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери...» [19]. Столкновение евангельского сюжета, которое дает герой, подкреплено эмоциональным настроением макроконтраста. Дополнительные признаки предиката *подозрительно и сурово поглядели* вводятся именно рассказчиком, микроконтекст включает также прямую номинацию эмоции *смутился*. Важное значение в данном контексте приобретает повтор лексемы *отрекся*, которая номинирует речевой акт, также приведенный в контексте, – «Я не знаю его».

Несомненно, выбор языковых единиц, необходимых для транслирования информации в эмотивном контексте, отвечает коммуникативным намерениям адресанта. Лингвопрагматический потенциал художественного текста, в частности, его эмотивность в самых разных ее проявлениях, может быть адекватно воспринят и корректно интерпретирован только на основании фоновых знаний, личного опыта адресата, в координах его психологического состояния при наличии соответствующей коммуникативной компетенции. Так, в следующем примере рассказчик основывает свое повествование на том, что уже известно его слушательнице: «После вечери Иисус *смертельно тосковал* в саду и молился, а бедный Петр *истомился душой, ослабел*, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям. Его связанного вели к первосвященнику и били, а Петр, *изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли*, не выпавшийся, *предчувствуя*, что *вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед...*» [19]. Эмотивность становится имплицитной в этом макроконтрасте: не только прямые номинации чувств (*смертельно тосковал истомился душой, ослабел, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, предчувствуя*), но и обращения рассказчика к своей слушательнице (ты слышала, понимаешь ли), вдове Василисе, углубляют общечеловеческий смысл евангельского сюжета – сюжета о предательстве, муках совести и прощении.

Несомненно, одной из основных функций художественного текста является функция воздействия, однако она не единственная, хотя и формирует эмоциональное и/или рациональное отношение к явлениям, событиям.

Эстетическая функция приобретает в художественном тексте определяющее значение, т.к. художественный текст должен вызывать у адресата эстетическое удовольствие. Эмотивные языковые средства (эмоциональная лексика в номинативной и контекстуально обусловленная лексика в прагматической функциях средств), являясь основным источником эмотивности, позволяют описывать самые разные оттенки чувств автора и персонажей. Среди эмотивных средств выделяют лексемы, лексические сочетания, предложения, сверхфразовые единства. Коммуникативная ценность эмоциональной информации, передаваемой художественным текстом, обуславливает обширный коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности, которая организует семантическое пространство художественного текста и определяет интерпретацию его смыслов адресатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фаткуллина Ф. Г., Халимова Р. Р. Лингвопрагматика Product placement. Уфа: РИЦ БашГУ. 2012. 162 с.
2. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учеб. пос. Минск: Высшая школа, 1997. 156 с.
3. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. М.: Менеджер, 2003. 392 с.
4. Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте: автореф. дисс. ... докт. филол. н.: 10.02.19. М., 2004. 48 с.
5. Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979. 120 с.
7. Ионова С.В. Эмотивный фон и эмотивная тональность как элементы содержания текста // Языковая личность: вербальное поведение: Сб. науч. тр. / Под ред. Красавского Н.А. Волгоград: Изд-во «РИС», 1998. С. 57-62.
8. Голубкова Н.Н. Лингвистические особенности категории эмотивности в психологической прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. н. СПб., 2003. 21 с.
9. Калимуллина Л.А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. 2006. №5. С. 71-79.
10. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л.: «Просвещение», 1981. 295 с.
11. Новикова Т.Л. Эмотивные компоненты на линии пересечения концептуально значимых смыслов в парадигматике и синтагматике художественного текста // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. К 100 летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского: Материалы VII международной конференции (г. Владимир, 25-27 сентября 2007 года). Владимир: ВГПУ, 2007. С. 221-226.
12. Тошнович Б. Соотносительный круг экспрессивности // Славистика: синхрония и диахрония: Сб. научн. ст. к 70 летию И.С. Улуханова. М., 2006. С. 315-326.
13. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. №5. С. 3-13.
14. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
15. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения: Сб. науч. ст. Волгоград: Волгогр. пед. ин-т, 1990. С. 242-249.
16. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебн. пособ. по спецкурсу. Волгоград: ВГПИ, 1983. 96 с.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: «Прогресс», 1987. С. 126-170.
18. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
19. Чехов А.П. Студент [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/979/p.1/index.html>.
20. Олешков М.Ю. Эмотивность как психолингвистическая категория // Личность, речь, юридическая практика: Межевзювский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2007. Вып. 10. Часть 2. С. 65-69.

Статья поступила в редакцию 19.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81-112.2
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0075

ОБ ИСТОРИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2020
AuthorID: 36908182
SPIN: 3931-4600
ORCID: 0000-0001-6578-7615

Улитова Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Русский язык и литература»
Университет «Синергия»

(125190, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 80, e-mail:ulitovanastya@gmail.com)

Аннотация. В современном русском языке нейтральным порядком слов является препозиция определения, однако существует особый вид атрибутивных словосочетаний, в которых прилагательно стоит правее существительного. Это так называемые терминологические словосочетания (сортовые группы, термины в широком смысле слова). Прилагательное в таких сочетаниях более значимо по сравнению с определяемым, так как существительное имеет родовое значение, а прилагательное – видовое (скрепки канцелярские). Возможно, данные словосочетания существовали уже в XII в. (*Даль блюдо серебряно* [1, с. 247]), однако в них встречались преимущественно краткие формы прилагательных. С XVIIв. начинается постепенная замена нечленной формы членной. Причина этой замены, вероятно, кроется в том, что изменилась семантика полной и краткой форм прилагательных: если в древнерусскую эпоху (до XIVв.) краткое прилагательное относилось к неопределённому предмету, а полное – к определённому, то в Петровское время нечленный атрибут стал обозначать временный признак, а членный – постоянный. Если рассмотреть терминологическое словосочетание с этой точки зрения, то можно отметить, что предмет в них описывается не как уникальный, а как принадлежащий к классу предметов, то есть, неопределённый (печенье сахарное). Получается, что до XVII в. существовал особый тип словосочетаний, где реликтивно сохранялись следы древнерусской картины (с определённости / неопределённости предмета, обозначенной краткой или полной формой прилагательного). Именно с окончательным исчезновением следов этой картины можно связать исчезновение краткой формы прилагательного из терминологических словосочетаний.

Ключевые слова: Древнерусский язык, старорусский язык, историческая диалектология, исторический синтаксис, сортовые имена, терминологические словосочетания, полное / краткое прилагательное, грамматическая категория определённости.

ABOUT TERM'S HISTORY IN RUSSIAN LANGUAGE

© 2020

Ulitova Anastasiya Sergeevna, doctor of philological sciences, docent of department
«Russian Language and Literature»
«Sinergy» University

(125190, Russia, Moscow, Leningradsky avenue, 80, e-mail:ulitovanastya@gmail.com)

Abstract. In Russian Standard Language, an adjective usually precedes a noun, although there is a special type of attributive word combinations, where a noun stands before an adjective. We may call this type of phrases "terminological phrases" (they are also called "sort groupes" and "terms"). An adjective in such word combinations is more important, than a noun, because it has more narrow meaning and couldn't be deleted from a phrase (скрепки канцелярские). It is possible, that this kind of an attributive phrase had already existed in the XIIth century (*Даль блюдо серебряно* (Мстисл. гр.) [1, с. 247]). We can notice, that mostly short adjectives occurred there. Since XVIIth century, a full adjective in a terminological phrase started to replace a short attribute. The reason of this replacement is that the meaning of short and full adjectives was changing that time: until the XIVth century a short attribute had connected with an indefinite noun while a full adjective had conjoined with a definite noun. In the Peter the Great's epoch the modern situation occurred: now, a short attribute shows us, that a noun's feature is temporal, while a full adjective means, that the same feature is constant (я спокоен / я спокойный). From this point of view, we can explain, why short attributes vanished from the terms: we can notice that in a terminological phrase a noun isn't defined (an object is not unique, it belongs to a class of objects: скрепки канцелярские). So, until the XVIIth century, the terms preserved a situation of the XIVth century (when a noun's definiteness / indefiniteness was expressed by a full / short adjective). Only when the semantics of full and short adjectives had changed a full attribute replaced a short form in terms.

Keywords: Old-Russian language, Historical Dialectology, Historical Syntax, Terminological Phrases, Sort Groups, Terms, Full / Short Adjective, Definitness / Indefinitness.

ВВЕДЕНИЕ

В современном русском языке при нейтральном порядке слов определение, как правило, располагается перед определяемым [2, §2145]. Но существует особый тип атрибутивных словосочетаний, для которых нормальной является постпозиция прилагательных. В составе такого словосочетания определяемое имеет родовое значение, а определение – видовое, т.е. уточняет значение существительного: *зажимы для бумаг цветные, кнопки силовые металлические* и т.д. Определение в подобных случаях является более значимым с точки зрения семантики, чем определяемое. Исследованию этого подвида атрибутивных словосочетаний частично посвящено несколько работ ([3, с. 42-44] и т.д.), причём ещё не существует общепринятого названия подобных сочетаний: Е. А. Лютикова называет их «сортовыми группами» [4, с. 73], Л. Н. Шатерникова – «терминами» (в широком смысле слова) [5, с. 199], Т. Н. Моложная – терминологическими словосочетаниями [6, с. 30-32]. Для единообразия в данной работе будет использоваться последнее определение.

Нужно отметить, что терминологическим словосочетаниям частично или полностью посвящено несколько работ по истории русского языка [7, с. 3-4], [8, с. 11]. Упомянем, что в древнерусскую эпоху атрибут был постпозитивным гораздо чаще, чем в современном русском литературном языке [9, с. 24-25], [10], [11, с. 233], [12, с. 22] и т. д.), поэтому атрибутивные словосочетания не так сильно выделялись среди других примеров.

С точки зрения истории языка примечателен тот факт, что постпозиция в данных словосочетаниях была исконной, но до XVII в. включительно в терминологических словосочетаниях преобладающими были краткие формы прилагательных [13, 193]: *мери^и гнедь; шолкъ гвоздичен з золотам* и т.д.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. В связи с историческими изменениями в терминологических словосочетаниях нужно вспомнить о том, что процесс вытеснения именной формы прилагательного в роли определения местоименной формой прилагательных протекал в XV – I половине XVI вв. [14, с. 52-54]. То есть, можно утверждать, что постпозитивное нечленное прилагательное в некижных текстах XVII в. – это анахронизм, в причинах существования которого необходимо разобраться.

Необходимо упомянуть, что в древнерусском языке выбор полной или краткой формы прилагательного объяснялся иными причинами, чем в современном русском языке. Так, ситуация, при которой нечленное прилагательное обозначает временный признак, а членное – постоянный, появилась лишь в Петровское время [15, с. 11], а до XIV в. (или, по крайней мере, до конца праславянской эпохи) краткие прилагательные употреблялись для обозначения неопределённого предмета, а полные – для обозначения конкретного предмета / человека [16, с. 54-56], [17, с. 152-153]. при этом у такого прилагательного не было поэтической функции, как в книжных текстах XVII в. [18, с. 206] и в XVIII в. [19, с. 18-21].

Постановка задания. До сих пор неизвестно, почему в терминологических словосочетаниях так долго сохранялось краткое прилагательное и почему же оно всё-таки исчезло. Этому вопросу и посвящено исследование.

Используемые в статье методы, методики и технологии. В работе используются **методы** описания, сравнения, точного подсчета случаев отражения выявленных языковых фактов с целью обобщения полученных результатов, их интерпретации и классификации.

Материалом для работы послужили тексты делового содержания XVII в., происходящие из различных регионов Руси:

29 челобитных елецкого происхождения первой половины XVII в., изданных в [20], и 54 деловых документа схожих жанров (судебные дела, сказки, отписки), написанных в Смоленске (примеры приводятся по изданию [21]).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В **елецких челобитных** обнаружено 36 терминологических словосочетаний. Так как неоднократно отмечалось, что разряд прилагательного и его полнота / краткость сильно влияли на позицию атрибута в древнерусском языке ([22], [23, с. 194], [24, с. 218], [25] и т. д.), то примеры с качественными и относительными полными и краткими прилагательными приводятся по отдельности; многокомпонентные словосочетания также составляют особую группу в связи с тем, что порядок следования членов в них определяется особыми факторами [26, с. 349]:

Качественные прилагательные:

Сущ. + Полн. прил.: *три зипуна бѣлыѣ* № 113; *коѣтаѣ синеѣ* № 64; *шаѣку червоѣнаю* № 113; *киѣдяѣ чоѣленоѣ* № 45; *суѣно черленоя* № 45 – 5 примеров.

Сущ. + кратк. прил.: *цяѣку виѣневу* № 64; *цяѣку зелену* № 65; *зипуѣ лазореѣ* № 34; *шаѣку чеѣвчату* № 34 – 4 примера.

Относительные прилагательные:

Сущ. + полн. прил.: *сукно аѣлиѣскоя* № 64; *два коѣла виѣныѣ* № 64; *шаѣку жеѣскою* № 109; *с чеѣниѣнцою мѣденою* № 65; *зипуѣ наѣтрофиѣноу* № 113; *полукоѣтаѣ наѣтрафиѣноу* № 34; *шаѣку собоѣю* № 45; *каѣтаѣ шуѣнаѣ* № 34 – 8 примеров.

В елецких челобитных относительные прилагательные в терминологических словосочетаниях часто употребляются в краткой форме. Однако относительные прилагательные с суффиксом *-ск-*, обозначающие происхождение предмета, место его изготовления, употребляются только в полной форме, что было характерно для таких прилагательных уже в древнерусскую эпоху [27, с. 7-8].

Сущ. + относительн. кратк. прил.: *мериѣ булаѣ* № 7; *мериѣ вораѣ* № 7, 64; *кобылу гнѣвду* № 45; *коѣ гнѣвѣ* № 38,

64; *мериѣ гнедѣ* № 7; *мериѣ голуѣ* № 7; *мериѣ кавурѣ* № 7; *исподѣ лисеѣ* № 34; *зипуѣ наѣтрофиѣлеѣ* № 38; *иѣподок соболиѣ* № 64; *мериѣ чаѣ* № 7 – 13 примеров.

Многокомпонентные словосочетания:

кабылу гнеѣву аѣгамаѣю (семи лѣт) № 28; *кабылу чалу нааѣйскѣю* № 29; *крестѣ серебреноѣ позолочеѣ* № 65; *оѣднерятку синюю нострофиѣну* № 64; *шубу бораѣю спаѣною* № 45; *шапку женскую чеѣрту оѣлаѣну* № 78 («червчатый» – красный [28, Т. 3. с. 1558]) – 6 примеров.

В **смоленских документах** было найдено 53 терминологических словосочетания:

Сущ. + полн. качеств. прил.: *понеѣ синих и красных* № 8, *шапок синих* № 8, *снованок синих и красных* № 8, *пятнаѣт коров добрых* № 8, *дваѣт шяпок добрых* № 8, *две пушки болиших (разорвало)* № 74, *лундышѣ вишнеѣваѣи* № 101 – 7 примеров.

Примеров с кратким качественным прилагательным не встретилось.

Сущ. + полн. относительн. прил.: *портюк алиненых* № 8, *полотна оленова* № 8, *холстин посконных* № 8, *сукна валенова* № 8, *овчин деланых* № 8, *сопоги муских* № 8, *полтораѣта портюк оленых и посконных* № 8, *полотен тонких* № 8, *холстов посконных* № 8, *намеѣаѣв женских* № 8, *ноговиѣи суконных и сермяжных* № 8, *семѣдѣсѣт зипунов сермяжных* № 8, *пятнаѣт шюб женских* № 8, *сукон валеных и неваленых* № 8, *овчин деланых и недеѣланных* № 8, *два коѣфтана нострофиѣльных* № 9, *триѣцѣт зипонов сермяжных* № 9, *пятнаѣт коѣфтаноѣв бораних* № 9, *дѣнаѣцѣт шюб женских* № 9, *мясо полтевое* № 76, *круп гречнеѣвых* № 76, *круп ячньих* № 76, *с крупами гречнеѣвыми* № 76, *муки ржеѣной* № 76, *сало свиное* № 76, *масла короѣя* (родительный падеж – А. У.) № 76, *платѣя закладнаѣва* № 101, *дѣѣг однорѣядки женские* № 101, *с плѣтенки золотыми* № 101, *сѣѣ пуговиѣцы серебряными* № 101, *с пояскоѣм золотым* № 101, *дѣѣг однорѣядки муския* № 101, *однорѣядку женскую* № 101, *с пуговиѣцы оловеньми* № 101, *с кружѣивам жемчужным* № 101, *воилоки сеѣделные* № 101, *(были де у меня) две шубѣнки ветчаныѣ* № 101 – 37 примеров.

Сущ. + кратк. относительн. прил.: *шолѣкъ звѣздиѣчен з золотам* № 101 – 1 пример.

Многокомпонентные словосочетания:

сукну зелену наѣстрофиѣлну № 101, *сукно стѣрое сермяжное* № 76; *пѣт рубашек бѣлых женских и мужских* № 146, *зипун бѣл сермяжноѣ* № 151, *коѣфтан боранѣи поношен* № 151, *опошен черлен нострафиѣлен* № 151, *шапку женскую лазорѣву комчатую* № 151, *короѣва бѣловата рыѣжа* № 155, *седло ветчана саѣфьянное* № 166, *седло староѣ бухарское* № 168 – 10 примеров.

Примеры показывают, что и в елецких, и в смоленских текстах качественные прилагательные в терминологических словосочетаниях чаще употребляются в полной форме в то время, как относительные прилагательные почти в одинаковом числе случаев употребляются в членной и в нечленной формах. Если учитывать и двухкомпонентные, и многокомпонентные словосочетания, то оказывается, что в елецких челобитных **качественное** прилагательное 6 раз встречается в полной форме, и 5 раз – в краткой. При аналогичном подсчёте в тех же документах было обнаружено 14 примеров с полными **относительными** прилагательными и 16 случаев – с краткими.

В смоленских сказках, судебных делах, отписках и т.д. в составе терминологических словосочетаний употреблены 9 полных качественных прилагательных, 6 кратких, а также 42 полных относительных прилагательных и 8 кратких.

Примеры показывают, что диалектная принадлежность текста не влияла на порядок следования членов атрибутивного словосочетания, но замена полной формы прилагательного краткой проходила в смоленских текстах быстрее, чем в елецких.

Терминологические словосочетания сильно выделяются на фоне других примеров из южнорусских и

западнорусских текстов, где уже преобладала препозиция атрибута [29] Нужно отметить, что порядок слов в подобных словосочетаниях был более стандартизированным, чем в других словосочетаниях. Например, в терминологическом словосочетании почти никогда не повторялся предлог, хотя это явление было очень распространено в не книжных текстах до XVII в. включительно: с сестрою в своею [30].

Кроме того, в многокомпонентных группах порядок слов был одинаковым и в южнорусских, и в западнорусских текстах, при этом он был обусловлен семантикой атрибута. Вероятно, это универсальная зависимость, так как подобную картину мы видим и в современном английском языке [31, с. 41]: «When two or more adjectives come before a noun, the usual word order is: Opinion-Value-Size-Age-Shape-Color-Origin-Material-Temperature» (Когда два или более прилагательных стоят перед существительным, то обычный порядок слов таков: Оценка – Объём – Размер – Возраст – Форма – Цвет – Происхождение – Материал – Температура – перевод наш, А. У.).

В Смоленских текстах порядок слов был следующим: **Существительное – принадлежность (женский) – цвет (белый) – возраст (старый) – материал (бараний) – состояние (поношен)**. Если имелось противопоставление в значении, то определение, обозначающее принадлежность, выносилось в конец словосочетания (В современном русском языке определения также выносятся в постпозицию, если они противопоставлены друг другу. В разделительных и перечислительных конструкциях прилагательное было постпозитивным ещё в древнерусскую эпоху. [32, с. 211-212]): *пят рубашек белых женских и мужских* № 146).

В елецких челобитных выделяется следующая последовательность: **Существительное + принадлежность (мужской / женский) + цвет (гнедой / чалый / синий и др.) + происхождение (аргамчий / нагайский и т.д.) / материал (настрофильный / серебряный / бараний / атласный) + назначение (спальный) / остальные отличительные признаки (позолоченный)**. Естественно, что в одном словосочетании все члены цепочки не присутствовали.

Таким образом, можно предположить, что терминологические словосочетания уже в XVII в. осознавались как особый вид наименования предметов.

Теперь вернёмся к тому факту, что нечленное прилагательное в не книжных текстах XVII в. уже встречалось довольно редко.

Для того, чтобы понять причины, по которым краткая форма прилагательного в терминологических словосочетаниях постепенно сменяется полной, нужно вспомнить о том, что до I пол. XVI в. нечленный атрибут относился не к конкретному, а к неопределённому предмету. Если рассмотреть терминологическое словосочетание с этой точки зрения, то можно отметить, что предмет в них описывается не как единичный, а как принадлежащий к классу предметов (особенно хорошо это видно на примерах из современного русского языка: надписи на этикетках: печенье сахарное, сахар белый кристаллический).

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Аналогичные исследования пока не проводились.

ВЫВОДЫ

Получается, что до XVII в. включительно существовал особый тип словосочетаний, где реликтивно сохранялись следы древнерусской картины (с определённой / неопределённой предмета, обозначенной краткой или полной формой прилагательного). Именно с окончательным исчезновением следов этой картины (напомним, что это произошло в Петровскую эпоху) можно связать исчезновение краткой формы прилагательного из терминологических словосочетаний. Необходимо также отметить, что это исчезновение происходило в Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

различных диалектах с разными темпами.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Терминологические словосочетания требуют дальнейшего исследования. В частности, привлечение текстов, происходящих из других территорий, позволит окончательно установить, имелись ли диалектные отличия в употреблении терминологических словосочетаний. Возможно, стоит проследить, имелись ли жанровые различия в поведении этого вида именных групп, установить параллели с другими славянскими языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Буслав Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Ф. И. Буслав. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 850 с.
2. Русская грамматика под ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. - М., 1980. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru>
3. Benson, M. Attributive postposition in modern Russian // *Revue de études slaves*. 1959. t. 36, f. 1 - 4. pp. 41 - 46.
4. Лютикова Е.А. О двух типах инверсии в русской именной группе // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2. С. 65 - 107.
5. Шатерникова Л.Н. Шатерникова. Из истории синтаксической роли относительных прилагательных // *Учёные записки Вологодского пед. ин-та*. Вологда, 1940. вып. 1. С. 176 - 205.
6. Молошная Т.Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М.: Наука, 1975. 240 с.
7. Бадакина И.В. Именные и местоименные формы прилагательных в летописях и деловых памятниках Москвы XVII в. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Бадакина Ирина Васильевна. - М., 1999. - 26 с.
8. Улитова А. С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2016. 24 с.
9. Лаптева О.А. Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивных словосочетаний в русских текстах XI - XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. М., 1963. 24 с.
10. Николаева Т.М. Средства различения посессивных значений: языковая эволюция в её лингвистической интерпретации // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности*. М.: Наука, 1986. С. 167-179.
11. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов: издательство Львовского государственного университета, 1949. – 255 с.
12. Minlos P.R. Prenominal and Postnominal Position of Adjective Attribives in Old Russian // *Russian Linguistics*. 2012. v. 36, i. 1. pp. 21-40.
13. Улитова А. С. Зависимость позиции определения от контекста, в котором находится атрибутивное словосочетание // *Русский язык: исторические судьбы и современность. VI международный конгресс исследователей русского языка*. М.: Издательство Московского университета, 2019. 564 с.
14. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка, 2-е изд. М.: Высшая школа, 1977. 346 с.
15. Гурьева Н.Ю. Эволюция синтаксической функции членных и нечленных прилагательных в русском языке XII-XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 20 с.
16. Санников В.З. Согласованное определение // *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения*. М., 1968. С. 47 - 95.
17. Руднев А.Г. К вопросу о принципах употребления именных и местоименных прилагательных в древнерусском языке // *Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. 1948. т. 69. С. 139-151.
18. Улитова А. С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках деловой и книжной письменности XVII века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 259 с.
19. Grannes Alf. Short Form Adjectives and Participles as Facultative Objective Predicates in 18th Century Russian // *Russian Linguistics*. 1984. v. 8, i. 1. pp. 17-25.
20. Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI - начало XVII в. / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1990. 232 с.
21. Памятники обороны Смоленска 1609-11 гг. / под редакцией и предисловием Ю. В. Готье. М., 1912. 282 с.
22. Истрина Е.С. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи // *ИОРЯС*. 1918. т. XXIII. С. 33 - 62.
23. Маруяма Ю. К вопросу о порядке слов в атрибутивном словосочетании в русском языке конца XVII века (на основе редакции «Жития протопопа Авакума») [Электронный ресурс] // *Acta Slavica Iaponica*. v. 22. 2005. С. 188 - 214. Режим доступа: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39448/1/ASI22_010.pdf
24. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 292 с.
25. Ковтунова И.И. Порядок слов в современном русском языке и формирование норм словорасположения в XVIII - XIX вв.: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 01 / Ковтунова Ирина Ильинична. М., 1973. 51 с.
26. Кручинина, И. Н. Определение / И. Н. Кручинина // *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 349.

27. Георгиева В.Л. Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Георгиева Валентина Лазаревна. Л., 1952. 22 с.

28. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1-3. СПб: Типография Императорской академии наук, 1893-1912.

29. Улитова А.С. О проблеме исследования терминологизированных сочетаний в истории русского языка // Русская филология 26. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту. 2015 г. С. 288-292.

30. Минлос Ф.Р. Повтор предлогов в Новгородской I летописи // Русский язык в научном освещении. 2007. №1. С. 52-73.

31. Саакян, А. С. All about English Grammar. М.: Менеджер, 2009. 240 с.

32. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис., изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2008. 400 с.

Статья поступила в редакцию 05.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0077

**К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПОЗИЦИИ
ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

© 2020

AuthorID: 787949

SPIN: 1662-2650

ResearcherID: V-7758-2017

ORCID: 0000-0002-9298-1541

Христианова Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

AuthorID: 997422

SPIN: 5157-1808

Ким Анастасия Алексеевна, студент магистратуры направления «Педагогическое образование» Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105, e-mail: nasty96_kim@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируются эмоциональные высказывания на материале английского языка в рамках когнитивной лингвистики. Эмоциональные высказывания, в содержании которых отражены переживания индивида относительно определенных явлений, событий и ситуаций, актуализируются с помощью лексических, морфологических, просодических, фонетических языковых средств. Одним из способов восприятия и понимания эмоциональных высказываний в процессе коммуникации может считаться фреймовый подход. Фреймы, являясь результатом опыта индивида и его знаний об окружающей действительности, представляют собой совокупность сведений, извлекаемых из памяти и организованных вокруг некоторого понятия, для понимания высказываний или целого текста. Фрейм «эмоция» активируется в том случае, когда адресат, пытаясь выявить смысл эмоционального высказывания, помещает его содержание в модель, известную ему независимо от высказывания. Фрейм «эмоция» состоит из двух уровней (верхнего и нижнего), иерархически связанных друг с другом. Каждый из них содержит характерные для данного понятия черты. Узлы верхнего уровня фрейма отражают общую семантическую и формальную стороны искомого понятия. Терминалы нижнего уровня характеризуют понятие «эмоция» в конкретном высказывании.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фреймовый подход, фрейм, узлы верхнего уровня фрейма, терминалы, понятие «эмоция», эмоциональные высказывания, способы актуализации эмоций, адресант, адресат, синтаксическая модель высказывания.

**REFERRING TO THE PROBLEM OF PERCEPTION OF EMOTIONAL SPEECHES FROM
THE PERSPECTIVE OF THE FRAME APPROACH (ON THE MATERIAL
OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

© 2020

Khristianova Natalya Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Intercultural Communication and Methodology of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

Kim Anastasia Alekseevna, graduate student of the field of study “Pedagogical Education”, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105, e-mail: nasty96_kim@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the emotional statements on the material of the English language within the framework of cognitive linguistics. Emotional statements, the content of which reflects the individual's experiences regarding certain phenomena, events and situations, are updated with the help of lexical, morphological, prosodic, syntactic language means. One of the ways of perceiving and understanding emotional statements in the process of communication can be considered as a frame approach. Frames, being the result of an individual's experience and his knowledge of the surrounding reality, are a collection of information extracted from memory and organized around some concept for understanding statements or the whole text. The frame “emotion” is activated when the addressee, trying to understand the meaning of an emotional statement, places its content in a model that is known to him independently of the statement. The frame “emotion” consists of two levels (upper and lower), hierarchically related to each other. Each of them contains features relevant to this concept. The frame “emotion” consists of two levels (upper and lower), hierarchically related to each other. The nodes of the upper level of the frame reflect the general semantic side and formal side of the analyzed concept. The terminals of the lower level characterize the concept of “emotion” in a particular statement.

Keywords: cognitive linguistics, frame approach, frame, nodes of the upper level of the frame, terminals, the concept of “emotion”, emotional statements, ways of actualizing emotions, addresser, addressee, syntactic model of the statement.

ВВЕДЕНИЕ

Эмоциональная составляющая жизни человека исследуется в работах многих отечественных и зарубежных философов, психологов, физиологов, лингвистов, вследствие чего в настоящее время существует множество определений эмоции и теорий, описывающих механизмы, причины появления различных чувств и эмоций у человека, характер и формы их проявления.

В связи с существующей и по сей день терминологической путаницей ряд ученых-психологов отмечает трудности в точном определении понятия «эмоция». По мнению В.К. Вилюнаса, сложность объясняется размытым разграничением таких понятий, как эмоция, чувство

и аффект, а также тем, что «феноменологический материал, объяснить который призвана теория эмоций, не обладает отчетливо различимыми признаками, которые могли бы обеспечить некоторую единую изначальную его группировку и упорядочивание» [1, с.5]. Согласно данным толкового словаря русского языка эмоция – душевное переживание, чувство. Эмоции делятся на положительные и отрицательные [2, с.910].

М.Н. Аверина предлагает рассматривать эмоцию в широком и узком смыслах. «В широком смысле слова эмоция - это переживание человеком своих отношений к действительности, то есть то же, что чувство» [3, с.15]. Оксфордский толковый словарь по психологии

описывает эмоции как «общий термин для обозначения любого из ряда субъективно переживаемых, аффективно нагруженных состояний». В основном, данные эмоциональные переживания несут острый характер [4]. В.О. Леонтьев различает эмоциональные явления по характеру их проявления, устойчивости, осознанности их субъектом, и выделяет среди них настроения, чувства и эмоции. С позиции ученого, эмоций проявляются в форме осознанных состояний, «возникающих в результате оценки человеком некоторого события или явления относительно возможности применения этого явления в каких-то своих целях или удовлетворения своих потребностей» [5, с.4].

Опираясь на обобщенные критерии, определим эмоцию как определенное состояние человека, проявляющееся в переживании конкретной ситуации или события. Эмоции, представляя собой характерную форму реакции человека на окружающую действительность, занимают одно из центральных мест в языковой картине мира. Обусловленный возникновением антропологической парадигмы интерес ученых к человеческому фактору в языке затрагивает также эмоции и их вербальную реализацию. В контексте изучения способов реализации эмоций в языке достаточно актуальным представляется исследование механизмов восприятия и понимания эмоциональных высказываний с позиции фреймового подхода.

Термин «фрейм» был введен в 70-е годы XX века профессором М. Минским для обозначения структуры знаний при восприятии различных сценариев. В отечественной лингвистике теория фреймов получила распространение в работах Н.Н. Болдырева [9], М.В. Никитина [10], И.А. Тарасовой [11], Е.Г. Белявской [12], В.В. Гончаренко [13], С.А. Жаботинской [14] и др.

МЕТОДОЛОГИЯ

В процессе коммуникации собеседники сталкиваются с проблемой восприятия определенных речевых высказываний. Понимание высказывания, описывающего или выражающего эмоциональное состояние, обусловлено тем, что у говорящего и слушающего складывается некое представление о данном высказывании и понятии «эмоция» в частности. Конструирование этих представлений происходит неосознанно и возможно лишь при условии извлечения определенной информации из своей памяти и из опыта переживания аналогичных состояний, наличия общих знаний о предмете высказывания, осознания и ясного понимания последнего [6, с.97]. Так, воспринимая эмоциональное высказывание, слушающий ориентируется на определенные знания о понятии «эмоция», хранящиеся в его памяти, и осознание его происходит через призму подобных ситуаций или состояний. То есть предыдущий опыт переживания схожих ситуаций непосредственно влияет на рецепцию человеком искомого понятия.

Как известно, знания, содержащиеся в себе основную и потенциально возможную информацию, связанную с определенным понятием, хранятся в памяти человека в виде четкой структуры или модели. Данная модель, фрейм служит для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), извлекаемых из человеческой памяти [7, с.127]. В своих работах М. Минский так описывает процесс восприятия и конструирования представления о происходящем: «Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» [8, с.72]. Филолог Н.Н. Болдырев отмечает универсальный характер фреймов, определяя данный термин, как «модель культурно-обусловленного или канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества» [9, с.33].

Отметим, что существует также ряд исследований, в которых фреймовый подход используется для интерпретации различных эмоциональных состояний. Так, в работах Е.М. Вольфа понятие «эмоциональное состояние» рассматривается в его соотнесенности с когнитивной структурой знания и репродуцируется в сознании человека в виде фреймов. Ученый полагает, что «высказывания, описывающие различные эмоциональные состояния индивида, интерпретируются в виде модели, соответствующей фрагментам внутреннего мира человека. Их можно представить как систему фреймов, куда входят элементы соответствующих ситуаций, включающих эмоциональное состояние человека: субъект модели, само эмоциональное состояние и его причина» [15, с.55].

Целью данной работы является описание фреймовой структуры понятия «эмоция». Под фреймом понимаем систему знаний вербального и невербального характера. Эта система структурирована вокруг понятия «эмоция» и актуализируется в определенной ситуации для ее объяснения. То есть в процессе восприятия любого эмоционального высказывания адресат помещает его содержание во фрейм для понимания новой эмоциональной ситуации. В качестве основных методов в исследовании применяются описательный метод и метод когнитивного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Графическая модель фрейма состоит из связанных между собой узлов. Они включают в себя признаки анализируемого понятия. Иерархическая структура фрейма состоит из верхнего и нижнего уровня, каждый из которых содержит узлы. Верхний уровень фрейма представляет собой, так называемую константу, или инвариант, и всегда справедлив по отношению к понятию «эмоция», так как его узлы включают общие знания о понятии. Нижний уровень содержит терминалы, которые актуализируются только в процессе приспособления фрейма к определенной ситуации [8, с.9].

Графически фрейм понятия «эмоция» можно представить в следующем виде (Рисунок 1).

Рисунок 1-Фрейм «эмоция»

	Содержание	Форма
Верхний уровень (узлы)	Состояние человека, проявляющееся в переживании конкретной ситуации, явления, события. Основные характеристики: - причина эмоции (обусловленная/необусловленная) - интенсивность (слабая/средняя/сильная) - продолжительность (устойчивая/кратковременная) - качество (положительная/отрицательная)	{X переживает Y}, где X – это человек, Y – событие, ситуация, состояние
Нижний уровень (терминалы)	<p>Разные характеристики проявляются по-разному.</p>	Способы выражения: Лексические Морфологические Синтаксические Просодические ...

Фрейм «эмоция» состоит из верхнего и нижнего уровней. На верхнем уровне фрейма представлена семантическая информация о понятии «эмоция» и синтаксическая модель высказываний, описывающих эмоциональное состояние. Верхний уровень, связанный с семантической стороной анализируемого понятия, включает в себя узел, содержащий определение понятия «эмоция», а именно эмоция – это состояние человека, проявляющееся в переживании конкретной ситуации, конкретного явления, события. Любому эмоциональному состоянию характерны определенные черты или признаки его проявления. Эмоции могут различаться по продолжительности (устойчивые/неустойчивые), интенсивности (слабовыраженные/средние/сильные), характеру их проявления или качеству (положительные/отрицательные), также эмоции могут быть обусловленными или необусловленными в зависимости от причины их появления [16, с.13].

Другой узел верхнего уровня, связанный с формальной стороной понятия «эмоция», содержит синтакси-

ческую модель высказывания, описывающего эмоциональное состояние. Данная модель справедлива по отношению к любому эмоциональному высказыванию.

Терминалы нижнего уровня, связанные с содержательной стороной понятия «эмоция», заполняются в зависимости от лексического наполнения каждого конкретного высказывания. Так, эмоция может эксплицироваться как радость, страх, гнев, удивление, печаль и др. Помимо этого, нижний уровень представлен терминалами, включающими различные актуализаторы синтаксической модели эмоциональных высказываний, с помощью которых человек способен вербализовать свое или чужое эмоциональное состояние:

- лексические средства (слова, называющие сами эмоции: *anger, joy, fury, delight, to hate, to fear, surprisingly ...*; слова, содержащие оценочный компонент в своей структуре: *darling, fool, beauty, sweet, bastard, ...*; слова-интенсификаторы: *so, awfully, pretty, междометия и эксплетивы: ah, er, alas, wow, hmm, eh, ...*; фразеологические обороты и идиомы: *to be over the moon, to see red, to feel blue, to be gobsmed, ...*);

- морфологические средства (аффиксы *-ie, -let: birdie, auntie, kindlet, ...*; суффиксы *-ish, -y: boyish, camelish, fishy, ...*; эмфатическое «*do*»);

- синтаксические средства (повторы, параллелизм, инверсия, апеллятивно-вопросительные структуры, повелительные предложения...);

- просодические средства (восклицательная интонация, парцелляция...) [17, с.57].

Для большей наглядности приведем примеры высказываний, описывающих эмоциональное состояние, на английском языке.

Пр.1 He was filled with anger at the way he had been treated [18]. – Он был полон гнева от того, как с ним обошлись (здесь и далее перевод авторов).

При восприятии данного высказывания адресат помещает его во фрейм понятия «эмоция», известный ему независимо от ситуации. Узлы верхнего уровня актуальны для данного высказывания и содержат следующую информацию. Это высказывание описывает эмоциональное состояние человека, а именно состояние гнева, которое он переживает в конкретной ситуации или ввиду конкретных обстоятельств («...от того, как с ним обошлись»). Заметим, что в анализируемом высказывании переживаемая эмоция является обусловленной, так как очевидна причина ее проявления, по характеру проявления она отрицательна. Данное высказывание соответствует синтаксической модели {X переживает Y}, где X – это субъект действия, в нашем примере, «он», а Y – это гнев.

Терминалы нижнего уровня характеризуют эмоцию в искомом высказывании, как гнев, который актуализируется с помощью лексических средств выражения эмоционального состояния, а именно путём употребления самого слова, называющего данную эмоцию, *anger*.

Пр.2 I never wanta hear about that courthouse again, ever, ever, you hear me? You hear me? Don't you ever say one word to me about it again, you hear? [19, с.279] – Я больше не хочу слышать о том здании суда, никогда, никогда, слышишь меня? Ты слышишь меня? Чтобы не говорила мне ни одного слова больше, слышишь?

Данное высказывание также можно поместить во фрейм «эмоция», который будет представлен двумя уровнями. Узлы верхнего уровня характеризуют это высказывание как эмоциональное, где говорящий переживает особый эмоциональный всплеск в результате сложившейся ситуации. В рамках верхнего уровня фрейма мы можем охарактеризовать данное вербализованное состояние сильновыраженным по интенсивности и отрицательным по качеству проявления эмоции. Анализируемое высказывание соответствует синтаксической модели, где X – это говорящий, представленный в примере местоимением «я», и Y – контекст, выражающий эмоциональное состояние говорящего.

Терминалы нижнего уровня характеризуют данное эмоциональное состояние как злость или гнев. Эмоция гнева вербализована с помощью синтаксических средств, а именно путём использования повторов «*ever, ever*», «*you hear*», и также вопросительных структур «*you hear me?*», которые хоть и оформлены как вопросительные предложения, сказаны в повелительном тоне, в форме приказа или даже угрозы.

Пр.3 “We’re bringing back your things, Miss Maudie,” said Jem. “We’re awful sorry.” [19, с.83] – “Мы принесем ваши вещи обратно, мисс Модди,” сказал Джим. “Нам очень жаль.”

Анализ примера 3 показал, что высказывание описывает эмоциональное состояние, в частности, чувство большого сожаления, которое имеет обусловленный характер. Искомое высказывание соответствует синтаксической модели {X переживает Y}.

Что касается нижнего уровня, то его терминалы характеризуют данное эмоциональное высказывание как сожаление, более того расширенный контекст даёт основание предположить наличие чувства стыда, как одного из составляющих содержательной стороны высказывания. Эмоциональное состояние выражено в примере лексическим способом вербализации эмоций, а именно словом “*sorry*” (“жал”) и словом-интенсификатором “*awful*” (“очень”/ “ужасно”), что говорит о высокой степени сожаления говорящего.

Пр.4 “Idiotic!” said George, banging the end of his walking-stick on the ground. “Ab-so-lut-ly idiotic!..” [20, с. 60] – “Идиотизм!” – сказал Джордж, стукнув тростью об землю. – “Пол-ней-ший идиотизм!”

Пример 4 также можно отнести к эмоциональным высказываниям. Очевидно, что в рамках верхнего уровня оно обладает определенной эмоциональной нагрузкой, более того выражаемая эмоция характеризуется сильной интенсивностью. Мы определяем данную эмоцию, как гнев и возмущение, о чем свидетельствуют терминалы нижнего уровня, связанные с содержанием высказывания.

Анализ примера с позиции формы высказывания показал, что он соответствует синтаксической модели {X переживает Y}, где ярко выражена эмоция гнева и возмущения (Y), переживаемая говорящим (X). Эмоциональное состояние выражено с помощью лексических и просодических средств вербализации эмоций, в частности словом, содержащим оценочный компонент, “*idiotic*”, и пацелляцией, выраженной в написании слова “*absolutely*” с дефисами между слогами. Использование данного средства позволяет передать на письме манеру размерного произнесения слова с выделением в нем каждого слога. В качестве невербальных средств выражения эмоций здесь выступает описание действия говорящего (“*banging the end of his walking-stick on the ground*”), что только интенсифицирует вербально выражаемую эмоцию гнева.

Пр.5 “He’s been married three times.” “Oh, really? I didn’t know that!” [21, с.1124] – “Он был женат три раза.” “О, правда? Я этого не знала!”

Данное высказывание можно также поместить во фрейм «эмоция», представленный двумя уровнями. Узлы верхнего уровня характеризуют его как выражающее эмоциональное состояние в переживании конкретного события. Это состояние обладает следующими признаками: обусловленность, кратковременность. Выявить качество переживаемой эмоции и ее интенсивность довольно сложно ввиду отсутствия полного контекста. Верхний уровень формальной стороны фрейма «эмоция» представлен синтаксической моделью {X переживает Y}, которая также справедлива в отношении высказывания в примере 5.

Рассматривая нижний уровень содержательной стороны фрейма, полагаем, что вербализованное высказывание выражает эмоцию удивления. Об этом свидетельствует использование адресатом междометия “*oh*”

и слова-интенсификатора “really”, которые относятся к категории лексических средств, а также использование вопросительных и восклицательных структур, то есть синтаксических средств выражения эмоций. Данные средства актуализируют синтаксическую модель {X переживает Y}.

ВЫВОДЫ

Таким образом, эмоции, как специфическая форма когниции, отражает в форме определенных переживаний (радости, страха, гнева и т.д.) значимость тех или иных ситуаций и событий в жизни индивида. Анализ речевых высказываний, выражающих определенное эмоциональное состояние, может быть произведен в рамках когнитивной лингвистики. Для выявления механизмов восприятия и понимания эмоциональных высказываний адресатом в работе была исследована модель (фрейм) понятия «эмоция». На верхнем уровне модели представлена семантическая информация об искомом понятии и синтаксическая модель эмоциональных высказываний. Терминалы нижнего уровня, характеризующие определенную эмоцию в конкретном высказывании, реализуются по-разному в процессе приспособления фрейма к эмоциональной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вилонас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций : тексты. М., 1984. С. 3-18.
2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических слов и выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
3. Аверина М.Н. Обучение использованию эмоционально-экспрессивных лексических средств речевой коммуникации (английский язык, лингвистический вуз): дисс. ... канд. пед. наук. М., 1996. 186 с.
4. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://vocabulary.ru/term/emosii.html> (дата обращения: 14.10.2019)
5. Леонтьев В.О. Классификация эмоций. Одесса: Инновационно-ипотечный центр, 2002. 84 с.
6. Дейк Т.А. и Кинч В. Стратегии понимания связного текста // НЗЛ. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 93-109.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ., под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.
9. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч.изд. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 25-36.
10. Никитин М.В. Знак значение - язык. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 226 с.
11. Тарасова И.А. Фреймовый анализ в исследовании идеостилей // Филологические науки. М.: Высшая школа, 2004. №4. С. 42-49.
12. Белявская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах: дисс. ... д-ра фил. наук. М.: МГЛУ, 1991. С. 83-84.
13. Гончаренко В.В., Шингарева Е.А. Фреймы для распознавания смысла текста. М., Кишинев: Штиинца, 1984. 198 с.
14. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Вюник Черкаського ун-та. Сер. фіол. науки. Черкаси, 1999. Вип. 11. С. 12-25.
15. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55-76.
16. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. 752 с.
17. Селяев А.В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: дисс. ... канд. филол. н. Нижний Новгород, 1995. 211 с.
18. Oxford Advanced Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 14.10.2019)
19. Харпер Ли. Убить пересмешника: книга для чтения на английском языке. — Санкт-Петербург: Антология, 2011. 320 с.
20. Hemingway E. The Nick Adams stories. М.: Юнумер, 2008. 83 с.
21. CALD: Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. 1600 с.

Статья поступила в редакцию 08.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК81'23; 81
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0078

ПУТИ И СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМАХ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

© 2020
AuthorID: 80.237.26.243
SPIN: 9916-4571

Цыбенко Эльзара Олеговна, кандидат психологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»

AuthorID: 178.155.4.40
SPIN: 1811-1716

Вартанова Наталья Геннадьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»

Донской государственный технический университет
(344000, Россия, Ростов-на-Дону, Социалистическая 162/32, e-mail: Vira12@yandex.ru)

Аннотация. Языковая специфика рекламного текста определяется всеобщим переизбытком информационной сферы, высокой стоимостью рекламы и фактором затраченного времени, которым располагает потребитель. Текст рекламного сообщения является примером максимально эффективного использования языковых средств. Прагматический аспект рекламного текста непосредственно проявляется в его своеобразной организации (выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особый синтаксис, организация печатного материала, использование элементов различных знаковых систем). В данной статье на материале рекламных текстов из популярных русских и английских журналов рассматриваются нетропеические средства экспрессивности в англо- и русскоязычных рекламах на морфологическом уровне. Кроме того, был проведен типологический анализ лингвистических средств. К средствам усиления прагматического потенциала рекламного текста относится и экспрессивность. Проблема экспрессивности является одной из кардинальных лингвистических проблем. Для рассмотрения выразительных возможностей экспрессивных средств, условий и приемов их использования в рекламном тексте, речевой ситуации нами было уточнено понимание лингвистической сущности экспрессивности, ее структуры и места в системе языка.

Ключевые слова: экспрессивность, рекламный слоган, русскоязычный текст, англоязычный текст, морфологический уровень, языковая специфика, прагматический потенциал, типологический анализ, денотат текста.

WAYS AND MEANS OF CREATING EXPRESSIVITY IN ENGLISH AND RUSSIAN-LANGUAGE ADVERTISING AT MORPHOLOGICAL LEVEL

© 2020

Tsybenko Elzara Olegovna, candidate of psychological sciences, associate professor
of the department "Foreign Languages"

Vartanova Natalia Gennadievna, candidate of philological sciences, associate professor
of the department "Foreign Languages"

Don State Technical University

(344000, Russia, Rostov-on-Don, Sotsyalisticheskaya St., e-mail: Vira12@yandex.ru)

Abstract. The language specificity of the advertising text is determined by the general overabundance of the information sphere, the high cost of advertising and the time spent factor available to the consumer. The text of the advertising message is an example of the most effective use of language means. The pragmatic aspect of the advertising text is directly revealed in its peculiar organization (the choice of grammatical and lexical units, stylistic techniques, special syntax, the organization of printed material, the use of elements of various sign systems). This article deals with figures of speech providing means of expressivity in English and Russian- language advertisements at the morphological level. In addition, typological investigation of linguistic methods was carried out. Expression is also a means of enhancing the pragmatic potential of an advertising text. The problem of expressivity refers to one of the principle linguistic problems. To examine the distinctiveness of expressive means of language, conditions and methods of using them in the advertising text, the speech situation we have clarified the understanding of the linguistic essence of expressiveness, its structure and place in the language system.

Keywords: expressiveness, advertising slogan, Russian-language text, English-language text, morphological level, language specificity, pragmatic potential, typological investigation, denotation of the text.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В последнее время особая роль отводится рекламным слоганам, которые призваны привлекать внимание потребителя, так как их проще понять и запомнить, чем название продукта или компании.

Языковая специфика рекламного текста определяется всеобщим переизбытком информационной сферы, высокой стоимостью рекламы и фактором затраченного времени, которым располагает потребитель. Текст рекламных сообщений достаточно богат на использование языковых приемов. Прагматический аспект выражается в особой организации выбора тех или иных грамматических и лексических категорий, синтаксиса, морфологических особенностей. [1-5].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Широкий круг ученых гуманитарных и социальных

наук достаточно давно занимается феноменом рекламы. В литературе подробно исследованы задачи, основные принципы, виды реклам, источники их распространения. Одной из причин такого интереса можно назвать рассмотрение рекламного текста как мощного средства воздействия на массовое сознание [3-5].

Актуальность данного исследования заключается в проведении сопоставительного анализа англо-русских лингвистических средств экспрессивности на морфологическом уровне. Предметом настоящего исследования является потенциал экспрессивности рекламного текста. Новизна обусловлена определением типологически существенного/несущественного, общего/частного, специфического/особенного в приемах создания экспрессивности рекламных текстов как в русском, так и в английском языках на морфологическом уровне.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Целью исследования - выявление номенклатуры средств экспрессивности на морфологическом уровне языковой системы в рекламных текстах и сопоставлении

их на русском и английском языках.

Постановка задания.

Цель рекламного текста заключается в доказательстве читателю, что пропагандируемый товар превосходит другие товары того же рода. Поэтому зачастую рекламодатели стремятся «выделить» свой товар из общей массы, преобразуя нейтральные слова в обороты, которые несут в себе эмоциональность, образность, и в итоге удается получить эффект экспрессии [6]. В основе явления экспрессивности лежат несколько групп психологических закономерностей, касающихся, с одной стороны, выражения эмоций и чувств, а с другой – восприятия. В нашем понимании, экспрессивность является одной из основных категорий рекламного текста, определяющих её прагматико-коммуникативное существование. [7].

Однако следует упомянуть, что многие исследователи приходят к одному мнению, что понятие «экспрессивность» несет в себе неоднозначный смысл, и данное понятие может употребляться в нескольких значениях.

Изначально экспрессивность полностью отождествлялась с эмоциональностью и связывалась с эмоциональным состоянием, индивидуальными переживаниями говорящего или выражением социальной оценки, отношения к предмету сообщения [8, с. 56]. Однако эта версия в дальнейшем не оправдалась, и появилась необходимость в разграничении данных понятий. Став самостоятельными категориями лингвистики, экспрессивность и эмоциональность подверглись тщательному исследованию, так как они являются наиболее близкими и трудно различимыми, но в то же время нуждаются в разграничении, так как природа их различна. Хотя попытки не всегда были убедительными в определении границ таких довольно похожих категорий [9]

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Исходя из функции усиления воздействующей силы высказывания, экспрессия может достигаться не только и не столько за счет эмоциональности и связанной с ней оценочности, сколько за счет других средств, таких, как образность, нешаблонность, нестандартность. Эмоциональность и оценочность хоть и являются компонентом экспрессивности, но не всегда являются неотъемлемой ее частью [10-13].

Эффект воздействия заложен в единицах различных уровней – фонографическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. В данной статье мы остановимся на морфологическом уровне.

Одним из самых эффективных способов обогащения рекламных текстов является морфологическое словообразование, то есть создание новых слов путем изменения формы уже существующих при помощи различных формальных средств, по определенным словообразовательным моделям. К морфологическому типу словообразования относятся суффиксация, префиксация, словосложение, аббревиация, конверсия, заимствования [14 с. 87-109].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Из всех разновидностей морфологического способа словообразования в русских рекламных текстах в большей степени используются лексемы, образованные суффиксальным способом (*СНИКЕРсни*, *ЧУПсуйтесь*), что примечательно часто к транслитерированной заимствованной основе (сникерс/чуп) присоединяется русский суффикс, в результате образуется суффиксальное окказиональное новообразование [15-17].

В русскоязычных рекламах очень часто можно встретить лексемы с иностранными префиксами [18] –super, extra-, ultra-, которые получают оценочный статус:

“*ADIDAS- ультрамодная спортивная обувь*” – реклама спортивной марки Adidas.

“*Мои губы - блестящее произведение искусства!* *Ультраблестящая жидкая помада. Насыщенная цве-*

том текста»” (Bourjois Paris).

Следует отметить, что подобные префиксы (–super, extra-, ultra-) используют и англоязычные рекламы для придания интенсивности признака, усилению семантического качества товара:

BMW: The Ultimate Driving Machine – полный драйв.

“*Extra make up; extra micro-filter*”

“*Good, excellent, superior, nice, fine, choice; rare, priceless, superfine, superexcellent, crack; prime, tip-top, first class...*” реклама промышленной компании “Guest, Keen, Nettlefolds” (SmartMoney)

В рекламном творчестве копирайтер нередко прибегает и к приему «сложения» - *анигурт, автоМаг, евроинтерьер*. Способ словообразования от двух и более основ. В данных примерах новообразования возникают от усеченных основ (йогурт и название фирмы «Рыжий Ан»), автомобиль и магдональс).

Определенный интерес вызывают единицы, образованные морфологическим способом, где рекламист использует прием трансформирования одной части речи в другую. Так, название детского напитка «*РастИШКА*» воспринимается адресатом как имя существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом «ишк». Название детских пластырей от насморка «*СОПЕЛКА*» образовано путем перехода от глагола в прошедшем времени «сопел» в существительное с помощью суффикса К. Фармакологический препарат «*НЕСТАРИН*» (имя сущ.) образовано слиянием отрицательной частицы «не» и глагола «старить». Реклама пивного бара «*ПЕНАчное*», благодаря графическому прибавлению суффикса с окончанием, существительное «пена» трансформировалось в прилагательное с умышленной орфографической ошибкой.

Аббревиатура очень часто применяется при оформлении как англоязычного, так и русскоязычного рекламного слогана. Общеизвестно, что на сегодняшний день аббревиация является не только средством официальной номинации, но и приемом художественной выразительности, компрессии неязыковой игры, предавая при этом положительную или отрицательную коннотацию [19].

Проанализировав большой объем фактологического материала, было выявлено, что наиболее часто мы сталкиваемся со следующими видами аббревиации. При написании рекламного текста одним из самых часто встречаемых приемов является сокращение собственных имен. Следует подчеркнуть, что практически все торговые бренды и известные модные дома имеют свои аббревиатуры, которые прекрасно узнаваемы для потребителей. Например, *HP - Hewlett-Packard, LG* — первые буквы двух корейских брендов *Lucky* и *Goldstar, IKEA - Ingvar Kamprad Elmtaryd Agunnaryd, YKK Yoshida Kogyo Kabushikikaisha, R.O.C.S. - Remineralizing Oral Care Systems* и др.

Русскоязычная реклама также широко использует аббревиатуру в качестве выразительного средства. Наше исследование печатного рекламного материала выявило такой случай аббревиации в русскоязычном рекламном тексте:

“*АвтоВАЗ- есть только один путь. Свой*» (Волжский автомобильный завод).

Английские рекламодатели активно используют степени сравнения прилагательных, чтобы акцентировать внимание на том или ином образе.

“*Find more ways to look better, longer at Clinique.cow*”- реклама косметической линии Clinique.

“*By far the longest lasting beauty tip in this magazine*”- реклама журнала “Cosmopolitan”

“*The smallest, thinnest, lightest digital camera on earth*”.

“*Новейшие технологии*» - реклама техники «Hitachi»

Например, в рекламном тексте “*The smallest, thinnest, lightest digital camera on earth*” выразительности способствует целый каскад форм превосходной степени английских прилагательных «small, thin, light» к устой-

чивому словосочетанию структуры прилагательное + существительное, обозначающее рекламируемый продукт.

Глаголы и имена существительные являются основными частями речи, которые владеют сильным воздействием на потенциального потребителя. С точки зрения прагматического аспекта, как глаголы, так и существительные активно используются рекламодателями в большинстве слоганов. Что касается частоты использования данных частей речи, можно предположить, что процентное соотношение глагола и имени может зависеть и от структурных моделей и жанровых вариаций текстов. Рассмотрим в качестве примера два текста рекламного содержания:

НОВО - ПАССИТ. Сила семи трав. Эффективно избавляет от нервного перенапряжения, не вызывает сонливости и привыкания, содержит экстракты семи лекарственных трав.

Посчитав количество существительных и глаголов, можно легко проследить следующую картину: имена существительные преобладают над глаголами (существительных-8, глаголов-3, прилагательных-2, наречий-1, числительных- 2).

Высокое количество употребления глаголов характерно обычно для таких моделей рекламных слоганов:

Мощное оружие против боли, бьющее прямо в цель (Солпадеин, болеутоляющее средство).

Но и в этом рекламном тексте, как мы можем проанализировать, количество имен существительных доминирует над количеством глаголов.

Однако в англоязычных рекламах, побуждающих к какому-либо действиям, глаголы используются чаще существительных:

Let's forget everything

We know about driving.

Let's start over.

Let's relearn.

Let's evolve

Let's motor. (Mini cooper)

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Проведенное исследование на морфологическом уровне позволяет утверждать, что несмотря на то, что на фоне наличия немого количества сходных черт с английской рекламой, для русской рекламы характерны и свои специфические способы создания экспрессивности. Так, к наиболее продуктивным из всех разновидностей морфологического способа словообразования в отечественных рекламных текстах относятся лексемы, образованные суффиксальным способом. Это находит отражение в большом количестве окказиональных слов, используемых в рекламных объявлениях. Типологически существенными характеристиками русских рекламных текстов также является частое использование в них лексем с иноязычными префиксами (super-, extra-, ultra-, евро-). Что касается приема «сложения», то интересным представляется тот факт, что именно в русском языке замечена его частотность. (Апигурт, автоМаг, евроинтерьер). В таких рядах слов начинают выделяться структурные элементы и параллельно с этим формироваться более или менее конкретное значение выделяемых отрезков.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Следует уточнить, что русской рекламе больше характерны приемы на морфологическом уровне, чем английской. Достаточно частыми средствами являются лексемы, образованные суффиксальным способом, лексемы с иноязычными префиксами, прием «сложения», что говорит о богатстве русского языка с точки зрения морфологии и требует более тщательного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цыбенко Э.О. Лексические особенности создания экспрессивности англо- и русскоязычного рекламного текста // *Филологические*

науки. *Вопросы теории и практики. ВАК. Тамбов: Грамота, 2019. № 4. С. 295-299*

2. Иванова К.А. *Копирайтинг, секреты составления рекламы и PR-текстов*, М., 2006 - 158с.

3. Ханин Ф.Г. *Феномен рекламы в современном мире // Успехи современной науки и образования. 2016.Т.10 №12. С.90-95*

4. Балашов А.А., Назар Р.Н. *Язык рекламы как подстилка на стыке стилей русского языка // В сборнике: Язык и культура сборник научных трудов IV Республиканской научной конференции. 2018. С. 139-141.*

5. Хлопунова О.В. *Язык рекламы как новая формирующаяся разновидность литературного языка // В сборнике: Слово – дискурс – медиа: смыслы, роли и когниции. Сборник трудов, посвященный юбилею профессора Р.И. Мальцевой. Краснодар, 2018. С. 249-253.*

6. Гвоздева А.Н. *Очерки по стилистике русского языка. М., 1952 – 220с.*

7. Баранов Ю.Ю. *Сопоставление нетропеических способов выражения экспрессивности в художественном тексте на русском и английском языках. Архангельск, 1993. 153с.*

8. Виноградов В.В. *Современный русский язык. Морфология / В.В. Виноградов. - М. Изд-во Моск.ун-та, 1952. 519с*

9. Грдин В.Н. *Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. 685с*

10. Новоселова Л.А. *Средства речевой выразительности в языке газеты (по материалам региональной прессы) // Вестник Карельского филиала СЗАГС-2005: Ч. 2.- Петрозаводск: ПетрГУ, 2005 – 44с.*

11. Востоков В.В. *Об экспрессивных, эмоциональных и субъективно – модальных значениях в предложении / В.В. Востоков // Лингвистический сборник. Вып.9, Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка. М., 1977. С.160-167*

12. Вайгла Э.А. *О разновидности эмоциональной лексики / Э.А. Вайгла. // Труды по русской и славянской филологии, № 14. - Тарту, 1970, вып.245. – 80с.*

13. *Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфология. Морфология / Под ред. П.П.Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – Мн.: ООО «Плюпресс», 1998. – С. 87 – 109.*

14. Воронаева С.А. *Деривационная типология оценочного значения (на материале суффиксального способа словообразования) // Диссертация на соискание ученой степени кандидат филологических наук / Москва, 2001. 191с.*

15. Торопкина В.А. *Прагматика деривационных процессов в языке современных массмедиа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. №3. С. 254-260*

16. Веденеева М.А. *Конфикс и конфиксид как особые словообразовательные форманты приставочно-суффиксального и сложноссуффиксального способов словообразования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. №1. С.38-43*

17. Лыткина О.И. *Суффиксы и префиксы с модификационными словообразовательными значениями в русском и английском языках // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2006. №1. С.39-47*

18. Зайцева И.В. *Аббревиатуры, их типы и место в языковой системе // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ.2003. №6. С. 42-44*

19. Тибилова М.И. *Прагматический аспект употребления аббревиатур в языке СМИ // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития. Сборник материалов 9-й международной научно-практической конференции. 2014. С. 84-88*

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 88'33:615.1

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0079

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИТОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ
ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФАРМАЦИЯ»)**

© 2020

AuthorID: 470870

SPIN: 7991-7630

Чаплыгина Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

AuthorID: 787686

SPIN: 2812-3830

Грибова Наталья Сергеевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

AuthorID: 786265

SPIN: 8146-3771

Довгер Оксана Павловна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

AuthorID: 809879

SPIN: 2545-1355

Лопата Карина Михайловна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков

*Курский государственный медицинский университет
(305021, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3, e-mail: 0707karina@mail.ru)*

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода профессиональной лексики с компонентом фитонимом в области фармации. Объектом данного исследования являются лексические единицы, актуальные в исследуемой нами области. Авторы статьи подробно останавливаются на трудностях лексического характера, связанных с особенностями перевода фитонимических единиц в области фармации, в частности, в разделе «Ботаника». В работе также рассматриваются особенности перевода профессиональной лексики и лексических единиц с компонентом фитонимом, что является одним из условий корректного перевода текстов фармацевтической направленности. В силу частого использования терминов в различных сферах деятельности, в том числе и фармации, объектом данного исследования являются лексические единицы, актуальные для данной области. Авторам статьи представляется необходимым остановиться на ряде приемов, выработанной многолетней практикой перевода, а именно: прием переводческой транскрипции, прием транслитерации, прием калькирования, прием лексической замены и др. Перевод текстов, содержащих лексические единицы с компонентом фитонимом, является достаточно сложным в силу ряда факторов. Проанализировав некоторые лексические единицы с компонентом фитонимом в фармацевтической сфере, в частности, в разделе «Ботаника» авторы статьи приводят примеры употребления лексических единиц с компонентом фитонимом. Авторы статьи указывают на то, что обучение иностранному языку в медицинском вузе по специальности «Фармация» отличается от профессиональной подготовки студентов других вузов тем, что студенты приступают к изучению дисциплины «Иностранный язык», начиная с первого курса. Поэтому они сталкиваются с рядом трудностей, которые связаны с восприятием профессионально ориентированных понятий. Данная ситуация осложняется тем, что профессионально ориентированные понятия в родном языке трудны для восприятия. Сопоставляя ботанический словарный состав двух языков, видим, что английские названия фитонимов не имеют прямых соответствий среди русских лексических единиц. Таким образом, проведенный нами анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском языке позволил выделить ряд устойчивых единиц с названиями лекарственных растений, трав, мазей. Исследование фразеологических единиц английского языка позволило нам сделать вывод о малой распространенности в английском языке фразеологических единиц, в состав которого входит компонент фитоним.

Ключевые слова: фармацевтическая профессиональная лексика, тексты фармацевтической направленности, фитоним, транскрипция, транслитерация, калькирование.

**FEATURES OF THE TRANSLATION OF PHYTONYMS (FOR EXAMPLE, THE STUDY
OF THE DISCIPLINE “FOREIGN LANGUAGE” IN NON-LINGUISTIC
UNIVERSITIES IN THE SPECIALTY “PHARMACY”)**

© 2020

Gribova Natalya Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department of Foreign Languages

Chaplygina Olga Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department of Foreign Languages

Dovger Oksana Pavlovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department of Foreign Languages

Lopata Karina Mikhailovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the department of Foreign Languages

Kursk State Medical University

(305021, Russia, Kursk, Karl Marx St., 3, e-mail: 0707karina@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to peculiarities of translation of professional vocabulary with component titanium in the field of pharmacy. The object of this research are lexical items that are relevant in the studied region. The authors dwell in detail on the difficulties of lexical nature, connected with the peculiarities of the translation of titanium units in the field of pharmacy, particularly in the section “Botany”. The paper also discusses the peculiarities of translation of professional vocabulary and lexical units with component titanium that is one of the conditions for the correct translation of texts of pharmaceutical orientation. Due to the frequent usage of terms in various fields, including pharmacy, the object of this research are lexical items that are relevant to this region. The authors of the article, it seems necessary to highlight some of the techniques worked out by years of translation practice, namely: reception of the translation transcription, transliteration

admission, the admission of copying, receiving lexical substitution, etc. Translation of texts containing lexical items with component titanium is quite challenging because of several factors. After analyzing some lexical items with component titanium in the pharmaceutical sector, in particular, in the section "Botany" the authors give examples of the use of lexical units with component titanium. The authors point out that learning a foreign language in medical school on specialty "pharmacy" is different from the professional training of students of other universities so that students begin the study of professionally oriented material in a foreign language already in the first year. In this regard, revealed the difficulties associated with the perception of professionally oriented concepts, which even in their native language do not seem clear. Comparing the Botanical vocabulary of the two languages, we see that the English name of phytonyms have no direct correspondences among the Russian lexical units. Thus, our analysis of phraseological units with component titanium in the English language yielded a number of stable units with the names of medicinal plants, herbs, ointments. The study of phraseological units of the English language allowed us to conclude that the low prevalence in the English language phraseological units, which includes component titanium.

Keywords: pharmaceutical professional vocabulary, texts of pharmaceutical orientation, titanium, transcription, transliteration, linguistic tracing.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день достаточно активно происходит сотрудничество, международный обмен информацией в области медицины и фармации. Поэтому особенно актуальным и значимым представляется выполнение корректного перевода в данной сфере с учетом особенностей фитонимических лексем, используемых в профессионально-ориентированных текстах по специальности «Фармация» в неязыковом вузе медицинского профиля.

В условиях глобализации, а также интенсивного развития деятельности профессиональных сообществ в той или иной сфере, в частности, в области медицины и фармации, представляется значимым обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов в медицинской сфере, которые способны соответствовать быстро меняющимся условиям современного образовательного пространства.

Научная новизна данного исследования заключается в рассмотрении особенностей перевода профессиональной лексики с фитонимическим компонентом.

Практическая значимость данной работы заключается в дальнейшем использовании результатов исследования при создании учебных пособий для студентов фармацевтов, написания курсовых и выпускных квалификационных работ по филологии.

На основании вышеизложенного целью работы является рассмотрение особенностей перевода фитонимов.

Для достижения данной цели авторами статьи использовались следующие методы: методы анализа, анкетирования, наблюдения. В рамках данного исследования проводился анализ уровня мотивации у студентов первых курсов неязыкового вуза медицинского профиля, метод самооценки построения индивидуального профиля аудитора (слушателя), метод самостоятельной работы студентов.

Для достижения данной цели одним из условий является подготовка специалистов, способных осуществлять корректный перевод текстов медицинской и фармацевтической направленностей [5].

Обучению иностранному языку в неязыковом вузе медицинского профиля отличается от профессиональной подготовки студентов других вузов (технических, гуманитарных) тем, что студенты приступают к изучению дисциплины «Иностранный язык», начиная с первого курса. Поэтому они сталкиваются с рядом трудностей, которые связаны с восприятием профессионально ориентированных понятий. Данная ситуация осложняется тем, что профессионально ориентированные понятия в родном языке трудны для восприятия. Особую трудность для перевода представляют фитонимические лексемы, так как у многих английских названий фитонимов нет прямых соответствий среди русских лексических единиц.

Студенты, обучающиеся по специальности «Фармация» получают дополнительную информацию, изучая дисциплину «Иностранный язык». С учетом вышеперечисленных особенностей фармацевтического образования нами были выявлены уровни, определяющие

степень иноязычной подготовки в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык». Так, низкий уровень определяется случайностью, неосознанностью, а также неустойчивостью интереса к изучению дисциплины «Иностранный язык». Для осуществления данной учебно-профессиональной деятельности необходимо выполнение предлагаемых заданий на уровне имитации, которая характеризуется тем, что студент владеет определенным набором языковых знаний, умений и навыков. В данном случае наблюдается его стремление воспроизвести эти знания и овладеть способами их применения по образцу с использованием готовых моделей; студенты слабо включаются в общение, которое отличается бедностью, низкой восприимчивостью и пониманием оппонентов. Данный уровень владения иностранными языками характерен для студентов, поступающих в вуз из сельских школ, в которых иностранному языку уделялось недостаточное внимание. Как результат таким студентам достаточно сложно осуществлять все виды работ, в том числе и перевод текстов медицинской направленности.

Что касается среднего уровня иноязычной подготовки студентов, необходимо отметить, что он характеризуется интересом к изучению иностранного языка, студенты стремятся использовать готовые образцы, грамотно их корректируя, интерпретируя и трансформируя. Отмечается стремление к самостоятельному поиску, студенты с охотой включаются в общение, хорошо разбираясь в грамматических формах и конструкциях иностранного языка, но все еще допуская некоторые ошибки.

Показателем практически свободного владения иностранным языком является высокий уровень. Данный уровень характеризуется богатством выразительных средств языка, умением находить новые способы получения знаний, а также способностью к их варьированию в зависимости от предложенной ситуации [10].

Таким образом, обучение студентов-фармацевтов должно осуществляться с учетом вышеперечисленных уровней. Оно должно затрагивать все виды работ, а именно, говорение, аудирование, чтение и письмо. Но особое внимание, на наш взгляд, должно уделяться переводу фитонимических лексем, характерных для профессионального общения специалистов фармацевтического профиля, так как корректно переведенный материал способствует его быстрому и легкому усвоению, а многочисленные ошибки в переводе в свою очередь создают ряд препятствий в понимании того или иного материала.

Проблема изучения фитонимических лексем особенно актуальна, так как фитонимы играют важную роль в жизни человека, участвуя в передаче религиозных, символических, эстетических и мифологических представлений. Фитонимы – это фразеологизмы, в состав которых входит компонент, обозначающий то или иное растение в целом, его составную часть или вид [7].

Список тем, предлагаемых студентам фармацевтического направления неязыкового вуза, предполагает изучение таких тем, как: «Фармация как на-

ука», «Устройство и работа химической лаборатории», «Работа аптеки», «Основные лекарственные формы», «Приобретение лекарственных средств в аптеке» и другие. Но особый интерес для данного исследования представляет раздел «Ботаника как наука», в ходе изучения которого студенты встречаются с компонентом – фитонимом наиболее часто.

Компоненты-фитонимы, являясь названиями видов и сортов растений, включают в себя:

- овощные и фруктовые культуры – англ. tomatoe, potato, cucumber, onion, carrot, strawberry. Например, «couch-potato» - «лежебока», «вялый человек», «домосед»; «not the clean potato» - подозрительная личность; «strawberry mark» - красноватое родимое пятно, родинка; «like a carrot to a donkey» - соблазнительная приманка;

- названия травянистых культур, цветов, грибов – англ. lily of the valley, fly agaric, thyme, anise, lavender, eucalyptus. Например, «to lay up in lavender» - откладывать, пренебрегать на будущее; «to lay somebody out in lavender» - убить, угробить кого-либо; «to paint the lily» - тратить время и силы напрасно; «bed of roses» - легкая, счастливая жизнь; «not all roses» - не все легко и приятно; «to gather life's roses» - наслаждаться; «blue rose» - что-то недостижимое;

- названия частей растений – англ. branch, root, leaf, rhizome. Например, «to take root» - укорениться; «to turn over a new leaf» - начать новую жизнь.

Большое количество английских фразеологических единиц с компонентом-фитонимом появилось в результате влияния растительной символики, особенностей растений и жизнедеятельности человека.

Так, например, фразеологическая единица с лексемой «potato» «not the clean potato» символично характеризует человека как неблагоденственного, «грязного».

Или, фразеологическая единица с компонентом-фитонимом «rose» «blue rose» символично переводится как нечто недостижимое в силу того, что данного естественного оттенка розы в природе не существует.

В ходе процесса обучения иностранному языку преподаватели пытаются уделить особое внимание природе возникновения фразеологических единиц, останавливаясь на условиях их появления.

Перевод фитонимов с английского языка на русский представляет ряд трудностей для студентов по специальности «Фармация», так как лексические структуры двух языков не являются идентичными. В связи с этим представляется необходимым остановиться на возможных способах упрощения перевода лексических единиц с компонентом фитонимом.

Данная проблема рассматривается в научных трудах Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, В.В. Виноградова, А.А. Черняховской и других приверженцев денотативных взглядов на перевод. Так, например, Комиссаров В.Н. рассматривает транслитерацию, транскрипцию, лексическую замену и некоторые другие как наиболее значимые приемы перевода.

В.Н. Комиссаров определяет переводческую транскрипцию как формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, где происходит фонетическая имитация исходного слова. Например, Susomoga – сикомора, Tacamahac – тэкамэхак, Carissa – кариса, Melissa – мелисса, Valerian – валериана, Bolus – болус [4,6].

Следующим приемом перевода лексических единиц является транслитерация, основным принципом которой есть передача английских слов при помощи русских букв. Данный прием использовался в 19 тысячелетии и продолжает использоваться в наши дни. Например, Surinam arnara – суринам армара, Ceylon spinach – цейлонский шпинат, Bolus – болус.

Особенности данных приемов необходимо учитывать при работе с текстами, относящихся к разделу «Ботаника», для оптимизации процесса перевода с уче-

том основных характеристик фитонимических лексических единиц.

В ходе данного исследования авторами были сделаны следующие *выводы*:

1) проведенный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском языке позволил выделить ряд устойчивых единиц с названиями лекарственных растений, трав, мазей;

2) исследование фразеологических единиц английского языка позволило выявить незначительную распространенность фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском языке;

3) лексические замены или сужения не являются основополагающими при переводе лексических единиц с компонентом фитонимом.

Данные выводы были сделаны на основе проведенного анализа текстов профессионально ориентированного характера по специальности «Фармация», применяемых в процессе иноязычного обучения по вышеупомянутой специальности, в частности, в разделе «Ботаника». Отмечая, что особую трудность для перевода представляют фитонимические лексемы в силу отсутствия их прямых соответствий среди русских лексических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белозерцев Е.П. Судьба российского образования сквозь призму социальной политики государства (Послесловие к монографии О.Н. Смолина) [Текст] / Е.П. Белозерцев // Психолого-педагогический поиск. – 2011. - № 1 (17). – С. 6-34.
2. Бородулина М.К., Карлин А.Л. Обучение иностранному языку как специальности. М.: Высш. шк., 1975. 260 с.
3. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Университет Российской академии образования, 2001, 561 с.
4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С.140-161.
5. Грибова Н.С., Парахина О.В., Тарасюк Н.А. Специфика реализации современного профессионального образования в условиях глобализации. М.: Преподаватель 21 в., 2014. № 3. С. 121-125.
6. Комиссаров В.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1990. 190 с.
7. Лавр // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1896. – Т. 17. – С. 217-218.
8. Петрунина Е.А. Семантика английских фразеологических единиц с компонентом фитонимом / Е.А. Петрунина // Вестник университета Российской академии образования. – 2009. № 1. – С. 53-58.
9. Хутова Э.Р. Пословицы и поговорки с компонентом фитонимом в английском и русском языках / электронный научный журнал «Apriori. Серия: Гуманитарные науки» www.apriori-journal.ru № 3, 2018.
10. Чаплыгина О.В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук // Педагогические условия развития творческой индивидуальности студентов (на примере изучения иностранного языка, Курск 2003 г., с 15-16.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811. 161. 1
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0080

РЕЧЕВОЙ АКТ ПОЖЕЛАНИЯ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РУССКИХ ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ

© 2020

Чжан Хао, аспирант кафедры русского языка

Московский педагогический государственный университет

(119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 88, к.3, e-mail: zhanghao2017@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы языковых средств выражения речевого акта пожелания в русских частных письмах. Частное письмо относится к жанрам речевого общения, оно часто заключается добрыми пожеланиями. На основе анализа языкового материала, отобранного из печатных частных писем разных авторов и Национального корпуса русского языка, выделены основные конструкции, выражающие пожелания, проанализированы особенности использования этих структур. В статье показано, что для придания экспрессивности при выражении пожелания может использоваться лексический повтор как стилистический прием, со временем некоторые слова, употребляемые для выражения пожелания, из активного запаса перешли в пассивный. В статье подчеркивается, что репрезентация речевого акта пожелания связана с ситуацией. Овладение этими языковыми средствами, репрезентирующими речевой акт пожелания, может способствовать решению коммуникативных задач в конкретных ситуациях общения.

Ключевые слова: речевой акт, пожелание, общение, конструкция, частное письмо, жанр, языковые средства, лексический повтор.

THE SPEECH ACT OF WISH AND ITS PERFORMANCE IN RUSSIAN PERSONAL LETTERS

© 2020

Zhang Hao, post-graduate student

Moscow Pedagogical State University

(119571, Russia, Moscow, Vernadskogo prospect 88, k.3, e-mail: zhanghao2017@mail.ru)

Abstract. The present article deals with the language means of expressing the speech act of wish in Russian personal letters. Personal letter refers to the genres of speech communication, it often consists of good wishes. On the basis of the analysis of the language material selected from the printed personal letters of various authors and the Russian National Corpus, the main constructions expressing wishes are identified, the features of the use of these structures are analyzed. The article shows that lexical repetition as a stylistic technique can be used to give expressiveness when expressing wishes. Over time, some of the words used in the expression of wishes, from the active stock moved to the passive. The article emphasizes that the representation of the speech act is directly related to the situation. Mastering these language means, representing the speech act of wish, contributes to the solution of communicative tasks in specific situations of communication.

Keywords: speech act, wish, communication, construction, personal letter, genre, language means, lexical repetition.

ВВЕДЕНИЕ. С развитием прагматики в конце XX века пожелание стало изучаться в рамках теории речевых актов. Проблемы классификации и особенности речевых актов пожелания, способов его реализации говорящим находятся в центре внимания таких исследователей, как Н.А. Ранних [1], М.К. Гусаренко [2], Е.В. Вдовина [3], Л.Ю. Зорина [4; 5], Н.А. Трофимова [6] и др.

МЕТОДОЛОГИЯ. Вслед за Н. А. Трофимовой, под пожеланием нами понимается «один из видов речевых актов экспрессивов, иллюкутивная цель которого состоит в реакции говорящего на действие адресата либо на некоторое положение дел, касающееся адресата и требующее реализации пожелания в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе» [6, с. 72]. Пожелание выражает чувство благоволения и вежливость говорящего по отношению к адресату, «высказывания положительного пожелания предназначены для регуляции межличностных отношений коммуникантов» [6, с. 72].

Письмо часто заключается добрыми пожеланиями. Пожелание является одним из важнейших элементов, составляющих содержание частного письма, поэтому в нашей статье мы рассматриваем языковую репрезентацию речевого акта пожелания в русских частных письмах. Материалами для анализа в работе послужили печатные частные письма и Национальный корпус русского языка [7].

Т.В. Жеребило определяет письмо как жанр речевого общения, «ориентированный на адресацию своих чувств-мыслей в письменной форме, предполагающей несиюминутное прочтение; в письме используется естественный способ экспликации себя как личности; непринужденность отношений с адресатом – главное условие переписки» [8, с. 263].

Письмо составляется обычно по строгой схеме: вступление, основная часть, заключение. Письмо относится к средствам дистанционного общения. Главной функцией

частного письма считается передача информации и обмен чувствами. В письме адресант выражает чувства и мысли только через языковые средства, а не с помощью таких невербальных средств общения, как жестово-мимические средства и интонация.

Согласно мнению Н.А. Николиной, «для структуры пожелания характерна высокая степень вариативности» [9, с. 242]. В силу многократного повторения в типичных ситуациях пожелание, как элемент этикета речевого общения, реализуется в ряде устойчивых выражениях, формулах общения в русском языке. В частных письмах типичными и наиболее употребительными формулами пожелания являются следующие:

1. Речевые акты, в основе которых конструкция: *желаю + кому-л. + чего-л.* (Другие варианты *желаю с инф.*; или *желаю с союзом чтобы*). Это выражение стилистически нейтрально. В частных письмах пожелание регулярно выражается с помощью именно этой конструкции. Когда эта конструкция используется в письме, в предложении местоимение *я* опущено, глагол *желать* также может опускаться. Глагол *желать* часто используется в сочетании с такими распространителями со значением степени, как *от души*, *от всего сердца*, *сердечно*, *горячо* и т.д. Например:

От души желаю всего лучшего Вам и Вашей жене (Б.Л. Пастернак. Письмо В.Т. Шаламову. 10 декабря 1955 г.).

Желаю вам получить что-нибудь радостное от Крыма (Ю.А. Швейдер. Письмо В.Т. Шаламову. 4 сентября 1975 г.).

От всего сердца желаю, чтобы ваша поездка не оказалась бесполезной и дала бы вам новые силы (И.С. Тургенев. Письмо В.Г. Белинскому. 5 сентября 1847 г.).

2. Речевые акты, в основе которых конструкция: *шлю + кому-л. + (наилучшие, самые добрые...) пожелания + чего-л.* Эта конструкция как эпистолярная форма пожелания употребляется в заключении письма, но

частотность употребления её в настоящее время низка. Например:

Пока шлю Вам свой и женин поклон и пожелания всякого благополучия (А.А. Измаильский. Письмо В.В. Докучаеву. 1895 г.).

Ещё раз от всей души благодарю Вас и шлю Вам лучшие пожелания (А.П. Чехов. Письмо П.С. Лефи. 22 февраля 1904 г.).

3. Речевые акты, в основе которых конструкция: *Примите + (мои, горячие, искренние, искреннейшие, самые добрые, наилучшие...) пожелания...* В этой конструкции слово *пожелание* традиционно употребляется во множественном числе. Эта формула пожелания приобретает оттенок возвышенности, торжественности [10, с. 362], и в современной русской речи она часто употребляется в официальном общении. Например:

Поклонитесь от меня всем Вашим и примите мои искренние пожелания Вам всего лучшего (И.С. Тургенев. Письмо Н.А. Щепкину. 9 января 1879 г.).

Дорогой Корней Иванович, <...> примите, пожалуйста, мои поздравления уже сейчас и пожелания Вам здоровья и многих счастливых лет жизни (С. Гордон. Письмо К.И. Чуковскому. 11 февраля 1967 г.).

4. Речевые акты, в основе которых конструкция: *Позвольте (разрешите) + (мне) + пожелать + кому-л. + чего-л. (или с инф)*. Эта формула пожелания также имеет оттенок возвышенности особый, торжественности [10, с. 362], носит книжный характер, в письмах часто употребляется при прощании. Например:

Засим – позвольте пожелать Вам всего хорошего – и дружески пожать Вашу руку (И.С. Тургенев. Письмо Е.С. Рахмановой. 26 января 1878 г.).

Позвольте пожелать Вам всего самого лучшего в наступающих праздниках (С. Гордон. Письмо К.И. Чуковскому. 9 декабря 1964 г.).

5. В частных письмах часто используется глагол в форме 2-го лица повелительного наклонения для выражения пожелания. В конструкциях, используемых для реализации пожелания, содержатся следующие формы повелительного наклонения глагола:

а) форма глагола 2-го лица единственного или множественного числа, например:

Береги себя, не утомляйтесь очень, спи побольше и меньше беспокойся (А.П. Чехов. Письмо О.Л. Книппер-Чеховой. 8 апреля 1904 г.).

Пожелание может также выражаться конструкцией, состоящей из отрицательной частицы *не* с глаголом несовершенного вида 2-го лица единственного или множественного числа повелительного наклонения. В этой конструкции частица *не* «вносит значение полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым она стоит» [11, с. 498].

б) В выражении пожелания широко встречаются формы, образуемые сочетанием глагола *быть* в форме 2-го лица повелительного наклонения (*будь, будьте*) с краткими прилагательными, например:

Будьте здоровы, работайте и не хандрите (И.С.Тургенев. Письмо А.Ф. Писемскому. 10 мая 1871 г.).

Ну, будь здорова и весела (А.П. Чехов. Письмо М.П. Чеховой. 17 февраля 1904 г.).

Отдыхайте и поправляйтесь и, главное, будьте здоровы (А.С. Эфрон. Письмо Е.Я. Эфрону и З.М. Ширкевичу. 25 августа 1953 г.).

Будь (те) здоров (ы) – это средство выражения пожелания здоровья, благополучия особенно часто употребляется при прощании с близким знакомым, приятелем в заключении письма.

в) Форма образуется сочетанием частицы *пусть* (да) с формой глагола 3-го лица единственного или множественного числа настоящего или будущего времени изъявительного наклонения. Частица *пусть* наряду с частицей *да* употребляется в пожеланиях, придавая речи торжественную окраску [12, с. 303-304]. В этой кон-

струкции частица *пусть* (да) стоит на первом месте; существительные (часто *Бог, Господь, ангел*) и местоимения могут выступать в качестве подлежащих. Например: *Пусть всё будет хорошо* (А.С. Эфрон. Письмо В.Н. Орлову. 28 декабря 1974 г.).

Ну, да хранит Вас господь, будьте здоровы, благополучны и всегда веселы (А.П. Чехов. Письмо И. Л. Леонтьеву. 18 января 1904 г.).

Да благословит Вас Бог (В.Т. Шаламов. Письмо Б.Л. Пастернаку 12 августа 1956 г.).

Будь здоровы, земляк, и счастливы. Да хранят Вас ангелы небесные (А.П. Чехов. Письмо А.Л. Вишневному. 7 марта 1904 г.).

Устойчивые выражения пожелания: *Дай бог + кому-л. + (чего-л.)*, фразеологизм *дай бог* также «употребляется при пожелании чего-л.» [13, с. 100-101]. Например:

Прощай, умница, дай бог тебе здоровье и скорый возраст (П.А. Катенин. Письмо А.С. Пушкину. 24 ноября 1825).

Целую тебя, милый, трижды. Главное, дай Бог тебе здоровья (А.С. Эфрон. Письмо Б.Л. Пастернаку. 9 апреля 1958 г.).

Устойчивые выражения пожелания: *Бог (Господь, Христос) с Вами (с тобой)*. Эти выражения в XIX веке имели разговорный оттенок. В письмах эти устойчивые словесные формулы употреблялись для выражения добрых пожеланий при прощании в заключении. Например:

Благословляю тебя, мой ангел. Бог с тобою и с детьми. Будьте здоровы (А.С. Пушкин. Письмо Н.Н. Пушкиной. 18 мая 1836 г.).

Ну, Христос с тобой, радость (А.П. Чехов. Письмо О.Л. Книппер-Чеховой. 22 апреля 1904 г.).

Господь с Вами и Вашими. Целую Вас. (С.Н. Булгаков. Письма 1917-1923 (1917-1923) // «Новый мир», 1994).

В частном письме при выражении пожелания для придания экспрессивности или для большей степени пожелания адресантом иногда используется такой стилистический приём, как *лексический повтор*, например:

Всего, всего, всего самого доброго Вам обоим (А.С. Эфрон. Письмо В.Н. Орлову. 10 сентября 1967 г.).

Желаю Вам здоровья, здоровья и творческих сил (В.Т. Шаламов. Письмо Б.Л. Пастернаку. 28 марта 1953 г.).

В одном и том же письме автор может неоднократно пожелать что-либо адресату, например:

Горячо желаю Вам скорейшего выздоровления — пожелания этого не хочу откладывать. <...> Желаю Вам от всей души бордостии, притока сил, успеха в работе. <...> Ещё и ещё раз — всего всего лучшего, здоровья и счастья (Б. Пастернак. Письмо С.Н. Дурылину. 5 апреля 1931 г.).

Следует учитывать, что некоторые активные в прошлом лексические средства выражения пожелания со временем становятся пассивными. Например:

Засим желаю Вам от души здоровья и терпенья и остаюсь (И.С. Тургенев. Письмо М.М. Стасюлевичу. 17 марта 1878 г.).

В 19-20 веках использование наречия *засим* в составе пожелания часто встречается в заключении письма, а в современной русской языке является устаревшим.

Желаю тебе куль червонцев и великопнейшего строения духа (А.П. Чехов. Письмо Г.М. Чехову. 1 января 1904 г.).

В этом примере словосочетание «*куль червонцев*» (*червонец* – золотая монета (в 5 или 10 руб.; устар.)) [14, с. 1219] употребляется как компонент пожелания, чтобы адресат мог заработать большие деньги, но в настоящее время это выражение уже является явным архаизмом.

Формулы пожелания хранятся в языковом сознании носителя языка, см., например, стереотип пожелания: *Желаю Вам успехов*, на этой основе строится конструкция: *Вам успехов в поездке; Вам успехов в работе и т.д.*

В высказывании пожелание иногда выражается имплицитно. Например:

Жаль только, что братец был так несчастлив, что при первом сражении так жестоко ранен и что не можем вместе с ним служить. <...>Целую от всего сердца тебя, любезной братец Абраша, ибо полагаю, что вы теперь все вместе живете в Надеждине. (В.С. Норов. Письма С.А. и Т.М. Норовым. 1813 г.).

В приведенном примере не употребляются языковые средства выражения, типичные для пожелания, значение пожелания содержится в содержании высказывания. Согласно мнению А.Ю. Масловой, такой речевой акт пожелания относится к контекстуально-ситуативным косвенным речевым актам [15, с. 64]. «Контекстуально-ситуативным косвенным речевым актом является речевой акт, который в изолированном от контекста виде не распознаётся носителями языка со стороны того интенционального значения, ради которого произведен речевой акт» [15, с. 64-65].

ВЫВОДЫ. Таким образом, в русском языке для выражения пожелания существует ряд разнообразных конструкций, по-разному ориентированных на вежливое общение. В частных письмах формулы пожелания выбираются говорящим с учётом следующих факторов: степени близости отношений между говорящим и адресантом, уровня культуры говорящего, содержания пожелания и др. Анализ средств выражения пожелания, содержащихся в письмах, поможет учащимся, которые не являются носителями русского языка, узнать больше о русском речевом этикете, позволит им в конкретных ситуациях общения выбирать наиболее уместные средства для выражения вежливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ранних Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1994. 20 с.
2. Гусаренко М.К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2005. 22 с.
3. Вдовина Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 24 с.
4. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры: монография. Вологда: ВГПУ, 2012. 216 с.
5. Зорина Л.Ю. Этнопедагогический потенциал диалектных благопожеланий // Русский язык в школе. 2014. № 3. С. 80-85, 107.
6. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.09.2019).
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
9. Николина, Н.А. Речевые жанры поздравление и пожелание в современной коммуникации // Русский язык сегодня. Вып. 6: Речевые жанры современного общения. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С. 240-251.
10. Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 этикетных слов и выражений. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. 681 с.
11. Большой академический словарь русского языка. Т. 11. Н - Недреться. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. Н.В. Соловьева и Д.И. Панков. М.; СПб.: Наука, 2008. 633 с.
12. Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. Учебное пособие. М.: Эксмо, 2008. 464 с.
13. Евгеньева А.П. (Ред.). Словарь русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
14. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2004. 1268 с.
15. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. Пособие: 3-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 152 с.

Статья поступила в редакцию 21.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81.23

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0081

ТРАНСФОРМАТИВНАЯ ПРАГМАТИКА РИТМОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК

© 2020

AuthorID: 675873

SPIN: 2948-5300

Шелестюк Елена Владимировна, доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

ORCID: 0000-0001-6619-984X

Шкарин Дмитрий Леонидович, соискатель

Челябинский государственный университет

(454001, Россия, Челябинск, улица Братьев Кашириных, 129, e-mail: shkarindmit@yandex.ru)

Аннотация. В статье обсуждается система принципов трансформативной прагматики как области пересечения прагматической лингвистики, коммуникативной прагматики (дискурсивного анализа) и психолингвистики. В основе выделения предмета исследования рассматривается концепт трансформативного акта как самостоятельного вида речевых актов. Предметное содержание трансформатива раскрывается на материале речевых практик ритмометода 7P0, являющихся образцами подобного рода дискурса. На примере ритмологических практик показаны возможности и условия осуществления комплексного преобразования внутренней и внешней среды существования с помощью специально выстроенных процедур перевода семиотических форм естественного языка на субстанциональные языки времени. Разобраны некоторые основополагающие правила синтагматического связывания знаковых форм. Уделено особое внимание психолингвистическому различению номинативной и регулятивной функций речи, задающему специфику трансформативного акта как оператора преобразования реальности. В заключении статьи подчеркнута методологическая значимость обращения исследовательского внимания к изучению живых образцов развивающихся семиотических систем, построенных на основе аутентичных онтологий, отличающихся от общепринятой картины мира, доминирующей в современных дискурсивных практиках.

Ключевые слова: дискурс-анализ, перформатив, трансформатив, прагматическая лингвистика, ритмология, знак, знаковая система, регулятивная функция речи.

TRANSFORMATIVE PRAGMATICS OF RHYTHMOLOGY PRACTICES

© 2020

Shelestyuk Elena Vladimirovna, doctor of philology, professor of the Chair
of Theoretical and Applied Linguistics

Shkarin Dmitry Leonidovich, applicant

Chelyabinsk State University

(454001, Russia, Chelyabinsk, Kashirin brothers street, 129, e-mail: shkarindmit@yandex.ru)

Abstract. The article describes the system of principles of transformative pragmatics as an interdisciplinary field of intersection of pragmatic linguistics, communicative pragmatics (discourse analysis) and psycholinguistics. The concept of transformative act as an independent type of speech acts is considered in the basis of the subject area of research. As a subject of analysis to understand speech practices ramonette 7P0, are samples of this kind of discourse. For example, rhythmology practices, the possibilities and conditions for the implementation of the integrated transformation of the internal and external environment of existence with the help of specially constructed transfer procedures semiotic forms of natural language on the languages substantial time. Dismantled some of the fundamental rules of analysis paradigmatic and syntagmatic linking of symbolic forms. Special attention is paid to the psycholinguistic distinction between nominative and regulatory functions of speech, which defines the specifics of the transformative act as an operator of reality transformation. In conclusion, the article emphasizes the methodological importance of the research attention to the study of living samples of developing semiotic systems, built on the basis of authentic ontologies, different from the generally accepted picture of the world, dominant in modern discursive practices.

Keywords: discourse analysis, performative, transformer, pragmatic linguistics, rhythmology, sign, sign system, regulatory function of speech.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В данной статье предпринят анализ метода 7P0, разработанного Е.Д. Лучезарновой в качестве новой комплексной научно-практической дисциплины, с позиции прагматической лингвистики. Отправным пунктом исследования нам служит концепт «трансформатив», примененный М.Н. Эпштейном [1, с. 472] для обозначения тех речевых действий, которые в момент произнесения необратимо меняют онтологическую ситуацию тех, кто их осуществляют. В категориальную сетку концепта вовлекаются три концептуальные линии: 1) линия трансформационной грамматики Н. Хомского, выявляющая глубинные уровни порождения синтаксических структур, 2) линия семиотической трансформации, наиболее отчетливо проявленная в исследованиях логики порождения нарративных структур в модели А. Греймаса и 3) линия прагматического анализа перформативных речевых действий, развитая в аналитической теории речевых актов Д. Остина [2; 3]. Мы отталкиваемся от понимания, что пересечение перечисленных линий носит не случайный характер, а продиктовано самой деятельной сущностью речевого действия, отраженной в объективированных языковых формах, что и задает единство

трансформативных процессов. В дальнейшем анализе мы используем понятие трансформативная прагматика, подразумевающая систему целостного осмысления речевых действий, ориентированных на онтологическое изменение жизненной ситуации участников коммуникативной ситуации. В расширенном нами контексте трансформатив может быть интерпретирован как разновидность перформативных речевых актов, рассматриваемых в теориях аналитической лингвистики, но с существенными уточнениями самих параметров коммуникативной ситуации. Подробный разбор этих параметров уже приводился нами в статье «Аффирмация, молитва, ритм в контексте прагматической лингвистики» [1, с. 86-99]. Здесь же отметим, что в сжатом виде перечень отличительных характеристик трансформативного акта сводится к трем ключевым принципам:

1. *Непосредственное воздействие слова на мир*

2. *Принадлежность слова языку самого мира*

3. *Онтологическое отличие знаков-символов этого языка от знаков-символов языков формально-логических систем*

1. Первый принцип /Непосредственное воздействие слова на мир/ выводит нас за рамки антропоцентрической перспективы, предполагающей возмож-

ность воздействия речи только на человеческий разум. Коммуникативная ситуация понимается как освобожденная от антропоцентрических ограничителей и разомкнутая в направлении всех уровней бытия. В роли участников взаимодействия могут выступать любые субстанции и сущности, обнаруживаемые в картинах мира, лежащих в основаниях локальных дискурсов. Этим пунктом преодолевается и классическое понимание коммуникативной ситуации как процесса приема и передачи информации между компетентными участниками взаимодействия. Иными словами, происходит отход от когнитивной парадигмы, рассматривающей коммуникацию через метафору кодировки, декодировки и обработки информации внутри интеллектуальных систем. В трансформативной прагматике коммуникация предстает как порядок команд, возбуждающих и тормозящих любые происходящие в мире процессы. Здесь в большей степени работает метафора регулировщика, координирующего перекрещивающиеся потоки движения. Тем самым расширяется и традиционная семиотическая трактовка знака в модели семантического треугольника Фреге. В результате номинативная функция речи, заключающаяся в именовании предметного содержания мира, отходит на второй план относительно регулятивно-волевого потенциала речи, реализующегося в непосредственном изменении всего состава жизненных ситуаций при использовании самых разнообразных средств, вовлеченных в речевой контекст. При этом, подчеркнем еще раз, на момент осуществления трансформативного акта активизируются и могут подвергнуться трансформации любые элементы ситуации без исключения: акторы, вещи, знаковые формы, тематические содержания, предметы и контексты коммуникации. Эта акцентировка показывает, что предложенное Ч. Моррисом деление семиотики на синтаксис (знак-знаковая система), семантику (знак-предметный мир) и прагматику (знак-человек) не только переосмысливается в пользу прагматики, но и сама прагматика понимается в новом качестве как влияние речи и на предмет, и на человека, и на саму знаковую систему. Так, например, семантическое отношение знак-объект теперь рассматривается не в направлении от объекта к знаку как отражение объекта, а в направлении от знака к объекту как преобразование объекта.

2. Второй принцип *Принадлежность слова языку самого мира* выводит нас за рамки социентрической перспективы. Условиями эффективности коммуникативного акта становится сам орудийный и операциональный состав трансформатива, поскольку соотношение иллюкутивной цели (предполагаемого эффекта речи) и перлюкутивного результата (достигнутого эффекта) задается не промежуточными параметрами ситуации, такими как психологические установки участников, когнитивные фильтры и знаковые конвенции, а самой логикой трансформативного акта, осуществляемого на языке мира. Это принципиальный пункт, так как здесь нивелируются традиционные семиотические представления, - наиболее жестко проявленные в сосюрговской лингвистике, - относительно социальной условности и конвенциональности знака. То есть, если в предыдущем пункте размывается антропоцентрическая установка, то данный пункт выводит язык за пределы социума как такового. Отметим, что тезис о мотивированности знака весьма распространен в современной семиотике и реализуется во множестве альтернативных теорий, сводящих знак и предмет по многим основаниям: либо в отношении к праязыку как трансцендентному источнику речи (языковые игры в лингвистике Н.Н. Васькевича), либо в отношении к эволюционным универсалиям, синхронизирующим духовный и материальный планы бытия (И.А. Бескова), либо в отношении физических и психологических параметров озвучиваемых мыслемоформ (Б.Ф. Поршнев, И.Ю. Черепанова, Н.И. Жинкин, А.Н. Павленко). Вне зависимости от способа сущностного обоснования механизма трансформации в концеп-

ции трансформативов постулируется возможность непосредственного воздействия речи на живую и неживую материю, т.е. на самые разнообразные материальные и идеальные процессы и явления действительности.

3. Третий принцип раскрывает отнологическое отличие языка мира от языков формально-логических систем. В рамках семиотического треугольника знак смыкается с понятием логического символа как условного обозначения, принятого в логико-математической аналитике. К примеру, А. Соломоник в своей популярной классификации знаковых систем на вершину семиотической пирамиды ставит символ в качестве переменной функции, закладывая тем самым в основания принцип повышения степени абстрактности знака [4]. Трансформативная прагматика восстанавливает иной философский смысл символа, высвечивающего в конкретном единичном явлении его всеобщую универсальную сущность как уникального и необходимого события. При этом для проявления символа совершенно безразлична его форма, будь это вещь, мысль или слово. Здесь нет возврата к избирательности или индексированности знака в понятиях Ч. Пирса. По сути, речь идет о двойной референции символа, на которую указывал А.Ф. Лосев, говоря о том, что символ не просто отсылает к бесконечному числу конкретных индивидуальностей, но одновременно сам же и является законом их порождения [5, с. 109]. Реализацией подобного понимания является трактовка универсальных сил эволюции в концепции И.А. Бесковой: «то, что формируется на уровне замысла (на уровне универсальных сил), и то, с чем мы повседневно сталкиваемся в нашем физическом мире, – это одно и то же: не фигурально, не метафорически, не в том смысле, что первое является прообразом, прототипом второго (т.е. по логике происхождения). Это буквально одно и то же, одна и та же сущность. Но в первом случае в том виде, как она явлена в мире форм (универсальных сил, замыслов, сакральных образцов – назовите как угодно), во втором – как она явлена в физическом мире» [6, с. 7].

Иными словами, в символе постигаются не искусственные, заранее сконструированные содержания (вне зависимости от индивидуального или социального их происхождения), а, наоборот, объективная значимость события открывает сознание человека навстречу себе. Так совершается эволюция разума в рамках объективной диалектики, где открытие не смешивается с изобретательством, т.е. инструментальный подход к миру не заменяет творческий диалог с универсумом. Подобная инверсия отношения человека и знака-символа ясно подмечена Павлом Флоренским в феномене восприятия иконы: «Икону должно или недооценивать, сравнительно с ходячим позитивистским полупризнанием, или переоценивать, но ни в коем случае не застревать на психологической, ассоциативной ее значимости, т.е. на ней, как на изображении. Всякое изображение, по необходимости символичности своей, раскрывает духовное содержание своё не иначе, как в нашем духовном восхождении «от образа к первообразу», т.е. при непосредственном соприкосновении нашем с самим первообразом; тогда, и только тогда чувственный образ наливается соками жизни и, тем самым, неотделимый от своего первообраза, делается уже не «изображением», а передовой волной или одной из передовых волн, возбуждаемых реальностью» [7, с. 49]. Изложенные принципы в своей совокупности образуют специфическую теоретико-методологическую призму трансформативной прагматики, выделяя ее из общего массива семиотических теорий, базирующихся на формальной логике информационного подхода. Это существенно расширяет диапазон дискурсивных ситуаций, обычно либо ускользающих от прагматической лингвистики, либо получающих предвзятую интерпретацию как рудиментов прагматического, мифологического мышления. Соответственно, изменяется и сфера приложения семиотического анализа в целом.

Теперь мы можем перейти непосредственно к ритмо-

методу 7P0 с учетом сформулированных принципов.

Поскольку ритмометод 7P0, являясь объемным организованным комплексом исследовательских и прикладных дисциплин, опирающимся на собственную оригинальную картину мира, вкратце обозначим ее ключевые моменты. Реальность здесь описывается в классических категориях пространства, энергии, информации и времени. Отличительной особенностью данной онтологии является постижение времени в особом управляющем и субстанциональном статусе. Человек в этой картине мира предстает как звено в эволюции разума, выстраивающего ряд последовательных форм, образующих вертикальную иерархию. Кроме этого, человек выделен на земле как единственная жизненная форма, способная к сознательному использованию субстанции времени за счет своего продвижения по эволюционным ступеням разума к субстанции чистого времени. Инструментом продвижения является ритмометод 7P0, как система практик работы с различными формами времени. Сами практики построены на материале специфических знаковых систем, которые являются проявленными носителями субстанции времени. С учетом этого момента и становится возможна концептуализация ритмометода 7P0 в рамках трансформативной прагматики как она была представлена выше.

Для начала интересно отметить, что Е.Д. Лучезарнова тоже использует перформативный подход, описывая естественные способы использования речи в метафоре трех звуковых струн мозга. Мы уже указывали, что трансформатив является разновидностью широкого спектра речевых действий, традиционно выражаемых в соответствующих глаголах-перформативах (приказывать, советовать, обвинять, обещать и т.л.). Первая струна мозга в концепции Лучезарновой называется «указ-каз» и в чистом виде соответствует вопросительному перформативу, являющемуся в своей структуре указанием на недостающую информацию и запросом соответствующего ответа. Таким образом, первая струна характеризует речевые акты со значением ментальных действий. Вторая струна «рассказ-наказ» соответствует утвердительному перформативу, являющемуся обычным описанием, нарративом, что реализует коммуникативную функцию речи как обмена информацией и ее оценкой в общении. Третья струна «приказ-каз» соответствует директивному перформативу, проявляющемуся непосредственно в управляющих речевых актах, и соотносится с регулятивно-волевой функцией. Таким образом, в естественной речи мы встречаем три основные речевые функции, перевязанные со всеми известными группами перформативов: ментальные действия, фатические и регулятивные. До этого момента действуют привычные лингвистические модели, детально прописывающие структурную логику осуществления каждого отдельного речевого акта внутри выделенных групп. Качественные изменения начинается в момент непосредственного перехода к методу 7P0, так как внутри него перформативные речевые акты сменяются трансформативами, имеющими собственную специфичную структурную логику.

Исходный тип трансформативного акта мы встречаем в базовой практике *чтения ритма*, представляющей собой различные способы декламации специальных текстов, в которых содержится субстанция времени. С точки зрения обычной перформативной логики речевых актов *чтение ритма* представляет речитативный акт, иллокутивные цели которого могут располагаться в широком диапазоне от механической тренировки памяти до экзистенциального вживания в смысл текста. Трансформативная же логика *чтения ритма* предполагает подключение мозга к субстанции времени, что непосредственно влияет на онтологическую ситуацию человека, поскольку ресурс времени определен как главный управляющий фактор во всей иерархии бытия [1]. А так как время в этой онтологии обладает способно-

стью организации остальных измерений (пространства, энергии и информации), то перлокутивный эффект от чтения ритма распространяется на всю сферу бытия. Соответственно, ритмологическая компетенция сводится к развитию специальных навыков считывания этого эффекта как отклика бытия на ритм и располагается в последовательности: *выбор ритма - чтение ритма - считывание эффекта*.

Следующий вид трансформативного акта мы встречаем в практике *переизлучения*, являющейся системообразующей для всего метода в целом. Здесь операциональный состав действия значительно усложняется, так как подключаются дополнительные знаковые системы, требующие выполнения точных семиотических процедур. В состав практики вводятся дополнительные алфавиты, построенные по алфавитному принципу естественных языков. В семиотической школе Ю.С. Степанова алфавитные системы рассматриваются в качестве важнейшей константы мировой культуры, значение которой заключается не столько в закреплении письменного начертания звуков устного языка, сколько в полномасштабной интеграции мирового порядка на всех его уровнях. Степанов указывает на три системообразующих семиотические нити, сходящиеся в системе алфавита. Первая нить восходит к концепту «мировой порядок» в др.-инд. *ṛ-ta* и «священный порядок, ритуал» в лат. *ritus*. Вторая нить связывает концепт «число» и концепт «ритм, рифма» в нем. *reim*, восходящим к др.-гр. *rythmos*. Таким образом, смыслы перевязываются как «порядок в движении, течение порядка». Третья нить образует концепт «буква», соединяющий в себе пересечение нескольких смыслов: 1) тень от солнечных часов, 2) буква с точки зрения ее звукового достоинства. 3) первоначально, первоэлемент [8, с. 73]. Подобная же реконструкция алфавита как модели мироздания в первичном языке и связь его с календарным вращением священного года в древнеиндийской символике двенадцатиспицевого небесного колеса «*ṛta*» представлена и в работах Германа Вирта [9, с. 286]. Многие исследователи алфавитов сходятся и в том, что понятие «элемент» образует свою форму соединением букв L M N, занимающих срединное 12-ое, 13-ое и 14-ое место в ряду из 25 знаков латинского алфавита. Эти и многие другие наблюдения указывают на то, что порядок мира и порядок языка интегрированы в алфавите в единое целое [8, с. 77]. Этот же принцип двойной референции воплощен и в алфавитных системах ритмометода 7P0, субстанционально соотнесен с временными полями, понимаемыми как уровни актуализации ритмов-времени. Трансформативный акт *переизлучения* предстает как перевод знаковых форм исходных языков на субстанциональные языки времени с использованием специальных алфавитов. Сами же алфавиты интегрируют в себе: 1) порядки мира (например, Хладастейное поле, Радастейное поле, как субстанциональные наполнения внутри пространственных и временных вселенных и соответствующие языки Хладастей и языки Радастей), 2) собственно субстанциональные элементы этих вселенных, являющиеся одновременно элементами языков вселенной (например, хладастейное поле задает три плана материальной плотности, представленное языками Циклохладит, Номерной Хладавит и Ритмохладит, в котором выделены отдельные хладастей как целостные субстанции этих порядков), 3) числовые ряды как порядки следования мест и взаимосвязи элементов. При этом двойная референция алфавитных порядков находит свое воплощение в парадигматической и синтагматической логике построения самих алфавитов [9, с. 335].

Синтагматическая логика в традиционных алфавитах проявляется в акростихах алфавитных текстов и в вертикальном чтении алфавитов как акрофонов, составленных по первым буквам имен. Субстанции языков ритмометода 7P0 также имеют синтагматические развертки. Так, например, каждая Хладастей на языках Хладавит проявлена отдельным текстом, но и чтение текстов Хладастей

в порядке их следования задает собственную синтагматическую развертку целостного плана Хладастейного поля.

Парадигматические связи в традиционных алфавитах задают серии для упорядочивания и элементов языка, и элементов самих миропорядков. В древних алфавитах встречаются сериации животного, растительного мира и т.п. В ритмометод 7P0 сериация порядков мира задается собственно характером субстанций, например, язык Номерной хладавит организует информационные порядки, Циклохладавит – энергетические. Кроме того, из элементов-субстанций формируются синтагмы второго порядка, создающие новые субстанции как отдельные высказывания на соответствующих языках. Так, в ритмометод 7P0 задаются различные матричные субстанции, общие и личные имена, как координаты в соответствующих субстанциональных полях. Да и само *переизлучение* с точки зрения трансформативной прагматики предстает в операциональном плане как аналитическое преобразование семиотической формы естественного языка за счет разделения исходного слова до звуко-буквенного состава и последовательный перевод парадигм исходного языка в новые парадигматические ряды специально подобранных языков *переизлучения*. Само же *переизлучение* как трансформативный акт представляет собой прочтение языковых субстанций по заранее определенным синтаксическим правилам образования новых синтагм (например, синтаксис коммутации-вычитания, приближения-отдаления, уплотнения-разуплотнения, связывания-разделения и т.п.).

Коснемся более детально вопроса синтаксиса трансформатива или правил образования синтагм. Поскольку логика составления синтагм задает логику преобразования мира, то правила синтаксиса имеют ключевое значение для понимания логики самой трансформативной прагматики. Иными словами, синтаксические операции в этой логике являются формами непосредственного преобразования субстанций: например, операция коммутация-вычитание, задаваемая на языке Циклохладавит, осуществляет уплотнение и разуплотнение материальных форм проявленной вселенной и т.д. Таким образом, мы получаем двойное соответствие выделенных парадигм исходной языковой формы: типу языка и типу материальной трансформации [10, с. 339-344].

Таблица 1 – Правила преобразования

Исходная синтагма	Деление на грамматические разряды (части речи)	Уровень материальной плотности трансформации	Календарные языки	Языки ритмовремени
Призвечь кометельных сотрудников	Глаголы призвечь	максимальный	Циклохладавит	Опоры хладавит
	Прилагательные кометельных	минимальный	Номерной Хладавит	Опоры радатеид
	Существительные сотрудников	средний	Ритмохладавит	Опоры ритмохладавит

Из приведенного примера становится ясно, что в трансформативах онтологической значимостью наделяется вся система семиотических различий. При этом любопытно, что в психолингвистике именно за глагольными формами закреплена первичная семантическая значимость любых словоформ как в исторической перспективе возникновения речи, так и в индивидуальном ее освоении. Под глагольной формой здесь понимается не семантическое отражение процессов действительности, а деятельный характер самих словоформ как инициаторов активности. При обращении к широкому контексту психолингвистических теорий мы обнаруживаем, что многие исследователи регулятивно-волевой функции речи отмечают: трансформативный синтаксис лежит в самих истоках онтогенеза речи. Так, например, Б.Ф. Поршнев возводит эволюцию человеческого поведения к развитию способности торможения естественных, первосигнальных реакций запретительными командами (интердикции) и надстраивающимися над ними суггестивными командами. При этом обмен командами, согласно этой теории, диффузен, как относительный

предметного содержания (отсутствие фиксированного семантического значения), так и относительно объекта воздействия (им может быть и человек, и особь другой популяции, животное и т.д.). Весь спектр значений речевых сигналов размещен вокруг процессуальной оси «торможение действия – торможение торможения действия» (отогнать-приманить, отказать-разрешить, остановить-запустить) [11, с. 354]. Сами же воздействия первоначально имеют внешнюю направленность и в основном, за рамками локальных социаций, адресуясь представителям других популяций. Любопытно, что и концепция Н. Марра при всей ее неоднозначности содержит гипотезы, до сих пор привлекающие внимание лингвистов, о возможностях межвидовой коммуникации, что свидетельствует в пользу регулятивных, а не дескриптивных значений первослов. Отсюда же происходит интерес к исследованию мотивированности многих фонем звуковыми комплексами приманивающих-отпугивающих команд (к-ш-ш, кис-кис). Наибольшее развитие идея относительной независимости регулятивно-волевой и номинативной функций получила в рамках культурно-исторической школы психологии Л.С. Выготского. В частности, А.Р. Лурия, отталкиваясь от идей Б. Скиннера с его разведением прагматического («-манд») и коммуникативного («-такт») аспектов речи, подтвердил на уровне нейролингвистических исследований независимость функциональных систем, отвечающих за целенаправленное и познавательное поведение: «первым этапом развития регулирующей функции речи, т.е. функции речи, т.е. функции, лежащей в основе произвольного поведения, является умение подчиниться речевой инструкции взрослому» [12, с. 147]. Понятно, что в развитых формах речевого поведения отмеченные функции сходятся и образуют семантически значимые формы трансформативного синтаксиса. Вторичную рефлексию данного синтаксиса мы можем видеть, например, в разработках парижской школы семиотики. А. Грейсмас формирует полную *модель трансформации*, как порождающей структуры нарративного текста, в форме семиотического квадрата, где отражены инверсии бинарной оппозиции в расширенной четырехчастной структуре: объект – антиобъект – не-объект – не-антиобъект. В результате чего мы получаем вариативную логику трансформаций. Модель оказывается приложимой не только к нарративному тексту, но позволяет анализировать логическое устройство множества видов речевых актов. В частности, Д. Вайткявичене применяет ее к нарративной структуре литовских заговоров, что позволяет конструировать альтернативные виды комбинаций:



Рисунок 1 – Логика трансформации

Соответственно, логика трансформации в заговорах на здоровье может задаваться как приглашением здоровья с целью замещения не-здоровья, так и отделением болезни с переходом в не-болезнь, возможно и полное сочетание этих линий внутри одного заговора [13, с. 377].

По этой же логике в ритмометод 7P0 мы можем отслеживать все возможные линии трансформации в практике *переизлучения*. Например, внутри хладастейного поля:

Таблица 2 - Операторы преобразования

Язык переизлучения	Операторы проявления	Операторы снятия	План перлютивного эффекта
Циклохладавит	Плюс	Минус	Энергии
Номерной хладавит	Близь	Даль	Информация
Ритмохладавит	Гля	Блокатор	Пространство

Далее, продвигаясь по структурным уровням метода, мы находим языки более высоких порядков, управляющие структурами нижнего уровня. Усложняются и

правила трансформативного синтаксиса: *переизлучение* производится внутри ритмов, между языками и т.д. [14]

Таким образом, анализируя практику *переизлучения* в ритмометод 7P0 в рамках трансформативной прагматики, мы обнаруживаем многоуровневую систему семиотических преобразований:

подбор формулировки как образование синтагм на исходном языке, задаваемый системами правил трансформативной прагматики (например, правила жестких формулировок, правила подбора ритмов по словам-организаторам, правила подбора ритмоформулировки и т.д.) – вычленение парадигм из исходной формулировки (например, извлечение слов по частям речи, извлечение отдельных букв и т.д.) – подбор языков перепроцесса – чтение парадигм на подобранных языках и образование новых синтагм по правилам трансформативного синтаксиса – наполнение синтагм дополнительными преобразованиями, связанными с ритмологическим контекстом (подключение дополнительных ритмов, субстанций, фильтров, ориентиров, задающих точное направление и параметры трансформации) – считывание эффекта.

При этом заключительный такт трансформативного акта (считывание эффекта) сам по себе требует отдельного разбора, поскольку за рамками конвенциональной ситуации обычной коммуникации становится не совсем очевидным, что считать откликом. Усложнение процедур осуществления трансформативного акта влечет за собой не менее сложные требования к фиксации перлокутивных эффектов, которые задаются как логикой осуществленных преобразований, так и целостным контекстом реализации перлокутивных эффектов. Это требует развития умения дифференцировать знаковый отклик в пространстве и времени с опорой на множественные параметры среды, иными словами развивает особые герменевтические навыки «чтения мира как теста». В связи с этим одним из ключевых моментов ритмометода 7P0 становится разработка концепта Знак, радикально отличающегося от семиотического понятия знака. Мы находим целый семантический куст смежных концептов: предзнак, подсветка, подсказка, не-знак, антизнак, собственно, Знак. По сути, Знак вбирает в себя значение живого проявленного ритма в самих явлениях этого мира или, другими словами, онтологического отклика самой реальности. Поскольку же, как мы отмечали во введении, работа со знаком требует особой настройки сознания, духовного восхождения до первообраза, то трансформативная прагматика с необходимостью включает в себя вопрос и о преобразовании самого актора в процессе осуществления трансформативного акта. Вкратце зафиксируем наиболее существенные направления этих преобразований личности:

1. Развитие особой чувствительности к проявлениям реальности, заключающееся в умении вычленивать из себя позицию наблюдателя, дистанцированного от событийного потока. При этом дистанцирование предполагает не отстранение от ситуации, но и не простое наблюдение за ней, а внимательное наблюдение за самим наблюдением, на что в ритмометод 7P0 делается особенный упор. Поскольку отклик реальности происходит на ее собственном языке, то естественно, любые предубеждения наблюдателя становятся скорее помехами, нежели помощниками, так как захватывают стереотипные реакции из наличного опыта.

2. Формирование экологичного отношения к собственным ментальным и психоэмоциональным процессам, поскольку наблюдатель сам является откликом в единой системе универсума. «Цель Ритмологии – сделать тело лакмусовой бумажкой, определителем параметров среды» [10, с. 157]. В этом плане в ритмометод 7P0 выстраивается понимание равноценного диалога человека и Вселенной, что предполагает прежде всего раскрытие и совершенствование человеком своих внутренних потенций. Постепенно система практик метода

превращается в систему трансформации самого разума, раскрывающегося как соразмерность планам мира, проявленных на соответствующих языках вселенной. Таким образом, практика диалога становится неотделима от эволюции разума.

3. И наиболее важным следствием трансформации становится осознание разомкнутого процесса преобразования, поскольку диалог не предполагает прихода к статичной, конечной форме. Метафорически этот момент схватывается как открытость опыту невероятности, что означает возможность раскрытия все новых непредсказуемых планов бытия, бесконечную трансформацию разума.

Итак, мы совершили определенный опыт концептуализации трансформативной прагматики. В качестве предмета был выбран ритмометод 7P0, так как в этой системе мы встречаем не только методологическую программу, но и реальное осуществление комплексной практики преобразующего диалога с миром, что представляет огромную научную ценность как живой образец развития трансформативного дискурса. В этом плане мы солидарны с позицией Д. Миронова, заявленной в тезисах доклада научно-практической конференции «Института ритмологии Лучерновой Евдокии» 25 - 26 апреля 2019 г., о возможности выделения ритмосемиотики как отдельной дисциплины для систематического изучения внутренних закономерностей метода и накопления эмпирических данных об условиях их эффективного использования. В рамках этой дисциплины трансформативная прагматика очерчивает методологические перспективы исследования логики реализации трансформативных актов. Наблюдение за развитием ритмометода наводит на мысль об автополезисе подобного рода целостных систем, представляющих собой живую саморазвивающуюся ткань в рамках внутренних рекурсивных ритмов самовоспроизводства. При этом, если пользоваться, языком фрактальной семиотики, мы всегда находим здесь два плана развития: динамика саморегуляции (внутреннее самоописание системы) и динамика инореференции (описание картины мира с точки зрения этой системы). Включение же в анализ изучения системы трансформативных действий, стоящих в основе этой динамики, позволяет строить целостные модели функционирования подобного рода систем.

Завершая статью, снова вернемся к заявленным принципам трансформативной прагматики. В связи со специфичностью выделенного типа речевых действий встает вопрос об актуальных областях проявления эмпирического объекта исследования. Традиционная прагматическая лингвистика, ориентируясь на образцы обыденных и системных дискурсивных ситуаций, невольно ограничивает себя рамками доминирующей в современном обществе информационной парадигмы, совмещающей в себе антропоцентрические и социоцентрические установки. Образцы же иных видов дискурса берутся либо как артефакты глубокого прошлого (мифологические памятники, магические практики заклинаний и т.п.), либо относятся к случайным рецессивам этого прошлого в маргинальных субкультурах (новояз эклектических культов). Существуют и попытки разработки проективных семиотических систем, примерами чего служат оригинальные разработки новых концептов в работах М.Н. Эпштейна, концепция антиязыка А.С. Нилогова, риторическая теория числа С. Е. Шилова [15, 16, 17]. Но по своему пафосу подобные проекты больше напоминают игровые методологические манифесты в рамках ситуации after-постмодерн, чем действительные ростки новых парадигм. Поэтому исследование уникальных образцов живой эволюции семиотических систем, действующих в режиме реального времени, имеет большое значение для развития лингвистических наук и гуманитарного знания в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шкарин Д.Л. Шелестюк Е.В. Аффирмация, молитва, ритм как

- дискурсивные практики: прагматический анализ. «Культура и цивилизация» Том 9. №1А, 2019. С. 86-89.
2. Греймас А.Ж., Фонтань Ф. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. 336 с.
 3. Серль Д. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 151–169.
 4. Соломоник А.Б. Язык как знаковая система. М. URSS. 2010. – 224 с.
 5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. – 320 с.
 6. Бескова И.А. Эволюция и сознание: когнитивно-символический анализ. М., 2001. – 268 с.
 7. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – 365 с.
 8. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. – 156 с.
 9. Дугин А.Г. Знаки Великого Норда: Гиперборейская теория. Издательство: М.: Вече Год: 2008 – 320
 10. Лучезарнова Е.Д. Откровенное знакомство, том 3. СПб: Ритмовзлёт, 2015. – 416 с.
 11. Поринев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палео-психологии. СПб.: Издательство: Алетейя, 2007. – 714 с.
 12. Лурия А.Р. Язык и сознание. М: Издательство МГУ, 1998 – 336 с.
 13. Вайткявичене Д. О нарративной структуре литовских заговоров // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: «Индрик», 2005. – 520 с.
 14. Лучезарнова Е.Д. Внутри разума. СПб: Ритмовзлёт, 2015. – 48 с.
 15. Нилюгов А.С. Философия антиязыка. СПб.: Алетейя, 2013. – 216 с.
 16. Шилов С.Е. Риторическая теория числа. М.: ЛЕНАНД, 2013 – 800 с.
 17. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Издательство: Новое литературное обозрение, 2017. 1100 с.
 18. Вашкевич Н.Н. Системные языки мозга. М.: Библиотека расовой мысли, 2002. – 400 с.
 19. Павленко А.Н. Пределы intersubjectивности (критика коммуникативной способности обоснования знания). – СПб.: Алетейя, 2012. – 280 с.
 20. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика М.: Либроком, 2009. – 232 с.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81-25

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0082

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ ЛЮБВИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

© 2020

SPIN-код: 7948-7660

AuthorID: 803415

Щербакова Ирина Владимировна, преподаватель кафедры
«Иностранные языки»

Донской государственной технической университет

(344000, Россия, Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1, E-mail: ira.leroy@yandex.ru)

SPIN-код: 1858-3981

AuthorID: 885449

Волченков Евгений Александрович, старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

(347360, Россия, Волгодонск, ул. Степная, 40, E-mail: Evg_volk@mail.ru)

Аннотация. Эмоция любви является положительно окрашенной эмоцией, проявляемой личностью. Любовь испытывают к Родине, городу, человеку. Во многих работах эмоциональное состояние любви описано как что-то мистическое. В работах Шаховского и Изарда описаны эмоциональные состояния и реализация эмоций. В работах Хачмафовой З.Р. рассмотрена реализация эмоций, которые испытывает персонаж-женщина. Любовь выражают с помощью вербальной и невербальной коммуникации. Вербальная коммуникация представлена лексическими средствами, а невербальная – мимикой, жестами. Реализация эмоций наиболее полно описана в текстах художественной прозы. Именно благодаря контексту мы можем подробно узнать какую эмоцию испытывает персонаж. Целью данной работы является описание гендерной специфики репрезентации положительной эмоции любви в художественном тексте в вербальном и невербальном аспектах коммуникативного поведения персонажа-мужчины и персонажа-женщины. В работе были рассмотрены и проанализированы коммуникативные способы репрезентации положительной эмоции любви в художественных текстах с учетом гендерной принадлежности. Материалом нашего исследования послужили тексты современных художественных произведений на немецком и русском языках. Были выявлены предпочтения персонажа-женщины и персонажа-мужчины в выборе языковых средств реализации эмоции любви в художественном тексте.

Ключевые слова: эмоция любви, художественный текст, гендер, персонаж-женщина, персонаж-мужчина, вербальные средства, невербальные средства, репрезентация эмоции, гендерная принадлежность, лексические способы.

**GENDER SPECIFICITY OF REPRESENTATION OF POSITIVE EMOTION OF LOVE
IN THE LITERARY TEXT (ON THE MATERIAL OF GERMAN
AND RUSSIAN LANGUAGES)**

© 2020

Shcherbakova Irina Vladimirovna, lecturer of the Department
“Foreign languages”

Don State Technical University

(344000, Russia, Rostov-on-don, Gagarin square, 1, E-mail: ira.leroy@yandex.ru)

Volchenkov Yevgeny Alexandrovich, senior lecturer of the Department
of special disciplines

Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation

(347360, Russia, Volgodonsk, s. Stepnaya, 40, E-mail: Evg_volk@mail.ru)

Abstract. The emotion of love is a positively colored emotion manifested by a person. Feel the love for the Homeland, city, man. In many works, the emotional state of love is described as something mystical. The works of Shakhovskiy and Izard describe emotional States and the realization of emotions. In the works of Z. R. Khachmafova, the realization of emotions experienced by a female character is considered. Love is expressed through verbal and nonverbal communication. Verbal communication is represented by lexical means, and nonverbal-facial expressions, gestures. The realization of emotions is most fully described in the texts of fiction. It is through context that we can learn in detail what emotion the character is experiencing. The aim of this work is to describe the gender representation of the positive emotions of love in a literary text in verbal and non-verbal aspects of communicative behavior of the character men and character women. The paper considers and analyzes the communicative ways of representing the positive emotion of love in literary texts taking into account gender identity. The material of our research was the texts of contemporary works of art in German and Russian. The preferences of the female character and the male character in the choice of language means of realization of the emotion of love in the literary text were revealed.

Keywords: emotion of love, artistic text, gender, character-woman, character-man, verbal means, nonverbal means, representation of emotion, gender, lexical means.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Любовь проявляется в полном принятии другого человека, со всеми его недостатками и достоинствами. Любовь - это самое сильное, что испытывает один человек к другому, родным, стране, природе, Богу и ближнему. Эмоция любви может возникнуть внезапно, или после долгих лет дружбы [1, с. 55]. Во многих работах эмоция любви описана как что-то мистическое. Испытывание эмоции любви делает жизнь богаче, человек обретает новые смыслы, надежды, мечты [2, с. 92].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Многими учеными рассмотрены и проанализированы проблема репрезентации эмоций и эмоциональных состояний личности. В работах Хачмафовой З.Р. рассмотрена реализация эмоций, которые испытывает персонаж-женщина. В ее трудах рассмотрены вербальные и невербальные средства репрезентации эмоциональных состояний женщины на основе современных художественных произведений. Ее

работы представляют сопоставительный анализ на основе русского и немецкого языков.

Формирование целей статьи (постановка задания). Нами были рассмотрены проявления положительной эмоции любви на примерах художественных текстов современной прозы [3, с. 100]. Именно в художественном тексте наиболее полно передает эмоциональную сферу персонажа [4, с. 301]. Как утверждает В.И. Шаховский, каждый художественный текст передает эмоционально окрашенную жизнь личности. В текстах художественной прозы эмоции описаны через языковые знаки, которые служат для репрезентации эмоций [5, с. 15]. Таким образом, тексты художественной прозы отражают эмоции [6, с. 110], испытываемые человеком. Материалом для нашего исследования стали тексты современной прозы на немецком и русском языках.

Актуальность нашего исследования заключается в необходимости изучения различных средств репрезентации положительной эмоции любви в художественном тексте в немецком и русском языках, обусловленных гендерной спецификой.

Цель исследования заключается в рассмотрении и выявлении основных языковых средств репрезентации положительной эмоции любви, проявляемых персонажем-мужчиной и персонажем-женщиной в текстах современной прозы. Для достижения заявленной цели нами были определены следующие задачи: рассмотреть и выявить основные вербальные и невербальные средства репрезентации положительной эмоции любви; выделить вербальные и невербальные средства реализации эмоционального состояния любви, проявляемого персонажем-мужчиной; рассмотреть и выявить основные вербальные и невербальные средства репрезентации эмоции любви, испытываемой персонажем-женщиной.

Научная новизна данного исследования состоит в выявлении языковых средств репрезентации базовой положительной эмоции – любовь – в вербальном и невербальном речевом поведении персонажей мужчины и женщины в художественном тексте.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке лингвистической теории эмоций. Практическая значимость работы обусловлена применением полученных результатов в практике преподавания курсов гендерологии и межкультурной коммуникации.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В фон Гумбольдтом в 19 веке было отмечено, язык (речь) как деятельность личности пронизан чувствами [7]. В 21 веке работы Гумбольдта получили широкое распространение благодаря тому, что он утверждал, что изучение языка должно идти в тесной связи с человеком. Учитывая пол личности, антропоцентрический подход в исследовании языка подчеркивает необходимость анализа речевых структур [8, с. 25].

Понятие гендер не означает половую принадлежность личности. Гендер - это социальная принадлежность мужчины и женщины (социальный статус в обществе). Под гендером понимают совокупность всех ролей и функций, которые выполняют женщины и мужчины в жизни.

Гендерная специфика реализации эмоции любви в художественном тексте представлена выражением эмоции персонажем-мужчиной и персонажем-женщиной [9, с. 240]. Данная репрезентация положительной эмоции представлена вербальной коммуникацией (лексическими средствами) [10] и невербальной (кинестическими компонентами) [11, с. 135].

Как утверждает Хачмофова З.Р., эмоция любви – это самая сильная эмоция, которую переживают женщины и мужчины [12, с. 127]. Любовь является сильным чувством, положительной эмоцией.

Персонаж-женщина прямо выражает эмоцию любви [13, с. 60]. Раскрытие в личном лексиконе персонажа-Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

женщины эмоционального состояния любви происходит следующими характеристиками: жизнь, уважение, счастье, преданность, верность, восхищение [14, с. 230]. Она выражает данное чувство глаголом любить в русском языке, в немецком соответствует lieben [15, с. 274]. Приведем примеры проявления эмоции любви женским персонажем с помощью вербальных средств [16, с. 235]:
Ich liebe meinen Onkel [17, с. 74].
Ich liebe unser Kind [18, с. 324]!

„Meine Haare, Madame, sind so frisiert, wie es mir gefällt“, sagte Silvelie [19, с. 312].

В приведенных примерах мы видим, что эмоцию любви женщина называет глаголами lieben, gefallen [20, с. 207]. Это наиболее употребительные глаголы при выражении эмоционального состояния, они передают высокое и глубокое чувство любви.

Женщины могут также вербально не называть эмоцию любви, они ее выражают при помощи передачи тех ощущений, которые испытывают в данный момент [21, с. 240]. Данное явление мы можем увидеть в следующем примере:

Я летаю, я в раю [22].

При вербальном выражении эмоции любви персонаж-женщина более эмоциональна. Это проявляется повышением тона голоса или его понижением, например:

Ждала, ждала, кричала — люблю, люблю [23].

— Я его люблю, — тихо сказала Ирина [24].

Вербальные средства репрезентации положительной эмоции любви, которые испытывает мужской персонаж выражены также глаголами [25, с. 140] любить, нравиться, желать, lieben, gefallen:

Ich liebe sie [26, с. 16].

Das müßt noch eine sein, die mir gefällt [27, с. 257]!

Я люблю этот город, потому что родился там [28].

Мужчины выражают любовь как к женщине, так и к Отчизне, родине, стране, городу, селу [29].

При выражении эмоции любви мужчины называют свой объект, например:

«Katharina, ich liebe dich [26, с. 97].»

Es liegt mir nichts in der Welt ferner, meine liebe Agathe [30, с. 92421].

Meine liebe Effi [31, с. 89]!

Прилагательное liebe описывает состояние мужчины, глагол от его внутреннем состоянии и о том, какую эмоцию испытывает персонаж-мужчина к объекту. Местоимение meine усиливает в данном обращении эту эмоцию, утверждает, что мужчина счастлив.

При назывании объекта, к которому персонаж-мужчина испытывает чувство любви, в вербальной речи мы наблюдаем следующие обращения: моя любимая, дорогая, Katharina, meine liebe Agathe, Meine liebe Effi. Обращения выражены существительными - именами нарицательными и прилагательными.

К невербальным способам выражения эмоций относятся мимика, жесты, позы. Для реализации положительных эмоций характерны улыбка, смех, объятия. Рассмотрим пример репрезентацию эмоции любви в художественном тексте с помощью невербальных средств, проявляемых мужчиной. Читая контекст, мы ясно видим в примере проявление любви отца к ребенку:

Лиза цепенела, пока бабуся притискивала ее к себе. Такое проявление любви ничуть не радовало [32].

К проявлениям любви мужчиной следует отнести заботу, ласку, нежность.

Тебе же уже не 19 лет. Извини, что так примитивно о тебе забочусь! Просто очень желаю тебе здоровья! А наш роман в письмах очень похож на те великие открытия между великими мира сего [33].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Следует отметить, что в проанализированных примерах эмоция «любовь» выражена положительно окрашенной лексикой.

Таким образом, эмоцию любви можно выразить с помощью вербальной и невербальной речи. В работе

были представлены разные лексемы, которыми персонаж-мужчина и персонаж-женщина выражали эмоцию любви, глаголами: нравиться, любить, обождать, lieben, gefallen, существительными, для называния объекта, например: Agathe, прилагательными, для более точного описания: любимая, liebe.

На основе проделанной работы, можем сделать вывод, что женщины и мужчины выражают эмоцию любви через вербальную и невербальную речь. Нами было проанализировано ряд примеров, которые наглядно демонстрируют, что женщины являются более эмоциональными, чем мужчины в вербальной коммуникации при репрезентации эмоции любви. Персонаж-женщина сравнивает чувство любви с чем-то возвышенным, светлым чувством. Женщины выражают любовь с помощью следующих враз: я летаю, я в раю. Персонаж-женщина сравнивает любовь с раем.

На основе проделанного анализа сделаем вывод, что персонаж-мужчина при вербальной репрезентации положительной эмоции любви называют свой объект обожания, например: моя любимая, дорогая, Katharina, meine liebe Agathe, Meine liebe Effi. Нами были проанализированы лексические средства, которые используют мужчины и женщины. При назывании объекта, к которому испытывают любовь, персонажи используют нарицательные существительные и прилагательные, например: любимый, дорогой, Katharina, Effi.

Для анализа эмоции любви невербальными средствами необходимо наличие контекста из художественной литературы, только контекст сможет нам более подробное описание дать и понять, что именно любовь испытывает персонаж.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Щербакова И.В. Гендерная специфика репрезентации эмоций в художественном тексте // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 54-63.
2. Хачмафова З.Р. Особенности концептуализации счастья в русском песенном дискурсе // В сборнике: Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации Межвузовский сборник. 2016. С. 91-94.
3. Щербакова И.В., Евсюкова Т.В. Вербальные и невербальные средства объективации эмоции возмущения в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 3 (202). С. 97-102.
4. Хачмафова З.Р. Гендерные и лингвокультурологические особенности репрезентации концепта «мужчина» в дискурсе женской прозы (на материале русского и немецкого языков) // В сборнике: Дискурс в синтагматике и парадигматике сборник научных трудов. 2017. С. 299-305.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
6. Ковальчук Н.В., Володина М.С. Теория риторических структур как прагматическая концепция анализа текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 107-113.
7. Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) // диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Москва, 2004.
8. Кудряшов И.А., Калашикова А.А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1 (17). С. 24-31.
9. Щербакова И.В. Лексические средства реализации состояния страха в поведении персонажа в текстах современной прозы русского и немецкого языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 238-241.
10. Амбалова С.А. Особенности механизмов психоэмоционального состояния в юношеском возрасте // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 270-273.
11. Катермина В.В. Эмоции в художественном тексте // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 134-139.
12. Хачмафова З.Р., Чуракова Е.В. Репрезентации эмоционального состояния женского персонажа в вербальном и невербальном аспектах коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 1 (192). С. 126-130.
13. Стефанский Е.Е. Эмоции героев в художественном тексте // Русская словесность. 2008. № 2. С. 59-63.
14. Щербакова И.В. Языковая репрезентация эмоционального состояния персонажа в невербальном речевом поведении (на материале русского и немецкого языков) // Известия Южного федерального уни-

верситета. Филологические науки. 2016. № 2. С. 225-232.

15. Щербакова И.В. Особенности передачи чужой речи при переводе с английского на русский язык // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 272-276.

16. Хачмафова З.Р. Концептуализация и вербальная репрезентация действительности в языке современной женской прозы (на материале русского и немецкого языков) / З.Р. Хачмафова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – № 2. – С.234-239

17. Lebert, Benjamin: Crazy, Köln: Kiepenheuer & Witsch 1999 [1999], S. 74.

18. Jentzsch, Kerstin: Ankunft der Pandora, München: Heyne 1997 [1996], S. 324.

19. Knittel, John: Via Mala, Berlin: Deutsche Buch-Gemeinschaft 1957 [1934], S. 312.

20. Акай О.М. О множестве грамматической нормы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 206-209.

21. Ноженко Е.В., Резун В.А. Языковые средства выражения эмоций в художественном тексте // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. 2013. № 2 (27). С. 237-242.

22. Митта Александр. Граница. Таежный роман, к/ф(2000). Эл.ресурс: <https://mp3cc.biz/m/284647-renata-litvinova/36606573-ya-leitai-u-v-rayu/> (Дата обращения 20.10.2019)

23. Домбровский Ю. Рождение мыши (1951-1956) Эл.ресурс: <https://e-libra.ru/read/418482-rozhdenie-myshi.html> (Дата обращения: 15.10.2019)

24. Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002. Эл.ресурс: <https://e-libra.ru/read/541645-svoya-pravda.html> (Дата обращения: 10.10.2019)

25. Ковальчук Н.В. Диалогические реплики со структурой альтернативного вопроса в неформальном интервью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1 (85). С. 138-142.

26. Dücker, Tanja: Spielzone, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2002 [1999], S. 97.

27. Zuckmayer, Carl: Der fröhliche Weinberg. In: ders., Der fröhliche Weinberg, Frankfurt a. M.: Fischer 1995 [1925], S. 257.

28. Дума без героя // «Коммерсантъ-Власть», 2000. Эл.ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/17360> (Дата обращения: 10.10.2019)

29. Даренских С.С., Ипполитова Е.А., Гурова О.С. Ценностно-смысловое содержание жизненных перспектив женщин с разным социальным статусом // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 363-366.

30. Hofmannsthal, Hugo von: Der Schwierige. In: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1917], S. 92421.

31. Brückner, Christine: Wenn du geredet hättest, Desdemona, Frankfurt a. M.: Ullstein 1986 [1983], S. 89.

32. Н. В. Кожевникова. Лодка на тихой реке (1985). Эл.ресурс: <https://litra.pro/garantiya-uspeha/kozhevnikova-nadezhda-vadimovna/read/6> (Дата обращения: 01.10.2019)

33. Кириллин Анатолий. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012. Эл.ресурс: http://processing.ruscorpova.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&req=%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D1%83%D1%81%D1%8C (Дата обращения 27.10.2019)

Статья поступила в редакцию 28.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81'367.522

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0083

ПРОБЛЕМА ИНВЕРСИИ И АКТУАЛЬНОГО (СЕМАНТИЧЕСКОГО) ЧЛЕНЕНИЯ

© 2020

Эйюбова Айгюль Ильхам, преподаватель кафедры
инноваций в обучении

Азербайджанский университет языков

(1000, Баку, Азербайджан, ул. Р.Бейбутов, 134, e-mail: aygul-1991@list.ru)

Аннотация. В статье рассматривается проблема инверсии и актуального членения. На эту тему есть много исследований. Однако остается ряд вопросов в отношении типологического построения и актуального членения языковых единиц в языках, которые отличаются своей типологической структурой. Исследования показывают, что содержание этого языкового феномена недостаточно раскрыто и нечетко определено, чем он отличается от других языковых явлений. Другими словами, до сих пор остаются неясными вопросы, объясняющие позицию инверсии и актуального членения. Не были существенно исследованы связь инверсии с типологической структурой языка, закономерности этой связи, и т.д. Не обосновано влияние порядка слов на содержание и восприятие фразы в исследованиях. В статье в рамках указанных проблем рассматривается структура инверсии ряда языков. Инверсия рассматривается как фигура речи. Инверсии дают дополнительную эстетическую информацию в художественной литературе, усиливая экспрессивный синтаксис.

Ключевые слова: инверсия, актуальное членение, грамматическое членение, тема, рема.

PROBLEM OF INVERSION AND ACTUAL (SEMANTIC) DIVISION

© 2020

Eyyubova Aygul Iham, teacher of the Department
of Innovation in Education

Azerbaijan University of Languages

(1000, Baku, Azerbaijan, R. Beibutov St., 134, e-mail: aygul-1991@list.ru)

Abstract. The article considers the problem of inversion and actual division. There are many studies on this subject. However, a number of questions remain regarding the typological structure and the actual division of linguistic units into languages that differ in their typological structure. Studies show that the content of this linguistic phenomenon is not sufficiently disclosed and unclearly defined, how it differs from other linguistic phenomena. In other words, the questions explaining the position of inversion and actual division are still unclear. The connection between inversion and the typological structure of the language, the laws of this connection, etc., have not been significantly investigated. The effect of word order on the content and perception of the phrase in research is not justified. In the article, within the framework of these problems, the inversion structure of a number of languages is considered. Inversion is seen as a figure of speech. Inversions provide additional aesthetic information in fiction, reinforcing expressive syntax.

Keywords: inversion, actual division, grammatical division, topic, rem.

Проблема инверсии и актуального членения в современной лингвистике привлекла внимание лингвистов уже в 50-60-е годы XX века. Связь между последовательностью слов и актуальным членением предложения изучалась на трех уровнях - конструктивном, семантическом и коммуникативном уровнях структуры предложения. На этих уровнях были проанализированы синтаксическое членение предложения и актуальное членение предложения (выражения). В этих исследованиях представлена словарная и стилистическая информация [1; 2; 3].

Г. Пол, А. Потенция, С. Вейль, В. Матезиус и другие выдающиеся представители теории актуального членения подчеркивали важность информативности, подробно объяснив на основе языковых фактов, как взаимозамена темы и ремы действуют, как процесс.

Во многих из представленных работ выражена мысль о том, что положение актуализации до сказуемого или после него свидетельствует, что в последнем случае позиция сильнее.

Порядок слов в синтаксических единицах (предложение и словосочетание) означает, что слова расположены в определенном порядке и последовательности. Вообще говоря, порядок слов возникает в результате взаимодействия морфологических и синтаксических категорий друг с другом. Однако порядок, определяемый на основе семантической базы, иногда связан с грамматическими формами, в некоторых случаях это становится неприемлемо, а показатели упорядочения слов в структуре определяются и стабилизируются в грамматических формах. Порядок реализуется посредством падежей существительных и времен глаголов. Положение этих категорий в ранжировании и последовательности, очевидно, связаны с определенными языковыми законами. А. Джавадов объясняет роль падежей существительных в последовательности слов в предложении следующим образом: 1) Субстанция находится в определенном пространстве. В

этом случае вначале указывается субстанция, затем пространство: я дома; 2) Так же, как определенный предмет находится в пространстве, то найдутся несколько идентичных предметов (грамматических лиц). В таком случае пространство располагается за грамматическими лицами: я дома, стулья в доме. 3) Один из предметов в том же пространстве влияет на другой. Один активен, а другой пассивен. Здесь воздействующий располагается до воздействуемого: я видел тебя дома. 4) В одном и том же пространстве субъект воздействует на другой объект с определенным предметом. В таком случае воздействующий располагается раньше, чем предмет, на который воздействуют: я ножом порезал яблоко. Таким образом, можно указать на следующую последовательность случаев субстанций: именительный падеж – И.п. + Родительный падеж [25, с.85].

Напротив, в противоположном ряду упомянутые закономерности порядка нарушаются. Обратный порядок приводит к событию инверсии и значительному изменению обычной формы синтаксического устройства. Противоположный порядок противоречит обычной последовательности слов. Этот смысл приводит к актуализации.

Инверсия - «это один из способов выражения в художественном стиле, здесь, в отличие от обычного порядка слов, применяется иной способ художественной выразительности. Например, в предложении, где использована инверсия, подлежащее следует за сказуемым, эпитет – после определяемого слова, и так далее. В стихотворной строке Самеда Вургуня «Пускай живет наша поэзия, пусть здравствуют наши поэты!» есть инверсия. Согласно грамматическим правилам, это должно было быть так: «Наша поэзия пускай живет, наши поэты пусть здравствуют!» [20, с.78-79].

Известно, что существует два типа членения в предложениях: грамматическое и актуальное. А. Ахундов пишет об этом, что «по логическим соображениям

грамматическое членство в первую очередь связано с главными членами предложения. Главные члены предложения являются основой предложения. Для грамматической полноты членения предложения сюда также входят и его второстепенные члены. Второстепенные члены предложения служат для дополнения главных членов предложения. Приведение актуального членения к одному из членов предложения связано с его субъективной стороной. Ясно, что «в предложении не просто отражается информация о реальности, но и отношение к этой реальности», и это указывает на основную причину актуального членения предложения. [21, с.152].

Структурные модели, связанные с грамматическим членением, с помощью актуального членения могут выражать различные значения. Напр.:

1. *Böyük bibim aldığı qara kağızı sinəsinə basıb, gecə-gündüz ağlayırdı.* (Əli İdirimoğlu) (Моя старшая тетья, прижав к груди полученную похоронную бумагу, день и ночь плакала) (Али Ильдырымоглу)

2. *Aldığı qara kağızı sinəsinə basıb, böyük bibim gecə-gündüz ağlayırdı.* (Прижав к груди полученную похоронную бумагу, моя старшая тетья день и ночь плакала).

3. *Gecə-gündüz aldığı qara kağızı sinəsinə basıb, böyük bibim ağlayırdı.* (День и ночь прижимая к груди полученную похоронную бумагу, моя старшая тетья плакала).

Это изменение положения считается функциональной вариативностью инверсии. Такое членение согласуется с логическим ударением и понятиями последовательности слов (инверсии).

Актуальное членение проявляется в контексте. В результате инверсии элементы фразы делятся на несколько частей. Тема (основная фраза) и рема (ядерная фраза) служат индикатором актуального членения. Например, *животные* (тема) *в хлеву* (рема, новая) - *Животные где?*

Как видно, на коммуникативном уровне компоненты актуального членения в предложении подразделяются на тему и ремю.

Актуальное членение предложения формирует динамические речевые единицы. Противоположный ряд называется инверсией. В случае, когда рема выходит на первый план, а тема переходит на задний, то это принимает регрессивный, субъективный, эмфатический характер. Взять, к примеру, следующий пример в английском языке: *Suddenly the telephone rang at the end the corridor.*

В английском языке, при определении числа и положения падежей обращаются к последовательности слов (инверсии). Слово, которое используется перед сказуемым, ставится в И.п., а слово, которое следует за ним, ставится в В.п. Из этого следует, что независимо от морфологического признака, слово, которое стоит в определенной позиции в предложении, адекватно позиции конкретного падежа.

В азербайджанском языке словесный ряд выполняет грамматические, семантические и стилистические задачи. Поэтому, наряду с грамматическими особенностями словарного ряда, необходимо говорить о стилистических и семантических особенностях слов.

В азербайджанском и русском языках лексика, как грамматическое средство, больше играет стилистическую роль. С этой точки зрения порядок слов играет ключевую роль в создании предложений и организации текста. Здесь инверсия в связи со стилистикой есть следствие логического ударения.

В английском и азербайджанском языках порядок слов имеет две основные функции: 1) синтактико-семантическую, б) стилистическую. Хотя порядок слов как средство, в современном английском языке выполняет основную синтаксисо-семантическую функцию и играет важную роль в этом отношении, в современном азербайджанском языке, напротив, он выполняет стилистическую роль, что достаточно важно.

Вопросы инверсии в азербайджанском языке связанной с актуальным членением, получили свое отражение в работах разных лингвистов (в том числе упомянутых

в этой статье). В азербайджанском языке инверсионные возможности порядка слов в предложении самые разные.

Исследователи при этом подчеркивают, что 1) любое предложение передается в связанном формате в рамках речевого процесса или контекста; 2) делается логический и динамический акцент; 3) в зависимости от стиля важно отличать повествование автора от диалога и других типов речи. Диалог имеет и свои особенности, наряду с особенностями речи писателя. Наряду со стилем самого писателя, в диалоге есть свои семантические особенности, средства выразительности, эмоции, широкие возможности донесения мысли, и т.д. 4) Порядок слов определен жанром произведения. Порядок слов обязательно ожидается в научных текстах, а в литературных и публицистических текстах часто нарушается [22, с. 284-285].

В тексте инверсия выступает в качестве определенного типа эмфазы. Эмфаза является разделенным элементом высказывания. Инверсия также является одним из способов выражения эмфазы, а тесная логическая связь между предложениями создает динамичное и эффективное движение текста.

В поэтических произведениях инверсия создает основу для ритма и рифмы. Например:

*Поднявшись на вершину высокой горы,
Созерцаю отсюда равнины кругом.*

И странные чувства потоком текут,

Струятся мне в сердце за мигом миг [Вагабадзе Б. Избранные произведения, том 1].

В азербайджанском языке порядок слов (инверсия) и интонация выступают в качестве основных единиц актуального членения. В лингвистической литературе отношение инверсии к актуальному членению интерпретируется как отношение формы к функции [15, с.9].

В азербайджанском языке у инверсии, то есть определенного порядка слов, есть свои закономерности. Правда, порядок слов не всегда является необходимым условием для актуального членения, но его роль важно учитывать при анализе предложения.

В азербайджанском языке элемент, который считается инвариантным для порядка слов, это подлежащее + дополнение + наречие + сказуемое, эквивалентен ряду тема + рема. Место определения произвольно. В целом все члены предложения являются функциональными и семантическими единицами.

Изменение порядка слов соответствует делению на тему-ремю. Превращение члена предложения, которое используется после сказуемого или в конце повествования, в ремю, отражает в себе разделение информации в самых разных вариантах.

Ф. де Соссюр пишет, что ценность синтагмы во многом зависит от последовательности ее единиц. Говорящий, анализируя синтагму, не ограничивается ее разделением, он при этом также определяет некоторую последовательность частей ... Если последовательность слов имеет абстрактную сущность, то, по крайней мере, верно, что своим существованием она должна конкретным единицам, которые расположены в определенной последовательности в определенном размере» [23, с.171].

Актуальное членение раскрывает различные семантико-функциональные аспекты в процессе речи и инверсии. Повествование также неразрывно связано с синтаксической структурой предложения и логической рамкой предложения. Взаимосвязь между формой и содержанием языка также играет важную роль в семантическом анализе при рассмотрении вопросов влияния языка и мышления друг на друга, при анализе диалектических отношений между речью и сознанием.

Проблема актуального членения – это проблема супрасинтаксического уровня. Языковые единицы делятся на актуальные ярусы. Связанность этого уровня с бытием инверсии абсурдна, и поэтому их отношение

должно быть изучено достаточно тщательно. «Изучение супрасинтаксического уровня, актуального уровня, конечно, очень полезно, и можно при этом определить коммуникативные возможности языков, построение в той или иной форме диалогической и монологической речи» [24, с. 887].

С точки зрения супрасинтаксического уровня наиболее важные и интересные идеи для говорящего и слушающего находятся в начале предложения (препозиция), а второстепенные мысли – в конце предложения. Но эта идея иногда отвергается. Предполагается, что в нормированной речи принят фактор исходной точки повествования, а затем – фактор, используемый для основной цели. Основой этих двух разных теорий был вопрос актуального членения.

Последовательность слов является очень важным средством в соединении компонентов текста. Фактическое членство приходит на ум, когда речь идет о порядке слов. Актуальное членение зависит, прежде всего, от последовательности слов и фраз повествования. Хорошо известно, что грамматическое членение не может раскрыть информационного бремени предложения. Раскрытие информационной нагрузки предложения возможно на основе актуального членения, которое состоит из темы и ремы, как основных категорий.

Основная проблема заключается в том, чтобы, в отличие от грамматического членства, подчеркнуть коммуникативную функцию высказывания [6]. Предложение обладает способностью сохранить все структурно-смысловое единство текстовой среды. На передний план выступает единство идей и мыслей, и это способствует появлению текста. С этой точки зрения способность по созданию текста напрямую связана с развитием актуального членения в соответствующих предложениях.

А. Джавадов, К. Абдуллаев, Ф.Ализаде, К.Велиев, К.Кязимов, которые систематизировали закономерности порядка слов в тюркских языках в рамках современных требований, сосредоточили свое внимание на актуальном членении, синтаксисе текста и актуальном (семантическом) членении. Согласно этим ученым, традиционное грамматическое членение не может раскрыть информативного содержания предложения. В этот момент в языковой практике предложения не может определиться возможность семантико-функционального выражения. Актуальное членение не отрицает грамматическое членение, поскольку они рассматривают предмет под разными углами, каждый язык имеет свое словарное богатство и предстает перед говорящим как план-выражение. Если целесообразность актуального членения выявлена, то в формальной форме в грамматическом членении определяются отношения между предметом, признаком, событием и действием на основе конструктивных отношений слов (членов) друг с другом. Другими словами, формально-грамматическое членение, в некотором смысле, есть материальное мысли, и этот материал направлен к цели через его актуализацию.

Инверсия в текстовых условиях представляет собой типичный выразитель актуализации. Например: *Çıxdılar dikkidə. Artuq göz-gözü görmürdü. Titrəşirdi kəndin solğun işiqləri. Əşraf ciğirdən sola burulub aralanmaq istədi Əhməddən* (i.Şixli. Dəli Kür) (Вышли на платформу. Уже смеркалось. Мерцали блеклые огни деревни. Ашраф, повернув налево, захотел отдалиться от Ахмеда (И. Шихли. Кура неукротимая).

Когда дело доходит до инверсии и актуального членения, необходимо затронуть синтагматические и парадигматические отношения. Эти отношения, наряду с другими языковыми единицами, также проявляются в высказывании. Согласно парадигматической закономерности, семантическая ценность каждой фразы определяется двумя факторами: выбором фразы и возможностью соединения. Для того, чтобы передать информацию о конкретной работе, событии, предмете и т.д., следует

определить выражение, которая является их номинацией для высказывания, и объединить его с другими высказываниями в тексте. Определение высказывания – это не что иное, как выделение одной из языковых единиц в определенном значении, а их комбинация заключается в построении отношений, основанных на грамматико-синтаксических правилах.

При выборе высказывания важно помнить, что каждая фраза является членом определенной синтаксически-семантической парадигмы или группы парадигм. Можно сказать, что синтаксически-семантическая парадигма представляет собой набор утверждений, которые объединяются в соответствии с некоторыми семантическими признаками. Каждое утверждение выражает себя как компонент синтагмы, который отбирается на основе синтаксических правил и принципов данного языка.

Парадигматические и синтагматические отношения в повествовании взаимодействуют друг с другом. Парадигматическую связь создают семантические связи и просодия. Разница между высказываниями связана с семантическим размером и емкостью каждого предложения в тексте. Утверждения в каждой парадигме выбираются из других на основе их синтагматических отношений. В соответствующей парадигме можно обобщенно определить синтагматические отношения фразы.

Парадигматические члены повествования могут перемещаться, и последовательность тем самым нарушается. В целом парадигматическая связь между утверждениями в первую очередь зависит от характера связи между предложениями в тексте. Такой парадигматический ряд пространства проявляется в утверждениях относительно пространства и времени. Хотя такие утверждения подразумевают группировку событий и явлений внешнего мира, эти группы проявляют себя разносистемных языках достаточно разнообразно. Другими словами, видение реального мира каждого языкового коллектива связано с различной категоризацией событий, происходящих здесь. Например: *Evlənmişdilər. On ildən çox idi. Həyan olmuş çətin günlərdə bir-birinə, evdə bir azca soyuqluq hiss edəndə nəfəsləri ilə onu isitmiş, sığınmışdılar qəribliyə düşəndə bir-birinə.* (Они были женаты. Прошло более десяти лет. В каждый из самых трудных дней, когда чувствовали небольшой холод, они своим дыханием согревали его, прижимаясь друг к другу, когда чувствовали отчуждение (И. Шыхлы. Кура неукротимая).

Эти фразы отбираются, комбинируются и обновляются в зависимости от позиции и пожеланий адресата. В целом фразы отбираются и объединяются на основе их способности выражать важную информацию. Но ценность рассказа для нас состоит не только в содержании, которое он выражает, но и в инверсии, связанной со стилистическими оттенками, которая следует из экспрессивных синтаксических закономерностей. И потому определение и соединение утверждений не предназначено исключительно для целей выражения информации, но также требует, чтобы были приняты во внимание цели, среда и условия инверсированной информации.

Идентификация и парадигма языковых единиц, связанных с инверсией, являются синтагматическими признаками. Парадигматические отношения существуют в форме связей в системе языка, и определение выражений основано на этих парадигматических отношениях, то есть на определяемых отношениях. Сочетание определяемых синтаксических единиц в тексте является фактом, непосредственно основанном на самом тексте. Однако хотя определение связано с конкретным текстом, на самом деле правила объединения языковых единиц также исходят из системных связей. Системные отношения не могут быть связаны с какой-либо конкретной информацией, тем или иным текстом. Синтагматические отношения также имеют особое значение как парадигматические отношения синтаксических единиц, и на фоне этой характеристики высказывание создает соответствующую семантику текста в композиции.

Повествования объединяются в том или ином тексте в соответствии с языковыми закономерностями. Все эти вопросы зависят от темы и ремы каждого предложения, в связи с тем, что оно охватывает и в каких соотношениях.

Актуальное членение текстовых компонентов, то есть *взаимозамена темы и ремы*, играет важную роль в изучении семантики текста. Понятно, что предложение (выражение) делится на два фактических компонента в зависимости от коммуникативной цели: 1) тема находится в малоинформативной позиции; 2) рема находится в большей информативной позиции. Другими словами, в условиях актуализации инверсии в предложении эти семантические полюсы, то есть тема и рема, получают общие особенности. Вместе с тем рема в предложении «на своих плечах» несет основное значение. В это время она выступает в качестве его важнейшего компонента. Разумеется, слова, составляющие компоненты состава, находятся в той же позиции, что и функция, которую они выполняют.

Члены предложения, подвергшиеся инверсии, выступают в качестве инструментов для обслуживания темы и ремы с точки зрения актуальности. В то же время интонационные акценты проявляются по-разному. В условиях инверсии угол тяжести попадает на тему или рему. Например: *İclasda çıxış etdi universtetin rekoru, prorektor, bir də şöbə müdirləri (bir də şöbə müdirləri-remadır, aktuallaşan hissədir)* (на собрании выступил ректор университета, проректор, а также руководители отделов (также руководители отделов – рема, актуализированная часть)

Или: *Hazırladılar ayrıca məclisi oxuyub çalanlar üçün (oxuyub-çalanlar üçün- temadır.) (Подготовили отдельно празднество для тех, кто пел и танцевал)(здесь пел и танцевал – тема).*

Как уже отмечалось, фактуальное членение предложения и последовательность слов в предложении неразрывно связаны. Тема и рема поменялись местами, происходит инверсия. Грамматическое и актуальное членение не могут совместиться.

В утверждениях, где применяются члены предложения, подвергшиеся инверсии, существуют различные типы эксплицитной, имплицитной и модальной актуализаций.

Таким образом, языки обладают инверсионной структурой. В связи с этим инверсия является речевой фигурой. Инверсия, как речевая фигура, обеспечивает дополнительную эстетическую информацию и повышает выразительность речи.

Выводы. Изучение проблем инверсии и актуального членения является одной из наиболее интенсивно исследуемых и быстро развивающихся областей современной лингвистики. Порядок слов является средством связи между предложениями. Если в английском языке последовательность слов обладает релевантностью, то в азербайджанском языке эта особенность не проявляется так четко.

В условиях инверсии определяется степень актуального членения предложения. Выявляются методы и уровни конкретных средств выражения актуального членения предложения. В поэзии инверсия (смена мест подлежащим и сказуемым) происходит в основном в соответствии с характером строфы и рифмы.

В азербайджанском языке можно встретить инверсию дополнения со сказуемым, причем сказуемое выделяется более высокой интонацией (например, *Aparın onları qaranlıq zindanlara!*) (*Уведите его в подземную темницу!*).

Исследование данной проблемы также может помочь в определении функциональных перспектив синтаксической системы языков с различным строением. Дальнейшие исследования в этой области могут привести на супрасинтаксическом уровне к более широкой картине форм, подвергшихся инверсии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адамец П. *Порядок слов в современном русском языке*. Прага: 1971
2. Амиров Р.С. *Способы актуального членения в казакском языке*. // Советская тюркология, 1970, 3-6
3. Апполонская Т.А. *Порядок слов и его речевая реализация*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: 1975
4. Крылова О.А., Хавронина С.А. *Порядок слов в русском языке*. 3-е изд. М.: 1986
5. Лобанова Н.А., Горбачик А.Л. *Порядок слов в русском языке*. М.: 1976
6. Матезиус В. *Основные функции порядка слов в чешском языке*. // Пражский лингвистический клуб. - М.: 1997
7. Мусаев О.И. *Порядок слов в предложении английского и азербайджанского языков*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку: 1961
8. Расповов И.П. *Актуальное членение предложения*. Уфа: 1961. - 161 с.
9. Серова Л.П. *Коммуникативная инверсия (последовательность рема-тема) как экспрессивный прием в современном французском языке*. Л.: 1985.
10. Шевякова В.Е. *К вопросу об инверсии, эмфазе, ремовыражении // Иностранные языки в школе*, 1973, № 5
11. Ализаде Ф. *Актуальное членение в азербайджанском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку: 1990. - 24 с
12. Дубе Дж. *Порядок слов и актуальное членение как средства выражения модальности*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: 1993, 23 с.
13. Кварцихава М.И. *Стилистические функции порядка слов в английском предложении*. Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. М.: 1978. - 24 с.
14. Ковтунова И.И. *О понятии инверсии // Проблемы современной филологии*. М.Л.: 1965, с.57-82
15. Ковтунова И.И. *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. М.: 1976. - 239 с.
15. Мельничук А.С. *Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках*. Киев: 1958. - 234 с.
16. Ившин В.Д. *Коммуникативный синтаксис современного английского языка: (Актуальное членение предложения)*. Автореф. ... д-ра филол. наук. М.: 1992, 49 с.
17. Кормилицин С.В. *Порядок слов и актуальное членение предложения (исследование на материале венгерского языка)*: Автореф. ... канд. филол. наук, Военный ун-т, М.: 2000. - 27 с.
18. Пумпянский А. Л. *Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе*. М.: Наука, 1974. - 248 с.
19. Шевякова В.Е. *Инверсионные структуры английского языка: Пособие по экспрессивному синтаксису*. М.: Наука, 2001. - 68 с.
20. *Словарь литературоведческих терминов*. (А.Мирахмедов). Баку: Маариф, 1978
21. Ахундов А. *Общая лингвистика*. Баку: Наука, 1988
22. *Стилистика азербайджанского литературного языка (очерки)*. Баку: Наука, 1970
23. Ф. де Соссюр. *Трды по языкознанию*. М.: 1977
24. Казимов Г. *Грамматика азербайджанского языка. Морфология, Синтаксис*. Баку: Наука и Образование, 2017
25. Джавадов А.М. *Список синтаксических единиц в современном азербайджанском литературном языке*. Баку: Элм, 1977

Статья поступила в редакцию 11.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81: 616.1
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0084

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

© 2020
Author ID: 891750
SPIN: 6623-8289
ORCID: 0000-0001-5723-4287

Ягенич Лариса Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков №4 Института иностранной филологии Таврической академии
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(295492, Россия, Симферополь, улица Вернадского, 4, e-mail: yagenich@mail.ru)

Аннотация. Международное сотрудничество способствует обмену опытом в клинической и функциональной медицине, единство терминологического аппарата способствует прогрессивному и глобальному общению в профессиональной деятельности. Лексико-семантические разновидности состава терминологии свидетельствуют о длительной истории ее формирования с такими характеристиками поэтапного становления: использование исконных и заимствованных классических лексических единиц (IX–XVI в.в.); заимствование классических производных терминов, создание гибридных терминологических словосочетаний (XVII–XVIII в.в.); создание производных и сложнопроизводных терминов на английском языке с целью уточнения описания заболевания, органа или явления (XIX–XX в.в.). В условиях непрерывного развития медицины проиллюстрировано изменения в терминах суффиксальным, префиксальным способами и сложением основ с целью уточнения значений новых предметов исследований. Анализ динамических изменений в сфере медицинской англоязычной науки позволил определить факторы влияния на формирование терминологии: достижения научно-технического прогресса; социальное развитие общества; мобилизация и глобализация науки. Таким образом, обусловлена актуальность изучения аппарата медицинской терминосистемы на английском языке, рассмотрение исторических этапов развития терминологии позволяет объяснить способы словообразования, а, следовательно, определено значение правильности употребления терминов, обозначено тенденции становления медицинской терминологии в условиях глобализации науки.

Ключевые слова: английский язык, медицина, терминология, терминообразование, история.

TO THE PROBLEM ABOUT FORMATION STAGES OF ENGLISH MEDICAL TERMINOLOGY

© 2020

Yagenich Larisa Victorovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of foreign language department № 4 Institute of foreign philology Taurida academy
V.I. Vernadsky Crimea Federal University
(295492, Russia, Simferopol, street Vernadsky 4, e-mail: yagenich@mail.ru)

Abstract. International cooperation contributes to the experience exchange in clinical and functional medicine; the terminological unity promotes progressive and global communication in professional activities. Lexico-semantic varieties of terminology composition testifies to the long history of its formation with the characteristics of gradual formation: the use of native and borrowed classical lexical units (IX–XVI centuries); borrowing of classical derivative terms, the creation of hybrid terminological phrases (XVII–XVIII centuries); creation of derivative and complex derivative terms in English in order to clarify the disease, organ or phenomenon description (XIX–XX centuries). It is illustrated the medicine development there are some changes in terms which are caused by suffixal, prefixal methods and root addition for the values specification purpose of new research subjects. The analysis of dynamic changes in the field of medical English science has allowed to determine the influencing factors of the terminology formation: achievements of scientific and technological progress; social development of society; mobilization and globalization of science. Thus, studying the English medical terminology system, in consideration of historical stages of terminology development allow to explain the ways of word formation, and determine the correctness of the term use for tracing the trends of medical terminology formation in the conditions of scientific globalization.

Keywords: English, medical terminology, term, word formation, history.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Международное сотрудничество и обмен опытом в XXI веке невозможны без осуществления коммуникации, реализуемой посредством языковых единиц.

Чтение литературы, участие в конференциях, презентация исследований и публикация их результатов обеспечивают процесс обмена информацией. Фактическое доминирование английского языка в сфере науки подтверждается в исследовании Д. Друбина и Д. Келлога [1], обуславливает необходимость формирования у врачей профессиональной иноязычной компетенции [2, с. 68] с целью осуществления международной коммуникации.

При этом, каждая сфера деятельности в обществе предполагает оперирование сформированным терминологическим аппаратом.

Актуальность изучения медицинского английского языка очевидна, поскольку человечество всегда стремилось к счастливому и здоровому долголетию. Описание достижений медицинской науки и профессиональной деятельности врачей в текстах представлено использованием терминологии [3, с. 2].

Термин обозначается как «специальное слово, ограниченное своим особым назначением; слово, стремящееся быть однозначным, как точное выражение понятий и названий вещей» [1, с. 60–61].

Международные номенклатуры медицинской терминосистемы способствуют глобализации науки, а процесс объяснения диагноза, рекомендаций по восстановлению или надлежащим процедурам сотрудниками сферы здравоохранения определяют их речь как общедоступная, однозначная, простая в понимании [4, с. 79–80], что обеспечивается использованием терминов [5; 6], имеющих ряд особенностей [7, с. 329–330]:

- 1) греко-латинские корни;
- 2) интернациональность;
- 3) семантическая прозрачность;
- 4) насыщенность эпонимическими терминами;
- 5) конвергенция со смежными науками;
- 6) термины-аббревиации [8].

В исследованиях Л.Н. Гузиной представлено англоязычную медицинскую терминологию приоритетно состоящую из заимствованных лексических единиц [9, с. 126].

А в литературе имеются данные, что около 95%

англоязычных терминов имеют исторические корни в классических языках, обеспечивающие интернациональность большинства медицинских терминов [10, с. 7].

Таким образом, основа медицинской терминологии – это заимствованные греко-латинские термины или искусственно созданные из греко-латинских терминоэлементы.

Наряду с этим, современная англоязычная медицинская терминология представляет собой разнородное сочетание наименований из слов исконно национальных и заимствованных [11; 12]; старых и новых; слов, созданных на основе моделей общелитературного и специализированных моделей терминологического словообразования [4, с. 80].

Такая разнородность в деривации терминов свидетельствует о длительной истории формирования терминосистемы, в которой отражаются особенности формирования медицинской подсистемы английского языка разных эпох [2, с. 10–11]. Медицинская терминосистема не является однородной и по содержанию: наряду с общими существуют и узкоспециализированные термины, применяющиеся в отдельных специальностях [13, с. 248–249]. В связи с этим, особый интерес представляет изучение формирования терминологических подсистем [14, с. 1; 15, с. 991].

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью данной работы является рассмотрение этапов формирования английских медицинских терминов.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. М. Н. Чернявский полагает, что современная медицинская терминология является одной из самых обширных и сложных систем в понятийном и содержательном отношении [16]. Г. А. Абрамова обозначает медицину как комплекс активно развивающихся наук, названия которых отражают конвергенцию наук: медико-биологические, медико-технические, медико-химические, медико-профилактические, имеющих выражение в новых медицинских понятиях и терминах. Поэтому представляется невозможным составить полный перечень слов и выражений образующих современную медицинскую лексику [8, с. 5].

А. А. Завьялов поясняет, что терминологическая система приоритетно служит практическим целям, а также находит отражение в презентации теории [17, с. 45]. Интенсивный рост терминологического фонда приводит к появлению излишних, ненужных терминов, имеющих многозначность и синонимы [3]. В номенклатуре должны работать такие принципы: 1) наличие латинского корня; 2) название должно способствовать запоминанию и не являться описанием или разъяснением; 3) собственные имена при названиях ставятся в скобках, например, *tuba auditiva (Eustahii)* [18].

В рамках данного исследования, вслед за Г.А. Абрамовой, термин определяем как единицу терминосистемы, результат когнитивного процесса и как компонент культуры народа в современную эпоху медицинского просвещения общества [8]. Поэтому считаем целесообразным изучить вопрос латинских или латинизированных греческих слов с V века до н. э. происхождение которых повлияло на становление и развитие современной англоязычной медицинской терминосистемы [19, с. 27].

Древнеанглийский период ознаменовался формированием медицинской профессиональной лексики с точки зрения переосмысления общеупотребительных лексических единиц.

К примеру, общеупотребительное в то время слово *cyrnel*, обозначающее зерно, приобретает в онкологии значение «маленькая опухоль», а *bite*, известное, как укус – значение «рак» [10, с. 8].

Проведенный Е.В. Филипповой анализ исконных ан-

глийских лексических единиц показал, что в тот исторический период использовались лишь три иностранных слова для обозначения понятия «опухоль»: *cumul*, *feal*, *cancer* [10, с. 10]. Следует отметить, что до XII века в профессиональной медицинской лексике для определения понятия «опухоль» применялось около двадцати терминов различного происхождения [3, с. 8].

Например, термин «*cancer*» не является исконно английским словом, более того, имеет сложную историческую судьбу.

Впервые он появился в англоязычной литературе в древнеанглийский период в качестве заимствованного древнегреческого термина, имеющего латинские корни в виде термина «*karkinos*» [10, с. 8]. Во время французской экспансии XII века он претерпел изменения и приобрел форму «*canker*», просуществовав в таком виде до XVI столетия, когда его вновь заменил «*cancer*» [13, с. 250].

Нужно отметить, что полилексемные термины преобладают над монолексемными в терминологии, составляя 70% последней. При этом появление терминологических словосочетаний относится к XVI веку [20; 10]. В XVII веке образуются термины на основе заимствования: *steatocele* – жировая опухоль (от греч. *stear* – жир, *kele* – опухоль). Данный период привел к возникновению синонимов - терминов: *adenoccele* и *adenoma* – опухоль желез, железистая опухоль, *steatocele* и *steatoma* – жировая опухоль [19, с. 249–250].

Данный способ терминообразования признан непродуктивным, а разграничения понятий «опухоль» и «киста, грыжа» привело к тому, что словообразующий терминологический элемент –*cele* применяется для обозначения, прежде всего, неопухолевых образований (*meningoccele* – грыжа мозговых оболочек, *myeloccele* – спинномозговая грыжа) [9, с. 127–128]. При этом в этот период английская терминологическая модель начинает постепенно замещать классическую, и с XVIII начинается эпоха развития национальной медицинской терминологии: в составе терминологических словосочетаний начинают появляться исконно английские слова [10, с. 10]. Именно в этот период происходит заимствование слов с суффиксом –*oma* из классических языков [13, с. 249–250]. Для формирования медицинской терминосистемы значимую роль играют суффиксы и суффиксоиды, которые дают возможность отобразить в структуре термина его категориальную принадлежность с целью уточнения определенного явления [4, с. 79; 9, с. 11]. К примеру, Л. Н. Гущина отмечает, что «суффикс «-*oma*» является родовым для многочисленных монолексемных терминов в онкологической терминологии» [9, с. 126–127]. Однако данная группа терминов не является однородной, и Е. В. Филиппова предлагает выделить две структурные модели терминов, образованных с использованием данного суффикса [10, с. 8–9]:

1. Первая модель характеризуется топографической и гистологической принадлежностью: лексическая единица характеризует источник формирования опухоли. Примерами таких терминов могут служить: *lymphoma* – лимфома, *nephroma* – нефрома, *glomangioma* – гломангиома, *choreoma* – хореома, *hemangioma* – гемангиома, *meningeoma* – менингеома, *ganglioblastoma* – ганглиобластома и др.

2. Вторая модель использует суффикс «-*oma*» для характеристики качеств и признаков опухоли: цвета, формы, структуры, консистенции. К примеру, *textoma* – опухоль с паутинообразной структурой, *scirrhomia* – скirroзная опухоль, *chlogoma* – опухоль зеленого цвета, *solenoma* – опухоль, по внешнему виду напоминающая картофелину и др.

Поэтому, сформировалась третья модель словообразования с суффиксом «-*oma*». Ряд авторов [9, с. 128; 7, с. 331; 13, с. 250] и ряд таких терминов широко применяются в клинической практике. Среди часто употребляемых:

teratoma – опухоль из гонцитов, от «*teras*» – чудовище, монстр. Кроме суффикса «-oma», для терминообразования использовались также и другие: «-osis» – обозначающий диссеминированный процесс (*sarcomatosis* – множественные саркомы, *lymphomatosis* – множественные лимфомы и пр.) и «-oid». Отмечается, что всего известно шесть терминов в онкологии, образованных с помощью суффикса «-oid». Среди широко используемых сегодня: *sarcoid*, *fibroid*, *epidermoid*, *carcinoid* [14, с. 7–8].

Если первая группа терминов характеризуется однозначностью, то недостатком второй является неточность и расплывчатость определяемых, а третья модель внесла определенную точность [9, с. 28–29].

В XIX веке медицинская терминосистема иллюстрирует развитие тенденций XVII века потому, что термины создаются с помощью префиксов, целью которых было конкретизировать значение слова. Так возникли следующие лексические единицы: *periosteoma* – опухоль надкостницы, *hypernephroma* – опухоль надпочечников, *perichondroma* – опухоль надхрящницы и др. [10, с. 10]. Гринев С.В. отмечает отсутствие необходимости использовать префиксальное терминообразование [9, с. 128].

В XX веке наблюдается тенденция к унификации в медицинской терминологии, к созданию «идеальных терминов», обозначающих только одно понятие [4, с. 78].

Архипова Д. А. и Гуцина Л. Н. провели семантический анализ, проиллюстрировав способы уточнения в терминологии, путём сложения слов, что указывает на дополнительные характеристики заболевания или явления, например: *rosette-forming glioneuronal tumor of the fourth ventricle*, церебральная примитивная нейроэктодермальная опухоль с мультипотенциальной дифференцировкой [8]. К примеру, покажем уточнение гистологического происхождения *Abrikosov's tumor*, *Karosi's sarcoma*, (опухоль Абрикосова, саркома Юинга – это эпонимические термины, присвоенный в 1925 году) [9, с. 127].

Таким образом, анализируя процесс национализации медицинской науки, следует выделить такие факторы влияния на формирование терминологии:

- 1) достижения научно-технического прогресса [21];
- 2) социальное развитие общества [15];
- 3) мобилизация и глобализация науки.

Выделено следующие исторические этапы развития медицинской терминосистемы:

- Первый этап – (IX–XVI в.в.) характеризуется использованием исконных (простых и производных) и заимствованием классических (простых) лексических единиц.

- Второй этап – (XVII–XVIII в.в.) характеризуется заимствованием классических производных терминов: создание гибридных терминологических словосочетаний, где родовой элемент – заимствованный, а видовой – исконный, а также и национализацией науки.

- Третий этап – (XIX–XX в.в.) создание производных и сложнопроизводных терминов на английском языке с целью уточнения описания заболевания, органа или явления [19, с. 128–129].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Выполненный анализ позволяет определить медицинскую терминологию как сложную динамическую открытую систему с историей поэтапного становления в рамках научного и социального прогресса глобальных изменений общества. Непрерывное развитие медицинской науки способствует внесению изменений с уточнениями в устоявшиеся термины суффиксальным, префиксальным способами и сложением основ.

Научная и технологическая направленность медицинского общества способствует становлению англоязычной системы терминологии, основополагающим принципом которой является унификация в условиях

глобализации.

Грамотность владения медицинской терминологией определяется пониманием и оперированием английскими терминами с латинскими корнями в условиях мобильной медицины XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
2. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
3. Антонова М.В. Системные связи узкоспециальной терминологии (на материале профпатологической лексики современного английского языка): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1983. 18 с.
4. Гринев С.В. Методические основы медицинской терминологии (состояние и перспективы разработки) // Проблемы упорядочения медицинской терминологии. М.: МГУ, 1989. С. 79–81.
5. Drubin D. G., Kellogg D. R. English as the universal language of science: opportunities and challenges // *Molecular and Cellular Biology*. 2012. № 23. Режим доступа: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3341706/> (дата обращения 21.10.2019).
6. Marchand H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-formation*. Munchen: C.H. Becksche, 1969. 545 p. Режим доступа: <https://www.worldcat.org/title/categories-and-types-of-present-day-english-word-formation-a-synchronic-diachronic-approach/oclc/643150219&referer=brief-results> (дата обращения: 14.10.2019).
7. Гуцина Л. Н., Гончар Я.А. Сравнительно-сопоставительный структурный и семантический анализ английских и русских онкологических терминов (опухоль органов дыхательной системы) // *Журнал Гродненского государственного медицинского университета*. 2017. №15(3). С. 329–332. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-sopostavitelnyy-strukturnyy-i-semanticheskyy-analiz-anglijskih-i-russkih-onkologicheskikh-terminov-opuholi-organov> (дата обращения: 15.10.2019).
8. Абрамова Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 : Краснодар, 2003. 312 с.
9. Гуцина Л. Н. Из истории английских медицинских терминов, обозначающих опухоли [Электронный ресурс] // *Журнал ГрГМУ*. 2006. № 3. С. 125–129. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-anglijskih-meditsinskih-terminov-oboznachayuschih-opuholi> (дата обращения: 18.10.2019).
10. Филиппова Е. В. Типология онкологических терминов в современном английском языке [Электронный ресурс]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1991. 23 с. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/566968/a?#?page=11> (дата обращения: 15.10.2019).
11. Иванов А. В. К проблеме статуса греко-латинских основ в морфологической структуре общеязыковых единиц и единиц специальной номинации // *Вестник Нижегородского университета Н.И. Лобачевского*. 2011. № 6 (2). С.193–198.
12. Уварова И.В., Борисенко И.А. Медицинский английский текст как объект исследования и перевода // *Культурная жизнь Юга России*. 2015. № 2 (57). С. 68–70. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskiy-anglijskiy-tekst-kak-obekt-issledovaniya-i-perevoda> (дата обращения: 20.10.2019).
13. Елисеева Ю.С. Семантический анализ английских и русских медицинских терминов в области онкологии // *Молодой учёный*. Филология. 2017. № 23(157). С. 248–251. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/157/44344/> (дата обращения 16.10.2019).
14. Оганесян М. В. Сопоставительно-переводческий анализ английской и русской медицинской терминологии по генетике: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2003. 23 с. Режим доступа: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/sopostavitelno-perevodcheskij-analiz-anglijskoj-i-russkoj-meditsinskih-terminov.html> (дата обращения: 22.10.2019).
15. Степанова Е.С. Типологические особенности онкологической терминологии в современном английском языке // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т.17. №5(3). С. 991–993. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-osobennosti-onkologicheskoy-terminologii-v-sovremennom-anglijskom-yazyke> (дата обращения: 18.10.2019).
16. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии / М. Н. Чернявский. М., 1996. 336 с.
17. Завьялов А.А. Терминологический словарь международных отношений как лексико-когнитивная задача // *Язык и культура*. 2011. №3 (15). С. 44–50.
18. Сложеникина Ю. В., Звягинцев В. С. Из истории упорядочения русской медицинской терминологии // *Язык и культура*. 2017. №38. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-uporyadocheniya-russkoj-meditsinskih-terminov> (дата обращения: 13.11.2019).
19. Дубенкова Л.В., Апухтина Л.М. Медицинская терминология: различные способы образования медицинских терминов (на примере английского языка) // *Научный электронный журнал Innova*. 2017. №1(6). С. 26–30. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-terminologiya-razlichnye-sposoby-obrazovaniya-meditsinskih-terminov-na-primere-anglijskogo-yazyka> (дата обращения: 19.10.2019).
20. Архипова Д. А., Гуцина Л. Н. Сравнительно-сопоставительный анализ английских и русских онкологических терминов (опухоль центральной нервной системы) // *Журнал ГрГМУ*. 2012. №3 (39). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-sopostavitelnyy-analiz-anglijskih-i-russkih-onkologicheskikh-terminov-opuholi-centralnoy-nerвной-sistemy>

analiz-angliyskih-i-russkih-onkologicheskikh-terminov-opuholi-tsentralnoy-nervnoy-sistemy (дата обращения: 18.11.2019).

21. Кошелева О. Н., Кириллова Т. С., Одишелашвили И. Р. Некоторые сведения из истории развития русской медицинской терминологии // Астраханский медицинский журнал. 2010. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-svedeniya-iz-istorii-razvitiya-russkoy-meditsinskoj-terminologii> (дата обращения: 13.11.2019).

Статья поступила в редакцию 27.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 81`42

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0085

ПРОПОВЕДЬ КАК ЖАНР РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДЕЙ Ж. КАЛЬВИНА)

© 2020

Ясиновская Екатерина Георгиевна, соискатель степени кандидата наук

Московский государственный лингвистический университет

(119034, Россия, Москва, улица Остоженка, дом 38 строение 1, e-mail: Kateyasin1980@yahoo.com)

Аннотация. Целью статьи является исследование проповеди как жанра религиозного дискурса во французском языке XVI в. и определение ее жанрообразующих элементов. Рассматриваются экстралингвистические, культурно-исторические и внутрilingвистические факторы формирования проповеди как самостоятельного жанра религиозного дискурса, который определяется как вид институционального. Жанр проповеди в религиозном дискурсе — один из основополагающих, он представлен в Священном Писании, разработан богословами в рамках гомилетики (науки о произнесении проповедей). Материалом исследования послужили проповеди знаменитого деятеля Реформации Ж. Кальвина, которые во многом явились основой формирования религиозного дискурса на французском языке. Влияние Ж. Кальвина вышло за пределы религиозной сферы, он повлиял на развитие французской литературы и французского языка. В статье рассмотрены также основные функции жанра проповеди: дидактическая, убеждающая, воздействующая, назидательная, определены ее целенаправленность и композиционная структура. Исследование религиозного дискурса с позиции диахронии позволило выявить формирование жанрообразующих признаков проповеди на французском языке с учетом прагматического, содержательного, композиционного и лингвистического аспектов. Жанровое своеобразие проповеди в рамках религиозного дискурса отражает исторический и социальный контексты ее создания.

Ключевые слова: Реформация; протестанты; Священное Писание; проповедь; функции проповеди; композиционная структура проповеди; религиозный дискурс, институциональный дискурс; жанр; диахроническая дискурсология.

SERMON AS A GENRE OF RELIGIOUS DISCOURSE (ON THE BASE OF J. CALVIN'S SERMONS)

© 2020

Yasinovskaya Ekaterina Georgievna, postgraduate

Moscow State Linguistic University

(119034, Russia, Moscow, Ostozhenka street, house 38, building 1, e-mail: Kateyasin1980@yahoo.com)

Abstract. This paper aims at analyzing a sermon as a genre of religious discourse in the French language of the 16th century. The genre-forming components of a sermon are identified. The extra-linguistic cultural, historical and intra-linguistic factors of formation of a sermon as a self-determined genre of religious discourse (defined as institutional) are considered. The genre of sermon in religious discourse is one of the fundamental, it was presented in the Holy Scripture, and it was developed by theologians in homiletics (the science of preaching). The research material consists of sermons by the prominent figure of the Reformation, John Calvin. His sermons greatly contributed to the formation of religious discourse in French. The influence of J. Calvin was beyond the religious sphere, he influenced the development of French literature and the French language. The article also considers the main functions of the genre of sermon: didactic, persuasive, influencing, edifying. From the standpoint of diachrony, the study of religious discourse helped to uncover the formation of genre-forming signs of a sermon in French, taking into account pragmatic, contextual, compositional and linguostylistic aspects. Within the constraints of religious discourse, the genre originality of a sermon reflects the historical and social contexts of its creation.

Keywords: Reformation; Protestants; the Holy Scriptures; sermon; functions of sermon; compositional structure of sermon; religious discourse; institutional discourse; genre; diachronic discourse studies.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение религиозного дискурса и его жанров в историческом контексте с позиции диахронии представляет большой интерес, поскольку религия, являясь формой общественного сознания, играла и продолжает играть немаловажную роль в общественной и духовной жизни человека и общества.

М. М. Бахтин указывал на связь речевого жанра со сферой деятельности человека. Для религиозного дискурса основополагающее значение имеет коммуникация в сфере религии.

Религиозный дискурс относят к виду институционального дискурса. Если принять во внимание, что в современной лингвистике понятие дискурса неразрывно связано с экстралингвистическими, а именно прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [1, с. 136-137], то изучение жанров религиозного дискурса требует тщательного анализа как лингвистических, так и экстралингвистических параметров.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данной статьи является исследование проповеди как жанра религиозного дискурса во французском языке XVI в. и определение ее жанрообразующих элементов, выделяющих проповедь из ряда других жанров религиозного дискурса.

Большой интерес для такого исследования пред-

ставляют проповеди одного из самых известных представителей протестантизма, французского богослова Ж. Кальвина (1509-1564). Материалом исследования послужили проповеди Жана Кальвина по книге Бытия гл. 1-20 (Sermons sur la Genèse), прочитанные в Женеве в период 1559 -1560 гг.

Диахронические дискурсивные исследования дают возможность определить жанрообразующие признаки проповеди на французском языке с учетом прагматического, содержательного, композиционного, лингвистического аспектов.

М. М. Бахтин выделил у речевого жанра определяющие его признаки: целенаправленность, целостность, завершенность, диалогичность, воспроизводимость, обусловленность контекстом [2, с. 159-206; 3, с. 55].

Именно с учетом сущности речевого жанра как высказывания относительно устойчивого тематически, композиционно и стилистически следует рассматривать проповедь как жанр религиозного дискурса.

Проповедь определяется как «дидактическое произведение ораторского типа, содержащее требования этического преимущественно религиозного характера» [4, с. 1260].

С лингвистической точки зрения, проповедь представляет собой речевой акт, в котором принято выделять коммуникантов, коммуникативное намерение и цель, канал связи, характер сообщения [5, с. 278].

Н. Мечковская отмечает, что проповедь – это текст «второго порядка», слово наставника по поводу слова Бога» [6, с. 205].

Е. Бобырева относит проповедь к вторичным речевым жанрам, которые представляют собой переработку первичных религиозных образов - текстов Священного Писания, которые опираются на них «композиционно, ситуативно и ценностно» [5, с. 216].

Церковь изучает проповедь в рамках гомилетики, существуют правила построения проповедей, выделяют различные формы проповедей (беседа, поучение, слово, речь тексты).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ж. Кальвин произносил проповеди на французском языке. Важно отметить, что протестанты в эпоху Реформации отказались от всех таинств, кроме крещения и причащения, они видели в проповеди новое таинство - «слышимое таинство» [6, 209-210]. Основным местом для проповеднической деятельности Ж. Кальвина стала протестантская Женева.

Рассматривая **содержательный** аспект жанра проповедей по книге Бытия, надо отметить, что произнесение проповедей, посвященных разъяснению какой-либо библейской книги широко практиковалось протестантами. При этом протестанты полагали, что Священное Писание совершенно и к нему нечего добавлять. Ж. Кальвин в проповедях по книге Бытия следует практике последовательного и непрерывного чтения и отталкивается от текста Ветхого Завета. Это обуславливает интертекстуальные связи в проповеди. Ж. Кальвин ссылается на Священное Писание, как:

а) обобщенно

L'Escriture nous enseigne/ L'Escriture dit que/ L'Escriture sainte/ La doctrine de l'Escriture sainte/ Commandé en Ecriture/La Clarté de l'Evangile/ Toute la Loi et l'Evangile ne leur est qu'un a.b.c de petits enfants/La doctrine de la Loi et de l'Evangile/La Clarté de l'Evangile/ Toute la Loi et l'Evangile ne leur est qu'un a.b.c de petits enfants/La doctrine de la Loi et de l'Evangile [8];

б) опираясь на Книгу Бытия (французский перевод):

Lors Dieu dit: Faisons l'homme à notre image, selon notre semblance, et qu'il domine sur les poissons de la mer et sur les oiseaux du ciel, et sur tout le bestial de la terre, et sur tout reptile qui rampe sur la terre [8, с. 54];

в) а также ссылаясь на иные Книги Священного Писания для подтверждения развиваемой темы:

Voilà comme Saint Pierre en parle aux Actes [9, с. 889].

Широко используются парафразы из Псалмов:

aussi le prophete, au pseume 49, remontre que ce a esté un vice perpetuel... [9, с. 555]. Псалтырь занимал в жизни протестантов важную роль, занимал центральное место в богослужении.

Целостность, завершенность и воспроизводимость проповеди Ж. Кальвина неразрывно связаны с композиционной структурой. Проповеди по книге Бытия (Genèse) построены в зависимости от последовательности объясняемого библейского текста. Для целей хронологии присутствует указание даты и года:

Du lundy quatrieme jour de septembre 1559 [8, с.1];

Композиционно проповеди по книге Бытия содержат:

1) опору на текст Священного Писания (стих из книги Бытия):

Sermon premier sur le chapitre 1 [Genèse 1-2]: 1. Au commencement Dieu crea le ciel et la terre. 2. Et la terre estoit vuide et confuse, et les tenebres estoient sur l'abisme, et l'esprit de Dieu se mouvoit sur les eaux [8, с. 1];

2) введение:

Il est certain combien que les hommes par leur malice taschent d'obscurcir la gloire de Dieu... [8, с. 1];

Проповедник мог напомнить пастве то, что было сказано в предыдущей проповеди:

Nous visimes mercredi dernier pourquoi et à quelle fin

Dieu a commandé à l'homme de cultiver la terre ... [8, с. 110];

3) основная часть проповеди (при этом разъяснение текста, убеждения, а также назидания идут параллельно):

Apprenons donc d'estre humbles et modestes afin de connoistre Dieu en sa creation... [8, с. 6];

Saint Paul appelle la sagesse de Dieu ce bel ordre et admirable que nous devons contempler et haut et bas [8, с. 6];

4) заключение:

Il y a donc un ouvrage continuel de Dieu... [8, с. 11];

5) далее следует молитва:

Or nous nous prosternerons devant la majesté de nostre bon Dieu, en cognoissance de nos faultes, le priant qu'il nous les face tellement sentir; que ce soyt pour nous y desplaire....[8, с. 12].

Внутренняя структура когерентна:

Nous avons à considerer en premier lieu, en ce qui nous icy recité par Moise... [8, с. 240]

Pour le second il luy monstre qu'il a commis un crime par trop exorbitant... [8, с. 276]

Говоря о **прагматическом** аспекте проповеди, важно отметить, что протестанты выступали за то, чтобы общение с Богом осуществлялось напрямую, их организация церкви была ограничена общиной верующих, в которой выделялись старшие по возрасту и опыту, а также пасторы, которые обладали необходимыми знаниями Слова Божия.

Ж. Кальвин активно учил паству истинам Священного писания, побуждал слушателей к ведению христианской жизни. В этом контексте можно рассматривать **диалогичность** речевого жанра проповеди, которая предполагает, что он реализуется в конкретной ситуации общения проповедника и паствы, где происходит взаимодействие участников.

Понимание проповеди не должно быть пассивным, от адресата требуется претворение в жизнь проповедительских ценностей:

Pour le moins, il ne tient qu'à nous et serons inexcusable, quand nous demeurerons stupides en nostre ignorance [8, с. 1].

Поэтому **целенаправленность** проповеди Ж. Кальвина состоит в том, это не просто лекция на религиозную тему, цель проповедника более сложная, чем передача информации, проповедь должна донести истину, изложенную в Книге Бытия, и повлиять на жизнь людей:

Quand Dieu parle, soit qu'il nous promette salut, soit qu'il nous denonce son jugement, il faut que sa parole ait ceste vertu et ceste efficace en nous... [8, с. 159];

Среди основных **функций** проповеди можно выделить: дидактическую (обучающую), убеждающую, воздействующую, назидательную. Также цель проповеди заключалась в том, чтобы посредством Слова Божия направить жизнь прихожан в правильную сторону, для этого проповедник должен чувствовать в себе «силу Слова Божия», то есть проповедовать под руководством Бога, при этом проповедник, согласно Ж. Кальвину, не имел права развивать в проповеди собственные идеи и воззрения [7, с. 684].

При реализации дидактической (обучающей) функции проповедник прибегает к использованию оборотов, обращающих внимание на главную мысль из Книги Бытия, на важные моменты, требующие запоминания адресатом (паствой):

C'est donc en somme ce que nous avons icy à retenir: c'est asavoir que, pour aprouver nostre service à Dieu, il ne faut point que nous soions esmeuz seulement, quand on nous presche... [9, с. 937]. Кальвин призывает не ограничиваться внешними проявлениями служению Богу, но призывает к тому, чтобы служение Богу было влияло на самые сокровенные мысли и чаяния людей, которые скрыты от окружающих.

Дидактическая функция сближается с назидатель-

ной, когда необходимо дать наставление, направленное на исправление греховной жизни адресата (паствы):

... *afin qu'il n'y demeure pas une seule goutte d'orgueil ny de presumption en nous. Voilà en somme comme il nous faut appliquer ceste doctrine à nostre usage* [9, с. 997].

Также близки воздействующая и убеждающая функции в проповеди Ж. Кальвина. Для большего убеждения верующих в истинности учения Ж. Кальвин опирается на источник «верь» как способ достижения общей цели, а именно единства с Богом:

Il est bien vray que la foy corrige bien tout ce qui est excessif en nous [9, с. 740];

... *et elle nous admenne à Dieu, et fait qu'il soit tout nostre but* [9, с. 740].

Говоря о Боге, Ж. Кальвин, подчеркивает, что Бог сотворил мир, творения Бога совершенны:

Dieu createur du monde... [8, с. 10]

C'est Dieu, nostre Seigneur Jesus Christ, par la vertu duquel le monde a esté créé avec toutes ces parties... [8, с. 13].

Для реализации воздействующей функции проповедник прибегает к предостережению от любых послаблений в отношении к противникам учения. Ж. Кальвин критикует как католическую церковь, так и личных недругов. Устная речь проповедника, оставаясь в некоторой степени спонтанной, позволяет эмоционально окрасить такие критические вкрапления с помощью метафор:

Dieu s'arme en vengeance à l'encontre de tous ces meschans, de toutes ces fieres bestes, de ces dragons qui aujourd'hui jettent leurs escumes de cruauté à l'encontre de la pauvre Eglise. Comme sont mesmes ces roys qui sont bourreaux du pape, et puis apres ces diables qui gouvernent qui sont vrayes epicuriens et mocqueurs de Dieu, qui n'ont nulle religion non plus que des chiens mastins [8, с. 284].

Метафорическое описание врагов Ж. Кальвином указывает на их агрессивность и опасность:

fieres bestes – преисполненные гордыней звери

dragons – драконы

bourreaux du pape – папские палачи

chiens mastins – хищные псы

epicuriens et mocqueurs de Dieu – эпикурейцы и насмешники над Богом. Эпикурейцы служат синоним для безбожников.

Et c'est contre le blaspheme de ce maudict chien Servet qui, de ce passage, a voulu recueillir qu'il y a eu quelque changement en Dieu, comme s'il eust vestu une nouvelle qualité [8, с. 14].

maudict chien Servet – проклятый пес Сервет.

Кальвин выражает свое отношение к своему оппоненту в религиозной полемике Мигелю Сервету, который был казнен в Женеве в 1553 г.

Лингвостилистический аспект жанра проповеди должен рассматриваться с учетом того, что для истории французского языка XVI в. стал началом формирования французского национального языка. Ж. Кальвин видел свою задачу проповедника в простоте изложения Священного Писания адресату:

Quoy qu'il en soyt, il faut que tout sçavoir soit abbaissé jusques à ce que nous profitions tous ensembles d'ung com-mung accord, et que les plus sages et les plus subtilz et aiguz soyent compagnons des pauvres artisans et des laboureurs qui n'ont jamais esté à l'escole [8, с. 9].

Адресат – любой простой человек: «*des pauvres artisans et des laboureurs qui n'ont jamais esté à l'escole*» – бедные ремесленники и рабочие, которые никогда не посещали школы.

Язык Ж. Кальвина как проповедника отличается ясностью и четкостью формулировок. При таком проповедовании устная публичная речь должна оказывать влияние на аудиторию, захватывать внимание слушающих, объединять паству, что неразрывно связано с воздействующей функцией проповеди, поэтому проповедник прибегает к:

(а) сравнениям:

estre comme en un paradis terrestre [9, с. 623];

быть как в раю земном

ceste vie caduque n'est qu'une fumée [8, с. 203];

эта скоротечная жизнь не более, чем дымка

(б) метафорам:

... *leur cupidité s'enflamme davantage, comme on dit que c'est une vraye ydropizie que l'avarice* [9, с. 662];

leur cupidité s'enflamme davantage – алчность их разгорается еще больше

c'est une vraye ydropizie que l'avarice – жадность – истинная водянка (состояние, при котором жидкость скапливается в теле)

(в) синонимам:

Car tous leurs blasphemes, tous leurs despits, tous leurs indignations et coleres ne parviendront point jusques à Dieu, il faudra tousjours qu'il les reçoivent [8, с. 255];

Despit – (dépit) – досада

Indignation – негодование

Colere – (colère) – гнев, ярость

(г) использованию I лица мн. числа:

Nous avons icy à veoir en particulier comme Dieu a envoié le deluge pour exterminer les hommes de la terre [8, с. 422]. Этот прием объединяет адресата и проповедника как единого общества перед лицом Бога. Именно через пастора Бог обращается к людям, поэтому, общество должно внимать словам проповедника и следовать им.

ВЫВОДЫ

Проповеди Ж. Кальвина по книге Бытия могут служить примером формирования ораторской речи церковного таким образом, чтобы достичь максимального понимания аудитории и усилить образовательный эффект проповеди.

В заключение надо отметить, что немаловажную роль в развитии коммуникации играют именно религиозно-конфессиональные факторы [6, с. 4], выделение протестантизма в отдельное направление христианства повлияло на развитие религиозного дискурса во французском языке, расширило его границы, а также отразилось на самом жанре проповеди.

Совокупность жанрообразующих элементов, прагматического, содержательного, композиционного и лингвостилистического аспектов на примере проповедей по книге Бытия дает возможность выделить проповедь среди разнообразных жанров религиозного дискурса. При выделении дискурса следует учитывать социально-культурный и исторический контекст создания того или иного текста.

Институциональность дискурса основана на социолингвистических критериях, связанных с системой социальных институтов, для религиозного дискурса – это церковь, при этом жанры дискурса обладают разнообразием в связи с их прагматическими, композиционными, содержательными и лингвостилистическими особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. гл. ред. В.Н. Яреца. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / Бахтин М.М. // Собрание сочинений, Т. 5. Работы 1940-х-начала 1960-х годов. М.: Изд-во «Русские словари», 1996. С. 159-206.
3. Шерстяных И.В. Теория речевых жанров. Лекционно-практический курс. М.: Изд-во «ФЛИНТА», изд-во «Наука», 2013. 546 с.
4. Российский энциклопедический словарь. Кн. 2. Н-Я. / Гл. ред: А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1027-2015 с.
5. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 375 с.
6. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. - М.: «ФАИР», 1998. 352 с.
7. Смирнов Д.В. Кальвин // Православная энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Том XXIX. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. С. 650-709.
8. Calvin J. Sermons sur la genèse chapitres 1,1 - 11,4/éd. Par Max Engammare // Supplementa Calviniana: sermons inédits. Vol. XI/I. –

Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 2000. LXVIII, 1-554 c.
9. Calvin J. *Sermons sur la genèse chapitres 11,5 - 20,7/éd. par Max Engammare // Supplementa Calviniana: sermons inédits. Vol. XI/2. – Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 2000. 555-1181 c.*

Статья поступила в редакцию 10.01.2020
Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 811.112
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0086

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В СРЕДНЕВЕРХНЕ-НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

© 2020
AuthorID: 847858
SPIN: 1767-1711

Ященко Наталья Валериевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Теория и практика перевода»
Тольяттинский государственный университет

(445667, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 16в, e-mail: yash63@yandex.ru)

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ структуры наименований лиц женского пола и способов их номинации в немецком языке до ранненововерхне-немецкого периода (до середины XIV века). Установлено, что в рассматриваемый период в средневерхне-немецком языке зарегистрированы первичные и вторичные наименования лиц женского пола. Непроизводные наименования составили 12% выборки. В большинстве случаев это наименования, обозначающие родственные связи женщины или её деятельность. С помощью словообразовательной и семантической деривации появляются новые наименования действительности. Основным способом номинации наименований женщин является словообразование. При этом преобладают производные наименования женщин от первичных наименований лиц мужского пола. Кроме того, выделяются полусуффиксы для создания наименований женщин (-*maget*, -*kint*, -*vrouwe*, -*wip/wip*). С помощью словосложения образуется более 17% наименований. Префикс *ge-* является словообразовательным средством как для общих наименований лиц мужского и женского пола, так и чисто для наименований женщин, а также для единичных собирательных существительных, обозначающих группы женщин. Также наименования женщин создаются с помощью семантической деривации и заимствований, но их немного. Выделяются языковые тенденции, влияющие на последующую экстраполяцию.

Ключевые слова: наименования лиц женского пола, немецкий язык, способы номинации, словообразование, суффиксация, мовация, префиксация, полусуффиксация, семантическая деривация, метафора, заимствования, средние века.

THE NOMINATION WAYS OF THE FEMALE DENOMINATIONS IN THE MIDDLE XI – MIDDLE XIV CENTURIES

© 2020

Yashchenko Natalia Valerievna, candidate of philological sciences, associate professor
of «The Theory and Practice of Translation» Department
Togliatti State University

(445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya st., 16v, e-mail: yash63@yandex.ru)

Abstract. In article the retrospective structure analysis of German female denominations and ways of the nomination till the middle of the 14th century is carried out. It is established that during this period derivative and non-derivative female denominations were registered in the middle German language. Non-derivative names accounted for 12% of the sample. In the majority of cases, these are female denominations that indicate a woman's kinship or activity. New names of reality appear with the help of word-formation and semantic derivation. Derivative female denominations which from the primary names of men are formed prevail. The main way of the nomination of female denominations is word formation. The female denominations with a suffix -*inne/-in* prevail. Besides, semi-suffixes for formation of female denominations of this period are allocated (-*maget*, -*kint*, -*vrouwe*, -*wip/wip*). By means of a composition more than 17% of female names are formed. The prefix *ge-* is word-formative means both for the general names of male and female denominations and for purely for names of women, and also for the individual collective nouns designating groups of women. Also female denominations are created by means of a semantic derivation and loans, but there are not many denominations. The language tendencies to influencing the subsequent extrapolation are touched upon.

Keywords: female denominations, German, ways of the nomination, word formation, suffixation, modulation, prefixation, semisuffixation, semantic derivation, metaphor, borrowings, the Middle Ages.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс создания новых слов носит название «номинация» (лат.: *nominatio* - наименование, дача имени). Понятие «номинация» может рассматриваться в узком и широком значениях. При узком понимании под номинацией понимается результат наименования, «закрепление за языковым знаком понятия «сигнификата», отражающего определённые признаки, денотаты - свойства, качества и отношения предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации» [1]. При широком подходе рассматривается не только результат, а и сам процесс наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами [2]. Интерес представляет создание различных наименований лиц в определённые исторические периоды, так как такие процессы отражают появление неких референтов с использованием всего арсенала языковых средств и позволяют сравнивать и анализировать современное состояние рассматриваемых явлений или в диахронических срезах.

Проблемам теории номинации в отечественной лингвистике посвящены работы Н. Д. Арутюновой, А. А. Бунова, В. Г. Гака, В. П. Даниленко, С. Д. Кацнель-

сона, Г. В. Колшанского, Е. С. Кубряковой, в германистике - В. Фляйшера, М. Докулила, И. Онхейзер и др. Вопросы словообразования освещены Е. С. Кубряковой, М. Д. Степановой, И. Барц, М. Докулила, Й. Ербена, В. Фляйшера, В. Хенцена, Г. Марчанда, И. Онхейзер, Г. Пауля и другими. Более глубокому пониманию исторического контекста способствовали работы по истории немецкого языка В. М. Жирмунского, О. И. Москальской.

В исследованиях теории номинации 80-90-х гг. XX века под руководством В. Фляйшера нашли свое отражение различные взаимодополняющие исследовательские подходы. Под номинацией (*Nomination, Benennung*) он понимает языковое выражение с понятийно-закрепляющей функцией в единстве признаковой характеристики и референтной фиксацией [3].

Особенно тщательно теория номинации разрабатывалась в 60-е – 80-е гг. XX столетия в отечественном языкознании. Номинация может быть первичной и вторичной. Первичной, или прямой, номинацией согласно теории номинации, разработанной В.Г. Гаком, является форма, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях. [4]. Однозначного понимания вторичной номина-

ции в исследованиях нет. Одни учёные под вторичной номинацией понимают языковое означивание при помощи предложений, в противовес первичной, которую понимают как языковое означивание посредством слов и словосочетаний [5, 6]. Другие исследователи рассматривают вторичную номинацию как использование фонетического облика первообразной языковой единицы для нового обозначаемого, то есть появления нового значения в данной языковой единице с помощью деривации [4, 7, 8, 9]. Е. С. Кубрякова объединяет вторичные наименования термином «деривация», понимая его как процесс «выведения одних единиц из других по определенным правилам» [8, с. 56]. Она делит процессы морфологической деривации на две группы: процессы формообразования (видоизменение формы, не затрагивающее лексического значения) и процессы словообразования (преобразование семантики исходной единицы с целью создания новой). При таком понимании вторичной номинации Е. С. Кубрякова вторичные наименования называет производными единицами [8, 56-57]. И. Барц и В. Фляйшер считают словообразование основным источником пополнения словарного запаса, однако не исключают заимствования, перенос значения, фразообразование как способы создания новых слов [3, S. 47; 10, S. 25].

Итак, под способами вторичной номинации понимаются деривация, семантическая и словообразовательная. Также отдельными способами номинации могут считаться заимствования и фразообразование.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель данной статьи состоит в анализе способов номинации лиц женского пола немецкого языка, возникших до середины XIV столетия. Экстралингвистическим аспектам наименований лиц женского пола (НЛЖП) данного периода посвящена другая статья автора [11].

Основным методом проведённого исследования был структурно-семантический анализ языковых единиц и анализ по непосредственно составляющим. Все слова рассматривались как результат словообразовательной деятельности. Словообразование – это один из самых распространённых способов пополнения словарного состава языка. Оно определяется как процесс создания новых слов по определённым образцам или словообразовательным моделям из элементов, которыми располагает данный язык – основ, корней, аффиксов [12, с. 4]. Слово, появившееся в результате присоединения аффиксов, определяется лингвистами как производное слово [13, с. 215; 14, S. 102]. Производные слова образуются от производящих основ. Слово, послужившее основой для образования производного слова, называется его мотивирующим словом, которое формально и семантически обуславливает выводимость производного слова.

На современном этапе НЛЖП немецкого языка данного периода не изучены. В этой связи статья представляет собой особый интерес для истории немецкого языкознания.

Материалом исследования послужили НЛЖП, выделенные методом сплошной выборки из словаря средневерхненемецкого языка М. Лексера [15]. Всего было найдено более 550 языковых единиц. Для уточнения значения и периода возникновения привлекались этимологические словари [16, 17]. Исследование проведено в диахроническом срезе.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В рассматриваемом материале преобладающее количество НЛЖП являются вторичными наименованиями, образованными с помощью словообразовательных формантов (82,5%). При этом более половины НЛЖП средневерхненемецкого языка составили суффиксальные образования (51%). Кроме того, выделяются наименования женщин, образованные с помощью словосложения (17,5%), полусуффиксов (14%) и редкие префиксальные образования.

Среди суффиксальных образований преобладают,

как и в последующие периоды развития немецкого языка, НЛЖП с суффиксом *-inne/-in*, которые составляют 95% от всех слов с суффиксами. При образовании наименований лиц женского пола часто производящей основой выступают наименования лиц мужского пола, этот процесс в словообразовании называется мовация (*Motion*). М.Д. Степанова и В. Фляйшер считают мовацию эксплицитным видом деривации существительных другого рода, когда производными наименованиями оказываются наименования лиц женского рода от соответствующих наименований лиц мужского пола, выступающими в качестве производящей основы. Однако, как подчёркивают исследователи, не для каждого соответственного женского рода есть соответствующее мотивирующее существительное мужского рода [18, 19, с. 128].

Таких мовированных наименований в рассматриваемом материале насчитывается более 90% от всех НЛЖП с суффиксом *-inne/-in*. Они, как правило, являются производными от первичных наименований лиц мужского пола (*herzoginne* – жена калифа, *æhterinne* – преследовательница, *jüdinne* – еврейка, *haßgerinne* – жена врага, *viandinne* – враг (женщина), *keiserinne* – королева, *jegerinne* – егерша, *roubarinne, räubarinne* – разбойница, *tærinne* – дурочка, *soldaninne* – султанша). Кроме того, некоторые из производящих основ являются сложными наименованиями лиц мужского пола (*koufmenninne* – торгующая женщина, *dienestmanninne* – жена служителя, *zweifbotinne* – одна из 12 апостолов (Мария Магдалена, Марта). Такой процесс мовации характерен и в последующие языковые периоды развития немецкого языка. При этом иногда производящей основой не является лицо мужского пола (*negerinne* – роженица), так как парных по половому признаку наименований лиц мужского пола для таких существительных быть не может в силу значения этих наименований женщин. Интерес представляет наличие пары наименований по полу *nâter* и *nâterin* – «портной, тот, кто шьёт и портная, швея», в современном немецком языке есть *die Näherin*, но отсутствует *der Näher*.

Также существует мовационное наименование *nëfin, nevin*, служащее для обозначения племянницы, однако в современном немецком для обозначения племянника используется *der Neffe*, а для племянницы – не мовированное – *die Nichte*.

Около 5% суффиксальных образований создаются с помощью других суффиксов, отмечены единичные НЛЖП с суффиксами *-sche* (*verkoufersche* – продавщица, *klappertesche* – болтушка) и с *-isse /-se* (*eppetisse* – настоятельница, *prophetisse* – предсказательница, *trippenierse* – сводница, *soldierse* – жена солдата). Суффикс *-sche* несёт разговорную стилистическую окраску (ср. с русским *-у-* – профессорша и т.п.). Для данного периода не характерно создание НЛЖП с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-lein/(-lin)*, который будет употребителен в последующий – ранненововерхненемецкий период. Образования с этим суффиксом представлены единично и используются для обозначения женщины в переносном значении (*koffelin* – шлюха). Единичное образование с суффиксом *-ide* (суффикс прилагательных греческого происхождения, обозначает «видный, подобный»), однако *svn. götide* означает «крёстная мать, крёстный отец».

Часть вторичных наименований образована с помощью словосложения, которое является главным способом словообразования и представляет собой соединение двух или более самостоятельных слов (основ) [20, S. 100]. В результате процесса словосложения образуется сложное слово или композит.

Сложные наименования женщин составляют 17% выборки. При этом, как правило, это двухкомпонентные наименования (*hoveribe* – придворная фаворитка, куртизанка, *kintamme, kindermuoter* – кормилица, *hornblåse* – ведьма с горном, *hüsdierne* – домашняя прислуга, служанка в доме, *klosternunne, sêlsweste, betswester* – мо-

нахиня, *lêretohter* – ученица, *minnetrût* – возлюбленная, *eltermuoter* – бабушка, *wânbrût* – невеста, супруга, *zîtkiürzel* – возлюбленная, *hovejuncvrouwe* – придворная фрейлина, *muotertohter* – незамужняя девушка в положении, *wunschmuoter* – приёмная мать), сложные слова с большим числом элементов не найдены. При этом соединительные элементы (-s, -en, -er, -e) между компонентами сложного слова отсутствуют.

Уже в средневерхненемецкий период зарегистрированы НЛЖП, которые образуются в результате переосмысления одного из компонентов сложного слова и его превращения в словообразовательное средство. Для обозначения морфем промежуточного характера в германистике существует понятие «полуаффикс» («*semisuffix*») – у Х. Марчанда [21, p. 290-292], *Halbaffix*, *Halbableiter*, *Affixoid* – у М.Д. Степановой, [22, с. 115; 23, S. 183; 24, S. 70].

М.Д. Степанова и В. Фляйшер выделяют четыре критерия для отнесения словообразовательного элемента к числу полуаффиксов [19, с. 153]:

- безусловное *формальное* совпадение полуаффикса с основой (редко словоформой) свободно функционирующего слова;

- *этимологическая* связь полуаффиксов с основой свободно функционирующего слова, что исключает его случайное совпадение по звучанию с неродственной основой;

- *большая* или *меньшая серийность*, то есть употребление полусуффикса не в одном, а в нескольких, часто очень многих, словах;

- *семантическое* сходство полуаффиксов со свободно функционирующим словом с большей или меньшей степенью переосмысления.

В данный период в роли полусуффиксов для создания НЛЖП выступают -*kint* (*meitkint* – девушка, девочка, *erbekint* – наследник, наследница, *basekint* – племянница), -*vrouwe* (*adelvrouwe* – свободная от рождения женщина, *houbetvrouwe* – покровительница, жена капитана, *klusenvrouwe* – отшельница, *klostervrouwe* – монахиня, *lêrvrouwe* – учительница, ученица, *naht vrouwe* – ведьма, *slâfvrouwe* – сожительница, *witvrouwe* – вдова), -*wîp/-wîp* (*bêtwîp* – нищая, *dorfwîp* – крестьянка, *eigenwîp* – крепостная, *spilwîp* – музыкантша, танцовщица, *winkelwîp* – проститутка, *zuowîp* – наложница, *brudervîp* – невестка, золовка) -*maget* (*dorfmaget* – деревенская девушка, *gürtelmaget* – камеристка, *vihemaget*, *vêhemaget* – служанка на скотном дворе). Иногда конкурируют наименования с -*wîp/-wîp* и -*vrouwe* (*konewîp*, *konevrouwe* – жена, *lantwîp*, *lantvrouwe* – местная женщина), однако наименование с -*wîp/-wîp* уже в это время имеют сниженную стилистическую окраску. Эти полусуффиксы (-*wîp/-wîp* и -*vrouwe*) служат для образования наибольшего числа НЛЖП.

Кроме того, среди способов словообразования встречаются редкие префиксальные производные. *Префиксация* наряду со словосложением и суффиксацией является древним способом словообразования. Сущность данного словообразовательного процесса заключается в том, что корню слова предшествует, присоединяясь к нему, словообразовательная морфема, изменяющая лексическое значение слова, но в большинстве случаев не влияющая на принадлежность его к тому или иному грамматическому классу [18, с. 73].

Слова с префиксом *ge-* неоднозначны по своей мотивирующей основе и значению. Часть из них представляет общие наименования лиц мужского и женского пола (*ge-vatere*, -*vater* – кум, кума, *ge-leite* – вождь, жрец, жрица, *tischgenosse*, *tischgenossin* – товарищ по застолью, *gereise* – спутник, спутница (в путешествии), *gespil*, -*spile* – товарищ по игре, *gespunse*, -*spunze* – невеста, жених, *geswige*, *geswîe* – свояченица, свояк, *ge-verte*, *ge-vert* – гид, попутчик, сопровождающая, попутчица), другая группа является чисто наименованиями женщин (*ge-mahele*, -*mehele*, -*mahel*, -*mal* – невеста, супруга, *ge-*

hêlfe – помощница, *ge-bette* – любовница, супруга, *ge-bietêrinne* – повелительница, *ge-bûrinne*, *ge-biurinne* – крестьянка, *geniese*, *genoşinne*, *genexinne* – подруга, *geselle* – спутница, *gesellinne*, -*sellin* – подруга, возлюбленная, *gestinne*, *gestîn* – женский призрак, чужая). Единичные наименования представлены собирательными существительными, обозначающими группы женщин (*geswester*, *geswister* – сёстры, *geschwistergeten* – сёстры, монахини). Одно из слов имеет собирательное значение и служит также для обозначения лица женского пола одновременно (*gespinne* – родня, родственница).

Единичные наименования образуются с помощью префикса с отрицательным значением *un-* (*unholde*, *unhulde* – ведьма, волшебница, *unwîp* – та, кто не заслуживает называться женщиной). В последующие периоды развития языка также появляются лишь единичные наименования женщин с отрицательными префиксами, только в современном немецком языке добавляется ещё *nicht-* (в качестве полупрефикса).

Непроизводные (первичные) наименования составили 12% выборки. Это в основном наименования родства лиц женского пола (*barn* – дочь, *niftel* – двоюродная сестра, *kone*, *kon*, *kan*, *kun*, *quêne* – жена, *göte*, *götte* – крёстная и крестница), НЛЖП, характеризующие женщину по её положению (*eigen* – крепостная, *buole* – возлюбленная, *gelle* – наложница, возлюбленная), или служащие для обозначения занятий женщины (*amme* – кормилица, повитуха, *nunne*, *nonne* – монахиня). Такая значительная доля первичных наименований свойственна только для этого периода, затем в ранневерхненемецком языке их появляется также достаточно много (что связано с процессом формирования немецкого языка), а в последующие столетия (с середины XVII века) они практически не появляются в данном классе слов.

Небольшая часть (5,5 %) представлена другими способами номинации – заимствованиями и семантической деривацией. Иногда с целью наименования языковая система прибегает к использованию иноязычных слов и элементов. Заимствование уже существующего наименования считается простым и эффективным способом пополнения словарного состава языка, так как круг новых понятий, предметов и явлений узок и ограничен. В германистике наибольшее распространение получила классификация заимствованных слов по степени ассимиляции [22, S. 70-71; 25, S. 237], под которой понимается уподобление заимствований словам заимствующего языка в фонетическом, орфографическом или морфологическом планах. В зависимости от процесса ассимиляции слово может быть определено как иноязычное слово (*Fremdwort*) или ассимилированное (*Lehnwort*) [20, S. 133]. Многие языковеды выделяют среди заимствований интернационализмы – слова общего, преимущественно греко-латинского происхождения, распространённые во многих или нескольких языках и имеющие преимущественно терминологический характер [14, S. 77; 22, S. 71; 26, с. 265; 27, S. 280].

Среди заимствований есть чистые заимствования (*bâbe*, *bôbe* (слав.) – старая женщина, старуха, *dame*, *kur-tîse* (фр.) – подруга, *kristen*, *kristene*, *kristân* – христианин, христианка, *kompâninne* – спутница, *concupîne* – наложница), а есть гибридные интернациональные заимствования (ассимилированные немецкими аффиксами, обычно с добавлением суффикса -(*æ*/*er*)*inne*: *magistrinne* (лат. *Magistra*) – учительница, *marterêrinne* – мученица, *priesterinne* – жрица).

Развитие значения имеющихся уже в языке слов также причисляется к способам номинации. Термин «семантическая деривация» по-разному трактуется в работах лингвистов. Е. В. Падучева определяет семантическую деривацию как преобразование, фиксирующее изменение смысла слова, при этом она противопоставляет семантическую деривацию и лексическую деривацию, последнюю она считает предметом словообразования [28, с. 13]. По мнению Д. Н. Шмелева, движение от

более конкретного к более абстрактному «характеризует семантическое развитие многих слов, получающих вторичное значение метафорического уподобления отвлеченных явлений конкретным, «зримым» предметам, признакам, действиям...» [29, с. 218]. В. Н. Телия определяет метафору как модель, выполняющую в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложную и к тому же действующую «скрыто» и нестандартно [30].

Перенос значения осуществляется за счёт метонимии, которая определяется как перенос на основе смыслового сдвига, то есть на основе разнообразных отношений иерархического характера, на основе временной, пространственной, причинно-следственной связи явлений [31, р. 159].

В немногих наименованиях рассматриваемого периода наблюдается семантическая деривация, она представлена в большинстве случаев метафорами. Преимущественно это сложные слова с переосмысленными компонентами (*adelzart досл.* благородная нежность – возлюбленная благородного человека, *härzeküniginne* – королева сердца, *himelkeiserin* – небесная королева (о Марии), *härzevrouwe* – владычица сердца, возлюбленная, *heimholde* – домочадец, домочадка, *wēbesname* – женщина, баба) или непроемными (*amis* – возлюбленная, *schahtel* (шкатулка) – старая женщина, *tasche, tesche* (карман) – пренебрежительно к женщине – обозначает также постыдные части женского тела), единичное переносное производное с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-lîn* (*ketzelîn досл.* кошечка – маленькая, милая девочка).

ВЫВОДЫ

Таким образом, с середины XI до середины XIV столетия НЛЖП немецкого языка образуются в результате процессов первичной и вторичной номинаций. Первичные номинации составили более одной десятой части наименований. Вторичные наименования в это время образуются различными способами номинации, которые и в последующие столетия служат для пополнения класса наименований женщин немецкого языка: семантическая деривация, заимствования, словопроизводство. Ведущим способом является словообразование. Способы словообразования уже в этот период представлены всеми известными на сегодняшний день, используемыми для создания обозначений женских референтов (суффиксация, префиксация, полуаффиксация и словосложение). Преобладающее количество НЛЖП образовано с помощью суффикса *-inne/-in*, зарегистрированные редкие наименования с суффиксами *-sche, -isse /-se, -ide*. Соединительные элементы (*-s, -en, -er, -e*) между элементами сложного слова в НЛЖП данного периода отсутствуют. Префиксальные образования имеют приставки *ge-* и *un-*. Среди полусуффиксов отмечены *-kint, -vrouwe, -wîp/-wip, -maget*, наименования с *-wîp/-wip* уже в это время имеют сниженную стилистическую окраску. Число заимствований и наименований, созданных с помощью семантической деривации невелико, в целом больше 5% (более 30 слов). Перспектива исследования в дальнейшем видится в рассмотрении экстраполяции (распространение установленных в прошлом тенденций в будущем).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Корнилова Л.Ф. Сложнопроизводные существительные в современном немецком языке / Л.Ф. Корнилова // Ученые записки Горьковского Госуд. пед. инст-та иностр. языков. Вып. XI / Очерки по существительному немецкого языка. - Горький, 1959. - 122 с. - С. 77-99
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 768 с.
3. Fleischer, W. Zur Theorie der sprachlichen Benennung / W. Fleischer // Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache in der DDR: Fragen seines Aufbaus u. seiner Verwendungsweise / von e. Autorenkollektiv unter Leitung von Wolfgang Fleischer. - 2., unveränd. Aufl. - Leipzig: Bibliographisches Institut, 1988 - 366 S. - S. 41-50
4. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. - М.: Наука, 1977. - С.230-293.
5. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира: (На ма-

териале рус. грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. - М.: Шк. «Мастера рус. культуры»: Кошелев, 1997. - 574 с.

6. Уфимцева А.А. Семантический аспект языковых знаков / А.А. Уфимцева // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. - 377 с. - с. 31-46
7. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колианский. - Изд. 2-е изд. - М.: URSS, 2005 (ООО ЛЕАНД). - 229 с. (Лингвистическое наследие XX века).
8. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономастическом освещении / Е.С. Кубрякова. - Изд. 2-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 120 с.
9. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. - М., 1977. - 358 с. - С. 129-221
10. Barz I. Nomination durch Wortbildung / I. Barz. - Leipzig : Enzyklopädie, 1988. - 233 S.
11. Яценко Н. В. Ретроспективный анализ экстралингвистических аспектов наименований лиц женского пола в средневерхнегерманский период // Балтийский гуманитарный журнал: ежеквартальный научный журнал. - 2019, т. 8, №3 (28). - 396 с. - С.390-394
12. Федорцова В.Н. Интернациональные модели в современном немецком словообразовании: Учеб. пособие по спецкурсу / В.Н. Федорцова. - Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. - 80 с.
13. Немченко В.Н. Современный русский язык: Словообразование / В.Н. Немченко. - М.: Высш. шк., 1984. - 255 с.
14. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde: Ein Handbuch für Lehrer und Studierende mit einer Einführung in die Probleme des sprachkundlichen Unterrichts / W. Schmidt. - 9. Aufl. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener, 1982. - 344 S.
15. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. - Ausgabe letzter Hand / Nachdruck der 3. Auflage von 1885 mit einem Vorwort von Erwin Koller, Werner Wegstein u. Norbert Richard Wolf. - Stuttgart, 1989.
16. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen/ erarb.v. W. Pfeifer. - München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 1995. - 1665 S.
17. Paul H. Deutsches Wörterbuch/ bearb- v- A- Schirmer. - Halle (Saale): VEB Niemeyer Verlag, 1959. - 782 S.
18. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова ; под ред. Т. В. Строевой. - Изд. 2-е, испр. - М.: URSS, 2007. - 344 с. - (Из лингвистического наследия М.Д. Степановой).
19. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке: учебное пособие для фил. фак-тов ун-тов и инст-тов ин. яз-ов / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. - М.: Высш. шк., 1984. - 264 с.
20. Ольшанский И.Г. и др. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: Учебник для студентов лингв. фак. высш. учеб. заведений (на нем. языке) / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. - М.: Издательский центр «Академия», 2005. - 416 с.
21. Marchand H. The Categories and Types of Presentday English Word Formation. - Wiesbaden: Harrassavitus, 1960. - 379 p.
22. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: Учеб. пособие для студентов лингв. и пед. фак. высш. учебн. заведений (на нем. языке) / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. - 2-е изд., испр. - М.: Издательский центр «Академия», 2005. - 256 с.
23. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. von Karl-Ernst Sommerfeldt - 1. Aufl. - Leipzig: Bibliographisches Institut, 1988 - 267 S.
24. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. - Leipzig, 1976. - 363 S.
25. Lewkowskaja K. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / K. Lewkowskaja. - М.: Высшая школа, 1968 - 320 с.
26. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. - Изд. 4-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2006. - 336 с.
27. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / T. Schippan - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984 - 308 S.
28. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 608 с.
29. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. - Изд-е 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2006. - 280 с.
30. Телия В.Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты / В.Н. Телия. - М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. - 284 с. (Язык. Семиотика. Культура).
31. Ullmann S. The Principles of Semantics / S. Ullmann. - 2, enlarged ed. Glasgow-Oxford, 1959. - 348 p.

Статья поступила в редакцию 03.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 34:002.6
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0088

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ОРИЕНТИРЫ

© 2020
AuthorID: 114881
SPIN: 3223-8166

Баранов Павел Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Южно-российский институт управления)*

(344002, Россия, Ростов-на-Дону, улица Пушкинская д. 70/54, e-mail: pravosoznanie@gmail.com)

AuthorID: 377145
SPIN: 1708-9960
ResearcherID: Q-5694-2019
ScopusID: 56613375000
ORCID: 0000-0003-1325-7967

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры правовых основ управления

МГИМО МИД России

(119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76, e-mail: mamychhev@yandex.ru)

Аннотация. Развитие научно-технического прогресса во все времена выступало не только в качестве драйвера развития экономической системы общества, но и являлось одним из факторов изменения его политической и правовой системы. Оказывая значительное влияние на возникновение новых сфер правового регулирования, научно-технический прогресс достаточно активно влиял и на сам правовой инструментарий, возможности его использования и применения, способы и методы правового воздействия. В работе рассматриваются следующие актуальные процессы информационно-технической трансформации политической и правовой систем общества в Российской Федерации. Авторы обсуждают процесс внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в процесс правоприменения, а также влияние информационно-технических технологий на политический процесс. В содержание приводятся обоснования, что в настоящее время формируется виртуальное цифровое пространство, в котором начинает разворачиваться большинство общественных отношений. При этом показывается, что в киберпространстве традиционные ценностно-нормативные регуляторы не обладают необходимой эффективностью в регулировании взаимодействия людей друг с другом, человека и виртуальных цифровых субъектов. Обосновывается необходимость формирования новых систем нормативного регулирования и стандартов обеспечения безопасности человека.

Ключевые слова: власть, государство, искусственный интеллект, политика, право, информационные правовые системы, цифровые технологии

DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW AND POLITICAL RELATIONS: MAIN TRENDS AND GUIDELINES

© 2020

Baranov Pavel Petrovich, doctor of law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation,
head of the Department of constitutional and municipal law

*Russian presidential Academy of national economy and public administration
(South Russian Institute of management)*

(344002, Russia, Rostov-on-don, street Pushkin, 70/54, e-mail: pravosoznanie@gmail.com)

Mamychhev Alexey Yurievich, doctor of political Sciences, candidate of legal Sciences, Professor
of the Department of legal foundations of management

MGIMO of the MFA of Russia

(119454, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo 76, e-mail: mamychhev@yandex.ru)

Abstract. Development of scientific and technological progress at all times acted not only as a driver for the development of the economic system of society, but was also one of the factors changing its political and legal system. Having a significant impact on the emergence of new areas of legal regulation, scientific and technological progress quite actively influenced the legal tools themselves, the possibilities of its use and application, methods and methods of legal impact. The paper problematizes the processes of digital transformation of political and legal systems of society in the Russian Federation. The authors discuss the process of introducing digital technologies and artificial intelligence into the law enforcement process, as well as the impact of digital technologies on the political process. The article substantiates that at present a virtual digital space is being formed, in which the majority of social relations begins to unfold. At the same time, it is shown that in cyberspace traditional value-normative regulators do not have the necessary efficiency in regulating the interaction of people with each other, humans and virtual digital subjects. The necessity of formation of new systems of normative regulation and standards of safety is proved.

Keywords: power, state, artificial intelligence, politics, law, information legal systems, digital technologies.

ВВЕДЕНИЕ

Научно-технический прогресс менял сознание людей, способствовал формированию нового типа правовой и политической культур, ставил принципиально новые задачи в сфере правотворчества и правоприменения, изменял роль и характер развития политических институтов.

Вступление общества в XXI век характеризовалось революционным этапом взаимоотношений человека и цифрового виртуального пространства. На свет появились принципиально новые возможности человеческих коммуникаций, а также способы производства, хране-

ния, обработки и использования огромных массивов информации. Совершенствование новых вычислительных технологий связи и способов обработки значительных по объему данных привело к автоматизации и роботизации различных, в том числе производственных, процессов. Это оказало огромное влияние на изменение привычного общественно-политического образа жизни, труда и отдыха. Стремительное развитие цифровых технологий поменяло отношения к сфере виртуальных развлечений и пользованию объектами культуры. За последние годы информационные технологии проникли во все области государственного и социального управления. Огромное

значение цифровой революции имела и для правовой и политической систем общества.

Стремительное развитие систем искусственного интеллекта, автономных цифровых алгоритмов и роботизированных технологий кардинально поменяли ландшафт и специфику социально-правовой [1] и общественно-политической жизнедеятельности [2] общества. Сегодня, функционирующие правовые институты и юридические комплексы во многом не соответствуют характеру и направленности развития цифрового взаимодействия в обществе, требует совершенствование и юридическая техника [3]. Кардинально изменяются и общественно-политическая коммуникация, формы и характер развития политических отношений [4], трансформируется публично-властное взаимодействие и и система управления. Иными словами «цифровизируется» и «алгоритмизируется» само право, политика, экономика и т.д. Образ будущего правопорядка и политической системы стремительно изменяется. Кроме того, активизируются процессы конвергенции социального и технического, на авансцену выходят новые акторы (цифровые субъекты, автономные алгоритмы, беспилотные аппараты, роботизированные устройства и проч.).

В настоящее время нет четких прогнозов и вариантов цифровой трансформации общественно-политической жизнедеятельности общества, право и юридическая техника значительно отстают от стремительного развития цифровых и виртуализированных отношений. В этом плане сегодня очевидны проблемы: *во-первых*, в обеспечении эффективного нормирования отношений, основанных на современных цифровых технологиях; *во-вторых*, в социально-политическом управлении, разворачивающимся в обществе процессами взаимодействия и политической коммуникации, которые больше не опираются на традиционные политико-правовые формы, а формируют «новые онлайн сообщества», «виртуализированные идентичности», «интерактивные события», и проч.; *в-третьих*, в охране и защите общечеловеческих ценностей, прав и свобод в цифровой алгоритмической среде.

Кроме того, сложность правового, ценностно-нормативного и деонтологического регулирования цифровых технологий, автономных алгоритмов, машин и роботов связана с их автономичной природой:

- с одной стороны, они выступают продуктом и объектом человеческой жизнедеятельности, именно люди создают, программируют и эксплуатируют данные объекты, закладывают ценностно-рациональный, нравственный и эмоционально-психологический компоненты в изначальный код последних (например, на основе которого осуществляется машинное обучение, анализ массива данных и формирование значимого решения);

- с другой стороны, роботизированные технологии и цифровые алгоритмы выступают новыми «субъектами истории», поскольку кардинально влияют на взаимодействие людей, являются посредниками и участниками цифровых отношений, на которых сегодня разворачиваются разнообразные процессы (технологические, экономические, политические, правовые и т.д.).

Сказанное особенно характерно для основ современной цивилизации (система гуманистических ценностей, доктрина прав и свобод человека и т.д.) и будущих систем безопасности, в которых данные роботизированные технологии и автономные цифровые алгоритмы являются одновременно и объектами, с которыми связывают большинство рисков и угроз, и субъектами, которые обеспечивают защиту жизненно важных интересов, инфраструктурных объектов и проч. [5]. Более того, сегодня люди, вещи, алгоритмы, роботы совместно формируют режимы функционирования, участвуют в обеспечении режима законности и правопорядка, создают специфические отношения, формы и способы взаимодействия, которые имеют совершенно иную структуру и характер. Все это вызов научному сообществу, которое

должно осуществить не только концептуально-правовое оформление категориально-понятийного аппарата, сформировать легальные дефиниции и доктринально-правовые основы регулирования процессов разработки, внедрения и эксплуатации инновационных цифровых технологий, но и совершенствами юридической техники, обеспечивающей фиксацию и нормативное кодирование отношений в цифровую эпоху.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящее исследование основывается на ряде теоретико-методологических принципов. Прежде всего, это *принцип дополненности* в понимании специфики взаимодействия людей с цифровыми технологиями и роботизированными аппаратами в контексте общественно-политической и социально-правовой сферах, когда, с одной стороны, имеющие место политико-правовые институты, структуры и механизмы во многом обуславливают человеческую активность, задают нормы и стандарты разработки и применения данных цифровых технологий, формируют базовые модели использования роботизированных алгоритмов, определяют характер и направленность их использования, а с другой – эффективность и устойчивость конкретных практик применения и взаимодействия предопределяются «субъективным фактором».

Второй важный принцип, на основании которого строятся рассуждения авторов, это *принцип социально-политической конвенциональности*. Согласно последнему функционирующие в обществе ценностно-нормативные системы, юридические комплексы, политические институты имеют конкретно-исторический и социально-коммуникативный характер, которые по аналогии переносятся на структурирование и упорядочивание в сфере взаимодействия человека и цифровых технологий. Поэтому при обсуждении практики внедрения цифровых технологий необходимо учитывать как этот «перенос», так и конвергенцию традиционных политико-правовых структур с новыми формами и способами организации инновационных отношений, основанных на новейших достижениях научно-технического прогресса.

Важнейшим принципом исследования развития процессов цифровой трансформации права, политики, экономики и других сфер жизнедеятельности общества является *принцип целостности*, который ориентирует на системное рассмотрение взаимодействия и взаимообусловленности всех элементов политико-правовой и цифровой жизнедеятельности общества, а также комплексный учёт ценностно-нормативных, этических и иных элементов, цифровых и технологических стандартов в выстраивание новых форм и практик общественно-политического взаимодействия.

В свою очередь, принцип достоверности направляет исследование авторов на согласование получаемых выводов и положений с имеющимися теоретико-методологическими достижениями социально-гуманитарных и технических наук, аналитическими и эмпирическими данными, экспертными позициями и технологическими разработками.

Отдельно отметим, что для настоящего исследования значимым выступает методологический принцип, обоснованный Анн-Мари Мол, Джоном Ло, Дж. Батлер и др. [6; 7; 8; 9], согласно которому люди, вещи, машины, цифровые технологии совместно формируют особые, специфические отношения, в рамках которых складываются, опосредуются, опредмечиваются и сущностно определяют каждое из них. Данный принцип назван исследователями – «метод-сборка», он ориентирует на исследование как создаются эти специфические отношения и как они разворачиваются, а главное, что в этих отношениях технологии и машины рассматриваются в качестве неотъемлемых «агентов» (Б. Латур) [10; 11], формирующих и влияющих на практическую деятельность и ее характер. При этом в рамках этих подвижных

и постоянно изменчивых отношений всегда существуют общие условия и формы организации («формы сборки») необходимые для их существования и развития, будучи множественными, они сохраняют и преобразуются в качестве определенного целого (И. Красавин) [12].

РЕЗУЛЬТАТЫ

На сегодняшний день феномен цифрового общества подвергается активному исследованию со стороны представителей гуманитарных наук. Вырабатываются новые представления о месте и роли цифровой информации в жизни людей и их коллективов, степени ее воздействия на уровни социальной коммуникации, в том числе, в политической сфере, новых возможностях, открывающихся в сфере политической манипуляции общественным сознанием и др. Увлечение проблемами цифровизации окружающей жизни настолько велико, что привело к использованию, возможно не совсем корректного в данном случае термина, «цифровая экосистема».

Данный термин используется не только в науке, но и в правотворчестве, например, в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [13]. Последнее обстоятельство наглядно демонстрирует, что мир действительно изменился и законы цифрового виртуального пространства начинают активно конкурировать с законами природы, как минимум, на уровне человеческого сознания.

Кроме того, намечаются активные тенденции к полному или частичному переходу традиционных элементов общественной и государственной жизни в цифровое виртуальное пространство. Речь идет не только о смене функционального назначения цифровых технологий, но и появлении «новой реальности» в виде цифровой экономики, цифрового права, цифровой политики и др. [14]. Также не вызывает сомнения, что современные цифровые технологии создавая предпосылки для перехода к новой общественно-экономической модели развития, ведут к реформированию самого способа правовой регуляции общественных отношений [15].

Уже сегодня мы наблюдаем формирование нового цифрового правового мировоззрения, значительным образом отличающегося от сложившегося в предшествующие периоды человеческой истории. Не умаляя важную роль права в процессе регулирования новых цифровых сфер общественных отношений, следует говорить о праве как об одном из объектов процессов «цифровизации», ведущего к изменению самой его формы. Не случайно многие исследователи отмечают, что цифровые технологии активно меняют сам образ права, показатели его эффективности и регулятивный потенциал [16].

В первую очередь необходимо обратить внимание на вопрос, о том каким представляется само «писанное» позитивное право, в цифровую эпоху. Речь идет о принципиально новой цифровой форме права. В данном случае мы будем говорить не только о непосредственном носителе информации, но и о том, каким образом воспринимается содержание нормативного правового акта в ситуации его представления в электронной форме в той или иной информационно-справочной правовой системе или базе данных.

В соответствии с Конституцией РФ Россия является правовым государством (ч. 1 ст. 1), в котором Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей ее территории (ч. 2 ст. 4) [17]. В соответствии с ч. 3 ст. 15 неопубликованные законы не применяются, как и любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина в случае, если они не опубликованы официально. Данные конституционные положения актуализируют обязанность государства предоставить полную и исчерпывающую информацию о современном состоянии законодательства. Однако, современные цифровые технологии и здесь оказали неопределимую услугу.

Так, например, в соответствии со ст. 4. Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу

федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» официальным опубликованием федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» [18].

В первоначальной редакции данного закона указание на официальный интернет-портал правовой информации отсутствовало и появилось только в редакции 2011 года. Именно на официальном интернет-портале был в первую очередь опубликован уже упоминавшийся нами Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», как и многие другие нормативные правовые акты. Отметим в этой связи, что традиционная «ремарка» справочно-поисковой системы «КонсультантПлюс» о том, что «в данном виде документ опубликован не был» уже не соответствует действительности и требует уточнения в части указания на отсутствие актуальной «бумажной редакции». Что же касается актуальной редакции документа, выложенного на «Официальном интернет-портале правовой информации», то она во всех случаях присутствует, наряду с нормативными правовыми актами, содержащими непосредственно и сами изменения. Таким образом на сегодняшний день необходимости размещать перечисленные нормативные правовые акты в бумажных периодических изданиях не существует и, возможно, в ближайшем будущем такая работа вообще потеряет какой-либо смысл.

Не для кого не секрет, что информация в бумажных периодических изданиях не дает возможности полноценно ознакомиться с действующей редакцией, например, федерального закона, за исключением случая его первоначального опубликования. Многие ныне действующие федеральные законы изменялись десятки раз. Что же касается конкретных поправок, то речь может идти о сотнях. Частота принятия изменений к отдельному закону может составлять до трех-четырех в год. Так, к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» было принято более ста сорока изменений. Количество соответствующих поправок вряд ли поддается пересчету. При этом необходимо учитывать и правовые позиции Конституционного Суда РФ, обладающие известной юридической силой. Невозможно представить современного человека, который желая обратиться к тексту интересующего федерального закона, возьмет для ознакомления издание с его первоначальным вариантом и несколько десятков изданий, содержащих федеральные законы о внесении в него изменений. И это в условиях, когда информацию о всех изменениях в любом случае придется искать самостоятельно путем обращения к цифровым информационным базам данных. Таким образом, в условиях бессмысленности и непрактичности обращения к официальным бумажным изданиям, их значение в качестве «официального источника опубликования» является номинальным.

Следует отметить, что практика отдельного издания актуальной редакции нормативного акта в «неофициальном» издании сохранилась. Больше того современные российские издатели даже предлагают специальные программы по обмену с доплатой устаревших и неактуальных версий нормативных правовых актов на новые и актуальные. На наш взгляд, это в большей степени связано с особенностями педагогического процесса, так как изучение традиционных бумажных носителей в большей степени отвечает задачам начальной подготовки будущих юристов. Одновременно практически сошла на нет практика включения в монографические издания большого количества «приложений» правового характе-

ра.

На наш взгляд, в современных условиях опубликование нормативного акта на «Официальном интернет-портале правовой информации» не только является вполне достаточным с юридической точки зрения, но и обладает гораздо большим практическим смыслом в деле информирования о реальном состоянии российской правовой системы. Аналогичным образом ситуация официально разрешается и на уровне регионального законодательства [19; 20]. В данной связи отметим, что в условиях «необязательности» формальной процедуры опубликования текста нормативного правового акта в «бумажном» официальном издании особую актуальность приобретает проблема доступа к сети интернет всех без исключения граждан Российской Федерации, независимо от места их проживания, тем более, что осуществить доступ к актуальным информационным правовым ресурсам значительно проще чем к их бумажным версиям.

Обращение к базам нормативных правовых актов регионального и местного уровня, как правило, невозможное в бесплатных версиях традиционных справочно-информационных систем, заслуживает особого внимания. Наличие актуальных версий нормативных правовых актов регионального и местного уровня на специальных сайтах особенно важно для рядовых граждан, которые в отличие от практикующих юристов не могут себе позволить платные версии региональных и местных баз данных, например, системы КонсультантПлюс [21]. Следует признать, что на сегодняшний день соответствующая работа органов публичной власти за редким исключением не вызывает нареканий.

Однако, особое внимание в качестве источника получения актуальных редакций нормативных-правовых актов заслуживают именно справочно-информационные системы, которые могут располагаться как в открытом доступе в сети Интернет, так и на компьютерах конкретных пользователей или на компьютерах-серверах организаций. Ни для кого не секрет, что именно справочно-информационные системы, например, «КонсультантПлюс» или «Гарант» [22], являются наиболее удобным источником получения актуальной версии нормативного правового акта для юристов и обычных граждан. Платные версии данных программ представляют пользователям качественно иные возможности для получения актуальной правовой информации, поднимая удобство ознакомления с материалом правового характера на принципиально иной уровень.

Речь идет о возможности просмотра не только действующей и недействующей редакции документа, но и формирования соответствующих сравнительных таблиц. Справочная система в состоянии выстроить оптимальную систему прямых и перекрестных ссылок, использующих не только нормативные правовые акты, но и решения органов судебной власти, а также юридические комментарии и юридическую литературу. Систематизация результатов поиска может происходить по нескольким основаниям, заранее предложенным пользователем.

Сам по себе нормативный правовой акт предстает уже не как относительно самостоятельный и обособленный источник права, а как составная часть всего массива правовой информации в сложной системе прямых и перекрестных связей, наглядно демонстрирующих в том числе его несовершенство и, в отдельных случаях, показывающих возможные противоречия иным нормативным правовым актам. Анализируя проблему «инового вида», который приобретает нормативный правовой акт в его виртуальном системном представлении, справедливо обращается внимание на то, в каком образе предстает современная российская конституция в единстве ее текста, федеральных законов, федеральных конституционных законов, правовых позиций Конституционного Суда РФ и иных органов судебной власти, международных правовых актов и др. [15].

Однако, как мы уже отметили, такое системное представление нормативного правового акта, в случае Конституции РФ, наглядно демонстрирует не только все ее «несовершенства», но и «несовершенства» конкретизирующего ее законодательства. В отдельных случаях это, на наш взгляд, может значительно снижать и уменьшать богатый потенциал заложенных в ней принципов, давая в конечном итоге не всегда верное представление о первоначальной конституционной модели развития [23].

По нашему мнению, идеализировать справочные правовые системы не следует. У них есть свои существенные недостатки, на которые часто обращают внимание опытные пользователи. В частности, значительные нарекания вызывает недостаточная интеграция регионального законодательства в общие массивы правовой информации. Однако в условиях федеративного государственно-территориального устройства и значительного количества субъектов Российской Федерации вопросы соотношения федеральных и региональных нормативных правовых актов всегда будут вызывать значительные сложности. Полная цифровизация всего массива правовых источников таит в себе и определенные риски [24]. Как отмечают в этой связи исследователи, уровень доверия пользователей к текстам, размещенным в этих специальных правовых системах, не вызывает сомнения и обсуждения, тогда как гарантий точного соответствия цифровой копии оригиналу никто предоставить не может [25].

Позволим себе высказать замечание о том, что в аналогичном ключе можно было бы говорить и о традиционных «бумажных» источниках публичного права. К сожалению, о том каким образом будет отличаться дисциплинарная ответственность сотрудников «официальных» публичных порталов правовой информации и их «коллег» из справочно-поисковых систем «КонсультантПлюс» и «Гарант», можно рассуждать лишь теоретически. Нельзя исключить и сознательно «вредительства» их хулиганских или каких-либо корыстных соображений, в том числе, в процессе так называемых хакерских атак. Можно только представить себе те возможные риски и угрозы, которые несет в себе умышленное и целенаправленное искажение «правового пространства» России в информационных банках и системах. Вопрос о юридической ответственности за умышленное или неумышленное неточное изложение нормативных актов или материалов судебной практики может выступить одним из интересных направлений научных исследований.

ВЫВОДЫ

В заключение отметим, что существующие справочно-информационные системы оказывают исключительно положительное влияние не только на процессы правоприменения, но и процессы правотворчества. Достаточно стройная система правовых данных, созданная благодаря справочно-информационным системам, позволяет предположить, что именно так будет выглядеть цифровая модель правового регулирования будущего, за вычетом всех несовершенств и противоречий, свойственных современным правовым системам. Речь идет о рассчитанном на достаточно далекую перспективу варианте создания единого правового массива, обладающего всеми свойствами стройности и непротиворечивости, по причине активного использования при его создании возможностей искусственного интеллекта.

В продолжение темы можно было бы говорить о внедрении цифровых технологий и искусственного интеллекта в процесс правоприменения, тем более что некоторые шаги в этом направлении уже сделаны и участие человека при вынесении отдельных правоприменительных решений является формальным. Представление о цифровых технологиях как исключительно вспомогательных уходит в прошлое. На первое же место выходит понимание виртуального цифрового пространства как

«территории», на которой человек вместе с «искусственным интеллектом» проводит значительную часть своей жизни. Территории, для которой традиционные человеческие законы должны быть в значительной степени адаптированы, а во многих случаях изобретены новые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Pavel Baranov, Aleksey Mamychev, Andrey Mordovtsev and others (2018). *Doctrinal-legal and ethical problems of developing and applying robotic technologies and artificial intelligence systems (using autonomous untapped underwater vehicles)* // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. № 2. Р. 465-472.
2. Mamychev A., Okorokov A., Bepalova T., Sviridkina E., Chertakova E. (2018). *Civilizational modeling of political and legal development of the society in the XXI century* // Revista Amazonia Investiga. № 15. Vol. 7. p. 49 – 57.
3. Талапина Э.В. *Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы* // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.
4. Воинов Д. *Политические амбиции интернета в России* // Власть. 2007. № 2. С. 88-91.
5. Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
6. Ло Дж. *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
7. Деланда М. *Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
8. Беннет Дж. *Пульсирующая материя: Политическая экология вещей*. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.
9. Мол А. *Множественное тело: Онтология в медицинской практике*. Пермь: Геле Прес. 2017. 254 с.
10. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 394 с.
11. Латур Б. *Политика природы*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
12. Красавин И. *Techne: сборка сообщества*. М.: Кабинетный ученый, 2013. 596 с.
13. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
14. Карихия А.А. *Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность* // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17 – 26.
15. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. *Право в условиях цифровой реальности* // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.
16. Бедоева З.Н. *Роль информационных систем и технологий в обеспечении государственного финансового (бюджетного) контроля* // Финансовое право. 2018. № 7. С. 29 – 33.
17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
18. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. 20.06.1994. № 8. Ст. 801.
19. Областной закон Ростовской области от 29.12.2003 № 85-ЗС (ред. от 02.08.2018) «О порядке опубликования и вступления в силу Устава Ростовской области, Областных законов, постановлений Законодательного Собрания Ростовской области, правовых актов Губернатора Ростовской области и органов исполнительной власти Ростовской области» // Наше время. № 1. 06.01.2004.
20. Закон Республики Татарстан от 06.08.2003 № 27-ЗРТ (ред. от 29.09.2016) «О порядке опубликования и вступления в силу Законов Республики Татарстан и других актов, принятых Государственным Советом Республики Татарстан и его Президиумом» // Республика Татарстан. № 160. 09.08.2003.
21. Информационно-правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
22. Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/>
23. Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления: монография / П.П. Баранов, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев [и др.]. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 248 с.
24. Baranov P., Mamychev A., Plotnikov A., Vershinina S., Mychak T. (2018). *Interactive communication and modernization technologies of governmental administration in modern society: main contradictions and direction of development* // Herald NAMSCA. № 2. p. 458-464.
25. Келли К. *Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 347 с.

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ «Национально-культурные и цифровые доминанты развития политических отношений в XXI веке» (№ 19-011-31031)

Статья поступила в редакцию 13.11.2019
Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 342.7

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0089

ПРАВО ОТКАЗА РОДИТЕЛЕЙ ОТ ДИАГНОСТИКИ ИЛИ ЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

© 2020

AuthorID: 516488

Гаджимагомедова Шумайсат Солеймановна, старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин

Дадашева Алина Абакаровна, студентка 1-го курса

Насурова Ирина Эвсетовна, студентка 1-го курса

Дагестанский государственный медицинский университет

(367029, Россия, Махачкала, проспект Имама Шамиля 23, e-mail: nasurova.irina@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы медико-правовой культуры родителей, аспекты формирования юридического образования у родителей. Лечение сегодня — это комплексный социостественный аспект, в предмет которой вовлечены практически все стороны жизнедеятельности человека. Знание правильного подхода лечения меняет наше представление о порядке в земной природе. Порядок этот не случаен, он необходим для существования и развития всего живого, в том числе, и человека. Халатное отношение к жизни подрастающего поколения — прямое следствие неспособности человека подняться до уровня, соответствующего его новой роли в мире, осознать свои обязанности в нём. В наше время, как никогда, остро стоит проблема реализации безопасного развития, а для этого необходимы новые знания о правильном подходе к диагностике и лечению здоровья, новые технологии, новые нормы поведения. Принимая это всё во внимание, можно сказать, что социальная культура основана на огромном количестве опыта, а также обладает огромным потенциалом, оказывая влияние на прогресс всего нашего общества. Проведён анализ литературы по проблеме юридических аспектов права отказа родителей от диагностики и лечения детей несовершеннолетнего возраста. Обобщение исследуемого материала позволило определить аспекты формирования медико-правовой культуры.

Ключевые слова: право отказа родителей, медико-правовые аспекты, диагностика, лечение, несовершеннолетние, родители.

THE RIGHT OF REFUSAL BY PARENTS FROM DIAGNOSTIC OR TREATMENT OF MINOR CHILDREN

© 2020

Gadzhimagomedova Shumaysat Soleimanovna, Senior Lecturer,
Department of Humanitarian Disciplines

Dadasheva Alina Abakarovna, 1st year student,

Nasurova Irina Evsetovna, 1st year student,

Dagestan State Medical University

(367029, Russia, Makhachkala, Imam Shamil Avenue 23, e-mail: nasurova.irina@mail.ru)

Abstract. The article discusses the problems of medical and legal culture of parents, aspects of the formation of legal education in parents. Treatment today is a complex socio-natural aspect, in the subject of which almost all aspects of human life are involved. Knowing the correct treatment approach changes our understanding of order in earthly nature. This order is not random, it is necessary for the existence and development of all living things, including man. A negligent attitude to the life of the younger generation is a direct consequence of a person's inability to rise to a level corresponding to his new role in the world, to realize his responsibilities in it. Nowadays, more than ever, the problem of implementing safe development is acute, and for this, new knowledge about the right approach to the diagnosis and treatment of health, new technologies, and new standards of behavior are needed. Taking all this into account, we can say that social culture is based on a huge amount of experience, and also has great potential, influencing the progress of our entire society. The analysis of the literature on the legal aspects of the right of parents to refuse to diagnose and treat children of minor age is carried out. The generalization of the studied material made it possible to determine the aspects of the formation of a medical and legal culture.

Keywords: parental refusal right, medical and legal aspects, diagnostics, treatment, minors, parents.

ВВЕДЕНИЕ

В пункте 1 63 статьи Семейного Кодекса РФ указано, что каждый ребенок имеет права, в том числе право на воспитание в семье. Данное понятие включает также и охрану его здоровья, которую должны обеспечить родители. В их обязанностях физ. развитие ребенка, уход за ним и его здоровьем. Кроме того, в Семейном Кодексе указано, что родители не имеют право на причинение вреда здоровью ребенка, в том числе и ментальному здоровью.

При этом родители в семье сами могут выбрать как именно, при помощи каких методов они будут воспитывать ребенка и следить за его здоровьем. Как правило, родители с этой целью организуют режим дня, досуг, режим и качество питания. Также родители обучают детей основам ухода за собой, основам гигиены, что составляет здоровье ребенка в будущем.

Стоит отметить, что родители могут ухаживать за состоянием здоровья ребенка при помощи детских больниц и поликлиник. При этом они должны заключить договор по оказанию медпомощи. Как правило, несовершеннолетние посещают поликлиники и больницы вместе с родителями, которые являются их официальными представителями.

МЕТОДОЛОГИЯ

В Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья, а именно в 32 его статье, прописано, что решение о согласии на медвмешательство для детей дают именно родители или иные представители. Также, в случае с малолетними детьми, родители формулируют их жалобы и выполняют рекомендации сотрудника учреждения.

Обратимся к статистике. Так, исследования демонстрируют, что более 90% родителей незамедлительно обращаются в медицинское учреждение при обнаружении болезни у ребенка до 7 лет. При этом у 6% замечен факт самостоятельного лечения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

После получения рекомендации врачей более 94% родителей строго придерживаются их. Оставшиеся родители отказываются от рецепта врачей. Это говорит о некоторых опасностях вокруг здоровья детей.

В случае если представители ребенка в возрасте до 15 лет отказываются от медпомощи, которая остро необходима для его жизнедеятельности, сотрудники больницы имеют полное право на подачу заявления в суд. Данная норма прописана в 33 статье Основ законодательства РФ.

Приведем пример. В 2010 году зафиксирован случай попадания ребенка 10-ти лет в больницу после аварии. Ему, как сообщили медицинские работники, понадобилось срочное переливание крови. Законный представитель ребенка, мать, отказалась от данной операции, сославшись на религиозные соображения. Больница незамедлительно обратилась в суд и выиграла процесс. Но пострадавший на момент судебных разбирательств скоропостижно скончался.

Помимо Основ права ребенка на охрану здоровья предусмотрены в Конвенции о правах ребенка. В ней сказано, что на родителях лежит ответственность физического и психологического воспитания их ребенка. Также родители должны обеспечить необходимые материальные условия для жизнедеятельности ребенка.

В первой же статье Семейного Кодекса Российской Федерации прописано, что права родителей и детей не могут противоречить друг другу. Также здесь прописано, что в случае, если опасность угрожает одному из членов семьи, могут быть применены некоторые ограничения.

В Семейном Кодексе прописано, что интересы детей должны быть защищены, в случае если их жизни угрожает опасность, а их официальные представители не предпринимают никаких мер, либо отказываются от надлежащего лечения.

Согласно 77 статье Семейного Кодекса Российской Федерации ребенка могут забрать из семьи (у законных представителей) в случае, если его жизнь под угрозой. При этом органы опеки должны предъявить акт надлежащего образца.

Предлагаю разобраться с понятием «органы опеки». Для этого обратимся к Закону «Об опеке и попечительству», в котором прописаны права и обязанности органов опеки. Так, органы опеки должны представлять интересы детей в различных ситуациях. Они также представляют интересы ребенка в суде, если их права были нарушены родителями или иными законными представителями.

Кроме того, в некоторых случаях сотрудники органов опеки должны взять на себя обязанности родителей или иных представителей детей и защитить их интересы.

Но, стоит отметить, что в случае, когда у родителей отобраны родительские права или же ограничили их, органы опеки не могут принимать решения о жизни ребенка. Это подтверждено нормативно-правовыми актами, в которых органы опеки не относятся к законным представителям ребенка. По той же причине они не могут принимать непосредственное участие в гражданском процессе. Таким образом, органы опеки не могут выступать в суде с требованием применять медикаментозное лечение к ребенку, родители которого отказались от таких услуг.

Также следует заметить, что нормативно-правовые акты не предусматривают возможность органов опеки отстранить представителя, участвующего в гражданском процессе.

Интересно еще и то, что органы опеки могут представлять интересы детей, только после решения суда, что их права и интересы были нарушены родителями или опекунами.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что все эти санкции предусматривают защиту жизни и здоровья детей в будущем и в случае доказанности их вины.

Многие юристы выступают с предложением изменить 3 статью Основ, а именно они считают, что необходимо наделять заведующего больницей правом самому принимать решение о лечении ребенка в возрасте до 15 лет в том случае, если родители отказались от медицинской помощи. Также предполагается, что родители или иные представители ребенка смогут обжаловать данное положение в судебном порядке.

Как доказательство исключительной правильности

данного решения предлагают учитывать нормы нравственности и морали, а также интересы общества.

Однако, данное предложение вызывает ряд некоторых противоречий.

Общественный интерес – широкое понятие и представляться он должен судом, а не больницей, как предполагает юридическая литература. В данном же случае суд будет только в дальнейшем контролировать принятое решение, которое будет приниматься одной из сторон конфликта.

Предлагаем рассмотреть практику Европейского суда по правам человека, которая должна учитываться и рассматриваться всеми российскими судами в результате присоединения нашей страны к Конвенции о защите прав и основных свобод человека.

Приведем пример из данной практики. В 2000 году в данный суд было подано заявление с жалобой от матери отстающего в развитии двенадцатилетнего ребенка. Она жаловалась на врачей, которые лечили мальчика. Дело в том, что два года назад до даты подачи жалобы, врачи в городской больнице назначили ребенку препарат диаморфин, предположив, что у пациента последняя стадия болезни. Однако, мать в корне не согласилась с подобным решением. Она полагала, что употребление данного препарата приведет к тому, что шансы на выздоровление значительно уменьшатся.

При этом, не смотря на ее возражение, препарат все же вводился в организм ребенка. Кроме того, он пошел на пользу мальчику и через два дня ребенок был выписан из учреждения.

Обратившись к Правилам Генерального медсовета Соединенного Королевства, мы столкнемся с положением, что исключительно суд должен решать будет ли оказано медицинское вмешательство пациенту до 16 лет или нет, если родители выступают против.

По отношению к вышеприведенному делу Европейский суд высказал мнение, что в медицинском учреждении был полицейский, который следил за переговорами с матерью пациента. Однако, больница не обратилась своевременно в Высокий Суд. Поэтому Европейский суд считает, что мать пациента испытала стресс, разочарование и беспомощность при отстаивании своих интересов.

Таким образом Европейский суд постановил, что медицинское учреждение должно выплатить матери пациента денежную компенсацию, поскольку их права были нарушены.

ВЫВОДЫ

Из данного примера совершенно ясно, что при принятии решения Европейский суд никак не учитывал состояние здоровья ребенка и клиническую оценку данного состояния. Также суд не учитывал важность и необходимость проведенного лечения. При этом Европейский суд принял во внимание, что медицинское учреждение проигнорировало мнение матери и лечение было проведено без вмешательства суда. Данное положение противоречит Конвенции.

Именно поэтому необходимо возникает необходимость изменить существующие нормативно-правовые акты по отношению к охране здоровья несовершеннолетних в возрасте до 15 лет.

В основном следует обратить внимание на указанный в законодательстве возраст детей.

Данный возраст упоминается в 32 и других статьях Основ. При этом разработано это положение было на основе Гражданского Кодекса РСФСР (1964). Здесь сказано, что после достижения пятнадцатилетнего возраста у ребенка возникает частичная дееспособность.

В Гражданском Кодексе 1994 года же такая дееспособность возникает с четырнадцатилетнего возраста. Это прописано в 26 статье Кодекса.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Многие исследователи считают, что в действующем законодательстве надо также установить

четырнадцатилетний возраст, как и в отношении иных сделок для несовершеннолетних. Но при этом существует особая категория больных несовершеннолетних – зависимых от наркотических средств, алкоголя и т.д. В таком случае частичную дееспособность в отношении решений о медицинских вмешательствах следует оставить с 16 лет. Это связано с нежеланием таких пациентов лечиться, непониманием критичности состояния и т.д.

Также правильным будет сделать обязанностью больницы обратиться в суд с заявлением в случае исключительной угрозы жизни или здоровью несовершеннолетнего пациента в возрасте до 15 лет.

Также потребовать защитить здоровье и жизнь пациента до 15 лет может прокурор, в случае если родители необоснованно отказались от надлежащего медицинского вмешательства. При этом сам пациент должен быть недееспособным по возрасту или здоровью. Также такое вмешательство прокурора возможно в рамках защиты детства и здоровья.

Помимо вышеприведенного, законодательство требует изменений и в плане выражения отказа от надлежащего лечения. Я считаю, что человек в праве отказаться от лечения еще до его начала или же в момент начала данного лечения, в том случае, если стали известны новые факты о болезни.

Кроме того, я считаю правильным, возможность родителей отказаться от лечения после данного ими согласия. Это означает, что данное родителями согласие или отказ не должны быть окончательными и не терпящими изменений, поскольку в ходе лечения могут всплыть новые важные обстоятельства.

Другой важной стороной данного вопроса является степень обоснованности отказа от лечения, которые принимают родители несовершеннолетнего. По моему мнению, эта степень должна высчитываться исходя из двух аспектов:

1. Степень риска, степень угрозы жизни;
2. Состояние здоровья ребенка;
3. Мнение самого ребенка, в случае, если он способен его дать;
4. Мнение родителей;
5. Решение врачей, принятое в результате совещаний.

Если при определении данной степени необоснованности отказа от лечения, отказ признан необоснованным, законодательство должно разрешить врачам самим применять медицинское вмешательство по отношению к ребенку до 15 лет без согласия родителей, полагаясь на решение суда.

Чтобы данные изменения законодательства стали правильными и функциональными, необходимо также изменить срок рассмотрения такого рода важных дел.

В Гражданско-процессуальном Кодексе Российской Федерации сказано, что дело, поступившее в суд, судья должен рассмотреть в срок до 5 дней.

При этом судья может посчитать дело недостаточно подготовленным или корректным и не передать его для судебного разбирательства. Учитывая все эти нюансы, судебное разбирательство по гражданским делам будет проходить в течение двух месяцев. Исключение составляют случаи, когда Кодекс не предусматривает сроки рассмотрения дел и решение принимается мировым судьей.

Очевидно, что подобные длительные сроки никак не смогут защитить жизнь и здоровья ребенка, находящегося в критическом состоянии и требующего немедленно медицинского вмешательства.

Гражданско-процессуальный Кодекс предусматривает, что федеральные законы имеют право сокращать эти сроки в случае необходимости.

Я предлагаю, чтобы в законодательстве был установлен сокращенный срок, а именно до 3 дней со дня подачи заявления для рассмотрения дел о здоровье и охраны жизни ребенка в возрасте до 15 лет.

Необходимо также учитывать разумность длитель-

ности сроков по отношению к отдельным делам.

Эта норма прописана в 107 статье Гражданско-процессуального Кодекса Российской Федерации.

Приведу пример. Руководство медицинского учреждения подало заявление с прокуратуру с жалобой на родителей, отказавшихся от необходимой для их двенадцатилетней дочери процедуры переливания крови.

В свою очередь, прокурор обратился в районный суд с иском об ограничении прав для родителей девочки. Исходя из-за тяжелого состояния здоровья девочки, суд в течение одного дня принял немедленное решение лишить родителей их прав, а ребенка передать в органы опеки. Органы опеки тут же дали соответствующее разрешение на переливание крови.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Борисов Т. Спас на крови // *Российская газета*. 2010. 13 октября.
2. Какорина Е.П. Оценка родителями здоровья детей // *Медико-социальные аспекты влияния образа жизни на формирование здорового поколения*. М., 1984. С. 136.
3. *Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов*. М., 1990. С. 388 - 409.
4. Мохов А.А. Если родитель или иной законный представитель пациента отказывается от медицинского вмешательства // *Спорт: экономика, право, управление*. 2008. N 1.
5. *Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, утв. ВС РФ 22 июля 1993 г. N 5487-1 // Ведомости СНД и ВС РФ*. 1993. N 33. Ст. 1318.
6. *Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации*.
7. *Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. // Сборник законодательства РФ*. 1996. N 1. Ст. 16.
8. *Собрание законодательства РФ*. 2008. N 17. Ст. 1755.
9. Юдин А.В. Запреты и ограничения законного представительства в гражданском судопроизводстве (процессуальные новеллы Федерального закона «Об опеке и попечительстве» // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2008. N 10.

Статья поступила в редакцию 08.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 342.5
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0090

**ОБ ИДЕЕ, ПОНЯТИИ И КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВАХ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ**

© 2020
SPIN-код: 1303-5619
AuthorID: 743748

Жадан Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт
(423604, Россия, Елабуга, ул. Казанская, д. 89, e-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о возникновении, становлении и развитии идеи правового государства в зарубежной и отечественной науке, об определении понятия термина «правовое государство», его принципов, признаков и правовых основ в отечественной науке, а также основные конституционные основы правового государства в России. Автором исследуется материал об идее правового государства в античном мире, средние века, эпоху буржуазно-демократических революций и последующие века с указанием зарубежных и отечественных ученых и государственных деятелей, причастных к становлению и развитию концепции правового государства, анализируются различные определения понятия «правовое государство», как в соответствующих словарях, так и авторские определения, а также указываются точки зрения в части принципов и признаков правового государства. Определяются и характеризуются основные конституционные основы демократического федеративного правового государства в России на основе анализа общетеоретических положений правовой науки, конституционных норм, научных подходов и авторского понимания.

Ключевые слова: идея, понятие, конституционные основы, правовое государство, Россия, анализ, общетеоретические положения, правовая наука, конституционные нормы, подходы.

**ABOUT THE IDEA, THE CONCEPT AND THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS
OF THE LEGAL STATE IN RUSSIA**

© 2020

Zhadan Vladimir Nikolaevich, candidate of legal Sciences, associate Professor,
associate Professor Department of criminal procedure and judicial activities
Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga Institute
(423604, Russia, Elabuga, Kazanskaya street, 89, e-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru)

Abstract. The article deals with the emergence, formation and development of the idea of the rule of law in foreign and domestic science, the definition of the term “rule of law”, its principles, features and legal foundations in domestic science, as well as the basic constitutional foundations of the rule of law in Russia. The author studies the material about the idea of the rule of law in the ancient world, the middle ages, the era of bourgeois-democratic revolutions and the following centuries with the indication of foreign and domestic scientists and statesmen involved in the formation and development of the concept of the rule of law, analyzes the various definitions of the concept of “rule of law”, both in the relevant dictionaries and the author’s definitions, and points of view in terms of the principles and features of the rule of law. The basic constitutional foundations of a democratic Federal legal state in Russia are defined and characterized on the basis of the analysis of General theoretical provisions of legal science, constitutional norms, scientific approaches and author’s understanding.

Keywords: idea, concept, constitutional foundations, legal state, Russia, analysis, General theoretical provisions, legal science, constitutional norms, approaches.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Не вызывает сомнений связь государства и права, так как государство использует право в своей деятельности для регулирования наиболее значимых сфер общественных отношений, а правовые нормы в свою очередь принимаются или санкционируются государством. Особое место во взаимоотношении государства и права занимает правовое государство как концепция (теория) государственно-политического устройства, форма организации и деятельности политической власти в государстве, основанная на верховенстве права и закона, свободе и приоритете человека, соблюдении и обеспечении его прав, разделении властей, взаимных правах и обязанностях государства и человека, и других принципах и признаках государства, которые характеризуют его как правовое и создают условия для реализации прав и свобод человека и гражданина.

Идеи, проблемы и характеристики правового государства были всегда актуальными для прогрессивно-мыслящих представителей античного мира, в средние века, эпоху буржуазно-демократических революций, последующие века и в современное время. По существу, создание любой общетеоретической концепции о государстве и праве, в том числе и о правовом государстве не может обходиться без анализа, сопоставления и сравнительного изучения зарубежного и отечественного опыта. При этом с практической точки зрения изучение правового государства позволяет характеризовать принципы и признаки, на которых определяется модель го-

сударственно-политического устройства, ее правовые основы, формы, методы и другие особенности, которые характеризуют правовое государство в России.

В основе авторского анализа, сопоставления и сравнительного изучения будут материалы и научные работы, посвященные вопросам о государстве и праве, концепции правового государства, а также правовые положения, определяемые в Конституции Российской Федерации 1993 г. [1] (далее – Конституция РФ).

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты проблемы. Вопросы анализа исторических и правовых основ, понятия, принципов, признаков, особенностей и иных характеристик правового государства, в том числе конституционных основ правового государства в России [2-5], посвящено много публикаций в юридической литературе, средствах массовой информации (далее – СМИ) и Интернет-ресурсах. Такой интерес является закономерным, так как практически все страны мирового сообщества стремятся позиционировать свое государственно-политическое устройство, как основанное на верховенстве права и закона в государстве, разделении ветвей государственной власти и иных общеправовых принципах, которые позволяют определять его как демократическое правовое государство, что не исключает продолжение исследования некоторых вопросов о теоретических и правовых основах правового государства в России и предложить их авторское понимание.

Формирование целей статьи (постановка задания). Предметом данного исследования будут некоторые во-

просы, характеризующие идеи, понятия и конституционные основы правового государства в России.

Исходя из предмета исследования в центре авторского интереса будут следующие вопросы: когда появились идеи, представления и научные подходы о правовом государстве; кто из зарубежных ученых участвовал в разработке концепции «правовое государство»; кто из российских ученых и государственных деятелей причастен к исследованию концепции «правовое государство»; как изменялось отношение к положениям концепции «правовое государство» в России и какие факторы повлияли на ее применение; какие изменения имели место в организации органов государственной власти в России; как определяется в правовой науке термин «правовое государство»; какие принципы и признаки, характеризуют правовое государство; в каких правовых нормах закрепляются конституционные основы, определяющие Россию как правовое государство?

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В правовой науке принято считать, что первые идеи и представления о государстве, в основе которого господствует право как система правовых норм, закон как высший и легитимный акт, определяющий правовые предписания появились в Древней Греции и Древнем Риме. Такие мыслители, как Сократ (470-399 до н.э.), Платон (429-347 до н.э.), Аристотель (384-322 до н.э.), Полибий (200-120 до н.э.), Цицерон (106-43 до н.э.) и другие обосновывали эти представления.

Так, древнегреческий мыслитель Аристотель, рассматривая отношения в государстве между властью и законом отмечал, что «там, где отсутствует власть закона, нет места и (какой-либо) форме государственного строя. Закон должен властвовать над всем ...» [6]. Древнеримский мыслитель, юрист и государственный деятель Цицерон большое внимание уделял проблемам государства и права, и этим вопросы освещены его работы «О государстве» и «О законах». Он считал, что «Государство есть достояние народа, а народ не любое единение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» [6].

В средние века итальянец Н. Макиавелли (1469-1527) сформулировал учение, что основным вопросом политики есть вопрос о власти, а француз Ж. Боден (1530-1596) в своих трудах обосновывал происхождение государства, его функции, формы государственного правления, а также они обратили внимание на такую задачу государства, как соблюдение и охрана прав и свобод человека и гражданина.

В эпоху буржуазно-демократических революций (XVII-XVIII вв.) указанные идеи уточняли и развивали в своих работах и произведениях Г. Гроций (1583-1648) и Б. Спиноза (1632-1677) в Нидерландах, Т. Гоббс (1588-1679) и Дж. Локк (1632-1704) в Англии, Ф. Вольтер (1694-1778), П. Гольбах (1723-1789), Д. Дидро (1713-1784) и Ш. Монтескье (1689-1755) во Франции, Т. Джефферсон (1743-1826) и Т. Пэйн (1737-1809) в США, которые затем были сформулированы в нормативно-правовых актах (конституциях, декларациях, биллях о правах) и были заложены в основу новой государственности буржуазно-демократических стран с конституционно-монархической или республиканской формами правления.

В XIX веке в своих работах немецкие философы И. Кант (1724-1804), Г. Гегель (1770-1831), юристы Р. фон Моля (1799-1875), К.Т. Велькер (1790-1869) и другие сформулировали общую концепцию (теорию) правового государства, которая последовательно стала реализовываться в государственно-политической жизни европейских, американских и иных странах.

Термин «правовое государство» (Rechtsstaat) впервые был использован в работах немецких ученых К.Т.

Велькера (1790-1869) и Р. фон Моля (1799-1875), а в следующем стал применяться и в других странах. Так, Р. фон Моля в своей работе «Наука полиции в соответствии с принципами правового государства» предложил свое понимание принципов правового государства. В англосаксонской правовой системе в этой части используется термин «правление права» (The Rule of Law).

В России исследованию вопросов правового государства в конце XIX в. – в начале XX в. посвятили свои работы такие ученые, как В.М. Гессен (1868-1920), Б.А. Кистяковский (1868-1920), С.А. Котляревский (1873-1939), Н.М. Коркунов (1853-1904), С.А. Муромцев (1850-1910), П.И. Новгородцев (1866-1924), Б.Н. Чичерин (1828-1904), Г.Ф. Шершеневич (1863-1912) и другие. При этом реализация отдельных принципов и признаков правового государства в определенной степени стала реализовываться в России только в ходе буржуазно-демократической революции в 1905-1907 гг. и путем принятия таких конституционно-правовых актов, как Манифест от 06.08.1905 г. «Об учреждении Государственной Думы», по которому был создан новый государственный орган – Государственная Дума с законосовещательными функциями; Манифест от 17.10.1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», по которому Государственной Думе предоставлялись законодательные права и провозглашались демократические права и свободы, в том числе о слове, печати, совести, собраний и т.д.; Манифест 19.10.1905 г. «О мерах к укреплению единства и деятельности Министерств и Главных управлений», по которому положение и функции Совета Министров изменялись, превращая его в полноправное правительство во главе с Председателем Совета Министров; Указ от 11.12.1905 г. «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу ...», по которому изменялся порядок выборов в законодательный орган; Указ от 20.02.1906 г. «О Государственной Думе», по которому Государственная Дума наделялась полномочиями как первая палата законодательного органа; Указ от 20.02.1906 г. «О переустройстве учреждения Государственного Совета», по которому изменялся состав и функции Государственного Совета, и превращался во вторую палату законодательного органа; «Основы законов Российской империи» от 23.04.1906 г. в новом издании; Указы от 21.10.1906 г. и от 09.11.1906 г. об отчуждении крестьянам за деньги участков из майоратных имений, о праве собственности крестьян на надельную землю и т.д., которые фактически являлись основами конституционно-правовых актов России.

Как же отечественные ученые, правоведы и государственные деятели предоктябрьского и послеоктябрьского периодов определяли правовое государство?

Известный отечественный ученый-правовед В.М. Гессен (1868-1920) считал, что «Правовым называется государство, которое признает обязательным для себя, как правительства, создаваемые им же, как законодателем, юридические нормы [7, с. 132].

В это время Б.А. Кистяковский (1868-1920) правовое государство определял, как «Основной принцип правового или конституционного государства состоит в том, что государственная власть в нем ограничена. В правовом государстве власти положены определенные пределы, которые она не должна и не может преступить. Ограничение власти в правовом государстве создается признанием за человеком неотъемлемых, не нарушаемых, неприкосновенных и неотчуждаемых прав» [8, с. 7].

После Октябрьской революции 1917 г. в России были приняты новые нормативно-правовые акты: Декрет о Временном рабоче-крестьянском правительстве – Совете народных комиссаров (Совнарком) от 26.10. (08.11.).1917 г.; Декрет о мире от 26.10.(08.11.).1917 г.; Декрет о земле от 26.10.(08.11.).1917 г.; Декреты о суде № 1-3 (1917-1918 гг.); Декларация прав народов России от 02(15).11.1917 г., в которой провозглашалось равен-

ство и суверенность народов России, право народов на самоопределение и т.д.; Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 03(16).01.1918 г., в которой Россия, объявлялась Советской Российской Республикой; Конституция РСФСР от 10.07.1918 г., принятая на V Всероссийском съезде Советов закрепила федеративное государственное устройство РСФСР, права трудящихся, в том числе с 18 лет избирать и быть избранными в Советы, но лишила избирательных прав лиц, применяющих наемный труд с целью извлечения прибыли, монахов и служителей церкви и религиозных культов, агентов и служащих бывшей царской полиции, осужденных, а также закрепила национализацию земли, банков, лесов, недр, транспорта и промышленности, предусматривалось формирование советской правовой и судебной системы и т.д. Последующие нормативно-правовые акты и проводимые советской властью реформы предусматривали становление и развитие советского социалистического государства и права в России.

В период с 1918 по 1928 г. в России теоретические положения о правовом государстве, разработанные зарубежными и отечественными учеными в дореволюционный период и новые представления о диктатуре пролетариата, социалистическом государстве и праве были привлекательными и приводили к достаточно частым научным дискуссиям и идеологическим противостояниям, особенно в части соотношения идей правового государства и диктатуры пролетариата, о пролетарском социалистическом государстве, о советском социалистическом праве, конец которым положил доклад Л.М. Кагановича (1893-1991).

В 1929 г. (4 ноября) советский государственный и партийный деятель Л.М. Каганович в Институте советского строительства и права выступил с докладом, в котором указал, что «... мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие «правового государства» к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов» [9, с. 8].

Другой советский государственный деятель А.Я. Вышинский (1883-1954) в 1933 г. (21 декабря) на собрании Московской коллегии защитников в своем докладе также отметил, что «... хваленое правовое государство – олицетворение такого же по существу кулачного права, но только более утонченного, более рафинированного, более «цивилизованного», чем кулачное право варварского средневековья ... Мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства ... Понятие «правовое государство» изобретено буржуазными учеными для того, чтобы скрыть классовую природу буржуазного государства» [10].

Естественно, в среде ученых и ранее были дискуссии и полярные научные подходы о государстве и праве, в том числе и о правом государстве, но после указанных докладов их позиции в части идей правового государства и формирования советского социалистического государства и права претерпевали существенной корректировки или полному изменению.

Так, ученый-юрист Е.Б. Пашуканис (1891-1937) ранее ориентировался на представление о праве как буржуазном праве, затем признал классовый позитивизм, наличие нового революционного «советского права», а в последующем в части правового государства отмечал, что «Правовое государство – это мираж, но мираж, весьма удобный для буржуазии, потому, что он заменяет выветрившуюся религиозную идеологию, он заслоняет от масс факт господства буржуазии» [11, с. 135], но это его не спасло, и, учитывая прежние взгляды и невольную критику советской государственной системы, был объявлен «врагом народа» и расстрелян.

В это время государственные деятели П.И. Стучка (1865-1932) характеризуют государство диктатуры пролетариата, полагая, что оно в силу полного верховенства

власти над правом не может быть правовым, а также в силу неразвитости правовой системы [12, с. 58]. Д.И. Курский (1874-1932) рассматривал пролетарское государство как «правовое» государство, в котором государственные интересы должны превалировать над личными интересами и правами отдельных граждан [13, с. 67], а советский ученый-юрист А.Л. Малицкий (1874-1957) проводил отождествление между правовым и пролетарским государством и считал, что «советская республика есть государство правовое, которое осуществляет свою деятельность в условиях правового режима» [14, с. 27].

В свою очередь зарубежные ученые и русские ученые-эмигранты Н.Н. Алексеев (1879-1964), В.Л. Бурцев (1862-1942), И.А. Ильин (1883-1954), В.А. Маклаков (1869-1957) и другие достаточно активно продолжали развивать идеи правового государства в части прав и свобод человека, экономической составляющей – это необходимости частной собственности во всех ее формах и формирование рыночной экономики, свободы и различных форм предпринимательства, наличия гласности и свободы в средствах массовой информации, развитие социальной защищенности и форм их обеспечения и т.д.

Следует отметить, что правовое государство в России, в части идеи, принципов и признаков правового государства прошло сложный и противоречивый эволюционный путь от отрицания (с 1917 г.) до частичного применения в конце 80-х годов XX века в виде социалистического правового государства, а в последующем и полной мировоззренческо-правовой рецепции, воплотившейся в конституционном провозглашении России как демократического федеративного правового государства.

Началом изменения от негативного отношения в части концепции правового государства к принятию и введению в оборот термина «социалистическое правовое государство» и правового обоснования о формировании социалистического правового государства впервые были сформулированы в п. 1 и 10 Резолюции «О правовой реформе» материалов XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) [15, с. 122].

В 1990 г. (12-15 марта) на III Съезде народных депутатов СССР была поставлена задача построения в СССР социалистического правового государства, в котором обеспечиваются права и свободы человека, равенство граждан перед законом и судом, и т.д.

По мнению автора, такой подход к концепции правового государства как раз указывает на то, что она не застывшая догма буржуазного права, а развивающаяся и наполняющаяся новыми принципами, признаками и содержанием, исходя из накопленных человечеством нравственных и правовых традиций и общественно-политического опыта. При этом следует помнить, что в правой науке не существует общепризнанной и единой концепции (доктрины) правового государства. Она может уточняться, развиваться и обосновываться с философско-гуманистических и иных мировоззренческих позиций, с учетом соответствующего правопонимания и формируемых в странах государственно-политических, социально-экономических и правовых систем и т.д.

В числе первых ученых, кто использовали термин «социалистическое правовое государство» и давали правовую характеристику были В.С. Нерсисянц (1938-2005) в работе «Концепция социалистического правового государства в контексте истории учений о праве и государстве» (1989 г.) [16], В.Е. Гулиев (1933-2015) анализируя подходы о правовом государстве считал, что «мы еще очень далеки от правового социалистического государства и пока лишь встаем на путь, который может привести к такому государству» [17, с. 108], а В.Н. Кудрявцев (1923-2007) и Е.А. Лукашева сформулировали основные принципы социалистического правового государства [18, с. 12].

В это же время Г.В. Мальцев (1935-2013) анализируя подходы о правовом государстве обращал внимание на

то, что «социалистическое правовое государство отнюдь не то самое правовое государство, которое было и остается объектом справедливой критики ... кое-кто пребывает в наивном убеждении, будто речь идет о некоей единой и завершенной концепции правового государства, что, дескать, история выстрадала эту великую идею, а наши ученые, не разобравшись, в догматическом рвении отвергли ее, не оценили, и только теперь, в порядке запоздалого прозрения, начинают ее признавать. На самом деле нет и никогда не было единой – единственной идеи правового государства» [19, с. 117].

Как известно, в зарубежной и отчасти в отечественной литературе Российское государство советского периода, как правило, квалифицируется как советское социалистическое государство, в котором имели место признаки авторитаризма и тоталитаризма, «культ личности», государственное вмешательство и тотальное нарушение прав и свобод человека, партийное всевластие, критическое отношение к идеям правового государства, в том числе к принципу разделения властей и т.д.

В тоже время, в правой науке сущность идеи правового государства принято определять как последовательный демократизм, предусматривающий суверенитет народа как источника власти, признание верховенства права и закона, приоритет прав и свобод человека и гражданина, их реальное соблюдение и обеспечение, взаимные права, обязанности и ответственность государства и личности, разделение властей, независимость суда, гарантированная и эффективная судебная защита, наличие системы гражданского общества, разграничение функций гражданского общества и государства, приоритет норм международного права. При этом главное в идее правового государства – всеобъемлюща и неразрывная связь государства и права, первичность права в государстве, верховенство права и законы в государстве, которые гарантируют законные, справедливые и эффективные действия государства, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина и т.д.

Как известно, происшедшие с 90-х годов XX в. в России реформы в социально-экономических и политической сферах привели к развитию новых рыночных отношений, к существенному изменению конституционно-правовых норм в Конституции РСФСР 1978 г. и других законах, а затем и принятию новой Конституции РФ 1993 г., которая кардинально изменила систему государственной власти в России, организацию и функционирование органов государственной власти и т.д.

По мнению автора, перед Россией встали вопросы и проблемы о применении отечественного и зарубежного опыта в части концепции правового государства при разработке Конституции РФ, других нормативно-правовых актов, организации системы государственной власти, соответствующих органов государственной власти, учитывая их внутреннюю организацию и направления деятельности с учетом формы государственного устройства, принципов демократического правового государства и т.д.

Следующим вопросом, который вытекает из предмета исследования, является рассмотрение понятия термина «правовое государство», принципов и признаков правового государства в правовой науке.

В большом энциклопедическом словаре «правовое государство – в политико-юридической теории государства, важнейшими признаками которого являются: господство закона во всех сферах общественной жизни; связанность закона с государством и его органами; судебная защита прав граждан и взаимная ответственность ...» [20].

Есть и другие научные определения понятия «правовое государство», как в словарях, так и в юридической литературе авторские понятия, определения принципов, признаков и других его характеристик.

Так, концептуальные положения в части формирования правового государства в России с учетом обще-

ственно-политических условий развития страны излагаются в работах С.С. Алексеева (1924-2013), М.И. Байтина (1921-2009), В.В. Бойцовой, Г.А. Борисова, А.В. Венгерова (1928-1998), Н.В. Витрука (1937-2012), А.Н. Головистиковой, В.Е. Гулиева (1933-2015), Н.Н. Деева, Ю.А. Дмитриева, В.Д. Зорькина, С.Н. Кожевникова, С.А. Комарова, В.Н. Кудрявцева (1923-2007), О.Е. Кутафина (1937-2008), Б.М. Лазарева (1930-1995), Р.З. Лившица (1929-1997), Е.А. Лукашевой, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова (1928-2018), А.В. Мелехина, В.С. Нерсисянца (1938-2005), А.С. Пиголкина (1931-2004), М.И. Пискотина, Ю.А. Тихомирова, Б.И. Топорнина (1929-2005), В.А. Туманова (1926-2011), Р.О. Халфиной (1909-1998), В.Н. Хропанюка, В.И. Червонюка, В.А. Четвернина и других.

В правовой науке принято считать, что «правовое государство» есть многомерное развивающееся явление [21] политико-правового характера, которое приобретает все новые признаки и наполняется новым содержанием, но с определяющей связанностью государства с правом, верховенством закона и приоритетом прав и свобод человека и гражданина.

В науке теории государства и права предлагается много определений понятия «правовое государство», принципов, признаков и других его характеристик. Обратимся к некоторым из них.

Так, В.В. Бойцова предлагает такую формулировку: «Правовое государство – это совокупность государственно-властных механизмов, действующих на законной и правовой основе в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан» [22, с. 122].

А.А. Кондрашев рассматривает правовое государство как организацию публичной власти, которая определяется обществом на основе принципов свободных выборов, разделения властей, независимости судебной власти в целях реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, и подконтрольная институтам гражданского общества [23].

А.В. Мелехин определяет правовое государство как демократическое государство, которое основывается на верховенстве права и закона, равенстве всех перед законом и судом, при условии соблюдения и гарантированности прав и свобод человека и гражданина, а государственная власть организуется и функционирует с учетом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную [24].

В.Н. Хропанюк предлагает следующую формулировку: «Правовое государство – это такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидами и их различными объединениями на основе норм права. При этом право играет приоритетную роль лишь в том случае, если оно выступает мерой свободы всех и каждого, если действующие законы реально служат интересам народа и государства, а их реализация является воплощением справедливости» [25].

В научной литературе и Интернет-ресурсах предлагаются и другие авторские, и обобщенные понятия «правовое государство».

В указанных выше и других понятиях правового государства авторами выделяются основные принципы, признаки и другие особенности такого государства (например, совокупность государственно-властных механизмов ...; организация публичной власти ...; демократическое государство, которое основывается на верховенстве права и закона ...; форма организации и деятельности государственной власти ...) и, естественно, все они развивают концептуальные положения правового государства в России.

Тем самым в обобщенном виде под правовым государством можно понимать такое государство, в котором вся деятельность государственных и иных органов, должностных лиц, граждан и их объединений подчинена нормам права при верховенстве закона, а также осново-

полагающим правовым принципам, как приоритет прав и свобод человека и гражданина, предусматривающим их реальное соблюдение и защиту, взаимную обязанность и ответственность государства и гражданина, разделение властей, соответствие внутригосударственного права общепризнанным нормам и принципам международного права.

В правовой науке, характеризуя правовое государство, принято выделять его принципы, признаки и другие особенности. При этом, не вдаваясь в научную дискуссию о сходстве и отличии между ними, представляется обоснованным подход, что «принципы» – это основные базовые, исходные положения какой-либо теории, учения, а «признаки» – это основные показатели и черты, позволяющие определять или узнавать, что или кого-нибудь.

Автор разделяет научный подход Р.Х. Хажипов, что «принципы правового государства» – это система базовых, фундаментальных свойств без которых правовое государство не может существовать и функционировать в качестве такового, а «признаки правового государства» – это формально-юридические, специальные показатели, которые определяют особенности правового государства и позволяют его отделять и разграничивать с учетом их от других государств не правового характера [26].

В правовой науке к числу принципов правового государства относят общеправовые и специальные (собственные) принципы правового государства. Среди наиболее значимых общеправовых принципов принято называть: 1) гуманизм; 2) демократизм; 3) справедливость; 4) юридическое равенство граждан и других лиц перед законом и судом; 5) единство прав и обязанностей и т.д. [27].

В качестве специальных принципов правового государства называются: 1. Принцип приоритета права («господство права»). 2. Принцип согласования права и закона. 3. Принцип правовой защищенности человека и гражданина. 4. Принцип разделения властей [27]. К числу не менее значимых принципов, характеризующих правовое государство, относятся: высшим и единственным легитимным источником власти является народ; верховенство права и закона; незыблемость основ конституционного строя; взаимная обязанность и ответственность государства и личности; равенство всех перед законом и судом; соответствие внутригосударственного права общепризнанным нормам и принципам международного права. При этом принципы правового государства представляют собой систему базовых, фундаментальных свойств, которые достаточно динамичны и развиваются с учетом тенденций нравственно-духовного изменения и развития человека и общества в целом, в том числе уровня их правосознания и правовой культуры, особенностей развития исторической, политической, социально-экономической и правовой системы в государстве и т.д.

В правовой науке к числу основных признаков правового государства относят следующие: 1) верховенство права и закона во всех сферах общественной жизни; 2) взаимная ответственность государства и личности; 3) реальное соблюдение прав личности; 4) обеспечение свободного развития личности и общества [27].

В других источниках к числу отличительных признаков правового государства относят: 1) верховенство правового закона; 2) равенство всех субъектов правоотношений перед законом и судом; 3) взаимные обязанности и ответственность государства и личности; 4) соблюдение и защита прав и свобод личности, их гарантированность; 5) разделение властей, основанное на действенной и эффективной системе сдержек и противовесов [28]. При этом не все из указанных признаков являются таковыми, так как входят в число специальных принципов правового государства.

В обобщенном виде признаки правового государства Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

представляют систему специальных свойств и черт, которые определяют его специфику как правового, и позволяют отделить от не правового государства: 1) конституционно-правовая регламентация народного и государственного суверенитета; 2) верховенство права и закона в организации и деятельности всех государственных органов и организаций, иных организаций и лиц, в том числе граждан и их объединений; 3) приоритет прав и свобод человека и гражданина, который предусматривает их реальность соблюдения, обеспечения и гарантию судебной защиты, а также социальную справедливость и защищенность; 4) равенство всех субъектов правоотношений перед законом и судом, в том числе и субъектов федерации; 5) взаимная обязанность и ответственность государства и личности; 6) система государственных органов основывается на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, предусматривающий последовательную и эффективную систему «сдержек и противовесов», взаимный контроль друг за другом и их взаимоограничение; 7) действенная и эффективная судебная защита; 8) ответственность государства за действия соответствующих органов и должностных лиц; 9) запрет на не правовую и чрезмерный характер действий государственных органов; 10) развитие системы институтов гражданского общества; 11) правовое разграничение функций государства и институтов гражданского общества; 12) идеологический и политический плюрализм, заключающийся в свободном использовании различных идеологических взглядов и концепций, функционирование системы партий и организаций, которые действуют на основе Конституции и законов; 13) обеспечение и гарантия законности и правопорядка в государстве и обществе; 14) преодоление правового нигилизма в массовом сознании населения; 15) выработка нового правового мышления, высокой политико-правовой культуры и грамотности [29]; 16) ответственность государства за социальный и светский характер; 17) реализация принципа самостоятельности органов местного самоуправления; 18) соответствие внутригосударственного права общепризнанным нормам и принципам международного права, предполагающее приоритет норм международного права. При этом признаки как система формально-юридических, специальных показателей, способствуют дополнению и уточнению принципов правового государства, обеспечивают действенную и эффективную их реализацию в общественно-политическом процессе, формируют правовое поле и среду для каждого человека и общества в целом, и позволяют разграничивать правовое государство от не правовых государств.

Следует также отметить, что правовое государство в науке конституционного права принято определять как конституционно-правовой институт и как одну из основ конституционного строя государства, что предполагает соответствующие конституционно-правовые понятия и другие характеристики.

В юридической энциклопедии «правовое государство – в теории конституционного права общественный строй, при котором осуществляются несколько основополагающих юридических принципов. 1. Господство закона, т.е. высокий авторитет закона в обществе, всеобщее уважение к нему ...» [20].

По мнению В.А. Виноградова, правовым государством может считаться такое государство, в котором государственная власть осуществляется на основе права и законов, формально и материально соответствующих конституции, соблюдаются и защищаются права и свободы человека, справедливость и юридическая безопасность, а также гарантируют юридическую возможность оспаривания в соответствующем суде правовых актов или действий государственных органов и должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан [30, с. 30].

Н.М. Добрынин рассматривает правовое государство как государство с конституционным режимом правле-

ния, реальным разделением властей, обладающее развитой и эффективной правовой системой и действенным механизмом общественного контроля [31, с. 415].

Представляет научный интерес понятие правового государства, которое предлагает В.И. Червонюк: «Правовое государство – это тип государства, в котором сформированы и функционируют режим конституционного правления, развитая правовая система и верховенство правового закона в общественной жизни, система социального контроля над властью и эффективные механизмы, гарантирующие правовую защищенность личности и обеспечивающие ей активное и беспрепятственное пользование демократическими правами и свободами» [32, с. 264].

В общем виде правовым государством можно рассматривать только конституционное демократическое государство, в котором с учетом верховенства права и закона, и прежде всего Конституции, а также общих правовых принципов, на основе приоритета прав и свобод человека и гражданина, предусматривающих их соблюдение и защиту, взаимную обязанность и ответственность государства и личности, разделение властей, соответствие внутригосударственного права общепризнанным нормам и принципам международного права организуется и осуществляется деятельность всех государственных органов и организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

По мнению автора, с учетом предложенной формулировки понятия, правовое государство может включать теоретическую модель, базирующуюся на таких принципах, как: 1) верховенство права и закона, и прежде всего Конституции в деятельности всех государственных органов и организаций, должностных лиц, граждан и их объединений; 2) приоритет прав и свобод человека и гражданина, предусматривающий обязательное их соблюдение и судебную защиту; 3) взаимная обязанность и ответственность государства и личности; 4) разделение властей с учетом реальной и эффективной системы сдержек и противовесов; 5) соответствие внутригосударственного права общепризнанным нормам и принципам международного права, предполагающее приоритет норм международного права, о чем автором было рассмотрено в ранее опубликованной работе [33]. Данные принципы образуют основные идеи современной концепции правового государства, а поэтому их можно определить как основополагающие, которые определяют основные характеристики организации и функционирования правового государства.

В тоже время для реализации концепции правового государства, необходимо учитывать, что каждое государство имеет свою специфику, особенности истории его возникновения и развития, сформировавшиеся менталитет и традиции населения и т.д. При этом принципы и признаки правового государства во многом зависят от целей и задач, которые определило перед собой государство и общество в части формирования и развития демократического правового государства, и требуют самостоятельного исследования.

Представляет научный интерес в этой части позиция Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который полагает, что «хотя проблематика правового государства постоянно находится в центре внимания специалистов в области конституционного права, теории и философии права, к настоящему времени еще ни по одному из принципиальных аспектов этой темы не сложилось того единства взглядов, которое позволяло бы говорить о наличии в российской юридической науке общепризнанной доктрины правового государства. Нет единства даже в вопросе о том, какие именно признаки правового государства в своей совокупности отражают его сущность» [34, с. 52-53].

Следует также отметить, что правовое государство является основой конституционного строя, которое закрепляется в Конституции (основном законе) государ-

ства.

Рассмотрим основные конституционные основы правового государства в Российской Федерации (далее – Россия, РФ; как продолжатель СССР и РСФСР).

О необходимости создания демократического правового государства в России впервые было официально зафиксировано 12.06.1990 г. в Декларации Съезда народных депутатов РСФСР о государственном суверенитете РСФСР [35] (далее – Декларация о государственном суверенитете). В Декларации о государственном суверенитете формулировались такие важнейшие принципы правового государства, как гарантированность прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных Конституцией РСФСР, ... и общепризнанными нормами международного права, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную и т.д.

Как известно перед принятием Конституции РФ в сентябре-октябре 1993 г. в результате открытого противостояния исполнительной и законодательной властей возник внутриполитический кризис, когда Президент РФ Б.Н. Ельциным подписан Указ от 21.09.1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и распустил Съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ. Попытки достичь согласия на уровне законодательной и исполнительной властей с участием Конституционного Суда РФ и региональных властей не увенчались успехом, и кризис привел к нарушениям общественного порядка, использованию силовых действий со стороны правоохранительных органов и армии, и кровавым событиям 3-4.10.1993 г. в Москве. В последующем Президент РФ подписал еще ряд указов по вопросам правового регулирования, отнесенных к компетенции Съезда и Верховного Совета, о приостановлении работы Конституционного Суда, о назначении всенародного голосования (референдума) по проекту новой Конституции на 12.12.1993 г.

Исходя из выше изложенного, Конституция РФ 1993 г. была принята в достаточно непростых условиях в стране, а поэтому в 90-е годы XX в. и в настоящее время, актуальными являются вопросы о конституционных основах правового государства в России.

Конституция РФ существенно изменила структуру высших органов государственной власти. В ней были закреплены основы конституционного строя России, в том числе определены народный и государственный суверенитет, федеративный принцип Российского государства, основы гражданства РФ, социальная направленность, экономическая составляющая, защищающая все формы собственности и предусматривающая свободу предпринимательской деятельности, принцип разделения властей, признание местного самоуправления, идеологическое и политическое многообразие, светская направленность и т.д.

В ч. 1 ст. 1 Конституции РФ нормативно определяется, что «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». При этом понятие термина «правовое государство» в конституционных нормах не дается.

Как известно, в современной России на конференциях и форумах различного уровня, в научной литературе, СМИ и Интернет-ресурсах имеют место дискуссии по вопросам правовой характеристики Российского государства и определяемой в Конституции РФ.

Естественно, что не все, что записано в соответствующем законе, в том числе и в Конституции РФ может однозначно восприниматься и толковаться, а поэтому предполагает ставить не только правовые вопросы о том, что Россия является демократическим федеративным правовым государством.

По общему правилу, идеи, принципы, признаки и другие компоненты, характеризующие правовое государство, являются полной противоположностью недемократического государственно-политического режима,

основанного на диктатуре, деспотизме, полицейском произволе, цензуре в СМИ, вмешательстве во внутренние дела других государств и т.д., и которые предполагают самостоятельное их рассмотрение и не входят в предмет данного исследования.

В качестве конституционных основ демократического федеративного правового государства в России можно назвать следующие:

1. Приоритетной ценностью в России, в соответствии со ст. 2 Конституцией РФ является «Человек, его права и свободы ...; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», а, следовательно, права и свободы человека, их соблюдение и защита, а также обеспечение безопасности человека в среде его обитания должны включать такие правовые способы и средства, которые обеспечивают правопорядок и безопасность граждан, что указывает на необходимость последовательной и эффективной деятельности правоохранительных органов в России.

Более того согласно ст. 17 Конституции РФ, в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией РФ и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права; основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения; осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

2. В соответствии со ст. 3-4 Конституции РФ определяется народный суверенитет, т.е. носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, а также государственный суверенитет России, который распространяется на всю ее территорию, обеспечивает целостность и неприкосновенность всей территории России.

3. Согласно ст. 5 Конституции РФ закрепляется конституционная основа государственного устройства России – это федеративный принцип Российского государства, который включает все республики, края, области, города федерального значения, автономную область, автономные округа как равноправные субъекты РФ. При этом Россия как федерация базируется на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, равноправии и самоопределении народов в России.

4. В ст. 6-16 Конституции РФ определяются другие конституционные основы, которые определяют демократический федеративный правовой характер Российского государства: о гражданстве РФ; социальной направленности; экономической составляющей; принципе разделения властей; признании и гарантированности местного самоуправления; идеологическом и политическом многообразии; светской направленности; Конституции РФ как основным законом, имеющем высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории РФ, а другие законы и иные правовые акты не могут противоречить ей; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы; глава 1 Конституции РФ, определяющая основы конституционного строя РФ, может быть изменена только в порядке, предусмотренном в основном законе; никакие другие положения Конституции и иных законов не могут противоречить основам конституционного строя РФ. При этом характеристика конституционных основ демократического федеративного правового характера Российского государства требует дополнительного и самостоятельного исследования.

Автор разделяет подход, что сформулированное в ст. 1 Конституции РФ нормативное положение о России как правовом государстве является одной из основ конституционного строя РФ и это следует трактовать не в

качестве достигнутого завоевания, а как цель, определяющую организацию и функционирование всей государственной системы и институтов гражданского общества в России по формированию и развитию демократического федеративного правового государства с социальной направленностью.

Безусловно, достижению этой цели должна быть подчинена деятельность всех государственных и иных органов, должностных лиц, организаций и институтов гражданского общества. Именно эти органы, лица, организации и институты являются институциональным выражением формирования демократического федеративного правового государства, в котором «человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». К числу государственных органов, участвующих в формировании демократического федеративного правового государства в России относятся: Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, суды РФ, иные органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и т.д. При этом конституционно-правовая характеристика указанных государственных органов, иных органов, организаций и институтов, участвующих в формировании и развитии демократического федеративного правового государства с социальной направленностью в России требует самостоятельного исследования.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. В качестве итога о конституционных основах правового государства в России, по мнению автора, следует сослаться на слова Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который считает, что «Сейчас у нас есть конституционная основа правового государства. И цели понятны: куда надо идти и к чему стремиться» [36].

В целом проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о том, что концепция (теория) правового государства – это не застывшая догма буржуазного права, а развивающаяся и наполняющаяся новыми принципами, признаками и содержанием, исходя из накопленного человечеством нравственных и правовых традиций и общественно-политического опыта. В правовой науке до настоящего времени нет общепризнанной и единой концепции (доктрины) правового государства. Она может уточняться, развиваться и обосновываться с философски-гуманистических и иных мировоззренческих позиций, с учетом соответствующего правопонимания и формируемых в странах государственно-политических, социально-экономических и правовых систем и т.д., а также необходимо учитывать, что каждое государство имеет свои особенности, в силу уникальной истории и сложившихся традиций. Автором обращается внимание на сформулированное в ст. 1 Конституции РФ нормативное положение о России как правовом государстве, которое является одной из основ конституционного строя РФ и его следует трактовать не в качестве достигнутого завоевания, а как цель, определяющую организацию и функционирование всей государственной системы и институтов гражданского общества в России по формированию и развитию демократического федеративного правового государства с социальной направленностью, а «человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Аджанова Ж.С. Формирование правового государства и основные признаки современной конституционной модели правовой государственности // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – Т. 12. – №. 4. – С. 77-84.
3. Ишеков К.А. Правовое государство как основа конституцион-

но-правового развития современной России // *Правовое государство: теория и практика*. – 2014. – № 4 (38). – С. 7-11.

4. Конституционные основы правового государства – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/7_99271_konstitutsionnie-osnovi-pravovogo-gosudarstva.html (дата обращения: 11.06.2019).

5. Ярославцева Д.К., Гальцева А.М. Возникновение и развитие учения о правовом государстве // *Вестник гуманитарного журнала*. – 2017. – № 1. – С. 96-101.

6. Теория государства и права (Абдуллаев М.И.). Правовое государство – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=46784> (дата обращения: 11.06.2019).

7. Гессен В.М. Теория правового государства // *Политический строй современных государств: сб. статей*. – Т. 1. – СПб., 1905. – С. 117-187.

8. Кистяковский Б.Л. Лекции по государственному праву (общее и особенное). Прочитаны в Московском коммерческом институте в 1908-1909 гг. – М., 1909. – 38 с.

9. Каганович Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // *Советское государство и революция права*. – 1930. – № 1. – С. 7-43.

10. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. – М.: РИС Мособлсполкома, 1934. – 43 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://libcoln.com/book/0b8de0c63-6bfe-42ce-a830-6fa2f2e5e091> (дата обращения: 11.06.2019).

11. Папуанис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980. – 271 с.

12. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. – 748 с.

13. Курский Д.И. На путях развития Советского права. Статьи и речи, 1919-1926. – Москва: Юридическое изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927. – 118 с.

14. Малицкий А.Л. Советская конституция. – Харьков: Путь просвещения, 1924. – 208 с.

15. Материалы XIX конференции КПСС, 28 июня – 1 июля 1988 г. Москва, 1988. – М.: Политиздат, 1988. – 160 с. <https://pandia.ru/text/77/361/83063-9.php>

16. Нерсесянц В.С. Концепция советского правового государства в контексте истории учений о правовом государстве // *Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения*. – М., Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. – С. 45-67.

17. Гулиев В.Е. На пути к правовому государству // *Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения*. / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. – С. 98-109.

18. Кудрявцев В.Н., Лукашева Е.А. Социалистическое правовое государство // *Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения*. – М., Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. – С. 5-24.

19. Мальцев Г.В. Социалистическое правовое государство: исторический опыт и традиции // *Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации*. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 114-118.

20. Словари и энциклопедии на Академике – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17386> (дата обращения: 11.06.2019).

21. Теория государства и права. Пиголкин А.С., Головистикова А.Н. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uristinfo.net/2010-12-16-20-00-40/29-pigolkin-as-golovistikova-an-tgp/586-glava-16-teorija-pravovogo-gosudarstva.html> (дата обращения: 11.06.2019).

22. Бойцова В.В. Правовое государство – гарантия реализации прав и свобод граждан // *Вестник ЛГУ. Сер. 6*. – 1990. – № 1. – С. 122-125.

23. Кондрашев А.А. Идея правового государства в России: определение и сущность – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-pravovogo-gosudarstva-v-rossii-opredelenie-i-suschnost> (дата обращения: 11.06.2019).

24. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filling-form.ru/turizm/27458/index.html?page=62> (дата обращения: 11.06.2019).

25. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Глава IV. Правовое государство и его основные характеристики – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Hrop/04.php (дата обращения: 11.06.2019).

26. Хажипов Р.Х. О соотношении принципов и признаков правового государства // *Правовое государство: теория и практика*. – 2010. – № 2 (20). – С. 24-27 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravgos.ru/item/o-sootnoshenii-principov-i-priznakov-pravovogo-gosudarstva> (дата обращения: 11.06.2019).

27. Признаки правового государства – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://helpiks.org/2-10889.html> (дата обращения: 11.06.2019).

28. Понятие и признаки правового государства – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawbook.online/gosudarstva-pravaya-teoriya/ponyatie-priznaki-pravovogo-77364.html> (дата обращения: 11.06.2019).

29. Принципы и признаки правового государства – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megaleksi.ru/s20954t9.html> (дата обращения: 11.06.2019).

30. Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / Под ред.: Меушевский А.Н. – М.: Институт права и публичной политики, 2013. – 359 с.

31. Добрынин Н. М. Основы конституционного (государственно-

го) права Российской Федерации: 100 вопросов и ответов: практ. руководство (Современная версия новейшей истории государства). – 2-е изд., доп. – Новосибирск: Наука, 2010. – 544 с.

32. Конституционное право России: Энциклопедический словарь / Под общей ред. Червонок В.И. – М.: Юрид. лит., 2002. – 432 с.

33. Жадан В.Н. Международное право в системе российского законодательства // *Армия и общество*. – 2012. – № 2 (32). – С. 88-93.

34. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 720 с.

35. Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39472/ (дата обращения: 11.06.2019).

36. Валерий Зорькин: У закона нет выходов. Председатель Конституционного суда дал интервью «Российской газете», 12.12.2005 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/12/12/zorkin.html> (дата обращения: 11.06.2019).

Статья поступила в редакцию 12.07.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 34.096

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0091

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ САМОЗАНЯТОГО ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ПСИХОЛОГА

© 2020

SPIN-код: 9676-7731

AuthorID: 769357

Никонова Наталья Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Естественно-научные и гуманитарные дисциплины»

Тюменский индустриальный университет

(628400, Россия, Сургут, улица Энтузиастов, 14, e-mail: nkuni19@yandex.ru)

Аннотация. Реализация любым физическим лицом деятельности в сфере предпринимательства можно осуществлять без непосредственного образования юридического лица, а также минуя его регистрацию в роли индивидуального предпринимателя. Пробелы правового регулирования в данной области не удовлетворяют ни частным, ни публичным интересам. Самозанятый гражданин, исключенный из правового поля, не может полноценно реализовать и защитить свои права и интересы. В настоящей статье детально рассматриваются общие положения о правовом регулировании самозанятых граждан, осуществляющих профессиональные психологические услуги, а также анализируются положения федерального законодательства, регулирующих здоровье человека и качество оказываемой психологической помощи населению страны. Исследованию также подлежат изменения в российском налоговом законодательстве, вступившие в силу с 1 января 2019 года и реализуемые в качестве эксперимента в некоторых регионах Российской Федерации: в городе федерального значения Москва, Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан. В исследовании обосновывается необходимость принятия Федерального закона, регламентирующего деятельность по оказанию психологической помощи вне зависимости от правового статуса лица её оказывающего. В работе аргументируется потребность создания компетентного органа, осуществляющего контроль за деятельностью психологов, не имеющих статуса предпринимателя, но являющихся плательщиками налога на профессиональный доход и оказывающих услуги по специальности.

Ключевые слова: правовой статус, психологическая помощь, психолог, психологическое благополучие, психическое здоровье, налог на профессиональный доход, самозанятые граждане, экспериментальный налоговый режим.

TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF A SELF-EMPLOYED PERSON CARRYING OUT THE PROFESSIONAL SERVICES OF A PSYCHOLOGIST

© 2020

Nikonova Natalia Petrovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Natural Sciences and Humanities of Tyumen Industrial University

Tyumen Industrial University

(628400, Russia, Surgut, Entuziastov street, 14, e-mail: nkuni19@yandex.ru)

Abstract. Implementation by any individual of activity in the field of entrepreneurship can be carried out without the direct formation of a legal entity, as well as bypassing its registration as an individual entrepreneur. Gaps in legal regulation in this area do not satisfy either private or public interests. A self-employed citizen, excluded from the legal field, cannot fully realize and protect his rights and interests. This article examines in detail the general provisions on the legal regulation of self-employed citizens providing professional psychological services, as well as analyzes the provisions of federal legislation governing human health and the quality of psychological assistance provided to the country's population. The changes in the Russian tax legislation that came into force on January 1, 2019 and are being implemented as an experiment in some regions of the Russian Federation: in the city of federal significance Moscow, Moscow and Kaluga regions, as well as in the Republic of Tatarstan are also subject to research. The study substantiates the need for the adoption of a federal law regulating the provision of psychological assistance, regardless of the legal status of the person providing it. The work argues the need to create a competent body that monitors the activities of psychologists who do not have the status of an entrepreneur, but who are payers of tax on professional income and provide services in the specialty.

Keywords: legal status, psychological assistance, psychologist, psychological well-being, mental health, professional income tax, self-employed citizens, experimental tax regime.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Конституция Российской Федерации в части 2 статьи 7 закрепляет, что в России здоровье людей находится под охранной государства [1]

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет, что непосредственно под здоровьем обычно понимается состояние не только физического, но ещё и психического, социального благополучия человека. Кроме того, при указанном состоянии должны отсутствовать заболевания и расстройства функций не только определённых органов, а различных систем организма в целом [2]

Непосредственное воздействие на психического благосостояния человека в современных реалиях оказывают психологи.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Проблемы правового регулирования психологической помощи населению рассматривали в своих трудах А.Л. Катков [3], Н. Железняк [4], Н.В. Майсак [5] и многие др. Тем не

менее на сегодняшний день отсутствуют исследования нормативного регулирования новой категории так называемых «самозанятых» граждан оказывающих психологические услуги.

Формирование целей статьи (постановка задания).

С вступлением в силу Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» (далее – Закон о налоге на профессиональный доход) количество психологов, оказывающих частные услуги на вполне законных, с точки зрения налогообложения, основаниях резко возросло [6].

Однако с каждым днем всё более остро встаёт вопрос о качестве оказания частных психологических услуг. В связи с этим считаем необходимым исследовать вопрос правового регулирования оказания психологических услуг лицами, являющимися плательщиками налога на профессиональный доход.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Поименованный выше Закон о налоге на професси-

ональный доход наделяет определённым перечнем прав и обязанностей физических лиц, незарегистрированных в качестве предпринимателей, но осуществляющих профессиональную деятельность и получающих прибыль от самостоятельного, собственноручного производства товаров (работ, услуг, имущественных прав) другим физическим лицам для своих нужд (домашних, личных и т.п.).

Из названных положений следует, что человек, оказывающий самостоятельно частные психологические консультации таким же, как и он, физическим лицам для личных нужд и применяющий специальный налоговый режим должен обладать профессиональными знаниями и навыками. Однако закон не уточняет, каким образом лицо, оказывающее профессиональные услуги, будет подтверждать свою компетенцию.

Считаем, что в случае получения психологической помощи крайне важно получить услугу от дипломированного специалиста, имеющего возможность подтвердить компетентность соответствующим документом государственного образца.

Эта мера необходима, поскольку, как было сказано ранее, психолог влияет на психологическое благополучие человека, которое представляет собой один из основных компонентов здоровья, являющегося важнейшей ценностью каждого индивида.

В следствие сказанного выше, охрана здоровья граждан включает в себя систему государственных мер, направленных на профилактику болезней, поддержку и укрепление физического и психического самочувствия каждого человека, поддержания его многолетней активной жизни, предоставления ему врачебной помощи.

Названные меры могут носить не только медицинский, научный или политический, но ещё и экономический, социальный, а также правовой характер. Меры государственного воздействия реализуются органами власти всех уровней, в том числе муниципальными.

На данный момент, в Российской Федерации совершенно отсутствуют нормы права федерального уровня, которые бы эффективно регулировали оказание психологических услуг. Для того, чтобы открыть частный кабинет психолога достаточно лишь зарегистрироваться в качестве плательщика налога на профессиональный доход, выбрав соответствующий специальный режим налогообложения. Законодатель не устанавливает требований к профессиональному образованию лиц, оказывающих психологические услуги. В данном случае актуальным становится вопрос о правильности выбора методов профилактики, диагностики, реабилитации при оказании психологической помощи лицом, чья профессия не подтверждается никаким документом.

Кроме того, в связи с отсутствием законодательного регулирования весьма затруднительно, а в ряде случаев невозможно дать оценку качеству оказанных психологических услуг, а также определить степень достижения запланированного результата.

По нашему мнению, положений главы Гражданского кодекса Российской Федерации [7], а также Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» [8] крайне мало, поскольку названные акты регулирует лишь меру ответственности за оказание услуг ненадлежащего качества.

Помимо этого, необходимость законодательной регламентации психологической помощи обуславливается частой и достаточно явной подменой услуг психолога иными смежными услугами. В рассматриваемой ситуации, речь идёт о набирающих популярность различных коучинговых программах, анонсирующих оказание психологической поддержки.

Также в Российской Федерации отсутствует компетентный орган, который осуществлял контроль за качеством деятельности плательщиков налога на профессиональный доход в целом, и самозанятых психологов в частности.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Регистрация частных психологов в качестве плательщиков налога на профессиональный доход – это лишь первый этап легализации лиц, осуществляющую психологическую помощь. Необходима дальнейшая глубокая проработка вопроса относительно качества оказываемых услуг данной категории граждан.

На наш взгляд, в России назрела острая необходимость принятия законодательного акта федерального уровня, регулирующего оказание психологических услуг, а также органа, компетентного оценить качество оказания таких услуг.

В современных правовых реалиях нашей страны необходимы чётко сформулированные требования к оказанию психологических услуг, которые будут включать в себя базовое психологическое образование, подтверждающееся соответствующим дипломом государственного образца, а также соответствие профессиональным стандартам. Необходим правовой акт, который будет регламентировать оказание психологической помощи населению аналогично оказанию медицинской помощи, введёт соответствующие требования к частным кабинетам психологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [в ред. от 21.07.2014] // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – № 31. – ст. 4398.
2. *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ [ред. от 29.05.2019] // Собрание законодательства РФ*. – 2011. – № 48. – ст. 6724.
3. Катков А.Л. Страсти по закону о психологической помощи в РФ / А.Л. Катков // *Антология российской психотерапии и психологии: Материалы Всероссийского конгресса с международным участием «Отечественная психотерапия и психология: становление, опыт и перспективы развития (к 85-летию отделения неврозов и психотерапии Национального центра психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева)»*. - Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига». - М.: - 2018. С. 55-69.
4. Железняк Н. Правовые аспекты деятельности психолога / Н. Железняк // *ЭЖ-Юрист*. - 2013. - № 43. - С. 16.
5. Майсак Н.В. *Правовые основы деятельности психолога. Учебное пособие*. - Астрахань, 2005. - 119 с.
6. *О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): федер. закон от 27 ноября 2018 № 422-ФЗ // Собрание законодательства РФ*. – 2018. - № 49 (часть I). - Ст. 7494.
7. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер.закон от 26 января 1996 № 14-ФЗ [ред. от 29.07.2018, с изм. от 03.07.2019] // Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 5. - Ст. 410.
8. *О защите прав потребителей: Закон РФ от 07 февраля 1992 № 2300-1 [ред. от 18.03.2019] // Собрание законодательства РФ*. – 1996. - № 3. - Ст. 140.

Статья поступила в редакцию 08.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 34:002.6
DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0092

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

© 2020
AuthorID: 682458
SPIN-код: 2923-7727

Платонова Наталья Игоревна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры правовых основ управления
МГИМО МИД России

(119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского 76, e-mail: platonovani@gmail.com)

Аннотация. Сегодня современные цифровые технологии проникли во все сферы общественной жизни. Особое внимание последние годы уделяется технологии блокчейн и, особенно, криптовалютам. Несмотря на это, до сих пор отсутствует единообразное правовое регулирование и понимания правовой сущности криптовалют, что оставляет место для дискуссий. Судебная практика необширна, отсутствуют и разъяснения ВС РФ, а те решения, что уже приняты, зачастую носят противоречивый характер. В статье анализируется возможность политических партий использовать криптовалюты в качестве источника своего финансирования и сложности, с которыми при этом партии могут столкнуться. Рассматриваются различные подходы к пониманию данного актива, сложившиеся в различных зарубежных государствах. Исследуется возможность предоставления пожертвований партиям посредством криптовалюты, а также возможность осуществления финансового контроля со стороны государства. Автор приходит к выводу, что принятие в Российской Федерации закона, закрепляющего понятие и правовой статус криптовалюты, а также порядка операций с ней, позволит в дальнейшем разработать меры по осуществлению финансового контроля за деятельность политических партий при привлечении ими криптовалют, которые в настоящее время никак не регулируются. **Ключевые слова:** политические партии, партийное финансирование, финансовый отчет, пожертвования, финансовый контроль, криптовалюта, цифровой кошелек.

MODERN TECHNOLOGIES AND POLITICAL PARTIES' FINANCING

© 2020

Platonova Natalya Igorevna, PhD in law, Associate Professor
Moscow State Institute of International Relationships (University)
(119454, Russia, Moscow, Vernadskogo st. 76, e-mail: platonovani@gmail.com)

Abstract. Today, modern digital technologies have penetrated into all spheres of public life. In recent years, special attention has been paid to blockchain technology and, especially, cryptocurrencies. Despite this, there is still no uniform legal regulation and understanding of the legal nature of cryptocurrencies, which leaves room for discussion. The judicial practice is not extensive, there are no explanations of the Armed Forces of the Russian Federation, and the decisions that have already been taken are often contradictory. The article analyses the possibilities of using crypto values by political parties as a source of its funding and associate legal risks. The various approaches to the understanding of crypto values and its legal status are considered in this research, that may be useful for deeper understanding of legal essence of such asset. The review of the peculiarities of crypto value and crypto wallet shows that today there is no appropriate mechanisms for the state financial control over political parties. The author underlines that adoption in the Russian Federation of a federal law to provide the necessary terms and concepts regarding cryptocurrency activities is required as it will further develop measures for the legal regulation the crypto value as the way to finance the political parties.

Keywords: political parties, parties' financing, financial control, donations, financial statement, crypto value, crypto wallet.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на повсеместное использование современных цифровых технологий, до сих пор отсутствует единообразное правовое регулирование и понимания правовой сущности криптовалют, что оставляет место для дискуссий. Судебная практика необширна, отсутствуют и разъяснения ВС РФ, а те решения, что уже приняты, зачастую носят противоречивый характер.

Нет единогласия в подходах к правовому пониманию криптовалют и в зарубежных странах. Некоторые государства придерживаются позиции «ограничительно-запретительной». Здесь стоит отметить, что на сегодняшний день не существует технической возможности запретить владение такими инструментами, однако возможен запрет на осуществление любых операций с криптовалютой, в том числе и операций по обмену криптовалют на валюту того или иного государства [1, с. 73]. Примерами таких государств могут служить Алжир, Боливия, Марокко, Вьетнам [4]. Иные страны исходят из позиции «разрешительно-упредительной», допуская возможность осуществления операций с криптовалютой, придание ей определенного правового статуса, при этом подчеркивая высоко рискованность данного актива. Однако и здесь отсутствует единое понимание криптовалют. В частности, в Канаде и Сингапуре криптовалюты рассматриваются как разновидность ценных бумаг. А в отдельных кантонах Швейцарии криптовалюту признают законным средством платежа. В России разра-

ботан и находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации законопроект, согласно которому предлагается введение понятия «цифровой актив».

Интересна позиция таких стран, как Бельгия, Великобритания, Южная африканская республика, полагающая, что объем рынка криптовалют настолько незначителен, что не нуждается в четком правовой регулировании. С данной позицией можно согласиться лишь отчасти. Действительно объем рынка криптовалют настолько велик. Между тем, юридическая наука не должна отставать от стремительного развития современных технологий. Полагаем, что поиск путей наилучшего правового регулирования криптовалют крайне важен для соблюдения паритета интересов владельцев криптовалют и государства.

Возрастает интерес к криптовалютам и как к источникам финансирования деятельности некоммерческих организаций. Одной из центральных задач НКО является сбор необходимого объема финансовых ресурсов для реализации целей и задач их создания и деятельности. Криптовалюта в этом смысле имеет определенные преимущества, так как позволяет организациям снижать издержки в виде комиссионных платежей в пользу платежных систем. Технология блокчейн позволяет сделать максимально открытым процедуру внесения пожертвований. Операции с криптовалютой абсолютно открыты всем и каждому пользователю. Более того, из-

вестен не только жертвователь, но и «история» произведенных операций, хранящаяся в распределенной сети. Указанные сведения не могут быть удалены или изменены. Казалось бы, данный факт позволяет говорить о полной прозрачности. Вместе с тем владения криптовалютой посредством специальных кошельков является псевдоанонимным. Дело в том, что широкой общественности становится лишь данные кошелька, сам же плательщик / собственник неизвестен, хотя его можно идентифицировать при наличии дополнительной информации [3, с.156]. Как правило, при регистрации криптокошелька не требуется установление личности и ее проверки. Иными словами, даже если ввод персональных данных и предусматривается в регистрационной карте, не определен порядок подтверждения личности или ее проверки. Запрос некой информации от «регистрирующего» имеет целью осуществлять аутентификацию, а не идентификацию.

Стоит также иметь в виду, что криптовалюты имеют высокую степень волатильности и представляют собой низко ликвидный актив, что делает их также менее привлекательным с точки зрения формирования бюджета НКО. Отметим также и тот факт, что децентрализованная эмиссия криптовалют затрудняют контроль за их производством и оборотом со стороны государства. Сложен и финансовый контроль за соблюдением законодательства в области регулирования финансирования деятельности НКО. В частности, российский законодатель предусматривает отдельные требования и ограничения относительно отдельных видов НКО: иностранные агенты, государственные корпорации, политические партии.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель статьи – анализ возможности политических партий использовать криптовалюты в качестве источника своего финансирования и сложности, с которыми при этом партии могут столкнуться. Автор приходит к выводу, что принятие в Российской Федерации закона, закрепляющего понятие и правовой статус криптовалюты, а также порядка операций с ней, позволит в дальнейшем разработать меры по осуществлению финансового контроля за деятельностью политических партий при привлечении ими криптовалют, которые в настоящее время никак не регулируются.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Политические партии согласно действующему законодательству обладают уникальным правом участвовать в выборах. Иными словами, основополагающей целью их деятельности является «борьба за власть», что в современных условиях требует значительный объем финансовых ресурсов. В отношении партийного финансирования законодатель различных государств оказывает особое внимание, опасаясь влияния иностранных государств или «частных денег» на политическую систему страны. Могут ли политические партии России использовать криптовалюту как источник своего финансирования? Согласно ст. 29 ФЗ «О политических партиях» перечень источников партийного финансирования не является исчерпывающим. Таким образом, партии вправе привлекать финансирование в форме криптовалют.

На сегодняшний день не существует норм, регулирующих порядок осуществления партийного финансирования с использованием рассматриваемого источника, судебная практика также не сложилась, да и в научной литературе данный вопрос не изучен. Полагаем, что причиной тому тот факт, что криптовалюта едва ли широко используется партиями. Причиной тому служит сильная волатильность всех криптовалют и низкая ликвидность. Однако интерес к криптовалютам стремительно возрастает в обществе последние несколько лет, ко второму чтению подготовлен законопроект о цифровых финансовых активах, что не может не повлиять и на правовое регулирование партийного финансирования.

Опасения, высказываемые относительно возможно-

сти партиями использовать криптовалюту как источник своего финансирования, связаны с возможностью их использования для «обхода» законодательных требований и ограничений относительно партийного финансирования и невозможностью осуществления финансового контроля со стороны государства в связи с отсутствием закрепленного правового статуса криптовалют, наряду с отсутствием технических возможностей контроля.

На сегодняшний день никаких запретов на возможность партиями открывать криптокошелек законом не установлено. Как было указано выше, при его регистрации оператор обычно не запрашивает данных, позволяющих идентифицировать регистрирующегося лица, а при наличии соответствующей регистрационной формы, не обладает ни полномочиями, ни ресурсами по установлению и подтверждению лица – открывающего такой кошелек. Каким образом может быть установлено право собственности на данный актив? При получении доступа к цифровому кошельку, как правило, собственник проходит процедуру авторизации. Успешное получение доступа к криптокошельку и возможность совершения посредством его операций есть доказательство право собственности на него и на соответствующие средства. Для доказывания достаточно установить объективную связь между личностью пользователя цифрового кошелька и его идентификатором.

Однако Федерального закона «о цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» собственником цифровых финансовых активов, коими и являются криптовалюты, будет признаваться лицо, которое соответствует определенным критериям:

1) лицо зарегистрировано в реестре пользователей информационной системы, в которой учитываются цифровые финансовые активы;

2) лицо имеет доступ к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы, посредством обладания уникальным кодом, обеспечивающий такой доступ. Что позволяет ему получать информацию о количестве цифровых финансовых активов, а также распоряжаться такими активами.

Отметим, что законопроект не определяет порядок регистрации пользователей и не содержит необходимого для этого перечня документов. Данное регулирование будет осуществляться Банком России. Таким образом, при принятии данного федерального закона, открытию криптокошелька будет предшествовать регистрация пользователя. В таком случае, полагаем, что последуют изменения в федеральный закон о политических партиях, запрещающий партиями иметь более одного такого кошелька для целей осуществления финансового контроля.

Криптовалюта получит статус «цифрового актива», являющегося видом имущества, что позволит применять к ней требования и ограничения, предусмотренные законом в отношении пожертвований. В соответствии с п. 1 ст. 30 политические партии вправе принимать пожертвования, как от физических, так и от юридических лиц в виде денежных средств и иного имущества при условии, что эти пожертвования документально подтверждены и указан их источник. Внесение криптовалюты на соответствующий счет партии будет рассматриваться как осуществление пожертвований в виде иного имущества. В этом случае при получении такого пожертвования необходимо будет осуществить оценку его стоимости на дату принятия с последующим внесением в финансовую и бухгалтерскую отчетность.

Сегодня же принятие криптовалюты в качестве пожертвования не соответствует требованию закона по следующим причинам:

1. Отсутствие закрепленного правового статуса криптовалют влечет и отсутствие единого подхода к порядку постановки на баланс данных активов и отражения их как в бухгалтерской, так и налоговой отчетности,

а также в финансовых отчетах партий. Наряду с этим невозможность применения аналогии закона в связи с «уникальностью» правовой сущности криптовалюты. Представляется интересным позиция У.А. Меликова, которые полагает, что «в случае криптовалюты следует применять нормы законодательства, комплексно исходя из конкретных правоотношений, складывающихся по ее поводу» [2, с.66].

2. Анонимность жертвователя. Учитывая тот факт, что передача пожертвования посредством цифрового кошелька не дает возможности идентифицировать донора, что нарушает требования п. 7 ст. 30 ФЗ «О политических партиях», п. н ст. 58 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан РФ» и могут рассматриваться как «анонимные». Вместе с тем, как указывалось выше, крипто кошельки, посредством которых и осуществляются операции с криптовалютой, являются «псевдоанонимными». Если партия получила пожертвования от анонимного источника, то полученные средства подлежат обращению в доход государства, так как установить жертвователя для возврата средств, «полученных с нарушением закона», не представляется возможным. В данном случае донор не известен, но известны данные цифрового кошелька, индивидуального кода в распределенной сети. Потому полагаем, что подобное имущество должно быть возвращено жертвователю.

Однако жертвователь и партия вправе заключить некий договор пожертвования, соответствующий требованиям закона, предусмотрев условия передачи пожертвования в виде криптовалют. В этом случае вызывает опасение источник поступления соответствующих средств на «счет» донора. Законом о политических партиях предусматриваются перечень лиц, которым запрещено осуществлять пожертвования партиям. В частности, иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц, юридических лиц, в течение года предшествующего внесению пожертвования получавших денежные средства или имущество от иностранных государств, и иные. Так, например, Мещанский районный суд г. Москвы в деле № 2а-95/2018 установив, что потенциальный жертвователь аккумулировал денежные средства, перечисленные через платежную систему биткоин, предусматривающую анонимность проводимых транзакций, высказал позицию о запрете финансирования избирательных кампаний теми юридическими лицами, которые принимают виртуальные валюты в качестве оплаты.

ВЫВОДЫ

Таким образом, полагаем, что в настоящий момент криптовалюта в качестве пожертвования применяться не может. Тем не менее, учитывая оборот криптовалют, полагаем, что при принятии федерального закона о цифровых финансовых ресурсах, данный источник партийного финансирования сможет использоваться партиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Коляскин А.Д., Сенькина П.С. Криптовалюта: будущее или провал// Молодой ученый. 2018. №7. С.71-75
2. Меликов У.А. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право 2018 №18 (1) 60-66
3. Трубинова Е.И. Криптовалюта: инструмент теневых схем или денежная система свободного общества// Вестник Самарского государственного университета. 2014. - №6 (117). - С.151-156.
4. Cryptocurrencies and Political Finance. IDEA. Discussion Paper 2/2019 Catalina Uribe. Burcher. DOI: <http://doi.org/10.31752/idea.2019.7>

Публикация осуществлена в рамках мероприятия I Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов». Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20072

УДК 342.5

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0093

ПРАВОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА

© 2020

AuthorID: 799629

SPIN: 5538-2412

ResearcherID: AAC-4179-2019

ORCID: 0000-0003-2491-6649

Степанова Дарья Николаевна, старший преподаватель
кафедры «Частное и публичное право»
Пензенский государственный университет
(440026, Россия, Пенза, улица Красная, 40, e-mail: stepdasha.91@mail.ru)

Аннотация. Объектом исследования являются правовые привилегии государственных служащих. Предметом исследования выступают правовые привилегии Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Цель исследования проанализировать правовые привилегии Уполномоченного при Президенте по правам ребенка и выявить правовые пробелы в их законодательном закреплении. Автор исследует правовые привилегии, которые закреплены за Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка на сегодняшний день в законодательстве. Особое внимание уделяется предоставлению правового и свидетельского иммунитета Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, проводится анализ законодательства, регулирующего предоставления правовых иммунитетов омбудсменам по делам детей в зарубежных странах. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений, а также частнонаучные методы: анализ теоретических источников и нормативно-правовых источников; сравнение; обобщение. Основным выводом в результате проведенного исследования являются предложения по совершенствованию действующего законодательства в рамках предоставления правового иммунитета Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также расширения сферы действия свидетельского иммунитета Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка на уголовный процесс.

Ключевые слова: Уполномоченный, детский Уполномоченный, правовая привилегия, правовой иммунитет, свидетельский иммунитет, гражданский процесс, уголовный процесс, административный процесс, защита прав, защита прав детей

LEGAL PRIVILEGES OF THE OMBUDSMAN FOR THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION BY THE RIGHTS OF THE CHILD

© 2020

Stepanova Daria Nikolaevna, senior lector
of «Private and Public Law»
Penza State University

(440026, Russia, Penza, street Krasnaya 40, e-mail: stepdasha.91@mail.ru)

Abstract. The object of the study is the legal privileges of public servants. The subject of the study is the legal privileges of the Ombudsman for the President of the Russian Federation by the rights of the child. The purpose of the study is to analyse the legal privileges of the Ombudsman for the President of the Russian Federation by the rights of the child. The author explores the legal privileges accorded to the Ombudsman for the President of the Russian Federation by the rights of the child to date in legislation. The rights of the child pay special attention to the granting of legal and witness immunity to the Ombudsman for the President of the Russian Federation, and an analysis of the legislation governing the granting of legal immunities to ombudsmen for children in foreign countries is being carried out. The methodological basis of the study is the dialectical method of knowledge of social and legal phenomena, as well as private scientific methods: analysis of theoretical sources and regulatory and legal sources; comparison; generalization. The main conclusion of the study is proposals to improve the current legislation within the framework of granting legal immunity the Ombudsman for the President of the Russian Federation by the rights of the child. The author concludes that it is necessary to extend the immunity of the witness of the Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation prior to criminal proceedings.

Keywords: ombudsman, children's ombudsman, legal privilege, legal immunity, witness immunity, civil process, criminal process, administrative process, protection of rights, child rights protection

ВВЕДЕНИЕ

Институт Уполномоченного по правам ребенка занимает особое место в системе защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Данное обстоятельство предопределяется спецификой правового статуса: с одной стороны, Уполномоченный по правам ребенка является разновидностью института омбудсмена, с другой – действующее законодательство отводит ему роль помощника Президента Российской Федерации по вопросам защиты прав детей. Изучение вопросов функционирования Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка (далее – Уполномоченный) и региональных уполномоченных по правам ребенка является на сегодняшний день одним из актуальных направлений, так как позволяет прийти к пониманию места данного института в механизме защиты прав несовершеннолетних и в целом выстроить работающую систему государственных органов, основной целью которой является соблюдение прав и законных интересов детей.

Правовые привилегии государственного служащего

являются важной составляющей его правового статуса, так как непосредственно влияют на качество выполнения функций, возложенных на него. Следует отметить, что вопрос о предоставлении правовых привилегий институту Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации изучен недостаточно. Данную проблему рассматривали в своих исследованиях А. В. Колосов [1], Г. В. Синцов, П. Л. Лихтер [2]. Д. Е. Феоктистов [3] исследовал вопросы правового иммунитета Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Однако, несмотря на значительный вклад перечисленных исследователей в решение проблемы, в настоящий момент нет единого понимания в вопросе предоставления правовых привилегий Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка.

МЕТОДОЛОГИЯ

Предметом настоящего исследования выступают правовые привилегии, предоставляемые Уполномоченному в целях качественной реализации возложенных на него обязанностей. Представляется, что объем привилегий, закрепленных за государственным служащим,

является важной составляющей его правового статуса и непосредственно влияет на выполнение целей, стоящих перед должностным лицом. Цель исследования – изучить и проанализировать правовые привилегии Уполномоченного при Президенте по правам ребенка и региональных уполномоченных по правам ребенка. Задачей в рамках данного исследования является определение перечня правовых привилегий института Уполномоченного по правам ребенка, а также выявление правовых привилегий, законодательно не закрепленных за детским омбудсменом, но имеющих большое значение при реализации им должностных полномочий.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений, а также частнонаучные методы: анализ теоретических источников и нормативно-правовых источников; сравнение; обобщение.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для достижения цели исследования необходимо обратиться к пониманию термина «правовые привилегии». Отметим, что политико-правовой институт привилегий рассматривается исследователями как в негативном, так и в позитивном аспекте. В советский период «привилегия» рассматривалась как противозаконный феномен [4]. К. В. Ведяхина отмечает, что «привилегии и иммунитеты рождают неравенство, которое в свою очередь является отступлением от конституционных положений о правовом равенстве» [5]. Подобная ситуация, по мнению автора, неприемлема.

А. В. Малько, И. С. Морозова определяют привилегии как «специальные льготы, и в первую очередь для властных органов и должностных лиц» [6]. Отмечают, что установление льгот ведет к полному и качественному выполнению публичными образованиями и должностными лицами своих функций. С. Ю. Суменков утверждает, что привилегия характеризует социальный и индивидуальный статус своих обладателей и является юридическим средством, регулирующим общественные отношения [7].

В целях беспрепятственного и самостоятельного осуществления функций Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка предоставлен ряд привилегий. Из анализа федерального закона от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» [8] можно выделить две группы привилегий. Первая касается беспрепятственного посещения Уполномоченным органов государственной власти и организаций для выполнения своих функций, вторая имеет характер льготы и предполагает освобождение от уплаты государственной пошлины при подаче административных исковых заявлений. Представляется, что данный перечень правовых привилегий Уполномоченного является незавершенным и нуждается в расширении.

Одной из классических правовых привилегий института омбудсмена является наличие правового иммунитета. Институт правового иммунитета известен еще римскому праву. На сегодняшний день в самом общем смысле под правовым иммунитетом понимается невозможность привлечения к ответственности. Р. В. Ярцев утверждает, что наличие иммунитета не может освобождать от ответственности, а лишь предоставляет процессуальные гарантии. В. А. Четвернин главной функцией иммунитета называет обеспечение правовой безопасности определенной категории лиц [9].

В Российской Федерации правовой иммунитет закреплен в законодательстве, регулирующем деятельность Уполномоченного по правам человека. Как отмечает Д. Е. Феоктистов, правовой иммунитет, выраженный в форме правовой неприкосновенности, является важнейшим элементом правового статуса омбудсмена и выполняет функцию дополнительной охраны должностных лиц [3]. Законодательство устанавливает неприкосновенность в течение всего срока полномочий омбудсмена

[10].

За введение норм о правовой неприкосновенности Уполномоченного по правам ребенка исследователи высказывались еще до принятия федерального закона, регулирующего деятельность данного института. Так, И. С. Дикарев считает, что необходимо ввести норму, согласно которой Уполномоченного может привлечь к ответственности по уголовному делу только Председатель Следственного комитета Российской Федерации [11]. С данной позицией соглашается А. В. Колосов, который считает, что введение подобного правового иммунитета позволит расширить гарантии деятельности уполномоченного [1].

П. Л. Лихтер отмечает, что правовым иммунитетом должен обладать не только Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, но и региональные уполномоченные по правам ребенка. При этом ученый считает, что правовой иммунитет омбудсменов по делам детей в субъектах Российской Федерации «должен быть равен по объему правовому положению депутатов законодательного (представительного) органа в соответствующем регионе страны» [2].

Интересным представляется зарубежный опыт законодательного регулирования правового иммунитета детских омбудсменов. В Республике Кипр омбудсмен по делам детей не может быть привлечен к ответственности за совершение какого-либо акта или высказанное мнение, а также за содержание доклада или любого другого документа, представленного им в рамках осуществления своих полномочий. [12]

В Хорватии омбудсмен по делам детей и его заместители не могут быть привлечены к ответственности, помещены под стражу или быть подвергнуты наказанию за выражение мнения или действия в рамках своей работы, за исключением случаев нарушения закона, представляющего собой уголовное преступление. [13]

В Польше омбудсмен по делам детей обладает правовым иммунитетом и привлечен к уголовной ответственности или задержан может быть только с согласия Сейма. Исключением являются только случаи, когда омбудсмен пойман с поличным и его задержание необходимо для обеспечения правильного хода расследования дела. [14]

Представляется, что предложение по закреплению правового иммунитета за Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и уполномоченными по правам ребенка в регионах является обоснованным. Введение данной гарантии позволит повысить статус института, а также избежать злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. На наш взгляд, инициировать привлечение к уголовной ответственности может только Председатель Следственного комитета Российской Федерации, при этом такая процедура должна проводиться с одобрения Президента Российской Федерации, так как это предусмотрено спецификой института Уполномоченного. В вопросе правового иммунитета региональных уполномоченных, согласимся с позицией П. Л. Лихтера – данный вопрос должен быть урегулирован по подобию правового иммунитета депутатов законодательного (представительного) органа региона.

Еще одним видом правовой привилегии является свидетельский иммунитет. Как отмечает А. А. Исаенков, важнейшей особенностью свидетельского иммунитета является не столько предоставление привилегии как таковой, сколько предупреждение лжесвидетельства в уголовном, гражданском или административном процессе [15]. В. В. Молчанов выделяет свидетельский иммунитет в форме привилегии, когда субъект имеет право отказаться от дачи показаний, и свидетельский иммунитет в форме запрета допроса свидетеля. [16] И. В. Смолькова выделяет шесть разновидностей свидетельского иммунитета, исходя из субъектного состава. Одним из видов

исследователь называет свидетельский иммунитет лиц, имеющих особый характер выполняемых государственных или общественных обязанностей [17], по нашему мнению, к этой категории можно отнести свидетельский иммунитет, предоставленный Уполномоченному.

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка обладает свидетельским иммунитетом в гражданском и административном судопроизводстве. В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [18] и Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации [19], Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации не подлежат допросу в качестве свидетелей в отношении сведений, ставших им известными в связи с выполнением своих обязанностей.

Отметим, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации обладает свидетельским иммунитетом в гражданском, административном и уголовном процессе, однако данный факт можно толковать как право, так как закон дает ему возможность отказаться от дачи показаний [10]. В законе об уполномоченных по правам ребенка таких оговорок нет, следовательно, свидетельский иммунитет Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка носит императивный характер.

Уголовное законодательство не содержит нормы, согласно которой Уполномоченный по правам ребенка обладает свидетельским иммунитетом. Представляется, что наделение определенных субъектов свидетельским иммунитетом обеспечивает выполнение ими своих публично-правовых функций, а также защиты прав и свобод человека и гражданина. Исследователи выступают за расширение круга лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Е. В. Силина, М. М. Колесникова отмечают, что необходимо исключить случаи, когда показания свидетелей даются по принуждению. [20] При этом следует отметить, что омбудсмен по делам детей стоит на защите прав и законных интересов особой категории лиц – несовершеннолетних.

Как верно отмечает И. С. Дикарев, Уполномоченный по правам ребенка и Уполномоченный по правам человека имеют общую цель своей деятельности, следовательно, должны быть наделены схожими полномочиями. [3] Поэтому вопрос о наделении Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка свидетельским иммунитетом является особо актуальным. Было бы верным ликвидировать пробел в законодательстве и внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации норму, в соответствии с которой, Уполномоченный при Президенте по правам ребенка может отказаться от дачи показаний в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставшим ему известными в ходе выполнения своих должностных обязанностей, если это может повлечь ущемление прав несовершеннолетнего или привести к другим неблагоприятным последствиям для ребенка (например, угроза жизни и здоровью несовершеннолетнего).

ВЫВОДЫ

Вопросы расширения перечня правовых привилегий института Уполномоченного по правам ребенка нуждаются в дальнейшем научном исследовании и осмыслении. Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что привилегии, закрепленные в законодательстве за Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, являются недостаточными и в полной мере не отвечают современным реалиям и мировой практике. В связи с этим предлагается наделить Уполномоченного правовым иммунитетом и расширить свидетельский иммунитет на уголовное судопроизводство, укрепив тем самым его правовой статус, а, следовательно, усовершенствовать механизм по защите прав и законных интересов несо-

вершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колосов А.В. Институт уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Иркутск. 2015. 199 с.
2. Синцов Г.В., Лихтер П.Л. Институт Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: теория и практика, тенденции и противоречия развития. М.: Юрлитинформ. 2018. 216 с.
3. Феоктистов Д.Е. Неприкосновенность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: вопросы правовой регламентации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1 (21). С. 11–17.
4. Яковенко Е.А. К вопросу о правовой природе иммунитетов. Соотношение категория «иммунитет», «привилегия», «льгота» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 33 (214). С. 10–15.
5. Емельянов А.С., Долженкова Е.В. Роль правовых привилегий и иммунитетов в обеспечении эффективности государственной кадровой политики России: историко-правовой аспект // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: материалы VI Международного молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. 2018. С. 140–142.
6. Малько А.В., Морозова И.С. Привилегия как специфическая разновидность правовых льгот // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 4 (227). С. 143–156.
7. Суменков С. Ю. Привилегия как политико- правовая категория // Право и политика. 2002. № 5. С. 65–70.
8. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2018 N 501-ФЗ // Российская газета. № 295. 29.12.2018.
9. Рамазанов А.Р. К вопросу о правовой природе иммунитета как правовой категории // Российское государствоведение. 2014. № 4. С. 40–45.
10. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конст. закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 03.03.1997. № 9. ст. 1011.
11. Дикарев И.С. Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка как участник уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 47.
12. The Commissioner for the protection of children's rights laws. 2007 and 2014 (English translation and consolidation). URL: www.legislation-line.org/documents/id/19285 (дата обращения 26.08.2019)
13. Ombudsman For Children Act. URL: <http://dijete.hr/en/ombudsman-for-children-act/> (дата обращения 26.08.2019)
14. Об Уполномоченном по правам ребенка: закон Польской республики от 6 января 2000 г. URL: https://brpd.gov.pl/sites/default/files/ustawa_o_rpd_ru_2018.pdf (дата обращения: 01.09.2019)
15. Исаенков А.А. Свидетельские иммунитеты в российском гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 139–143.
16. Молчанов В.В. Свидетельский иммунитет в гражданско-процессуальном праве / В.В. Молчанов // Правоведение. 2006. №2. с. 113.
17. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск. 1998. с. 161.
18. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.
19. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. ст. 1391.
20. Силина Е.В., Колесникова М.М. Понятие и значение свидетельского иммунитета в гражданском процессе // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 2 (35). –С. 60–64.
21. Дикарев И.С. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 76–81

Статья поступила в редакцию 22.10.2019
Статья принята к публикации 27.02.2020

Научная специальность: 12.00.03
УДК 340
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0094

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ТАЙНЫ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН

© 2020
SPIN-код: 4359-9995
AuthorID: 713224

Судакова Ольга Васильевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры Управления персоналом

Самарский государственный университет путей сообщения
(443066, Россия, Самара, улица Свободы, 2, e-mail: nuklya2006@yandex.ru)

Аннотация. В статье анализируются понятие и содержание права на неприкосновенность частной жизни как основополагающего права человека в международном и российском праве, а также составляющие права на неприкосновенность частной жизни. Указываются встречающиеся на практике нарушения права на неприкосновенность частной жизни. Раскрываются современные угрозы неприкосновенности частной жизни, связанные с развитием информационных технологий, обосновывается необходимость разработки дополнительных гарантий на неприкосновенность частной жизни. Приводятся примеры из судебной практики Европейского Суда по правам человека о рассмотрении дел, связанных с нарушениями в России права на неприкосновенность частной жизни при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Предлагаются изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» для решения проблемы произвольного вмешательства в частную жизнь граждан. Указывается, что в России отсутствуют эффективные правовые механизмы защиты прав субъектов персональных данных. Даются конкретные предложения для исправления данной ситуации. Делается вывод, что в российском законодательстве необходимо предусмотреть дополнительные гарантии, надзор и средства правовой защиты права на неприкосновенность частной жизни, с целью обеспечения эффективной защиты данного права.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, тайна частной жизни, нарушение права на неприкосновенность частной жизни, персональные данные, оперативно-розыскные мероприятия, прослушивание телефонных переговоров, защита права на неприкосновенность частной жизни.

PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS AIMED AT ENSURING THE INVIOABILITY AND PRIVACY OF CITIZENS

© 2020

Sudakova Olga Vasilevna, candidate of law, associate Professor
of the Department of personnel Management

Samara State University of Railways
(443066, Russia, Samara, Freedom street, 2, e-mail: nuklya2006@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the concept and content of the right to privacy as a fundamental human right in international and Russian law, as well as the components of the right to privacy. The most common violations of the right to privacy are. The modern threats to privacy associated with the development of information technologies are revealed, the need to develop additional guarantees for privacy is justified. Examples are given from the jurisprudence of the European Court of human rights on the consideration of cases related to violations in Russia of the right to privacy during operational search activities. The amendments to the Federal law “on operational and investigative activities” are proposed to solve the problem of arbitrary interference in the private life of citizens. It is pointed out that in Russia there are no effective legal mechanisms to protect the rights of personal data subjects. Specific proposals are given to correct this situation. It is concluded that the Russian legislation should provide additional guarantees, supervision and remedies for the right to privacy, in order to ensure effective protection of this right.

Keywords: private life, privacy, violation of the right to privacy, personal data, operational investigative measures, wiretapping, protection of the right to privacy.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Работа посвящена исследованию проблемы систематического нарушения права человека на неприкосновенность частной жизни и поиску путей ее преодоления. От решения данной задачи напрямую зависит практическая реализация данного неотъемлемого права человека.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Различные аспекты проблемы были предметом исследования в современных научных работах.

1. Джамалудинов Р.А. в статье «Личные неимущественные права, обеспечивающие социальное существование граждан» анализирует комплекс конституционных и гражданско-правовых норм, регулирующих реализацию, охрану и защиту личных неимущественных прав в Российской Федерации.

2. Зайцевой Ю.П. в статье «Субъективное право гражданина на частную жизнь: содержательный аспект» рассматривается содержание субъективного права гражданина на частную жизнь как права, состоящего из различных правомочий, каждое из которых является самостоятельным личным неимущественным правом.

Проводится анализ указанных правомочий, определяются значение права на неприкосновенность частной жизни и место в системе личных неимущественных прав.

3. Ромашов П.А. в статье «К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век» исследует различные аспекты права на информацию и права на неприкосновенность частной жизни в условиях современных цифровых технологий, раскрывается природа и содержание права на неприкосновенность частной жизни.

4. Стрельцов А.С. в статье «Понятие конституционного права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации» анализирует современные подходы к определению права на неприкосновенность частной жизни.

В то же время остается малоисследованным вопрос о современных формах нарушений права на неприкосновенность частной жизни и необходимых мерах по защите данного права.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель работы – комплексное исследование содержания права на неприкосновенность частной жизни, выявление проблем его реализации и предложение путей их решения.

Изложение основного материала исследования с пол-

ным обоснованием полученных научных результатов.

Личные неимущественные права представляют собой абсолютные гражданские права, неразрывно связанные с личностью индивида и не имеющие материального выражения, непередаваемые и неотчуждаемые другим лицам и защищаемые законом в установленном порядке.

К числу личных неимущественных прав относятся право на неприкосновенность частной жизни и ее тайну, которые обеспечивают естественное существование человека. Частная жизнь - это семейная и личная сфера человека, область его общения, им контролируемая, свободная от внешнего вмешательства и воздействия, которым человек не придает гласность, если это не требуется законом.

В работах, посвященных затрагиваемой проблематике, термины «частная жизнь» и «личная жизнь» используются в качестве синонимов [1]. С этой позиции стоит признать не вполне удачной формулировку п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, предусматривающую в качестве одного из возможных компонентов права на частную жизнь сведения о личной жизни. Тесная связь с личностью гражданина обуславливает тот факт, что формирование границ, очерчивающих содержательный компонент данного права, происходит по воле управомоченного лица, т.е. субъективно, сообразно его образу жизни, представлениям о морали и нравственности, положению в обществе и т.п.

Право на частную жизнь в качестве права на физическую и интеллектуальную (психическую) неприкосновенность служит защите автономии (независимости) личности в обществе. Оно представляет управомоченному лицу возможность определять, когда, как и в какой степени информация о нем должна быть предоставлена третьим лицам.

Понятия личной или семейной тайны и персональных данных, полагаем, пересекаются друг с другом, но не совпадают по содержанию. Человек может и не скрывать какие-либо сведения, относящиеся к его персональным данным, например дату, место рождения и пр. Поэтому вопрос, являются ли эти личной или семейной тайной, решается применительно к каждой конкретной ситуации.

Право человека на неприкосновенность частной жизни нормативно было установлено во второй половине XX в. Последовательное закрепление этого права в международных документах путем включения его Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (статья 8), Пакт о гражданских и политических правах (статья 17), - стало ключевым моментом в признании данного права со стороны международного сообщества.

Анализ данных международных документов дает основания полагать, что право на неприкосновенность частной жизни относится к основным правам и свободам человека, признаваемым в силу рождения, как и право свободы, равенство всех людей и право на жизнь.

В России право на неприкосновенность частной жизни закреплено в Конституция РФ, которая гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23). Также необходимо указать ст. 152.2 ГК РФ, запрещающую сбор, хранение, распространение и использование всякой информации о частной жизни гражданина без его согласия, за исключением случаев, установленных законом.

Исходя из судебной практики, нарушениями права на неприкосновенность частной жизни являются:

1) установление скрытых камер видеонаблюдения в многоквартирных домах, загородных участках, в том числе с целью фиксации перемещений физических лиц;

2) направление по электронной почте письма с прикрепленными к нему файлами, содержащими персо-

нальные данные истца, включая информацию о его паспортных данных, номере мобильного телефона, индивидуальном номере налогоплательщика, дате рождения, месте регистрации, а также негативные сведения;

3) создание и распространение ролика с изображением дома, в котором проживает истец, на принадлежащем ответчику интернет-канале и в социальных сетях;

4) распространение сведений о месте жительства истца, членов его семьи, размещение фотографий с изображением дома и указание его местонахождения, а также сведений о принадлежности данного дома истцу;

5) размещение сведений, относящихся к персональным данным истца, на сайте, принадлежащем ответчику.

В доктрине отсутствует единая позиция относительно понятия «неприкосновенность частной жизни». По нашему мнению, под неприкосновенностью частной жизни следует понимать состояние частной жизни человека, которое выражается в недоступности для обозрения, обсуждения, распространения третьими лицами. При этом данное право должно также включать в себя возможность выбирать содержание своей частной жизни (свобода выбора досуга, круга общения и т.д.), требовать прекращения нарушения права (например, удаление информации с материального носителя п. 4 ст. 152.2 ГК РФ).

Таким образом, правом на неприкосновенность частной жизни представляет собой гарантированную и защищаемую со стороны государства возможность человека самостоятельно выбирать содержание своей частной жизни, контролировать информацию о самом себе, определять те сферы частной жизни, которые будут доступны общественности, не допускать обозрения, обсуждения, распространения информации о своей частной жизни со стороны третьих лиц, требовать прекращения нарушения данного права [2]. Это право относится к личным неимущественным правам, обеспечивающим социальное существование человека в обществе. В данном контексте следует учесть, что состоянием неприкосновенности обладает сама частная жизнь, а человек - обладатель права на неприкосновенность его частной жизни.

Право на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено лишь в строго установленных федеральным законом оснований и (или) только на основании судебного акта.

На наш взгляд, право на неприкосновенность частной жизни и право на указанные тайны включает в себя два взаимосвязанных элемента единого права на частную жизнь. Тайна обусловлена неприкосновенностью (следует из нее), однако человек может и не сохранять свою частную жизнь в тайну, при этом быть заинтересованным в ее неприкосновенности. Поэтому нельзя полностью отождествлять тайну и неприкосновенность частной жизни [3, с. 142-149].

Право на неприкосновенность и тайны частной жизни включает: право на неприкосновенность жилища, частной документов, личную и семейную тайну, адвокатскую, медицинскую, банковскую, нотариальную тайну, тайну совершения следственных действий, личного общения и др.

Личная и семейная тайна как элемент частной жизни имеют конфиденциальный характер, то есть относятся к информации ограниченного доступа. Лицо вправе требовать не разглашать сведения, составляющие личную и семейную тайну. Данные сведения могут одновременно составлять профессиональную тайну: врачебную, адвокатскую, нотариальную, тайну связи, усыновления, исповеди.

Так, неприкосновенность частной документации означает, что опубликование личных писем, дневников допускается только с согласия автора, а писем - и с согласия адресата [4, с. 42-45]. Неприкосновенность средств личного общения заключается в том, что никто не вправе знакомиться с личными письмами (содержащими

в почтовых отправлениях, электронных сообщениях и пр.), прослушивать телефонные разговоры человека без его согласия.

При необходимости доступа к сведениям, составляющим банковскую, нотариальную, налоговую и др. тайну, следователь должен получить у суда разрешение на производство соответствующих следственных действий. Только суд разрешает проводить оперативно-розыскные мероприятия, связанные с ограничением права на неприкосновенность частной жизни (кроме случаев, установленных федеральным законом). Использование результатов данных мероприятий в качестве доказательств в иных случаях не допускается.

Содержание банковской тайны составляют тайна банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте, которые гарантирует банк. Обязанность по созданию системы, гарантирующей неразглашение банковской тайны между сотрудниками, лежит на банке.

Совет по правам человека и Генеральная Ассамблея ООН неоднократно выражали обеспокоенность относительно существующих угроз для неприкосновенности частной жизни, связанных с применяемым государствами мерами слежения и деловой практикой (см., например, резолюции 68/167, 69/166 и 71/199 Генеральной Ассамблеи и резолюции 28/16 и 34/7 и решение 25/117 Совета по правам человека).

Возможности таких технологий, как «большие данные» и искусственный интеллект, и объем используемых в них данных постоянно растут, создавая угрозу осуществления как государствами, так и коммерческими предприятиями слежения в беспрецедентных масштабах, а также анализа и прогнозирования поведения людей и даже манипулирования им. Если не управлять этими технологическими изменениями с большой осторожностью, они могут стать серьезной угрозой для человеческого достоинства, автономии, частной жизни и существования прав человека в целом [5, с. 105].

К сожалению, в современном мире с развитием информационных технологий угрозы и посягательства на неприкосновенность частной жизни только увеличиваются. Методы анализа больших данных и искусственный интеллект расширяют возможности государств и компаний получать точную информацию о жизни людей, делать выводы об их физических и психических характеристиках и создавать подробные личные досье. Многие государства продолжают осуществлять тайное массовое слежение и перехват коммуникаций, сбор, хранение и анализ данных пользователей в рамках широкого круга средств коммуникации (например, электронная почта, телефонные и видеозвонки, текстовые сообщения и посещаемые веб-сайты).

С учетом изложенного в настоящее время существует настоятельная необходимость полного выполнения государствами своих обязательств по соблюдению права на неприкосновенность частной жизни, а также своих обязанностей по защите этого права, в том числе от различных злоупотреблений. Для этого необходимо принять нормативные акты с целью защиты неприкосновенности частной жизни, основанные на принципах законности, соразмерности и необходимости, и обеспечить гарантии, надзор и средства правовой защиты.

В отечественном законодательстве необходимо закрепить дополнительные гарантии неприкосновенности частной жизни в информационном пространстве и обществе, а также систематизировать нормы законодательства об охране и защите частной жизни, включая защиту конфиденциальности данных, с целью обеспечения действенной защиты данного права.

Оперативно-розыскная деятельность предполагает не только наличие оснований для негласного применения средств получения информации, но и соблюдение прав и свобод граждан при проведении данной деятельности. Однако на практике существуют примеры нарушения

прав граждан, а именно нарушения права на частную жизнь.

Так, при рассмотрении жалобы гражданина Москалева К.В. прослеживается нарушение ст. 8 Европейской Конвенции по правам человека. Заявитель – Москалев К.В., бывший заместитель руководителя УФСИН России по Омской области. Решением суда было санкционировано прослушивание его телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи в его кабинете. На основании полученных материалов было возбуждено уголовное дело. Заявитель обвинялся в том, что выдал государственную тайну: сообщил родственнику осужденного, что в его тюремной камере ведется негласная аудиозапись.

Страсбургский суд установил, что разрешение на ОРМ было выдано под предлогом того, что заявитель подозревался в получении взяток. Но в своем решении национальный суд не привел каких-либо сведений или доказательств в подтверждение этих подозрений. Европейский суд по правам человека затребовал данные документы. Но Россия документы не предоставила, никак это не пояснив. Из этого европейские судьи сделали вывод, что оперативно-розыскные мероприятия были проведены безосновательно.

Судебный акт, разрешивший проведение ОРМ, ничего не говорил об оценке пропорциональности вмешательства, о преследовании законной цели, а также о других критериях, которым европейская система прав человека уделяет большое внимание. Власти не беспокоились о том, что произойдет вмешательство в частную жизнь гражданина. В результате жалобу Москалева К.В. ЕСПЧ 07.11.2017 удовлетворил.

Аналогичная ситуация прослеживается в жалобе в ЕСПЧ Ахлюстина В.А. В рабочем кабинете заявителя была установлена система скрытого аудио- и видеонаблюдения, о чем он не знал. На основании полученных материалов в отношении него было возбуждено уголовное дело за превышение должностных полномочий. Комментируя вмешательство в права заявителя, ЕСПЧ отметил, что даже на работе человек вправе рассчитывать на конфиденциальность своей частной жизни.

Поэтому предусмотренных законом гарантий для защиты частной жизни (в том числе личных телефонных переговоров) заявитель был лишен. Например, правоохранительные органы не обратились в суд за предварительным разрешением на подобные действия. Процедура «тайного слежения» не была в должной мере регламентирована законом. «Качество закона» не соответствовало международным стандартам. Жалобу Ахлюстина В.А. 07.11.2017 ЕСПЧ удовлетворил.

Правовое регулирование прослушивания телефонных переговоров и контроля почтовой переписки, реализуемых в оперативно-розыскных действиях, имеет ряд пробелов и недостатков, что на практике влечет различные злоупотребления со стороны правоохранительных органов. Тем самым «размываются» границы правомерного и неправомерного применения специальными службами или органами внутренних дел специальной техники, так как данным действиям могут быть подвержены как обвиняемые или лица, потенциально представляющие угрозу, так и простые граждане, третьи лица.

Для решения проблемы произвольного вмешательства в частную жизнь граждан положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», полагаем, подлежат корректировке.

Для этого необходимо включить в Закон понятие ограничений и пределов права, а также дополнить ст. 5 Закона положением, накладывающим на правоохранительные органы обязанность по завершении предварительного следствия информировать граждан о том, что по отношению к ним осуществлялись какие-либо оперативно-розыскные мероприятия.

Кроме того, в России отсутствуют эффективные пра-

новые механизмы защиты прав субъектов персональных данных. При нарушении прав субъектов персональных данных суммы взыскиваемого судами морального вреда весьма незначительны. Размеры административных штрафов за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 13.11 КоАП РФ) не имеют превентивного эффекта.

Полагаем, что для устранения данных проблем по аналогии с положениями законодательства об интеллектуальной собственности взыскивать с нарушителей компенсацию от 10 тыс. до 5 млн. руб. [6, с. 174-195].

Кроме того, следует повсеместно внедрить в практику судов увеличение размера взыскиваемого морального вреда, в том числе за нарушение законодательства о персональных данных.

Вывод: итак, право на неприкосновенность частной жизни относится к основным правам и свободам человека, признаваемым в силу рождения, защищаемым нормами международного права. В свете развития информационных технологий в настоящее время острой является проблема нарушения данного права.

В связи с этим в российском законодательстве необходимо предусмотреть дополнительные гарантии, надзор и средства правовой защиты права на неприкосновенность частной жизни, в том числе в информационном пространстве и обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Малеина М.Н. Личные немущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000.
2. Стрельцов А.С. Понятие конституционного права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации. Актуальные проблемы современного права: материалы научной конференции магистрантов. Оренбург, 2019.
3. Зайцева Ю.П. Субъективное право гражданина на частную жизнь: содержательный аспект // Российский юридический журнал. 2016. № 1.
4. Джамалудинов Р.А. Личные немущественные права, обеспечивающие социальное существование граждан // Современное право. 2017. № 11.
5. Ромашов П.А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019.
6. Савельев А.И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. 2019. № 4.

Статья поступила в редакцию 18.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 340.5; 343.2
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0095**ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**© 2020
SPIN-код: 5186-6807
AuthorID: 669975**Филиппова Елена Олеговна**, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры уголовного права*Оренбургский государственный университет**(460018, Россия, Оренбург, проспект Победы, 13, e-mail: elena56-75@mail.ru)*

Аннотация. В работе анализируется лишение свободы как одно из самых строгих видов наказания. Подлежит рассмотрению его исторический аспект, в частности, возникновение, становление и развитие. Рассматривая указанную тему, важно отметить обеспечения принципа законности осуществляется за счет законодательного закрепления наказания в виде лишения свободы. В первую очередь в санкции уголовной нормы можно выделить статический аспект, который выражается в заложенном в санкции сдерживающем потенциале. То есть санкция должна быть строга в такой степени, чтобы была направлена на сдерживание потенциального преступника от совершения преступления. Также можно выделить и динамический аспект - непосредственное применение указанной санкции в судебной практике. Необходимо подчеркнуть актуальность темы исследования, которая обуславливается тем, что наказание в виде лишения свободы занимает особое положение и является самым суровым из представленных законодательством наказаний. В настоящее время в нашей стране с каждым годом можно проследить усложнение криминогенной ситуации, преступность растет и в преступной структуре отслеживается высокий уровень тяжких и особо тяжких преступлений. Тем самым в судебной практике очевидно постоянное применение указанного вида наказания. Помимо этого, усложняется работа всех исправительных учреждений, на которые возлагается выполнение важных задач по эффективному исправлению осужденных и предупреждения ими совершения новых преступлений.

Ключевые слова: лишение свободы, наказание, Уголовный кодекс РФ, санкции, преступление, общество, осужденный, изоляция.

**DEPRIVATION OF LIBERTY AS A FROM OF PUNISHMENT HISTORY
OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE**

© 2020

Filippova Elena Olegovna, candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor of criminal law Department*Orenburg state University**(460018, Russia, Orenburg, Pobedy Avenue, 13, e-mail: elena56-75@mail.ru)*

Abstract. The paper analyzes deprivation of liberty as one of the most severe forms of punishment. Its historical aspect, in particular, the emergence, formation and development, is to be considered. Considering this topic, it is important to note that the principle of legality is ensured by legislatively fixing the punishment in the form of imprisonment. First of all, in the sanction of the criminal norm, a static aspect can be distinguished, which is expressed in the deterrent potential inherent in the sanction. That is, the sanction should be strict to the extent that it was aimed at deterring the potential offender from committing a crime. You can also highlight the dynamic aspect - the direct application of this sanction in judicial practice. It is necessary to emphasize the relevance of the research topic, which is caused by the fact that the punishment of imprisonment occupies a special position and is the most severe of the punishments provided by law. At present, in our country, every year we can trace the complication of the criminal situation, crime is growing and a high level of serious and especially serious crimes is monitored in the criminal structure. Thus, in judicial practice, the constant application of this type of punishment is obvious. In addition, the work of all correctional institutions is complicated, which is entrusted with the implementation of important tasks for the effective correction of convicts and preventing them from committing new crimes.

Keywords: imprisonment, punishment, Russian Criminal Code, sanctions, crime, society, convicted person, isolation.

Введение. Такой сложный институт, как наказание в виде лишения свободы распространено в применении уже не одно десятилетие и существует очень с давних времен. Что же представляет собой данный вид наказания? Лицо, совершившее противоправное деяние - преступление, подвергается изоляции от общества путем помещения в учреждения, которые специально созданы для указанного вида наказания.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Самое первое упоминание о данном виде наказания отмечается ещё в Древней Руси, в это время говорилось о самостоятельном наказании, которым выступало именно тюремное заключение. Содержалась эта норма в Судебнике Иоанна Грозного 1550 года, но, отметим, что была она поверхностна и не давала указания, ни на сроки, ни на виды и, ни на формы такого заключения.

Выделяя следующий яркий этап развития наказания в виде лишения свободы, обратим внимание на середину XVI в. В это время имело место четыре основных места заключения [1, с. 30].

Большое значение имеет Уложение Алексея Михайловича, в котором впервые говорится о цели наказания. Тогда основной целью являлось устрашение

преступников, в дальнейшем возникала мысль и об исправлении таковых. Тогда же, в Уложении отмечены случаи назначения пожизненного заключения и были определены сроки тюремного заключения.

Переходя к значимому периоду правления Петра великого, важно отметить, что тогда была определена ещё одна цель наказания. Тогда начали говорить об эксплуатации труда осужденных. В 1699 году в действие была введена каторга, она совмещала в себя принудительный труд и ссылку. Для таких целей было создано специализированное учреждение - каторжные тюрьмы.

Царствование Екатерины Великой ознаменовалось изданием «Наказа комиссии о составлении проекта нового уложения». В этот период началось развитие принудительных мер. Целью наказания являлась охрана общества от противоправных посягательств. А в 1787-1788 гг. императрица разрабатывала проект, в котором речь шла об отдельном содержании осужденных в зависимости от уровня опасности и возраста, данный проект носил название «Об устройстве тюрем».

Основываясь на вышеизложенном, мы можем сказать, что конец XVII в. ознаменовался в России формированием уголовно-правовой политики.

Подготовка первого Уголовного Кодекса России,

утвержденного Николаем I, датируется 15 августа 1845 года. Вот тогда были введены следующие виды лишения свободы:

- заключение в тюрьме;
- заключение в крепости;
- заключение в смирительном доме;
- заключение в рабочем доме;
- дача на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства;
- арест;
- ссылка в каторжные работы.

Огромные политические и социально-экономические изменения, затронувшие все сферы жизни общества, произошедшие в середине XIX в., побудили правительство предпринять меры, которые пересмотрели всё функционирование тюремной системы [2, с. 103].

Александр II внёс большой вклад в формирование тюремной системы. Именно Александром II была создана комиссия для формирования проекта тюремной реорганизации. Создание данной комиссии датируется 1 февраля 1872 г. В итоге данный проект был принят. В структуру проекта включались 5 разделов, состоящих из 176 статей. Данный проект перестраивал всю тюремную систему. В основу этой перестройки легло указание мест отбывания наказания в виде лишения свободы, которые зависели от типа места заключения и от вида наказания.

Что же касается советского времени, мы знаем, что в это время преобразование структуры населения, перестроило устройство общества.

Значимая дата в развитии и формировании уголовно-исполнительной системы – 22 мая 1922 год, когда был принят первый советский Уголовный кодекс. В данном кодексе ст. 34 гласила, что наказание в виде лишения свободы назначается на срок от 6 месяцев до 10 лет со строгой изоляции от общества или без таковой.

1924 год выделился принятием Исправительно-трудовым кодексом РСФСР. Отметим, что данный кодекс регулировал перевод осужденных на полусвободный режим отбывания наказания, то есть если осужденный отличался положительными характеристиками, его имели право перевести в переходные исправительно-трудовые дома [3, с. 9].

Такой вид мест заключения для отбывания лишения свободы, как трудовые колонии различного типа, были указаны в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 года. Создание таких учреждений было направлено на культурно-просветительскую и политико-воспитательную работу с осужденными [4, с. 23].

Утвержденный в 1970 году новый Исправительно-трудовой кодекс, ставил своей основной целью повысить эффективность исправления осужденных, следуя гуманности уголовно-правовой политики. Указанный кодекс регламентировал положения отдельного содержания заключенных, исходя именно из разновидности места отбывания наказания и степени общественной опасности [5, с. 76].

В 1996 г. был принят и введен в действие Уголовный кодекс Российской Федерации, исходя из его норм, мы видим, что здесь закреплены аналогичные виды исправительных учреждений, как и в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., и нормами Исправительно-трудового кодекса, принятого в 1970 году [6, с. 15].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Любое уголовное наказание связано с каким-то ограничением личной свободы осужденного. Либо ограничение распоряжения своим имуществом, либо ограничение определения своего образа жизни, либо ограничение в пользование своих прав и т.д. Но касательно наказаний, которые связаны с лишением свободы, мы говорим о том, что ограничивается общение и жительство с другими людьми, свобода в выборе месте пребывания, свобода в передвижении.

Также, нужно отметить, что этим основным ограничениям, сопутствуют и другие, а именно ограничение в выборе устройства своего быта, места работы, условия работы и т.д.

Чтобы выделить наказания в виде лишения или ограничения свободы обратимся к УК РФ, который выделяет арест, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части.

В данной работе мы подробно раскрываем именно те наказания, которые связаны с лишением свободы.

Как мы можем заметить, выделяют два основных вида данного наказания – лишения свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы.

Физическая изоляция осужденного в исправительном учреждении – основной и главный аспект лишения свободы. Но также мы можем затронуть и духовную изоляцию, которая выражается в невозможности общения с желаемым кругом лиц, невозможности посещения концертов, спортивных мероприятий, театров. Все указанные ограничения вытекают из содержания лишения свободы и, можно сказать, «разрывают» некую духовную связь осужденных с обществом.

Осужденный на лишение свободы утрачивает право самоопределения своего уклада и образа жизни, весь его день четко расписан и регламентирован в рамках нормативно-правовых норм. Также можно сказать, что имеет место и самоограничение личности – это вытекает из условий отбывания и исполнения наказания в виде лишения свободы [7, с. 95].

Можно выделять элементы, составляющие лишение свободы, к ним относятся:

- 1) меры взыскания и меры безопасности, то есть особые меры принуждения нехарактерные для условий свободного общежития;
- 2) возложение дополнительных обязанностей на осужденных;
- 3) ограничение осужденных в ряде их прав (если сравнивать с общими правами, предоставляемыми гражданам РФ);
- 4) надзор за осужденными.

Лишение свободы, которое включает в себя указанные выше правоограничения, также соединены с общественно полезным трудом, профессиональным обучением, общим образованием, общественным воздействием, воспитательной работой, то есть с мерами исправительного воздействия. Таким образом, можно сказать, что наказание в виде лишения свободы в совокупности с выделенными элементами и в соединении с перечисленными мерами исправительного воздействия обеспечивает карательно-воспитательный характер этого вида наказания [8, с. 569].

Важно отметить, что такой важный вид наказания, как лишение свободы имеет ряд проблем. Можно сказать, о том, что социальная роль данного вида наказания может быть сильно преувеличена. Государство указывает, что лишение свободы ставит своей целью предупреждение совершения новых преступлений, исправление осужденных и восстановление социальной справедливости. Но лишение свободы несет в себе и негативную сторону, так как оно не является универсальным средством воздействия, исправления и предупреждения.

Негативная сторона лишения свободы характеризуется ещё тем, что в настоящее время, осужденным причиняется излишние и неоправданные страдания, которые не приводят к истинным целям наказания, а ведёт только к тому, что осужденные ещё больше отчуждаются от общества.

Не является тайной, что более 50 % осужденных могут быть подвержены заболеваниям различными психическими расстройствами, ВИЧ-инфекциями, туберкулезом, наркомании. На тюремном портале России первый заместитель директора ФСИН России генерал-лейтенант внутренней службы А.Рудый, в интервью обозревателю

«Интерфакса» указал: «Необходимо понимать, что в исправительных учреждениях УИС происходит концентрация лиц, страдающих различными заболеваниями, в основном, запущенной, тяжелой формы» [9].

Важно отметить, что излишние и неоправданные страдания, которым подвергаются осужденные, никак не могут быть совместимы с представлениями об общечеловеческих ценностях, правах и свободах личности, гуманизме. О данных страданиях может свидетельствовать судебная практика, которая рассматривает дела об убийствах осужденных в местах лишения свободы, о причинении им различных телесных повреждений, унижении их чести и достоинства и т.д.

Примером, может стать указанный далее приговор Пинежского районного суда Архангельской области. Приговором указанного суда было установлено, что осужденный Лапин А.В. виновен в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего - другого осужденного, К.В. Анализируя исследованные в судебном заседании доказательства в их совокупности, суд установил вину подсудимого Лапина А.В. в совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и квалифицировал действия Лапина А.В. по ч. 4 ст. 111 УК РФ [10].

В данном случае мы наблюдаем насилие осужденных по отношению друг к другу, такие случаи являются нормой в местах лишения свободы. Но, что более страшно - случаи насилия работников исправительных учреждений в отношении, отбывающих наказание в данных учреждениях. Здесь мы можем привести совсем недавний пример. На веб-сайте «Информационный портал в Калмыкии» представлена информация по страшному инциденту, произошедшему в Республике Калмыкия в городе Элисте, 22 ноября 2015 года было возбуждено уголовное дело по факту убийства осужденного Д. Батырева. А 12 июля 2017 года в Элистинском городском суде по факту убийства, указанного осужденного, был признан виновным дежурный помощник начальника колонии, подполковник внутренней службы К. Исраилов, и был приговорен к 11 годам лишения свободы строго режима. Такое же наказание понес старший уполномоченный Исправительной колонии № 1 Ц. Насунов. Было установлено, что основным исполнителем являлся К. Исраилов, который схватил только что доставленного заключенного Батырева и забросил того в помещение, где сразу же началось жесткое избивание. Удары наносились дубинкой, ногами и руками. В момент избивания и после него потерпевшему никакая помощь не была оказана. От полученных травм заключенный Д. Батырев скончался [11].

Пожизненное лишение свободы представляет собой вид лишения свободы, назначаемый за совершение указанных в законе особо тяжких преступлений, заключающийся в изоляции осужденного от общества в специальном учреждении (в исправительных колониях особого режима) бессрочно, т.е. пожизненно [12, с. 321].

В настоящее время, УК РФ новой действующей редакции в ч. 1 ст. 57 [13] говорит, что пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Исправительные учреждения предназначены для исполнения наказаний в виде лишения свободы и смертной казни. В известной степени они обособлены и представляют собой подсистему уголовно-исполнительной системы. Это обусловлено, главным образом, разнообразием видов учреждений, именуемых исправительными,

разносторонностью решаемых ими задач, значительным количеством нормативных актов, составляющих многоуровневую нормативно-правовую систему [14, с. 77].

В соответствии со ст. 74 УИК РФ к исправительным учреждениям относятся тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, воспитательные колонии и исправительные колонии. Также существуют следственные изоляторы, которые выполняют функции исправительных учреждений.

УК РФ содержит в себе немного другой перечень исправительных учреждений, в котором как отдельное исправительное учреждение выступают колонии-поселения. В УИК РФ колонии-поселения относятся к исправительным колониям. Также в УК РФ отсутствует упоминание о следственных изоляторах.

Если к прерогативе учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России относятся направление в лечебные исправительные учреждения и оставление осужденных в следственном изоляторе для отбывания наказания. А прерогативой суда выступает вынесение приговора, где и определяются виды и подвиды исправительных учреждений.

При определении видов исправительных учреждений суд исходит именно из различия в порядке исполнения и отбывания лишения свободы, либо это будет тюрьма, либо исправительная колония, либо колонии-поселения, либо лечебно-исправительное учреждение, либо воспитательная колония. Что же касается подвидов - исправительные учреждения общего, строгого и особого режима - то здесь имеет место различие в условиях содержания [15, с. 91].

Приговором суда чаще всего определяется вид и подвид исправительного учреждения, но есть случаи, когда суд определяет только вид учреждения, а администрация сама определяет его подвид.

Рассматривая учреждения исполнения наказаний, нельзя не затронуть проблему, затрагивающую всю уголовно-исполнительную систему. В настоящее время такой проблемой, требующей внимания, является переполненность пенитенциарных учреждений. Данная проблема порождает ряд препятствий, мешающих стабилизации оперативной обстановки внутри исправительного учреждения, и можно сказать даже порождающих дестабилизацию всей уголовно-исполнительной системы. К указанным препятствиям относятся ограничение прав и свобод осужденных и повышение конфликтных ситуаций и обстоятельств в местах лишения свободы.

Также к другим факторам, порождающих проблему переполненности учреждений исполнения наказания относятся: во-первых, длительные сроки содержания обвиняемых и подозреваемых лиц под стражей и ограничения в системе правосудия. Во-вторых, частый отказ от применения альтернативных лишению свободы видов наказания.

Переполненность тюрем – явление многоаспектное в силу существования огромного количества взаимообуславливающих причин [16, с. 68]. Для решения такой серьезной проблемы ответы необходимо искать не только в рамках уголовно-исполнительной и уголовной системы, но и в других сферах ответственности государства – занятости населения, здравоохранения, образования и т.д.

Рассматривая далее, учреждения исполнения наказания, отметим, что существует разделение осужденных по видам исправительных учреждений. В основе разделения лежит тяжесть содеянного, форма вины, а также возраст осужденных. Данная дифференциация устанавливается как по этическим соображениям, например, отделение осужденных женского и мужского пола, так и для предотвращения негативного влияния особо опасных преступников на другие категории осужденных, а также взрослых осужденных на несовершеннолетних.

Дадим краткую характеристику каждому виду исправительного учреждения.

Во-первых, рассмотрим исправительные колонии. Данные колонии предназначены для отбывания наказания в виде лишения свободы совершеннолетними осужденными. Исправительные колонии бывают:

- закрытого типа – исправительные колонии строгого режима;

- полуоткрытого типа – исправительные колонии общего и строгого режима;

- открытого типа – колонии-поселения [17, с. 34].

Отметим, что деятельность этих учреждений подчиняется как уголовно-исполнительному законодательству, так и законодательству, регулирующему сферу здравоохранения.

В указанных исправительных учреждениях осужденные разделены друг от друга в зависимости от заболеваний. Поэтому, в лечебно-профилактических и лечебно-исправительных учреждениях содержатся осужденные, которые должны отбывать наказание в исправительных учреждениях разных видов. Важно отметить, что при назначении судом исправительного учреждения, в лечебно-профилактическом и лечебно-исправительном учреждениях, осужденные должны содержаться в условиях, которые соответствуют условиям назначенного ему исправительного учреждения.

Что же касается следственных изоляторов, укажем, что они являются учреждениями камерного содержания обвиняемых и подозреваемых, то есть учреждениями закрытого типа. В случае, когда обвиняемому или подозреваемому в качестве меры пресечения назначается заключение под стражу, то они направляются на содержание именно в следственный изолятор. Но данные учреждения могут выступать и в качестве исправительного учреждения полуоткрытого типа. В таком случае осужденные проживают там либо в отдельных зданиях-общежитиях, либо в общих не запираемых камерах. Также в следственном изоляторе могут быть оставлены осужденные, которым назначено наказание в виде лишения свободы на срок не более шести месяцев [18, с. 45].

Государство говорит о явных преимуществах такого строго наказания, как лишение свободы, например, исправление осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. Но мы знаем, что такое наказание несет в себе больше негативного влияния. Государство должно более трезво оценивать указанный вид наказания, выявлять негативные стороны и говорить о них, и в первую очередь решать проблемы всей уголовно-исправительной системы. Суды РФ, выступающие от имени государства, должны стараться более часто применять альтернативные лишению свободы виды наказания. Существует необходимое к соблюдению предписание Верховного суда РФ, которое указывает на необходимость нижестоящим судам мотивировать назначение наказания в виде лишения свободы, в случае, если в санкции закона указаны и иные виды наказания.

Следующей немаловажной проблемой является переполненность пенитенциарных учреждений, очевидно, что указанная проблема напрямую связана с предыдущей. Здесь также надо отметить, что для решения данной проблемы государство должно, в первую, очередь направить свое внимание именно на профилактическую работу. Ведь преступления чаще всего зарождаются в условиях социального и экономического неравенства. Уголовно-исправительная система не может самостоятельно решать проблемы преступности, которая является именно социальным явлением. Государство, для предотвращения тюремного переполнения, должно обеспечить к действию меры на предотвращение нищеты, бедности и сокращению социальной маргинализации.

Очень остро в настоящее время выделяется проблема насилия в исправительных учреждениях. Мы видим, как насилие осужденных по отношению друг к другу, так и насилие работников исправительных учреждений в отношении осужденных. Можно сказать, что насилие в местах лишения свободы заложено естественным образом

в их атмосфере.

Выводы исследования. Рассмотрев историю возникновения наказания в виде лишения свободы, отметим, что такое древнее наказание с каждым витком нашей истории развивалось, совершенствовалось и закреплялось.

Как уже было нами отмечено, важным этапом формирования уголовно-исполнительной политики стал конец XVII века, и в дальнейшем в царской России были внесены ряд важных нововведений и совершенствований.

Пересмотр и реформация же всей тюремной системы выпало на советскую эпоху, в связи с огромными политическими и социально-экономическими изменениями в устройстве общества. Можно сказать, что именно к революционному времени уголовно-исполнительная политика претерпела самые известные изменения. В дальнейшем она всё больше впитывала в себя демократические и прогрессивные идеи мирового общества [19, 88].

Начиная с 1918 года, отмечается издания ряда нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы лишения свободы. С принятием первого советского Уголовного кодекса началось закрепление и расширение перечня видов исправительных учреждений.

Как известно, в настоящее время лишение свободы является самым часто применяемым видом наказания [20, с. 293].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ефимова, А.С. История развития наказания в виде лишения свободы в России / А.С. Ефимова // Олимп: науч. журн., № 8 (21). – Москва, 2017. – С. 30-32.
2. Тараканов, Ю.В. К вопросу о становлении советской пенитенциарной системы (1918 – 1922 гг.) / Ю.В. Тараканов // Отечественная история: журн., 2008. № 1 / РАН. Ин-т рос. истории. – Москва, 2008. – С. 99-104.
3. Бочарова, О.В. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие / О.В. Бочарова : Юж.-Рос. ун-т. – Новочеркасск : ЮРГТУ, 2009. – 140 с.
4. Гадельшин, Р.И. Уголовно-исполнительное право : курс лекций / Р.И. Гадельшин : СИУ-филиал РАНХиГС. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. – 210 с.
5. Каданева, Е.А. Лишение свободы как уголовно-правовой институт и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Каданева Елена Александровна. – Рязань, 2012. – 188 с. – СПбГУ: с. 22 – 23.
6. Малинин, В.Б. Уголовно-исполнительное право. Учебник для юридических вузов и факультетов / В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. – Москва : Межрегиональный институт экономики и права, Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ООО «ВОЛТЕРС КЛУБЕР», 2009. – 310 с. – ISBN 978-5-98209-056-0.
7. Зубарев, С.М. Уголовно-исполнительное право: краткий курс лекций / С.М. Зубарев – Москва : Изд-во Юрайт, 2016. – 186 с. – ISBN 978-5-9916-3462-5.
8. Сундууров, Ф.Р. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Ф.Р. Сундууров, И.А. Тарханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2016. – 864 с. – ISBN 978-5-8354-1274-7.
9. Интервью первого заместителя директора ФСИН России Анатолия Рудого информационному агентству «Инترفакс» [Электронный ресурс] // Москва: Федеральная служба исполнения наказания, 2010 – 2017. – Режим доступа : <http://fcsin.rf/>. – 29.04.2018.
10. Приговор Пинежского районного суда Архангельской области от 1 октября 2012 г. по делу № 1-79/2012 по обвинению Л. по ч. 4 ст. 111 УК РФ [Электронный ресурс] // РосПравосудие – проект, созданный в 2012 году для исследования общедоступной судебной практики / РосПравосудие – справочно-правовая система. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/> – 01.05.2018.
11. Дело Батырева требует исследования и дополнительного разбирательства [Электронный ресурс] // Новости в Калмыкия / Калмыкия : Информационный портал Калмыкия, 2012 – 2017. – Режим доступа : <https://vkalmykii.com/> – 29.04.2018.
12. Комиссаров, В.С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / В.С. Комиссаров, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. – 879 с. – ISBN 978-5-8354-0856-6.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 19 февраля 2019 г.) // КонсультантПлюс: справочная правовая система / разраб. НПО «Вычисл. математика и информатика». – Москва : Консультант Плюс, 1997-2009. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru> – 28.04.2019.
14. Гадельшин, Р.И. Уголовно-исполнительное право : курс лекций / Р.И. Гадельшин : СИУ-филиал РАНХиГС. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. – 210 с.
15. Зубарев, С.М. Уголовно-исполнительное право: краткий курс лекций / С.М. Зубарев – Москва : Изд-во Юрайт, 2016. – 186 с. – ISBN 978-5-9916-3462-5.

16. Ештокин, А.П. Переполненность мест лишения свободы – глобальная гуманитарная проблема пенитенциарных систем зарубежных государств / А.П. Ештокин // Социум и власть: науч. журн., 2016, № 5 (61). – Челябинск, 2016. – С. 60-67.

17. Зубкова, А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вуза / Под ред. д. ю. н., проф. А.И. Зубкова. – Москва : Норма, 2006. – 720 с. – ISBN 5-89123-910-8.

18. Каданева, Е.А. Лишение свободы как уголовно-правовой институт и перспективы развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Каданева Елена Александровна. – Рязань, 2012. – 188 с. – СПбГУ: с. 22 – 23.

19. Кругликов, Л.Л. Уголовная право России. Часть Особенная: учебник для бакалавров. – 4-е изд., перераб. и доп. / Л.Л. Кругликов. – Москва : Проспект, 2014. – 816 с. – ISBN 978-5-392-114948-8

20. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С.П. Щербы. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 448 с. – ISBN 978-5-93295-470-6.

Статья поступила в редакцию 09.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 341.161

DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0096

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОБОТОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2020

SPIN-код: 7526-7533

AuthorID: 781451

Шайдуллина Венера Камилевна, кандидат юридических наук, директор Центра исследований и экспертиз, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125468, Россия, Москва, улица Ленинградский проспект, 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)*

Аннотация. Развитие и применение информационных технологий в предпринимательской деятельности привело к возникновению понятия «электронная торговля». Данное понятие используется для обозначения процесса купли-продажи услуг и товаров, при котором весь цикл или часть коммерческой транзакции осуществляется в электронном виде. Электронная торговля осуществляется через Интернет посредством веб-сайта (т. е. интернет-магазина) с использованием автоматизированной системы сообщений. Подобные системы именуется «электронными агентами» и все чаще используются в сфере электронной коммерции. Этим обуславливается актуальность юридических аспектов заключения договоров с использованием электронных средств связи без вмешательства со стороны человека. В данной статье будут рассмотрены проблемы правового регулирования электронной торговли, осуществляемой с помощью автоматизированных систем сообщений, т. е. программ-роботов, заключающих договоры с помощью электронных средств связи без вмешательства и участия человека. Был сделан вывод, что в настоящее время в России электронные агенты не получили широкого распространения в электронной торговле. Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: «электронный агент», сообщение, автоматизированная система сообщений, интернет-магазин, электронная торговля, информационные технологии, аналог собственноручной подписи.

USE OF ROBOTS IN ELECTRONIC TRADE WHEN CONCLUDING AGREEMENTS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

© 2020

Shaydullina Venera Kamilevna, candidate of juridical sciences, Director of the Center of Research and Expertise, associate professor of the Department of legal regulation of economic activity

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(445020, Russia, Moscow, Leningrad Avenue 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)*

Abstract. The development and application of information technology in business has led to the emergence of the concept of “electronic commerce”. This concept is used to denote the process of sale of services and goods, in which the entire cycle or part of a commercial transaction is carried out electronically. E-commerce is carried out via the Internet through a website (i.e. an online store) using an automated messaging system. Such systems are called “electronic agents” and are increasingly used in the field of electronic commerce. This determines the relevance of the legal aspects of concluding agreements using electronic means of communication without human intervention. This article will discuss the problems of legal regulation of electronic commerce carried out using automated messaging systems, that is, robotic programs concluding contracts using electronic communications without human intervention and participation. It was concluded that currently in Russia electronic agents are not widely used in electronic commerce. This article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: electronic agent, message, automated messaging system, online store, electronic commerce, information technology, analogue of a handwritten signature.

Постановка проблемы в общем виде. Определение связи проблемы с важнейшими научно-теоретическими и практическими задачами. Понятие «электронная торговля» возникло в связи с развитием информационных технологий и их использованием в предпринимательстве. Под электронной торговлей подразумевается процесс купли-продажи услуг и товаров, когда весь цикл либо часть коммерческой транзакции производится электронным образом [1]. Электронная торговля осуществляется через сеть Интернет – посредством веб-сайта (интернет-магазина), в котором используется автоматизированная система сообщений. Подобные системы именуется «электронными агентами» и используются в сфере электронной торговли все чаще. Это обуславливает актуальность юридических аспектов заключения договоров с использованием электронных средств связи без участия человека.

Электронный агент — это программа-робот, заключающая договоры без участия человека посредством электронных средств связи. Такие программы-роботы самостоятельно принимают решения, основываясь на данных, которые заложены в программу, а также на фактических данных, имеющих место к моменту принятия решения. К примеру, система обмена сообще-

ниями Trading Process Network (GE TPN) обеспечивает автоматизацию продаж, в т. ч. согласование цены для электронных сделок в отношениях, складывающихся между субъектами предпринимательской деятельности. Специфика заключения договоров с применением электронных средств состоит в способе направления оферты и акцепта, в возможностях обсуждения договорных условий и их изменений, а также в выражении воли сторон.

Заключением договора предполагается выражение воли сторон, ее совпадение, а также достижение сторонами соглашения по основным условиям. Главная особенность выражения воли сторон при совершении сделки с применением электронных средств состоит в том, что волеизъявление сторон воспринимается посредством соответствующего аппаратного и программного обеспечения, а в заключении договора, помимо сторон, принимает участие еще и информационный посредник (провайдер). Следовательно, при применении автоматизированных систем сообщений для заключения договоров этап согласования воли сторон модифицируется. Это порождает определенные сомнения по поводу соответствия действий электронных программ действительному волеизъявлению сторон договора. В этой связи встает вопрос: порождает ли договор, заключенный по-

средством электронного агента, правовые последствия для его сторон?

Обзор исследований и последних публикаций, посвященных рассмотрению аспектов исследуемой проблематики. Выделение ранее неразрешенных частей общей проблемы. К настоящему времени отечественными исследователями проведены определенные научно-правовые исследования, посвященные использованию роботов в торговле. Отдельные исследования опубликованы в виде научных статей (например, труды К. Атто [2], А.М. Миронова [3], П.М. Морхата [4], Т.Н. Сыроваткиной [5]). Однако существующие труды посвящены изучению вопросов использования роботов в отдельных секторах экономики и не затрагивают аспекты заключения договоров при помощи электронных агентов.

Постановка задания (формирование цели статьи). Цель настоящей статьи – определить экономические и правовые проблемы, связанные с регулированием использования технологий искусственного интеллекта при заключении договоров субъектами электронной коммерции, а также выработать практические рекомендации по устранению существующих проблем.

Основной материал исследования и обоснование полученных научных результатов.

Законодательство РФ в сфере электронной коммерции и торговли находится на стадии становления. Закон № 34-ФЗ от 18.03.2019 года, вступивший в силу с 01.10.2019 г., закрепил в абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ возможность признания соблюденной письменной формы сделки при совершении лицом такой сделки посредством электронных или технических средств, позволяющих воспроизвести содержание сделки в неизменном виде на материальном носителе. При этом требование о наличии подписи будет считаться выполненным, если используется любой из способов, позволяющий достоверно определить человека, выразившего волю. Исходя из содержания п. 2 ст. 434 ГК РФ, заключение договора в письменной форме посредством составления одного документа (в т. ч. электронного), подписанного сторонами. Кроме того, договор в письменной форме может быть заключен путем обмена электронными документами, телеграммами, письмами и другими данными (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Содержание п. 2 ст. 434 ГК РФ и п. 2 ст. 160 ГК РФ корреспондируют между собой. В п. 2 ст. 160 ГК РФ отмечается, что использование при совершении сделки электронной подписи, факсимильного воспроизведения подписи и других аналогов собственноручной подписи допустимо только в порядке и в случаях, предусмотренных действующим законодательством или соглашением сторон.

Итак, ГК РФ допускает следующее:

- а) возможность использования электронной подписи;
- б) возможность заключения договора с использованием электронных средств связи;
- в) возможность применения технических и других средств (данное положение в ГК РФ не конкретизировано; устанавливается только, что подобное регулирование должно осуществляться в соответствии с законами, иными нормативно-правовыми актами, соглашением сторон).

В п. 2 ст. 434 ГК РФ закреплен перечень технических средств, при помощи которых может быть заключен гражданско-правовой договор. Такие средства позволяют точно установить, что документ исходит от конкретного субъекта, выступающего стороной в договоре. Этот перечень не является исчерпывающим. Среди прочих технических средств в перечне упоминается электронная переписка в интернете [6]. Данный перечень сформирован с учетом развития современных способов связи. Им предполагается обмен документами при заключении договора, которые были изготовлены и подписаны с помощью электронно-вычислительной техники. Из этого следует, что, если электронной офертой и установлен-

ной формой ее акцепта при соблюдении обязательных требований предусматривается использование определенных аналогов собственноручной подписи сторон договора, то договор будет являться для его участников юридически обязательным и действительным.

В настоящее время субъекты электронной торговли могут вступать в отношения не только в рамках одной юрисдикции. Использование электронных средств связи позволяет заключать договоры с разными участниками по всему миру. Трансграничный характер электронной торговли требует разработки единого подхода к ее правовому регулированию на национальном и международном уровне.

В Конвенции ООН от 2005 года об использовании электронных сообщений в международных договорах отражено практическое решение вопросов, связанных с использованием электронных средств связи в контексте международных договоров (далее — Конвенция 2005 г.). Российская Федерация присоединилась к этой Конвенции путем ее подписания [7]. Указанная Конвенция применяется при использовании электронных сообщений в связи с исполнением или заключением договоров между сторонами, занимающимися коммерческой деятельностью в разных странах. Действующие конвенции по унификации правового регулирования сферы электронной торговли (например, заключения договоров с использованием электронных средств связи) не исключают возможности использования автоматизированных систем сообщений. К примеру, они могут использоваться при выдаче заказов на закупку либо при обработке закупочных заявок. Примерно так обстоит дело с Конвенцией ООН от 11.04.1980 года о договорах международной купли-продажи товаров (Вена), разрешающей сторонам устанавливать свои правила, к примеру, разрабатывать соглашения о торговом партнерстве в сфере электронного обмена данными (ЭДИ), регулирующие использование программ-роботов («электронных агентов»). Также следует отметить, что Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» от 1996 года также не содержит специальных правил, регулирующих данный вопрос [8].

В Конвенции 2005 г. закреплены положения, которые облегчают использование автоматических систем сообщений в сфере электронной коммерции и торговли. Исходя из ст. 12 Конвенции 2005 г., договоры, заключенные вследствие взаимодействия человека с автоматизированной системой сообщений либо взаимодействия таких систем между собой, не могут быть лишены исковой силы и действительности только потому, что никакое физическое лицо не осуществляло вмешательства или просмотра каждой операции, проведенной автоматизированной системой сообщений. Итак, в ст. 12 Конвенции 2005 г. содержится правило о недискриминации. Данное правило призвано четко установить, что отсутствие вмешательства или просмотра со стороны человека в отношении отдельных операций само по себе не исключает возможности заключения договоров.

Ст. 12 Конвенции 2005 г. преследует цель по устранению возможных препятствий в сфере электронной торговли. однако данная статья не должна рассматриваться в качестве допускающей наделение компьютера и автоматизированных систем сообщений обязанностями и правами. При этом можно предположить, что в будущем будут созданы новые поколения автоматизированных информационных систем, которые будут способны действовать автономно. Иначе говоря, вследствие развития искусственного интеллекта компьютеры смогут учиться на собственном опыте, изменять инструкции в своих программах и создавать новые. Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) был сделан вывод, что электронные сообщения, автоматически подготавливаемые компьютерами или системой сообщений без участия и вмешательства со стороны человека, должны рассматриваться в качестве «состав-

ляемых» тем субъектов (юридическим или физическим лицом), от имени которого используется компьютер или система сообщений.

Следует подчеркнуть, что при заключении договора между автоматизированными системами сообщений, а также между физическим лицом и такой системой, существует несколько способов выражения согласия сторон. Компьютеры могут обмениваться сообщениями (данными) в автоматическом режиме согласно установленному стандарту, а люди могут выражать свое согласие, нажав на определенную иконку. В ст. 12 вышеуказанной Конвенции не предпринимается попытки продемонстрировать всевозможные способы выражения договаривающимися сторонами своего согласия во избежание нарушения принципа технологической нейтральности, а также в связи с риском того, что любой приблизительный перечень технических средств, посредством которых может быть заключен договор, вскоре устареет либо окажется неполным, так как иные способы выражения согласия, не указанные в перечне, могут уже использоваться на практике либо получить широкое распространение через несколько лет.

В ст. 12 Конвенции 2005 г. закреплено важнейшее правило, согласно которому, для признания договора действительным нет необходимости в просмотре человеком каждой конкретной операции, выполненной автоматизированной системой сообщений либо заключенной в результате договора. Таким образом, для целей вышеуказанной статьи Конвенции не будет иметь значения то, являются ли все используемые системы сообщений частично или полностью автоматизированными, при условии, что, как минимум, одна из них не требует вмешательства со стороны человека для выполнения своих задач [9].

Наглядным примером правового регулирования заключения договоров с применением электронных агентов на законодательном уровне могут служить положения Закона США от 30.06.2000 года «Об электронных подписях в глобальной и национальной коммерции». В этом Законе содержится понятие «электронный агент», означающее технологические средства, обладающие электромагнитными, оптическими, беспроводными, магнитными, цифровыми, электрическими и сходными свойствами. Также Законом устанавливается, что действительность, исковая и юридическая сила договора и иных записей, касающихся сделки в рамках внешней либо межштатной торговли, или затрагивающих таковую, не могут отрицаться лишь на том основании, что при их составлении, заключении и доставке использовались электронные агенты, однако в той степени, в которой действие электронных агентов является юридически соотносимым с обязанным лицом.

В Соединенных Штатах осуществляется правовое регулирование применения электронных агентов при заключении договоров. Согласно Единообразному закону Штата Юта от 03.07.2000 года «Об электронных сделках», заключение договора возможно путем взаимодействия электронных агентов сторон, даже если у физических лиц не было возможности ознакомиться или изучить действия электронных агентов и вытекающие из этого соглашения и договорные условия. Заключение договора возможно путем взаимодействия физического лица и электронного агента. При этом физическое лицо может действовать от своего имени либо представлять интересы другого человека, включая взаимодействие, когда человек выполняет действия, от которых он может в любой момент отказаться, и о которых знает либо имеет право знать, что они побуждают программу-робота заключить или исполнить сделку. Условия подобного договора устанавливаются материальным правом, применимым к нему. В соответствии с вышеуказанным Законом, электронный агент – это специальная компьютерная программа, электронные и другие автоматические средства, которые используются независимым об-

разом для начала действия либо ответа на электронные записи исполнения (в части или в целом) без проверки или для начала действия человеком.

Выводы и перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. В настоящее время в нашей стране электронные агенты не получили широкого распространения в сфере электронной торговли. На основании анализа ст. 498 ГК РФ, которой допускается продажа товара с использованием автоматов, приходим к выводу, что они вряд ли применимы к вышеуказанным случаям, так как специфичным признаком такого договора выступает особый способ вручения товара — посредством автомата [10]. Следовательно, для развития в России системы использования электронных агентов необходимо следующее:

1) Закрепление на законодательном уровне понятия «электронный агент»;

2) Внесение дополнения в ч. 2 ст. 434 ГК РФ: «Договор посредством электронной связи может быть заключен путем взаимодействия электронных агентов сторон и (или) электронного агента и физического лица (юридического лица), действующего от собственного имени или от имени другого лица».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сомова Е.В. *Смарт-контракт в договорном праве* // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75). С. 79-86.
2. Морхат П.М. *Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61-73.
3. Апто К. *Модели коммуникации в электронной среде на базе интеллектуальных агентов* // Информационно-Коммуникация-Общество. 2019. Т. 1. С. 24-30.
4. Миронова А.М. *Новая математическая модель протоколов аутентификации и основанный на ней метод верификации* // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2018. Т. 22. № 4. С. 79-97.
5. Морхат П.М. *Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61-73.
6. Соколов М.А., Государев И.Б. *Исследование автоматизации процессов корпоративной коммуникации кафедры на основе электронного обучения с участием агентов искусственного интеллекта (ботов)* // Современное образование: традиции и инновации. 2018. № 4. С. 97-101.
7. Ефимова Л.Г. *Понятие и правовые особенности электронного договора* // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 84-90.
8. Зулфугарзаде Т.Э. *Особенности правового обеспечения смарт-контрактов* // Экономика. Право. Общество. 2018. № 2 (14). С. 30-36.
9. Давлетбаева Р.Р. *Подбор оборудования электронного технологического процесса* // Молодой ученый. 2018. № 26 (212). С. 42-44.
10. Кулажников В.В., Усов А.В. *Цифровые права - новый объект гражданских прав в Российской Федерации* // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. Восточно-Сибирский институт МВД России. Иркутск, 2019. С. 304-305.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 341.161
DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0097

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: ОПЫТ БРИКС

© 2020
SPIN-код: 7526-7533
AuthorID: 781451

Шайдуллина Венера Камилевна, кандидат юридических наук, Директор Центра исследований и экспертиз, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125468, Россия, Москва, улица Ленинградский проспект, 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)*

Аннотация. Под цифровой экономикой подразумевается экономика, предполагающая использование информационных технологий при реализации экономических целей развития. Сегодня цифровая экономика пронизывает все сферы экономической и общественной жизни многих государств. Она оказывает воздействие на разные сферы национального и мирового хозяйства: здравоохранение, образование, транспорт, энергетику, торговлю, банковскую систему. Отдельным значением в процессе цифровизации обладает электронная торговля. По сути, электронная коммерция – это способ упрощения взаимной интеграции государств, оптимизации затрат и ускорения продаж. При создании интернет-экономики в центре внимания находилось создание безбарьерной среды для трансграничной электронной торговли рядовыми гражданами и представителями бизнеса. В статье делается вывод о том, что страны БРИКС могут сформировать в системе наднационального регулирования нормы, которые позволят им стать активными участниками цифровизации мирового хозяйства, определяющими перспективы и тренды развития глобальной экономики. Государства БРИКС могут сформировать нормы наднационального регулирования, которые превратят их в активных участников цифровизации мирового хозяйства. Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: страны БРИКС, ЮАР, Китай, Индия, Бразилия, Россия, национальные стратегии цифровизации, электронная торговля, сотрудничество, цифровая экономика.

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC TRADE: THE EXPERIENCE OF BRICS

© 2020

Shaydullina Venera Kamilevna, candidate of juridical sciences, Director of the Center of Research and Expertise, associate professor of the Department of legal regulation of economic activity

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(445020, Russia, Moscow, Leningrad Avenue 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)*

Abstract. Digital economy means an economy that involves the use of information technology in the implementation of economic development goals. Today, the digital economy permeates all areas of the economic and social life of many states. It has an impact on various spheres of the national and world economy: healthcare, education, transport, energy, trade, and the banking system. Of particular importance in the digitalization process is electronic commerce. In fact, e-commerce is a way to simplify the mutual integration of states, optimize costs and accelerate sales. When creating the Internet economy, the focus was on creating a barrier-free environment for cross-border e-commerce by ordinary citizens and business representatives. The article concludes that the BRICS countries can form norms in the system of supranational regulation that will allow them to become active participants in the digitalization of the world economy, determining the prospects and trends of the global economy. The BRICS states can formulate norms of supranational regulation that will turn them into active participants in the digitalization of the world economy. This article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: BRICS countries, South Africa, China, India, Brazil, Russia, national digitalization strategies, electronic commerce, cooperation, digital economy.

Постановка проблемы в общем виде. Определение связи проблемы с важнейшими научно-теоретическими и практическими задачами. В 2016 году был проведен Всемирный экономический форум, посвященный вопросам развития глобальных информационных технологий. В докладе, представленном на этом форуме, было указано, что мир находится в преддверии четвертой промышленной революции. Речь идет о переходе к комплексу систем, объединенных физическими, биологическими и цифровыми технологиями в новые, мощные комбинации. Основу такой промышленной революции составит цифровая трансформация, характеризующаяся стремительным ростом пользователей цифровых технологий, снижением затрат на хранение и обработку данных высокой плотности, а также наличием глобальной цифровой связи [6].

В 1995 году доступ в Интернет имело только 45 млн человек. В 2016 году эта цифра увеличилась до 3,5 млрд чел. В настоящее время свыше 99% мировых данных оцифрованы, и половина из них имеет IP-адрес [12].

По оценкам экспертов Глобального института McKinsey (MGI), на протяжении ближайших двух десятилетий около 50% рабочих операций во всем мире могут

быть автоматизированы. В качестве одного из основных драйверов экономического роста в мире будут выступать цифровые преобразования. В частности, использование интернет-технологий обеспечит Китаю рост ВВП на 22% к 2025 году. Внушающих результатов может добиться и Российская Федерация. Экономический эффект от цифровизации российской экономики может привести к увеличению ВВП государства на 4,1-8,9 трлн. рублей к 2025 году (в ценах 2015 г.). Это составит от 19% до 34% общего ожидаемого роста внутреннего валового продукта [15].

Такой оптимистический прогноз основан на ожидаемом эффекте от автоматизации процессов производства, а также на массовом внедрении таких технологий, как Интернет вещей, роботизация, 3D-печать, «Большие данные», цифровые платформы.

По нашему мнению, фактическое значение цифровой экономики немного преувеличено. Основным мотивом, стимулирующим государства (в т. ч. страны БРИКС) к более быстрому переходу к цифровой экономике, являются потребности национальной обороны. Речь идет о способности государства ликвидировать или предупреждать угрозы национальной безопасности, если

потенциальный противник обладает средствами нападения, которые не выявляются и не могут быть нейтрализованы существующими информационными системами при современном уровне развития и применения ИТ-технологий.

Наряду с этим, цифровизация экономики выступает в качестве действующего тренда развития мирового сообщества. В последние годы происходит постепенное формирование системы Интернета вещей, в которой происходит конвергенция разных способов социальной кооперации в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий. Это позволяет предметам материального мира, обладающим предустановленными цифровыми возможностями, взаимодействовать в сети друг с другом и с внешним окружением.

Государства БРИКС, являющиеся участниками общемирового процесса формирования Интернета вещей, должны использовать все имеющиеся возможности цифровизации национальных экономик с целью устранения разрыва с развитыми странами и странами, продвинутыми в плане цифровизации, а также приобретения флагманских позиций на текущем этапе четвертой технологической революции.

Обзор исследований и последних публикаций, посвященных рассмотрению аспектов исследуемой проблематики. Выделение частей общей проблемы, неразрешенных ранее. К сегодняшнему дню отечественные ученые провели немало исследований, посвященных развитию экономических и торговых отношений в рамках БРИКС. Некоторые из исследований опубликованы в виде научных статей (к примеру, работы таких авторов, как Ткаченко И.Ю. [14], Рогатных Е.Б. [11], Александрова Е.Н., Орлов В.И. [8, 9], Телегина О.С. [13]). В существующих трудах рассматриваются, в основном, экономические проблемы развития торговли в рамках БРИКС, но не затрагиваются правовые аспекты сотрудничества в этой области.

Постановка задания (формирование цели статьи). Целью статьи является определение правовых и экономических проблем, связанных с урегулированием электронной торговли в рамках БРИКС, а также выработка практических рекомендаций, направленных на устранение актуальных проблем.

Обоснование полученных научных результатов и основной материал исследования.

Формирование национальной цифровой экономики рассматривается руководством стран БРИКС в качестве возможности, позволяющей перейти к качественному экономическому росту и решить ряд проблем (социальных, инфраструктурных, технологических) в национальном хозяйстве. По этой причине национальными правительствами была инициирована «цифровизация» экономик своих государств как одна из стратегических задач. Странами БРИКС были сформулированы свои национальные программы:

- в Китае – программа «Digital China», являющаяся частью стратегии «Made in China, 2025»;
- в Индии – программа «Digital India», являющаяся частью стратегии «Make in India»;
- в России – программа «Цифровая экономика РФ» (утв. в 2017 г.) [16];
- в ЮАР – стратегия «Electronic Communications Act: South Africa Connect: Creating opportunity, ensuring inclusion South Africa. Broadband Policy» (принята в 2013 г.).

В 2017 году в Бразилии была учреждена рабочая экспертная группа по разработке национальной стратегии цифрового развития «The Brazilian Digital Strategy» [5].

Большим значением для цифровизации обладает электронная коммерция. В настоящее время электронная торговля – это способ оптимизации затрат, ускорения продаж и упрощения взаимной интеграции государств. Представляется, что при создании Интернет-экономики в центре внимания находилось создание рядовыми гражданами и субъектами бизнеса безбарьерной среды

для совершения трансграничных электронных покупок. Электронная торговля оказывает существенное влияние на всю систему торговли. Она затрагивает логистику, платежные и расчетные формы и инструменты, что делает возможным систему расчетов в национальных валютах, позволяя экономить на конвертации, исключая использование в качестве средств платежа валют третьих стран.

Цифровым упрощением торговли затрагивается использование современных ИТ-технологий для автоматизации и оптимизации процедур международной торговли. Необходимо не только сохранить конкурентоспособность торговли, но также обеспечить эффективное участие в трансграничной электронной торговле. Это должно учитываться в международных соглашениях по электронной торговле в странах БРИКС.

Цифровизация экономики носит глобальный характер, что делает очевидным необходимость в экстратерриториальном регулировании процессов цифровизации. При этом следует учитывать, что наднациональное регулирование электронной коммерции находится на этапе формирования.

Основные международные принципы формирования информационного общества, выступающие в качестве основы для расширения и развития цифровой экономики, были сформулированы в таких документах:

- Окинавская хартия глобального информационного общества (от 2000 года);
- Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (от 2003 года);
- План действий тунисских обязательств (от 2005 года);
- План решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (2015 год, Нью-Йорк).

В рамках Всемирной Торговой Организации (ВТО) основы регулирования электронной коммерции на многостороннем уровне были заложены Второй Министерской конференцией ВТО, прошедшей в 1998 году в Женеве. В рамках этой Конференции была принята Декларация о всемирной электронной торговле. Также был установлен мораторий на таможенные платежи в отношении товара, приобретаемого с использованием телекоммуникационных систем [7]. Впоследствии данный мораторий был подтвержден на Восьмой Министерской конференции, прошедшей в 2011 году в Женеве [3].

Последующий прогресс в разработке положений, регулирующих сферу мировой Интернет-торговли в рамках ВТО почти незаметен, так как до сих пор не утихают дискуссии, связанные с определением и классификацией «цифровых продуктов» и соглашений, которые должны регулировать вопросы «технологической нейтральности», а также онлайн-продажу услуг и товаров (ГАТТ или ГАТС).

В этой связи, разделы по электронной торговле вошли в соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ), где явно прослеживаются два противоположных подхода – европейский и американский. Американскому подходу свойственно наличие положений о предоставлении цифровым товарам режима наибольшего благоприятствования, а также норм о регулировании вопросов, связанных с защитой персональных данных, электронной аутентификацией и ЭЦП (ГАТТ). В соответствии с европейским подходом, содержание электронной торговли (розничной и оптовой) относится к числу услуг. Поэтому Интернет-торговля должна регулироваться в рамках ГАТС [17].

Результаты переговоров по ТТИП (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство) могут составить основу для разработки общего подхода к регулированию мировой электронной коммерции. В рамках ТТИП выработана позиция, согласно которой,

электронные передачи относятся к сфере оказания услуг. Соответственно, они не должны облагаться таможенными пошлинами. К ним может применяться РНБ и национальный режим.

Для стран, выступающих в качестве продавцов программного обеспечения и потребителей цифрового контента, наиболее оптимальным видится сочетание европейского и американского подхода к регулированию Интернет-торговли.

В 2016 году страны-члены G-20 приняли Инициативу по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики G-20. На необходимость соблюдения принципов, закрепленных в этом документе, было обращено внимание в рамках Конференции G20 на уровне Министров по цифровой экономике, которая прошла 6-7 апреля 2017 года в Дюссельдорфе. По итогам данной конференции была представлена Декларация Министров по цифровой экономике. В этой Декларации обращается внимание на важность:

- обмена передовым опытом по стимулированию инвестиций, а также по финансированию средних, малых и микро- предприятий (ММСП), работающих в отрасли информационно-коммуникационных технологий;
- активизации усилий государств-участников по преодолению цифрового разрыва в мире;
- создания прозрачных и благоприятных политических, правовых и нормативных условий для формирования открытого конкурентного рынка;
- корректировки всех форм обучения и образования в течение жизни, для более полного раскрытия потенциала новых цифровых технологий, а также для развития среди населения компетенций и навыков, необходимых на современном рынке труда [10].

В декабре 2017 г. на заседании министров торговли государств-членов ВТО, прошедшем в Аргентине, обсуждался вопрос, связанный с тем, должна ли ВТО инициировать переговоры по вопросам, касающимся цифровой торговли. Многие существующие региональные торговые соглашения содержат меры для электронного обмена информацией и данными, касающимися торговли. При этом каких-либо особых соглашений, которыми регламентировалась бы именно электронная торговля, не существует.

Определить оптимальный подход в отношении стран БРИКС будет довольно сложно. Это объясняется тем, что наднациональное регулирование электронной торговли и цифровой экономики находится на этапе формирования. Государства БРИКС могут инициировать или принять участие в разработке подходов к формированию правил и норм такого регулирования. Государства БРИКС не только могут, но и должны взаимодействовать в процессе цифровизации своих национальных экономик. Это позволит использовать в своих интересах все преимущества, которые дает синергетический эффект кооперации.

Электронная коммерция и цифровая экономика – это реалии, впервые формирующиеся в международной экономике. Углубление сотрудничества между государствами в значительной степени будет зависеть от заинтересованности субъектов (правительств, представителей бизнеса и конечных потребителей) в понимании друг друга в рамках трансграничного взаимодействия. В этой связи, государства БРИКС могут реализовать совместный проект по кодификации, синхронизации и согласованию используемого категорийного, понятийного и терминологического аппарата. Благодаря реализации такого проекта удастся упростить деловую практику во взаимосвязях государств БРИКС в новых направлениях. Также удастся избежать возникновения финансовых и правовых коллизий, которые негативно влияют на развитие и расширение взаимного бизнеса.

Поскольку не у всех стран БРИКС имеются комплексные программы цифровизации национальной экономики, то предлагается выработать в рамках БРИКС

единую модельную стратегию по внедрению цифровых технологий в экономику. Такая модельная стратегия должна учитывать основные современные тенденции цифровизации. Она может использоваться странами БРИКС как основа для развития или создания национального плана цифровизации.

Внедрение цифровых технологий в современную жизнь происходит довольно быстро. Государства БРИКС, для сохранения своей конкурентоспособности в будущем, должны быстро внедрять цифровые решения в национальные экономики. Объединить возможности экономик БРИКС в части создания и внедрения цифровых технологий можно путем разработки Технологической платформы отраслевых экосистем Цифровой Экономики БРИКС. Впоследствии на базе этой платформы могла бы быть сформирована Национальная информационная инфраструктура, которая поспособствует обеспечению облачной платформы и высокоскоростной связи для государственных ведомств разного уровня.

Стремительное развитие электронной коммерции в международной сфере уже подняло вопрос касательно разработки международных соглашений по регулированию электронной торговли. Существует несколько разных подходов к определению и классификации «цифровых продуктов» и видов соглашений, которые должны регулировать онлайн-продажу услуг и товаров (ГАТТ или ГАТС). В этой связи, страны БРИКС в рамках рабочей группы БРИКС по электронной коммерции должны сформулировать согласованные подходы по этим вопросам, что позволит создать необходимые условия и поспособствует выработке национальных законов о регулировании электронной торговли. В будущем это позволит заключить многостороннее торговое соглашение по вопросам электронной торговли, установить порядок налогообложения электронной торговли и телекоммуникационных услуг с использованием автоматического обмена налоговыми данными, а также укрепить позиции отдельных стран БРИКС и форума в целом в переговорах, касающихся вопросов электронной торговли за рамками БРИКС.

Чтобы создать условия для развития всех видов электронной коммерции (B2C, B2G, B2B), требуется равное признание национальной и иностранной электронной подписи. Целесообразно разработать требования и правила документирования, которыми будет регламентироваться порядок трансграничного электронного документооборота в БРИКС. В первую очередь, нужно подписать Соглашение о применении информационных технологий при обмене электронными документами в рамках трансграничной торговли.

Устойчивое развитие электронной коммерции является возможным (особенно в секторе B2G и B2B) лишь при условии надежной защиты финансовых сделок от несанкционированного доступа. Создание и внедрение средств криптографической защиты данных является общей проблемой, стоящей перед всеми странами БРИКС. Следовательно, странами БРИКС должен быть разработан проект по совместному созданию специализированных средств криптографической защиты данных. Так, например, целесообразным видится создание научно-инновационной платформы цифровой безопасности. Такая платформа может быть создана на базе лаборатории Касперского. Она должна предусматривать возможность изучения и обмена опытом между странами БРИКС.

Сегодня во многих странах одновременно разрабатываются протоколы данных и программное обеспечение для трансграничной электронной торговли. Это приводит к возникновению большого количества технических решений, которые не всегда совместимы друг с другом. В этой связи, страны БРИКС могли бы реализовать проект по линии профильных ведомств (например, министерства связи и информационных технологий), заключающийся в разработке общих подходов к

стандартизации протоколов программного обеспечения и применяемым техническим решениям. Благодаря унифицированным решениям будут созданы дополнительные условия для развития и расширения электронной торговли между государствами.

Следует отметить, что на развитие электронной торговли активное влияние будут оказывать возникающие цифровые технологии. В нашей стране уже давно занимают вопросы стандартизации механизмов технологии блокчейн (распределенных реестров), а также внедрением блокчейн в финансовые операции. С учетом высокой степени прозрачности и надежности операций, осуществляемых по блокчейн-технологии, странам БРИКС следует запустить совместный проект, направленный на разработку этой технологии и ее внедрение. При внедрении технологии «блокчейн» в сферу трансграничной торговли, покупатель и продавец смогут отслеживать движение товаров в онлайн-режиме. Это повысит привлекательность, предсказуемость и прозрачность внешнеторговых операций.

Для развития сотрудничества стран БРИКС в сфере внедрения цифровых технологий необходимо гармонизировать национальные законы, регулирующие использование технологий «big data» (больших данных), «блокчейн» (распределенного хранения данных), Интернета вещей. Также нужно развернуть сети пятого поколения.

Еще одна актуальная проблема в трансграничной торговле – проблема НДС-платежей. В настоящее время не существует единого подхода к решению данной проблемы. Это размывает налоговую базу некоторых государств, приводя к выводу из-под налогообложения части прибыли. Страны БРИКС активно работают над развитием электронной коммерции. Поэтому необходимым видится достижение договоренностей и согласование позиций стран БРИКС по этому вопросу. Также следует создать унифицированный механизм по взиманию НДС при оказании зарубежными компаниями услуг физическим лицам через Интернет. Должен быть определен единый перечень таких услуг, порядок уплаты НДС, места оказания услуг и др.

На первом этапе основой для расширения и углубления взаимодействия между странами БРИКС в налоговой сфере могут выступать:

- Соглашение ОЭСР об автоматическом обмене информацией [1];
- Соглашение об общей системе передачи данных (Common Transmission System) транспортной инфраструктуры для автоматического обмена информацией в налоговых целях [2];
- Сети по совместному информационному взаимодействию в области международного налогообложения (JITSIC) [4].

Учитывая положения уже существующих международных соглашений и имеющиеся возможности, страны БРИКС могут расширить сотрудничество между собой в национальных сегментах.

Доставка онлайн покупок осуществляется при помощи международных почтовых отправлений. Нередко такие покупки расцениваются в качестве товаров для личного пользования. Поэтому иностранные онлайн-магазины не уплачивают таможенные платежи и могут предлагать товар по более низким ценам. Этим создаются неравные условия для оффлайн и онлайн торговли. Чтобы выровнять условия ведения онлайн торговли по трансграничным и внутренним операциям, поддержать здоровую конкуренцию и активизировать взаимную электронную торговлю, страны БРИКС должны сформулировать общие подходы к регулированию электронной торговли (например, принять межгосударственное соглашение). С учетом того, что позиции стран БРИКС по этому вопросу может различаться, смягчить противоречия может поэтапное, а не моментальное снижение порога беспошлинной электронной торговли.

Неудовлетворительное качество (с позиции времени

доставки) трансграничной электронной В2С торговли – одна из основных проблем, с которой сталкиваются все государства БРИКС. Для решения этой проблемы страны БРИКС могли бы начать реализацию проекта по обмену лучшим опытом в сфере организации логистики для доставки товара в рамках Интернет-торговли.

Товары, которые поставляются в рамках трансграничной электронной торговли, часто не соответствуют заявленному качеству. В этой связи ведомства стран БРИКС, на которых возложена ответственность за развитие трансграничной торговли (министерства экономики и торговли), должны создать временную специальную экспертную группу. Такая группа должна быть наделена полномочиями на обсуждение возможных мер и практик для повышения качества поставляемого товара. В качестве результата работы такой группы может выступать разработка перечня рекомендаций для правительств стран БРИКС по повышению качества товаров в трансграничной торговле и по взаимной защите прав потребителей в сфере Интернет-торговли.

Достаточно интересным и перспективным направлением в развитии современных экономик является создание новых технологий в финансовом секторе. В качестве одного из таких направлений выступает использование криптовалют. ЦБ России пока еще негативно воспринимает возможность внедрения криптовалют в широкую практику. Тем не менее, учитывая тот факт, что некоторые из стран БРИКС (ЮАР, Китай) уже имеют некоторый опыт работы с криптовалютой, целесообразно усилить взаимодействие в рамках БРИКС по использованию криптовалют. Целесообразным также видится рассмотрение вопросов гармонизации подходов к использованию криптовалют в сфере международных расчетов (в том числе, внутри БРИКС). В контексте вышесказанного следует обратить на перспективность создания единой биржи криптовалют в рамках БРИКС. Участие Российской Федерации в таких проектах способствует обеспечению доступа государства к опыту стран БРИКС в части регулирования рынка криптовалют, позволяя не отставать от мировой тенденции в использовании криптовалют.

Выводы и перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Значение и роль совместной деятельности государств БРИКС по формированию инструментов наднационального регулирования электронной коммерции и созданию цифровой среды будет обуславливаться возможностью использования результатов синергетического эффекта от кооперации. Государства БРИКС могут сформировать нормы наднационального регулирования, которые превратят их в активных участников цифровизации мирового хозяйства. В свою очередь, это позволит им определять перспективы и тренды развития глобальной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Automatic Exchange of Information Implementation Report 2017.* URL: <http://www.oecd.org/tax/transparency/reporting-on-the-implementation-of-the-AEOI-standard.pdf> (дата обращения 16.10.2019).
2. *Automatic Exchange of Information.* URL: <http://www.oecd.org/tax/transparency/automaticexchangeofinformation.htm> (дата обращения 16.10.2019).
3. *Eighth WTO Ministerial Conference.* URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min11_e/min11_e.htm (дата обращения 16.10.2019).
4. *Joint International Taskforce on Shared Intelligence and Collaboration.* URL: <http://www.oecd.org/tax/forum-on-tax-administration/jitsic/> (дата обращения 16.10.2019).
5. *South Africa Connect: Creating opportunity, ensuring inclusion South Africa. Broadband Policy.* URL: https://www.gov.za/sites/default/files/37119_gon953.pdf (дата обращения 16.10.2019).
6. *The Global Information Technology Report 2016.* URL: http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/WEF_GITR_Full_Report.pdf (дата обращения 16.10.2019).
7. *The Second WTO Ministerial Conference.* - https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min98_e/min98_e.htm (дата обращения 16.10.2019).
8. Александрова Е.Н., Орлов В.И. Развитие сетевой торговли в странах БРИКС // *European journal of economics and management sciences.* 2015. №3.
9. Александрова Е.Н., Орлов В.И. Роль и перспективы развития

стран бриск в глобальной экономике // Теория и практика общественного развития. 2015. №8.

10. Декларация Министров по цифровой экономике. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials> (дата обращения 16.10.2019).

11. Рогатных Е.Б. Внедрение системы «Единого окна» в международной торговле в странах БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. №7.

12. Россия онлайн? Догнать нельзя отстать. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/default.aspx> (дата обращения 16.10.2019).

13. Телегина О. С. Международноправовые аспекты экономической деятельности БРИКС // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №4.

14. Ткаченко И. Ю. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в развитии цифровой экономики // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. №1-1.

15. Цифровая Россия: новая реальность / Доклад Digital/McKinsey. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/07/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения 16.10.2019).

16. Цифровая экономика Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения 16.10.2019).

17. Электронная торговля: от ВТО к межрегиональным соглашениям. URL: <https://www.ictsd.org/bridges> (дата обращения 16.10.2019).

Статья поступила в редакцию 21.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

УДК 342

DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0098

СУВЕРЕНИТЕТ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

© 2020

ResearcherID: M-4823-2016

Scopus Author ID: 57093961500

ORCID: 0000-0002-8490-2006

Шестопал Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры
Теории и истории российского и зарубежного права

ResearcherID: Q-5694-2019

ScopusID: 56613375000

ORCID: 0000-0003-1325-7967

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры теории и истории и российского и зарубежного права
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, Гоголя 41, e-mail: mamychev@yandex.ru)

Аннотация. В данной статье авторами рассматривается понятие суверенитета, в применении к «цифровой» реальности. Понятие «суверенитет» все чаще используется в последние годы для описания различных форм независимости, контроля над цифровыми инфраструктурами и их автономия, технологии и их содержания. Хотя понятие «суверенитет» сегодня обретает новое значение в цифровых дискурсах и связанной с ними научной литературе, предварительный анализ показывает, что, хотя это понятие сегодня используется для утверждения некоторой формы коллективного контроля цифрового контента или инфраструктуры, интерпретация, предмет, значения и определения суверенитета могут существенно различаться. Сделана попытка частичного обзора литературы, касающейся понятия «Суверенитет» в отношении цифровых технологий и инфраструктур. Анализ в основном сосредоточен на зарубежной научной литературе, однако, в виду стремительного развития цифровизации, для того чтобы обеспечить более широкий взгляд на предмет необходимо изучить научно-популярные источники. Рассмотрены такие теоретические вопросы: использования термина «суверенитет», в отношении к цифровым данным, контенту или инфраструктуре. Соотношение с традиционным представлением о суверенитете национального государства и к таким категориям, как социальная справедливость, автономия или коллективное управление. Какими признаками дополняется понятие суверенитет в современных цифровых дискурсах и нашем понимании автономии или коллективного управления?

Ключевые слова: Суверенитет, цифровое пространство, автономия, самоуправление, права человека, цифровизация.

SOVEREIGNTY IN THE GLOBAL DIGITAL SPACE: CURRENT TRENDS

© 2020

Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in Law sciences, associate professor of the Department
of Theory and History of Russian and international law

Mamychev Aleksei Yurievich, doctor of political sciences, candidate of legal studies, professor
of the Department of Theory and History of Russian and international law
Vladivostok State University of Economic and Service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogolay st. 41, e-mail: mamychev@yandex.ru)

Abstract. In this paper, we are interested in the notion of sovereignty as it is applied to “the digital.” Indeed, the notion of “sovereignty” has increasingly been used in recent years to describe various forms of independence, control and autonomy over digital infrastructures, technologies and contents. Although the notion of “sovereignty” seems to gain significance in digital discourses and associated scholarly literature, our preliminary analysis shows that while this notion is generally used to assert some form of collective control of digital content and/or infrastructures, the interpretation, subject, means and definition of sovereignty can significantly differ.

Keywords: Sovereignty, digital space, technological sovereignty, autonomy, self-government, human rights, digitalization, globalization.

Теоретические основы: понятие суверенитета. Необходимо кратко рассмотреть понятие суверенитета, как оно было сформулировано в классической политико-правовой парадигме и как данный концепт в последнее время трактуется в различных дискурсах, которые естественно отличаются от его применения в цифровом мире. Далее представлены возможные средства и методы, с помощью которых «технологический суверенитет», на взгляд авторов, может быть концептуализирован в научном дискурсе.

Современный подход к концепту суверенитета сформирован в работах Макиавелли, Бодена и Гоббса как способ концептуализации верховной власти над политическим образованием. Эта концепция использовалась на западе в основном до XX-го века, чтобы отражать значение высшей власти на определенной территории. В данном контексте, стэнфордская энциклопедия определяет четыре «ингредиента» для суверена: 1) он обладает властью; 2) эта власть вытекает «из некоего взаимно признанного источника легитимности, которым может быть Бог, конституция или наследственный закон; 3) эта

власть является высшей; 4) эта власть над территорией. Территориальное измерение суверенитета в современных условиях продолжает формировать международные отношения [1]. В частности, понятие государственного суверенитета, или вестфальского суверенитета, относится к верховной власти руководящего органа (будь то монарх или конституционно избранное собрание) над территорией и внутренними делами государства без вмешательства со стороны внешней власти. Иногда верховная власть может быть ограничена международным или региональным договором, или планетарными вызовами, такими как изменение климата или глобальные пандемии, в этих ситуациях верховная власть может быть ограничена. Эта ситуация осложняется все более тесной взаимозависимостью государств и проблемами, которые затрагивают всех нас.

Однако, борьба за экономические ресурсы в XX веке вносит свои коррективы и, как отмечает Дункан Холлис [2], понятие «территория» в современном мире уже не должен быть ограничен определенной массой суши и моря, но определяется, ресурсами, расположенными на

территории, такими как человеческая инфраструктура, воздушное пространство или полезные ископаемые в недрах суши или в прилегающем море [2]. Филипот [1] также отмечает, что, хотя территориальность, почти полностью воспринимаемая как само собой разумеющееся в связи с суверенитетом, в прошлом для определения суверенитета использовались другие принципы, такие как родство, религия, племена и феодальные связи. По его мнению, суверенитет странствующего племени связан не столько с территорией, сколько с родственными узами. «Территориальная концепция суверенитета - то, что мы называем в этом документе «Государственный суверенитет», - это концепция, основанная на европейской современной (классической) политике» [1].

Сегодня концепция суверенитета приобретает расширенную трактовку, распространяется в направлениях, которые проистекают из более ранних дефиниций суверенитета и суверенных права, что оказывает влияние на различные способы концептуализации цифрового/технологического суверенитета. Появляются новые концепты категории суверенитет, например, категория «пищевой суверенитет» была институционализована в международной политико-правовом пространстве в 1996 году усилиями движения *La Via Campesina* [3, 4, 5], выступавшем за право каждого государства и каждой организации определять собственную сельскохозяйственную политику в соответствии с её национальными интересами, а затем закреплена на Межнациональный Форум Nélen, проводившийся в малийской деревне Селингвэ с 23 по 27 февраля 2007 г., как «право народов на здоровую и культурно приемлемую пищу, произведённую экологически безопасными и устойчивыми методами, и их право определять свои собственные продовольственные и сельскохозяйственные системы» (известная как Декларация Ниелени 2007 года)[6]. Подобные понятия, такие как «энергетический суверенитет», также используются в отношении продовольственного суверенитета для решения вопросов устойчивых и локально контролируемых средств производства [7]. Понятие цифровой суверенитет, как мы покажем позже, может сравниваться некоторыми субъектами с подобными концептуализациями суверенитета.

Распространенная на западе концепция «суверенитета тела» также используется некоторыми социальными движениями (например, феминистскими [8]) активисты и даже исследователи, стремятся «восстановить» право на свое собственное тело Мерфи пишет, что «оно было задумано как утверждение суверенитета над собой - самообладания, осуществляемого на практике» [8, 35]. Таким образом, суверенитет тела относится здесь к абсолютной власти индивидов определять и управлять своим собственным телом.

Более поздние работы критически относятся к использованию понятия суверенитета. В рамках выпуска «Культурная антропология», посвящённого этому понятию, так в своей работе «Unsettling sovereignty» Бонилья [9] отмечает, что в последнее время суверенитет стал важной аналитической структурой или объектом изучения в гуманитарных и социальных науках, и его можно охарактеризовать как «поворот суверенитета». в этих дисциплинах, которые следуют за старым «глобальным поворотом». Она утверждает, что, политическая категория суверенитета связана с насилием и неравенством. Бонилья пишет, что концепция суверенитета использовалась для притязания на земли так называемых несuverенных людей, то есть тех, кого колонизаторы посчитали нецивилизованными. Именно благодаря доктрине terra nullius местные общины в процессе колонизации Нового Света были лишены своих земель или заключены договоры с местными жителями [8, 9]. Концепция вестфальского суверенитета не признавала суверенитет коренных народов на их земле, а считалась «ничьей землей», которая может быть приобретена оккупацией. Суверенитет в этом контексте использовался для коло-

низации, изгнания и принижения коренных народов. Хотя концепция позже будет использована и востребована подчинёнными населениями для антиколониальных движений, важно помнить, что сама категория не является нейтральной и что подобная практика в отношении коренных народов, закодирована в современных рамках международных отношений, следовательно, и в самом понятии суверенитета. Неоднозначность между колонизацией и суверенитетом ставит вопрос о том, кому принадлежит право определять гегемонистскую концепцию суверенитета, по каким причинам и как она применялась. Для нашего анализа это также поднимает вопрос доктринального характера: кто определяет технологический суверенитет и для какой цели он уместен? Разные перспективы и интерпретации понятия суверенитета дают представление о том, что сегодня понимается под технологическим суверенитетом.

Подходы к интерпретациям технологического суверенитета. Предлагаем определить пять ключевых парадигмальных оснований, позволяющих раскрыть множественность подходов к категории технологического суверенитета: *государственный и национальный технологический суверенитет; общественные движения и технологический суверенитет; локальный (национальный) технологический суверенитет; персональный технологический суверенитет; технология как средство реализации суверенитета.* Эти составляющие факторы, хотя и не являются исчерпывающими, однако выдвигают на первый план некоторых из ключевых акторов (государство, общественные движения, коренные народы, личность и т. д.) и вопросы, необходимые для раскрытия концепции технологического суверенитета, и позволяют нам всесторонне раскрыть, множественность подходов к данному вопросу.

Государственный и национальный технологический суверенитет. Концепция технологического суверенитета, наиболее обсуждаемая сегодня в «пост-Сноуденском» мире, при анализе межгосударственных отношений. Источники данной группы можно разделить на две категории: 1) Нормативные документы, которые регламентируют государственный контроль инфраструктуры, данных и потоков информации; 2) Аналитические работы, описывающие трансформационные процессы государства и, соответственно, государственного суверенитета в отношении цифрового измерения.

Наиболее ранние попытки определения технологического суверенитета встречается в начале 1980х годов, опубликовано в Австралийском издании. Пол Грант, автор работы «Технологический суверенитет: забытый фактор хай-тека» [10] определяет технологический суверенитет как «способность и свободу выбирать, генерировать или приобретать и применять, строить и эксплуатировать коммерчески технологии, необходимые для промышленных инноваций» [10, С. 239]. Хотя автор не оспаривает суверенитет государственной власти он указывает, что понятие суверенитета может применяться также и к частной компании. Понятие технологического суверенитета по П. Гранту определяется в двух измерениях: «свобода разрабатывать или эксплуатировать приобретённые технологии», что означает отсутствие юридических ограничений и «способность реализовывать такую задачу».

В более широкой трактовке, данную категорию можно отнести к международным усилиям по созданию технологии, направленных на уменьшение американского контроля и надзор за высокотехнологическими системами, в том числе контроля над сетью интернет. После разоблачения систем массового наблюдения Э. Сноуденом и Wikileaks, многие страны пытаются защитить свой суверенитет и суверенитет своих граждан посредством как принятия соответствующих нормативно-правовых актов (например, так называемый закон «О суверенном интернете»), так и разработки «национальных» технологий, направленных на противодействие подобным

вызовам. Многие страны предпринимают усилия по обеспечению реализации суверенных прав: в Германии после скандальной информации о прослушке со стороны США телефонных разговоров и почтовой переписки Ангелы Меркель, существенные усилия предпринимают не только Россия, но и Бразилия, и Канада по созданию точек обмена Интернет-трафиком для перенаправления интернет-трафика в обход территории США, что в свою очередь может быть предметом для принятия американских санкционных законов.

Данная ситуация приводит к тому, что представители многих государств (в том числе и России) настаивают на распространении принципа государственного суверенитета на различные сферы вычислительной техники и телекоммуникаций, и последовательно настаивают на необходимости противодействия гегемонии иностранных государств (особенно США) в этом секторе.

Авторитетным французским исследователем цифрового суверенитета (*souveraineté numérique*) является Пьер Белланже, опубликовал множество очерков о цифровых технологиях [11, 12, 13, 14]. Белланже определяет цифровой суверенитет как «контроль нашего бытия и нашей судьбы во время самореализации и использования технологий и компьютерных сетей» [14]. Белланже предлагает такой же подход к рассмотрению концепта «цифрового суверенитета» как и П. Грант. Констатируя факт отсутствия контроля во Франции над развитием цифровых технологий, что он оценивает, как потерю суверенитета государства. Потеря суверенитета происходит не только в экономическом плане (например, потеря работы и промышленная «отсталость»), но также относится к обеспечению безопасности нации, учитывая обязанность государства гарантировать конфиденциальность общения граждан. Другими словами, суверенитет Франции в экономическом плане эквивалентен суверенитету национального государства в сфере цифровых технологий. Автор статьи С. Кутюр [15] настаивает на том, что использование бесплатного программного обеспечения с открытым исходным кодом государствами и правительствами является способом обеспечения контроля над его информационной инфраструктурой и позволит обеспечивать суверенные права государства в этой сфере, уменьшая зависимость от частных корпораций. Данный подход также используется политическими лидерами, настаивающими на необходимости преодоления технологической зависимости от иностранных государств.

Другим показательным примером является случай Бразилии, когда после откровений Сноудена бывший президент Дилма Руссо предложила план по выводу бразильского Интернета из-под влияния США и их технологических гигантов. Данное намерение было охарактеризовано некоторыми аналитиками как способ утверждения и закрепления цифрового суверенитета. В Канаде Обар и Клемент [16] призвали к повторному утверждению суверенитета канадской сегмента интернета, путём улучшения инфраструктуры с целью уменьшения маршрутизации данных через Соединённые Штаты. Они отмечают, что национальному суверенитету угрожает ситуация «когда в противном случае международно независимое государство имеет свои права и полномочия по внутреннему регулированию и контролю, нарушенному вторжением иностранного органа» [16, С.1]

В статье, опубликованной в 2015 году [17], Е. Морозов утверждает, что концепция технологического суверенитета может стать одной из наиболее важных и противоречивых проблем. Он отметил, что усилия таких стран, как Китай и Россия по утверждению суверенитета через Интернет, имеют серьёзные последствия с точки зрения контроля и цензуры. Он также обратил внимание на лицемерие со стороны США в том, что, хотя они осуждают действия этих государств, контроль Соединённых Штатов над интернетом и технологическими инструментами стал гегемонистским.

Группа индонезийских ученых предложили в своей работе «На встречу суверенитету данных в киберпространстве» [18] предложили новый термин «суверенитет данных», чтобы описать «обоснованные усилия национальных государств по подчинению потоков данных представляющих национальный интерес национальной юрисдикции, заставляя проходить их через территорию государства» [18, С. 465]. Рассматривая случай Индонезии, они пишут, что, хотя термин «суверенитет данных» явно не используется в официальных индонезийских текстах, на него ссылаются многие статьи законодательства, особенно касающиеся вопросов государственной безопасности. Авторы предлагают различные меры по обеспечению суверенитета данных – такие как «шифрование, национальные почтовые службы, локализация центров обработки данных, национальная маршрутизация интернет-трафика и национальная инфраструктура магистральной связи» [18, С. 465].

В работе «Интернет с характеристиками БРИКС: суверенитет данных и балканизация Интернета» [19] авторы Д. Полатин-Рувим и Дж. Райт исследуя суверенитет данных определяют его как «попытку национальных государств подчинить потоки данных национальным юрисдикциям» [19, С. 1]. Суверенитет данных – это «всеобъемлющий термин», ставший предметом международной дискуссии после откровений Сноудена [19, С. 2]. Различают два полюса суверенитета данных – слабый суверенитет и сильный суверенитет – между которыми существуют следующие подходы: «Слабый суверенитет данных» относится к «инициативам по защите данных частного сектора с акцентом на аспекты суверенитета данных в области цифровых прав и обеспечения информационной безопасности граждан» [19, С. 1], а сильный суверенитет данных «поддерживает подход, основанный на акценте на обеспечении национальной безопасности» [19, С. 2] Авторы подробно анализируют соответствующие подходы к «суверенитету данных», принятых в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), указывая, что Бразилия, Индия и Южная Африка придерживаются подхода слабого суверенитета, в то время как Китай и Россия выступают за укрепление суверенитета. По мнению авторов, сильный суверенитет данных несет в себе риски «балканизации» Интернета (фрагментация Интернета в различных автономных сетях), его весьма сложно обеспечить, а его реализация может иметь негативные экономические и политические последствия, привести к изоляции страны как в цифровом, так и в территориальном пространстве.

Общественные движения и технологический суверенитет. Понятие технологического суверенитета также используется для обозначения автономии социальных движений в отношении технологий и особенно их способности разрабатывать и использовать инструменты, разработанные ими и / или для них. Эта перспектива представляет собой разрыв от подходов «государственного суверенитета», описанных выше. Это подтверждает необходимость коллективного (а иногда и индивидуального) контроля над технологиями и цифровой инфраструктурой, в частности, путем использования бесплатного программного обеспечения с открытым исходным кодом. В сборнике конференций под редакцией Алекса Хаше «Технологический суверенитет» [21] авторы проводят анализ подходов и определений различных европейских исследователей пытаясь вывести свою дефиницию данного концепта. Так Ричард Столлман (Richard Stallman), основатель движения свободного программного обеспечения, использует понятие «вычислительный суверенитет» (*souveraineté informatique*) для обозначения обязанности государственных служб «сохранять полный контроль» над своими вычислительными задачами в интересах граждан, настаивая на том, что этот контроль никогда не следует оставлять частным предприятиям [21, С 21]. Представители различных общественных движений, образованных на стыке IT тех-

нологий, хакерства и даже феминизма понимают технологический суверенитет как способность людей устанавливать свои собственные правила, противодействуя растущим предписаниям и условиям обслуживания, разработанным крупными частными компаниями без особой прозрачности и демократической легитимации. Другие восходят к истории хакеров, считают технологический суверенитет, интерпретируется как «суверенитет автономных социальных движений, как технология, которая не контролируется государством или капиталом» [21, С. 47].

Вышеупомянутые авторы, за исключением Столлмана, рассматривают технологический суверенитет как форму технологической независимости от частных предприятий, но также и от государства, что резко контрастирует с предыдущими точками зрения, которые были в большей степени ориентированы на политику.

Ещё одна часть работ, поддерживающих интерпретацию технологического суверенитета общественных движений, - сборник под редакцией Тристана Нито «Цифровизация: восстановление контроля» [22] (Numérique: Reprendre le contrôle) – в этой публикации подчёркивается известный факт, что данные, которые мы размещаем с использованием корпоративных цифровых сервисов, таких как Facebook, Google и тому подобное, не принадлежат нам. Скорее, это принадлежит компании, которая предоставляет услугу. Таким образом, пользователь поставлен в рамки, когда он должен лишиться созданного им контента в пользу сторонних лиц. Размышляя о технологическом суверенитете, автор выдвигает на первый план возможность появления новых парадигм, которые, изменят отношение к цифровому миру и вернут нам контроль над ним. «Быть суверенным по отношению к своим личным данным - значит обрести независимость и свободу» [22, С.3].

Понимание текущего цифрового состояния и его материальности поможет пользователю действовать и определять персональную принадлежность своим технологиям, данным и контенту. Пользовательская конфиденциальность в контексте технологического суверенитета не должна означать полного отказа от технологии или услуг, предоставляемых техническими гигантами, скорее она означает, необходимость научиться защищать себя от незаконности.

Быть суверенным также означает не быть во власти технических проектов, которые могут в конечном итоге закрыться, прекратить свое существование. Например *блокчейн* - децентрализованная база данных, где его децентрализованная функция обеспечивает большую независимость, чем централизованные сервисы (такие как Facebook или Google). Более того, хотя никто не контролирует блокчейн, никто не может изменить его. Предполагается, что это и есть настоящий суверенитет [22, С.81]. Пользователи готовы к новому дискурсу, который требует переосмыслить текущую цифровую экологию. Благодаря могуществу технических корпораций, государства больше не могут поддерживать безопасность своих граждан в цифровом пространстве, поэтому на них следует возложить ответственность за создание собственного цифрового суверенитета.

Местный (национальный) технологический суверенитет. В настоящее время некоторые учёные - представители коренных народов используют концепцию суверенитета для обоснования необходимости своего контроля над своими ресурсами и информацией, касающейся регионов обитания. В последние годы вышел ряд статей и книг, использующих терминологию суверенитета на стыке проблем цифровых технологий и вопросов самоопределения коренного населения. Тейлор и Кукутай [23] предлагают вынести на повестку дня «Цифровой суверенитет данных коренных народов», где коренные народы имеют права в отношении сбора, владения и использования, данных касающихся их истории, культуры, традиций и прочего. В том же духе Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30)

Использование этой терминологии авторами в отношении проблем коренных народов основывается на более широкой борьбе коренных народов за восстановление суверенитета над своей землёй, телом, духом, а теперь и технологиями, и их производными. В целом, технологический суверенитет коренных народов относится к вопросам повторного получения данных и технологий, и их права собственности. Этот тип суверенитета включает в себя владение радиочастотами, цифровыми данными и цифровыми технологиями с конкретной целью - восстановления суверенитета, самоуправления, самоопределения и деколонизации.

Персональный технологический суверенитет. Эта категория относится к контролю человека над его данными, устройствами, программным обеспечением, аппаратными средствами и другими технологиями, включая репродуктивные технологии. Говоря о личном технологическом суверенитете, представляется, что одно из наиболее распространённых понятий относится к вопросу конфиденциальности. Вопрос конфиденциальности стал важной битвой для организаций таких как Фонд Электронных Рубежей (англ. Electronic Frontier Foundation, EFF) и различных полулегальных и нелегальных движений (таких как различные хакерские группы и объединения). Именно в этом контексте продвижение и рост числа защищённых инструментов для масс (Signal, Telegram, WhatsApp и т.д.) стало важным направлением деятельности хакерских сообществ. Использование шифрования может быть понято через призму личного технологического суверенитета в том смысле, что оно позволяет иметь точное понимание сохранения права собственности на содержание своих разговоров/данных передаваемым другими лицами, по средствам цифровых технологий.

Технология как средство суверенитета. В недавней научной работе была предпринята попытка переосмыслить или подтвердить само понятие суверенитета в контексте все более сложных отношений между сетями и местами. В своей книге «Stack: о программном обеспечении и суверенитете» Браттон [24] развивает концептуальный анализ взаимосвязи между программным обеспечением и суверенитетом. Для Браттона вычислительные инфраструктуры планетарного масштаба, которые он называет «Stack», вступают в противоречие со средствами установления суверенитета национальных государств Вестфальского мира. Он показывает, например, как война за изменяющуюся виртуальную границу почти началась, когда Карты Google решили немного сменить границу между Никарагуа и Коста-Рикой в 2010 году, также можно привести в пример претензии к корпорации Google со стороны Украины по поводу указания границы с Республикой Крым в 2015 году. Уход от горизонтальных подразделений пространства (выраженных национальными законами, валютами и т. д.) он видит, что новая управляющая логика Stack действует вертикально через набор слоев - которые он называет Земля, облако, город, интерфейс, адрес и пользователи) - которые, в свою очередь, действуют по-своему суверенным образом.

Возражая этому аргументу, Ху Тонг-Хуэй в «Предистории облака» [25] утверждает, что суверенитет национальных государств подтверждается в цифровой форме, когда они используют свою прерогативную силу для ограничения доступа в Интернет для населения. Война в Сирии приведена в качестве примера, чтобы подчеркнуть поворот к ретерриториализации интернета: национальные государства имеют право контролировать, работает интернет или нет. Более того, он используется для демонстрации того, в какой степени «краудсорсинг» в контексте войны может использоваться для укрепления суверенитета. Для этого он использует тематическое исследование американских радиочастотных хакеров, которые использовали открытые данные в Интернете, чтобы помочь НАТО найти уязвимые

места, для нанесения бомбовых ударов в ходе ливийской военной интервенции НАТО 2011 года.

В то время как эти две концепции различаются в своем анализе, их общая основа - технология как средство обеспечения суверенитета. Технология не является объектом суверенитета, а скорее средством будущего суверенитета.

Технологический суверенитет: общность понятий и различия в толковании. Концептуализация технологического суверенитета варьируется в зависимости от состава участников. Далее мы определили ряд общих черт характерные для различных концепций:

- Концепция технологического суверенитета используется отдельными лицами, гражданскими обществами и государством, чтобы выразить свою оппозицию различным видам гегемонии, будь то гегемония США или гегемония корпораций. Точнее говоря, технологический суверенитет строится как противостояние гегемонистской власти, а именно США и, в более современной работе, их крупнейшим частным технологическим компаниям; в частности, GAFAM (Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft).

- Понятие технологического суверенитета соотносится с понятием автономии двумя способами: 1) способностью к инновациям и/или участию в технологическом развитии (путём разработки свободного программного обеспечения и т. д.), 2) обеспечением безопасности и/или конфиденциальности отдельных лиц или коллективов (например, конфиденциальность по замыслу).

- Концепция технологического суверенитета используется для концептуализации форм «подспудных, низших» перспектив. Это подводит к вопросу о том, почему американские акторы, не ведут дискурс в русле технологического суверенитета. Хотя движение за свободные и открытые исходные коды, в дополнение к хакерской перспективе, воплощает такую позицию в их практике, они не используют язык технологического суверенитета, так как, например, французские движения за свободный и открытый исходный код.

Цифровой суверенитет как возможность для экономики Европы. В 2016 году восьмой выпуск «Европейских дебатов» вышел с публикацией Viviane Reding, бывшей в то время Вице-президентом Европейской комиссии, комиссаром ЕС по вопросам юстиции, посвященной актуальным проблемам цифровизации в ЕС. Она затронула следующие проблемы цифрового суверенитета в Европе [26].

Цифровой суверенитет предлагает не только индивидуальную безопасность для граждан, но и возможность для европейской экономики. Европа отстаёт во многих частях цифровизации от Соединённых Штатов и некоторых районов Азии.

Для достижение этих целей необходимо создание новых областей не только в сфере информационной безопасности, но и в других важных высокотехнологических областях экономики Европы. В политических дебатах о цифровом суверенитете преобладают экономические меры. Вопрос о мерах по обеспечению безопасности гражданина обычно решается в области научных исследований.

Очевидно необходимо, чтобы в цифровом суверенном государстве эта политика позволяла владельцам ИТ-устройств иметь единоличный контроль над ней. Технические возможности доступны в Европе, что влечёт за собой большой потенциал для её экономики. Кроме того, юридически обязательный и высокий стандарт безопасности данных может сделать Европу привлекательным бизнес-сайтом. Взаимодействуя с технологически поддерживаемой и ответственной обработкой объёма данных, Европа можем утвердиться на международном уровне в крупных интернет-корпорациях.

Цифровой суверенитет обладает безусловно высочайшим инновационным потенциалом, который должен распространяться прежде всего на экономические, а за-

тем уже и на политические цели. Важно не только развивать и контролировать ключевые технологии и распространять криминалистическую информацию об инцидентах в области информационной безопасности, распознавать и классифицировать технологические тренды для их дальнейшего развития.

Перспективы грядущего технологического суверенитета. Данный краткий обзор показывает, что, несмотря на то, что понятие «технологический суверенитет» используется по крайней мере с начала 1980-х, последние годы были отмечены повышенным интересом к этому понятию. Одной из причин такого интереса является желание утвердить некоторую форму индивидуального и коллективного расширения возможности контроля над цифровыми технологиями. Так, например, концепция технологического суверенитета используется различными субъектами с тем чтобы противостоять гегемонии США как ведущего государства в области надзора - известно, что в США размещены некоторые из крупнейших и наиболее влиятельных технологических компаний в мире. И хотя в прошлом эта концепция использовалась главным образом для решения вопросов государственного контроля над технологиями, в настоящее время она, по-видимому, присваивается отдельными лицами, субъектами гражданского общества, а также малочисленным группам населения, таким как коренные народы, которые используют это понятие как способ решения проблемы самоопределения. Одним из катализаторов все более широкого использования этой концепции, по-видимому, являются откровения Сноудена, которые высветили скандал массового наблюдения с участием влиятельных компаний Силиконовой долины.

Это более широкое использование понятия «суверенитет» в дискурсах также перекликается с Бонилли [9] который ранее отмечал недавнее появление «поворота суверенитета» в гуманитарных и социальных науках. Однако, как отмечает Бонилли, понятие суверенитета не является нейтральной категорией. Она пишет, что суверенитет глубоко укоренён в западной истории колониализма и империализма и что подтверждает воплощающийся в жизнь «проект Запада», глубоко закодированный в структурах международного права.

В случае цифровых технологий нынешний дискурс технологического суверенитета также должен быть связан с более древней метафорой «электронной границы», выдвинутой в девяностых годах [28, 29, с 172] для сравнения Интернета (тогда называемым «киберпространством») с пространством, похожим на «дикий запад», независимость которого необходимо было защитить от государственного контроля. Хотя сходство между «технологическим суверенитетом» и «независимостью киберпространства» очевидно на семантическом уровне (в отличие от идеи «киберпространственной независимости»), технологический суверенитет часто используется для утверждения государственного контроля в Интернете, а не для его отрицания. Это также позволяет провести анализ в более старом дискурсе, тесно связанным с колониальным измерением.

Так что же тогда приобретается и теряется при использовании «суверенитета», для управления Интернетом? Кто именно сегодня использует понятие «суверенитет»? Как дискурс вокруг технологического суверенитета повлияет на то, как учёные, активисты, политики и технические специалисты будут думать об управлении Интернетом? Эти и многие другие вопросы остаются существенными вызовами современного как цифрового, так и политико-правового пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Philpott, Daniel. 2016. "Sovereignty." In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty/>.
2. Hollis, Duncan B. 2012. "Stewardship versus Sovereignty? International Law and the Apportionment of Cyberspace." SSRN Scholarly Paper ID 2038523. Rochester, NY: Social Science Research Network.

<https://papers.ssrn.com/abstract=2038523>.

3. Mons Declaration (May 1993) // *La Via Campesina* [Official Site]. URL: <https://viacampesina.org/en/who-are-we/our-conferences/1-mons-1993/> (accessed: 08.07.2019)
4. Alonso-Fradejas A., Borrás S., Holmes T., Holt-Gómez E., Robbins M. *Food Sovereignty: Convergence and Contradictions, Conditions and Challenges* // *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36. No 2. P. 431–448.
5. Claeys P. *Via Campesina's Struggle for the Right to Food Sovereignty: From Above or from Below?* // *Rethinking Food Systems: Structural Challenges, New Strategies, and the Law*. San Francisco: Springer, 2014. P. 29–38.
6. Declaration of Nyéléni 2007. Forum for Food Sovereignty. <https://nyeleni.org/spip.php?article290>
7. Cotarelo P. et al. *Defining Energy Sovereignty* // *El Ecologista, Ecologistas en Acción Magazine* n 81, Summer 2014. – 2014.
8. Murphy M. *Seizing the means of reproduction: Entanglements of feminism, health, and technoscience*. – Duke University Press, 2012.
9. Bonilla Y. *Unsettling sovereignty* // *Cultural Anthropology*. – 2017. – T. 32. – №. 3. – С. 330-339.
10. Grant P. *Technological sovereignty: forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz* // *Prometheus*. – 1983. – T. 1. – №. 2. – С. 239-270.
11. Bellanger P. *La souveraineté numérique*. – Stock, 2014.
12. Bellanger P. *De la souveraineté numérique* // *le Débat*. – 2012. – №. 3. – С. 149-159.
13. Bellanger P. *Les données personnelles: une question de souveraineté* // *Le Débat*. – 2015. – №. 1. – С. 14-25.
14. Bellanger P. *Souveraineté numérique et ordre public* // *Archives de philosophie du droit*. – 2015. – №. 58. – С. 285-296.
15. Couture S., Tremblay-Pepin S. *Logiciels libres: réduction des coûts et souveraineté numérique*. – Institut de recherche et d'informations socio-économiques, 2013.
16. Obar J. A., Clement A. *Internet surveillance and boomerang routing: A call for Canadian network sovereignty* // *TEM 2013: Proceedings of the Technology & Emerging Media Track-Annual Conference of the Canadian Communication Association* (Victoria. – 2012.
17. Morozov E. *The rise of data and the death of politics* // *The Guardian*. – 2014. – T. 20. – №. 07. – С. 2014.
18. Nugraha Y. et al. *Towards data sovereignty in cyberspace* // *2015 3rd International Conference on Information and Communication Technology (ICICT)*. – IEEE, 2015. – С. 465-471.
19. Polatin-Reuben D., Wright J. *An Internet with BRICS Characteristics: Data Sovereignty and the Balkanisation of the Internet* // *4th USENIX Workshop on Free and Open Communications on the Internet (FOCI 14)*. – 2014.
20. Haché A. *La souveraineté technologique* // *Mouvements*. – 2014. – №. 3. – С. 38-48.
21. Haché, Alex. 2014. "La souveraineté technologique". *Souveraineté technologique*. Dossier Ritimo, p. 9-15. <https://www.plateforme-echange.org/IMG/pdf/dossier-st-fr-2014-07-05.pdf>
22. Cercey N., Nitot T. *Numérique: reprendre le contrôle*. – Lulu. com, 2016.
23. Kukutai T., Taylor J. (ed.). *Indigenous data sovereignty: Toward an agenda*. – Anu Press, 2016. – T. 38.
24. Bratton B. H. *The stack: on software and sovereignty*. (Software studies). Cambridge, (MA): MIT press – 2016.
25. Hu T. H. *A Prehistory of the Cloud*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
26. Philpott, Daniel. 2016. "Sovereignty." In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta. *Metaphysics Research Lab, Stanford University*. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty/>.
27. Reding V. *Digital Sovereignty: Europe at a Crossroads*, <https://institute.eib.org/wp-content/uploads/2016/01/Digital-Sovereignty-Europe-at-a-Crossroads.pdf>.
28. Barlow, John Perry. "A Declaration of the Independence of Cyberspace." *Electronic Frontier Foundation*. February 8, 1996. <https://www.eff.org/fr/cyberspaceindependence>.
29. Turner, F. *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. University of Chicago Press. 2010.

Публикация осуществлена в рамках мероприятия I Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов». Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20072

Статья поступила в редакцию 17.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020

ТРЕБОВАНИЯ (краткие) К ПУБЛИКАЦИЯМ В ЖУРНАЛЕ:

Азимут научных исследований: педагогика и психология (№ 97 в Перечне ВАКа) – ИФ- 1,042

Сайт: <http://anipr.ru/>

(научные специальности:

- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки),
- 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки),
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки)

Азимут научных исследований: экономика и управление (№ 98 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0,561

Сайт: <http://aniue.ru/>

(научные специальности:

- 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки),
- 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
- 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки),
- 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки),
- 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки),
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки),
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
- 23.00.03 – Политическая культура и идеологии (политические науки),
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки),
- 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)

Балтийский гуманитарный журнал (№ 162 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0,940

Сайт: <http://bg-mag.ru/>

(научные специальности:

- 10.02.01 – Русский язык (филологические науки),
- 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
- 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки),
- 10.02.04 – Германские языки (филологические науки),
- 10.02.05 – Романские языки (филологические науки),
- 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология (филологические науки),
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки),
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки),
- 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
- 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),
- 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),
- 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки),
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Карельский научный журнал (входит в РИНЦ) - ИФ- 1,095

Сайт: <http://kn-mag.ru/>

(отрасли науки: педагогические науки; экономические науки; социологические науки)

Структурные параметры:

Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:

1. Метаданные статьи на русском и английском языках (Научная специальность, УДК, DOI, название статьи, знак копирайта (авторского права), ФИО автора полностью, должность, организация, адрес организации, личная электронная почта, аннотация и ключевые слова) – не проверяются на антиплагиат.

2. Тело статьи:

А) ВВЕДЕНИЕ

– Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

– Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

– Обосновывается актуальность исследования.

Б) МЕТОДОЛОГИЯ

– Формирование целей статьи.

– Постановка задания.

– Используемые методы, методики и технологии.

В) РЕЗУЛЬТАТЫ

– Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

– Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Г) ВЫВОДЫ

– Выводы исследования.

– Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

3. Список литературы (не проверяется на антиплагиат).

Технические параметры:

Названия файла:

•Фамилия_направление_город (например: Иваненко_право_Киев, Романов_психология_Анадырь и т.д.)

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 10, междустрочечный интервал – 1, абзацный отступ – 0,5 см (это сделано для того, чтобы автор точно знал сколько страниц текста у него будут в журнале), все поля – 2 см, литература – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (желательно не менее 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (не менее 150-200 слов) на русском и английском.

Неразрывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов - 10 (обязательно), длина формулы не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, КИРИЛЛИЦА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ).

Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы. Сканированные рисунки исполнять с отдельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

А) <http://teacode.com/online/udc/>

Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки:

А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)

Б) <http://translate.google.com/>

Статью обязательно дать на вычитку соответствующим филологам

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора и высылаются по запросу редколлегии)

ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЕЦ!

Материалы подаются в редакцию:

до 1 марта (мартовский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 июня (июньский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 сентября (сентябрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 декабря (декабрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное (за исключением аспирантов и докторантов очной формы):

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет:

- АНИ: педагогика и психология - 4770 рублей за статью;

- АНИ: экономика и управление - 4774 рубля за статью;

- Балтийский гуманитарный журнал – 4777 рублей за статью;

- Карельский научный журнал - 2222 рубля за статью.

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала: дополнительно 900 рублей за 1 экземпляр журнала (им также высылается и электронный макет журнала).

Оплата производится после сообщения о приеме статьи к публикации, после чего автором высылается скриншот или фото оплаты на адрес журнала:

•Фамилия_оплата_город (например: Иваненко_оплата_Киев)

Статью высылать по адресу (обязательно указывайте научное направление):

ANI-ped-i-psych@ya.ru (АНИ: педагогика и психология)

ANI-ekonom-i-politika@ya.ru (АНИ: экономика и управление)

BalticGZ@yandex.ru (Балтийский гуманитарный журнал)

KarelianNZ@yandex.ru (Карельский научный журнал)

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ (для российских авторов)

Организация АССОЦИАЦИЯ «ПААС»

ИНН 6324101289

КПП 632401001

ОГРН/ОГРНИП 1196313040000

Расчётный счёт 40703.810.8.54400002573

БИК 043601607

Банк ПОВОЛЖСКИЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК

Корр. счёт 30101.810.2.00000000607

ОКПО 00032537

ОКВЭД 58.14, 58.29, 63.11, 63.12, 94.12, 62.01, 72.20, 72.19

В назначении платежа обязательно указывайте: Публикация научной статьи (или оплата за обучение – если в банке в перечне нет такой строки)

Более полную информацию, а также образцы оформления статей можно получить на сайте журнала:

<http://anipp.ru/>